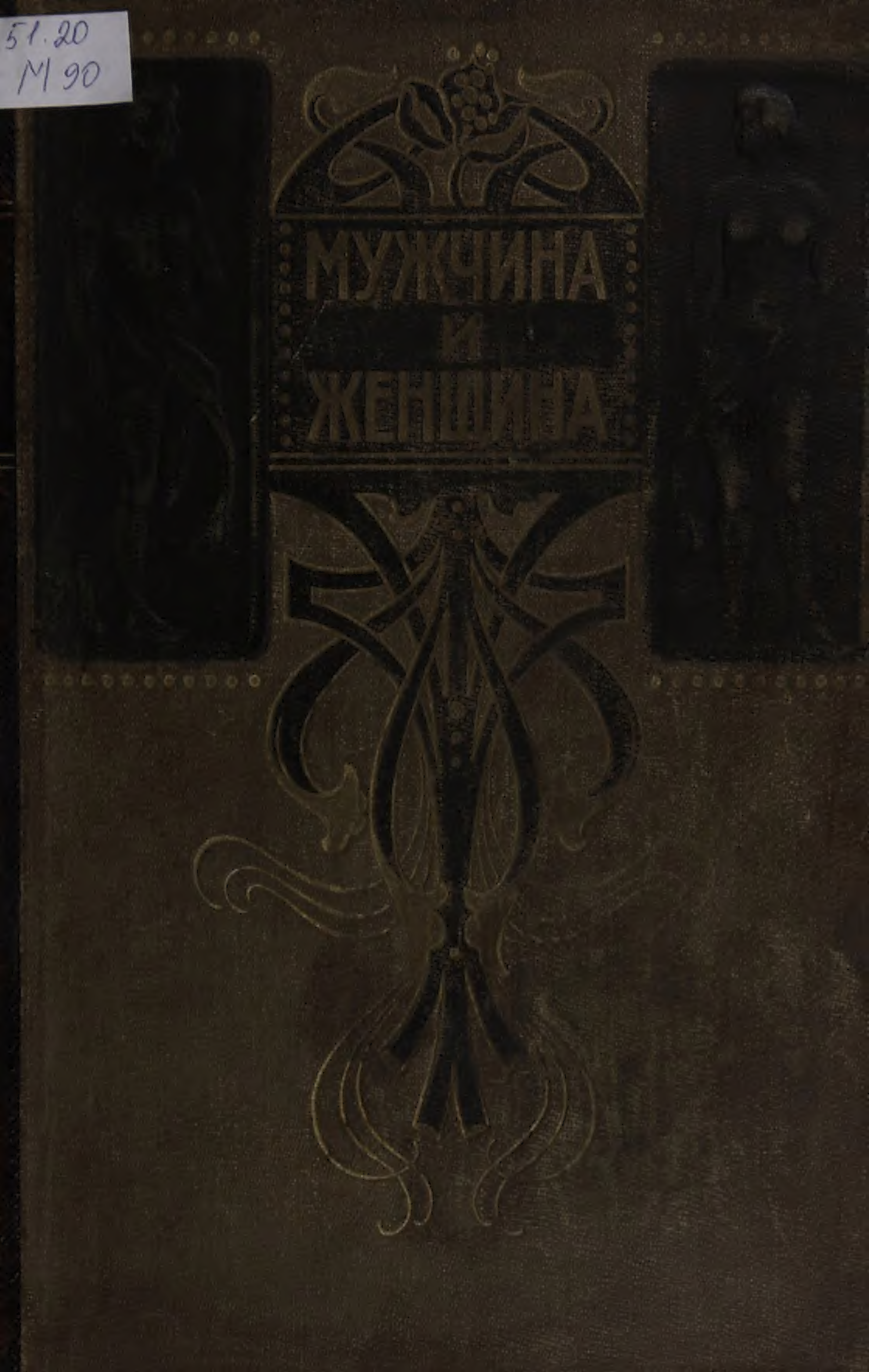

МУЖЧИНА
И
ЖЕНЩИНА

Мужчина и женщина.

Мужчина и женщина.

Ихъ взаимныя отношенія и положеніе, занимаемое ими въ современной культурной жизни.

Коллективный трудъ, въ которомъ приняли участіе:

Проф. Т. Ахелисъ, В. Бельше, И. Блохъ, Боринскій, Лили Браунъ, Ю. Вейсъ, В. Габерляндтъ, Т. Геллеръ, І. Колеръ, Р. Коссманъ, Альб. Молль, Фр. Цаннъ, Э. Цуккеркандль и др.

Авторизованный переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей и съ дополненіями:

Проф. **А. С. Догеля, Д. С. Клеменца,** женщ.-врача **А. Н. Шабановой** и **М. А. Энгельгардта.**

3 тома, около 2000 страницъ съ приблиз. 700 рис. въ текстѣ и 48 отдѣльн. приложеніями.

С.-Петербургъ.

Книгоиздательское Т-во „Просвѣщеніе“,

Забалканскій просп., с. д. № 75.

Мужчина и женщина.

Томъ I.

Переводъ **Р. М. Марковичъ.**

Подъ ред. и съ дополн. проф **А. С. Догеля**
и женщ.-врача **А. Н. Шабановой.**

Типо-лит. Акц. О-ва „Самообразованіе". Спб., Забалканскій просп., д. № 75.

Оглавленіе.

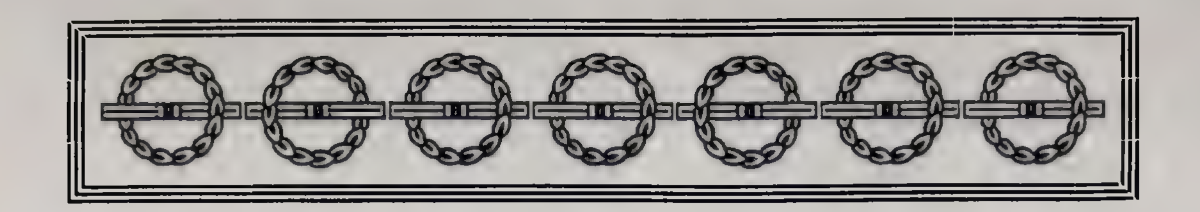
Списокъ иллюстрацій.

Рисунки въ текстѣ.

Отдѣльныя приложенія.

Мужчина и женщина.

Томъ I.

Введеніе.

Обособленіе половъ.

Сильнѣе, чѣмъ въ какую-либо иную историческую эпоху, разгорается въ наше время борьба между мужчиной и женщиной за мѣсто въ человѣческомъ обществѣ, на которое она изъявляетъ притязаніе и котораго онъ не расположенъ предоставить ей. Словомъ и перомъ ведется эта борьба, выдвигается множество лозунговъ, и каждый изъ нихъ объявляется безусловно и безспорно истиннымъ тою стороной, которая имъ пользуется, и такъ же безусловно считается ложнымъ противной стороной. Цѣль этого сочиненія — дать обѣимъ сторонамъ дѣйствительно незыблемую научную точку опоры и тѣмъ самымъ нѣсколько охладить тотъ фанатическій пылъ, который неизбѣжно проявляется всюду, гдѣ недостатокъ опытныхъ знаній по необходимости возмѣщается фантазіей, — словомъ, наша задача — облагородить во всѣхъ отношеніяхъ обсужденіе спорнаго вопроса.

Тому, кто старается безпристрастно анализировать окружающую жизнь, отыскивая тѣ причины, которыя вызвали нынѣшнюю рознь между полами, — прежде всего должно броситься въ глаза, что это различіе встрѣчается отнюдь не только у людей, а почти всюду, во всей живой природѣ. Не много найдется такихъ животныхъ или растеній, у которыхъ мы не могли бы отмѣтить болѣе или менѣе полнаго раздѣленія половъ; и законъ этотъ представляетъ такъ мало исключеній, что нѣкоторые склонны считать и послѣднія только кажущимися, полагая, что дальнѣйшее изслѣдованіе, въ концѣ концовъ, и у нихъ обнаружитъ подтвержденіе этого закона.

Вполнѣ понятно въ такомъ случаѣ, что пытливый человѣческій умъ давно поставилъ себѣ задачей — путемъ обстоятельнаго сравненія половыхъ различій у самыхъ разнообразныхъ живыхъ существъ и путемъ тщательнаго изученія происхожденія этихъ различій — уяснить себѣ, какое значеніе они имѣютъ въ жизни животнаго и растенія.

При этомъ вниманіе всякаго наблюдателя съ первыхъ же шаговъ останавливается на томъ, что главное различіе между полами — всюду, во всемъ животномъ и растительномъ мірѣ — сказывается въ тѣхъ частяхъ тѣла, которыя служатъ для размноженія. У нѣкоторыхъ живыхъ существъ этими частями тѣла, повидимому, — насколько мы можемъ довѣрять нашему воспріятію, — и ограничивается все различіе. Изъ этого можно заключить съ нѣкоторой увѣренностью, что самый процессъ размноженія и есть то жизненное явленіе, которое при-

вело къ обособленію половъ. Слѣдовательно, чтобы уяснить себѣ это явленіе, намъ надо прежде всего познакомиться съ тѣмъ, что составляетъ всюду, во всей живой природѣ, сущность процесса размноженія, при чемъ мы должны очистить его, по возможности, отъ множества второстепенныхъ наслоеній, отъ случайныхъ, сопутствующихъ явленій, усложняющихъ этотъ процессъ въ нѣкоторыхъ болѣе или менѣе значительныхъ группахъ живыхъ существъ.

Наиболѣе простыя изъ извѣстныхъ намъ живыхъ существъ представляютъ собой на видъ однородные, весьма мелкіе комочки вещества вязкой консистенціи, способные производить извѣстныя движенія безъ всякой видимой или ощутимой для насъ механической причины и, главное, способные принимать различнаго рода питательныя вещества и усваивать ихъ, т. е. расти на ихъ счетъ. Такого рода микроскопическія живыя существа обладаютъ способностью, сами собой или при воздѣйствіи механической силы извнѣ, дѣлиться на двѣ равныя или неравныя части, при чемъ въ основномъ строеніи ихъ ничего существенно не измѣняется. Это возможно и въ томъ случаѣ, когда въ микроскопическомъ живомъ существѣ неоднородныя составныя части расположены слоями вокругъ одного центра, вслѣдствіе чего оно представляется состоящимъ какъ бы изъ корки (оболочки), которая окружаетъ собою вязкую массу съ заключающимся въ ней ядромъ. Возможно это и тогда, когда строеніе еще нѣсколько сложнѣе, — когда, напр., въ ядрѣ можно различить сѣтчатое строеніе или извѣстное количество однородныхъ палочекъ (ср. рис. 14, стр. 10); при чемъ и въ данномъ случаѣ живое существо можетъ раздѣлиться на двѣ части, совершенно сходныя съ существомъ, отъ котораго онѣ произошли. Принимая, въ свою очередь, въ себя постепенно постороннія вещества, на счетъ которыхъ онѣ могутъ увеличивать собственное вещество, — эти части вырастаютъ такимъ образомъ до того размѣра, который имѣло цѣлое микроскопическое живое существо, и тогда становятся ему совершенно подобны.

Эта возможность дѣленія живого вещества безъ нарушенія его существенныхъ свойствъ, и въ особенности то, что это не обусловливается ни уничтоженіемъ его, ни вредомъ для него, имѣетъ огромное значеніе для дальнѣйшаго продолженія жизни.

Тѣ процессы движенія, которые мы называемъ жизнью и которые, на первый взглядъ, совершаются какъ будто безъ всякаго воздѣйствія извнѣ, — на самомъ дѣлѣ, неизбѣжно сопряжены съ процессомъ медленнаго горѣнія, — т. е. часть вещества живого тѣла должна для этого соединиться съ кислородомъ и, главное, находящійся въ живомъ веществѣ углеродъ долженъ превратиться въ углекислоту. Кислородъ принимается живымъ существомъ извнѣ, а углекислота, накопленіе которой въ тѣлѣ дѣйствуетъ вредно, выдѣляется имъ наружу. Итакъ, этотъ медленный процессъ горѣнія, который называютъ въ животной жизни „дыханіемъ“, разрушаетъ часть живого вещества, которая должна быть восполнена доставленіемъ веществъ извнѣ. Слѣдовательно, тотъ процессъ, который мы называемъ питаніемъ, представляетъ собой, какъ и только-что описанный процессъ дыханія, явленія, совершающіяся на поверхности живого существа.

Если пищи поступаетъ больше, чѣмъ тратится вещества при

названномъ горѣніи, то живое существо растетъ. Если оно имѣетъ форму шара, то — какъ мы знаемъ изъ простого вычисленія — вѣсъ тѣла будетъ увеличиваться несравненно значительнѣе, чѣмъ его поверхность.

Если, напр., вѣсъ шара въ два миллиграмма увеличится до восьми миллиграммовъ, т. е. вчетверо, то поверхность его увеличится при этомъ всего вдвое.

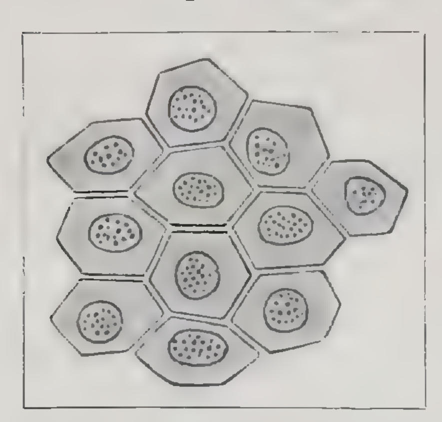
Понятно, что, если бы ростъ продолжался безостановочно, то это должно было бы привести къ самымъ серьезнымъ разстройствамъ и даже къ гибели живого существа, потому что поверхность, въ концѣ концовъ, оказалась бы недостаточной для необходимыхъ тѣлу жизненныхъ процессовъ дыханія и питанія. Въ виду этого, дѣленіе подобнаго живого существа, наступающее, едва оно достигнетъ извѣстнаго предѣльнаго вѣса, является, можно сказать, необходимымъ средствомъ сохраненія его жизни. Къ этому надо прибавить еще то, что множество опасностей, угрожающихъ живому существу и ведущихъ многихъ изъ нихъ къ гибели, не такъ легко приведутъ къ совершенному истребленію той или иной животной или растительной формы, если только она не будетъ расти безостановочно, а будетъ дѣлиться на все новыя и новыя самостоятельныя особи.

Несомнѣнно, этотъ процессъ дѣленія мельчайшихъ живыхъ существъ, по достиженіи ими извѣстной величины, мы должны уже назвать процессомъ размноженія, хотя онъ не обусловливаетъ собой раздѣленія половъ, и въ данномъ случаѣ даже нѣтъ возможности отличить, какая изъ частей представляетъ собою отца или мать и какая — дитя. Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ явленіемъ, обусловливающимъ, въ сущности, извѣстное тѣлесное безсмертіе, потому что, хотя нѣкоторыя отдѣлившіяся части и гибнутъ отъ той или иной случайности, все же часть первоначальнаго вещества сохраняется. Оно разрушается только путемъ процесса дыханія и возстановляется путемъ процесса питанія, т. е. посредствомъ такихъ явленій, которыя привели бы къ постепенному обновленію вещества даже и въ томъ случаѣ, если бы размноженія совсѣмъ не было.

Съ помощью такого простого процесса размноженія, живыя существа самаго простого строенія могутъ сохраняться, какъ мы видѣли, почти безконечно долго. Но оказывается, что у очень многихъ существъ этотъ процессъ дѣленія не ведетъ къ полному разъединенію обѣихъ частей, а онѣ остаются въ соприкосновеніи другъ съ другомъ при помощи, напримѣръ, какого-нибудь склеивающаго вещества. Если подобнаго рода процессъ повторяется много разъ, то является существо, похожее по своей внѣшней формѣ на ягоду малины. Каждая отдѣльная часть его будетъ стремиться сохранить или принять наипростѣйшую форму, форму шара, но вслѣдствіе своей мягкости сплющится въ мѣстахъ соприкосновенія съ сосѣдними, подобными же частями. Разрѣзъ, сдѣланный черезъ такое существо, имѣетъ видъ пчелинаго сота (рис. 1), почему отдѣльныя частицы, происшедшія отъ неполнаго дѣленія и составляющія тѣло этого существа, подобно ячейкамъ пчелиныхъ сотъ, названы клѣтками. Подобнаго рода организмъ, состоящій изъ клѣтокъ, можетъ увеличиваться безъ ущерба для своей жизнеспособности гораздо больше, чѣмъ одноклѣточное ми-

кроскопическое существо; причина этого очевидна: перегородки или чрезвычайно тонкіе промежутки, отдѣляющіе клѣтки другъ отъ друга и состоящіе изъ склеивающаго вещества, представляютъ очень удобные пути какъ для прохожденія поглощаемаго кислорода, такъ и для выдѣляемой углекислоты и, наконецъ, для прониканія питательной жидкости.

Разумѣется, и подобный организмъ, состоящій изъ совершенно однородныхъ клѣтокъ, могъ бы также дѣлиться на одинаковыя по величинѣ части, изъ которыхъ каждая сохраняла бы свою жизнеспособность. Нетрудно понять, однако, что клѣтки подобнаго многоклѣточнаго животнаго или растительнаго организма обыкновенно не остаются совершенно одинаковыми. Вѣдь онѣ подвергаются самымъ различнымъ внѣшнимъ вліяніямъ, въ зависимости отъ того, находятся ли внутри тѣла или на его наружной поверхности, обращены ли онѣ къ свѣту и къ центру тяжести земли, или нѣтъ. А разъ въ тѣлѣ существуетъ такая разнородность клѣтокъ, то и отдѣлившіяся отъ него части ни въ какомъ случаѣ не будутъ однородны со всѣмъ тѣломъ. Такимъ образомъ, становится понятнымъ, что чѣмъ дольше будетъ продолжаться такое развитіе клѣтокъ въ различныхъ направленіяхъ, чѣмъ больше группъ разнородныхъ клѣтокъ образуется въ тѣлѣ, тѣмъ меньше можно разсчитывать на то, чтобы цѣлыя группы клѣтокъ, отдѣлившись, сохранили, вообще, жизнеспособность. Чѣмъ разнообразнѣе строеніе организма, тѣмъ менѣе возможно для послѣдняго возстановленіе изъ отдѣлившихся отъ него частей. Только у такихъ существъ, у которыхъ группы разнородныхъ клѣтокъ многократно повторяются въ совершенно одинаковыхъ соединеніяхъ — прямолинейно ли одна за другой, или лучеобразно вокругъ одного общаго центра,—только у нихъ изъ одной подобной группы, содержащей всѣ виды клѣтокъ, послѣ отдѣленія ея отъ цѣлаго организма, можетъ вновь вырасти подобный же организмъ.

Рис. 1. Ткань изъ слизистой оболочки ротовой полости амфибіи.

Разнородное развитіе клѣтокъ, о которомъ мы говорили, можетъ основываться, разумѣется, только на томъ, что въ отдѣльныхъ частяхъ организма сохраняется въ большемъ или меньшемъ количествѣ та или иная составная часть изъ тѣхъ различныхъ составныхъ частей, которыя содержала первоначальная клѣтка. Если же составъ ни одной изъ нихъ не будетъ вполнѣ подобенъ той клѣткѣ, изъ которой онѣ возникли путемъ дѣленія, — назовемъ ее *зачатковой клѣткой*, — то нельзя и ожидать, чтобы какая-нибудь изъ нихъ, вполнѣ отдѣлившись отъ многоклѣточнаго организма, оказалась способной къ дальнѣйшему самостоятельному существованію. Слѣдовательно, если въ цѣломъ организмѣ нѣтъ такихъ группъ клѣтокъ, о которыхъ мы говорили, которыя содержали бы, по крайней мѣрѣ въ своей совокупности, всѣ составныя, части зачатковой клѣтки, то этотъ

организмъ долженъ рано или поздно погибнуть, лишенный способности размножаться.

Неудивительно поэтому, что организмы, строеніе которыхъ настолько сложно, что отъ нихъ не могутъ отдѣляться болѣе или менѣе крупныя жизнеспособныя группы клѣтокъ, вырабатываютъ, по крайней мѣрѣ, отдѣльныя воспроизводительныя, или половыя, клѣтки. Вѣроятно, это совершается такимъ образомъ, что при дальнѣйшемъ дѣленіи зачатковой клѣтки, не всѣ возникшіе изъ нея клѣточные элементы претерпѣваютъ описанное разнородное развитіе, а нѣкоторые изъ нихъ сохраняютъ всѣ свойства первоначальной зачатковой клѣтки. Они, въ свою очередь, продолжаютъ дѣлиться, такъ что въ какомъ-нибудь мѣстѣ животнаго тѣла образуется и остается цѣлая группа клѣтокъ (такъ наз. „органъ размноженія“, или „половая железа“), которыя по своимъ свойствамъ ничѣмъ не отличаются отъ первоначальной зачатковой клѣтки и потому также должны быть названы зачатковыми клѣтками. Понятно, что всѣ эти клѣтки, отдѣлившись отъ цѣлаго организма, обладаютъ совершенно тѣми же способностями, которыми обладала первоначальная зачатковая клѣтка. Слѣдовательно, каждая изъ нихъ, отдѣлившись, можетъ продолжать самостоятельное существованіе, можетъ дѣлиться и вырасти мало-по-малу въ организмъ, вполнѣ подобный тому, который развился изъ зачатковой клѣтки-матери. Таковъ — въ общепонятномъ видѣ — процессъ размноженія путемъ зачатковыхъ клѣтокъ, самый простой, въ которомъ уже можно различить родительскія и дѣтскія особи. Но еще и этотъ процессъ размноженія не обязательно связанъ съ раздѣленіемъ половъ.

Существуютъ, однако, такія многоклѣточные организмы, у которыхъ обособленіе клѣтокъ заходитъ такъ далеко, что ему подвергаются даже тѣ клѣтки, которыя служатъ размноженію. Онѣ претерпѣваютъ нѣкоторыя измѣненія, лишающія ихъ возможности прожить болѣе долгое время послѣ отдѣленія отъ родительскаго организма и создать, путемъ неполнаго дѣленія, существо, подобное означенному организму. Такого рода животныя или растительныя формы не могли бы сохраниться, если бы эти воспроизводительныя клѣтки опять не получили впослѣдствіи того вещества, котораго имъ не хватало. Осуществляется же это такимъ путемъ, что нѣкоторыя изъ воспроизводительныхъ клѣтокъ обладаютъ въ избыткѣ именно тѣмъ веществомъ, котораго недостаетъ другимъ, и лишены того, которымъ въ избыткѣ обладаютъ другія. Если двѣ такія неодинаковыя воспроизводительныя клѣтки сольются, тогда изъ нихъ образуется зачатковая клѣтка такого состава, который даетъ ей возможность продолжать самостоятельное существованіе и создать путемъ дальнѣйшаго неполнаго дѣленія многоклѣточный организмъ, подобный родительскому организму. Сліяніе это осуществляется такимъ путемъ, что различныя по своему характеру зачатковыя, или половыя, клѣтки получаютъ совершенно различную форму, при чемъ одна изъ нихъ становится способной разыскивать другую, проникать въ нее и распредѣляться въ ней.

Для болѣе легкаго усвоенія этихъ процессовъ, они изображены схематически на рисункахъ 2—5. Рис. 2 представляетъ такую зачатковую клѣтку, въ которой находится очень большое ядро *к*, а въ немъ видны четыре зерни-

стыя двойныя нити *ch*, обозначенныя на рис. красной краской и извѣстныя подъ названіемъ „хромозомъ“ (отъ греч. слова chroma — краска), такъ какъ вещество, изъ котораго онѣ состоятъ, такъ называемый „хроматинъ“, если окрашивать его слабымъ растворомъ красящаго вещества, жадно поглощаетъ послѣднее и удерживаетъ его даже тогда, когда остальную часть клѣтки удается при помощи особенныхъ способовъ совсѣмъ обезцвѣтить. Рис. 3 показываетъ появившіяся въ двухъ различныхъ мѣстахъ клѣтки тѣльца, вокругъ которыхъ лучеобразно располагаются мелкія зернышки клѣточнаго вещества. Эти тѣльца называются „центрозомами“. Какъ скоро они возникли, контуры

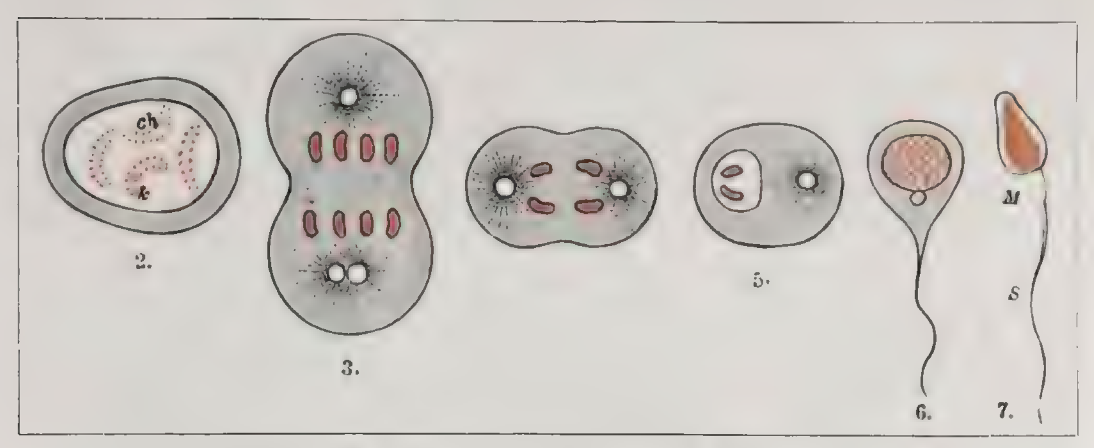

Рис. 2—7. Развитіе мужской половой клѣтки; схема.

ядра становятся менѣе отчетливыми или совсѣмъ незамѣтными, хромозомы дѣлятся, при чемъ возникшія отъ ихъ дѣленія части поворачиваются однѣ къ одной, другія — къ другой центрозомѣ.

Обыкновенно къ этому времени одна изъ центрозомъ уже раздѣлилась (рис. 3), а вмѣстѣ съ тѣмъ перетягиваніе клѣтки продолжается дальше, пока, наконецъ, она не раздѣлится на двѣ обособленныхъ клѣтки, изъ которыхъ каждая затѣмъ дѣлится точно такимъ же образомъ; каждая изъ возникшихъ

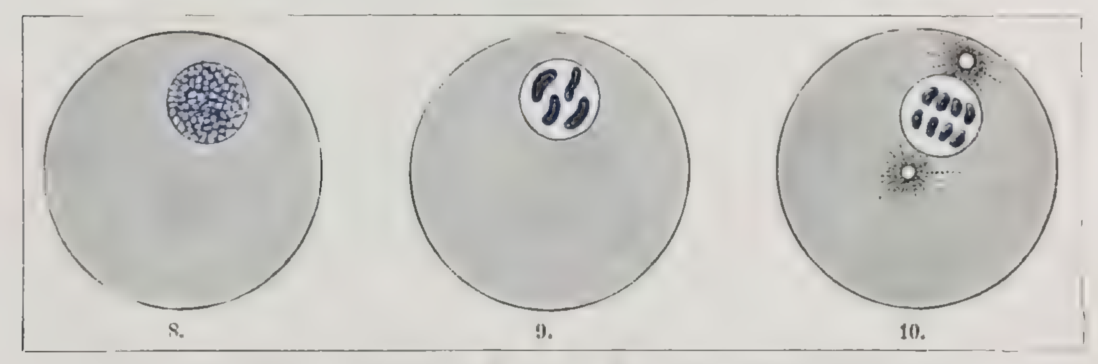

Рис. 8—10. Развитіе женской половой клѣтки; схема.

указаннымъ путемъ клѣтокъ содержитъ въ себѣ только двѣ хромозомы (рис. 4). Далѣе, рис. 5, 6 и 7 показываютъ, какъ видоизмѣняются постепенно эти части, такъ что ядро образуетъ заостренную спереди головку, къ которой примыкаетъ сзади нѣсколько утолщенный средній отдѣлъ *M*, связанный съ длинною нитью *S*. Такова та форма, которую принимаютъ, въ концѣ концовъ, такъ называемыя мужскія половыя клѣтки, или сѣменныя нити (сперматозоиды). Настоящій рисунокъ изображаетъ приблизительно видъ сперматозоида человѣка, что же касается формы этихъ клѣтокъ у другихъ животныхъ, то она незначительно уклоняется отъ описанной. Длинная нить, или хвостъ, мужской половой клѣтки, пока она жива, совершаетъ колебательныя движенія, вслѣдствіе чего она передвигается впередъ въ неплотной жидкости съ довольно значительной для ихъ величины быстротой.

Женская половая клѣтка, отличаясь отъ мужской относительно меньшимъ ядромъ и значительно большимъ количествомъ клѣточнаго вещества, въ

общемъ сохраняетъ, какъ показываютъ рис. 8—13, приблизительно шарообразную форму. Въ ней также совершается двойной процессъ дѣленія, какъ и при развитіи мужской половой клѣтки, съ той только разницей, что одна изъ отдѣлившихся дочернихъ клѣтокъ получаетъ хотя и половину хроматина, но зато чрезвычайно мало клѣточнаго вещества. Вотъ почему изъ четырехъ клѣтокъ остается, въ концѣ концовъ (рис. 13), одна, отличающаяся большимъ количествомъ клѣточнаго вещества и крайне малымъ количествомъ хроматина. Это и есть зрѣлое яйцо, которое, повидимому, нуждается съ этого момента, для своего дальнѣйшаго дѣленія, въ новомъ притокѣ хроматина. Затѣмъ дѣленіе временно пріостанавливается, и въ этотъ періодъ покоя обѣ хромозомы, какъ видно на рис. 14, превращаются въ тонкую сѣть, которая пронизываетъ все ядро. Въ такомъ состояніи находится яйцо въ тотъ моментъ, когда совершается оплодотвореніе, т. е. когда какое-нибудь изъ сѣменныхъ тѣлецъ, собравшихся вокругъ него, проникнетъ внутрь яйцевой клѣтки съ помощью колебательныхъ движеній своего хвоста. При этомъ оно обыкновенно теряетъ, въ концѣ концовъ, хвостъ, головка снова округляется въ шаровидное ядро, а средній отдѣлъ становится, повидимому, центрозомой, или же на его мѣстѣ образуется новая центрозома. Затѣмъ центрозома дѣлится,

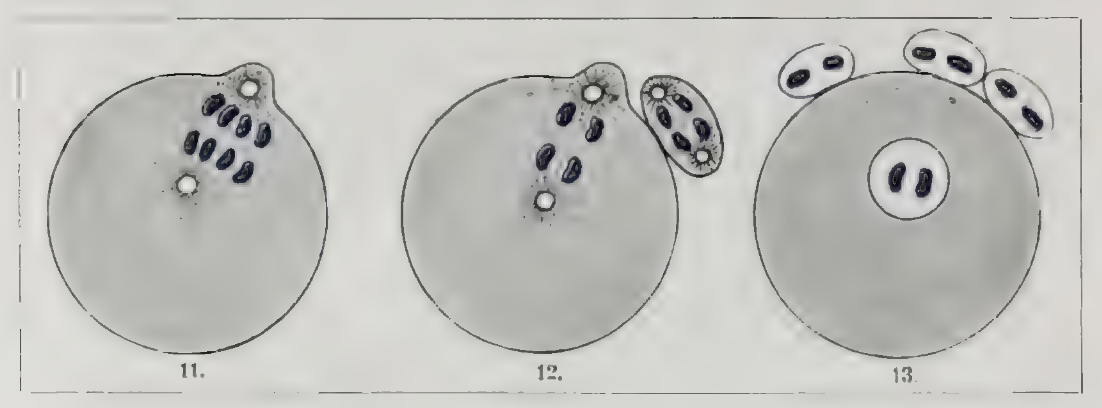

Рис 11—13. Развитіе женской половой клѣтки; схема.

какъ показано на рис. 17, на двѣ центрозомы, которыя отодвигаются мало-по малу другъ отъ друга, а старое яйцевое ядро и новое сѣменное приближаются другъ къ другу и, наконецъ, сливаются. Когда произошло указанное сліяніе, вновь возникшія изъ ядерной сѣти хромозомы расщепляются по длинѣ, и каждая центрозома притягиваетъ къ себѣ, какъ видно на рис. 17 и 19, по одной половинѣ хромозомы. Такимъ образомъ происходитъ первое дѣленіе оплодотворенной яйцевой клѣтки, которое совершается дальше точно такимъ же путемъ, какъ это показано на рис. 3. Обѣ раздѣлившіяся части питаются, растутъ, дѣлятся, мало-по-малу обнаруживается и разнородность дальнѣйшихъ продуктовъ дѣленія, — и вотъ шагъ за шагомъ развивается многоклѣточный, часто поразительно сложный организмъ.

Разумѣется, воспроизводительныя клѣтки того и другого рода могутъ развиваться и въ одномъ и томъ же индивидуумѣ. Такіе индивидуумы называются двуполыми. Слѣдовательно, у двуполыхъ каждая пара неоднородныхъ клѣтокъ одной и той же особи можетъ снова соединиться. Въ такомъ случаѣ каждая особь будетъ происходить исключительно отъ одной другой особи, — совершенно такъ же, какъ если бы половыя клѣтки не были разнородными. Если половые элементы того и другого рода попадутъ въ воду, то отъ чистой случайности будетъ зависѣть, соединятся ли клѣтки одного и того же индивидуума или различныхъ.

Однако, какъ въ животномъ, такъ и въ растительномъ царствѣ наблюдается очень часто, что у двуполыхъ вырабатываются особыя приспособленія, дѣлающія самооплодотвореніе совершенно невозможнымъ. Въ подобныхъ случаяхъ органы, въ

которыхъ развиваются половыя клѣтки и которые обозначаются названіемъ мужскихъ и женскихъ половыхъ органовъ, совершенно отдѣлены другъ отъ друга и открываются наружу такимъ путемъ, который исключаетъ всякое вѣроятіе или всякую возможность соприкосновенія между собою клѣтокъ именно одной и той же особи. У двуполыхъ растеній насѣкомыя часто переносятъ половые продукты такимъ образомъ, что, вводя свой хоботокъ въ чашечку цвѣтка, чтобы высосать медъ изъ него, уносятъ на себѣ нѣкоторое количество цвѣтня, т. е. мужскихъ половыхъ клѣтокъ. Форма цвѣточной чашечки, въ большинствѣ случаевъ, не допускаетъ возможности соприкосновенія этихъ сметенныхъ мужскихъ клѣтокъ съ женскими того же самаго цвѣтка. И только тогда, когда насѣкомое перелетаетъ на другой цвѣтокъ и вводитъ хоботокъ въ его чашечку, часть мужского оплодотворяющаго вещества — цвѣточной пыльцы — повисаетъ на поверхности такъ называемаго рыльца, ведущаго къ женскимъ половымъ клѣткамъ.

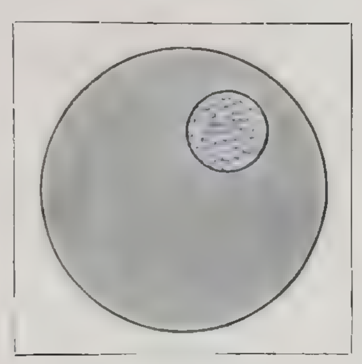

Рис. 14.
Зрѣлое яйцо; схема.

Для соприкосновенія неоднородныхъ половыхъ веществъ у животныхъ необходимо совокупленіе, т. е. сближеніе отверстій, ведущихъ къ разноименнымъ половымъ железамъ, или же введеніе части тѣла, на концѣ которой находится отверстіе, въ другое отверстіе. При такомъ устройствѣ самооплодотвореніе представляется безусловно невозможнымъ въ виду того, что по самому положенію данныхъ отверстій тѣла соприкосновеніе между ними невозможно. Это относится почти ко всѣмъ двуполымъ животнымъ. Такія животныя или оплодотворяютъ другъ друга взаимно, какъ, напр., это имѣетъ мѣсто у съѣдобной виноградной улитки, или же, какъ мы видимъ у родственныхъ виноградной улиткѣ слизней съ недоразвитой раковиной, укладываются рядами, въ видѣ цѣпи, такъ, что I особь оплодотворяетъ II, II въ то же время III и т. д. Другое приспособленіе, очень простое, препятствующее самооплодотворенію, состоитъ въ томъ, что неоднородныя воспроизводительныя клѣки развиваются и созрѣваютъ для функціонированія не одновременно, — какъ, напр., у устрицъ, у которыхъ созрѣваютъ сначала женскія, а потомъ мужскія половыя клѣтки.

Такого рода устройство представляетъ переходъ къ тому случаю, когда въ организмѣ, хотя и имѣются зачатки мужскихъ и женскихъ половыхъ железъ, но только зачатокъ той или иной изъ нихъ развивается настолько, что содержитъ, дѣйствительно, способныя функціонировать клѣтки. Такъ бываетъ почти у всѣхъ раздѣльнополыхъ животныхъ. Въ первоначальной стадіи развитія ихъ почти всюду можно разсматривать, какъ особи, готовящіяся сдѣлаться двуполыми, но съ теченіемъ времени ростъ той или другой половой железы прекращается или она совсѣмъ погибаетъ, между тѣмъ какъ другая достигаетъ полной зрѣлости. Въ тѣхъ случаяхъ, когда наши несовершенные инструменты не даютъ намъ возможности обнаружить слѣдовъ обѣихъ половыхъ железъ, мы все же можемъ видѣть, что второстепенные аппа-

раты, — какъ, напр., каналы для выведенія половыхъ клѣтокъ или аппараты для перенесенія ихъ на другихъ индивидуумовъ, — имѣютъ двуполое расположеніе. Такимъ образомъ, ничего нѣтъ удивительнаго въ томъ, что даже у животныхъ, нормально раздѣльнополыхъ, вслѣдствіе какой-нибудь ненормальности въ развитіи, случайно могутъ все же развиться, вполнѣ или отчасти, органы размноженія того или другого рода.

Даже у человѣка, какъ у мужчины, такъ и женщины, и притомъ во взросломъ состояніи, можно еще замѣтить, на ряду съ вполнѣ развитыми органами одного какого-нибудь пола, остатки

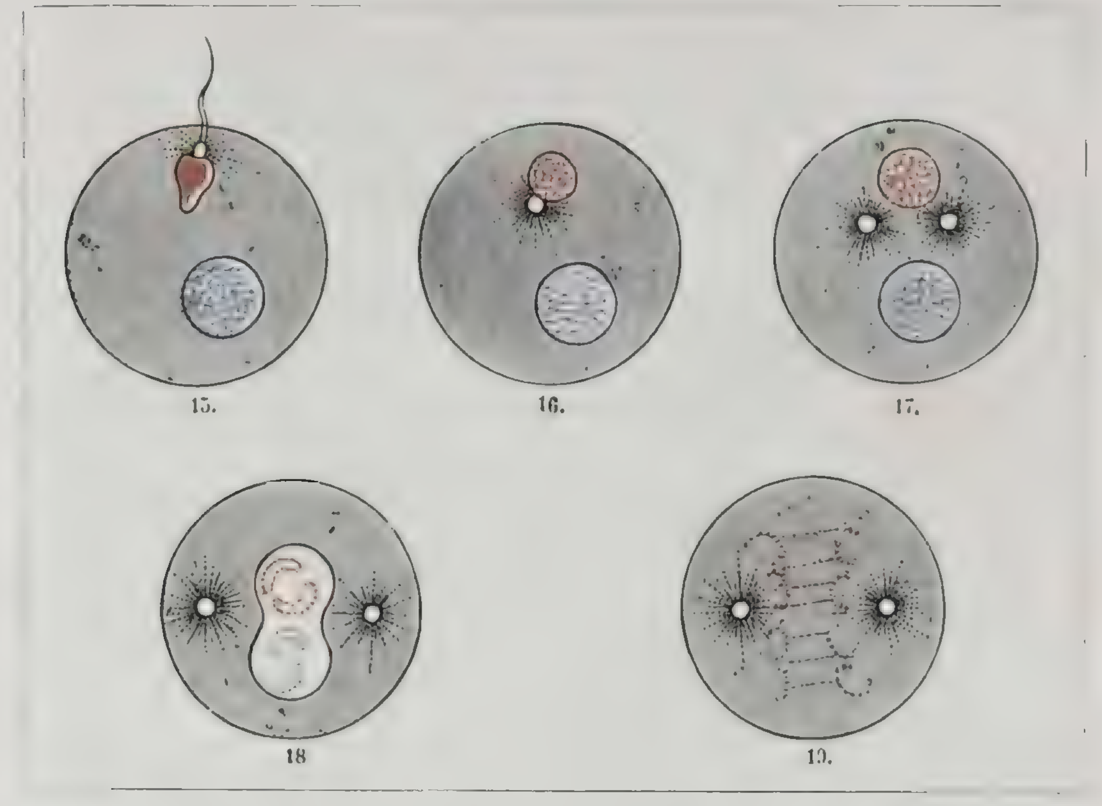

Рис. 15—19. Оплодотвореніе и дробленіе яйца; схема

органовъ другого пола, — и порой они ненормально достигаютъ такой степени развитія, что можетъ возникнуть сомнѣніе, къ какому полу принадлежитъ данный индивидуумъ. Неоднократно случалось даже, что это приводило къ ошибкамъ: извѣстны, напримѣръ, случаи, когда мужчины, вслѣдствіе такой ошибки, вступали въ бракъ, подъ видомъ женщинъ. Съ другой стороны, такая уродливость можетъ дать поводъ къ различнаго рода заболѣваніямъ.

Итакъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда для произведенія потомства необходимо соединеніе разнородныхъ половыхъ клѣтокъ различныхъ индивидуумовъ, потомокъ представляетъ собой не только извѣстное продолженіе единаго прямого ряда предковъ, а первоначально еще сохраняетъ въ себѣ два различныхъ индивидуума, изъ которыхъ каждый является, въ свою очередь, продолженіемъ двухъ различныхъ недѣлимыхъ. Такимъ образомъ, родословная можетъ быть представлена въ видѣ дерева, у подножія котораго поставленъ, вопреки обычному изображенію родословной, не са-

мый старшій предокъ, а самый младшій потомокъ, и на концахъ вѣтвей котораго расположены безчисленные предки, отъ которыхъ произошелъ этотъ индивидуумъ.

Вѣроятно, это раздѣленіе половъ, встрѣчающееся у всѣхъ высшихъ, т. е. со сложнымъ строеніемъ, организмовъ, представляетъ очень важное, быть можетъ, даже необходимое условіе ихъ дальнѣйшей жизни. Когда какая-нибудь животная форма сумѣла настолько приспособиться къ внѣшнимъ условіямъ, среди которыхъ она живетъ, что достаточное для сохраненія вида число индивидуумовъ въ состояніи удовлетворять свои жизненныя потребности и оказывать сопротивленіе угрожающимъ виду опасностямъ, то эти свойства несомнѣнно передались бы наслѣдственно потомкамъ, если бы не существовало раздѣленія половъ. Но съ теченіемъ времени внѣшнія условія, среди которыхъ живетъ та или иная животная форма, сильно измѣняются, такъ что унаслѣдованная организація оказывается для всѣхъ индивидуумовъ или для какой-нибудь части ихъ менѣе выгодной, борьба за существованіе становится труднѣе.

Съ другой стороны, характеръ организаціи зависитъ не исключительно отъ одной наслѣдственности — и, слѣдовательно, она не обязательно остается неизмѣнной у всѣхъ поколѣній какой-нибудь животной или растительной формы, размножающейся безъ взаимодѣйствія двухъ индивидуумовъ. Кромѣ того, характеръ организаціи обусловливается еще многими внѣшними вліяніями — физическими и химическими, — производящими постоянныя измѣненія вещества. Слѣдовательно, если строеніе данной животной или растительной формы не слишкомъ просто, то для того, чтобы его многообразная жизнедѣятельность могла совершаться безпрепятственно, ему, подобно какому-нибудь сложному механизму, необходимо обладать хорошей согласованностью отдѣльныхъ частей, извѣстной гармоничностью организаціи. А такъ какъ дѣйствіе случайныхъ физическихъ и химическихъ вліяній едва ли можетъ измѣнять одновременно всѣ части сложнаго организма, то въ общемъ эти вліянія должны вредить ему. Вслѣдствіе этихъ случайныхъ вліяній у одного индивидуума развивается лучше одинъ, у другого другой какой-либо органъ или, наоборотъ, задерживается въ своемъ развитіи. Результатомъ этого является то, что индивидуумы той или иной породы, въ дѣйствительности, отличны другъ отъ друга, что гармонической организаціей въ полномъ смыслѣ этого слова не обладаетъ ни одинъ изъ нихъ и что строеніе тѣла, вполнѣ приспособленное къ потребностямъ, представляетъ идеалъ, фактически не реализованный ни въ одномъ отдѣльномъ индивидуумѣ. Далѣе, въ виду того, что часть этихъ разстройствъ организаціи передается наслѣдственно, уклоненіе отъ идеальнаго типа можетъ усиливаться съ каждымъ поколѣніемъ; но если даже этого и не случится, все же, вслѣдствіе измѣненія внѣшнихъ условій жизни, такое уклоненіе, еще не очень сильно отразившееся на жизнеспособности одного поколѣнія индивидуума, можетъ сдѣлаться настолько вреднымъ въ другомъ поколѣніи, что индивидуумъ долженъ будетъ погибнуть.

Ясно, что опасность эта значительно уменьшается при постоянномъ взаимодѣйствіи различныхъ индивидуумовъ въ со-

зданіи новаго. Возможно, правда, что и въ этомъ случаѣ соединятся зародышевыя вещества двухъ индивидуумовъ съ совершенно однороднымъ уклоненіемъ отъ гармонической организаціи и что въ результатѣ потомокъ обнаружитъ по меньшей мѣрѣ то же — а очень вѣроятно, даже и болѣе сильное — уклоненіе отъ идеальнаго типа. Но разъ тутъ дѣйствуетъ единственно и исключительно **случай**, то это все же представляется мало вѣроятнымъ. Въ большинствѣ случаевъ соединяются индивидуумы съ **разнородными** разстройствами гармоніи, такъ что не можетъ быть рѣчи о накопленіи ихъ путемъ наслѣдственности; часто результатомъ этого можетъ явиться даже возстановленіе равновѣсія. Это прежде всего можетъ произойти въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло идетъ о ненормальной величинѣ. Если у одного изъ родителей какой-нибудь органъ развился до непропорціонально большого размѣра, а у другого какой-нибудь — другой, то у общаго ихъ потомка оба эти органа не могутъ развиться одинаково непомѣрно уже просто потому, что для этого не хватило бы матеріала. Самое большее, что можетъ произойти въ данномъ случаѣ, это то, что у потомка оба органа обнаружатъ, по сравненію съ родительскими, небольшое увеличеніе за счетъ другихъ частей тѣла.

Въ одномъ этомъ уже лежитъ возможность извѣстнаго автоматическаго регулированія. Къ этому нужно еще прибавить, что возможность безчисленнаго множества комбинацій неодинаковыхъ между собой свойствъ родителей можетъ породить такое богатое разнообразіе потомства, что дастъ, въ извѣстныхъ предѣлахъ, всѣ возможныя уклоненія отъ типичной первоначально формы. Вотъ почему среди этихъ индивидуумовъ всегда могутъ оказаться и такіе, организація которыхъ болѣе или менѣе подходитъ къ господствующимъ въ данный моментъ условіямъ жизни. Для такихъ особей есть много данныхъ одержать побѣду въ борьбѣ за существованіе, между тѣмъ какъ менѣе приспособленные къ даннымъ условіямъ жизни индивидуумы обречены на вымираніе, — сами или ихъ потомство. Такимъ образомъ, раздѣленіе половъ значительно содѣйствуетъ естественному подбору и оберегаетъ животныя и растительныя формы отъ быстраго вырожденія въ силу накопившихся нарушеній гармоніи въ организаціи, давая имъ въ то же время возможность приспособиться и къ измѣнившимся внѣшнимъ условіямъ жизни.

Но гораздо большее значеніе имѣетъ то обстоятельство, что различіе между полами, разъ оно существуетъ, можетъ не ограничиваться только половыми клѣтками, но **касаться и другихъ частей тѣла**. Мы называемъ такое явленіе рѣзкаго морфологическаго различія между индивидуумами неодинаковаго пола — **половымъ диморфизмомъ**. Первоначальное возникновеніе его тѣснѣйшимъ образомъ связано съ необходимостью **выращиванія дѣтенышей**. Есть много животныхъ формъ, обитающихъ въ водѣ, которыя выдѣляютъ свои мужскія и женскія половыя клѣтки или даже уже оплодотворенныя яйца прямо въ воду, гдѣ и совершается соединеніе первыхъ и дальнѣйшее развитіе вторыхъ безъ всякой заботы со стороны родителей. Разумѣется, подобные зародыши или яйца, будучи предоставлены самимъ себѣ на самыхъ первыхъ ступеняхъ развитія, подверга-

ются безчисленному множеству опасностей и гибнутъ массами, прежде чѣмъ станутъ способными къ размноженію. Въ виду этого, такая форма размноженія можетъ существовать только у организмовъ, отличающихся необычайною плодовитостью, т. е. тамъ, гдѣ каждый индивидуумъ производитъ огромное количество половыхъ клѣтокъ. Такъ какъ мужская половая клѣтка должна быть значительно меньше женской, чтобы имѣть возможность проникнуть въ нее, то отсюда слѣдуетъ, что извѣстное число яицъ должно занимать несравненно больше мѣста въ тѣлѣ самки животнаго, чѣмъ такое же число сѣменныхъ клѣтокъ. Принимая во вниманіе сказанное, нечего удивляться, что, если даже оба пола не всегда производятъ одинаковое количество половыхъ клѣтокъ, у животныхъ видовъ, отличающихся особенно большой плодовитостью, величина тѣла самки значительно, а иногда и чрезвычайно превосходитъ величину тѣла самца.

Зато въ тѣхъ случаяхъ, когда для защиты и для пропитанія дѣтенышей вырабатываются особыя приспособленія, достаточно несравненно меньшей плодовитости для сохраненія вида. Въ такомъ случаѣ, напримѣръ, сами родители подыскиваютъ особые укромные уголки или устраиваютъ нѣчто въ родѣ гнѣздъ для будущихъ дѣтенышей. Но если оплодотвореніе не совершилось предварительно, то это сопряжено съ большимъ ущербомъ для сохраненія вида, такъ какъ и при подобныхъ условіяхъ, когда сѣменныя клѣтки помѣщены въ безопасномъ мѣстѣ, все-таки очень немного шансовъ, что онѣ своевременно найдутъ и оплодотворятъ яйца. Поэтому является необходимость въ сближеніи самокъ съ самцами, чтобы оплодотвореніе яицъ осуществилось раньше, чѣмъ они будутъ спрятаны въ безопасное мѣсто. У многихъ животныхъ, напр., у многихъ рыбъ, этотъ процессъ совершается именно такимъ простымъ путемъ: самецъ держится возможно ближе къ самкѣ въ то время, когда она кладетъ въ воду яйца, и выдѣляетъ въ это время сѣмя, — этимъ обезпечивается оплодотвореніе большинства яицъ непосредственно послѣ выхода ихъ изъ материнскаго тѣла. У другихъ животныхъ оплодотвореніе еще вѣрнѣе достигается тѣмъ, что самецъ переноситъ свои половыя клѣтки, находящіяся въ такихъ случаяхъ въ благопріятной для нихъ жидкости, въ тѣ органы, черезъ которые должны предварительно пройти яйца, выбрасываемыя изъ тѣла самки. Обыкновенно это достигается тѣмъ, что оба индивидуума соприкасаются отверстіями своихъ половыхъ органовъ; но чаще всего въ подобныхъ случаяхъ имѣется еще особый мускульный аппаратъ, который своими сокращеніями даетъ возможность либо самцу активно впрыснуть жидкость, содержащую сѣменныя клѣтки, въ половые пути самки, либо самкѣ вобрать въ себя эту жидкость. У очень многихъ животныхъ существуетъ, однако, особый имѣющій по большей части форму трубки аппаратъ, съ помощью котораго самецъ можетъ еще глубже ввести въ половые органы самки жидкость, заключающую въ себѣ сѣменныя клѣтки. Но можетъ случиться, что форма тѣла или гладкая поверхность животнаго затрудняетъ продолжительное соприкосновеніе или внѣдреніе этихъ органовъ; въ такихъ случаяхъ самецъ часто бываетъ снабженъ еще особыми дополнительными аппаратами, съ помощью которыхъ онъ можетъ прикрѣпиться къ тѣлу самки. Всѣ спо-

собы перенесенія сѣменныхъ клѣтокъ въ тѣло животнаго-самки объединяются однимъ общимъ названіемъ „совокупленія“.

У животныхъ, которыя прикрѣплены къ одному мѣсту, совокупленіе одного индивидуума съ другимъ не можетъ осуществиться; если совокупленіе у нихъ вообще существуетъ, то данныя животныя двуполы и совокупляются сами съ собой. Такъ именно бываетъ у множества тѣхъ изумительныхъ ракообразныхъ, которыя прикрѣпляются своимъ головнымъ отдѣломъ къ утесамъ, пловучимъ бревнамъ, къ корабельнымъ частямъ и другимъ твердымъ предметамъ въ морѣ и окружаются болѣе или менѣе плотной складкой кожи (мантіей), на которой обыкновенно высачивается известковая раковина, именно, у такъ называемыхъ морскихъ уточекъ. Несомнѣнно, значительныя потери, съ которыми сопряжена такая случка, привели къ тому, что у многихъ изъ этихъ животныхъ существуютъ еще такъ называемые „дополнительные“ самцы, которые, будучи въ нѣсколько сотъ разъ меньше самокъ, живутъ въ видѣ паразитовъ подъ защитой ихъ „панцырей“ [1]. У небольшого числа видовъ мужскіе органы взрослой особи совсѣмъ не развиваются, такъ что вмѣсто двуполыхъ животныхъ мы видимъ самку съ необыкновенно маленькимъ, паразитирующимъ на ней самцемъ. Затѣмъ слѣдуютъ часто встрѣчающіяся въ животномъ царствѣ формы, у которыхъ самка хотя и не прикрѣплена непосредственно къ мѣсту своего жительства, но благодаря своему образу жизни является фактически неподвижной. Это также большей частію связано съ необходимостью ухода за дѣтенышами. Такъ, напр., нѣкоторые паразитическіе равноногіе раки (Isopoda) прикрѣпляются къ жаберной полости десятиногихъ раковъ и питаются жаберной кровью. Они производятъ такое множество яицъ, сохраняющихся и по выходѣ изъ яичниковъ въ

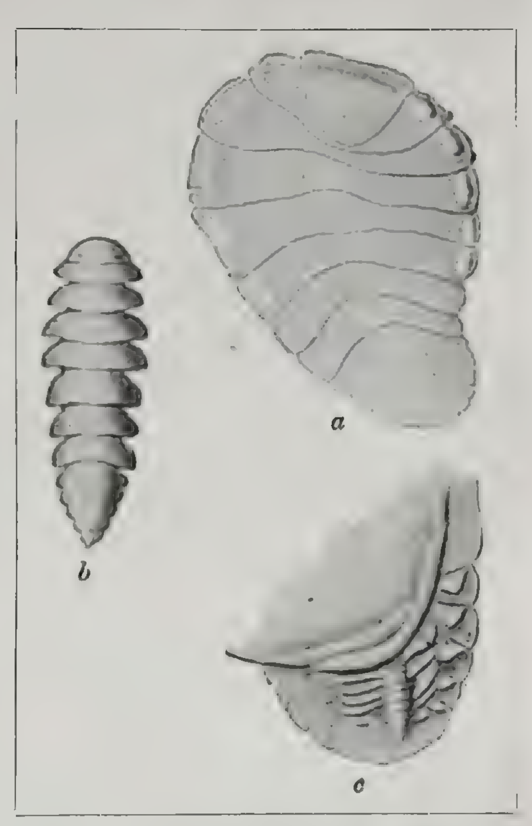

Рис. 20. Паразитическое ракообразное (изъ равноногихъ), встрѣчающееся въ жаберной полости съѣдобныхъ креветокъ (Нѣмецкое море).

a = самка; b = самецъ, сильнѣе увеличенный; c = самецъ, прикрѣпившійся къ брюшку самки.

[1] Присутствіе у усоногихъ раковъ, несмотря на гермафродитизмъ, еще дополнительныхъ самцовъ представляется довольно парадоксальнымъ и объясняется различно. По однимъ воззрѣніямъ, эти самцы ведутъ свое происхожденіе отъ гермафродитныхъ формъ, у которыхъ женскіе половые органы подверглись обратному развитію; по мнѣнію же другихъ ученыхъ, предки усоногихъ были прежде раздѣльнополыми, затѣмъ самки постепенно не только выработали въ борьбѣ за существованіе болѣе крупные размѣры тѣла, но пріобрѣли и мужскія половыя железы, сдѣлавшись гермафродитами, тогда какъ самцы постепенно теряли свое значеніе, уменьшались въ размѣрахъ и сохранились у нѣкоторыхъ видовъ въ видѣ рудиментарныхъ организмовъ. *Ред.*

особой сумкѣ, что паразитъ этотъ совершенно заполняетъ мѣсто, въ которомъ живетъ, и лишенъ, такимъ образомъ, возможности уйти изъ жаберной полости. У этихъ паразитовъ самецъ, необыкновенно маленькій и безусловно способный къ свободному передвиженію, живетъ на задней части тѣла самки (рис. 20).

Рис. 21. Большая лиственная пяденица.
Два самца и самка (слѣва внизу).

Необходимость вырабатывать въ организмѣ значительное количество яицъ уменьшаетъ подвижность самки даже въ тѣхъ случаяхъ, когда органы движенія и обслуживающіе ихъ мускулы одинаково хорошо развиты у обоихъ половъ. Но, вслѣдствіе большей своей неповоротливости, самка, если даже и обладаетъ подвижностью, очень часто отказывается, съ своей стороны, отъ всякой попытки искать встрѣчи съ самцомъ, и самцу одному предоставляется отыскивать самку для совокупленія. Вотъ почему у самцовъ плавающихъ животныхъ мы часто находимъ сильнѣе развитые плавательные органы, а у бѣгающихъ и ползающихъ — болѣе сильно развитыя ноги. У летающихъ животныхъ крыльями нерѣдко бываютъ снабжены одни самцы. Всѣмъ извѣстные примѣры этого представляютъ лиственная пяденица (Geometra defoliaria) (рис. 21), шелкопрядъ (Bombyx antiqua), а равно бабочки изъ рода Психей, или мѣшконосовъ, у которыхъ самка живетъ, подобно личинкѣ, въ склеенной изъ всевозможныхъ крупицъ защитительной оболочкѣ, изъ которой она высовываетъ только заднюю часть тѣла для совокупленія, между тѣмъ какъ самецъ, снабженный сильными крыльями, по своему внѣшнему виду и подвижности не отличается отъ всѣхъ вообще бабочекъ. Среди жуковъ подобный же примѣръ представляютъ извѣстные свѣт-

Рис. 22. Нашъ свѣтлякъ.
Самецъ слѣва, самка справа.

ляки (рис. 22). У самки ихъ нѣтъ крыльевъ, и она не въ состояніи подняться съ травы, а самецъ, какъ извѣстно, совершаетъ въ воздухѣ красивый брачный полетъ.

Доказательствомъ того, что природа отнюдь не погрѣшаетъ однообразіемъ въ выборѣ средствъ, можетъ служить тотъ фактъ, что среди муравьевъ наблюдается часто обратное явленіе: безкрылыми являются именно самцы, самки же, наоборотъ, снабжены крыльями. Указанныя животныя служатъ доказательствомъ того, что органы движенія, назначенные только для цѣлей совокупленія, т. е. для отыскиванія особи другого пола, появляются лишь въ томъ возрастѣ, въ которомъ ими уже могутъ пользоваться животныя. Муравьи пріобрѣтаютъ крылья непосредственно передъ брачнымъ полетомъ, и самка снова теряетъ ихъ тотчасъ по окончаніи его. Почти совершенно то же самое наблюдается и у бабочекъ. Какъ извѣстно, бабочки проводятъ большую часть своей жизни въ видѣ гусеницы и куколки, и дѣло питанія у многихъ изъ нихъ совершенно заканчивается уже въ этомъ періодѣ, такъ что, напр., нѣкоторыя пяденицы, ко времени своего вылупленія изъ кокона, уже не имѣютъ способнаго къ функціи кишечника. Съ этой поры имъ остается выполнить лишь одну жизненную задачу: поскорѣе найти самку и оплодотворить ее, — вслѣдъ за выполненіемъ этой задачи онѣ гибнутъ.

Такъ какъ большинство пяденицъ принадлежитъ къ ночнымъ бабочкамъ, то они могутъ разыскивать самку только съ помощью обонянія, вслѣдствіе чего у самцовъ ихъ сяжки — органъ обонянія — развиты гораздо сильнѣе, чѣмъ у самокъ. Точно также у самцовъ майскихъ жуковъ концы усиковъ гораздо шире и сильнѣе развиты, чѣмъ у самокъ, благодаря чему поверхность обонятельнаго органа становится гораздо больше. Обыкновенно въ подобныхъ случаяхъ самкамъ бываетъ присуща та или иная особенность, соотвѣтствующая данному свойству самца. Если, слѣдовательно, у самца особенно сильно развито обоняніе, то у самки существуетъ органъ, вырабатывающій вещество, издающее сильный запахъ; если самецъ пользуется зрѣніемъ для отыскиванія самки, то послѣдняя иногда, какъ это мы видимъ, напр., у вышеупомянутыхъ свѣтляковъ, обладаетъ болѣе сильно развитымъ свѣтящимся органомъ, чѣмъ самецъ.

Всѣ эти органы чувствъ и движеній, которые сами по себѣ могутъ служить, конечно, и различнаго рода другимъ жизненнымъ потребностямъ, проявляютъ усиленную дѣятельность въ періодъ размноженія только подъ вліяніемъ особаго влеченія, которое побуждаетъ одинъ полъ отыскивать другой и примѣнять свои органы совокупленія. Мы не въ состояніи ясно представить себѣ механически этотъ инстинктъ, потому что, какъ показываетъ наблюденіе, онъ существуетъ даже у простѣйшихъ организмовъ, состоящихъ изъ одной только клѣтки. Оказывается, что даже во время самаго акта оплодотворенія, подвижныя сѣменныя тѣльца, находясь отъ яйца на сравнительно далекомъ разстояніи, съ помощью своего извивающагося хвостика, приближаются прямо къ яйцу, становятся у самой поверхности послѣдняго и сверлящими движеніями проникаютъ въ него, если только этому не препятствуетъ оболочка яйца. Такимъ образомъ, надо предста-

вить себѣ, не уясняя даже подробностей механизма этого процесса, что, — какъ въ сложной машинѣ наступаютъ извѣстныя явленія движенія, отъ дѣйствія ли толчка какой-нибудь пружины или, быть можетъ, подъ вліяніемъ намагничиванія куска желѣза или другихъ подобныхъ моментовъ, — и машина начинаетъ работать въ направленіи вполнѣ опредѣленномъ, — такъ и въ живомъ организмѣ существуетъ въ извѣстные періоды скрытая энергія; подъ вліяніемъ внѣшнихъ раздраженій, вродѣ свѣта, запаха и т. п., она превращается въ живую энергію и обусловливаетъ не только движеніе извѣстныхъ органовъ, но и направленіе этого движенія. Такія побудительныя силы, которыя являются физически необходимымъ слѣдствіемъ структуры и химической дѣятельности частей въ организмѣ и потому врождены ему, мы называемъ **инстинктами**, при чемъ однимъ изъ такихъ инстинктовъ несомнѣнно будетъ половое чувство [1].

Правильность этого механическаго воззрѣнія нисколько не подрывается тѣмъ, что у высшихъ и болѣе сложныхъ организмовъ существуетъ множество задерживающихъ моментовъ, противодѣйствующихъ проявленію полового инстинкта, и что другія вліянія могутъ, въ свою очередь, частью ослаблять или устранять эти задерживающіе моменты. Еще менѣе опровергаетъ нашъ взглядъ на механическую природу полового инстинкта то обстоятельство, что мы сами **сознаемъ** часть этихъ сложныхъ задерживающихъ и благопріятствующихъ вліяній, такъ что, повидимому, нашей собственной волѣ предоставлено повиноваться или противиться половому инстинкту. Точная наука изслѣдованія природы не касается вопроса о сознаніи. Всякій такъ называемый „монизмъ“ можетъ только изслѣдовать и установить механическія и химическія основы нашей жизнедѣятельности. Но какъ монизму, такъ и изслѣдованію природы нѣтъ уже мѣста, разъ только мы дѣлаемъ попытку объяснить себѣ, почему одни изъ этихъ механическихъ процессовъ достигаютъ нашего сознанія, другіе же нѣтъ, а тѣмъ болѣе, разъ только мы стараемся опредѣлить самое понятіе сознанія и доискиваемся его.

Позаботившись достаточно о средствахъ нахожденія самки, природа должна была выполнить еще одну задачу. У многихъ животныхъ самка легко уклоняется отъ совокупленія, даже будучи уже настигнута самцемъ; она или ускользаетъ отъ послѣдняго, благодаря гладкой поверхности своего тѣла, или же по собственному желанію старается убѣжать отъ него. Сообразно

---

[1] Приводимое авторомъ объясненіе инстинктивныхъ дѣйствій не вполнѣ удовлетворительно. Авторъ смѣшиваетъ здѣсь два совершенно различныхъ понятія: хемотаксиса и инстинкта. Если сперматозоидъ устремляется къ яйцевой клѣткѣ, то, конечно, не въ силу врожденнаго ему инстинкта, а, по всей вѣроятности, въ силу особаго хемотаксическаго вліянія яйцевой клѣтки на сперматозоида. Точно такъ же врядъ ли можно говорить и о половомъ инстинктѣ у простѣйшихъ животныхъ, гдѣ мы тоже имѣемъ скорѣе дѣло съ игрой хемотаксическихъ вліяній. Инстинктивныя дѣйствія отличаются несравненно большей сложностью, и природа ихъ отчасти еще не выяснена. Этимъ терминомъ обозначаютъ свойственныя всѣмъ недѣлимымъ извѣстной ограниченной группы животныхъ врожденныя способности совершать болѣе или менѣе одинаковымъ образомъ рядъ извѣстныхъ дѣйствій, въ общемъ выгодныхъ для даннаго вида. Они не являются результатомъ накопленія индивидуальнаго опыта, а вытекаютъ изъ свойствъ, унаслѣдованныхъ отъ предковъ, и представляютъ собою какъ бы „видовую память“. *Ред.*

съ этимъ у самца часто развиваются особенно сильные органы для удержанія самки. Но всѣ эти приспособленія, облегчающія самцу нахожденіе самки, часто ведутъ къ тому, что у одной и той же самки одновременно сталкивается нѣсколько самцевъ. Въ виду наличности полового инстинкта, это приводитъ къ борьбѣ между самцами, при чемъ побѣдителемъ оказывается или болѣе сильный изъ нихъ, или же тотъ, чье оружіе опаснѣе. Такъ какъ означенныя свойства лучше вооруженныхъ или болѣе сильныхъ самцевъ, гораздо легче добивающихся совокупленія, въ то же время легче и чаще передаются и по наслѣдству, — то вполнѣ понятно, что именно это половое различіе особенно сильно раз-

Рис. 23. Краббъ (Gonoplax),
самецъ котораго (слѣва) имѣетъ болѣе крупныя клешни, чѣмъ самка (справа).

вилось у нѣкоторыхъ животныхъ и что у тѣхъ изъ нихъ, которыя вообще снабжены оружіемъ, самецъ, въ большинствѣ случаевъ, гораздо лучше вооруженъ, чѣмъ самка (рис. 23).

Оплодотворенныя яйца укрываются самыми различными способами отъ ихъ преслѣдователей. Очень многіе виды животныхъ пользуются, какъ убѣжищемъ для своихъ яицъ, щелями и трещинами въ камняхъ и растеніяхъ, складками въ кожѣ другихъ животныхъ и т. п. Другіе поступаютъ предусмотрительнѣе, какъ, напр., оса-орѣхотворка, которая кладетъ свои яйца, съ помощью трубкообразнаго, полаго жала въ ткань листа и въ то же время вводитъ въ ранку листа особый ядъ, отъ котораго вздувается пузыреобразная опухоль вокругъ яйца. Подобнымъ же образомъ нѣкоторыя паразитныя насѣкомыя кладутъ свои яйца подъ кожу животныхъ и даже людей, какъ, напр., песочная блоха. Нѣкоторыя строятъ гнѣзда, частью изъ железообразныхъ выдѣленій собственной полости рта и зѣва, какъ китайскіе стрижи, или салапганы (гнѣзда которыхъ съѣдобны и извѣстны, какъ лакомое вещество для супа), частью изъ вѣтокъ, стеблей, соломы, перьевъ и другихъ постороннихъ тѣлъ, которыя они переплетаютъ между

собою, всклочиваютъ, или же склеиваютъ съ помощью клейкаго выдѣленія собственнаго тѣла. Изъ сказаннаго само собой слѣдуетъ, что такіе виды животныхъ нуждаются въ особыхъ органахъ въ родѣ яйцеклада и т. п., чтобы устраивать свои яйца въ мало доступныхъ мѣстахъ, или же въ особыхъ выдѣлительныхъ органахъ, вырабатывающихъ клей, нужный для построенія гнѣзда.

Во многихъ изъ указанныхъ случаевъ убѣжище для будущихъ дѣтенышей выбирается съ такимъ разсчетомъ, чтобы оно могло доставлять имъ и достаточную пищу. Въ другихъ случаяхъ, хотя дѣтеныши и защищены, но не находятъ, какъ, напр., въ гнѣздѣ, необходимой пищи, и, слѣдовательно, если они не могутъ время отъ времени покидать своего убѣжища, — что тотчасъ же повлекло бы за собой гораздо больше опасностей, — родители вынуждены сами доставлять имъ пищу. Это создаетъ для родителей, вынужденныхъ добывать пищу и для себя самихъ. большія трудности. Нерѣдко, однако, органы пищеваренія у дѣтенышей вначалѣ совсѣмъ не въ состояніи самостоятельно переваривать ту пищу, которую доставляютъ имъ родители; въ подобныхъ случаяхъ у родителей развиваются особые органы, которыми они перерабатываютъ добытую для дѣтенышей пищу въ болѣе легко усвояемую, какъ это дѣлаютъ, напримѣръ, голуби въ своемъ зобу.

У птицъ мы находимъ два пути, которыми достигается достаточное питаніе дѣтенышей. Большая часть птицъ снабжаетъ самое яйцо очень большимъ количествомъ пищевого вещества, изготовленнаго матерью въ своемъ собственномъ тѣлѣ, такъ что дѣтенышъ, окруженный защитительной известковой скорлупой яйца, имѣетъ достаточно пищи въ теченіе большей части періода своего развитія. Къ тому времени, когда имъ пробивается скорлупа, онъ является уже настолько развитымъ, что можетъ и самъ отыскивать себѣ пищу и ужъ, во всякомъ случаѣ, въ состояніи размельчать и переваривать найденную. Самое большее, что остается еще сдѣлать родителямъ, это — руководить дѣтенышами при отыскиваніи ими пищи и, при случаѣ, защитить ихъ собственнымъ тѣломъ отъ холода и отъ нападенія врага. Зато у нѣкоторыхъ другихъ птицъ яйцо получаетъ гораздо меньше пищевого вещества, и оттого дѣтенышъ рождается на свѣтъ довольно безпомощнымъ, нуждаясь еще въ большомъ уходѣ со стороны родителей.

Ясно, что въ первомъ случаѣ, у такъ называемыхъ выводковыхъ птицъ, забота о дѣтенышахъ предъявляетъ къ матери гораздо больше требованій, чѣмъ къ отцу: мать не только должна принять всю ту пищу, которой должно быть снабжено яйцо, но и надлежащимъ образомъ переработать ее для яйца. Кромѣ того, въ указанномъ случаѣ она должна гораздо дольше вынашивать яйцо въ своемъ тѣлѣ, что составляетъ не малый трудъ для нея, такъ какъ яйцо съ большимъ содержаніемъ пищевого вещества, гораздо крупнѣе и тяжелѣе, чѣмъ у тѣхъ птицъ, дѣтеныши которыхъ вылупляются болѣе безпомощными; у нѣкоторыхъ оно достигаетъ одной пятой вѣса всего тѣла матери. Принимая на себя большую часть заботъ о будущихъ дѣтенышахъ, самка менѣе пригодна для другихъ сторонъ жизнедѣятельности, и задачей самца, освобожденнаго отъ этихъ обязанностей, является пре-

имущественно забота о защитѣ и пропитаніи самки. Вполнѣ понятно, что у выводковыхъ птицъ, — къ которымъ принадлежитъ хорошо знакомая намъ куриная порода, — разница между самцами и самками бываетъ обыкновенно гораздо большая, чѣмъ у птенцовыхъ птицъ, самка которыхъ сравнительно не такъ сильно стѣснена въ своей подвижности, благодаря тому, что яйцо, которое она носитъ, невелико, и потому, что самецъ можетъ принять широкое участіе въ дѣлѣ ухода и пропитанія вылупившихся птенцовъ.

Рис. 24. Кенгуру; на переднемъ планѣ кенгуру-мать, изъ сумки которой выглядываетъ голова дѣтеныша.

У очень многихъ животныхъ дѣтеныши вылупляются изъ яйца еще болѣе неразвитыми и безпомощными и, тѣмъ не менѣе, остаются на попеченіи лишь одной матери, такъ какъ она устраиваетъ ихъ не въ гнѣздѣ, а на своемъ собственномъ тѣлѣ, въ особо для этого приспособленномъ, болѣе или менѣе мѣшкообразномъ помѣщеніи. Среди млекопитающихъ это встрѣчается у такъ называемыхъ сумчатыхъ животныхъ, изъ которыхъ наиболѣе извѣстны кенгуру. Дѣтеныши даже самыхъ огромныхъ видовъ кенгуру бываютъ при рожденіи всего въ нѣсколько сантиметровъ длиной и являются совершенно безпомощными. Они попадаютъ тотчасъ въ большую мѣшкообразную кожную складку на брюхѣ самки (рис. 24), гдѣ находятъ соски молочныхъ железъ, къ которымъ и присасываются; съ этого момента дѣтеныши растутъ здѣсь, защищенные отъ холода и частію отъ механическихъ поврежденій и обильно питаясь моло-

комъ матери до тѣхъ поръ, пока не станутъ способными, сначала на время, а потомъ и совсѣмъ, покинуть сумку. Такимъ образомъ, мы и здѣсь имѣемъ дѣло съ совершенно особымъ приспособленіемъ, обусловленнымъ заботой о дѣтенышахъ и свойственнымъ исключительно одному изъ половъ.

Изъ всего изложеннаго видно, какое значеніе имѣетъ продолжительность пребыванія яйца въ материнскомъ тѣлѣ. Какъ особый родъ заботы о дѣтенышахъ, должно быть разсматриваемо и такое приспособленіе, благодаря которому яйцо не выводится наружу съ болѣе или менѣе обильнымъ запасомъ пищи или вскармливается потомъ родителями, а получаетъ въ самомъ тѣлѣ матери постепенно, по мѣрѣ надобности, необходимую для его развитія пищу. Это встрѣчается уже у нѣкоторыхъ рыбъ, у которыхъ яйцевая оболочка очень тонка и вся пронизана кровеносными сосудами, при чемъ и трубка, черезъ которую яйцо выходитъ изъ материнскаго тѣла, также отличается тонкой слизистой оболочки и обиліемъ кровеносныхъ сосудовъ. Если эти богатыя кровью поверхности яйца и яйцепровода придутъ въ тѣсное соприкосновеніе между собою, то въ такомъ случаѣ можетъ произойти обмѣнъ жидкостей и газовъ черезъ тонкую и влажную ткань — между тѣломъ матери и развивающимся изъ яйца дѣтенышемъ. Путемъ образованія складокъ или ворсинчатыхъ выпячиваній на обѣихъ поверхностяхъ, послѣднія могутъ настолько увеличиться, что передача пищи отъ матери дѣтенышу очень долго будетъ вполнѣ достаточной для поддержанія его развитія; наконецъ, онъ покинетъ одновременно и тѣло матери и яйцевыя оболочки и родится „живымъ“ въ такомъ состояніи, что уже не будетъ нуждаться въ дальнѣйшемъ уходѣ родителей.

У упомянутыхъ выше сумчатыхъ животныхъ этотъ способъ питанія дѣтенышей въ материнскомъ тѣлѣ замѣняется большею частію тѣмъ, что дѣтеныши питаются молокомъ внутри сумки. Молочныя железы, характеризующія всѣхъ млекопитающихъ, относятся также къ такимъ органамъ ухода за дѣтенышами, которые, хотя и существуютъ въ зачаткѣ у обоихъ половъ, но нормально только у особей женскаго пола достигаютъ такого развитія, что, дѣйствительно, вырабатываютъ молоко. У всѣхъ другихъ млекопитающихъ, не обладающихъ сумками, питаніе подростающаго дѣтеныша происходитъ также въ самомъ материнскомъ тѣлѣ. Тутъ части аппарата, выводящаго яйцо изъ тѣла наружу, развиты въ мощные органы, къ полости которыхъ яйцо прикрѣпляется частью своей поверхности, при чемъ вскорѣ какъ изъ оболочки яйца, такъ и изъ материнской слизистой оболочки образуется колоссальное количество складчатыхъ или имѣющихъ видъ ворсинокъ выростовъ, которые чрезвычайно тѣсно соединяются между собою.

Та часть половыхъ органовъ, въ которой изъ яйца развивается зародышъ, называется маткой, а та часть, въ которой такъ тѣсно соприкасаются поверхности материнскаго и дѣтскаго тѣла, что между ними становится возможенъ обмѣнъ питательныхъ жидкостей и газовъ, называется послѣдомъ (или дѣтскимъ мѣстомъ). Это приспособленіе даетъ возможность дѣтенышу млекопитающихъ родиться въ состояніи гораздо большаго развитія, чѣмъ дѣтеныши сумчатыхъ. Вотъ почему дѣтеныша этого нѣтъ надоб-

ности выдерживать въ кожной сумкѣ, какъ не нуждается онъ и въ непрерывномъ сосаніи, а получаетъ необходимую ему пищу лишь черезъ извѣстные промежутки времени.

Но если самки означенныхъ млекопитающихъ и лишены характерныхъ для сумчатыхъ кожныхъ мѣшковъ, зато развитіе матки и величина, которой достигаетъ дѣтенышъ внутри материнскаго тѣла, влекутъ за собой извѣстныя особенности въ расположеніи и строеніи органовъ нижняго отдѣла туловища. Въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣтенышъ долженъ пройти при рожденіи черезъ костное кольцо, называемое тазовымъ поясомъ, — какъ, напр., мы это видимъ у млекопитающихъ и у человѣка, — размѣры его обусловливаются у женскаго пола величиною зрѣлаго дѣтеныша, между тѣмъ какъ у мужского пола они могутъ быть значительно меньше. Этимъ объясняется всѣмъ извѣстная разница въ строеніи тѣла человѣка того и другого пола: гораздо большая ширина тазовой области у женщины. Всего лучше это можетъ уяснить сравненіе мужского и женскаго таза, рисунки которыхъ, снятые съ натуры, помѣщены въ главѣ „Строеніе женскаго тѣла“ (во II части этого тома).

Изъ приведеннаго краткаго обзора разнообразныхъ приспособленій, служащихъ для взращиванія дѣтенышей, ясно, что выполненіе етой задачи тормозитъ нѣкоторыя другія стороны жизнедѣятельности и что забота о дѣтенышахъ всегда до извѣстной степени затрудняетъ для родителя-индивидуума заботу о самомъ себѣ. Если родители устраиваютъ своихъ будущихъ дѣтенышей въ безопасномъ мѣстѣ внѣ своего тѣла, и у нихъ развиваются лишь органы для изготовленія особой пищи своему потомству, то все же имъ приходится постоянно возвращаться къ тому мѣсту, гдѣ они оставили дѣтенышей. Если родители носятъ дѣтенышей внутри своего тѣла или на себѣ, то они, по мѣрѣ роста дѣтеныша, становятся все болѣе и болѣе тяжелыми и неповоротливыми, а вмѣстѣ съ этимъ и менѣе способными къ добыванію пищи и къ борьбѣ съ врагами. И вотъ, многія животныя избѣгаютъ этого неудобства тѣмъ, что заботу о дѣтенышахъ беретъ на себя только одинъ изъ родителей. Въ такомъ случаѣ, одинъ индивидуумъ, въ большинствѣ случаевъ, самка, можетъ сильнѣе развить въ себѣ тѣ свойства или тѣ органы, отъ которыхъ — въ интересахъ ухода за дѣтенышами — вынужденъ отрѣшиться другой. Вотъ почему обыкновенно самецъ беретъ на себя, — не только въ собственныхъ интересахъ, но и въ интересахъ попеченія о самкѣ и потомствѣ, уходъ за которымъ лежитъ на ней, — всѣ тѣ обязанности, которыя требуютъ большей подвижности и заключаются, главнымъ образомъ, въ доставленіи обильной пищи. Въ тѣхъ случаяхъ, когда пищу составляетъ живая добыча, развиваются, на ряду съ органами движенія, и такіе органы, которые можно назвать „охотничьими орудіями“. Въ виду того, что мускулатура, служащая для движенія и первоначально примѣняемая и какъ орудіе на охотѣ, можетъ служить также и цѣннымъ средствомъ защиты отъ нападеній, то изъ охотничьихъ орудій развиваются орудія защиты. Если принять во вниманіе, что примѣненіе указанныхъ средствъ въ борьбѣ за существованіе приходилось исключительно почти на долю самца, то станетъ понятнымъ, что у него, путемъ

подбора, усовершенствовались и тѣ органы, которые доставляютъ наибольшую возможность пользованія органами движенія и оружіемъ, т. е. органы чувствъ, а у высшихъ млекопитающихъ тѣ нервные органы, которые являются вмѣстилищемъ инстинктовъ. Поэтому многія свойства ума и характера, какъ, напр., храбрость, хитрость и т. д., оказываются сильнѣе развитыми у самца, которому, главнымъ образомъ, приходится вести борьбу за существованіе.

Впрочемъ, въ животномъ царствѣ дѣло взращиванія дѣтенышей не всегда лежитъ на обязанности самки. Имѣется нѣсколько видовъ птицъ, — самый извѣстный изъ нихъ плавунчикъ (Phalaropus), — у которыхъ лишь одни самцы сидятъ на яйцахъ. Самецъ жабы-повитухи прикрѣпляетъ яйца къ своимъ заднимъ ногамъ и зарываетъ ихъ въ землю. У южно-американскихъ жабъ (Rhinoderma) самецъ носитъ дѣтенышей въ горловомъ мѣшкѣ. Точно также у нѣкоторыхъ рыбъ, принадлежащихъ къ сомовымъ, самецъ носитъ въ глоткѣ яйца до самаго вылупленія изъ нихъ дѣтенышей. Среди рыбъ — у морского конька самецъ снабженъ сумкой для вынашиванія яицъ.

Обыкновенно такія свойства, которыя отличаютъ одинъ полъ отъ другого, но не относятся непосредственно къ половой дѣятельности, въ противоположность тѣмъ, которыя прямо служатъ послѣдней, мы называемъ „вторичными половыми признаками“. По вопросу объ ихъ возникновеніи существуетъ нѣсколько различныхъ гипотезъ. Въ самомъ дѣлѣ, поразительно, что дѣтенышъ, представляющій собой одновременно наслѣдственный продуктъ отца и матери, наслѣдуетъ половые признаки только отъ одного изъ родителей — отъ отца или матери. На первый взглядъ можетъ показаться, что, по всеобщему закону наслѣдственности, въ данномъ случаѣ половой диморфизмъ совсѣмъ не долженъ бы имѣть мѣсто. По поводу этого необходимо напомнить, что, дѣйствительно, у очень многихъ животныхъ можно доказать наличность зачатковъ обоихъ половъ одновременно у одного и того же индивидуума, — такъ что половой диморфизмъ основанъ, повидимому, не на томъ, что одинъ дѣтенышъ наслѣдуетъ извѣстныя физическія свойства отца, другой — свойства матери, а лишь на томъ, что у одного индивидуума одни органы развиваются сильнѣе другихъ и съ теченіемъ времени все больше и больше вытѣсняютъ послѣдніе.

Въ силу чего это происходитъ, — объ этомъ существуютъ самыя разнообразныя предположенія. Во всякомъ случаѣ, примѣръ пчелъ, у которыхъ именно самецъ развивается изъ неоплодотворенныхъ яицъ, доказываетъ намъ ошибочность того предположенія, что мужскіе органы сильнѣе развиваются тогда, когда яйцо воспринимаетъ больше мужского полового вещества. Рѣшеніе вопроса о томъ, какого рода половые органы разовьются въ дѣтенышѣ за счетъ другихъ, вѣроятно, зависитъ отъ неуловимо-ничтожныхъ различій во внѣшнихъ условіяхъ. Но разъ, такъ или иначе, развитіе уже началось въ какомъ-нибудь одномъ направленіи, т. е. разъ половыя клѣтки одного пола начали развиваться на счетъ клѣтокъ другого, то это развитіе быстро продолжаетъ идти неуклонно по тому же пути, и тогда внѣшнія вліянія уже не могутъ повернуть его въ противоположную сторону, — точно такъ же, какъ, напр., камень, лежавшій на самомъ краю горнаго выступа, однажды приведенный въ движеніе какой-нибудь незначительной случайной причиной,

неуклонно катится въ одномъ какомъ-нибудь направленіи все быстрѣе и неудержимѣе. Конечно, этимъ можетъ быть объяснено возникновеніе диморфизма только для самихъ половыхъ клѣтокъ. Что же касается того обстоятельства, что и остальныя части полового аппарата, поскольку зачатки этихъ органовъ наслѣдственно переданы обоимъ поламъ, также развиваются однѣ на счетъ другихъ, то это зависитъ, вѣроятно, отъ жизнедѣятельности самихъ половыхъ клѣтокъ. Пока эти клѣтки питаются, разрушаютъ часть своего живого вещества, замѣщаютъ разрушенныя части новыми на счетъ получаемой ими пищи и вырабатываютъ при этомъ всевозможные продукты разложенія и отбросы, представляется достаточно случаевъ для того, чтобы нѣкоторые изъ возникающихъ при этомъ веществъ, дѣйствуя, какъ раздражители, непосредственно или чрезъ посредство нервной системы, повліяли благопріятно на ростъ однихъ и задерживающимъ образомъ на ростъ другихъ органовъ. Какъ это происходитъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, этого, разумѣется, невозможно прослѣдить, вслѣдствіе безконечно малой величины дѣятельнаго вещества, но фактъ этотъ почти не подлежитъ сомнѣнію, такъ какъ удаленіе оперативнымъ путемъ половыхъ железъ изъ развивающагося тѣла неизмѣнно влечетъ за собой измѣненія въ самыхъ отдаленныхъ частяхъ тѣла, частью способствуя ихъ росту, частью задерживая его.

Напомнимъ, для примѣра, только о томъ, что удаленіе въ раннемъ возрастѣ половыхъ железъ (яичекъ) у мальчика ведетъ за собою задержку въ развитіи гортани, вслѣдствіе чего и по окончаніи роста у него останется дискантовый голосъ. Такъ какъ здѣсь дѣло идетъ уже о такъ называемомъ вторичномъ половомъ признакѣ, то приведенный примѣръ достаточно объясняетъ намъ, какимъ образомъ проявляется диморфизмъ и въ этой области. Первоначально гортань одинаково закладывается у обоихъ половъ, но мужскія половыя железы вырабатываютъ, очевидно, какое-то вещество, благопріятствующее ихъ росту. Удаленіе у дѣвочки въ раннемъ дѣтствѣ половыхъ железъ (яичниковъ) вызываетъ ростъ бороды. Предрасположеніе къ этому свойственно, несомнѣнно, обоимъ поламъ, потому что и среди женщинъ съ функціонирующими яичниками нерѣдко встрѣчаются бородатыя женщины. Очевидно, яичники вырабатываютъ вещества, до извѣстной степени, задерживающія ростъ бороды.

Послѣ всего сказаннаго нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что у многихъ животныхъ появляются вторичные половые признаки, не имѣющіе никакого, даже косвеннаго, отношенія къ уходу за дѣтенышами или къ половой дѣятельности вообще. Очень обыкновенное явленіе, въ особенности у животныхъ, отличающихся, въ общемъ, яркой окраской, — у бабочекъ, у птицъ, — что между окраской самца и самки нерѣдко существуетъ довольно значительное различіе. Не будетъ особенной ошибкой, если мы сочтемъ возникновеніе этого различія въ окраскѣ чистой случайностью.

Послѣ всего только что изложеннаго, намъ станетъ понятнымъ, что разнородныя вещества, вырабатываемыя половыми железами, могутъ оказывать вліяніе и на окраску. Вѣдь даже у женщинъ бѣлой расы мы часто видимъ подобное явленіе, а

именно: во время беременности появляется коричневатая окраска кожи по средней линіи живота, начиная отъ пупка, а равно окраска кольца, окружающаго грудной сосокъ, при чемъ послѣ разрѣшенія отъ бремени это окрашиваніе кожи исчезаетъ.

У птицъ и у бабочекъ насъ поражаетъ то, что именно самцы большею частью отличаются отъ самокъ гораздо болѣе яркой и, по нашимъ понятіямъ, красивой окраской. Но это отнюдь не общее правило; существуетъ, наоборотъ, много видовъ, у которыхъ окраска самца и самки сильно отличаются другъ отъ друга, и все же нельзя сказать, чтобы окраска одного пола была ярче или красивѣе, чѣмъ окраска другого. То обстоятельство, что существуетъ гораздо больше видовъ птицъ съ простой и невзрачной окраской, быть можетъ, объясняется вымираніемъ тѣхъ видовъ, которые отличались противоположной особенностью, и вслѣдствіе этого оказались менѣе защищенными отъ своихъ враговъ. Несомнѣнно, для вида выгоднѣе, если самка, сидящая въ гнѣздѣ, не привлекаетъ къ себѣ вниманія враговъ яркой окраской; если она будетъ замѣчена въ гнѣздѣ, то погибнетъ не только сама, но и всѣ взращиваемые ею въ то время дѣтеныши.

То же самое наблюдается и по отношенію къ другимъ вторичнымъ половымъ признакамъ. У птицъ мы встрѣчаемъ часто еще одно половое различіе, заключающееся въ томъ, что нѣкоторыя перья подвержены особенно сильному росту и достигаютъ нерѣдко значительной длины (рис. 25). Этимъ нарядомъ отличается опять-таки самецъ. Принимая во вниманіе то, что намъ уже извѣстно о ростѣ бороды у женщины, насъ не должна поражать означенная задержка въ ростѣ перьевъ у самокъ птицъ. Понятно, что и въ данномъ случаѣ тѣ виды животныхъ, у которыхъ опереніе самокъ первоначально также бросалось въ глаза, вымерли вслѣдствіе опасности, грозившей высиживающей самкѣ.

Все только что сказанное вполнѣ примѣнимо и для объясненія полового диморфизма другого рода, напр., диморфизма, касающагося вооруженія. Всѣмъ, напримѣръ, извѣстно, что у животныхъ изъ семейства оленей существуютъ рѣзкія и разнообразныя различія между полами. Самецъ отличается, въ особенности въ зрѣломъ возрастѣ, могучими рогами, которые служатъ ему превосходнымъ оружіемъ, самка же совершенно лишена ихъ. Здѣсь опять поражаетъ насъ, почему самка не передаетъ по наслѣдству своимъ дѣтенышамъ-самкамъ этой особенности. Но мы знаемъ, что существуютъ, дѣйствительно, такой видъ оленей, а именно сѣверный олень, у котораго оба пола совершенно одинаково снабжены рогами. Мы должны, слѣдовательно, предположить, что зачатки для образованія роговъ наслѣдственно переданы обоимъ поламъ, и что у самокъ большинства видовъ задерживается дальнѣйшее развитіе этихъ зачатковъ. Какое именно вещество, вырабатываемое женскими половыми железами, производитъ это задерживающее дѣйствіе, мы не знаемъ, но упомянутый выше примѣръ относительно роста бороды у человѣка, представляетъ аналогію. Повидимому, наличность или отсутствіе этого полового диморфизма тѣснѣйшимъ образомъ связаны съ внѣшними условіями жизни.

Сѣверному оленю, живущему на огромныхъ открытыхъ снѣжныхъ пространствахъ, было бы крайне невыгодно, если бы его враги, въ особенности волкъ, могли различить на огромномъ разстояніи безоружную самку. Для другихъ видовъ оленей, живущихъ преимущественно въ лѣсахъ, это не имѣетъ такого значенія, а между тѣмъ развитіе роговъ потребовало бы отъ самки, и безъ того несущей обязанности по уходу за дѣтенышами, большой затраты силъ, которая уменьшила бы жизнеспособность данной породы. Поэтому вполнѣ понятно, что живущіе на сѣверѣ виды оленей, у которыхъ самки были безроги, вымерли или были вытѣснены, между тѣмъ какъ у видовъ, живущихъ въ лѣсахъ умѣреннаго и жаркаго пояса, должны были погибнуть тѣ

виды, у которыхъ самки были снабжены рогами. Это соображеніе непримѣнимо къ тѣмъ жвачнымъ животнымъ, рога которыхъ не сбрасываются ежегодно, а состоятъ изъ постояннаго несмѣняемаго отростка лобной кости, прикрытаго роговой оболочкой; поэтому, дѣйствительно, мы видимъ, что у большинства подобныхъ жвачныхъ вооружены и самки, хотя у многихъ оружіе самки развито слабѣе.

Въ приведенныхъ примѣрахъ мы уже вскользь указали на то, что половой диформизмъ покоится частью на своего рода равновѣсіи въ потребленіи и выработкѣ живыхъ веществъ тѣла (матеріальная компенсація). Намъ извѣстно, что, во-первыхъ, самыя яйца, изъ которыхъ происходятъ самцы и самки, безусловно одинаковы по величинѣ и ничѣмъ не отличаются одно отъ другого и, за исключеніемъ рѣдкихъ случаевъ развитія неоплодотворенныхъ яицъ, оплодотвореніе ихъ совершается обыкновенно при помощи только одного сѣменного тѣльца. Во-вторыхъ, во время первыхъ стадій развитія размноженіе клѣтокъ, благодаря которому изъ оплодотворенной яйцевой клѣтки возникаетъ сложный организмъ, происходитъ совершенно одинаково, независимо отъ того, разовьется ли самецъ или самка; въ третьихъ, наконецъ, различныя приспособленія для питанія и взращиванія дѣтенышей совершенно одинаковы для обоихъ половъ. На основаніи сказаннаго, является вполнѣ понятнымъ, что болѣе сильное развитіе одного какого-нибудь органа, отсутствующаго или имѣющаго меньшую величину у другого пола, можетъ совершиться не иначе, какъ путемъ отнятія у другихъ органовъ матеріала для его построенія. Это же относится и къ самимъ половымъ железамъ. Разъ самка затрачиваетъ на образованіе яицъ, на запасъ питательнаго вещества, которымъ снабжаетъ ихъ, на ихъ питаніе внутри матки и, наконецъ, на кормленіе родившихся дѣтенышей гораздо больше матеріала, чѣмъ нужно самцу на выработку сѣменныхъ тѣлецъ, — то самкѣ невозможно затрачивать еще столько же матеріала на развитіе мускулатуры, костей, мозга и т. д.; только путемъ особыхъ приспособленій или особаго образа жизни она можетъ получить возможность принимать гораздо больше пищевыхъ веществъ и интенсивнѣе перерабатывать ихъ.

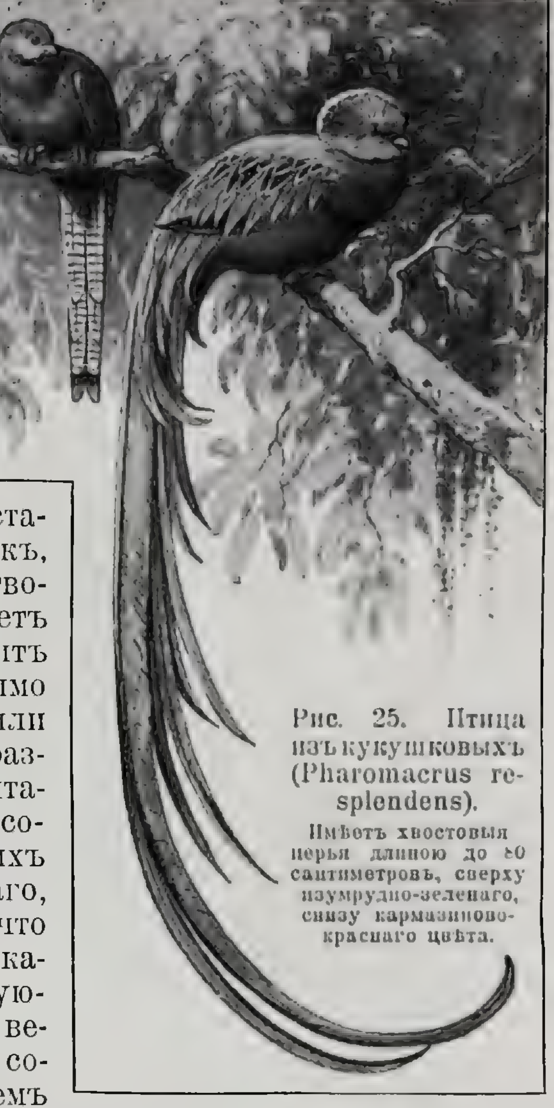

Рис. 25. Птица изъ кукушковыхъ (Pharomacrus resplendens).
Имѣютъ хвостовыя перья длиною до 60 сантиметровъ, сверху изумрудно-зеленаго, снизу кармазиново-краснаго цвѣта.

Это обстоятельство приводитъ, въ свою очередь, къ раздѣ-

ленію труда, которое отнюдь не ограничивается однимъ уходомъ за дѣтенышами. Если самецъ, благодаря дѣятельности самки, сберегаетъ часть веществъ, которыя онъ могъ бы использовать для болѣе сильнаго развитія мускулатуры, вооруженій, мозга, то съ своей стороны онъ можетъ использовать избытокъ своихъ средствъ въ пользу самки и дѣтенышей. Такимъ образомъ, въ природѣ, гдѣ отсутствуетъ искусственное вмѣшательство, рождается гораздо больше индивидуумовъ, чѣмъ сколько ихъ можетъ достигнуть половой зрѣлости. Вслѣдствіе сказаннаго извѣстный перевѣсъ въ мускульной силѣ, вооруженіи, мозгѣ и т. д. полезенъ самцу не только тѣмъ, что даетъ возможность ему добывать для своей самки и дѣтенышей больше пищи, но и тѣмъ, что даетъ ему возможность поставить жизнь свою и своего семейства въ такія условія существованія, при которыхъ гибнутъ менѣе одаренные означенными свойствами индивидуумы. Если, напримѣръ, пятеро самцовъ гонятся за одной и той же добычей, то самецъ, бѣгающій быстрѣе на одну десятую, получитъ не только часть добычи на одну десятую больше другихъ, но ему одному достанется вся добыча, остальнымъ же четверымъ не достанется ничего, и они имѣютъ всѣ шансы погибнуть отъ голода. Оттого-то въ борьбѣ и конкуренціи за жизненныя потребности выживаютъ именно тѣ семейства, у которыхъ самецъ особенно силенъ, особенно хорошо вооруженъ и т. д. Такъ какъ бóльшая мускульная сила или особенно хорошее вооруженіе находятся въ причинной связи съ болѣе значительнымъ развитіемъ полового диморфиза, то изъ семействъ одного и того же вида животныхъ тѣ имѣютъ больше шансовъ выжить и передать по наслѣдству свои свойства потомкамъ, которыя отличаются бóльшимъ диморфизмомъ и, соотвѣтственно этому, болѣе широкимъ раздѣленіемъ труда.

Выше намъ пришлось уже упомянуть о томъ, что съ усложненіемъ строенія органовъ сопряжено и развитіе извѣстныхъ инстинктовъ. Мы познакомились съ однимъ изъ нихъ — съ половымъ инстинктомъ, — и видѣли, что онъ можетъ возбуждаться или усиливаться вслѣдствіе извѣстныхъ чувственныхъ раздраженій, — напр., запаха, распространяемаго однимъ поломъ и воспринимаемаго другимъ. У животныхъ, отличающихся значительнымъ половымъ диморфизмомъ, могъ развиться еще инстинктъ, приводящій половое чувство въ прямое отношеніе къ степени развитія диморфизма, т. е. половой инстинктъ могъ начать возбуждаться сильнѣе такимъ индивидуумомъ, который значительно больше отличался отъ другого пола, чѣмъ индивидуумомъ, имѣющимъ больше сходства съ послѣднимъ. Эту особенность полового инстинкта мы можемъ назвать инстинктомъ компенсаціи. Тамъ, гдѣ существуетъ означенный инстинктъ, онъ въ значительной мѣрѣ способствуетъ еще большему ослабленію той опасности, которая уже ослаблена диморфизмомъ, а именно: опасности возникновенія слишкомъ большихъ одностороннихъ уклоненій отъ типической формы, которыя нарушаютъ правильную совокупную дѣятельность отдѣльныхъ составныхъ частей тѣла.

Теперь, познакомившись съ картиной необычайно разнообразныхъ явленій полового диморфизма въ природѣ, мы попытаемся примѣнить наши свѣдѣнія къ человѣку.

И у человѣка первоначально намѣчается двуполое строеніе, въ чемъ можно убѣдиться путемъ тщательнаго изслѣдованія очень молодого плода, извлеченнаго изъ матки. Слѣдствіемъ этого иногда является то, что полъ обособляется несовершенно, благодаря случайному недоразвитію одного изъ половыхъ органовъ и полной задержкѣ въ развитіи другого. Вскорѣ послѣ того, какъ въ Германіи были выпущены въ новомъ изданіи свода гражданскихъ законоположеній всѣ статьи, которыя касались людей-гермафродитовъ, профессоръ Гаррэ въ Кенигсбергѣ какъ разъ описалъ случай, въ которомъ самымъ безспорнымъ образомъ было доказано присутствіе мужскихъ и женскихъ половыхъ клѣтокъ въ одномъ и томъ же человѣческомъ индивидуумѣ. Гораздо чаще, однако, случается такъ, что наружные половые признаки у человѣка, вслѣдствіе такой ненормальности въ развитіи, остаются двуполыми, а такъ какъ микроскопическое изслѣдованіе половыхъ железъ у живого человѣка невозможно, то въ силу этого возникаютъ недоразумѣнія.

Еще классическое искусство интересовалось этимъ вопросомъ, пытаясь изобразить своего рода идеальную человѣческую фигуру, въ которой соединялись бы признаки того и другого пола; самымъ знаменитымъ произведеніемъ такого рода является „спящій гермафродитъ“ въ парижскомъ Луврѣ [античныя копіи котораго хранятся также во Флоренціи въ палаццо дели Уффици, въ Римѣ въ музеѣ термъ (см. рис. 28) и въ Вилла Боргезе]. Древнѣйшее изъ извѣстныхъ изображеній этого рода, созданное за двѣсти лѣтъ до Р. Хр., найдено было въ Пергамѣ и хранится въ Берлинѣ. Но врачи и въ наше время встрѣчаютъ довольно часто такихъ двуполыхъ лицъ. Такъ, напримѣръ, недавно докторъ М. Гиршфельдъ демонстрировалъ въ одномъ ученомъ обществѣ въ Берлинѣ трехъ такихъ субъектовъ одновременно, при чемъ въ числѣ ихъ былъ машинистъ одной большой типографіи, теперь женатый и отецъ семейства, который жилъ до двадцать-пятаго года своей жизни дѣвушкой, не возбуждая ни въ комъ сомнѣній.

Въ отношеніи самыхъ половыхъ железъ разница между обоими полами у человѣка отнюдь не такъ велика, какъ мы это видимъ часто въ животномъ царствѣ. Яичники не превосходятъ мужскія половыя железы ни вѣсомъ, ни величиной. Лежатъ они также въ той же области тѣла, гдѣ находятся первоначально и мужскія железы, при чемъ то обстоятельство, что эти послѣднія очень рано покидаютъ мѣсто своего первоначальнаго возникновенія и опускаются въ выдающіяся наружу кожныя складки, не имѣетъ никакого значенія для образа жизни обоихъ половъ. Что касается собственно органовъ совокупленія, то у человѣка повторяется то же, что обще всему животному царству: перенесеніе мужскихъ половыхъ клѣтокъ совершается съ помощью сравнительно просто устроеннаго аппарата, и, вообще, развитіе органовъ совокупленія не оказываетъ значительнаго вліянія на все остальное тѣло мужского или женскаго индивидуума. Гораздо болѣе важнымъ слѣдуетъ считать, что у человѣка происходитъ тотъ родъ питанія новорожденныхъ, который, какъ мы уже упоминали выше, является характернымъ для большинства млекопитающихъ.

Оплодотворенное внутри тѣла матери яйцо проходитъ по

трубчатому отдѣлу половыхъ органовъ, по такъ наз. яйцепроводамъ, и попадаетъ въ расширенную часть ихъ, въ матку, гдѣ и прикрѣпляется къ слизистой оболочкѣ въ очень ранней еще стадіи своего развитія, когда оно едва еще достигло величины булавочной головки. Слизистая оболочка матки начинаетъ разростаться и образуетъ вокругъ яйца складку, которая со всѣхъ сторонъ надвигается на подобіе свода на яйцо и, наконецъ, обволакиваетъ его. Поверхность яйца покрывается мелкими ворсинками, которыя начинаютъ развѣтвляться кустообразно, а на слизистой оболочкѣ матки образуются соотвѣтственныя возвышенія и углубленія, чѣмъ обусловливается возможность тѣснѣйшаго соприкосновенія между поверхностью яйца и слизистой оболочкой. Та и другая поверхности снабжаются безчисленными развѣтвленіями кровеносныхъ сосудовъ, и такимъ путемъ между кровью матери и ребенка возникаетъ обильный обмѣнъ жидкими питательными веществами и газами. У человѣка часть кустообразныхъ развѣтвленій — ихъ называютъ „ворсинками хоріона" — потомъ погибаетъ; лишь на дисковидной части яйцевой оболочки сохраняются эти кустообразные отростки и здѣсь такъ тѣсно сростаются съ соотвѣтствующими отростками материнской слизистой оболочки, что при родахъ часть послѣдней должна оторваться, чтобы эта часть яйцевой оболочки, въ видѣ такъ называемаго послѣда, могла выйти наружу.

Пользуясь, такимъ образомъ, необычайно богатымъ притокомъ пищи, младенецъ развивается въ утробѣ матери до тѣхъ поръ, пока ко времени рожденія не достигнетъ нормально трехъ (часто больше, а иногда, и вдвое больше) килограммовъ вѣса и около 50 сантиметровъ длины. Голова, благодаря росту мозга, принимаетъ такіе размѣры, что она совсѣмъ не могла бы пройти черезъ костное кольцо мужского таза; у женщины, тазъ которой нормально шире и наименьшій діаметръ указаннаго кольца равенъ приблизительно 11 сантиметрамъ, голова младенца можетъ прорѣзаться лишь благодаря сдвигаемости костей головы. Столь высоко развитое, но въ то же время еще очень хрупкое и слабое дитя должно было бы подвергаться въ утробѣ матери величайшимъ опасностямъ отъ толчковъ и давленія, если бы не существовало спеціальнаго приспособленія для его защиты, заключающагося въ томъ, что между оболочками яйца и тѣломъ ребенка образуется довольно обширная полость; послѣдняя наполняется жидкостью, въ которой зародышъ, если можно такъ выразиться, плаваетъ. Ребенокъ, достигшій такой величины, а равно значительное количество жидкости — такъ называемыхъ околоплодныхъ водъ, занимаютъ такое большое мѣсто въ животѣ женщины, что уже на пятомъ мѣсяцѣ беременности фигура ея замѣтно измѣняется, а начиная съ шестого и до конца девятаго, когда наступаютъ роды, женщина становится неповоротливой и тяжеловѣсной, что выражается и въ замедленіи походки.

Питаніе ребенка, еще въ теченіе долгаго времени послѣ его рожденія, ограничивается материнскимъ молокомъ. Соотвѣтственно съ этимъ, молочныя железы (расположенныя у нѣкоторыхъ млекопитающихъ въ различныхъ мѣстахъ тѣла и въ различномъ количествѣ, а у человѣка въ нормальномъ состояніи

только на груди и только въ числѣ одной пары), существующія въ зачаточномъ состояніи и у мужчины, у женщины развиваются значительно сильнѣе еще въ пору половой зрѣлости, во время же беременности онѣ сильно набухаютъ и даже выдѣляютъ немного жидкости, похожей на молоко. Въ виду того значенія, которое имѣютъ эти органы въ дѣлѣ взращиванія потомства, и нѣжнаго ихъ строенія, у женщины образуется для защиты означенныхъ органовъ значительный слой жира, вслѣдствіе чего еще больше усиливается различіе въ формѣ железъ у женщины и у мужчины. Но помимо того, подъ кожей у женщины отлагается, вообще, гораздо болѣе толстый слой жира, чѣмъ у мужчины. Можно почти безошибочно допустить, что значительное развитіе подкожнаго слоя жира связано съ интересами потомства, потому что, напримѣръ, у женщинъ рабочаго класса, онъ обыкновенно уменьшается и, наконецъ, почти совсѣмъ исчезаетъ въ тотъ періодъ, когда прекращается дѣторожденіе. Мы должны предположить, что онъ представляетъ собой отложеніе запасныхъ веществъ, которыя облегчаютъ женщинѣ питаніе плода въ тотъ періодъ, когда развитіе его въ утробѣ матери предъявляетъ большія требованія къ материнскому организму.

Растительность у человѣка и нѣкоторыхъ животныхъ является другимъ весьма рѣзкимъ половымъ различіемъ. Волосы, покрывающіе черепъ женскаго пола, не особенно длиннѣе, чѣмъ у мужчинъ. Гораздо значительнѣе различіе въ растительности, покрывающей нижнюю часть лица — верхнюю губу, подбородокъ и щеки; она у женщинъ, чаще всего у брюнетокъ, очень рѣдко выступаетъ въ видѣ замѣтнаго пушка, между тѣмъ какъ у мужчинъ, напротивъ, очень рѣдко лишена волосъ. Кромѣ того, въ болѣе зрѣломъ возрастѣ у мужчины часто покрывается волосами грудь, средняя часть живота и передняя часть бедеръ, между тѣмъ какъ у женщины такое явленіе наблюдается лишь въ исключительныхъ случаяхъ. Какое значеніе имѣетъ это половое различіе, — пока трудно сказать. Мы склонны обыкновенно думать, что неизмѣнно и прочно передаются по наслѣдству только такія особенности, которыя могутъ представить въ борьбѣ за существованіе какія-нибудь преимущества передъ противоположными особенностями. Вотъ почему предполагали, будто бы у женщины отсутствіе волосъ на лицѣ и длинные волосы на головѣ произошли оттого, что мужчина находилъ то и другое красивымъ и предпочиталъ безбородую, длинноволосую женщину другимъ. Но это объясненіе сомнительно прежде всего потому, что у очень многихъ менѣе цивилизованныхъ народовъ, врядъ ли хоть одна женщина остается отстраненной отъ половыхъ отношеній съ мужчиной разъ только она, вообще, достигаетъ возраста половой зрѣлости и не страдаетъ особенно отвратительными недостатками. Потому мы должны предположить, что у человѣка уже въ первобытномъ состояніи царилъ такой порядокъ вещей въ теченіе безчисленнаго ряда тысячелѣтій. Слѣдовательно, предположеніе, что мужчины въ какую-либо эпоху предпочитали особенно длинноволосыхъ и прежде всего безбородыхъ женщинъ и, такимъ образомъ, не допускали остальныхъ наслѣдовать свои свойства, совершенно не имѣетъ подъ собой почвы.

Но и помимо этого трудно выдвигать особую половую эстетику, какъ причину внѣшнихъ свойствъ, разъ дѣло касается того или иного состоянія человѣчества. Дѣйствительно, почему бы полудикому человѣку находить особенно красивой обильную растительность черепа и, напротивъ, некрасивой самую слабую растительность на лицѣ, — тѣмъ болѣе, что если принять эту гипотезу, то и женщина должна была, слѣдовательно, находить красивой сильную растительность на лицѣ и, наоборотъ, некрасивой — длинноволосую голову? Гораздо вѣроятнѣе кажется такое предположеніе, что этотъ эстетическій вкусъ развился только тогда, когда названныя свойства стали уже половыми признаками. Вѣдь не трудно понять, что привлекательность одного пола для другого вызывается или усиливается всѣми тѣми свойствами, которыя представляютъ собой специфическіе половые признаки.

Рис. 26. Идеальная фигура мужчины.

Работы ученика Тиціана, Стефана Калькаръ, изъ Везалія: Fabrica corporis humani.

Такимъ образомъ, намъ приходится удовольствоваться предположеніемъ, что особенности въ растительности того и другого пола какимъ-либо путемъ связаны съ другими, болѣе важными функціями, и допустить, что борода у мужчины появилась не потому, что представляла для него какія-либо выгоды въ борьбѣ за

существованіе или хотя бы только въ половомъ подборѣ, а скорѣе потому, что существуетъ какая-нибудь случайная связь между обильнымъ ростомъ волосъ и необходимыми половыми функціями.

Строеніе костнаго скелета женщины, какъ это видно изъ рисунковъ скелетовъ (см. II-ю часть этого тома), также сильно отличается отъ мужского, не только упомянутой выше шириной таза, но и меньшими размѣрами всего скелета. Соотвѣтственно съ этимъ, и величина тѣла женщины въ среднемъ также уступаетъ величинѣ мужского тѣла. Мускулатура, даже при условіи одинаковаго упражненія ея физическимъ трудомъ, у мужчины развиты сильнѣе испособнѣе къ болѣе трудной работѣ, чѣмъ у женщины (рис. 26 и 27). Въ этомъ случаѣ причина указаннаго различія объясняется легче. Прежде всего, оно является слѣдствіемъ уже разсмотрѣннаго нами выше принципа матеріальной компенсаціи. Болѣе сильное развитіе жирового слоя и грудныхъ железъ, ежемѣсячная, довольно значительная потеря крови, а также значительная затрата питательныхъ веществъ на ребенка во время беременности и кормленья грудью приводитъ къ тому, что для развитія мускуловъ и костей остается меньше матеріала, чѣмъ у мужчины при равныхъ прочихъ условіяхъ. Правда, однимъ этимъ нельзя объяснить того, что означенное различіе замѣчается еще до наступленія половой зрѣлости. Но мы должны отмѣтить далѣе то обстоятельство, что въ періодъ, предшествующій наступленію зрѣлости, развитіе дѣвочекъ идетъ гораздо быстрѣе, чѣмъ развитіе мальчиковъ; это

Рис. 27. Идеальная фигура женщины.
Работы ученика Тиціана, Стефана Калькаръ, изъ Везалія: Fabrica corporis humani.

тоже отнимаетъ у мускулатуры извѣстную часть матеріала, хотя потери крови еще и нѣтъ. Въ болѣе раннемъ періодѣ дѣтства различіе не такъ велико и, быть можетъ, должно быть всецѣло приписано разницѣ въ упражненіи мускуловъ, обусловливаемой нашей системой воспитанія. Кромѣ того, мы не должны забывать, что и самый подборъ долженъ былъ способствовать различію въ этой области и усиливать его. Женщина, выполняющая ту необходимую для сохраненія человѣческаго рода работу, которая заключается въ уходѣ за потомствомъ, — этимъ самимъ уже стѣснена въ добываніи для себя пищи и, слѣдовательно, въ свободномъ передвиженіи, и лишена способности защищаться отъ нападеній и даже спасаться бѣгствомъ отъ нападающаго. Такимъ образомъ, ей остается разсчитывать на покровительство и защиту мужчины, свободнаго отъ указанныхъ стѣсненій.

Ясно, что на первобытной ступени человѣчества семьи и цѣлыя племена, въ которыхъ мужчины особенно рѣзко отличались отъ женщинъ болѣе сильно развитой мускулатурой и крѣпкимъ строеніемъ костей, должны были одерживать побѣду надъ другими семьями и племенами, у которыхъ это различіе было выражено слабѣе, т. е. у которыхъ женщины были, можетъ быть, нѣсколько мускулистѣе, а мужчины зато отличались меньшей силой. Къ этому нужно еще прибавить, что борьба велась, вѣроятно, и между мужчинами одного племени за обладаніе женщинами, какъ мы видимъ это еще и по настоящее время у нѣкоторыхъ народностей въ обычаѣ умыканія женъ, и что побѣдителями въ этой борьбѣ оказывались, разумѣется, опять-таки болѣе сильные мужчины. Вслѣдствіе этого тамъ, гдѣ царило многоженство, болѣе сильный мужчина могъ завладѣть большимъ количествомъ женъ, тогда какъ болѣе слабые соперники терпѣли неудачу. Однако, означенный подборъ при наслѣдственной передачѣ выражается не тѣмъ, что непремѣнно всѣ потомки сильныхъ мужчинъ — безразлично мужскіе или женскіе — отличаются особенной мускульной силой, а тѣмъ, что мужчина исключительной физической силы, происходя обыкновенно изъ семьи, въ которой очень велика разница въ мускульной силѣ обоихъ половъ, передаетъ, въ свою очередь, по наслѣдству это различіе, т. е. сыновья его будутъ также значительно сильнѣе дочерей. Гораздо труднѣе, чѣмъ возникновеніе чисто физическихъ различій, объяснить себѣ происхожденіе различія въ тѣхъ способностяхъ, которыя мы обыкновенно называемъ *психическими*. Нельзя отрицать, конечно, что головной и спинной мозгъ мужчины имѣетъ въ среднемъ бо́льшій вѣсъ, чѣмъ женскій. Но нельзя забывать при этомъ, что и самая величина тѣла обусловливаетъ большій вѣсъ центральной нервной системы; каждое мышечное волокно, напримѣръ, снабжается особой вѣточкой нервнаго волокна, такъ что болѣе сильное развитіе мускулатуры связано и съ болѣе значительнымъ развитіемъ нервныхъ волоконъ, причемъ тутъ дѣло идетъ исключительно только о механизмѣ движенія и не касается ни одного изъ тѣхъ видовъ дѣятельности, которые мы обыкновенно называемъ психической дѣятельностью. Правда, *Вальдейеръ*, нашелъ у двухъ одновременно умершихъ близнецовъ разнаго пола, но одинаковой величины и одинако-

ваго вѣса, — неодинаковый вѣсъ мозга: у мальчика послѣдній былъ тяжелѣе, чѣмъ у дѣвочки (175 : 165).

Чтобы уяснить себѣ наличность и характеръ психическаго диморфизма у человѣка, намъ необходимо условиться, что собственно нужно понимать подъ психической дѣятельностью. Это заставляетъ насъ, прежде всего, вернуться къ вопросу о природѣ инстинктовъ. Остановимся на томъ, что мы уже сказали объ одномъ изъ нихъ, — о половомъ инстинктѣ, а именно: что его очень трудно объяснить механически вполнѣ удовлетворительно. Дѣло сводится здѣсь къ извѣстнымъ движеніямъ, проявляющимся подъ вліяніемъ тѣхъ или иныхъ раздраженій — чисто ли внѣшнихъ, или же вызываемыхъ измѣненіями въ самомъ организмѣ. То обстоятельство, что въ повседневной жизни инстинкты почти всегда объясняются душевными импульсами, происходитъ, главнымъ образомъ, оттого, что они отчасти достигаютъ нашего сознанія, и мы ошибочно принимаемъ это сознаніе за причину инстинкта, тогда какъ оно, въ дѣйствительности, представляетъ собой только сопутствующее ему явленіе. Кромѣ того, насъ вводитъ въ заблужденіе „цѣлесообразность“ этихъ инстинктовъ, такъ какъ мы привыкли считать все „цѣлесообразное“, дѣлаемое нами, чѣмъ-то произвольно-умышленнымъ и потому принимаемъ это за проявленіе нашей духовной жизни. На самомъ же дѣлѣ, у человѣка, какъ и у всякой породы живыхъ существъ, инстинкты только тогда и могутъ сохраниться, когда они являются цѣлесообразными въ этомъ смыслѣ, такъ какъ неправильно примѣняемое въ данномъ случаѣ выраженіе „цѣлесообразно“ только и означаетъ, въ сущности, прочную способность сохраняться, жизненность. Такимъ образомъ, половой инстинктъ цѣлесообразенъ или, вѣрнѣе, жизненен потому, что безъ него живыя существа, не понуждаемыя къ совокупленію, должны были бы вымереть въ самое короткое время; точно такъ же цѣлесообразенъ инстинктъ голода, потому что порода, утратившая его, прекратила бы свое существованіе, и т. д. Поэтому вполнѣ понятно, что изъ безчисленнаго множества могущихъ возникнуть инстинктовъ сохранятся только тѣ, которые жизненны или, какъ говорятъ, цѣлесообразны.

Что касается полового инстинкта, то онъ несомнѣнно проявляется у мужчины въ нѣсколько иной формѣ, чѣмъ у женщины, что само собой понятно въ виду той различной роли, какую играютъ при совокупленіи оба пола. Лучше всего выясняется намъ это различіе, если мы возьмемъ для сравненія тѣ случаи, въ которыхъ ненормальное предрасположеніе приводитъ къ извращенію полового инстинкта, а, слѣдовательно, въ особенности такіе случаи, когда половое влеченіе обращается на свой же собственный полъ. Главное различіе между мужскимъ и женскимъ половымъ инстинктомъ заключается—по крайней мѣрѣ, при поверхностномъ наблюденіи — въ томъ, что женщина больше стремится нравиться мужчинѣ, привлекать или возбуждать его своимъ видомъ, между тѣмъ какъ мужскому инстинкту болѣе свойственно стремленіе овладѣть женщиной путемъ личнаго превосходства, а въ случаѣ надобности, даже путемъ насилія. Эти своеобразныя особенности нельзя объяснить только привычкой, обычаемъ, умственными соображе-

ніями и т. п., а придется признать ихъ несомнѣннымъ инстинктомъ, если мы вспомнимъ, что и у животныхъ, сравнительно мало одаренныхъ разумомъ, какъ, напримѣръ, у легко-доступныхъ нашему наблюденію домашнихъ птицъ, — дѣйствительно обнаруживаются, какъ до, такъ и во время совокупленія, кокетство у самки и грубое насиліе у самца. Несомнѣнно, указанное различіе стоитъ въ прямой связи съ перевѣсомъ силы и степени вооруженности мужского пола, которыя явились результатомъ приспособленія къ совершенно инымъ жизненнымъ потребностямъ.

Несомнѣнно, тѣмъ же различіемъ въ организаціи объясняется и то явленіе, что у женщины мы встрѣчаемъ гораздо больше выраженную инстинктивную склонность спастись отъ угрожающей опасности бѣгствомъ и спрятаться отъ нея, между тѣмъ какъ мужчина гораздо больше склоненъ инстинктивно стать лицомъ къ лицу съ опасностью, противопоставить угрозѣ угрозу или вступить въ прямую борьбу съ врагомъ. Короче, — въ общемъ мы видимъ, что у женщины гораздо сильнѣе развитъ инстинктъ боязливости, у мужчины — инстинктъ жажды борьбы. И здѣсь мы также несомнѣнно имѣемъ дѣло съ инстинктами, какъ это ясно видно изъ того, что многія движенія, которыми проявляются означенные инстинкты, принадлежатъ къ чисто рефлекторнымъ движеніямъ, т. е. производятся такъ мгновенно и такъ машинально, что объ участіи сознанія здѣсь не можетъ быть и рѣчи. Когда человѣкъ, къ лицу котораго неожиданно подносятъ руку, закрываетъ глаза, или когда онъ нагибается въ тотъ моментъ, когда надъ нимъ пролетаетъ какое-нибудь тѣло, то это дѣлается, очевидно, совершенно машинально, и достигаетъ сознанія лишь послѣ того, какъ это совершилось. Разумѣется, сказаннымъ мы не опровергаемъ того, что въ данномъ случаѣ, какъ и во всѣхъ человѣческихъ инстинктахъ, могутъ играть очень значительную роль задерживающія или, наоборотъ, содѣйствующія раздраженія психическаго характера.

Только что приведеннымъ двумъ различіямъ инстинктовъ соотвѣтствуетъ еще третье различіе, а именно: у женщины мы встрѣчаемъ инстинктивную потребность въ поддержкѣ другого, болѣе сильнаго индивидуума, каковымъ обыкновенно бываетъ мужчина; у послѣдняго, съ одной стороны, мы находимъ ярко выраженную склонность играть въ отношеніи другого, болѣе слабаго индивидуума, роль покровителя и защитника, а съ другой — господина и повелителя, требующаго покорности. Это различіе инстинктовъ мы находимъ столь сильно развитымъ у сравнительно разумныхъ животныхъ, что соображеніе о томъ, представляетъ ли такое отношеніе другъ къ другу извѣстную выгоду для индивидуума и въ какой мѣрѣ, должно быть отодвинуто на второй планъ. Можно допустить, что мы и здѣсь имѣемъ дѣло съ издавна унаслѣдованнымъ инстинктомъ, возникшимъ одновременно съ тѣлесными половыми различіями въ отношеніи силы, орудія защиты и т. д. Ясно, что въ интересахъ сохраненія семьи или племени тѣлесная способность самца защищать самку, занятую уходомъ за дѣтенышами, или самихъ дѣтенышей, можетъ только тогда быть вполнѣ полезной, когда самка и дѣтеныши инстинктивно же склонны стать подъ защиту самца. Дѣйствительно, и у дѣтенышей большинства жи-

вотныхъ мы находимъ тотъ же инстинктъ исканія покровительства болѣе сильныхъ индивидуумовъ — отца или матери, — въ данномъ случаѣ безъ различія половъ. Дѣти, подобно взрослымъ индивидуумамъ женскаго пола, также нуждаются въ опорѣ, и эта-то черта больше всего обусловливаетъ собой то сходство между женской и дѣтской душой, на которое такъ часто указывалось.

Оставимъ, однако, область инстинктовъ и разсмотримъ психическія свойства въ болѣе тѣсномъ смыслѣ этого слова. Для этого мы должны выяснить предварительно въ нѣсколькихъ словахъ, какія понятія мы соединяемъ съ этими выраженіями.

Мы знаемъ, что раздраженія, дѣйствующія на какой-нибудь изъ нашихъ органовъ, воспріимчивыхъ къ раздраженіямъ, т. е. на наши органы чувствъ, производятъ измѣненія въ нашемъ тѣлѣ чисто механическимъ путемъ, въ родѣ тѣхъ, напр., какія производятъ въ какой-нибудь машинѣ нажатіе пружины, или искра, попавшая въ бочку съ порохомъ. Но до нашего сознанія доходитъ только небольшая часть означенныхъ раздраженій, которая и становится такъ называемымъ воспріятіемъ. Затѣмъ, это воспріятіе вызываетъ въ нашемъ умѣ — или, придерживаясь механической точки зрѣнія, въ органѣ нашего ума — болѣе или менѣе длительное представленіе. Длительность этого представленія зависитъ частью отъ степени силы, энергіи воспріятія, частью же отъ особой способности воспринимающаго органа — отъ памяти. Удерживающееся въ нашемъ умѣ представленіе не остается въ нашемъ сознаніи столько времени, сколько оно длится само по себѣ; но съ помощью извѣстныхъ раздраженій оно можетъ быть снова вызвано въ сознаніи, — и этотъ процессъ мы называемъ воспоминаніемъ. Нашъ умъ обладаетъ способностью соединять вмѣстѣ, ассоціировать или комбинировать нѣсколько представленій, — безразлично, вызваны ли они только что какимъ-либо воспріятіемъ или же воспроизведены съ помощью воспоминанія, — и изъ этихъ ассоціацій можетъ возникнуть третье представленіе, совершенно новое, по крайней мѣрѣ для сознанія.

Способность создавать изъ старыхъ новыя представленія путемъ ассоціаціи выражается въ двухъ не совсѣмъ одинаковыхъ формахъ способностей, которыя мы можемъ назвать способностью сужденія (логикой) и воображеніемъ (фантазіей). Способность сужденія — это та творческая дѣятельность ума, при которой ассоціація представленій совершается по извѣстнымъ законамъ (законамъ мышленія). Вотъ почему результатъ ассоціаціи можетъ быть предвидѣнъ заранѣе, если только законы вѣрны и были правильно соблюдены, — и онъ долженъ быть одинаковъ у двухъ различныхъ лицъ, если только у обоихъ одни и тѣ же представленія ассоціировались по однимъ и тѣмъ же законамъ мышленія. Мало того, можно сказать, что результатъ ассоціаціи долженъ согласоваться съ новыми чувственными воспріятіями (слѣдовательно, съ дѣйствительностью), если только сами законы мышленія были правильно выведены изъ чувственныхъ воспріятій. Наоборотъ, при работѣ воображенія ассоціація представленій складывается произвольно, и оттого возникаютъ новыя представленія, которыя не соотвѣтствуютъ дѣйствительности или совпа-

даютъ съ нею только изрѣдка и случайно. Но все же эти новыя представленія могутъ, въ свою очередь, сложиться въ форму, поддающуюся чувственному воспріятію, и создать собой извѣстную дѣйствительность, какъ это и бываетъ съ фантазіей въ художественномъ творчествѣ. Тамъ, гдѣ воображеніе развито очень сильно и легко создаетъ, дѣйствительно, новыя, не существующія въ воспоминаніи представленія, не можетъ быть строгаго слѣдованія законамъ мышленія; даже въ томъ случаѣ, когда такое воображеніе отливаетъ свои созданія въ форму чувственныхъ воспріятій, послѣднія все же носятъ характеръ совершенно произвольный, какъ будто бы они предназначены служить одной игрѣ, забавѣ. Но порой такая необычайная легкость созданія путемъ ассоціаціи новыхъ представленій сочетается и съ необычайной способностью управлять законами мышленія. Эту способность ума мы называемъ даромъ изобрѣтательности, или просто изобрѣтательностью. Здѣсь вновь созданныя представленія могутъ также принимать формы, доступныя чувственнымъ воспріятіямъ, — и тогда обыкновенно оказывается, что созданное такимъ путемъ — въ строгомъ соотвѣтствіи съ законами мышленія — соотвѣтствуетъ самымъ цѣлесообразнымъ образомъ какой-нибудь заранѣе предвидѣнной человѣческой потребности.

Посмотримъ теперь, существуетъ ли разница между обоими полами въ отношеніи этихъ свойствъ ума и въ чемъ она проявляется, если существуетъ. Что касается самыхъ органовъ чувствъ, то, въ этомъ отношеніи, у насъ нѣтъ никакого фактическаго матеріала, который далъ бы намъ право предположить существованіе сколько-нибудь замѣтнаго различія между обоими полами. Но и способность воспріятія, т. е. способность вводить въ сознаніе чувственно воспринятыя раздраженія, — которая можетъ, конечно, необычайно сильно увеличиваться отъ упражненія, — тоже, очевидно, совершенно одинакова у обоихъ половъ. Сознаніе женщины вполнѣ овладѣваетъ мельчайшими подробностями впечатлѣній, полученныхъ глазомъ или ухомъ; безусловно то же самое нужно сказать и о низшихъ чувствахъ — обоняніи, вкусѣ и осязаніи. Точно такого же мнѣнія мы и о памяти: актрисы и пѣвицы доказываютъ намъ, что память женщины стоитъ безусловно на одной высотѣ съ мужской Принимая во вниманіе все сказанное, мы ясно увидимъ, что умственная воспроизводительная способность женщины нисколько не уступаетъ мужской. Это остается вѣрнымъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло идетъ о воспроизведеніи въ высшемъ художественномъ смыслѣ, т. е. тамъ, гдѣ извѣстныя душевныя движенія воспроизводящаго должны придать воспроизведенію оригинальную окраску. Въ этой области наши пѣвицы и актрисы достигаютъ вполнѣ такихъ же результатовъ, какъ и ихъ товарищи — мужчины.

Зато способность ассоціаціи у женщины, въ среднемъ, гораздо слабѣе, чѣмъ у мужчины, при чемъ это приходится сказать какъ о способности сужденія, такъ и относительно воображенія. Однако, замѣтнѣе сказывается меньшая сила сужденія, чѣмъ воображенія, т. е. меньшая способность строго слѣдовать законамъ мышленія при возникновеніи новыхъ представленій путемъ комбинированія нѣсколькихъ другихъ. Математика

представляетъ собой умственную дѣятельность, въ которой въ наиболѣе чистомъ видѣ обнаруживается способность сужденія. Занятія математикой такъ мало требуютъ благопріятныхъ внѣшнихъ условій, особенныхъ какихъ-нибудь удобствъ, аппаратовъ и т. п., что затрудненія внѣшняго свойства не могли лишать женщинъ возможности развить свои способности къ математикѣ. И тѣмъ не менѣе намъ извѣстенъ всего лишь одинъ случай, дѣйствительно, выдающихся математическихъ способностей у женщины, — это Софья Ковалевская; но и въ этомъ случаѣ таилась, какъ показалъ конецъ несчастной женщины, душевная болѣзнь.

Быть можетъ, ближе всего къ математикѣ стоитъ музыкальная композиція. Но и здѣсь, если вспомнить только, какое огромное множество женщинъ занимается музыкой, какъ профессіей, насъ не можетъ не поразить, какъ ничтожно мало женскаго творчества мы находимъ въ области композиціи. А между тѣмъ, въ этой области является уже вліятельнымъ факторомъ и другая способность — воображеніе. Имѣются еще нѣкоторыя области художественнаго творчества, въ которыхъ воображеніе играетъ гораздо большую роль, чѣмъ въ музыкальной композиціи. Несмотря на то, что въ указанныхъ областяхъ за женщиной нужно признать нѣсколько большее число трудовъ, заслуживающихъ вниманія, все же нельзя отрицать, что, въ среднемъ, женскія произведенія въ области лирики и романа, а тѣмъ болѣе въ области драмы, творчество которой требуетъ болѣе значительной способности ассоціаціи, уступаютъ такимъ же произведеніямъ мужчинъ. Даръ изобрѣтательности, заключающійся въ совмѣстномъ дѣйствіи сильной фантазіи съ сильной способностью сужденія, свойственъ женщинамъ также лишь въ незначительной степени, въ пользу чего говорятъ какъ техническая дѣятельность женщинъ, такъ и статистика выдаваемыхъ патентовъ на изобрѣтенія.

С п о с о б н о с т ь   а с с о ц і а ц і и есть именно та способность нашей души, которая ведетъ в ѣ ч н у ю   б о р ь б у   с ъ   н а ш и м и   и н с т и н к т а м и. Очень часто мысль о томъ, что — на основаніи выводовъ изъ того или иного опыта — тотъ или иной поступокъ долженъ привести къ тому или иному послѣдствію, вліяетъ на нашъ инстинктъ съ такой задерживающей силой, что мы отказываемся отъ поступка, къ которому насъ побуждаетъ этотъ инстинктъ.

Разъ способность ассоціаціи у женщинъ развита слабѣе, то, понятно, что ея инстинкты свободны отъ многихъ задержекъ, вліяющихъ на поступки мужчинъ, слѣдствіемъ чего является, какъ это очень часто подтверждаетъ и опытъ, то, что женщина, въ общемъ, гораздо больше повинуется своимъ врожденнымъ инстинктамъ, чѣмъ мужчина. Это вовсе не недостатокъ: инстинкты руководятъ человѣкомъ гораздо безошибочнѣе, чѣмъ его логика. Инстинкты накоплялись и укрѣплялись безконечно долгимъ дѣйствіемъ подбора, и въ борьбѣ за существованіе неизбѣжно должны были гибнуть тѣ семьи и расы, инстинкты которыхъ не были жизненны. Вотъ почему женщина едва ли поступаетъ неправильно, противопоставляя свое инстинктивное чувство всѣмъ попыткамъ логически доказать ей, какъ слѣдуетъ поступать въ томъ или иномъ случаѣ и почему такъ, а не иначе, и считая

свой инстинктъ болѣе надежнымъ совѣтникомъ, чѣмъ чужую логику. Такимъ образомъ, женщинѣ врождены всѣ тѣ душевныя движенія, которыя мы называемъ тактомъ, приличіемъ, и, прежде всего, ей свойственно чувство альтруизма, — того необычайно важнаго для сохраненія всего человѣчества инстинкта, который у мужчины гораздо чаще уступаетъ доводамъ эгоизма.

Слѣдовательно, сама природа мужчины и женщины — не только въ области физической, но и психической жизни — во многомъ отводитъ для нихъ различныя задачи. Разумѣется, это не мѣшаетъ тому, что — при измѣнчивости животной организаціи — могутъ то и дѣло встрѣчаться отдѣльные индивидуумы, не соотвѣтствующіе среднему типу: мужчины, болѣе приближающіеся по своимъ свойствамъ къ женскому характеру, а равно и женщины, обнаруживающія гораздо больше мужскихъ свойствъ. Такимъ образомъ, вполнѣ возможно, что отдѣльныя женщины будутъ выполнять такія задачи, которыя до сихъ поръ предоставлены въ общемъ мужчинѣ, и что такимъ образомъ можетъ возникнуть конкурренція между мужчиной и женщиной въ одной и той же области, какъ этого добивается извѣстное направленіе женскихъ стремленій. Вопросъ въ томъ, къ какимъ послѣдствіямъ поведетъ это.

Въ настоящее время мужскія профессіи даютъ такія матеріальныя выгоды, которыя большей частію недоступны женскимъ. Это имѣетъ свое основаніе: женщина, поглощенная уходомъ за дѣтьми, и безъ того нуждается въ защитѣ и попеченіи мужчины и потому въ правѣ претендовать и на то, чтобы онъ кормилъ ее. Если бы это измѣнилось, и женщина, зарабатывающая только въ исключительныхъ случаяхъ (почти только въ нѣкоторыхъ областяхъ искусства) крупныя суммы и большей частію получающая своимъ трудомъ очень скудный заработокъ, — стала бы серьезнымъ конкуррентомъ мужчины и въ этомъ отношеніи, то можно предвидѣть, что мужчина изъ чисто матеріальнаго эгоизма сталъ бы предпочитать бракъ съ такими женщинами, которымъ доступны исключительно крупные заработки. Образовался бы, слѣдовательно, подборъ: для брака и вмѣстѣ съ тѣмъ для потомства выбирались бы женщины, возможно болѣе похожія по своимъ способностямъ на мужчинъ, при чемъ въ результатѣ оказалось бы — вслѣдствіе наслѣдственной передачи организаціи — постепенное увеличеніе числа женщинъ, болѣе похожихъ на мужчинъ, и уменьшеніе числа женственныхъ. Словомъ, если пренебречь принципомъ раздѣленія труда и поощрять конкурренцію обоихъ половъ въ однѣхъ и тѣхъ же областяхъ труда, то этимъ будетъ ослабляться половой диморфизмъ.

Но мы уже видѣли выше, что диморфизмъ является однимъ изъ важнѣйшихъ средствъ, съ помощью которыхъ природа препятствуетъ накопленію отдѣльныхъ ненормальныхъ чертъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и вырожденію расы. Вмѣстѣ съ ослабленіемъ диморфизма возрастетъ и число индивидуумовъ, неблагопріятно уклоняющихся отъ нормальнаго типа. Существуетъ еще средство, которое могло бы исправить гибельныя для расы послѣдствія такого печальнаго положенія, а именно: усиленное дѣторожденіе, но при этомъ условіи среди самого потомства образовался бы усиленный естественный подборъ, подъ вліяніемъ ко-

тораго былъ бы истребленъ наиболѣе многочисленный элементъ выродившихся индивидуумовъ.

Но не говоря уже о томъ, что для человѣчества вовсе не желательно, чтобы такая жестокая форма естественнаго подбора приняла широкіе размѣры, — нельзя вѣдь и ожидать, чтобы усиленное дѣторожденіе могло осуществиться. Уже и теперь конкурренція съ мужчиной въ одинаковыхъ областяхъ труда сильно затрудняетъ для женщины то, что мы прежде назвали обще-біологическимъ терминомъ заботы о дѣтенышахъ, а если бы значительно усилилось дѣторожденіе, то она и совсѣмъ стала бы невозможной.

На основаніи всѣхъ вышеизложенныхъ соображеній, мы должны придти къ слѣдующимъ выводамъ. Раздѣленіе половъ было однимъ изъ средствъ, способствовавшихъ усовершенствованію животныхъ организмовъ и сочетанію первичнаго полового диморфизма съ множествомъ вторичныхъ половыхъ различій, и привело къ раздѣленію труда, — единственному пути, при которомъ возможно интенсивное взращиваніе потомства. Эта интенсивная забота о потомствѣ, въ свою очередь, служила средствомъ необычайнаго совершенствованія организаціи, при чемъ путемъ полового соединенія очень разнородныхъ индивидуумовъ, въ особенности подъ вліяніемъ инстинкта компенсаціи, оно противодѣйствовало накопленію явленій вырожденія. Въ свою очередь, изъ этого вытекаетъ возможность сохраненія и дальнѣйшаго совершенствованія расы при умѣренномъ — сравнительно со многими низшими организмами — дѣторожденіи. Эта умѣренная плодовитость очень существенно должна была ослабить жестокость борьбы за существованіе у человѣческой расы. Отсюда слѣдуетъ, что если бы мы сдѣлали цѣлью нашихъ стремленій конкурренцію обоихъ половъ въ однѣхъ и тѣхъ же областяхъ труда, то намъ пришлось бы пройти весь указанный путь обратно, — къ возрастающей дегенераціи, къ усиленному дѣторожденію, къ увеличенію числа недоброкачественныхъ индивидуумовъ и т. д.

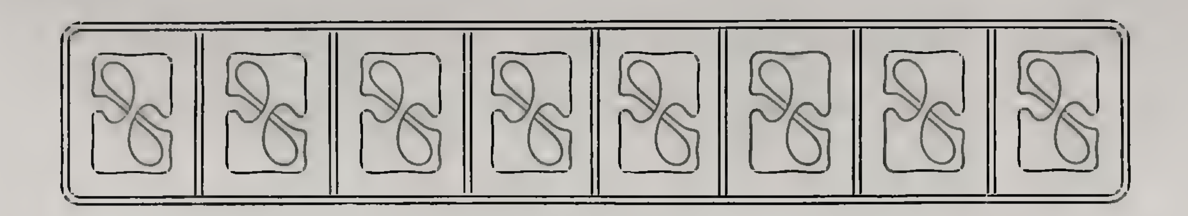
Р. Косманъ.

По фотографіи Д. Андерсона въ Римѣ.

Рис. 28. Гермафродитъ изъ національнаго музея въ Римѣ, древнее фантастическое изображеніе, соединявшее въ одной и той же фигурѣ характерныя черты обоихъ половъ.

Мужчина.

Глава первая.

Строеніе человѣческаго тѣла.

Прив.-доц. д-ръ Отто Гроссеръ (Вѣна).

При разсмотрѣніи различій между мужчиной и женщиной, намъ часто придется имѣть дѣло со многими подробностями анатоміи человѣка. Чтобы не отвлекаться въ изложеніи отъ нашего предмета — отъ самого сравненія — для объясненія анатомическихъ основъ этого различія, мы предпошлемъ изложенію краткій обзоръ строенія человѣческаго тѣла. По соображеніямъ чисто внѣшняго свойства, принимая во вниманіе, главнымъ образомъ, общій планъ всего сочиненія, мы помѣщаемъ означенный обзоръ въ отдѣлѣ „Мужчина"; однако, мы имѣемъ въ виду разсмотрѣть не анатомію мужчины, а анатомію человѣка вообще — въ тѣхъ общихъ чертахъ, какихъ требуетъ наша задача. Въ настоящее время сравнительная анатомія легла въ основу нашихъ воззрѣній на человѣка; половыя различія также заставятъ насъ неоднократно обращаться къ сравненію человѣка съ животнымъ. Въ виду сказаннаго, необходимо, хотя бы въ общихъ чертахъ, освѣтить и отношенія человѣка къ животному царству.

Подраздѣленіе тѣла на туловище и конечности указываетъ намъ на тотъ фактъ, выясненный теоріей происхожденія видовъ, что конечности, составляющія, въ сущности, двигательный аппаратъ, являются частями, пріобрѣтенными во время процесса развитія. Въ классѣ рыбъ мы и теперь еще можемъ найти указанія въ цѣломъ рядѣ существующихъ видовъ на то, какъ приблизительно совершался этотъ процессъ развитія конечностей. Подраздѣленіе тѣла на голову, шею и туловище также представляетъ собой дальнѣйшую ступень развитія, берущую свое начало отъ формъ болѣе простыхъ; шея представляетъ собою какъ разъ самое недавнее пріобрѣтеніе, появляющееся впервые отчетливо у пресмыкающихся. Туловище мы подраздѣляемъ на грудной и брюшной отдѣлы — пріобрѣтеніе, сдѣланное наиболѣе развитыми классами позвоночныхъ — птицами и млекопитающими. Обособленіе въ брюшномъ отдѣлѣ таза въ видѣ отдѣльной, равноцѣнной части тѣла представляетъ состояніе, которое свойственно только наивысше организованнымъ формамъ и достигаетъ своего полнаго развитія собственно лишь у человѣка, такъ какъ связано съ пріобрѣтеніемъ вертикальнаго положенія тѣла. Послѣднее является также причиной значительнаго различія

между обѣими парами конечностей, строеніе которыхъ представляетъ между собой гораздо больше сходства у видовъ, менѣе высоко организованныхъ.

На головѣ, представляющей у низшихъ животныхъ самую переднюю при движеніи часть тѣла, развились весьма важные органы чувствъ и челюсти, необходимыя для схватыванія и удерживанія, а равно для размельченія пищи. Вслѣдъ за развитіемъ органовъ чувствъ въ области головы послѣдовало развитіе нервнаго центра, мозга. Въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи мозгъ пріобрѣтаетъ все большій и большій объемъ; вмѣстѣ съ этимъ увеличивается и костный футляръ, въ которомъ заключенъ мозгъ. Такимъ образомъ, мозговой черепъ, еще не обособленный вполнѣ даже у пресмыкающихся, у высшихъ животныхъ развивается въ отдѣльную часть скелета головы; глазныя орбиты и носовая часть, представляющія костную опору для органовъ чувствъ (при чемъ послѣдняя связывается съ началомъ дыхательнаго аппарата), вмѣстѣ съ челюстнымъ аппаратомъ образуютъ скелетъ лица (ср. рис. 29). Въ цѣломъ рядѣ млекопитающихъ, по мѣрѣ ихъ восхожденія на высшія ступени развитія, скелетъ лица постепенно уменьшается, въ сравненіи съ увеличивающимся черепомъ, и принимаетъ, наконецъ, у человѣка минимальные размѣры.

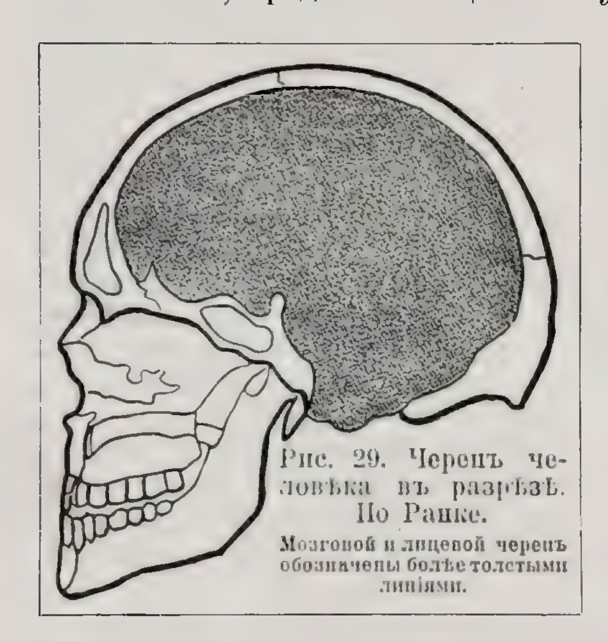

Рис. 29. Черепъ человѣка въ разрѣзѣ. По Ранке.

Мозговой и лицевой черепъ обозначены болѣе толстыми линіями.

По формѣ, человѣческіе черепа раздѣляются, сообразно отношенію между продольнымъ и поперечнымъ діаметромъ, на два главныхъ типа, — на длинноголовые и короткоголовые (долихоцефалы и брахицефалы), но они не представляютъ собой рѣзко обособленныхъ группъ, а связаны между собою переходными формами. Какъ расовый признакъ, которому еще недавно антропологія придавала очень большое значеніе, это различіе не представляетъ особенной цѣнности — по крайней мѣрѣ, для европейскихъ народовъ. Среди нынѣ живущихъ народовъ Европы фактически встрѣчаются черепа самыхъ различныхъ формъ.

Важнѣйшимъ факторомъ, вліяющимъ на величину, а также и на форму черепа, является головной мозгъ. Обыкновенно наблюдается извѣстное соотношеніе между особенностями формы черепа и поверхности мозга — его извилинами. У насъ еще мало безспорныхъ данныхъ для рѣшенія вопроса о томъ, какая изъ двухъ формъ черепа должна быть признана высшей, какая изъ нихъ болѣе соотвѣтствуетъ въ среднемъ — у европейцевъ — большему развитію умственныхъ способностей. Въ общемъ, сравненія съ животными и съ низшими человѣческими расами приводятъ къ тому выводу, что короткоголовость представляетъ высшую форму, и что, слѣдовательно, поперечный діаметръ черепа

увеличивается скорѣе, чѣмъ продольный, а вмѣстѣ съ тѣмъ и мозгъ развивается больше всего въ ширину.

Изъ отдѣльныхъ частей головного мозга — большого, малаго и продолговатаго — для нашей цѣли важнѣе всего первая, большой мозгъ, въ которомъ сосредоточены процессы мышленія. Большой мозгъ состоитъ изъ двухъ довольно симметричныхъ половинъ, мозговыхъ полушарій. Поверхность полушарій покрыта мозговой корой, состоящей преимущественно изъ нервныхъ клѣтокъ. Она образуетъ множество складокъ, которыя называются мозговыми извилинами. Помощью системы поперечныхъ волоконъ, полушарія соединены другъ съ другомъ, при помощи же другихъ пучковъ волоконъ отдѣльныя извилины связываются между собою. По своей величинѣ и развитію большой мозгъ представляетъ наибольшія индивидуальныя колебанія среди остальныхъ частей головного мозга.

Почти весь сводъ черепа соприкасается съ большимъ мозгомъ, и лишь нижняя половина задней части черепа прилегаетъ къ малому мозгу, мозжечку, который завѣдуетъ регулированіемъ болѣе сложныхъ процессовъ движенія. Продолговатый мозгъ, связывающій большой и малый мозгъ между собой и со спиннымъ мозгомъ, располагается на нижней стѣнкѣ черепа и на его форму оказываетъ лишь незначительное вліяніе. Служа для регулированія процессовъ дыханія и кровообращенія, онъ является самой важной и даже единственной изъ всѣхъ частей мозга, безусловно необходимой для жизни. Въ связи съ этимъ, повидимому, и форма его бываетъ всегда однородна.

Колебанія объема, а слѣдовательно, и вѣса, головного мозга обусловливаются преимущественно колебаніями въ величинѣ большого мозга. Но заключать о степени и силѣ умственныхъ способностей на основаніи вѣса мозга слѣдуетъ съ большой осторожностью; несомнѣнно, что небольшія различія существеннаго значенія не имѣютъ. Въ общемъ, можно сказать, пожалуй, что выдающіеся люди обладаютъ сравнительно тяжелымъ головнымъ мозгомъ; но извѣстные до сихъ поръ наибольшіе по вѣсу мозги принадлежали людямъ, не отличающимся никакими особенными способностями, при чемъ нерѣдко случалось даже находить ненормально тяжелый мозгъ у индивидуумовъ, умственно очень слабо развитыхъ или больныхъ. Съ другой стороны, мозгъ небольшого вѣса встрѣчался и у людей выдающихся умственныхъ способностей (Гамбетта, Гаусманъ, придавшій городу Парижу въ царствованіе Наполеона III его теперешній видъ, анатомъ Тидеманъ).

Несомнѣнно, что при взвѣшиваніяхъ мозга, какъ доказываетъ Маршанъ, очень трудно рѣшить, какія болѣзненныя причины вызвали увеличеніе вѣса головного мозга; возможно, что всѣ подобные случаи должны быть объяснены вліяніемъ перенесеннаго въ дѣтствѣ рахита. Опредѣляя средній вѣсъ мозга мужчины въ 1,400 граммовъ, Маршанъ говоритъ о Кювье (вѣсъ головного мозга 1,830 гр.) и о Тургеневѣ (вѣсъ 2,012 гр.), что „они отличались особенно большими умственными способностями“ (можно сказать, несмотря на свой ненормальный мозгъ).

Разнообразіе въ формѣ мозговой поверхности, обиліе мозго-

выхъ извилинъ также не служитъ безспорнымъ признакомъ умственныхъ способностей. Быть можетъ, этотъ признакъ слѣдуетъ искать, какъ указываетъ Цукеркандль, въ обиліи волоконъ, соединяющихъ отдѣльныя части головного мозга, — въ „ассоціаціонныхъ путяхъ“; но для этого мы не имѣемъ данныхъ.

Правильная критическая оцѣнка вопроса о величинѣ мозга можетъ быть дана въ связи съ данными сравнительной анатоміи и нѣкоторыми простыми лишь математическими выкладками. Что существеннѣйшее различіе между человѣческимъ и животнымъ организмомъ заключается въ развитіи головного мозга, — это общеизвѣстно и вѣрно, но безусловно невѣрно, что изъ всѣхъ животныхъ человѣкъ обладаетъ наибольшимъ мозгомъ. У большихъ млекопитающихъ — у слона, кита, дельфина и т. п. — головной мозгъ крупнѣе и вѣситъ больше; у кита, напр., встрѣчается мозгъ, превосходящій по вѣсу въ пять разъ средній человѣческій мозгъ. Даже въ смыслѣ относительнаго вѣса мозга (т. е. отношеніе его вѣса къ вѣсу всего тѣла, выраженное, напр., въ процентахъ) человѣкъ вовсе не занимаетъ перваго мѣста въ ряду животныхъ: большинство птицъ и мелкихъ млекопитающихъ превосходятъ его въ этомъ отношеніи. Объясняется это тѣмъ, что поверхность меньшаго тѣла сравнительно (т. е. въ сравненіи съ объемомъ) больше поверхности крупнаго тѣла. Сравнимъ, напримѣръ, шаръ, поверхность котораго равна квадратному метру, съ шаромъ, объемъ котораго представляетъ одну тысячную часть объема перваго, — т. е. представимъ себѣ оба шара изъ одинаковаго вещества, только одинъ будетъ вѣсить въ тысячу разъ меньше другого, — тогда поверхность этого послѣдняго будетъ уменьшена не въ тысячу, а лишь въ сто разъ. Вотъ почему сравнительно большая поверхность маленькаго животнаго, со всѣми его аппаратами для воспріятія внѣшнихъ впечатлѣній посредствомъ органовъ чувствъ, требуетъ и сравнительно болѣе крупнаго центральнаго органа.

Что касается богатства извилинами головного мозга, то, въ этомъ отношеніи, мозгъ человѣка также занимаетъ не первое мѣсто въ ряду животныхъ, такъ какъ выше его стоитъ мозгъ морскихъ млекопитающихъ. Несмотря на это человѣческій мозгъ занимаетъ все же первенствующее мѣсто. Во-первыхъ, среди тѣхъ крупныхъ животныхъ, поверхность тѣла которыхъ не мѣшаетъ правильному разсчету въ указанномъ выше смыслѣ, онъ вѣситъ относительно несравненно больше. Во-вторыхъ, та часть мозга, которую мы должны разсматривать, какъ вмѣстилище умственныхъ способностей, своей массой значительно превосходитъ остальныя части мозга, — несравненно больше, чѣмъ у какого-либо другого животнаго. Наконецъ, среди мозговъ, всѣхъ животныхъ, мозгъ человѣка гораздо обильнѣе снабженъ тѣми образованіями, которыя соединяютъ отдѣльныя части мозга между собой и обусловливаютъ ихъ совокупное дѣйствіе, — фактъ, которому надо приписать, какъ мы выше указывали, различія между отдѣльными мозгами.

Мы уже говорили, что глазныя орбиты, кости носа и челюстной аппаратъ составляютъ лицевую часть черепа. Въ указанныхъ частяхъ черепа, изъ которыхъ нѣкоторыя отличаются

Мужчина и женщина. I. Т-во „Просвѣщеніе“ въ Спб.

Фарнезскій Геркулесъ.

Античная скульптура въ Неаполитанскомъ Національн. Музеѣ.

(По фотографіи Нов. Фотограф. Общества въ Берлинѣ.)

очень прочнымъ строеніемъ, мы часто находимъ приспособленіе, имѣющее цѣлью соединить прочность костей съ возможно меньшимъ вѣсомъ ихъ, а именно: кости снабжены твердой и плотной наружной стѣнкой, но внутри онѣ полыя и наполнены воздухомъ. Подобнаго рода полости, непосредственно связанныя съ носовой полостью, мы видимъ, напримѣръ, въ верхней челюсти и въ лобной кости. Защиту глаза обусловливаетъ, главнымъ образомъ, сильное развитіе лобной кости, которая образуетъ надъ глазомъ возвышеніе въ видѣ такъ назыв. надбровной дуги (см. рис. 12 во II ч. этого тома). У животныхъ, въ особенности у гориллы, это возвышеніе развито еще сильнѣе и указываетъ намъ на то, что оно, дѣйствительно, предназначено играть роль защитительнаго органа въ борьбѣ съ внѣшними условіями.

Самымъ выдающимся признакомъ лицевой части черепа животныхъ является высокая степень развитія челюстного аппарата, цѣль котораго не только размельчать пищу, но и служить орудіемъ для защиты и нападенія. Здѣсь также сказывается вліяніе борьбы съ внѣшними условіями. Но у человѣка, параллельно съ многостороннимъ пользованіемъ верхними конечностями и изобрѣтеніемъ оружія, требовавшимъ только работы рукъ, шло обратное развитіе челюстного аппарата.

Костной опорой шеи является позвоночный столбъ, шейная часть котораго, очень подвижная, вмѣстѣ съ суставами, связывающими его съ черепомъ, обусловливаютъ собой подвижность головы. Сзади и съ боковъ вся шейная часть позвоночника покрыта мускулами, часть которыхъ управляетъ движеніями головы и туловища, другая же часть направляется къ верхнимъ конечностямъ. Среди нихъ самую важную роль играетъ трапецієвидный мускулъ, который идетъ отъ затылка и позвоночника до середины спины и образуетъ своей верхней частью боковыя очертанія шеи. Въ тѣхъ случаяхъ, когда затылокъ очень широкъ — „бычачій затылокъ“, — какъ, напр., у „Фарнезскаго Геркулеса“ (см. рис. на отд. листѣ), это зависитъ, главнымъ образомъ, отъ особенно сильнаго развитія именно указаннаго мускула.

Спереди шейной части позвоночника, между парой мускуловъ, идущихъ отъ головы къ грудной кости и ключицѣ и обыкновенно явственно выступающихъ подъ кожей, лежать внутренніе органы шеи: глотка и пищеводъ, гортань и дыхательное горло и щитовидная железа, а съ боковъ къ нимъ примыкаютъ большіе кровеносные сосуды головы и важные нервные стволы. Изъ означенныхъ органовъ намъ здѣсь интересно разсмотрѣть подробно лишь гортань. Она состоитъ изъ цѣлаго ряда хрящей, которые подвижно соединены между собой, приводятся въ движеніе мускулами и окружаютъ собою полость, выстланную слизистой оболочкой. Основою гортани служитъ перстневидный хрящъ, самое названіе котораго указываетъ на его форму. На немъ расположенъ щитовидный хрящъ. Кромѣ того, въ составъ гортани входятъ еще надгортанный хрящъ и три симметричныхъ пары болѣе мелкихъ хрящей. Изъ всѣхъ хрящей гортани особенно сильно развитъ щитовидный хрящъ, состоящій изъ двухъ пластинокъ, которыя спереди связаны между собою поперечнымъ мостикомъ, а сзади соединены при помощи сочлененія съ коль-

цевиднымъ хрящемъ. Такъ какъ мѣсто соединенія обѣихъ пластинокъ уже послѣднихъ, то верхній край щитовиднаго хряща снабженъ довольно глубокой выемкой, которую легко ощупать у живого человѣка. На возвышенномъ заднемъ краѣ кольцевиднаго хряща расположены суставно связанные съ нимъ мелкіе хрящи, между переднимъ краемъ которыхъ и серединой щитовиднаго хряща натянуты голосовыя связки, представляющія собой, въ сущности, мускульные тяжи (ср. рис. 23 и 24 во II ч. наст. тома); ихъ длина, и стоящая въ связи съ этимъ высота звука, обусловливается прежде всего размѣромъ гортани, затѣмъ степенью выпуклости щитовиднаго хряща, а слѣдовательно, длиною обѣихъ его пластинокъ и характеромъ ихъ изгиба и соединенія по средней линіи.

Какъ въ области шеи, такъ и въ области туловища, позвоночный столбъ является той основой, на которой покоится вся эта часть тѣла. Онъ представляетъ собой не прямой столбъ, а изогнутъ въ видѣ буквы **S**, при чемъ въ грудной части туловища обращенъ выпуклостью кзади (грудной изгибъ), въ поясничной же части выдается напередъ (поясничный изгибъ). Къ послѣдней примыкаетъ тазовая часть позвоночника, крестецъ, который состоитъ изъ слившихся другъ съ другомъ позвонковъ и обращенъ своею выпуклостью кзади (ср. рис. 16 и 17 во II ч. наст. тома).

Въ грудной части боковыя стѣнки туловища также образованы изъ костей, реберъ, которыя назади суставно соединены съ позвоночникомъ, а спереди (за исключеніемъ двухъ послѣднихъ реберъ) прикрѣплены своей хрящевою частью либо прямо, либо при посредствѣ хрящей другихъ реберъ къ грудной кости и соединены между собой мышцами, вслѣдствіе чего вся грудная клѣтка оказывается совершенно замкнутой. Внизу она ограничена грудобрюшной преградой, которая начинается отъ нижнихъ реберъ и дугъ, образованныхъ ихъ хрящевыми концами, а также отъ позвоночника и грудной кости, и задается на подобіе свода кверху, въ полость костной грудной клѣтки. Въ образованной такимъ путемъ грудной полости заключаются сердце и легкія.

Грудобрюшная преграда представляетъ самую важную дыхательную мышцу. Во время ея сокращенія опускается образуемая ею выпуклость, и такимъ образомъ расширяется грудная полость. Вслѣдствіе давленія воздуха, благодаря которому легкія всегда прижаты къ грудной стѣнкѣ, они также должны расшириться. При этомъ брюшная полость уменьшается, но затѣмъ, при болѣе сильномъ выпячиваніи брюшной стѣнки, снова принимаетъ прежній свой размѣръ. Такого рода дыханіе называется грудобрюшнымъ, или брюшнымъ. Но расширеніе грудной полости происходитъ и другимъ путемъ, который играетъ роль при такъ назыв. реберномъ, или грудномъ, дыханіи. Такъ какъ ребра, сочлененно связанныя, какъ мы уже упоминали, съ позвоночникомъ, идутъ наклонно сзади и сверху напередъ и внизъ, то грудная кость не только поднимается, когда поднимаются ребра, но и отодвигается отъ позвоночника. Этому способу расширенія грудной клѣтки служатъ частію специальные подниматели реберъ, частію же межреберные мускулы.

Къ грудной кости прикрѣплены посредствомъ сочлененій ключицы, которыя вмѣстѣ съ лопатками составляютъ плечевой поясъ; онъ поддерживаетъ верхнія конечности и обусловливаетъ собой ширину верхней части туловища, или ширину плечъ.

Область живота ограничена костями только сзади, въ поясничной части позвоночника, передняя же и боковыя стѣнки ея состоятъ изъ одной только мускулатуры. Благодаря этому.

стѣнки живота во всякое время могутъ приспособиться къ крайне измѣнчивымъ размѣрамъ брюшныхъ органовъ. Въ особенности различны размѣры пищеварительныхъ органовъ, зависящіе отъ рода и количества принятой пищи; у женщины во время беременности происходитъ сильное увеличеніе полости живота по мѣрѣ роста младенца, поднимающагося изъ таза въ полость живота. Изъ всѣхъ тканей тѣла одна лишь мышечная ткань обладаетъ способностью быстро приспособляться къ такимъ значительнымъ измѣненіямъ въ размѣрахъ, какія приходится, напримѣръ, испытывать стѣнкамъ живота въ теченіе родовъ.

Съ боковъ полость таза также ограничена костями; кверху она продолжается въ брюшную полость, а книзу, въ области тазового выхода, она замыкается особенной мышечной пластинкою, черезъ которую проникаютъ нижній отдѣлъ кишечника и отводящіе мочу и половые продукты пути.

Костная часть таза представляетъ собой сводъ, назначеніе котораго заключается въ томъ, чтобы передать тяжесть туловища съ позвоночнаго столба на нижнія конечности. Она состоитъ изъ трехъ костей: двухъ безыменныхъ (каждая изъ нихъ, въ свою очередь, произошла путемъ слиянія трехъ костей — подвздошной, сѣдалищной и лобковой) и крестца. Обѣ первыя связаны спереди между собой, а сзади — съ крестцомъ, истиннымъ, но очень мало подвижнымъ сочлененіемъ. Нижнія конечности прикрѣпляются при помощи тазобедреннаго сочлененія къ наружной поверхности безыменной кости (ср. рис. 18, 19, 21, 22 во II ч. наст. тома).

Тазъ раздѣляется на двѣ главныя части, называемыя большимъ и малымъ тазомъ. Границу между большимъ и малымъ тазомъ образуетъ съ боковъ изгибъ безыменной кости, а сзади — промежутокъ между поясничной частью позвоночника и крестцомъ. Полость большого таза ограничивается съ боковъ широкими и плоскими подвздошными костями, составляющими верхнюю часть безыменныхъ костей. (Чѣмъ больше разстояніе между свободными краями подвздошныхъ костей, тѣмъ шире тазъ; ширину его можно измѣрить на живомъ человѣкѣ, такъ какъ эти края, гребни подвздошныхъ костей, лежатъ подъ кожей.) Спереди подобной границы нѣтъ, и мышечная стѣнка живота простирается до малаго таза. Сзади въ ограниченіи большого таза принимаетъ участіе конечный отдѣлъ поясничной части позвоночника. Все это пространство соединено съ полостью живота и не отграничено отъ него рѣзко.

Полость малаго таза имѣетъ иной видъ. Она начинается у входного отверстія таза, которое соотвѣтствуетъ линіи, отдѣляющей большой тазъ отъ живота и представляющей замкнутую линію, приблизительно въ видѣ окружности; заканчивается малый тазъ выходнымъ отверстіемъ, ограниченнымъ частію костями, частію сухожильными связками. Костную границу его составляютъ нижній конецъ крестцовой кости вмѣстѣ съ копчиковой костью, а затѣмъ два большихъ бугра, принадлежащихъ сѣдалищной кости, получившей свое названіе отъ того, что она служитъ опорой туловищу при сидѣніи и, наконецъ, изъ костныхъ перекладинъ, идущихъ отъ бугровъ сѣдалищной кости и замыкающихъ уголъ лобковой кости. Связки идутъ отъ крестца и сѣдалищной кости частію къ названному бугру, частію къ лежащему позади него отростку той же кости.

Въ общемъ, полость малаго таза представляетъ приблизительно форму цилиндра, но съ изогнутой осью, соотвѣтствующей изгибу его задней стѣнки, крестца. Въ немъ помѣщается прямая кишка, затѣмъ внутренніе половые органы и мочевой пузырь; но послѣдній лежитъ въ полости малаго таза, пока онъ не сильно переполненъ мочей; въ растянутомъ же состояніи онъ задается даже въ брюшную полость.

Входное отверстіе таза расположено не горизонтально, какъ это принимали анатомы до половины XIX столѣтія, а съ силь-

нымъ наклономъ напередъ; съ горизонтальной линіей онъ составляетъ уголъ приблизительно въ 60 градусовъ. Указанный наклонъ обусловленъ преимущественно сильнымъ изгибомъ поясничной части позвоночнаго столба (ср. рис. 16 и 17 во II ч. наст. тома).

Къ костному тазу примыкаетъ бедренная кость; мы должны упомянуть здѣсь и объ этой кости въ виду отношенія ея къ половымъ различіямъ. Она имѣетъ видъ (ср. рис. 6 и 7 во II ч. наст. тома) длиннаго стержня или трубки, на задней поверхности которой находится идущій въ продольномъ направленіи гребешокъ, служащій для прикрѣпленія мускуловъ; нижній конецъ бедра имѣетъ суставную поверхность для сочлененія съ верхнимъ широкимъ концомъ большой берцовой кости въ колѣнномъ суставѣ, а верхній конецъ заканчивается шарообразной головкой, сидящей на косо поставленной шейкѣ бедренной кости. Соединяется бедренная кость съ тазомъ при помощи тазобедреннаго сочлененія. На мѣстѣ перехода шейки въ стержень находится бугоръ, большой вертелъ, служащій для прикрѣпленія мышцъ. (Малымъ вертеломъ называется бугорокъ меньшей величины, который лежитъ нѣсколько ниже большого и служитъ также для прикрѣпленія мышцъ.) Разстояніе между обоими большими вертелами, лежащими непосредственно подъ кожей, опредѣляетъ собою наибольшую ширину бедеръ и даетъ возможность опредѣлить ширину и объемъ таза и на живомъ человѣкѣ, что особенно важно въ акушерствѣ.

Рис. 30. Ребенокъ въ возрастѣ 6-ти дней. По Штрацъ.

Верхняя и нижняя конечности состоятъ въ общемъ изъ одинаковыхъ костей и имѣютъ большей частію вполнѣ сходные мускулы; развѣтвленія кровеносныхъ сосудовъ и нервовъ также имѣютъ большое сходство. Но отдѣльныя части каждой конечности предназначены для различной работы и потому и различаются между собою по формѣ. Верхнія конечности обладаютъ всесторонней подвижностью и являются органами, приспособленными для работы и схватыванія, между тѣмъ какъ нижнія конечности предназначены исключительно для поддержанія тѣла и передвиганія его.

Къ элементамъ, которые принимаютъ участіе въ строеніи человѣческаго и животнаго тѣла и отъ которыхъ зависитъ внѣшній видъ, принадлежатъ, главнымъ образомъ, скелетъ, мускулы и жиръ; они въ то же время образуютъ и вмѣстилища для внутреннихъ органовъ.

Въ составъ скелета, какъ уже было упомянуто выше, входятъ кости и хрящи. Костная ткань, имѣющая довольно сложное микроскопическое строеніе, отличается, главнымъ образомъ, тѣмъ, что содержитъ довольно большое количество известковыхъ солей, придающихъ ей значительную крѣпость. Гораздо меньшей плотностью отличается хрящевая ткань, имѣющая и совершенно иное микроскопическое строеніе.

Мускулатура представляетъ собою ткань, элементами которой являются микроскопически-тонкія и длинныя волокна, называемыя мускульными (или мышечными) волокнами; они образуютъ собою мясо, значеніе котораго, какъ питательнаго матеріала, зависитъ отъ обилія въ немъ бѣлковыхъ тѣлъ. То,

что при разсматриваніи свѣжаго мяса кажется намъ въ видѣ мясного волокна, въ дѣйствительности, представляетъ собою пучокъ многочисленныхъ мышечныхъ волоконъ.

Жиръ состоитъ изъ шаровидной формы жировыхъ клѣтокъ, изъ которыхъ каждая содержитъ внутри большую каплю жира, при чемъ составныя части клѣтокъ, ядро и протоплазма, занимаютъ второстепенное мѣсто. Жировая ткань образуетъ непрерывный слой подъ кожей и представляетъ, какъ плохой проводникъ тепла, средство защиты тѣла отъ потери тепла. Кромѣ того, она помѣщается между отдѣльными органами и заполняетъ промежутки между ними.

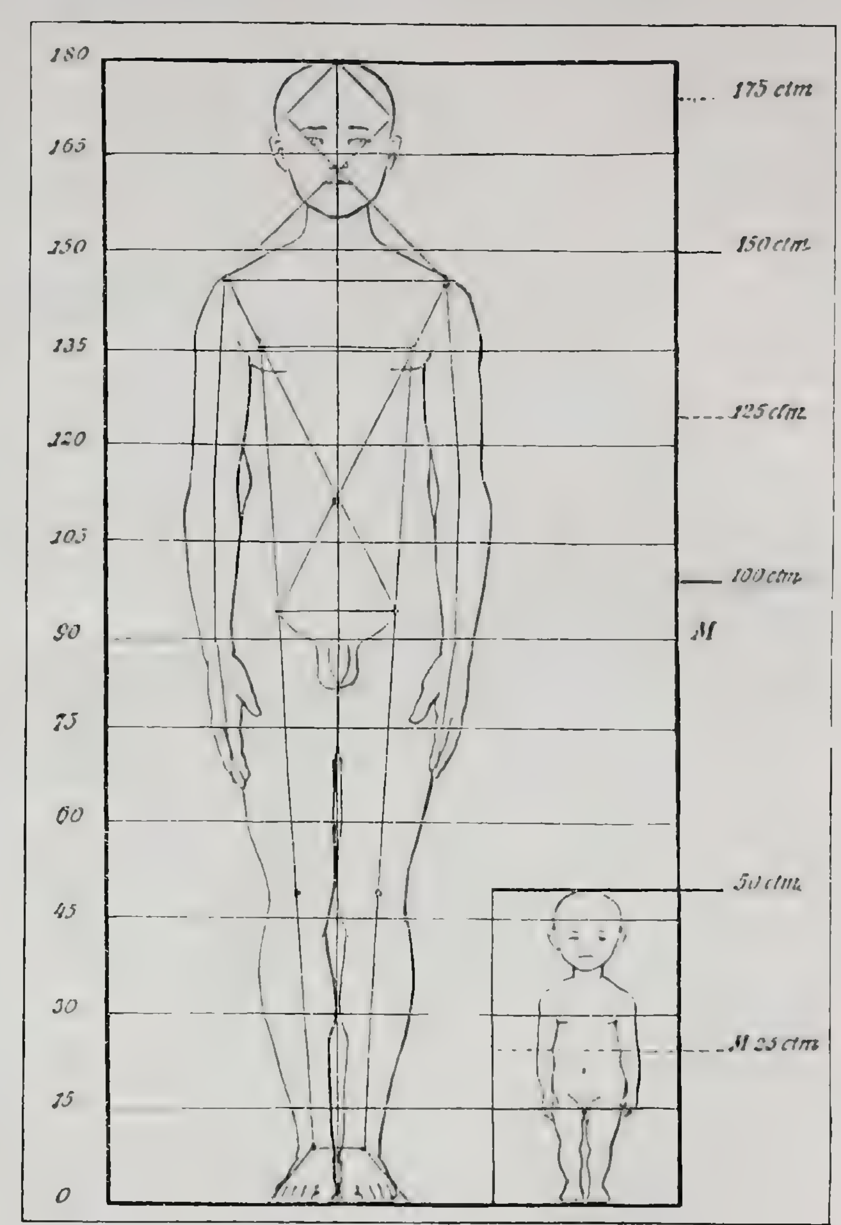

Рис. 31. Отношенія размѣровъ отдѣльныхъ частей тѣла у взрослаго и новорожденнаго. По Штрацъ.

Величина человѣческаго тѣла и раздѣленіе его на отдѣлы обусловливается, главнымъ образомъ, его скелетомъ; теорія соразмѣрности частей есть, въ сущности, теорія соотношенія частей скелета. Мускулатура даетъ поверхности тѣла, за исключеніемъ немногихъ мѣстъ, гдѣ скелетъ непосредственно прилегаетъ къ кожѣ, основу для его формъ, для общаго рельефа; только на черепѣ она занимаетъ самое послѣднее мѣсто. Въ области лица въ формированіи поверхности принимаетъ участіе не только скелетъ, но и другой важный формирующій факторъ, жиръ. Но и въ остальныхъ частяхъ тѣла мы видимъ у всякаго не исхудавшаго человѣка вліяніе жировой ткани на образованіе формы поверхности; она сглаживаетъ или даже совершенно скрываетъ мышечные рельефы и скопляется на нѣкоторыхъ мѣстахъ, особенно на груди, на животѣ и на ягодицахъ, въ довольно значительномъ количествѣ.

Въ нѣкоторыхъ частяхъ тѣла на внѣшнія формы оказываютъ большое вліяніе еще и внутренніе органы; это въ особенности замѣчается на шеѣ, гдѣ часто выдаются гортань и щитовидная железа, и въ области живота, форма и величина котораго находятся подъ вліяніемъ величины и временнаго увеличенія брюшныхъ органовъ. Наоборотъ, вліяніе кровеносной и нервной системы на внѣшнія формы является весьма незначительнымъ, и лишь мѣстами только сосуды и нервы выступаютъ замѣтно подъ кожей въ видѣ тяжей.

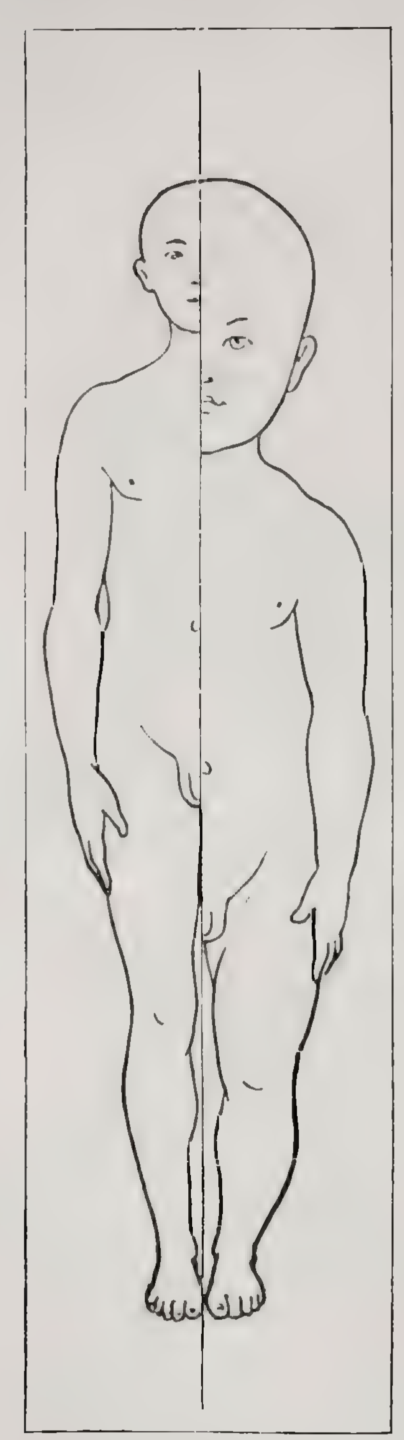

Рис. 32. Новорожденный и взрослый при одинаковыхъ размѣрахъ тѣла. По Штрацъ.

Но, какъ мы уже замѣтили, одна часть нервной системы, головной мозгъ, имѣетъ большое значеніе для образованія формы тѣла, благодаря тому вліянію, которое онъ оказываетъ на скелетъ, именно, на черепную крышку. Этотъ фактъ лишній разъ указываетъ намъ, что всѣ органы находятся во взаимной зависимости другъ отъ друга, что тѣло каждаго живого существа представляетъ извѣстный компромиссъ между требованіями отдѣльныхъ органовъ въ отношеніи пространства и пищи для себя; вмѣстѣ съ тѣмъ во время развитія каждый органъ стремится усовершенствовать по возможности свои функціи. Функція обусловливаетъ собой форму, и послѣдняя можетъ быть понята лишь тогда, когда понятна вполнѣ первая. Съ этой точки зрѣнія должны быть разсматриваемы и различія между полами, хотя въ настоящее время, правда, нами сдѣланы еще только первые шаги въ этомъ отношеніи, и мнѣнія изслѣдователей сильно расходятся между собой.

Во всякомъ случаѣ, отдѣльный индивидуумъ не долженъ быть разсматриваемъ, какъ явленіе обособленное, а поставленъ въ связи съ жизнью всего вида, при чемъ вниманіе должно быть обращено также и на его развитіе. Вотъ почему намъ слѣдуетъ разсмотрѣть и характерныя особенности въ строенія тѣла ребенка; это необходимо еще и потому, что многія особенности въ строеніи женщины представляютъ собою извѣстное сходство съ дѣтскимъ типомъ.

Двѣ системы органовъ налагаютъ своимъ необычайнымъ развитіемъ особую печать на образованіе дѣтскаго тѣла, — центральная нервная система, главнымъ образомъ, головной мозгъ, и пищеварительный аппаратъ. Въ сравненіи съ ними, двигательный аппаратъ,

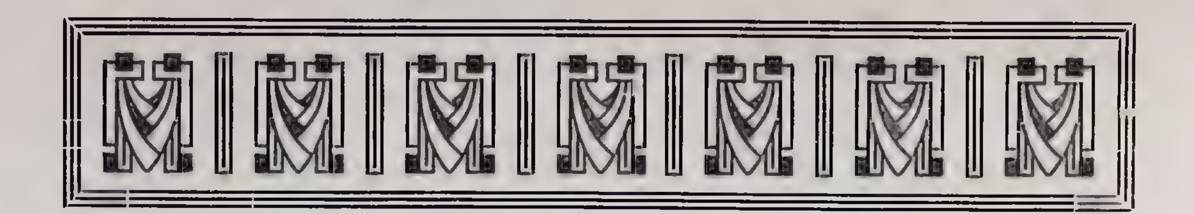
скелетъ и мускулатура занимаютъ второстепенное мѣсто; недостаточность въ ихъ функціи восполняется материнскимъ уходомъ. Степень важности головного мозга сказывается уже въ раннемъ появленіи зачатка его у зародыша и въ быстромъ и сильномъ дальнѣйшемъ его развитіи; въ первые періоды развитія плода голова составляетъ почти половину величины всего тѣла.

Соотвѣтственно съ этимъ, и черепъ также измѣняетъ пропорціи дѣтскаго тѣла въ сравненіи съ отношеніями позднѣйшаго возраста. У взрослаго длина тѣла превосходитъ, въ среднемъ, величину головы въ семь съ половиною разъ, между тѣмъ какъ у новорожденнаго тѣло всего лишь вчетверо длиннѣе головы (ср. рис. 30). При этомъ лицевая часть черепа поразительно мала, потому что жидкая пища не требуетъ аппарата для жеванія, а вмѣстѣ съ тѣмъ зубы еще не успѣли развиться. Далѣе, въ области туловища особенно обращаетъ на себя вниманіе своей величиной и выпуклостью брюшной отдѣлъ, при чемъ почти всѣ заключенные въ брюшной полости органы также сравнительно тяжелѣе, чѣмъ у взрослаго. Грудная клѣтка, наоборотъ, сравнительно мала, — она короче и относительно болѣе выпукла, чѣмъ у взрослаго.

Значительное различіе наблюдается также въ собственно двигательномъ аппаратѣ — въ конечностяхъ, въ особенности въ нижнихъ. У новорожденнаго ноги едва достигаютъ трехъ восьмыхъ общей длины тѣла, тогда какъ у взрослаго онѣ составляютъ половину или немного больше всей длины тѣла. Во время дальнѣйшаго роста отстаетъ, сравнительно, только головной мозгъ. Въ увеличеніи длины тѣла наибольшее, сравнительно, участіе принимаютъ нижнія конечности (ср. рис. 31 и 32).

Развитіе человѣка длится несравненно дольше, чѣмъ у многихъ животныхъ. Это обусловливается тѣмъ, что такой необычайно сложный аппаратъ, какъ головной мозгъ, требуетъ для своего полнаго развитія много времени. Сообразно съ этимъ, и продолжительность беременности у человѣка очень значительна, — ее превосходитъ только продолжительность беременности у самыхъ крупныхъ животныхъ; но къ этому надо еще прибавить и необычайно долгій сравнительно періодъ дѣтства, ставящій человѣка въ гораздо болѣе долгую зависимость отъ родительскаго ухода, чѣмъ это замѣчается у животныхъ.

Въ какой мѣрѣ указанное обстоятельство связано съ особенностями физической природы того и другого пола, — вопросъ этотъ долженъ быть разсмотрѣнъ отдѣльно, что мы и попытаемся сдѣлать во второй части настоящаго тома.

Глава вторая.

Половая и воспроизводительная дѣятельность мужчины.

Д-ръ мед. Альбертъ Молль (Берлинъ).

Чтобы уяснить себѣ половую и дѣтородную дѣятельность мужчины, необходимо знать тѣ органы, которые ей служатъ. Размноженіе человѣка происходитъ такимъ путемъ, что мужская и женская половыя клѣтки соединяются въ материнскомъ организмѣ (ср. стр. 4 и слѣд.). Мужскія половыя клѣтки содержатся въ сѣмени, которое приготовляется въ яичкахъ, или тестикулахъ, — мужскихъ половыхъ железахъ. Они принадлежатъ къ парнымъ железамъ, имѣютъ яйцевидную форму и лежатъ въ плотномъ мѣшкѣ изъ соединительной ткани, — въ такъ называемой мошонкѣ (рис. 33 a). Каждое яичко (рис. 33 b) состоитъ изъ особой ткани, приготовляющей половыя клѣтки, такъ называемой паренхимы яичка, и соединительнотканнаго остова, раздѣляющаго паренхиму на множество долекъ. Каждая долька состоитъ изъ многихъ, многократно изогнутыхъ и связанныхъ другъ съ другомъ сѣменныхъ канальцевъ, стѣнки которыхъ вырабатываютъ сѣмя. Сѣменные канальцы сливаются въ нѣсколько ходовъ, которые затѣмъ выходятъ изъ яичекъ.

Они переходятъ въ придатокъ яичка (рис. 33 c и 37 a), имѣющій видъ продолговатаго, сверху утолщеннаго тѣла (рис. 37 b), которое верхнею своею частью, такъ называемою головкой придатка, прикрѣпляется назади къ яичку. Многократно извиваясь (рис. 34 a), они оставляютъ придатокъ у его нижняго конца, и сливаются въ одинъ каналъ, — сѣмевыносящій протокъ (рис. 33 d и 34 b). Такимъ образомъ, этотъ послѣдній представляетъ собой выводной протокъ яичекъ и проводитъ поступившую въ него сѣменную жидкость. Затѣмъ онъ проходитъ черезъ паховый каналъ въ брюшную полость и направляется дальше внизъ.

Прежде чѣмъ слѣдить за нимъ дальше, цѣлесообразно будетъ познакомиться со строеніемъ мужского члена. Мы видимъ лишь переднюю часть послѣдняго (рис. 33 e), спускающуюся впереди мошонки, задняя же часть его скрыта внутри тѣла. Передняя часть мужского члена образуетъ съ заднею, скрытою, его частью уголъ, который исчезаетъ при извѣстныхъ условіяхъ, а именно — при напряженіи члена. Самую переднюю часть члена составляетъ головка (рис. 33 f); она покрыта кожной складкой, —

крайней плотью, которая иногда удаляется, — по обрядовымъ соображеніямъ, какъ, напр., у восточныхъ народовъ, или же по медицинской надобности, когда, напр., она слишкомъ тѣсно охватываетъ головку.

Черезъ весь членъ проходитъ мочеиспускательный каналъ (рис. 35 a). Главную массу мужского члена составляютъ три пещеристыхъ тѣла. Два изъ нихъ (рис. 36 a), особенно сильно развитыя, спереди постепенно сходятся и соединяются въ одно тѣло, которое достигаетъ задняго углубленія головки (рис. 35 b). Въ желобкѣ, образуемомъ указанными двумя тѣлами, лежитъ мочеиспускательный каналъ, помѣщающійся въ третьемъ пещеристомъ тѣлѣ (рис. 36 b). Пещеристыя тѣла состоятъ изъ губчатой ткани, въ полости которой открываются кровеносные сосуды. При наполненіи этихъ полостей кровью, членъ необычайно увеличивается въ объемѣ, а именно — становится длиннѣе и толще, а вмѣстѣ съ тѣмъ и тверже. Обычно мягкій, членъ пріобрѣтаетъ плотность хряща, причемъ измѣняется и положеніе его — передняя, отвислая обычно часть, выпрямляется. Этотъ процессъ называется эрекціей, или напряженіемъ.

По Шпальтгольцъ, „Анатомическій атласъ".

Рис. 33. Мужскіе половые органы, по удаленіи лѣвой стѣнки таза и при разсматриваніи слѣва.

a — мошонка, b — яичко, c — придатокъ яичка, d — отводящій семя протокъ, e — мужской членъ. f — головка, g — предстательная железа, h — сѣменной пузырекъ.

Только благодаря указанному измѣненію плотности члена при половомъ возбужденіи мужчина получаетъ возможность проникнуть въ женскіе половые органы, ввести въ нихъ сѣмя, а путемъ тренія вызвать или усилить сладострастное чувство у женщины.

Если прослѣдить мочеиспускательный каналъ по направленію кзади, то мы увидимъ, что онъ, изгибаясь приблизительно въ видѣ буквы **S**, сообщается съ мочевымъ пузыремъ (рис. 35 c) и представляетъ выводной протокъ послѣдняго. Задняя часть

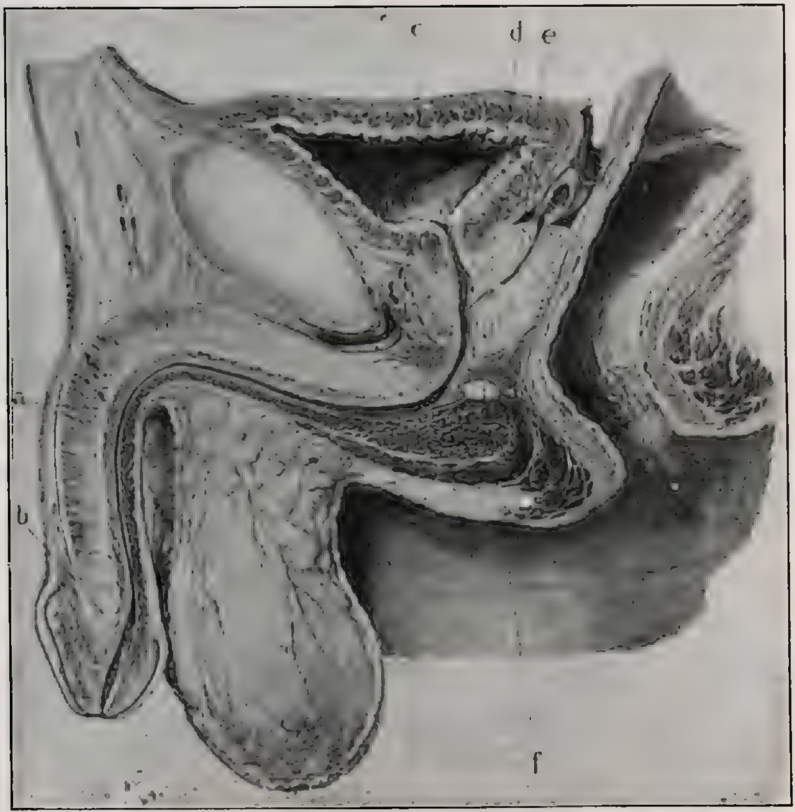
По Шпальтгольцъ, „Анатомич. атласъ".

Рис. 34. Правое яичко и придатокъ его съ наружной стороны по удаленіи одного отдѣла яичка. Придатокъ яичка отпрепарованъ

а — сѣменные канальцы, b — сѣмевыносящій протокъ.

мочеиспускательнаго канала окружена предстательной железой (рис. 33 g и 35 d), имѣющей приблизительно форму каштана. Она состоитъ изъ множества долекъ, которыя помощью двадцати или тридцати выводныхъ канальцевъ сообщаются съ мочеиспускательнымъ каналомъ. Позади предстательной железы лежатъ оба сѣменныхъ пузырька (рис. 33 h), по одному съ каждой стороны. Они представляютъ собою продолговатыя образованія съ бугорчатой поверхностью. Каждый сѣменной пузырекъ имѣетъ выводной протокъ, соединяющійся съ вышеописаннымъ сѣменнымъ протокомъ въ одинъ каналъ — выбрасывающій сѣмя каналъ (рис. 35 e). Этотъ послѣдній пронизываетъ предстательную железу и, наконецъ, открывается въ заднюю часть мочеиспускательнаго канала, который такимъ путемъ получаетъ возможность вывести наружу вырабатываемое яичками сѣмя.

Нѣкоторымъ кажется неяснымъ вопросъ, отчего сѣмя при такихъ условіяхъ не изливается постоянно. Вѣроятно, это объясняется совокупностью нѣсколькихъ причинъ. Прежде всего, стѣнки выводныхъ протоковъ очень мягки и легко сжимаются предстательной железой, вслѣдствіе чего сѣмя можетъ выдѣлиться наружу только при болѣе сильномъ давленіи, какое производятъ,

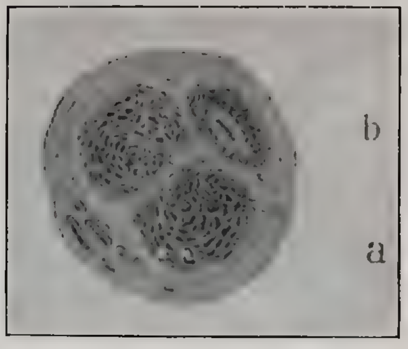

По Шпальтгольцъ, „Анатомическій атласъ"

Рис. 35. Разрѣзъ черезъ середину мужск. полов. органовъ; правая половина при разсматриваніи съ лѣвой стороны.

а — мочеиспускательный каналъ, b — головка мужского члена, с — мочевой пузырь, d — предстательная железа, e — выводной каналъ сѣменныхъ пузырьковъ, f — куперовы железы.

напримѣръ, извѣстные мускулы во время совокупленія. Возможно также, что постоянному истеченію сѣмени препятствуетъ складка, расположенная въ томъ мѣстѣ, гдѣ выбрасывающіе сѣмя протоки открываются въ мочеиспускательный каналъ; она дѣйствуетъ, какъ клапанъ, и сглаживается, исчезаетъ только при эрекціи.

По Шпальтгольцъ, „Анатом. атласъ“.

Рис. 36. Поперечный разрѣзъ мужского члена.

a — оба пещеристыхъ тѣла, b — третье пещеристое тѣло.

Что касается сѣмени, то, какъ уже было упомянуто выше, оно вырабатывается въ яичкахъ. Важнѣйшую часть сѣмени составляютъ сѣменныя нити, или сѣменныя тѣльца (рис. 38), которыхъ можно видѣть подъ микроскопомъ, даже при сравнительно небольшомъ увеличеніи. Онѣ разсматриваются, какъ клѣтки, снабжены головкой и длиннымъ хвостомъ и отличаются чрезвычайной подвижностью. Сѣмя изъ яичекъ поступаетъ въ выше описанные канальцы, гдѣ и остается вплоть до выведенія его изъ организма. Изъ сѣменныхъ пузырьковъ къ сѣмени примѣшиваются нѣкоторыя вещества, значеніе которыхъ учеными еще не вполнѣ выяснено. Кромѣ того, сѣмя, поступая въ мочеиспускательный каналъ, нѣсколько измѣняется примѣсью выдѣленій нѣкоторыхъ другихъ железъ, въ особенности предстательной и такъ называемыхъ куперовыхъ (рис. 35f) железъ, которыя расположены позади мочеиспускательнаго канала и открываются въ него.

Выведеніе сѣмени происходитъ посредствомъ спеціальныхъ мускуловъ, равномѣрно сокращающихся подъ вліяніемъ соотвѣтствующаго раздраженія и своимъ сокращеніемъ выбрасывающихъ сѣмя съ извѣстной силой. Эта сила индивидуально очень измѣнчива. Точно такъ же количество сѣмени, выдѣляемое при каждомъ половомъ актѣ, подвержено сильнымъ индивидуальнымъ колебаніямъ. Послѣ долгаго воздержанія количество сѣмени бываетъ большимъ, а всего больше оно въ періодъ самой интенсивной половой дѣятельности. Предполагаютъ, что въ возрастѣ между 25 и 35 годами при каждомъ половомъ актѣ выдѣляется въ среднемъ 8 грам. сѣмени.

По Шпальтгольцъ, „Анатомич. атласъ“.

Рис. 37. Правое яичко и придатокъ его, по вскрытіи оболочекъ, при разсматриваніи съ правой стороны.

a — придатокъ яичка, b — яичко.

Выдѣленіе сѣмени представляетъ собою при нормальныхъ условіяхъ очень сложный процессъ. Оно не зависитъ непосредственно отъ воли, какъ, напр., выпусканіе мочи. При нормальномъ актѣ выдѣленію пред-

шествуетъ напряженіе и отвердѣніе члена, зависящія, какъ мы видѣли выше, отъ наполненія его кровью. Послѣднее находится подъ вліяніемъ нервовъ кровеносныхъ сосудовъ; послѣдніе, въ свою очередь, подчинены дѣйствію такъ называемаго „центра эрекціи“, который расположенъ въ нижней части спинного мозга, въ поясничномъ его отдѣлѣ, и оказываетъ свое вліяніе на извѣстные сосудистые нервы.

Самый центръ эрекціи можетъ раздражаться подъ вліяніемъ различныхъ процессовъ, какъ физическихъ, такъ и душевныхъ. Прикосновеніе къ нѣкоторымъ мѣстамъ кожи, особенно въ области половыхъ частей, и другія раздраженія могутъ повести къ напряженію члена; точно такъ же раздраженіе мочеиспускательнаго канала, какое бываетъ, напр., при трипперѣ, а равно и наполненіе мочевого пузыря могутъ вызвать напряженіе члена. Этимъ объясняется, вѣроятно, напряженіе члена, являющееся у многихъ мужчинъ по утрамъ.

Рис. 38. Зрѣлыя сѣменныя нити человѣка.

Душевныя раздраженія могутъ такъ же вліять на центръ эрекціи, какъ и чисто физическія, причемъ такими раздраженіями бываютъ представленія чувственнаго характера, свойственныя тому или другому лицу. Такимъ образомъ, у нормальнаго мужчины наступаетъ эрекція при нормальныхъ представленіяхъ, касающихся женщины, у извращеннаго — при извращенныхъ; у гомосексуалиста, напр., при представленіяхъ о мужчинѣ, у садиста — при представленіяхъ о причиняемой женщинѣ боли. Роль душевныхъ раздраженій могутъ играть также чувственныя воспріятія, напр., видъ женщины, а также и картины воспоминаній. И тотъ, и другой характеръ представленій можетъ привести къ эрекціи посредствомъ раздраженія центра эрекціи. Вообще, рѣзкое разграниченіе физическихъ и душевныхъ раздраженій почти невозможно, такъ какъ они внутренно тѣсно связаны между собой. Раздраженія кожи, напр., большей частью вызываютъ половыя представленія и только въ рѣдкихъ случаяхъ вліяютъ какъ изолированныя нормальныя раздраженія. То же надо сказать о внутреннихъ органическихъ раздраженіяхъ, въ особенности о накопленіи сѣмени, которое также возбуждаетъ половыя представленія. Съ другой стороны, одни половыя представленія едва ли достаточны для эрекціи. Если, напр., сѣмя выдѣлилось, то одни представленія врядъ ли вызовутъ эрекцію, иначе говоря, въ данномъ случаѣ необходимо еще физическое раздраженіе. При нормальныхъ условіяхъ, для этого достаточно внутренняго органическаго раздраженія, вызываемаго накопленіемъ сѣмени, въ связи съ половыми представленіями. Въ искусственныхъ внѣшнихъ раздраженіяхъ, особенно кожи, необходимости нѣтъ.

При нормальныхъ условіяхъ эрекція предшествуетъ выдѣленію сѣмени. У человѣка здороваго выдѣленія не бываетъ безъ внѣшняго физическаго раздраженія, какимъ является при совокупленіи взаимное треніе половыхъ частей. Конечно, подъ вліяніемъ чувственныхъ представленій выдѣленіе значительно усиливается, но безъ всякаго внѣшняго раздраженія оно возможно

лишь при болѣзненныхъ условіяхъ. Въ подобномъ случаѣ истеченіе сѣмени возможно и безъ всякаго прикосновенія къ мужскому члену. Къ области патологіи относятся и тѣ случаи, когда для истеченія сѣмени достаточно минимальнаго внѣшняго раздраженія, напр., легкаго тренія о платье или подобнаго ему легкаго прикосновенія. На этомъ основано много явленій мужского безсилія: напримѣръ, случаи, когда истеченіе сѣмени происходитъ даже безъ предварительной эрекціи, при первомъ же соприкосновеніи мужского члена съ тѣломъ женщины, т. е. еще ранѣе его полнаго введенія.

Предполагаютъ, что центръ изверженія сѣмени, такъ же, какъ и центръ эрекціи, находится въ спинномъ мозгу. Чтобы сѣмя могло быть введено въ женскія половыя части, во влагалище, — необходимо раздраженіе обоихъ центровъ. Прежде часто обсуждался вопросъ, попадаютъ ли при этомъ сѣменныя нити въ полость матки. Быть можетъ, иногда это и происходитъ, но указанное явленіе безусловно не необходимо для оплодотворенія. Сѣменныя нити, благодаря своей способности къ движенію, могутъ проникнуть въ матку и, если затѣмъ одна изъ нихъ встрѣтитъ зрѣлое яйцо и, слившись съ нимъ, оплодотворитъ его, то изъ яйца начинаетъ развиваться плодъ. Съ этого момента мать начинаетъ играть огромную роль въ дѣлѣ развитія ребенка. Между тѣмъ какъ дѣятельность мужчины ограничивается лишь актомъ совокупленія.

Итакъ, мы видимъ, что соединенію сѣменной нити съ яйцевой клѣткой предшествуетъ совокупленіе; но послѣднее все же не безусловно необходимо для оплодотворенія, такъ какъ оно можетъ быть достигнуто и искусственнымъ введеніемъ способнаго къ оплодотворенію сѣмени въ женскіе половые пути, — какъ это и производится въ опытахъ съ животными. Для оплодотворенія женской половой клѣтки, т. е. зрѣлаго яйца, достаточно одной мужской половой клѣтки; въ дѣйствительности же, мы наблюдаемъ, въ этомъ отношеніи, необычайную расточительность, такъ какъ при совокупленіи выбрасывается множество мужскихъ половыхъ клѣтокъ, но, за исключеніемъ одной, всѣ остальныя гибнутъ.

Мы говорили до сихъ поръ о необходимыхъ для совокупленія процессахъ эрекціи и истеченія сѣмени. Это процессы физическіе, но осуществляютъ ихъ или по крайней мѣрѣ благопріятствуютъ имъ процессы психическіе. Однако, нормальное совокупленіе требуетъ не только указанныхъ физическихъ, но и двухъ весьма важныхъ душевныхъ процессовъ, къ которымъ относятся: половое влеченіе и сопровождающееся сладострастнымъ ощущеніемъ чувство удовлетворенія. Половое влеченіе слагается изъ двухъ различныхъ составныхъ частей, которыя нѣкоторыми разсматриваются еще и какъ стадіи.

Анализируя половой инстинктъ, я различаю въ немъ два элемента: стремленіе къ облегченію тѣла и стремленіе къ прикосновенію. Для того, чтобы половая дѣятельность мужчины привела къ размноженію, необходимо, во-первыхъ, отдѣленіе сѣменной клѣтки отъ отцовскаго организма и, во-вторыхъ, введеніе ея въ материнскій организмъ. У низшихъ животныхъ для размноженія достаточно одного лишь отдѣленія части организма,

у высшихъ же, а слѣдовательно, и у человѣка необходимо соединеніе двухъ индивидуумовъ различнаго пола. Такъ какъ сѣменной клѣткѣ отцовскаго организма необходимо встрѣтиться съ материнской яйцевой клѣткой въ материнскомъ организмѣ, то истеченіе сѣмени должно сопровождаться также стремленіемъ выдѣлить его путемъ совокупленія, т. е. влеченіемъ къ существу другого пола. Это и есть упомянутые выше два элемента, входящіе въ составъ полового инстинкта. Разумѣется, при нормальныхъ условіяхъ обѣ эти составныя части такъ тѣсно связаны между собой, что рѣзко разграничить ихъ невозможно; тѣмъ не менѣе ихъ явственно можно различить не только на основаніи исторіи развитія, но при извѣстныхъ условіяхъ и у человѣка.

Такъ, при нѣкоторыхъ условіяхъ обнаруживается исключительно лишь стремленіе освободиться отъ сѣмени: идіоты, напримѣръ, онанируютъ, совершенно не ощущая необходимости въ другомъ существѣ; это стремленіе исключительно физическое, — оно исходитъ изъ самыхъ половыхъ частей и побуждаетъ ихъ онанировать до истеченія сѣмени. Нѣчто подобное встрѣчается иногда и у нормальныхъ молодыхъ людей въ началѣ ихъ половой зрѣлости; здѣсь дѣйствуетъ также чисто физическое стремленіе, безъ какого-либо влеченія къ другому существу. Но въ иныхъ случаяхъ сказывается исключительно именно второй элементъ. Въ началѣ половой зрѣлости молодые люди, какъ извѣстно, испытываютъ потребность въ женскомъ обществѣ, въ прикосновеніи къ нимъ, въ поцѣлуяхъ, хотя совершенно не помышляютъ о половомъ актѣ, какъ таковомъ. Извѣстна влюбчивость подростковъ. Даже и позднѣе, юноши еще часто испытываютъ любовь безъ всякаго стремленія къ половому общенію. Напомнимъ такъ называемую платоническую любовь, ограничивающуюся потребностью въ женскомъ обществѣ, иногда даже въ соприкосновеніи съ женщиной, но все же безъ всякаго влеченія къ половому акту.

Все же анализировать отдѣльные элементы полового влеченія удается только въ исключительныхъ случаяхъ, вообще же они связаны между собой и образуютъ нормальный половой инстинктъ, который выражается у мужчины въ стремленіи къ совокупленію съ женщиной.

Половое влеченіе въ общемъ такъ же, какъ и явленіе эрекціи и истеченіе сѣмени, вызывается процессами физическими. Оно пробуждается вслѣдствіе важныхъ органическихъ процессовъ, совершающихся въ половыхъ органахъ, — въ особенности вслѣдствіе роста ко времени половой зрѣлости яичекъ и скопленія сѣмени. Является вопросъ, не могутъ ли и у человѣка, какъ у животныхъ, извѣстные, въ отдѣльности намъ неизвѣстные, внутренніе процессы вызывать періодически половое влеченіе? Новѣйшіе изслѣдователи указываютъ на то, что остатки такой періодичности сохранились.

Назовемъ, далѣе, среди другихъ физическихъ раздраженій, могущихъ вызвать половое влеченіе, — эрогенныя зоны, т. е. тѣ мѣста поверхности тѣла, раздраженіе которыхъ пробуждаетъ половое чувство; большей частью такими мѣстами считаются головка или другія части мужского члена, иногда также и задній проходъ. Но тутъ встрѣчаются значительныя индивидуальныя

колебанія. У нѣкоторыхъ индивидуумовъ, напр., половое возбужденіе вызывается раздраженіемъ кожи стопы, лба, головы и т. д. Однако, половое влеченіе могутъ возбудить не только физическія, но и психическія раздраженія, а именно тѣ же самыя представленія, съ которыми мы уже познакомились при изученіи эрекціи члена. Какъ тамъ, такъ и здѣсь, между физическими и психическими раздраженіями существуетъ тѣсная связь, при чемъ часто между ними невозможно провести рѣзкихъ границъ.

Какъ трудно отдѣлить ихъ другъ отъ друга, легко можно видѣть на примѣрѣ обонятельныхъ раздраженій. Извѣстно, что въ животномъ мірѣ запахи играютъ часто огромную роль при возбужденіи полового чувства (ср. т. II.). Вѣроятно, для этой цѣли служатъ сильно пахнущія выдѣленія железъ нѣкоторыхъ животныхъ, напр., мускуснаго быка и бобра. Обнюхиваніе собаками половыхъ органовъ самки также, вѣроятно, относится къ той же области. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что и у человѣка запахи могутъ возбуждать половое чувство. Но тѣмъ не менѣе мы думаемъ, что усматривать въ запахахъ исключительно физическія раздраженія, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые изслѣдователи, совершенно неправильно. Раздраженія обонянія, какъ и всѣхъ другихъ чувствъ, могутъ дѣйствовать возбуждающе уже тѣмъ, что они пробуждаютъ всевозможныя представленія. Подобно тому, какъ звукъ прекраснаго голоса можетъ вызвать различныя зрительныя представленія, касающіяся женщины, — такъ и обонятельныя ощущенія могутъ создать путемъ ассоціаціи идей множество другихъ представленій, предметомъ которыхъ является женщина, и которыя поэтому дѣйствуютъ возбуждающе. Во всякомъ случаѣ общимъ закономъ нельзя считать того факта, что извѣстныя обонятельныя ощущенія — чисто физическія, безъ всякой психической основы — могутъ вызывать у мужчины половое влеченіе.

Подобно тому, какъ половому акту предшествуетъ душевный процессъ, половое влеченіе, — такъ и окончаніе этого акта сопровождается важнымъ душевнымъ переживаніемъ. Еще въ началѣ акта появляется повышенное пріятное чувство, которое нельзя разсматривать, какъ процессъ чисто центральнаго, психическаго происхожденія, такъ какъ оно сопровождается одновременными периферическими ощущеніями, — сладострастными ощущеніями. Послѣднія усиливаются во время акта, достигаютъ своего высшаго предѣла во время истеченія сѣмени и затѣмъ постепенно падаютъ. Этотъ упадокъ ощущеній сопровождается чувствомъ удовлетворенія. Если даже съ этимъ и сопряжено извѣстное утомленіе, все же наступаетъ чувство общаго облегченія, — между тѣмъ какъ отсутствіе чувства удовлетворенія сопровождается большей частію непріятнымъ чувствомъ. Въ большинствѣ случаевъ такое удовлетвореніе завершаетъ теченіе сладострастнаго чувства, которое въ свою очередь зависитъ отъ психическихъ процессовъ, — главнымъ образомъ отъ соотвѣтствія между половымъ актомъ и половымъ влеченіемъ, т. е. отъ того, былъ ли актъ выполненъ приблизительно такъ, какъ этого желало половое влеченіе.

Одновременно съ выдѣленіемъ сѣмени половое влеченіе осла-

бляется. Спустя болѣе или менѣе долгое время послѣ совокупленія, оно обыкновенно постепенно появляется снова и достигаетъ извѣстной силы. Но вопросъ о томъ, черезъ сколько именно времени оно вновь пробуждается, зависитъ отъ множества индивидуальныхъ условій, такъ что здѣсь врядъ ли возможно установить прочный законъ. Нѣкоторые мужчины отличаются такой половой возбудимостью, что у нихъ снова вспыхиваетъ влеченіе черезъ нѣсколько минутъ послѣ удовлетворенія, между тѣмъ какъ у другихъ промежутокъ длится нѣсколько дней и даже недѣль.

Мы уже говорили выше объ особой роли нѣкоторыхъ частей спинного мозга въ явленіяхъ напряженія члена и изверженія сѣмени. Возникалъ также вопросъ, не существуетъ ли въ головномъ мозгу высшаго центра, въ которомъ сосредоточены нервныя клѣтки, завѣдующія половымъ влеченіемъ. Галль высказалъ предположеніе, что вмѣстилищемъ полового влеченія является мозжечекъ и что, по степени развитія его и соотвѣтствующихъ ему частей черепа, можно опредѣлить степень чувственности человѣка. Тѣмъ не менѣе, не имѣется еще точныхъ доказательствъ въ пользу того, что половымъ влеченіемъ завѣдуетъ мозжечекъ,— какъ нѣтъ еще данныхъ, указывающихъ на то, что опредѣленная часть головного мозга вѣдаетъ этимъ влеченіемъ. Скорѣе мы, наоборотъ, въ правѣ предположить, что однѣ и тѣ же части головного мозга завѣдуютъ и половымъ влеченіемъ, и другими функціями и разсѣяны по всему органу.

Мы разсмотрѣли процессъ истеченія сѣмени при совокупленіи. Упомянемъ еще вкратцѣ о томъ, что иногда сѣмя выдѣляется и безъ совокупленія. О случаяхъ длительнаго истеченія сѣмени мы здѣсь говорить не будемъ, такъ какъ они относятся къ области патологіи. Но такія явленія, какъ онанизмъ и ночныя поллюціи, не всегда носятъ патологическій характеръ. Подъ онанизмомъ понимаютъ обыкновенно такое возбужденіе половыхъ частей, которое наступаетъ искусственно, подъ вліяніемъ механическихъ раздраженій. Онъ широко распространенъ среди молодыхъ людей въ первые годы послѣ наступленія половой зрѣлости, но часто встрѣчается и у взрослыхъ и даже въ старческомъ возрастѣ, — напр., у мужчинъ, страдающихъ безсиліемъ или не имѣющихъ возможности удовлетворить нормальнымъ путемъ своей потребности.

Онанизмъ, или мастурбація, въ первые годы зрѣлости встрѣчается такъ часто, что его почти можно считать нормальнымъ явленіемъ. Большей частью съ искусственными раздраженіями тотчасъ же соединяются половыя представленія. Гораздо рѣже, хотя тоже довольно часто, онанизмъ практикуется чисто механически, безъ подобныхъ представленій. Если стремленіе къ онанизму переходитъ за извѣстные предѣлы, то его приходится отнести къ числу болѣзненныхъ явленій. Но и онанизмъ, вызванный нормальными раздраженіями, можетъ также пріобрѣсти характеръ болѣзни, благодаря своимъ послѣдствіямъ: появленію нервнаго разстройства, полового безсилія и т. п. признаковъ,

Упомянемъ еще вкратцѣ о такъ называемомъ психическомъ онанизмѣ, сущность котораго заключается въ обремененіи фантазіи сладострастными образами, безъ намѣреннаго раздраженія

половыхъ частей. Онъ очень рѣдко приводитъ къ истеченію сѣмени, но очень часто къ эрекціи мужского члена. И психическій онанизмъ можетъ привести къ серьезнымъ послѣдствіямъ, если онъ развитъ очень сильно; но въ извѣстныхъ предѣлахъ онъ нормаленъ, особенно въ возрастѣ интенсивной половой дѣятельности.

То же самое нужно сказать и о ночныхъ истеченіяхъ сѣмени, такъ называемыхъ поллюціяхъ, сопровождающихся большей частію сладострастными сновидѣніями. Въ началѣ половой зрѣлости это явленіе встрѣчается рѣже, — гораздо чаще въ зрѣломъ возрастѣ, особенно если сѣмя не освобождается инымъ путемъ, преимущественно путемъ нормальнаго совокупленія. Если поллюціи являются въ возрастѣ между 25 и 35 годами и не чаще одного раза въ недѣлю или въ двѣ недѣли, то ихъ, во всякомъ случаѣ, нельзя считать патологическими. Но онѣ могутъ сдѣлаться и явленіемъ болѣзненнымъ, благодаря какъ частотѣ своего появленія, такъ и сильному вліянію на состояніе здоровья, напр., появленію продолжительной слабости, сопровождающей это истеченіе сѣмени.

Въ заключеніе, укажемъ еще на то, что половые органы не функціонируютъ въ теченіе всей жизни. Только съ наступленіемъ половой зрѣлости, которая наступаетъ у мальчика въ нашемъ климатѣ приблизительно въ четырнадцатилѣтнемъ возрастѣ, яички начинаютъ вырабатывать сѣмя, при чемъ въ это же время появляются и другіе признаки мужской зрѣлости: ростъ половыхъ органовъ, ростъ волосъ въ области ихъ, измѣненіе голоса и т. п. Точно такъ же у ребенка отсутствуютъ еще и психическія половыя явленія, въ особенности половое влеченіе, которыя являются большей частію позже. Несомнѣнно только одно, что часто первыя психическія проявленія полового влеченія сказываются въ такомъ возрастѣ, когда еще не можетъ быть и рѣчи о зрѣлости яичекъ и выдѣленіи сѣмени; точно такъ же не обязательно одновременно появляются тѣ или другіе отдѣльные признаки половой зрѣлости, какъ физической, такъ и психической. Подобное же явленіе наблюдается и при угасаніи половой дѣятельности.

Крафтъ-Эбингъ полагаетъ, что, въ среднемъ, мужчина утрачиваетъ половую способность въ шестьдесятъ-два года; но если это и вѣрно, то все же мы часто видимъ, что онъ даже до глубокой старости сохраняетъ способность къ совокупленію и можетъ еще испытывать очень сильное половое влеченіе, хотя яички уже давно перестали вырабатывать сѣмя.

По фотографіи Франца Ганфстэнгля въ Мюнхенѣ.

Рис. 39. Сатиръ. По картинѣ Якова Жордэна.

Глава третья.

Половая жизнь мужчины.

Д-ръ мед. Ив. Блохъ (Шарлоттенбургъ).

Тѣсная внутренняя связь, существующая между чувственностью человѣка и всей его физической и психической природой, обусловливаетъ собою также особенности и различія половой жизни мужчины и женщины. Что физическая половая жизнь ихъ различна, — въ этомъ съ несомнѣнностью убѣждаетъ насъ простое знакомство съ различіями ихъ физическаго строенія и нормальной дѣятельностью мужскихъ и женскихъ половыхъ органовъ. Но, вопреки всѣмъ усиліямъ новѣйшихъ писателей, какъ, напр., Отто Вейнингеръ и Роза Майредеръ, сгладить существенныя различія половъ, все заставляетъ насъ придти къ тому заключенію, что именно чувственность, оказывающая такое глубокое вліяніе на душевную жизнь, является главной причиной различной сущности мужчины и женщины.

Нѣтъ ни одной стороны душевной жизни какъ у нормальнаго мужчины, такъ и у нормальной женщины, которая была бы совершенно независима отъ чувственности. Если бы это было возможно, то въ такомъ случаѣ, быть можетъ, теоретически, было бы возможно допустить душевное равенство обоихъ половъ,

но безъ этого такое равенство невозможно по чисто естественно-научнымъ причинамъ.

Обыкновенно вопросъ о томъ, вліяетъ ли половая жизнь больше на умъ, характеръ и волю мужчины или женщины, рѣшается въ томъ смыслѣ, что женщина обнаруживаетъ въ этомъ отношеніи большую зависимость, чѣмъ мужчина. Это несомнѣнно вѣрно, какъ вѣрно и то, что подобная зависимость съ давнихъ поръ сильно преувеличивается. Еще въ 1791 году Гейнрихъ Нудовъ издалъ „Апологію прекраснаго пола, или доказательство будущаго владычества женщины“, въ которой онъ опровергалъ взглядъ, что „у женщины душа помѣщается не въ мозгу, какъ у мужчины, а въ маткѣ; что у женщины, которую природа снабдила этимъ внутреннимъ органомъ, какъ главнымъ орудіемъ, вся жизнь тѣла и души, всѣ помыслы и все творчество должны порождаться и объясняться извѣстнымъ внутреннимъ инстинктомъ и что даже мыслить женщина должна большею частію (а быть можетъ, и всецѣло) только маткой(!)“.

Безспорно, полъ занимаетъ въ существѣ женщины большее мѣсто, чѣмъ въ существѣ мужчины, но не единственное. У женщины — своя собственная и своеобразная душевная жизнь, получающая особенную окраску отъ полового элемента; половая жизнь ея оказываетъ большое вліяніе на всѣ ея мысли, чувства и поступки. Но и мужская душа, несмотря на большую ея независимость отъ половой сферы, все же получаетъ отъ нея свои особенности. То, что называютъ „женственностью“ и „мужественностью“, представляетъ, въ сущности, психическія особенности половой жизни и выраженіе чисто физическаго различія полового воспріятія мужчины и женщины. Эти различія въ проявленіи чисто чувственнаго побужденія и сообщаютъ своеобразіе половой жизни мужчины и женщины.

Описанный уже во введеніи къ настоящему сочиненію (стр. 7 и слѣд.) процессъ сліянія мужской сѣменной клѣтки съ женской яйцевой клѣткой при половомъ актѣ просто и наглядно рисуетъ намъ главное различіе между мужской и женской половой жизнью: первая отличается болѣе дѣйственнымъ, активнымъ характеромъ, вторая — болѣе страдательнымъ, пассивнымъ. Мужчина наступаетъ, овладѣваетъ, женщина принимаетъ, отдается. Какъ ни многообразны вліянія и измѣненія, внесенныя культурой въ это первоначальное положеніе вещей, — въ основныхъ своихъ чертахъ оно остается такимъ же и въ настоящее время и является единственной причиной глубокаго психическаго различія, существующаго между любовью мужчины и любовью женщины.

Своеобразная активность половой жизни мужчины находится въ очевидной связи съ различіями въ силѣ полового воспріятія и физическаго влеченія. Обыкновенно утверждаютъ, что мужчина „чувственнѣе“ женщины; это невѣрно. Нормальная женщина вся проникнута чувственностью и, быть можетъ, даже сладострастнѣе нормальнаго мужчины; но половая сфера ея гораздо сложнѣе половой сферы мужчины; у послѣдняго инстинктъ разрѣшается гораздо проще, вслѣдствіе чего кажется, что онъ проявляется самъ собой и съ гораздо большей энергіей, силой и дѣйственностью; зато онъ и проходитъ быстрѣе, чѣмъ у женщины.

Въ общемъ, половая жизнь мужчины состоитъ изъ многочисленныхъ чувственныхъ побужденій, между тѣмъ какъ женщина, по самой природѣ своей, находится въ гораздо большей власти отъ пола, гораздо больше зависитъ отъ него, чѣмъ мужчина, — она, какъ говоритъ одинъ опытный врачъ-психіатръ, „вся насквозь пропитана чувственностью". Вотъ почему проявленія полового воспріятія представляютъ для мужчины только эпизоды, преходящія возбужденія, для женщины же это моменты высшаго напряженія постояннаго, всегда существующаго возбужденія. Мужчинѣ для участія въ дѣторожденіи довольно нѣсколькихъ минутъ, женщинѣ нужны мѣсяцы.

Если же половой инстинктъ женщины отличается гораздо большей внѣшней пассивностью, то это объясняется, какъ мы уже сказали, болѣе широкой сферой ея половой жизни и болѣе сложными условіями возбужденія въ ней полового желанія и его удовлетворенія, — а затѣмъ еще и тѣмъ важнымъ обстоятельствомъ, что ея половое возбужденіе носитъ довольно явственный періодическій характеръ, который приходится привести въ связь съ мѣсячными очищеніями (регулами), напоминающими періодическую течку у животныхъ. У мужчины совсѣмъ нѣтъ этой рѣзко выраженной періодичности полового влеченія. Мужчина „всегда" способенъ любить. Еще въ Меморабиліяхъ Ксенофонта Сократъ приводитъ намъ примѣръ мудрости творца, выражающейся въ томъ, что мужчина сохраняетъ до глубокой старости свою половую мощь и что она не ограничена періодами течки. У мужчины половая страсть можетъ быть пробуждена во всякое время посредствомъ всевозможныхъ внѣшнихъ и внутреннихъ раздраженій, между тѣмъ какъ женщина, даже чувственная, бываетъ въ извѣстные періоды совершенно нечувствительна къ нимъ.

Правда, и у мужчины наблюдаются колебанія въ силѣ полового влеченія, находящіяся въ прямой зависимости отъ условій питанія, труда, покоя и т. д., — а такъ какъ, въ зависимости отъ правильности образа жизни, и эти колебанія появляются съ извѣстной правильностью, то иногда кажется, что и у мужчины существуетъ своего рода періодичность полового возбужденія; но ее все же нельзя сравнить съ настоящей, физически обусловленной чувственной возбудимостью женщины.

Несомнѣнно, во всякомъ случаѣ, что у мужчины половое возбужденіе можетъ быть вызвано во всякое время гораздо легче и скорѣе, чѣмъ у женщины, и что у него оно выражается въ гораздо болѣе сильной и бурной формѣ, чѣмъ у нея. Мужское желаніе „обладать" очень рѣзко отличается отъ женскаго желанья „отдаться".

Отто Ранкъ, сторонникъ теоріи Фрейда о взаимномъ вытѣсненіи инстинктовъ и о постепенномъ развитіи изъ нихъ различныхъ половыхъ воспріятій мужчины и женщины, полагаетъ, что характеръ чувственности мужчины и женщины развился болѣе или менѣе явственно только съ теченіемъ времени; это различіе продолжало развиваться дальше вслѣдствіе стремленія къ усиленію наслажденія, — и именно, это стремленіе вызывало все большее развитіе у мужчины активнаго влеченія къ

Мужчина и женщина. I. Т-во „Просвѣщеніе“ въ Спб.

Франческо д'Андраде въ роли Донъ-Жуана.

По картинѣ М. Злефохта.

(Гравюр. въ худож. изд. П. Кассирера въ Берлинѣ.)

удовлетворенію половой страсти, а у женщины, наоборотъ, — сопротивленія, какъ пассивнаго влеченія. Женщина испытываетъ потребность въ обратномъ, пассивномъ удовлетвореніи, т. е. въ преодолѣніи активнаго влеченія, — сопротивленіе составляетъ ея сущность.

При всемъ томъ, у обоихъ половъ сохранилось еще очень много первоначальныхъ, единыхъ влеченій, еще не расколовшихся на активный и пассивный элементы: у мужчинъ, напримѣръ, сохранился остатокъ сопротивленія, образовавшійся изъ побѣжденнаго при развитіи мужской активности пассивнаго влеченія. Такимъ образомъ, у мужчины активный элементъ получилъ лишь перевѣсъ передъ пассивнымъ, но не вытѣснилъ его совершенно, у женщины также только преобладаетъ пассивный, но активный не устраненъ всецѣло. Слѣдовательно, абсолютный „мужчина“ и абсолютная „женщина“ существуютъ только въ идеѣ, чисто теоретически. Въ дѣйствительности же, во всякомъ мужчинѣ можно наблюдать женскій элементъ и во всякой женщинѣ — мужской. Но это смѣшеніе элементовъ очень рѣдко достигаетъ до такого предѣла, что, дѣйствительно, становится трудно опредѣлить полъ — если только къ этому не присоединяется и видимая физическая двуполость (гермафродитизмъ, см. стр. 3 Введенія).

Какъ въ естественной, такъ и въ культурной исторіи развитія человѣчества сказывается, напротивъ, все болѣе и болѣе сильная тенденція къ болѣе рѣзкому проявленію и обособленію половъ, къ болѣе явственному развитію „однополости“ мужчины или женщины на смѣну примитивной „двуполости“.

Мужчина въ отношеніи женщины — и наоборотъ — является существомъ „другого пола“, гетеросексуальнымъ. Эта гетеросексуальность, какъ уже было изложено во введеніи къ настоящему сочиненію, представляетъ собой результатъ многотысячелѣтней исторіи развитія и непремѣнное условіе всякаго культурнаго прогресса.

Нормальная человѣческая любовь основана на взаимномъ влеченіи двухъ разнополыхъ индивидуумовъ, и это взаимное половое влеченіе стремится къ своей кульминаціонной точкѣ, которая выражается въ „соединеніи во-едино“, въ своего рода добровольномъ выравниваніи и тѣсномъ физически-духовномъ соединеніи путемъ совокупленія.

Характерно то, что именно при этомъ актѣ сказываются и скрытые двуполые инстинкты и различнымъ образомъ проявляются физически. Здѣсь, главнымъ образомъ, коренятся такъ называемыя „половыя извращенія“, къ которымъ мы еще вернемся позднѣе.

Что чисто внѣшнія различія органовъ размноженія и совокупленія у мужчины и женщины уже сами по себѣ указываютъ на различіе половой жизни и полового воспріятія, — это не требуетъ дальнѣйшихъ доказательствъ. Спорнымъ и по настоящее время еще не рѣшеннымъ является лишь вопросъ, должны ли быть объяснены эти существенныя различія исключительно различіемъ „половыхъ железъ“ — мужскихъ яичекъ и женскихъ яичниковъ, — или же они обусловливаются еще и другими, не зависящими отъ указанныхъ, вліяніями.

Въ пользу послѣдней теоріи свидѣтельствуютъ данныя, говорящія, что половыя влеченія появляются часто задолго еще до наступленія мужской зрѣлости и дѣятельности вырабатывающихъ сѣмя органовъ — и что у мужчинъ, у которыхъ половыя части удалялись до наступленія зрѣлости, часто наблюдалось сильное половое желаніе, несмотря на отсутствіе половыхъ железъ. Согласно Мебіусу, половое влеченіе не порождается яичками, а только „возбуждается" ими. Недавно была сдѣлана попытка объяснить это половое напряженіе, независимое отъ половыхъ железъ, дѣйствіемъ извѣстныхъ химическихъ веществъ, распространенныхъ во всемъ тѣлѣ, — спеціальныхъ „половыхъ ядовъ". Благодаря имъ, всѣ клѣтки тѣла получаютъ печать своей мужской или женской природы.

Вліяніе указанныхъ веществъ можетъ обнаруживаться уже въ очень раннемъ возрастѣ, какъ это доказываетъ несомнѣнное проявленіе полового инстинкта у грудныхъ младенцевъ и у очень маленькихъ дѣтей.

Прежніе изслѣдователи уже предполагали о существованіи химической причины полового влеченія. Интересно слѣдующее выраженіе К. Ф. Поккеля въ его сочиненіи „Мужчина", изданномъ въ 1805 году:

„Если бы мы имѣли возможность точнѣе изслѣдовать тотъ тайный химическій процессъ, которымъ природа приводитъ въ связь воспроизводительную силу мужчины съ задатками его мужского характера, выводя ихъ изъ него, постолько, по крайней мѣрѣ, поскольку мы разсматриваемъ его какъ совокупность врожденныхъ свойствъ и какъ темпераментъ, — то постепеннымъ ослабленіемъ этой силы мы могли бы, вѣроятно, объяснить кой-какія измѣненія характера и слабости, которыя почти неизмѣнно свойственны старости и не исчезаютъ ни подъ какими вліяніями душевной силы и ясности, иногда даже самаго искренняго добродушія стариковъ. Съ раскрытіемъ этого темнаго химическаго процесса въ организаціи мужчины навѣрно еще лучше уяснились бы свойства и основныя черты слабаго „бабьяго" характера тѣхъ индивидуумовъ, которые были изувѣчены въ дѣтствѣ съ помощью жестокой операціи".

Настоящее пробужденіе половой жизни, т. е. начало дѣятельности органовъ, вырабатывающихъ сѣмя (яички, предстательная железа, сѣменные пузырьки) наблюдается у мужчины въ возрастѣ между четырнадцатымъ и шестнадцатымъ годомъ жизни. Выдѣленіе сѣмени, первая поллюція, свидѣтельствуетъ о вполнѣ развитомъ половомъ чувствѣ мужчины и мужской половой потребности.

На болѣе раннее или болѣе позднее проявленіе полового инстинкта вліяютъ различныя внѣшнія обстоятельства. Несомнѣнное значеніе имѣетъ тутъ, напримѣръ, климатъ, — въ болѣе теплыхъ странахъ и половой инстинктъ пробуждается раньше, чѣмъ въ холодныхъ. Особенно явственно замѣчается это при сравненіи, напр., сѣверной и южной Италіи: пылкая чувственность и интенсивный эротизмъ итальянцевъ-южанъ очень рѣзко отличается отъ болѣе спокойной любви сѣверянъ, въ которой чувственный элементъ занимаетъ второстепенное мѣсто. Въ странахъ тропическихъ и на Востокѣ половая жизнь пробуждается также необычайно рано — большей частію даже въ двѣнадцатилѣтнемъ возрастѣ — и отличается чрезвычайной пылкостью.

Во всякомъ случаѣ, вліяніе климата и, вообще, всей „среды"

на усиленіе полового инстинкта несравненно могущественнѣе, чѣмъ вліяніе расы и національности. Арійцы тропическихъ странъ, — напр., индусы, такъ же сладострастны, если не больше, какъ семиты Азіи или сѣверной Африки, или же негры, которымъ приписываютъ особенно сильную чувственность. Я же лично, согласно моимъ новѣйшимъ изслѣдованіямъ, не рѣшаюсь сдѣлать строгаго различія въ томъ, кто отличается болѣе сильнымъ половымъ инстинктомъ, — англичане, нѣмцы, или сильно оклеветанные въ этомъ отношеніи французы.

Что здѣсь обобщенія невозможны, — это ясно слѣдуетъ и изъ того, что среди каждаго изъ указанныхъ народовъ отдѣльныя группы и жители нѣкоторыхъ мѣстностей пользуются, въ свою очередь, репутаціей особенной чувственности. Очень часто здѣсь несомнѣнно должна быть установлена связь съ способомъ питанія, имѣющимъ огромное вліяніе на половую жизнь. Обильное употребленіе мяса и алкогольныхъ напитковъ значительно повышаетъ силу полового чувства, а исключительно растительная пища понижаетъ ее.

Далѣе, среди одного и того же населенія особенно значительны различія, существующія между населеніемъ города и деревни. Можно считать своего рода закономъ, что въ городѣ половое чувство мужчины проявляется гораздо раньше, чѣмъ въ деревнѣ, — точно такъ же и мѣсячныя очищенія у городскихъ дѣвушекъ наступаютъ раннѣе, чѣмъ у деревенскихъ. Но этотъ законъ имѣетъ все же много исключеній, — и въ деревнѣ часто встрѣчается ранняя зрѣлость.

Профессія и общественное положеніе также имѣютъ извѣстное значеніе въ развитіи полового чувства. Поговорка „праздность — мать всѣхъ пороковъ“ несомнѣнно вѣрна и по отношенію къ половой жизни. Тамъ, гдѣ нѣтъ полезнаго и радостнаго труда, или гдѣ его презираютъ, — все существо порой направлено на однѣ лишь чувственныя наслажденія и, главнымъ образомъ, на половое. Такимъ путемъ половой инстинктъ искусственно усиливается.

Но одна работа сама по себѣ еще не предотвращаетъ этого. Когда трудъ связанъ, напримѣръ, съ долгимъ сидѣніемъ, — какъ у ученыхъ, фабричныхъ рабочихъ и въ другихъ подобныхъ профессіяхъ, при которыхъ человѣкъ лишенъ какого бы то ни было физическаго движенія, — половой инстинктъ развивается обыкновенно сильнѣе, чѣмъ въ профессіяхъ, сопряженныхъ съ достаточнымъ движеніемъ на воздухѣ. Если Гегаръ приписываетъ фабричнымъ рабочимъ особенно сильную половую потребность, то это объясняется именно указанной причиной, къ которой присоединяется, быть можетъ, чрезмѣрное употребленіе спиртныхъ напитковъ.

Наконецъ, по такъ называемому „темпераменту“ также старались дѣлать заключенія о силѣ полового инстинкта и такъ или иначе приводили ее въ связь съ физической природой. Что же касается меня, то я поставилъ бы большой вопросительный знакъ надъ утвержденіемъ, что холерики сладострастнѣе сангвиниковъ, а сангвиники, въ свою очередь, сладострастнѣе меланхоликовъ и флегматиковъ. Часто именно люди, отличающіеся половой распущенностью, бываютъ большими меланхоликами и пессими-

стами. Выдающимся примѣромъ этого служитъ Шопенгауэръ, отличавшійся усиленной половой потребностью. Съ другой стороны, встрѣчаются чувственно холодные холерики, не всегда и флегматики чувственно мало возбудимы. Только въ тѣхъ случахъ, когда съ флегматичностью соединяется ненормальное ожирѣніе, половое чувство бываетъ большей частью понижено; тучные субъекты нерѣдко отличаются даже половымъ безсиліемъ.

Чрезмѣрная половая потребность встрѣчается часто во всѣхъ климатахъ и странахъ, какъ отдѣльное явленіе, граничащее съ болѣзненностью, называемое **сатиріазисомъ**. Названіе это происходитъ отъ слова **сатиръ**. Такъ назывались въ греческой миѳологіи спутники бога Діониса, — необузданно похотливыя существа, отвратительной наружности и съ козлинымъ или лошадинымъ хвостомъ. Они считаются символомъ безстыдно-неудержимаго мужского сладострастья и часто изображаются, какъ это мы видимъ на картинѣ Жордена (см. рис. 39), въ обществѣ козла, который также символизируетъ мужскую похотливость.

Въ общемъ, врожденный недостатокъ половового воспріятія, такъ наз. „**половое равнодушіе**" или половая холодность, несравненно рѣже встрѣчается у мужчинъ, чѣмъ у женщинъ; согласно Эфферцу, число чувственно невозбудимыхъ мужчинъ составляетъ менѣе одного процента, между тѣмъ, какъ число „холодныхъ женщинъ" достигаетъ не менѣе двадцати процентовъ, — быть можетъ, даже больше. Половая холодность женщины представляетъ очень часто явленіе нормальное, естественное, холодность же мужчины объясняется почти всегда какой-нибудь болѣзнью. Въ то время какъ половая возбудимость мужчины, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, проявляется въ полной силѣ въ первые же годы зрѣлости, у женщины она очень часто развивается гораздо позже, часто послѣ нѣсколькихъ лѣтъ кажущейся половой холодности, послѣ нѣсколькихъ родовъ, или же тогда только, когда она встрѣтитъ настоящаго избранника, который сумѣетъ пробудить ея страсть.

Взгляды на различіе, существующее въ половомъ инстинктѣ у мужчины и женщины, еще сильно расходятся. **Гавелокъ Эллисъ**, **Эйленбургъ** придерживаются приблизительно тѣхъ же взглядовъ, которые уже были выше изложены и раздѣляются мною; въ то же время **Ломброзо**, напр., высказываетъ совершенно противоположное мнѣніе и провозглашаетъ врожденную половую невоспріимчивость женщины, а **Фридрихъ Краусъ** утверждаетъ, съ другой стороны, что „женщина обладаетъ нервами, какъ и мужчина, но въ чувственности превосходитъ его; женщина ненасытна. У первобытныхъ народовъ самыя отвратительныя любовныя пѣсни сочиняетъ и распѣваетъ женщина".

Половое влеченіе, какъ влеченіе къ тѣсному физически-душевному единенію съ другимъ поломъ, въ общемъ, властвуетъ въ настоящее время надъ человѣкомъ, какъ физическая потребность, со стихійной силой, мощь которой еще возросла, передаваясь наслѣдственно изъ поколѣнія въ поколѣніе. Но, на ряду съ инстинктами самосохраненія и питанія, этотъ могущественнѣйшій изъ инстинктовъ подчиняется съ развитіемъ культуры все болѣе и болѣе вліянію психическихъ элементовъ. Развитіе человѣка до степени разумнаго существа также направило по-

ловой инстинктъ на совершенно новые пути. Съ развитіемъ богатства умственной и душевной жизни половой элементъ все тѣснѣе сливался съ умственными и душевными сторонами существа человѣка. Еще Кантъ справедливо указывалъ на то, что только чувства и разумное мышленіе и ихъ объединеніе въ фантазіи осуществили собою переходъ слѣпого первоначально, чисто инстинктивнаго и періодическаго полового влеченія человѣка въ длительную половую любовь.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что какъ чувственныя раздраженія, такъ и фантазія оказываютъ у мужчины гораздо болѣе энергичное вліяніе на половую жизнь, чѣмъ у женщины,

Рис. 40. Первый поцѣлуй. По картинѣ Хр. Ленуара.

и гораздо легче приводятъ у него къ нормальнымъ и болѣзненнымъ уклоненіямъ отъ естественнаго выраженія полового воспріятія и половой дѣятельности.

Въ мужской любви гораздо рѣзче проявляется раздвоенность тѣла и духа, чѣмъ въ женской. Явленіе это не чуждо, правда, и женщинѣ, — особенно въ виду часто встрѣчающейся у нея половой холодности, — но, въ общемъ, ея половая жизнь отличается болѣе цѣльнымъ характеромъ, потому что въ ея жизни половой элементъ всегда играетъ извѣстную роль и не отступаетъ порою на задній планъ, какъ у мужчины. Въ жизни послѣдняго половые интересы гораздо рѣзче отдѣлены отъ неполовыхъ.

Можно считать признакомъ очень высокой культуры то обстоятельство, что половая жизнь мужчины подвержена постоянному вліянію умственной жизни. Указаннымъ сознательнымъ

Рис. 41. Клеопатра. Кар...инѣ Г. Макарта. Фотогр. изд. Фр. Ганфштенгля въ Мюнхенѣ.

вторженіемъ ума, односторонне холоднаго разсудка, въ половую жизнь и отличаются цивилизованные народы отъ народовъ первобытныхъ, — и этимъ же объясняется огромное участіе нервной системы въ различныхъ сторонахъ дѣятельности полового инстинкта.

Означенное своеобразное условіе породило два явленія, характерныхъ для половой жизни мужчины въ такую высококультурную эпоху, какъ наша. Одно изъ нихъ можно было бы назвать саморазрушеніемъ любви съ помощью критическаго разума. Это тотъ холодный самоанализъ, та рефлексія, съ которой человѣкъ подходитъ къ любви, разлагая непосредственныя страстныя чувства и воспріятія; отсюда полная неспособность отдаться всецѣло и свободно непосредственному влеченію къ другому полу, въ сочиненіяхъ поэтовъ „молодой Германіи", въ дневникахъ какого-нибудь Грилльпарцера или Киркегаарда.

Второе явленіе основано на злополучной попыткѣ открыть съ помощью фантазіи новыя стороны въ половой жизни, овладѣть совершенно новыми, небывалыми ощущеніями въ области полового чувства, обогатить съ помощью фантазіи половое наслажденіе. Современная культура, со всѣмъ богатствомъ ея содержанія, съ ея непрерывно мѣняющимися формами и явленіями, задачами и перспективами, оказала свое вліяніе и на фантазію отдѣльнаго индивидуума, побуждая его къ гораздо болѣе разнообразному построенію своей половой жизни.

Въ предѣлахъ нормальныхъ чувствъ, не говоря даже о всевозможныхъ половыхъ „заблужденіяхъ", — фантазія завоевала себѣ необычайно широкій просторъ. Вся половая жизнь мужчины — истинная Одиссея духа, въ которой стали осуществимы и осуществлены всевозможныя явленія и комбинаціи.

Изумительна способность приспособленія человѣческаго мозга въ этой области! Мозгъ сталъ даже могущественнѣе, чѣмъ первобытный слѣпой, стихійный половой инстинктъ, и, непрерывно и упорно вліяя на послѣдній, создаетъ безчисленное множество новыхъ „чаръ". Такимъ путемъ половой инстинктъ культурнаго человѣка, главнымъ образомъ, мужчины — пріобрѣтаетъ гораздо большее значеніе для самого индивидуума, для его духовнаго существа, чѣмъ то, какое ему было отведено въ первобытной исторіи человѣчества и встрѣчается еще и въ настоящее время у дикарей. У послѣднихъ онъ служитъ только интересамъ сохраненія рода, не оказывая сколько-нибудь замѣтнаго вліянія на индивидуальное развитіе.

Любовь культурнаго человѣка перестала быть простымъ „инстинктомъ размноженія", — она сдѣлалась богатѣйшимъ источникомъ личныхъ переживаній, расширенія и дальнѣйшаго развитія собственной личности путемъ половыхъ отношеній, —

она стала стремленіемъ къ полному сліянію тѣла и духа путемъ интимнѣйшаго ихъ соприкосновенія. Любовь и любовныя объятія перестали быть только средствомъ для продолженія рода, они сдѣлались еще и самоцѣлью, они нужны для жизни, развитія и внутренняго роста самого индивидуума.

Вильгельмъ Бельше рѣзко отличаетъ любовь культурнаго человѣка отъ любви въ первоначальномъ ея видѣ, которая сводилась просто къ соединенію мужскихъ и женскихъ половыхъ клѣтокъ, и служила спеціальнымъ цѣлямъ дѣторожденія и размноженія. Онъ противопоставляетъ такой любви все то, что привошло въ нее впослѣдствіи, въ теченіе многотысячелѣтней исторіи развитія и, путемъ многочисленныхъ вліяній, побужденій и представленій, превратило первоначальный, чисто инстинктивный процессъ въ любовь современнаго культурнаго человѣка. Эта послѣдняя соотвѣтствуетъ личнымъ цѣлямъ индивидуума, первая же — цѣлямъ рода.

Къ области этой любви и относятся, главнымъ образомъ, всѣ своеобразныя особенности любви мужчины. Она отличается необычайной сложностью и отнюдь не зависитъ только отъ спеціальныхъ органовъ совокупленія, а стоитъ еще въ тѣсной связи съ органами чувствъ и съ нервной системой.

Устройство особыхъ „органовъ совокупленія“ представляетъ собой только первую ступень въ развитіи этой любви у многоклѣтныхъ организмовъ, которымъ должно быть гарантировано сліяніе половыхъ продуктовъ, ставшихъ самостоятельными. Для указанной цѣли и служатъ упомянутые выше органы совокупленія, устроенные въ видѣ особыхъ выводныхъ каналовъ съ сокращающимися стѣнками, съ помощью которыхъ сближаются во время акта совокупленія обѣ половыя клѣтки.

Къ этому предѣльному и древнѣйшему пункту любви примыкаетъ сладострастное ощущеніе, — простое соприкосновеніе, которое у высшихъ животныхъ завершается тѣснымъ соединеніемъ органовъ совокупленія, при чемъ въ немъ принимаютъ участіе вся кожа и поверхность тѣла. Кожа, какъ органъ чувства, является въ то же время и половымъ органомъ. Точно такъ же и остальные органы играютъ, какъ мы сейчасъ увидимъ, важную роль въ эротическихъ переживаніяхъ.

Мѣстонахожденіемъ спеціальнаго „сладострастнаго ощущенія“ являются, конечно, только половыя части, и у мужчины оно большей частію связано лишь съ выдѣленіемъ его половыхъ продуктовъ. Высшая точка сладострастнаго ощущенія совпадаетъ съ изверженіемъ сѣмени. Описать это ощущеніе почти невозможно; оно похоже отчасти на сильное щекотаніе, отчасти же представляетъ несомнѣнное сходство съ болью.

Половое возбужденіе, разрѣшающееся, наконецъ, актомъ сладострастья, проявляется троякимъ образомъ: во-первыхъ, путемъ дѣятельности половыхъ железъ, дѣйствія вырабатываемыхъ ими химическихъ веществъ; во-вторыхъ, путемъ возбужденія кожи, поверхности тѣла и раздраженія чувствъ; въ-третьихъ, путемъ центральныхъ душевныхъ вліяній, дѣятельности воображенія и наглядныхъ чувственныхъ представленій.

Фрейдъ различаетъ въ этомъ чувствѣ двѣ стадіи: сладо-

страстье и предшествующій ему моментъ, предвкушенія его. Эта послѣдняя стадія тождественна съ физическимъ половымъ „напряженіемъ“, первая же — съ физическимъ половымъ „освобожденіемъ“.

Напряженное волненіе предшествующей стадіи характеризуется у мужчины наполненіемъ и набуханіемъ органовъ, вырабатывающихъ сѣмя, съ которымъ, вѣроятно, сопряжено чрезвычайно сильное раздражающее дѣйствіе химическихъ веществъ (по опредѣленію Коссмана, — „невромеханическія“ и „неврохимическія“ причины полового напряженія); затѣмъ, сильной возбудимостью остальныхъ „эрогенныхъ зонъ“, т. е. чувственно-возбудимыхъ мѣстъ (кожи, органовъ чувствъ).

Съ этой предшествующей стадіей связано переполненіе кровью пещеристыхъ тѣлъ мужского члена, подъ вліяніемъ нервныхъ импульсовъ, идущихъ изъ спинного мозга, слѣдствіемъ чего является выпрямленіе члена, — „эрекція“, необходимая для совокупленія, — при чемъ членъ принимаетъ положеніе, соотвѣтствующее направленію женскаго влагалища. „Половой актъ“ заканчиваетъ собой предшествующую стадію сладострастнаго чувства и ведетъ за собою вторую стадію сладострастія, — разряженіе полового напряженія.

Какъ мы уже упоминали выше, въ проявленіи чувственнаго возбужденія большую роль играютъ, помимо внутреннихъ химическихъ и механическихъ раздраженій, еще и раздраженія внѣшнихъ чувствъ и психическія раздраженія, идущія отъ головного мозга.

Сущность человѣческой половой любви не безъ основанія искали въ многообразномъ и всестороннемъ физическомъ и психическомъ соприкосновеніи. Тѣло человѣка, почти лишеннаго, по сравненію съ животными, волосъ, — представляетъ для сладострастнаго возбужденія множество эрогенныхъ зонъ (каковыми являются тѣ мѣста кожи, прикосновеніе къ которымъ вызываетъ половое чувство). Окончанія кожныхъ нервовъ, такъ называемыя Фатеръ-Пачиніевы тѣльца, имѣютъ большое сходство съ Краузовскими тѣльцами, помѣщающимися въ концѣ головки мужского члена, клитора, большихъ срамныхъ губахъ и въ сосочкахъ краснаго края губъ. Поэтому всякое прикосновеніе къ кожѣ и раздраженіе ея можетъ вызвать сладострастное чувство. Особенной чувственной возбудимостью отличаются мѣста перехода кожи въ слизистую оболочку, — какъ, напр., губы, языкъ, область задняго прохода, отверстіе женскихъ половыхъ органовъ, грудные соски. „У болѣе низко организованныхъ животныхъ формъ, равно какъ и у людей, отличающихся низменной, животной природой, любовь есть не что иное, какъ прикосновеніе и осязаніе. Въ любви всякое осязательное ощущеніе отодвигаетъ границы между „моимъ“ и „твоимъ“, а съ этимъ нераздѣлимо отрѣшеніе отъ своего „я“. (Мантегацца).

У мужчины, въ особенности въ періодъ зрѣлости, часто обнаруживается непреодолимая потребность въ прикосновеніи къ любимой женщинѣ, и нерѣдко этого одного бываетъ достаточно для чувства полового удовлетворенія.

Особенно способно вызвать чувственныя ощущенія прикосновеніе къ груднымъ соскамъ (какъ къ женскимъ, такъ и муж-

скимъ) и къ губамъ. Поцѣлуй въ Европѣ является однимъ изъ самыхъ сильныхъ способовъ выраженія любви, — истинный символъ полового единенія, даже безъ акта совокупленія. Поцѣлуй существуетъ только у человѣка и развился у него постепенно, вѣроятно, въ связи съ сосаніемъ ребенкомъ материнской груди, сопровождавшимся замѣтнымъ пріятнымъ ощущеніемъ, а, быть можетъ, еще и въ связи съ еще болѣе ранними обонятельными воспріятіями и раздраженіями.

Монгольскіе народы не знаютъ иного поцѣлуя, кромѣ „обонятельнаго“, который состоитъ въ томъ, что прикасаются не губами, а носомъ, т. е. вдыхаютъ запахъ щеки. Особенно сладострастное чувство вызываетъ также „поцѣлуй языкомъ“, взаимное прикосновеніе языками; этотъ поцѣлуй играетъ видную роль въ эротической литературѣ какъ у религіозныхъ мистиковъ, такъ и схоластиковъ. Совершенно „чистъ“ въ половомъ отношеніи, цѣломудренъ, такой поцѣлуй, когда мужчина касается губами щеки или лба женщины. Это ясно видно на картинѣ Леноара „Первый поцѣлуй“ (рис. 40). Чувственная сторона близости отмѣчена здѣсь не въ поцѣлуѣ, а въ объятіи и въ сцѣпленіи рукъ. Если бы въ картинѣ не было указанныхъ подробностей, то этотъ поцѣлуй можно было бы признать поцѣлуемъ отца дочери, дяди племянницѣ и т. д.

Отношеніе обонянія къ половому инстинкту — очень древняго происхожденія. Нѣкоторые новѣйшіе изслѣдователи приписываютъ запаху даже очень важную роль въ дѣлѣ зачатія, при сліяніи сѣменной клѣтки съ яйцевой. По мнѣнію Геккеля, запахъ составляетъ квинтъ-эссенцію любви, т. е. обонятельныя ощущенія составляютъ первопричину полового сношенія.

Хотя эта теорія и грѣшитъ, конечно, преувеличеніемъ, и первопричины полового инстинкта гораздо сложнѣе, — все же не подлежитъ сомнѣнію, что обоняніе еще и въ настоящее время имѣетъ большое значеніе въ сферѣ половыхъ переживаній, особенно мужчины.

Очень интересно то, что недавно были доказаны непосредственныя отношенія между органомъ обонянія и половыми частями. Флиссъ открылъ на нижней носовой раковинѣ мѣста, набухающія при половыхъ возбужденіяхъ (онанизмъ, совокупленіе, менструація), — а Шиффъ доказалъ даже прямую связь этихъ мѣстъ съ извѣстными измѣненіями половыхъ частей. Народныя вѣрованія, впрочемъ, издавна приводятъ въ связь величину носа съ силой чувственности. Мужчины и женщины съ большими носами считаются особенно сладострастными.

Не менѣе интереснымъ доказательствомъ наличности связи между обоняніемъ и чувственностью является фактъ, открытый Цваардемакеромъ, что эротическіе запахи принадлежатъ къ одной, а именно — каприловой химической группѣ. Къ указаннымъ возбуждающимъ чувственность запахамъ относятся запахъ пота, влагалищнаго выдѣленія, сѣменной жидкости, выдѣленія крайней плоти и железъ, находящихся вблизи половыхъ частей, выдѣляющихъ сильно пахнущія вещества у нѣкоторыхъ животныхъ, какъ, напр., у бобра и мускуснаго быка. Бываютъ и растенія съ такимъ эротическимъ возбуждающимъ каприловымъ запахомъ. Такое сходство въ химическомъ отношеніи различныхъ по своему происхожденію пахнущихъ веществъ доказываетъ ихъ естественное и древнее отношеніе къ половой жизни; у животныхъ оно непосредственно и обнаруживается, у человѣка же сказывается болѣе или менѣе ясно, хотя культура и значительно ослабила его.

Въ общемъ, обонятельныя раздраженія дѣйствуютъ на мужчину сильнѣе, чѣмъ на женщину. Первое мѣсто среди этихъ раздраженій занимаютъ испаренія тѣла и запахъ пота, извѣстный „ароматъ“ любимой женщины. По мнѣнію Іегера, эти общія испаренія тѣла всего сильнѣе выдѣляются отъ волосъ на головѣ и отъ затылка женщины.

„Замѣчательно, что во множествѣ случаевъ, — говоритъ Бинэ, — запахи, распространяемые человѣческимъ тѣломъ, являются причиной связей, возникающихъ между интеллигентными мужчинами и неинтеллигентными, въ большинствѣ случаевъ, служанщими у нихъ женщинами. Нѣкоторые мужчины считаютъ самымъ существеннымъ у женщинъ не красоту, умъ и характеръ, а запахъ ихъ“.

Многія любовныя связи, странныя, необъяснимыя, должны быть объяснены, повидимому, подобнымъ вліяніемъ запаховъ тѣла, — напримѣръ, многія непонятныя связи европейцевъ съ женщинами чуждыхъ расъ (негритянками и т. д.). Существуютъ мужчины, которыхъ возбуждаетъ исключительно лишь ароматъ женщины вообще, и отсутствуетъ склонность къ какой-нибудь одной женщинѣ; — такого рода мужчины особенно охотно посѣщаютъ большіе магазины, танцовальные вечера и т. п.

Въ числѣ общихъ испареній тѣла, эротическое значеніе имѣетъ запахъ нѣкоторыхъ частей тѣла. Большую роль въ беллетристической и эротической литературѣ играетъ запахъ волосъ на головѣ и подъ мышками. На нѣкоторыхъ мужчинъ производитъ возбуждающее впечатлѣніе и запахъ половыхъ частей. Врачъ - спеціалистъ по женскимъ болѣзнямъ, Клейнъ, доказалъ даже, что и самка человѣка обладала нѣкогда настоящими „пахучими“ железами на половыхъ частяхъ, отъ которыхъ и до настоящаго времени сохранился рудиментъ въ видѣ большихъ железъ срамныхъ губъ (glandulae vestibulares majores). Но, въ общемъ, въ настоящее время спеціальное значеніе запаха половыхъ частей человѣка очень не велико. Во всякомъ случаѣ, теперь женщина пользуется для полового привлеченія мужчины гораздо больше искусственными запахами, чѣмъ естественными.

Въ большинствѣ случаевъ прибѣгаютъ даже къ искусственнымъ ароматическимъ веществамъ, чтобы заглушить ими естественный запахъ тѣла; правда, особенно сильныя ароматическія вещества (мускусъ, амбра), предназначаются для усиленія или въ подражаніе запахамъ естественныхъ испареній, какъ это доказываетъ уже самая принадлежность ихъ къ группѣ каприловыхъ веществъ. Но большинство искусственныхъ духовъ содержатъ, наоборотъ, нѣжныя и пріятныя душистыя вещества, добываемыя изъ цвѣтовъ и какъ-будто предназначены къ тому, чтобы создать для мужчины иллюзію, что и сама женщина такова.

„Употребленіе женщинами духовъ и производимое этимъ впечатлѣніе на мужчину является однимъ изъ самыхъ глубокихъ доказательствъ способности человѣческой души къ иллюзіямъ. Первая женщина, прибѣгнувшая къ духамъ въ надеждѣ вызвать въ интересовавшемъ ее мужчинѣ хоть отдаленное пред-

положеніе, что этотъ ароматъ свойственъ ей, исходитъ изъ ея тѣла или служитъ благороднымъ выраженіемъ ея души, — сдѣлала болѣе смѣлое заключеніе о природѣ души мужчины и болѣе смѣлое открытіе въ области человѣческой психики, чѣмъ нѣкогда Кантъ въ своей „Критикѣ чистаго разума“. — И она добилась успѣха: „мы, дѣйствительно, вѣримъ, что ароматъ той или иной женщины представляетъ ея личную особенность, мы причисляемъ его къ ея свойствамъ и отождествляемъ его съ ней самой, мы дѣйствительно говоримъ: ея ароматъ“ (Кистемэккеръ).

Очень часто эти искусственныя душистыя вещества производятъ необычайно сильное возбуждающее дѣйствіе на чувственность. Тотъ фактъ, что ихъ употребляютъ исключительно женщины для привлеченія и увлеченія мужчинъ, служитъ новымъ доказательствомъ большей воспріимчивости мужчинъ къ грубымъ чувственнымъ раздраженіямъ въ любви; женщина подвержена имъ гораздо меньше, и оттого половая возбудимость женщины подъ вліяніемъ запаховъ гораздо слабѣе мужской. Но къ этимъ могущественнымъ средствамъ для привлеченія мужчины прибѣгаютъ женщины всего міра — у культурныхъ и дикихъ народовъ; дѣлаютъ это, главнымъ образомъ, проститутки, дѣлали прежде гетеры. Простыя дѣвушки прикалываютъ для этого на груди сильно пахнущіе цвѣты, дамы пользуются искусственными духами, дѣйствующими гораздо сильнѣе. Запахъ резеды, геліотропа, жасмина, пачули, фіалокъ, розъ, илангъ-илангъ, мускуса и т. д. — излюбленные для этой цѣли духи. Возможно, что различные запахи вызываютъ и различныя эротическія представленія, — нѣкоторыя наблюденія подтверждаютъ это. Во всякомъ случаѣ, бываютъ мужчины, воспріимчивые только къ одному какому-нибудь запаху и остающіеся совершенно равнодушными ко всѣмъ остальнымъ.

Роль вкусовыхъ ощущеній въ любви при нормальныхъ условіяхъ у мужчины очень незначительна, такъ что на нихъ можно не останавливаться. (Упомянемъ только вскользь о нѣкоторыхъ пищевыхъ веществахъ, вызывающихъ половое возбужденіе (Aphrodisiaca), а равно о веществахъ, вызывающихъ сладострастіе, въ составъ которыхъ входятъ половыя выдѣленія или даже самыя половыя части.)

Гораздо болѣе важную роль играетъ слухъ, что доказываетъ уже тѣсная связь между голосомъ и половымъ развитіемъ въ періодъ мужской зрѣлости. Голосъ производитъ и позднѣе сильное эротическое дѣйствіе, достигающее особенной силы въ ритмической формѣ пѣнія и музыки и вызывающее различныя ощущенія, въ зависимости отъ того или иного тембра, оттѣнка или вибраціи звука.

Призывные звуки первобытныхъ людей имѣли, — по Дарвину, — форму музыкальныхъ звуковъ и ритмовъ. Успѣхи знаменитыхъ пѣвицъ, а также и пѣвцовъ — ясно подтверждаютъ эту связь.

Но настоящимъ „органомъ любви“ современнаго культурнаго человѣка является несомнѣнно зрѣніе, — этотъ „первый вѣстникъ любви“, который „лѣвой рукой стелетъ по самой землѣ сладострастье“ и въ то же время правой „направляетъ наши

взоры въ высшія сферы идеала“ (Мантегацца). Такъ какъ зрѣніе служитъ истиннымъ органомъ воспріятія красоты тѣлесныхъ формъ, то благодаря ему развилась та тѣсная связь между любовью и красотою, которую философъ Платонъ и

Рис. 42. Кокетка. По картинѣ Фр Русса.

естествоиспытатель Дарвинъ формулировали одинаково: красота — это воплотившаяся любовь.

Въ самомъ дѣлѣ, легко можно представить себѣ, что зрѣніе вліяло на выборъ въ любви, благодаря чему во время исторіи развитія создались и установились въ мірѣ живыхъ существъ различныя формы красоты. Дарвинъ очень подробно развилъ эту интересную часть „полового подбора“.

Разумѣется, понятіе красоты, воспринимаемой нами съ помощью зрѣнія, очень относительно. Оно неодинаково не только у различныхъ человѣческихъ расъ, у народовъ культурныхъ и дикихъ, но также и у различныхъ національностей одной и той же расы и даже у отдѣльныхъ лицъ. Абсолютнаго идеала женской красоты совсѣмъ не существуетъ. Повсюду, во всемъ мірѣ красота выводится изъ чувственности. Въ основѣ „красиво" то, что привлекательно съ точки зрѣнія чувственности. Въ обыденной жизни способность привлекать мы называемъ „кокетствомъ". Францъ Руссо символизируетъ это понятіе въ выраженіи лица кокетливой красавицы (Рис. 42), но, въ дѣйствительности, кокетство проявляется во всевозможныхъ формахъ и разновидностяхъ и вовсе не имѣетъ единаго какого-либо опредѣленнаго типа.

„Красота, — говоритъ Реми де Гурмонъ, — до такой степени слита съ чувственностью, что единственными, неоспоримо прекрасными произведеніями искусства остаются тѣ, которыя изображаютъ нагое человѣческое тѣло. Оставаясь вѣрнымъ ей, греческая скульптура стала выше всякихъ споровъ. Она прекрасна потому, что изображаетъ человѣческія тѣла, которыя такъ привлекательны, что всякій мужчина и всякая женщина желали бы соединиться съ ними для сохраненія вида. Прекрасно то, что гармонируетъ съ любовью; что прекрасно, то гармонируетъ съ любовью. Только эта неразрывная связь между искусствомъ и любовью объясняетъ существованіе искусства. Безъ этого отзвука чувственнаго элемента искусство не могло бы возникнуть и не могло бы быть долговѣчно. Въ этихъ темныхъ глубинахъ нѣтъ ничего безцѣльнаго; все, что сохраняется долго, необходимо. Искусство есть соучастникъ любви. Когда исчезнетъ любовь, погибнетъ и искусство; когда упразднится искусство, любовь станетъ одной простой физіологической потребностью".

Зрѣніе развило съ теченіемъ времени въ любви законы красоты (ср. II главу слѣд. тома — „Красота женщины"), своего рода уставъ, — списокъ признаковъ красоты европейской женщины, вліяющихъ эротически на мужчину. Къ этимъ признакамъ, по Штратцу, принадлежатъ слѣдующіе:

Изящное строеніе костей
Круглыя формы и груди
Широкій тазъ
Густые, длинные волосы
Прямая, низкая граница лобковыхъ волосъ.
Скудная растительность подъ мышками
Отсутствіе волосъ на тѣлѣ
Нѣжная кожа
Круглый черепъ
Маленькое лицо
Большія глазныя орбиты
Высокія, узкія брови
Низкая, узкая нижняя челюсть
Мягкій переходъ отъ щеки къ шеѣ
Круглая шея
Изящная тонкая рука
Узкая кисть съ удлиненнымъ указат. пальцемъ
Круглыя плечи
Прямыя, узкія ключицы
Узковатая, продолговатая грудная клѣтка
Стройная талія
Вогнутая поясница
Выпуклыя ягодицы
Поясничныя ямки
Круглыя, полныя бедра
Низкій, тупой лобокъ
Мягкія очертанія колѣнъ
Круглыя икры
Изящный изгибъ голени
Сухая ступня съ узкими пальцами
Удлиненность второго пальца ноги и укороченность пятаго
Широкіе передніе рѣзцы

Гавелоккъ Эллисъ составилъ, приблизительно, точно такой же списокъ признаковъ женской красоты. По мнѣнію Штратца, этотъ индо-германскій идеалъ женской красоты служитъ масштабомъ и для всѣхъ другихъ расъ. Образованные и чуткіе къ красотѣ мужчины другихъ расъ большею частію такъ же высказываются о женской красотѣ, какъ и европейцы; Штратцъ подтверждаетъ это многими примѣрами. На взглядъ европейца, къ этому индо-германскому идеалу приближаются всего больше яванки, китаянки, японки, женщины Сандвичевыхъ острововъ и Самоа и нѣкоторыхъ африканскихъ племенъ, въ особенности смѣшанное женское населеніе Египта.

По фотогр. снимку бр. Алинари во Флоренціи.

Рис. 43. Рожденіе Венеры. По картинѣ Ботичелли.

Вышеописанный естественный идеалъ европейской женской красоты выработался постепенно въ теченіе развитія культуры, съ процессомъ обособленія мужчины и женщины, однако онъ часто подвергается мимолетнымъ измѣненіямъ подъ вліяніемъ измѣнчивости моды и вкусовъ. Назовемъ хотя бы только идеалъ женской красоты такъ называемаго „прерафаэлитскаго" направленія въ искусствѣ, прообразомъ котораго можетъ считаться знаменитая флорентинская Венера Сандро Ботичелли (рис. 43). Вотъ что говоритъ Штратцъ о типѣ ея красоты:

„Фигура Венеры Сандро Ботичелли полна нѣжной, грустной прелести, производящей глубокое впечатлѣніе. При внимательномъ разсмотрѣніи, нельзя не узнать въ ея длинной, тонкой шеѣ, въ замѣтно покатыхъ плечахъ, въ узкой, впалой грудной клѣткѣ и въ обусловленномъ этимъ расположеніи грудей, близко отстоящихъ другъ отъ друга, — ярко выраженный типъ туберкулезной больной, глубоко-печальная красота которой волнуетъ душу зрителя искреннимъ состраданіемъ и въ жизни, и въ ху-

дожественномъ изображенiи“. Такимъ образомъ, Ботичелли, самъ того не зная, избралъ своимъ идеаломъ типъ чахоточной красавицы. Не знали этого и его поклонники и послѣдователи и, въ стремленiи подражать этому идеалу, придали своимъ здоровымъ натурщицамъ печать туберкулеза, создавъ такимъ образомъ лишенные правды смѣшанные образы. Указанный конфликтъ особенно ясно выступаетъ у Бернъ Джонса, одного изъ величайшихъ прерафаэлитовъ. Въ его черновыхъ набросках это здоровые люди, а на картинахъ всѣ они превратились въ чахоточныхъ.

Прерафаэлизмъ, возникшiй первоначально въ Англiи, съ его пристрастiемъ къ „прямой линiи“, къ стройнымъ, воздушнымъ,

По снимку Фотогр Общ. въ Берлинѣ.

Рис. 44. Нападенiе сатировъ на Дiану, окруженную нимфами.
По картинѣ Рубенса.

слишкомъ одухотвореннымъ, сверхчувственнымъ формамъ, представляетъ собой только временную, преходящую моду, — точно такъ же, какъ во времена Рубенса идеаломъ женской красоты считалось прямо противоположное свойство, а именно — чрезмѣрная полнота. Даже Дiана, которую всѣ художники изображаютъ высокой, стройной и подвижной, — на картинѣ Рубенса (рис. 44) является необычайно полной.

На ряду съ чувственной прелестью, совокупность психически привлекательныхъ свойствъ, претворяемыхъ фантазiей, играетъ, быть можетъ, еще большую роль въ любви мужчины, въ особенности въ любви современнаго культурнаго европейца.

Неисчерпаемая изобрѣтательность фантазiи сказывается часто съ поразительной силой именно въ этой области и обусловливаетъ собой безконечное разнообразiе характера любви и ея проявленiй. Въ любви многiе мужчины становятся поэтами и ху-

дожниками. Въ ней обнаруживается весь характеръ, вся фантазія и творческая сила мужчины; въ ней обнажаются всѣ корни его существа. Только съ полнымъ развитіемъ полового чувства достигаетъ наивысшаго расцвѣта и вся духовная его сущность. Этимъ объясняется та глубокая, интимная связь, какая существуетъ между религіей, искусствомъ и всякой духовной дѣятельностью и творчествомъ, съ одной стороны, и половой жизнью — съ другой, и вліяніе ихъ другъ на друга, замѣтное у мужчины гораздо больше, чѣмъ у женщины.

У мужчины гораздо сильнѣе сказывается власть идеи надъ чувствами и дѣятельностью въ половой сферѣ, тогда какъ жизнь и дѣятельность женщины въ этой сферѣ болѣе инстинктивна. Этимъ объясняется также несравненно большая потребность мужчины въ разнообразіи въ этой области. Мужчина любитъ новизну, перемѣны, — какъ въ сферѣ любовныхъ чувствъ, такъ и въ отношеніи объекта любви. Онъ склоненъ, больше чѣмъ женщина, къ разнообразію и, несмотря на болѣе развитые у него, благодаря культурѣ, моногамическіе инстинкты, ему все же врождено влеченіе къ многоженству. Вотъ, почему среди мужчинъ можно встрѣтить цѣлый рядъ эротическихъ типовъ, наивысшее развитіе которыхъ относится, правда, къ области ненормальнаго, болѣзненнаго, но которые и въ нормальныхъ предѣлахъ очерчены довольно явственно.

Рис. 45. Казанова.

Къ ихъ числу относятся, прежде всего, тѣ часто встрѣчающіяся проявленія полигамныхъ инстинктовъ, которыя обнаруживаются въ донъ-жуанствѣ. Типъ ДонъЖуана далеко не всегда одинаковъ, — онъ обнимаетъ собой различные виды соблазна и погони за женщинами, — отъ разсудочнаго разврата до чисто чувственной жажды наслажденій, отъ презрѣнія къ женщинамъ до восторженнаго поклоненія имъ. Тѣ и другіе виды объединены единственнымъ общимъ признакомъ, — частой перемѣной объекта любви. Старый испанскій Донъ-Жуанъ (совершенный типъ этой демонической фигуры даетъ намъ пѣвецъ Франческо д'Андрадэ въ оперѣ Моцарта; см. на отд. таблицѣ), а также нѣкоторые британскіе развратники XVIII столѣтія представляютъ собой первый типъ, — образы въ родѣ Казановы (рис. 45) или Ретивъ де ла Бретонъ-второй.

Первый характеризуется спокойной, холодной непреклонностью, съ которой онъ предается наслажденіямъ любви; для

него она гораздо меньше вопросъ страсти, чѣмъ гордости и самодовольнаго сознанія своей власти; второго же влечетъ пылкая чувственность въ соединеніи съ врожденной потребностью все новаго и новаго обладанія. Донъ-Жуанъ презираетъ женщинъ; онъ, въ сущности, типичный врагъ женщинъ, дьявольскій женоненавистникъ; Казанова — типичный „феминистъ", онъ обладаетъ глубокимъ пониманіемъ женской души, въ любви не разочаровывается и, чтобы чувствовать себя счастливымъ, нуждается въ постоянномъ общеніи съ женщинами. Въ Донъ-Жуанѣ соблазнительна его демоническая натура, его грубо неукротимая властность; въ Казановѣ — окружающая его атмосфера чувственности. Донъ-Жуанъ властный герой, побѣдитель, холодный насильникъ надъ душой, въ родѣ героя „Дневникъ соблазнителя" Киркегорда; Казанова — мягкій, чуткій и нѣжный соблазнитель, эротикъ-идеалистъ, признающій только обожаемую „женщину", а не „женщинъ".

Есть еще одна разновидность: мнимый Донъ-Жуанъ. Это мужчина, вѣчно ищущій истинной любви и пріобрѣтающій характеръ Донъ-Жуана только вслѣдствіе вѣчныхъ разочарованій и ошибокъ. Этотъ типъ встрѣчается теперь очень часто. Онъ представляетъ собой только выраженіе той все болѣе усиливающейся дифференціаціи, которая влечетъ за собой все большую трудность правильнаго любовнаго выбора; его порождаетъ не жажда чувственныхъ наслажденій, а вѣчно обманываемыя страстныя исканія истинной индивидуальной любви.

Старый донъ-жуановскій типъ эротика-„властелина" представляетъ собой просто разновидность нормальнаго (физіологическаго) явленія садизма (сладострастной жестокости: см. 13 главу II тома: „Болѣзненныя проявленія полового инстинкта"), который встрѣчается — по крайней мѣрѣ въ отдѣльныхъ чертахъ — и у всякаго нормальнаго мужчины и который связанъ съ активной ролью мужчины въ половой дѣятельности. И въ нормальномъ половомъ общеніи нѣкоторые мужчины испытываютъ странную потребность проявить какимъ-нибудь путемъ — крикомъ, укусомъ, бурнымъ объятіемъ — свою власть и силу надъ любимой женщиной и самому интенсивно почувствовать ее. Это происходитъ отъ стародавней связи между сладострастіемъ и жестокостью. Причиненіе физическаго и душевнаго страданія усиливаетъ сладострастіе и представляетъ собой у нѣкоторыхъ мужчинъ нормальное сопутствующее явленіе полового общенія. Любовное объятіе часто изображалось, какъ „сладостная боль", какъ болѣзненное наслажденіе, а недавно одинъ глубокій психіатръ, Эдмундъ Форстеръ, доказалъ, что болѣзненныя ощущенія являются несомнѣнными составными частями и самаго чувства сладострастія.

Этотъ „садизмъ" мужчины несравненно естественнѣе, чѣмъ его противоположность — „мазохизмъ", т. е. сладострастное чувство, испытываемое отъ претерпѣваемыхъ — физической или душевной — боли или униженія. Мазохизмъ — явленіе тоже очень распространенное — происходитъ, до извѣстной степени, косвенно отъ извращенія естественныхъ половыхъ отношеній между мужчиной и женщиной. Спокойная пассивность женщины прямо противоположна бурной и жадной активности мужчины — ее

мѣтко сравниваютъ съ магнитомъ, неодолимо и крѣпко притягивающимъ желѣзо (мужчину) и, при всей своей кажущейся неподвижности, превращающимъ его, до нѣкоторой степени, въ раба, — эта пассивность составляетъ несомнѣнное превосходство женщины въ чисто чувственной любви. Сама физическая природа даетъ ей перевѣсъ надъ мужчиной — даже тогда, когда она наружно кажется порабощенной.

Въ условіяхъ нашей европейской культуры, настоящимъ образомъ „подъ башмакомъ" оказывается тотъ мужъ, который съ самаго начала попадаетъ въ подчиненіе къ своей женѣ, благодаря своей чрезмѣрной половой потребности; благодаря ей же долго остается въ зависимости, а если эта зависимость и распространяется потомъ и на другія стороны отношеній, то ея значеніе остается все же второстепеннымъ. Вліяніе фаворитокъ также возникаетъ вначалѣ изъ чисто половыхъ отношеній между правителемъ и его метрессой, — ея вліяніе на политику также проявляется только впослѣдствіи. Такъ Антоній далъ себя заковать въ цѣпи Клеопатрѣ. Нильская владычица (рис. 41) покорила себѣ избалованнаго побѣдами властителя Римской имперіи. Чѣмъ больше половая пассивность и холодность женщины, тѣмъ легче она пріобрѣтаетъ власть надъ мужчиной.

Чисто психическій мазохизмъ, часто встрѣчающійся въ наше время, находится также въ связи съ принудительными сторонами жизни, нравовъ и обычаевъ, отъ которыхъ мужчины страдаютъ гораздо больше, чѣмъ женщины. Онъ пробуждаетъ потребность самоотреченія въ видѣ беззавѣтной любви къ женщинѣ, характеризующейся желаніемъ переносить отъ нея страданія и униженія.

Въ связи съ этимъ находится и та своеобразная привлекательность, которую представляютъ проститутки даже для интеллигентныхъ мужчинъ, эстетически очень чуткихъ во всѣхъ другихъ отношеніяхъ. Именно своей пошлостью, грубостью и животностью проституція производитъ на многихъ мужчинъ впечатлѣніе магически-притягательной силы. Эта несомнѣнно мазохистская черта предстанетъ передъ нами особенно ярко, если мы представимъ контрастъ между умственно высоко-развитымъ мужчиной и проституткой. Самый спросъ на проституцію несомнѣнно связанъ до извѣстной степени съ этимъ, свойственнымъ и нормальнымъ мужчинамъ, мазохизмомъ, т. е. со стремленіемъ погружаться время отъ времени въ пропасть грубой, животной половой страсти и съ потребностью въ самоуниженіи въ формѣ чувства къ недостойному существу. Не подлежитъ сомнѣнію, что эта форма мазохизма гораздо болѣе свойственна мужчинѣ, чѣмъ женщинѣ.

Въ заключеніе, укажемъ еще на то, что въ тѣсной связи съ мазохистскимъ характеромъ чувствъ находятся и нѣкоторыя формы монашескаго аскетизма и поэтическаго и философскаго пессимизма.

———

Снимокъ В. Тиценталера въ Берлинѣ.

Рис. 46. Борьба гигантовъ. Фризъ нижн. части Пергамскаго алтаря въ Берлинѣ.

Глава IV.

Умственная и душевная жизнь мужчины.

(Прив.-доц. докторъ правъ Теодоръ Штернбергъ.)

Главное свойство живыхъ существъ, которымъ они отличаются отъ неодушевленныхъ предметовъ, представляетъ ихъ стремленіе къ сохраненію своего вида или своихъ формъ и сохраненіе ихъ путемъ воспроизведенія себѣ подобныхъ существъ. Сохраненіе формъ и стремленіе къ нему, свойственное цѣлому виду въ его совокупности, обусловливаетъ собой стремленіе къ самосохраненію у каждаго изъ его представителей въ отдѣльности, — въ тѣхъ предѣлахъ, по крайней мѣрѣ, въ какихъ это необходимо для сохраненія вида. Самосохраненіе составляется изъ двухъ моментовъ: изъ самозащиты противъ нападеній, угрожающихъ жизни, и изъ непрерывнаго вырабатыванія тѣлеснаго вещества путемъ обмѣна веществъ. Слѣдовательно, понятіе жизнедѣятельности составляется изъ совокупности трехъ видовъ дѣятельности: размноженія, борьбы и питанія.

Не у всѣхъ живыхъ существъ наблюдаются въ одинаковой мѣрѣ эти три рода дѣятельности; у растеній, напримѣръ, борьба занимаетъ несравненно меньшее мѣсто, хотя все же существуетъ и не можетъ не существовать, какъ и у животныхъ. У животныхъ, даже высшихъ породъ, дѣятельность въ интересахъ борьбы не всегда легко отличить отъ дѣятельности въ интересахъ питанія: левъ, напримѣръ, борется, чтобы питаться, и питается путемъ борьбы. Но неразрывную связь между питаніемъ и борьбой можно прослѣдить и еще гораздо глубже. Когда живое существо поглощаетъ въ себя какое-нибудь полезное его жизнедѣятельности вещество изъ внѣшняго міра, — оно неизбѣжно отнимаетъ его у другихъ живыхъ существъ, потому что ими вѣдь полонъ весь міръ и они всюду и непрерывно стараются прокладывать себѣ пути. Нѣтъ, слѣдовательно, въ мірѣ ничего полезнаго для жизни, никакого — скажемъ кратко — „блага“, котораго не оспаривали бы многіе; конкурренція — явленіе не

случайное въ жизни, а представляетъ ея необходимый составной элементъ.

Ничто не можетъ развиваться свободно иначе, какъ цѣной вытѣсненія чего-нибудь другого; тотъ же результатъ мы видимъ, когда, напримѣръ, рука естествоиспытателя-ботаника, желающаго создать благопріятныя условія развитія какому-нибудь грибу, удаляетъ съ его дороги его соперниковъ. И наоборотъ: когда какое-нибудь живое существо побѣждаетъ въ борьбѣ, оно добываетъ себѣ пищу — и другого повода и другой цѣли никакая борьба имѣть не можетъ — или же возможность спокойнаго пользованія ею. Вѣдь для питанія необходима не только наличность пищи, но еще — съ одной стороны — покой и безопасность, съ другой — теплота, чтобы поглотить и переварить ее. Добываніе пищи — а иногда и достиженіе и охраненіе покоя, безопасности и теплоты — требуетъ всегда дѣятельности, и эта дѣятельность, разсматриваемая съ извѣстной точ-

Фотогр. изд. Фр. Ганфштенгля въ Мюнхенѣ.

Рис. 47. Геркулесъ, умерщвляющій Антея.
Съ картины Г. Балдунга (Грина).

ки зрѣнія, есть, какъ мы видимъ, борьба, — но съ другой точки зрѣнія, не менѣе основательной, она не обязательно должна быть борьбой. Она можетъ вполнѣ проявиться, конечно, только у нѣкоторыхъ живыхъ существъ — у высшихъ животныхъ. Сознанія собственной опасности или вреда, — точнѣе, сознанія вреда, планомѣрно причиняемаго противникомъ, можетъ и не быть; а слѣдовательно, можетъ не быть того, что характерно для борьбы. Художественное выраженіе этого сознанія сказывается въ единоборствѣ, прообразъ котораго мы видимъ въ группѣ Геркулеса, побѣждающаго Антея (рис. 47).

Предметомъ пищи является въ такомъ случаѣ исключительно добыча; для достиженія покоя, безопасности и теплоты необходима побѣда не надъ врагомъ, а исключительно надъ препятствіями. Эта дѣятельность представляетъ собой трудъ; какъ мы видимъ, понятіе труда вытекаетъ изъ понятія питанія. Эта новая дѣятельность, какъ и самое питаніе, сохраняютъ все же близкое сродство съ борьбой: устраненіе безжизненныхъ препятствій требуетъ все же много очень опаснаго труда, вызывающаго въ душѣ тѣ же опасенія, что и при борьбѣ. Есть много животныхъ, планомѣрно создающихъ затрудненія для другихъ животныхъ, которымъ они служатъ пищей, и эти затрудненія своей утомительностью для послѣднихъ равносильны борьбѣ; вотъ почему нашъ языкъ образно называетъ трудъ борьбой и говоритъ о трудѣ борьбы. Такимъ образомъ, чтобы говорить о дѣятельности-борьбѣ, нужна наличность сознанія того и другого моментовъ — вреда и планомѣрности этого вреда, и нужно отсутствіе того и другого, чтобы можно было говорить о трудѣ.

Итакъ, мы установили одну точку зрѣнія, съ которой эти три главныхъ вида дѣятельности — борьба, питаніе, размноженіе — обособлены другъ отъ друга; другую, — съ которой между борьбой и питаніемъ существуетъ тѣсная связь; третью, — съ которой трудъ примыкаетъ къ питанію. Въ-четвертыхъ, мы убѣдились, что, кромѣ сопоставленія „борьба = питанію“ и „питаніе = труду“, существуетъ еще сопоставленіе „борьба = труду“. Только между размноженіемъ съ одной стороны и всѣми этими остальными видами дѣятельности съ другой проходитъ болѣе глубокая борозда, противопоставляющая препятствія подобнымъ сопоставленіямъ. Нѣсколько болѣе допустимымъ можно считать сопоставленіе „размноженіе = питанію“, потому что созданіе новаго существа немыслимо безъ вынашиванія его и вскармливанія со стороны стараго. Между размноженіемъ же и борьбой, если и существуетъ, то чрезвычайно слабое сродство, въ особенности же въ сопоставленіи „размноженіе = труду“ совсѣмъ нѣтъ видимой надобности, скорѣе даже наоборотъ.

Даже у самыхъ низшихъ животныхъ видовъ ярко выражена эта противоположность между дѣятельностью размноженія и другими родами ея: когда простѣйшее одноклѣтное животное дѣлится, то дѣленіе совершается только въ томъ изъ двухъ его ядеръ, которое служитъ цѣлямъ размноженія; другое же, посвященное остальнымъ видамъ жизнедѣятельности, обыкновенно исчезаетъ и потомъ наново вырабатывается каждымъ изъ возникшихъ послѣ дѣленія животныхъ.

Всѣ эти соображенія чрезвычайно важны для оцѣнки характера обоихъ половъ.

Можно было бы сказать, что природа добивалась прогресса, —

который заключается въ образованіи особыхъ органовъ для каждаго отдѣльнаго рода дѣятельности, — въ томъ, чтобы снабдить каждую животную породу тремя особыми формами, отдѣльными для каждаго рода дѣятельности — такъ, чтобы каждый высшій животный видъ состоялъ изъ совокупности аппаратовъ, — для защиты, для питанія и для рожанія (соотвѣтств. борьбѣ, труду и размноженію). На самомъ же дѣлѣ она нигдѣ не осуществила въ чистомъ видѣ этотъ принципъ, который намъ угодно называть закономъ раздѣленія труда, — скорѣе она, наоборотъ, подчинила его закону половыхъ различій всюду, даже тамъ, гдѣ она дала ему наивысшее развитіе, какъ, напр., у пчелъ (ихъ трутни безусловно не предназначены для борьбы) и въ особенности у муравьевъ. Природа требуетъ, чтобы каждая животная порода содержала въ себѣ извѣстную смѣсь веществъ живыхъ особей. Этимъ требованіемъ она даже явно обусловливаетъ самое размноженіе, сохраненіе вида, не осуществляя безъ него сохраненіе, — и мы, несомнѣнно, можемъ прослѣдить это требованіе — соприкосновеніе съ цѣлью смѣшенія — въ самомъ актѣ размноженія.

Какъ развились половыя различія и зачѣмъ нужны они жизни, — этого мы еще не знаемъ; мы имѣемъ только нѣсколько гипотезъ въ отношеніи ихъ полезности: тамъ, гдѣ для созданія одного новаго индивидуума или (въ извѣстныхъ предѣлахъ) довольно большого числа индивидуумовъ требуется не одинъ старый индивидуумъ, а пара, – тамъ, очевидно, отброшенъ путь сохраненія вида посредствомъ нарожденія возможно большаго числа новыхъ существъ, — тамъ, вѣроятно, существуетъ стремленіе достигнуть этого другимъ путемъ, — путемъ улучшеннаго качества новыхъ существъ; быть можетъ, накопленіемъ въ новомъ существѣ свойствъ, унаслѣдованныхъ отъ двухъ старыхъ, достигается усиленіе способности приспособленія и въ особенности, быть можетъ, той способности превращенія, съ помощью которыхъ организмы имѣли возможность развить то многообразіе, которымъ они въ настоящее время отличаются, — чтобы могли развиться нынѣ существующія высшія и наивысшія формы. Но до сихъ поръ, пока мы можемъ располагать только такими соображеніями полезности, мы вынуждены довольствоваться одними предположеніями и догадками и въ вопросѣ душевной жизни обоихъ половъ; вполнѣ вѣрныя заключенія о психическомъ предназначеніи половъ мы могли бы сдѣлать только тогда, когда могли бы установить необходимость различія половъ для жизни.

Но, требуя совокупнаго дѣйствія двухъ существъ, природа нигдѣ, однако, не показываетъ возможности соединенія большаго числа — трехъ — существъ для цѣлей размноженія. Оттого принципъ полового различія является въ то же время принципомъ двуединства (полового дуализма). Разумѣется, законъ полового различія въ своемъ чистомъ и настоящемъ смыслѣ еще не исчерпывается закономъ двуединства. Если мы положимъ въ основу этого закона — для объясненія его — намѣреніе природы усилить превращаемость и приспособляемость видовъ, то намъ станетъ понятно, правда, что всякое существо можетъ соединяться только съ существомъ такого вида, который обладаетъ дополнительными свойствами, недостающими первому; но изъ этого отнюдь еще не видно, что налицо должны быть двѣ группы, настолько отличныя другъ отъ друга по своему строенію и своимъ функціямъ, чтобы могла быть рѣчь о различіи половъ въ собственномъ смыслѣ слова.

Если какое-нибудь одноклѣтное существо *a* можетъ соединиться съ существомъ *b* своего вида, а съ *c* не можетъ, то это

еще не значитъ, что существуетъ какое-нибудь опредѣленное различіе общаго характера между *a* и *c* съ одной стороны и *b* (и способнымъ съ нимъ соединиться), съ другой; прежде всего это не значитъ, что и *c* не могло бы, такъ же, какъ *a*, соединиться съ *b*. На низшей ступени законъ двуединства еще вовсе не вытекаетъ изъ простой множественности, въ силу котораго каждое существо отличается отъ каждаго другого существа; слѣдовательно, двуединство или половое различіе въ болѣе широкомъ смыслѣ можетъ быть констатировано только тамъ, гдѣ соединеніе обусловливается различіемъ между ищущимъ и искомымъ, между производящимъ и вынашивающимъ существомъ, т. е. между сѣменной клѣткой и яйцевой, потому что только этимъ и обусловливается истинное различіе половыхъ ролей: отцовская роль, принадлежащая той особи, которая выдѣляетъ изъ себя маленькія сѣменныя клѣтки, предназначенныя двигаться и отыскивать, и материнская роль той особи, которая обладаетъ болѣе крупными яйцевыми клѣтками, предназначенными оставаться неподвижными и развиваться.

Такое толкованіе требуетъ, разумѣется, ограниченія въ виду того, что существуютъ высшія растенія, у которыхъ въ одной и той же цвѣточной особи соединяются многіе носители и яйцевыхъ, и сѣменныхъ клѣтокъ, но такъ все-таки, что ихъ легко отличить другъ отъ друга. Это всего легче представить себѣ въ такомъ видѣ, какъ если бы человѣчество состояло изъ сіамскихъ близнецовъ, братьевъ и сестеръ попарно. Для высшихъ растеній такое устройство очень практично, въ виду оплодотворенія, происходящаго черезъ посредниковъ (преимущественно насѣкомыхъ), изъ которыхъ каждый при оплодотвореніи женской части растенія можетъ набрать пыльцу изъ мужской части этого растенія. Вѣдь такъ называемыя „мужскія“ растенія не способны къ самостоятельному движенію и отыскиванію, какъ самцы почти всѣхъ видовъ животныхъ.

Но до возникновенія полового различія, до превращенія отцовства и материнства въ мужественность и женственность еще очень далеко. Природѣ, намѣревающейся провести одновременно и законъ раздѣленія труда, и законъ полового различія, представляется задача раздробить триединство перваго и двуединство второго. Совершенно понятно, что потребность питанія хотя бы въ слабой степени должна быть заложена въ каждаго индивидуума, все-равно какого пола, иначе онъ не могъ бы жить; видно также, что природа стремится заложить въ каждаго индивидуума, хотя бы въ слабой тоже степени, и половой элементъ, и способность къ борьбѣ. Тѣмъ не менѣе она развиваетъ довольно разнообразныя комбинаціи различныхъ свойствъ; послѣ попытки, сдѣланной у высоко организованныхъ насѣкомыхъ, сохранить раздѣленіе на отцовъ, матерей и безполыхъ рабочихъ (или солдатъ), т. е. сохранить триединство, — она снова возвращается къ двуединству и тутъ такъ рѣшаетъ вопросъ: питаніе и размноженіе закладываетъ въ особей обоихъ половъ, а борьбу (съ поисками и движеніемъ) — въ одного изъ нихъ въ замѣтно большей степени. Только тутъ возникаетъ то различіе, которое можно назвать не только физическимъ, но и психическимъ различіемъ между мужественностью и женственностью. Развившееся очень ярко только у высоко организованныхъ позвоночныхъ животныхъ, оно и здѣсь еще часто очень замѣтно колеблется; у большинства птицъ, а изъ млекопитающихъ у хищныхъ звѣрей, замѣтно еще въ высокой степени пред-

расположеніе къ исканію и движенію въ видѣ борьбы и охоты у самки, такъ что отличительнымъ свойствомъ, присущимъ одному самцу, остается только воинственное соперничество, борьба изъ-за самки.

У человѣка половое различіе достигаетъ наивысшей степени, — мужчина предрасположенъ къ борьбѣ, къ исканію и движенію, женщина — къ неподвижности и уходу за потомствомъ. Благодаря этому, человѣкъ сохраняетъ наивысшее положеніе среди всѣхъ животныхъ на землѣ; благодаря этому, онъ имѣетъ возможность самаго разнообразнаго развитія, потому что тамъ, гдѣ существуетъ наибольшее различіе свойствъ и способностей — такъ называемая дифференціація — неизбѣжно возникаетъ и разнообразіе, такъ какъ противоположности комбинируются въ свою очередь и порождаютъ множество переходовъ.

Если, при всемъ различіи роли самца и самки въ дѣлѣ размноженія, тигры и тигрицы, львы и львицы, коты и кошки, собаки обоего пола дерутся и грызутся почти безъ всякаго различія и одинаково склонны къ охотѣ и рысканію; если быкъ и корова, самецъ и самка слона или козули одинаково мирно пасутся, несмотря на то, что орудіями защиты снабженъ одинъ самецъ; то у человѣка пропасть между мужской и женской дѣятельностью въ этомъ отношеніи очень велика и сближеніе происходитъ, какъ это наблюдается уже у обезьянъ, въ области совершенно новой — въ труд ѣ, къ которому призваны оба, въ трудѣ, сообщающемъ человѣку ту же и еще большую особенность, которой отличаются высшія насѣкомыя. Если женщина пріобрѣла мирный и безоружный характеръ самокъ копытныхъ животныхъ, то мужчина пріобрѣлъ характеръ истинно хищнаго животнаго, который влечетъ его не только къ оборонительной борбѣ, свойственной самцамъ копытныхъ, но и къ нападенію и активной борьбѣ, свойственной самцамъ кошекъ, собакъ, медвѣдей. Отсюда вытекаетъ объясненіе особенностей его умственной и душевной жизни.

Отдѣляя мужской и женскій характеръ отъ отцовства и материнства, мы достигаемъ рѣзкаго разграниченія душевнаго строя, вытекающаго непосредственно изъ жажды полового единенія (родовой психозъ) съ одной стороны и съ другой — всей совокупности движеній человѣческой души, поскольку на нее оказываютъ вліяніе половыя различія (половой психозъ); какъ предметъ настоящей главы, ее слѣдуетъ отдѣлить отъ предыдущей. Въ родовой психикѣ гораздо больше безсознательнаго, — она состоитъ, въ сущности, изъ неясныхъ, въ такой же мѣрѣ необъяснимыхъ, какъ и непобѣдимыхъ, душевныхъ движеній, тогда какъ половая психика выражается главнымъ образомъ въ сознательной душевной жизни; между родовой и половой психикой яркой чертой проходитъ самая важная пограничная линія, какая только существуетъ на великой картѣ знанія: это переходъ отъ біологіи (біопсихологіи), какъ естественной науки, къ психологіи, какъ наукѣ о характерѣ, къ исторіи умственнаго и культурнаго развитія.

Разумѣется, подраздѣленіе на родовую и половую психику (какъ и всѣ вообще подраздѣленія) наука дѣлаетъ съ цѣлью объясненія и изображенія природы, но въ самой природѣ ихъ нѣтъ. Въ ней самой, конечно, незамѣтенъ переходъ; половая психика часто въ большой мѣрѣ служитъ родовой, — въ особенности въ борьбѣ мужчины; родовая психика оказываетъ могущественное вліяніе на половую, какъ это особенно явственно сказывается въ случаяхъ кастраціи (удаленія половыхъ органовъ или существенныхъ частей ихъ) въ раннемъ возрастѣ.

Впрочемъ, связь между родовой и половой психикой неодинакова у обоихъ половъ, — у мужчины онѣ рѣзче отдѣлены другъ отъ друга, чѣмъ у женщины. Такъ полагаютъ съ сѣдой древности. Но правильно ли это? Въ

этомъ простомъ видѣ — нѣтъ, конечно. Когда мы видимъ, что женщинѣ, въ среднемъ, менѣе свойственно чувственное желаніе, чѣмъ мужчинѣ, что она въ словахъ и поступкахъ, безъ внѣшняго принужденія, больше способна къ цѣломудрію, что именно изъ необузданныхъ половыхъ желаній мужчинъ возникаютъ преступленія, войны, безчисленныя несчастья, — мы готовы даже сдѣлать противоположный выводъ. Въ дѣйствительности же это заставляетъ насъ только уяснить себѣ, что родовая и половая психика находятся у мужчины и женщины въ различномъ отношеніи другъ къ другу, — что, быть можетъ, иныя проявленія и иныя сферы той и другой психики у мужчины и у женщины болѣе близки другъ къ другу, но по степени обѣ могутъ быть ближе другъ другу у женщины. Сдержанность, характеризующая женскую половую психику, обусловливается ея родовой психикой несравненно сильнѣе, чѣмъ у мужчины бурный характеръ его чувствъ.

Эта пограничная линія представляетъ собой переходъ отъ естественной науки, къ области которой преимущественно относится родовая психика, — къ наукѣ о душѣ, къ которой относится половая психика; это значитъ, — переходъ отъ науки наблюденій и вычисленій къ наукѣ, оперирующей надъ душевнымъ пониманіемъ, надъ „умозаключеніемъ отъ себя къ другимъ“; отъ науки, сравнивающей и уравнивающей предметы другъ съ другомъ, — къ наукѣ, которая констатируетъ одинаковость или неодинаковость (въ какомъ-нибудь душевномъ свойствѣ) изслѣдуемыхъ лицъ съ изслѣдующимъ: такъ какъ здѣсь „умозаключеніе отъ себя къ другимъ“ неизбѣжно для познанія другого человѣка, то сравненіе характеровъ или хотя бы только душевныхъ движеній двухъ человѣкъ между собой невозможно иначе, какъ черезъ себя самого. Того, чего совершенно нѣтъ въ насъ самихъ, мы никогда не поймемъ въ другихъ, — такъ сильно мы зависимъ въ этомъ познаваніи отъ нашей собственной тѣлесно-душевной организаціи; незрѣлыя дѣти не могутъ правильно представить себѣ страсть и желаніе половой любви.

Этотъ вопросъ былъ остроумно и граціозно трактованъ въ одной новеллѣ (въ мюнхенскомъ журналѣ „Jugend“): лѣтней порою двѣ маленькія дѣвочки неустанно и тщетно ломаютъ себѣ головы надъ тѣмъ, откуда берутся дѣти, между тѣмъ какъ все вокругъ нихъ кипитъ и волнуется въ знойной атмосферѣ любви, страсти и стихійнаго влеченія другъ къ другу между отцомъ и матерью, горничной и солдатомъ, гувернанткой и юношей-родственникомъ, не говоря уже о собакахъ, кошкахъ, курахъ.

Итакъ, если въ тѣлесно-душевной организаціи людей нѣтъ болѣе глубокаго различія, чѣмъ половое, — ясно, что „мужское“ и „женское“ начала суть тѣ главные и основные элементы, на которыхъ должно быть построено изслѣдованіе характеровъ. А такъ какъ мы приписываемъ тотъ или иной характеръ всему, что видимъ, то этотъ способъ изслѣдованія идетъ дальше человѣка: разныя породы животныхъ, хотя и двуполыя сами по себѣ, представляются намъ того или иного пола, сообразно тому, какія черты характера въ нихъ преобладаютъ, — мужского, если они производятъ впечатлѣніе бурныхъ и шумныхъ или сильныхъ и пылкихъ существъ, — женскаго, если они привязчивы, ласковы, граціозны; въ языкѣ большинства народовъ собака мужского рода, кошка — женскаго [1]; очень часто на животныхъ символизируются отношенія между мужчиной и женщиной.

Половыя различія идутъ еще дальше, проникая даже въ область неодушевленныхъ предметовъ и сказываясь въ грамматикѣ въ мужскомъ или жен-

---

[1] Въ русскомъ языкѣ „собака“ и „песъ“, „лошадь“ и „конь“ употребляются, какъ извѣстно, не для обозначенія пола, а характера, психики. *Перев.*

скомъ родѣ именъ существительныхъ; оказывается, что мы связывали наше созерцаніе и мышленіе въ большей или меньшей степени съ половыми различіями, — они представляютъ собой, такимъ образомъ, необходимую форму мышленія, такъ называемую „категорію“. Но грамматика различаетъ полы или роды даже не только въ именахъ существительныхъ, а и въ глаголахъ: мы знаемъ „роды глаголовъ“ (genera verbi)! Быть можетъ, это простой образъ? Но образъ, заключающій глубокій смыслъ и не только случайный, свойственный не только какой-нибудь латинской грамматикѣ; его необходимость намъ выяснится сейчасъ.

Роды глаголовъ суть его дѣйствительныя и страдательныя формы, — роды потому, что активность мы мыслимъ, какъ мужское свойство, пассивность — какъ женское. Противоположеніе мужественности женственности является міровымъ закономъ, первопричиной, изъ которой создался міръ, потому что все, совершающееся въ мірѣ, составляется изъ дѣйственности и страдательности, изъ воздѣйствія и сформированія, — изъ „формы (или формирующей силы) и матеріи“. Такимъ образомъ, мужчина и женщина являются только представителями закона полового двуединства, существующаго въ природѣ давно, извѣчно, еще до возникновенія человѣка.

Фотогр. изд. Фр. Ганфштенгля въ Мюнхенѣ.

Рис. 48. Самсонъ грозитъ своему тестю, отказывающемуся выдать ему его жену.
По картинѣ Рембрандта.

На этомъ же законѣ основана и вся миѳологія и вся религія (поскольку религія можетъ быть мыслима безъ той или иной примѣси миѳологіи, что нашему изслѣдованію не подлежитъ). Въ особенности языческія культуры, со своимъ многобожіемъ, символизируютъ матерію, образомъ которой онѣ считаютъ землю, въ видѣ женскихъ божествъ, — а творческую и формирующую силу, содержащуюся, по ихъ мнѣнію, въ вѣтрѣ (въ воздухѣ), въ огнѣ (въ особенности въ молніи), въ изливающемъ влагу небѣ — они олицетворяютъ въ образѣ мужскихъ божествъ. При этомъ видную роль играетъ оплодотвореніе богини-земли съ помощью воды (дождь, горные потоки, моря), исходящей изъ творческой силы божественнаго духа, содержащагося въ небѣ и въ огнѣ.

Осязаемая земля грязна, темна и непрозрачна; невидимо-прозрачный духъ чистъ и ясенъ и свѣтелъ. Точно такъ же извѣчными началами **мужскими** и **женскими** представляются и другіе образы: тревожащая, темная, злая ночь, яркій, свѣтлый, добрый день, побѣдоносно ясный и дающій силы для побѣды, но въ то же время и дарящее свѣтъ, великое, теплое, царящее надъ днемъ солнце [1] и, въ противоположность ему, воспринимающій свѣтъ, маленькій, холодный спутникъ ночи — мѣсяцъ.

„Женщина — болѣзнь, мужчина — здоровье", гласитъ наука устами „отца-медицины" Гиппократа. Природа и духъ противопоставляются въ разсужденіяхъ мудрецовъ-философовъ, какъ женщина и мужчина.

Даже **астрономія** и **математика** поддаются вліянію идеи противоположности половъ, — теорія чиселъ восточныхъ народовъ всецѣло подвластна ей. Число три и треугольникъ считаются египтянами и ихъ учениками-греками — мужскими, число четыре и квадратъ — женскими, число шестнадцать представляетъ сладострастіе. Чертежъ пиѳагоровой теоремы представляетъ таинственное сочетаніе мужского и женскаго, а въ самой теоремѣ скрывается, какъ полагаютъ, разъясненіе отношенія другъ къ другу обоихъ половыхъ природныхъ началъ.

Бездна художественнаго таланта и бездна учености затрачена на изображеніе и доказательства этого взгляда на половыя начала; нѣкоторое представленіе объ этомъ даетъ легенда о свѣтломъ богѣ Самсонѣ и мрачной колдуньѣ Далилѣ. Самсонъ грозитъ своему тестю, отказывающемуся выдать ему его жену (рис. 48), не подозрѣвая, что та, которую онъ любитъ, коварно замышляетъ его гибель. Фантазія изощряется въ созданіи безчисленныхъ сладострастныхъ и ужасныхъ образовъ оплодотворенія и лишенія мужской силы, судорожно пытаясь превозмочь страшныя противоположности и мучительно наталкиваясь на одинъ и тотъ же ужасъ: матерія-земля является **матерью**, но въ то же время и **могилой**. И въ объятомъ тоской и страхомъ сердцѣ, и въ измученномъ мозгу рождается ужасъ передъ женщиной, которая представляется имъ тождественной съ могилой и съ ночью, съ проклятіемъ „вѣчной смерти", какой намъ кажется міръ, когда мы мыслимъ его только какъ безостановочно движущуюся матерію, безъ духовной воли и воздѣйствія, безъ добра и зла, безъ цѣли и смысла. Католическое ученіе усердно предостерегаетъ противъ этого, потому что, — если „мужчина" (т. е. какъ мужское міровое начало) представляетъ собой творчество и дѣйственность, чисто-духовное движеніе, то „женщина" представляетъ собой косность, роковой смертный грѣхъ, такъ какъ въ косности заключается мятежъ противъ стремленія и воли къ добру, къ духу и смыслу жизни, а вѣчная угроза „вѣчной смерти" можетъ быть побѣждена только этой волей; кто не хочетъ вести этой борьбы, тотъ предается злу, тотъ идетъ противъ Бога, его милосердія и даруемаго имъ спасенія.

Мужчины, достаточно хорошо изучившіе себя, чтобы знать, какъ часто ихъ страсть, зажженная женщиной, вовлекаетъ ихъ во зло, страшатся въ **слабости** (имя которой — женщина) той неодолимой, непостижимой власти, которая грозитъ уничтоженіемъ силъ съ помощью чувственности, отвлекающей отъ подвиговъ и отъ мыслей, — какъ изображаютъ это легенды объ искушеніи (рис. 49).

---

[1] По-нѣмецки солнце (die Sonne) женскаго рода, луна (der Mond) — мужского; въ большинствѣ другихъ языковъ — наоборотъ. *Перев.*

Женщина, представляющая въ образѣ вѣдьмы самое чудовищное искаженіе самаго дорогого и спасительнаго образа матери, является посланницей бездны, воплощеніемъ зла, самого искушенія.

Отъ этихъ идей никогда вполнѣ не освободятся люди, обладающіе способностью глубокаго мышленія и фантазіей для широкаго созерцанія. У Гете этими идеями проникнуты съ поразительной силой обѣ части „Фауста". Онѣ сохраняютъ свою силу и для настоящаго и сохранятъ ее для сыновъ будущей научной эпохи, которые не въ состояніи будутъ понять образъ мышленія и чувствъ минувшихъ эпохъ, если не будутъ знать,

Рис 49. Искушеніе Св. Антонія.
Съ картины Д. Тенирса (Теньера) Младшаго.

что религія, философія, искусство и наука мыслили и чувствовали противоположность половъ, и не будутъ имѣть силы понять самихъ себя, если не будутъ знать, какъ подвластно ихъ собственное мышленіе и чувствованіе необходимости половой противоположности. Эти таинственныя размышленія — дѣло исторіи; задача ея изысканій и толкованій — сдѣлать понятными для новаго человѣчества старыя формы половой противоположности; дѣло же науки о природѣ — наново представить ее въ болѣе точныхъ формахъ познанія.

Въ настоящее время вопросъ этотъ выплываетъ въ выдвинутой теоріи психической природы народовъ, въ стремленіи объяснить національныя противоположности половыми различіями — различать народы „мужскіе" и „женскіе". Заговорили даже о бракахъ между народами (Г. Дрисмансъ и Лео

Бергъ). Съ давнихъ поръ уже греки слыли народомъ съ болѣе женственной организаціей въ противоположность болѣе мужественной организаціи римлянъ; германскіе народы считаются мужественными въ противоположность романскимъ и славянскимъ; является Вейнингеръ, объявляющій самымъ женственнымъ народомъ на землѣ — евреевъ. Но эта теорія очень скоро обнаруживаетъ неустойчивость: глубоко вкоренившійся взглядъ на цѣнность противоположныхъ ролей мужественности и женственности, какъ міровыхъ началъ, распространенный всюду и побуждающій даже мальчика не желать прослыть дѣвочкой, сказывается въ томъ національномъ тщеславіи, вслѣдствіе котораго каждый народъ хотѣлъ бы слыть мужественнымъ и ни одинъ не соглашается считаться женственнымъ. Если вдохновенные сторонники пангерманизма находятъ романовъ женственными за то, что они малорослы и граціозны, гибки и ловки, непостоянны и страстны, болѣе чутки къ прекрасному, чѣмъ къ доброму, болѣе склонны къ домосѣдству, чѣмъ къ странствованію, больше любятъ сласти, чѣмъ напитки, — зато Ипполитъ Тэнъ находитъ, наоборотъ, германцевъ женственными: они толсты и мясисты, толстощеки и краснощеки, у нихъ бѣлый цвѣтъ кожи, у нихъ нѣтъ мужественной жилистости стройныхъ, темнокожихъ романовъ; счастье они видятъ не въ мужественной силѣ творчески изобрѣтательнаго генія, а въ уютномъ комфортѣ и женственной заботливости о завтрашнемъ днѣ, въ женственно-терпѣливомъ непрерывномъ, однообразномъ трудѣ; ясно, что тутъ все сводится къ тому, какъ взглянуть на германца — какъ на богатыря съ бѣлокурой головой Христа, какъ на Зигфрида, или какъ на „Михеля“.

Интересно, что англо-американцевъ почти всѣ единодушно признаютъ „мужественными“.

Но если вникнуть даже въ поучительное исключеніе, какое представляетъ Богумилъ Гольцъ, доказывающій женственную природу своего собственнаго народа, — сумятица обнаруживается во всей полнотѣ.

„Нѣмецъ является передъ другими націями тѣмъ, чѣмъ является женщина передъ мужчиной, — говоритъ Гольцъ. — У нѣмца больше характера, больше души и индивидуальности, больше мечтательности и идеализма, деликатности, сострадательности и гуманности, больше самоотреченія и самоотверженной преданности, чѣмъ у какого-либо другого народа. Тотъ самый нѣмецъ, который не умѣетъ обезпечить политическое единство Германіи, такъ плохо понимаетъ политическое государство и внѣшнее равновѣсіе съ другими государствами, — этотъ самый нѣмецъ помогаетъ основывать государства и города въ чуждыхъ частяхъ свѣта, колонизуетъ весь міръ, — оттого, что онъ легко перевоплощается въ душу всякаго народа, усваиваетъ его своеобразныя особенности, не отрѣшаясь при этомъ отъ своихъ. Такъ умѣетъ женщина въ бракѣ подчиниться мужу, властвуя въ то же время надъ нимъ своей своеобразной индивидуальностью. Нѣмецъ, который наружно слишкомъ вялъ и обезпеченъ, чтобы отстаивать свои интересы по всякому мелкому поводу, становится могучимъ горнымъ потокомъ, предъ которымъ ничто не устоитъ, если только будетъ доведенъ до крайности и его взорветъ“.

„Душа нѣмца такъ же сложна и неразгадана, какъ душа женщины. Самая деликатная, стыдливая, впечатлительная и пассивная женщина становится героиней и мученицей, демономъ, когда почувствуетъ себя оскорбленной въ своемъ интимнѣйшемъ чувствѣ. Французъ относится презрительно къ женственной природѣ въ мужчинѣ потому, что тщеславія, измѣнчивости, ка-

признности женщины онъ не можетъ отрицать, потому что онъ уступилъ женщинѣ верховную власть въ бракѣ (здѣсь Гольцъ увлекается до крайнихъ преувеличеній, ср.: „Германія и Франція за послѣднія двадцать-пять лѣтъ“ — Кэтъ Ширмахеръ). Но христіанинъ-нѣмецъ смотритъ на женщину съ другой точки зрѣнія, онъ чтитъ женскую плодовитость и ея способность къ образованію, всестороннюю воспріимчивость, сліяніе въ ней во-едино ума съ душой, съ любовью, съ вѣрой и поэзіей. Нѣмецъ, — существо универсальное, мать всѣхъ остальныхъ націй, женщина въ человѣческомъ родѣ, существо, не только совмѣщающее въ себѣ способности и добродѣтели всѣхъ другихъ расъ, но и дополняющее ими односторонности другихъ народовъ, воспитывающее ихъ, питающее ихъ всѣхъ своимъ духомъ; онъ жертвуетъ собой ради всѣхъ другихъ, всѣхъ учитъ и лелѣетъ, со всѣми общится — и за то всѣ его презираютъ, но и всѣ боятся и признаютъ его умственное превосходство“.

Дѣло нисколько не измѣняется къ лучшему оттого, что противорѣчія находятся не только въ психологіи народовъ, но и отдѣльныхъ лицъ, — напримѣръ, по вопросу объ избирательномъ правѣ для женщинъ. Мало ли мы слышимъ, что женщина лжива и падка на новизну, непостоянна и неустойчива и потому она всегда будетъ высказываться въ пользу радикальныхъ партій, т. е. въ концѣ концовъ нарушитъ существующую государственную систему. И въ то же время мы слышимъ, что женщина консервативна и наклонна къ ханжеству, что она станетъ орудіемъ реакціи и поползновеній поповъ. Это ли не противорѣчіе! Несомнѣнно, противорѣчія могутъ только сдѣлать осмотрительнѣе, но не обезкураживать. Они предостерегутъ вдумчиваго изслѣдователя отъ риска выдать одну какую-нибудь сторону, одну черту, одно направленіе за общій признакъ характера, они, наоборотъ, заставятъ его учитывать всю многосторонность чертъ въ характерѣ. При изученіи характера ничто не можетъ быть абсолютно вѣрно или абсолютно невѣрно, — въ каждомъ человѣкѣ можно найти всѣ самыя различныя свойства, даже противорѣчивыя — и даже больше: какое-нибудь свойство можно встрѣтить вполнѣ ярко выраженнымъ у человѣка тогда, когда въ его индивидуальности есть налицо склонность и опасность превратиться въ противоположное свойство. Человѣкъ — не книжное созданіе ума, живой человѣкъ полонъ противорѣчій, нѣтъ и не можетъ быть въ его душѣ ничего правильнаго и неправильнаго, а есть только болѣе или менѣе существенныя черты и свойства.

„Возможно и такъ, а возможно и иначе“ — вотъ законъ психологическаго изслѣдованія. Сообразно этому, каждый человѣкъ и каждый народъ могутъ быть въ какомъ-нибудь одномъ отношеніи мужской природы, въ другомъ — женской, и то, и другое можетъ быть правильнымъ, — и въ дѣйствительности рѣшительная характеристика народа, какъ мужественнаго или какъ женственнаго, остается, въ большинствѣ случаевъ не болѣе, какъ символомъ. Самъ Гольцъ, напримѣръ, замѣчаетъ дальше, что у нѣмца есть, однако, и мужественность: „по своему умственному превосходству, это самый мужественный человѣкъ; такимъ образомъ въ немъ есть все самое существенное и самое значительное, что есть и въ мужчинѣ, и въ женщинѣ; онъ — геній человѣческаго рода“. Но вѣдь то же могъ бы сказать въ свою очередь и всякій иностранецъ о своемъ народѣ, который онъ столько же знаетъ и любитъ; нѣмецкое „геній человѣческаго рода“ и французское „grande nation“ и еврейское „избран-

ный народъ" — все это всегда было и будетъ произвольно присвоеннымъ себѣ титуломъ; но тщеславіе — индивидуальное, какъ и національное — есть злѣйшій врагъ научнаго познанія.

Различныя свойства съ различныхъ точекъ зрѣнія являются то мужскими, то женскими. Благоразуміе, напримѣръ, — развѣ это не характерное мужское свойство? Нисколько; мужчина-простофиля, лишенный хитрости, — его проведетъ легко всякая женщина; что превзойдетъ женскую хитрость? Чисто ли женскія черты — слабохарактерность, болтливость, трусость, глупость? Послушать, что отвѣчаетъ на это феминистъ Людвигъ Финки, — оказывается, все это именно мужскія черты.

„Я видѣлъ, — разсказываетъ Финки, — какъ мужъ лишился чувствъ и уронилъ изъ рукъ лампу, которую держалъ, свѣтя — оттого, что жена его страдала, производя на свѣтъ его ребенка. Я видѣлъ также, какъ мужъ потомъ пировалъ съ друзьями и напился по случаю ея благополучнаго разрѣшенія, пока жена лежала обезсиленная муками, даровавъ человѣку жизнь. Вы скрываете ваши страданія и также въ сокровеннѣйшихъ уголкахъ души всѣ ваши муки; когда вы тяжко страдаете, вы плачете украдкой, а на людяхъ вы кажетесь спокойными и сдержанными, не даете никому замѣтить свое горе. А мужья ваши сидятъ въ это время по своимъ трактирамъ и клубамъ и разсказываютъ другъ другу свѣжія сплетни и воображаютъ, что занимаются политикой, сигарами, виномъ и женщинами. Такова ваша болтливость.

„Когда ребенка приносятъ для операціи къ хирургу — и онъ лежитъ тихо, сознательно и энергично преодолѣвая себя, то это дѣвочка, если же онъ реветъ и боится, это мальчикъ; такова ваша трусость Ваша глупость — это глупость дѣтей съ чистымъ и неиспорченнымъ умомъ. Все естественное вы понимаете, но всякая исковерканность, всѣ мудрствованія и ухищренности вамъ противны. Сердцемъ вашимъ вы все угадываете, яснымъ чувствомъ все знаете. Женщины, которыхъ я зналъ, отличались быстрымъ и глубокимъ мышленіемъ — мнѣ доставляли удовольствіе тѣ жалкія головы, которыя всякими обходами и изворотами отказывались признать ихъ правоту, потому что быть умнымъ — привилегія мужчины; мнѣ пріятно было видѣть это ничтожество, никогда не признающее превосходства женщины, потому что стыдится собственнаго пораженія".

Подобныя же мысли мы находимъ и въ Талмудѣ и у греческихъ и римскихъ философовъ-стоиковъ.

Этимъ подтверждается общій принципъ теоріи характеристики, что въ вопросѣ характеристики половъ протокольный перечень свойствъ безусловно не способенъ дать не только плодотворные, но даже, какъ мы видимъ, просто правильные результаты. Только въ постоянномъ сочетаніи противоположностей, въ тщательномъ раскрываніи все новыхъ и новыхъ противорѣчій единаго характера, въ непрерывномъ дробленіи кажущихся недѣлимыми чертъ на новыя противоположности — только въ этомъ и можно почерпнуть правильный выводъ; вотъ почему, хотя наше настоящее изслѣдованіе посвящено исключительно мужчинѣ, намъ обязательно не упускать изъ виду женщину, — такъ какъ только изъ разсмотрѣнія противоположностей въ женщинѣ мы можемъ вывести, что свойственно мужчинѣ, и даже самое понятіе о мужественности. Вѣдь мы не могли бы получить вполнѣ правильнаго понятія о „сушѣ", если бы не мыслили рядомъ съ нею „моря", — о томъ, что „криво" безъ понятія о томъ, что прямо, — и такъ во всѣхъ понятіяхъ, которыя называются соотносительными или коррелятивными и первымъ образцомъ которыхъ служатъ понятія „мужчина" и „женщина".

Такимъ образомъ теорія психологіи половъ съ самой отда-

ленной поры во всѣхъ своихъ видахъ — и въ легендарномъ, и въ доморощенномъ, и въ научномъ — всегда обсуждала оба пола вмѣстѣ или одинъ женскій. Тутъ возникаетъ новый вопросъ. Въ настоящемъ сочиненіи въ первый разъ еще предметомъ научнаго изслѣдованія является умственная и душевная жизнь мужчины. Принято думать всегда, что „женщина — загадка“, женщина одна; мужчиной самимъ психологическое изслѣдованіе никогда не интересуется, — развѣ только въ тѣсномъ сопоставленіи съ женщиной, для лучшаго освѣщенія ея психологіи. Быть можетъ, кое-кто изъ читателей припомнитъ, что вначалѣ — до настоящаго разъясненія — ему и показалась эта тема непривычной и странной.

Если бы мы наивно поставили себѣ задачу, не взвѣсивъ методъ, начертать духовный обликъ мужчины, намъ пришлось бы вскорѣ сдѣлать неудобное открытіе, что задача это въ сущности безбрежная. Потому что если бы вздумать собрать во-едино всю духовную дѣятельность мужчины, то пришлось бы дать — ни много, ни мало — картину всей совокупности человѣческой культуры, всемірной исторіи человѣчества. *Духовная жизнь мужчины всецѣло совпадаетъ съ суммой человѣческой культуры*, потому что человѣческую культуру создалъ мужчина. Предпріятіе оказалось бы безпредѣльнымъ и безполезнымъ. Этимъ давно занимаются историки. Задача же психолога совершенно иная и отличная отъ задачи историка; было бы роковой ошибкой смѣшивать ихъ.

Особенно ошибочно было бы со стороны психолога, если бы онъ вздумалъ выбрать для изученія половыхъ противоположностей именно выдающихся мужчинъ и женщинъ. Для изслѣдованія различій половъ можетъ быть пригоденъ только нормальный мужчина — типичный мужчина — и нормальная, типичная женщина, — иначе мы получили бы вовсе не различіе между мужчиной и женщиной, а различіе между выдающимся и невыдающимся мужчиной и выдающейся и невыдающейся женщиной, — а въ этомъ насъ могла бы интересовать только та часть, которая получилась бы отъ искусственнаго объединенія, т. е. отличительныя свойства выдающейся психики мужской и женской. Это, между прочимъ, очень важно для пониманія нашихъ картинъ, для чего отсылаемъ къ стр. 111—112.

Человѣческую культуру создалъ мужчина, — борясь, бросаясь во всѣ стороны физически и душевно, вторгаясь во всѣ роды занятій, развивая и осуществляя всевозможные виды профессій, совокупность которыхъ и составляетъ понятіе человѣческой культуры, — въ противоположность женщинамъ, которыя не имѣютъ иной профессіи, кромѣ „единственной женской профессіи“ — дѣторожденія, такъ что чуткому уху даже чѣмъ-то неестественнымъ звучитъ самое слово „женская профессія“, да и нѣтъ вѣдь такой женской профессіи, которая не была бы подражаніемъ или измѣненіемъ мужской.

При первомъ же взглядѣ на оглавленіе I и II части настоящаго тома, читатель замѣтитъ, что глава: „Мужчина, какъ юноша, мужъ и отецъ“, пробудитъ въ немъ нѣкоторое изумленіе, тогда какъ „Женщина, какъ дѣвушка, жена и мать“ звучатъ вполнѣ привычно; но оттого-то женщина является въ гораздо болѣе высокомъ смыслѣ этого слова женщиной вполнѣ, чѣмъ когда-либо можетъ быть вполнѣ мужчиной мужчина, потому что каждый исполняетъ

вѣдь одну или нѣсколько профессій. Каждая настоящая женщина является представительницей своего пола во всѣхъ существенныхъ его способностяхъ, добродѣтеляхъ и чертахъ характера; мужчина же никогда не можетъ сдѣлаться въ полной мѣрѣ носителемъ всѣхъ основныхъ мужскихъ добродѣтелей и врожденныхъ способностей“ (Гольцъ).

Человѣческая культура создана мужчиной; этого не подумаетъ отрицать и самый рьяный феминизмъ. Въ этомъ смыслѣ мужчина представляетъ собой человѣка вообще, — понятно поэтому, что во многихъ языкахъ одно и то же слово обозначаетъ и мужчину, и человѣка: въ англійскомъ (man), во французскомъ (homme), въ итальянскомъ (uomo) и въ испанскомъ (hombre), какъ и въ латинскомъ (homo).

Затѣмъ, — если какое-нибудь лицо называютъ просто по фамиліи, то всегда подразумѣвается мужчина: „Гетё“, „Бисмаркъ“. Если же хотятъ назвать женщину, то передъ фамиліей всегда ставятъ „госпожа“ или собственное имя „г-жа Ширмахеръ“ или „Кэтъ Ширмахеръ“, „Элленъ Кей“ и т. д.[1].

Все больше и больше усложняющіяся и дифференцирующіяся профессіи (мужскія), въ которыхъ исторически выражается прогрессъ культуры, элементъ творчества у человѣка, неизбѣжно вытекаютъ изъ стремленія, свойственнаго мужчинѣ, превзойти себѣ подобныхъ, — изъ соперничества, основаннаго на инстинктѣ борьбы. Мужчина вынужденъ вѣчно создавать новое, еще небывалое, а только придуманное, еще не имѣющее предшественника и почвы въ существующемъ дотолѣ, — что-нибудь такое, что еще необходимо придумать и осуществить, предварительно самостоятельно переработавъ извѣстное. Женщина же въ своемъ стремленіи подражаетъ осязаемымъ (конкретнымъ) образцамъ и даже, напримѣръ, въ самомъ эмансипаціонномъ движеніи добивается желанной цѣли по образцу мужчины. Мужчина творитъ прогрессъ, культуру наудачу, безъ готоваго образца; мужской умъ живетъ и творитъ (по философской терминологіи) въ абстракціи, въ идеѣ.

Но этотъ культурный прогрессъ, это абстрактное исканіе и стремленіе впередъ по невѣдомому, невѣрному пути безъ образца, это безконечное стараніе превзойти другъ друга — составляютъ существенное свойство мужской природы, въ силу котораго, повинуясь половому инстинкту и инстинкту питанія, мужчины оспариваютъ другъ у друга женщинъ и возможность обезпечить имъ безопасность, необходимую для произведенія новаго поколѣнія. Слѣдовательно, это функція, цѣль которой (и какъ объектъ, и какъ направленіе) женщина. Слѣдовательно, функція чисто мужская, которой женщины вѣдь не пожелаютъ подражать: какой смыслъ былъ бы для нихъ дѣлать то, чѣмъ завоевывается женщина.

Трудъ, самъ по себѣ безполый, данъ обоимъ поламъ. Онъ занимаетъ середину между борьбой и дѣторожденіемъ, можетъ соединиться съ той и съ другимъ, можетъ подвергаться вліянію той и другого, привносить въ себя больше или меньше отъ той и другого. Но потому-то онъ долженъ принять различныя формы

---

[1] Дѣлать выводы изъ этого было бы неправильно; явленіе это объясняется отсутствіемъ родовыхъ окончаній въ нѣмецкихъ, французскихъ и т. д. фамиліяхъ. Въ русскихъ фамиліяхъ есть родовыя окончанія и потому говорятъ одинаково „Софья Ковалевская“, г-жа Ковалевская“ или просто „Ковалевская“, „графиня Дашкова“ или просто „Дашкова“. *Перев.*

у обоихъ половъ; трудъ мужчины, даже такого, въ занятіяхъ котораго нѣтъ ничего воинственнаго, непремѣнно долженъ окраситься борьбой, и трудъ женщины, даже такой, которая совсѣмъ равнодушна къ чувствамъ жены и матери, долженъ окраситься дѣторожденіемъ. Изъ этого упомянутаго выше стремленія преодолѣть, превзойти, — хотя бы всѣ силы были устремлены на цѣль побѣды, на самый объектъ борьбы, — никогда не можетъ исчезнуть жажда самого преодолѣнія; никакое превосходство не можетъ дать мужчинѣ большаго удовлетворенія, чѣмъ превосходство въ преодолѣніи трудностей, опасностей, противниковъ; въ сущности, одно это только и имѣетъ для него цѣну, и все поведеніе взвѣшивается съ этой точки зрѣнія. Это тотъ мужской вопросъ чести, который долженъ казаться непонятнымъ и смѣшнымъ женскому чувству, гораздо болѣе доступному оцѣнить самый объектъ стремленій. (Сравн. сказанное на стр. 103 о донкихотствѣ.)

Женщины также борятся за мужчину, но борьба эта не такъ интенсивна и совершается въ пассивныхъ формахъ, въ простомъ соперничествѣ изъ-за внѣшнихъ данныхъ: изъ этой-то разницы въ напряженности борьбы и вытекаетъ культурный процессъ, идея соперничества мужчинъ. Вотъ эта-то большая напряженность борьбы должна будетъ сохраниться и въ будущемъ. Ожесточенная борьба, вдохновляющая борющійся полъ, всегда должна будетъ превышать ту борьбу, какую ведетъ производящій полъ, иначе первый не достигалъ бы цѣли, не могъ бы ничего дать второму и не могъ бы нравиться ему. Высокая степень напряженности борьбы, какой иногда достигаютъ женщины, должна все же уступать мужской. Будучи способна ко всякому труду, совершенно такъ же, какъ и мужчина, женщина въ состояніи подражать ему во всякомъ трудѣ, такъ же какъ былъ бы въ состояніи всякій мужчина исполнять женскій трудъ. Но создаетъ и развиваетъ новые типы труда (для чего нужно пылкое стремленіе къ превосходству, стремленіе отодвинуть, превзойти сдѣланное до сихъ поръ, проложить новый путь, сдѣлавъ шагъ впередъ, въ неизвѣстное) одинъ мужчина. Женщинѣ доступны всѣ виды профессій, но лишь тогда, когда мужчина создастъ ихъ для нея. Женщина можетъ овладѣть всякимъ трудомъ, — но только до того пункта, когда трудъ становится функціей борьбы, до того пункта, когда конкурренція, домогательство и жажда превосходства перестаютъ быть только средствомъ для достиженія желаемаго, а становятся до извѣстной степени самоцѣлью. Вотъ изъ этой-то цѣли, бывшей первоначально средствомъ и превратившейся въ самоцѣль, изъ этого домогательства съ потребностью превзойти, подвергаться опасности и риску, изобрѣтать и создавать еще неизвѣданное, неиспытанное, — изъ всего этого, свойственнаго мужчинѣ, рождаются новыя культурныя пріобрѣтенія. **Оригинальность** остается достояніемъ мужчины, а слѣдовательно, и **геніальность** его достояніе.

Если далеко не каждый мужчина, конечно, является геніемъ, а геніи встрѣчаются только изрѣдка, все же геніальность — свойство мужское, хотя талантомъ природа щедро одарила и женщинъ, — быть можетъ, даже щедрѣе, чѣмъ мужчинъ.

Мы видимъ такимъ образомъ, какъ изъ этихъ метаній и исканій зарождается въ мужчинѣ элементъ передовитости, спо-

спѣшествованія прогрессу, идейности. Религіозно-мистическое стремленіе къ чуду осуществленія жизни, проникающее собой всю жизнь, становящееся внѣ и выше ея самой, крайне различно претворяется въ душѣ мужчины и женщины. Символомъ неосуществимости является дaль, вдаль устремляется взглядъ человѣка; но счастье, но чудесное... женщинѣ надо, чтобы оно явилось издали къ ней, въ ея сферу, въ ея домъ, въ ея объятія — прекраснымъ, блаженнымъ, чистымъ, ничѣмъ, ничѣмъ не омраченнымъ, — тогда она его обниметъ, будетъ лелѣять его, будетъ укрѣплять и умножать до послѣднихъ силъ, до послѣдней возможности; сохранить его навѣки и преображеннымъ, просвѣтленнымъ передать вѣчности — вотъ чего ждетъ и жаждетъ женщина, такъ она хочетъ его воспринять.

Мужчинѣ надо, чтобы оно мелькнуло передъ нимъ вдали: новая страна заманчиво приближается, ласковая, безконечно болѣе прекрасная, чѣмъ родина; новая земля, въ которую можно заронить сѣмена, безконечно болѣе плодородная, чѣмъ родина, и полная страшныхъ, невѣдомыхъ на родинѣ, чудовищъ, которыхъ сильно хочется побѣдить. Счастье, чудесное — гдѣ его надо искать, онъ не знаетъ, но только не на родинѣ, только не въ отцовскомъ домѣ, — это представляется мальчику несомнѣннымъ. Какой путь правиленъ, — это почти безразлично передъ безконечнымъ множествомъ путей, — важно только отправиться въ путь, не сидѣть на мѣстѣ! Надо обрѣсти это счастье, это чудесное тамъ гдѣ-нибудь, вдали, въ новой прекрасной, гостепріимной, враждебной странѣ, божественно-спасительной, священно-доброй и прекрасной... Такимъ является мужчина во всемірной сказочной символикѣ: великанъ, драконъ, волшебникъ, какъ угнетатель дѣвы; смѣлый, когда бѣдствія такъ врываются въ счастье, что сама возлюбленная оказывается одержимой дракономъ и должна быть освобождена отъ дракона.

Жажда приключеній — вотъ что увлекаетъ на подвигъ разрушенія и искорененія, новаго посѣва и новаго строительства, т. е. прогресса. Подобаетъ ли женщинѣ устремляться на приключенія? Борьба и исканія, солдатскій духъ и идейныя стремленія объединяются въ жажду приключеній, — воплощеніемъ ея является рыцарство. Рыцарь — упорный, настойчивый, теряющійся во мракѣ лѣса въ поискахъ за невѣдомымъ, прекраснымъ и гибельнымъ, — женщинѣ ли стать рыцаремъ? Можетъ ли она искать совершенства на этомъ пути? Цѣль ея развитія, идеалъ ея совершенства можетъ быть только въ направленіи, противоположномъ этому.

При словѣ „рыцарь" въ представленіи тотчасъ же возникаетъ другое слово „дама сердца". Дама — это domina, госпожа, царица, въ романскихъ языкахъ donna, dame; для выраженія страстной преданности этому слову часто предшествуетъ мѣстоименіе: madonna, notre dame. „Дѣва, матерь, царица — богиня, будь милостива къ намъ". Въ этомъ-то направленіи между прочимъ неизбѣжно развивается ея культурная задача. Одна борьба и исканія еще не дѣлаютъ мужчину рыцаремъ, одно это еще не могло бы создать культуры, это было бы только варварство.

Женщина жалуется на свою подчиненность, на то, что всюду властвуетъ одинъ мужчина. Этого не можетъ быть, если онъ

рыцарь. Въ понятіе рыцарства входитъ и служеніе. Служеніе выражается самымъ различнымъ образомъ. Женщина служитъ именно трудомъ; мужчина служитъ мужчинамъ — начальникамъ, товарищамъ, подчиненнымъ — и это служеніе его выражается въ отношеніи подчиненныхъ — въ покровительствѣ и справедливости, въ отношеніи начальниковъ — въ повиновеніи, въ отношеніи товарищей — въ преданности; женщинамъ онъ служитъ защитой, попеченіемъ и почитаніемъ.

Борьба, метанія, исканія сказываются не только благотворнымъ дѣйствіемъ, онѣ имѣютъ еще и очень дурную оборотную сторону. Не говоря уже о томъ, что у огромнаго множества мужчинъ эти черты характера должны ослабѣть, — даже тѣмъ немногимъ избраннымъ, у которыхъ онѣ сохранились, не всегда суждено найти что-нибудь дѣйствительно цѣнное. Не всѣмъ и не всегда. Обыкновенная судьба этихъ исканій, метаній, приключеній — блужданіе и ошибки. Донъ-Кихотовъ несравненно больше, чѣмъ Зигфридовъ, — а Донъ-Кихотъ настоящій мужчина. Жажда опасностей и трудностей никогда не умираетъ, пылкое тяготѣніе къ отважнымъ продѣлкамъ кончается тѣмъ, что онъ ихъ добивается. Настолько сидитъ Донъ-Кихотъ въ каждомъ мужчинѣ, что, хотя бы онъ самъ и образумился и отяжелѣлъ, все же онъ съ легкимъ сожалѣніемъ будетъ всегда вспоминать о томъ, что не прошибъ стѣну тамъ, гдѣ она была толще, не перескочилъ черезъ заборъ тамъ, гдѣ онъ былъ всего выше.

Надъ этимъ можетъ улыбаться женщина, которая смотритъ прямѣе и трезвѣе, которая не дастъ себя отвлечь такими ребяческими приманками отъ дважды серьезно сознанной цѣли, а тѣмъ болѣе отъ выбора цѣли своихъ стремленій, какъ это часто случается съ мужчинами. Какъ бы это ни было ребячливо, но и зрѣлый мужчина никогда вполнѣ не утрачиваетъ тайнаго влеченія, тайной жажды приключеній, и всегда можетъ оказаться что-нибудь, что привлечетъ и увлечетъ его съ страшной силой только потому, что оно „очень ужъ опасно и не нужно ни къ чему“.

Это открываетъ намъ самую глубокую, быть можетъ, сущность мужской души — прямой путь въ сферу его чувствъ. Когда настоящій мужчина читаетъ объ ужасахъ войны, такой ожесточенной, напримѣръ, какова была русско-японская, то онъ почувствуетъ — вопреки всѣмъ доводамъ ума и среди всѣхъ соображеній трусости, лѣни, тяготѣнія къ покою — легкое чувство стыда отъ того, что онъ стоитъ въ сторонѣ и непричастенъ опасности, а если онъ стоялъ подъ огнемъ, и пуля пощадила его, то при всемъ чувствѣ радости, облегченія и страха онъ почувствуетъ себя пристыженнымъ, виноватымъ и униженнымъ передъ товарищами, настигнутыми пулей и корчащимися въ страданіяхъ. Пусть женщина улыбается надъ этимъ. Злорадство черта общечеловѣческая, — по крайней мѣрѣ, въ видѣ притаившагося въ самой глубинѣ культурной совѣсти удовольствія, испытываемаго отъ непріятности ближняго; но нѣтъ ни одного мужчины, который не позавидовалъ бы другому въ его затруднительномъ положеніи, потому что онъ видитъ въ этомъ случай блеснуть умѣньемъ выйти изъ него, побить рекордъ. Это психологія

коренной добродѣтели мужчины, — мужественности=храбрости.

Тутъ же кроется и ея темная оборотная сторона, коренной порокъ мужчины, — хвастливость и бахвальство, рисовка храбростью, — и родственная ей хвастливая трусость. Похвальба и трусость идутъ у мужчины рука объ руку; самый малодушный мужчина никогда не упуститъ случая похвастать мнимой отвагой; въ тѣхъ же случаяхъ, когда, несмотря на бахвальство, есть налицо и дѣйствительная отважность, это значитъ, что малодушіе все же сильнѣе мужества, — и что въ этой кичливости сказываются укоры совѣсти, нашептывающей бахвалу: при твоей физической силѣ тебѣ надо было обнаружить больше храбрости, чѣмъ ты обнаружилъ — и именно настолько больше, насколько ты приглгнулъ.

Вѣчная неугомонность мужчины, влекущая его по достиженіи крупной цѣли къ новымъ и новымъ предпріятіямъ, свидѣтельствуетъ о новыхъ сторонахъ его душевной жизни, едва онъ сознаетъ ихъ, т. е. едва онъ придетъ къ выводу изъ ряда повторяющихся переживаній и начнетъ усматривать въ своей неудовлетворенности и ненасытности не только личный опытъ, а общій принципъ жизни, являющійся основой его опыта, его индивидуальныхъ переживаній. Данныя личнаго опыта: „Нигдѣ не нашелъ я до сихъ поръ удовлетворенія и отчаялся даже въ возможности найти его", подтвержденныя затѣмъ такимъ же опытомъ сотенъ другихъ людей, приводятъ уже къ апріорному убѣжденію: нѣтъ и не можетъ быть ни въ чемъ удовлетворенія. Ни одна цѣль въ жизни не можетъ дать полнаго удовлетворенія, всегда оно остается ограниченнымъ, относительнымъ. Отсюда зарождается резиньяція, — именно та, которую называютъ мужской резиньяціей, которая, въ отличіе отъ „женской резиньяціи", снова приводитъ къ борьбѣ.

Смыслъ резиньяціи, общей обоимъ поламъ, вытекающей изъ относительности возможнаго въ мірѣ удовлетворенія, таковъ: быть добросовѣстнымъ въ отведенномъ кругѣ дѣйствій, вѣрнымъ долгу въ предѣлахъ, назначенныхъ судьбой, работать и не поддаваться унынію. Тутъ уже намѣчается та мысль, что истинно цѣнное кроется вовсе не въ самыхъ цѣляхъ, а въ затрачиваемой на нихъ дѣятельности, въ томъ, что эту дѣятельность одушевляетъ; у мужчины же эта идея завершается еще убѣжденіемъ, что радость и цѣнность жизни заключается не въ успѣхѣ, не въ побѣдѣ, а въ борьбѣ, что жить стоитъ единственно ради борьбы, что борьба сама по себѣ представляетъ цѣнность.

Въ этомъ кроется крѣпкое основаніе спеціально мужской морали. Хорошо и значительно то, что стоило труда и усилій, — принципъ, всецѣло вытекающій изъ мужской борьбы — соперничества. Мужская честь заключается въ наличности опасности, каковъ бы ни былъ исходъ, — безразлично. Мужская честь стоитъ въ тѣсной связи съ гибелью и смертью, какъ близка къ нимъ и сама борьба. Чувство чести вынуждаетъ мужчину идти на смерть, искать ее, предпочесть ее бѣгству, пожертвовать всѣмъ, что ему дорого, не исключая жизни, ради идеи, профессіи или службы, которую онъ избралъ. Женской натурѣ никогда не понять, какъ можно считать высокимъ и хорошимъ нанесеніе и полученіе ранъ и не видѣть, насколько, наоборотъ, лучше и разумнѣе исцѣлять ихъ; поэтому она отвергаетъ, разумѣется, „призракъ чести", не признаетъ носителемъ морали „губительнаго Молоха". Эта женская

точка зрѣнія легла въ основу движенія въ пользу идеи мира. Она не хочетъ и не можетъ признавать различія между мужской честью и „женской честью“, которая не имѣетъ отношенія къ смерти. Но мужская честь налагаетъ свою моральную печать на одинъ біологическій фактъ: большую замѣнимость мужчины. Для сохраненія вида смерть способной къ дѣторожденію женщины представляетъ гораздо большую потерю, чѣмъ смерть мужчины, потому что число вѣроятныхъ изливаній сѣмени гораздо больше числа вѣроятныхъ беременностей. Какое бы огромное число мужчинъ ни погибло во время войны, напримѣръ, все же остается еще больше чѣмъ достаточно мужчинъ, готовыхъ оплодотворить существующихъ налицо зрѣлыхъ въ половомъ отношеніи женщинъ, — между тѣмъ какъ женщинъ, готовыхъ зачать, разумѣется, меньшинство. Такимъ образомъ для человѣчества ущербъ не слишкомъ чувствителенъ отъ того, что время отъ времени убываетъ значительное число мужчинъ, — а для сохраненія качества, для облагороженія человѣческаго развитія это, повидимому, благопріятно.

По фотогр. Галваса въ Берлинѣ.
Рис. 50. „Маска воина“ въ цейхгаузѣ въ Берлинѣ.
Сним. А. Шлютера.

Борьба представляетъ крайнее и высшее напряженіе мужской души. Весь ходъ мыслей, приводящій къ этому взгляду, носитъ слѣды угнетенности; нѣтъ въ немъ бодрости, чисто юношеской силы. Характерно, что едва мужчина отдаетъ себѣ въ этомъ отчетъ, это тотчасъ же пришпориваетъ его, побуждаетъ его къ новому взрыву, болѣе сильному и болѣе насильственному, чѣмъ прежде. Если прежде борьба представляла для него относительную цѣнность, какъ средство къ цѣли — побѣдѣ, успѣху, — теперь она становится цѣлью всѣхъ цѣлей, единственной и абсолютной цѣнностью. Борьба становится его единымъ Богомъ. (Сравн. напряженіе борьбы во многихъ нашихъ рисункахъ, въ особенности въ рис. 46: „Борьба гигантовъ“.)

Подъ борьбой, метаніемъ, исканіемъ, приключеніями мы всюду разумѣемъ и внѣшнюю сторону, и внутреннюю душевную. Поэзія, особенно средневѣковая, рисуетъ образы рыцарей-мыслителей, у которыхъ обѣ стороны сливались въ одну, одна являлась выраженіемъ другой, — у которыхъ едва возможно было отдѣлить борьбу противъ призраковъ, угрожавшихъ безопасности страны, отъ борьбы въ собственномъ сердцѣ и мозгу; въ ихъ душѣ

едва можно было отличить загадки, представляющiяся уму въ мiрѣ, отъ загадочныхъ морскихъ чудовищъ, попадающихся подъ вооруженную мечомъ руку. Однѣ являются символами другихъ. Но если всякая побѣда ведетъ только къ новымъ задачамъ, всякая найденная благословенная страна открываетъ глазамъ новыя загадки (сфинксъ въ сущности безсмертенъ), — въ такомъ случаѣ напрасны всѣ побѣды: результатъ всѣхъ побѣдъ — одно пораженiе, вѣчное пораженiе, вѣчная смерть. Благородный искатель оказывается въ концѣ концовъ обманутымъ, разбитымъ, уничтоженнымъ. Все было иллюзiей. И въ лицѣ павшаго бойца мы читаемъ то мучительное страданiе, то злобную насмѣшку, сквозящую въ его искаженныхъ чертахъ, какъ это удачно изобразилъ Шлютеръ въ своихъ „Маскахъ воиновъ“ (рис. 50 и 51). Если мысль и отыщетъ истину, то она видитъ, что она имѣетъ, правда, связи съ другими истинами, но оттого, что есть и другiя, эта — не единая истина. И во всемъ изученномъ остается непонятнаго еще больше, чѣмъ было понято; въ томъ, что мы называемъ понятымъ, каждый предметъ только обманчиво ссылается на другiе предметы. Пустой образъ, иллюзiя:

По фотогр. Галваса въ Берлинѣ.

Рис. 51. „Маска воина“ въ цейхгаузѣ въ Берлинѣ.

Сним А. Шлютера.

„Alles Vergängliche ist nur ein
Gleichnis,
Das Unzulängliche, hier wird's
Ereignis“ [1].

Тщетно пытаться выдѣлить изслѣдованiемъ вѣчное изъ преходящаго. Доступъ къ окончательному познанiю воспрещенъ; искать его, домогаться божественнаго всевѣдѣнiя, допытывать Всемогущество и Всеблагость въ спасенiи... дерзновенно. Итакъ, эти исканiя, эта борьба не вполнѣ благородны: вѣдь эту неугомонность искателя вызвала въ значительной долѣ жажда наслажденiй. Значитъ, надъ разумомъ тяготѣетъ проклятiе — вѣчно не знать покоя, быть подстрекаемымъ къ борьбѣ и къ исканiямъ. Борь-

[1] Гете, — „Фаустъ“; заключительныя строфы II части. — *Перев.*

ба груба, безжалостна. Въ дерзновеніе, жадность, жестокость выливается грѣхъ мужчины, — въ неминуемый грѣхъ, которому подпадаютъ и лучшіе изъ нихъ, считающіе себя почти свободными отъ трусости и измѣнничества. Борьба груба и безжалостна, — и смерть часто, дѣйствительно, оказывается побѣдителемъ, какъ символизируетъ ее въ своихъ рисункахъ Рэтель (рис. 52 и 53). Борьба — несчастье и счастье только миръ, — тотъ „миръ Господенъ", который „превыше всякаго разума".

Но и безъ этой идеи и даже при господствѣ противоположной, — хорошей считается не всякая борьба, а только та, въ которой можно добыть честь, — честная борьба. Такой, прежде всего, считается та, въ которой соблюдается правила борьбы (рыцарскія), а правила эти всѣ, въ сущности, затрудняютъ побѣду и выставляютъ въ болѣе яркомъ свѣтѣ храбрость. Борьба нечестная, измѣнническая въ этомъ смыслѣ (perduellio) есть преступленіе. Преступленіе — это мужской порокъ (какъ проституцію можно назвать женскимъ), порожденный недобросовѣстной борьбой. Статистика также уличаетъ мужчину въ преступности: уголовная преступность мужчины несравненно больше, чѣмъ женщины. Качественная разница также значительна. Между тѣмъ какъ мужчины совершаютъ всѣ виды преступленій, — спеціально женскимъ (за исключеніемъ дѣтоубійства и плодоизгнанія) является, въ сущности, только сводничество. Сутенерство по характеру своему имѣетъ, въ сущности, мало общаго со сводничествомъ.

Какъ прежде утвержденіе борьбы привело мужчину къ женщинѣ, такъ и теперь отрицаніе ея: отнынѣ онъ началъ искать въ ней миръ, душу, чуждую борьбы и вины; и женщина снова складывается въ душѣ мужчины въ новый символъ его высшихъ „религіозныхъ" и „философскихъ" мышленія, желаній, творчества и помысловъ. Мужчина видитъ женщину въ ея покоѣ, ненарушаемомъ противорѣчіями міра, доводящими его до отчаянія, — при ней исчезаютъ безпокойная неугомонность, отчаяніе, вина, мысль о вѣчной смерти; мать ли, сестра, возлюбленная — женщина должна вернуть ему невинность, то состояніе, въ которомъ онъ былъ на рукахъ матери, въ дѣтскихъ играхъ съ сестрой, въ юности съ первой возлюбленной.

Ты дашь покой и кроткій миръ,
И страсть, и ея утоленіе.

Душевная подавленность прошла, вспыхнуло новое страстное стремленіе, и это новое настроеніе сообщаетъ образу мадонны новыя дивныя черты. Угасли страстные порывы и пылкія мечты, возникла потребность въ мирномъ покоѣ, въ жизни, единственно достойной называться жизнью, въ цѣли, единственно достойной усилій для ея достиженія — въ покоѣ, хотя бы это былъ могильный покой.

Снова выплываетъ то олицетвореніе вѣчнаго мира въ женщинѣ, которое намъ знакомо еще съ древности; послѣ многихъ путей, признанныхъ ошибочными, возникаетъ толченіе по новому, послѣднему пути — къ возлюбленной, къ сестрѣ, къ матери. Яркое выраженіе этого представляетъ философская драма Генриха Ибсена „Пэръ Гинтъ"; въ ней слиты всѣ взгляды мужчины на міръ и на женщину, всѣ мысли и чувства и настроенія, которыя мы приводили въ разрозненномъ видѣ. Начинается это страшнымъ призракомъ враждебной, проклинающей, недоброй матери; затѣмъ всплываетъ образъ Сольвейгъ, ласковой подруги дѣтскихъ игръ и непорочной возлюбленной на ро-

динѣ, которую онъ покидаетъ, бросившись въ широкій міръ въ погоню за заманчивымъ грѣхомъ, за славой и приключеніями; Сольвейгъ поетъ вернувшемуся на родину скитальцу похоронную пѣснь, — это одновременно колыбельная пѣснь ея мальчику. Убаюканный и затравленный, затравливаемый и увлекаемый женщиной и, наконецъ, усыпленный ею для непробуднаго сна, — такъ живетъ мужчина.

Въ жизни мужчины всѣ эти идеи (миѳы) о мірѣ и о женщинѣ такъ же сливаются, какъ слиты онѣ въ произведеніи поэта; онѣ могутъ проявиться въ совокупности въ одной любовной страсти юноши, въ одной философіи отреченія мужчины. Это очень важное освѣщеніе нашего вопроса. То самое, что ведетъ мужчину къ творческой дѣятельности, ведетъ его и къ жен-

Рис. 52. Смерть на баррикадѣ. Рис. А. Ретеля.

щинѣ. Въ творческой духовности его сказывается и его половая тѣлесность. Отдаваясь труду, мужчинѣ естественно сознавать, что онъ дѣлаетъ это ради женщины и для нея. Юноша, извѣдавшій любовь, обрѣтаетъ этимъ новое міросозерцаніе, міръ раскрывается передъ нимъ въ такомъ богатствѣ красоты и значенія, какого онъ не подозрѣвалъ до того; въ порывахъ пробуждающейся мужской ревности играетъ большую роль сознаніе того, насколько красивѣе, возвышеннѣе, благороднѣе его образъ мыслей, какъ глупы и грубы въ сравненіи съ нимъ его соперники и какъ законно отнять у нихъ ее, прекрасную, дивную; онъ одинъ достоинъ ея, онъ, ею освященный, ею осчастливленный, способный видѣть, чувствовать глубины вещей, одинъ способный оцѣнить ее. И тутъ, слѣдовательно, все то же единство міра и женщины, составляющее полюсъ его духовной жизни.

Совсѣмъ иное дѣло, когда женщина — правда, столько же способная къ труду, сколько и мужчина, — желаетъ такого же творческаго труда, но во имя того, чтобы освободиться отъ мужчины, отдаляется отъ него: тогда трудъ

долженъ производиться за счетъ ея половой сущности. И мы видимъ въ самомъ дѣлѣ, что среди женщинъ передовыя роли вождей занимаютъ тѣ, которыя всего сильнѣе отдѣлались отъ особенностей своего пола и сдѣлались похожими на мужчинъ, тогда какъ мужчина никогда не можетъ быть признанъ вождемъ тѣмъ легче, чѣмъ больше онъ уподобляется женщинѣ.

Мы добрались до уразумѣнія, что оригинальность, творческое начало во всей культурѣ необходимо, неминуемо связано съ своеобразными особенностями мужской природы. То же надо сказать, слѣдовательно, и о психологическомъ изслѣдованіи; и оно должно исходить отъ мужчины.

Вотъ почему, изслѣдованіе мужской психологіи нельзя предоставить одной женщинѣ, — уже по тому одному нельзя, что

Рис. 53. Смерть-побѣдительница. Рис. А. Ретеля.

пытливость мужчины идетъ — несмотря на всю трудность этого отвѣта — и на этотъ вопросъ. Не вывела бы изъ затрудненія и какая-нибудь двойная бухгалтерія съ соотвѣтствующими парами постраничныхъ женскихъ и мужскихъ отчетовъ о мужской психологіи, — потому что необходимо единство знанія.

Вспомнимъ, что психологическое изслѣдованіе требуетъ умѣнья проникнуть въ духъ всевозможныхъ существъ, перевоплотиться въ нихъ, такъ сказать, и судить съ ихъ точки зрѣнія, но все же подчинить затѣмъ всѣ эти точки зрѣнія одной конечной.

Изслѣдовать свой собственный характеръ мужчина не можетъ, потому что о другомъ можно судить только по способу умозаключенія отъ себя къ другому; стать для этого на точку зрѣнія женщины и умозаключать отсюда — способъ тоже негодный. Если мужчина захочетъ все же обрисовать характеръ мужчины, то передъ нимъ предстанетъ задача и методъ, вытекающіе во всякомъ случаѣ изъ обычной психологіи. Заглянуть вглубь собственнаго „я“ онъ не можетъ, — для этого глазъ его ослѣпленъ, какъ

отъ солнца, онъ ничего не можетъ тутъ разсмотрѣть; онъ можетъ разглядѣть только по краямъ смягченныя при затменіи и тогда болѣе видныя излученія свѣта, — выдающіяся точки, протуберанцы.

Такимъ образомъ мужчина можетъ поставить себѣ только одинъ вопросъ: проявляются ли въ немъ и ему подобныхъ женскія душевныя свойства, — которыя онъ хорошо знаетъ, такъ какъ женщина — предметъ его преимущественнаго изученія; не описывая и не анализируя самую мужскую природу, онъ можетъ своимъ изслѣдованіемъ только намѣтить границы мужской природы, предѣлы, за которыми въ мужчинѣ сказывается женственность. Вотъ почему въ психологіи мужчины приходится въ огромной мѣрѣ вѣдаться съ женщиной и женскими свойствами. Поле изслѣдованія представляетъ трудъ, общій обоимъ поламъ, и вопросъ сводится къ тому, въ какой мѣрѣ приметъ участіе въ осуществленіи задачи мужская природа и въ какой мѣрѣ женская.

Такая постановка вопроса и такой способъ ея рѣшенія облегчаются — и даже становятся возможными только при примѣненіи старой миѳологической теоріи, научно разработанной въ послѣднее время, о проникающемъ всю вселенную дѣленіи половъ. Это — теорія бисексуальности (двуполости), намѣченная романтиками (Океномъ, Мальпиги) и Шопенгауэромъ и разработанная Флиссомъ и Вейнингеромъ. Въ особенности при изслѣдованіи гомосексуальныхъ типовъ пришли къ такому взгляду, что всякое существо и даже всякая клѣтка содержитъ въ себѣ одновременно мужское и женское начало, — что чисто мужская природа и чисто женская есть только идеальный образъ, въ природѣ не существующій. Философскій вопросъ о томъ, объясняется ли это особымъ веществомъ, „плазмой“ мужской и женской структуры или энергіей — здѣсь не мѣсто обсуждать. До сихъ поръ въ основу была положена гипотеза о плазмѣ; быть можетъ, она была нужна до извѣстной степени Флиссу, предполагающему періодичность жизненнаго процесса, — въ такомъ видѣ, что жизненная волна въ женскомъ веществѣ повторяется темпомъ въ двадцать-восемь колебаній, а въ мужскомъ — въ двадцать-три колебанія, т. е. болѣе бурно. Если принять въ среднемъ равное число періодовъ для мужчины и женщины, то продолжительность мужской жизни окажется меньше. Равновѣсіе сохраняется, по вычисленіямъ Флисса, большей мужской рождаемостью (сравн. также большую замѣнимость мужчины, стр. 105). Согласно этому, половые органы тѣла не безусловно опредѣляютъ собой духовныя половыя особенности; существуютъ очень мужественныя женщины и очень женственные мужчины — и это не мѣшаетъ тѣмъ и другимъ быть на своемъ мѣстѣ и исполнять свою работу. Вѣдь и у пчелъ и муравьевъ индифферентныя въ половомъ отношеніи особи (рабочіе и солдаты — тѣ и другіе увѣчныя самки) являются факторами культуры. Флиссъ думаетъ даже, что чѣмъ равномѣрнѣе представлены въ какомъ-нибудь существѣ мужское и женское существа, тѣмъ благопріятнѣе это для духовной производительности. Если мы отмѣтимъ, что у очень многихъ лицъ, духовно высоко развитыхъ, встрѣчаются черты, свойственныя противоположному полу, и что многіе даже склонны испытывать любовь къ лицамъ своего же пола, — гипотеза эта покажется вполнѣ вѣроятной.

Творческій геній сохранится у тѣхъ индивидуумовъ, индивидуальность которыхъ, при всей сложной смѣси многочисленныхъ и различныхъ мужскихъ и женскихъ элементовъ, въ общемъ представитъ все же ярко выраженную мужскую природу. Съ ростомъ населенія картина смѣшанныхъ типовъ становится, разумѣется, все болѣе пестрой и многообразной. Въ то же время замѣчено, что крайніе типы, наиболѣе близкіе къ чистой мужественности или чистой женственности, повидимому, все больше и больше исчезаютъ и воцаряется средній типъ — женщины, организованныя по-мужски и мужчины, организованные по-женски, — опредѣляющій собою нравы и вкусы. Женщины все больше и больше вторгаются въ мужскія профессіи, мужчины научаются женской дѣятельности, идетъ равноправіе. Въ то же время войны становятся рѣже, все больше торжествуетъ идея мира. Феминизмъ усматриваетъ въ этомъ

необходимый прогрессъ человѣчества и радостно привѣтствуетъ его Противники его видятъ въ этомъ, напротивъ, упадокъ и гибель и скорбятъ объ этомъ. Но все же и самый фактъ еще не доказанъ, и безусловно примкнуть къ тому или другому воззрѣнію невозможно. Казалось бы, что наибольшее разнообразіе смѣшеній должно, скорѣе, дать въ результатѣ чистѣйшіе виды истинно мужскихъ и истинно женскихъ типовъ и въ концѣ концовъ послужить къ повышенію уровня мужественности и женственности, а слѣдовательно, къ повышенію уровня человѣчества вообще.

Вспомнимъ, что прогрессъ заключается въ развитіи, въ дифференцированіи; нужно, слѣдовательно, предположить, что крайнія особенности мужской и женской природы будутъ расходиться все больше и больше — и главнымъ образомъ духовно: вѣдь у человѣка умъ, мозгъ играютъ гораздо большую роль въ борьбѣ за существованіе и за свои права, чѣмъ у какого-либо другого млекопитающаго, и ни у одного млекопитающаго мужская и женская организаціи не такъ отличны другъ отъ друга. Разумѣется, это даетъ возможность человѣчеству наилучше и быстрѣе комбинировать мужскія и женскія особенности, создавать для каждой новой сферы дѣятельности подходящій типъ; культурѣ и исторіи должно было очень существенно послужить различіе человѣческихъ характеровъ.

Нельзя не отмѣтить, что приближеніе мужского и женскаго типа другъ къ другу, культура безполой человѣческой рабочей особи, замѣчается несравненно больше въ широкой массѣ, чѣмъ въ аристократіи. Въ средѣ аристократіи, не только старой, но и вновь народившейся, дѣло борьбы и профессіи больше предоставляется мужчинѣ и дѣло дѣторожденія женщинѣ. Аристократическія семьи многодѣтны, гордость аристократіи содержитъ въ большей мѣрѣ материнскую гордость, она хочетъ быть родоначальницей блестящаго ряда поколѣній. И ей необходимо имѣть много дѣтей, потому что сыновья ея предназначены для профессій, полныхъ опасностей; родовитость не имѣетъ настоящей цѣны, если родъ не насчитываетъ множества членовъ, павшихъ на полѣ битвы. Такимъ образомъ, опредѣляя свое отношеніе къ женской эмансипаціи — привѣтствуя или порицая ее, — мы этимъ самымъ въ большой мѣрѣ опредѣляемъ и то, исповѣдуемъ ли мы въ политикѣ демократическій или аристократическій принципъ. Кто держится того взгляда, что политическое развитіе должно состоять равномѣрно изъ элементовъ аристократическихъ и демократическихъ, но развитіе необходимо во что бы то ни стало, — тотъ стоитъ, быть можетъ, на самой правильной точкѣ зрѣнія; тотъ пожелаетъ буржуазіи равноправія, а аристократіи — привилегированности женщины, согласно рыцарскимъ принципамъ.

Среди буржуазіи въ женскомъ равноправіи былъ до недавняго времени большой пробѣлъ, для заполненія котораго съ необычайнымъ усердіемъ и успѣхомъ работало въ послѣдніе нѣсколько десятковъ лѣтъ феминистское движеніе: неодинаковость мужского и женскаго образованія. Особенно великъ былъ этотъ пробѣлъ среди „высшей“ буржуазіи, гдѣ науками набивались головы даже тѣхъ молодыхъ людей, которые ни къ какой ученой профессіи не готовились, тогда какъ большинство дѣвушекъ оставались по умственному образованію на одной ступени со своими сестрами „изъ народа“. Гораздо болѣе одинаковое образованіе получаютъ оба пола въ аристократіи и въ рабочей и крестьянской средѣ, — вотъ почему въ этихъ кругахъ и отношенія между полами гораздо непринужденнѣе, тогда какъ въ буржуазіи царитъ множество предразсудковъ и взаимное непониманіе, приводящее въ бракѣ ко всевозможнымъ непріятностямъ.

Для изслѣдованія доли участія мужского и женскаго элемента въ характерѣ человѣка могутъ служить, разумѣется, внѣшніе признаки, видимые въ его тѣлѣ и въ функціяхъ его, — напримѣръ, фигура, движенія, въ особенности руки и почеркъ, очень различные, какъ извѣстно, у мужчинъ и у женщинъ и легко распознаваемые — и больше всего черты лица. Разрозненныя наблюденія, которыя мы дѣлаемъ ежедневно, подмѣчая мужскія манеры или черты у женщины, а женскія у мужчинъ, можно собрать и привести въ систему и съ ея помощью безъ труда и довольно безошибочно опредѣлить долю мужского и женскаго элемента у каждаго человѣка и во всѣхъ сторонахъ его дѣятельности. Вейнингеръ развилъ у себя такой навыкъ, что могъ почти безошибочно различать это на любой фотографической карточкѣ изъ цѣлой кучи ихъ. Для науки это еще, конечно, совсѣмъ нерѣшенные вопросы; но, быть можетъ, именно поэтому читателямъ будетъ интересно попытаться изучить съ этой точки зрѣнія прилагаемые здѣсь портреты выдающихся людей (рис. 54 до 56 и 60 до 88).

Мы дадимъ для руководства кое-какія указанія о пропорціональномъ смѣшеніи тѣхъ или иныхъ половыхъ чертъ по отношенію къ важнѣйшимъ видамъ профессій со ссылками на прилагаемые портреты; очень краткія, разумѣется, такъ какъ подробности потребовали бы болѣе спеціальнаго изслѣдованія.

Оттого, что мужчина предназначенъ для борьбы, а женщина для дѣторожденія, — они различно реагируютъ на раздраженія внѣшняго міра, — мужчина быстро и страстно, женщина позднѣе и менѣе бурно. Воспріятіе разрѣшается у мужчины преимущественно въ движеніи, у женщины — въ созерцаніи, размышленіи, переживаніи; въ мужчинѣ больше сказывается „двигательный“ элементъ, въ женщинѣ — „чувственный“.

Разумѣется, эта формула имѣетъ слишкомъ общій характеръ, чтобы могла быть приложима во всѣхъ отдѣльныхъ случаяхъ; существуютъ раздраженія, дѣйствующія на женщину быстро и бурно и совсѣмъ не дѣйствующія на мужчину; на мужчину, напримѣръ, должно быстро и сильно подѣйствовать рѣзкое раздраженіе, на женщину скорѣе заманчивое, но и рѣзкимъ и заманчивымъ бываетъ для обоихъ половъ разное. Во всякомъ случаѣ женщина отзывается въ „раздраженіи“ больше на его привлекательную сторону, мужчина — больше на раздражающую. Прикосновеніе воспринимается женщиной не такъ, какъ мужчиной, для котораго оно является тревожнымъ сигналомъ; хотя вниманіе оно пробуждаетъ и у нея, но всякое, только не грубое, прикосновеніе со стороны обоихъ половъ ей пріятно, — мужчину же почти всегда оскорбляетъ прикосновеніе мужчины, за исключеніемъ развѣ рукопожатія, принятаго какъ привѣтствіе и ручательство мирныхъ намѣреній. Осязаніе, наслажденіе отъ прикосновенія и желаніе снова доставить себѣ это наслажденіе играетъ большую роль въ материнствѣ (отношенія матери къ маленькому ребенку). Женщины часто и охотно гладятъ и ласкаютъ другъ друга и дѣтей. Часто наблюдаемое меньшее терпѣніе и выносливость мужчины къ боли и особенно къ болѣзни едва ли происходитъ отъ большей его чувствительности, какъ склонны думать многіе, — женщина должна была бы относиться въ такомъ случаѣ еще нетерпѣливѣе ко всякой боли; это основано на врожденныхъ свойствахъ мужского пола, сообразно которымъ онъ отвѣчаетъ нетерпѣніемъ и бѣшенствомъ на всякое враждебное прикосновеніе и раздраженіе; женщина же отвѣчаетъ покорностью, т. е. она извлекаетъ изъ своей души, изъ міра своихъ мыслей и чувствъ тѣ элементы, въ которыхъ она можетъ найти относительное удовлетвореніе. Въ этихъ предѣлахъ она „гораздо благоразумнѣе“ (ср. характеристику философа, стр. 141—142), — но біологическое изслѣдованіе все же не можетъ усмотрѣть въ этомъ превосходства женщины, такъ какъ, стремясь къ безусловному безпристрастію, оно вообще не усматриваетъ „превосходства“ ни на чьей сторонѣ; это и выходитъ за предѣлы его задачи, оно можетъ только констатировать терпѣливость у одной стороны, безпокойное нетерпѣніе у другой; оно говоритъ, что у мужчины сильнѣе моторное напряженіе. Невѣрно, слѣдовательно, и то, что говоритъ Форель въ своихъ поучительныхъ выводахъ: что у женщины болѣе сильная воля, оттого, что она у нея постояннѣе и покойнѣе, оттого, что ея терпѣніе помогаетъ ей одерживать побѣду тамъ, гдѣ бурная вспыльчивость мужчины изнемогаетъ.

По фотогр. Et. Carjat въ Парижѣ.

Рис. 54. Бизе, авторъ „Карменъ“.

Тонкое осязаніе, зрѣніе, слухъ женщины помогаютъ ей легче разобраться въ не слишкомъ сильныхъ, не потрясающихъ воспріятіяхъ, — она искуснѣе группируетъ ихъ, быстрѣе ассоци-

руетъ; мужчина въ такихъ случаяхъ неповоротливъ; но меньшая нетерпѣливость ея помогаетъ ей легче сносить однообразіе. Съ цѣлымъ рядомъ легкихъ раздраженій женщина отлично справляется, тогда какъ мужчину они приводятъ въ отчаяніе. Потому-то виртуозность — способность истинно женская; пытка музыкальныхъ упражненій, напр., захватываетъ женщину всецѣло; въ этомъ мужчины, какъ артисты-исполнители, не обнаруживаютъ большей способности, чѣмъ женщина, и у лучшихъ изъ нихъ въ большинствѣ случаевъ явственно распознается женское туше.

Интересную иллюстрацію къ вопросу о „превосходствѣ“ представляетъ сказка Гауффа: „Самозванный принцъ“. Было предложено рѣшить споръ между двумя молодыми людьми — о томъ, кто изъ нихъ настоящій королевскій сынъ, а кто обманщикъ (подмастерье портного) — путемъ поединка: кто изъ нихъ изготовитъ въ три дня болѣе красивый праздничный нарядъ. „Султанъ, наконецъ, согласился, хотя и поклялся, что — какой бы прекрасный кафтанъ ему ни сдѣлалъ сумасшедшій портной, — сыномъ своимъ онъ все же его не признаетъ“. Результатъ: „Съ торжествующимъ видомъ вошелъ Лабаканъ. Взгляни-ка, отецъ, — сказалъ онъ, — взгляни, дорогая матушка, развѣ не великолѣпіе этотъ кафтанъ? Готовъ держать пари съ искуснѣйшимъ придворнымъ портнымъ, что онъ такого не сдѣлаетъ“. — Омаръ недовольно швырнулъ на землю шелковую матерію и ножницы. „Меня учили объѣзжать коня, размахивать саблей, а копье мое на шестьдесятъ шаговъ попадаетъ въ цѣль; съ иголкой же обращаться не умѣю“. Султанша, придумавшая это испытаніе, больше не сомнѣвалась, кто принцъ и кто портной. А султанъ все-таки предпочелъ еще предварительно посовѣтоваться съ феей.

Рис. 55. Франсуа Жозефъ Тальма.
По портрету Фр. Жерара.

Мужчина дольше остается подъ впечатлѣніемъ какого-нибудь встрѣтившагося ему раздраженія, чѣмъ женщина; оцѣпенѣніе (stupos) у него сильнѣе, онъ не сразу выходитъ изъ него и не такъ скоро входитъ въ норму, оттого онъ кажется неповоротливѣе. Вотъ почему и противорѣчія между нѣкоторыми воспріятіями и сужденіями волнуютъ его сильнѣе, чѣмъ женщину, онъ страдаетъ отъ нихъ, чувствуетъ трагизмъ этого и не устаетъ размышлять надъ этимъ. Трагизмъ вытекаетъ изъ чувства обреченности этому безчисленному міру, полному противорѣчій, прикованности къ его несокрушимой причинности, благодаря которой мы безсильны измѣнить что-либо и не можемъ осуществить свободную волю. Онъ вытекаетъ изъ сознанія безсилія передъ судьбой, не дающей намъ не только оказать свое вліяніе, но и проникнуть взглядомъ въ конечную цѣль жизни. Женщина несетъ судьбу, мужчина борется съ ней. Невѣрно, что женщина понимаетъ жизнь болѣе смутно и примитивно, что ея мышленіе несовершенно, такъ какъ она мыслитъ смѣсью мыслительныхъ и чувственныхъ элементовъ,

а мужчина мыслитъ понятіями, элементами чистаго мышленія. Два противорѣчивыхъ факта, — напр., то, что государства учреждаютъ богадѣльни и дарятъ попеченіе недоношенцымъ младенцамъ, а цвѣтъ своей мужской молодежи посылаютъ подъ пушки и допускаютъ калѣчить ихъ, — женщина пойметъ и приметъ такъ же, какъ мужчина; но женщина скажется въ томъ, что она бросится и туда, и сюда, чтобы помочь страдающимъ, — а мужчина придетъ къ такому же результату только послѣ долгихъ и мучительныхъ размышленій. Какъ носитель борьбы и противорѣчія человѣческой природы, онъ мучительной работой мысли возстаетъ противъ того факта, который женщина постигаетъ сразу, безъ долгихъ размышленій, — что вся жизнь состоитъ изъ борьбы и противорѣчій, что борьба и противорѣчія составныя части міра, — т. е. то, что въ концѣ концовъ долженъ признать и мужчина.

Рис. 56. Фридрихъ Гегель, философъ.

Фридрихъ Гегель (рис. 56) — творецъ философіи противорѣчія. Женщина не мучается вопросами, не чувствуетъ „жала проблемъ“, потому что у нея нѣтъ вопросовъ, она знаетъ. При этомъ она обладаетъ прочной любознательностью, которая не такъ легко впадаетъ въ донкихотство — въ способность такъ углубиться въ самый процессъ духовной борьбы, такъ всецѣло уйти въ нее, чтобы потерять изъ виду цѣль. Женщина реагируетъ практически на впечатлѣнія жизни, мужчина прежде всего теоретически, — и этому донкихотству теоретическаго душевнаго склада наука обязана своимъ возникновеніемъ. Наука немыслима при отсутствіи сознанія цѣли, — и потому-то она достигла у нѣмцевъ наивысшаго почета и, быть можетъ, наивысшаго совершенства. Въ извѣстной эпиграммѣ Шиллера ученикъ является женщиной по душевному складу, Архимедъ мужчиной.

Вотъ этой-то чертой такъ непріятны нѣмцамъ славяне учащіеся, въ особенности русскіе студенты, среди которыхъ женскій элементъ не только численностью своей очень силенъ, но и вліяніемъ, накладывая свою печать и на духовную жизнь мужской молодежи. Но и среди нѣмцевъ уже замѣтно начинаетъ проявляться эта практичность, — Теодоръ Моммзенъ не безъ основанія говорилъ о возвратѣ варварства. Но и американцы и даже романскіе народы обнаруживаютъ въ этомъ отношеніи женскій душевный складъ; романскіе и американскіе университеты съ ихъ неподвижно установленными годичными курсами и частыми экзаменами организованы болѣе „женственно“, чѣмъ германскіе съ ихъ академической свободой и подвижными, предоставленными свободному выбору курсами, — именно потому, что они гораздо вѣрнѣе и практичнѣе ведутъ къ цѣли.

Современная пропаганда реальнаго образованія также отмѣчена чертой „женственности“ въ этомъ смыслѣ.

Стремленіе отдѣлить науку отъ практической пользы, отъ познаваемыхъ земныхъ цѣлей и связать ее съ не-полезными, невременными (или „трансцендентными“, по техническому философскому выраженію) цѣлями, инстинктъ авантюризма, увлеченіе именно тѣмъ, „что не нужно ни къ чему“ — играетъ и здѣсь свою роль и ее надо охватить во всемъ ея объемѣ. Подчеркивая духъ авантюризма въ мужчинѣ, я каждый разъ считаю долгомъ все же отмѣчать и то, что приключенія странствующихъ рыцарей далеко не всегда кончаются блестяще: заблужденія науки также надо поставить на счетъ мужчинѣ; и педантизмъ, и схоластику, и пристрастіе къ частностямъ, къ несущественному, — всю эту „микрологію“, крючкотворство и талмудистику, — все то, что является слѣдствіемъ недостатка необходимаго здраваго разсудка, почти никогда не покидающаго женщину.

Женщина не страдаетъ отъ противорѣчій, какъ мужчина. Я давалъ прочесть нѣсколькимъ лицамъ послѣднюю главу „Исторіи матеріализма“ Ф. Ланге — описаніе картины природы, видъ на дали съ высокой горы — и убѣдился, что почти всѣ мужчины были имъ заинтересованы и увлечены, большинство же женщинъ остались равнодушны. Вотъ этотъ отрывокъ:

. . . „что въ тѣхъ мирно пріютившихся по горному склону хижинахъ живутъ бѣдные измученные люди, вонъ за тѣмъ занавѣшеннымъ оконцемъ лежитъ, быть можетъ, въ ужасныхъ страданіяхъ больной; что подъ шелестящими верхушками далекаго лѣса хищныя птицы терзаютъ свою трепещущую въ судорогахъ добычу; что въ серебристыхъ волнахъ рѣки тысячи маленькихъ существъ находятъ жестокую смерть“...

Женщины охватываютъ цѣлое своимъ обобщающимъ, синтетическимъ умомъ въ его единствѣ и потому передъ ними вырисовывается цѣльная эстетическая картина, дающая радость и удовлетвореніе, — мужчина же своимъ раздробляющимъ, аналитическимъ умомъ разлагаетъ цѣлое и потомъ не сразу можетъ обрѣсть снова цѣлое. Вотъ почему міросозерцанію женщины больше свойственъ оптимизмъ, служащій также опорой постоянству и настойчивости ея воли и ясности ея вѣры въ религіозной сферѣ; мужчинѣ же свойственнѣе пессимизмъ, питающій непостоянство и душевную разорванность, пробуждающій въ умѣ его сомнѣніе въ самомъ высшемъ.

Женщинѣ свойственна гораздо болѣе практичная, вытекающая изъ здраваго смысла недовѣрчивость въ повседневной жизни, тогда какъ мужчина очень часто платится за свою довѣрчивость, — общеизвѣстенъ фактъ, что мужчину гораздо легче перехитрить, чѣмъ женщину.

Женщина носитъ въ душѣ идею прекраснаго, которая создается въ ней изъ созерцанія единства, общей картины своихъ переживаній; она воспринимаетъ міръ цѣльнѣе, сильнѣе, чѣмъ мужчина, не разрушаетъ критикой своего воспріятія; все можетъ сдѣлаться для нея картиной и, слѣдовательно, красотой. Отвращеніе, которое приходится преодолѣвать мужчинѣ, надъ ней, въ сущности, не имѣетъ силы. Зрѣлище безобразнаго мертваго тѣла животнаго или человѣка произведетъ неодинаковое впечатлѣніе на ученаго и на человѣка посторонняго наукѣ; кожа ощипанной птицы, напр., имѣющая на первый взглядъ отталкивающій видъ, можетъ представить для ученаго, разсматривающаго структуру крови, интересную и увлекательную картину, и

тогда для чувства отвращенія не остается основанія. Такъ именно относится женщина къ міру въ его цѣломъ; вотъ почему она, какъ мы всѣ знаемъ, мужественнѣе къ безобразному и отвратительному, чѣмъ мужчина — и въ борьбѣ съ нимъ побѣждаетъ, тогда какъ мужчина терпитъ пораженіе. Его взглядъ остается прикованнымъ къ тому, что есть ужаснаго въ уродливости, въ разложеніи, въ гніеніи, онъ не умѣетъ осилить этого, преодолѣть изнутри, изгладить слѣды пошлаго и низменнаго, — съ чѣмъ превосходно справляется женскій умъ, благодаря своему цѣломудрію.

Миссія чистой красоты въ мірѣ отдана въ руки женщины. А чтобы убѣдиться въ томъ, что это имѣетъ свое значеніе въ

По фотогр. Фр. Ганфштенгеля въ Мюнхенѣ.

Рис. 57. Веселые ребята въ кабачкѣ. По картинѣ Адр. Броувера.

области добра и справедливости — что само по себѣ находится въ вѣдѣніи мужчины — для этого достаточно только произнести слово нравы и нравственность — понятія, спеціально относящіяся къ женщинѣ, съ чѣмъ согласятся всѣ; цѣломудріе подсказываетъ женственности скрывать отъ себя то, что отвратительно, или отбрасывать его (подъ общимъ впечатлѣніемъ красоты заставить исчезнуть безобразное) или отважно переносить его (въ качествѣ вынужденной свидѣтельницы, — напр., въ роли няньки или сидѣлки). Въ этомъ ея надежная защита, ея иммунитетъ въ отношеніи яда безобразія; мужчина же впитываетъ этотъ ядъ, заражается имъ, — и самымъ безудержнымъ признаніемъ этой заразы является непристойность, цинизмъ, безстыдное поведеніе, — по существу своему, въ высшей степени неженственное. Откровеннѣе всего это проявляется за попойками (см. рис. 57: „Веселые ребята въ кабачкѣ"). У мужчинъ въ обычаѣ говорить непристойности въ своей компаніи. Манте-

гацца говоритъ, что „отъ мужскихъ разговоровъ пахнетъ псиной“. (Среди женщинъ склонны къ непристойностямъ преимущественно тѣ, у которыхъ мужской складъ; часто это бываетъ у нихъ также дѣломъ подражательности; грѣхъ женскаго пола не непристойности, а сплетни.)

Женщина не страдаетъ отъ противорѣчій. Множество матерей изо всѣхъ силъ стараются сохранить въ подросткѣ-дочери вѣру въ аистовъ — и въ то же время посылаютъ ее въ церковь помолиться за благополучное разрѣшеніе отъ бремени государыни и усердно засаживаютъ за чтеніе библіи, — и это противорѣчіе ихъ нисколько не волнуетъ. И не за что тутъ осуждать ихъ, — онѣ правы; дочь все же ничего не замѣчаетъ, а жизнь, управляемая мужчинами, спокойно терпитъ это.

Обоимъ поламъ приходится такъ или иначе справляться съ противорѣчіями отдѣльныхъ явленій жизни, и женщинѣ это дается легче, мужчина же часто теряется среди нихъ, — у него микроскопическій взглядъ, у нея макроскопическій. Онъ добивается единства, логическими усиліями собирая воедино разрозненныя частности, которыя она разомъ обнимаетъ въ ихъ совокупности; она довольна, когда можетъ вдохнуть душу въ предметы, онъ не можетъ успокоиться, пока не вынетъ изъ нихъ душу. Онъ разобщаетъ и комбинируетъ, собираетъ всевозможные разрозненные факты, старается осмыслить ихъ, освоиться съ ними и возсоздать ихъ. Мужской умъ вычерчиваетъ картину міра, женщина фотографируетъ ее; тамъ циркуль, линейка, треугольникъ, кривыя и счетныя таблицы, — тутъ лучъ свѣта.

Хотя мужчина — творецъ науки, все же онъ далеко не такъ способенъ къ наукамъ, какъ женщина, такъ какъ ему не хватаетъ терпѣнія и быстрой ассоціаціи (внутренней выработки цѣльной картины). Нѣтъ у него и дара подражательности, потому что подражательность вытекаетъ главнымъ образомъ изъ того, чего онъ больше всего избѣгаетъ: изъ страха, — изъ старанія дѣлать, что и какъ другіе дѣлаютъ, что даетъ чувство увѣренности и рѣшимости. Она не уживается съ исканіями и метаніями, съ авантюризмомъ, жаждущимъ безцѣльнаго созиданія. Подражательность — рабство въ глазахъ мужчины; работать по готовымъ образцамъ значитъ на его взглядъ быть „несвободнымъ“. (Даръ подражательности можно считать до извѣстной степени тождественнымъ съ талантомъ вообще, — и это подкрѣпляетъ сдѣланное выше замѣчаніе о большей талантливости женщинъ.) Женщина до такой степени больше способна къ выучкѣ, что даже очень женственно организованнымъ женщинамъ нетрудно привить мужскія свойства самаго крайняго характера, — достаточно вспомнить дагомейскихъ амазонокъ и ашанти. Мужественно организованный мужчина несравненно менѣе способенъ къ обученію и выучкѣ (ср. съ этой точки зрѣнія сказку о самозванномъ принцѣ, который не сумѣлъ научиться портняжить, тогда какъ женственный по своему складу портной быстро научился „быть принцемъ“). Въ мужскихъ талантахъ большей частью очень явственно сказывается женская манера (ср. сказанное о виртуозности); способности мужчины устремляются всегда въ сторону генія.

Дѣвочки гораздо болѣе способны, чѣмъ мальчики, — что, конечно, связано и съ болѣе медленнымъ ходомъ развитія у мужского пола.

Вспыльчивость, неровность, порывистость мужской натуры объясняется его предназначенностью для борьбы еще и потому, что борьба, по самому существу своему, есть внезапное, разсчитанное на короткій срокъ, крайнее напряженіе всѣхъ силъ. Борьба не требуетъ уравновѣшенности, которая необходима для того, чтобы уберечь маленькаго человѣческаго дѣтеныша отъ множества смертельныхъ опасностей, которыми угрожаетъ ему малѣйшая нерегулярность. Рыцарь можетъ бродить долгіе мѣсяцы — быть можетъ, среди лишеній и невзгодъ, но все же спокойно, — пока еще не попадется драконъ. Тогда только нужна мгновенная вспышка нервныхъ и мускульныхъ силъ. Мужчина не можетъ не желать вызывать и усиливать и искус-

Рис. 58. Попойка. По картинѣ Веласкеза.

ственно это интенсивное напряженіе силъ, могущее принести ему пользу и всегда доставляющее ему удовольствіе. И это обрекаетъ его въ жертву с т и м у л я ц і и, т. е. искусственныхъ возбуждающихъ средствъ, — больше всего, а л к о г о л я; п ь я н с т в о и есть мужской порокъ, — оно можетъ на короткое время необычайно поднять силы и именно р а з р у ш и т е л ь н ы я силы (силы для борьбы, безпощадность къ себѣ и другимъ), — гораздо больше, чѣмъ созидательныя творенія силы. (Удачно схвачено и передано это настроеніе пьяныхъ въ картинѣ Веласкеза, — рис. 58). Аналогично пьянству и другое излишество, обжорство, котораго женщина избѣгаетъ, такъ какъ ей очень важно имѣть всегда привлекательный, а не отталкивающій видъ.

Мужчинѣ приходится искать въ алкоголѣ (такъ же, какъ и въ охотѣ за женщиной) то чувственное наслажденіе, которое дается женщинѣ самой природой ея (въ соприкосновеніи съ дѣтьми, съ подругами или мужчинами, даже въ прикосновеніи къ пріятнымъ предметамъ). Наслаждается она также лакомствами, не очень острыми. Такимъ образомъ, связь алкоголизма съ муж-

ской природой вовсе не произвольное убѣжденіе или нелѣпость, а біологически обоснованное явленіе. Характерна еще слѣдующая черта: мальчикамъ приходится привыкать къ алкоголю (какъ и къ куренію), такъ какъ отъ природы имъ это вовсе не пріятно.

Болѣе мощный ходъ человѣческой машины въ организмѣ мужчины является вѣроятной причиной и того, что мужчина больше предрасположенъ къ нервнымъ и душевнымъ болѣзнямъ, чѣмъ женщина; соображенія и въ особенности статистика, на которую опирается противоположное, господствующее мнѣніе, недостаточно убѣдительны.

Предназначенность мужчины къ борьбѣ обусловливаетъ собой въ значительной степени соціальную организацію человѣчества. Ведутъ ли они борьбу съ людьми или со звѣрями (охота) мужчины должны покидать свои жилища и занимать наступательное положеніе, выходя навстрѣчу противнику или добычѣ въ поля или въ лѣса. Часто такіе воинственные или охотничьи походы требуютъ, разумѣется, много времени, — въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ культура нѣсколько поднялась надъ первобытной ступенью и начала приближаться къ осѣдлости. Между тѣмъ какъ на самой ранней ступени люди — быть можетъ кровнородственныя дѣти одной общей матери — соединялись въ маленькія стадообразныя группы, складываясь въ едва замѣтный соціальный организмъ, — позднѣе мужчины начали обособляться и дома отъ женщинъ и объединяться въ мужскіе союзы. (Впервые они отмѣчаются въ спартанскихъ сообществахъ, позднѣе народовѣдѣніе наблюдаетъ ихъ всюду, — напр., у краснокожихъ, у австралійцевъ и т. д.)

Съ теченіемъ времени мужскіе союзы организуются такъ прочно, что семейная жизнь почти совсѣмъ приходитъ въ упадокъ. Противоположности мужскихъ и женскихъ свойствъ начинаютъ тогда развиваться съ особенной силой среди самихъ мужчинъ и на этой основѣ возникаетъ мощный подъемъ и настоящій культъ мужской дружбы. Предрасположеніе къ двуполости, поражающее взаимную склонность, сказывается во взаимныхъ услугахъ и уваженіи, при чемъ обѣ стороны — безсознательно и сами этого не замѣчая — обнаруживаютъ то тѣ, то другія мужественныя и женственныя черты. Но въ то же самое время, — а въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаяхъ даже въ прямой и неотдѣлимой связи съ этимъ, — появляется любовь мужчины къ мужчинѣ: нѣкоторые мужчины развиваютъ въ такой высокой степени заложенныя въ нихъ женственныя черты, что вполнѣ замѣняютъ другимъ мужчинамъ женщинъ; вырабатывается система любовныхъ связей между мужчинами, — и желаніе быть всегда достойнымъ любимаго человѣка необычайно усиливаетъ военныя доблести и честолюбіе (напр., Пелопидъ, другъ Эпаминонда), а въ условіяхъ болѣе утонченной культуры повышаетъ и умственно-научную производительность, въ особенности въ области философіи и политики, которыя и въ настоящее время процвѣтаютъ большей частію въ обществѣ мужчинъ между собой (дебаты, диспуты) гораздо больше, чѣмъ въ бесѣдахъ въ смѣшанномъ обществѣ между мужчинами и женщинами.

Алкоголь играетъ значительную роль въ общественной жизни мужчинъ. Большинство мужскихъ собраній сопровождается попойками. Мужчины охот-

нѣе употребляютъ свои стимулирующія наркотическія средства — алкоголь, куреніе — въ большомъ обществѣ, женщина же, наоборотъ, охотнѣе наслаждается сластями вдвоемъ съ подругой, или прибѣгаетъ въ одиночествѣ къ морфію или кокаину.

За попойкой воинственный духъ мужчинъ выражается въ мелкой, слегка карикатурной формѣ. Характерно выраженіе лицъ на картинѣ — (рис. 59).

Это явленіе проникаетъ собой всю греческую культуру. Порой оно достигаетъ такихъ предѣловъ, что къ общенію съ женщинами прибѣгаютъ только въ цѣляхъ дѣторожденія. Идея о томъ, что женщина нечиста, что — какъ таковая — она въ сущности не должна быть допускаема къ участію въ дѣлѣ священномъ, важномъ для общества (для государства), сказывается

По фотогр. Фр. Ганфштенгеля въ Мюнхенѣ.

Рис. 59. Банкетъ офицеровъ Георгіевскаго стрѣлковаго полка.
По картинѣ Фр. Гальса Старшаго

въ томъ, что въ періодъ супружескаго общенія или по крайней мѣрѣ на брачную ночь — у спартанцевъ, напримѣръ — женщина наружно превращается въ мужчину, переодѣваясь въ мужское платье, и такъ принимается символически въ мужское товарищество.

Одновременно съ мужскими союзами возникаютъ, разумѣется, сообщества женщинъ, предоставленныхъ, такимъ образомъ, во многихъ отношеніяхъ самимъ себѣ. Но между мужскими союзами и женскими сообществами обнаруживается коренная разница, которая еще сильнѣе углубляетъ различіе между мужчиной и женщиной. Женщинъ заставляетъ объединяться ихъ покинутость, принужденіе со стороны мужчинъ, тогда какъ мужчины объединяются по собственному почину, понуждаемые къ этому самой жизнью и для диктуемыхъ ею цѣлей.

И здѣсь, въ области соціальныхъ отношеній, мы ви-

димъ особенности духовнаго склада мужчины и глубокую связь съ его воинственными задачами. Эти союзы носятъ тактико-стратегическій и дисциплинарный характеръ, они слѣдствіе мужского характера, дѣлающаго каждаго въ отдѣльности способнымъ къ задачѣ объединенія, къ предпріятіямъ. Предпріятіе въ томъ и заключается, что множественность людей утилизируется въ видахъ опредѣленной цѣли, — что каждый въ отдѣльности устремляетъ всѣ свои силы уже не на всю задачу въ ея цѣломъ, а вполнѣ сознательно только на одну какую-нибудь часть ея; цѣнность его заключается въ томъ, что каждый дѣйствуетъ на своемъ мѣстѣ, въ свое время и по-своему и все же съ пользой служитъ общей задачѣ.

И вотъ, если при какомъ-нибудь предпріятіи (представимъ себѣ для большей простоты по возможности — борьбу или охоту) изъ всего числа отдѣляется одинъ какой-нибудь отрядъ или одинъ человѣкъ и отправляется на какую-нибудь другую дорогу — напримѣръ, для засады, — у него въ долгіе часы ожиданія достаточно досуга и поводовъ всецѣло углубиться мыслью въ ту единственную частность, которая отведена его дѣятельности въ общей картинѣ предпріятія; переходя то и дѣло отъ предпріятія къ предпріятію, умъ мужчины воспитывается въ одномъ направленіи, пріучаясь останавливаться на отдѣльныхъ частностяхъ и раздроблять, въ свою очередь, и ихъ, — но въ то же время и понимать ихъ служебную роль въ отношеніи цѣлаго и съ нею и свою собственную подчиненность, и необходимость особой дѣятельности и особаго положенія вождя, которому предстоитъ, въ свою очередь, та же дѣятельность, только въ большемъ объемѣ.

Такъ зарождается въ мужчинѣ идея господства, іерархіи, мужского повиновенія и приказа. Духъ рыцарства, влеченіе котораго къ приключеніямъ для каждаго отдѣльнаго лица во многихъ отношеніяхъ протестуетъ противъ дисциплины, тутъ отступаетъ на второй планъ, — на первый выступаетъ солдатскій, воинскій духъ; офицеръ представляетъ смѣшанный типъ солдата и рыцаря. Вождь и солдатъ превращаются въ техническомъ предпріятіи — особенно въ предпріятіи современнаго типа — въ руководителя производства и въ помощниковъ, и рабочихъ. Каждый солдатъ — не только подчиненный, начальникъ — не только предводитель; каждый представляетъ собой, вѣрнѣе, предводителя въ миніатюрѣ, каждый долженъ обладать свойствами предводителя (долженъ быть использованъ на роль предводителя на болѣе или менѣе отвѣтственномъ мѣстѣ, а если онъ еще молодъ, долженъ быть воспитываемъ для этого), — т. е. удовлетворительнымъ пониманіемъ отдѣльныхъ частей дѣла и ихъ отношенія къ общему предпріятію. Такова интеллектуальная основа мужского чувства отвѣтственности. Это чувство отвѣтственности каждаго передъ общей задачей, передъ нематеріальной идеей цѣли, эта начальническая роль каждаго дѣлаютъ то, что начальникъ не можетъ сдѣлать себя самоцѣлью, олицетворять собою цѣль и отождествлять ее съ собой, при чемъ онъ сдѣлался бы деспотомъ, а его люди — рабами. Если и встрѣчаются сообщества, въ которыхъ — большей частію только по внѣшнему, а не въ дѣйствительности — имѣетъ силу одинъ

только принципъ товарищества, подчиняющій всѣхъ идеѣ, не исключая и начальника (даже у такого, напр., безконечно властолюбиваго вождя, какъ Наполеонъ, все же можно съ несомнѣнностью подмѣтить идеи, которымъ онъ стремился служить), и въ этихъ предѣлахъ уравнивающій всѣхъ: это рождаетъ идею республики, — государство.

Республиканскій принципъ основанъ на идеѣ, что въ избранномъ предводителѣ съ большимъ вѣроятіемъ можно найти необходимыя свойства. Республиканецъ вынужденъ признать принципъ государства и монархистъ — принципъ товарищества, — потому что только оба эти принципа вмѣстѣ, построенные на отвѣтственности (а только отвѣтственность есть свобода) каждаго отдѣльнаго члена передъ общей идеей, представляютъ собой конституцію; враждебные произволу въ формѣ деспотизма, какъ и въ формѣ анархіи, они дѣлаютъ возможной ту человѣческую, мужскую сторону дѣятельности, которая называется политикой.

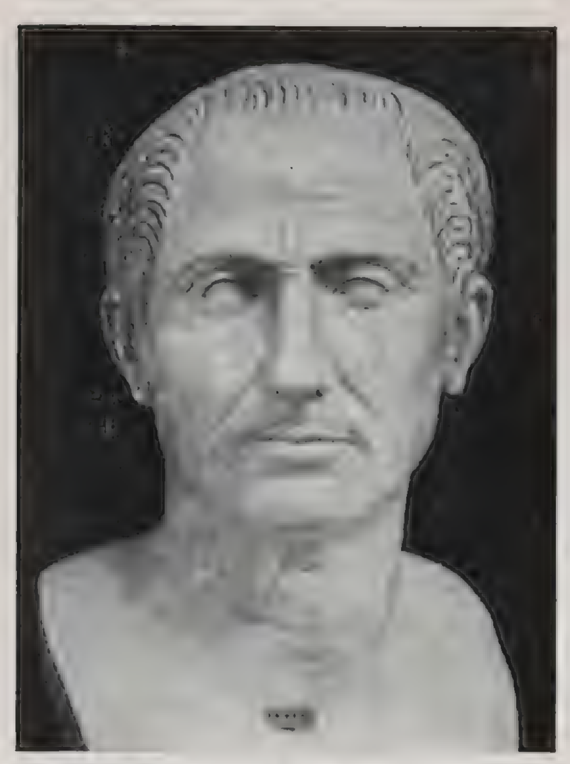

Рис. 60. Юлій Цезарь.
Бюстъ въ Націон. Музеѣ въ Неаполѣ.

Такъ создали мужчины государство, политику, соціальную жизнь, которая и больше, чѣмъ семейная жизнь, и иная, чѣмъ она; она противоположность послѣдней: это сооруженіе шире и выше естественной общественной организаціи, скрѣпляемой кровнымъ родствомъ, сооруженіе, скрѣпленное мышленіемъ одной общей абстрактной цѣли.

Женскія сообщества не представляютъ собой союзовъ: созданныя не самими женщинами, они не имѣютъ своей конституціи и почти лишены организаціи въ собственномъ смыслѣ слова. Мужскіе союзы отличались еще на первыхъ ступеняхъ развитія различіемъ рода дѣятельности отдѣльныхъ членовъ, женщины же въ своихъ собраніяхъ дѣлаютъ всѣ одно и то же. И хотя бы эмансипація привела женщинъ къ политической дѣятельности и къ возникновенію организованныхъ обществъ, — неизмѣннымъ останется все же то, что возможность всего этого создала психологическая оригинальность мужчины.

Государство, конституція, какъ сложная форма соціальной жизни, какъ новая искусственная многообразно-сложная совокупность широко истолкованныхъ, но чуждыхъ душевнымъ интересамъ, отдѣльныхъ сторонъ человѣческихъ потребностей, симпатій и антипатій, — остается для женщинъ и для женственно организованныхъ натуръ (художниковъ, студентовъ-славянъ) непріятнымъ и непонятнымъ; отсюда вытекаетъ цѣлый рядъ выводовъ:

Въ области экономики женщина относится враждебно ко всему сложному, широко организованному и комбинированному въ видахъ отдаленныхъ инте-

ресовъ, — она останавливается на тѣхъ формахъ, которыя представляютъ ясную и простую картину, на домашнемъ и сельскомъ хозяйствѣ, все производящемъ собственными силами и — самое большее — еще на городскомъ хозяйствѣ; понятіе о взаимоотношеніяхъ политической экономіи, народнаго и міровою хозяйства ей чуждо, — операціи ссудъ, напр., займовъ на проценты, ей съ трудомъ понятны (развѣ только если рискующимъ кредиторомъ является она сама или кто-нибудь близкій ей). Еще менѣе понятенъ ей высокій процентъ въ торговыхъ оборотахъ, въ частности въ операціяхъ морской торговли, — это она, подобно древней церкви, торопится заклеймить словомъ „ростовщичество". На протяженіи исторіи женскій полъ слѣдовалъ „разумѣется", за развитіемъ и содѣйствовалъ ему: но интересно, между прочимъ, какое дѣйствіе оказало на душу женщины новое крупное экономическое явленіе — большія торговыя товарищества. Тамъ случается, что женщины, вполнѣ порядочныя и благороднаго душевнаго склада совершаютъ кражи: эти самыя женщины съ негодованіемъ оттолкнули бы отъ себя одну мысль о кражѣ въ какомъ-нибудь мелкомъ магазинѣ: онѣ представили бы себѣ, какой ущербъ понесетъ мелкій торговецъ (выдѣляя его индивидуальность), съ какимъ отчаяніемъ онъ будетъ искать пропавшую вещь — и ихъ охватило бы чувство состраданія; въ огромномъ же торговомъ домѣ такъ много всякихъ вещей, ни одинъ живой человѣкъ отъ этого не пострадаетъ, не будетъ искать пропавшаго — все это только огромный, чуждый аппаратъ, до котораго имъ никакого дѣла нѣтъ...

По фотогр. Фр. Ганфштенгеля въ Мюнхенѣ.

Рис. 61. Наполеонъ I.
По портрету работы Г. Вернэ

Отдѣлять личность отъ дѣла (идеи) — способность чисто мужская. Особенность мужского эгоизма въ томъ, что онъ способенъ пожертвовать далекому, идеѣ — близкимъ и самымъ близкимъ лично, какъ римскій полководецъ Манлій, пожертвовавшій своимъ сыномъ, совершившимъ нападеніе, вопреки его запрещенію, хотя онъ и одержалъ побѣду. Идею, дѣло мужчина боготворитъ и потому относится небрежно къ отдѣльнымъ лицамъ; это и есть духъ политики, онъ дѣлаетъ мужчину грубымъ, суровымъ, жестокимъ, безпощаднымъ — въ отношеніи отдѣльныхъ, близкихъ ему лицъ, — во имя какого-нибудь дѣла, какой-нибудь идеи; женщина же равнодушна къ идеѣ, къ дѣлу, къ общественнымъ интересамъ (женская безпощадность), ей дороги только ребенокъ, любимый человѣкъ, подруга — отдѣльныя лица.

Послѣ успѣшнаго взятія Трои, Одиссей озабоченъ больше всего тѣмъ чтобы умертвить Астіанакса, маленькаго сына Гектора: если бы Пенелопа была съ нимъ, — она несомнѣнно защитила бы его собственной грудью, какъ своего собственнаго ребенка; но совсѣмъ другое дѣло, если бы этотъ ребенокъ сталъ, напримѣръ, на дорогѣ ея собственному сыну.

Характеръ мужчины, его міросозерцаніе складывается изъ его воззрѣній на государство, характеръ и міросозерцаніе женщины изъ ея воззрѣній на семью. Онъ больше склоненъ къ объективности, женщина — къ субъективности. (Способность разсматривать вещи только какъ вещи внѣ всякаго отношенія къ своему „я" и его чувствамъ называется объективностью;

Рис. 62. Графъ Мольтке.
По портрету работы Ленбаха.

ся противоположность — субъективность.) Идея выше личности, политика выше личныхъ симпатій, честь выше любви и счастья, государство выше семьи — вотъ мужское міросозерцаніе. Существуетъ одинъ мужской типъ, уклоняющійся отъ этого опредѣленія, хотя и обнаруживающій безграничную мужественность въ смыслѣ влеченія къ женскому полу и пользующійся у него въ большинствѣ случаевъ большимъ успѣхомъ; онъ очень склоненъ и пригоденъ для брака, любовь для него — жена и семья; онъ долженъ быть названъ типомъ самца.

Мужчина этого типа способенъ бросить самыя важныя дѣла, чтобы помчаться за самкой (Маркъ Антоній при Акціумѣ). Родствененъ ему типъ изнѣженнаго гаремной жизнью мужчины — „сарданапаловскій типъ". Если склонность и успѣхъ распространяются не на одну самку, а на самокъ, побѣда надъ женщинами становится идеей, — а если къ этому прибавится цинизмъ и грубость, то возникаетъ типъ Донъ-Жуана. (Ср. кромѣ безсмертной оперы Моцарта, „Донъ-Жуана" Байрона и Граббе, „Фауста", Мопасана — „Милый другъ".)

Когда мужчина углубляется мыслью въ прошлое, онъ вспоминаетъ о политическихъ и соціальныхъ отношеніяхъ, интересуется сложностью событій, партіями, борьбой и ея причинами: женщина интересуется семьей или предками; историческая мысль мужчины имѣетъ историческій характеръ въ собственномъ смыслѣ этого слова, женщины — генеалогическій.

Политическая дѣятельность мужчины, дѣятельность въ крупныхъ общественныхъ группахъ пріобрѣтаетъ извѣстное словесное выраженіе: разговоръ становится рѣчью, возникаетъ типъ оратора, очень мужественный по своему существу; женщина говоритъ меньше, чѣмъ мужчина, она не говоритъ рѣчей, — она больше кричитъ, поетъ или смѣется (смѣхъ — привлекательный звукъ, онъ „серебристо-звонокъ"; серебристо-яркокъ цвѣтъ освѣщеннаго солнцемъ водопада, который поэтичная миѳологія охотно олицетворяетъ въ образѣ русалки, нимфы; соблазни-

Рис. 63. Чемберленъ.

тельный смѣхъ, „смѣющаяся вода“, дѣвушка индіанка, очаровательная героиня Лонгфелло.) Восклицанія и пѣніе мужчины — скорѣе, наоборотъ, тревожный крикъ, боевой кличъ, — оттого онъ отрывисто коротокъ и склоненъ къ ритмичности. Отсюда же и мужская манера держаться, которая должна имѣть болѣе внушительный, чѣмъ привлекательный характеръ, и въ рѣчи его должно быть спокойствіе и холодная дѣловитость — или же пылкое, воинственное одушевленіе. Съ точки зрѣнія женщины и то, и другое неуклюже и смѣшно преувеличенно; она съ трудомъ отдѣляетъ мужскую манеру отъ ея каррикатуры — рисовки.

Рис. 64. Христофоръ Колумбъ.
По бюсту, хранящ. въ Пинакотекѣ римскаго капитолія.

То, что мужчинѣ пришлось создать ремесла, науку и искусство, тоже можно объяснить соціологически. Въ простыхъ условіяхъ сельской культуры и даже довольно высокой, но при населеніи еще не очень плотномъ, когда еще остается много неиспользованной земли, работа, которую производятъ оба пола, не только одинакова, но въ болѣе художественныхъ, тонкихъ работахъ — какъ садоводство, музыка, живопись, наука, перевязочное и акушерское искусства, изготовленіе одежды и пищи — женщина превосходитъ мужчину. Въ то время, какъ мужчины пашутъ землю, охотятся, сражаются, женщина уже читаетъ, пишетъ и т. д. Но едва начинается раздѣленіе труда, въ немъ также сказывается мужская черта, остановка на частностяхъ, — и женщина развѣнчивается. Врачами и даже акушерами, садовниками, поварами, учеными становятся мужчины, и іерархія достигаетъ необычайнаго развитія. Усложняются разнообразныя стороны духовной жизни, въ которыхъ отдѣльными лицами сдѣланы огромные успѣхи, — наука (мужская) воздвигается, такимъ образомъ, на основѣ (мужского) коллективнаго труда, точно такъ же, какъ и творческое искусство мужчины.

Рис. 65. Давидъ Ливингстонъ.

Наука — организація исканій, политика (война и государство) — организація борьбы; и у той, и у другой — одна общая черта: влеченіе къ идеѣ, которое ставитъ на мѣсто полезныхъ цѣлей созданную умомъ „трансцендентную“, — то донкихотство, которое, вмѣсто добытыхъ путемъ борьбы благъ и

удобствъ", дѣлаетъ ее самое цѣлью, принося въ жертву этому призраку (разсуждая по-женски) всѣ блага и все счастье: — объективность. И если борьба и исканія — двѣ основныхъ черты, два полюса мужской природы, на которые распадается единая сущность мужской души, его объективность, — то среди отдѣльныхъ мужскихъ типовъ самыми мужественными должны быть вожди (въ бою — начальники, предводители) и изслѣдователи. Начиная съ первыхъ и кончая вторыми, мы прослѣдимъ всевозможныя промежуточныя ступени и виды мужскихъ профессій.

Рис. 66. Фритьофъ Нансенъ.

Полководцы, государственные дѣятели (основатели и руководители предпріятій) — это типы, въ которыхъ мы должны видѣть самое яркое историческое (въ своемъ первоначальномъ смыслѣ слово „историческій" означаетъ „политическій", — въ сложныхъ словахъ, „культурно-историческій" и т. п. это слово имѣетъ болѣе частный смыслъ) олицетвореніе мужественности. Въ лицахъ Юлія Цезаря (рис. 60), Наполеона I (рис. 61), Бисмарка (см. отд. таблицу), Мольтке (рис. 62), Чемберлена (рис. 63). Коллеони (рис. 87) мы можемъ видѣть физіогномическіе образцы мужественности. Они представляютъ собой высшую степень одухотворенной борьбы человѣческаго существованія, — они — тѣ, которымъ человѣчество прежде всего и справедливѣе всего даетъ названіе героевъ.

Другіе, въ чемъ бы они себя ни проявили, являются героями въ переносномъ смыслѣ этого слова: герои духа, герои труда, изслѣдованія, вѣры и т. д. и т. д. Въ нихъ можно видѣть высшую степень и одухотворенность мужественности, потому что для нихъ дѣло сводится не только къ проникновенію и къ самопожертвованію, какъ для „обыкновеннаго человѣка", и не только къ размышленію, къ исканію и нахожденію (у полководца — и изобрѣтателя — въ смыслѣ техническомъ, политическомъ, этическомъ и географическомъ), какъ для изслѣдователя: имъ нужно еще кромѣ того умѣть охватить всѣ разрозненныя черты и подъ бременемъ всѣхъ мѣшающихъ, упорныхъ противорѣчій привести ихъ къ наиболѣе благопріятному единству — имъ нужна еще, слѣдовательно, рѣшительность; все охватить подъ давленіемъ

v. Bismarck

Князь О. Э. Бисмаркъ.

Портретъ работы Ф. Ленбаха.

(По фотографіи изд. Фр. Ганфштенгля въ Мюнхенѣ.)

момента, подъ гнетомъ опасности, и въ каждое новое мгновеніе умѣть найти все новое и новое рѣшеніе и все же объединить всѣ эти рѣшенія въ единомъ планѣ, — вотъ какія способности и силы выражаются въ лицахъ этихъ людей, въ той, „ледяной мраморной холодности“, которая поражаетъ и мало подготовленнаго наблюдателя. Въ ней лежитъ та способность ставить цѣли впереди лицъ, которая не останавливается и передъ тяжелыми жертвами отдѣльными людьми и собственнымъ счастьемъ, та безпощадность и жестокость, та приводящая въ содроганіе объективность, которая, овладѣвъ собою, овладѣваетъ всѣмъ и всѣми.

Рис. 67. Д-ръ Эминъ-Паша.

Нѣкоторыя отличія отъ типа военачальника и вождя представляетъ король. На него смотрятъ, какъ на лицо особо незамѣнимое, и потому ему не приходится выступать лицомъ къ лицу съ опасностью, его охраняютъ прикрытіями. Ему, какъ женщинѣ, приносится дань услугами, защитой, даже поклоненіемъ. Необходимость представительствовать по-королевски вызываетъ экономическую безпечность, усиливаетъ пристрастіе къ внѣшности, жажду нравиться и капризность, — вѣдь короля, какъ женщину, окружаютъ лестью. Вмѣсто идеи государства для него часто становится высшей цѣлью благо свое и своей династіи; иной король, мнящій себя историкомъ, въ дѣйствительности только генеалогъ. Часто онъ владычествуетъ, какъ и женщина, съ помощью людей, стоящихъ вооруженными противъ другихъ людей (въ чемъ, въ сущности, только и заключается поддержаніе порядка, правленіе). Вотъ почему на роли королей особенно пригодны женственныя натуры, въ частности женщины. — Впрочемъ, настоящему королю слѣдуетъ обладать свойствами вождей и политиковъ, въ особенности же мужскимъ чувствомъ справедливости (см. ниже).

Изслѣдователи новыхъ странъ (каковы Колумбъ, Ливингстонъ, Нансенъ — рис. 64—66) имѣютъ большое сходство съ этимъ типомъ; сложности путешествія въ неизслѣдованныя мѣстности и организаціи экспедиціи (экипажа корабля или каравана) ставятъ передъ ними обѣ группы проблемъ; часто задача изслѣдователя сочетается съ задачей полководца (Эминъ-Паша, рис.

67). Изъ изслѣдованія новыхъ странъ возникло мореплаваніе; непроходимость водныхъ пустынь и до сихъ поръ еще отчасти придаетъ мореплаванію характеръ изслѣдованія. Другомъ и врагомъ человѣка здѣсь является сама стихія, по которой онъ движется. Мужскія свойства — дисциплина и храбрость — должны быть развиты у **моряка** въ еще болѣе высокой степени, говорилъ еще римскій поэтъ. Мореплаваніе началось, какъ пиратство, — слѣдовательно, мореплаватели должны были имѣть вначалѣ воинственный и разбойничій характеръ (викинги, Одиссей), — въ настоящее время, по крайней мѣрѣ, капитанъ долженъ имѣть коммерческое чутье. Морякъ со свойствами вождя есть **морской герой** (Нельсонъ, рис. 68, Де-Рюйтеръ): своей опасностью и условіями дѣятельности во мракѣ профессія моряка аналогична профессіи лѣсничаго и рудокопа; все это мужскія профессіи и занятіе ими женщинъ есть и будетъ одно злоупотребленіе.

Рис. 68. Адмиралъ Нельсонъ.
По картинѣ Гоппнера.

Экономическимъ руководителямъ — банковымъ дѣльцамъ, крупнымъ промышленникамъ и спекулянтамъ, разнаго рода „предпринимателямъ“ современности — нужно обладать если не прямымъ героизмомъ, то все же **смѣлостью**, а это и есть все та же **рѣшительность**. То обстоятельство, что современное хозяйство есть міровое хозяйство, требуетъ отъ нихъ политическихъ способностей государственнаго дѣятеля и свойствъ полководца — вплоть до безпощадности и мраморной холодности; эти черты въ нихъ часто и констатировали (Рокфеллеръ — рис. 69, Вандербильтъ, рис. 70, В. и К. Сименсъ). На этихъ руководителей современной экономической жизни похожи руководители прошлаго, крупные землевладѣльцы, но они сильно отличаются отъ нихъ своими рыцарскими свойствами.

Между этими двумя крайними мужскими группами — вождей и изслѣдователей — существуютъ двѣ менѣе мужественныя, съ примѣсью женственныхъ чертъ, съ менѣе рѣзкими половыми отличіями. Прежде всего, руководимые — въ военномъ дѣлѣ солдаты, въ политикѣ граждане, въ экономикѣ крестьяне, ремесленники, рабочіе. Въ каждой изъ нихъ наблюдается своеобразно ослабленная мужская природа, но въ третьей группѣ

она сохранилась и замѣтно проявляется, только тоже въ соединеніи съ ярко выраженной женственностью. Въ нихъ борьба и исканіе находятъ дѣльныхъ, порой даже блестящихъ представителей.

Рис. 69. Дж. Рокфеллеръ.

У солдата мужскія свойства ослаблены вслѣдствіе однообразія службы, вѣчно повторяющейся, механической работы въ толпѣ, при которой онъ обыкновенно очень смутно можетъ видѣть отношеніе его работы къ дѣлу въ его цѣломъ. Совершенно то же наблюдается и въ арміи промышленныхъ рабочихъ. У гражданина также ослабленная отвѣтственность по сравненію съ лицами, политически активными. Сообразно роду занятій, дѣятельности, при которой тускнѣютъ мужественныя черты и происходитъ уравненіе съ женщиной, гражданинъ обнаруживаетъ часто типичныя свойства самца. На крестьянина, вслѣдствіе его относительной самодѣятельности, въ хозяйствѣ, гдѣ все производится собственными силами, профессія еще не наложила свою печать, и потому половыя отличія между нимъ и его женой остаются общими и примитивными: онъ дерется, работаетъ въ полѣ батракомъ или хозяиномъ, политиканствуетъ; въ работахъ, задачи которыхъ обширны и разносторонни въ простомъ и понятномъ единствѣ сельскаго хозяйства, между мужской и женской нѣтъ почти никакой разницы. Нельзя не отмѣтить, что при всемъ томъ сами крестьяне всегда усиленно выдвигаютъ этически половыя различія.

Истинный художникъ храбръ, часто довольно задоренъ, чувствуетъ влеченіе къ странствованію, къ приключеніямъ; но такъ же, какъ и женщина, онъ разсматриваетъ міръ, не расчленяя его, беретъ его не во множествѣ мертвыхъ чертъ, а, созерцая, въ единствѣ живыхъ, — лучшее доказательство принципіальной равноцѣнности результата умственной дѣятельности мужчины и женщины: иначе вѣдь твореніе художника должно было бы давать меньше, чѣмъ твореніе ученаго, географъ долженъ былъ бы принципіально превосходить пейзажиста, ботаникъ — художника, пишущаго цвѣты, психологъ — драматурга, — а вѣдь это явная нелѣпость. Нельзя забывать также, что художественное пониманіе — самое благородное (по крайней мѣрѣ въ смыслѣ большей вѣрности и увлекательности, потому что изучать и анализировать можетъ всякій, — каждый мужчина это отъ природы умѣетъ, каждая женщина можетъ быть обучена этому). Тогда пришлось бы признать, что критикъ можетъ дать больше, чѣмъ художникъ, — кри-

Рис. 70. Корнелій Вандербильтъ Старшій.

Рис. 71. Т. Моммзенъ.

тикъ, душевный складъ котораго представляетъ середину между складомъ художника и ученаго, смѣсь женскаго художественнаго созерцанія и мужской научной пытливой мысли.

Сюда надо отнести также и **историка**; критики и историки искусства даже прямо тождественные типы, но и историкъ въ собственномъ смыслѣ слова — критикъ политики — можетъ быть разсматриваемъ трояко: *а* — государственный дѣятель, полководецъ, *в* — ученый, *с* — художникъ. Ихъ увлеченіе политикой чисто мужское, но они лишены мужской рѣшительности. Группа *а* и историкъ одинаково страстно увлекаются исторіей, но тотъ, кто одаренъ мужской рѣшительностью, не пишетъ исторію, а дѣлаетъ ее — и даже тогда, когда уже на покоѣ пишетъ ее (Бисмаркъ). Но на ряду съ мужскимъ соображеніемъ въ историкѣ живетъ женственно-художественное созерцаніе и изобразительность, — черты, особенно яркія у Моммзена (рис. 71), безсмертный трудъ котораго „Римская исторія“ свидѣтельствуетъ одинаково о фантазіи и терпѣніи, какъ о силѣ и чутьѣ изслѣдователя.

Способность художника защищаться направляется почти исключительно только на личныхъ, дѣйствительныхъ противниковъ, — онъ очень рѣдко бываетъ оскорбленъ чѣмъ-нибудь, самимъ міромъ; съ природой онъ интимно близокъ, какъ и женщина и, какъ и она, привязанъ къ ней; а если въ немъ шевельнется сильный мужской элементъ, такъ что предъ нимъ предстанетъ божественное, и онъ почувствуетъ жало проблемъ, и противорѣчія начнутъ терзать его, — то онъ реагируетъ на это по-женски, создавая изнутри себя новый гармоничный міръ, вмѣсто того, чтобы — подобно основнымъ мужскимъ типамъ — мятежно возстать борьбой на противорѣчія, стараться согнуть или сломить ихъ, и силой меча или мысли достигнуть гармоніи и мира. Онъ полонъ, какъ и женщина, сочувствіемъ къ близкимъ лицамъ, которымъ онъ отдается порой, какъ преданный и всегда какъ ласковый товарищъ, — за исключеніемъ только тѣхъ случаевъ, когда они хотятъ нравиться такъ же,

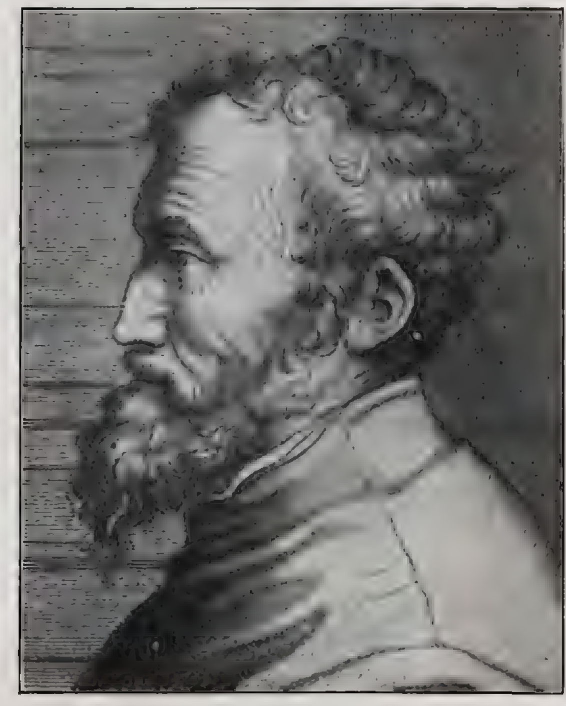

Рис. 72. Микель-Анджело.
По старинной гравюрѣ.

какъ онъ, или больше его; какъ и женщину, его отталкиваетъ чуждый ему призракъ общественности; извѣстна его экономическая близорукость (въ которой есть, впрочемъ, кой-какія неженственныя черты, — она чужда, напримѣръ, скупости), его неумѣнье обращаться съ деньгами вошло въ пословицу; политику и право онъ не отвергаетъ, но держится своеобразныхъ взглядовъ на нихъ.

Когда съ Татьяны Леонтьевой послѣ убійства Мюллера сдѣлали насильно фотографическій снимокъ, одинъ геніальный музыкантъ, умъ и образованность котораго имѣютъ широкую извѣстность, сказалъ мнѣ, возмущенный этимъ:

Рис. 73. Іоганнъ Себастіанъ Бахъ. По портрету работы Л. Гаусманна.

Рис. 74. Людвигъ Бетховенъ. По портрету работы К. Даке.

„Вся эта антропометрія одно средневѣковое варварство, ее слѣдовало бы отмѣнить“.

Въ этихъ областяхъ онъ поддается единичнымъ впечатлѣніямъ, судитъ односторонне, запальчиво и большей частью въ тонѣ обвиненія: подобно женщинѣ, онъ либо радикалъ, либо клерикалъ.

Вопросъ о томъ, какой родъ искусства болѣе мужественъ, еще не рѣшенъ, — едва ли и можетъ быть рѣшенъ, да и поставленъ неправильно. Тутъ очень смутны границы половыхъ отличій. Архитектура и пейзажъ, какъ требующіе способности соображенія, пожалуй, нѣсколько болѣе мужского свойства; скульптура и рельефъ, быть можетъ, болѣе мужского характера, чѣмъ живопись. Историческая живопись, пожалуй, „мужественнѣе“ жанра. Мертвая натура и цвѣточная живопись безусловно „женственнѣе“. Современная „антилитературная“ живопись приблизительно одинаково близка тѣмъ и другимъ свойствамъ. Среди великихъ мастеровъ, согласно вѣрному народному чутью, Микель-Анджело (рис. 72), напр., и Рембрандтъ (рис. 99) отличаются

Рис. 75. Рихардъ Вагнеръ.
По портрету изъ коллекціи Фр. Ганфштенгеля.

ярко-выраженными мужскими свойствами, Рафаэль (рис. 98), напротивъ, больше женскими.

Въ музыкѣ, какъ мы уже замѣтили, композиція представляется принципіально болѣе мужскимъ свойствомъ, чѣмъ исполнительное искусство, виртуозность. Въ этой отрасли искусства издавна отличались половыя особенности; эпитеты „мужественный“ и „женственный“ очень часто встрѣчаются въ критикахъ какъ композиторскаго, такъ и исполнительнаго талантовъ. Въ пѣніи ясно сказывается различіе мужскихъ и женскихъ свойствъ. Хоровое пѣніе преимущественно принадлежность мужчины (боевыя и застольныя пѣсни). Индивидуально мужчина менѣе склоненъ къ пѣнію, чѣмъ женщина, зато больше склоненъ къ насвистыванію. Рабочія пѣсни почти одинаково распространены среди мужчинъ и среди женщинъ, все же среди мужчинъ, повидимому, меньше.

Изъ композиторовъ — Бахъ, Бетховенъ, Вагнеръ (рис. 73—75) обнаруживали, пожалуй, больше мужскія свойства, Шуманъ (рис. 118) — довольно замѣтныя женскія свойства. Интересно, что Бетховенъ въ своей единственной оперѣ „Fidelio“ изображаетъ женщину, совершающую мужской подвигъ, а Бизэ (рис. 54) въ обоихъ самыхъ крупныхъ своихъ произведеніяхъ, въ „Карменъ“ и въ „Арлезіаннѣ“, беретъ основой страданія сексуально-противоестественно (мазохистски) предрасположенныхъ героевъ. Жакъ Далькрозъ (рис. 76) пріобрѣлъ извѣстность, какъ композиторъ, преимущественно своими дѣтскими пѣснями; на портретѣ выраженіе его лица, несмотря на богатую растительность, напоминаетъ выраженіе молодой матери. Дирижерство тре-

Рис. 76. Ж. Далькрозъ.
По фотогр. Андреосси.

буетъ нѣкоторой мужественности по вполнѣ понятнымъ причинамъ.

Гораздо легче сравнительно выдѣлить эти отличія въ разныхъ видахъ литературнаго творчества. Лирикѣ очень идутъ женственные звуки, роману также, такъ какъ онъ можетъ весь сводиться къ настроеніямъ и не безусловно требуетъ захватывающаго дѣйствія, а тѣмъ болѣе элемента авантюризма. Зато эпосъ требуетъ подвиговъ мужей, самаго живого и активнаго дѣйствія — боевого подъема, повѣсти странствованій. Вотъ почему. въ области лирики и романа женщины много сдѣлали (а англійскія писательницы проявили и не мало мужскихъ свойствъ) и имѣли большой успѣхъ, тогда какъ въ эпосѣ творцами и почитателями являются одни мужчины и почти то же можно сказать и о драмѣ. Мужской натурѣ (порывистой, подвижной, склонной къ вспышкамъ, взрывамъ) необычайно соотвѣтствуетъ ритмъ, которымъ отличается эпосъ, — мелодичная лирика и насыщенный настроеніемъ такъ же, какъ она, романъ — чужды и дѣйствія, и ритма. Можно сказать, что мужская душа эпична (ритмична), женская лирична (мелодична). Гете одинаково мастеръ эпоса и лирики (ритма и мелодіи). Шиллеръ чуждъ мелодіи.

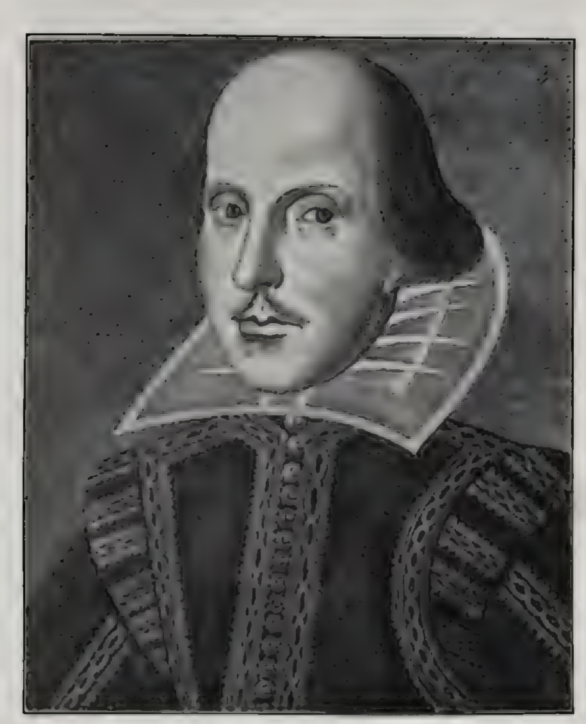

Рис. 77. Вильямъ Шекспиръ.
По стар. гравюрѣ.

Всецѣло и совершенно женственнымъ является письмо, какъ особый родъ художественнаго творчества; тутъ надо признать безусловное превосходство женскаго искусства, — достаточно вспомнить, напримѣръ, насколько выше стоятъ письма Элоизы, чѣмъ письма Абеляра. Мужчинѣ, когда онъ пишетъ, и въ голову не приходитъ открывать свою душу въ письмѣ; его письма содержатъ извѣщенія, вѣсти, разсужденія, — и чѣмъ онъ мужественнѣе, тѣмъ безцвѣтнѣе, или — неискреннѣе его письма. О своеобразныхъ особенностяхъ стиля мужского и женскаго, о которыхъ такъ много говорилось, мы здѣсь распространяться не можемъ.

Своеобразно положеніе вопроса о сценическомъ искусствѣ по отношенію къ половымъ отличіямъ. Культуры, зараженныя гомосексуализмомъ (Эллада, Японія, Китай), присваивали это искусство мужчинамъ, римляне находили, напротивъ, актерство немужественнымъ. Такимъ образомъ, сценическое искусство, будучи, быть можетъ, первой профессіей, завоеванной женщинами, выдвинуло множество женщинъ съ мужскими свойствами, — мужчины же въ немъ представляютъ, наоборотъ, женскую способность приспособленія, какъ того требуетъ измѣнчи-

Рис. 78. Эдмундъ Кинъ.
По литографіи.

вость ролей, женскую жажду нравиться, женскую заботливость о наружности (костюмы); при этомъ среди нихъ часто встрѣчается типъ самца. Прилагаемъ портреты Шекспира (рис. 77), Тальмы (рис. 55) и Кина (рис. 78). Если въ душѣ ихъ и уживался иногда геній могучей и авантюристской страсти, — все же классическая красота ихъ лицъ имѣетъ безспорно женскій типъ.

Не только какъ изобразители, но и какъ предметъ искусства, люди различаются между собой по своимъ половымъ особенностямъ. Сообразно вышеизложенному взаимоотношенію между міромъ и женщиной, мужчина гораздо больше является изобразителемъ; женщина для него объектъ искусства и на нее оно обращено (искусство, между прочимъ, одно изъ выраженій ухаживанія).

Женское искусство гораздо рѣже выбираетъ своимъ объектомъ мужчину и гораздо менѣе настойчиво направляется на него. Посвящая себя какой-нибудь профессіи, даже искусству и въ особенности литературному творчеству, она ставитъ себѣ главной цѣлью освободиться отъ мужчины, избавиться отъ него; воспѣваетъ ли она его, или замалчиваетъ, она вся сосредоточивается на своемъ матеріалѣ и своихъ переживаніяхъ.

Мужчина обращается всегда душою къ міру и къ женщинѣ одновременно. Неизмѣнная потребность его — приблизиться своимъ художественнымъ творчествомъ къ женщинѣ, быть ею понятымъ, говоря о ней, говорить съ нею и, говоря съ ней, говорить о ней. Это свидѣтельствуетъ о религіозномъ характерѣ отношенія мужчины къ женщинѣ, онъ поклоняется ей, боготворитъ ее.

Что касается науки, то чистое знаніе, отмѣченное яркимъ характеромъ донкихотства (блужданій и исканій), больше свойственно мужскому уму, прикладныя же науки — женскому. На пути къ дѣйствительнымъ желаннымъ цѣлямъ абстрактное сознаніе представляетъ вѣдь только этапъ и даже окольный путь. Женское отношеніе къ наукѣ выражается почти всегда въ требованіи „не обременять преподаваніе такимъ множествомъ практически безполезныхъ предметовъ или свѣдѣній", мужское — въ предпочтеніи такого практически безполезнаго матеріала. Кенигсбергскій физіологъ Германъ отстаиваетъ, напримѣръ, необходимость теоретическихъ наукъ въ курсѣ медицинскаго образованія, — это чисто мужская точка зрѣнія.

Но это вовсе не значитъ, что склонность къ естественнымъ наукамъ болѣе мужская, чѣмъ склонность къ техникѣ, — по-

тому что сооруженіе и выдумка требуютъ мужскихъ способностей соображенія, и профессія инженера, какъ руководителя предпріятія, требуетъ чисто мужской организаторской способности. Автобіографія Вернера Сименса (рис. 79), напримѣръ, представляетъ интересный документъ настоящей мужественности. Къ этому надо прибавить смѣлое прожектерство инженеровъ, разжигаемое представляющимися трудностями и очень рискованное именно вслѣдствіе этихъ трудностей; необычайно характерна смѣлость Стефенсона, пустившаго первый локомотивъ безъ зубчатаго колеса. Еще надо прибавить къ этому мужскую твердость и безпощадность, съ которой онъ пожертвуетъ идеѣ, какому-нибудь проекту, самимъ собой и всѣмъ самымъ дорогимъ. Превосходно, хотя и нѣсколько шаблонно, рисуетъ этотъ типъ въ своихъ многочисленныхъ сочиненіяхъ Жюль Вернъ, схватывая съ свойственнымъ ему юморомъ и его каррикатурныя разновидности, — человѣка, одержимаго навязчивой идеей, изобрѣтателя perpetuum mobile и т. под., — характерный современный типъ мужчины-маніака.

Въ области чисто технической — механическій анализъ и оцѣнка впечатлѣній болѣе свойственны мужчинѣ. Я наблюдалъ, что женщины, какъ это ни странно, гораздо менѣе мужчинъ способны къ безошибочному опредѣленію статическихъ условій на первый взглядъ, по простому чутью, глазомѣромъ или, вѣрнѣе, осязательнымъ и мускульнымъ чутьемъ; и дѣло тутъ не только въ способности соображенія. Въ опредѣленіи степени крѣпости нитки или проволоки мужчина рѣже ошибется, чѣмъ женщина.

Въ какой мѣрѣ наука о жизни — біологія, представителемъ которой можетъ считаться Пастеръ (рис. 80), теорія ученія о бактеріяхъ — или наука о неодушевленной природѣ болѣе свойствена мужской природѣ, — общее рѣшеніе этого вопроса трудно дать, съ тѣхъ поръ какъ и біологія развилась изъ чисто созерцательной и описательной науки въ науку, оперирующую изслѣдованіемъ причинъ. Среди врачей, не считая ученыхъ, чистыхъ теоретиковъ медицины, можно различить два типа: мужской, — тотъ, который ближе къ ученому теоретику и полководцу, который своей чуждой состраданія объективностью, не считающейся съ субъективнымъ страданіемъ отдѣльнаго лица, глубоко проникаетъ въ вопросы физической сущности человѣка; другой женскій, — тотъ, который мягкой субъективной душой входитъ въ страданіе ближняго и, движимый инстинктивной сердечной потребностью найти и принести исцѣленіе, достигаетъ торжества діагностики и терапіи.

Рис. 79. Вернеръ Сименсъ.

Почти такъ же часто спорятъ нынче изъ педагогическихъ соображеній о степени и характерѣ спо-

собностей обоихъ половъ къ математикѣ. Здѣсь еще больше, чѣмъ въ другихъ областяхъ, приходится дѣлать выводы о мужскихъ особенностяхъ изъ того, что писалось о математическихъ способностяхъ женщины. Результаты этого трудно изложить съ удовлетворительной ясностью для широкихъ читательскихъ круговъ. Ньютонъ (рис. 81) не лишенъ былъ, пожалуй, нѣкоторыхъ женскихъ чертъ, другимъ — какъ, напр., знаменитый математикъ Гауссъ — онѣ были совершенно чужды.

Мужскими являются также родственныя кое въ чемъ математикѣ шахматная игра, шашечная и карточная и вообще спеціальныя игры. Женщина гораздо менѣе нуждается въ играхъ, потому что элементы игры содержатся въ достаточной мѣрѣ въ такъ называемыхъ женскихъ рукодѣльяхъ, въ особенности же въ уходѣ за дѣтьми. У мужчины же игра отдѣляется отъ жизни по мѣрѣ того, какъ онъ переходитъ отъ примитивной дѣятельности — борьбы и охоты — къ дифференцированному труду. Вотъ еще одна особенность женственныхъ натуръ, также свидѣтельствующая объ антисоціальности ихъ: онѣ нисколько не задумываются испортить другимъ удовольствіе игры, прервавъ ее или нарушеніемъ правилъ игры, или произвольнымъ отказомъ продолжать ее, „потому что это вѣдь только игра“. Кромѣ способности соображенія, игра содержитъ еще элементы рыцарства, вплоть до реванша въ азартной игрѣ, котораго отъ дамъ, какъ извѣстно, не требуютъ. Люди, изучающіе дѣтскія игры, увлекающіеся ими и умѣющіе направить сообразно этому воспитаніе, принадлежатъ къ женскимъ натурамъ: Фридрихъ Фребель (рис. 82) отличался благороднѣйшей женственной душой. Современная же экспериментальная педагогика по своему существу мужской природы.

Изъ такъ называемыхъ гуманитарныхъ наукъ — объ отношеніи исторіи къ мужской природѣ мы уже достаточно сказали.

Въ отношеніи языкознанія — филологіи — можно констатировать слѣдующее: изученіе грамматики языка (имѣющей близкое отношеніе къ логикѣ) относится къ мужскимъ свойствамъ человѣка, пластическій же способъ изученія съ помощью глаза и уха, съ помощью подражательной способности воспроизведенія произношенія, примѣненія и словоупотребленія — къ женскимъ. Не одними только случайными историческими причинами объясняется и то, что мертвые языки (латинскій и греческій) — для нашихъ современныхъ поколѣній, памятники творчества въ области эпоса, драматургіи, философіи, исторіи, ораторскаго искусства — до сихъ поръ представляютъ почти исключительно предметъ преподаванія для мужского пола. Независимо даже отъ предметовъ, все гуманистическое отношеніе къ древности принадлежность мужского пола; всѣ подробности античной жизни привлекательны для истинно мужского ума именно своей отдаленностью и практической ненужностью; для женщины же все это „слишкомъ старая исторія“, исторія литературы новѣйшей эпохи женственному уму ближе и интереснѣе. Наконецъ, толкованія (комментаріи) и т. п. вполнѣ отвѣчаютъ свойствамъ мужского ума, вслѣдствіе его глубокаго уваженія къ слову, какъ выраженію понятія, что такъ чуждо женщинѣ, умъ которой живетъ созерцаніемъ.

Въ области экономической жизни мужскія свойства направились преимущественно на продуктивность, на добываніе, какъ на сферу дѣятельности болѣе сложную и широкую, женскія же свойства больше на потребленіе, на превращеніе добытаго въ годныя для употребленія формы.

Самая чистая форма экономической профессіи — коммерція — содержитъ и женскіе, и мужскіе элементы; женскіе — поскольку купецъ своимъ тонкимъ чутьемъ предусматриваетъ и угадываетъ потребности и вкусы покупателей и приноровляется къ нимъ; мужскіе — поскольку коммерція приближается по формѣ къ предпріятію и часто требуетъ мужской рѣшительности, борьбы и безпощадности. Свойства экономической науки — мужской природы, что видно изъ ея другого названія — политической экономіи. Но какъ и среди врачей, среди политико-экономовъ есть люди, сосредоточивающіе вниманіе только на принципіальныхъ и общихъ вопросахъ науки и, на ряду съ ними, и такіе, которые отдались политической экономіи потому, что имъ по-женски дорого благо ближняго, и они болѣютъ сердцемъ отъ страданій его. Женскій элементъ содержитъ въ себѣ соціалистическія, коммунистическія, анархистскія стремленія, потому что всѣмъ имъ — отвергаютъ ли они государство или дѣлаютъ его Богомъ — свойственна одна общая черта: въ основѣ ихъ

лежитъ сочувствіе страданію, бѣдственному положенію индивидуума, и всѣ они видятъ свою цѣль въ томъ, чтобы сдѣлать эго положеніе пріятнѣе, счастливѣе. Страдая отъ „противорѣчій экономической жизни“ по-мужски, всѣ эти утописты ищутъ преимущественно женскую форму положить конецъ этимъ страданіямъ; чисто мужскими были бы формы политическаго вмѣшательства или полнаго философскаго отреченія отъ счастья; карикатурной формой мужского отношенія является бюрократизмъ, который, будучи неспособенъ къ благородному подъему, такъ погруженъ и влюбленъ въ доходящія до абсурда противорѣчивыя частности, что съ полнымъ удовлетвореніемъ живетъ и дѣйствуетъ среди нихъ и въ полномъ сознаніи всей сложности ихъ структуры спокойно оперируетъ надъ тѣмъ, что отдано въ его руки.

Среди юристовъ несомнѣнно встрѣчаются тѣ же два типа, что среди врачей и политико-экономовъ.

Безспорно, основная задача права — постоянное согласованіе блага и страданій личности съ требованіемъ общаго блага. Нельзя быть хорошимъ юристомъ безъ субъективнаго проникновенія въ душу заинтересованнаго лица, безъ представленія о томъ, что ты чувствовалъ бы самъ на мѣстѣ прибѣгающаго къ правосудію, о томъ, чего бы ты самъ хотѣлъ, что считалъ бы справедливымъ, достойнымъ и правильнымъ. Есть кое-что женское и въ стремленіи осуществить интересы пострадавшаго лица, противопоставивъ ихъ окаменѣлости закона, а въ спорномъ случаѣ и поставить ихъ впереди, согласно принципу: „чувство законности выше нормъ закона“. Мужской элементъ право содержитъ постольку, поскольку оно освобождаетъ рѣшеніе вопроса о нравственномъ отъ чувства, добывается объективности закона и находитъ ее именно въ томъ, что не отождествляетъ истинное право съ субъективно желательнымъ, — что достигается только путемъ долгаго размышленія, взвѣшиванія множества другъ другу противорѣчащихъ соображеній, большей частію путемъ мучительной жертвы чьими-нибудь интересами, окольнымъ путемъ черезъ систему различныхъ понятій.

Рис. 80. Луи Пастеръ.

Чуткій женскій умъ умѣетъ находить удовлетворительный отвѣтъ на нравственные вопросы, проникая искусными созерцаніями, счастливымъ чутьемъ въ самую сущность общей картины, — и юристы съ женскимъ душевнымъ складомъ, можетъ быть, преимущественно работаютъ такъ, что систематическое обоснованіе вырабатываютъ уже впослѣдствіи, примѣняя его для провѣрки, а не вырабатываютъ для руководства заранѣе. Болѣе грубый женскій умъ довольствуется, если его поступки соотвѣтствуютъ правамъ, — которыя представляютъ собой внѣшнее выраженіе нравственности, — если онъ поступаетъ такъ же, какъ другіе, — главное, въ согласіи съ обычаями. Или же, если человѣкъ менѣе щепетильно терзается сомнѣніями и просто поддается непосредственному чувству, онъ восклицаетъ: „Отстаньте вы отъ меня съ вашимъ юридическимъ крючкотворствомъ, — такъ и такъ подсказываетъ мнѣ сердце, такъ это и быть должно“. Если ему возразять на это: „Но тогда пришлось бы въ такомъ-то случаѣ рѣшить вотъ такъ, а въ такомъ вотъ какъ, иначе“, — у него тотчасъ же готовъ отвѣтъ: „Другіе случаи меня сейчасъ не интересуютъ“; возраженія ему кажутся злостнымъ сбиваніемъ съ толку, коварнымъ искусительствомъ. (То же наблюдается и въ другой области. Опыту и математическимъ вычисленіямъ, мѣняющимъ данное положеніе, женскій умъ такъ же противится, какъ и обсужденію юридическаго случая.) Чуткій женскій умъ чувствуетъ это, образно постигаетъ это, мужской представляетъ себѣ возможность того, что другіе — особенно потерпѣвшіе отъ такого рѣшенія — могутъ чувствовать совершенно иначе и съ тою же силой внутренняго убѣжденія; мужской умъ мыслью постигаетъ различіе между „матеріальнымъ“ содержаніемъ чувства справедливости, могущимъ быть неодинаковымъ въ душѣ многихъ лицъ, и „формальнымъ“ внутреннимъ подтвержденіемъ со сто-

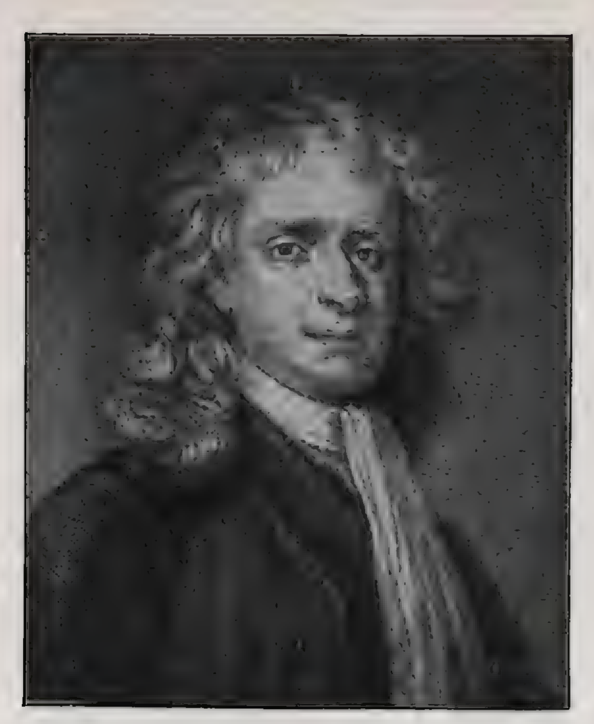

Рис. 81. Исаакъ Ньютонъ.
По портрету работы Э. Зеемана..

роны совѣсти, которое съ одинаковой силой можетъ примкнуть къ различному содержанію; такимъ образомъ, онъ приходитъ къ выводу, что истиннымъ правомъ могутъ быть только тѣ правовыя убѣжденія, къ которымъ всегда и вѣчно у всякаго разумнаго существа присоединится это подтвержденіе внутренняго голоса, — это идея естественнаго права. Она неправильна, или, вѣрнѣе, она неосуществима, потому что такого общаго содержанія права не можетъ быть въ смѣнѣ историческихъ переживаній; но она представляетъ собой идеалъ, съ точки зрѣнія котораго право можетъ быть мыслимо, какъ нѣчто объективное, служащее обществу и идеѣ, стоящее выше чувства и случайнаго усмотрѣнія отдѣльной личности.

А на ряду съ идеей естественнаго права и въ тѣснѣйшей связи съ ней, существуютъ вторая и третья сферы права, которыя должны быть отведены спеціально мужской природѣ и мужскими представителями которой являются системы законодательства и суда. Женственность могла бы вполнѣ обойтись безъ этихъ учрежденій, потому что правое, законное опредѣляетъ она, истолковываетъ она; съ ея точки зрѣнія это вполнѣ послѣдовательно, логически, потому что если правдивый голосъ ея чистой, одушевленной всѣмъ благороднымъ и добрымъ, совѣсти безошибочно внушаетъ ей, гдѣ право, зачѣмъ же ей этотъ окольный путь, зачѣмъ ей допускать третье лицо уяснять ей то, что она уже знаетъ? Зачѣмъ ей косвенно создавать затрудненія въ запутанной формѣ, нуждающейся въ расшифрованіи, когда оно непосредственно и немедленно можетъ быть выражено ясно и просто? Зачѣмъ вмѣсто одного движенія руки, которое, навѣрное, принесетъ правильный результатъ, сложная работа, изъ которой, въ лучшемъ случаѣ, получится правильный результатъ? Вѣдь такъ, какъ она сама, не можетъ рѣшить никакое третье лицо, ни одинъ судья не можетъ вникнуть въ сущность дѣла, такъ всѣмъ существомъ почувствовать, что необходимо: вѣдь это не его дѣло?

Мужчина же считаетъ, напротивъ, необходимымъ привлечь посредниковъ для сохраненія и осуществленія моральной идеи, хотя онъ, навѣрное, находитъ право и въ собственной душѣ; онъ находитъ необходимымъ посредниковъ въ видѣ установленій суда и законодательства, въ которыхъ должна воплотиться объективность права — вѣдь только они и могутъ символизировать ее (критика мужского воззрѣнія съ женской точки зрѣнія) — и должна быть преодолѣна субъективность, въ которой (въ силу рѣшенія, въ силу окончательнаго сочувствія къ одной сторонѣ и несочувствія къ другой)

Рис. 82. Фр. Фребель.
По литогр. П. Рорбаха въ изд. Шредера въ Берлинѣ.

посредствующее лицо только и можетъ вѣдь найти право. Мужчина одинъ считаетъ желательнымъ и необходимымъ, чтобы право исходило изъ третьяго источника; онъ одинъ сумѣлъ и пожелалъ свыкнуться съ тройственнымъ отношеніемъ, которое и представляетъ собой право. Женщина понимаетъ и признаетъ только двойственныя отношенія, отношенія между однимъ и другимъ лицомъ: отношенія любви и ненависти. Женскому уму доступны, такимъ образомъ, война и бракъ; тяжба же, дающая преступному нарушителю права оружіе для защиты въ руки и наносящая потерпѣвшему, невинно пострадавшему дальнѣйшую обиду задерживаніемъ рѣшенія, обиду, не вполнѣ поправимую путемъ возмѣщенія расходовъ и судебныхъ издержекъ — это явленіе (тяжба, судебный процессъ) представляетъ собой порожденіе мужского склада ума. Точно такъ же, только мужской умъ способенъ различать понятія права, устанавливающаго наказуемость и вознагражденіе потерпѣвшей стороны („матеріальное право“) и судопроизводства, процесса („формальное право“). Женственность никогда добровольно не соглашается понять, почему бы ей — разъ она права — по-просту не отнять у противника спорный предметъ; не согласится понять и того, почему она обязана подчиниться всѣмъ правиламъ судопроизводства и не можетъ просто отбросить тѣ, которыя ей не подходятъ, зачѣмъ продѣлывать всѣ лишнія подробности игры, почему ей не позволить прямымъ и кратчайшимъ путемъ придти къ справедливому и неизбѣжному, вѣдь и по закону, результату.

Рис. 83. Платонъ.
По античному бюсту, хранящ. въ стар. музеѣ въ Берлинѣ.

Равенство оружія, принципъ всякаго судопроизводства, по оцѣнкѣ женскаго ума, не имѣетъ справедливаго основанія. Самый звукъ слова напоминаетъ мужскія свойства, борьбу и рыцарскій духъ. Тяжба и законъ, какъ форма честной борьбы — принадлежность мужчины; упрочить честность и обезоружить злодѣяніе — вотъ дѣло суда. Потребность женской души — боготворить и быть боготворимой, уничтожать и быть уничтоженной, блаженствовать и искупать; потребность судить и быть судимымъ — свойство мужской души. Мужское свойство также — смотрѣть на ту невѣроятную справедливость, которая ничего общаго не имѣетъ съ любовью, какъ на высшую добродѣтель, основу всѣхъ добродѣтелей; мужское свойство — чувство отвѣтственности передъ судомъ и закономъ (не только внутри собственной души) и чувство судейской отвѣтственности, которая, не отступая передъ субъективной совѣстью, все же имѣетъ своей высшей цѣлью не конкретное начальство, а абстрактную идею. Право организуетъ и очерчиваетъ каждой отдѣльной личности и каждой группѣ ея кругъ дѣйствій, отводитъ каждой ея мѣсто и роль; право есть воплощеніе добра въ томъ, чего не вѣдаютъ нравственность и нравы — въ государствѣ; слѣдовательно, оно почти всецѣло принадлежность мужского склада. Королемъ можетъ быть женщина, но судьей — одинъ мужчина.

Въ религіи мужчина всегда былъ слабѣе, въ философіи сильнѣе женщины; это легко объясняется тѣмъ, что въ религіи преобладаютъ понятія красоты, въ философіи основныя понятія построеній; религія ищетъ итога міропредставленія, выливая его въ картину, философія — путемъ расчлененія его и составленія стройнаго цѣлаго. Религія непосредственно вытекаетъ скорѣе изъ жажды благороднаго, добраго, прекраснаго; философія — изъ жажды знанія. И та, и другая стремятся познать крайнюю глубину, безконечное; но религія прозрѣваетъ безконечное непосредственно, философія же стремится добраться до него черезъ длинный и сложный строй причинъ.

Тутъ открывается пресловутая пропасть между мужской логикой и женской нелогичностью. Для мужчины нѣтъ ничего цѣннѣе логическаго довода. Мужчина видитъ отдѣльные факты и причины порознь и въ ихъ послѣдовательности, и отъ ихъ сопоставленія, въ особенности же отъ того, что они складываются все въ новыя и новыя построенія, одно драгоцѣннѣе другого, каждый отдѣльный доводъ и съ усиліемъ воздвигнутое изъ нихъ цѣлое — „выводъ" пріобрѣтаетъ свою цѣнность. Женщина съ перваго взгляда охватываетъ цѣлое и въ то же время взвѣшиваетъ его цѣнность, — и если она освоилась и увѣровала, ей не нужно доводовъ, если нѣтъ — всякіе доводы напрасны. Поэтому она кажется мужчинѣ недовѣрчивой и лишенной независимости мысли, склонной къ слѣпой вѣрѣ въ авторитетъ; онъ забываетъ при этомъ, что диспутъ — мужская форма познаванія и общественности. Б. Гольцъ остроумно рисуетъ положеніе мужчины въ безполезномъ диспутѣ съ женщиной. Женщина склонна даже отвергать доводы вообще, какъ путь безнравственный, потому что ей, въ сущности, понятно только практическое примѣненіе доводовъ, какъ оправданіе, — точнѣе, какъ отговорка, какъ увертка.

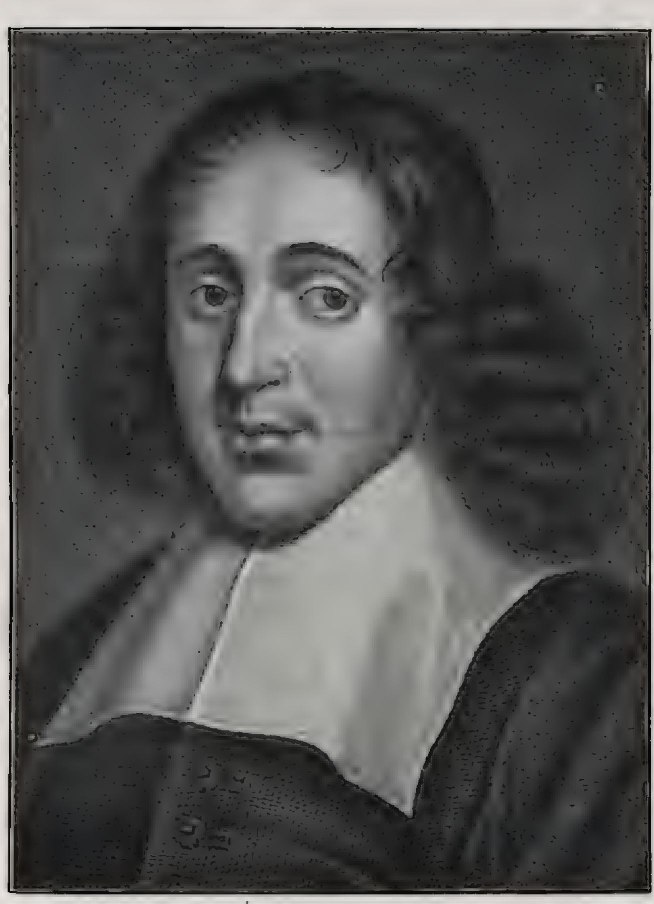

Рис. 84. Спиноза. По гравюрѣ Г. Липса.

Религія подходитъ къ женщинѣ, потому что изъ этого міра борьбы и зла она указываетъ путь къ блаженству, рисуетъ матеріальный образъ загробной жизни и учитъ тому, какъ достигнуть ея — т. е. даритъ „дѣйствительное избавленіе отъ этой юдоли скорби". Философія же именно въ этомъ пунктѣ доступна только мужскому душевному складу, такъ какъ она видитъ конечную цѣль всего только въ абсолютной идеѣ, которая иногда не можетъ соотвѣтствовать осязательной дѣйствительности. Эта идейность составляетъ сущность и главное содержаніе ученія Платона (рис. 83), который долженъ быть признанъ, на ряду съ Аристотелемъ, величайшимъ философомъ древности. Религія, имѣющая женскій характеръ, тѣснѣйшимъ образомъ соприкасается здѣсь съ женственнымъ элементомъ въ политической экономіи, съ утопіей: говорятъ ли о „небѣ" или о „будущемъ государствѣ", — разница тутъ, въ концѣ концовъ, только въ словахъ, — а въ формулировкѣ „грядущее царство" полная тождественность выясняется съ несомнѣнностью. Сущность одна: прекращеніе борьбы и противорѣчій, торжество простого счастья, жизни мирной и покойной. На этомъ держится вѣра.

Совсѣмъ иное — философія, это олицетвореніе мужского донкихотства, въ самомъ названіи своемъ представляющая высшее знаніе, какъ „длительное, вѣчное, никогда неудовлетворимое стремленіе къ знанію"

и отрицающая самую возможность и даже цѣнность совершеннаго знанія; философія, которая учитъ тому, что покой, миръ, счастье, прекращеніе желаній, исчезновеніе всѣхъ противорѣчій, всякой борьбы — все это только идеалы, лежащіе въ безконечности, за предѣлами жизни и только тамъ и возможные,— и если бы они вошли въ конечное, это означало бы только утрату всего лучшаго, означало бы самую смерть. Если бы наступило счастье и миръ и покой, — что сталось бы съ благороднымъ стремленіемъ? Но еще опаснѣе счастье (блаженство въ смыслѣ благополучія), какъ идея: стремиться къ благополучію благоразумно, но хорошо ли? Такъ учитъ очень мужественный философъ Кантъ (рис. 85). Стремленіе къ добру не только отлично отъ стремленія къ счастью, къ пользѣ, но и противоположно ему; это разрывъ между идеаломъ и его существованіемъ, котораго никогда не признаетъ женскій умъ. Можетъ ли добро предстать въ иномъ видѣ, чѣмъ въ видѣ счастья? — спрашиваетъ онъ. Можешь ли ты отдѣлить въ своемъ собственномъ сердцѣ стремленіе къ счастью отъ стремленія къ добру? Развѣ не ищешь ты самъ удовлетворенія въ полномъ страданій исполненіи тяжелаго долга, блаженства въ мученичествѣ? Не кроется ли въ отверганіи счастья немножко самохвальства? Это противопоставленіе гетевскаго ума кантовскому. Изъ знаменитаго кантовскаго „категорическаго императива“ — „поступай всегда такъ, чтобы твое поведеніе могло быть принято въ основу общаго законодательства“ — видно, какъ онъ по-мужски опирается на государство и право. Вѣдь это значитъ, — говоритъ мужской умъ, говоритъ и самъ Кантъ, — вѣдь это значитъ прежде всего не нарушать миръ и покой другого, не вторгаться въ его сферу, проходить мимо него и всего, касающагося его, не затрагивая его, уважать и чтить его волю, какъ таковую, не заботясь о томъ, каково ея содержаніе; сохранить гордость въ собственной сферѣ, сохранить свое достоинство путемъ уваженія къ чужому достоинству, къ чужой личности. Таковъ мужской нравственный принципъ, который строго блюдется и въ обычныхъ отношеніяхъ между мужчинами, особенно между образованными.

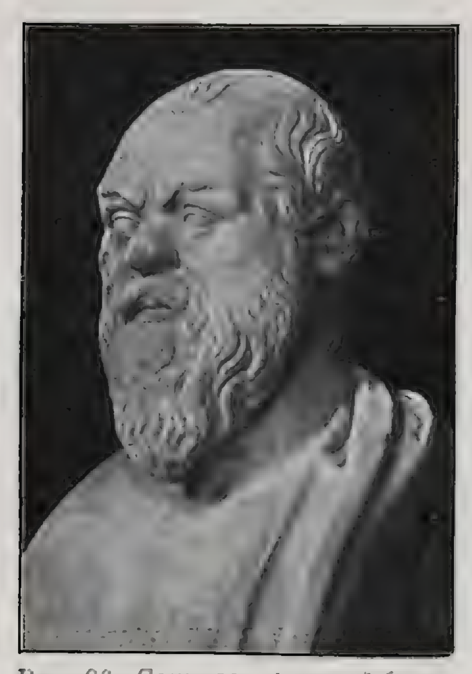
Рис. 85. Иммануилъ Кантъ.

Но тутъ вступаетъ женскій умъ. Возможно ли уваженіе безъ симпатіи и привязанности? Неужели вы, мужчины, дѣйствительно способны дойти до „чисто-формальнаго“ уваженія къ чужой волѣ, независимо отъ ея содержанія? Вѣроятно, это не серьезно, — вѣроятно, это тоже какая-нибудь „приблизительная цѣнность“, какое-нибудь „ограничительное понятіе“, „идея“ какая-нибудь, которой не намѣреваются осуществить. Вникнемъ: „не дѣлайте зла другъ другу, чтите, уважайте другъ друга“; развѣ это не значитъ: „войдите въ чувства и воспріятія (потому что это вѣдь и есть воля) другого, такъ чтобы другой сталъ какъ-будто вами самимъ... развѣ это не значитъ именно „любите другъ друга“? Любовь не горда, — отвѣчаетъ мужской умъ (женскій съ улыбкой киваетъ головой), — она не даетъ покоя другому, навязывается ему, она субъективна... Вѣдь основой добра должны быть честь и свобода и справедливость... Будетъ упомянута, конечно, воля, не зависимая отъ чувства и свободная отъ мысли объ успѣхѣ и цѣлесообразности, — и хотя бы міръ погибъ, мужской умъ всегда будетъ говорить устами своего Канта: „пусть прежде будетъ казненъ послѣдній оставшійся въ тюрьмѣ злодѣй, дабы каждому было воздано по его дѣяніямъ“.

Философъ по спеціальности, въ которомъ эта сторона мужского духа сильнѣе развивается, чѣмъ въ другихъ мужчинахъ, оказывается зато совершенно лишеннымъ другихъ мужскихъ чертъ:

рѣшительности, дѣйственности. Если въ политикѣ, въ солдатѣ глохнутъ способности соображенія, занимая подчиненное мѣсто въ отношеніи дѣйствій во имя цѣли, то у философа все сводится къ способности соображенія.

Таковъ шекспировскій Гамлетъ. Когда душу его потрясаетъ до самаго дна ужасное открытіе о томъ, какое гнусное предательство и убійство отняло у него отца, въ головѣ его зарождается по этому поводу множество самыхъ прекрасныхъ идей, богатый умъ его создаетъ хитроумнѣйшія комбинаціи, — нѣтъ въ немъ только одного: способности осуществить месть и завладѣть похищеннымъ у него трономъ. Таковъ былъ и Сократъ (рис. 86): когда Ксантипа выплескиваетъ ему на голову содержимое изъ котла, онъ находитъ остроту въ отвѣтъ, — и не подлежитъ сомнѣнію, что, если бы онъ засталъ ее въ объятіяхъ другого, это было бы для него только интереснымъ матеріаломъ для размышленій, какъ это и было дѣйствительно для Бержерэ, героя превосходнаго романа Анатоля Франса „Histoire contemporaine".

Рис. 86. Сократъ. Античный бюстъ.

И это мужское философское спокойствіе отнюдь нельзя объяснить какимъ-нибудь чрезвычайнымъ душевнымъ равновѣсіемъ, невозмутимымъ равнодушіемъ, воловьими нервами или лѣнивой неподвижностью. Наоборотъ, — немногіе реагируютъ внутренно съ такой силой, какъ философы — и эти немногіе именно вожди. Буря страшно бушуетъ въ душѣ философа, но бушуетъ внутри. Философъ нисколько не лѣнивъ и не малодушенъ, — наоборотъ, нѣтъ другого мужского типа, который превзошелъ бы философа въ способности создавать себѣ лишній трудъ, неудобства и опасности. Такъ, напримѣръ, знаменитый философъ Спиноза (рис. 84), добывавшій скудныя средства къ жизни шлифованіемъ оптическихъ стеколъ, отвергъ предложенную ему курфюрстомъ Пфальцскимъ профессуру въ Гейдельбергѣ, чтобы сохранить за собой полную свободу мыслить, и умеръ бѣднякомъ отъ легочной чахотки.

Только на одномъ пунктѣ онъ слабъ и неспособенъ: онъ не способенъ схватить, взять — ни въ борьбѣ, ни въ дѣлахъ; если смѣлое дерзновеніе вовлечетъ какъ-нибудь его самого въ предпріятіе до послѣдняго рѣшительнаго шага, непосредственно предшествующаго успѣшному завершенію, то этотъ моментъ несомнѣнно такъ заинтересуетъ его, что онъ весь углубится въ размышленія — вмѣсто того, чтобы использовать его. Вотъ почему онъ не приспособленъ для жизни. И для женщины также. Той и другой можно овладѣть, если сумѣть схватить ее, а не созерцая и размышляя надъ ней. Не надо думать, что онѣ ничего не значатъ для философа, — далеко нѣтъ: та и другая сильно волнуютъ его, заставляютъ его углубляться въ нихъ. Къ женщинѣ его такъ же страстно влечетъ, какъ и другихъ мужчинъ, и душу его глубоко волнуетъ идея о томъ, что женственность для мужчины міръ и спасеніе (гетевское — „Das Ewig-Weibliche Zieht

uns hinan"). Но онъ плохо преуспѣваетъ, разумѣется, — и тогда имъ овладѣваютъ другіе виды представленій: пессимистическія, съ точки зрѣнія которыхъ женщина безсмыслена и низменна, какъ жизнь. „Женщина горька" — заявляетъ тогда эта философія зеленаго винограда, — существо презрѣнное, ничтожное, само ничтожество.

Такъ, напримѣръ, Вейнингеръ всецѣло воскресилъ въ себѣ древнее сказочное представленіе, по которому женщина знаменуетъ собой ночь, смерть, порочное начало міра. Практически онъ приходитъ къ такому выводу, что самый ничтожный мужчина лучше наилучшей женщины, — тезисъ, нисколько не способный скрыть того факта, что и Вейнингеръ, подобно большинству другихъ философовъ, получаетъ свои результаты на почвѣ сравненія геніальной мужественности съ ординарной женственностью. Подобнымъ же образомъ пришелъ Мебіусъ къ своей теоріи „физіологическаго слабоумія женщины", и подобныя же сужденія, представляющія преимущественно брань, мы встрѣчаемъ и у Шопенгауэра и даже у Канта. Фатально, что до глубочайшаго проникновенія и систематическаго изображенія жизни женщины доходятъ только тѣ, кто неспособны къ пониманію ихъ и къ настоящему наслажденію, — и именно потому и доходятъ. И сообразно этому, философскія изображенія въ такой же мѣрѣ враждебны, въ какой художественныя восторженны. Философская критика женщины „мизогинна" (женоненавистническая). Научно устойчивая точка зрѣнія можетъ быть найдена, разумѣется, только на почвѣ критики этого женоненавистническаго разума; она доказываетъ, между прочимъ, что понятіе „физіологическое слабоуміе" не можетъ имѣть никакой цѣны, если его нельзя примѣнить къ обоимъ поламъ человѣчества вмѣстѣ. Она констатируетъ, далѣе, что творчески культурная дѣятельность мужчины выставляется ими на основаніи крайне односторонняго этически сужденія чѣмъ-то болѣе цѣннымъ, чѣмъ основы женской сущности, тогда какъ она есть только біологическое отличіе полового характера; къ этому надо добавить еще важное соображеніе, что женщина также способна — въ еще мало изслѣдованныхъ предѣлахъ — къ культурному творчеству съ помощью мужчины, воспользовавшись имъ какъ средствомъ. Величайшій прогрессъ человѣчества — быть можетъ, существеннѣйшій — созданъ совмѣстной и равномѣрной работой глубокаго мужского и глубокаго женскаго духа; это въ высшей степени вѣроятно, но возможно еще, къ тому же, что неоднократно женское вліяніе способствовало проведенію новыхъ взглядовъ:

Рис. 87. Конная статуя Коллеони.
Работы А. Вероккіо.

Ein edler Mann wird durch ein Wort
Der Frauen weit geführt...

(Одно слово женщины способно подвинуть благороднаго мужчину...)

Наконецъ, еще то должно быть принято во вниманіе, что при характеристикѣ всѣ склонны приписывать все доброе, прекрасное, сильное своей собственной индивидуальности, національности, расѣ, а также и своему полу. Склонность очень похвальная, вытекающая, конечно, изъ потребности дѣйствительно слиться со всѣмъ благороднымъ и отбросить отъ себя все низменное. Искреннее отношеніе къ себѣ самому должно присоединиться къ анализу и повліять такъ, чтобы не былъ упущенъ изъ виду не только идеальный, но по возможности и реальный характеръ. Благодаря этой искренности, Христосъ, — въ противоположность Павлу, также впадавшему въ переоцѣнку мужествен

пости, — видѣлъ въ человѣчествѣ бѣдныхъ, несчастныхъ созданій; передъ общей имъ всѣмъ равно потребностью въ спасеніи исчезали всѣ прекрасныя преимущества пола, состоянія, знанія, имущества и т. д. Этимъ предуказана та почва, на которой единственно возможно научное освѣщеніе половой проблемы. Философія, отвергающая женственность, страдаетъ прежде всего односторонней оцѣнкой мужественности, которую она навязываетъ женоненавистнику-философу, какъ мужественный типъ. Она забываетъ, что рыцарскій типъ — принадлежность мужественности столько же и, быть можетъ, больше, чѣмъ онъ; а рыцарь восхваляетъ женщинъ.

По фот. Фр. Ганфштенгля въ Мюнхенѣ.

Рис. 88. Вѣнокъ. По картинѣ П. Рубенса.

Глава пятая.

Мужчина въ дѣтствѣ.

(Д-ра философіи Теодора Геллера.)

Жизнь ребенка начинается въ тотъ моментъ, когда сѣмя и яичко сливаются въ утробѣ матери. Этимъ начинается тотъ поразительный процессъ оплодотворенія, состоящій главнымъ образомъ въ томъ, что яйцевая клѣтка дѣлится, распадается на группы клѣтокъ, изъ которыхъ все отчетливѣе и отчетливѣе развиваются части тѣла. Во время утробной жизни, т. е. въ періодъ беременности, плодъ представляетъ собой составную часть материнскаго организма; человѣческій плодъ получаетъ нужное ему количество кислорода изъ крови матери посредствомъ сосудовъ такъ называемаго дѣтскаго мѣста. Съ его помощью происходитъ также питаніе, при которомъ между дѣтской и материнской кровью идетъ необычайно оживленный обмѣнъ веществъ. Органы чувствъ функціонируютъ уже въ послѣдніе мѣсяцы беременности, — вначалѣ только низшіе органы чувствъ и прежде всего осязаніе. Холодъ, прикосновеніе вызываютъ характерныя вздрагиванія. Въ моментъ родовъ совершаются большія перемѣны: начинается нормальное легочное дыханіе и въ то же время закрываются сосуды, служившіе для дыханія плоду; новорожденный ребенокъ научается питаться черезъ ротъ, нормально переваривать пищу и регулировать собственную теплоту сообразно теплотѣ окружающаго внѣшняго міра.

Этимъ начинается младенческій періодъ, который въ

обычныхъ условіяхъ длится до девятаго мѣсяца жизни. Единственно естественное питаніе младенца — это молоко собственной матери; ближе всего къ нему подходитъ питаніе молокомъ чужой матери (кормилицы). Всѣ виды искусственнаго вскармливанія — только суррогаты; даже коровье молоко не пригодно для пищеваренія младенца въ своемъ первоначальномъ составѣ и должно быть предварительно подвергнуто различнымъ измѣненіямъ (дѣтское молоко). Такъ какъ соотвѣтствующіе искусственные пищевые продукты для младенцевъ очень дороги и потому недоступны несостоятельной части населенія, а въ городахъ не всегда возможно достать даже чистое и неподдѣльное коровье молоко, — нельзя удивляться тому, что огромное множество грудныхъ младенцевъ гибнетъ. Борьба съ дѣтской смертностью признана въ послѣднее время серьезной соціальной задачей, которой служатъ всевозможныя общества попеченія о младенцахъ почти во всѣхъ большихъ городахъ.

Душевная жизнь новорожденнаго сдѣлалась предметомъ тщательнаго изслѣдованія только въ послѣдніе нѣсколько десятковъ лѣтъ. Прежде довольствовались самыми странными толкованіями различныхъ движеній младенцевъ. Такъ, напримѣръ, знаменитый кенигсбергскій философъ Кантъ разсматривалъ первый крикъ ребенка, какъ выраженіе гнѣва и возмущенія. Другой ученый полагалъ, что крикъ ребенка вызванъ удовольствіемъ отъ освобожденія изъ недостойнаго девятимѣсячнаго заточенія. На самомъ же дѣлѣ крикъ ребенка вовсе не сознательный актъ, а врожденное ребенку рефлективное движеніе, такъ же, какъ и акты сосанія и глотанія, крайне важные для поддерживанія его жизни.

Что касается чувственныхъ воспріятій плода человѣка, то мы уже говорили, что онъ реагируетъ, т. е. отвѣчаетъ движеніями на нѣкоторыя осязательныя раздраженія (холодъ, прикосновеніе). У младенца же осязаніе развито поразительно неравномѣрно. Прикосновеніе къ лицу, напримѣръ, онъ несомнѣнно чувствуетъ, раздраженій же другихъ частей тѣла совсѣмъ не замѣчаетъ. Прикосновеніе къ губамъ тотчасъ же вызываетъ сосательныя движенія. Очень хорошо развито чувство вкуса. Пріятныя вкусовыя вещества вызываютъ сильныя сосательныя движенія, тогда какъ прикосновеніе къ губамъ невкусныхъ веществъ вызываетъ тѣ же мимическія движенія лица, что и у взрослыхъ, иногда даже очень явственныя гримасы. Новорожденныя дѣти несомнѣнно глухи, — вначалѣ ими остаются незамѣченными даже очень громкіе звуки. Обоняніе также, повидимому, развито очень слабо. Глаза функціонируютъ нормально, когда въ нихъ попадаетъ лучъ свѣта; зрачки сокращаются при свѣтѣ и расширяются въ темнотѣ. Чувствуетъ ли ребенокъ свѣтовыя впечатлѣнія — очень сомнительно. Многія новорожденныя дѣти косятъ, т. е. поворачиваютъ оба глаза разно, не въ ладъ, что часто пугаетъ неопытныхъ матерей. Но позднѣе, когда ребенокъ начинаетъ пользоваться глазами, какъ совокупнымъ зрительнымъ органомъ, косоглазіе проходитъ само собой.

Что несомнѣнно развито у новорожденнаго, — это его міръ чувствъ. Выраженія чувствъ тѣсно связаны съ инстинктомъ питанія. Громкій крикъ голоднаго ребенка представляетъ собой

выраженіе непріятнаго чувства; пріятное чувство сытаго младенца явственно можно прочесть въ игрѣ его лица. (Очень наглядно изображено это выраженіе удовлетворенности въ лицѣ младенца на картинѣ Биндера: „Ромулъ и Ремъ“, рис. 89.) Чувство боли также уже существуетъ у новорожденнаго. Очень велика у нихъ потребность сна. Здоровый ребенокъ спитъ въ первое время почти непрерывно, за исключеніемъ того времени, когда онъ принимаетъ пищу. Тѣ дѣти, которыя въ первые дни жизни мало спятъ и часто кричатъ безъ причины, въ большинствѣ случаевъ больны и требуютъ тщательнаго медицинскаго изслѣдованія, хотя бы наружно въ нихъ ничего не было замѣтно.

Вѣсъ тѣла новорожденнаго ребенка равняется тремъ килограммамъ. Въ первые дни жизни вѣсъ тѣла нѣсколько уменьшается, но вскорѣ снова возстановляется. Нормальный доношенный ребенокъ имѣетъ приблизительно 50 сантиметровъ длины. Въ первый годъ жизни тѣло прибываетъ въ вѣсѣ и увеличивается въ ростѣ сравнительно больше, чѣмъ въ слѣдующіе годы; здоровый ребенокъ долженъ увеличиваться къ концу перваго года жизни не меньше, чѣмъ на 6 килогр. въ вѣсѣ и приблизительно на 20 сант. въ длину (т. е. имѣть не меньше 9 килогр. и 70 сант.).

Рис. 89. Ромулъ и Ремъ.
По картинѣ Іос. Биндера.

По вопросу о развитіи органовъ чувствъ ребенка въ первые мѣсяцы жизни знаменитымъ ученымъ В. Прэйеромъ сдѣланы были изслѣдованія, по точности и надежности еще никѣмъ не превзойденныя. Въ виду этого мы будемъ руководиться въ дальнѣйшемъ изложеніи его данными.

Чрезвычайно важное значеніе для душевной жизни ребенка имѣетъ направленіе взгляда на опредѣленные предметы. По авторитетному мнѣнію самого Вильгельма Вундта, параллельно способности фиксированія глазъ на опредѣленныхъ предметахъ идетъ развитіе основной душевной способности — вниманія. Можно сказать, что ребенокъ опредѣленно смотритъ на предметъ не раньше, чѣмъ научится правильно фиксировать глаза. Эту способность Прэйеръ констатировалъ у своего ребенка на двадцать-третій день его жизни. Въ этотъ день ребенокъ слѣ-

дилъ глазами за передвигаемой горящей свѣчой, при чемъ лицо его пріобрѣло вдругъ поразительно осмысленное выраженіе, какого до сихъ поръ онъ въ немъ не наблюдалъ.

Умѣнье схватить предметъ имѣетъ также огромное значеніе для развитія дѣтскаго сознанія. Вначалѣ младенецъ шевелитъ руками совершенно безпорядочно и безцѣльно. Нерѣдко случается, что при этихъ безпорядочныхъ движеніяхъ онъ больно ушибетъ или оцарапаетъ себѣ лицо, послѣ чего громко выражаетъ свое непріятное чувство. Весьма вѣроятно, что схватываніе и сжиманіе относится къ рефлективнымъ движеніямъ. Ребенокъ Прэйера крѣпко сжималъ его палецъ на пятый день отъ роду, а на седьмой день онъ такъ же крѣпко охватилъ пальцами ноги вложенный въ нихъ тонкій карандашъ. При этихъ движеніяхъ большой палецъ совсѣмъ не принимаетъ участія или принимаетъ чуть замѣтное. Только на сорокъ-третьей недѣлѣ жизни Прэйеръ могъ констатировать, что его ребенокъ схватилъ обѣими руками рожокъ и поднесъ его ко рту. Наблюденія надъ движеніями ребенка показываютъ, что онъ первоначально не имѣетъ никакого представленія о разстояніи. Ребенокъ протягиваетъ руку ко всѣмъ предметамъ, даже очень отдаленнымъ; только впослѣдствіи онъ начинаетъ различать двѣ группы предметовъ — такіе, которые можно достать, и такіе, которыхъ нельзя достать, — только послѣ долгаго опыта въ разсматриваніи близкихъ и далекихъ предметовъ. Такимъ образомъ, движенія рукъ играютъ несомнѣнно большую роль въ дѣлѣ развитія и освоиванія зрѣнія съ пространствомъ.

Но и независимо отъ этого, движенія рукъ имѣютъ огромное значеніе для развитія сознанія ребенка, такъ какъ тутъ соединяются для совмѣстной работы нѣсколько областей чувствъ. Видѣнные ребенкомъ предметы, которые ему захотѣлось взять, создаютъ въ немъ идею цѣли, которая укрѣпляется затѣмъ въ сознаніи въ теченіе слѣдующаго акта. Полученное посредствомъ зрѣнія впечатлѣніе вызываетъ опредѣленныя двигательныя представленія, направленныя на достиженіе цѣли, а слѣдствіемъ ея являются въ свою очередь опредѣленныя двигательныя и осязательныя ощущенія. Такъ какъ при этомъ работа распространяется не на одинъ чувствительный центръ, а на нѣсколько (зрительный, двигательный, озязательный центры), то она предполагаетъ существующую между этими центральными пунктами связь въ мозгу. Значеніе этого процесса уяснится намъ вполнѣ, когда мы вспомнимъ, что самая изумительная работа человѣческаго ума основана именно на этомъ тѣсномъ взаимодѣйствіи центральныхъ пунктовъ. Движеніе, направленное на опредѣленную цѣль является въ этомъ смыслѣ прообразомъ будущей ассоціаціонной дѣятельности нервной системы человѣка, достигающей впослѣдствіи все большаго и большаго развитія.

Глухота новорожденнаго ребенка длится недолго. Уже по истеченіи первой недѣли жизни можно наблюдать, что ребенокъ при громкомъ шумѣ возбужденно хлопаетъ вѣками. Позднѣе развивается расположеніе къ пріятнымъ звукамъ, что выражается въ обычномъ выборѣ первыхъ игрушекъ (колокольчиковъ, бубенцовъ, трещотокъ), Успокоительное дѣйствіе пѣнія также доказываетъ, что маленькія дѣти воспріимчивы къ зву-

камъ, хотя едва ли можно думать, что они умѣютъ различать ихъ. Довольно быстро развивается также обоняніе. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что маленькія дѣти руководятся обоняніемъ при отысканіи материнской груди и рожка.

Рис. 90. Ребенокъ. Луки делла Роббіа.

Гигіена младенческаго возраста представляетъ собой предметъ чрезвычайной важности, но здѣсь мы вынуждены ограничиться разсмотрѣніемъ его въ самыхъ краткихъ чертахъ. Нѣтъ другого періода жизни, въ которомъ совершалось бы столько грѣховъ въ отношеніи здоровья дѣтей, чреватыхъ тяжелыми послѣдствіями. Старые предразсудки, любовь къ покою, въ огромномъ же большинствѣ случаевъ соціальныя причины, обусловливающія невозможность достаточнаго ухода и надзора за маленькими дѣтьми, являются виною самыхъ разнообразныхъ упущеній и промаховъ. Прежде всего, обычная одежда младенцевъ крайне нецѣлесообразна, а очень часто и прямо вредна для здоровья. Спеленываніе такъ называемыми свивальниками стѣсняетъ всякое свободное движеніе и лишаетъ возможности правильно слѣдить за чистотой; слѣдствіемъ этого бываютъ очень частыя покраснѣнія и изъязвленія кожи, крайне болѣзненныя у маленькихъ дѣтей На рис. 90 мы видѣли извѣстнаго „Ребенка“ Луки делла Роббіа; изъ художественныхъ соображеній здѣсь одежда младенцевъ изображена нѣсколько иначе: грудь и руки свободны, нижнія конечности обвиты свивальникомъ слабо. Вслѣдствіе этого картина производитъ впечатлѣніе свободы и нестѣсненности и возбуждаетъ въ зрителѣ доброе и ласковое чувство. Если бы художникъ вздумалъ представить ребенка въ обычномъ скованномъ видѣ, онъ не достигъ бы художественнаго впечатлѣнія! — У англичанъ система пеленанія такова, что не стѣсняетъ свободу движеній ребенка и даетъ возможность слѣдить во всякое время за его чистотой; тамъ введены „конвертики“ во всѣхъ пріютахъ и родовспомогательныхъ заведеніяхъ, а у насъ они почему-то никакъ не могутъ прочно привиться даже въ состоятельныхъ кругахъ.

О питаніи младенца мы уже говорили. Совершенно независимо отъ принятія пищи, младенцамъ даютъ часто въ ротъ сосокъ, похожій на грудной, который они сосутъ впустую, впадая въ дремотное состояніе и переставая кричать. Но крикъ здороваго ребенка представляетъ собой простое выраженіе инстинкта движенія, своего рода легочную гимнастику — и потому ему вовсе не слѣдуетъ препятствовать. Но если пригодность резины, какъ матеріала, изъ котораго изготовляются соски, больше чѣмъ сомнительна, то соски, скручиваемые изъ полотняныхъ тряпочекъ, и совсѣмъ вызываютъ тяжелый вредъ для здоровья. Вдобавокъ, эти соски пропитываются часто нечистой сахарной водой или даже алкоголемъ, — случается, даже опіатами; послѣднее, какъ говорятъ, общеупотребительно среди славянскаго населенія сѣверо-западной Венгріи, среди словаковъ.

Есть еще одна крайне вредная подробность ухода за младенцами, которая, къ счастью, уже выводится по-немногу. — Это укачиваніе дѣтей. Укачиваніе вызываетъ головокруженіе у малютокъ, — только поэтому они бы-

стрѣе засыпаютъ отъ укачиванія въ колыбели или на рукахъ. Привыкаютъ они къ этому очень быстро и становятся очень безпокойны, когда ихъ лишаютъ успокоительнаго средства. Много бѣдъ причиняетъ дѣтямъ это укачиваніе, — извѣстно даже не мало случаевъ легкаго сотрясенія мозга.

Младенческій періодъ кончается обыкновенно на десятомъ мѣсяцѣ жизни. Появленіе первыхъ зубовъ знаменуетъ собой отнятіе отъ груди. Число молочныхъ зубовъ меньше числа постоянныхъ — двадцать вмѣсто тридцати-двухъ. Первыми прорѣзываются два нижнихъ среднихъ рѣзца, за которыми слѣдуетъ, приблизительно черезъ четыре недѣли, пара верхнихъ среднихъ; послѣ появленія всѣхъ рѣзцовъ начинаютъ прорѣзываться коренные зубы. Въ нормальныхъ условіяхъ процессъ прорѣзыванія зубовъ заканчивается въ половинѣ или къ концу третьяго года жизни. Прорѣзываніе зубовъ и связанный съ этимъ переходъ отъ жидкой къ твердой пищѣ является для нѣкоторыхъ дѣтей критическимъ моментомъ; если дѣти страдаютъ общей слабостью или склонны къ рахиту или золотухѣ, то въ этотъ переходный періодъ являются значительныя разстройства кишечника, иногда и судороги, которыя носятъ въ народѣ названіе „младенческихъ“.

Въ этотъ періодъ ребенокъ пріобрѣтаетъ тѣ двѣ важныя способности, которыми человѣкъ отличается отъ животныхъ: онъ научается ходить въ вертикальномъ положеніи тѣла и говорить.

Не простая случайность то, что пріобрѣтеніе этихъ способностей такъ близко совпадаетъ по времени. Ходьба и рѣчь представляютъ собой двигательную работу, которая состоитъ изъ отдѣльныхъ движеній, опредѣленно и закономѣрно связанныхъ между собой; та и другая исходятъ изъ одного и того же центра, только изъ различныхъ участковъ его. Повидимому, правильная работа ходьбы является важнымъ возбудителемъ и тѣхъ участковъ центральной площади движенія, которые завѣдуютъ рѣчью. Мнѣ много разъ случалось наблюдать, что у больныхъ дѣтей одинаково запаздываетъ и ходьба, и рѣчь. У многихъ сильно отставшихъ въ умственномъ развитіи дѣтей нерѣдко наблюдалось, что они начинали говорить послѣ того, какъ съ врачебной помощью начинали ходить.

Ходьбѣ дѣти научаются не непосредственно, — ей предшествуютъ обыкновенно извѣстныя предварительныя упражненія; дѣти пробуютъ стоять прямо, большей частію ползаютъ по полу въ стремленіи къ какой-нибудь цѣли, — причемъ вначалѣ они сгибаютъ и вытягиваютъ обѣ ноги въ одно и то же время и только потомъ научаются двигать ими поочередно, какъ того требуетъ ходьба. Мы видимъ, что дѣти вначалѣ отдѣльно упражняютъ обѣ составныя части настоящей правильной ходьбы — прямое положеніе тѣла и поочередное движеніе той и другой ноги. Ясно, что это очень цѣлесообразный путь, — благодаря этому, дѣти довольно быстро осваиваются съ самостоятельной ходьбой, едва преодолѣваютъ страхъ.

Собственному обладанію рѣчью у всѣхъ дѣтей предшествуетъ такой періодъ, когда они понимаютъ то, что имъ говорятъ — въ предѣлахъ ихъ умственнаго развитія, — но сами еще говорить не умѣютъ. Звуковой рѣчи также почти всегда предшествуетъ

жестикуляція. Въ извѣстномъ смыслѣ даже крикъ ребенка уже представляетъ собою рѣчь; разумѣется, въ немъ не выражаются представленія, но чувства проявляются все же. Достаточно вспомнить, насколько различно звучитъ голосъ ребенка, когда онъ „оретъ“ отъ голода или боли, или когда онъ, сытый и довольный, „воркуетъ“. Мало-по-малу крикъ переходитъ въ лепетъ; ребенокъ произноситъ — вначалѣ, правда, случайно — членораздѣльные звуки, которые и повторяетъ, играя, еще не связывая съ ними смысла и значенія.

Ребенокъ не самъ создаетъ дѣтскій языкъ, скорѣе онъ создается окружающими его взрослыми, которые влагаютъ въ тѣ или иныя звуковыя соединенія извѣстный смыслъ и упрочиваютъ ихъ въ немъ путемъ повторенія и упражненія. При этомъ первыя слова ребенка являются скорѣе обозначеніемъ его желаній и стремленій, чѣмъ названіемъ предметовъ. Постепенно только вырабатывается такъ называемая „интеллектуализація языка“, когда чувственный характеръ первыхъ словъ ослабляется и на первый планъ выступаютъ обозначенія предметовъ и отношеній. Затѣмъ дѣтскій языкъ все больше обогащается и совершенствуется. Вначалѣ они произносятъ только отдѣльныя слова, причемъ трудные звуки выпускаютъ, замѣняя ихъ другими, болѣе легкими; потомъ они начинаютъ составлять простыя предложенія путемъ помѣщенія рядомъ нѣсколькихъ словъ безъ соединительныхъ частей и безъ согласованныхъ окончаній. Гораздо позже только ребенокъ научается составлять правильныя предложенія.

У маленькихъ дѣтей обыкновенно очень велика потребность въ рѣчи. Очень часто они долго разговариваютъ, изливая цѣлые непрерывные потоки настоящей тарабарщины, — при этомъ по нимъ ясно видно, что эта игра доставляетъ имъ истинное удовольствіе.

Овладѣвъ рѣчью, ребенокъ получаетъ важнѣйшее орудіе для усовершенствованія своего ума. Дѣло не только въ томъ, что отнынѣ становится возможнымъ его обученіе окружающими, а еще и въ самомъ пользованіи рѣчью, которое побуждаетъ ребенка выражать содержаніе его понятій въ опредѣленной упорядоченной связи. Сошлемся въ данномъ случаѣ на умственную отсталость глухонѣмыхъ и многихъ другихъ дѣтей съ разстройствомъ рѣчи.

Своеобразнымъ путемъ идетъ развитіе умственныхъ способностей дѣтей въ первые годы жизни. Изо всѣхъ функцій человѣческаго ума раньше и ярче всѣхъ сказывается память. Поразительно, какую сокровищницу словъ усваиваютъ дѣти непосредственно послѣ того, какъ овладѣютъ рѣчью. Тутъ можно наблюдать изумительную силу работы памяти; нерѣдки случаи, когда маленькія дѣти знаютъ наизусть слово въ слово содержаніе дѣтскихъ книгъ цѣликомъ [1], (напр. „Struwwelpeter“, „Максъ и Морицъ“). Это не всегда бываетъ надежнымъ признакомъ исключительной талантливости; я зналъ много подобныхъ

[1] По свидѣтельству одной матери-врача, ея маленькій сынъ зналъ въ три года (неполныхъ) всего „Конька-Горбунка“ Ершова, а въ пять лѣтъ всю пушкинскую „Полтаву“ слово въ слово. *Перев.*

дѣтей, которыя позднѣе не оказывали особенныхъ успѣховъ въ школѣ и впослѣдствіи въ практической жизни ничѣмъ не выдавались.

Другой душевной способностью, особенно сильно проявляющейся въ этомъ возрастѣ, является фантазія, всего ярче сказывающаяся въ играхъ, о которыхъ намъ дальше придется поговорить подробнѣе. Дѣтямъ доставляютъ величайшее удовольствіе разсказы, богатые самыми пестрыми, шумными событіями; такъ же увлекателенъ для нихъ и лукаво-серьезный тонъ повѣствованія, въ которомъ сквозитъ извѣстная симпатія къ продѣлкамъ озорниковъ, и эскизный характеръ и яркія краски картинокъ, по существу приближающихся къ рисовальнымъ изображеніямъ дѣтей. Безпримѣрный успѣхъ такихъ дѣтскихъ писателей, какъ Бушъ, объясняется именно этимъ тонкимъ пониманіемъ особенностей дѣтской души. Противъ этихъ любимѣйшихъ дѣтскихъ книгъ выдвигалось немало возраженій, — утверждали, что отъ нихъ грубѣетъ дѣтскій вкусъ, что онѣ порождаютъ пристрастіе дѣтей къ яркимъ, волнующимъ разсказамъ, отъ котораго ничего хорошаго ждать нельзя. Но кто хорошо знаетъ природу дѣтей, тотъ не можетъ раздѣлять этихъ опасеній; вѣдь дѣти и сами сочиняютъ самыя кровавыя, жестокія исторіи, — и это нисколько не вліяетъ неблагопріятно на ихъ нравственное развитіе. Не безъ основанія одинъ писатель-педагогъ сравнивалъ увлеченіе дѣтей такими рѣзкими темами съ удовольствіемъ, какое имъ доставляетъ шумная музыка, трубные звуки, барабанный бой, — какъ извѣстно, труба и барабанъ — любимѣйшія игрушки дѣтей.

Но дѣти интересуются и такими разсказами, которые оказываютъ прямое воспитательное вліяніе на ихъ душевное развитіе. Сказки вовлекаютъ ребенка въ свой своеобразный міръ; мы знаемъ вѣдь, какъ оживляетъ все фантазія ребенка, что любое полѣно превращается въ его рукахъ въ товарища игръ, способнаго отвѣтить ему на всѣ вопросы. Въ сказкѣ разсказывается въ простой, но именно потому-то подкупающей формѣ, какъ унижено бываетъ высокомѣріе, какъ возвеличено смиреніе, какъ добро встрѣчаетъ награду, а зло наказаніе. Эта простая мораль подходитъ къ дѣтской душѣ и потому она вліяетъ нравственно благотворно. Одинъ нѣмецкій педагогъ Циллеръ выступилъ съ требованіемъ, чтобы въ первоначальной школѣ вмѣсто преподаванія закона Божія были введены сказки для ознакомленія дѣтей младшаго возраста съ элементарными моральными понятіями въ наиболѣе соотвѣтственной формѣ. Разумѣется, это уже преувеличенное требованіе; но, съ другой стороны, такъ же неосновательно требованіе изгнать сказки изъ дѣтской, въ виду того, что онѣ будто бы могутъ дать работѣ дѣтской фантазіи нездоровое направленіе. Такая предосторожность, пожалуй, нужна въ отношеніи дѣтей нервныхъ, съ повышенной возбудимостью; нормальный же ребенокъ нуждается въ возбужденіи фантазіи, а для этого не можетъ быть лучшаго и болѣе вѣрнаго пути, чѣмъ сказка, причемъ правильный выборъ ихъ зависитъ, разумѣется, отъ педагогическаго такта.

Что наглядность основа всякаго познанія — это законъ, особенно существенный для дѣтскаго возраста. Но построить

всѣ представленія ребенка на непосредственной наглядности невозможно. Въ этомъ отношеніи городскія дѣти въ гораздо менѣе благопріятномъ положеніи, чѣмъ деревенскія. Многочисленныя наблюденія доказали, что многія городскія дѣти, поступающія въ первоначальную школу, никогда не видали ни поля, ни лѣса, ни горы и только по названію знаютъ самыхъ распространенныхъ животныхъ и растенія лѣсовъ и полей. Книжка съ картинками является при всякихъ условіяхъ важнымъ, незамѣнимымъ нагляднымъ пособіемъ (рис. 91 изображаетъ прелестную дѣтскую сценку — разсматриваніе картинокъ).

Фотогр. изд. Фр. Ганфштенгля въ Мюнхенѣ

Рис. 91. Сыновья художника. По карт. Хр. Фогеля.

Съ тѣхъ поръ какъ Амосъ Коменскій издалъ въ 1657 году свой „Orbis pictus" („Міръ въ картинахъ"), книжки съ картинками разошлись въ безчисленномъ множествѣ экземпляровъ и изданій по дѣтскимъ рукамъ. Здѣсь мы также убѣждаемся, что потребности дѣтей удовлетворяютъ не художественное выполненіе рисунка, а простые ярко раскрашенные рисунки. Мы слишкомъ отвлеклись бы отъ темы, если бы занялись разсмотрѣніемъ современной литературы — дѣтскихъ книжекъ съ картинками. Укажемъ только въ нѣсколькихъ словахъ на то, что стремленія примѣнить современное искусство къ нуждамъ дѣтей переходятъ часто за предѣлы допустимаго, — и многія изображенія, которыя могутъ при извѣстныхъ условіяхъ имѣть успѣхъ у взрослыхъ, на дѣтей не производятъ желаннаго впечатлѣнія.

Укажемъ здѣсь на рис. 88 и 92 и на отдѣльную таблицу,

изображающую юношу-геркулеса; они даютъ наглядное изображенiе мальчиковъ различныхъ возрастовъ и въ особыхъ поясненiяхъ не нуждаются.

* *
*

Умственное развитiе мальчиковъ и дѣвочекъ идетъ приблизительно одинаково въ предѣлахъ только что разсмотрѣннаго нами перiода. Теперь мы въ первый разъ подходимъ къ моменту, на которомъ рѣзче сказывается различiе между мальчикомъ и дѣвочкой. Этимъ моментомъ являются игры.

Хотя тѣло мальчика и дѣвочки физически растетъ одинаково, — изслѣдованiе мускульной силы у большого числа дѣтей показало, что мальчики въ среднемъ довольно значительно превосходятъ дѣвочекъ. Это экспериментально доказанное различiе сказывается и въ сознанiи силы, налагающемъ свою печать на игры мальчика. Почти всѣ безъ исключенiя здоровыя дѣти отличаются сильной потребностью движенiя. Въ тѣсномъ помѣщенiи движенiя стѣснены, — вотъ почему мальчиковъ, живущихъ въ тѣсныхъ квартирахъ влечетъ на улицу (уличные мальчишки). Затѣмъ, у мальчиковъ наблюдается опредѣленная и сильная потребность въ общенiи съ товарищами. Мальчики собираются толпами для игръ.

Тутъ явственно обнаруживаются индивидуальныя особенности каждаго. Не будучи избранъ и уполномоченъ, одинъ изъ нихъ принимаетъ на себя распорядительство и предводительство. Не всегда остальные подчиняются безъ сопротивленiя, не помѣрявшись силами предварительно; властителемъ и повелителемъ становится на время тотъ, кто оказался сильнѣе. Но нерѣдко бываетъ и такъ, что другiе подчиняются безъ всякаго сопротивленiя. Бываютъ мальчики, внушительная (суггестивная) индивидуальность которыхъ проявляется еще въ раннемъ дѣтствѣ въ томъ, какъ самоувѣренно и властно они обращаются съ другими дѣтьми. Они разыгрываютъ покровителей и принимаютъ подъ свою защиту маленькихъ и слабыхъ, какъ мы видимъ на рис. 93. Такiе мальчики сами собой пробиваются впередъ изъ толпы, въ нихъ съ раннихъ лѣтъ сказывается сильный характеръ, — это тѣ натуры съ врожденной властностью, которыя мы встрѣчаемъ впослѣдствiи во всѣхъ общественныхъ слояхъ.

Подвижныя игры мальчиковъ отличаются часто фантастической окраской. Предметомъ ихъ бываютъ часто война, осада, нападенiе разбойниковъ и т. п. Гораздо рѣже, чѣмъ у дѣвочекъ, обнаруживается у нихъ потребность воспроизводить въ играхъ содержанiе слышанныхъ разсказовъ; все эпизодическое изгоняется изъ игръ мальчиковъ. Сознанiе физической силы сказывается и въ томъ, что игры мальчиковъ обыкновенно очень шумны. Крики и шумъ представляютъ характерные признаки настоящихъ мальчишескихъ игръ.

Въ сравненiи съ этими характерными для настоящей мальчишеской природы играми, другiя игры занимаютъ гораздо менѣе видное мѣсто. Конструктивныя игры (постройка, лѣпка, рисованiе) въ общемъ зависятъ отъ врожденныхъ талантовъ дѣ-

Мужчина и женщина. I

Т-во „Просвѣщеніе“ въ Спб.

Юноша-Геркулесъ.

Античная скульптура въ Неаполит. Націон. Музеѣ.

(По фотографіи Нов. Фотогр. Общ. въ Берлинѣ)

тей. Извѣстно, что великіе художники (въ новѣйшее время Ленбахъ, Сегантини, Штуккъ) еще въ дѣтствѣ обнаруживали поразительныя доказательства своего рисовальнаго таланта. Рисунки многихъ мальчиковъ отличаются большой торопливостью, — это объясняется ихъ потребностью увидѣть какъ можно скорѣе готовый результатъ своихъ усилій. Ящики строительныхъ матеріаловъ представляютъ интересъ не для всѣхъ мальчиковъ, — здѣсь также очень ярко сказываются различія ихъ талантовъ и способностей. Одни очень скоро достигаютъ значительнаго искусства въ возведеніи маленькихъ построекъ, быстро осваиваются съ технической стороной, обнаруживаютъ въ своихъ твореніяхъ вкусъ и изящество, — другіе не желаютъ связывать себя никакими правилами, предпочитаютъ сооружать изъ кирпичиковъ желѣзнодорожные поѣзда, играть ими въ солдатики и т. п., пренебрегая собственнымъ назначеніемъ этихъ предметовъ.

У мальчиковъ часто наблюдается своеобразная страсть дразнить и мучить маленькихъ животныхъ. Но о мучительствѣ животныхъ въ обычномъ смыслѣ этого слова здѣсь почти нѣтъ рѣчи, — такіе случаи крайне рѣдки. Вначалѣ маленькій мальчикъ очень мало отличаетъ одушевленныя игрушки отъ неодушевленныхъ; какъ неодушевленную игрушку онъ осматриваетъ со всѣхъ сторонъ, изслѣдуетъ и испытываетъ во всякихъположеніяхъ иусловіяхъ, — такъ и одушевленная игрушка становится предметомъ его пытливости, инстинкта изслѣдованія. Одинъ мальчикъ выбросилъ кошку изъ окна четвертаго этажа, — но онъ совсѣмъ не имѣлъ въ виду сдѣлать ей что-нибудь дурное, онъ только хотѣлъ убѣдиться, правда ли, что кошки всегда становятся на лапки, падая. Но все же изъ воспитательныхъ соображеній никакого подобнаго мучительства допускать нельзя. Животныя вообще совсѣмъ неподходящія игрушки для дѣтей.

Многимъ мальчикамъ доставляетъ наибольшее удовольствіе ломать и разбивать игрушки, — таковъ ихъ способъ пользоваться ими. Но этотъ инстинктъ разрушенія заходитъ иногда дальше, распространяясь на все, что имъ попадетъ въ руки. Неопытныхъ родителей часто пугаетъ и тревожитъ такая особенность дѣтей, — они усматриваютъ зарожденіе нравственнаго порока тамъ, гдѣ дѣло идетъ просто о своеобразномъ выраженіи нормальной потребности дѣятельности и движенія. Извѣстный писатель Смайльсъ разсказываетъ объ одномъ выдающемся англійскомъ государственномъ дѣятелѣ, который въ дѣтствѣ неоднократно билъ въ домѣ родителей стаканы, бутылки, всевозможныя бездѣлушки; онъ и впослѣдствіи съ удовольствіемъ вспоминалъ о томъ необычайномъ наслажденіи, которое доставляли ему эти опыты разрушенія.

Такимъ образомъ, ранняя юность здороваго мальчика характеризуется этимъ сознаніемъ силы и потребностью упражнять ее. Приблизительно на шестомъ году жизни является уже настоятельная необходимость дать мальчику цѣлесообразныя занятія, развивать его умственныя силы опредѣленнымъ образовательнымъ матеріаломъ, направить по опредѣленному пути его потребность дѣятельности. Это безусловно подходящій моментъ для начала школьной жизни. Съ наступленіемъ второго періода прорѣзыванія зубовъ въ мальчикѣ совершается и физическая

перемѣна очень важная. Вслѣдствіе проростанія корней, молочные зубы начинаетъ выпадать и замѣняются другими, болѣе крупными и болѣе прочными. Періодъ прорѣзыванія постоянныхъ зубовъ затягивается до періода половой зрѣлости и совершенно оканчиваются даже только между двадцатымъ и тридцатымъ годами съ появленіемъ такъ называемыхъ зубовъ мудрости. Ко времени вторичнаго прорѣзыванія зубовъ обнаруживается обыкновенно перемѣна и въ духовномъ складѣ мальчика. Вниманіе становится устойчивѣе, интересъ оживляется, работа фантазіи нѣсколько ослабѣваетъ, — на первый планъ выступаетъ развитіе ума. Преобладающая въ первые годы сила памяти собрала тотъ строительный матеріалъ, изъ котораго начинаетъ съ этого момента умъ сооружать самыя разнообразныя строенія.

Вдумываясь въ сущность первоначальнаго обученія, мы увидимъ, что оно упражняетъ самымъ различнымъ образомъ основныя стороны мышленія. Принятый методъ обученія чтенію заставляетъ ребенка разложить наглядно изображенное слово на его составныя части (звуки) и изъ нихъ опять составлять новыя соединенія. Аналитически-синтетическій методъ — психологически самый цѣнный, потому что онъ упражняетъ одновременно на одномъ и томъ же матеріалѣ двѣ противоположныя функціи мышленія и потому особенно сильно выдвигаетъ эти формы мышленія. Первоначальное счисленіе даетъ ребенку драгоцѣнное руководство для сужденія и заключенія, — ариѳметическія дѣйствія требуютъ на первыхъ порахъ работы мысли; автоматизируются они только впослѣдствіи, чтобы освободить мѣсто для дальнѣйшихъ задачъ логическаго мышленія.

Обученіе письму является для ребенка школой моторныхъ координацій (согласованія отдѣльныхъ движеній). Необходимость точнаго выведенія штриховъ, и соблюденіе соразмѣрности между ними и соотвѣтственнаго другъ другу положенія требуетъ довольно высокой степени вниманія, которое находитъ себѣ самое надлежащее продолженіе и дополненіе въ школьномъ рисованіи. Введенное уже теперь всюду въ первоначальной школѣ изобразительное рисованіе (въ противоположность принятому прежде орнаментальному рисованію, при которомъ требовалось копировать всевозможные, часто уныло однообразные образцы плоскогорій) имѣетъ еще и то неоцѣнимое преимущество, что требуетъ правильнаго и всесторонняго наблюденія предметовъ, подлежащихъ изображенію. Учебные предметы первоначальной школы ведутъ также не только къ расширенію познаній и навыковъ ребенка, но и къ развитію дѣятельности ума въ самыхъ разнообразныхъ отношеніяхъ.

Но посѣщеніе школы ребенкомъ представляетъ огромную важность и въ другомъ отношеніи. Минуло время полной свободы, ребенокъ имѣетъ извѣстныя обязанности, долженъ подчиняться извѣстнымъ законамъ, признать въ лицѣ учителя безусловный авторитетъ. Ребенокъ поступаетъ въ общество, которое не самъ для себя выбралъ, и становится членомъ его, — объединяющими узами являются общія обязанности труда и повиновенія. Школа представляетъ собой уже соціальное тѣло; съ вступленіемъ въ нее осуществляется вступленіе въ соціальную жизнь.

По снимку Браунъ, Клеманъ и К° въ Дорнахѣ.

Рис. 92. Римскій императоръ. По картинѣ Фр. Жерара

Огромно, неоцѣнимо въ этомъ отношеніи вліяніе школы — и въ особенности народной школы — и дѣло ея. Было бы крайне желательно и необходимо, чтобы значенію школы соотвѣтствовало и положеніе учителей, чтобы учителя были свободны отъ матеріальныхъ заботъ и связывающихъ постороннихъ обязанностей и могли бы посвятить себя всецѣло своему святому дѣлу.

Въ настоящее время идетъ сильное движеніе въ пользу совмѣстнаго обученія въ школахъ обоихъ половъ въ видахъ воспитательнаго вліянія одновременно и одинаково на мальчиковъ и дѣвочекъ. Надѣются этимъ путемъ уравнять особенности тѣхъ и другихъ, поднять общій уровень — въ особенности дѣвочекъ —

въ интересахъ одинаковаго приспособленія обоихъ половъ къ будущему практическому профессіональному труду. Какихъ-нибудь серьезныхъ возраженій это вызывать не можетъ. Нѣсколько преувеличиваютъ только, быть можетъ, воспитательное вліяніе нашей школы. Какова бы ни была семья и школа, центръ тяжести воспитанія лежитъ въ родительскомъ домѣ. Полнаго измѣненія душевнаго склада воспитаніе — при обыкновенныхъ условіяхъ — не въ силахъ произвести.

Да нисколько и не желательно разрушать воспитательными мѣрами индивидуальныя свойства, если только нѣтъ на-лицо явно болѣзненныхъ или анти-соціальныхъ особенностей. Различное воспитаніе обоихъ половъ вызвано и обусловлено вовсе не только принятымъ обычаемъ, а коренится, очевидно, въ самомъ различіи душевныхъ способностей, мужскихъ и женскихъ свойствъ, проявляющихся уже въ раннемъ дѣтствѣ. Дѣвочка съ мальчишескими свойствами, мальчикъ съ своеобразнымъ душевнымъ складомъ дѣвочки — явленіе неестественное и дальнѣйшее ихъ развитіе невозможно. Желать создать путемъ подбора и воспитанія какую-то среднюю разновидность, — значило бы породить гермафродитовъ, которые все же въ концѣ концовъ приняли бы, повинуясь законамъ естественнаго развитія, свойства своего первоначальнаго пола.

Въ чертахъ и свойствахъ, сказывающихся въ играхъ мальчика, виденъ будущій мужчина. Мужчинѣ предстоитъ исполнять тяжелыя задачи жизни, ему предстоитъ вести борьбу за существованіе, — въ этомъ смыслѣ типичныя игры мальчика представляютъ подготовку для будущаго. Пренебреженіе этимъ ведетъ часто къ тому, что воспитаніе подавляетъ именно эту особенность. Мальчики, имѣющіе въ семьѣ репутацію „выдержанныхъ", бываютъ часто лишены — благодаря постоянному надзору и запретамъ, а иногда и очень суровой дрессировкѣ — именно этого сознанія силы, у нихъ бываетъ отнята возможность развить и проявить ее. Блѣдный, нарядный, тщательно причесанный мальчикъ съ безжизненнымъ равнодушнымъ лицомъ, шагающій рядышкомъ съ гувернеромъ, никогда не бѣгающій свободно и вволю, никогда не выбирающій по своему почину товарищей игръ, при этомъ въ душѣ трусливый, несамостоятельный, неустойчивый, — таковъ бываетъ часто мальчикъ, на долю котораго выпало такъ называемое „заботливое воспитаніе".

Безконечнымъ разнообразіемъ случаевъ отвѣчаетъ хроника на вопросъ о томъ, чѣмъ дѣлаются въ концѣ концовъ такіе мальчики. Изъ нихъ выходятъ либо безсильные и немощные мужчины, пугающіеся всякаго энергичнаго усилія, рабскія натуры, неспособныя всю жизнь къ самостоятельности, — либо безпечные жуиры, которымъ приходится впослѣдствіи платиться за жалко растраченную молодость, которые живутъ изо дня въ день безъ радостнаго труда и творчества и въ концѣ концовъ гибнутъ отъ болѣзни или нужды.

Единственно о чемъ можетъ и должно позаботиться воспитаніе, — это объ удержаніи въ разумныхъ предѣлахъ проявленія свойственнаго мальчикамъ сознанія силы, чрезмѣрное развитіе котораго ведетъ къ грубости и безсердечію. Дѣло

педагогическаго такта — уловить эту границу. Нерѣшительность съ одной стороны и съ другой — запоздалое вмѣшательство одинаково опасны. Въ воспоминаніяхъ собственной молодости и въ собственномъ опытѣ зрѣлый человѣкъ несомнѣнно почерпнетъ вѣрное руководство. Мальчиковъ слѣдовало бы воспитывать мужчинамъ или, по меньшей мѣрѣ, мужчины должны участвовать въ ихъ воспитаніи.

Поняла, наконецъ, и школа, что она должна считаться съ этими преимущественными особенностями мальчиковъ. Прежде школа не предпринимала для физическаго воспитанія ничего, кромѣ гимнастики, а этого большей частію было очень мало. О свободномъ движеніи и свободномъ упражненіи силъ тутъ почти не могло быть рѣчи, потому что многіе преподаватели гимнастики усматривали идеалъ въ военной выправкѣ, превращали учениковъ въ автоматовъ и заставляли ихъ производить на гимнастическихъ аппаратахъ такія упражненія, которыя обнимали не всѣ группы мускуловъ, а упражняли только извѣстные мускулы, доводя ихъ до крайняго утомленія. Безспорно, бодрая военная гимнастика имѣетъ свои преимущества, въ дѣлѣ воспитанія воли она имѣетъ большое значеніе; но все-таки не годится сводить все физическое воспитаніе учащейся молодежи къ этому одному. Уяснивъ себѣ правильно истинныя нужды воспитанія мальчиковъ, въ послѣднее время начали удѣлять должное вниманіе разнымъ другимъ видамъ физическихъ упражненій — играмъ, спорту и прогулкамъ пѣшкомъ.

Идея обратить игры, которыя создали сами мальчики, повинуясь своей потребности движенія, на службу дѣлу физическаго воспитанія, усовершенствовавъ и облагородивъ ихъ — одинъ изъ удачнѣйшихъ результатовъ педагогически-реформаторскихъ усилій. Площадки для игръ, которыя многія современныя школы имѣютъ при своемъ же зданіи или по крайней мѣрѣ на удобно-близкомъ разстояніи отъ него, превратились въ вольный просторъ для молодежи, причемъ отъ нея ничего другого не требуется, кромѣ подчиненія общимъ правиламъ игры, отдѣльные же члены свободны отъ какихъ бы то ни было стѣснительныхъ предписаній. Излишне и говорить о томъ, какое драгоцѣнное значеніе имѣютъ эти площадки для учащейся молодежи; но и учитель имѣетъ возможность изучить здѣсь индивидуальныя особенности учениковъ, если будетъ внимательно слѣдить за ходомъ игры. Огромную цѣнность имѣетъ еще и то, что игры въ присутствіи учителя и въ сферѣ учебнаго заведенія невольно, сами собой улягутся въ разумныя границы и самыя игры пріобрѣтутъ болѣе благородный характеръ.

Занятіямъ дѣтей спортомъ отводились прежде очень тѣсныя границы. Первоначально спортъ былъ почти всюду привилегіей богатыхъ круговъ. Дешевыхъ мѣстъ для бѣганія на конькахъ, для игръ въ футболъ и лаунъ-теннисъ не было почти нигдѣ. Такъ же былъ поставленъ, — по крайней мѣрѣ въ городахъ, — вопросъ о возможности заниматься водянымъ спортомъ. Примѣръ англичанъ доказалъ, какое важное мѣсто въ физическомъ воспитаніи занимаетъ спортъ. Предназначенное первоначально для учениковъ старшаго возраста, устройство спортивныхъ площадокъ дало въ послѣднее время всюду самыя отрад-

ные результаты. Мѣстами такія приспособленія носятъ праздничный характеръ, пріятно нарушая этимъ однообразіе школьной обстановки.

Для учащейся молодежи большихъ городовъ ученическія экскурсіи имѣютъ особенно важное значеніе. Тутъ дѣло не только въ благотворности продолжительнаго движенія на свѣжемъ воздухѣ, но еще и во множествѣ впечатлѣній, которыхъ набираются во время такихъ прогулокъ воспріимчивыя дѣти. Это даетъ также наилучшій поводъ для нагляднаго преподаванія. Было бы чрезвычайно желательно, чтобы ученическія экскурсіи стали прочной принадлежностью школьнаго обихода.

Мы упомянули прежде, что влеченіямъ многихъ мальчиковъ часто не дается хода изъ-за недостатка въ надлежащихъ средствахъ; это тѣмъ болѣе прискорбно, что ваяніе и лѣпка часто служатъ непосредственнымъ помощникомъ въ дѣлѣ пріученія къ труду, часто предсказываютъ выборъ профессіи и во всякомъ случаѣ представляютъ наилучшее полезное времяпровожденіе. Ваяніе и лѣпка получили систематическое развитіе въ такъ называемомъ обученіи ручному труду, которымъ мы обязаны сѣвернымъ странамъ. Больше всего сдѣлалъ для этого датскій ротмистръ въ отставкѣ Клаузонъ-Каасъ. Въ Германіи работаетъ въ этомъ направленіи „Германскій союзъ ручного труда для мальчиковъ". Доказательствомъ того, какъ необычайно благотворно вліяетъ ручной трудъ мальчиковъ и на нравственное развитіе, служитъ опытъ гамбургскаго пріюта, гдѣ наставляются на путь съ помощью обученія труду дѣти, которымъ пришлось остаться безъ призора, и опытъ преслѣдующихъ тѣ же цѣли школъ (Wehrli-Schulen) въ Швейцаріи.

Школы наши всегда стремятся къ тому, чтобы воспитать не только умственно, но и физически хорошо развитое поколѣніе. Въ особенности это надо сказать о первоначальныхъ школахъ. При множествѣ дѣтей школы эти представляютъ больше чѣмъ разсадникъ образованія; здѣсь царятъ порядокъ, опрятность, здѣсь властвуетъ дружелюбный и ласковый надзоръ учителя, нѣтъ и тѣни грубаго непривѣтливаго обращенія. Для множества дѣтей бѣдныхъ классовъ, лишенныхъ дома налаженнаго порядка жизни школа является больше домашнимъ очагомъ, чѣмъ семья. Стремленія обществъ покровительства дѣтей и попечительства о подросткахъ до сихъ поръ ограничиваются большей частію одной внѣшней пропагандой, для практическаго дѣла имъ недостаетъ объединенности; было бы крайне желательно ходатайствовать о томъ, чтобы попечительства вошли въ тѣсное единеніе со школами, — быть можетъ, всего цѣлесообразнѣе было бы имъ сдѣлаться составными частями учебныхъ заведеній. Но для этого было бы необходимо, разумѣется, чтобы такія попечительства разсматривались, какъ официальныя учрежденія, а не предоставлялись бы, какъ теперь, одной только частной иниціативѣ.

Вернемся къ первоначальному предмету нашихъ обсужденій.

Воспитаніе мальчиковъ должно поставить себѣ двѣ главныя цѣли: развитіе умственныхъ способностей, которыя должны получить практическое направленіе, необходимое для

жизни, затѣмъ, развитіе душевныхъ свойствъ въ томъ смыслѣ, чтобы всѣ поступки согласовались съ принципами нравственности. Послѣднее не можетъ быть достигнуто одними поученіями, тутъ существенную роль играетъ непосредственный примѣръ. Все больше и больше начинаютъ оцѣнивать значеніе, которое имѣетъ окружающая обстановка, такъ называемая среда, для нравственнаго развитія дѣтей. Вотъ почему въ нѣкоторыхъ культурныхъ странахъ (Англія, Германія, Швейцарія, Норвегія) законъ позаботился о томъ, чтобы дѣти, поставленныя жизнью въ неподходящія условія, были переведены въ нравственно здоровыя, благопріятныя для развитія условія.

Рис. 93. Маленькій защитникъ.
М. Фромептали.

Такія условія имѣетъ не только семейное воспитаніе, а и воспитаніе въ интернатахъ. Въ нѣкоторыхъ интернатахъ въ Англіи, въ Германіи и въ Швейцаріи существуютъ превосходныя учрежденія для подготовки къ практической жизни въ духѣ содѣйствія развитію особыхъ мужскихъ свойствъ. Воспитанники занимаются сельско-хозяйственными и садовыми работами; доходъ отъ этихъ работъ покрываетъ часть расходуемыхъ на содержаніе заведенія средствъ. Старшимъ и болѣе надежнымъ воспитанникамъ поручаются извѣстныя должности, добросовѣстное завѣдываніе которыми разсматривается, какъ дѣло чести. Старшіе и болѣе сильные являются защитниками и надзирателями младшихъ и слабыхъ. Во всемъ отъ крупнаго до мелкаго воспитанникамъ прививается чувство солидарности, живой интересъ къ благополучію другихъ, и весь духъ заведенія не допускаетъ возникновенія грубаго эгоизма.

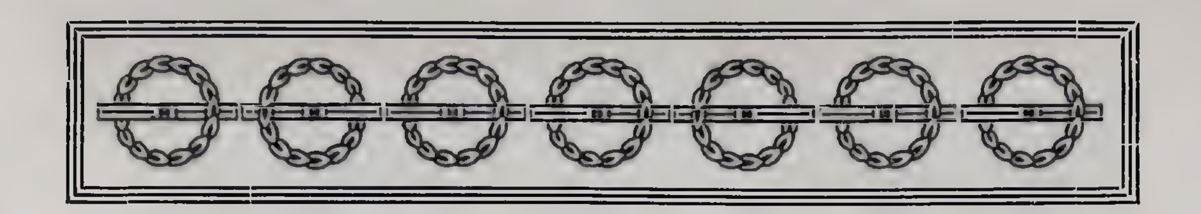
Въ нашихъ странахъ у мальчиковъ начинается около четырнадцатаго года жизни періодъ полового развитія, которымъ дѣтство завершается. Очень распространенъ, но совершенно не вѣренъ взглядъ, что своеобразныя душевныя движенія, связанныя съ половымъ влеченіемъ, появляются только одновременно съ внѣшними признаками пробуждающейся половой жизни, о которыхъ мы говорили во второй главѣ настоящаго тома. Въ дѣйствительности эти чувства обнаруживаются еще гораздо раньше. Выдающійся психологъ, профессоръ Фрейдъ, доказалъ, что половыя чувства существуютъ еще въ дѣтствѣ, а я могу сообщить, на основаніи достовѣрнаго свидѣтельства, что многія формы ненормальнаго духовнаго и въ особенности душевнаго развитія объясняются этимъ раннимъ появленіемъ половыхъ влеченій.

А если такъ, то всѣмъ должно быть ясно, что дѣтей нельзя оставлять въ невѣдѣніи сущности этихъ чувствъ и ощущеній, нельзя предоставлять ихъ слѣпой власти полового инстинкта, а нужно своевременно разъяснить имъ. О томъ, какъ это сдѣлать, мы подробнѣе поговоримъ въ главѣ „Женщина въ дѣтствѣ“ (II ч. наст. тома).

Замѣчательныя измѣненія совершаются въ душѣ нашей въ пору половой зрѣлости. Снова на первый планъ выступаетъ интенсивная дѣятельность фантазіи, — юноша глядитъ вдаль поверхъ и мимо всего близкаго, достижимаго, его одушевляютъ смѣлые планы, онъ чувствуетъ въ себѣ силы совершить великія, необычайныя дѣла. Часто и въ поведеніи является поразительная перемѣна; у здоровыхъ, крѣпкихъ мальчиковъ появляется стремленіе отбросить обычныя формы обращенія, держаться грубовато безыскусственно. Въ душѣ юноши кипитъ и бурлитъ, происходитъ переворотъ; въ этотъ періодъ обнаруживаются иныя черты — и дурныя, и хорошія, — которыя дремали въ душѣ ребенка. Первый самый важный, самый основной періодъ воспитанія минулъ. То, что было еще шатко и измѣнчиво въ дѣтскомъ возрастѣ — начинаетъ укрѣпляться, становится существенной составною частью личности.

Многія трудности, съ которыми сталкивается воспитаніе въ юношескомъ возрастѣ, объясняются тѣмъ, что въ этомъ періодѣ своеобразный, индивидуальный элементъ развитія личности не позволяетъ насилія надъ собой. Одна изъ злѣйшихъ ошибокъ воспитанія состоитъ въ томъ, что родители и воспитатели такъ мало интересуются душевной жизнью дѣтей. Надъ мальчикомъ, сложившимся въ юношу, оказываются безсильными тѣ маленькія уловки и пріемы, въ которыхъ часто только и заключается все воспитаніе. И тогда родители безпомощно и растерянно останавливаются передъ тѣмъ фактомъ, что юноша пошелъ совсѣмъ другой дорогой, чѣмъ та, которой они желали и на которую они направляли его. Воспитаніе можетъ привести къ удовлетворительному результату только тогда, если оно съ самаго начала имѣло индивидуальный характеръ. Но для этого необходимо обладать способностью наблюдать душевную жизнь ребенка.

Идетъ новая эпоха. Люди науки работаютъ надъ тѣмъ, чтобы внести во всѣ слои населенія сознаніе необходимости духовнаго воспитанія. И только тогда, когда эти усилія достигнутъ цѣли, — только тогда можно будетъ съ полнымъ правомъ говорить о „вѣкѣ ребенка“.

Глава шестая.

Юношескій возрастъ мужчины.

(Д-ра медиц. Эдуарда Гесса.)

Возрастъ юношескій обнимаетъ собой періодъ отъ наступленія половой зрѣлости до завершенія роста организма, т. е. — въ нашихъ широтахъ — возрастъ приблизительно между пятнадцатымъ и двадцать-третьимъ годомъ жизни. У народовъ жаркихъ странъ, а также у уроженцевъ умѣренныхъ поясовъ, но живущихъ и развивающихся въ тропическихъ областяхъ, развитіе возмужалости наступаетъ года на два или на три ранѣе; у жителей холодныхъ странъ въ большинствѣ случаевъ на столько же позднѣе; женскій полъ достигаетъ половой зрѣлости обыкновенно года на два ранѣе, чѣмъ мужской. У жителей большихъ городовъ половая зрѣлость наступаетъ, повидимому, нѣсколько ранѣе, чѣмъ у сельскаго населенія. Въ періодъ развитія половой зрѣлости процентъ смертности бываетъ наименѣе значителенъ; начиная съ младенческаго возраста и до наступленія половой зрѣлости процентъ смертности все болѣе и болѣе понижается, а съ этого времени также постепенно повышается до старости.

Въ юношескомъ возрастѣ физическое развитіе сказывается всего замѣтнѣе въ увеличеніи роста тѣла; тѣло растетъ съ особенной быстротой въ первые годы наступленія половой зрѣлости — и съ особенно поразительной быстротой вытягивается въ томъ случаѣ, если до того ростъ нѣсколько отставалъ; увеличеніе роста достигаетъ въ этомъ періодѣ 10—16 сантиметровъ въ годъ. Вскорѣ послѣ девятнадцатаго года и, самое большее, на двадцать-третьемъ году жизни ростъ прекращается. Къ тому времени совершенно заканчивается развитіе скелета, костной основы нашего тѣла; въ особенности завершается формировка черепа, который съ этой поры больше измѣненій не претерпѣваетъ: швы между отдѣльными костями черепа совершенно затягиваются, зубчатые края ихъ сливаются между собой.

По завершеніи роста средняя высота мужского тѣла составляетъ отъ 1,57 до 1,73 метра, а вѣсъ тѣла отъ 60 до 65 килограммовъ; въ общемъ длина тѣла увеличивается въ теченіе юношескаго періода приблизительно на 30 сант., иногда немного больше или меньше, а вѣсъ приблизительно на 30 килограммовъ.

Увеличеніе роста сопровождается болѣе сильнымъ развитіемъ всей мускулатуры тѣла, грудь становится шире, увеличивается

грудная клѣтка и, сообразно этому, значительно увеличивается вещество легкихъ, разница въ объемѣ груди между наивысшими точками вдыханія и выдыханія. Растетъ гортань, большей частью особенно сильно напередъ, такъ что начинаетъ замѣтно выдаваться щитовидный хрящъ, представляющій переднюю стѣнку гортани, — такъ называемое „адамово яблоко"; удлиняются и утолщаются голосовыя связки, вслѣдствіе чего голосъ, какъ говорятъ, „ломается", густѣетъ и постепенно становится — въ среднемъ — на октаву ниже, чѣмъ былъ въ отроческомъ возрастѣ. Начинается ростъ волосъ на лобкѣ, подъ мышками и на подбородкѣ. Всего ярче обнаруживается, разумѣется, половая зрѣлость на половыхъ частяхъ, которыя становятся крупнѣе и богаче кровью и достигаютъ наибольшаго развитія и дѣеспособности; въ тестикулахъ вырабатывается сѣмя, производящее путемъ оплодотворенія женскаго яйца новое существо. Возмужалый организмъ начинаетъ жить съ этихъ поръ не только для собственнаго развитія, — потокъ его силъ устремляется на новое творчество — путемъ дѣторожденія.

По фотогр. бр. Алинари во Флоренціи.

Рис. 94. Нарцисъ.

Античн. бронзов. статуя въ Національномъ музеѣ въ Неаполѣ.

Скульпторы искони считали одной изъ своихъ наивысшихъ задачъ изображеніе въ камнѣ и металлѣ юношеской фигуры; самыми совершенными образцами такихъ твореній являются фигуры „Адониса" (см. отд. табл. рис.) и „Нарциса" (рис. 94) неизвѣстныхъ мастеровъ древности и „Метатель диска" греческаго скульптора Мирона (рис. 95). Необычайно удачно изображена Микель-Анжело въ его „Давидѣ" (рис. 96) неловкость и непропорціональность еще не вполнѣ развившагося юношескаго тѣла.

Физическое развитіе и связанныя съ нимъ превращенія сопровождаются душевными процессами развитія и превращеній и совершаются они не безъ внутренней и внѣшней борьбы. Пробуждающійся съ началомъ развитія половыхъ частей половой инстинктъ сообщаетъ душевной дѣятельности новые источники и новыя цѣли и вліяніе его, хотя и не вполнѣ доходя до созна-

Мужчина и женщина. I. Т-во „Просвѣщеніе“ въ Спб.

Адонисъ.

Античная скульптура въ Неаполитанск. Національномъ Музеѣ.

(По фотографіи бр. Алинари во Флоренціи.)

нія, распространяется на такіе свойства, потребности и поступки, которые на первый взглядъ кажутся совершенно посторонними и чуждыми ему.

Юношескіе годы являются годами ученія, — все равно, проводятся ли они въ высшемъ учебномъ заведеніи, или въ условіяхъ практической жизни, или въ тѣхъ и другихъ условіяхъ вмѣстѣ. Если даже для отроческаго возраста вѣренъ принципъ, что учимся мы не для школы, а для жизни, то тѣмъ болѣе важно уяснить себѣ это для учебной поры юношескаго возраста. Въ эти годы человѣку предстоитъ выбрать спеціальность, которая должна сдѣлаться духовнымъ и матеріальнымъ фундаментомъ всей его будущей жизни до самаго конца, — образованіе и развитіе его направлено, слѣдовательно, не только на общую цѣль, а главнымъ образомъ на овладѣніе — возможно полное и совершенное — какой-нибудь одной, болѣе или менѣе тѣсно отграниченной, областью; и дѣятельность въ этой отграниченной области должна быть такова, чтобы могла доставить въ одно и то же время и душевное удовлетвореніе, и средства къ наивозможно болѣе пріятной, возможно болѣе свободной отъ повседневныхъ заботъ жизни. У большинства людей выборъ спеціальности предопредѣляется внѣшними условіями, которымъ они вынуждены подчиняться или сообразоваться съ ними. Среди меньшинства располагающихъ свободой выбора тоже очень немного такихъ, которыхъ личныя способности опредѣленно влекутъ къ тому или иному выбору спеціальности — и такимъ должна быть предоставлена свобода идти своимъ путемъ. Многіе неспособны вполнѣ самостоятельно выбрать направленіе своего будущаго, вслѣдствіе неизбѣжнаго въ ихъ возрастѣ недостатка жизненнаго опыта; главное, что грозитъ имъ ошибкой, это ихъ склонность судить о преимуществахъ той или иной профессіи по внѣшности; въ этомъ случаѣ молодые люди нуждаются въ совѣтѣ старшихъ, болѣе свѣдущихъ и опытныхъ лицъ.

Рис. 95. Метатель диска. Скульптура Мирона.

Первымъ совѣтчикомъ и руководителемъ подрастающаго юноши является отецъ. Всякому отцу всего ближе къ сердцу интересы своего сына, — вѣдь онъ составляетъ часть его собственнаго „я“. — Поразительный образчикъ сходства между воспитателемъ и питомцемъ представляетъ намъ двойной портретъ Ганса Гольбейна младшаго: „Т. Годсальвъ и его сынъ“ (рис. 97). Юноша является точной копіей старика, только въ темныхъ во-

лосахъ его и въ гладкой кожѣ болѣе узкаго лица сказывается разница десятковъ лѣтъ, отдѣляющая одного отъ другого. Такому совершенному сходству въ чертахъ и выраженіи лица несомнѣнно должно соотвѣтствовать сходство душевныхъ свойствъ.

На ряду съ родителями и воспитателями, должно быть выслушано и мнѣніе другихъ лицъ, близкихъ къ тѣмъ спеціальностямъ, которыя имѣются въ виду при выборѣ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ необходимо освѣдомиться также о мнѣніи врача для рѣшенія вопроса о томъ, по силамъ ли физическому и душевному складу и развитію юноши та спеціальность, которую онъ намѣревается избрать. Никогда не слѣдуетъ навязывать молодому человѣку насильно какую-нибудь спеціальность, къ которой онъ заранѣе чувствуетъ антипатію, вслѣдствіе ли тѣхъ или иныхъ личныхъ свойствъ, или особенностей самой спеціальности.

По фотогр. Дж. Броджи во Флоренціи.

Рис. 96. Давидъ. Скульптура Микель-Анджело

Часть ученическихъ годовъ—обыкновенно ихъ завершеніе — представляютъ собой годы странствій, которые могутъ распространиться, еще и на зрѣлый возрастъ. Каждому юношѣ слѣдовало бы дать возможность попутешествовать, повидать свѣтъ и людей; но чтобы путешествіе дѣйствительно могло послужить расширенію міровоззрѣнія и опыта, юношѣ необходимо пріобрѣсть предварительно основательныя знанія, чтобы знать, чего искать на свѣтѣ.

Помѣщенные въ дальнѣйшемъ текстѣ портреты символизируютъ различный характеръ душевной жизни въ юношескомъ возрастѣ. Частію они представляютъ портреты знаменитыхъ художниковъ, писанные ими самими: „Рафаэль“ (рис. 98) съ своимъ яснымъ взглядомъ, съ радостнымъ спокойствіемъ и серьезностью въ выраженіи лица, скорбно задумчивый и мечтательный „Андреа дель Сарто“ (рис. 100), смѣлый, пламенно страстный „Рембрандтъ“ (рис. 99). Въ своемъ „Молодомъ священникѣ“

Рис. 97. Годсальвъ и его сынъ. По портрету Г. Гольбейна Младшаго.

(рис. 101) Тиціанъ изобразилъ юношу въ экстазѣ религіозной экзальтаціи, въ фанатическомъ увлеченіи; въ картинѣ же „Человѣкъ съ перчаткой" (рис. 102) онъ представилъ его стоящимъ передъ вопросами жизни въ спокойномъ раздумьи.

Духовное или душевное развитіе совершается обыкновенно въ юношескомъ возрастѣ не безъ нѣкоторыхъ потрясеній, но такъ какъ это явленіе общее, безъ которыхъ юность протекаетъ только въ рѣдкихъ, исключительныхъ случаяхъ, то оно не должно считаться болѣзненнымъ, хотя и очень близко граничитъ съ болѣзненностью и требуетъ при воспитаніи самаго осторожнаго и чутковнимательнаго обращенія съ собой. Эти разстройства менѣе затрагиваютъ духовную дѣятельность въ болѣе тѣсномъ смыслѣ этого слова (умъ, память), чѣмъ характеръ и душевный складъ, но косвенно, своимъ вліяніемъ на душу, они могутъ оказать вліяніе и на умственную дѣятельность. Чутье, направляющее мальчика къ предметамъ близкимъ, къ окружающей дѣйствительности, открываетъ безграничный и безудержный просторъ фантазіи; юность — пора мечтательности и безпредметнаго „идеализма". У однихъ наблюдается романтическое влеченіе къ подвигамъ, безцѣльное стремленіе вдаль, склонность къ необдуманнымъ и смѣлымъ поступкамъ; у другихъ, въ противоположность

По фотогр. бр. Алинари во Флоренціи.

Рис. 98. Рафаэль. Собств. портретъ художника.

этому, — немотивированная міровая скорбь, углубленіе въ религіозные вопросы, вялая чувствительность, склонность къ уединенію, вялость и отсутствіе энергіи.

У одного юноши настроеніе всегда повышенное и приподнятое, у другого, наоборотъ, вѣчно унылое и подавленное, у третьяго отъ самыхъ ничтожныхъ причинъ или безъ всякихъ причинъ то и дѣло смѣняютъ другъ друга самые противоположные оттѣнки настроеній. Нѣкоторые, бывшіе живыми и рѣзвыми мальчиками, становятся въ юности задумчивы, малоподвижны и замкнуты; другіе прежде воспитанные, скромные мальчики — становятся неделикатны, хвастливы, суетливы, непомѣрно самоувѣренны, непочтительны, непокорны, надменны и раздражительны; кичатся своей „геніальностью", стремятся играть роль и „проявлять свою индивидуальность". При этомъ ихъ манеры, хотя и разсчитаны на то, чтобы „произвести впечатлѣніе", бываютъ большей частью неловки и неуклюжи, — особенно въ обществѣ, — между тѣмъ какъ молодыя дѣвушки того же возраста обыкновенно уже вполнѣ осваиваются съ формами свѣтскаго обращенія и умѣютъ держаться гораздо свободнѣе и находчивѣе. Прелестно изобразилъ Фожеронъ эту противоположность въ своей картинѣ „Дебютъ" (рис. 103).

По фотогр. Дж. Броджи во Флоренціи.

Рис. 99. Рембрандтъ. Собств. портретъ художника

Въ этомъ возрастѣ неотесанной первой юности многіе становятся поэтами, изливая въ громкихъ фразахъ и отчаянныхъ, спотыкающихся стихахъ свои безчисленныя страданія и рѣд-

кія радости; поэтическое вдохновеніе просыпается у нихъ обыкновенно подъ вліяніемъ „первой любви“. Эта любовь безусловно платоническаго характера: дѣвушка представляется своему фанатическому поклоннику непорочнымъ ангеломъ, святою богиней, которой онъ стремится посвятить и принести въ жертву всю свою жизнь. Каждая встрѣча съ ней для него событіе, онъ ходитъ за ней слѣдомъ, часами поджидаетъ ее и все же не осмѣливается поклониться ей или обратиться къ ней съ парой словъ. А познакомится съ ней, — онъ не знаетъ, что ей сказать; вмѣсто ожидаемаго потока необыкновенныхъ рѣчей выходятъ самыя будничныя слова; многимъ дѣвушкамъ, настроеннымъ обыкновенно гораздо трезвѣе, не по плечу тотъ алтарь, который имъ воздвигаютъ поклонники. Но много времени проходитъ, пока влюбленный юноша пойметъ это и освоится съ дѣйствительностью; при этомъ обыкновенно „первая любовь“, отличающаяся еще извѣстной свободой отъ полового элемента, тихо исчезаетъ изъ сердца. Превосходно изобразилъ Беклинъ эту болѣзненную трещину въ душѣ юноши въ своей картинѣ „Жалоба пастуха“ (рис. 104).

По фотогр. Дж. Броджи во Флоренціи.
Рис. 100. Андреа дель Сарто.
Собственный портретъ художника.

Есть юноши, не испытывающіе этой „первой любви“, — это въ большинствѣ случаевъ натуры тихія, сосредоточенныя, нелюдимыя, робкія; имъ глазамъ иногда вдругъ на одинокомъ пути представляется женщина во всей своей женственности — и они останавливаются передъ этимъ видѣніемъ испуганные и радостно взволнованные, оцѣпенѣлые и ослѣпленные, какъ тотъ юноша на картинѣ Г. Прелля, передъ которымъ неожиданно вынырнула изъ темной глубины чарующая русалка (рис. 105). Въ подобномъ случаѣ любовь — не шалость и не игра, а стихійная страсть.

Съ любовной страстью неразрывно связано половое влеченіе, и послѣ полнаго развитія половыхъ частей оно стремится къ удовлетворенію. Законъ, нравы и соціальныя условія ставятъ этому много преградъ, — и нерѣдко эти преграды опрокидываются крайне насильственно, безъ оглядки. Разумнымъ разъясненіемъ его первый порывъ можетъ быть направленъ на правильный путь. Вовсе не необходимо удовлетворять половое влеченіе въ первые же годы послѣ его пробужденія; это было бы даже вредно, особенно если бы это случалось болѣе или менѣе

Фотогр. изданіе Фр. Ганфштенгеля въ Мюнхенѣ.

Рис. 101. Молодой священникъ.
По картинѣ Тиціана.

часто, — потому что это лишило бы организмъ части тѣхъ силъ, которыя еще нужны ему для роста. Съ естественно-научной точки зрѣнія, правильныя половыя отправленія являются нормальными только съ того времени, когда совершенно заканчивается ростъ организма, — но и тогда они еще не представляютъ безусловно необходимой жизнедѣятельности. Выражаемыя часто опасенія, что подавленіе полового стремленія у юноши можетъ причинить ему серьезный душевный и физическій вредъ, совершенно ошибочны. Природа позаботилась о томъ, чтобы организмъ самъ освобождался отъ избытка сѣмени путемъ непроизвольныхъ поллюцій.

Существуетъ одно явленіе, до такой степени распространенное, что кажется почти неизбѣжнымъ зломъ, постигающимъ почти всѣхъ юношей: это мастурбація или онанизмъ. Замѣтимъ сразу же, что именно для молодыхъ людей правильныя половыя сношенія нисколько не служатъ лѣкарствомъ противъ этого; половыя отношенія такъ усиливаютъ и повышаютъ половое чувство и половую потребность, что для полнаго удовлетворенія понадобились бы частыя сношенія, переходящія за предѣлы возможнаго въ смыслѣ здоровья и только въ очень рѣдкихъ случаяхъ осуществимыя; наблюденія и доказываютъ, что почти всѣ молодые люди, имѣющіе время отъ времени нормальныя половыя сношенія, предаются на ряду съ ними и мастурбаціи.

Чрезмѣрная потеря сѣмени ослабляетъ организмъ, — безразлично, вызывается ли она чрезмѣрными половыми сношеніями, или чрезмѣрной мастурбаціей. Мастурбація, начинающаяся часто въ отроческомъ возрастѣ, обыкновенно исчезаетъ къ началу зрѣлаго возраста; всего надежнѣе и рѣшительнѣе излѣчиваютъ отъ нея обыкновенно — хотя и не всегда — нормальныя условія брака. Но это вовсе не значитъ, что можно бездѣятельно ожидать, пока бракъ устранитъ это зло, — необходимо, напротивъ, энергично бороться съ мастурбаціей; эта борьба есть въ то же время борьба съ самой половой потребностью. Для этого необходимо прежде всего направить на другой путь фантазію юноши, которая именно у мастурбантовъ имѣетъ сильно

чувственный характеръ, дать ей другіе представленія и образы, отвлечь насколько возможно мысли юноши отъ всего, способнаго раздражать половое чувство: отстранить отъ него сомнительное общество, вредныя книги, дать ему разнообразный трудъ, вперемежку умственный и физическій, — такой, какой необходимъ и въ интересахъ общаго здоровья. Мастурбація никогда не приводитъ къ душевной болѣзни, къ сухоткѣ спинного мозга или къ размягченію мозга; то обстоятельство, что она часто наблюдается у такихъ больныхъ, объясняется тѣмъ, что она слѣдствіе, а не причина этихъ болѣзней.

Угнетенное душевное состояніе многихъ онанистовъ обусловливается не столько онанизмомъ, сколько неосновательнымъ страхомъ погибнуть отъ онанизма, отвыкнуть отъ котораго не хватаетъ силъ; этотъ страхъ питается грубыми рыночными популярно-медицинскими книжками, которыя въ корыстныхъ видахъ наживы изображаютъ онанизмъ и его послѣдствія въ самыхъ мрачныхъ краскахъ, давая въ большинствѣ случаевъ для спасенія отъ него совершенно безполезные шарлатанскіе совѣты.

Особаго упоминанія заслуживаетъ здѣсь ненормально ранняя половая зрѣлость, проявляющаяся въ различныхъ формахъ. Случается, что обѣ стадіи развитія — дѣтскаго и юношескаго возраста — протекаютъ такъ быстро, что не только половая зрѣлость, но и ростъ организма заканчиваются въ половинѣ нормальнаго періода или даже еще раньше. Случается также, что преждевременная физическая зрѣлость переходитъ среднюю мѣру и связывается съ чрезмѣрнымъ обиліемъ жирового отложенія, отчего такіе субъекты пріобрѣтаютъ чудовищную, безобразную полноту. Бываетъ еще и такъ, что половая зрѣлость наступаетъ преждевременно, между тѣмъ какъ другія стороны физическаго и умственнаго развитія отличаются и нормальнымъ характеромъ, и нормальной продолжительностью.

Періодъ развитія половой зрѣлости имѣетъ обыкновенно рѣшающее значеніе въ тѣхъ случаяхъ своеобразнаго уродства, которое называется двуполостью, т. е. въ тѣхъ случаяхъ, когда существуютъ въ болѣе или менѣе явственно выраженной степени и мужскія, и женскія половыя части одновременно. (Ср. стр. 29 наст. тома). Очень часто эта ненормальность остается вначалѣ совсѣмъ незамѣченной, а въ пору половой зрѣлости, когда одинъ полъ отдѣляется отъ другого, обнаруживается истинный полъ; бываютъ все же случаи, когда это устанавливается гораздо позже, или же и навсегда остается нерѣшеннымъ. Въ случаяхъ сомнительныхъ рекомендуется рѣшать этотъ вопросъ всегда въ пользу мужского пола и направить воспитаніе сообразно этому, — изъ простыхъ практическихъ соображеній: понятно, что женщинѣ,

Рис. 102. Человѣкъ съ перчаткой.
По картинѣ Тиціана.

Рис. 103. Дебютъ. По картинѣ А. Фожерона.

воспитанной, какъ мужчина, легче будетъ жить впослѣдствіи, если она и окажется женщиной, — будетъ ли она продолжать ту спеціальность, къ которой была подготовлена воспитаніемъ, или приспособится къ подходящей женской профессіи; мужчинѣ же, если онъ впослѣдствіи окажется таковымъ, будетъ гораздо труднѣе приспособиться къ новымъ условіямъ, если онъ будетъ воспитанъ, какъ женщина.

Изъ числа физическихъ разстройствъ юношескаго

возраста слѣдуетъ отмѣтить, какъ самыя частыя явленія, блѣдную немочь, головныя боли, частыя кровотеченія изъ носа. Эти явленія могутъ имѣть самыя различныя причины; и діагнозъ, и лѣченіе должны быть особые для каждаго отдѣльнаго случая, что можетъ быть сдѣлано, разумѣется, только врачомъ. Нельзя запускать эти разстройства, но, съ другой стороны, не слѣдуетъ также и слишкомъ усердствовать, принимая преувеличенно серьезно всякое пустое недомоганіе. Иногда причиной названныхъ и нѣкоторыхъ другихъ разстройствъ являются разращенія въ носовой полости, и послѣ оперативнаго удаленія ихъ молодые люди, бывшіе прежде унылыми или угрюмыми, становятся бодрыми и веселыми; набуханіе миндалевидныхъ железъ, являющееся часто поводомъ къ болѣзнямъ горла и другимъ недугамъ въ дѣтствѣ, — ко времени половой зрѣлости часто проходитъ само собой.

Въ періодъ роста у молодыхъ людей часто являются такъ называемые недуги переходного возраста; разумнымъ образомъ жизни ихъ нетрудно побѣдить. Слѣдуетъ всегда имѣть въ виду, что въ основѣ всѣхъ подобныхъ непріятныхъ явленій можетъ таиться серьезная болѣзнь, какъ, напр., болѣзнь сердца или начинающійся туберкулезъ; вотъ почему, если такія разстройства или недомоганія длятся болѣе или менѣе долго, необходимо прибѣгнуть къ помощи врача.

О колебаніяхъ въ душевномъ состояніи, объ угнетенныхъ настроеніяхъ и перемѣнахъ въ характерѣ, обнаруживающихся въ періодъ развитія половой зрѣлости, мы уже говорили. Обыкновенно они не выходятъ изъ сферы нормальныхъ явленій и со временемъ исчезаютъ. Но они могутъ быть и началомъ нервныхъ или душевныхъ болѣзней или развиться до степени таковыхъ. Какъ въ глубокой старости бываетъ своеобразное душевное разстройство, характерное для этого возраста, такъ же и въ юношескомъ возрастѣ появляется особая душевная болѣзнь, свойственная этому періоду жизни, юношеское помѣшательство, — въ легкой формѣ вполнѣ излѣчимая, но въ тяжелой формѣ, вслѣдствіе волненій, возбужденія, изнуренія, способная привести къ отупѣнію умственныхъ способностей или къ слабоумію.

Болѣе легкіе случаи этой болѣзни остаются обыкновенно незамѣченными; и въ самомъ дѣлѣ, чрезвычайно трудно отмѣтить границу, у которой кончаются нормальныя явленія періода зрѣлости и за которой начинаются болѣзненныя разстройства, — тѣмъ болѣе, что умственная дѣятельность въ первое время нисколько не ослабляется или ослабляется чуть замѣтно. Если такія разстройства затягиваются дальше періода возмужалости, то они несомнѣнно болѣзненнаго характера; но этого признака ждать нельзя, такое уясненіе было бы запоздалымъ, потому что предпринятое своевременно цѣлесообразное врачебно-воспитательное лѣченіе можетъ предотвратить серьезную бѣду.

Длительное и упорное унылое и печальное состояніе духа, не вызываемое внѣшними причинами, является всегда, и въ особенности въ юношескіе годы, выраженіемъ болѣзненнаго разстройства душевной жизни; оно бываетъ обыкновенно первой ступенью умственнаго разстройства. Молодой человѣкъ, бывшій до того славнымъ, добросовѣстнымъ юношей, теряетъ вдругъ всякій интересъ къ своимъ занятіямъ, къ школѣ, къ положенію,

которое онъ занимаетъ: онъ становится (тутъ явно виденъ переходъ къ особенностямъ, еще не выходящимъ изъ сферы нормальныхъ явленій) задумчивъ, равнодушенъ, вялъ, апатиченъ, замкнутъ, нелюдимъ, склоненъ уединяться, но скоро начинаетъ обнаруживать безпричинное безпокойство, дерзость, надменность, хвастливость. Прежде правдивый, онъ становится лживъ, неискрененъ и нечестенъ. У него появляется раздражительность, неделикатность, грубость и вызывающій тонъ, родителей и воспитателей онъ отказывается слушаться, считаетъ себя умнѣе ихъ, онъ „уже не ребенокъ" и требуетъ самостоятельности, о которой только что и не помышлялъ. Къ обычнымъ выговорамъ и наказаніямъ онъ становится нечувствителенъ. Школа или служебныя обязанности начинаютъ ему казаться тюрьмой, изъ которой онъ стремится вырваться. Отъ уединенія онъ переходитъ къ неумѣреннымъ развлеченіямъ, ищетъ общества, стремится играть роль. У него развивается крайнее самомнѣніе, онъ считаетъ себя геніальной натурой, призванной совершить великое въ искусствѣ и въ наукѣ, перевернуть теологію и философію, рѣшить труднѣйшіе вопросы; онъ кажется себѣ пророкомъ новой вѣры. Каждый часъ, отнимаемый школьными занятіями — даромъ потерянное время; онъ забрасываетъ сочиненіе, математическую задачу, бухгалтерскую работу, инструментъ и берется писать драму, которая должна всколыхнуть весь міръ, или большой романъ, который обнять долженъ собой всю современную культуру, всю исторію развитія человѣчества, все когда-либо забытое всѣми народами во всѣ эпохи. Онъ страстно жаждетъ смѣлыхъ подвиговъ, героическихъ похожденій. Носится съ своей „безупречной честью" и „честнымъ словомъ", которое онъ десятки разъ въ день даетъ и десятки разъ нарушаетъ. Необходимо познакомиться съ жизнью, — а для этого надо оку-

Рис. 104. Жалоба пастуха.
По картинѣ Арн. Беклина.

нуться въ водоворотъ удовольствій; для этого нужны средства, — дѣлаются долги. Деньги добываются, гдѣ и какъ только возможно, — дѣло доходитъ до всякаго рода обмановъ, мошенничествъ, воровства, поддѣлки документовъ.

Само собою разумѣется, что неопытный молодой человѣкъ становится при этомъ жертвой гнусной эксплоатаціи. Часто всѣ подобные проступки совершаются безъ всякой видимой цѣли, изъ чистаго влеченія къ подвигу, изъ легкомыслія и необдуманности, — претерпѣваемый имущественный ущербъ больной даже хорошенько не сознаетъ. Непомѣрный эгоизмъ идетъ рука объ руку съ преувеличенной сострадательностью: хочется все раздарить бѣднымъ, осчастливить все человѣчество; но при этомъ самое благодѣяніе удовлетворенія не даетъ, окольнымъ путемъ хочется получить что-нибудь для себя лично, — за подаренный старый сюртукъ хочется получить новый. Въ сторону добра дорога передъ такимъ больнымъ устлана препятствіями, въ сторону зла — на ней нѣтъ никакихъ преградъ, никакого тормаза. Одна черта характерно отличаетъ всѣхъ такихъ больныхъ: имъ чуждо раскаяніе въ прошлыхъ проступкахъ; самое большее, о чемъ они жалѣютъ, это о непріятныхъ послѣдствіяхъ, но не о совершенной несправедливости или ошибкѣ, даже и въ томъ случаѣ, если сознаютъ ее, но и это далеко не всегда для нихъ возможно.

Хотя самая умственная дѣятельность и не особенно нарушена, все же такіе больные скоро начинаютъ исполнять то, чѣмъ они занимаются, значительно хуже, благодаря появляющимся нерадивости, утратѣ интереса къ дѣлу или разбросанности интересовъ. Знаютъ они всего понемножку и ничего не знаютъ основательно, но то немногое, что знаютъ, большей частью искусно умѣютъ показать „лицомъ". Въ общественныхъ собраніяхъ они умѣютъ заставить слушать себя, съ серьезнымъ видомъ умниковъ вмѣшиваются въ разговоръ взрослыхъ и съ поразительнымъ искусствомъ умѣютъ найтись во всякомъ положеніи, приспособиться ко всякимъ условіямъ. Нѣкоторыхъ увлекаетъ въ далекія странствія внезапно просыпающееся влеченіе къ скитаніямъ. Нѣкоторые разыгрываютъ при случаѣ комедіи покушенія на самоубійства; немало и такихъ, которые дѣйствительно кончаютъ самоубійствомъ. Попытки къ самоубійству и самоубійство, проступки и преступленія въ юношескомъ возрастѣ должны всегда наводить на подозрѣніе въ душевной болѣзни. Въ случаяхъ благопріятныхъ юношеское помѣшательство излѣчивается ко времени перехода въ зрѣлый возрастъ, — въ особенности, если оно было замѣчено своевременно и были приняты цѣлесообразныя врачебно-воспитательныя мѣры. Въ случаяхъ же менѣе благопріятныхъ лѣченіе можетъ дать мало удовлетворительные результаты, и у больного остаются на всю жизнь странности, чудачества и пониженная работоспособность: такія лица годятся только на второстепенныя мѣста въ обществѣ.

Среди проявляющихся въ юношескомъ возрастѣ умственныхъ разстройствъ слѣдуетъ отмѣтить врожденную или возникшую еще въ дѣтствѣ слабость умственныхъ способностей — слабоуміе, — которое было до этого времени мало замѣтно или совсѣмъ не замѣтно, но обнаружилось явно и несомнѣнно съ той поры, когда ученіе потребовало большихъ умственныхъ силъ. Однако при сужденіи объ этомъ явленіи необходимо быть очень осмотрительнымъ. Какъ у людей съ очень раннимъ умственнымъ развитіемъ случается, что къ юношескому или зрѣлому возрасту способности позорно ослабѣваютъ, — такъ случается и наоборотъ, что люди, долгіе годы казавшіеся или дѣйствительно бывшіе умственно отставшими и мало успѣвающими, только

послѣ наступленія половой зрѣлости обнаруживали такое развитіе прежде дремавшихъ способностей, что быстро догоняли или даже перегоняли своихъ ровесниковъ. Иногда причина этого кроется въ томъ, что юноша просто долго безплодно искалъ того пути, который наиболѣе соотвѣтствовалъ его индивидуальнымъ способностямъ и развернулся тогда, когда наконецъ нашелъ.

Уходъ за здоровьемъ въ юношескомъ возрастѣ въ общемъ совпадаетъ съ правилами ухода за здоровьемъ во всѣ другіе возрасты жизни, но нѣсколько пунктовъ требуютъ особаго разсмотрѣнія.

Само собою разумѣется, что въ періодъ роста организма питаніе должно быть хорошимъ и обильнымъ, — и нѣтъ экономіи болѣе превратно понятой, чѣмъ экономія на пищѣ. Наилучшая пища — смѣшанная; слѣдуетъ привыкнуть къ опредѣленнымъ и правильно установленнымъ часамъ ѣды и не быть разборчивымъ въ блюдахъ. Плохой аппетитъ — всегда признакъ разстроеннаго здоровья и требуетъ вниманія, а если это затягивается, то и врачебнаго вмѣшательства. Здоровому юношѣ слѣдуетъ утолять голодъ, но не объѣдаться и откармливаться свыше этой мѣры. Къ этому особенно склонны натуры флегматическія, — онѣ очень легко жирѣютъ, облѣниваются и тупѣютъ, становясь одинаково неспособны къ бодрому труду и къ веселымъ играмъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ ожирѣніе имѣетъ болѣзненную основу; мы уже упоминали объ ожирѣніи, сопряженномъ съ извѣстной особенностью процесса развитія половой зрѣлости.

Рис. 105. Русалка.
По картинѣ Г. Прелля.

Попытки ограниченія необходимаго количества пищи въ интересахъ ослабленія полового инстинкта или лѣченія отъ мастурбаціи — совершенно неправильный путь: во-первыхъ, желанный результатъ этимъ и не будетъ достигнутъ, во вторыхъ, если бы даже кой-чего и удалось достигнуть, то все же эта маленькая польза никакъ не

можетъ окупить того большого вреда, какой претерпѣло бы общее развитіе отъ недостаточнаго питанія. Зато вполнѣ цѣлесообразно при составленіи меню отдавать предпочтеніе овощамъ, плодамъ и мучнымъ блюдамъ, а въ приготовленіи ихъ избѣгать острыхъ приправъ; но исключить совсѣмъ изъ пищи мясо и яйца ни въ какомъ случаѣ нельзя. Необходимымъ условіемъ хорошаго питанія служатъ хорошіе зубы, — вотъ почему важно не пренебрегать уходомъ за зубами, и этотъ уходъ долженъ начаться съ самаго дѣтства, съ появленіемъ перваго зуба.

Обычные яды, употребляемые въ пищу и какъ напитки, должны быть совершенно удалены изъ пищевого обихода юноши. Какао, кофе и чай — самые невинные изъ нихъ, если даются въ надлежаще слабомъ растворѣ и съ большою примѣсью молока и сахара. Табакъ вначалѣ кажется очень непріятнымъ на вкусъ, но къ нему скоро привыкаютъ. Во все время, пока длится ростъ, курить безусловно нельзя, потому что табачный ядъ, никотинъ, можетъ оказать очень неблагопріятное вліяніе на сердце, работающее напряженно въ этомъ возрастѣ. Безусловно нельзя курить, разумѣется, и тому, кто предрасположенъ къ заболѣваніямъ дыхательныхъ органовъ (гортани, дыхательнаго горла, легкихъ). Усиленное куреніе можетъ причинить тяжкій вредъ здоровью; особенно серьезныя разстройства наблюдаются у курильщиковъ папиросъ, между тѣмъ какъ куреніе сигаръ и трубки менѣе опасно.

Напитковъ, содержащихъ алкоголь (пиво, вино, водка), юношамъ необходимо избѣгать безусловно; разрушительное вліяніе ихъ на духъ и тѣло такъ общеизвѣстны, что излишне и говорить объ этомъ. Алкогольные напитки никогда не укрѣпляютъ, а разслабляютъ всегда, — и нѣтъ возможности учесть, какое множество цвѣтущихъ юношей было обречено на гибель, благодаря идіотской трактирной жизни. Въ дикомъ алкогольномъ угарѣ нѣтъ вершины юношескаго энтузіазма — это его темная пропасть; здоровой молодежи свойственъ энтузіазмъ безъ алкоголя. Опьяненіе — источникъ большинства бѣдъ и горя и, прежде всего, половыхъ заболѣваній; безчисленнымъ множествомъ наблюденій доказано, что молодые люди всегда, почти безъ исключенія, обращаются впервые къ сомнительнымъ женщинамъ — и потомъ повторяютъ посѣщенія — послѣ попоекъ и такимъ образомъ, благодаря своей неосторожности и невѣдѣнію, заражаются отъ нихъ.

Первооснова здороваго образа жизни заключается въ правильномъ чередованіи труда и отдыха. Трудъ — не игра, это слѣдуетъ усвоить юношѣ, но онъ не долженъ быть и мученіемъ. Въ томъ, какъ относится юноша къ труду, очень многое зависитъ отъ личныхъ качествъ преподавателя или наставника. Нетерпѣливое или презрительное обращеніе и вѣчное недовѣріе не могутъ поддерживать охоту къ труду; только довѣріе рождаетъ довѣріе. Юноша долженъ умѣть слушаться, повиноваться, подчиняться, но этого нельзя доводить до подавленія всякой самостоятельной мысли, собственнаго сужденія и собственной воли; наоборотъ, школа и ученіе должны образовать и воспитать изъ юноши самостоятельнаго человѣка. Наилучшій учитель и воспитатель тотъ, кто собственной личностью служитъ добрымъ примѣромъ.

Рис. 106. На лыжахъ.

Слѣдуетъ избѣгать переутомленія и чрезмѣрнаго обремененія работой; по предмету, интересующему ученика, на него можно возложить довольно много работы, онъ ее одолѣетъ безъ особеннаго напряженія и безъ вреда; работа же, къ которой онъ относится безъ увлеченія или съ антипатіей, утомитъ его гораздо раньше. Но отъ чрезмѣрнаго обремененія слѣдуетъ отличать тѣ случаи, когда юношѣ просто не по силамъ — умственнымъ или физическимъ — требуемая работа. Тутъ не можетъ быть рѣчи объ уменьшеніи количества работы, а на молодого человѣка остается только возложить трудъ полегче. Тяжело видѣть, когда многіе неблагоразумные родители часто цѣлыми годами мучаютъ и позволяютъ мучить своихъ сыновей, тянутъ ихъ изо всѣхъ силъ къ достиженію „высшей карьеры", пока вынуждены, наконецъ, убѣдиться, что всѣ усилія напрасны, и отводятъ юношѣ болѣе скромный родъ дѣятельности.

Что гораздо вреднѣе, чѣмъ чрезмѣрное обремененіе учебнымъ матеріаломъ, такъ это — слишкомъ частые экзамены; экзаменаціонный страхъ, въ которомъ юноша не всегда сознается, но отъ котораго ни одинъ не свободенъ, можетъ причинить очень серьезныя разстройства здоровья; многое, что ставится на счетъ переобремененію, является на самомъ дѣлѣ слѣд-

ствіемъ страха, волненій передъ исходомъ спроса или экзамена, боязни неудовлетворительнаго отвѣта и связанныхъ съ этимъ непріятностей и вреда. Многое еще предстоитъ сдѣлать нашей школѣ въ интересахъ уменьшенія малыхъ и большихъ повѣрочныхъ испытаній. Неопровержимымъ доказательствомъ того, какъ глубоко они задѣваютъ нашу душу, служатъ наши сны о школьныхъ дѣлахъ и экзаменахъ, въ которыхъ и по прошествіи десятковъ лѣтъ вскрываются и сочатся кровью старыя, давно, казалось, зарубцевавшіяся раны.

Юношей съ сильнымъ и дѣятельнымъ умомъ школа и школьное ученіе вполнѣ не удовлетворяютъ; особенно сильно чувствуютъ потребность въ умственной работѣ юноши, ученіе которыхъ носитъ практическій характеръ. Это стремленіе заслуживаетъ поощренія при соблюденіи условія, чтобы отъ этого не страдало исполненіе прямыхъ обязанностей; для достиженія этой цѣли много путей, и рѣшающее значеніе въ выборѣ того или иного пути имѣютъ индивидуальный вкусъ каждаго и внѣшнія условія.

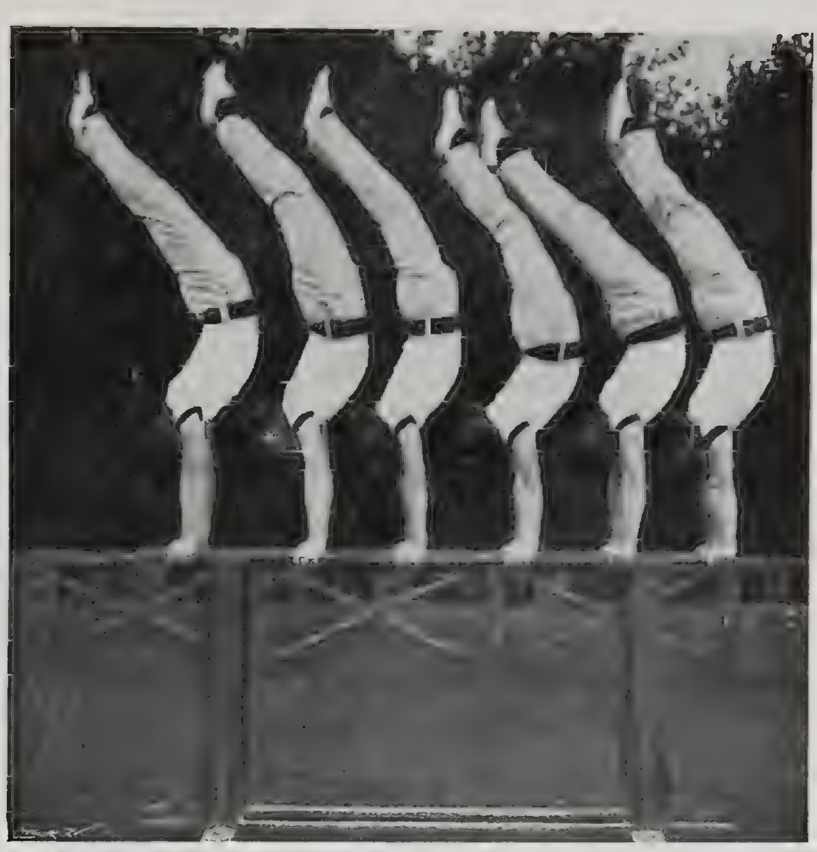

Рис. 107. Гимнастическія упражненія.

Первое мѣсто здѣсь должно быть отведено чтенію, въ выборѣ котораго слѣдуетъ держаться всегда того правила, чтобы оно соотвѣтствовало скорѣе высшему, чѣмъ низшему возрасту и уровню развитія, — т. е. юноша не долженъ довольствоваться такъ называемымъ чтеніемъ „для юношества", а долженъ рѣшаться браться за серьезныя книги, за сочиненія великихъ поэтовъ, за біографіи замѣчательныхъ людей, за сочиненія по исторіи, по исторіи культуры, по географіи, этнографіи, естествознанію. Художественный диллетантизмъ всякаго рода, т. е. игру и забаву искусствомъ, слѣдуетъ не поощрять, а подавлять; исключеніе составляетъ только рисованіе и въ особенности рисованіе съ натуры, занятіе которымъ слѣдуетъ всѣми силами поощрять.

Нѣтъ ничего благодѣтельнѣе для души, какъ и для тѣла,

чѣмъ практическое природовѣдѣніе, — наблюденіе надъ жизнью животныхъ и растеній, научно поставленныя занятія по собиранію насѣкомыхъ, растеній, камней, самостоятельные опыты разведенія и культуры въ акваріумахъ и террaріумахъ, въ саду и огородѣ. Въ видѣ отдыха отъ однообразнаго умственнаго труда полезны всякаго рода ручныя работы, которыя развиваютъ ловкость рукъ и даютъ возможность упражнять лѣвую руку, очень неблагоразумно оставляемую въ пренебреженіи; тотъ, кто въ состояніи выполнить какую-нибудь небольшую техническую ра-

Рис. 108. На веслахъ.

боту собственными руками, всегда окажется самостоятельнѣе всякаго другого, вынужденнаго всегда разсчитывать на чужую помощь.

Бродить по лѣсу и по полю для изученія природы полезно въ то же время и какъ лучшее средство для возстановленія силъ юноши. Гимнастика, плаваніе, верховая ѣзда, велосипедная ѣзда и всѣ виды спорта, какъ, напр., бѣганіе на конькахъ и на лыжахъ, лаунъ-теннисъ, футболъ, борьба, гребля (см. рис. 106, 107, 108) — все это превосходныя средства противъ вредныхъ послѣдствій сидячаго образа жизни, неизбѣжнаго продолжительнаго пребыванія въ запертыхъ помѣщеніяхъ, въ классныхъ ли комнатахъ, въ мастерскихъ или конторахъ; они не только укрѣпляютъ и закаляютъ тѣло, дѣлаютъ его ловкимъ, гибкимъ и способнымъ къ сопротивленію вреднымъ вліяніямъ, но изощряютъ

и чувства, требуютъ находчивости и присутствія духа, развиваютъ отвагу и рѣшительность — высокія добродѣтели юношескаго возраста. Отчасти они представляютъ, вдобавокъ, удобные случаи для веселаго, невиннаго и непринужденнаго общенія съ другимъ поломъ. Чего можно достигнуть съ помощью спорта, мы можемъ видѣть на двухъ снимкахъ съ натуры (рис. 109 и 110), изображающихъ (лицомъ и спиной) прекрасно сложенное тѣло молодого человѣка, доведшаго съ помощью упражненій свою мускулатуру до необыкновеннаго развитія. Кто хорошенько работаетъ физически, тотъ безъ труда забываетъ чувственно-половыя раздраженія и потребности. Усиленная физическая работа всегда сопряжена съ извѣстнымъ переутомленіемъ, — и это также не вредно. Надо только остерегаться чрезмѣрнаго напряженія, которымъ грѣшитъ часто одностороннее увлеченіе спортомъ: сердце страшно сильно работаетъ при спортѣ, и непомѣрно-усиленная работа, въ особенности болѣе или менѣе продолжительная, вызываетъ такія болѣзни сердца, отъ которыхъ часто и не отдѣлаться потомъ. Куреніе и употребленіе алкогольныхъ напитковъ должны быть запрещены при занятіи спортомъ. Лицамъ съ слабымъ сердцемъ и слабыми легкими необходимо соблюдать съ самаго же начала величайшую осторожность при занятіи спортомъ, но умѣренныя физическія упражненія и имъ полезны. Односторонній и оттого умственно бѣдный спортсменъ представляетъ собой такое же несовершенное существо, какъ и боящійся воздуха, неподвижно-вялый и изнѣженный домосѣдъ.

Рис. 109. Хорошо сложенный молодой человѣкъ съ развитой мускулатурой. Видъ сзади.

Крайне ошибочно думать, что физическія упражненія, — представляющія, правда, противовѣсъ умственному напряженію и въ этомъ смыслѣ служащія для возстановленія силъ, — являются противоположностью труду и, какъ таковая, составляютъ часть необходимаго каждому ежедневнаго отдыха. Нѣтъ, тѣлесная дѣятельность есть совершенно такой же трудъ и только трудъ, какъ и умственная дѣятельность, что доказывается

уже тѣмъ, какъ сильно нуждаются въ отдыхѣ люди, работающіе только физически. Очень тщательно произведенными опытами доказано, что мускульное напряженіе при гимнастикѣ не уничтожаетъ умственное утомленіе, а еще усиливаетъ его.

Самую совершенную форму отдыха и оттого дѣйствительное возстановленіе силъ послѣ всякаго труда представляетъ собой сонъ. Продолжительность ночного сна должна составлять въ юношескомъ возрастѣ по крайней мѣрѣ восемь — девять часовъ, — еще лучше, если часомъ или двумя больше; въ отношеніи сна не можетъ быть рѣчи о слишкомъ большой продолжительности; кто много спитъ, тотъ въ часы бодрствованія вдвое бодрѣе и работоспособнѣе другого невыспавшагося. Ложиться слѣдуетъ рано, чтобы раннимъ утромъ начинать дневной трудъ. Въ теченіе дня необходимо дѣлать перерывы въ работѣ, во время которыхъ надо поѣсть и хорошенько полѣниться — понаблюдать, полежать, побродить. Безсонница въ юношескомъ возрастѣ — явленіе безусловно болѣзненное.

Рис. 110. Хорошо сложенный молодой человѣкъ съ развитой мускулатурой. Видъ спереди.

Особенности юношескаго возраста принимаются во вниманіе законами и конституціями всѣхъ народовъ и странъ; съ возрастомъ возрастаютъ права и обязанности. Совершеннолѣтіе въ смыслѣ способности къ судебному свидѣтельствованію подъ присягой наступаетъ по германскимъ законамъ по минованіи 16 лѣтъ, по австрійскимъ — по минованіи 14 лѣтъ; воинская повинность пріурочивается къ полнымъ 20 годамъ, въ Россіи — къ 21 году гражданское совершеннолѣтіе считается въ Германіи и Россіи по минованіи 21 года, въ Австріи — 24 лѣтъ.

Уголовное законодательство караетъ иначе, чѣмъ совершеннолѣтнихъ, малолѣтнихъ преступниковъ, т. е. за преступленія, совершенныя въ возрастѣ между 12 и 18 годами. Ихъ оправдываютъ, если они при совершеніи наказуемаго дѣянія не имѣли надлежащаго сознанія его наказуемости, но все же затѣмъ сдаютъ ихъ родителямъ или помѣщаютъ въ воспитательныя и исправительныя заведенія.

Юноша-преступникъ не карается также ни смертной казнью, ни каторжными работами, и высшая мѣра наказанія лишеніемъ

свободы не можетъ превышать также половинной мѣры наказанія взрослаго. Съ психіатрической точки зрѣнія слѣдуетъ добиваться и требовать, чтобы при всѣхъ преступленіяхъ, совершаемыхъ въ юношескомъ возрастѣ, было обязательно медицинское освидѣтельствованіе умственныхъ способностей и чтобы во всѣхъ случаяхъ прибѣгали вмѣсто наказанія къ воспитанію — или же, при наличности неисправимости, къ продолжительному заключенію.

Наступленіе возмужалости и сопричисленіе юноши къ кругу взрослыхъ обставляется у многихъ дикихъ народовъ большой торжественностью и разнообразными церемоніями. У нѣкоторыхъ культурныхъ народовъ также встрѣчаются особые обычаи, которыми сопровождается вступленіе возмужалаго юноши въ ряды гражданъ.

Юношескій возрастъ опредѣляетъ собою дальнѣйшее развитіе; каждое основное свойство мужчины можно прослѣдить до момента его возникновенія въ юношескіе годы; правда, кой-какія черты можно прослѣдить до еще болѣе ранняго ихъ зарожденія, до ранняго дѣтства и еще дальше — до нахожденія ихъ у родителей и предковъ.

Въ второй части своей „Wahrheit und Dichtung“ Гете (лучшее изображеніе молодого Гете представляетъ собой его статуя во весь ростъ на страссбургскомъ памятникѣ — см. рис. 111) рисуетъ широкую картину своей богатой внѣшней жизнью и внутренними переживаніями юности и указываетъ тѣ пути, которые ведутъ юношу къ дѣятельному зрѣлому возрасту и къ мудрой старости. Онъ приходитъ къ тому заключенію, которое формулируетъ въ своемъ эпиграфѣ: „Къ чему стремишься въ юности, то осуществляется въ старости“. Но осуществившееся стремленіе не удовлетворяетъ, душа тоскуетъ и рвется назадъ къ годамъ стремленій, къ прекрасной юности.

По фотогр. О. Кемница въ Берлинѣ.

Рис. 111. Гете въ молодости. Съ страссбургскаго памятника.

Рис. 112. Послѣ полуночи. По картинѣ Ирмингера.

Глава седьмая.

Мужчина въ супружеской жизни.

(Д-ра философіи Іозефа Мюллера.)

Половая жизнь — поразительнѣйшее созданіе природы. Съ тѣхъ поръ какъ процессъ размноженія развился изъ дѣленія и почкованія до полового соединенія, открылся безконечный просторъ новымъ возможностямъ. Сохраненіе рода стало съ этихъ поръ не слѣпымъ дѣломъ безсознательно дѣйствующей природы, а перешло въ сферу душевной жизни, обсужденія, выбора.

Два самостоятельныхъ индивидуума должны соединиться для цѣлей размноженія; для этого важнаго акта природѣ надо было вселить въ нихъ могучіе инстинкты, уготовить приманки, которыя обусловливали бы волю обѣихъ сторонъ; многочисленность индивидуумовъ обоего пола представляетъ также просторъ подбору, выбору, а съ помощью этого и совершенствованію — собственному и въ интересахъ рода. Средствомъ, которымъ для этого пользуется природа, является половой инстинктъ — вле-

ченіе, которое возвышается у человѣка и даже у высшихъ животныхъ до чувства личной любви.

Природа устроила такъ, что для мужчины являются необычайно привлекательными специально женскія свойства: физическая слабость и хрупкость, непринужденная грація, наивность, сохраняющаяся даже при образованіи, своеобразный характеръ воззрѣній, мышленія и чувствованія, — точно такъ же, какъ и женщина видитъ свой идеалъ въ мужественной смѣлости поступковъ, въ увѣренномъ превосходствѣ и въ сильной волѣ мужчины, которому она добровольно отдаетъ свою жизнь и находитъ въ этомъ свое высшее счастье. Однимъ этимъ уже предопредѣляется то, что отношенія не могутъ исчерпываться однимъ половымъ наслажденіемъ, въ которомъ каждый находитъ полноту удовлетворенія, а должны привести къ жизни исключительно другъ съ другомъ и другъ для друга, сторонясь въ сферѣ своей половой связи отъ всѣхъ постороннихъ, находя свое единственное удовлетвореніе въ общности всѣхъ интересовъ и отношеній жизни. Семью составляетъ не физическая связь, служащая фундаментомъ, и не личная душевная связь, которая можетъ быть очень интимной и въ дружескихъ отношеніяхъ, а только принципъ общаго дома, семейственнаго уклада.

Два индивидуума разнаго пола обособляются отъ остального человѣчества, порываютъ самыя тѣсныя узы, связывавшія ихъ до тѣхъ поръ, чтобы основать вмѣстѣ тѣснѣйшимъ образомъ общую жизнь безъ мысли о разъединеніи когда-либо. Этотъ союзъ, укрѣпленный и освященный государственной и религіозной санкціей, составляетъ основу общественнаго и національнаго единенія и очагъ воспитанія будущихъ гражданъ. Такимъ образомъ, единобрачіе является идеаломъ соціальнаго сообщества, но непремѣннымъ условіемъ прочнаго счастья жизни служатъ глубокія взаимныя уваженіе и любовь, дающія силы противостоять житейскимъ бурямъ, и моральный эгоизмъ, добровольно приспособляющійся къ своеобразнымъ особенностямъ другого существа и радостно несущій общее бремя. Такой союзъ означаетъ готовность и способность все дѣлить съ однимъ человѣкомъ, жить съ нимъ бокъ-о-бокъ день и ночь, брать во всей полнотѣ его физическую и духовную сущность и въ свою очередь отдавать ему взамѣнъ всего себя. Въ этомъ постоянномъ интимномъ общеніи, въ этомъ тѣсномъ сліяніи лежитъ такая смѣсь зависимости и самостоятельности, насилія и нѣжности, пассивнаго принимания дара и активнаго даванія, которая полна неисчерпаемаго очарованія для чувства, когда любовь освѣщаетъ это своимъ лучезарнымъ свѣтомъ, но которая становится нестерпимымъ бременемъ, если партнеръ не умѣетъ оставаться неисчерпаемо новымъ, если онъ не обладаетъ неоскудѣвающимъ запасомъ внутри своей возвышенной индивидуальности, а предстаетъ во всемъ своемъ убожествѣ, едва отлетитъ обаяніе молодости, со всѣми своими недостатками, незамѣченными прежде въ чаду любви.

Итакъ, первымъ условіемъ въ бракѣ долженъ быть слѣдовательно тщательный и благоразумный выборъ супруга. Вѣдь женитьба, основаніе собственнаго дома является самымъ серьезнымъ и важнымъ, самымъ чреватымъ послѣдствіями ша-

гомъ въ жизни. Какое бы видное мѣсто ни занималъ мужчина въ наукѣ, искусствѣ или политикѣ, — личная жизнь получитъ завершеніе только тогда, когда ей дана будетъ соотвѣтственная, отвѣчающая велѣнію природы законченность. Великій философъ Гегель писалъ послѣ своей женитьбы: „Земная цѣль моя достигнута; вѣдь положеніе и любимая жена — вотъ исполненное дѣло жизни. Это главныя основныя статьи того, къ чему стремится индивидуумъ лично для себя; все остальное — даже не отдѣльныя главы, а параграфы и примѣчанія“.

Холостякъ вѣчно чувствуетъ пустоту, которой не въ силахъ заполнить для него ничто, никакой общественный интересъ, никакая художественная дѣятельность; по крайней мѣрѣ, въ отношеніи нормальнаго человѣка это несомнѣнно. Философы съ такимъ огромнымъ богатствомъ внутренняго содержанія, каковы Кантъ и Лейбницъ, геніи вродѣ Бетховена и Грилльпарцера, святые вродѣ Будды и Христа — могутъ и даже должны отрѣшиться отъ женской любви и блаженства, которое она даритъ, если этого требуетъ ихъ миссія, потому что половая любовь сопряжена съ отчужденіемъ и лишеніемъ личной сущности, съ приниженіемъ ея до чувственности, означающей ущербъ для того высшаго духа, который призванъ царить надъ всей вселенной, надъ всѣмъ человѣчествомъ въ его цѣломъ.

Но человѣку среднему, не исключительному, очень трудно переносить одиночество и унылую пустоту холостой жизни; нѣсколько легче это тому, кто посвящаетъ свою жизнь воспитанію и образованію юношества, — въ этомъ общеніи съ молодежью его потребность любви можетъ найти удовлетвореніе, а безъ этого холостякъ представляетъ собой крайне жалкую фигуру. Внутреннія сокровища души, открывающіяся только другому полу, только отъ прикосновенія волшебнаго жезла любви, остаются зарытыми, и душа легко замыкается отъ жизни, подпадаетъ ипохондріи.

Итакъ, выборъ подходящаго спутника жизни составляетъ безспорно важнѣйшій жизненный актъ, отъ котораго зависитъ все счастье человѣка. Чему же удивляться, что въ наше время такое множество несчастныхъ браковъ и что такъ быстро возрастаетъ число разводовъ, когда къ этому существеннѣйшему вопросу жизни начали относиться такъ поверхностно и легкомысленно, ставя его рѣшеніе въ зависимость отъ внѣшнихъ соображеній — денежныхъ, сословныхъ и т. п., прибѣгая даже къ газетному посредничеству, „по недостатку женскихъ знакомствъ“. Тому, у кого не хватаетъ досуга подыскать и выбрать себѣ жену, совсѣмъ не слѣдовало бы жениться, — справедливо замѣчаетъ Риль. Предоставить подобное дѣло случаю, — это значитъ ставить на карту все счастье жизни.

Правда, вполнѣ надежныхъ гарантій счастливаго брака не даетъ и любовь; въ упоеніи страсти остаются часто незамѣченными многія черты характера, которыя должны были бы послужить предостереженіемъ, и маленькіе капризы, которые кажутся плѣнительными на зеленой вѣткѣ жениховской пары, начинаютъ зіять — какъ говоритъ Жанъ Поль — „зловѣщими дуплистыми сучками на сухомъ деревѣ супружескаго ярма“. Но нельзя также совсѣмъ не придавать значенія вопросамъ принадлеж-

ности къ тому или другому общественному кругу и матеріальной основѣ семейной жизни. Всего важнѣе въ будущей супругѣ мягкость и веселость характера, подкупающая привѣтливость, способная прогнать всѣ заботы, легкій юморъ, побѣждающій всѣ невзгоды. Жена, обладающая этими свойствами, остается неизсякаемымъ источникомъ утѣшенія при всякихъ переживаніяхъ въ жизни, тогда какъ слезливое существо отравляетъ и самые свѣтлые часы. Слѣдуетъ тщательно изучить также, какова невѣста въ моменты страданія или гнѣва, какова въ обращеніи съ прислугой, въ отношеніяхъ враждебности или соперничества. Иначе придется поплатиться долгимъ раскаяніемъ за краткую мечту.

Въ самой же супружеской жизни надо держаться осторожно и деликатно, избѣгать столкновеній, но при всемъ благоразуміи и при всемъ терпѣніи сохранять твердость. Разъ бракъ соединилъ для совмѣстной жизни, надо стараться все видѣть въ лучшемъ свѣтѣ, все истолковывать въ лучшую сторону, надо умѣть наивозможно лучше мириться съ неизбѣжными слабостями и недостатками, отъ которыхъ ни одинъ человѣкъ не свободенъ. Бракъ — не увеселительное учрежденіе, а школа жизни, пробный камень характера; онъ требуетъ самовоспитанія, самообузданія, обузданія своего темперамента, приспособленія къ чужимъ взглядамъ и вкусамъ; онъ требуетъ самоотверженія и самоотреченія, терпимости и преданности, тысячи уступокъ, вниманія и снисходительности, поддерживающихъ волю въ вѣчномъ напряженіи. Холостякъ совершенно не замѣчаетъ своихъ недостатковъ, такъ какъ онъ можетъ выбирать кругъ своего знакомства свободно по своему вкусу и можетъ во всякое время прервать какія-нибудь отношенія, едва — по непостоянству своему — началъ ими тяготиться; мужъ же долженъ обладать постоянствомъ и устойчивостью и отшлифовывать острые углы своего характера, если не хочетъ отравить свою семейную жизнь, — а бракъ не такъ легко перемѣнить, какъ общество или знакомство. Постоянство и вѣрность, эти важные оселки характера, составляютъ первую основу образцовыхъ супружествъ, и тотъ, кто ихъ блюдетъ, оказывается обыкновенно и самымъ вѣрнымъ гражданиномъ своей страны, самымъ надежнымъ членомъ общества.

Не надо думать, что одна любовь способна научить такому самоотреченію и сдѣлать его легкимъ дѣломъ. Мы видѣли множество браковъ по самой пылкой любви, распадающихся послѣ нѣсколькихъ лѣтъ, случается — даже послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ; одна страсть безъ прочной спайки твердаго характера, сознающаго всю свою отвѣтственность, не даетъ надежныхъ гарантій. Восторженное увлеченіе не выдерживаетъ однообразнаго рода рабочихъ буденъ, не въ силахъ устоять передъ бурями ненастья и невзгодъ жизни; сохранить и при этомъ неослабное постянство и преданную привязанность — для этого нужны болѣе высокіе источники энтузіазма, чѣмъ тѣ, какіе можетъ дать физическая природа: для этого нужна та любовь, которая неспособна къ дурнымъ помысламъ, которая не озлобляется, все несетъ, ко всему снисходитъ, всему вѣритъ. Это та любовь, которая занята не собой, которая видитъ свою цѣль не въ личномъ наслажденіи, а въ томъ, чтобы дать счастье другому. Она не осте-

регается капризовъ и отстаиванія собственной правоты въ спорахъ, она старается сохранять всегда привѣтливый видъ, хотя бы на душѣ было нерадостно; она умѣетъ также считаться съ чувствами другого и не усиливать собственными жалобами и протестами дурное настроеніе другого, къ которому часто подаютъ поводъ отношенія съ людьми и служебныя или дѣловыя непріятности.

Мудрый совѣтъ далъ великій психологъ Германъ Лотце своему сыну передъ его женитьбой: „Будь кротокъ и ласковъ съ своей невѣстой и помни, что ни одно злое слово не забывается, но и доброе остается памятнымъ. Питайте довѣріе другъ къ другу и не упускайте изъ виду, что всякій имѣетъ право быть время отъ времени не въ духѣ, самъ не зная причины, и что въ такихъ случаяхъ необходимо быть терпѣливымъ другъ къ другу“. Очень важенъ также другой пунктъ, который затрагиваетъ Георгъ Зиммель въ своей „Psychologie der Discretion“. Берлинскій философъ предостерегаетъ противъ неделикатнаго вторженія въ сферу „душевной частной собственности“, чего долженъ остерегаться всякій. Мы видимъ теперь въ бракѣ, говоритъ онъ, общность всѣхъ условій и отношеній жизни; въ этомъ кроется большая опасность, — опасность утратить другъ передъ другомъ и послѣдніе резервы душевныхъ силъ, и результатомъ этого является, вмѣсто страстно желаннаго слiянія другъ съ другомъ, напротивъ, взаимное разочарованіе. „Наступаетъ день, когда супруги оказываются другъ передъ другомъ съ пустыми руками; діонисовскіе восторги смѣняются душевнымъ оскудѣніемъ, омрачающимъ даже испытанное ранѣе счастье. Слишкомъ полное знаніе другъ друга до мелочей, если оно дало даже одно хорошее, губитъ очарованіе фантазіи, обаяніе неизвѣстнаго, психическихъ неожиданностей. Этого трагическаго положенія избѣгаютъ только тѣ, которые не умѣли открыться до конца, оттого что въ душѣ непрерывно растетъ неисчерпаемое богатство, исключающее возможность оскудѣнія, оттого что за послѣднимъ ихъ откровеніемъ всегда оказывается новое откровеніе, самое послѣднее, неожиданное и чарующее. Такія натуры умѣютъ также владѣть собой, чего другіе, менѣе богато одаренные люди, вынуждены добиваться путемъ самовоспитанія; онѣ обладаютъ тѣмъ, что необходимо умѣть сохранить и въ самыхъ интимныхъ отношеніяхъ: неприкосновенной частной собственностью, тайной, которая никогда не открывается до конца, утонченнѣйшей стыдливостью, возможностью безконечно дарить“.

Къ этой деликатности и скромности относится также тайна писемъ. Взаимное шпіонство, которое практикуется большей частью между супругами въ перепискѣ, которое разсматривается даже какъ право и обязанность, сводится въ сущности къ простому недостатку довѣрія и представляетъ собой кромѣ того нарушеніе чужихъ правъ. Въ настоящее время, когда даже въ интернатахъ при учебныхъ заведеніяхъ разумно перестаютъ контролировать переписку между воспитанниками и родителями, — слѣдовало бы положить конецъ супружескому сыску.

Для мужчины бракъ не такъ исключительно заполняетъ все содержаніе жизни, какъ для женщины. Эту разницу чрезвычайно мѣтко исчерпываетъ выраженіе Жанъ Поля: „Женщина

любитъ всегда, у мужчины есть дѣла и интересы въ промежуточное время". Жизнь женщины можетъ наполнить семейная сфера, обязанности жены, матери, хозяйки дома; есть еще что-нибудь, — художественные, научные, общественные интересы, — спасибо за эту прибавку; но это прибавка, выходящая за предѣлы естественной сферы женственности. Что это такъ, это доказываетъ уже тотъ фактъ, удостовѣренный опытомъ, что эти виды дѣятельности въ большинствѣ случаевъ тотчасъ забрасываются, какъ только семейныя заботы захватятъ собой учительницу или художницу, между тѣмъ какъ ни одинъ настоящій мужчина не оставитъ свою спеціальность ради жены и не удовольствуется одной семейной жизнью. Этимъ я отнюдь не имѣю въ виду возстать противъ доступа безсемейныхъ женщинъ къ подходящимъ сферамъ дѣятельности, что сдѣлалось въ наше время прямой необходимостью по соціальнымъ причинамъ.

Что бракъ представляетъ собой для женщины нѣчто совсѣмъ иное, чѣмъ для мужчины, — это съ несомнѣнностью доказываютъ гораздо болѣе высокія требованія, которыя онъ предъявляетъ къ женщинѣ. Тяготы беременности, муки родовъ, кормленіе грудью и уходъ за дѣтьми, выпадающій почти исключительно на долю матери, представляютъ по сравненію съ мужской долей участія въ дѣторожденіи непропорціонально тяжкое бремя, взваливаемое природой на женскую долю, въ которомъ представленіе древнихъ народовъ усматривало проклятіе и единственное объясненіе ему находило въ извѣстной грѣховности женщины. Долгъ мужчины — относиться въ эти періоды къ женщинѣ заботливо и бережно и тщательно изучать женскую душу, организованную во многихъ отношеніяхъ иначе, чѣмъ его душа.

Риббингъ рекомендуетъ (въ своемъ сочиненіи „Sexuelle Hygiene und ihre ethischen Konsequenzen") мужчинѣ чуткую и деликатную осторожность въ отношеніи женщины съ первыхъ же моментовъ брака. Онъ говоритъ, что первое же супружеское сближеніе является для женщины болѣзненной операціей, которая можетъ привести даже къ припадкамъ судорогъ. Кромѣ того, вся перемѣна жизни глубоко охватываетъ собой всю душу женщины. Мужъ долженъ дать женѣ время и возможность освоиться съ этимъ, слить эту новую жизнь въ одно цѣлое со всякими своими нравственными и религіозными взглядами. Бываютъ случаи, когда нетерпѣливые мужья своимъ невѣдѣніемъ и грубостью въ теченіе медоваго мѣсяца губятъ всю свою супружескую жизнь.

Съ свойственной ему тонкостью психологическаго анализа указываетъ и Ницше (въ „Fröhliche Wissenschaft") на рѣзкую перемѣну, испытываемую дѣвушками при внезапной передачѣ ихъ съ рукъ на руки мужьямъ. Онъ говоритъ: „Есть что-то изумительное, чудовищное въ воспитаніи женщинъ, — быть можетъ, нѣтъ ничего парадоксальнѣе. Всѣ единодушно сходятся на томъ, что ихъ слѣдуетъ воспитывать въ возможно большемъ невѣдѣніи in eroticis и вселить имъ въ душу глубокій стыдъ передъ всѣмъ подобнымъ, стремленіе обратиться въ бѣгство при одномъ намекѣ на эти вещи. Къ этому одному, въ сущности, сводится и вся женская „честь"; чего только имъ не прощаютъ помимо этого... И вдругъ очутиться, какъ силой громового удара, втолкнутой въ дѣйствительность,

въ откровеніе знанія въ бракѣ — и именно рукой того, кого ей надо было бы любить больше всего, ставить выше всего! Натолкнуться на противорѣчіе между любовью и стыдливостью, быть вынужденной испытать восторгъ, жертву, долгъ, сострадание, испугъ, неожиданное совмѣщеніе Бога и звѣря и многое, многое еще — въ немъ одномъ и сразу! Вотъ запутанный узелъ, подобнаго которому не найти. Даже сострадательнаго любопытства мудрѣйшаго сердцевѣда не хватитъ, чтобъ отгадать, какъ справляется та или другая женщина съ рѣшеніемъ этой загадки и съ загадочностью этого рѣшенія, какое ужасное подозрѣніе должно при этомъ зародиться въ бѣдной выбитой изъ колеи душѣ, какъ бросить якорь на этомъ пунктѣ конечная философія и скептицизмъ женщины! На самомъ днѣ души глубокое молчаніе передъ самой собою, закрываніе глазъ на себя самое. Молодыя женщины старательно заботятся о томъ, чтобы казаться поверхностными и ни о чемъ не думающими, самыя хитрыя изъ нихъ лицемѣрно разыгрываютъ извѣстное безстыдство. Мужчины часто представляются женщинамъ вопросительнымъ знакомъ, поставленнымъ надъ ихъ честью, а дѣти — искупленіемъ и карой. Потребность ихъ въ дѣтяхъ и желаніе имѣть ихъ — совершенно иного рода, чѣмъ желаніе мужчинъ. Словомъ, въ отношеніи къ женщинѣ мало самой безпредѣльной кротости".

Послѣднее въ особенности необходимо усвоить мужу, чтобы не слишкомъ насильственно обойтись съ привитой воспитаніемъ стыдливостью, излѣчимой во многихъ отношеніяхъ. „Крейцерова соната" Толстого рисуетъ въ очень крайнихъ, правда, проявленіяхъ послѣдствія неумѣреннаго и эгоистичнаго обращенія. Эллисъ (въ своемъ сочиненіи „Das Geschlechtsgefühl") обращаетъ вниманіе на различіе мужского и женскаго эротическаго чувства и внушаетъ мужчинѣ необходимость изучать женскую душу и бережно считаться съ ней. Особенно необходимо бережное отношеніе къ женщинѣ во время беременности и порядочное время послѣ родовъ — во избѣжаніе могущихъ возникнуть нервныхъ разстройствъ и женскихъ болѣзней.

Эта забота, предписываемая природой и нравственностью, властно требуетъ отъ мужчины воздержности. Истинная любовь умѣетъ безъ труда подчиняться этому требованію и распространить ту нѣжность, которую проявляетъ во всемъ, и на половыя отношенія. Она умѣетъ не тяготиться воздержностью и въ періоды болѣзни жены не скорбѣть объ утратѣ блаженныхъ чувствъ первой поры. Прекрасно говоритъ объ этомъ Эмерсонъ: „Когда увядаетъ цвѣтущая юность, тогда мы постигаемъ, что она была только лѣсами истинной долговѣчной любви, имѣвшей болѣе высокій фундаментъ". Адальбертъ Штифтеръ чудесно воспѣлъ „позднее лѣто" любви въ романѣ, носящемъ это заглавіе. „Существуетъ супружеская любовь, — говоритъ онъ въ этомъ романѣ, — являющаяся послѣ пламенной и бурной любви, влекущей мужчину къ женщинѣ, въ видѣ тихой, глубоко искренней дружбы, которая возвышается надъ всякимъ страданіемъ и всякимъ осужденіемъ и представляетъ собой, быть можетъ, самую высокую чистоту отношеній, къ какимъ только способны люди".

То, что есть въ человѣкѣ чистаго и долговѣчнаго, не сотрется и не потускнѣетъ никогда, какъ брилліантъ. На чету стариковъ, вродѣ Филемона и Бавкиды (рис. 113), такое же наслажденіе смотрѣть, какъ на молодую чету въ первую пору счастья, и насъ не удивляетъ, что ихъ единственное желаніе — вмѣстѣ умереть по волѣ боговъ. Всѣ эпохи и всѣ народы имѣютъ свои идеальные образы подобной супружеской любви. Назовемъ только нѣкоторые изъ нихъ: Наль и Дамаянти, Гекторъ

По фотогр. изд. Фр. Ганфштенгеля въ Мюнхенѣ.

Рис. 113. Юпитеръ и Меркурій у Филемона и Бавкиды.
По картинѣ П. Рубенса.

и Андромаха (рис. 115), Одиссей и Пенелопа, Адметъ и Алькестида, Пэтъ и Аррія; всѣ они свидѣтельствуютъ о героизмѣ супружеской вѣрности и въ эпоху язычества.

Вотъ что еще заслуживаетъ особаго разсмотрѣнія: обязанность, которая лежитъ на мужѣ, но которую онъ часто упускаетъ изъ виду: воспитаніе женщины, съ которымъ рука объ руку идетъ воспитаніе женщиной. Женщины остаются дѣтьми всю свою жизнь, по крайней мѣрѣ въ томъ смыслѣ, что нуждаются всю жизнь въ руководствѣ. Мужъ является для нея наставникомъ высшей школы; онъ принимаетъ взрослую ученицу изъ рукъ родителей и воспитательницъ, чтобы приготовить ее къ великой школѣ жизни. Какая это высокая задача!

Мужчина большей частью ищетъ въ бракѣ отдыха и покоя; онъ хочетъ имѣть дома свой уютъ, — вѣдь весь день такъ полонъ хлопотъ и непріятностей по службѣ или по профессіи! И если дома жена его встрѣчаетъ домашними заботами и непріятностями, причиняемыми воспитаніемъ дѣтей или прислугой, его это тяготитъ. Я не говорю, что мужчина долженъ самъ руководить всѣми дѣлами, но онъ долженъ руководить женой, направить ее такъ, чтобы она это сумѣла сдѣлать; изъ нерѣшительнаго ребенка, никогда не хозяйничавшаго самостоятельно, скромно жившаго до тѣхъ поръ подъ непрерывнымъ контролемъ и указаніями, онъ долженъ сдѣлать хозяйку дома, спутницей зрѣлаго, серьезнаго человѣка. А гдѣ же существуетъ воспитаніе, приготовляющее къ браку? Возможно только воспитаніе въ бракѣ, и мужъ долженъ взять его на себя.

Представимъ себѣ положеніе молодой дѣвушки предъ замужествомъ. Въ короткій цвѣтущій періодъ дѣвичества молодая душа утопаетъ въ водоворотѣ грезъ, вращающихся вокругъ одного единственнаго пункта. У вышедшей изъ школы дѣвушки гораздо больше досуга для размышленій и мечтаній, чѣмъ у юноши, поглощеннаго трудами дальнѣйшаго образованія. Обычныя женскія занятія также оставляютъ гораздо большій просторъ фантазіи. Все, что она слышитъ и читаетъ, развиваетъ въ ней ожиданіе того великаго счастья, которое подкрадется къ молодой женщинѣ, какъ тать въ ночи, — и она ждетъ его съ горящими глазами и затаеннымъ дыханіемъ. Формирующаяся женщина страстно томится, ожидая его (превосходно передаетъ это настроеніе рис. 115), но въ то же время и боится его: вѣдь онъ раскроетъ передъ ней великое таинство. Горе мужу, если онъ не сумѣлъ сдержать того, что обѣщалъ женихъ, — если ожиданіе перешло въ разочарованіе!

Мужчинѣ слѣдуетъ помнить, что если для него любовь и бракъ не единственное дѣло жизни, то все же и не препровожденіе времени, а серьезное дѣло, требующее много благоразумія, силы характера, сердечной доброты. Мужъ долженъ быть руководителемъ, опорой жены, — такъ хочетъ природа, такъ устроено нашими гражданскими соціальными установленіями. Женщина никогда не можетъ сдѣлаться мужчиной, какъ и мужчина женщиной. Природой и человѣческими обычаями установлено, что каждому изъ нихъ отведенъ свой особый кругъ дѣйствій, но руководить всѣмъ можетъ только одна рука. „Да будетъ онъ твоимъ господиномъ“ — это не устарѣетъ никогда, и полное равноправіе женщины, о которомъ мечтаютъ фанатики идеи эмансипаціи, такъ же неосуществимо, какъ и многія другія утопіи, волнующія людей цѣлыя тысячелѣтія. Да и женщинѣ была бы оказана плохая услуга, такъ какъ она можетъ быть счастлива только отдаваясь, только самоотверженной преданностью.

Люди, стремящіеся освободить и осчастливить женщину, начиная отъ Стюарта Милля, всѣ сосредоточиваютъ свое вниманіе только на внѣшнемъ, правовомъ положеніи женщины, они даруютъ женщинѣ всевозможныя вольности, за исключеніемъ одной: свободы и права быть женщиной. А для этого мужу

Рис. 114. Прощаніе Гектора съ Андромахой.
По гравюрѣ Фр. Преллера Мл.

необходимо быть настоящимъ, совершеннымъ мужчиной; онъ долженъ умѣть импонировать женѣ, долженъ стоять на высотѣ предстоящей ему задачи; онъ долженъ быть тѣмъ устойчивымъ стволомъ, вокругъ котораго обовьется тоненькая лоза-женщина. Что̀ вся слава внѣ дома, что успѣхи и удачи въ кабинетѣ, на каѳедрѣ и на трибунѣ — для мужчины, который не умѣетъ создать себѣ почетнаго положенія въ собственномъ домѣ, если онъ, какъ человѣкъ, быть можетъ, такая же незначительная величина, насколько крупная въ своей спеціальности? Дома, въ

Рис. 115. Ожиданіе. По картинѣ А. Шрамма.

постоянномъ общеніи, подъ проницательнымъ взглядомъ жены, сказывается истинная душевная сущность, — тутъ невозможно вѣчно драпироваться въ тогу и носить офиціальную маску; — часто тутъ герой, которому изумляются въ обществѣ, оказывается человѣкомъ слабымъ, даже презрѣннымъ. Глубокая истина — если и не всегда, то очень часто — кроется въ извѣстной поговоркѣ: нѣтъ великаго человѣка для его лакея. Но еще безспорнѣе это, прибавимъ мы, въ отношеніи его жены, потому что женскій глазъ еще проницательнѣе и жена, благодаря интимной близости съ мужемъ, недоступной для лакея, можетъ разглядѣть затаенныя глубины его души.

Женщина нуждается для своего совершенства въ мужчинѣ больше, чѣмъ мужчина въ женщинѣ. Она не можетъ безъ вреда для себя прожить жизнь одна. Геррэсъ писалъ своей невѣстѣ: „Природа отказала вамъ въ непосредственномъ достиженіи того, что она сдѣлала для мужчины цѣлью его стремленій; но она дала это вамъ черезъ посредство мужчины; въ немъ вы владѣете всѣмъ, что выпало свершить на долю его организаціи. Какъ нераздѣльная составная часть его существа, вы обладаете всѣми сокровищами, которыми владѣетъ онъ, и природа для вашего же блага избавила васъ отъ усилій пріобрѣтать все самимъ. Она наложила на васъ физическія тяготы, отъ которыхъ избавила насъ, но зато взвалила на насъ другія тяготы и этимъ уравновѣсила бремя больше, чѣмъ полной мѣрой“.

Какъ же слѣдуетъ мужу воспитывать свою жену?

Прежде всего онъ долженъ сумѣть завоевать подобающее воспитателю уваженіе, необходимый авторитетъ. Первое и важнѣйшее правило для этого даетъ Жанъ Поль въ § 77 своего классическаго труда: „Пусть только мужъ остается любовникомъ своей жены, — тогда она подчинится его воспитанію, по крайней мѣрѣ нравственному. Какъ слушаетъ благородная дѣвушка, особенно невѣста, поученія юноши!“ Сама природа,

какъ прекрасно доказываютъ Гердеръ и Жанъ Поль, одарила женское сердце уваженіемъ къ мужчинѣ. Чего не достигнетъ мужчина, если къ уваженію прибавится еще любовь, когда всѣ грезы дѣвичьяго сердца воплотятся въ немъ, и въ немъ откроется и расцвѣтетъ для нея новый міръ?

Если мужъ утратилъ власть любви, то никакія поученія ни къ чему не приведутъ, потому что доводы не имѣютъ надъ женщиной силы, — въ поступкахъ и мысляхъ она повинуется чувству.

Мужъ долженъ оставаться всю жизнь любовникомъ своей жены, не требуя ея благосклонности, а испрашивая ее; онъ долженъ быть умѣренъ въ своихъ требованіяхъ, никогда не выставляя себя повелителемъ, властелиномъ. Нѣтъ ничего презрѣннѣе тѣхъ грубыхъ переходовъ отъ тона сентиментальнаго любовника къ тону домашняго тирана, которые встрѣчаются такъ часто. Чисто женская черта — требовать кротости и деликатности во всемъ, даже тамъ, гдѣ мужъ предъявляетъ справедливыя требованія; женщина привыкла къ галантному обращенію и охотно оказываетъ повиновеніе, если у мужчины хватитъ деликатности облечь свое право въ форму просьбы, дать ей возможность дарить свою благосклонность. Въ жизни вообще многое зависитъ отъ формы, отъ такта, — особенно же въ отношеніяхъ къ женщинѣ. Даже неизбѣжное замѣчаніе, всякій выговоръ слѣдуетъ облекать въ осторожную форму, даже въ шутливую. Въ собственной сферѣ женщины — въ домашнемъ хозяйствѣ, въ управленіи прислугой — женѣ слѣдуетъ предоставить свободу;

Рис. 116. „Чуточку выше!“ По картинѣ Т Функа.

По фотогр. Арт. Маркса во Франкф.-на-Майнѣ.

Рис. 117. Клара Шуманъ.

сказать въ случаѣ надобности свое рѣшительное слово всегда успѣется. Жанъ Поль такъ говоритъ по самому щекотливому вопросу: „Мужу слѣдуетъ заглянуть разъ въ горшокъ, чтобы знать, можетъ ли онъ впредь не дѣлать этого“.

Но самая главная задача воспитанія въ супружеской жизни — а воспитаніе это взаимно — составляетъ въ то же время и его существеннѣйшее высокое внутреннее счастье: взаимное образованіе и развитіе, обмѣнъ мыслей въ задушевной бесѣдѣ, самое широкое развитіе всѣхъ силъ, оплодотвореніе ума и души путемъ сліянія съ другимъ поломъ. Матеріалъ для этого неисчерпаемъ; онъ простирается на всѣ высоты и глубины жизни и міра, онъ обнимаетъ собой взаимное обученіе, совмѣстныя занятія искусствомъ, музыкой, живописью, поэзіей, совмѣстное наслажденіе природой, общую любовь и дружбу къ окружающимъ, совмѣстное общеніе съ своимъ кружкомъ и съ обществомъ. Прелестная картинка „Чуточку выше“ (рис. 116) показываетъ намъ такой моментъ душевнаго единенія супруговъ въ занятіи музыкой.

Совмѣстное занятіе наукой и искусствомъ съ любящимъ существомъ даетъ необычайно высокое наслажденіе, еще усиливающееся тѣмъ облагораживающимъ вліяніемъ, которое оказываетъ при этомъ мужъ на жену, и той выгодой, которую онъ самъ почерпаетъ въ этомъ совмѣстномъ трудѣ. Рис. 112 („Послѣ полуночи“) показываетъ намъ заработавшагося мужа, поднявшаго глаза къ своей женѣ, ища и почерпая въ ея глазахъ новыя силы для дальнѣйшей работы.

Разумѣется, мужъ долженъ осторожно выбирать предметы, съ которыми бы ознакомлялъ жену, не упуская изъ виду своеобразныхъ особенностей женской души. Ученый, посвящающій жену въ свои научные интересы, государственный дѣятель, посвящающій ее въ политическія интриги, поступаютъ такъ же неправильно, какъ и жена, которая вводитъ мужа во всѣ дрязги домашнихъ интересовъ и непріятностей съ прислугой. Но что и женщина не чужда высокихъ проявленій духа, — это доказываютъ своимъ примѣромъ такія женщины, какъ Корнелія, Сафо, Элоиза, m-me Севинье, Кауфманъ, Башкирцева; а что женщина можетъ быть драгоцѣнной помощницей геніальнаго мужчины, объ этомъ свидѣтельствуютъ яркіе образы вродѣ Христины Рейске или Каролины Гердеръ.

Собственный портретъ П. П. Рубенса и его первой жены Изабеллы Брандъ.

Т-во „Просвѣщеніе“ въ Спб.

Неисчислимо вліяніе женщины, какъ музы и вдохновительницы генія (ср. II часть настоящаго тома). Поэтъ и художникъ нуждаются въ божественномъ образѣ, являющемся конкретнымъ идеаломъ для его фантазіи; естественно, что этотъ идеалъ воплощается въ женскихъ формахъ, такъ какъ одна возвышенная любовь способна зажечь всѣ лучшія мощныя силы генія. Чѣмъ была Беатриче для Данте, тѣмъ же была Лаура для Петрарки (рис. 119), Витторія Колонна для Анджелло Буонаротти, Клара Виккъ для Роберта Шумана (рис. 117 и 118), Матильда Вэзсидонъ для Рихарда Вагнера. Не будь прекрасныхъ живыхъ женскихъ образцовъ, мы не имѣли бы тѣхъ произведеній, которыя они пробудили въ умахъ художниковъ, „которыя божественной рукой взлелѣяли и создали любовь и дружба".

Стоитъ посѣтить виллу Ольджіати, священныя мѣста, гдѣ жилъ Рафаэль со своей возлюбленной, — и мы увидимъ тамъ безчисленныя повторенія ея образа, переплетеннаго фигурами амуровъ; посмотримъ на картины Рубенса, и мы увидимъ образъ его жены (см. отд. табл.), претворенный то въ образъ Венеры, то въ образъ Мадонны.

Но и спустившись въ сферу жизни простыхъ, обыкновенныхъ людей, мы увидимъ, какъ прекрасно все возвышающее и облагораживающее сердце, когда его дѣлятъ между собою любящіе, какъ удваивается тогда радость и наслажденіе красотой. Почему люди такъ охотно посѣщаютъ литературные и другіе вечера и собранія, гдѣ собираются оба пола? почему совершаютъ совмѣстныя экскурсіи и пр.? Потому что особенности взглядовъ и отношеній къ тому или иному вопросу другого пола имѣютъ для насъ своеобразную прелесть, дополняютъ намъ насъ самихъ, — потому что одна близость и соприкосновеніе между мужчиной и женщиной оказываетъ желательное дѣйствіе. И это дѣйствіе возрастаетъ выше всякой мѣры, когда въ такомъ занятіи сойдутся двое избранныхъ, между которыми исчезли всякія условныя преграды. Насколько возрастаетъ для насъ наслажденіе стихотвореніемъ, когда мы слышимъ его въ красивомъ чтеніи изъ любимыхъ устъ! Какое наслажденіе способна намъ доставить даже простая вышивка, произведеніе маленькаго таланта, если она сдѣлана любимыми руками! А какую неисчерпаемую прелесть

Изъ коллекціи портр. Фр. Ганфштенгеля.

Рис. 118. Робертъ Шуманъ

По гравюрѣ Бендемана.

Рис. 119. Петрарка и Лаура. По картинѣ I. Флура.

имѣютъ безконечныя бесѣды любящихъ, хотя бы интересныя только для нихъ однихъ.

Со стороны посмѣиваются надъ болтливостью влюбленныхъ: о чемъ это они никакъ не наговорятся? Они говорятъ о томъ, что они любятъ другъ друга, неустанно говорятъ это другъ другу, и никогда имъ не кажется скучной эта веселая тема. И даже когда они молчатъ, — полонъ краснорѣчія каждый ихъ взглядъ, каждый жестъ. Трудно представить себѣ неисчерпаемую изобрѣтательность любви въ этомъ языкѣ сердца, въ этомъ богатствѣ оборотовъ, которыми они умѣютъ выражать единое властвующее чувство. Нѣтъ лѣтописца болѣе обстоятельнаго и

въ то же время болѣе занимательнаго, чѣмъ любовь; все она пріурочиваетъ къ счастливому дню и мгновенію, къ счастливому мѣсту первой встрѣчи любящихъ. Хорошія и дурныя минуты ихъ любви, размолвки и примиренія ихъ — все это цѣлыя эпохи, революціи въ исторіи ихъ сердца, передъ которыми тускнѣютъ всѣ великія эпохи и революціи всемірной исторіи.

Если умный мужчина сумѣетъ углубить и облагородить бесѣду, возвысить ее до степени школы ума и сердца, — онъ всегда найдетъ въ любящей женѣ восторженную ученицу и помощницу. Любовь никогда не утомляетъ, всему придаетъ значительность, обостряетъ всѣ силы, развиваетъ всякій талантъ, усиливаетъ всякое наслажденіе. Только рядомъ съ любимымъ существомъ человѣкъ чувствуетъ вполнѣ чарующую красоту природы. Какая-нибудь хижина съ бесѣдкой и самымъ незатѣйливымъ видомъ на деревню кажется прекраснѣе и роскошнѣе Лаго-Маджіоре съ окрестностями. А какое счастье привести жену въ свое имѣньице и сказать ей: „Будь тутъ владычицей“...

Въ обществѣ выдающагося человѣка незамѣтно развиваются даже женщины низшихъ круговъ. Мужчинѣ слѣдуетъ однако остерегаться не пробудить въ женщинѣ подозрѣнія, что ея дѣтскій умъ способенъ воспринимать только смѣшное и забавное, интересоваться только слабостями и недостатками близкихъ своихъ. Слабый полъ также не лишенъ задатковъ пониманія всего благороднаго и прекраснаго, — ихъ только нужно сумѣть пробудить и развить, — и самый вѣрный путь къ женскому сердцу найдетъ тотъ, кто подойдетъ къ нему съ вѣрой, что найдетъ въ немъ хорошее, и употребитъ свои способности на развитіе его.

Другой пунктъ, требующій особенной осторожности со стороны мужа, это — религіозное чувство жены. Самый свободомыслящій мужчина не станетъ грубо разрушать, надо надѣяться, религіозное чувство женщины: онъ лишилъ бы ее этимъ какъ нравственной силы, такъ и эстетическаго аромата, — главнаго, что дѣлаетъ ее привлекательной.

Таковы главные пути для воспитанія жены мужемъ и мужа женою; второстепенные же заключаются во взаимномъ сглаживаніи недостатковъ другъ друга. Мужъ долженъ изучать жену, чтобы исправлять ее, и долженъ знать, что ему слѣдуетъ исправить въ себѣ самомъ. Женщина никогда вполнѣ не обнаруживаетъ своихъ мыслей, — всегда она кое-что затаиваетъ про себя. Она необычайно наблюдательна, но себя самое знаетъ очень мало. „Она сфинксъ, потому что она — загадка, неясная себѣ самой“, говоритъ Аміель въ своемъ дневникѣ и прибавляетъ: „Въ обращеніи съ ней надо быть добрымъ и не менѣе осторожнымъ, потому что она можетъ причинять безконечную боль, сама того не зная. Она способна и на самоотверженную преданность, и на всякое предательство; она — счастье или несчастье для мужчинъ“.

Мужчина долженъ стараться разгадать женщину; изъ ея поведенія онъ можетъ уяснить себѣ то, чего не скажутъ ему ея слова, и сообразно этому направить свою политику, поскольку это касается ея характера. Женскіе недостатки ясно обнаружатся передъ нимъ и тогда онъ можетъ взяться за нихъ, какъ осторожный воспитатель. Прежде всего онъ долженъ настаи-

вать на полной откровенности, которая представляетъ корень всякой добродѣтели; этого не легко будетъ добиться отъ женщины. Никакихъ тайнъ отъ мужа, полная откровенность во всемъ передъ нимъ и абсолютная скромность передъ посторонними! У женщинъ есть скверная черта — неделикатно выбалтывать передъ сосѣдками вещи, касающіяся дома и даже мужа, безъ всякаго дурного намѣренія, только изъ желанія отвести душу и удовлетворить своей потребности болтать. Другая дурная черта — врожденная рѣзкость, быстрая вспыльчивость, быстрое чередованіе проявленій гнѣва и любви, — черта, особенно вредно отражающаяся на воспитаніи дѣтей.

По фотогр. изд. Фр. Ганфштенгеля въ Мюнхенѣ.

Рис. 120. Іоганъ Вольфгангъ Гете.

По портрету работы І. Штилера.

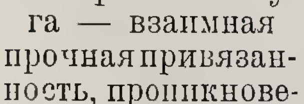
Мужчина долженъ бороться съ этимъ спокойно и обдуманно. Во многихъ семьяхъ встрѣчается обыкновеніе матерей жаловаться отцу на дѣтей, а потомъ порицать наказываніе дѣтей. Часто также встрѣчается необдуманная материнская любовь, которая забаловываетъ дѣтей и приноситъ имъ большой вредъ. И въ этихъ случаяхъ необходимо болѣе спокойное и разумное вмѣшательство мужчины, который сумѣетъ удовлетворить не всякое желаніе ребенка и предоставитъ ему кричать въ случаѣ каприза.

Есть у женщины еще одна черта, на которую обрушиваются обыкновенно больше всего, но противъ которой я, какъ и Жанъ Поль, возстаю всего меньше: это — тщеславіе. Тщеславны, въ сущности, всѣ люди, а если женщины грѣшатъ этимъ и сильнѣе, главнымъ образомъ въ отношеніи своихъ внѣшнихъ свойствъ красоты и нарядовъ, то это вѣдь вполнѣ понятно и простительно. Красота — самое существенное и могущественное приданое женщины, — все остальное только суррогаты, — а для возвышенія и выставленія красоты необходимы наряды. Передъ мужчиной же открыты сотни другихъ путей къ побѣдѣ, и ему слѣдуетъ быть снисходительнымъ къ тому, что такъ простительно.

Кто смотритъ на бракъ такъ, какъ смотримъ мы, — какъ на высшую школу расцвѣта личности, какъ на высшее счастье въ высшемъ самообузданіи и смиреніи, подобно изреченію Христа: „Кто унизитъ душу свою, тотъ спасетъ ее“, — тотъ сумѣетъ устоять противъ современныхъ теорій, подрывающихъ сущность брака, устои общественной жизни и опрокидывающихъ мораль. Здѣсь не мѣсто распространяться объ этомъ.. Для поученія нѣкоторыхъ людей, надо было бы предварительно исправить ихъ, какъ говорилъ Платонъ. Это особенно умѣстно въ данномъ случаѣ. Кто смотритъ на бракъ только какъ на удовольствіе и при всякомъ вздорномъ нарушеніи своего покоя и комфорта готовъ прибѣгнуть къ разводу, кто завязываетъ новыя связи, которыя такъ же скоро порываетъ, затѣмъ становится женоненавистникомъ, вмѣсто того, чтобы усмотрѣть зло въ недостаткѣ собственнаго самовоспитанія (какъ, напримѣръ, Стриндбергъ), — тотъ, значитъ, совершенно не имѣетъ понятія о томъ, какое счастье и какая въ то же время заслуга — взаимная прочная привязанность, проникновеніе и приспособленіе къ чужой индивидуальности, умѣнье нести вмѣстѣ горе и радость, и какъ закаляется и совершенствуется при этомъ собственная личность. Зато нѣтъ ничего ужаснѣе, правда, какъ быть прикованнымъ къ другому существу, которое способно только угнетать душу, тяжелымъ свинцомъ тянуть внизъ, не давая подняться, мѣшать исполненію обязанностей. Но тамъ, гдѣ выборомъ руководили благоразуміе и чистые мотивы, гдѣ въ бракѣ царятъ обдуманность, самообладаніе и самоотверженная любовь, — тамъ подобное несчастье не грозитъ или тяжесть его можетъ быть во всякомъ случаѣ ослаблена.

Рис. 121. Христіана Вульпіусъ.
По акварели І. Тишбейна; собств. проф. Т. Штефнера.

Сумѣлъ же, напримѣръ, Штифтеръ, котораго судьба наградила недостойной его женой, чуждой какихъ бы то ни было идеальныхъ интересовъ, не только наладить мирную супруже-

скую жизнь, но даже находить въ ней нѣкоторыя достоинства и воспитать въ себѣ все возрастающее чувство довольства.

Не мѣшало бы также вспомнить о неравномъ и все же отрадномъ бракѣ Гете съ Христіаной Вульпіусъ (рис. 120 и 121) тому, кому всякая длительная связь кажется принужденіемъ и кто находитъ для своего маленькаго „я“ тягостнымъ то бремя, которое несетъ геній. Рихардъ Вагнеръ вскрылъ самое ядро вопроса, сказавъ: „По-истинѣ надо сказать, вся наша политика, дипломатія, честолюбіе, наука и, къ сожалѣнію, все наше современное искусство, эти паразитствующіе наросты нашей современной жизни, не имѣютъ иной почвы подъ собой, кромѣ — нашихъ разстроенныхъ желудковъ!“

Рис. 122. Застольная молитва. По картинѣ Елиз. Гурзе (Hourse).

Глава восьмая.

Мужчина въ роли отца.

(Д-ра фил. Іозефа Мюллера. Мюнхенъ).

„Сдѣлаться отцомъ не трудно, но очень трудно быть отцомъ“, — говоритъ Бушъ. Глубокая мудрость кроется въ этой простой фразѣ. Имѣю ли я право сдѣлаться отцомъ? — долженъ былъ бы спросить себя всякій юноша, когда въ немъ зашевелится естественный инстинктъ. Человѣкъ, подчиняющій всѣ свои поступки идеѣ долга, — а мужчина съ характеромъ именно такъ и дѣлаетъ, — меньше всего способенъ совершить такой серьезный и богатый послѣдствіями актъ, какъ созданіе человѣческой жизни, не взвѣсивъ его предварительно съ точки зрѣнія нравственности.

Натурализмъ, разсматривающій всѣ проявленія полового инстинкта исключительно съ точки зрѣнія естественности и предоставляющій ему полную свободу безъ преградъ, забываетъ одно: что для человѣка „естественное“ означаетъ нѣчто иное, чѣмъ для животнаго, что низшая, животная природа должна находить у человѣка противовѣсъ и преграды въ высшей нравственной и что истинной свободы человѣкъ достигаетъ только путемъ преодолѣнія первой. Одно то обстоятельство, что новорожденный дѣтенышъ человѣка такъ безпомощенъ, что нуждается

въ помощи обоихъ родительскихъ индивидуумовъ, между тѣмъ какъ дѣтенышъ животнаго большей частью самъ находитъ обильную пищу для себя, а также тотъ фактъ, что во всѣхъ культурныхъ странахъ на рожденномъ отъ свободной любви, какъ и на его матери, тяготѣетъ пятно, — въ одномъ этомъ кроется серьезное предостереженіе противъ предоставленія сильной власти половому инстинкту, какъ и всякому другому, противъ права свободнаго наслажденія жизнью, которое повергло бы другія существа въ недостойное, рабское состояніе; въ одномъ этомъ видна обязанность подчинить этотъ инстинктъ всей совокупности жизни и требованіямъ нравственности, чтобы создать такимъ образомъ условія счастливаго его развитія также для женщины и ребенка. А эти условія содержатся, какъ мы уже указали, единственно въ длительномъ бракѣ.

Благодѣтельныя стороны прочнаго брака всего сильнѣе отражаются на ребенкѣ. Онъ одинъ представляетъ наивозможно надежныя гарантіи прокормленію и воспитанію дѣтей; онъ одинъ даетъ женщинѣ защиту и покровительство, необходимыя для того, чтобы она могла посвятить себя безъ помѣхи серьезнымъ и изнурительнымъ заботамъ семейной жизни; въ немъ одномъ соединяются, другъ друга уравновѣшивая, мужская строгость съ женской мягкостью для гармоничнаго воспитанія молодого гражданина земли. Ибо только оба пола могутъ дать совершенный образъ человѣческому роду, подобно тому, какъ Марсъ и Венера совмѣстно создали Гармонію. Прекрасная скульптура Бертрана Бутэ (рис. 123) даетъ намъ воплощеніе этой идеи защиты мужчиной женщины и ребенка.

Въ прежнее время мужчина имѣлъ непропорціонально большія, если даже не исключительныя права на ребенка; въ древнемъ Римѣ, напримѣръ, отцовское право простиралось до того, что отецъ могъ прогнать своего ребенка и предать его смерти; современная же культура благополучно дошла до того, что право отца на ребенка должно быть предварительно доказано.

Отвѣчая безусловно утвердительно на вопросъ: „Имѣю ли я право сдѣлаться отцомъ?", современный натурализмъ ставитъ передъ вопросомъ: „Имѣю ли я право быть отцомъ?" множество ограниченій, — и то, и другое съ одинаковой ссылкой на природу. Изъ этого видно, какое распространенное толкованіе дается понятію „природа". Конечно, если принимать масштабомъ животное и разсматривать человѣка какъ животное, — противъ этого найдется не много возраженій, потому что въ животномъ царствѣ отецъ большей частью безконечно мало заботится о своихъ дѣтенышахъ, безъ зависти предоставляя всѣ заботы матери. Такъ было, полагаютъ многіе изслѣдователи, и на первыхъ ступеняхъ развитія человѣчества. Къ этой-то эпохѣ, къ системѣ матріархата (материнскаго права) намъ будто бы и придется вернуться.

Предполагается, что единой семьѣ предшествовалъ первоначально общинный бракъ, при которомъ мать продолжала принадлежать своему родственному союзу, а дѣти принадлежали исключительно ей и материнскому роду, носили также и имя ея. Родство также признавалось только съ материнской стороны, тѣмъ болѣе, что при болѣе или менѣе свободномъ любовномъ

общеніи отцовство оставалось всегда довольно сомнительнымъ (подробнѣе этотъ вопросъ будетъ разсмотрѣнъ нами во II томѣ).

Къ этому-то счастливому состоянію хотятъ вернуть насъ современные философы. И не только такія мужеподобныя женщины, какъ шведка Элленъ Кей, и сторонницы женскаго равноправія, какъ Елена Штеккеръ съ товарищами, а и ученые естествовѣды, какъ Форель и Эренфелье, выступаютъ борцами за материнское право.

Рис. 123. Родительская любовь. По картинѣ Б. Буте.

Послѣдній добивается, чтобы ребенокъ воспитывался въ домѣ матери, и стоитъ вообще за уничтоженіе современной формы брака; первый такъ далеко не заходитъ, но все же отводитъ женщинѣ верховныя права, права опеки надъ дѣтьми и главенства въ домѣ, за мужчиной же сохраняетъ только право доставлять денежныя средства, а при разводѣ лишаетъ его всякихъ правъ на дѣтей, но оставляетъ на немъ обязанности ихъ прокормленія. А имя ребенокъ долженъ получить отъ матери. Словомъ, въ полномъ смыслѣ положеніе мужа — подъ башмакомъ: отцу присваиваются всѣ обязанности и никакихъ правъ.

А какъ все это чудесно обосновывается! Какъ главный доводъ приводится то, что мать вынашиваетъ ребенка девять мѣсяцевъ въ своей утробѣ и на ней лежатъ заботы и уходъ за нимъ еще долго и потомъ, на долю же мужчины выпадаетъ въ сущности только наслажденіе и — самое большее — незначительная затрата его производительныхъ силъ. Съ этой точки зрѣнія возразить, конечно, нечего. Что же касается вопроса о томъ, въ какой мѣрѣ исторически законны права материнства въ смыслѣ владычества женщинъ, — это было подробно разсмо-

трѣно мною въ моемъ сочиненіи о половой жизни у первобытныхъ народовъ и объ утопіяхъ гетеристовъ; достаточно стать на культурную точку зрѣнія, чтобы опровергнуть состоятельность возврата такого положенія вещей или учрежденія его наново.

Для человѣка-животнаго, ищущаго только удовлетворенія своей чувственности, было бы очень пріятно и покойно сбросить съ себя послѣдствія поступковъ, совершаемыхъ подъ вліяніемъ инстинктовъ, возложивъ ихъ на орудіе своихъ вожделѣній или па государство; но мужчина нравственный сознаетъ вмѣстѣ съ отвѣтственностью, которую онъ беретъ на себя, какъ отецъ, также и права, которыя даетъ ему эта дѣятельность, — и ихъ онъ не такъ-то легко выпустить изъ рукъ. Онъ хочетъ быть отцомъ въ полномъ объемѣ этого права своего, онъ хочетъ дать ребенку не только внѣшнія средства къ жизни, но передать ему также свой умъ и свою душу, чтобы такимъ образомъ продолжить въ немъ свой умъ и свою душу въ облагороженномъ и болѣе совершенномъ видѣ и передать ихъ въ наслѣдіе безконечному ряду будущихъ поколѣній.

Убогія изслѣдованія съ физіологической точки зрѣнія степени и характера участія женщины и мужчины въ дѣлѣ зачатія и дѣторожденія могутъ быть оставлены въ сторонѣ, какъ совершенно безразличныя для рѣшенія вопроса о томъ, кому надлежитъ быть господиномъ и руководителемъ въ домѣ; нѣтъ сомнѣнія, что мужчинѣ, благодаря его большему уму и большей силѣ, приличествуетъ первое мѣсто въ домашней жизни такъ же, какъ въ жизни государственной и соціальной. Меньше всего можно говорить о томъ, чтобы воспитаніе дѣтей протекало не въ отцовскомъ домѣ, — скорѣе это должно быть признано, напротивъ, его первой и главнѣйшей обязанностью. Правда, на первыхъ порахъ ребенокъ больше нуждается въ уходѣ и воспитаніи матери, но даже и въ это время необходимъ надзоръ мужа, такъ какъ заботливая материнская любовь часто страдаетъ свойственнымъ матери недостаткомъ благоразумія и даже часто парализуется тщеславіемъ, какъ, напримѣръ, въ тѣхъ случаяхъ, когда женщины лишаютъ ребенка нектара, приготовленнаго природой въ грудяхъ матери, отказываясь кормить его своей грудью.

Даже Жанъ Поль, который ставитъ очень высоко роль матери, утверждая, что мать одна можетъ воспитать изъ ребенка человѣка, тогда какъ мужское воспитаніе страдаетъ односторонностью въ зависимости отъ той или иной профессіи отца; который утверждаетъ, что ни одинъ отецъ не можетъ замѣнить мать, оттого-то во всемъ мірѣ материнская любовь считается выше отцовской, — даже Жанъ Поль скорбитъ о томъ, что большинство отцовъ, къ великому ущербу дѣла воспитанія, лишены возможности участвовать въ немъ изъ-за своихъ занятій государственными дѣлами, наукой или искусствомъ. Почти единственное счастливое исключеніе представляютъ въ этомъ отношеніи, по словамъ Жанъ Поля, сельскій священникъ и помѣщикъ. Преимущество перваго заключается въ томъ, что онъ „располагаетъ шестидневнымъ досугомъ въ условіяхъ тихой деревенской жизни, чуждой городской суеты, и что самый характеръ его службы представляетъ собой, въ сущности, благопріятнѣйшее въ воспитательномъ отношеніи положеніе; наконецъ,

Фотогр. изд. Густ. Шауера въ Берлинѣ.

Рис. 124. Вечеромъ. По картинѣ Курта Экваллл.

въ седьмой день отецъ предстаетъ передъ своими дѣтьми въ образѣ духовнаго лица и святого, — все это открываетъ священнику-проповѣднику просторъ для воспитанія, къ которому онъ можетъ пріобщить даже чужихъ дѣтей". А сельскій помѣщикъ „живетъ въ самыхъ благопріятныхъ условіяхъ жизни, представляющихъ золотую середину, способныхъ сдѣлать его усадьбу благодѣтельницей его дѣтей, если только потомство ему дороже, чѣмъ карты, охота на зайцевъ и арендная плата".

Вообще же отцовское воспитаніе ограничивается большей частью системой наставленій; отецъ „отгораживаетъ себя отъ дѣтей письменнымъ столомъ и — самое большее — разъ въ недѣлю распылитъ передъ ними въ грозѣ отцовскаго гнѣва пригоршню

поученій. „Я хотѣлъ бы, однако, спросить этихъ занятыхъ людей, — продолжаетъ онъ, — какое дѣло можетъ дать сразу же такую награду, какъ воспитаніе невинныхъ душъ, подобно розовому дереву, испускающему ароматъ, когда его обрабатываютъ?“

Воспитаніе — это такая спеціальность, которую слѣдовало бы изучить всякому мужчинѣ до женитьбы. Школа заботится, правда, о томъ, чтобы дѣти не росли безъ образованія, но родительское и домашнее воспитаніе не замѣняютъ школы. Прежде всего, ребенокъ поступаетъ въ школу только на шестомъ году жизни, — первую пору пріобщенія къ жизни, самую важную, онъ проводитъ дома. Но зародыши, укореняющіеся глубже всего, закладываются именно на зарѣ перваго дѣтства; въ это время воспріимчивость юной души еще свѣжа и неиспорчена, дѣтская вѣра поддается первымъ впечатлѣніямъ тѣмъ легче и добровольнѣе, что они исходятъ отъ чтимыхъ и любимыхъ людей и имѣютъ всю силу настойчивой повторной привычки. Всюду, гдѣ мы встрѣчаемъ ярко выраженный духъ семейственности, — какъ, напримѣръ, въ дворянскихъ и патриціанскихъ семьяхъ, — онъ объясняется внутренне однороднымъ домашнимъ воспитаніемъ съ самаго ранняго дѣтства и оттого онъ сохраняется вопреки всѣмъ противорѣчивымъ вліяніямъ измѣнчиваго духа времени и школьнаго обученія.

Но и тогда, когда начинается школьное обученіе, вовсе не прекращается домашнее воспитаніе, — оно идетъ параллельно и комментируетъ его; оно, вдобавокъ, превосходитъ его такъ же и настолько же, насколько дѣйствіе и примѣръ превосходятъ слово. Воспитательное вліяніе школы ограничивается нѣсколькими часами, семья же воспитываетъ непрерывно. Жанъ Поль говоритъ даже по этому поводу: „Школа можетъ только обучать, воспитываетъ же семья одна; обученіе можетъ прекратиться, воспитаніе же должно длиться всегда и безпрерывно“.

Постоянное, безпрерывное, неуклонное вліяніе домашней обстановки въ ея неизмѣнной повторяемости, неизмѣнное, отнюдь не навязчивое, живое общеніе между членами семьи, тѣсная связь всякаго мышленія и всякаго слова съ жизнью вообще, скрѣпленіе всего самыми нѣжными и искренними узами любви и довѣрія (вродѣ того, что чудесно изображаетъ картина Экваля „Вечеромъ“, рис. 124), — все это даетъ семьѣ такую воспитательную мощь, какая недоступна никакой внѣшней власти.

А въ семьѣ, до и во время школьнаго періода, первымъ совѣтникомъ и духовнымъ руководителемъ ребенка, въ особенности мальчика, долженъ быть отецъ; только тогда онъ становится ему дѣйствительно отцомъ, когда онъ сдѣлается творцомъ его духовной, а не только физической жизни, и заложитъ основы его будущей жизни, которыхъ не въ силахъ подорвать никакой послѣдующій опытъ жизни. Для дочерей отецъ, какъ воспитатель, правда, менѣе важенъ, такъ какъ собственно-женское воспитаніе можетъ дать только женщина, въ данномъ случаѣ, мать, и наибольшее вліяніе въ дѣлѣ воспитанія принадлежитъ силѣ личнаго примѣра; но мужское участіе не лишнее и здѣсь, какъ противовѣсъ, въ предотвращеніе слишкомъ женскаго направленія воспитанія. Отецъ — мужчина — является въ дѣлѣ

воспитанія представителемъ закона, мать — женщина — представителемъ правовъ.

Какова же обязанность отца, какъ воспитателя, въ первый періодъ жизни ребенка?

Въ отношеніи физическаго воспитанія онъ долженъ наблюдать за правильнымъ питаніемъ и уходомъ за дѣтьми, строго слѣдить за тѣмъ, чтобы ребенку не давались вредныя, возбуждающія средства — алкоголь, кофе, чай (мясо въ болѣе или менѣе значительномъ количествѣ также не рекомендуется въ раннемъ дѣтствѣ), — чтобы ребенка купали, заставляли заниматься гимнастикой, движеніемъ на воздухѣ; онъ долженъ беречь ребенка отъ всякихъ разстройствъ и отъ переутомленія.

Основой психическаго воспитанія является наглядность и рѣчь. Пробуждающемуся уму надо давать то, что онъ въ силахъ усвоить безъ чрезмѣрнаго напряженія, надо знакомить его съ природой и искусствомъ (книги съ картинками тутъ подходящее пособіе) и оберегать отъ всего пошлаго и грубаго, потому что въ этотъ періодъ впечатлѣнія внѣдряются очень глубоко. Говорить съ дѣтьми слѣдуетъ чистымъ и яснымъ языкомъ, что гораздо больше облегчитъ будущую задачу учителя, чѣмъ пичканіе безполезными свѣдѣніями. Какъ первоначальное обученіе должно направляться почти незамѣтно, „играючи", точно такъ же и самой игрой не слѣдуетъ пренебрегать, какъ воспитательнымъ средствомъ; это признано еще Жанъ Полемъ, Гербартомъ и Фребелемъ. Игра для ребенка — серьезное занятіе; она представляетъ первое поле дѣятельности его ума, даже самодѣятельныхъ силъ его, и въ игрѣ часто намѣчается уже будущій человѣкъ.

Особенно важно для ребенка разсказываніе сказокъ Ничто такъ живо не возбуждаетъ и такъ интенсивно не образовываетъ дѣтскій умъ, какъ чистый источникъ сказокъ и разсказовъ изъ библіи. Они даютъ самую здоровую пищу дѣтской фантазіи, и чудесный элементъ въ нихъ не только ничему не вредитъ, но даже необходимъ для образованія души. „Кто не прислушивался съ наслажденіемъ въ дѣтствѣ къ журчанію и рокоту чистаго ручья сказки, у того впослѣдствіи не окажется чутья для иного глубокаго звука въ поэзіи", говоритъ Вильманъ, а Жанъ Поль благодаритъ Провидѣніе за то, что ему суждено было родиться въ деревнѣ и, значитъ, среди нѣкотораго суевѣрія. „Если бы я воспитывался въ какомъ-нибудь новѣйшемъ учебномъ заведеніи нашего просвѣщеннаго вѣка, въ душѣ моей не сохранилось бы нѣкоторыхъ романтическихъ чувствъ, которыя непосредственно сообщаетъ поэту суевѣріе".

Если отецъ хорошій разсказчикъ, то онъ наилучшій учитель, — потому что это наилучшая форма, въ которой маленькому гражданину міра всего легче и прочнѣе передается первая премудрость. Моральные навыки легко усваиваются ребенкомъ безъ помощи длинныхъ нравоученій и наказаній, если только не будетъ допущено недосмотра и не будетъ дано развиться дурнымъ наклонностямъ. Но что прежде всего должно проникать собой все дѣтство, это — веселость; радость, говоритъ Жанъ Поль, это тотъ единственно здоровый для ребенка воздухъ, въ которомъ все растетъ и расцвѣтаетъ, за исключеніемъ ядовъ.

„Я могу вынести видъ страдающаго мужчины, но не видъ страдающаго ребенка. Представьте себѣ только младенца — Іисуса, несущаго крестъ, или Амура въ гробикѣ!“ Дѣтство вовсе не только пора трудной подготовки къ дальнѣйшей жизни, какъ думаютъ многіе родители, — это пора, имѣющая свои собственныя радости. Лучезарное дѣтство служитъ не только восхитительнымъ, живительнымъ воспоминаніемъ всей будущей жизни, — оно также истинный источникъ бодрости и неизсякающихъ силъ въ зрѣломъ возрастѣ.

Такимъ образомъ отецъ можетъ успѣть уже многое сдѣлать къ тому времени, когда передастъ своего ребенка школѣ и долженъ будетъ уже съ нею дѣлить свои воспитательскія обязанности. Да, именно дѣлить, а не прекращать; ни одинъ добросовѣстный отецъ не позволитъ лишить его права контроля надъ школой; теперь, когда правительство и его представитель — учитель — стараются насколько возможно устранить родительскую власть, такой контроль еще важнѣе, чѣмъ когда-либо. Нынче очень много толкуютъ о правахъ учителя, о правахъ священника, только объ одномъ не говорятъ, о правахъ того, кто больше всѣхъ могъ бы сказать, — о правахъ отца, ввѣряющаго школѣ самое дорогое ему существо.

Между тѣмъ, рѣшеніе основныхъ вопросовъ воспитанія должно бы быть предоставлено родителямъ, въ особенности отцу, а не учителю; навязывать родителямъ противъ ихъ воли школу, противорѣчащую ихъ религіознымъ взглядамъ, это — деспотизмъ. Государство должно давать по возможности просторъ для многихъ круговъ; если число исповѣдующихъ какое-либо религіозное ученіе незначительно и отдѣльнаго преподавателя для нихъ имѣть невозможно, государство должно, по крайней мѣрѣ, освободить ихъ отъ обычныхъ уроковъ Закона Божія; съ этической точки зрѣнія государство не вправѣ хитростью вынуждать посѣщенія уроковъ Закона Божія, преподаваемаго въ духѣ покровительствуемой имъ церкви. Для уравновѣшиванія оффиціальнаго воспитанія слѣдовало бы взвѣсить предложенный Гербартомъ вопросъ основанія семейныхъ школъ. Нѣсколькимъ семьямъ одинаковаго образа мыслей и одинаковаго общественнаго положенія слѣдовало бы соединиться, чтобы имѣть возможность содержать отдѣльнаго воспитателя и сохранить, такимъ образомъ, связь между школой и семьей. Изъ этого же соображенія возникла съ нѣкоторыхъ поръ идея основанія родительскаго совѣта для контроля надъ преподаваніемъ. Къ сожалѣнію, на осуществленіе подобныхъ проектовъ мало надежды уже потому, что родители, какъ таковые, не имѣютъ собственнаго органа, представляющаго ихъ интересы, и съ ними — неорганизованными, необъединенными — не считаются ни партіи, ни газеты, ни государство, ни церковь.

Въ отношеніи гражданъ къ школѣ произошла около столѣтія тому назадъ перемѣна, глубоко задѣвшая культурную жизнь. Частное домашнее воспитаніе, имѣвшее прежде широкое распространеніе, особенно въ высшихъ кругахъ, почти совершенно утратило теперь свое значеніе; оффиціальная школа пользуется теперь самодержавной властью. Прежде человѣкъ болѣе или менѣе состоятельный выбиралъ для своихъ дѣтей воспитателя

Рис. 125. Воскресная школа. По картинѣ В. Фирле.

по собственному разумѣнію, а теперь онъ отдаетъ ихъ учителямъ, выбраннымъ и одобреннымъ государствомъ, и не можетъ устранить ихъ, если они ему не нравятся. Въ оплатѣ своего труда и въ веденіи своего дѣла учитель не зависитъ отъ родителей и неохотно выслушиваетъ даже лишніе разспросы со стороны родителей, не только что потерпитъ какихъ-нибудь указаній ихъ по поводу метода преподаванія или порядка дисциплины.

Нисколько не желая задѣвать учителей, я все же хотѣлъ бы напомнить, что они — слуги общества, а не хозяева его,

чего имъ не осмѣливаются сказать льстящія имъ политическія партіи.

Еще хуже въ смыслѣ оторванности дѣтей отъ родительскаго дома интернаты, въ которыхъ дѣти лишены ежедневнаго противодѣйствія односторонности школы со стороны семьи. Это ужъ и совсѣмъ искусственный продуктъ, какое-то казарменное скопище молодыхъ людей одного пола взамѣнъ смѣшенія въ семьѣ обоихъ половъ на основѣ кровнаго родства. Но и эта шаблонная выправка и всегда сомнительное общеніе со множествомъ чуждыхъ элементовъ, очень затрудняющее надзоръ, также содержатъ опасность для нравственности, которой не могутъ искупить преимущества единообразной строгой выдержки, использованія каждой минуты и привычки къ точности и порядку.

Задача отца въ этотъ трудный школьный періодъ — противодѣйствовать собственнымъ словомъ и примѣромъ дурнымъ вліяніямъ школы, поддерживать и развивать хорошія вліянія, поменьше заботиться о внушеніи ребенку твердыхъ, неизмѣнныхъ убѣжденій и гораздо больше пріучать его къ самостоятельному мышленію и къ самовоспитанію, чтобы онъ могъ, ставъ взрослымъ человѣкомъ, пойти своимъ собственнымъ путемъ и не былъ бы вынужденъ безпомощно поддаваться измѣнчивымъ теченіямъ времени. Несамостоятельность сужденія и власть такъ называемаго „общественнаго мнѣнія“ — главная болѣзнь современности, мнящей себя свободной. Сюда же относится еще одинъ щекотливый вопросъ, о которомъ такъ много толкуютъ — вопросъ о томъ, надо ли посвящать молодежь въ тайны половыхъ отношеній. Упоминаю объ этомъ здѣсь потому, что — по моему мнѣнію — если объ этомъ вообще надо говорить съ дѣтьми, то сдѣлать это можетъ только отецъ (или мать). Въ офиціальной школѣ эта необычайно интимная тема можетъ быть — самое большее — намѣчена или затронута въ видѣ предостереженія. Въ этой области что для одного юноши спасительно, даже необходимо, то у другого можетъ вызвать только непріязненное и тревожное чувство; оттого въ этомъ вопросѣ надо строго индивидуализировать отдѣльные случаи и рѣшать его только въ условіяхъ строго интимнаго собесѣдованія; вѣдь даже взрослому врачъ, напримѣръ, постѣсняется публично предлагать щекотливые вопросы и давать разъясненія — тѣ самыя, которыя онъ съ глазу на глазъ съ паціентомъ долженъ и можетъ предлагать и давать совершенно свободно.

Но разъ представляется поводъ коснуться этой темы ближе въ интимной бесѣдѣ, то, разумѣется, отецъ является для юноши единственнымъ лицомъ, имѣющимъ на это право; самое большее, что могутъ сдѣлать учителя и воспитатели, это — обратить вниманіе родителей на сдѣланныя ими наблюденія. Несомнѣнно, при наступленіи возмужалости и пробужденіи полового инстинкта необходимо обратить вниманіе юноши на новую полосу жизни и ея опасности, чтобы уберечь его отъ безсознательныхъ заблужденій. Предотвратить эту опасность всего лучше можетъ удаться, если пріучить молодежь къ дисциплинѣ фантазіи, къ серьезнымъ учебнымъ занятіямъ и къ физическимъ упражненіямъ и устранять отъ нихъ возбуждающее чтеніе, также, какъ и возбуждающія наркотическія средства (кофе, вино).

Происхожденіе человѣка и живыхъ существъ вообще дѣло такое серьезное, которое, понятно, невозможно и нежелательно вѣчно окружать мелочной таинственностью. Въ отношеніи дѣтей Жанъ Поль говоритъ по этому поводу: „Что скрываетъ природа, того не долженъ раскрывать человѣкъ“, и разъясненіе вопроса дѣторожденія въ школѣ — идея во всякомъ случаѣ грубая и чудовищная; но взрослому воспитаннику, которому уже знакомы движенія чувственности, воспитатель долженъ въ подходящую довѣрчивую минуту разъяснить осторожно и бережно дивную мудрость природы въ ея процессѣ размноженія, начавъ съ растеній. Онъ долженъ внушить ему, что воспроизво-

Рис. 126. „Хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесь“
По картинѣ А. Анерта.

дить жизнь — даръ тяжелый и отвѣтственный, требующій отъ молодого человѣка, прежде всего, строгой работы надъ собой, налагающій на него обязанность строгаго самообладанія и самоограниченія, — чтобы онъ могъ получить въ истинной и прочной любви награду за долгое воздержаніе и вмѣстѣ съ нею счастье всей будущей жизни.

Во всякомъ случаѣ, не на улицѣ отъ испорченныхъ товарищей и не изъ украдкой прочитанныхъ скверныхъ книгъ онъ долженъ получить первое разъясненіе. Въ разъясненіи этого вопроса дѣвушкамъ мѣсто отца должна занять мать; ея обязанность объяснить дочери значеніе наступившей менструаціи и дать ей гигіеническія и моральныя правила поведенія.

Одной изъ важныхъ обязанностей, которой начали пренебрегать въ настоящее время, является религіозная обя-

занность отца, какъ главы при домашнемъ богослуженіи. Намъ извѣстно изъ исторіи культуры, какое положеніе занималъ отецъ семейства у индусовъ, грековъ, римлянъ и евреевъ. Какъ домъ былъ храмомъ въ миніатюрѣ и пламя очага — жертвеннымъ пламенемъ, а самый очагъ — прибѣжищемъ, такъ и глава семьи былъ намѣстникомъ жреца, а вначалѣ даже жрецомъ. Тамъ, гдѣ еще не вполнѣ исчезъ культъ предковъ, какъ, напримѣръ, у китайцевъ, еще немногое и измѣнилось въ этомъ отношеніи. У ортодоксальныхъ евреевъ также богослуженіе совершается еще въ значительной долѣ внутри семьи, въ домѣ, что несомнѣнно имѣло рѣшительное вліяніе на упорную преданность и вѣрность этого народа древнимъ обычаямъ. У христіанъ домашнее богослуженіе довольно сильно уже вышло изъ употребленія, — только изрѣдка совмѣстная послѣобѣденная молитва всей семьи, какъ послѣдній остатокъ минувшаго, еще напоминаетъ о религіозномъ значеніи дома. Къ сожалѣнію, еще только въ деревнѣ не „вышелъ изъ моды“ обычай каждодневной молитвы „хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесь“ (см. рис. 122 и 126).

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что религія есть вѣнецъ нравственной жизни и что она не можетъ быть упразднена, не сокрушивъ всѣ сферы жизни. Современный скептицизмъ съ его мнимымъ пониманіемъ пустоты небесныхъ идеаловъ возвращаетъ насъ къ тѣмъ отдаленнымъ временамъ, когда все было проникнуто свѣтомъ, исходящимъ сверху, и отъ него почерпало свою силу. Въ какой мѣрѣ устарѣла традиціонная церковная религія и какія было бы нужно произвести реформы, — говорить здѣсь не мѣсто; но при обсужденіи положенія отца въ семьѣ во всѣхъ отношеніяхъ нельзя обойти и религіозной стороны, игравшей нѣкогда такую огромную роль. Въ той или иной формѣ, но религія должна будетъ быть сохранена въ семьѣ и подъ покровительствомъ главы ея и въ будущемъ, если жизнь не утратитъ своей высшей святости.

„Кто научитъ теперь малютокъ твоихъ копья метать и чтить нашихъ боговъ?“ говоритъ у Шиллера Андромаха Гектору; наряду съ отцовской ролью, Шиллеромъ вѣрно указана здѣсь священнослужительская роль главы семьи въ древности. О современномъ главѣ семьи онъ этого не сказалъ бы.

Такъ какъ холостячество встрѣчаетъ все больше и больше сторонниковъ и привело уже къ тяжелому соціальному кризису, то намъ слѣдуетъ разсмотрѣть и отцовство, какъ обязанность. Почти всѣ религіи смотрятъ на него какъ на таковую и предписываютъ его. Въ Индіи, Китаѣ, вообще на Востокѣ женитьба была обязательна уже потому, что только сынъ могъ принести жертву за упокой души умершаго отца. Большое значеніе имѣли также дѣти въ вопросѣ наслѣдованія и сохраненія племени. У спартанцевъ холостякъ былъ въ презрѣніи и лишался даже правъ на почтительность со стороны юношества. Талмудъ не признаетъ за безбрачнымъ даже права на званіе человѣка. Наоборотъ, буддисты, евреи-ессеи, секты гностиковъ и нео-платониковъ относятся съ большимъ уваженіемъ къ абсолютному цѣломудрію, которое хранилось всегда также и католической церковью.

Погибшій сынъ.

Картина Фр. Генутата.

(По гравюрѣ изд. Карла Бракка и Келлера въ Берлинѣ.)

Т-во „Просвѣщеніе“ въ Спб.

Противъ этого направленія съ самаго же начала энергично возстало протестантство. Это не означало осужденія съ религіозной и въ особенности съ христіанской точки зрѣнія. Что Новый Завѣтъ явно поощряетъ половое воздержаніе, это несомнѣнно, и протестантство этого не должно было бы отрицать. Но несомнѣнно и то, что католическая церковь пошла дальше первоначальнаго христіанства, дойдя до запрещенія брака для священнослужителей, что едва ли соотвѣтствуетъ изреченію Христа: „Могущій вмѣстить да вмѣститъ!“, представляетъ собой вторженіе въ личную свободу, тяжкій вредъ семьѣ и общественному строю и приводило къ серьезному неудовольствію. Было бы желательно, чтобы и въ католическомъ христіанствѣ снова возродился священнослужитель въ образѣ главы семьи

Если представитель дома и семьи будетъ исполнять свой долгъ, какъ мы изложили, то онъ едва ли попадетъ въ мучительное положеніе необходимости оплакивать „погибшаго сына“ (см. рис. на отд. табл.). Но такъ какъ при существующихъ вѣяніяхъ эпохи и общественныхъ настроеніяхъ это, почти несомнѣнно, неосуществимо, то нельзя не упомянуть еще о примирительной и любовно-исправительной дѣятельности отца, согласно безсмертной притчѣ Христа.

Рис. 127. Вдовецъ. По картинѣ П. Мейера.

Глава девятая.

Мужчина въ положенiи вдовца.

(Прив.-доц. д-ръ Юлiй Вейсъ. Вѣна.)

Вдовецъ представляетъ собой разновидность холостяка, разумѣется, въ томъ только случаѣ, когда предшествовавшiй бракъ, прекратившiйся со смертью жены, былъ бездѣтенъ. Мужчина возвращается тогда къ той холостой жизни, которую онъ велъ до своего брака, и тѣмъ легче осваивается съ ней, чѣмъ кратковременнѣе былъ бракъ и чѣмъ менѣе были связаны между собою супруги узами любви. Нѣкоторую роль играетъ еще при этомъ и возрастъ мужа. Молодой вдовецъ, побуждаемый властью инстинкта, вскорѣ снова почувствуетъ потребность сойтись съ женщиной, и тотъ, кто дѣйствительно одаренъ „талантомъ къ браку", не удовольствуется мимолетнымъ знакомствомъ и очень скоро снова очутится въ сѣтяхъ, какъ муха, слишкомъ близко коснувшаяся паутины.

Если мы оставимъ въ сторонѣ тѣхъ мужчинъ, которые женятся изъ чисто денежныхъ разсчетовъ, то у мужчины, стремившагося къ браку и вступившаго въ бракъ, мы должны предположить внутреннюю потребность соединиться съ другимъ существомъ, дополняющимъ его личность. Мужчина стремится къ женщинѣ то для удовлетворенiя присущаго ему рыцарскаго чувства — желанiя примѣнить свою силу на защиту другого

существа, то для того, чтобы имѣть существо, въ объятьяхъ котораго онъ могъ бы отдохнуть отъ дневного труда, въ которомъ нашелъ бы ласку и веселость, которое сумѣло бы прогнать темную тучу душевной и физической усталости, заботъ и волненiй, сопряженныхъ съ трудомъ.

Нерѣдко профессiя мужчины такъ суха и черства, что онъ нуждается въ ароматѣ цвѣтка любви, освѣжающемъ и оживляющемъ его силы. Если мужчина изъ тѣхъ натуръ, въ сердцѣ которыхъ — изъ тѣхъ или иныхъ мотивовъ — не умираетъ страстное влеченiе къ женщинѣ, то для него будетъ простымъ закономъ природы, если онъ снова станетъ искать другую жену послѣ смерти первой, которую онъ любилъ всѣми фибрами тѣла и души. Несправедливо поэтому осуждать вдовца, который женится вторично, и считать его неспособнымъ любить, безсердечнымъ эгоистомъ; именно тотъ, кто долго остается одинокимъ послѣ перваго брака, усваиваетъ тѣ эгоистическiя черты, которыми характеризуются душевная сущность и поступки холостяка.

Нерѣдко вдовецъ живетъ послѣ смерти жены одинокой, тихой жизнью, проводя одинъ-одинехоненекъ вечера послѣ дневного труда въ своихъ четырехъ стѣнахъ, какъ показываетъ намъ картина Геккера (рис. 128).

Надо брать примѣры изъ жизни, свидѣтельствующiе о томъ, что менѣе эгоистично: долговременное одиночество холостяка послѣ перваго брака или новый бракъ по истеченiи нѣкотораго времени. Я знаю одного сельскаго врача, человѣка большой душевной и физической энергiи, прожившаго жизнь, полную труда и усилiй, въ изнурительномъ служенiи дѣлу человѣколюбiя. Онъ любилъ идолопоклоннически свою первую жену и глубоко страдалъ, когда лишился ея вслѣдствiе неожиданно представившейся необходимости въ операцiи. Но черезъ нѣсколько времени онъ женился вторично на старшей сестрѣ умершей и всю жизнь увѣрялъ себя, что покойная воскресла къ новой жизни. Изъ года въ годъ — а этому прошло уже два десятка лѣтъ — онъ совершаетъ въ день смерти первой жены далекую и трудную поѣздку, чтобы воскресить на ея могилѣ старое горе.

Очень часто внѣшнiя причины побуждаютъ вдовца вступить въ новый бракъ: не позволяетъ ли его общественное положенiе вести жизнь холостяка, или по роду его занятiй, даже въ томъ случаѣ, если у него дѣтей нѣтъ, необходима извѣстная правильность хозяйства, которое можетъ вести только законная жена; нѣкоторую роль играютъ здѣсь также личныя особенности мужчины въ смыслѣ его способности справляться съ повседневными житейскими нуждами, заботиться о столѣ, объ одеждѣ, о квартирѣ и т. п. Есть мужчины, абсолютно неспособные управлять домашнимъ хозяйствомъ, а вдовцу, потерявшему жену и хозяйку, необходимо умѣть это.

Въ низшихъ кругахъ, въ особенности среди сельскаго населенiя, мужчины понимаютъ кое-что въ домашнихъ работахъ, благодаря своему роду занятiй сельскимъ хозяйствомъ. Такимъ образомъ, крестьянинъ можетъ исполнять послѣ смерти своей жены и такiя работы, которыя обычно свойственны женщинѣ и не даромъ вызываютъ, какъ на картинѣ Мейера (рис. 127), насмѣшливыя улыбки городскихъ барышенъ.

Но еще болѣе безотрадной, можно сказать — даже заслуживающей состраданія, оказывается жизнь вдовца, если по смерти жены остаются подростки или совсѣмъ малолѣтнія дѣти. Внезапно передъ нимъ выростаетъ задача быть не только представителемъ семьи, не только домоправителемъ-хозяиномъ, но и „матерью“. Иногда вдовецъ довольствуется тѣмъ, что беретъ въ домъ пожилую женщину, на которую возлагаетъ обязанность слѣдить за порядкомъ и чистотой въ домѣ и въ кухнѣ и за надлежащимъ приготовленіемъ пищи, а также поручаетъ ей уходъ за младшими дѣтьми и отчасти воспитаніе ихъ. Но

Рис. 128. Въ одиночествѣ. По картинѣ П. Геккера.

наемная женщина, какое бы она ни носила названіе — хозяйки ли, домоправительницы или экономки, — все же никогда не можетъ вполнѣ замѣнить хозяйки дома, не можетъ уже вслѣдствіе своего правового положенія — въ особенности, въ глазахъ прислуги, — такъ какъ, согласно гражданскимъ законамъ, только законная жена имѣетъ право вершить въ предѣлахъ домашней сферы дѣйствій дѣла мужа и являться его представителемъ. Еще менѣе это возможно вслѣдствіе ея общественнаго положенія, потому что общество почти никогда не согласится признать за ней того права на почетное положеніе, которое естественно отводится настоящей хозяйкѣ дома.

Полноправной на оцѣнку общества представительницей хозяйки дома можетъ быть только какая-нибудь дальняя родственница хозяина дома или умершей хозяйки, въ особенности, если она исполняетъ эти обязанности не за плату. Въ общемъ, всего благоразумнѣе со стороны вдовца выбрать для этой роли женщину приблизительно одного возраста съ умершей. Если не найдется

подходящей особы среди его собственныхъ сестеръ и онъ вынужденъ остановить свой выборъ на незамужней или овдовѣвшей родственницѣ умершей, то, быть можетъ, ему лучше предпочесть даму значительно старше умершей жены — во избѣжаніе всякихъ пересудовъ. Нерѣдко можетъ быть очень цѣлесообразно довѣрить эту роль тещѣ, тѣмъ болѣе, что въ дѣйствительной жизни очень рѣдко, повидимому, встрѣчаются тѣ недружелюбныя отношенія между зятемъ и тещей, надъ которыми изощряются въ остроуміи юмористическіе листки. Если старшая изъ дѣтей — взрослая дѣвушка, и разница лѣтъ между нею и остальными братьями и сестрами достаточно велика, чтобы обезпечить за ней авторитетъ, то мѣсто хозяйки въ глазахъ общества можетъ занять она.

Съ одной стороны дѣло или служба, забота о хлѣбѣ насущномъ, съ другой — необходимость помнить о множествѣ сложныхъ и разнообразныхъ мелочей домашняго хозяйства. Ужасныя вещи можно увидѣть, если взглянуть поближе на семейное положеніе вдовца, благословеннаго дѣтьми. Экономка заботится объ интересахъ собственнаго кармана, прислуга распущена, безъ должнаго надзора. Квартира — прежде настоящая бомбоньерка — теперь имѣетъ унылый, запущенный видъ. Мужчинѣ нельзя ставить въ вину того, что у него нѣтъ той любви и способности къ чистотѣ, къ порядку и украшенію квартиры, которыми отличалась покойная жена его, высшей и благороднѣйшей цѣлью жизни которой было создать для мужа пріятный и уютный домашній очагъ.

А бѣдныя дѣти! Одичалыя, непослушныя, запущеннаго вида и распущеннаго поведенія, они начинаютъ относиться небрежно къ учебнымъ занятіямъ, несмотря на учителей и гувернантокъ (если вдовецъ вообще въ состояніи содержать для нихъ подобныхъ лицъ), и если отъ природы не одарены особенными способностями отстаютъ въ школьныхъ успѣхахъ. Чувствуется отсутствіе вѣчно бодрящаго, поощряющаго, проникающаго въ самое сердце задушевнаго слова матери. Иногда же дѣти становятся робкими, пугливыми, замкнутыми, угнетенными, научаются тайнымъ и явнымъ хитростямъ и продѣлкамъ. Только и радости и удовольствія для этихъ бѣдныхъ дѣтей, что тѣ краткіе часы, которые отецъ проводитъ въ кругу семьи. Пожаловаться они большей частью остерегаются, потому что боятся новыхъ побоевъ и брани, которые снова безжалостно посыпятся на нихъ, едва уйдетъ отецъ.

Бываютъ иногда и счастливыя исключенія: попадаются иногда, конечно, честныя экономки, относящіяся добросовѣстно къ своему нравственному долгу замѣстительницы матери. Но это все же только исключенія.

Если же благословенный дѣтьми вдовецъ рѣшается жениться вторично, ему необходимо быть очень осмотрительнымъ въ выборѣ. Онъ долженъ долго и серьезно обдумывать вопросъ, дѣйствительно ли способна будетъ его вторая жена быть матерью его дѣтямъ. Мачеха! — какое непріятное слово! Золушка изъ сказки нашихъ дѣтскихъ лѣтъ — живая фигура, выхваченная изъ жизни, — съ той только разницей, что въ дѣйствительности сказка большей частью не имѣетъ такого чудеснаго конца, оттого что нѣтъ въ жизни благодѣтельныхъ фей, помогающихъ бѣдняжкамъ.

Каждому изъ насъ случалось встрѣтить въ кругу своихъ знакомыхъ подобную мачеху, безжалостно и безпощадно преслѣдующую „злыхъ, тупыхъ и непослушныхъ“ дѣтей первой жены

Рис. 129. Императоръ Карлъ Великій.
По картинѣ Альбрехта Дюрера въ Германскомъ Музеѣ въ Нюрнбергѣ.

на словахъ и дѣйствіемъ, обижающую ихъ во всѣхъ отношеніяхъ и медленно, но вѣрно изгоняющую ихъ изъ дому. Повидимому, въ подобной женщинѣ также говоритъ своего рода природный инстинктъ, усматривающій ущербъ себѣ и своимъ собственнымъ дѣтямъ со стороны „этихъ чужихъ“ Надо и то сказать — въ оправданіе мачехи — что иногда въ этомъ нѣкоторую роль играетъ и неприязнь къ ней со стороны пасынковъ и падчерицъ за то, что она занимаетъ мѣсто ихъ умершей матери.

У тѣхъ восточныхъ народовъ, у которыхъ было разрѣшено многоженство, вдовство мужчины особеннаго значенія не имѣло. Вступленіе въ новый бракъ разрѣшалось мужчинѣ, но не женщинѣ, которая обязана была посвятить себя строгому благочестію послѣ смерти своего мужа и даже — какъ это было въ обычаѣ въ Индіи — сама должна была умереть одновременно со смертью мужа. (Подробное изложеніе этого вопроса см. въ главѣ „Женщина въ роли вдовы во II ч. настоящаго тома.)

Изъ легендарныхъ фигуръ вдовцовъ наибольшей извѣстностью пользуется рыцарь „Синяя Борода“, умертвившій одну за другой шестерыхъ женъ и только при покушеніи на убійство седьмой самъ погибшій отъ рукъ поспѣшившихъ къ ней на помощь братьевъ. Сказка о „Синей Бородѣ“ французскаго происхожденія. Быть можетъ, эта легенда имѣетъ историческую основу въ жизни маршала Жиль де Ретца. Онъ жилъ въ началѣ XV столѣтія въ своемъ замкѣ въ окрестностяхъ Нанта, гдѣ держалъ блестящій дворъ и предавался излишествамъ всякаго рода. Наскучивъ женщинами, онъ началъ приносить мало-

лѣтнихъ мальчиковъ и дѣвочекъ въ жертву своимъ неестественнымъ вожделѣніямъ. Онъ былъ казненъ черезъ сожженіе на кострѣ.

Рис. 130. Король Генрихъ VIII. По картинѣ Ганса Гольбейна Младшаго.

Любопытно отмѣтить, что Магометъ, основатель Ислама, былъ вначалѣ сторонникомъ единобрачія и цѣлые годы прожилъ строго добродѣтельно съ своей женой Хадиджей. Она была старше его на четырнадцать лѣтъ и пользовалась почти материнскимъ вліяніемъ на него. Только послѣ ея смерти онъ началъ жить разнузданно, взялъ себѣ двѣнадцать женъ, а потомъ еще множество наложницъ. Ему приписывалось ненасытное сладострастіе, которое не безъ основанія приводили въ связь съ его болѣзненной нервной организаціей — подверженностью эпилепсіи. Его пристрастіе къ многоженству объясняютъ еще и тѣмъ, что пророкъ стремился создать себѣ возможно больше личныхъ приверженцевъ, расширяя собственную семью.

Межъ тѣмъ какъ супружеская жизнь среднихъ и низшихъ слоевъ народа протекаетъ въ ограниченномъ кругу личныхъ знакомыхъ, жизнь великихъ людей и сильныхъ міра — съ ихъ браками, разводами, вдовствомъ и любовными связями — проходитъ передъ глазами всего міра и заносится, въ концѣ концовъ, и въ исторію.

Императоръ Карлъ Великій (рис. 129), одинъ изъ величайшихъ властителей всемірной исторіи, былъ женатъ четыре раза: въ первый разъ на Дезидератѣ, дочери лангобардскаго короля Дезидерія, которую онъ прогналъ въ 771 году; во второй разъ на Гильдегардѣ изъ знатнаго швабскаго рода; въ третій разъ на Фастрадѣ, дочери восточно-франкскаго графа Радольфа; въ четвертый разъ на алеманкѣ Луитгардѣ. Гильдегарда родила ему четверыхъ сыновей и пятерыхъ дочерей. Императоръ Карлъ отличался вообще большой чувствительностью къ женской красотѣ; помимо законныхъ женъ, онъ имѣлъ еще множество наложницъ.

Рис. 131. Испанскій король Фердинандъ VII. Рис. съ натуры.

Настоящимъ „Синей Бородой“ можетъ быть названъ англійскій король Генрихъ VIII (рис. 130). Вступивъ на престолъ восемнадцатилѣтнимъ юношей, онъ женился вначалѣ на молодой вдовѣ своего умершаго брата, съ которой онъ былъ обрученъ еще мальчикомъ. Это была испанка, Екатерина Аррагонская. Наскучивъ ею, онъ

Рис. 132. Іаковъ II, англійскій король.

объявилъ, несмотря на протестъ папы, свой бракъ съ Екатериной недѣйствительнымъ и женился на молодой красавицѣ фрейлинѣ Аннѣ Болейнъ. Но ей суждено было тяжко искупить счастье сдѣлаться королевой: по прошествіи всего трехъ лѣтъ Генрихъ приказалъ ее казнить по неосновательному подозрѣнію въ прелюбодѣяніи, чтобы имѣть возможность жениться на другой фрейлинѣ, Іоаннѣ Сеймуръ, которой онъ увлекся. Іоанна родила ему сына и умерла отъ родовъ. Король недолго оставался вдовцомъ, — вскорѣ онъ женился въ четвертый разъ на родственницѣ курфюрста саксонскаго Аннѣ фонъ Клеве въ видахъ укрѣпленія своего союза съ нѣмецкими протестантами (Генрихъ VIII былъ основателемъ англійскаго протестантизма). Но такъ какъ его ожиданія не оправдались, то онъ развелся и женился въ пятый разъ на Екатеринѣ Говардъ. Въ противоположность невинно осужденной Аннѣ Болейнъ, эта дѣйствительно совершила прелюбодѣяніе и, безгранично провластвовавъ нѣкоторое время надъ королемъ, была казнена по его повелѣнію. Овдовѣвъ въ пятый разъ, Генрихъ женился въ шестой разъ на Екатеринѣ Парръ, которая, наконецъ, пережила его.

Одинъ изъ выдающихся испанскихъ королей, католикъ Фердинандъ II, въ царствованіе котораго Колумбъ открылъ Америку, былъ женатъ первымъ бракомъ на Изабеллѣ Кастильской. Когда Изабелла умерла, Фердинандъ, въ надеждѣ получить сына, наслѣдника престола, женился вторично на кузинѣ Людовика XII французскаго. Но эта надежда не осуществилась, и послѣ его смерти испанскій престолъ унаслѣдовала его дочь отъ перваго брака съ Изабеллой, Іоанна. Вслѣдствіе брака ея съ габсбургскимъ принцемъ Филиппомъ Испанія перешла во владычество Габсбурговъ.

Среди позднѣйшихъ испанскихъ королей обращаетъ на себя особенное вниманіе Фердинандъ VII (рис. 131), царствовавшій въ эпоху Наполеона I. Онъ былъ женатъ четыре раза. Первой супругой его была Антуанетта-Тереза Сицилійская, второй — Марія-Изабелла-Франциска Португальская, третьей — Іозефа Саксонская и четвертой — Марія-Христина Сицилійская.

Рис. 133. Карлъ II, англійскій король.
По старинной гравюрѣ.

Любовныя перипетіи французскихъ королей Людовиковъ общеизвѣстны;

подробнѣе о нихъ будетъ рѣчь въ другомъ мѣстѣ (въ X главѣ II тома наст. сочин.). Людовикъ XI былъ женатъ первымъ бракомъ на Маргаритѣ Шотландской, вторымъ — на Шарлоттѣ Савойской. Людовикъ XII былъ женатъ три раза, — сначала на Іоаннѣ, дочери Людовика XI, потомъ на Аннѣ Бретанской (цѣлью этого брака было присоединеніе Бретани къ Франціи) и, наконецъ, на Маріи Англійской. Людовикъ XIV былъ женатъ въ первый разъ на испанской инфантѣ Маріи Терезіи. Когда она умерла, Людовикъ женился на своей послѣдней любовницѣ, маркизѣ де Мэнтенонъ (рис. 174 во II т.). Поразительно то, что король, заводившій и отправлявшій множество любовницъ, могъ рѣшиться въ концѣ концовъ на новый законный бракъ, хотя онъ и былъ заключенъ тайкомъ, ночью въ кабинетѣ короля, въ присутствіи его духовника, іезуита Пэръ Лашеза, но все же самимъ архіепископомъ парижскимъ.

Рис. 134. Императрица Марія Луиза.
По портр. Фр. Жерара.

Подобно Людовикамъ французскимъ, жилъ также король Карлъ II англійскій (рис. 133). Одновременно съ супругой, португальской принцессой, онъ имѣлъ двухъ выдающихся любовницъ — Барбару Пальмеръ, впослѣдствіи герцогиня Клевелендская, и Элеонору Гвинье. Впослѣдствіи любовницами его были еще француженка Луиза де Кюруайль и итальянка Гортензія Манцини (рис. 175 во II т.), одна изъ племянницъ кардинала Мазарини.

Его братъ и преемникъ Іаковъ II (рис. 132) былъ женатъ первымъ бракомъ на Аннѣ, дочери канцлера Тида. Послѣ ея смерти онъ вступилъ въ бракъ съ принцессой Маріей Морэнской, извѣстной какъ одна изъ самыхъ жестокихъ тиранокъ во всей исторіи: она безпощадно преслѣдовала протестантскихъ мятежниковъ и продавала ихъ толпами въ Ямайку, извлекая, вдобавокъ, изъ ихъ продажи матеріальную выгоду для себя.

Наполеонъ I (рис. 61) былъ женатъ дважды. Въ первый разъ на Жозефинѣ Богарнэ (рис. 135), вдовѣ одного изъ его генераловъ, порядочно старше его годами. Вслѣдствіе бездѣтности этого брака, онъ развелся съ ней и женился на дочери императора Франца I, эрцгерцогинѣ Маріи-Луизѣ (рис. 134).

Рис. 135. Жозефина Богарнэ.
По портр. Фр. Жерара.

Фридрихъ Вильгельмъ II Прусскій (рис. 136) еще наслѣднымъ принцемъ развелся съ своей первой женой и затѣмъ, уже королемъ, женился вторично; потомъ имѣлъ еще двухъ побочныхъ

женъ и, между прочимъ, поддерживалъ многолѣтнюю связь съ дочерью музыканта Энка, которой далъ впослѣдствіи титулъ графини Лихтенауской (рис. 173 во II т.).

Габсбурги старались путемъ браковъ расширить свое могущество. Особенно удачливъ былъ въ такихъ политическихъ бракахъ Рудольфъ I, — къ нему же относится стихотворная сатира, въ которой говорится, что воевать предоставляется другимъ государствамъ, а счастливой Австріи достаточно свататься, такъ какъ другимъ расширяетъ владѣнія Марсъ, а Австріи — Венера. У членовъ Габсбургскаго дома не рѣдкость двойные и тройные браки.

Леопольдъ I (1658—1705; рис. 137) былъ женатъ три раза. Отъ третьяго брака его съ Элеонорой Пфальцской родился его преемникъ, пріобрѣвшій впослѣдствіи историческую извѣстность, императоръ Карлъ VI, отецъ Маріи-Терезіи.

Рис. 136. Король Фридрихъ-Вильгельмъ II.
По портр. Шредера.

Францъ II (въ качествѣ императора австрійскаго, — Францъ I; рис. 138) былъ женатъ четыре раза: въ 1788 году онъ женился на Елизаветѣ-Вильгельминѣ, принцессѣ Вюртембергской, умершей бездѣтной въ 1790 г.; въ томъ же году онъ женился на Маріи-Терезіи Сицилійской, умершей въ 1807 году, оставивъ тринадцать человѣкъ дѣтей, — въ ихъ числѣ будущій императоръ Фердинандъ Австрійскій; въ 1808 г. онъ женился на Людовикѣ-Беатрисѣ, принцессѣ Моденской; она умерла въ 1816 г., и онъ въ томъ же году вступилъ въ новый бракъ съ Каролиной-Августой, дочерью короля Максимиліана I Баварскаго, разведенной (въ 1814 году) женой наслѣднаго принца Вюртембергскаго, впослѣдствіи короля Вильгельма I; оба послѣдніе брака остались бездѣтными.

Теперешній австрійскій наслѣдникъ престола, эрцгерцогъ Фердинандъ д'Эсте, родился отъ второго брака эрцгерцога Карла-Людвига, брата царствующаго теперь императора Франца-Іосифа, съ Маріей-Аннунціатой, принцессой Сицилійской. Первымъ бракомъ отецъ наслѣдника престола былъ женатъ на Маргаритѣ, принцессѣ Саксонской, а третьимъ на Маріи-Терезіи Португальской.

Съ другой стороны именно исторія этой династіи показываетъ, какъ часто снова утрачивается пріобрѣтенное могущество вслѣдствіе бездѣтныхъ браковъ. Такъ угасла, напримѣръ, въ 1700 году, въ царствованіе Карла II, линія испанскихъ Габсбурговъ вслѣдствіе того, что не имѣла наслѣдника престола. То же грозило и австрійской линіи въ царствованіе Карла VI, такъ что онъ вынужденъ былъ приложить всѣ силы, чтобы съ помощью собственнаго основного государственнаго закона — такъ называемой прагматической санкціи — обезпечить престолъ за своей дочерью, знаменитой впослѣдствіи императрицей Маріей-Терезіей (см. рис. во II ч. наст. тома).

Сравнимъ съ этими — довольно сложными, какъ мы видимъ — условiями брачныхъ отношенiй царствующихъ лицъ условiя брачныхъ отношенiй нѣкоторыхъ великихъ людей, героевъ духа.

Рис. 137. Австрiйскiй императоръ Леопольдъ I.

Гете (рис. 120) противился искушенiю брака всю жизнь, несмотря на то, что ему безчисленное множество разъ грозила опасность очутиться подъ игомъ брака, — вспомнимъ хотя бы страстную любовь, связывавшую его съ Фредерикой Брiонъ фонъ Зезенгеймъ, съ Лоттой Буреръ (Лотта Вертера), съ Лили Шенеманъ, съ Максимилiаной Брентано, съ Шарлоттой фонъ Штейнъ (см. рис. во II ч. наст. тома), съ Короной Шретеръ (см. рис. во II ч. наст. т.) и т. д. Восемнадцать лѣтъ онъ прожилъ въ бракѣ „по совѣсти“ съ Христiаной Вульпiусъ (рис. 121), пока внѣшнее событiе — разгромъ Веймара послѣ Iенской битвы — побудило его жениться на „маленькой подругѣ“, давно подарившей ему нѣсколько человѣкъ дѣтей. Смерть жены, скончавшейся десять лѣтъ спустя, потрясла его гораздо сильнѣе, чѣмъ можно было ожидать. Правда, Гете шелъ тогда уже шестьдесятъ восьмой годъ. Къ новому браку не могла склонить его даже юношеская любовь, вспыхнувшая въ немъ къ Ульрикѣ фонъ Левецовъ.

Виландъ женился только тридцати пяти лѣтъ отъ роду. Онъ счастливо прожилъ двадцать лѣтъ съ своей женой, которая родила ему четырнадцать человѣкъ дѣтей. Послѣ ея смерти онъ не пожелалъ вступить во вторичный бракъ, хотя пережилъ свою жену на двѣнадцать лѣтъ.

Бракъ Лессинга со вдовой гамбургскаго купца Евой Кенигъ встрѣчалъ на своемъ пути множество различныхъ препятствiй въ теченiе цѣлыхъ семи лѣтъ. Наконецъ, онъ достигъ долго и страстно желанной цѣли, но супружеское счастье его длилось всего одинъ годъ, — она умерла послѣ рожденiя перваго ребенка. До своей смерти въ 1781 году Лессингъ прожилъ вдовцомъ три года.

Рис. 138. Францъ II, императоръ австрiйскiй.
По гравюрѣ Пфейфера.

Мольеръ, творецъ величайшей французской комедiи, былъ очень несчастливъ въ бракѣ съ Армандой Бежаръ, отравившей ему всю жизнь своей надменностью и кокетливостью. Она пережила его.

Шекспиръ (рис. 77) женился девятнадцати лѣтъ на Аннѣ Газавей, которой было тогда уже двадцать шесть лѣтъ. Повидимому, бракъ былъ счастливый. Жена пережила его на семь лѣтъ, — Шекспиръ умеръ, какъ извѣстно, сравнительно молодымъ, въ расцвѣтѣ творческой дѣятельности, на 52 году.

Мильтонъ (рис. 139), заслуженно занимающій мѣсто рядомъ съ Шекспиромъ, хотя самъ онъ, пламенный поклонникъ Шекспира, признавалъ, что передъ величіемъ шекспировскаго генія „зритель не можетъ не окаменѣть", былъ женатъ первымъ бракомъ на Мэри Поуэль, дочери помѣщика. Легкомысленная и веселая, она черезъ одинъ мѣсяцъ послѣ замужества бѣжала отъ своего строго добродѣтельнаго мужа, которому показалась, въ свою очередь, духовно слишкомъ незначительной. Несмотря на это, Мильтонъ послалъ за нею посла, требуя ея возвращенія; въ тотъ періодъ онъ написалъ четыре сочиненія по вопросу развода, который онъ защищалъ вопреки взглядамъ того времени и отстаивалъ расторженіе брака не судебнымъ путемъ, а, согласно древне-еврейскимъ взглядамъ, предоставлялъ его совѣсти мужа. Черезъ два года жена вернулась къ нему и подарила ему троихъ дочерей, скончавшись послѣ семи лѣтъ супружескаго сожительства. Четыре года прожилъ Мильтонъ вдовцомъ, потомъ женился на Екатеринѣ Вудкокъ, которая вскорѣ (въ 1658 г.) также умерла. Третій бракъ пятидесятилѣтняго Мильтона объясняется, вѣроятно, тѣмъ, что онъ, ослѣпнувъ, нуждался въ помощи и уходѣ — и дѣйствительно нашелъ въ своей третьей женѣ преданное и самоотверженное существо, заботившееся о немъ до самой его смерти.

Рис. 139. Джонъ Мильтонъ.
По старинной гравюрѣ.

Байронъ, знаменитѣйшій англійскій поэтъ XIX столѣтія, былъ женатъ на Аннѣ Изабеллѣ Мольбанкъ. Бракъ оказался однако несчастнымъ, такъ что привелъ вскорѣ къ необходимости формальнаго развода. Послѣ смерти Байрона американская писательница Бичеръ-Стоу выступила съ вызвавшимъ необычайную сенсацію разоблаченіемъ, будто причиной развода была кровосмѣсительная связь Байрона съ его единокровной сестрой; это неосновательное обвиненіе было вскорѣ опровергнуто несомнѣнными доказательствами. Послѣ развода Байронъ жилъ въ свободномъ союзѣ съ красавицей графиней Друччіоли, который такъ и не увѣнчался законнымъ бракомъ.

Рубенсъ былъ женатъ въ первый разъ на Изабеллѣ Брантъ (см. отд. табл.), съ которой прожилъ пятнадцать лѣтъ. Послѣ трехлѣтняго вдовства онъ женился на красавицѣ Эленъ Фурманъ, часто служившей ему натурщицей. Рембрандтъ женился двадцати восьми лѣтъ на красавицѣ Саскіи (см. отд. табл.), съ которой прожилъ восемь лѣтъ. Когда жена его умерла, онъ не пожелалъ жениться вторично, хотя пережилъ свою жену на двадцать семь лѣтъ. Бетховенъ (рис. 74) прожилъ всю свою жизнь холостякомъ. Моцартъ женился на сестрѣ дѣвушки, бывшей его первой юношеской любовью, Констанціи Веберъ. Жена пережила его, — Моцартъ умеръ, какъ извѣстно, очень молодымъ, на тридцать шестомъ году жизни. Рихардъ Вагнеръ (рис. 75) былъ женатъ въ первый разъ на артисткѣ Миннѣ Планеръ. Бракъ этотъ не былъ счастливъ, и Вагнеръ долго жилъ въ разлукѣ со своей первой женой; бракъ длился двадцать девять лѣтъ. Жена его умерла въ 1866 году, и послѣ трехъ съ половиной лѣтъ вдовства Вагнеръ женился вторично, на дочери Франца Листа

Козимдѣ. Она пережила мужа; извѣстно, съ какой изумительной энергiей она осуществила его завѣщанiе.

На бракъ, разводъ и новый бракъ великихъ людей и сильныхъ мiра надо смотрѣть съ совершенно иной точки зрѣнiя, чѣмъ на эти стороны жизни широкой массы обыкновенныхъ людей. У царствующихъ лицъ огромную роль играютъ соображенiя чисто политическiя, необходимость продолжить мужскую линiю рода, стремленiе расширить свои владѣнiя, покорить новыя страны безъ кровопролитiя, посредствомъ собственнаго личнаго акта. Если вспомнить далѣе, что и законная жена, особенно при абсолютизмѣ прежнихъ временъ, была также не болѣе, какъ безвольнымъ подданнымъ, — становится совершенно понятнымъ, что браки такъ часто бывали многократны, что такъ быстро заключались новые браки послѣ кратковременнаго вдовства и легко расторгались, часто съ соизволенiя церкви, неумолимо строгой въ охранѣ брака простыхъ людей.

У великихъ людей многократные браки встрѣчаются гораздо рѣже, если только новый бракъ не вызывается особыми обстоятельствами, какъ, напримѣръ, у ослѣпшаго Мильтона. Большей частью, напротивъ, встрѣчается нерасположенiе къ браку, въ особенности ко второму браку.

Никто такъ много не занимается изслѣдованiемъ загадки „Женщина", какъ поэты и писатели, дарящiе намъ образы женщинъ всѣхъ разновидностей, во всемъ многообразiи ихъ добродѣтелей и недостатковъ, всесторонне рисующiе въ красивыхъ и остроумныхъ стихахъ, въ выразительныхъ афоризмахъ, въ сонетахъ и эпиграммахъ любовь и бракъ, женскую красоту и женское коварство. Приведемъ изъ множества афоризмовъ нѣкоторые, относящiеся спецiально къ нашей темѣ.

„Самой счастливой семейной жизнью живетъ... бездѣтный вдовецъ", — говоритъ Пауль фонъ Шентанъ. „Вдовецъ становится большей частью отличнымъ мужемъ, — потому-то женщины легко прощаютъ ему лишнiй десятокъ лѣтъ", — говоритъ П. Мантегацца. „Кто беретъ вторую жену, тотъ показываетъ себя недостойнымъ того, что потерялъ первую", — говоритъ Бомарше.

Рис. 140. Въ пріятномъ ожиданіи. По картинѣ Эд. Грюцнера.

Глава десятая.

Мужчина въ роли холостяка.

(Проф. д-ра О. Шрадера, Іена.)

Что такое старый холостякъ? Это человѣкъ, оставшійся неженатымъ въ возрастѣ, старше обычно установленнаго въ его странѣ и его сословіи брачнаго возраста. Но такъ какъ бракъ составлялъ много тысячелѣтій тому назадъ, какъ составляетъ и нынѣ, фундаментъ государства, слѣдовательно, на холостяка, подрывающаго своимъ существованіемъ этотъ фундаментъ, надо смотрѣть, какъ на заклятаго врага государства, и даже непонятно, какъ могло родить изъ себя государство такого противника, и, болѣе того, какъ оно можетъ его терпѣть.

Цѣлыя тысячелѣтія воспѣвается бракъ, какъ высшее счастье дѣтей земли. Кто не помнитъ пожеланія, съ которымъ обращается у Гомера Одиссей къ своей спасительницѣ Навзикаѣ: „Да пошлютъ тебѣ боги все, чего ты желаешь въ сердцѣ своемъ: мужа и домъ, и доброе согласіе! Ибо нѣтъ въ мірѣ ничего прекраснѣе и лучше того, когда мужъ и жена живутъ согласной жизнью въ домѣ своемъ“. Какъ же могутъ мужчины отталкивать это хваленое счастье?

И, наконецъ, третье. Общественная мораль нашего времени (отчасти въ противоположность воззрѣніямъ древности) ограничила удовлетвореніе могущественнѣйшаго инстинкта человѣче-

ства предѣлами супружеской жизни. Можно одобрять или порицать это, считать или не считать это лицемѣріемъ, — фактъ тотъ, что всякій, возстающій открыто противъ этого установленія — въ особенности, если онъ занимаетъ офиціальное положеніе — ставитъ на карту не только свою репутацію, но часто и самое существованіе свое. Этотъ взглядъ распространяется и на холостяка, который переживаетъ поэтому непрерывную борьбу въ лучшую пору своей жизни, затрудняясь рѣшить, обречь ли ему себя на монашеское воздержаніе, парализующее людскую энергію, или подвергнуть себя упомянутому риску и этимъ самымъ способствовать тому, что общественная мораль клеймитъ какъ „безнравственность", характерно ограничивая это понятіе сферой половой жизни. Какъ могутъ мужчины не стараться съ помощью быстрой рѣшимости избавиться отъ этого поистинѣ тягостнаго положенія и въ то же время облегчить этимъ свою соціальную совѣсть передъ лицомъ женскаго вопроса, съ каждымъ днемъ все настойчивѣе требующаго отвѣта?

Все это станетъ намъ понятнѣе, когда мы разсмотримъ сначала исторію развитія холостячества въ его главныхъ чертахъ, а затѣмъ перейдемъ къ разсмотрѣнію психологіи современнаго холостяка и къ вопросу, какая предстоитъ ему судьба.

Оглядываясь прежде всего на крупныя культурныя государства европейской древности, мы наталкиваемся всюду въ началѣ ихъ исторіи на такой моментъ, когда государство и общество яростно ополчаются противъ новаго еще, очевидно, образа холостяка. Вотъ что мы находимъ, напримѣръ, у историка Плутарха о великомъ спартанскомъ законодателѣ Ликургѣ:

„Онъ установилъ также кару за безчестіе для холостяковъ. Они лишаются права созерцанія (нагихъ фигуръ мальчиковъ и дѣвочекъ) во время игръ. Зимой они должны были нагими кружить, по приказанію архонтовъ, вокругъ рынка и въ это время распѣвать стихи, осмѣивающіе ихъ самихъ; въ этихъ стихахъ говорилось, что они терпятъ по заслугамъ, такъ какъ не повиновались законамъ. На нихъ не распространялись также почетъ и заботы, которыми младшіе были обязаны старшимъ. Вотъ почему никто не бранилъ молодого человѣка за слова, сказанныя имъ Деркилидію, хотя тотъ былъ знаменитый полководецъ. Случилось это такъ, что однажды одинъ изъ молодыхъ людей не всталъ съ мѣста, когда мимо него проходилъ Деркилидій, и сказалъ ему: „Ты не родилъ еще никого, кто современемъ всталъ бы передо мной".

По сообщенію другого историка, во время празднествъ въ Спартѣ женщины насильно водили холостяковъ вокругъ алтаря и хлестали ихъ прутьями, чтобы заставить ихъ отказаться отъ нечестиваго безбрачія, открыть свое сердце любви и „вовремя одуматься". Но въ Спартѣ установлены были наказанія не только за холостое состояніе, но и за позднее вступленіе въ бракъ, — значитъ, вполнѣ сознавали вредныя послѣдствія этого для потомства, и за „дурные браки", — если, напримѣръ, рослый мужчина женился на очень маленькой женщинѣ. За такой проступокъ былъ наказанъ, напримѣръ, король Архидамосъ, о которомъ говорили: „онъ родитъ намъ не королей, а василисковъ" (непереводимая игра словъ: по-гречески „король" — basiléus, а

basilískos значитъ и презрительно-уменьшительное названіе отъ слова „король“, и „василискъ“).

Помимо же этого, на красоту, какъ и на приданое, дѣвушки при выборѣ жены не должно было обращать вниманія. Въ виду этого въ Спартѣ существовалъ обычай запирать въ темное помѣщеніе дѣвушекъ и юношей, способныхъ къ браку, и каждый долженъ былъ жениться на той, которую онъ поймаетъ впотьмахъ. Въ большомъ и вольномъ торговомъ городѣ — въ Аѳинахъ такіе варварскіе обычаи должны были прекратить существованіе гораздо раньше; но намъ извѣстно самымъ достовѣрнымъ образомъ, что еще Солонъ ввелъ въ свое законодательство мѣры наказанія противъ холостяковъ точно такъ же, какъ и въ древнѣйшемъ римскомъ законодательствѣ, о которомъ мы имѣемъ кой-какія свѣдѣнія.

Всѣ эти законы и обычаи должны были возникнуть изъ взгляда народа на бракъ, какъ на неизбѣжную необходимость для мужчины, и на холостяка, уклоняющагося отъ этой необходимости, какъ на недостойнаго и преступнаго члена общества. Слѣды отдаленнѣйшей древности, даже первобытныхъ эпохъ нашего племени можно найти, если правильно поискать ихъ, еще и въ настоящее время въ отдаленныхъ уголкахъ Европы, такъ что эти взгляды народа на бракъ живы еще и теперь, какъ когда-то, во многихъ мѣстахъ земного шара. Это въ особенности вѣрно въ отношеніи всего востока и юго-востока Европы. Послушаемъ, что говоритъ серьезный русскій ученый — Ровинскій (Павелъ Аполлоновичъ), написавшій этнографическое сочиненіе о Черногоріи („Черногорія въ ея прошломъ и настоящемъ“, Спб., 1897 г., т. II, часть 1, стр. 237), о положеніи вопросовъ брака въ этой странѣ и въ Россіи.

„У насъ на парня неженатаго народъ смотритъ, какъ на что-то несовершенное, неполное, и жизнь безъ жены считается незаконною, потому о женитбѣ говорится „произвести въ законъ“. У черногорцевъ эта необходимость выражается еще настоятельнѣе: „Чоек“ не може бити чоек, докле га жена не крсти“, т. е. тогда только онъ и можетъ назваться человѣкомъ вполнѣ, когда женится; тогда только онъ вступаетъ въ настоящую жизнь мужчины, облеченнаго въ извѣстныя права и обязанности; иначе его всегда будутъ звать „дьете“ (впрочемъ часто и женатыхъ молодыхъ зовутъ „дьетич: добаръ дьетич или момакъ“, какъ у насъ хорошій парень)“. Въ Сербіи и Болгаріи также еще и въ настоящее время женитьба считается необходимой обязанностью, которую каждый долженъ исполнить. Въ Греціи остаются неженатыми только лица, вслѣдствіе болѣзни негодныя для брака; къ оставшимся неженатыми позже обычнаго для брака возраста относятся съ презрѣніемъ. Но и у насъ въ Россіи господствуютъ еще отчасти тѣ же взгляды. Западно-германскіе горцы еще недавно называли „старыми холостяками“ молодыхъ людей двадцати-пяти лѣтъ, если они могли жениться и не пожелали, а въ Силезіи, совершенно такъ же, какъ и въ Черногоріи, словомъ „мужчина“ и обращеніемъ на „вы“ удостаиваютъ только женатыхъ, неженатыхъ же — какого бы ни было возраста — называютъ просто „холостыми ребятами“.

Это совпаденіе историческихъ данныхъ съ несомнѣнно господствующимъ еще и въ настоящее время во многихъ мѣстахъ

нашего земного шара народнымъ сознаніемъ приводитъ историка культуры къ тому заключенію, что народы Европы пережили нѣкогда эпоху, когда каждый въ отдѣльности былъ убѣжденъ въ непреложной необходимости брака, такъ что на этой почвѣ холостячество не могло получить широкаго развитія. Понятны также и причины такого взгляда на бракъ въ эпоху европейской древности. Причины лежатъ не въ глубокомъ уваженіи къ женщинѣ, такъ какъ положеніе ея въ древности было, наоборотъ, крайне невысоко; не въ сферѣ половыхъ отношеній, такъ какъ въ древности мужчинѣ всюду было доступно безпрепятственное общеніе съ наложницами и рабынями; не въ убѣжденіи также, что мужчина долженъ жениться и производить дѣтей ради государства: такое убѣжденіе едва ли и могло существовать тогда, уже просто потому, что тогда еще и государства не было.

Древніе европейскіе народы жили скорѣе — какъ еще недавно, напримѣръ, въ Черногоріи и Герцеговинѣ, — родственными союзами, большими семьями и родами, объединявшимися въ племена также родственнаго характера. Только въ собственной семьѣ и собственномъ роду находилъ каждый защиту и охрану отъ угрожающаго извнѣ насилія, только собственные семья и родъ могли выдвинуть кроваваго мстителя за него въ случаѣ, если бы ему былъ нанесенъ тяжкій имущественный ущербъ или онъ былъ бы убитъ. Безопасность и вліяніе каждаго отдѣльнаго лица такъ сильно зависѣли поэтому отъ силы семьи или рода, обусловленной численностью мужчинъ, способныхъ носить оружіе, что намъ сразу становится понятнымъ, почему всѣ древніе народы всегда желали имѣть сыновей.

Къ этимъ соображеніямъ свѣтскаго характера, которыми объясняется необходимость вступленія въ бракъ, надо прибавить еще соображеніе религіозное. Древнѣйшей формой богослуженія нашихъ предковъ былъ культъ предковъ. Въ установленные дни года духамъ умершихъ предковъ, вѣдающимъ блага и горести семьи и рода, приносятъ на могилы или въ жилища пищу и напитки и торжественно взываютъ къ почившимъ, приглашая ихъ на пиръ. Горе тому, кто этимъ пренебрегъ! Ужасныя кары ждутъ его за это, — потому что почившіе нуждаются въ ѣдѣ и питьѣ такъ же, какъ и живые, и стали бы безпокойно блуждать повсюду, если бы не получили ихъ. Но подобныя жертвы умершимъ могутъ приносить только рожденные въ правильномъ бракѣ сыновья; только наличность сыновей обезпечиваетъ, слѣдовательно, родителю миръ душѣ его за гробомъ. Холостякъ же оказывается беззащитнымъ въ жизни и лишеннымъ покоя и мира за гробомъ.

Такимъ образомъ, мужчина въ силу религіозныхъ соображеній вынужденъ вступить въ прочный союзъ съ женщиной, которая родила бы ему сыновей. Извѣстно, что въ Индіи, даже въ пору англійскаго владычества и даже въ сравнительно недавнее еще время, жену или одну изъ женъ умершаго мужа сжигали вмѣстѣ съ нимъ на кострѣ, чтобы онъ вмѣстѣ съ нею вступилъ въ загробную жизнь. Но не всѣмъ, вѣроятно, извѣстно, что тотъ же обычай существовалъ и въ Европѣ, въ особенности въ сѣверной — у славянъ, пруссаковъ, фракійцевъ, германцевъ, скиѳовъ, а слѣды его обнаруживаются также у грековъ и римлянъ. По-

добно тому, какъ умершаго снабжаютъ нужными ему вещами — его оружіемъ, его конемъ, его рабами, порой даютъ ему съ собой судно, сосуды съ пищей и напитками и т. д., — такъ же поступаютъ и съ его женой, чтобы онъ могъ имѣть ее въ своемъ распоряженіи на томъ свѣтѣ вмѣстѣ со всѣми своими вещами.

Мужчина немыслимъ безъ женщины. Съ необычайною послѣдовательностью проводится эта мысль до конца въ томъ обычаѣ, который можно прослѣдить — прямо или косвенно — во многихъ мѣстахъ на земномъ шарѣ, согласно которому мужчину, умершаго холостымъ, вѣнчаютъ съ дѣвушкой, единственно съ той цѣлью, чтобы она могла послѣдовать за нимъ на тотъ свѣтъ.

Рис. 141. Похороны древняго руса въ Болгарахъ.
Стѣнная картина Г. И. Семирадскаго.

Наиболѣе древними свѣдѣніями о теперешнихъ русскихъ мы обязаны арабамъ, ѣздившимъ въ теченіе X столѣтія съ торговыми цѣлями на Востокъ. Вотъ что разсказываетъ объ этомъ арабъ Массури.

„Покойниковъ своихъ они сжигаютъ на кострахъ, возлагая на нихъ одновременно ихъ оружіе, ихъ вьючныхъ животныхъ и драгоцѣнныя украшенія. Когда умираетъ мужчина, его жена живьемъ сжигается вмѣстѣ съ нимъ, если же умираетъ женщина, мужъ ея этой участи не подвергается. Если же кто-нибудь умираетъ холостымъ, они женятъ его послѣ его смерти“.

Другой арабъ, Ибнъ Фадланъ, самъ присутствовалъ при церемоніи сжиганія трупа одного русскаго военачальника и подробно описалъ ее со словъ своего переводчика.

Большая картина русскаго художника Семирадскаго (рис. 141) въ московскомъ Историческомъ музеѣ даетъ намъ живое представленіе о подобныхъ церемоніяхъ. Направо покоится воз-

ложенное на его корабль тѣло умершаго военачальника. Въ ногахъ его сидитъ поддерживаемая двумя подругами дѣвушка, обреченная послѣдовать за нимъ на смерть. За ней стоитъ страшная женская фигура — „ангелъ смерти“, готовая вонзить смертоносный клинокъ въ грудь несчастной; влѣво у самаго края стоитъ человѣкъ, ожидающій знака, чтобы зажечь костеръ и корабль. Костеръ заваленъ тушами убитаго скота и коней. Дикіе воины шумно бряцаютъ оружіемъ, чтобы заглушить крики умирающей дѣвушки. Ужасная картина!

Ибнъ Фадланъ, правда, прямо не говоритъ, что въ видѣнномъ имъ случаѣ дѣло шло объ умершемъ холостякѣ, но описываемыя имъ странныя церемоніи, совершаемыя самой дѣвушкой и по отношенію къ ней, не оставляютъ сомнѣній въ томъ, что это именно брачныя церемоніи и именно одинъ изъ случаевъ посмертнаго вѣнчанія, о которыхъ разсказываетъ Массури.

Но то, что изслѣдователь культуры называетъ пережиткомъ (survivals) порядка, имѣвшаго нѣкогда всеобщее распространеніе, можно прослѣдить и во всей Европѣ въ отношеніи упомянутаго обычая посмертнаго вѣнчанія. У сербовъ существуетъ еще и въ настоящее время обычай, — когда умираетъ юноша, какая-нибудь дѣвушка въ подвѣнечномъ нарядѣ несетъ два вѣнка, и ее сопровождаютъ два дружка. Въ Подоліи обрядъ погребенія юноши называется словомъ, означающимъ свадьбу („весілля“), и совершается на подобіе свадебнаго обряда. Но тутъ уже наблюдается нововведеніе: когда умираетъ молодая дѣвушка, ей тоже назначается женихъ, котораго родители умершей называютъ „зятемъ“.

Въ Гессенѣ также существуетъ обычай, согласно которому за гробомъ холостяка слѣдуетъ дѣвушка съ вѣнкомъ и потомъ въ теченіе мѣсяца носитъ трауръ по немъ, и т. д. Сюда же надо отнести и древній обычай у аѳинянъ ставить на своихъ кладбищахъ на могилѣ умершихъ не женатыми лютрофоры (см. рис. 142), т. е. такіе кувшины, въ которыхъ приносится на свадьбахъ вода для жениха и невѣсты, употребляемая для брачныхъ омовеній.

Такимъ образомъ, передъ нами развертывается явственная картина эпохи, въ которую у народовъ нашего племени всякій зрѣлый въ половомъ отношеніи мужчина изъ вполнѣ понятныхъ мірскихъ и религіозныхъ соображеній чувствовалъ себя обязаннымъ вступить въ бракъ, и обладаніе женой считалось для него такой неминуемой необходимостью, что умершему женатому человѣку посылали вслѣдъ его жену, а съ умершимъ холостякомъ вѣнчали дѣвушку для жизни за гробомъ.

Какъ же могла развиться на этой почвѣ фигура стараго холостяка?

Если мы и по этому поводу обратимся прежде всего къ классическому югу Европы, то намъ представится отвѣтъ на поставленный вопросъ въ одной краткой фразѣ: Городъ породилъ стараго холостяка. Городъ представлялъ собою въ древности государство, а на мѣсто родства, какъ объединяющее понятіе, выступила гражданственность. Благополучіе и безопасность личности обезпечивается уже не кровавой местью, сопряженной съ родственными союзами, а общими для всѣхъ гражданъ законами государства, т. е. города. Высшія религіозныя пред-

ставленія, культъ отца Зевеса и Юпитера Optimus Maximus въ мраморныхъ храмахъ, доступныхъ всѣмъ гражданамъ, оттѣснили на задній планъ культъ предковъ древнѣйшихъ поколѣній.

Словомъ, всѣ тѣ точки зрѣнія, съ которыхъ вступленіе въ бракъ считалось въ первобытную эпоху дѣломъ естественно неизбѣжнымъ и непреложно необходимымъ, потускнѣли или же были и совсѣмъ отброшены. Вдобавокъ, города становятся съ теченіемъ времени все больше и больше средоточіемъ неслыханной дотолѣ, принесенной съ Востока роскоши. Повсемѣстно и въ тысячѣ всевозможныхъ образовъ воздвигаетъ свои храмы продажная любовь. Пріобрѣтаетъ широкое распространеніе зародившаяся первоначально, вѣроятно, также на востокѣ однополая любовь и ослабляетъ собою половое влеченіе къ женщинѣ. Эмансипація женщинъ дѣлаетъ шагъ впередъ, и нарождается типъ богатой и потому властолюбивой и сварливой жены.

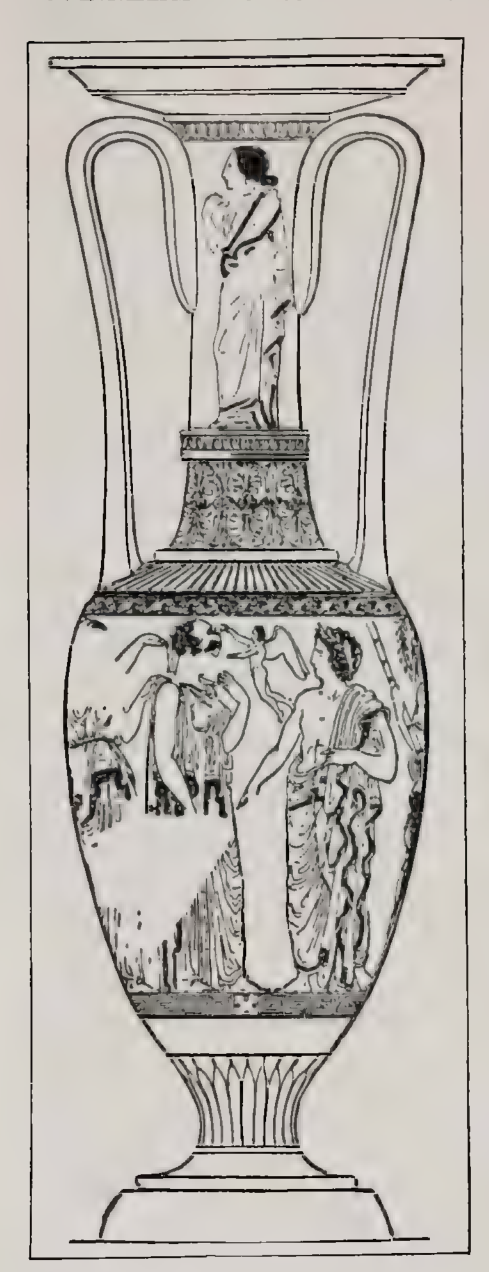

Рис. 142. Лютрофоръ.

Все это вмѣстѣ взятое естественно ведетъ къ тому, что къ преимуществамъ брака начинаютъ относиться скептически и серьезно задумываться надъ вопросомъ, не представляетъ ли гораздо большія преимущества холостое состояніе.

На вопросъ одного юноши, слѣдуетъ ли ему жениться, Сократъ, мужъ Ксантиппы, отвѣтилъ, что какъ бы онъ ни рѣшилъ — все равно придется раскаиваться: „Съ одной стороны, — сказалъ онъ, — тебя ждутъ одиночество, бездѣтность, гибель твоего рода, чужой наслѣдникъ; съ другой — вѣчное безпокойство, вѣчныя жалобы, попреки приданымъ, высокомѣріе родственниковъ, болтливый языкъ тещи, соперникъ, неизвѣстная судьба твоихъ дѣтей“.

Изъ эпохи царствованія Александра Великаго до насъ дошелъ, благодаря отцу церкви Іерониму (Дюреръ показываетъ намъ этого выдающагося отца церкви въ видѣ отшельника-монаха, рис. 143), отрывокъ изъ „Золотой Книги“ Теофраста, въ которомъ ненавистникъ брака очень поучительно и забавно рисуетъ всѣ отрицательныя стороны тогдашней супружеской жизни. Менандръ, ученикъ Теофраста, называлъ въ своихъ стихотвореніяхъ всякую женщину зломъ, а Біонъ, поэтъ III столѣтія до Рожд. Христ., говорилъ молодому человѣку, въ видѣ совѣта: „Возьмешь красавицу — прощай покой! Дурнушка — вѣчное

несчастье. А такъ какъ обѣ лишь бѣду тебѣ сулятъ, то лучше, другъ мой, не бери совсѣмъ жены!“

Точно такъ же думали и въ Римѣ, какъ ни склоняли цензора къ браку въ интересахъ государства. „Зачѣмъ мнѣ дѣти, когда у меня много родныхъ? — говоритъ Плавтъ устами стараго холостяка. — Теперь я живу покойно и счастливо, какъ хочу, какъ мнѣ вздумается... Родственники мои заботятся обо мнѣ (въ надеждѣ на наслѣдство), какъ родныя дѣти. Они меня навѣщаютъ, разспрашиваютъ, какъ я себя чувствую и не желаю ли чего. Чуть разсвѣтетъ, они уже являются, освѣдомляются, какъ я провелъ ночь“... и т. п. Оттого-то еще въ языческую эпоху латинское слово caelebs, означающее „холостой“, толковали въ смыслѣ „живущій на небесахъ“ (caelum — небо). Цицеронъ, котораго уговаривали жениться вторично, заявилъ, что служить одновременно женщинѣ и философіи невозможно.

Не было, конечно, и впослѣдствіи недостатка въ законодательныхъ мѣропріятіяхъ или проектахъ для борьбы съ безбрачіемъ, становившимся все распространеннѣе. Такъ, напримѣръ, Платонъ, хотя былъ и самъ холостъ, предлагалъ обложить мужчинъ, не женившихся до тридцати-пяти лѣтъ, прогрессивнымъ налогомъ отъ тридцати до ста драхмъ, — или требовалъ, чтобы каждый холостякъ вносилъ въ государственную кассу сумму, потребную на содержаніе жены, такъ какъ „не желающіе жениться и производитъ, поскольку это отъ нихъ зависитъ, дѣтей, причиняютъ ущербъ численности людей и разрушаютъ города и государственный порядокъ“.

Но все это имѣло мало успѣха. Со словъ историка Полибія мы узнаемъ, что уже во II до Р. Хр. вѣкѣ безбрачіе произвело большія опустошенія въ Греціи. Въ одномъ отрывкѣ своего сочиненія онъ говоритъ о томъ, какъ глупо обращаться къ помощи боговъ, когда можно помочь себѣ самому.

„Въ мое время, — говоритъ онъ, — царила во всей Греціи бездѣтность и малолюдность, отъ чего пустѣли города и поля не приносили дохода. И если бы кто-нибудь посовѣтовалъ по этому поводу послать къ богамъ и разспросить ихъ, какъ устроить, чтобы мы стали многочисленнѣе и города наши пришли въ цвѣтущее состояніе, — не былъ ли бы онъ глупцомъ? Вѣдь причины этого явленія ясны, и возможность исправить его въ нашихъ рукахъ. Такъ какъ люди привыкли къ роскоши, стали своекорыстны и легкомысленны и перестали хотѣть жениться, а если и женились, то не хотѣли воспитывать дѣтей, за исключеніемъ одного или двоихъ — оттого и случилось, что бѣда втихомолку и быстро подкралась къ намъ“.

А въ Римѣ въ I столѣтіи послѣ Р. Хр. Петроній Арбитръ восклицаетъ: „Никто въ нашемъ городѣ не хочетъ больше ростить дѣтей, потому что тотъ, у кого есть собственные наслѣдники, не допускается къ пиршествамъ или зрѣлищамъ, остается чуждымъ всѣмъ привилегіямъ и влачитъ въ одиночествѣ жалкое существованіе“.

Таково было положеніе вещей на исходѣ классической древности, когда зародившееся христіанство внесло въ оцѣнку отношеній между мужчиной и женщиной крайне разрушительную

Рис. 143. Св. Іеронимъ. По гравюрѣ Альбрехта Дюрера.

точку зрѣнія, съ которой выполненіе полового акта какъ въ бракѣ, такъ и внѣ брака объявлялось безусловно грѣхомъ и цѣломудренная жизнь холостяка — единственно угодной Богу. Правда, идея о томъ, что служеніе Богу возможно только въ состояніи половой чистоты, не можетъ быть названа спеціально христіанской. Еще въ языческой Европѣ мы наталкиваемся у варварскаго народа фракійцевъ на племя, живущее безъ женъ, носившее названіе „Ktistaj“ (ср. съ русскимъ „чистый“) и считавшееся святымъ. Но культурное значеніе для Европы пріобрѣлъ этотъ принципъ богоугодности цѣломудрія только благодаря христіанству.

Правда, съ увѣренностью нельзя установить, какъ относился самъ основатель этой религіи къ браку. Съ одной стороны онъ говоритъ (Матѳ. XIX): „Не читали ли вы, что сотворившій въ началѣ мужчину и женщину сотворилъ ихъ? И сказалъ: посему оставитъ человѣкъ отца и мать, и прилѣпится къ женѣ своей, и будутъ два одною плотью; такъ что они уже не двое, но одна плоть. Итакъ, что Богъ сочеталъ, того человѣкъ да не разлучаетъ“ (4, 5, 6). Съ другой стороны, когда ученики его замѣчаютъ, что въ такомъ случаѣ лучше не жениться, онъ произноситъ слѣдующія слова, вокругъ которыхъ закипаетъ столько споровъ: „Не всѣ вмѣщаютъ слово сіе, но кому дано. Ибо есть скопцы, которые изъ чрева матернаго родились такъ; и есть скопцы, которые оскоплены отъ людей: и есть скопцы, которые сдѣлали сами себя скопцами для царства небеснаго. Кто можетъ вмѣстить, да вмѣститъ“ (11, 12).

(На это мѣсто ссылается русская секта скопцовъ. Они ждутъ вѣчнаго спасенія отъ умерщвленія плоти и потому оскопляютъ себя. Живутъ они преимущественно въ Орловской и С.-Петербургской губерніи и въ Сибири, занимаются отдаваніемъ

денегъ въ ростъ Всѣ страсти ихъ превратились въ жажду наживы и въ корыстолюбіе).

Гораздо яснѣе оказываются взгляды Павла (I посланіе къ Коринѳ. VII): „Хорошо человѣку не касаться женщины. Но, во избѣжаніе блуда, каждый имѣй свою жену и каждая имѣй своего мужа“ (1, 2) „...Безбрачнымъ же и вдовымъ говорю: хорошо имъ оставаться, какъ я. Но если не могутъ воздержаться, пусть вступаютъ въ бракъ; ибо лучше вступить въ бракъ, нежели разжигаться“ (8, 9).

Съ этой точки зрѣнія, для которой, слѣдовательно, пылкое цѣломудріе представлялось наивысшимъ идеаломъ, христіанская церковь старалась во всѣхъ обращенныхъ странахъ повліять на половую жизнь даже въ бракѣ тѣмъ, что строжайше запретила супругамъ супружескія сношенія въ дни церковныхъ праздниковъ и постовъ. Какъ далеко заходила эта строгость, видно, напримѣръ, изъ слѣдующаго англо-саксонскаго предписанія:

„Ради полового сношенія, міряне, которые желаютъ заслужить милость Божію, не должны соединяться съ женою своею ни въ ночи подъ воскресенье, ни подъ праздничные дни, ни подъ среду, ни подъ пятницу, ни во все время великаго поста, ни подъ дни прочихъ постовъ“.

Среди крестьянскаго населенія Россіи еще и въ настоящее время считается тяжкимъ грѣхомъ, когда крестьянинъ вздумаетъ общиться съ женой въ одинъ изъ безчисленныхъ дней постовъ, — что, впрочемъ, не мѣшаетъ русскимъ быть самымъ многодѣтнымъ народомъ въ Европѣ.

Если въ этихъ предѣлахъ еще можно считать отношеніе духовенства благопріятнымъ съ гигіенической точки зрѣнія, — поскольку мы имѣемъ всѣ основанія предполагать, что въ языческихъ странахъ до ихъ обращенія царила въ общемъ, въ бракѣ и внѣ брака, самая необузданная и неумѣренная чувственность, — все же церковь, съ своей стороны, нарушаетъ священные законы, данные природой, обрекая, въ строгомъ толкованіи мысли Павла, сотни тысячъ способныхъ къ дѣторожденію священнослужителей на обязательное безбрачіе. Только одна восточная церковь не погрѣшила — или только отчасти погрѣшила — этимъ шагомъ, установивъ, какъ, напримѣръ, въ Россіи, обязательное безбрачіе только для „чернаго“, монастырскаго духовенства, а „бѣлое“ даже обязавъ жениться.

Въ то время какъ описанныя обстоятельства царили на югѣ Европы и несомнѣнно вызывали въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій до и послѣ Р. Хр. въ Греціи, какъ и въ Италіи отмѣченую еще Полибіемъ убыль населенія, получившаго новый притокъ крови только съ вторженіемъ варварскихъ сѣверныхъ племенъ въ предѣлы римской имперіи, — на самомъ сѣверѣ Европы должны были царить еще непоколебленныя прадѣдовскія убѣжденія въ необходимости брака, подсказываемыя религіозными и мірскими соображеніями. Но уже начинаютъ намѣчаться и здѣсь нѣкоторыя теченія — хотя и иного характера и болѣе медленныя — въ сторону нарождающагося мало-по-малу холостячества. въ чемъ намъ приходится разбираться, за полнымъ почти отсутствіемъ историческихъ данныхъ, по названіямъ холостяка въ нѣкоторыхъ сѣверныхъ языкахъ.

Интересно, напримѣръ, что на всемъ Балканскомъ полуостровѣ, т. е. въ языкахъ ново-греческомъ, сербскомъ, болгарскомъ, румынскомъ и албанскомъ, слово „холостякъ“ передается турецкимъ словомъ „bekar“ — доказательство того, что крестьянское населеніе этихъ странъ познакомилось съ этимъ понятіемъ только въ періодъ турецкаго владычества и черезъ посредство турецкихъ чиновниковъ.

Не менѣе поучительны также три народныхъ русскихъ названія понятія холостяка: байбакъ, бобыль и бурлакъ. Изъ нихъ основной смыслъ перваго слова — лѣнтяй, лежебокъ, трутень; второе означаетъ пролетарія, безземельнаго крестьянина, паразита; третьимъ называютъ собственно судорабочихъ, тянущихъ бечевой большія, груженыя хлѣбомъ суда вверхъ по Волгѣ. Есть захватывающая русская народная пѣснь „Эй, ухнемъ“ („Дубинушка“), ярко рисующая невыразимо тяжелый трудъ этихъ бѣднягъ. Итакъ, мы видимъ, что въ крестьянской Россіи разрозненный типъ холостяка народился, — что вполнѣ согласуется съ нашими прежними выводами, — изъ бѣднѣйшихъ и презрѣннѣйшихъ классовъ.

Слѣды того же явленія мы можемъ прослѣдить и на германскомъ западѣ. На такое же происхожденіе его указываетъ самое нѣмецкое слово „холостякъ“ — Hagestolz и одинаковое съ нимъ по звуку, по корню и по смыслу англосаксонское haegsteald, такъ что слово и понятіе это должно было быть извѣстно германцамъ еще раньше, чѣмъ англосаксы переселились въ нынѣшнюю Англію. Слово „Hag“ означаетъ заборъ, изгородь, но каковъ былъ первоначальный смыслъ этого слова — этотъ вопросъ остается спорнымъ. Несомнѣнно только то, что въ средніе вѣка „haistaldi“, „Hagestolzen“ составляли классъ крестьянства, занимающій среднее мѣсто между свободными и рабами, которые оставались (по причинамъ, не совсѣмъ яснымъ) всегда или большей частью неженатыми (отсюда старо-французское hastaudeau, заимствованное изъ нѣмецкаго Hagestolz, означающее „каплунъ“).

Далѣе заслуживаетъ быть отмѣченнымъ то обстоятельство, что у германцевъ старые холостяки занимали также почетныя должности — въ древней Саксоніи, напр., они бывали благородными спутниками короля; а если мы припомнимъ то, что разсказываетъ еще Тацитъ въ своей „Германіи“ о составѣ свиты древне-германскихъ властителей, окружавшей ихъ и въ военное и въ мирное время, то мы едва ли ошибемся, если усмотримъ въ этой древне-германской свитѣ, получавшей отъ своего властелина содержаніе, оружіе и одежду, въ которой почти невозможно представить себѣ женатыхъ людей — своего рода профессіональныхъ древне-германскихъ старыхъ холостяковъ.

Но еще одно мѣсто въ Тацитовской „Германіи“ указываетъ на исторію ихъ возникновенія. По общему правилу, на основаніи пар. 20, правомъ наслѣдованія пользовались у древнихъ германцевъ всѣ дѣти, т. е. сыновья, одинаково; но у одного племени господствовало, согласно пар. 32, право первородства. Замѣчено однако, что всюду, гдѣ существуетъ въ странѣ право первородства, оно очень неблагопріятно вліяетъ на число заключаемыхъ браковъ.

„Необычайно велико число старыхъ холостяковъ, — говоритъ Фридрихъ Принцингъ въ своей работѣ о безбрачіи въ европейскихъ странахъ („Zeitschrift fur Socialwissenschaft“, VIII), — въ австрійскихъ пріальпійскихъ странахъ (Тироль, Зальцбургъ, Штирія, Каринтія); причина этого коренится главнымъ образомъ въ аграрныхъ условіяхъ этихъ странъ, вслѣдствіе которыхъ крестьянскій сынъ, къ которому переходитъ имѣніе, очень поздно получаетъ возможность жениться, а другіе сыновья часто и совсѣмъ не имѣютъ этой возможности“.

Не будетъ поэтому большой смѣлостью предположатъ тѣ же явленія въ условіяхъ, описываемыхъ Тацитомъ.

На подобныя же обстоятельства указываетъ и датское слово „холостякъ“ — ungkarl, — въ противоположность слову karl (ung — частица отрицанія), означающему „свободный землевладѣлецъ“, „крестьянинъ“, — между тѣмъ какъ просто „безбрачный“, т. е. холостой, а не старый холостякъ, называется на томъ же языкѣ pebersvend и относится къ эпохѣ средневѣковой торговли; это слово составлено изъ двухъ словъ — peber значитъ „перецъ“ и vend — парень, продавецъ; перецъ былъ нѣкогда главнымъ предметомъ торговли, и pebersvend были молодые люди, разъѣзжавшіе по свѣту отъ торговцевъ для продажи этого товара и не имѣвшіе, конечно, возможности обзаводиться женой.

Такъ вырастаютъ изъ-подъ земли, какъ грибы, въ разныхъ мѣстахъ и при различныхъ культурныхъ условіяхъ старые холостяки; и чѣмъ больше развивается и на сѣверѣ Европы зародившееся на югѣ строеніе городовъ съ привольемъ городской жизни, тѣмъ больше мы наблюдаемъ и у насъ, какъ въ Греціи и Италіи, это злополучное вліяніе города на заключеніе браковъ. Еще въ XIII столѣтіи вліятельный народный ораторъ и священникъ Бертольдъ фонъ Регенсбургъ ведетъ энергичную борьбу съ все возрастающимъ безбрачіемъ, и еще съ XI столѣтія у насъ сохранились памятники права, старавшагося противодѣйствовать явленію холостячества установленіемъ особаго закона для старыхъ холостяковъ, согласно которому наслѣдство холостяка поступаетъ въ пользу монастырей, церквей, мѣстныхъ князей или фиска. Въ душѣ народа глубоко вкоренилась и вкоренена до сихъ поръ идея нравственной необходимости брака, которая выражается и въ насмѣшкахъ, которыми осыпаетъ народъ старыхъ холостяковъ и старыхъ дѣвъ.

Такова въ главныхъ чертахъ своихъ исторія этого явленія. Перейдемъ теперь къ вопросу о холостячествѣ въ настоящее время. Существуетъ ли такой вопросъ? Такъ ли велико въ Германіи (которой мы отнынѣ преимущественно займемся) число безбрачныхъ, что является или становится угрожающимъ общему благу? На этотъ вопросъ слѣдуетъ отвѣтить частью отрицательно, частью утвердительно. Отрицательно въ томъ случаѣ, если имѣть въ виду общее число заключаемыхъ браковъ.

„Процентная численность старыхъ холостяковъ уменьшилась въ большинствѣ европейскихъ странъ, за исключеніемъ Швеціи, Франціи и Ирландіи, — такъ формулируетъ Фр. Принцингъ результатъ своихъ статистическихъ изслѣдованій. — Извѣстныя намъ цифры числа заключаемыхъ въ европейскихъ

странахъ браковъ служатъ несомнѣнпымъ доказательствомъ того, что объ упадкѣ у мужского пола расположенія ко вступленію въ бракъ, что такъ часто утверждаютъ авторы сочиненій по женскому вопросу, не можетъ быть рѣчи; въ особенности же въ Германіи, какъ видно изъ приводимыхъ и дальнѣйшихъ цифръ, процентное отношеніе числа старыхъ холостяковъ уменьшилось во всѣхъ частяхъ Имперіи".

По даннымъ новѣйшей статистики, число браковъ также возросло съ 8,05 до 8,07 на тысячу жителей. Все же осторожность нужна и въ этомъ отношеніи. Подозрительно то, что во Франціи число заключаемыхъ браковъ непрерывно уменьшается, — такъ какъ исторія очень часто доказывала, что соціальныя измѣненія въ Европѣ движутся по направленію съ Запада на Востокъ. Надо еще принять во вниманіе и другое. Несмотря на возрастающую численность браковъ, число рождепій, повидимому, медленно уменьшается — по послѣднимъ извѣстнымъ даннымъ, оно упало съ 35,18 до 34,00 на тысячу, — обстоятельство, безъ труда объясняющееся употребленіемъ средствъ противъ дѣторожденія, такъ усиленно рекламируемыхъ газетами, даже въ кругу сельскаго и рабочаго населенія. (Доказательства этого можно найти въ крайне интересной съ культурно-исторической точки зрѣнія анкетѣ: „Die geschlechtlich-sittlichen Verhältnisse der evangelischen Landbewohner im Deutschen Reiche I и II т., 1905 и 1906 гг.) Если такое положеніе продолжится, то оказать ему противодѣйствіе могло бы только значительное увеличеніе числа заключаемыхъ браковъ, — если желать предотвратить ту опасность численнаго упадка населенія, которая во Франціи уже наступила. Такъ или иначе, эта забота впереди.

Но совершенно иначе приходится отвѣтить на упомянутый вопросъ, если принять во вниманіе частоту заключаемыхъ браковъ въ различныхъ слояхъ населенія Германіи, — хотя статистика оставляетъ желать еще очень многаго на этомъ пунктѣ. Въ этомъ отношеніи выводы всѣхъ изслѣдователей, вполнѣ согласные съ практическимъ опытомъ всякаго внимательнаго частнаго наблюдателя, доказываютъ, что въ такъ называемыхъ высшихъ кругахъ, преимущественно живущихъ въ городахъ, безбрачіе значительно возрастаетъ. Возникаетъ поэтому дальнѣйшій вопросъ: какой ущербъ наноситъ всему народу несомнѣнное возрастаніе холостячества въ высшихъ слояхъ его?

Первымъ непосредственнымъ результатомъ отказа отъ женитьбы всякаго мужчины является увеличеніе числа старыхъ дѣвъ, и это еще больше усложняетъ и безъ того особенно сложный въ высшихъ кругахъ женскій вопросъ. Во-вторыхъ, не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что все возрастающее холостячество приводитъ къ быстрой пролетаризаціи общества; въ связи съ неотдѣлимыми отъ него другими явленіями (опасность которыхъ сознавалась еще въ древности) — съ явленіями опсигаміи, т. е. поздняго брака, и ракогаміи, т. е. „дурного" брака (союза мужчины, изъ постороннихъ соображеній выгоды, съ непригодной для дѣторожденія и для воспитанія дѣтей женщиной), — оно все больше и больше низводитъ національный приростъ населенія насчетъ низшихъ народныхъ слоевъ. „Въ интересахъ же всего народа, — чтобы унаслѣдованныя и усовершенствованныя изъ

поколѣнія въ поколѣніе приспособленія къ высшимъ задачамъ эксплуатировались бы наивозможно полнѣе и возможно больше реализовались бы и въ будущемъ процессѣ развитія, путемъ дальнѣйшей наслѣдственной передачи, а въ этомъ приспособленіи къ высшимъ соціальнымъ и культурнымъ задачамъ высшіе круги общества въ среднемъ превосходятъ низшіе“ (Э. Гартманъ).

Рис. 144. Счастливый семьянинъ.
По гравюрѣ Д. Ходовецкаго.

Все это уже часто говорилось. Не обсуждался только никогда, насколько мнѣ извѣстно, вопросъ о томъ, представляетъ ли старый холостякъ самъ по себѣ, т. е. независимо отъ сомнительныхъ послѣдствій, сопряженныхъ съ его существованіемъ, благопріятное явленіе, или, другими словами, можетъ ли ожидать отъ него общество такихъ же полезныхъ услугъ, какъ и отъ женатаго человѣка. На этотъ вопросъ приходится отвѣтить отрицательно, хотя бы уже по одной простой причинѣ. Несомнѣнно, что продолжительность жизни стараго холостяка значительно меньше, чѣмъ продолжительность жизни женатаго, и будетъ ли здоровье холостяка подорвано ненормальнымъ образомъ жизни, вслѣдствіе длительнаго подавленія полового инстинкта, или, наоборотъ, вслѣдствіе рискованности внѣбрачныхъ половыхъ сношеній, — въ томъ и другомъ случаѣ ясно, что государство или общество, или всякая вообще организація, пользующаяся его услугами, имѣетъ отъ него меньше выгоды и пользы, чѣмъ отъ женатаго члена.

Къ этому присоединяются и другія, болѣе глубокія причины, которыми обусловливается менѣе значительная средняя цѣнность холостяка, какъ члена человѣческаго общества. Бракъ — не дѣтская забава и не вѣчный медовый мѣсяцъ; онъ — школа жизни, въ которой мужчина и женщина научаются отдавать всѣ свои силы на дѣло исполненія представляющихся имъ обязанностей. Кромѣ того, воспитываютъ не только родители своихъ дѣтей, но и дѣти своихъ родителей, вынуждая ихъ все больше и больше отказываться отъ удовлетворенія своихъ эгоистическихъ инстинктовъ на благо семьи и этимъ путемъ на благо государства. Только рука объ руку съ женщиной — наполовину въ борьбѣ съ ней, наполовину въ согласіи — юноша становится мужчиной, мужчина ста-

новится личностью. Этой школы жизни лишенъ старый холостякъ, и мы замѣчаемъ въ немъ съ перваго же взгляда склонность развиться въ эгоистичнаго и своенравнаго чудака.

Взглянемъ на двѣ гравюры Ходовецкаго, заимствованныя изъ знаменитой книги Гиппеля о бракѣ (рис. 144 и 145). На одной — счастливый семьянинъ въ кругу жены и дѣтей, на другой — преждевременно состарившійся холостякъ въ моментъ его возвращенія съ прогулки. Только собака, на которую онъ перенесъ всю свою потребность любви, радостно встрѣчаетъ его, виляя хвостомъ. На стулѣ и столѣ похозяйничалъ пѣтухъ квартирной хозяйки; на порогѣ показывается она сама въ туфляхъ и съ послѣобѣденнымъ кофе въ рукахъ. Можетъ ли быть сомнѣніе въ томъ, въ комъ изъ нихъ можно найти болѣе свободную и болѣе высокую человѣческую сущность?

Рис. 145. Холостякъ.
По гравюрѣ Д. Ходовецкаго.

Или вотъ другой холостякъ въ чердачной каморкѣ (рис. 146), поглощенный уходомъ за своими птицами и цвѣтами. Ни одного взгляда не найдется у него для того человѣческаго цвѣтка, который глядитъ на него изъ своей каморки напротивъ. Два человѣка, которые могли бы произвести на свѣтъ цвѣтущее поколѣніе, — а увядаютъ и чахнутъ оба въ одиночествѣ!

Мы знаемъ, правда, что тамъ, гдѣ складывается совмѣстная жизнь многихъ холостяковъ, какъ, напримѣръ, въ монастырѣ, обнаруживаются иногда коекакія довольно симпатичныя черты нѣкотораго подобія семейной жизни; художникъ Эдуардъ Грюцнеръ набросалъ цѣлый рядъ сценъ такого рода (рис. 140 и 147). Но какія страданія и страсти должны были видѣть эти стѣны, должны были пережить эти люди, собравшіеся здѣсь попировать или заняться музыкой! Картина Грюцнера (см. на отд. табл.) „Искушеніе“ — живое свидѣтельство этихъ страданій. Но всего ярче изображаетъ муки такого положенія братъ Мартинъ въ гетевскомъ „Гецъ фонъ-Берлихингенъ“

Гецъ. А вотъ кстати и вино.
Мартинъ. Я попрошу только воды. Я не пью вина.
Гецъ. Вы дали обѣтъ?
Мартинъ. Нѣтъ, сударь, пить вино обѣтъ не запрещаетъ мнѣ, но такъ какъ самое вино противно моему обѣту, то я и не пью его... Вино веселитъ сердце человѣка, а веселость — мать всѣхъ добродѣтелей... Мы же, когда поѣдимъ и выпьемъ, становимся прямой противоположностью того, чѣмъ должны были бы стать. Наше вялое пищевареніе настраиваетъ голову согласно желудку, и слабость чрезмѣрнаго покоя рождаетъ такія желанія, съ которыми ихъ матери не справиться... Бѣдность, цѣломудріе и послушаніе — три обѣта, изъ которыхъ каждый въ отдѣльности кажется совершенно непосильнымъ, такъ нестерпимы они всѣ... О, сударь! Что всѣ невзгоды вашей жизни въ сравненіи съ горестями того сословія, которое проклинаетъ лучшіе инстинкты, благодаря которымъ мы рождаемся, растемъ и процвѣтаемъ — изъ ложно по-

Мужчина и женщина. I. Т-во „Просвѣщеніе" въ Спб.

Искушеніе.

По картинѣ Эдуарда Грюцнера.

нятаго стремленія стать ближе къ Богу!.. А ваши женщины? За здоровье вашей жены! У васъ вѣдь есть жена?

Гецъ. Прекрасная, благородная женщина!

Мартинъ. Счастливъ тотъ, у кого добродѣтельная жена! Вдвое долговѣчнѣе будетъ онъ отъ этого. Я совсѣмъ не знаю женщинъ, — а все же женщина была вѣнцомъ творенія!

И, наконецъ, еще одно соображеніе. Пусть холостякъ и будетъ равноцѣненъ женатому во всѣхъ тѣхъ областяхъ, которыя требуютъ дѣятельности одного ума; но въ практической работѣ жизни, которая требуетъ не одного ума, а еще и чувства и проникновенія въ реальную сущность обстоятельствъ, въ высоты и глубины, въ свѣтлыя и темныя стороны человѣческой души, — женатый, который самъ плыветъ по широкому теченію жизни, будетъ всегда имѣть преимущество передъ холостякомъ, мимо котораго съ шумомъ проносится этотъ потокъ, какъ мимо празднаго, сторонняго наблюдателя на прогулкѣ. Холостякъ не можетъ быть на своемъ мѣстѣ ни въ роли воспитателя, ни въ роли судьи (по крайней мѣрѣ, въ низшихъ инстанціяхъ), ни присяжнымъ, ни старшиною присяжныхъ, ни священникомъ, ни практикующимъ врачомъ, ни депутатомъ — ни въ одной дѣятельности, въ которой человѣку ввѣряютъ судьбы женатыхъ людей.

Если, слѣдовательно, все учащающееся безбрачіе высшихъ круговъ таитъ въ себѣ въ самыхъ различныхъ отношеніяхъ немаловажныя опасности для общаго блага, то неизбѣжно возникаетъ вопросъ, что же слѣдуетъ противопоставить этимъ опасностямъ.

Католическая церковь сохранила незыблемымъ безбрачіе своего духовенства, протестантская же сдѣлала домъ евангелическаго священника прообразомъ благословенной семейственности. Въ греческой церкви, какъ мы видѣли, черное духовенство безбрачно, а бѣлому вмѣняется женитьба въ обязанность. Замѣчательно, однако, что всемірно-извѣстный поэтъ и философъ, стоящій на чисто христіанской точкѣ зрѣнія въ духѣ апостола Павла, становящійся все болѣе загадочнымъ ясно-полянскій старецъ, графъ Левъ Толстой, выступаетъ (еще въ „Крейцеровой сонатѣ“ и затѣмъ въ спеціальной книгѣ о половомъ вопросѣ), съ требованіемъ для всѣхъ людей абсолютнаго цѣломудрія и воздержанія въ бракѣ и внѣ брака. На сразу же напрашивающееся возраженіе, что въ такомъ случаѣ люди вмѣсто того, чтобы все лучше и лучше служить Богу и ближнимъ (какъ того желаетъ вѣдь Толстой), должны будутъ вымереть, — онъ отвѣчаетъ фразами о томъ, что земля все равно обречена погибнуть по физическимъ законамъ и что ученіе его — идеалъ, а идеалъ, по самой своей сущности, никогда вполнѣ достигнуть быть не можетъ.

Что же касается безбрачія свѣтскихъ людей, то многіе, занимавшіеся изслѣдованіемъ его причинъ встарину и въ наше время, съ большой готовностью обвиняютъ въ этомъ женщинъ. Такъ поступаетъ ненавистникъ брака въ „Золотой Книгѣ“ Теофраста, какъ мы видѣли выше, — такъ поступаетъ и Гартманъ, который усматриваетъ главную причину, отталкивающую мужчину отъ брака, въ непомѣрно возросшей требовательности къ жизни нашихъ дѣвушекъ, въ связи съ все возрастающимъ у нихъ отвращеніемъ къ домашнимъ работамъ.

Въ этомъ, безспорно, много вѣрнаго, къ сожалѣнію. Надо только замѣтить, во-первыхъ, что разъ строй жизни народа повысился, какъ это мы видимъ въ наше время, то было бы безполезно пытаться низвести его на болѣе низкій уровень путемъ перестройки представленій у мужчинъ или у женщинъ; и во-вторыхъ, что прорвавшемуся съ стихійной силой желанію нашихъ женщинъ принимать болѣе дѣятельное, чѣмъ до сихъ поръ, участіе въ религіозныхъ и научныхъ вопросахъ современности, было бы вполнѣ безполезно противопоставлять напоминаніе объ уровнѣ образованія нашихъ — безспорно, болѣе хозяйственныхъ — бабушекъ и прабабушекъ.

Фотогр. изд. Фр Ганфштенгля въ Мюнхенѣ.

Рис. 146. Въ чердачной каморкѣ. По картинѣ Шпицвега.

Я думаю, такимъ образомъ, что съ этими повышенными требованіями къ жизни у обоихъ половъ и всѣхъ сословій, также какъ и съ повышенной потребностью жизни въ образованіи, заключающей въ себѣ — очень возможно — опасность пренебреженія хозяйствомъ, необходимо просто-напросто считаться, какъ съ неизмѣннымъ фактомъ для настоящаго и будущаго.

Изслѣдуя статистику брака, мы убѣждаемся, что частота браковъ зависитъ главнымъ образомъ вовсе не отъ субъективныхъ разсчетовъ и настроеній того или иного лица, а отъ экономическихъ условій жизни каждаго. Это вѣрно, слѣдовательно, и относительно браковъ высшихъ круговъ, а такъ какъ эти круги и составляютъ главный контингентъ въ огромной арміи лицъ, служащихъ государству или обществу, то понятно, что условія большинства этихъ чиновниковъ не могутъ быть таковыми, чтобы не имѣющій своего состоянія человѣкъ въ сравнительно молодомъ возрастѣ могъ жениться на дѣвушкѣ безъ средствъ.

Знакомясь съ вопросомъ объ окладахъ, мы видимъ, что въ Германской имперіи и въ Пруссіи всегда озабочивались назна-

Рис. 147. Квартетъ въ костелѣ. По картинѣ Эд. Грюцнера.

ченіемъ сноснаго содержанія чиновникамъ. Но, по сравненію съ окладами въ Пруссіи, гдѣ въ ландтагѣ недавно депутаты всѣхъ партій высказались въ смыслѣ ихъ недостаточности для настоящаго времени, оклады другихъ частей государства оказываются значительно ниже, и можно опасаться, что эта разница современемъ сдѣлается еще больше.

Какъ неизбѣжно должно отражаться такое положеніе на качествѣ чиновниковъ, объ этомъ здѣсь говорить не мѣсто. Несомнѣнно только, что въ такихъ условіяхъ безбрачіе, поздніе и „дурные" браки должны пріобрѣтать все большее распростране-

ніе. Если бы существовала статистика браковъ по сословіямъ и профессіямъ, несомнѣнно мы имѣли бы и цифровое подтвержденіе этого. Но если бы улучшеніе этого положенія было возможно, если бы государства рѣшились доставить своимъ чиновникамъ достаточное содержаніе, соотвѣтствующее современнымъ потребностямъ жизни, то затраты, которыя понадобились бы для этого, можно было бы значительно уменьшить: для этого нужно было бы только рѣшиться на мѣру, которую подсказываетъ, въ сущности, простой здравый смыслъ: а именно, оклады холостякамъ нужно понизить на половину въ сравненіи съ окладами для женатыхъ.

На это возразятъ, конечно, что въ одной и той же должности холостякъ и женатый исполняютъ одинаковую работу и, слѣдовательно, должны получать одинаковое жалованіе. Но если даже согласиться съ правильностью этой посылки (выше мы подвергли это сомнѣнію), — все же необязательно дѣлать изъ нея этотъ

Рис. 148. Увозъ невѣсты въ домъ мужа. По гравюрѣ Д. Ходовецкаго.

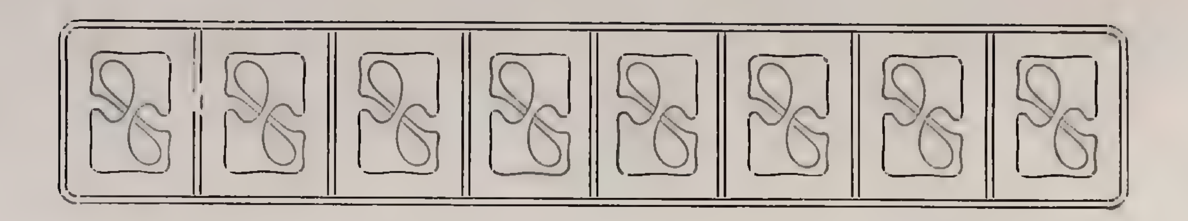
выводъ, потому что жалованіе чиновника вовсе не вполнѣ то же, что заработная плата рабочаго, а означаетъ содержаніе, предоставляемое государемъ или государствомъ чиновнику. Достаточно остановиться на основномъ значеніи слова жалованіе, чтобы сразу убѣдиться, что предоставлять одно и то же содержаніе главѣ семьи, имѣющему жену и дѣтей, и одинокому холостяку — нелѣпость.

До какой степени мало руководятся въ настоящее время этими соображеніями, какъ ни просты они, видно изъ того, что во многихъ странахъ (напр. въ Пруссіи) даже прибавка квартирныхъ денегъ, несмотря на очевидное назначеніе такихъ суммъ, выдается одинаково женатымъ и неженатымъ, между тѣмъ въ Саксоніи и въ Гессенѣ холостымъ выдается только половина.

Въ дополненіе къ этой мѣрѣ, необходимо было бы установить, какъ было рекомендовано еще Платономъ и недавно Эд. Гартманомъ, прогрессивный налогъ для лицъ холостыхъ, пользующихся болѣе или менѣе крупными доходами, не состоя на государственной или общественной службѣ. „Долженъ быть положенъ конецъ привольной жизни холостяка, который, весело потирая руки и хвастая своей хитростью, посмѣивается надъ простофилей, въ потѣ лица зарабатывающемъ средства къ жизни для многочисленной семьи". А государство, такъ называемое соці-

альное государство, невозмутимо взирающее теперь, скрестивъ руки, на существующій порядокъ, доказало бы этимъ, что оно глубоко и свято цѣнитъ установленіе брака — это, быть можетъ, наиболѣе цѣнное изъ всѣхъ нашихъ культурныхъ пріобрѣтеній.

Облегченіе возможности вступленія въ бракъ и дальнѣйшей семейной жизни, также какъ и борьба съ воздержаніемъ отъ женитьбы, представляютъ собой въ то же время единственные пути, которыми возможно придти къ рѣшенію женскаго вопроса и къ ослабленію проституціи. Вмѣсто этого, мы тонемъ въ цѣломъ морѣ сочиненій, добивающихся для женщинъ такихъ цѣлей, которыя превосходятъ мѣру ихъ силъ и которыхъ имъ никогда не достигнуть, — и вдобавокъ, вынуждены выслушивать изъ года въ годъ однѣ и тѣ же іереміады о томъ, что никогда еще нравственности не грозила такая опасность, какъ теперь, и что необходимо спасать ея мѣрами полиціи. Историкъ культуры подсмѣивается: naturam furca expellere non potes („гони природу въ дверь, она войдетъ въ окно"). Но позаботьтесь о томъ, чтобы порядочный человѣкъ имѣлъ возможность вовремя жениться на любимой дѣвушкѣ и не сломился бы подъ бременемъ обязанности вскормить и воспитать многоголовую семью дѣтей, родившихся отъ этого союза, — и вся эта кажущаяся опасность разсѣется какъ дымъ.

Глава одиннадцатая.

Мужчина въ старости.

(Прив. доц. д-ръ Юлій Вейссъ.)

Человѣкъ старѣется; въ чемъ заключается это явленіе? Всякая жизнедѣятельность основана на вѣчно смѣняющихъ другъ друга разрушеніи и возсозданіи необычайно сложно соединенныхъ составныхъ частей тѣла, т. е. мельчайшихъ частичекъ, извѣстныхъ подъ названіемъ клѣтокъ. Жизненный процессъ образуетъ одни вещества, служащія для возстановленія вещества тѣла, и другія, выдѣляемыя имъ, какъ отбросы. И весь организмъ, и составляющія его отдѣльныя частицы, клѣтки, изнашиваются, разумѣется, вслѣдствіе непрерывной дѣятельности въ теченіе всей жизни, при чемъ измѣняется и ихъ химическій составъ. По мѣрѣ приближенія старости въ тканяхъ замѣчается все бóльшая и бóльшая убыль воды и увеличеніе въ связи съ этимъ твердыхъ составныхъ частей ихъ.

Такъ, тѣло взрослаго содержитъ на 100 частей: 60 частей воды, 16 частей бѣлка и клейковины, 19 частей жира, 5 частей золы. Тѣло же новорожденнаго содержитъ на 100 частей: 71,2 части воды, 11,4 части бѣлка и клейковины, 13,4 части жира, 2,4 части золы, 1,6 части отбросовъ.

Точно такъ же, какъ въ жизни каждаго индивидуума наступаетъ періодъ, въ который прекращается ростъ, такъ существуетъ предѣлъ и для возобновленія клѣтокъ. Когда перейденъ этотъ предѣлъ, для клѣтокъ начинается процессъ медленнаго умиранія. Изслѣдователь Мюльманъ доказалъ, что въ каждый періодъ развитія тѣла наряду съ прогрессивными процессами развитія, наблюдаются и регрессивныя явленія. Клѣтки гибнутъ, утрачиваютъ жидкость и сморщиваются. Клѣтки высшаго значенія превращаются въ болѣе простыя. Разумѣется, послѣ этого наступаетъ пора, когда одерживаютъ верхъ регрессивные процессы, — это и есть старость. Она наступаетъ не сразу, а постепенно, незамѣтно и неравномѣрно.

Меньше всего старѣются тѣ клѣтки, которыя болѣе всего похожи на элементы, составляющіе человѣческій зародышъ. Это — клѣтки эпителія, которыя выстилаютъ полость рта, носа, кишекъ и т. д. Наоборотъ, больше всего и раньше всего старѣются тѣ ткани, которыя всего больше удалились въ своемъ развитіи отъ строенія первоначальныхъ зародышевыхъ клѣтокъ, т. е. отъ тканей эпителія. Это — такъ называемыя вещества сое-

динительной ткани[1]. Соединительная ткань составляетъ основу и опору для тканей всего тѣла. Она заполняетъ собою всѣ щели и промежутки, служитъ подкладкой кожи, и соединяетъ отдѣльныя части тѣла другъ съ другомъ и составляетъ, накопецъ, основу костей и хряща[2]. Понятно поэтому, что въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ съеживается[3] соединительная ткань, кожа всюду образуетъ складки и морщины, — кости теряютъ свою крѣпость, становятся хрупкими, теряется округлость и красота формъ отдѣльныхъ частей тѣла, въ особенности же живота.

Несмотря на искаженіе формъ и утрату красоты тѣла, красивая голова старика — въ родѣ той, напримѣръ, которую мы видимъ на картинѣ Рубенса (рис. 149), — можетъ производить на насъ гармонически пріятное впечатлѣніе, даже приводить насъ въ восторгъ. Величавый покой, которымъ вѣетъ отъ лица старца, внушаетъ намъ почтительное чувство; мы чувствуемъ на себѣ власть этого взгляда, обуздывающаго нашу молодую безудержность, и мы кажемся себѣ, по крайней мѣрѣ на мигъ, такими же справедливыми, безстрастными и умудренными опытомъ, какъ онъ.

Гораздо менѣе старѣются тѣ составныя части ткани, которыя называются мускулами. Нервная ткань, развивающаяся послѣ ряда значительныхъ превращеній изъ зародышевыхъ клѣтокъ, очень рано подвергается старческимъ измѣненіямъ. Если вспомнить, что отдѣльные органы тѣла образуются изъ этихъ четырехъ видовъ ткани — эпителіальной, соединительной ткани, мускульной и нервной тканей — и что каждый изъ этихъ видовъ ткани принимаетъ самое различное участіе въ созданіи различныхъ отдѣльныхъ органовъ, — то станетъ вполнѣ понятно и то, что разные органы старѣются въ разное время и различнымъ образомъ.

Въ кожѣ процессъ старѣнія претерпѣваютъ, главнымъ образомъ, глубокіе ея слои, образующіеся изъ соединительной ткани, между тѣмъ какъ поверхностные слои кожи могутъ расти и возстановляться въ теченіе всей жизни. То же надо сказать и о слизистой оболочкѣ, выстилающей внутреннія полости носа, рта и желудочно-кишечнаго канала.

Въ легкихъ теряютъ свою дѣеспособность такъ называемыя эластическія волокна, отчего и самыя легкія утрачиваютъ свою эластичность и расширяемость, и возникаетъ явленіе, извѣстное подъ названіемъ старческой одышки, или эмфиземы. Клѣтки же, выстилающія легочные пузырьки, напротивъ, совсѣмъ не подвергаются старѣнію и сохраняютъ до глубокой старости способность расти.

Сердечная мышца имѣетъ строеніе, отличное отъ осталь-

---

[1] Это не совсѣмъ вѣрно. Мышечная и нервная ткань представляются не менѣе, если не болѣе дифференцированными, чѣмъ соединительная ткань.
Прим. ред.

[2] Кости и хрящи, какъ уже было указано въ одной изъ предыдущихъ главъ, состоятъ, по преимуществу, изъ костной и хрящевой тканей.
Прим. ред.

[3] Старческія измѣненія состоятъ не въ одномъ только „съеживаніи“, какъ выражается авторъ, соединительной ткани. Очень часто соединительная ткань въ старческомъ возрастѣ получаетъ преобладающее развитіе и разростается насчетъ другихъ элементовъ. *Прим. ред.*

Фотогр. изд. I. Леви въ Вѣнѣ

Рис. 149. Голова старика.
По картинѣ П. Рубенса.

ныхъ мускуловъ тѣла, и часто подвергается регрессивнымъ измѣненіямъ. Селезенка и лимфатическія железы сохраняютъ до глубокой старости жизнедѣятельность. Печень, какъ это ни странно, склонна къ регрессивнымъ измѣненіямъ съ ранняго возраста. То же относится и къ почкамъ. Склонность мускуловъ тѣла къ разрушенію незначительна. О головномъ мозгѣ надо сказать то же, что было сказано о нервной ткани.

Итакъ, мы знаемъ, что различные ткани и органы тѣла старѣются въ различной степени. Заканчиваются всѣ эти регрессивныя измѣненія смертью. Прекращается поочередная смѣна разрушенія и возстановленія клѣточныхъ частицъ; основное клѣточное вещество, возбудимая, способная къ принятію пищи протоплазма, мало-по-малу замѣняется все больше и больше безжизненными продуктами распада. Кислородъ и питательныя вещества не могутъ больше проникать въ организмъ, не находя для себя больше способной впитать ихъ клѣточной массы. Постепенно и неизмѣнно уменьшается жизнедѣятельность клѣтокъ.

Наиболѣе интенсивную работу исполняютъ въ теченіе всей жизни изъ всѣхъ органовъ — кровеносные сосуды. Не только сердце, но и сосуды — артеріи — непрерывно пульсируютъ и гонятъ кровь во всѣ части организма. Къ шестидесятилѣтнему возрасту кровеносная система человѣка успѣваетъ сократиться свыше двухъ милліардовъ разъ. Уже въ возрастѣ послѣ тридцати лѣтъ эластичность сосудовъ начинаетъ уменьшаться, а послѣ сорокового года жизни микроскопическимъ изслѣдованіемъ можно уже установить нѣкоторыя измѣненія эластичныхъ волоконъ, находящихся въ стѣнкахъ сосудовъ. Въ то же время внутренній слой стѣнки сосудовъ начинаетъ мало-по-малу утолщаться. Всѣ артеріи теряютъ свою упругость, и сердце, которое должно накачивать кровь въ эти артеріи, вынуждено усиленнѣе работать. Вотъ почему сердце съ возрастомъ должно увеличиваться въ объемѣ и расти, какъ это дѣйствительно и бываетъ. Вѣсъ сердца равенъ:

у новорожденнаго		24 граммамъ	въ возрастѣ отъ	41—50 л.	290 гр.
въ возрастѣ отъ	1—10 л.	82 „	„ „	51—60 „	305 „
„ „ „	11—20 „	108 „	„ „	61—70 „	321 „
„ „ „	21—30 „	263 „	„ „	71—80 „	317 „
„ „ „	31—40 „	276 „			

Изъ этого видно, что легкое уменьшеніе вѣса сердца наступаетъ только въ самой глубокой старости, послѣ 71 года.

Вены также сплошь да рядомъ подвергаются расширеніямъ вслѣдствіе уменьшенія упругости стѣнокъ сосудовъ. Этимъ объясняется то, что съ возрастомъ — въ большей или меньшей зависимости, разумѣется, отъ индивидуальныхъ особенностей и условій — часто появляются венозные узлы, геморрой, застой крови въ легкихъ и всевозможныя связанныя съ этимъ катарральныя состоянія.

Изъ этой картины ясно видно, что стоитъ только перейти извѣстныя границы, чтобы изъ нормальнаго старческаго состоянія возникло болѣзненное. Когда усиливаются только что названныя измѣненія стѣнокъ сосудовъ, тогда развивается та болѣзнь, которая извѣстна подъ названіемъ известковаго перерожденія ткани сосудовъ.

Но и воспалительныя измѣненія играютъ извѣстную роль въ возникновеніи этой болѣзни. Стѣнки сосудовъ подвергаются медленному воспалительному процессу, сущность котораго заключается въ томъ, что внутри ткани происходитъ разростаніе отдѣльныхъ клѣтокъ и скопляется множество мелкихъ клѣточекъ, заполняющихъ промежутки между элементами нормальной тканью. Причины этого процесса усматриваютъ въ извѣстныхъ измѣненіяхъ, претерпѣваемыхъ кровью въ свою очередь, въ особенности же въ скопленіи въ ней ядовитыхъ веществъ, — напримѣръ при отравленіи алкоголемъ, сифилитическимъ ядомъ, свинцомъ и т. д. Съ другой стороны, и различныя иныя обстоятельства благопріятствуютъ, повидимому, известковому уплотненію сосудовъ, — таковы, напримѣръ, тяжелый физическій трудъ, слишкомъ обильное питаніе, въ особенности односторонней мясной пищей, наконецъ, напряженная умственная дѣятельность.

Надо отмѣтить, главнымъ образомъ, что известковое уплотненіе сосудовъ поражаетъ сосуды всего тѣла, при чемъ захватываетъ у различныхъ индивидуумовъ то ту, то другую область тѣла. Случается, напримѣръ, что уплотняются сосуды нижнихъ конечностей, что выражается въ чувствѣ холода и судорогахъ въ послѣднихъ и можетъ привести даже къ омертвѣнію пальцевъ ногъ и пятокъ. Въ самомъ началѣ этотъ процессъ въ нижнихъ конечностяхъ выражается появляющейся время отъ времени хромотой. Люди, страдающіе этимъ, бываютъ вынуждены вдругъ остановиться, не будучи въ силахъ тронуться съ мѣста вслѣдствіе внезапнаго мѣстнаго застоя крови, который черезъ нѣсколько минутъ проходитъ.

Болѣе рѣдкую форму известковаго уплотненія сосудовъ мы встрѣчаемъ въ сосудахъ живота, — оно выражается припадками коликъ, которыя бываютъ порой крайне болѣзненны. Такъ же рѣдко встрѣчаются мѣстныя уплотненія въ области задней части головы и затылка, тоже выражающіяся сильной болью въ этой области.

Всего чаще встрѣчается уплотненіе сосудовъ сердца. Такъ какъ они завѣдываютъ снабженіемъ сердца кровью, то понятно, что нарушенное кровеобращеніе въ нихъ должно повести къ тяжелымъ заболѣваніямъ всего тѣла, что должно имѣть, въ свою очередь, тяжелыя послѣдствія. Причины уплотненія сердечныхъ сосудовъ кроются в . названныхъ уже обстоятельствахъ, въ особенности въ злоупотребленіи куреніемъ.

Если мы спросимъ, въ какомъ отношенiи находится вышеописанное измѣненiе ткани сосудовъ, къ болѣзни известковаго уплотненiя, то мы узнаемъ, что первое представляетъ благопрiятное условiе для развитiя второго. Научными наблюденiями констатировано, впрочемъ, что иногда у стариковъ даже очень преклоннаго возраста не встрѣчается и слѣда уплотненiя сосудовъ ни при жизни, ни впослѣдствiи при вскрытiи, — какъ извѣстенъ и противоположный фактъ, что это явленiе наблюдается очень часто въ тяжелой формѣ у нѣкоторыхъ индивидуумовъ, даже на тридцатомъ или сороковомъ году жизни.

Рис. 150. Поперечный разрѣзъ стѣнки кровеноснаго сосуда. Увелич. въ 100 разъ.

Сущность уплотненiя сосудовъ заключается въ разрастанiи соединительной ткани въ тѣхъ трехъ слояхъ, изъ которыхъ составлены стѣнки кровеносныхъ сосудовъ (рис. 150). Внутреннiй слой сосудовъ превращается частью въ жиръ, частью же въ известковыя массы, которыя отлупливаются отъ стѣнокъ, какъ штукатурка. Оттого это явленiе и называется „известковымъ уплотненiемъ“.

Явленiя, которыми сопровождается это уплотненiе, заключаются въ боляхъ въ сердечной области, отражающихся болями въ рукѣ. Къ этому присоединяются болѣзненныя сжатiя сердца, сердцебiенiя, непрiятное чувство стѣсненiя въ груди и, наконецъ, при значительномъ объизвествленiи сердечныхъ сосудовъ, припадки одышки въ видѣ такъ называемой „грудной жабы“.

При известковомъ уплотненiи аорты происходитъ расширенiе этого кровеноснаго сосуда, производящее на подобiе опухоли давленiе на органы грудной полости. Уплотненiю могутъ подвергнуться также и сердечные клапаны и, вслѣдствiе перерожденiя ихъ краевъ, вызвать нарушенiе ихъ функцiй — привести къ пороку сердца.

Уплотненiе сосудовъ въ другихъ областяхъ выражается припадками болей, которыя часто ошибочно принимаются за ревма-

тизмъ. Страданія, причиняемыя уплотненіемъ сосудовъ, бываютъ у разныхъ лицъ различны. Но это явленіе далеко не всегда означаетъ близкую смерть, какъ думаютъ многіе мнительные люди, плохо понимающіе его. При надлежащемъ лѣченіи и уходѣ и, прежде всего, при надлежащемъ разумномъ самоограниченіи (избѣгая всякой неумѣренности въ ѣдѣ и питьѣ, въ куреніи и т. д.), съ этой болѣзнью возможно достигнуть глубокой старости.

Старческія измѣненія въ легкихъ заключаются въ томъ, что эластическая ткань гибнетъ и легочные пузырьки расширяются. Вслѣдствіе этого легкія увеличиваются въ объемѣ, и происходитъ явленіе такъ называемаго расширенія легкихъ, выражающееся субъективно въ одышкѣ, кашлѣ, въ чувствѣ тоски. Надо замѣтить при этомъ, что грудная клѣтка въ старости замѣтно теряетъ свою способность расширяться, — хрящевыя части реберъ окостенѣваютъ, и это препятствуетъ грудной клѣткѣ расширяться такъ сильно, какъ въ молодости. Разумѣется, отъ этого страдаетъ весь процессъ дыханія.

Въ болѣе или менѣе глубокой старости головной мозгъ также претерпѣваетъ измѣненія, уменьшаясь въ объемѣ и въ вѣсѣ. Но еще болѣе страдаетъ онъ отъ того, что кровеносные сосуды, питающіе его, уплотняются и затрудняется притокъ крови къ этому благородному органу. Подобныя же измѣненія происходятъ и въ спинномъ мозгу, но они гораздо менѣе замѣтны.

Вслѣдствіе измѣненій въ головномъ мозгу ослабляется способность воспріятія новыхъ впечатлѣній, въ чемъ принимаетъ свою долю участія также ослабленіе органовъ чувствъ; о нихъ мы еще будемъ говорить. Поэтому творческая фантазія въ старости ослабѣваетъ, между тѣмъ какъ способность сужденія сохраняетъ свою силу и даже становится еще живѣе, чѣмъ въ молодости. Ослабѣваетъ все больше и больше память и — какъ это ни странно — въ отношеніи недавнихъ впечатлѣній гораздо больше, чѣмъ въ отношеніи давнишнихъ, воспринятыхъ въ молодости. Часто въ глубокой старости съ поразительной живостью всплываютъ въ памяти картины дѣтства, волнуя душу то сладостнымъ, то грустнымъ чувствомъ. Порывы и проявленія страстныхъ чувствъ становятся все рѣже и рѣже, часто является даже извѣстное равнодушіе, въ особенности ко всему тому, что не касается собственной особы. Вслѣдствіе ослабленія способности пріобрѣтенія чего-нибудь новаго развивается усиленная склонность сохранить покрѣпче пріобрѣтенное ранѣе, какъ можно меньше потерять изъ него. Оттого-то въ старости нерѣдко встрѣчатюся корыстолюбіе и жадность.

Всѣ поступки становятся осторожны, медленны, осмотрительны, что естественно соотвѣтствуетъ ослабленію всей двигательной и чувствительной дѣятельности. Слабѣютъ мускулы, походка становится нетвердой, медленной, и вслѣдствіе искривленія позвоночнаго столба появляется сутуловатость. Часто замѣчается дрожаніе въ верхнихъ конечностяхъ. Сонъ часто бываетъ плохой въ глубокой старости. Старикамъ часто вполнѣ довольно четырехъ-пяти часовъ спа, и просыпаются они очень рано, тогда какъ въ молодости часто всего лучше спится именно по утрамъ. Усиленная потребность въ снѣ имѣетъ обыкновенно мѣсто только въ случаяхъ мозгового ослабленія.

Рис. 151. Ученый. По картинѣ О. Зейца.

Происходитъ цѣлый рядъ измѣненій и въ органѣ зрѣнія. Вѣки раскрываются менѣе широко, хрусталикъ отвердѣваетъ и появляется слабость зрѣнія. Мы видимъ часто, что старики вынуждены далеко отставлять книгу при чтеніи. Это разстройство зрѣнія встрѣчается у лицъ, отличавшихся въ молодости близорукостью, въ гораздо менѣе сильной степени, чѣмъ у лицъ, обладавшихъ нормальнымъ зрѣніемъ. По краю роговой оболочки является характерное для стариковъ желтоватое кольцо. Очень часто въ глубокой старости является полное помутнѣніе хрусталика — измѣненіе, извѣстное подъ названіемъ бѣльма; оно очень часто удаляется оперативнымъ путемъ.

Еще непріятнѣе измѣненія, происходящія въ ухѣ. Барабанная перепонка утолщается, въ такъ называемыхъ слуховыхъ косточкахъ происходитъ известковое уплотненіе, отчего слухъ сильно страдаетъ. Слабѣетъ въ старости и обоняніе, меньше же всего и рѣже всего слабѣетъ вкусъ.

Совсѣмъ незначительныя измѣненія происходятъ въ старости въ желудочно-кишечномъ аппаратѣ. Въ общемъ пищеварительная способность сохраняется удовлетворительной и въ самой глубокой старости — при условіи неупотребленія ни трудно переваримой пищи, ни въ слишкомъ большомъ количествѣ. Потребность въ пищѣ въ старости обыкновенно не очень велика. Въ случаѣ потери зубовъ, если своевременно не были сдѣланы искусственные, отъ твердой пищи приходится отказаться.

Въ половыхъ органахъ обнаруживается различная степень старческихъ измѣненій. Въ тѣхъ клѣткахъ, которыя вырабатываютъ сѣменныя нити, происходитъ жировое перерожденіе, но это перерожденіе претерпѣваютъ не всѣ клѣтки сразу, такъ

что часто даже въ самой глубокой старости могутъ образовываться живыя сѣменныя тѣльца, что означаетъ собой способность къ дѣторожденію. Наружныя половыя части сморщиваются, пещеристыя тѣла члена увядаютъ и уменьшается способность эрекціи. Кожа становится вялой и морщинистой. Только одна часть половыхъ органовъ увеличивается, такъ называемая „предстательная железа"; это причиняетъ очень непріятныя явленія задержанія мочи вслѣдствіе затрудненнаго или совсѣмъ невозможнаго опорожненія мочевого пузыря, что вызываетъ необходимость удаленія мочи съ помощью катетера и ведетъ, въ свою очередь, къ непріятнымъ и тяжелымъ воспаленіямъ мочевого пузыря.

Почки также разрушаются въ глубокой старости. Количество мочи уменьшается.

Кости теряютъ въ старости свою крѣпость, вслѣдствіе чего легко случаются переломы костей; въ особенности слѣдуетъ опасаться переломовъ бедренной кости, такъ какъ это приковываетъ стариковъ надолго къ постели, а долгое лежаніе можетъ способствовать воспаленію легкихъ.

На кожѣ появляются морщины и складки, что обусловливается разрушеніемъ подкожной клѣтчатки. Отъ этого черты лица заостряются, становятся угловатыми, скулы выдаются, заостряется носъ, глаза впадаютъ, подбородокъ теряетъ округлость и тоже заостряется. Удачно изображены эти измѣненія на портретѣ стараго художника Михаэля Вольгемюта, написанномъ его знаменитымъ ученикомъ Альбрехтомъ Дюреромъ (рис. 152). Что сильная морщинистость не лишаетъ лицо его выраженія, показываетъ намъ рис. 151 — „Ученый"

Знаменитый римскій писатель Цицеронъ перечисляетъ въ своей книгѣ о старости четыре причины, вслѣдствіе которыхъ старческій возрастъ представляется несчастнымъ.

Во-первыхъ, старость лишаетъ возможности заниматься дѣлами.

Во-вторыхъ, она ослабляетъ тѣло.

Въ-третьихъ, она дѣлаетъ недоступнымъ почти всякое удовольствіе.

Въ-четвертыхъ, она знаменуетъ собой близость смерти.

Первое Цицеронъ опровергаетъ устами восьмидесятипятилѣтняго мудреца Катона, который въ бесѣдѣ съ двумя молодыми людьми указываетъ на то, что дѣла въ старости заключаются въ помощи мудрыми совѣтами. Старикъ подобенъ, говоритъ онъ, рулевому, который не можетъ, правда, взбираться на

Фотогр. изд. Фр. Ганфштенгеля въ Мюнхенѣ.

Рис. 152. Михаэль Вольгемютъ.

По портрету Альбр. Дюрера.

мачту и всюду бѣгать, какъ молодые матросы, но онъ спокойно сидитъ на носу корабля и направляетъ его. Великія дѣянія совершаются не жизненной силой и юношеской ловкостью, а обдуманностью, вдумчивостью и зрѣлыми сужденіями, — а все это свойства, еще усиливающіяся обыкновенно въ глубокой старости.

На второе Катонъ возражаетъ, по мысли Цицерона, тѣмъ, что умственныя силы стариковъ сохраняются, если они только усиливаютъ и укрѣпляютъ ихъ упражненіемъ; ослабляются онѣ только въ невозмутимой жизни, лишенной всякихъ занятій и интересовъ. Софоклъ писалъ трагедіи даже въ глубокой старости, и въ самой глубокой старости Пиѳагоръ преподавалъ своимъ ученикамъ философію. Знаменитый законодатель Солонъ говорилъ, что человѣкъ старѣетъ отъ того, что ежедневно научается чему-нибудь новому. Самъ Катонъ только въ глубочайшей старости познакомился съ сочиненіями греческихъ писателей.

Природа знаетъ одинъ только путь и путь простой: каждому возрасту дано свое, каждый періодъ жизни имѣетъ свое время; въ слабости дѣтей, въ необузданности юноши, въ серьезности взрослаго мужчины и въ зрѣлости старика есть свои закономѣрныя особенности, присвоенныя имъ природой, которыя въ свое время должны быть использованы.

Третій упрекъ, который дѣлаютъ старости — то, что она лишена чувственныхъ удовольствій — является, въ сущности, ея высшей похвалой и въ то же время преимуществомъ. Ибо чувственное желаніе, какъ говорилъ еще ученый грекъ Архитъ, знаменитый философъ 370 г. до Р. Хр., это губительная чума, ниспосланная человѣку природой. Нѣтъ преступленія, нѣтъ злодѣянія, къ которому не побудило бы человѣка чувственное желаніе. Гдѣ царитъ оно, тамъ нѣтъ мѣста обдуманности, тамъ не можетъ устоять добродѣтель.

Приблизительно въ то же время, когда жилъ Архитъ, въ Аѳинахъ жилъ еще другой философъ, утверждавшій, что все, что мы дѣлаемъ, должно имѣть цѣлью чувственное удовольствіе. „Наслажденіе“, — говоритъ Эпикуръ (такъ звали этого всемірнаго философа, отъ имени котораго образовалось слово „эпикуреецъ“, т. е. человѣкъ, живущій только для чувственнаго наслажденія), — „есть высшее благо жизни, а страданіе — величайшее зло“.

Къ чувственнымъ наслажденіямъ причисляются обильныя яства, роскошные пиры, изысканныя блюда, въ которыхъ и древніе греки и римляне были большими знатоками, а напиткомъ имъ служило единственно и исключительно вино. Въ старости же, несомнѣнно, организмъ не переноситъ столько ѣды и питья, сколько въ молодости. Но умѣренное употребленіе того и другого никогда не повредитъ, а то, что придаетъ пирамъ главную прелесть — совмѣстная ѣда и совмѣстное питье — бесѣда съ друзьями и единомышленниками — это доступно и интересно въ старости еще гораздо больше, чѣмъ въ молодости.

Въ четвертыхъ, говорятъ, что старость означаетъ близость къ смерти. Юноша надѣется, что будетъ еще долго жить, на что старикъ надѣяться не можетъ. Но старикъ не такъ боится смерти, какъ юноша. Для юноши и человѣка въ полной

силѣ смерть — явленіе насильственное, страшное, и она дѣйствительно наступаетъ всегда (если не считать внезапныхъ несчастныхъ случайностей, которымъ уже, само собой, присущъ признакъ внезапнаго насилія) только послѣ тяжелыхъ и мучительныхъ болѣзней. Въ старческомъ же возрастѣ умираніе есть процессъ медленнаго отдѣленія отъ жизни: „подобно тому, какъ плодъ, — говоритъ Цицеронъ, — съ трудомъ можно оторвать отъ дерева, пока онъ еще не зрѣлъ, но когда онъ созрѣетъ и поспѣетъ на солнцѣ, легко спадаетъ, — такъ молодыхъ людей лишаетъ жизни насиліе, а стариковъ — зрѣлость“.

Самый процессъ умиранія бываетъ большей частью легокъ въ глубокой старости. Всякому врачу извѣстно много случаевъ, когда старики бодро исполняютъ въ теченіе дня свою обычную работу, вечеромъ ложатся спать, а на другое утро ихъ находятъ мертвыми въ постели: смерть присоединилась къ своему близнецу — сну и тихо, неслышно отняла у него принадлежавшее ему. Такую тихую, какъ сонъ, смерть показываетъ намъ Шиллеръ въ умирающемъ фонъ-Аттинггаузенѣ („Вильгельмъ Телль“, стр. IV).

Довольно часто старикъ умираетъ словно человѣкъ, собирающійся въ далекое путешествіе и прощающійся со всѣми близкими. Онъ угасаетъ, какъ лампа, въ которой выгорѣло масло: все меньше и слабѣе становится огонь, потомъ одно дуновеніе, — и онъ потухъ навсегда. Легче ли умираютъ люди вѣрующіе или невѣрующіе — вопросъ, на который не легко отвѣтить. Самый глубокій отвѣтъ на него даетъ тотъ же Цицеронъ, говоря устами Катона:

„Придетъ великій день, когда я разстанусь со всѣмъ этимъ шумомъ и всей суетой и присоединюсь къ божественному сонмищу духовъ... Представленіе объ этомъ дѣлаетъ для меня старость легкой и не только не горестной, но даже радостной. Если это и заблужденіе, — моя вѣра въ безсмертіе человѣческой души, — то я радъ заблуждаться и, пока живъ, не позволю вырвать у себя этого радостнаго заблужденія. Если же послѣ моей смерти я и утрачу, какъ полагаютъ нѣкоторые малодушные философы, всякое сознаніе, то я не боюсь, что умершіе философы осмѣютъ это заблужденіе мое“.

Смерть, умираніе, представляется людямъ непонимающимъ чѣмъ-то страшнымъ, ужаснымъ; на самомъ же дѣлѣ въ огромномъ большинствѣ случаевъ смерть наступаетъ совершенно спокойно и безъ особенной борьбы. Въ противоположность существующимъ невѣжественнымъ взглядамъ, смерть означаетъ не что иное, какъ прекращеніе дѣятельности сердца. Нарушеніе дѣятельности всѣхъ другихъ органовъ, тяжелыя разстройства ихъ функціональной дѣятельности не влекутъ за собой неизбѣжно смерти; только неустанная дѣятельность сердца не можетъ прекратиться, не прекративъ самой жизни. Если воинъ въ сраженіи падаетъ мертвымъ, сраженный пулей въ голову, то смерть вызвана и въ этомъ случаѣ только тѣмъ, что пуля поразила тѣ части мозга, которыя завѣдуютъ сердечной дѣятельностью. Если пуля попадаетъ въ какую-нибудь другую часть мозга, то это можетъ вызвать параличъ, судороги, потерю сознанія, но не смерть. Если ударъ штыка пронзитъ груд-

ную клѣтку и поранитъ легкія, то раненый все же можетъ остаться живъ, и если и умретъ, то, во всякомъ случаѣ, не сразу, а позже, и именно въ томъ случаѣ, если потеря крови окажется такой значительной, что пріостановится кровеобращеніе и сердечная дѣятельность; если же этого не случится, то онъ можетъ остаться живъ. Если же штыкъ пронзитъ самое сердце или проколетъ аорту, смерть наступаетъ въ нѣсколько минутъ.

Если молнія или другой электрическій токъ поразитъ человѣческое тѣло, то это можетъ быть смертельнымъ только въ томъ случаѣ, если будутъ поражены мозговыя части, регулирующія сердце, или зависящіе отъ него нервы, или же нервы самаго сердца.

Заболѣлъ пожилой человѣкъ, и врачъ констатируетъ у него воспаленіе легкихъ. У больного сильный жаръ, и отъ лихорадочныхъ ядовъ, скопляющихся въ крови, сердце вынуждено усиленно работать, вдвое сильнѣе обыкновеннаго. Тогда можетъ наступить параличъ сердца; оно перестаетъ биться, и наступаетъ смерть.

Въ больницѣ лежитъ легочный больной. Часть легкихъ у него поражена и неспособна работать, но онъ уже много мѣсяцевъ живетъ, дыша незначительной частью здоровыхъ долей легкихъ. Вдругъ этой части становится недостаточно для необходимаго снабженія крови кислородомъ. Губы и ногти синѣютъ, переполненная углекислотою кровь парализуетъ сердечные нервы, и смерть наступаетъ внезапно.

При всѣхъ инфекціонныхъ болѣзняхъ, сопровождающихся лихорадкой, какъ, напр., скарлатина, тифъ, оспа, инфлуэнца и т. п., болѣзнетворные яды могутъ поразить всевозможные органы, но пока правильно совершается сердечная дѣятельность, больной продолжаетъ жить. Но рано или поздно можетъ быть пораженъ сердечный мускулъ — пріостанавливается дѣятельность сердца и наступаетъ смерть.

Какого бы рода ни была болѣзнь и какого бы рода ни было насильственное дѣйствіе извнѣ, — смерть обусловливается всегда только прекращеніемъ сердечной дѣятельности. Всѣ мы умираемъ, въ концѣ концовъ, только отъ „удара“ или „паралича“ сердца, какъ обыкновенно говорятъ.

Причина этого вполнѣ ясна для всякаго, сколько-нибудь посвященнаго въ строеніе и дѣятельность человѣческаго тѣла. Жизнь сопряжена съ непрерывной дѣятельностью мельчайшихъ частицъ тѣла, называемыхъ клѣтками. Въ нихъ совершаются непрерывно химическія превращенія. Въ тѣлахъ ихъ совершаются процессы сгоранія, возможные благодаря доставляемому кровью газу — кислороду. Всѣ части тѣла должны получать непрерывный подвозъ кислорода, и этотъ подвозъ осуществляется пробѣгающей по всѣмъ частямъ тѣла кровью. Но кровеобращеніе происходитъ отъ дѣйствія сердечнаго насоса. Прекращается работа сердца, — останавливается кровеобращеніе, тогда прекращается подвозъ кислорода къ мельчайшимъ частицамъ тѣла, ко всѣмъ органамъ, и тогда совершенно прекращаются, слѣдовательно, въ этихъ частицахъ тѣла всѣ жизненные процессы.

Существуетъ нѣсколько родовъ смерти, при которыхъ жизненные процессы въ клѣточкахъ тѣла прекращаются раньше,

Отшельникъ.

По картинѣ С. Конинка.

(Фотогр. изд. Ф. Брукманнъ въ Мюнхенѣ.)

чѣмъ останавливается дѣятельность сердца. Это тѣ случаи, когда механическія причины препятствуютъ доступу воздуха, какъ это бываетъ въ случаяхъ смерти отъ удушенія, утопленія или повѣшенія, или же отъ отравленія нѣкоторыми ядами, непосредственно дѣйствующими на жизненные процессы въ клѣткахъ, каковы углекислый газъ, синильная кислота, ціанистый калій.

Мучительны не смерть, не моментъ умиранія, а предшествующія смерти болѣзни, причиняющія различныя страданія. Въ преклонномъ же возрастѣ смерть наступаетъ большей частью безъ борьбы и безъ страданій, — всѣ части тѣла становятся дряблы, дѣятельность ихъ вялой, ослабѣваетъ общій инстинктъ жизни. Смерть приходитъ сразу безъ жалобъ, безъ страданій.

Фотогр. изд. I. Леви въ Вѣнѣ.

Рис. 153. Папа Павелъ III. По портрету Тиціана.

Началомъ старческаго возраста считаются обыкновенно у мужчины шестидесятые годы жизни; восьмой десятокъ, т. е. возрастъ между семидесятымъ и восьмидесятымъ годами жизни, представляетъ собой въ нормальныхъ условіяхъ предѣльный старческій возрастъ. Извѣстны, правда, многіе случаи болѣе глубокой старости. Изъ ветхаго завѣта намъ извѣстенъ глубокій возрастъ патріарховъ и пророковъ: Авраамъ прожилъ, по утвержденію библіи, 175 лѣтъ, Исаакъ 180, Іаковъ 147; Моисей, жизнь котораго, какъ народнаго вождя и законодателя, была полна тяжелыхъ трудовъ, достигъ 120 лѣтъ.

О глубокой старости греческихъ философовъ мы уже говорили въ другомъ мѣстѣ. Самой глубокой старости достигъ изъ нихъ Эпименидъ изъ Кносса (остр. Критъ), проживій будто бы 175 лѣтъ. За нимъ слѣдуетъ Демокритъ, достигшій 109 лѣтъ. Римскій историкъ Плиній, жившій въ эпоху царствованія императора Веспасіана, разсказываетъ въ своихъ сочиненіяхъ о людяхъ, достигавшихъ 130 и 140 лѣтъ. Пустынникъ Павелъ прожилъ будто бы 113 лѣтъ, святой Антоній 105 лѣтъ. Отшельники, живущіе въ тихомъ уединеніи, достигаютъ большей частью очень глубокой старости; художники обыкновенно и изображаютъ ихъ глубокими старцами (см. на отд. табл. „Отшельникъ“).

Изъ трехсотъ папъ только шесть достигли 80-лѣтняго возраста и больше. Изъ нихъ папа Павелъ III прожилъ 81 годъ; это былъ человѣкъ высокообразованный; при немъ и подъ его покровительствомъ Микель-Анджело достроилъ соборъ св. Петра, до него пріостановленный постройкой. Тиціанъ увѣковѣчилъ его образъ (рис. 153). Павелъ IV, вступившій на папскій престолъ на 79 году жизни, прожилъ до 84 лѣтъ; Григорій XVI, сильно способствовавшій укрѣпленію папскаго могущества, прожилъ 81 годъ (род. въ 1765, ум. въ 1846 г.). Однимъ изъ самыхъ старыхъ папъ умеръ Левъ XIII (рис. 154), достигшій 90 лѣтъ. Въ XVI, XVII и XVIII столѣтіяхъ намъ извѣстенъ цѣлый родъ лицъ, достигшихъ глубокой старости.

Въ 1670 году умеръ англичанинъ Дженкинсъ на 161 году жизни. Онъ отличался необычайной силой и здоровьемъ, — въ возрастѣ больше 100 лѣтъ отъ роду онъ еще могъ плавать въ рѣкѣ съ сильнымъ теченіемъ. Другой англичанинъ, Теодоръ Тарръ, прожилъ 152 года, переживъ царствованіе девяти англійскихъ королей. Въ 1773 году умеръ въ Даніи извѣстный Драакенбергъ на 146 году жизни; до 91 года онъ прослужилъ матросомъ въ королевскомъ флотѣ. Въ 1792 году умеръ въ Пруссіи нѣкій Миттельштедтъ, участвовавшій во всѣхъ походахъ въ царствованіе Фридриха I, Фридриха-Вильгельма I и Фридриха II. Въ безчисленныхъ сраженіяхъ онъ не нашелъ себѣ смерти и достигъ 112 лѣтъ. Въ прусскихъ архивахъ сохранилась біографія извѣстнаго Петра Альбрехта, прожившаго отъ 1670 до 1793 года, т. е. 123 года. Вотъ что разсказываетъ его біографія о его образѣ жизни.

Рис. 154. Папа Левъ XIII.

Сложенъ онъ не особенно плотно и роста не особенно высокаго. Но, что внутреннее его строеніе должно быть рѣдкой силы и крѣпости, — объ этомъ свидѣтельствуетъ то, что онъ еще и теперь переваривааетъ довольно твердую пищу и любитъ ее больше, чѣмъ легкую: холодное мясо и простой хлѣбъ предпочитаетъ горячему супу и булкамъ. Органы чувствъ его еще не очень слабы, слухъ даже особенно тонокъ, зрѣніе слабѣе, вслѣдствіе того, что правый глазъ его сильно пострадалъ еще въ молодости отъ неосторожнаго толчка и ушиба. Что безспорно сильно способствовало сохраненію его жизни и здоровья, — это то, что онъ никогда въ жизни не предавался никакимъ излишествамъ и прожилъ свою жизнь передъ Богомъ и людьми въ истинной простотѣ или, вѣрнѣе, невинности сердца. Рабской діэты онъ никогда не держался, никогда не устанавливая закона или привычки къ особаго рода пищѣ или напиткамъ, но неизмѣнно оставался вѣренъ одному — умѣренности. Такъ же шло и развитіе его душевныхъ силъ. Школъ было очень мало въ его время, почти совсѣмъ не было, но онъ по собственному влеченію и собственными усиліями очень хорошо научился читать. Обладая здравымъ разсудкомъ и яснымъ умомъ, онъ усваивалъ все скоро и легко, и такъ какъ вращался онъ всегда въ кругу благовоспитанныхъ людей, то и развивался безъ труда. Теперь его духовныя силы, правда, порядочно ослабѣли, — передъ нимъ „все чуть мерещится", какъ онъ выражается. Большей частью онъ лежитъ теперь въ постели и тогда чувствуетъ себя здоровѣе и бодрѣе, чѣмъ на ногахъ. Многое у него изгладилось изъ памяти, но переживанія болѣе ранняго воз-

раста онъ помнитъ лучше, чѣмъ пережитое въ среднемъ возрастѣ, и неизмѣнно помнитъ, что родился въ царствованіе великаго курфюрста Фридриха-Вильгельма".

Родомъ изъ Зальцбурга былъ нѣкій Георгъ Вундеръ, родившійся 23 апрѣля 1626 года и умершій въ Грейцѣ 12 декабря 1761 года, прожившій, слѣдовательно, 135 лѣтъ. Въ маленькой норвежской деревушкѣ, неподалеку отъ Бергена, умеръ въ 1797 году 160-лѣтній старецъ Іозефъ Суррингтонъ. Объ одномъ ветеранѣ прусской арміи, Карлѣ-Леопольдѣ, разсказываетъ намъ Гуфеландъ (у котораго мы заимствуемъ отчасти дальнѣйшіе примѣры) слѣдующее.

Родившись въ 1734 году въ воеводствѣ Познани, онъ сдѣлался въ 1755 году гусаромъ Вартенбергскаго полка и участвовалъ въ семилѣтнюю войну въ сраженіяхъ при Прагѣ, Россбахѣ, Лейтенѣ и Лигницѣ. Подъ Прагой и Лигницомъ онъ былъ легко раненъ. Въ 1778 году онъ участвовалъ въ баварской войнѣ за престолонаслѣдіе, а въ 1792 — въ войнѣ съ Франціей участвовалъ въ трехъ сраженіяхъ, при чемъ въ битвѣ при Крейцнахѣ былъ раненъ. За отличіе въ сраженіи при Битшѣ онъ получилъ, будучи унтеръ-офицеромъ, золотую медаль „за заслуги". Въ 1794 году онъ былъ легко раненъ подъ Островомъ. Въ 1806 году онъ былъ во время осады въ Нейссѣ. Въ 1812 году онъ поступилъ въ инвалидный домъ въ Рыбникѣ. Но когда въ 1813 году раздался кличъ короля на защиту отечества, онъ не устоялъ противъ желанія взяться за оружіе на 79 году жизни и совершилъ походъ въ Парижъ. Ополченцемъ, унтеръ-офицеромъ онъ поступилъ въ пятый Силезскій кавалерійскій полкъ и участвовалъ въ сраженіяхъ подъ Бауценомъ, при Кацбахѣ, подъ Лейпцигомъ и подъ Парижемъ. Послѣ заключенія мира въ 1814 году онъ получилъ за отличія въ походахъ 1813 и 1814 гг. желѣзный крестъ второй степени. Въ 1815 году его величество король произвелъ его въ офицерскій чинъ.

Рис. 155. Яковъ Пихлеръ.

Приведемъ еще примѣръ долголѣтія изъ послѣдняго времени. Яковъ Пихлеръ (рис. 155) —

онъ умеръ 1 марта 1905 года въ Геггергофѣ близъ Мерана ста четырехъ лѣтъ, семи мѣсяцевъ и восьми дней отъ роду. До самаго послѣдняго времени онъ былъ совершенно бодръ. Правда, бѣгать уже не вполнѣ удавалось, и глаза уже отказывались служить, по вина и табаку, которые приносили ему многочисленные посѣтители его родного дома, онъ былъ все еще большимъ цѣнителемъ и любителемъ. „Больше уже ни на что не гожусь, какъ молиться и курить", говаривалъ онъ. Родившись 20 іюня 1800 года въ Геггергофѣ, онъ отчетливо помнилъ скорбный моментъ, когда Андреа Гоферъ былъ привезенъ плѣннымъ изъ долины. Въ 1899 году во время торжествъ въ память Гофера почти столѣтній Яковъ Пихлеръ былъ представленъ австрійскому императору. Объ этомъ онъ страшно любилъ разсказывать. Не забывалъ никогда разсказать также, что Дефреггеръ увѣковѣчилъ его въ своемъ альбомѣ въ 1897 году. Умеръ онъ не отъ старости — Боже упаси! — а отъ новѣйшей инфлуэнцы.

Старцы въ возрастѣ отъ 80 до 100 лѣтъ встрѣчаются гораздо чаще, — ежегодно случается читать въ газетахъ о нѣсколькихъ случаяхъ смерти стариковъ въ возрастѣ около 100 лѣтъ. Въ своей книгѣ о старости и средствахъ дожить до старости С. Шретеръ приводитъ 744 случая, въ которыхъ возрастъ превышалъ 80 лѣтъ. По сословію и роду занятій это были:

Крестьяне	87	Садовники	4
Ремесленники[1]	71	Учителя	4
Мѣщане	55	Министры	4
Духовные	26	Писатели (поэты)	3
Юристы	23	Пастухи	3
Офицеры[2]	21	Художники	3
Философы	18	Аптекари	2
Солдаты	12	Князья и графы	2
Купцы	11	Акушерки	2
Помѣщики	10	Матросы	2
Кустари	8	Музыканты	2
Врачи	6	Астрономы	1
Хирурги	6	Папы	1
Кардиналы и епископы	6	Могильщики	1

По странамъ наибольшее число случаевъ долголѣтія приходится на сѣверъ: Шотландію, Швецію, Норвегію, Данію; за ними слѣдуютъ Пруссія, Англія и Россія. Въ жаркихъ, въ особенности въ тропическихъ странахъ, продолжительность жизни гораздо короче. Климатъ острововъ, повидимому, гораздо болѣе благопріятствуетъ долголѣтію, чѣмъ климатъ материковъ. На Кипрскихъ островахъ населеніе достигаетъ болѣе глубокой старости, чѣмъ въ Сиріи, на островѣ Формозѣ и въ Японіи болѣе, чѣмъ въ Китаѣ, на островахъ Архипелага болѣе, чѣмъ на азіатскомъ материкѣ. Сельское населеніе достигаетъ болѣе глубокой старости, чѣмъ городское. Крестьяне, матросы, солдаты, пастухи и охотники умираютъ въ болѣе преклонномъ возрастѣ, чѣмъ горожане. Общеизвѣстенъ фактъ, что смертность въ большихъ городахъ чрезвычайно велика.

Люди, достигавшіе глубокой старости, всѣ были женаты отъ одного до четырехъ разъ. Повидимому, значительная половая сила способствуетъ долголѣтію. А что нормальный и регулярный характеръ брачной жизни удлиняетъ продолжительность жизни, — это не подлежитъ никакому сомнѣнію.

Чѣмъ больше старятся въ супружествѣ мужъ и жена, тѣмъ сильнѣе они привязываются другъ къ другу и тѣмъ согласнѣе течетъ ихъ совмѣстная жизнь. На склонѣ жизни одинъ довѣрчиво опирается на руку другого, какъ показываетъ намъ ванъ-Говъ на своей трогательно-простой картинѣ (рис. 156).

Въ общемъ можно сказать, что въ новѣйшее время встрѣчается гораздо меньше случаевъ глубокой старости, чѣмъ въ прежнія времена. Причину этого приписываютъ отчасти неточному веденію метрическихъ записей въ прежнія времена, такъ же какъ глубокую старость патріарховъ или Маѳусаила, прожившаго будто бы 900 лѣтъ, объясняютъ тѣмъ, что въ древнія времена за годъ считались первоначально три мѣсяца, позднѣе восемь мѣсяцевъ. Но съ другой стороны несомнѣненъ тотъ фактъ, что общая смертность и въ особенности дѣтская смертность значительно понизилась въ новѣйшее время, что слѣдуетъ приписать улучшенію гигіеническихъ условій жизни, учрежденію лечебницъ всякаго рода, оздоровленію городовъ, учрежденію дѣтскихъ пріютовъ и воспитательныхъ домовъ.

---

[1] Изъ нихъ наибольшее число случаевъ долголѣтія приходится на: чулочниковъ — 11, сапожниковъ — 5, мясниковъ — 4, булочниковъ — 3, кожевниковъ — 3, мельниковъ — 3, портныхъ — 3, плотниковъ — 3.

[2] Въ числѣ ихъ три фельдмаршала.

Что сокращаетъ жизнь и какъ дожить до глубокой старости?

Это вопросы, которыми всѣ задаются. Неоспоримый фактъ, что какъ бы люди ни жаловались на тяготы жизни, — все же огромное большинство людей желало бы жить долго. Намъ, врачамъ, это особенно хорошо извѣстно, такъ какъ даже больные, переносящіе цѣлые годы самыя тяжкія страданія, страстно желаютъ продлить свою жизнь. И если порой кое-кто и проклинаетъ свою жизнь, все же онъ, по большей части, не серьезно желаетъ избавиться отъ нея.

Рис. 156. На склонѣ жизни. По картинѣ ванъ-Гофа.

Причины, сокращающія жизнь, очень различны. Прежде всего такой причиной бываетъ врожденная слабость всего организма или отдѣльныхъ органовъ. Но было бы ошибочно думать, что люди худощавые и имѣющіе отъ природы хрупкій видъ, обречены на меньшую продолжительность жизни, чѣмъ люди крѣпкаго и плотнаго сложенія. Полнота-то и бываетъ часто обманчива, и людей полныхъ именно и постигаетъ часто ранняя смерть.

Другой причиной, сокращающей жизнь, являются внѣшнія условія жизни и среди нихъ прежде и больше всего жилищныя условія. Въ густо населенныхъ частяхъ города, въ рабочихъ кварталахъ, гдѣ люди живутъ скученно въ тѣсныхъ помѣщеніяхъ, царитъ наибольшая смертность. Жизнь сокращаютъ недостатокъ воздуха и свѣта, скопленіе углекислоты и другихъ

негодныхъ для дыханія газовъ въ воздухѣ, переполненіе его частицами дыма и пыли (въ большинствѣ случаевъ вблизи рабочихъ кварталовъ расположена большая часть заводовъ и фабрикъ), наконецъ, недостаточныя чистка и провѣтриваніе квартиръ; послѣднее обусловливается отчасти тѣмъ, что квартиры часто служатъ въ то же время и мастерскими, отчасти же тѣмъ, что на работу уходитъ не только мужъ, но и жена, и оттого женѣ не хватаетъ времени заботиться объ основательной уборкѣ квартиры. Если въ подобномъ пріютѣ нищеты и горя находится больной, въ особенности если это легочный больной, то болѣзнетворные яды разсѣиваются во всѣ стороны, легко распространяются, — и такимъ образомъ возникаютъ очаги заразы, которые большей частью очень трудно искоренить.

Но очень многаго оставляетъ желать, кромѣ того, и **питаніе** пролетаріата. Организмъ бѣдняковъ получаетъ гораздо меньше необходимыхъ для жизни бѣлковыхъ, крахмалистыхъ и жировыхъ питательныхъ веществъ, чѣмъ организмъ людей зажиточныхъ классовъ. Такъ какъ мясная пища становится все недоступнѣе, вслѣдствіе все возрастающей дороговизны, то организму приходится доставлять необходимый ему бѣлокъ въ видѣ содержащей бѣлковину растительной пищи, въ особенности стручковыхъ овощей. Картофель также играетъ большую роль въ хозяйствѣ людей недостаточныхъ, хотя цѣнность его какъ питательнаго матеріала не очень велика, и какъ матеріалъ сгаранія онъ долженъ быть потребляемъ въ большихъ количествахъ.

Къ прикармливанію дѣтей въ недостаточныхъ слояхъ прибѣгаютъ въ очень раннемъ возрастѣ младенца, такъ какъ мать не въ состояніи выкормить сама своихъ дѣтей и большей частью бываетъ вынуждена прибѣгнуть къ помощи болѣе или менѣе поддѣльнаго молока и мучныхъ кашъ, неперевариыхъ для органовъ грудного младенца. По одному этому уже смертность дѣтей въ младенческомъ возрастѣ огромна. Но если даже дѣтямъ удается счастливо пережить первые годы жизни, все же по винѣ нецѣлесообразнаго и недостаточнаго питанія у нихъ развиваются англійская болѣзнь (рахитъ), золотуха, малокровіе, общая физическая слабость, и подобные индивидуумы обыкновенно не доживаютъ до глубокой старости.

Сокращаетъ жизнь еще также **чрезмѣрный физическій и умственный трудъ**. Усиленный физическій трудъ вреденъ только тогда, когда строеніе тѣла и особенности физической организаціи, — то, что называютъ обыкновенно словомъ „конституція“ — не въ состояніи развить необходимыхъ для даннаго труда силъ. Вотъ почему слѣдовало бы всегда ставить выборъ профессіи въ зависимость отъ усмотрѣнія врача. Помимо этого, физическій трудъ причиняетъ вредъ въ томъ случаѣ, если помѣщеніе, въ которомъ производится работа, представляетъ вредныя для здоровья условія (недостаточный размѣръ, неудовлетворительная вентиляція, ненормально высокая или непомѣрно низкая температура и т. п.), или же, если при самой работѣ приходится имѣть дѣло съ ядами, проникающими въ организмъ. Наиболѣе извѣстно въ такихъ областяхъ труда свинцовое отравленіе, жертвой котораго гибнетъ множество рабочихъ въ различныхъ отрасляхъ промышленности.

Вредныя послѣдствія чрезмѣрнаго умственнаго труда несутъ, разумѣется, лица, работающія, какъ говорится, головой. Вреднымъ можетъ оказаться не только количество умственнаго труда, какое приходится преодолѣть работнику въ извѣстный срокъ, но и то, въ какой мѣрѣ спѣшно онъ долженъ одолѣть его. Творческій трудъ, созданіе новыхъ идей, гораздо утомительнѣе того, который заключается въ усвоеніи чужихъ идей. Въ старости мозгъ вообще больше способенъ къ воспріятію чужихъ идей (чтеніе, слушаніе лекцій и т. п.), чѣмъ къ собственной творческой дѣятельности. Нѣкоторые виды питательныхъ матеріаловъ, какъ, напримѣръ, кофе и чай, а также куреніе, несомнѣнно вліяютъ возбуждающе на умственную дѣятельность. Но если такія возбуждающія средства употребляются въ неумѣренномъ количествѣ, то они вредятъ не только сами по себѣ, но еще и тѣмъ, что какъ будто подбадриваютъ на короткое время умственныя силы, на самомъ же дѣлѣ только маскируютъ утомленіе и напрягаютъ мозгъ больше, чѣмъ это допустимо для здоровья. Наконецъ, сокращаетъ жизнь еще такой умственный трудъ, который лишаетъ работника части необходимаго времени для сна.

Наибольшую роль въ дѣлѣ сокращенія жизни играютъ болѣзни: три четверти всего человѣчества гибнутъ благодаря болѣзнямъ, и только одна четверть умираетъ естественной смертью въ глубокой старости. Огромно, несмѣтно число тѣхъ микроскопическихъ живыхъ существъ, которыя непрерывно угрожаютъ нашему организму и которыя губятъ въ видѣ заразныхъ болѣзней не только отдѣльныхъ лицъ, но и цѣлыя семьи, поколѣнія, населеніе цѣлаго города или цѣлой страны. Съ теченіемъ времени эти заразы — эпидеміи — измѣнили характеръ. Въ средніе вѣка одна изъ самыхъ страшныхъ болѣзней, чума, или черная смерть, какъ ее тогда называли, съ ужасающей силой свирѣпствовала во всей Европѣ, между тѣмъ какъ въ настоящее время она гнѣздится больше на своей родинѣ, въ Индіи, и ищетъ жертвъ среди туземнаго населенія страны. Точно такъ же была и оспа общераспространенной народной болѣзнью — до тѣхъ поръ, пока безсмертное открытіе англійскаго врача Дженнера дало возможность предохранить отъ зараженія оспой съ помощью заблаговременной прививки.

Тифъ тоже былъ зловѣщимъ гостемъ всѣхъ большихъ городовъ до самаго послѣдняго времени, между тѣмъ какъ теперь онъ появляется только въ видѣ единичныхъ заболѣваній. Это чудо было достигнуто, благодаря канализаціи и добыванію хорошей питьевой воды. Корь, скарлатина, крупъ, дифтеритъ все еще принадлежатъ къ распространеннымъ болѣзнямъ, но, вслѣдствіе примѣненія дѣйствительныхъ способовъ лѣченія, уменьшилась смертность отъ этихъ болѣзней. Единственная болѣзнь сохранила свою страшную распространенность среди нашего населенія и до сихъ поръ; это — туберкулезъ, жертвой котораго падаетъ седьмая часть всего человѣчества, и наибольшій процентъ приходится опять-таки на долю недостаточныхъ классовъ, въ особенности же рабочихъ.

Въ Вѣнѣ, напримѣръ, какъ доказалъ профессоръ Штернбергъ, смертность отъ туберкулеза несравненно больше въ рабочихъ кварталахъ, чѣмъ въ тѣхъ частяхъ города, которыя насе-

ляютъ остальные, болѣе достаточные классы. Въ Англіи умерло отъ туберкулеза въ періодъ времени между 1851 и 1860 годами вдвое больше, чѣмъ за время отъ 1891 до 1900 года, — это доказываетъ, что смертность отъ туберкулеза значительно понизилась въ этой странѣ.

По статистическимъ даннымъ, отъ туберкулеза умерло въ Англіи въ среднемъ на 1000 мужчинъ 3,08—3,30 и женщинъ 2,69—3,51 на 1000, въ Пруссіи же 3,46—3,67 мужчинъ и 2,89—3,02 женщинъ. По статистическимъ даннымъ германскихъ обществъ страхованія жизни, умерло отъ туберкулеза на 1,000 застраховавшихся мужчинъ 3,69. Очень интересенъ также тотъ фактъ, что согласно одному отчету о состояніи здоровья населенія въ Англіи — обычный прежде возрастъ, въ которомъ наступала смерть отъ туберкулеза, сильно повысился за послѣднія пятьдесятъ лѣтъ. Пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ туберкулезъ уносилъ своихъ жертвъ большей частью въ возрастѣ между 25 и 35 годами, между тѣмъ какъ въ слѣдующія двадцать лѣтъ большинство мужчинъ умирало отъ него въ возрастѣ между 35 и 45 годами.

Къ инфекціоннымъ болѣзнямъ примыкаетъ цѣлая армія другихъ органическихъ болѣзней. Болѣзни сердца и почекъ больше сокращаютъ жизнь, чѣмъ болѣзни печени, селезенки, желудка и кишечника. Болѣзни головного и спинного мозга также отличаются большей частью медленнымъ и изнурительнымъ теченіемъ и въ среднемъ оказываютъ незначительное вліяніе на продолжительность жизни. Особенное мѣсто въ ряду болѣзней занимаютъ новообразованія, въ особенности ракъ, которымъ могутъ быть поражены всѣ органы.

От рака умираютъ на 1,000 жителей въ Англіи 0,20—0,47; въ Пруссіи 0,24—0,39. Но такъ какъ ракъ появляется обыкновенно только на пятомъ или шестомъ десяткѣ лѣтъ, то вліяніе его на продолжительность жизни всего населенія въ совокупности не такъ велико, какъ вліяніе другихъ болѣзней. Изъ 13,735 смертныхъ случаевъ, приходившихся въ Англіи на 1 милліонъ населенія, на возрастъ между 35 и 45 годами пришлось 241 случай смерти отъ рака; на болѣе же чѣмъ пятикратное число смертей въ возрастѣ между 65 и 75 годами было констатировано число смертей отъ рака въ десять разъ больше, именно — 2,623 случая смерти отъ рака на 69,574 смертныхъ случаевъ вообще.

Большое число людей умираетъ такъ называемой насильственной смертью. За время историческихъ эпохъ около семи милліардовъ человѣкъ погибло на поляхъ сраженія. Безчисленное множество людей погибло отъ наводненій, землетрясеній, вулканическихъ изверженій и т. п. Уменьшилось число смертей въ борьбѣ съ дикими животными, такъ какъ они съ теченіемъ времени все больше и больше оттѣснялись человѣкомъ въ необитаемыя мѣстности и частью стали близки къ вымиранію вслѣдствіе постояннаго преслѣдованія со стороны человѣка. Зато увеличилось число смертныхъ случаевъ, обусловливаемыхъ современными средствами сообщенія. Желѣзнодорожныя катастрофы, несчастные случаи отъ автомобильной и извозчичьей ѣзды, отъ городскихъ трамваевъ, всевозможныя несчастья въ фабрично-заводскихъ производствахъ усилились очень значительно и доставляютъ въ большихъ городахъ постоянный матеріалъ для мѣстной хроники.

Продолжительность человѣческой жизни имѣ-

етъ особенное значеніе во многихъ важныхъ вопросахъ. Особенно серьезно и подробно занимались этими вопросами страховыя общества. Согласно полученнымъ даннымъ, вѣроятная продолжительность жизни новорожденнаго колеблется въ большинствѣ европейскихъ государствъ между 39 и 49 годами. Поучительна въ этомъ отношеніи слѣдующая таблица, представляющая результаты изслѣдованій 17 англійскихъ обществъ страхованія жизни на основаніи 78-лѣтней практики при 83,905 застрахованныхъ и 13,781 случаѣ смерти.

Возрастъ	Число живущихъ	Число умершихъ	Средняя продолжит. жизни	Возрастъ	Число живущихъ	Число умершихъ	Средняя продолжит. жизни	Возрастъ	Число живущихъ	Число умершихъ	Средняя продолжит. жизни
10	100,000	676	48,36	30	86,292	727	34,43	50	69,517	1,108	20,18
11	99,324	674	47,68	31	85,565	734	33,72	51	68,409	1,156	19,50
12	98,650	672	47,01	32	84,831	742	33,01	52	67,253	1,207	18,82
13	97,978	671	46,33	33	84,089	750	32,30	53	66,046	1,261	18,16
14	97,307	671	45,64	34	83,339	758	31,58	54	64,785	1,316	17,50
15	96,636	671	44,96	35	82,518	767	30,87	55	63,469	1,375	16,86
16	95,965	672	44,27	36	81,814	776	30,15	56	62,094	1,436	16,22
17	95,293	673	43,58	37	81,038	785	29,44	57	60,658	1,497	15,59
18	94,620	675	42,88	38	80,253	795	28,72	58	59,161	1,561	14,97
19	93,945	677	42,19	39	79,458	805	28,00	59	57,600	1,627	14,37
20	93.268	680	41,49	40	78,653	815	27,28	60	55,973	1,698	13,77
21	92,588	683	40,79	41	77,838	826	26,56	61	54,272	1,770	13,18
22	91,905	686	40,09	42	77,012	839	25,84	62	52,505	1,844	12,61
23	91,219	690	39,39	43	76,173	857	25,12	63	50,661	1,917	12,06
24	90,529	694	38,68	44	75,316	881	24,40	64	48,744	1,990	11,51
25	89,835	698	37,98	45	74,435	909	23,69	65	46,754	2,061	10,97
26	89,137	703	37,27	46	73,526	944	22,97	66	44,693	2,128	10,46
27	88,434	708	36,56	47	72,582	981	22,27	67	42,565	2,191	9,96
28	87,726	714	35,86	48	71,601	1,021	21,56	68	40,374	2,246	9,47
29	87,012	720	35,15	49	70,580	1,063	20,87	69	38,128	2,291	9,00

Какъ видно изъ приведенныхъ и другихъ сопоставленій, средняя продолжительность человѣческой жизни въ Европѣ, дѣйствительно, колеблется между 35 и 45 годами. Разницу между смертностью въ цѣлой странѣ и смертностью большого города въ частности показываетъ намъ нижеслѣдующая таблица данныхъ для Прусскаго королевства и города Берлина.

На каждыя 100.000 лицъ каждаго возраста умерло:

Возрастъ	Мужчинъ		Женщинъ	
	Пруссія	Берлинъ	Пруссія	Берлинъ
10 лѣтъ	549	748	532	495
20 „	762	886	639	774
30 „	975	1,071	976	1,265
40 „	1,437	1,908	1,247	1,405
50 „	2,226	2,918	1,777	1,[illegible]07
60 „	3,866	4,358	3,432	3,212
70 „	7,909	7,860	7,567	6,834

Замѣтимъ при этомъ, что большая смертность среди городского населенія главнымъ и существеннѣйшимъ образомъ обусловлена цѣлымъ рядомъ экономическихъ и соціальныхъ вліяній и что въ тѣхъ случаяхъ, когда сельское населеніе находится въ аналогичныхъ условіяхъ (это бываетъ въ мѣстахъ съ преимущественно промышленнымъ населеніемъ), смертность возрастаетъ въ такой же степени, какая наблюдается въ большихъ городахъ.

Въ числѣ обстоятельствъ и условій жизни, вліяющихъ на продолжительность жизни отдѣльныхъ лицъ, одно изъ главныхъ мѣстъ занимаетъ опять-таки питаніе. Слишкомъ обильная пища непомѣрно напрягаетъ пищеварительный аппаратъ и можетъ вызвать всевозможныя желудочныя и кишечныя разстройства — тѣмъ болѣе, чѣмъ больше примѣшивается къ пищѣ раздражающихъ веществъ (пряностей, острыхъ соусовъ, чрезмѣрныхъ сладостей). Чѣмъ однообразнѣе пища, тѣмъ меньше она приводитъ къ неумѣренности; чѣмъ многочисленнѣе и разнообразнѣе блюда, тѣмъ больше они соблазняютъ къ неумѣренности. Вотъ почему богатые люди, ежедневно предающіеся утонченнымъ удовольствіямъ стола, во-первыхъ, очень часто заболѣваютъ разстройствами пищеваренія, а во-вторыхъ (отъ чрезмѣрнаго количества пищи и отъ того, что вводятъ въ организмъ слишкомъ много пряныхъ и возбуждающихъ веществъ), обременяютъ свою кровь чрезмѣрнымъ количествомъ кислоты (мочевой кислоты) и продуктовъ разложенія бѣлковыхъ веществъ и оттого страдаютъ приливами крови, ломотами и ревматизмами.

Однако, и гастрономы могутъ достигать глубокой старости, доказательствомъ чего служитъ долголѣтіе француза Бролья-Саваржа, считавшаго главной цѣлью своей жизни служеніе наслажденіямъ чревоугодія: ему принадлежитъ знаменитое изреченіе: „Изобрѣтеніе новаго блюда важнѣе для счастья человѣчества, чѣмъ открытіе новаго созвѣздія“. Саваржъ прожилъ до 71 года.

Алкоголь, т. е. собственно спиртные напитки, издревле извѣстны своимъ вліяніемъ, какъ сократители жизни. Сторонники строгаго воздержанія рисуютъ вредъ употребленія спиртныхъ напитковъ самыми мрачными красками. Что ихъ предостереженія нѣсколько преувеличены, объ этомъ свидѣтельствуютъ нѣкоторые историческіе факты. Въ половинѣ XVII столѣтія, напримѣръ, спиртнымъ напиткамъ предавались гораздо больше, чѣмъ въ настоящее время. По разсчету погребовъ герцога Саксонскаго, Эрнста Благочестиваго, за 1648 годъ, на долю молодыхъ людей „и барышенъ“ полагалось для двухъ трапезъ по двѣ кружки вина и по четыре съ половиной кружки пива; для прислуги и офицеровъ по одной кружкѣ пива и по три съ половиной кружки мѣстнаго вина на каждаго; въ праздничные дни на каждаго къ обѣду по полукружкѣ вина; для женщины „графскаго и дворянскаго рода“ на завтракъ и на ужинъ по четыре кружки пива и по три кружки на вечеръ попозже; для прислуги по утрамъ въ 9 часовъ по кружкѣ пива на каждаго и столько же днемъ въ 4 часа.

Хотя это и несомнѣнно доказано, что алкоголь — не питательное средство, а служитъ только для удовольствія, при чемъ обладаетъ въ видѣ крѣпкихъ винъ и водокъ безспорнымъ свойствомъ яда, — все же мы знаемъ, съ другой стороны, что человѣкъ можетъ привыкнуть къ употребленію ядовъ и что поэтому многимъ привычное употребленіе алкоголя не вредитъ. Только этимъ и можно объяснить, что многіе достигаютъ глубокой старости, несмотря на продолжительное и сильное потребленіе алкоголя, какъ разсказываетъ, напримѣръ, профессоръ Флюгеръ въ своемъ сочиненіи объ искусствѣ продленія человѣческой жизни. Онъ называетъ, напр., одного француза-мясника, который напивался по два раза въ недѣлю и все же дожилъ до 120 лѣтъ, и другого ирландскаго фермера Броуна, умершаго 120 лѣтъ, на могилѣ котораго была сдѣлана слѣдующая наивная надпись: „Подъ симъ камнемъ покоится Броунъ, прожившій только благодаря крѣпкому пиву 120 лѣтъ. Онъ былъ вѣчно пьянъ и такъ страшенъ въ этомъ состояніи, что даже смерть боялась его. Когда онъ однажды провелъ день противъ своего обыкновенія тихо, смерть набралась храбрости, схватила его и восторжествовала надъ этимъ безпримѣрнымъ пьяницей“.

Наибольшій вредъ причиняетъ алкоголь среди недостаточныхъ классовъ народа, которые употребляютъ его въ самой концентрированной формѣ, въ видѣ водки; очень возможно, что вредъ такъ великъ потому, что водка содержитъ особенно ядовитый видъ алкоголя. Вдобавокъ, надо принять во вни-

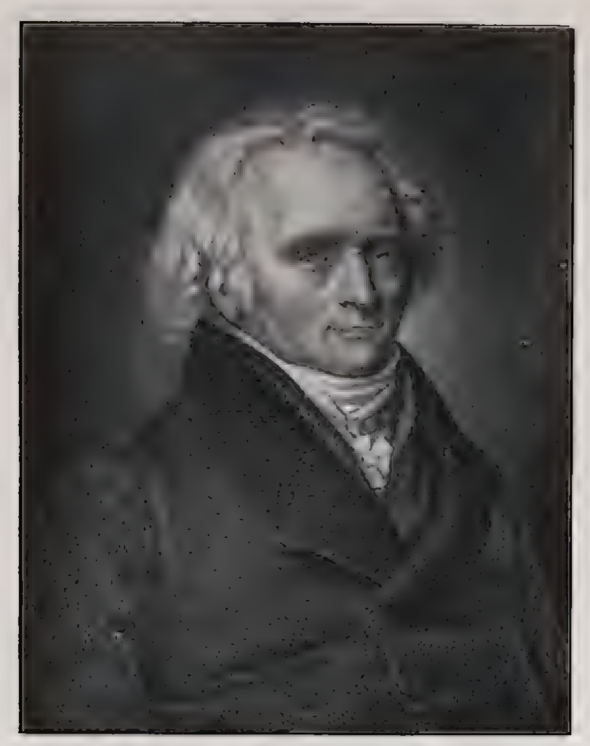
маніе, что потребители этого вида алкоголя принимаютъ слишкомъ мало пищи и даже замѣняютъ имъ безусловно необходимыя пищевыя вещества, что должно съ теченіемъ времени вредно отозваться на организмѣ. По отношенію не отдѣльныхъ лицъ, а всей массы населенія, надо сказать несомнѣнно, что неумѣренное потребленіе алкоголя сокращаетъ жизнь. Алкоголь же въ умѣренномъ количествѣ — 0,3 литра вина и 0,3 – 0,5 литра пива въ день — не вредитъ, если даже употреблять его всю жизнь. Исключеніе составляютъ только тѣ случаи, когда, вслѣдствіе существующихъ болѣзней нѣкоторыхъ органовъ — сердца, печени, почекъ — алкоголь вреденъ и въ малыхъ количествахъ и долженъ быть запрещенъ совсѣмъ.

Къ причинамъ, сокращающимъ человѣческую жизнь, относятся также извѣстныя душевныя волненія — заботы, горе, волненія и утомленія профессіональной дѣятельности. Вообще же трудъ, если только онъ не создаетъ слишкомъ большой озабоченности и переутомленія, только благопріятствуетъ долголѣтію. Общеизвѣстенъ фактъ, что лица, рано оставляющія привычныя дѣла и занятія и живущія безъ дѣла изо дня въ день, большей частью рано старѣютъ и не достигаютъ глубокой старости.

Причинамъ, сокращающимъ человѣческую жизнь, надо противопоставлять средства, способствующія продленію ея. Надежды и виды на долголѣтіе имѣетъ прежде всего тотъ, кто происходитъ отъ здоровыхъ, достигшихъ старости родителей. Желая дать кому-нибудь совѣтъ, какъ продлить жизнь, необходимо узнать прежде всего причины смерти родителей и кровныхъ родственниковъ даннаго лица, чтобы побѣдить возможно раньше предрасположеніе къ тѣмъ болѣзнямъ, которыя послужили причиной ихъ смерти. Регулярныя физическія упражненія, прогулки, гимнастика дыханія, умѣренность въ пищѣ и напиткахъ предохраняютъ отъ заболѣваній. Здоровье сердца и кровеносныхъ сосудовъ, отъ которыхъ зависитъ питаніе органовъ и тканей, сохраняется путемъ поддержанія непрерывной дѣятельности кровеносной системы. Достигается это правильнымъ дыханіемъ при мускульныхъ упражненіяхъ. Естественнѣйшую форму такихъ упражненій представляетъ ходьба, которая ускоряетъ дѣятельность сердца и легкихъ. Ходьба гонитъ больше крови въ кровеносные сосуды и усиленнымъ количествомъ ея снабжаетъ отдѣльные органы, отчего они лучше питаются.

Правильное и глубокое дыханіе на свѣжемъ, чистомъ воздухѣ сообщаетъ легкимъ и крови больше кислорода и способствуетъ болѣе скорому выдѣленію вредной углекислоты. Сокращеніе кожныхъ мускуловъ привлекаетъ къ нимъ больше крови, облегчая сердце, а вены въ то же время снова направляютъ въ сердце ставшую негодной кровь. Но ходьба способствуетъ также кровеобращенію живота, что очень важно для органовъ пищеварительнаго аппарата, расположеннаго въ его полости. Продолжительность полезной для здоровья прогулки колеблется въ зависимости отъ возраста и состоянія здоровья того или иного лица между часомъ и тремя часами ежедневно; полезно распредѣлить ее равномѣрно на утреннюю и дневную прогулку. Дурная погода не должна служить причиной перерыва ежедневныхъ прогулокъ, — необходимо только позаботиться о соотвѣтственной одеждѣ и защитѣ отъ опасности промокнуть.

Постояннымъ жителямъ городовъ слѣдовало бы проводить по возможности одинъ день въ недѣлю въ деревнѣ, не только ради

Рис. 157. Хр. Гуфеландъ. По гравюрѣ.

пользованія чистымъ, свободнымъ отъ пыли воздухомъ, но и ради того благопріятнаго вліянія на состояніе мозга, которое оказываетъ обыкновенно перемѣна обстановки.

Когда девяностолѣтняго Мольтке спросили, какъ онъ сумѣлъ сохранить такъ долго здоровье и физическую силу, онъ сказалъ: „Благодаря большой умѣренности во всемъ, благодаря регулярному движенію на воздухѣ во всякую погоду, хорошую или дурную; никогда я не проводилъ дома цѣлаго дня безвыходно“.

Во всемъ образѣ жизни съ самой ранней юности надо избѣгать изнѣженности. Замѣчательныя мысли высказалъ по этому поводу Гуфеландъ (рис. 157), одинъ изъ знаменитѣйшихъ врачей XVIII столѣтія въ своей книгѣ объ искусствѣ продленія человѣческой жизни.

„Я долженъ коснуться здѣсь главнаго недостатка нашего нынѣшняго воспитанія, прямо враждебнаго упомянутымъ принципамъ: физической и моральной изнѣженности. Я разумѣю подъ этимъ привычку и стремленіе дѣлать для дѣтей и молодыхъ людей жизнь по возможности болѣе легкой и покойной, заботливо очищая для нихъ путь отъ всякихъ препятствій и стѣсненій, отъ всѣхъ трудностей и шероховатостей. Это одинаково относится и къ физическому, и къ моральному воспитанію нашему. Къ условіямъ физическаго изнѣживанія я причисляю удобную, мягкую мебель, диваны, пружинныя постели, всегда ровный и теплый комнатный воздухъ, мягкую, заботливо изготовленную пищу и т. под. Къ условіямъ моральнаго изнѣживанія — мягкое, снисходительное обращеніе, отсутствіе всякой строгости, всякаго прямого сопротивленія, всякихъ наказаній, способъ обучать всему играя; послѣднее— большая глупость. потому что дѣло вовсе не только въ томъ, чтобы научиться чему-нибудь, а несомнѣнно столько же еще и въ томъ, какъ этому научиться, т. е. въ томъ, чтобы научиться учиться, — научиться въ то же время работать, преодолѣвать трудности, дѣлать усилія, переносить непріятности. Такое воспитаніе создаетъ вялость и дряблость, такъ какъ истинную силу создаетъ только сопротивленіе, только преодолѣваніе трудностей и затрудненій воспитываетъ самостоятельность, энергію и волю. Вѣдь всю нашу жизнь судьба воспитываетъ насъ съ помощью труда, работы, борьбы съ препятствіями и развиваетъ благороднѣйшія силы наши, наше мужество, нашу способность возвыситься надъ земной пошлостью и низменностью“.

Что усиленный умственный трудъ не препятствуетъ достиженію глубокой старости, объ этомъ свидѣтельствуетъ множество примѣровъ, какіе можно взять наудачу изъ различныхъ областей умственной дѣятельности. Такъ, напримѣръ, Гете (рис. 120) прожилъ 83 года, Ад. Менцель (рис. 158) 80 лѣтъ, Лука Кранахъ (рис. 160) 82 года, Людвигъ Виндгорстъ (рис. 159) 80 лѣтъ, Александръ Гумбольдтъ (рис. 161) 91 годъ, Рудольфъ Альтъ, знаменитый вѣнскій художникъ-акварелистъ (рис. 162) 93 года.

Тотъ или другой способъ питанія также заключаетъ въ

себѣ извѣстныя возможности продленія жизни. Прежде всего, изъ пищи должно быть изгнано все, что способно сокращать жизнь и о чемъ уже было говорено въ своемъ мѣстѣ. Чѣмъ старше становится человѣкъ, тѣмъ меньше пищи слѣдуетъ ему принимать, — въ особенности ужинъ долженъ быть легкій, или отъ него слѣдуетъ совсѣмъ отказаться. Часто достаточно стакана молока на ужинъ, или простокваши, которой знаменитый русскій ученый Мечниковъ приписываетъ особыя свойства, способствующія продленію жизни, или немного плодовъ — яблоко, вѣтку винограда — вообще ужинъ долженъ быть больше возбудительнымъ, чѣмъ питательнымъ средствомъ. Мясная пища должна становиться все ограниченнѣе по мѣрѣ приближенія къ старости. Большинство людей, достигшихъ 80-лѣтняго возраста и старше, употребляли очень немного мясной пищи.

„Я имѣлъ возможность прослѣдить образъ жизни больше восьмидесяти лицъ, достигшихъ преклоннаго возраста отъ 86 до 100 лѣтъ, — говоритъ знаменитый врачъ при нѣмецкой больницѣ въ Лондонѣ, Германъ Веберъ. — Хотя большинство этихъ лицъ принадлежало къ состоятельнымъ классамъ и не было вынуждено отказывать себѣ въ чемъ-нибудь, все же среди нихъ было только шесть человѣкъ, имѣвшихъ привычку много ѣсть и пить. Многіе изъ нихъ ѣли и пили поразительно мало; нѣкоторые питались почти исключительно овощами съ небольшой прибавкой къ нимъ молока, сыру и масла, иногда яицъ и только въ очень исключительныхъ случаяхъ мяса, рыбы или птицы“.

Но хотя и вѣрно то, что преимущественно вегетеріанскій столъ всего цѣлесообразнѣе для болѣе или менѣе пожилого возраста, все же на вегетеріанство нельзя смотрѣть, какъ на единственный элексиръ, способствующій достиженію глубокой старости. Исключительно растительная пища вредна тѣмъ, что ее приходится принимать въ слишкомъ большихъ количествахъ. Важно также, чтобы всякая пища была основательно прожевана; для здороваго переваривания пищи необходимо не только возможно большее измельченіе пищевыхъ веществъ, но и возможно болѣе обильное смачиваніе и пропитываніе ихъ слюной. Но такъ какъ въ пожиломъ возрастѣ зубы естественно выпадаютъ, то необходимо своевременно позаботиться о хорошо прилаженныхъ искусственныхъ зубахъ; этимъ будетъ избѣгнута также некрасивая впалость щекъ, которая появляется отъ потери зубовъ.

Рис. 158. Ад. Менцель.
Портретъ съ натуры Ж. Бета.

Объ употребленіи алкоголя мы уже говорили при разсмотрѣніи причинъ, сокращающихъ жизнь. Незначительныя количества его или время отъ времени стаканъ легкаго пива можетъ быть въ старости скорѣе полезно, чѣмъ вредно.

Рис. 159. Людвигъ Виндгорстъ.

Дневное количество чаю, употребляемаго стариками, должно быть не велико, и нужно безусловно избѣгать слишкомъ крѣпкаго чаю. Кофе можно пить только въ очень незначительномъ количествѣ и не очень крѣпкое, — оно переносится стариками большей частью хуже, чѣмъ чай. Какъ чай, такъ и кофе вліяютъ возбуждающе и обладаютъ въ то же время свойствомъ, чрезвычайно важнымъ, расширять кровеносные сосуды; это свойство ихъ оказываетъ благопріятное вліяніе на начинающійся или уже развивающійся процессъ известковаго уплотненія сосудовъ. Оба эти напитка обладаютъ въ то же время мочегоннымъ свойствомъ.

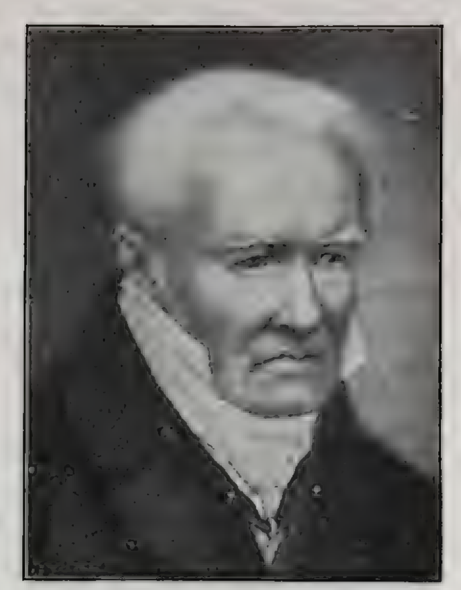
Куреніе является для людей болѣе или менѣе пожилого возраста привычкой, отъ которой трудно отказаться, и въ умѣренномъ количествѣ оно, несомнѣнно, не приноситъ вреда. Умѣреннымъ количествомъ можетъ считаться однадвѣ сигары въ день, или три-четыре папиросы или же двѣ трубки.

Умственныя занятія безусловно необходимы и для лицъ пожилого и даже преклоннаго возраста. Если старики сами не стараются найти для себя подходящаго умственнаго занятія, объ этомъ должны позаботиться близкіе имъ люди. Всякая умственная работа такъ же вліяетъ на кровеобращеніе, какъ и физическая. Докторъ Веберъ разсказываетъ о больничномъ экономѣ, у котораго начали обнаруживаться въ 75 лѣтъ тяжелыя старческія явленія, а на 82 году у него распухли руки и ноги, сердечная дѣятельность очень ослабѣла, умственныя способности совсѣмъ одряхлѣли. Вдругъ администрація больницы задумала упразднить тотъ отдѣлъ, которымъ онъ завѣдывалъ въ больницѣ; это привело старика въ необычайное волненіе и побудило его къ лихорадочной дѣятельности. Онъ напрягъ всѣ силы, чтобы не дать осуществиться этимъ реформамъ. И вотъ въ старикѣ произошла волшебная перемѣна: дѣятельность сердца усиливалась съ каждымъ днемъ, опухоли на рукахъ и на ногахъ совершенно исчезли, снова вернулось разумное выраженіе лица — умственная работа, радость успѣха помолодила его. Больше года длилось это благопріятное состояніе, когда вдругъ инфлуэнца унесла 83-лѣтняго старца.

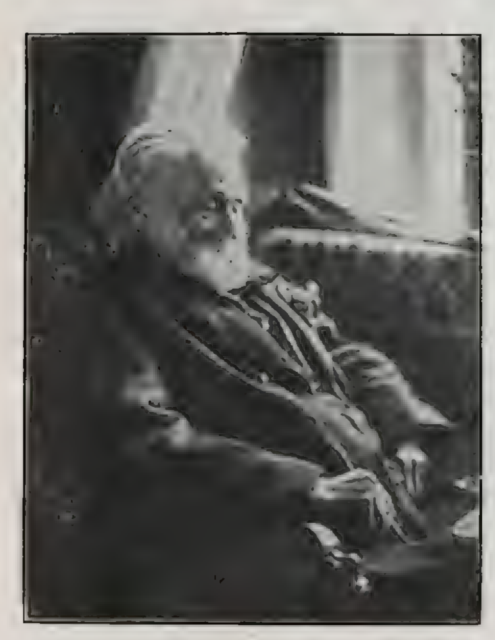

Рис. 160. Лука Кранахъ.
По собств. портр. художника, гравир. М. Штейнла.

Другой случай. 70-лѣтняя женщина, обнаруживавшая тяжелыя физическія старческія явленія, впала въ состояніе абсолютнаго безучастія,

апатіи, походившей почти на слабоуміе, и въ такомъ состояніи ждала скорой смерти. „Чтобы сдѣлать послѣднюю попытку, — разсказываетъ докторъ Веберъ, — ей принесли вѣсть отъ ея дочери, которая уже нѣсколько лѣтъ не вставала съ постели и единственной привязанностью которой оставалась мать. Дочь умоляла о возможности повидать ее еще разъ передъ смертью. Мать отвезли къ ней, и безпомощное состояніе дочери, чувство материнской любви и горя пробудили снова душу старухи. Она немного поѣла съ дочерью и выпила вина, нѣсколько оживилась; въ теченіе нѣкотораго времени ее ежедневно возили къ дочери, на которую — или, вѣрнѣе, на обѣихъ — эти свиданія оказывали сильное вліяніе. Мало-по-малу старуха начала проявлять интересъ и къ другимъ членамъ семьи, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ выздоровѣла совершенно — оставалась только нѣкоторая слабость сердца — и потомъ еще цѣлыхъ 15 лѣтъ оставалась центромъ своей многочисленной семьи".

Рис. 161. Александръ Гумбольдтъ.

Приведенные примѣры очень поучительны; они доказываютъ, что душевные интересы безусловно необходимы старикамъ, оставившимъ свои обычныя занятія. Лицамъ, занимавшимся въ пору своей постоянной дѣятельности какимъ-нибудь коллекціонированіемъ, безусловно слѣдуетъ продолжать его въ старости. Вполнѣ рекомендуются также игры всякаго рода — въ шахматы, въ карты, въ домино, — которыя доставляютъ старикамъ временное возбужденіе. Разумѣется, не слѣдуетъ неумѣренно заниматься ими съ корыстной цѣлью, не слѣдуетъ также сидѣть за ними въ плохо вентилируемыхъ и накуренныхъ помѣщеніяхъ — въ ресторанахъ или кофейняхъ; цѣлесообразнѣе заниматься играми въ удобныхъ условіяхъ у себя дома или въ пріятельскомъ кругу. Въ этихъ видахъ рекомендуется особая осторожность при посѣщеніи ресторановъ по вечерамъ, хотя бы самое политиканство за кружкой пива и не очень утомляло. Очень цѣлесообразно для стариковъ занятіе сельскимъ хозяйствомъ, садоводствомъ и огородничествомъ, что рекомендовалъ еще Цицеронъ въ вышеупомянутомъ своемъ сочиненіи.

Рис. 162. Рудольфъ Альтъ.

Отъ сильныхъ волненій — заботъ, горя, вѣстей о внезапныхъ

несчастныхъ случаяхъ — стариковъ надо по возможности оберегать. Каждый день случается, что старики скоропостижно умираютъ отъ вѣсти о неожиданномъ несчастьѣ. Лица, привыкшія въ молодости владѣть собой и умѣющія обуздывать свои страсти, большей частью легче переносятъ и постигающія ихъ волненія и оказываются неподатливѣе и сильнѣе передъ всевозможными несчастьями.

Страсти молодости обыкновенно естественно затихаютъ въ старости. Вспыльчивость, гнѣвные порывы, необдуманные поступки и слова большей частью умѣряются до нѣкоторой степени еще въ зрѣломъ возрастѣ. Исчезаетъ мало-по-малу, по вполнѣ естественнымъ и понятнымъ причинамъ, и жажда пріобрѣтанія, сопровождающаяся завистью и непріязнью къ другимъ. Богатый жизненный опытъ сообщаетъ старикамъ больше спокойствія, самообладанія, а также снисходительности къ недостаткамъ и слабостямъ ближнихъ. Лицо старца принимаетъ выраженіе величаваго покоя и тихой созерцательности, какъ превосходно подмѣтилъ и передалъ Янъ Ливенсъ въ своемъ портретѣ старика (рис. 163).

Фотогр. изд. Фр. Ганфштенгля въ Мюнхенѣ.
Рис. 163. Портретъ старика. По карт. Я. Ливенса.

Съ другой стороны именно въ старческомъ возрастѣ развиваются обыкновенно нѣкоторыя непріятныя черты и свойства. Утративъ возможность пріобрѣтать новыя блага, старики судорожно стараются удержать пріобрѣтенное ранѣе. Всѣмъ извѣстны примѣры просто невѣроятной скупости стариковъ, доходящей порой до болѣзненности. А смерть затѣмъ забираетъ всѣ эти сокровища, какъ безподобно изображено на извѣстной гравюрѣ Гольбейна (рис. 164).

Нѣкоторая болтливость, обыкновенно свойственная только женскому полу, въ глубокой старости развивается также и у мужчинъ. Она увлекаетъ стариковъ за столики ресторановъ и трактировъ и побуждаетъ ихъ порой выпить рюмкой больше, чѣмъ это благоразумно въ ихъ возрастѣ. Такъ возникаетъ иногда знаменитый красный носъ, характеризующій самую внѣшность пьяницы (рис. 165), хотя причина этого явленія кроется отнюдь не въ одномъ пьянствѣ, а и въ мѣстныхъ разстройствахъ питанія сосудовъ кожи.

Старость сопровождается обыкновенно состояніемъ извѣстнаго покоя и довольства. Серьезно, почти печально смотрятъ глаза старика на знаменитой картинѣ Тинторетто (рис. 166) рядомъ съ

Рис. 164. Скупецъ.
Изъ „Пляски смерти“ Г. Гольбейна Младшаго.

открытымъ, яснымъ взглядомъ мальчика, бодро глядящаго на міръ.

Особенно важное значеніе имѣетъ далѣе сонъ. Потребность сна очень различна у разныхъ лицъ. Огромное вліяніе имѣютъ здѣсь не только родъ занятій и образъ жизни, но и привычка. Взрослымъ людямъ большей частью достаточно $5^1/_2$—7 часовъ сна. Девяти и десятичасовый сонъ безусловно неумѣренное излишество и, какъ замѣтилъ еще великій философъ Иммануэль Кантъ, равносиленъ ослабленію энергіи ума и тѣла и относится къ числу привычекъ, сокращающихъ жизнь. Старики спятъ обыкновенно меньше, и это нисколько не вредитъ ихъ общему состоянію. У людей съ небольшой потребностью сна развивается иногда въ старости полная безсонница.

Во снѣ отдыхаютъ нашъ мозгъ, наши чувства, наши нервы; но отдыхаетъ и все остальное тѣло наше. Что же происходитъ въ это время съ нашей душой? — спрашиваетъ Брилья-Саварэнъ и отвѣчаетъ на это: „Она замыкается въ себѣ, какъ лоцманъ въ тихую погоду на морѣ, какъ зеркало во тьмѣ, какъ лира, струнъ которой никто не касается, она ждетъ новыхъ раздраженій“.

Объ уходѣ за кожей — объ одеждѣ, о закаливаніи — очень много говорилось и писалось и спеціалистами, и не-спеціалистами. Общимъ правиломъ надо считать одно: въ престарѣломъ возрастѣ не уклоняться отъ жизненныхъ привычекъ, пріобрѣтенныхъ годами. Кто привыкъ къ холоднымъ купаньямъ съ молодости, тотъ можетъ продолжать ихъ и до глубокой старости, — съ той только разницей, пожалуй, что купанья должны быть менѣе продолжительны и вытирать тѣло нужно нѣсколько энергичнѣе. Кто привыкъ носить шерстяное бѣлье, тотъ безусловно не долженъ снимать его съ наступленіемъ старости.

Фотографич. изданіе Фр. Ганфштенгля въ Мюнхенѣ.
Рис. 165. Мужчина съ „краснымъ“ носомъ.
По картинѣ Рембрандта.

Особыя измѣненія претерпѣваетъ кожа головы,

такъ какъ защитительный покровъ ея, волосы, выпадаютъ. Часто выпаденіе волосъ начинается уже въ сороковыхъ годахъ, и у пятидесятилѣтнихъ мужчинъ бываютъ уже часто очень замѣтныя лысины. Необходимо считаться съ этими измѣнившимися условіями, защищая голову феской, фуражкой, парикомъ.

Обычный порядокъ жизни не мѣшаетъ разнообразить путешествіями; это также одно изъ средствъ, способныхъ продлить жизнь, и до 60-лѣтняго возраста это, дѣйствительно, вѣрно. Для лицъ же, приближающихся къ 70 годамъ или даже перешагнувшихъ этотъ возрастъ, частое передвиженіе не особенно полезно. Въ старческомъ возрастѣ жизнь должна быть заведена въ точномъ порядкѣ по часамъ. Столъ долженъ быть одинаковъ, ночлегъ — наивозможно болѣе соотвѣтствовать давнишнимъ привычкамъ каждаго. Всѣ эти важныя условія неизмѣннаго порядка жизни неудобоисполнимы въ дорогѣ. Быстрые переходы отъ жары къ холоду и обратно легко могутъ повести къ простудѣ и вызвать происходящія отъ простуды болѣзни. Такія случайности также болѣе возможны въ дорогѣ, чѣмъ въ обычныхъ, налаженныхъ условіяхъ жизни на мѣстѣ.

Фотогр. изд. Фр. Ганфштенгля въ Мюнхенѣ.
Рис. 166. Портретъ старика. По карт. Тинторетто.

Встарину болтали всякій вздоръ о таинственной жизненной силѣ и вѣрили въ возможность продлить жизнь съ помощью таинственныхъ средствъ. Гуфеландъ разсказываетъ объ одной могильной надписи, въ которой нѣкій Клаудіусъ Герминусъ провозглашаетъ міру, что онъ продлилъ свою жизнь, вдыхая дыханіе молодыхъ дѣвушекъ. Самъ великій Боэравъ[1] посовѣтовалъ одному амстердамскому бургомистру спать для продленія своей жизни между двумя молодыми людьми.

[1] Голландскій ученый, химикъ и знаменитый въ XVI и XVII в.в. (1668—1738) врачъ, пользовавшійся всемірной популярностью — до того, что одинъ китайскій мандаринъ, не знавшій не только его адреса, но и мѣстожительства, адресовалъ ему письмо просто: „Въ Европу, доктору Боэраву“ — и письмо было ему доставлено. Петръ Великій лично посѣтилъ его. *Перев.*

Знаменитый Теофрастъ Бомбастъ Парацельсъ (рис. 167) хвалился, что обладаетъ неоспоримымъ средствомъ продленія жизни; только на него самого оно, повидимому, не дѣйствовало, такъ какъ онъ умеръ всего на 48-мъ году жизни. Астрологи увѣряли, что вычитывали въ звѣздахъ средства для продленія жизни; предполагалось, что каждый человѣкъ находится подъ вліяніемъ какого-нибудь извѣстнаго созвѣздія, а такъ какъ считалось несомнѣннымъ существованіе извѣстной связи между звѣздами и металлами, то необходимо было только носить на тѣлѣ предметы изъ этихъ металловъ, чтобы обезпечить себѣ всю силу связанныхъ съ ними звѣздъ.

Рис. 167. Теофрастъ Бомбастъ Парацельсъ.
По старинной гравюрѣ.

Знаменитый Бэконъ Веруламскій также вѣрилъ въ идею продленія жизни и рекомендовалъ употреблять опіумъ, чтобы умѣрить имъ внутреннія движенія тѣла и въ то же время предохранить его отъ изнашиванія. Рекомендованный графомъ Сенъ-Жерменомъ чай въ тѣхъ же видахъ продленія жизни представляетъ собой простое слабительное, употребляемое еще и нынѣ.

Рекомендовалъ какой-то жизненный элексиръ знаменитый авантюристъ Каліостро; его составъ остался неизвѣстенъ. Но еще и въ настоящее время — частью открыто, частью тайно — легковѣрной публикѣ предлагаются за огромныя деньги всевозможные составы, вродѣ жизненнаго бальзама Сбудеуса — настой изъ горечавки, ревеня и алоэ, жизненныхъ капель Гесса — смѣсь алкоголя съ уксуснымъ эфиромъ, жизневозбудителя Вольферштедтера — слабительное, растворенное въ обыкновенной водкѣ, и многое множество другихъ тайныхъ средствъ.

Вопреки всѣмъ успѣхамъ естествознанія, несмотря на всѣ успѣхи народнаго образованія и просвѣщенія, въ широкой массѣ все еще живо тайное влеченіе къ сверхъестественному, къ чудесному, необъяснимому. Народъ — большой ребенокъ; онъ очень любитъ сказки и позволяетъ себя обманывать даже тогда, когда видитъ, что это явное издѣвательство.

Женщина.

Рис. 168 Жизнь. По картинѣ Рафаэль Шустеръ-Вольдонъ.

Глава первая.

Строеніе женскаго тѣла

(сравнительно со строеніемъ мужского).

(Прив.-доц. д-ра Отто Гроссера въ Вѣнѣ.)

Люди, какъ и другіе виды высшихъ животныхъ, вообще, представляютъ намъ двѣ характерно различныя по своему анатомическому строенію формы — мужскую и женскую. Но различія между ними, простирающіяся у взрослаго человѣка до мельчайшихъ подробностей, проявляются не съ самаго начала жизни — по крайней мѣрѣ, насколько это доступно нашей наблюдательности, — а лишь съ теченіемъ времени, по мѣрѣ развитія индивидуума. Исходный пунктъ этого развитія, — яйцевая и сѣменная клѣтки, потомъ оплодотворенное яйцо и даже самый зародышъ въ первыя недѣли своего развитія — не имѣютъ еще ни у одного изъ высшихъ позвоночныхъ никакихъ признаковъ, которые давали бы намъ возможность опредѣлить полъ развивающагося организма; это продолжается вплоть до времени появленія зачатковъ половыхъ органовъ.

Невозможность установить полъ заходитъ такъ далеко, что даже въ каждомъ зародышѣ существуютъ зачатки половыхъ органовъ обоихъ половъ. Однако, это касается не всѣхъ частей

этой системы органовъ: зачатки самыхъ половыхъ железъ на каждой сторонѣ тѣла очень просты и первоначально неопредѣленнаго пола; точно также и внѣшніе органы развиваются первоначально въ безразличной формѣ, допускающей возможность дальнѣйшаго развитія въ ту или другую сторону. Но выводные протоки половыхъ железъ, изъ которыхъ образуются внутренніе половые органы, заложены вначалѣ по обѣ стороны въ видѣ двойной трубки; по мѣрѣ дальнѣйшаго развитія зародыша отъ этой двойной трубки впослѣдствіи регрессируетъ та или другая часть [1].

Слѣдовательно, мы можемъ сказать, что зародыши всѣхъ позвоночныхъ проходитъ первоначально (до образованія зачатка половой железы) безполую стадію, а затѣмъ слѣдующую, въ которой онъ, хотя и обладаетъ уже половыми органами, но — по крайней мѣрѣ при нашихъ способахъ изслѣдованія — представляется намъ двуполымъ.

Для человѣческаго зародыша первая стадія обнимаетъ собою возрастъ приблизительно до четвертой, а вторая — отъ четвертой до пятой недѣли внутри-утробной жизни. Въ теченіе этого времени зародышъ увеличивается приблизительно съ десяти до пятнадцати миллиметровъ; въ немъ уже ясно можно различить голову и шею и короткія неуклюжей формы конечности.

Впервые лишь въ концѣ пятой недѣли зародышевой жизни начинается процессъ дифференцированія — сначала въ половой железѣ, клѣточные элементы которой группируются опредѣленнымъ образомъ. Съ этого времени уже можно различить, разовьются ли изъ нихъ вырабатывающія сѣмя мужскія или доставляющія яйцевыя клѣтки женскія половыя железы.

Но строеніе остальныхъ внутреннихъ половыхъ органовъ все еще остается двуполымъ, хотя скоро начинаетъ все же обнаруживаться преобладаніе тѣхъ особенностей, какія свойственны данной половой железѣ, и постепенно атрофируются противоположныя. Тѣмъ не менѣе остатки этихъ послѣднихъ сохраняются въ продолженіе всей жизни и у взрослаго индивидуума въ видѣ малозамѣтныхъ дополнительныхъ частей полового аппарата, большинство которыхъ было извѣстно уже давно, но объяснить которыя стало возможно только со времени изученія исторіи развитія. Нѣкоторыя изъ нихъ служатъ иногда и въ болѣе позднемъ возрастѣ поводомъ къ возникновенію новообразованій и кистъ. Съ теченіемъ времени, только къ концу третьяго мѣсяца, начинаютъ обнаруживаться характерныя различія и наружныхъ органовъ.

Анатомическое строеніе эмбріона (зародыша) облегчаетъ намъ пониманіе явленія гермафродитизма, хотя истинная причина возникновенія двуполаго организма намъ и неизвѣстна. Настоящіе гермафродиты, обладающіе половыми железами обоихъ родовъ, встрѣчаются во всякомъ случаѣ необычайно рѣдко; обыкновенно гермафродитизмъ встрѣчается въ такомъ видѣ, что половая

---

[1] Слѣдуетъ замѣтить, что какъ здѣсь, такъ и въ дальнѣйшемъ изложеніи авторъ значительно упростилъ крайне сложный процессъ развитіе половыхъ органовъ, очевидно, съ цѣлью сдѣлать текстъ болѣе популярнымъ, и допустилъ такую схематизацію дѣйствительно существующихъ морфологическихъ отношеній, которая врядъ ли можетъ быть оправдана стремленіемъ къ общедоступности изложенія.

Прим. ред.

железа бываетъ на одной сторонѣ мужская и на другой женская. Еще гораздо рѣже случается, что на одной и той же сторонѣ развиваются оба рода железъ. Зато гораздо чаще встрѣчаются такъ называемые мнимые гермафродиты, у которыхъ половая железа одного какого-нибудь пола связана съ остальными особенностями другого, — большей частью встрѣчается мужская половая железа въ индивидуумѣ, сложенномъ во всѣхъ остальныхъ отношеніяхъ какъ женщина.

Впрочемъ, въ этой области наблюдаются всевозможныя комбинаціи и промежуточныя ступени основныхъ половыхъ чертъ, такъ что часто бываетъ крайне трудно подвести какой-нибудь отдѣльный случай подъ ту или иную опредѣленную категорію. Объясняются такіе случаи тѣмъ, что изъ двойного зачатка отводящихъ железистыхъ протоковъ развивается тотъ, который не соотвѣтствуетъ данной половой железѣ, при чемъ въ остальномъ развитіе можетъ протекать нормально или остаться несовершеннымъ; кромѣ того, зачатокъ соотвѣтствующей данному полу половой железы можетъ либо атрофироваться, либо достигнуть болѣе или менѣе высокой степени развитія. Наружные половые органы развиваются въ такомъ случаѣ либо въ соотвѣтствіи съ половой железой, либо — что случается чаще — въ соотвѣтствіи съ отводящими железистыми протоками.

Однако, тотъ фактъ, что зародышъ является первоначально безполымъ, а потомъ въ теченіе нѣкотораго времени двуполымъ, нельзя истолковать въ томъ смыслѣ, что въ этомъ періодѣ развитія совсѣмъ еще, въ дѣйствительности, не существуетъ полового различія; мы можемъ сказать только то, что, съ помощью имѣющихся у насъ способовъ изслѣдованія, намъ до сихъ поръ еще не удается открыть этого различія. Надо предположить, напротивъ, что полъ опредѣляется гораздо раньше, т. е. еще въ тотъ моментъ, когда развитіе начинается. Это важно уяснить себѣ потому, что тогда становится ясно, что мы можемъ исключить всякую возможность вліянія внѣшнихъ причинъ на образованіе пола съ самаго момента оплодотворенія. Одна изъ ошибокъ извѣстной „теоріи Шенка“ состоитъ въ томъ, что она допускаетъ возможность такого вліянія.

Согласно изслѣдованіямъ послѣднихъ лѣтъ, надо признать очень вѣроятнымъ, что полъ опредѣляется еще въ яйцевой клѣткѣ, т. е. въ материнскомъ организмѣ, еще до оплодотворенія, и что отцовскія половыя клѣтки, хотя и обладаютъ способностью передавать физическія и духовныя свойства въ такой же степени, какъ и материнскія, но для пола потомства имѣютъ такъ же мало значенія, какъ, напримѣръ, время и другія условія оплодотворенія.

Разумѣется, наблюденія надъ самимъ человѣкомъ возможны тутъ въ очень ограниченной степени; изученіе высшихъ животныхъ также дало намъ до сихъ поръ очень несовершенные результаты. Гораздо яснѣе представляется намъ этотъ вопросъ въ отношеніи низшихъ животныхъ, у которыхъ мы имѣемъ много подтвержденій высказаннаго выше принципа. Вопросъ этотъ былъ недавно обстоятельно изслѣдованъ анатомами Ленгоссекомъ и Шульце, изъ сочиненій которыхъ мы преимущественно заимствуемъ дальнѣйшіе доводы.

Прежде всего, наблюденія надъ человѣкомъ и млекопитающими также свидѣтельствуютъ о томъ, что полъ предопредѣляется еще во время оплодотворенія. Это доказываютъ случаи рожденія близнецовъ, при которыхъ два или нѣсколько одновременно оплодотворенныхъ яицъ съ самаго начала раз-

вивaются въ совершенно одинаковыхъ внѣшнихъ условіяхъ, — и все же они бываютъ очень часто, а у животныхъ, рождающихъ по нѣсколько дѣтенышей, почти всегда, и того и другого пола.

Каждая яйцевая клѣтка развиваетъ, помимо эмбріона, еще цѣлый рядъ оболочекъ для него, такъ называемыхъ яйцевыхъ оболочекъ, тѣсно соединяющихся со слизистой оболочкой матки и дающихъ возможность питаться плоду и обезпечивающихъ ему возможность безпрепятственнаго всесторонняго развитія. Обыкновенно, каждый изъ близнецовъ имѣетъ свои собственныя яйцевыя оболочки. Тѣмъ не менѣе въ 25 процентахъ случаевъ рожденія близнецовъ у человѣка (у животнаго, впрочемъ, очень рѣдко) наблюдается одна общая яйцевая оболочка у близнецовъ. И въ такихъ случаяхъ близнецы бываютъ всегда, безъ исключенія, одного и того же пола. При этомъ у нихъ оказывается необычайное сходство между собой, до такой степени, что даже впослѣдствіи не только чужіе, но и близкіе люди не могутъ отличить ихъ одного отъ другого.

Происхожденіе этой формы беременности близнецами объясняется тѣмъ, что изъ одной яйцевой клѣтки развились два зародыша — явленіе, представляющее собой въ то же время высшую степень тѣхъ двойныхъ уродствъ, къ которымъ принадлежатъ такъ называемые „сіамскіе" близнецы, сросшіеся между собой какими-нибудь частями тѣла, или уроды съ двумя головами, съ двойнымъ тазомъ и нижними конечностями. Такихъ близнецовъ мы называемъ поэтому „однояйцевыми". Итакъ, беременность близнецами не только указываетъ на то, что внѣшнія условія не вліяютъ на образованіе пола оплодотвореннаго яйца, — но однояйцевые близнецы одного и того же пола доказываютъ, кромѣ того, что каждое оплодотворенное яйцо можетъ развить только одинъ какой-нибудь полъ.

Затѣмъ, опыты Леба доказали, что для развитія (по крайней мѣрѣ до первыхъ стадій образованія личинокъ) нѣкоторыхъ низшихъ животныхъ, размножающихся половымъ путемъ, сѣмя можетъ быть замѣнено растворомъ нѣкоторыхъ солей. Правда, до сихъ поръ еще не удавалось вырастить такихъ животныхъ до обнаруженія въ нихъ различія половъ. Далѣе, мы находимъ, что цѣлый рядъ животныхъ (нѣкоторые черви, коловратки и насѣкомыя) образуетъ заранѣе въ яичникахъ большія и малыя яйца, при чемъ послѣ оплодотворенія изъ большихъ яицъ развиваются женскія особи, а изъ малыхъ — мужскія. Мы знаемъ также и другихъ животныхъ (тоже изъ класса коловратокъ и насѣкомыхъ и, кромѣ того, ракообразныхъ), которыя въ теченіе благопріятнаго времени года откладываютъ такія яйца, изъ которыхъ развиваются безъ оплодотворенія только самки, а при наступленіи неблагопріятной поры, осенью, изъ неоплодотворенныхъ же яицъ выходятъ и самцы.

Такимъ образомъ, изъ всѣхъ этихъ случаевъ ясно видно, что полъ обусловливается не оплодотвореніемъ; въ случаяхъ образованія различной величины яицъ онъ вполнѣ очевидно предрѣшенъ въ яйцевой клѣткѣ еще до оплодотворенія. Къ тому же результату приводитъ насъ также рядъ опытовъ, произведенныхъ надъ низшими позвоночными животными (опыты Флюгера надъ лягушками). Совершенно невѣроятно, чтобы въ подобныхъ основныхъ условіяхъ могла проявиться разница между различными отдѣлами животнаго царства, т. е. чтобы результаты, установленные для безпозвоночныхъ и низшихъ позвоночныхъ, не могли быть перенесены и на высшихъ позвоночныхъ животныхъ. Это приводитъ насъ, слѣдовательно, къ парадоксальному выводу, что по отношенію къ потомству женскіе организмы двуполы и мужскіе безполы.

Ленгоссекъ отстаиваетъ далѣе соблазнительную идею, что и независимо отъ половой железы половые органы никогда не бываютъ строго гермафродитны, а что только нашимъ средствамъ изслѣдованія не удается до сихъ поръ распознать различія. Парное закладываніе выводныхъ протоковъ у обоихъ половъ коренится въ наслѣдственныхъ явленіяхъ, связанныхъ съ филогенетическимъ развитіемъ мочеполового аппарата, разсмотрѣніемъ которыхъ мы здѣсь заняться не можемъ. Вслѣдствіе этого отпадаетъ необходимость допустить повторное предопредѣленіе пола зародыша — сначала для половой железы, затѣмъ для остальныхъ внутреннихъ и далѣе для наружныхъ половыхъ органовъ, соотвѣтственно моменту, когда начинаютъ проявляться различія въ тѣхъ или другихъ отдѣлахъ.

Итакъ, если мы должны допустить, что въ яичникѣ содержатся мужскія и женскія яйцевыя клѣтки, то передъ нами открывается вопросъ, каково же количество ихъ и каковы условія, вліяющія на освобожденіе изъ яичника того или другого

рода ихъ и, слѣдовательно, на оплодотвореніе и развитіе тѣхъ или другихъ. Что касается перваго вопроса, то статистика свидѣтельствуетъ, что число рождающихся мальчиковъ относится къ числу рождающихся дѣвочекъ, какъ 106:100, — что, слѣдовательно, мужскихъ яицъ содержится большее число. Если принять во вниманіе, вдобавокъ, тотъ фактъ, что число мужскихъ плодовъ въ случаяхъ выкидышей и мертворожденій составляетъ еще большій процентъ (около 160:100), то приходится предположить, что отношеніе всего числа оплодотворенныхъ яицъ равняется приблизительно 111:100.

Съ фактомъ большей смертности мужскихъ плодовъ Эллисъ приводитъ въ связь цѣлый рядъ другихъ данныхъ, изъ которыхъ онъ дѣлаетъ выводъ о большей склонности мужского пола къ болѣзнямъ и уродствамъ. Объясняетъ онъ это общимъ свойствомъ мужского пола — большей его измѣнчивостью. Но если и согласиться, что такое свойство существуетъ, все же ни точная формулировка, ни дѣйствительное пониманіе его намъ совершенно недоступны.

Что касается второго вопроса — о причинахъ созрѣванія того или другого рода яицъ, — то мы обладаемъ опредѣленной точкой опоры только для нѣкоторыхъ видовъ низшихъ животныхъ (травяныхъ вшей, коловратокъ, раковъ), у которыхъ характеръ питанія самокъ, кладущихъ яйца, опредѣляетъ собой полъ потомства, — въ томъ смыслѣ, что при обильномъ питаніи появляются преимущественно или исключительно женскія яйца, тогда какъ при недостаточномъ питаніи появляются и мужскія яйца. Въ отношеніи млекопитающихъ и человѣка также неоднократно утверждали существованіе такого закона, но надежныхъ статистическихъ доказательствъ этого мы еще не имѣемъ, а единственный родъ опытовъ, широко поставленныхъ для выясненія этого вопроса надъ млекопитающими (опыты Шульце надъ мышами), далъ безусловно отрицательный результатъ. Такимъ образомъ, надежда вліять по желанію на полъ человѣческаго потомства должна быть признана пока утопіей.

Опыты Шульце доказали, кромѣ того, что и нѣкоторыя другія обстоятельства, которымъ приписывали до сихъ поръ вліяніе на полъ потомства, также не имѣютъ этого вліянія; они опровергли, напримѣръ, значеніе возраста родителей, условій ихъ предшествовавшей половой жизни въ смыслѣ числа предыдущихъ рожденій, степени ихъ родственной близости.

Противъ теоріи предопредѣленія пола въ яйцѣ и отсутствія вліянія со стороны мужского сѣмени въ дѣлѣ оплодотворенія на полъ потомства говоритъ только одинъ, вполнѣ твердо и несомнѣнно установленный фактъ: что у пчелъ изъ неоплодотворенныхъ яицъ всегда рождаются только самцы и изъ оплодотворенныхъ — только самки. Но всѣ остальные факты настолько вѣски, что приходится признать возможность такого объясненія этого явленія, которое приводило бы его въ согласіе съ другими; объясненіе это заключается въ томъ, что яйцо, предрасположенное къ женскому полу, получаетъ только тогда возможность развитія, когда оно воспринимаетъ въ себя сперматозоидъ (сѣменное тѣльце), въ которомъ не нуждаются яйца, предрасположенныя къ мужскому полу (Шульце).

Коснемся еще вкратцѣ вопроса о томъ, въ какомъ отношеніи другъ къ другу находятся отдѣльные половые признаки. Самымъ важнымъ и самымъ рѣшительнымъ въ вопросѣ пола является во всякомъ случаѣ характеръ половой железы. Ей приписывается въ настоящее время рѣшительное вліяніе на образованіе остальныхъ признаковъ, — именно тѣхъ, которые появляются только съ момента функціонированія половой железы и

которые извѣстны подъ названіемъ вторичныхъ половыхъ признаковъ; мы познакомимся съ ними ниже. Всего яснѣе выраженъ этотъ взглядъ Экснеромъ; онъ предполагаетъ, что половая железа выдѣляетъ и вводитъ въ кровь особое вещество, которое можно было бы назвать генполомъ, и что это вещество обладаетъ способностью направлять развитіе различныхъ органовъ тѣла въ ту или другую сторону.

Возможно, однако, что правиленъ и другой взглядъ, выраженный Гальбаномъ, который даже, повидимому, больше согласуется съ цѣлымъ рядомъ фактовъ; этотъ взглядъ былъ высказанъ одновременно съ гипотезой Ленгоссека о томъ, что половые органы являются съ самаго же начала дифференцированными, но Гальбанъ идетъ дальше Ленгоссека Онъ утверждаетъ, что какъ полъ зародышевой железы, такъ и половыя особенности всѣхъ остальныхъ органовъ предопредѣлены еще въ яйцевой клѣткѣ и что нужно только вліяніе половой железы, чтобы дать этимъ особенностямъ полное развитіе; въ случаѣ отсутствія половой железы они остаются въ дѣтскомъ состояніи. (Отсутствіе растительности на лицѣ евнуховъ и ихъ тонкій голосъ надо разсматривать не какъ женственный, а какъ дѣтскій признакъ). Обыкновенно устройство различныхъ частей тѣла бываетъ въ полномъ согласіи съ поломъ; когда такого согласія нѣтъ, тогда наблюдаются явленія мнимаго гермафродитизма въ различной его степени, къ которымъ должны быть причислены даже такія ненормальности, какъ ростъ бороды у женщины.

Самые половые признаки подраздѣляются по степени ихъ значительности на двѣ главныя группы: первичные и вторичные признаки. Первая группа обнимаетъ собой всѣ органы, непосредственно служащіе размноженію, т. е. половые органы, — прежде всего, слѣдовательно, половую железу, главный элементъ тѣла, опредѣляющій полъ, затѣмъ тѣ органы, на обязанности которыхъ лежитъ сохранять продукты этой железы, проводить ихъ дальше и соединять съ продуктами такой же железы другого пола, также какъ и воспринимать результатъ оплодотворенія, эмбріонъ, до момента родовъ. Всѣ они развиваются къ моменту родовъ въ опредѣленномъ направленіи.

Ко второй группѣ относятся всѣ физическія и психическія различія, не непосредственно служащія дѣлу размноженія. Эти особенности достигаютъ своего полнаго и явственнаго развитія только ко времени возмужалости индивидуума. Въ нѣкоторомъ родѣ среднее положеніе между тѣми и другими органами занимаетъ молочная железа, которая, хотя и чрезвычайно подвержена вліянію половыхъ органовъ и, можно сказать, совершенно необходима для сохраненія вида, все же не можетъ быть сопричислена къ половымъ органамъ, тѣмъ болѣе, что по своему происхожденію и развитію она принадлежитъ къ кожнымъ железамъ. Границы здѣсь, впрочемъ, вообще очень трудно провести, — еще Дарвинъ указывалъ на то, что рѣзкое разграниченіе было бы возможно только при одномъ способѣ группировки, — при томъ, чтобы понятіе „первичности“ ограничивалось единственно половыми железами.

Для группы вторичныхъ признаковъ по опредѣленію, данному выше, Эллисъ пытался установить дальнѣйшее подраздѣленіе, согласно которому

эта группа распадалась бы на вторичные признаки въ болѣе тѣсномъ значеніи слова и еще на третичные. Первыми, по его опредѣленію, будутъ „тѣ, которые дѣлаютъ оба пола, сильнѣе отличающихся другъ отъ друга, привлекательными другъ для друга“ и этимъ косвенно служатъ дѣлу размноженія; эта группа охватывала бы непосредственно говорящіе чувственному воспріятію половые признаки, какъ, напримѣръ, растительность и голосъ. Къ третичнымъ же надо было бы отнести въ такомъ случаѣ „множество признаковъ менѣе чувственнаго характера, которые часто бываютъ относительны и становятся замѣтны только тогда, когда будетъ принято во вниманіе среднее“. Сюда относятся, напримѣръ, различія щитовидной железы и крови.

Нельзя отрицать, что этотъ принципъ подраздѣленія представляетъ извѣстныя практическія преимущества и что большинство признаковъ легко укладывается въ эти группы; но все же границы сливаются, и авторъ самъ сознаетъ, что третичные признаки находятся, вѣроятно, въ косвенной связи съ первичными и вторичными. Кромѣ того, существуютъ признаки, которые совсѣмъ не подойдутъ къ этой группировкѣ, — какъ, напримѣръ, большая ширина таза у женщины, стоящая въ прямой связи съ самой половой дѣятельностью, а слѣдовательно, обязанная своимъ возникновеніемъ другой причинѣ, чѣмъ остальныя, разсчитанныя на чувственное воспріятіе различія. Правда, это различіе нѣкоторые — напр., Вальдэйеръ — предпочитаютъ относить скорѣе къ первичнымъ, чѣмъ ко вторичнымъ признакамъ. Въ концѣ нашего изслѣдованія мы попытаемся предложить группировку признаковъ, которая установила бы общую точку зрѣнія для большинства третичныхъ — по Эллису — признаковъ.

Описаніе строенія и функцій первичныхъ признаковъ не входитъ въ задачу настоящей статьи. Предметомъ нашего обсужденія будутъ соматическіе (тѣлесные) вторичные половые признаки въ обширномъ смыслѣ слова. Для начала сравнительнаго разсмотрѣнія строенія тѣла обоихъ половъ мы возьмемъ разницу пропорцій, которую мы во всякое время можемъ констатировать на живомъ человѣкѣ и которую наблюдаемъ въ произведеніяхъ искусства. Къ этому примкнетъ изслѣдованіе строительныхъ матеріаловъ человѣческой фигуры, различія которыхъ могутъ выступить съ полной рѣзкостью только для анализирующаго взгляда изслѣдователя. Съ помощью установленныхъ фактовъ мы можемъ точно изучить отдѣльныя части тѣла; въ заключеніе мы разсмотримъ внутренности.

Цифры, приведенныя на слѣдующихъ страницахъ, цѣль которыхъ облегчить численное сравненіе половыхъ признаковъ, представляютъ собой среднія данныя изъ цѣлаго ряда установленныхъ цифровыхъ данныхъ. Колебанія этихъ числовыхъ данныхъ, наблюдаемыя и у отдѣльныхъ индивидуумовъ, и также въ среднемъ у различныхъ народовъ и расъ, являются причиной того, что результаты изслѣдованій различныхъ авторовъ представляютъ часто значительныя различія между собой. Тамъ, гдѣ мы имѣемъ въ распоряженіи небольшой рядъ данныхъ изслѣдованій, случай можетъ играть очень большую роль, и бываетъ часто, что цифры, полученныя однимъ изслѣдователемъ, совсѣмъ не подходятъ къ даннымъ, добытымъ другимъ. Но такъ какъ мы не во всѣхъ вопросахъ имѣемъ обширныя изслѣдованія, то мы будемъ вынуждены пользоваться иногда и такими несовершенными результатами.

Данныя, которыми мы располагаемъ, относятся прежде всего къ наилучше изслѣдованной бѣлой расѣ. Но почти всѣ тѣ различія, о которыхъ мы будемъ говорить, встрѣчаются и у остальныхъ человѣческихъ расъ, а у нѣкоторыхъ многія изъ нихъ даже еще рѣзче выражены, — какъ, напримѣръ, жировое отложеніе у женскаго пола, въ особенности на нѣкоторыхъ частяхъ тѣла. Другія же различія, какъ, напримѣръ, развитіе мускулатуры, напротивъ, менѣе замѣтны у другихъ расъ, что объясняется меньшей разницей жизненныхъ привычекъ обоихъ половъ, т. е. болѣе утомительнымъ физическимъ трудомъ женщинъ.

Но противъ обычныхъ обобщеній этого наблюденія, которыя многіе дѣлаютъ, т. е. противъ того взгляда, что „у такъ называемыхъ дикарей различія между полами менѣе значительны (вообще), чѣмъ у народовъ культурныхъ“, — возстаетъ, напримѣръ, Бартельсъ, которому удалось констатировать, на осно-

Рис. 169. Натурщикъ 30-лѣтняго возраста.

ванія большого числа произведенныхъ сравнительныхъ изслѣдованій, полное согласіе во всѣхъ существенныхъ пунктахъ изслѣдованія у всѣхъ расъ — по крайней мѣрѣ въ отношеніи черепа.

Самое поразительное различіе представляютъ ростъ и вѣсъ тѣла. Въ отношеніи перваго мы имѣемъ, напримѣръ, цифры Фирордта, согласно которымъ средній ростъ мужчины составляетъ 172, женщины 160 сантиметровъ; въ отдѣльности для Эльзаса, по Фитцнеру, 166 и 155 сант., для сѣверной Германіи, по Краузэ, 173 и 163 сант., для Парижа, по Тэнону, 166 и 151 сант., для Бельгіи, по Кэтле, 169 и 158. Слѣдовательно, разница роста составляетъ въ среднемъ 11—12 сант., но въ предѣлахъ отдѣльныхъ расъ она нѣсколько колеблется. Даже у новорожденнаго уже замѣтна эта разница, и составляетъ она около 1 сантиметра, при средней длинѣ новорожденнаго, равной 50 сант.

Рис. 170. Натурщица 26-лѣтняго возраста.

Вѣсъ взрослаго мужчины и взрослой женщины можно считать въ круглыхъ цифрахъ 65 и 54 килограмма (для южной Германіи эту среднюю цифры слѣдуетъ, несомнѣнно, повысить); вѣсъ новорожденнаго — 3,333 грамма (для удобства запоминанія) и 3,200 гр. (по Фирордту). И здѣсь, какъ при изслѣдованіи длины, собранный матеріалъ обнаруживаетъ нѣкоторыя колебанія, которыя можно установить для мужчины между 60 и 70 килограммами и для женщины — между 52 и 56 килогр.

Значительную разницу находимъ мы въ пропорціяхъ отдѣльныхъ частей тѣла. Теоріей пропорціональности художественная анатомія начала заниматься гораздо раньше, чѣмъ антропологія; многимъ крупнымъ художникамъ — и въ ихъ числѣ Леонардо да-Винчи и Альбрехту Дюреру — мы обязаны изслѣдованіями на живомъ человѣкѣ и установленіемъ нормальныхъ размѣровъ

фигуры и законовъ соотношенія между собой отдѣльныхъ частей тѣла. Нормальная анатомія только въ послѣднемъ столѣтіи начала заниматься изслѣдованіемъ этихъ вопросовъ. Результаты этихъ изслѣдованій все же не всегда вполнѣ сходятся въ частностяхъ.

Фигуры, признанныя художниками нормальными, представляютъ собой результатъ измѣреній и изученія людей, служившихъ художникамъ натурой; но оттого-то, какъ указывалъ еще Фитцнеръ, ихъ нельзя принимать безъ оговорокъ за образцы при научныхъ выводахъ, потому что въ самомъ выборѣ натурщика или натурщицы неизбѣжно кроется субъективный моментъ: вѣдь художникъ руководится въ выборѣ предмета своего изображенія тѣмъ, что онъ лично считаетъ прекраснымъ. Между тѣмъ, знаніе фактическаго соотношенія можно строить безошибочно только на объективныхъ сравнительныхъ изслѣдованіяхъ. По самой сущности художественнаго дарованія, художникъ можетъ, большей частью, однимъ быстрымъ взглядомъ охватить то, что научное изслѣдованіе найдетъ иногда только путемъ долгихъ усилій. Разумѣется, ему иногда приходится усиленно подчеркивать самое существенное, чтобы лучше выдѣлить его — и оттого ему приходится иногда сознательно уклоняться отъ натуры. Репродукціи съ художественныхъ произведеній, которыми иллюстрировано наше изложеніе, показываютъ, какъ художники выдѣляютъ это существенное.

То обстоятельство, что вторичные половые признаки, которые мы можемъ установить путемъ сравненія, также обнаруживаютъ колебанія у отдѣльныхъ лицъ, тоже происходитъ отъ того, что очень трудно найти людей, у которыхъ одинаково рѣзко были бы выражены всѣ черты и признаки. Натурщикъ и натурщица, фотографіи которыхъ изображены на рис. 169, 170, 184 и 185, какъ художественныя произведенія, строго точно изображающія натуру, обнаруживаютъ кой-какіе недостатки, на которые будетъ указано въ текстѣ. Для анатомическихъ иллюстрацій выбраны, разумѣется, тоже наиболѣе характерные оригиналы, и этотъ выборъ также не свободенъ отъ субъективнаго элемента.

По фотогр. братьевъ Аллинари во Флоренціи.

Рис. 171. Апоксіоменосъ, статуя греческаго воина, по Лизиппу.

Горизонтальная плоскость, раздѣляющая прямо стоящее тѣло на двѣ равныя половины, проходитъ у мужчины подъ верхнимъ краемъ лонной кости, у женщины же черезъ нее. Результатомъ этого является большая у женщины относительная длина туловища и меньшая длина нижнихъ конечностей. Это можно замѣтить на всѣхъ нашихъ рисункахъ. Соотвѣтственно этому и высота роста въ сидячемъ положеніи, сравнительно съ общей длиной тѣла, у женщины больше, чѣмъ у мужчины.

Разница эта извѣстна давно, но, какъ свидѣтельствуютъ точныя измѣренія, она большей частью сильно преувеличивалась. По Кэтле, верхняя половина тѣла (отъ верхняго края

По фотографіи Новаго фотографическаго общества въ Штеглицѣ (Берлинѣ).

Рис. 172. Давидъ. Микель-Анджело.

лоннаго сращенія) относится ко всему тѣлу у мужчины, какъ 1:1,97, у женщины, какъ 1:2. Измѣренія Фитцнера, произведенныя на 4,387 индивидуумахъ, даютъ приблизительно на одну треть меньшую разницу относительной длины ногъ; это объясняется частью разницей матеріала, частью разницей измѣренныхъ имъ величинъ, такъ какъ Фитцнеръ производилъ измѣренія не отъ лоннаго сращенія, а отъ бугорка сѣдалищной кости. Согласно его изслѣдованіямъ, высота въ сидячемъ положеніи относится къ длинѣ ногъ у мужчины, какъ 526:474, у женщины, какъ 531:469. Слѣдовательно, нижняя часть туловища расположена у женщины сравнительно съ пропорціями мужского тѣла „на $^1/_2$ процента длины тѣла ниже, т. е. при среднемъ ростѣ въ 155 сантиметровъ — менѣе чѣмъ на 8 миллиметровъ". Длина ногъ у женщины средняго роста всего на 15 милл. меньше, чѣмъ у средняго же роста мужчины, и Фитцнеръ сомнѣвается, чтобы эта разница могла быть замѣтна при разсматриваніи фигуры.

Но всѣ наблюденія показываютъ, что длина тѣла у высокихъ людей обусловливается, главнымъ образомъ, большей длиною ногъ и, съ другой стороны, что, при ростѣ ниже средняго, длина ногъ представляется сравнительно гораздо меньшей, чѣмъ длина туловища. При сравненіи индивидуумовъ одинаковаго роста, получаются, по Фитцнеру (при измѣреніи 880 мужчинъ и 809 женщинъ, въ предѣлахъ длины тѣла отъ 146 до 170 сант.), даже одинаковыя числа, или даже обратное отношеніе ихъ для обоихъ половъ (ср. таблицу на стр. 292). „При одинаковомъ тѣлосложеніи, отношеніе между длиной туловища и длиной ногъ одинаково у обоихъ половъ, — слѣдовательно, женщина въ этомъ отношеніи отличается такой же красотой пропорціональности, какъ и мужчина".

„Подраздѣленіе длины тѣла на длину туловища и длину ногъ зависитъ исключительно отъ индивидуальнаго сложенія и безусловно не зависитъ отъ пола".

Наряду съ огромнымъ численнымъ матеріаломъ Фитцнера, данныя другихъ авторовъ представляютъ меньше значенія; замѣтимъ все же, что по измѣреніямъ Гофмана, произведеннымъ на 250 лицахъ, разница въ длинѣ ногъ исчисляется въ 1,2 процента. По данымъ Гарлесса, при одинаковой

Мужчина и женщина. I. Т-во „Просвѣщеніе" въ Спб.

Капитолійская Венера.

Античная скульптура въ Капитол. Музеѣ въ Римѣ.

(По фотографіи бр. Алинари во Флоренціи.)

длинѣ тѣла на длину мужской ноги приходится нѣсколько большая часть общей длины, чѣмъ на женскую ногу; разница составляетъ приблизительно 0,8 процента общей длины.

По фотографіи Фрателли Алинари во Флоренціи.

Рис. 173. Венера.
По картинѣ Франчіабиджіо.

Причину общераспространеннаго мнѣнія о томъ, что женскія ноги сравнительно очень коротки, надо усмотрѣть въ томъ, что женщинъ маленькаго роста больше, чѣмъ мужчинъ, а съ другой стороны, еще и въ томъ вліяніи, которое имѣетъ до сихъ поръ античная пластика на наше эстетическое чувство. Греки изображали обыкновенно идеальныя мужскія фигуры съ длинными ногами, чтобы онѣ казались выше и стройнѣе; примѣромъ можетъ служить статуя Апоксіомена (рис. 171). Въ женскихъ статуяхъ замѣчается скорѣе обратное (см. „Капитолійскую Венеру“ на отд. табл.). Въ мужскихъ греческихъ статуяхъ отношеніе длины въ сидячемъ положеніи къ длинѣ ногъ выражается въ среднемъ, по Кэтле, пропорціей 518 : 482, — у современнаго эльзасца, по Фитцнеру, какъ уже было упомянуто, отношеніемъ 526 : 474. У Аполлона Бельведерскаго высота отъ верхняго края лоннаго сращенія до черепа составляетъ, по Цейзингу, 47,3 процента общей длины тѣла, у Венеры Медицейской, по Гарлессу, 52,5 — число, которое приходится признать даже ненормально низкимъ.

Сравнимъ съ длиною ногъ длину рукъ. Здѣсь разница оказывается болѣе правильной. Изъ ряда числовыхъ данныхъ Фитцнера видно, что въ среднемъ длина мужской руки относится къ длинѣ женской, какъ 100 : 91,5, между тѣмъ какъ длина мужского тѣла относится къ длинѣ женскаго, какъ 100 : 93,6. Слѣдовательно, женская рука, несомнѣнно, короче; если мы примемъ длину тѣла равной 100, то окажется, что мужская рука составляетъ 46,6 процентовъ ея, а женская — 45,5 процентовъ. При сравненіи мужчинъ и женщинъ одинаковой длины тѣла, эта разница становится менѣе значительной, но не исчезаетъ совсѣмъ, какъ сглаживается при такихъ же условіяхъ разница въ длинѣ ногъ (ср. таблицу на стр. 292).

Эту разницу можно констатировать почти на всѣхъ снимкахъ съ художественныхъ произведеній и съ живыхъ натуръ; у мужчины кисть руки приходится ниже верхняго края лонной кости (рис. 169 и 172), у женщины — на одной высотѣ съ ней (см. прил. „Капитолійская Венера“ и рис. 170 и 188). Всего отчетливѣе

видна эта разница на рисункахъ скелетовъ (рис. 186 и 187) индивидуумовъ одинаковаго роста.

Различія сказываются также въ кисти рукъ и въ ступнѣ ногъ. Помимо разницы въ величинѣ и ширинѣ руки, у мужчины — по Эккеру и Мантегацца — безымянный палецъ бываетъ обыкновенно длиннѣе указательнаго, у женщины же наоборотъ. Вслѣдствіе этого мужская рука имѣетъ болѣе обезьяноподобный видъ, да и большая длина всей руки представляетъ „нитекообразный“ признакъ. Большой палецъ на рукѣ и на ногѣ бываетъ обыкновенно у женщины сравнительно короче, точно также, по Фитцнеру, и среднія кости остальныхъ пальцевъ, средніе суставы.

Третьимъ важнымъ факторомъ ученія о пропорціональности является размѣръ головы. Цѣлый рядъ законовъ, выведенныхъ художниками, пользуется высотой головы, какъ единицей мѣры. Она представляетъ разстояніе отъ нижней поверхности подбородка до горизонтальной плоскости, проведенной черезъ высшую точку черепа, при чемъ за нормальное положеніе головы принимается положеніе ея при спокойномъ устремленіи взгляда вдаль.

Среднимъ размѣромъ высоты мужской головы Гарлессъ считаетъ 134 тысячныхъ доли общей длины тѣла, Топинаръ — 133 тысячныхъ; сообразно этому, вся фигура должна быть въ $7^1/_2$ разъ длиннѣе головы. По Лангеру, высота головы составляетъ около 22 сантиметровъ, высота всего тѣла въ $7^1/_2$ разъ больше. По Гарлессу, произведшему очень точныя измѣренія женщинъ, числа эти нѣсколько больше: 135 тысячныхъ для женщины и 138 тысячныхъ для мужчины такого же роста. По даннымъ Гофмана (цитировано по Фирордту) можно вывести отношеніе абсолютной высоты мужской головы къ женской, равное 100:94; относительная же разница можетъ быть выражена цифрами 100:100,8, изъ чего слѣдуетъ, что голова женщины абсолютно меньше, но относительно нѣсколько больше, чѣмъ голова мужчины. (Тутъ принято измѣреніе „отъ угла нижней челюсти до черепа“, что составляетъ нѣсколько меньшія числа, чѣмъ при измѣреніи отъ нижней плоскости подбородка. Согласно этому, относительная высота мужской головы составляетъ 111 тысячныхъ, женской — 110 тысячныхъ.)

Подробными числовыми данными мы и тутъ обязаны Фитцнеру. Но высоту головы онъ опредѣлялъ не въ выше указанномъ смыслѣ, а беретъ длину головы, т. е. наибольшій размѣръ ея при измѣреніи отъ подбородка наискось къ задней покатости черепа. (Абсолютныя числовыя данныя Фитцнера въ отношеніи длины головы поразительно малы, какъ мы увидимъ изъ приводимой ниже таблицы, при чемъ онъ не объясняетъ, отъ чего произошла эта разница его данныхъ сравнительно съ данными другихъ авторовъ.) Добытыя такимъ способомъ числа не могутъ представить, правда, непосредственно ясной картины при разсматриваніи всей фигуры, потому что при этомъ длина головы не совпадаетъ съ осью тѣла, но зато они ярче представляютъ вліяніе образованія скелета лица, о которомъ намъ еще предстоитъ говорить впереди, и такимъ образомъ лучше выясняютъ различіе между полами.

Итакъ, по измѣреніямъ Фитцнера, абсолютная длина мужской головы относится къ абсолютной длинѣ женской, какъ 100:91,1, т. е., взятая абсолютно, мужская голова больше. Относительная же длина мужской головы относится къ соотвѣтствующей длинѣ женской, какъ 100:103 (длина головы относится, по Фитцнеру, къ длинѣ тѣла у мужчины, какъ 111:100, у женщины, какъ 114:100); на этихъ числахъ относительно бо̀льшая величина женской головы бросается болѣе въ глаза, чѣмъ на приведенныхъ ра-

нѣе числахъ другихъ авторовъ. Мы увидимъ дальше, что эти числа объясняются, главнымъ образомъ, относительно большимъ размѣромъ женскаго черепа.

Абсолютныя числа объема головы составляютъ — по Фитцнеру — въ среднемъ, для индивидуумовъ ростомъ отъ 146 до 150 сантиметровъ, у мужчины 542 миллиметра, у женщины 525 милл.; при ростѣ отъ 171 до 175 сант. — 555 и 536 миллим.; средній выводъ изъ всѣхъ данныхъ позволяетъ установить, что при одинаковомъ сложеніи объемъ головы мужчины относится къ объему головы женщины, какъ 1000 : 971.

Несомнѣнно, и здѣсь, какъ при относительной длинѣ ногъ, отношеніе представится инымъ, если мы сравнимъ индивидуумовъ одинаковой длины тѣла. Но между тѣмъ какъ въ вопросѣ длины ногъ отношеніе между мужчиной и женщиной уравнивалось, — въ вопросѣ длины головы абсолютная разница остается и становится при этомъ условіи относительной; при одинаковомъ сложеніи, длина головы у женщины меньше; кромѣ того, какъ доказываетъ Фитцнеръ, и объемъ головы у нея меньшій, и, слѣдовательно, женская голова вообще меньше мужской.

Тутъ также можно сказать, что общепринятый разсчетъ относительной величины головы у женщины выше дѣйствительной и у мужчины ниже дѣйствительной. Во всякомъ случаѣ, данныя художественной анатоміи, согласно которымъ мужская фигура равняется по длинѣ восьмикратной длинѣ головы, могутъ быть вѣрны только въ отношеніи высокихъ мужчинъ, тогда какъ ростъ соотвѣтственно высокихъ женщинъ можетъ быть не больше нормы. Въ этомъ отношеніи античное искусство видоизмѣнило пропорціи по сравненію съ тѣмъ, какъ мы ихъ видимъ въ среднемъ, съ тою цѣлью чтобы фигуры представлялись выше; не рѣдкость встрѣтить мужскія статуи, высота которыхъ представляетъ восьми и даже девятикратную высоту головы. Апоксіоменъ (рис. 171) имѣетъ почти восьмикратную высоту головы. Микель-Анджело придалъ своему Давиду (рис. 172) нѣсколько большую голову, такъ что длина тѣла Давида приблизительно въ $7^1/_2$ разъ больше головы. Приблизительно ту же пропорціональность (тѣло въ $7^1/_2$ разъ больше головы) мы видимъ и на статуѣ Фарнезскаго Геркулеса (ср. отд. прилож. въ I ч. наст. тома); кажущаяся малая величина головы обусловлена шириною туловища. Капитолійская Венера (см. отд. прилож.) и фотографія натурщицы (рис. 170) также имѣютъ длину тѣла, приблизительно равную семикратной длинѣ головы, статуя юности (рис. 188) даже еще меньше. У Венеры (съ картины Франчіабиджіо, рис. 173) голова непосредственно поражаетъ малой величиной, вся фигура ея въ $7^1/_2$ разъ больше головы.

Такимъ образомъ, въ виду того, что голова и ноги у женщины относительно меньше, чѣмъ у мужчины, ясно, что туловище у нея больше. И этотъ большій размѣръ туловища, какъ намъ придется доказать, объясняется большимъ развитіемъ живота.

Здѣсь будетъ умѣстно сопоставить пропорціи мужской и женской фигуры въ среднемъ и взаимное отношеніе ихъ, приведя рядомъ пропорціи одинаково высокихъ мужчинъ и женщинъ.

	Абсолютный размѣръ въ миллиметрахъ		Пропорціи тѣла (общая длина=1000)		Относительный размѣръ тѣла женщины		Пропорціи тѣла индивидуумовъ ростомъ			
							отъ 146 до 150 сант.		отъ 166 до 170 сант.	
	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины	Отношеніе абсолютныхъ размѣровъ (при муж. = 100)	Отношеніе пропорціи	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
Общая длина тѣла	1675	1567	1000	1000	93,6	**1**	1000	1000	1000	1000
Высота въ сид. пол.	880	835	526	531	94,3	**1,01**	535	531	524	525
Длина ногъ	**795**	**732**	**474**	**469**	**92,1**	**0,99**	465	469	476	475
Длина рукъ . . .	780	715	466	455	91,5	**0,98**	—	—	—	—
Длина головы. . .	187	179	**111**	**114**	96,1	**1,03**	—	—	—	—
Объемъ головы . .	550	530	328	335	96,2	**1,02**	366	355	321	310

Цифры, показывающія длину ногъ и дополняющія размѣръ тѣла въ сидячемъ положеніи по отношенію къ общей длинѣ, помѣщенныя въ колоннахъ отъ первой до четвертой, взяты не изъ Фитцнера, такъ какъ его средніе цифры длины ногъ вычислены иначе, не примѣнительно къ длинѣ въ сидячемъ положеніи и не съ точнымъ разсчетомъ на 1,000, а обнаруживаютъ мелкія различія въ единицахъ мѣръ. Числа, набранныя жирнымъ шрифтомъ, не прямо заимствованы у Фитцнера, а вычислены потомъ на основаніи его данныхъ.

Двѣ первыя рубрики въ этой таблицѣ содержатъ абсолютные размѣры въ миллиметрахъ, третья и четвертая — пропорціи, какъ средній результатъ всѣхъ измѣреній. Пятая рубрика представляетъ отношеніе установленныхъ для обоихъ половъ абсолютныхъ среднихъ размѣровъ отдѣльныхъ участковъ тѣла и даетъ, слѣдовательно, возможность усмотрѣть непосредственно, насколько соотвѣтственный участокъ тѣла женщины меньше, чѣмъ у мужчины. Шестая рубрика представляетъ отношеніе чиселъ четвертой рубрики къ числамъ третьей, т. е. показываетъ, насколько данный участокъ по отношенію ко всему тѣлу у женщины больше или меньше, чѣмъ у мужчины.

Подобная же разница пропорцій оказывается и въ томъ случаѣ, когда самыя пропорціи иныя, какъ, напримѣръ, у новорожденнаго. Правда, эта разница нѣсколько меньше и потому можетъ быть численно замѣтна только при измѣреніи болѣе или менѣе значительнаго ряда индивидуумовъ, но недоступна непосредственному наблюденію. Но все же одинъ фактъ ихъ существованія уже доказываетъ, что женскія пропорціи нельзя объяснять просто-напросто остановкой женщины на дѣтской ступени развитія, хотя онѣ и обнаруживаютъ больше сходства съ пропорціями тѣла ребенка, чѣмъ мужскія.

Пропорціи діаметровъ ширины тѣла также даютъ характерные результаты, но численно онѣ не такъ точно изслѣдованы, какъ данныя измѣреній длины. Ширина головы у женщины меньшаго діаметра въ среднемъ; подробнѣе мы будемъ говорить объ этомъ при разсмотрѣніи черепа (стр. 296 и слѣд.). Очень важно взаимное отношеніе ширины плечъ и бедеръ или таза.

По Гофману, ширина плечъ мужчины составляетъ въ среднемъ 39,1 сант., женщины — 35,2 сант.; ширина таза (бедеръ) между наружными краями гребней подвздошной кости составляетъ у мужчины 30,5 сант., у женщины — 31,4 сант. Плечи шире у мужчины, тазъ, наоборотъ, у женщины, несмотря на ме-

нѣе крупное сложеніе ея. Это находится въ связи съ очень характерной формой женскаго таза (см. далѣе, стр. 309).

Впрочемъ, наибольшая ширина нижней части тѣла приходится не на высотѣ гребней подвздошной кости, а пониже, на уровнѣ начала бедеръ, въ области такъ называемаго большого вертела (trochanter). Въ этомъ мѣстѣ ширина превосходитъ (не всегда, какъ норма, а иногда) у женщины даже ширину плечъ. Красоту женской фигуры это можетъ портить только въ томъ случаѣ, если ширина бедеръ довольно значительно превосходитъ ширину плечъ. Отсылаемъ для сравненія къ рис. 169 и 170, причемъ обращаемъ вниманіе на то, что обѣ натуры отличаются сравнительно очень широкимъ тазомъ. Иллюстраціей относительной ширины таза служатъ также рис. 171, 172, 173, 188 и фигуры „Капитолійской Венеры“ и „Фарнезскаго Геркулеса“ (обѣ на отд. табл., послѣдняя въ I ч. наст. тома). Особенно поражаетъ шириной бедеръ Венера Франчіабиджіо. Капитолійская отличается сравнительно не очень широкими бедрами.

Рис. 174. Рис. 175.
Мужская (слѣва) и женская (справа) бедренная кость сзади.
Линія подъ костью обозначаетъ положеніе оси колѣннаго сочлененія.

Такъ какъ пропорціи тѣла обусловливаются скелетомъ, то всѣ различія ихъ должны встрѣчаться и на немъ. Но скелетъ женщины меньше не только однимъ размѣромъ своимъ; отдѣльныя кости его также отличаются болѣе нѣжнымъ строеніемъ, и поверхность ихъ глаже, такъ какъ болѣе слабая мускулатура женщины менѣе нуждается для своего прикрѣпленія въ шероховатой поверхности и острыхъ краяхъ. На бедренной кости (рис. 174 и 175) это отношеніе явственно выражено. Соотвѣтственно этому очень значительна разница въ вѣсѣ скелетовъ. Такъ, вѣсъ сухого мужского скелета равняется, по Даффнеру, 4,264 граммамъ, женскаго — 2918 грам. (отношеніе 146 : 100). Вѣсъ свѣже-отпрепарированнаго, невысушеннаго скелета составляетъ, по Дюрси, 9,814 и 5,866 грам., по Бишофу, 11,080 и 8,390 граммовъ.

Одной изъ самыхъ выдающихся особенностей женщины является болѣе слабое развитіе ея мускулатуры. Оно выражается въ меньшей толщинѣ отдѣльныхъ мускуловъ, кромѣ того, мускулы женщины мягче и богаче водой (содержаніе воды въ мускулатурѣ составляетъ, по Бибра, 72,5 процента у мужчины и 74,4 процента у женщины). По мнѣнію Фирордта, общій вѣсъ мускулатуры можно представить въ круглыхъ числахъ 24,5 килогр. у мужчины и 14,75 килогр. у женщины. По одному тому уже, что женская мускулатура не такъ сильно развита, какъ мужская, вліяніе ея на пластику тѣла (ср. I главу I ч. наст. тома) должно

Рис. 176. Рис. 177.
Поперечный разрѣзъ мужской (слѣва) и женской (справа) руки на границѣ между средней и нижней третью плечевой кости.

быть меньше; ей абсолютно невозможно было бы достигнуть такой степени развитія, какъ у Фарнезскаго Геркулеса.

Наряду съ этимъ отношеніемъ развитія мускулатуры наблюдается обратное отношеніе въ развитіи жировой ткани. Она развита у женщины значительно богаче, чѣмъ у мужчины. Числами, добытыми путемъ изслѣдованія труповъ — въ особенности по отношенію къ жиру и мускулатурѣ, — надо пользоваться, конечно, осторожно, потому что именно на эти части тѣла оказываютъ сильное вліяніе болѣзненные процессы. Вотъ почему такъ же сильно расходятся между собой данныя разныхъ изслѣдователей. Мы все же считаемъ умѣстнымъ привести для иллюстраціи вопроса о вѣсѣ отдѣльныхъ системъ органовъ данныя двухъ одинаково авторитетныхъ ученыхъ — данныя, установленныя Либихомъ для мужчины 25 лѣтъ тому назадъ, и Бишофомъ — для женщины 22 года тому назадъ.

Ростъ мужчины, къ сожалѣнію, не указанъ; ростъ женщины составляетъ 159 сантиметровъ.

	Мужчина	Женщина
Общій вѣсъ тѣла	55,75	55,40
Скелетъ	11,46	8,39
Мускулатура	23,06	19,85
Жиръ	6,16	15,67
Внутренности, включая центральную нервную сист. и органы чувствъ	8,62	6,76

Подкожный жиръ сильнѣе округляетъ неровности поверхности тѣла у женщины и придаетъ пластичнымъ формамъ ея характерную мягкость и извилистость линій. Ея и безъ того болѣе нѣжная мускулатура не можетъ подъ этимъ покровомъ формировать поверхность тѣла сообразно своимъ выпуклостямъ (рис. 170, 173, 185, 188 и „Капитолійская Венера"). Даже при болѣе сильномъ развитіи мускулатуры, какое бываетъ у атлетовъ, все же сохраняется несомнѣнное различіе между формами мужского и женскаго тѣла.

Наши рисунки 176 и 177 изображаютъ разсмотрѣнныя отношенія на поперечномъ разрѣзѣ плечевой кости нормальныхъ, не исхудалыхъ индивидуумовъ. Мы видимъ на нихъ, насколько нѣжнѣе и менѣе остроконечны кости, слабѣе мускулатура и толще жировой слой у женщины.

Кромѣ того, нѣкоторыя части женскаго тѣла отличаются обыкновенно особенно сильнымъ отложеніемъ жира, — какъ, напримѣръ, груди и сѣдалище. У женщинъ нѣкоторыхъ расъ (южноафриканскихъ племенъ) жиръ отлагается на сѣдалищѣ безобразными буграми.

При боковомъ поворотѣ туловища болѣе обильный подкожный жиръ всегда ложится явственными складками (рис. 173).

Общій покровъ всего тѣла, кожа, у женщины нѣжнѣе и тоньше и нѣсколько плотнѣе натянутъ вслѣдствіе жировой подстилки подъ нимъ. Сквозь болѣе тонкую наружную кожу просвѣчиваетъ кровь, протекающая въ болѣе глубокихъ слояхъ, и сообщаетъ ей тотъ нѣжный красновато-желтый тонъ, который характеренъ для женской кожи, но никогда не достигаетъ такой яркости у мужчинъ.

Соотвѣтственно большей нѣжности кожи, тѣло женщины покрыто болѣе слабой растительностью. Грудь и животъ покрыты обыкновенно у женщины очень маленькими волосками, едва замѣтными невооруженнымъ глазомъ, у мужчины же грудь покрыта большей частью довольно густыми волосами, и, кромѣ того, полоска волосъ идетъ всегда по средней линіи живота снизу къ пупку (ср. рис. 169 и 170).

Въ противовѣсъ отсутствію волосъ на лицѣ, женщины отличаются болѣе сильнымъ ростомъ волосъ на головѣ. Мужскіе волосы никогда не достигаютъ длины женскихъ, даже если ихъ никогда не стричь, — они скорѣе выпадаютъ тогда. Самые волосы у мужчины, по Вальдейеру, слабѣе женскихъ.

Обиліе красящаго вещества въ кожѣ всего ярче выражается у бѣлой расы въ цвѣтѣ волосъ. Наряду съ нимъ можетъ быть поставленъ цвѣтъ радужной оболочки (iris) глаза. Обстоятельныя изслѣдованія показываютъ, что у женщинъ встрѣчаются въ общемъ чаще болѣе темные оттѣнки цвѣта волосъ и радужной оболочки. Исключивъ по возможности все недостовѣрное изъ страсбургскихъ анатомическихъ матеріаловъ, Фитцнеръ приходитъ къ

заключенію, что „въ отношеніи цвѣта волосъ женщина темнѣе (ближе къ типу брюнетовъ) мужчины приблизительно на 7%, а въ отношеніи цвѣта радужной оболочки всего на 3% приблизительно“.

Анатомически родственны волосамъ **ногти**; меньшему развитію растительности на тѣлѣ соотвѣтствуютъ у женщины и болѣе узкіе и нѣжные ногти.

Слѣдуетъ упомянуть еще вкратцѣ о **грудныхъ**, или **молочныхъ железахъ**, которыя должны быть разсматриваемы съ точки зрѣнія исторіи развитія и теоріи происхожденія, какъ видоизмѣненныя кожныя железы. Мы уже отмѣтили въ началѣ этой главы то своеобразное мѣсто, которое онѣ занимаютъ въ ряду вторичныхъ половыхъ признаковъ. Будучи одинаково врожденными обоимъ поламъ и до наступленія зрѣлости одинаковаго строенія, грудныя железы остаются у мужчины на дѣтской ступени развитія и состоятъ изъ ряда трубочекъ, проходящихъ черезъ сосокъ и внутри либо вовсе не развѣтвляющихся, либо дающихъ только очень мало развѣтвленій, — у женщины же ко времени наступленія зрѣлости начинается сильный ростъ и развѣтвленіе этой системы трубочекъ; стѣнка ихъ и особенно концевые отдѣлы претерпѣваютъ еще рядъ измѣненій въ періодъ беременности и кормленія грудью. Упругая соединительная ткань и обильная жировая подкладка сообщаютъ дѣвичьей груди ея форму и твердость; со временемъ онѣ обвисаютъ отъ растяженія соединительной ткани послѣ повторныхъ отдѣленій молока.

Скелетъ, мышечная и жировая ткани, формирующія фигуру, и кожа съ ея производными — волосами и ногтями — сближаютъ женское тѣло съ дѣтскимъ. Волосы на головѣ и грудныя железы составляютъ исключеніе изъ этого, и, если развитіе послѣднихъ мы и можемъ объяснить біологической важностью ихъ функціи, то все же разница въ развитіи волосъ на головѣ остается факторомъ, противорѣчащимъ обобщенію принципа о дѣтскомъ характерѣ женскаго сложенія.

Что касается жирового отложенія, то и здѣсь надо отмѣтить то, что оно происходитъ вовсе не непрерывно съ самаго начала развитія, а большей частью исчезаетъ у дѣвочекъ въ старшемъ дѣтскомъ возрастѣ и вновь появляется только у вполнѣ развившейся женщины. Слѣдовательно, и жировое отложеніе не есть первичный дѣтскій признакъ.

* * *

Вслѣдъ за изложеніемъ теоріи пропорціональности и формированія тѣла, мы разсмотримъ отдѣльные участки тѣла, а за ними перейдемъ къ сравненію внутреннихъ органовъ.

Скелетъ, мускулатура и жиръ обусловливаютъ характеръ **головы**. При сравненіи мужского и женскаго **череповъ** (рис. 178 и 179) необычайно ярко видно болѣе нѣжное строеніе костей у женщины. О различіяхъ мужскихъ и женскихъ череповъ существуетъ также обширная литература; среди самыхъ обстоятельныхъ сочиненій по этому вопросу заслуживаютъ быть отмѣченными работы Фитцнера и Бартельса о половыхъ различіяхъ черепа. Въ основу долженъ быть поставленъ, безспорно, принципъ Бартельса, что въ вопросѣ о принадлежности черепа тому или дру-

гому полу до сихъ поръ неизвѣстно и, вѣроятно, и вообще не существуетъ такихъ признаковъ, которые наблюдались бы въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ; и все же типичные черепа обнаруживаютъ много подобныхъ признаковъ, а такихъ случаевъ, въ которыхъ ихъ совершенно не видно, незначительное меньшинство. Разумѣется, и тутъ половыя различія всего ярче обнаруживаются въ длинномъ рядѣ измѣреній.

Рис. 178. Мужской черепъ.
(Изъ Далмаціи 44-лѣтній возрастъ; Вѣнскій анатомич. музей, № 1128.)

Цифры, установленныя для размѣровъ головы, подходятъ, разумѣется, и для размѣровъ костнаго черепа, потому что мягкія части не могутъ существенно измѣнить результата измѣреній. Мы уже отмѣтили болѣе значительную абсолютную величину мужской головы на основаніи измѣреній Фитцнера, а также и тотъ фактъ, что относительныя величины оказываются большими у женщины, если только для сравненія взяты индивидуумы неодинаковаго роста. По Бартельсу, всѣ размѣры мужского черепа, взятые абсолютно, также превосходятъ размѣры женскаго черепа. Соотвѣтственно этому больше и объемъ черепа и вѣсъ его. Бартельсъ самъ получилъ въ результатѣ измѣреній объема нѣмецкихъ череповъ 1,420 куб. сантиметровъ у мужчины и 1,206 куб. сант. у женщины. Изъ всѣхъ приводимыхъ имъ чиселъ, полученныхъ различными авторами о размѣрахъ нѣмецкихъ череповъ (272 мужскихъ, 249 женскихъ), можно вывести среднее, составляющее 1,462 куб. сант. для мужского и 1,298 для женскаго (отношеніе 1000 : 888). Средній вѣсъ черепа въ Германіи въ высушенномъ состояніи составляетъ 755 граммовъ (мужской) и 595 грам. (женскій). Мужской черепъ крупнѣе и относительно и свидѣтельствуетъ о болѣе сильномъ разви-

Рис. 179. Женскій черепъ, изображенный въ такомъ же масштабѣ, какъ и мужской.
(Изъ Верхней Австріи, 22-лѣтній возрастъ; Вѣнскій анатомическій музей, № 969.)

тіи костей, выражающемся въ большихъ мускульныхъ отросткахъ и большей толщинѣ костей.

Если разсматривать отдѣльно черепныя и лицевыя кости, результаты получаются нѣсколько иные. Лицевыя кости у мужчины не только абсолютно, но и относительно больше. Въ числахъ это обнаруживается особенно при опредѣленіи длины лица (измѣряя отъ переносья до нижняго края нижней челюсти). По Фитцнеру, среднія числа длины мужского лица относятся къ длинѣ женскаго, какъ 100 : 89,6, тогда какъ отношеніе ширины лица (измѣряя ее по яремной кости) равняется 100 : 93,5, а отношеніе длины тѣлъ, какъ мы уже говорили, равняется 100 : 93,6. Нѣсколько иными оказываются числа, приводимыя Бартельсомъ, но и они даютъ тотъ же результатъ.

Зато размѣры черепныхъ костей, если мы возьмемъ среднія числа всѣхъ данныхъ, у женщины относительно больше. Объемы мужской и женской головы относятся другъ къ другу, какъ 100 : 96,2; наибольшая ширина черепныхъ костей — какъ 100 : 96,5 вышина головы, при измѣреніи отъ наружнаго слухового отверстія до темени — какъ 100 : 95,5. Всѣ эти числа превосходятъ цифровыя данныя, выражающія отношенія между длиною тѣла. (Но все это вѣрно, какъ уже тоже было упомянуто, только въ отношеніи средняго вывода изъ всѣхъ данныхъ, а не въ отношеніи лицъ одинаковаго роста, такъ какъ при этомъ условіи цифры измѣреній для женщины оказываются меньше, чѣмъ для мужчины.)

Изъ приводимыхъ измѣреній объема черепа оказывается также, что женскій черепъ относительно больше. Вмѣстимость мужского и женскаго черепа относятся другъ къ другу, какъ 100 : 89, тогда какъ вѣсъ тѣла, согласно вышеприведеннымъ цифрамъ, равняется отношенію 100 : 83. Подобное же отношеніе можно констатировать, какъ будетъ показано, и для головного мозга, который обусловливаетъ собой вмѣстимость черепа.

По отношенію къ формѣ черепа мы встрѣчаемъ въ литературѣ поразительно противорѣчивыя данныя: одни авторы считаютъ женскій черепъ болѣе длиннымъ въ среднемъ (долихоцефальнымъ), другіе, напротивъ, болѣе короткимъ (брахицефальнымъ). Цифры Бартельса доказываютъ, что въ предѣлахъ отдѣльно изслѣдованныхъ группъ отношеніе оказывается очень измѣнчивымъ и, во всякомъ случаѣ, не характерно для того или другого пола.

Въ частности, о различіяхъ черепа можно сказать слѣдующее: передняя половина черепной крышки у женщинъ часто бываетъ болѣе плоской, у мужчины же болѣе равномѣрно выпуклой къ серединѣ. Въ связи съ этимъ женскія теменныя кости не имѣютъ большей частью равномѣрной покатости, какъ у мужчины, а изгибаются посрединѣ довольно круто къ боковой плоскости черепа. Середина теменной кости выдается большей частью нѣсколько напередъ въ видѣ бугра, и вслѣдствіе формы черепного изгиба эти теменные бугорки у женщины большей частью замѣтнѣе, чѣмъ у мужчины. Обѣ эти черты еще рѣзче выражены у ребенка. Но это отнюдь не значитъ, что онѣ встрѣчаются регулярно или, тѣмъ болѣе, исключительно у женщины: у взрослой женщины онѣ только чаще встрѣчаются, чѣмъ у взрослаго мужчины. (Подобные же бугорки имѣются также и по обѣимъ сторонамъ лобной кости, и у женщинъ они также сильнѣе развиты, чѣмъ у мужчинъ; но вся совокупность данныхъ Бартельса опровергаетъ это. Все это почти незамѣтно на нашихъ рисункахъ 178 и 179.)

Рис. 180. Лобная пазуха мужского черепа.
(Вѣнскій анатомическій музей, безъ номера.)

Слѣдуетъ упомянуть еще о томъ, наконецъ, что у мужчин затылочное отверстіе также больше и абсолютно, и относительно что должно объясняться, вѣроятно, большимъ поперечникомъ спинного мозга, проходящаго черезъ него, — и что отростки (сосцевидный и шиловидный отростокъ, затылочные бугры) и линіи, назначенныя для прикрѣпленія мышцъ, у мужчины также сильнѣе развиты.

Гораздо большія различія представляютъ лицевыя кости черепа. Онѣ характеризуются главнымъ образомъ большимъ развитіемъ жевательнаго аппарата; соотвѣтственно этому, сильнѣе развиты верхняя и нижняя челюсти и зубы. Это выражается даже въ вѣсѣ нижней челюсти; по Бартельсу, вѣсъ этотъ со-

По гравюрѣ Braun, Clement G. C-ie въ Дорнахъ.

Рис. 181. Портретъ Рембрандта, писанный имъ самимъ.
Относится въ 1634 году, т. е. къ 28-му году жизни.

ставляетъ въ нѣмецкихъ черепахъ, въ мужскомъ 11,3 процента, въ женскомъ 10,5 процента общаго вѣса всего черепа. Зубная дуга у мужчины болѣе закруглена, приближаясь къ формѣ круга, у женщины же она нѣсколько заострена спереди или параболической формы. Вѣроятно, и это находится въ связи съ разницей въ степени развитія зубовъ. Какъ на черту, свойственную женскимъ зубамъ, Шаафгаузенъ указываетъ и на относительно большую величину обоихъ верхнихъ среднихъ рѣзцовъ; Плоссъ-Бартельсъ показываютъ это на цѣломъ рядѣ рисунковъ. На нашихъ

По фотографіи Д. Андерсона въ Римѣ.

Рис. 182. Ла Форнарина, по прозванію Ла Белато. По картинѣ Рафаэля.

рисункахъ 178 и 179 эта разница также замѣтна. Болѣе или менѣе многочисленныя измѣренія дѣйствительно показываютъ относительный (но не абсолютный) перевѣсъ ширины, но въ среднемъ все же эта разница мало замѣтна.

Болѣе сильные зубы обусловливаютъ большее развитіе яремныхъ дугъ и большее разстояніе между ними. Слѣдствіемъ этого является также не только измѣненіе величины, но и формы нижней челюсти; оттого мужской подбородокъ шире, имѣетъ часто на краю нижней челюсти два бугорка и выдается нѣсколько сильнѣе,

чѣмъ болѣе заостренный женскій подбородокъ (рис. 178 и 179). Уголъ задняго конца края нижней челюсти острѣе у мужчины, и отростокъ, идущій отсюда къ основанію черепа, рѣзче. Болѣе слабымъ развитіемъ костей, обусловливающимъ болѣе тѣсную посадку зубныхъ корней, объясняется, вѣроятно, и то, что у женщинъ рѣзцы чаще посажены въ челюсти косо, такъ что больше выдаются напередъ, — явленіе такъ называемаго „челюстного прогнатизма“ у женщинъ.

Наряду съ этими различіями въ нижней части лица наблюдаются особенности и въ верхней его половинѣ. Прежде всего, напримѣръ, въ формѣ лба, который относится, правда, анатомически не къ лицевымъ, а къ черепнымъ костямъ, но который удобнѣе разсмотрѣть именно здѣсь. Мужской лобъ отличается сильно развитыми бровными дугами, которыя выдаются надъ глазными впадинами въ видѣ выпуклыхъ возвышеній; у женщинъ обыкновенно не бываетъ совсѣмъ этихъ выпуклостей. Въ области лба и еще выше его лобная кость состоитъ изъ двухъ костныхъ пластинъ, между которыми находится пространство, наполненное воздухомъ и сообщающееся съ носовой полостью — лобная пазуха (рис. 180). Оттого, что эта пазуха сильнѣе развита у мужчины, въ связи съ большимъ развитіемъ бровныхъ дугъ, лобъ мужчины отличается нѣсколько большей покатостью въ сравненіи съ болѣе прямымъ, почти вертикальнымъ лбомъ женщины.

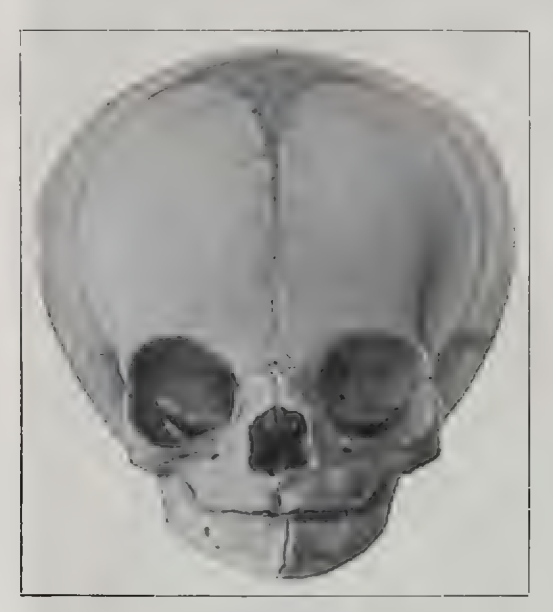

Рис. 183. Черепъ ребенка 2 мѣсяцевъ и 10 дней.
(Вѣнскій анатомическій музей, № 23.)

Многими неоднократно указывалось на существованіе различій въ глазныхъ впадинахъ мужчины и женщины, но вопросъ этотъ еще пока остается спорнымъ. Многіе утверждаютъ, напримѣръ, что женскія глазныя впадины относительно больше и что наружный уголъ ихъ больше опущенъ книзу, чѣмъ у мужчины; другіе отрицаютъ это. На рисункахъ 178 и 179 разница эта мало замѣтна.

Наряду съ костными частями мягкія части головы также различны у обоихъ половъ. Оттого, что лицевая мускулатура у женщины слабѣе, характерныя борозды, прорѣзывающія кожу лица, — какъ, напримѣръ, борозда, идущая отъ ноздрей къ угламъ рта по обѣ стороны лица — появляются у женщины позднѣе и врѣзываются менѣе глубоко; оттого, что жевательные мускулы слабѣе, меньше выдаются боковыя части щекъ; болѣе толстый слой жира равномѣрнѣе округляетъ все лицо.

Носъ развитъ у мужчины сильнѣе, чѣмъ у женщины. Но измѣренія ширины переносья на костномъ черепѣ не даютъ все же ясной по единству картины. Въ отношеніи же формы носа можно сказать (по Гойеру), что у мужчинъ встрѣчаются чаще

прямые и выпуклые носы, у женщинъ чаще плоскіе или слегка приплюснутые съ нѣсколько выдающимся или вздернутымъ кончикомъ; по крайней мѣрѣ, въ нѣмецкихъ странахъ наблюдается такая разница. Ушная раковина мужчины также относительно крупнѣе и болѣе грубовата по формѣ.

На портретахъ, изображенныхъ на рис. 181 и 182, очень рѣзко

Рис. 184. Натурщикъ изображенъ въ профиль, чтобы показать изгибъ позвоночнаго столба.

Рис. 185. Натурщица изображена въ профиль, чтобы показать изгибъ позвоночнаго столба.

выражено различіе въ чертахъ лица мужчины и женщины. На портретѣ Рембрандта, написанномъ имъ самимъ, мы видимъ относительно крупное, по сравненію съ черепомъ, лицо, сильно развитый носъ, выдающіяся бровныя дуги и нѣсколько покатый лобъ надъ ними, замѣтный и изъ-подъ шляпы; вслѣдствіе сильнаго развитія яремныхъ дугъ, мускулатуры челюстей и самой нижней челюсти, лицо представляется широкимъ до высоты ротового отверстія и только пониже его начинаетъ суживаться къ подбородку, при чемъ самый подбородокъ широкъ и раздѣленъ желоб-

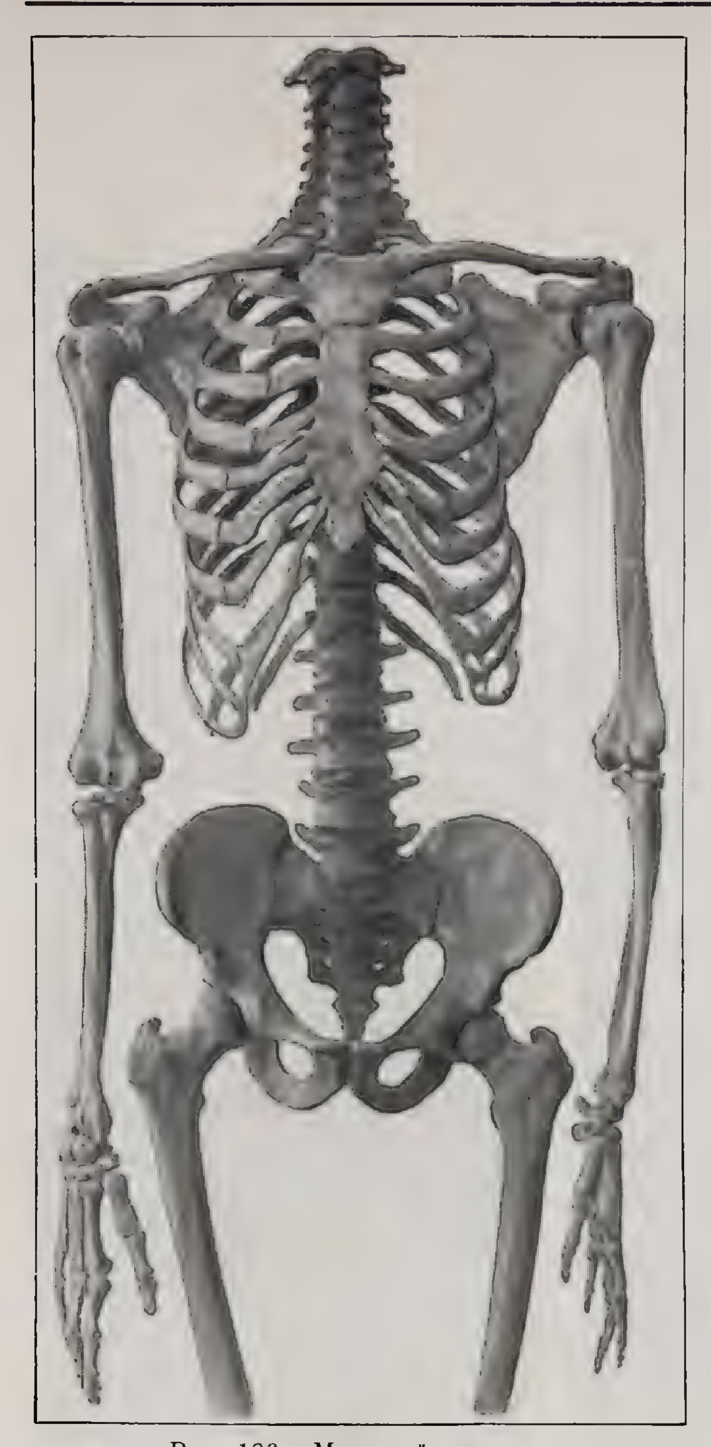

Рис. 186. Мужской скелетъ.

(Вѣнскій анатомическій музей, № 64.) Вышина 150 сант. Бедрамъ придано соотвѣтствующее положеніе благодаря сближенію пятокъ.

комъ посерединѣ. Ширина подбородка обусловливается формой нижней челюсти, а раздѣляющій его желобокъ, вовсе не представляющій, впрочемъ, обычной особенности мужского подбородка, вызывается расположеніемъмускуловъ. Сильная мускулатура и слабое развитіе жира придаютъ лицу очень энергичный характеръ, несмотря на молодость художника (ему было тогда двадцать восемь лѣтъ). Особенно отчетливо выступаютъ бороздка, идущая отъ ноздрей къ угламъ рта, и складки вѣкъ.

Въ Форнаринѣ Рафаэля мы видимъ, напротивъ, маленькое по сравненію съ черепомъ лицо; овалъ лица, наибольшая ширина котораго приходится на уровнѣ глазъ, постепенно суживается къ нѣжному подбородку. Надъ гораздо слабѣе очерченнымъ носомъ отвѣсно возвышается лобъ, на которомъ по обѣ стороны средней линіи, отчасти прикрытыя волосами, все же виднѣются выпуклости. Кожа лица совершенно гладкая, чуть намѣчена бороздка отъ ноздрей къ уголкамъ рта. На обоихъ портретахъ бросается въ глаза поразительное, до мелочей, сходство съ изображенными на рис. 178 и 179 черепами.

Женскую голову почти по всѣмъ ея характернымъ признакамъ можно разсматривать, какъ приближеніе къ дѣтскому типу, какъ остановку на дѣтской ступени развитія, — на что указываетъ какъ строеніе костнаго черепа (ср. рис. 183 съ 178 и 179), — въ особенности маленькій размѣръ лица и выпуклости лобной и теменной кости, — такъ и степень развитія жира и мускулатуры. Сильно же

развитыя челюсти мужчины обусловливаютъ сходство формы его черепа съ черепомъ обезьяны. Въ концѣ настоящей главы мы разсмотримъ, какъ уже было сказано, внутреннюю связь этихъ явленій.

Относительно большая длина женской шеи объясняется главнымъ образомъ особенностями мускулатуры, такъ какъ костная основа ея, шейная часть позвоночника, не представляетъ никакихъ особенностей по сравненію съ соотвѣтственной частью мужского скелета. Менѣе развитая мускулатура обусловливаетъ, съ одной стороны, большую стройность, благодаря которой шея кажется длиннѣе, съ другой стороны, боковая линія контуровъ затылка, обусловленная трапеціевиднымъ мускуломъ (ср. 1 главу I ч. наст. тома), идетъ ниже, такъ какъ мускулъ не такъ сильно выдается (рис. 172 и 173 и „Капитолійская Венера"). Кромѣ того, вслѣдствіе болѣе обильнаго слоя жира, переходъ отъ туловища

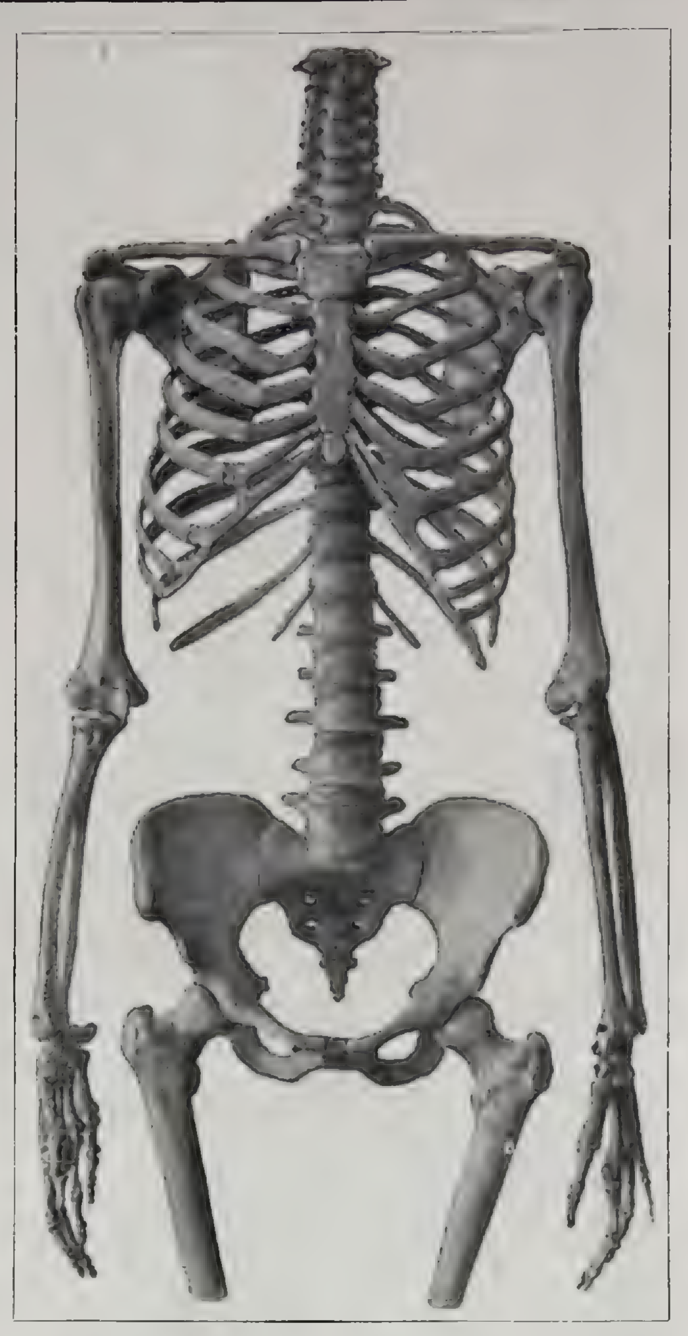

Рис. 187. Женскій скелетъ.

Вѣнскій анатомическій музей, № 66. Вышина 148,5 сант. Бедрамъ придано соотвѣтствующее положеніе благодаря сближенію пятокъ.

къ шеѣ не такъ рѣзокъ (рис. 171 и „Капитолійская Венера"). Форма передней поверхности шеи зависитъ отъ хрящей гортани и отъ щитовидной железы; но о нихъ мы подробнѣе поговоримъ при разсмотрѣніи внутреннихъ органовъ.

Туловище подраздѣляется на грудь и животъ — въ различной пропорціи у мужчины и у женщины. У женщины грудная клѣтка относительно короче, животъ длиннѣе. По Кеннингему, размѣръ живота у обоихъ половъ, несмотря на меньшій размѣръ всего тѣла женщины, абсолютно взятый, одинаковъ. Большимъ развитіемъ живота объясняется и относительно большая высота женщины въ сидячемъ положеніи, о которой было говорено выше

Эти различія можно замѣтить также и на позвоночномъ столбѣ. Поясничная часть позвоночника у женщины относительно длиннѣе; къ этому надо прибавить еще различный изгибъ его. Вогнутая форма поясничной части позвоночника, въ гораздо большей степени, чѣмъ у мужчины, составляетъ физіологическую особенность женщины (ср. рис. 184 и 185). Этимъ обусловливается также большій наклонъ таза, способствующій удлиненію живота. Эта вогнутость не лишена вліянія также на общую форму живота, какъ мы увидимъ далѣе.

Еще меньшей длиной, чѣмъ грудная часть позвоночника, отличается у женщины грудная кость (рис. 186 и 187). Общая длина ея колеблется у мужчины между 18 и 20 сантиметрами, у женщины — между 16 и 17 (по Лушка, цитировано по Фирордту). Это укорачиваніе простирается неодинаково на всѣ части: верхняя ея часть, находящаяся между ключицами и первой парой реберъ, приблизительно одинаковой величины у обоихъ половъ. Нижнюю часть ея, мечевидный отростокъ, можно совсѣмъ не принимать въ разсчетъ, такъ какъ онъ вообще бываетъ очень различно развитъ. Слѣдовательно, большая короткость грудной кости у женщины приходится на среднюю ея часть. Отъ этого, а также отъ болѣе нѣжнаго строенія реберъ, женская грудная клѣтка короче и болѣе сжата, чѣмъ мужская. По Лигарцику, она сравнительно короче на ширину ребра, что объясняется меньшей шириной реберъ въ отдѣльности. Въ то же время она имѣетъ болѣе боченкообразную форму, приближающуюся въ поперечномъ разрѣзѣ къ формѣ круга, мужская же грудная клѣтка, болѣе приплюснутая спереди и сзади, имѣетъ въ поперечномъ разрѣзѣ форму, приближающуюся къ овалу. Книзу грудная клѣтка расширяется одинаково у обоихъ половъ, если только она у женщины не изуродована корсетомъ и тѣсной шнуровкой; въ общемъ, она даже больше расширена книзу у женщины. (Впрочемъ, на мужскомъ скелетѣ, представленномъ на рис. 186, грудная клѣтка не безупречно сложена, она слишкомъ узка книзу. У натурщицы на рис. 170 она сужена шнуровкой.)

Мужчина и женщина отличаются другъ отъ друга характеромъ своего дыханія. Мужчина дышитъ обыкновенно, если только нѣтъ повышенной дыхательной потребности, только съ помощью грудобрюшной преграды (брюшное дыханіе). У женщины же, при нормальныхъ условіяхъ, участіе грудобрюшной преграды въ дыханіи очень незначительно; дыханіе происходитъ у нея обыкновенно путемъ подъема реберъ (грудное дыханіе). При усиленной дыхательной дѣятельности и мужчина, и женщина дышатъ и тѣмъ, и другимъ способомъ.

Очень много писалось о томъ, представляетъ ли, дѣйствительно, эта разница одинъ изъ вторичныхъ половыхъ признаковъ. Въ объясненіе ея приводилось, напримѣръ, то соображеніе, что брюшные органы женщины претерпѣваютъ во время беременности значительное увеличеніе въ массѣ, что должно было бы мѣшать свободѣ брюшного дыханія; что постоянное грудное дыханіе является, слѣдовательно, приспособленіемъ къ половымъ функціямъ. Высказывался, съ другой стороны, и такой взглядъ, что женская одежда, и въ особенности шнуровка корсета, сдавливаетъ грудобрюшную преграду; и дѣйствительно, изслѣдованія, произведенныя среди некультурныхъ племенъ и среди женщинъ, никогда не носившихъ корсета, обнаружили, что у нихъ также преобладаетъ брюшное дыханіе, — по крайней мѣрѣ, что сколько-нибудь значительной разницы въ сравненіи съ мужчинами у нихъ не замѣчается. Грудное дыханіе большинства женщинъ культурныхъ народовъ есть только дурная привычка, не оставляемая и въ то время, когда корсетъ снимается.

О ширинѣ туловища въ той его части, которая относится

къ грудной — о ширинѣ плечъ — были уже сообщены необходимыя свѣдѣнія въ первой главѣ I части. Относительно частей скелета, обусловливающихъ также ширину плечъ — относительно лопатокъ и ключицъ — остается прибавить только, что и на нихъ явственно сказывается болѣе нѣжное строеніе костей у женщины. Въ особенности, это надо сказать о ключицахъ (рис. 186 и 187). Женская ключица имѣетъ въ поперечномъ разрѣзѣ приблизительно круглую форму, мужская же сплюснута сверху внизъ; кромѣ того, женская ключица менѣе рѣзко изогнута въ формѣ буквы S (по Ленгоссеку).

Рис. 188. Юность. Произведеніе В. Вандшнейдера.

Животъ у женщины не только длиннѣе, но представляетъ большую выпуклость, которая ограничена большей частью къ области таза выпуклой снизу линіей. Красиво округленный животъ, въ которомъ выпуклость мышцъ скрывается подъ слоемъ жира, считался всегда принадлежностью женской красоты (рис. 173 и „Капитолійская Венера"), между тѣмъ какъ у мужчины передняя стѣнка живота идетъ болѣе плоско между реберными дугами и тазомъ и не скрываетъ мускулатуры, — по крайней мѣрѣ у молодыхъ мужчинъ (рис 171 и 172). Выпуклость передней стѣнки живота у женщины обусловливаетъ большій объемъ его, но полностью она не можетъ быть использована, такъ какъ часть ея вмѣстимости отнимаетъ бо́льшая вогнутость поясничной части позвоночника. У молодыхъ дѣвушекъ этотъ признакъ еще мало выраженъ (рис. 188); у нихъ также замѣтнѣе мускулатура изъ-подъ менѣе толстаго слоя жира. На рис. 170 и 185 область живота не безукоризненно правильна, такъ какъ вслѣдствіе ношенія ранѣе корсета нижняя часть живота начала выдаваться слишкомъ сильно.

У мужчины нижній край грудной клѣтки и верхній край таза имѣютъ приблизительно одинаковый поперечникъ. Стѣнка живота между ними сбоку нѣсколько впадаетъ даже у мускулистыхъ, но только не жирныхъ индивидуумовъ; мужское туловище имѣетъ талію, явственно различаемую при разсматриваніи

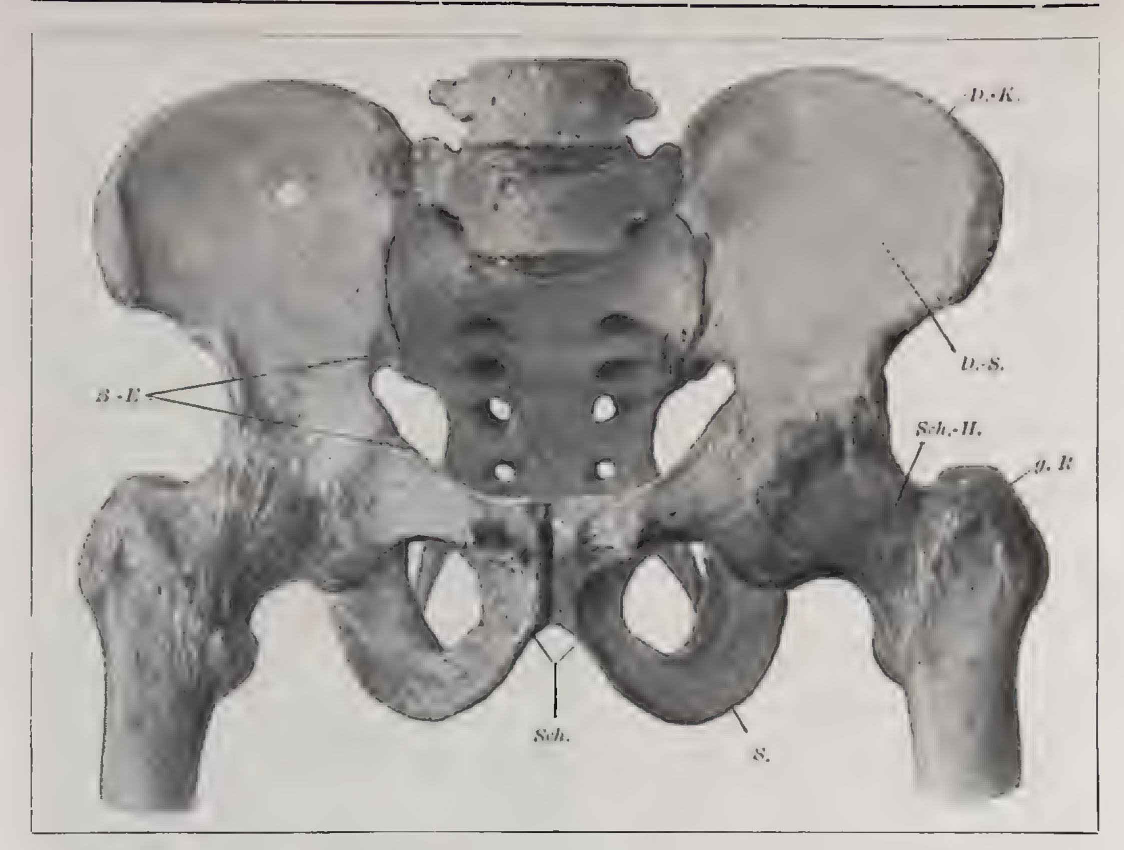

Рис. 189. Мужской тазъ спереди (Вѣнскій анатомическій музей, безъ номера.)
B.-E. = контуръ тазоваго входа, D.-K. = гребень подвздошной кости, D.-S. = крыло подвздошной кости, Sch.-H. = шейка бедренной кости, g. R. = большой вертелъ, S. = сѣдалищный бугоръ. Sch. = лобковый уголъ.

спереди (рис. 169, 171 и 172). У женщины поперечникъ грудной клѣтки скорѣе меньше поперечника таза; изогнутая линія таліи у нормально упитанныхъ индивидуумовъ бываетъ едва намѣчена или ея совсѣмъ не бываетъ (рис. 173 и „Капитолійская Венера") Талія, которую мы видѣли на современныхъ картинахъ, оказывается часто при ближайшемъ разсмотрѣніи тѣлеснымъ недостаткомъ у женщины, служившей художнику натурой, — бороздой, образовавшейся отъ привычнаго ношенія корсета, какъ, напримѣръ, на извѣстной статуѣ танцовщицы Фальгіера.

Натурщица, изображенная на рис. 170, также обязана своей таліи корсету, какъ это видно и при непосредственномъ наблюденіи. Талія, которую мы видѣли на женскихъ фигурахъ Батичелли, доказываетъ только то, что художникъ искалъ свой идеалъ красоты не въ сильныхъ, цвѣтущихъ индивидуумахъ. При всемъ томъ у хорошо сложенныхъ женщинъ туловище ограничивается очень красивой профильной линіей перехода къ тазу, но не отчетливымъ углубленіемъ, а только рѣзкимъ увеличеніемъ поперечника тѣла въ области таза (рис. 173 и 188).

Большій размѣръ живота по сравненію съ грудной клѣткой и большая выпуклость его составляютъ черты, опять-таки больше сближающія женщину съ ребенкомъ, чѣмъ мужчину. Тѣмъ не менѣе ихъ нельзя разсматривать просто какъ остановку развитія туловища на дѣтской ступени: онѣ обусловлены половой дѣятельностью, необходимостью въ запасномъ помѣщеніи на время беременности. Въ связи съ ними находятся болѣе сильный из-

гибъ позвоночнаго столба и наклонъ таза — и то, и другое представляютъ особенности, отличающія женщину отъ ребенка больше, чѣмъ мужчину.

Къ числу самыхъ рѣзкихъ различій между полами относятся различія таза. Мы уже говорили о томъ, какое сильное вліяніе оказываетъ ширина таза на пропорціи всего тѣла. Среднія числа абсолютныхъ размѣровъ тазовыхъ костей у женщины частью даже превышаютъ мужскія. При этомъ, разумѣется, ширина таза, въ виду меньшихъ размѣровъ тѣла женщины, больше бросается въ глаза, а болѣе обильное отложеніе жира еще усиливаетъ это различіе. Благодаря этому, у женщины незамѣтны выдающіяся части костей, большей частью различаемыя сквозь кожу у мужчины.

Разница формъ важнѣе, чѣмъ разница размѣровъ. Она сказывается какъ въ большомъ, такъ и въ маломъ тазу (ср. I главу I части наст. тома). Въ области большого таза подвздошныя кости у женщины расположены больше наискось, отчего большой тазъ у нея шире и просторнѣе (рис. 186, 187, 189 и 190). Въ маломъ тазу явственное различіе сказывается у самаго входа его. У мужчины оно напоминаетъ по формѣ червонную карточную масть, при чемъ узкій крестецъ (рис. 189) задается далеко впередъ въ тазовой входъ (рис. 186); прямой діаметръ его больше поперечнаго. У женщинъ тазовой входъ равномѣрнѣе округленъ (рис. 187) и болѣе широкій крестецъ (рис. 190) не выступаетъ изъ этой линіи; поперечный діаметръ — по крайней мѣрѣ, у женщинъ европейскихъ расъ — превосходитъ прямой.

У мужчины полость таза нѣсколько суживается по направленію къ тазовому выходу, вслѣдствіе сближенія между собой

Рис. 190. Женскій тазъ спереди. (Вѣнскій анатомическій музей, № 100.)
Sch. = лобковая дуга.

сѣдалищныхъ бугровъ, т. е. тазъ принимаетъ форму продолговатой воронки, у женщины же онъ равномѣрно широкъ и при этомъ короче. Сближеніе сѣдалищныхъ бугровъ вызываетъ у мужчины образованіе явственнаго угла лобковой кости, между тѣмъ какъ у женщины подъ лоннымъ сращеніемъ замѣтна широкая, болѣе равномѣрно изогнутая лобковая дуга (рис. 189 и 190). Въ общемъ полость таза сильнѣе изогнута у мужчины, у женщины изгибъ меньше вслѣдствіе большей ширины крестца. У женщины тазъ въ болѣе наклонномъ положеніи, что обусловливается, конечно, большей вогнутостью поясничной части позвоночника. Но числовыя данныя объ углѣ наклона очень различны у разныхъ авторовъ. На рис. 186 и 187 этотъ наклонъ и его различіе видны по тому, что въ женскомъ тазу крестецъ и лобковая кость гораздо короче. Вслѣдствіе наклона таза сѣдалищная часть и у живой женщины выдается сильнѣе.

Сопоставляя главнѣйшіе размѣры таза (по Вальдейеру), мы можемъ отчетливо видѣть половыя различія. Изъ тѣхъ размѣровъ, которые на живомъ человѣкѣ можно опредѣлить наружнымъ измѣреніемъ, они у женщины абсолютно больше, чѣмъ у мужчины: разстояніе между гребнями подвздошной кости, наружный прямой діаметръ таза (разстояніе отъ задней поверхности крестца до передней стѣнки лоннаго сращенія) и разстояніе между сѣдалищными буграми. Одинаковость разстоянія между большими вертелами объясняется большей величиной мужской бедренной кости.

	Размѣры въ сантиметрахъ. Мужч.	Женщ.
Разстояніе между гребнями подвздошныхъ костей	26	29
Разстояніе между большими вертелами	31,5	31,5
Наружный прямой діаметръ таза	18	20
Прямой діаметръ тазового входа	10,5	11
Поперечный діаметръ „ „	12,5	13,5
Прямой діаметръ тазового выхода	7,5	9
Поперечный діаметръ (= разст. между сѣдалищн. буграми) тазового выхода	8	11
Уголъ лобковой кости	75°	95°

Въ пластикѣ тѣла выступаетъ больше всего въ профиль болѣе сильный изгибъ таза и выпуклость сидѣнья (рис. 184 и 185), спереди же болѣе плоское положеніе подвздошныхъ костей (ср. рис. 171, 172 и отд. прил. „Фарнезскій Геркулесъ“, — послѣднее въ I главѣ I части наст. тома, — съ рис. 173 и 188, затѣмъ рис. 169 и 170). Сзади всего замѣтнѣе ширина крестца, обозначающаяся положеніемъ крестцовыхъ впадинъ (по Штратцу), вѣрнѣе, подвздошныхъ впадинъ, расположенныхъ въ видѣ углубленій кожи на заднемъ концѣ гребня подвздошной кости; онѣ происходятъ отъ того, что въ этихъ мѣстахъ кости остаются свободными отъ мускульныхъ прикрѣпленій и тѣсно срастаются съ кожей. Разстояніе между ними у женщинъ въ среднемъ больше на 2 или на 3 сантиметра.

Различія таза объясняются вполнѣ понятно функціональными причинами. Они обусловливаются процессами беременности и родовъ. Форма большого таза и большой наклонъ его дѣлаютъ полость живота обширнѣе. Малый тазъ долженъ дать возможность пройти во время родовъ тѣлу младенца, въ особенности его черепу, составляющему самую крупную и самую твердую часть его тѣла. Отсюда его объемистость, равномѣрная округленность его входного отверстія, отсутствіе воронкообразнаго суже-

нія. Эти различія существуютъ еще у новорожденнаго, — утверждаютъ даже, что ихъ можно замѣтить уже и у зародыша на пятомъ мѣсяцѣ беременности.

Въ связи съ формой таза и съ шириной тазового выхода находится и форма бедренной кости. Стволъ ея, ось бедра, у женщины повернутъ къ наружи, чтобы выходное отверстіе таза оставалось свободнѣе. Вотъ почему шейка бедра имѣетъ у женщины болѣе горизонтальное положеніе (рис. 174 и 175, 186 и 187). Оттого разстояніе между обоими большими вертелами увеличивается не только вслѣдствіе ширины таза, но и вслѣдствіе положенія бедренныхъ шеекъ. Такая значительная удаленность осей ногъ отъ срединной линіи тѣла, съ которой совпадаетъ центръ тяжести, является причиной нѣкоторой неловкости женщины при быстромъ движеніи, — вслѣдствіе необходимости поддерживать по возможности все время центръ тяжести съ помощью вращенія таза. Гиртль вѣрно замѣтилъ, что бѣгъ — единственное движеніе, которое женщина дѣлаетъ неграціозно.

Ширина таза оказываетъ свое вліяніе и на ось всей ноги; въ то время какъ берцовыя кости стоятъ, при нормальномъ прямомъ положеніи тѣла, почти параллельно, бедренныя кости должны расходиться кверху у женщины сильнѣе, чѣмъ у мужчины. Результатомъ этого является, какъ нормальная особенность женщины, то, что ноги ея имѣютъ форму, нѣсколько похожую на букву X (рис. 171 и 173; затѣмъ рис. 186 и 187, въ которыхъ положеніе бедеръ было обусловлено сближеніемъ пятокъ). Это сказывается также и въ устройствѣ колѣннаго сочлененія. Если мы приложимъ линейку къ свободному краю его, то мы убѣдимся, что оно поставлено у женщины болѣе косо, чѣмъ у мужчины (рис. 173 и 188). Если мы приложимъ кость къ подколѣнной чашкѣ, мы тотчасъ же замѣтимъ болѣе косое ея положеніе у женщины.

Художники стараются большей частью замаскировать эту форму женской ноги, придавая одной ногѣ нѣсколько согнутое въ колѣнномъ сочлененіи положеніе и отчасти закрывая другую. Мы видимъ это, напримѣръ, у Венеры на рис. 173; но если мы попробуемъ начертить на вытянутой ногѣ этой фигуры ея скелетъ, тотчасъ же обнаружится характерный изгибъ оси ноги. У Капитолійской Венеры можно видѣть, напротивъ, въ связи съ меньшей шириной таза, довольно прямую ногу. Строгая военная выправка не только неестественна для женщины въ силу ея болѣе слабой мускулатуры, но вслѣдствіе указанной формы ея ноги, большаго наклона таза и болѣе сильнаго изгиба поясничной части позвоночнаго столба также и некрасива.

Рис. 169 также можетъ служить подтвержденіемъ того, что изгибъ ножной оси зависитъ отъ ширины таза. У натурщика, изображеннаго на немъ, сравнительно широкій тазъ, и соотвѣтственно этому въ формѣ ногъ его замѣтно приближеніе къ виду буквы X.

Изъ внутреннихъ органовъ заслуживаетъ вниманія прежде всего гортань (рис. 191 и 192). Мужская гортань отличается большими размѣрами, но въ особенности формой щитовиднаго хряща. У женщины обѣ его пластинки переходятъ одна въ другую, постепенно и равномѣрно изгибаясь, у мужчины же онѣ сходятся подъ угломъ, который иногда даже сильно выдается наружу. При этомъ мѣсто соединенія обѣихъ пластинокъ нѣсколько

выпячивается напередъ, такъ что составляетъ какъ бы остроконечную выпуклость, извѣстную подъ названіемъ „Адамова яблока“ (рис. 169, 171 и 172). Отъ этого положенія пластинокъ щитовиднаго хряща увеличивается размѣръ гортани спереди назадъ, голосовыя связки удлиняются и настраиваются поэтому на болѣе низкіе тоны.

Въ музыкальномъ отношеніи различіе въ высотѣ тоновъ баса и альта — или тенора и сопрано — составляетъ ровно октаву; слѣдовательно, женскія голосовыя связки производятъ въ секунду вдвое больше колебаній, чѣмъ мужскія. Если бы голосовыя связки представляли собой не что иное, какъ колеблющіяся струны одинаковой степени напряженія, то онѣ должны были бы имѣть у женщины длину въ половину меньшую, чѣмъ у мужчины. Въ дѣйствительности же разница не такъ велика; по Іоганну Мюллеру, длина голосовой связки имѣетъ въ среднемъ 18 и 12 миллиметровъ, число же колебаній обусловливается также толщиной голосовой связки и разницей въ степени развитія и расположенія мускулатуры.

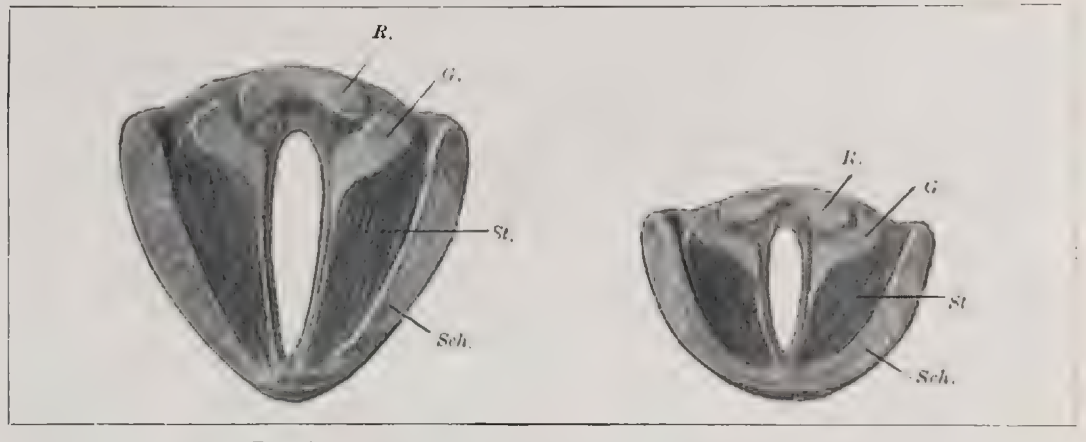

Рис. 191. Рис. 192.

Рис. 191 и 192. Горизантальный разрѣзъ мужской и женской гортани на уровнѣ голосовыхъ связокъ

(Вѣнскій анатомическій музей, безъ номера.) Естественная величина. R. = перстневидный хрящъ, G. = черпаловидный хрящъ, St. = голосовыя связки Sch. = щитовидный хрящъ.

Женская гортань имѣетъ, несомнѣнно, больше сходства съ дѣтской, чѣмъ мужская; она остановилась, слѣдовательно, на болѣе ранней ступени развитія. Но что она все же не дѣтская, ясно видно уже изъ того, что она въ пору зрѣлости такъ же сильнѣе растетъ, какъ и мужская, и что при этомъ и женскій голосъ становится нѣсколько ниже. По Лангеру, этотъ ростъ выражается у мужчины отношеніемъ 10:5, у женщины отношеніемъ 7:5.

Относительно остальныхъ внутренностей можно ограничиться сравнительно краткимъ изложеніемъ. Разница въ формѣ наблюдается, пожалуй, относительно желудка и легкихъ. Нѣкоторые утверждаютъ, что состояніе женскаго желудка сходно съ дѣтскимъ. У новорожденнаго дно желудка, образующее налѣво отъ входного отверстія пищевода выпуклость кверху, развито еще очень мало. „У женщины оно обыкновенно также меньше развито, чѣмъ у мужчины“, говоритъ Гегенбауръ. Легкія также должны имѣть свои особенности формы, соотвѣтственно особой формѣ женской грудной клѣтки, но онѣ еще не изучены.

Этимъ изслѣдованіямъ представляются большія, почти непреодолимыя затрудненія, — точно такъ же, какъ и сравнительному изученію и остальныхъ внутренностей. Съ одной стороны то обстоятельство, что — въ виду индивидуальныхъ колебаній —

дѣйствительную цѣнность могутъ имѣть только среднія числа, полученныя изъ очень большого ряда изслѣдованій; съ другой стороны, тотъ фактъ, что изученію могутъ подвергаться по большей части только такіе органы, которые уже были поражены какимъ-нибудь болѣзненнымъ процессомъ. Вотъ почему анатоміи крайне рѣдко удается овладѣть подходящими для изученія внѣшнихъ условій формъ легкими; по этой же причинѣ почти невозможно произвести взвѣшиванія нормальныхъ внутреннихъ органовъ въ числѣ болѣе или менѣе значительномъ. Быть можетъ, всего яснѣе это видно на селезенкѣ, которая реагируетъ особенно большими измѣненіями на болѣзненные процессы различнаго характера и различной силы.

Въ виду этого, было бы почти безполезно приводить подробныя данныя объ абсолютномъ и относительномъ вѣсѣ щитовидной железы, сердца, легкихъ, печени, почекъ, надпочечныхъ железъ и селезенки. То же надо сказать и о данныхъ величины желудка и мочевого пузыря и длины кишечника. Эллисъ, напримѣръ, полагаетъ, что у женщинъ желудокъ больше и кишечникъ длиннѣе; данныя же анатомовъ свидѣтельствуютъ большей частью противоположное. Большая вмѣстимость женскаго пузыря, повидимому, довольно твердо установлена, но объяснить это надо, повидимому, дурной привычкой рѣдко опорожнять его.

Разница данныхъ различныхъ авторовъ объ относительномъ вѣсѣ органовъ ярко доказана сопоставленіемъ, которое сдѣлалъ Шульце относительно вѣса сердца. Два автора находятъ, что относительный вѣсъ мужского сердца больше женскаго, четыре другихъ, что вѣсъ женскаго больше. Но кромѣ того и самыя числа колеблются въ изумительно широкихъ предѣлахъ, — отчасти, быть можетъ, вслѣдствіе различныхъ методовъ взвѣшиванія, вслѣдствіе различнаго изготовленія препаратовъ сердца. По Фирордту, напримѣръ, вѣсъ сердца мужчины относится къ вѣсу его тѣла, какъ 1 : 215, — по Клендинингу, какъ 1 : 158; у женщины тѣ же авторы нашли соотвѣтственное отношеніе 1 : 206 и 1 : 149.

Среди изслѣдованій такого рода нѣсколько лучше, быть можетъ, обоснованными являются данныя объ относительной величинѣ щитовидной железы у женщины. Мы ясно видимъ, напримѣръ на рис. 14, какое вліяніе на форму шеи оказываетъ эта железа.

Въ общемъ, можно признать, пожалуй, что женскіе внутренніе органы, хотя абсолютно въ большинствѣ и менѣе крупны, но относительно, по сравненію съ вѣсомъ тѣла, вѣсятъ больше. (О селезенкѣ утверждаютъ даже, что она, и абсолютно взятая, значительно тяжелѣе у женщины. По Фирордту, чистый и средній вѣсъ ея равняется у мужчины 149 граммамъ, у женщины — 180 грам. Значеніе этого явленія, если оно постоянно, совершенно неясно, какъ, впрочемъ, не во всѣхъ подробностяхъ еще выяснена даже функція селезенки вообще.) Относительно большій вѣсъ внутренностей у женщинъ объясняется, вѣроятно, во-первыхъ, тѣмъ, что вѣсъ женскаго тѣла относительно малъ, вслѣдствіе болѣе слабаго развитія скелета и мускулатуры, — во-вторыхъ, тѣмъ еще, что женщина вообще меньше мужчины. Внутренніе органы не могутъ уменьшаться въ вѣсѣ въ той же степени, какъ величина тѣла, иначе они не могли бы исполнять надлежащимъ образомъ своихъ функцій.

Нельзя отрицать все же, что въ этомъ отношенiи женщина стоитъ ближе къ ребенку, чѣмъ мужчина; мы видѣли, что у ребенка пищеварительный аппаратъ играетъ необычайно большую роль. Для иллюстрацiи этого явленiя мы приводимъ здѣсь таблицу изъ изслѣдованiя Шульце о женщинѣ, въ которомъ цифры вычислены по даннымъ Фирордта; предупреждаемъ еще разъ, что, на основанiи только что сказаннаго, онѣ не могутъ считаться твердо установленными средними данными. Вѣсъ органовъ выраженъ на этой таблицѣ въ процентномъ отношенiи къ общему вѣсу тѣла, при чемъ вѣсъ мужчины принятъ = 62,5 килогр., женщины = 52,8 килогр., новорожденнаго = 3,1 килогр.

	Мужчина.	Женщина.	Новорожденный.
Мозгъ	2,29	2,32	12,40
Сердце	0,48	0,49	0,76
Правое легкое . .	0,82	0,88	0,94
Лѣвое „ . . .	0,77	0,79	0,77
Печень	2,91	3,15	4,57
Почки . .	0,49	0,55	0,75
Селезенка	0,26	0,33	0,34

„Изъ этого слѣдуетъ, что въ отношенiи процентнаго вѣса этихъ органовъ женщина стоитъ ближе къ ребенку, чѣмъ мужчина“, — дѣлаетъ авторъ выводъ.

Наряду съ внутренними органами слѣдуетъ разсмотрѣть еще разницу **крови, пульса и температуры тѣла** у мужчины и у женщины. Кровь женщины отличается (по Фирордту) нѣсколько большимъ содержанiемъ воды (80,11 процентовъ противъ 78,15 процентовъ), меньшимъ числомъ кровяныхъ клѣтокъ (кровяныхъ шариковъ) въ единицѣ объема (4,5 миллiоновъ противъ 5 мил. въ кубическомъ миллиметрѣ крови) и меньшимъ содержанiемъ красящаго вещества, которое переноситъ химическимъ путемъ кислородъ воздуха изъ легкихъ въ клѣтки тѣла и углекислоту изъ тѣла въ легкiя (разница эта составляетъ, по Эллису, 8 процентовъ). Вслѣдствiе этихъ свойствъ крови, физическая работоспособность женщины нѣсколько ограничена. Возможно, что равновѣсiе возстановляется отчасти большимъ числомъ бiенiй пульса. Пульсъ женщины, по Гюи, на 7—10 бiенiй въ минуту чаще, но это повышенiе уменьшается наполовину, вслѣдствiе менѣе крупныхъ размѣровъ тѣла женщины (такова формула Фирордта, которой онъ вычисляетъ число ударовъ пульса въ соотвѣтствiи съ длиной тѣла). Другiе авторы считаютъ разницу гораздо меньшей, — по Кэтле, напримѣръ, она составляетъ 1—4,5 удара. А такая небольшая разница можетъ объясняться единственно меньшей длиной тѣла. Нѣкоторые утверждаютъ, что и температура тѣла женщины въ среднемъ выше, чѣмъ у мужчины, на $0{,}15^0$ (Шульце). Всѣ три признака также какъ будто сближаютъ женщину съ ребенкомъ.

Только одинъ внутреннiй органъ — **головной мозгъ** — заслуживаетъ болѣе обстоятельнаго разсмотрѣнiя. Констатируемыя на немъ половыя различiя вызвали уже обширную литературу и, въ зависимости отъ той или иной точки зрѣнiя, служатъ однимъ изъ излюбленнѣйшихъ аргументовъ друзей и враговъ „женскаго вопроса“, давая однимъ несомнѣнныя доказательства превосходства женщины, другимъ столь же несомнѣнныя доказательства превосходства мужчины.

Изслѣдованiя распространяются, съ одной стороны, на форму, съ другой, на величину головного мозга. Въ отношенiи формы разсмотрѣнiю подлежитъ въ сущности только большой мозгъ, потому что измѣнчивость головного мозга наблюдается, какъ уже было изложено въ первой главѣ I части, почти исключительно въ большомъ мозгу, какъ органѣ умственной дѣятельности. Въ

отношеніи формы малаго мозга и спинного мозга половые признаки до сихъ поръ никѣмъ не были указаны и едва ли они и существуютъ. Данныя въ отношеніи различій относительной величины этихъ двухъ частей мозга — относительный перевѣсъ наблюдается у женщины — еще недостаточно твердо установлены, но должны объясняться, быть можетъ, меньшей величиной тѣла женщины.

Но и въ отношеніи большого мозга результатъ произведенныхъ до сихъ поръ изслѣдованій еще очень скуденъ. Мозговая кора обнаруживаетъ въ расположеніи извилинъ необычайное разнообразіе: ни одинъ головной мозгъ не бываетъ вполнѣ похожъ на другой, а мозги и богатые и бѣдные извилинами встрѣчаются у обоихъ половъ. Только очень обширныя изслѣдованія могутъ здѣсь уберечь до нѣкоторой степени отъ ошибочнаго общаго вывода вслѣдствіе случайныхъ уклоненій.

Эллисъ тщательно собралъ и сопоставилъ результаты изслѣдованій различныхъ авторовъ объ образованіяхъ различныхъ группъ извилинъ и главныхъ отдѣловъ мозговыхъ полушарій, такъ называемыхъ долей мозга. При этомъ почти въ каждой отдѣльной подробности оказывается, что разные изслѣдователи приходили къ противоположнымъ заключеніямъ, такъ что сколько-нибудь замѣтныхъ различій, вѣроятно, не существуетъ. Исключеніе составляетъ, повидимому, только та часть поверхности мозга, которая имѣетъ отношеніе къ исполненію произвольныхъ движеній и, слѣдовательно, связана болѣе или менѣе непосредственными путями съ мускульной системой; этой части, такъ называемой центральной области — собственно теменной долѣ, цѣлый рядъ изслѣдователей единодушно приписываетъ нѣсколько большее развитіе у мужчины.

Изслѣдованіе вѣса головного мозга гораздо легче, чѣмъ его формы, но установленіе основныхъ цифровыхъ данныхъ дѣло не легкое и здѣсь, и еще труднѣе ихъ критическая оцѣнка. И въ данномъ случаѣ только очень многочисленныя изслѣдованія могутъ привести къ солиднымъ цифрамъ общей цѣнности, при условіи исключенія, по возможности, такихъ матеріаловъ, которые, вслѣдствіе болѣзненныхъ явленій, могли бы привести къ ошибочнымъ выводамъ. Для этихъ изслѣдованій благопріятно только то обстоятельство, что существенныхъ измѣненій въ головномъ мозгу не вызываютъ даже продолжительныя болѣзни организма, если только онѣ не поражаютъ самый мозгъ, и даже общее исхуданіе, напримѣръ, очень мало вліяетъ на вѣсъ головного мозга.

Данныя, получаемыя различными авторами, большей частью не поддаются непосредственному сравненію между собой, такъ какъ не всѣ авторы примѣняютъ одинъ и тотъ же способъ взвѣшиванія (принимаются или не принимаются въ разсчетъ мозговыя оболочки и жидкость внутреннихъ мозговыхъ полостей) и не всѣ держатся одинаковыхъ взглядовъ на предѣлы нормальнаго. Впрочемъ, при всемъ различіи добытыхъ такимъ образомъ чиселъ, взаимное отношеніе ихъ у разныхъ авторовъ въ общемъ совпадаетъ. Но все же нижеслѣдующія данныя, которыя опираются исключительно на недавно вышедшія въ свѣтъ изслѣдованія Маршана, —являются самыми обстоятельными среди изслѣдованій такого рода и отвѣчаютъ самымъ строгимъ требованіямъ также и

въ отношеніи тщательнаго выбора матеріала, исключающаго объекты, болѣзненно измѣненные. Изслѣдованія Маршана обнимаютъ собой 1,234 взвѣшиванія и, будучи произведены въ Марбургѣ-на-Л., даютъ, слѣдовательно, числа, дѣйствительныя для населенія сѣверной Германіи. Отмѣтимъ еще также, что данныя, полученныя Ретціусомъ на основаніи взвѣшиванія 700 мозговъ, отличаются отъ данныхъ Маршана приблизительно всего на $^1/_2$ процента, такъ что средніе выводы изъ нихъ могутъ быть разсматриваемы, какъ результатъ почти 2,000 взвѣшиваній.

Средній вѣсъ всѣхъ нормальныхъ мозговъ взрослыхъ лицъ составляетъ, согласно этимъ даннымъ, 1,388 граммовъ для мужчины и 1,252 грамма для женщины; но на этотъ результатъ оказало свое вліяніе то обстоятельство, что въ болѣе или менѣе преклонномъ возрастѣ вѣсъ мозга довольно значительно уменьшается (въ среднемъ, приблизительно, до 100 граммовъ). Если же совсѣмъ исключить пожилыхъ индивидуумовъ, то получится, по Маршану, средній вѣсъ для возраста отъ 15 до 50 лѣтъ для мужчины 1,405, или круглымъ числомъ 1,400 грам., для женщины 1,275 грам.; этими числами мы впредь и будемъ руководиться, Вѣсъ мозга на 16-мъ году жизни еще не достигаетъ, правда, полной высоты, но дальнѣйшее увеличеніе очень незначительно. Изъ этого слѣдуетъ, — и въ этомъ сходятся всѣ авторы, — что абсолютный вѣсъ мужского мозга значительно превышаетъ абсолютный вѣсъ женскаго.

Однако, сравнивать непосредственно эти цифры вѣса нельзя, такъ какъ женщина вѣдь вообще меньше мужчины. Слѣдовательно, намъ остается сравнивать относительный вѣсъ головного мозга, а для этого въ нашемъ распоряженіи существуютъ три пути: сравненіе съ длиною тѣла, сравненіе съ вѣсомъ тѣла и сравненіе индивидуумовъ одинаковаго роста.

Первый способъ долженъ быть признанъ съ самаго начала неправильнымъ, такъ какъ длина тѣла опредѣляетъ только одно измѣреніе, а вѣсъ основанъ на протяженіи трехъ измѣреній. Несмотря на это, изслѣдованія неоднократно производились этимъ способомъ. Разумѣется, полученныя числа оказались различными, въ зависимости отъ того, каковъ былъ матеріалъ изслѣдованій. Если мы возьмемъ отношеніе между цифрами Маршана и средней длиной тѣла по Фитцнеру (166 и 155 сантим.), то мы получимъ на сантиметръ длины тѣла 8,46 граммовъ мозгового вещества у мужчины и 8,23 грамма у женщины; относительный вѣсъ женскаго мозга окажется, слѣдовательно, меньше. Впрочемъ, у отдѣльныхъ индивидуумовъ числа очень сильно колеблются — по Маршану, у мужчины между 7,7 и 8,8 грам., у женщины—между 7,6 и 8,0 грам.

Правильнѣе будетъ сравнивать вѣсъ мозга съ вѣсомъ тѣла, такъ какъ при этомъ мы будемъ имѣть дѣло съ величинами одинаковыхъ измѣреній. Принимая приведенныя вначалѣ среднія числа вѣса тѣла (65 и 54 килогр.), мы получимъ, что у мужчины приходится на одинъ килограммъ вѣса тѣла 21,6 граммовъ мозгового вещества, у женщины—23,6 грам., и этимъ установимъ — повидимому, безспорно, — что относительный вѣсъ женскаго мозга больше; онъ окажется еще больше, если мы примемъ въ разсчетъ, что въ женскомъ тѣлѣ жировая ткань играетъ зна-

чительно большую роль, чѣмъ въ мужскомъ, и что она имѣетъ очень слабое отношеніе къ нервной ткани. Въ виду этого слѣдовало бы, собственно, предварительно вычесть изъ вѣса женскаго тѣла весь излишекъ его жировой ткани въ сравненіи съ мужскимъ тѣломъ, и тогда мы получили бы еще значительно большій относительный вѣсъ мозга у женщинъ.

Объясненіе этого перевѣса слѣдуетъ искать главнымъ образомъ въ томъ фактѣ, что масса женскаго тѣла меньше; въ первой главѣ I части было подробно разсмотрѣно вліяніе величины тѣла на величину мозга и показано, что малые организмы должны обладать относительно большимъ мозгомъ. Остается нерѣшеннымъ только тотъ вопросъ, дѣйствительно ли разница въ 11 приблизительно килограммовъ вѣса тѣла соотвѣтствуетъ разницѣ вѣса мозга въ 130 граммовъ. Эллисъ полагаетъ, что для уравненія при болѣе значительной величинѣ тѣла вѣсъ мужского мозга надо было увеличить приблизительно на 2 процента, — быть можетъ, немного меньше, — т. е. на 28 граммовъ; но тогда относительное превосходство вѣса женскаго мозга все же останется почти неизмѣннымъ. Если мы примемъ для мужчины, согласно поправкѣ Эллиса, въ виду большей длины его тѣла, вмѣсто 1,405 грам., вѣсъ мозга равнымъ 1,433 граммамъ, то и тогда на килограммъ вѣса его тѣла придется всего 22 грамма мозгового вещества, тогда какъ у женщины приходится 23,6 грам. на килограммъ вѣса тѣла. Но для учета этого фактора у насъ нѣтъ достаточно надежной точки опоры, къ тому же объясненіе и не такъ просто, — этимъ путемъ все равно не разрѣшить окончательно вопроса объ относительномъ вѣсѣ мозга.

Самъ Маршанъ говоритъ: „Разница между относительнымъ вѣсомъ при небольшой и при очень большой величинѣ тѣла крайне незначительна". Его таблица, составленная сообразно величинѣ тѣла, даетъ для различныхъ величинъ довольно еще неравномѣрные ряды чиселъ, такъ какъ самое число случаевъ все еще очень мало. Изъ его таблицъ можно установить, для всѣхъ возрастовъ свыше 20 лѣтъ, у мужчины — при величинѣ тѣла отъ 151 до 160 сантим. — 1,326 грам., при величинѣ отъ 161 до 170 сант. — 1,391 граммъ, при величинѣ отъ 171 до 192 сант. — 1,404 граммовъ; Маршанъ самъ выводитъ для индивидуумовъ въ возрастѣ отъ 20 до 49 лѣтъ слѣдующія цифры: для мужчинъ отъ 139 до 160 сант. — 1,335 гр., отъ 161 до 170 сант 1,405 гр, отъ 171 до 192 сант. — 1,422 гр.; для женщинъ отъ 126 до 150 сант. — 1,257 гр., отъ 160 сант., — 1,271 гр., отъ 161 до 180 сант. — 1,302 грамма. Средняя разница скорѣе больше той, которую принимаетъ Эллисъ.

Самый правильный путь — безспорно, путь сравненія лицъ одинаковаго, по возможности, тѣлосложенія. Но онъ представляетъ свои трудности въ отношеніи выбора величинъ, подходящихъ для сравненія. Вѣсомъ мы воспользоваться не можемъ, такъ какъ при этомъ ошибка, обусловливаемая большимъ обиліемъ жировой ткани въ женскомъ тѣлѣ, оказалось бы еще большей помѣхой, чѣмъ въ прежде разсмотрѣнномъ способѣ, — но на этотъ разъ не въ пользу женскаго пола. Вдобавокъ, опредѣленія вѣса паціентовъ, умершихъ въ больницѣ, не могутъ имѣть никакой практической цѣнности въ виду предшествовавшей болѣзни. Остается, слѣдовательно, только опредѣленіе длины тѣла и сравненіе между собою лицъ одинаковаго роста. А что при этомъ придется сравнивать только одну величину перваго измѣренія съ величиною третьяго, — отъ этого ошибка будетъ невелика, потому что лица одинаковаго роста отличаются приблизи-

тельно одинаковыми пропорціями, какъ мы это видѣли въ началѣ настоящей главы.

При этомъ способѣ таблицы Маршана свидѣтельствуютъ, что для всѣхъ величинъ тѣла безъ исключенія вѣсъ женскаго мозга менѣе значителенъ, чѣмъ вѣсъ мужского соотвѣтственныхъ величинъ тѣла. При изслѣдованіи всѣхъ мозговъ, начиная съ 20-тилѣтняго возраста, получается, для величины тѣла отъ 150 до 160 сант. средній, вѣсъ мозга у мужчинъ 1,326 грам., у женщины — 1,243 гр., для слѣдующаго класса — величины отъ 161 до 170 сант. у мужчины 1,391, у женщины 1,290 гр. (ср. также напечатанное выше петитомъ). Тѣ различія, какія могутъ быть обусловлены длиной тѣла, исчезаютъ передъ половымъ различіемъ. Женщина обладаетъ несомнѣнно и относительно меньшимъ мозгомъ, чѣмъ мужчина, и обусловливается это не величиною тѣла, а всей совокупностью особенностей женской организаціи. Все понятіе относительнаго вѣса мозга по отношенію къ вѣсу тѣла оказывается, такимъ образомъ, несостоятельнымъ и можетъ только дать поводъ къ заблужденіямъ. Если же принять въ разсчетъ также и вѣсъ лицъ одинаковаго роста и, сообразно этому, вычислять относительный вѣсъ мозга, то, несомнѣнно, результатъ получится одинаково или даже еще больше не въ пользу мужчины.

Что разница въ вѣсѣ мозга представляетъ дѣйствительно половой признакъ, это видно уже изъ того, что она существуетъ съ самаго рожденія. Въ первые мѣсяцы жизни мозгъ имѣетъ, по разсчетамъ на основаніи таблицъ Маршана, средній вѣсъ въ 395 граммовъ у мальчиковъ и въ 370 граммовъ у дѣвочекъ: разница составляетъ 6,3 процента, тогда какъ разница вѣса тѣла составляетъ приблизительно 4 процента, а разница длины тѣла всего около 2 процентовъ. Особенно поразителенъ въ этомъ отношеніи случай, сообщенный Вальдейеромъ: пара близнецовъ разнаго пола, одинаково развитые, оба длиною по 400 миллиметровъ, и изъ нихъ дѣвочка, несмотря на нѣсколько большій вѣсъ тѣла (1,188 гр. противъ 1,185 гр.), имѣла болѣе легкій мозгъ (165 гр. противъ 175 гр.).

Но если фактъ абсолютно и относительно меньшаго вѣса женскаго мозга и несомнѣненъ, все же было бы совершенно неосновательно заключать изъ одного этого о меньшихъ умственныхъ способностяхъ женщины, такъ какъ подобные грубые методы изслѣдованія не даютъ намъ права на это. Еще Маршанъ указывалъ на то, что меньшій размѣръ женскаго мозга обусловливается, быть можетъ, большей тонкостью его нервныхъ элементовъ; такъ или иначе, микроскопически это еще не доказано, и выяснить это вполнѣ будетъ нелегко. Однако, по аналогіи нельзя не указать на то, что и глазное яблоко, и ушной лабиринтъ у женщины тоже нѣсколько меньше, чѣмъ у мужчины, — и все же отъ этого оба аппарата ни въ одномъ отношеніи не менѣе остры и не хуже функціонируютъ у женщины, чѣмъ у мужчины. Другая и, пожалуй, главная причина дѣйствительно менѣе развитаго женскаго мозга кроется въ томъ, что женская мускулатура развита слабѣе.

Произвольныя движенія вызываются и направляются корой большого мозга, и величина даннаго участка коры, такъ же

какъ и масса исходящихъ изъ нея первныхъ волоконъ, зависитъ отъ массы мускуловъ. Занимающій насъ здѣсь участокъ коры составляетъ область центральной извилины, имѣющей, какъ мы уже указывали, относительно малую величину у женщины. Къ умственнымъ способностямъ данный участокъ имѣетъ отношеніе постоянно, поскольку онъ оказываетъ вліяніе на физическую ловкость, на тѣ сферы дѣятельности и представленій, въ которыхъ она играетъ выдающуюся роль. Въ техническихъ искусствахъ, въ дѣлѣ изобрѣтенія машинъ имеханическихъ приспособленій всякаго рода, но также и въ абстрактныхъ наукахъ, основанныхъ на представленіи пространства и оттого связанныхъ въ своемъ физіологическомъ корнѣ съ физической дѣятельностью, — какъ, напримѣръ, геометрія и математика вообще, — женщина по своей природѣ всегда будетъ отставать отъ мужчины. Въ этомъ, быть можетъ, кроется и объясненіе того факта, что среди всѣхъ изящныхъ искусствъ — въ области музыки женщина создала меньше всего, такъ что среди болѣе или менѣе крупныхъ композиторовъ нельзя найти ни одного женскаго имени; музыка неразрывно связана со способностью движенія и ритма, а именно органы этихъ способностей, какъ это ни кажется изумительнымъ, менѣе развиты у женщины.

Если мы теперь закончимъ обзоръ частностей и охватимъ всю совокупность вторичныхъ половыхъ признаковъ, то мы въ правѣ будемъ попытаться сдѣлать дальнѣйшую группировку ихъ, хотя мы и должны согласиться, что она, съ одной стороны, еще содержитъ въ себѣ остатокъ субъективныхъ воззрѣній, какъ и всякое обобщеніе, и потому должна остаться доступной критикѣ и поправкамъ, — а съ другой стороны, что каждый отдѣльный признакъ можно, въ большинствѣ случаевъ, разсматривать съ различныхъ точекъ зрѣнія, и оттого границы группировки не могутъ быть рѣзко очерчены. Наша группировка совпадаетъ, до извѣстной степени, съ упомянутой въ началѣ главы группировкой Эллиса, но не соотвѣтствуетъ ей.

Въ первой группѣ мы объединяемъ всѣ признаки, имѣющіе близкое отношеніе къ самой половой дѣятельности и являющіеся вслѣдствіе этого связующимъ звеномъ съ первичными половыми признаками. Особенности второй группы удачно выражены въ опредѣленіи Эллиса, характеризующаго ихъ, какъ „свойства, рѣзче отличающія одинъ полъ отъ другого и этимъ дѣлающія ихъ привлекательнѣе другъ для друга“. Третья группа обнимаетъ собой признаки, обусловливающіе, говоря кратко, большую физическую слабость женщины.

Къ первой группѣ вторичныхъ признаковъ мы относимъ прежде всего характерное развитіе грудныхъ железъ (разъ мы не включаемъ ихъ въ число первичныхъ половыхъ признаковъ) и различіе костнаго таза у мужчины и у женщины. Но это послѣднее находится, въ свою очередь, въ связи съ цѣлымъ рядомъ другихъ признаковъ. Такъ, напримѣръ, большая ширина женскаго таза прямо обусловливаетъ собой форму и постановку бедра и такъ называемую физіологическую X-подобную форму ногъ. Съ другой стороны, пропорціи туловища объясняются анатомическими условіями организма во время беременности; сюда относятся размѣръ и форма живота, изгибъ позво-

почнаго столба и степень наклона таза, — быть можетъ, также болѣе обильный слой жира, какъ запасной матеріалъ. Относительно небольшой размѣръ женской грудной клѣтки также отчасти можетъ быть объясненъ большимъ пространствомъ, занимаемымъ животомъ; но такъ какъ это сопряжено въ сущности съ болѣе слабой дѣятельностью дыханія, то это явленіе должно быть отнесено, слѣдовательно, къ нашей третьей группѣ. Но большая ширина нижняго діаметра женской грудной клѣтки, не изуродованной корсетомъ, должна быть причислена во всякомъ случаѣ къ этой же группѣ.

Вторая группа наша включаетъ тѣ особенности, которыя создали самое понятіе вторичныхъ половыхъ признаковъ и которыми обусловливаются также очевидныя различія половъ у высшихъ животныхъ; они представляютъ собой, такъ сказать, украшенія половъ, предназначенныя производить на другой полъ впечатлѣніе привлекательности и красоты. Такимъ образомъ, и они косвенно служатъ дѣлу размноженія. Къ нимъ относятся различія въ строеніи гортани и въ голосѣ, волосяной покровъ, — пожалуй, также цвѣтъ кожи и глазъ. Различія физической силы обоихъ половъ несомнѣнно также вліяютъ въ этомъ смыслѣ, но такъ какъ они первоначально вызваны не этой причиной, то это позволяетъ отнести ихъ къ особой группѣ.

Къ этой третьей группѣ, элементы которой обусловливаютъ собой меньшую физическую работоспособность, болѣе слабое развитіе у женщинъ способности совершать различныя движенія, слѣдуетъ отнести прежде всего меньшій размѣръ женскаго тѣла. Имъ объясняется относительная величина отдѣльныхъ внутреннихъ органовъ. Но въ немъ же кроется также объясненіе разницы пропорцій мужского и женскаго тѣла, меньшая (хотя правда, незначительно) длина нижнихъ конечностей и замѣтно-меньшая длина верхнихъ конечностей. Всего ярче выражается признакъ всей группы въ развитіи мускулатуры; слабость женской мускулатуры обусловливаетъ собой болѣе нѣжный скелетъ и менѣе сильное развитіе мозга, а также менѣе интенсивное сгораніе веществъ, что объясняетъ намъ менѣе сильное развитіе грудной клѣтки и дыхательнаго аппарата, такъ же какъ и меньшее количество носителей кислорода въ составѣ крови — красныхъ кровяныхъ тѣлецъ.

Этимъ можетъ быть объяснено также болѣе слабое развитіе челюстного аппарата, но это послѣднее связано еще и съ другимъ фактомъ: слабость мускулатуры отводитъ женщинѣ менѣе активную роль въ физической борьбѣ за существованіе, въ опасностяхъ борьбы съ врагами — звѣрями и людьми, а въ этой физической борьбѣ большую защиту для мужчины представляетъ болѣе сильное развитіе бровныхъ дугъ, но, какъ орудіе, не лишено значенія и болѣе сильное развитіе челюстного аппарата. Говоря о борьбѣ, мы должны представлять себѣ не современную войну съ дальнобойнымъ огнестрѣльнымъ орудіемъ, — мы должны принять во вниманіе, что культурная эпоха человѣчества представляетъ крайне малый промежутокъ времени въ сравненіи съ огромнымъ промежуткомъ времени, какой необходимъ для преобразованія видовъ. Этимъ объясняется то, что даже цивилизованный мужчина кое въ чемъ еще остается ближе къ животному,

въ особенности къ обезьянѣ, чѣмъ женщина, — что онъ обнаруживаетъ „питекоподобныя“ черты, къ которымъ можетъ быть причислена, помимо развитія скелета лица, также длина конечностей.

Эта меньшая сила физическаго развитія не ограничивается одной бѣлой расой; она наблюдается, хотя и въ меньшей степени, и у древнихъ расъ, даже тамъ, гдѣ нѣкоторые виды физическаго труда, какъ, напримѣръ, земледѣліе, лежатъ преимущественно на женщинѣ. Женщина всегда ростомъ меньше мужчины (изрѣдка встрѣчающіяся противоположныя данныя должны быть объяснены, повидимому, недостаточнымъ количествомъ изслѣдованныхъ индивидуумовъ или недостаточной точностью изслѣдованія), и дѣятельность, требующая особенной силы и ловкости и быстроты, какъ, напр., охота и война, всегда является обязанностью мужчины.

Въ этихъ глубокихъ различіяхъ половъ мы должны усмотрѣть результатъ приспособленія ихъ къ различнымъ задачамъ ихъ въ общей экономіи живой природы и въ особенности человѣческаго рода, — и въ сочиненіяхъ почти всѣхъ авторовъ, писавшихъ по этому вопросу, мы встрѣчаемся съ этой идеей. Въ частности, причина меньшей двигательной дѣеспособности женщины можетъ быть усмотрѣна, какъ мы уже упоминали въ первыхъ главахъ предыдущей части, въ продолжительности періода человѣческаго развитія. Продолжительность беременности обусловливаетъ собой даже и у дикихъ народовъ извѣстное бережное отношеніе къ женщинѣ въ теченіе цѣлыхъ мѣсяцевъ, а долгая безпомощность развивающагося человѣка, необходимость надзора за потомствомъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ и его воспитанія приковываютъ женщину къ дѣтямъ со стихійной силой закона природы и препятствуютъ свободной дѣятельности внѣ семьи, именно въ пору самаго крѣпкаго возраста. Не умственныя, а физическія требованія предъявляются къ женщинѣ меньшія, вслѣдствіе тѣсныхъ отношеній ея къ нарождающемуся поколѣнію, и эти требованія должны были создать особыя отличія въ женскомъ организмѣ.

На мужчинѣ лежитъ обязанность — въ виду самаго физическаго развитія его — добывать пищу и защищать семью отъ внѣшнихъ опасностей; на женщинѣ — забота о домѣ и о развивающемся потомствѣ. Высшее отличіе человѣка отъ животнаго — его разумъ — обусловливаетъ въ то же время продолжительность его дѣтства и необходимость сохраненія того подраздѣленія человѣчества на сильный и слабый полъ, которое такъ часто оспаривается въ настоящее время, но имѣетъ твердое біологическое основаніе.

* * *

Въ дополненіе къ изложенному въ настоящей главѣ приведемъ еще нѣсколько замѣчаній о половыхъ различіяхъ и объ оцѣнкѣ половъ. Намъ кажется это тѣмъ болѣе умѣстнымъ и полезнымъ, что въ этихъ вопросахъ существуетъ много гипотезъ, которыя люди неподготовленные принимаютъ за непреложные факты, не подлежащіе никакому сомнѣнію. Мы хотимъ разсмотрѣть здѣсь, въ какой мѣрѣ законно проповѣдывать взгляды въ родѣ нижеслѣдующихъ.

Съ очень рискованными утвержденіями выступаетъ, напримѣръ, Гавелоккъ Эллисъ:

„Человѣкъ также удаляется все больше и больше въ теченіе своей жизни отъ спеціальнаго человѣческаго типа, который онъ обнаруживаетъ въ первые годы жизни, обезьяна же за свою недолгую жизнь подвергается въ гораздо большей степени вырожденію и преждевременному старчеству. Обезьяна вступаетъ въ жизнь съ богатыми человѣческими задатками, отъ которыхъ сильно удаляется на протяженіи жизни; человѣкъ рождается съ еще болѣе богатыми человѣческими, даже сверхъ-человѣческими задатками и тоже удаляется мало-по-малу, хотя и менѣе значительно, отъ дѣтскаго типа, приближаясь больше къ обезьяньему. У высшихъ млекопитающихъ, — у человѣка и обезьяны, существуетъ, повидимому, до рожденія и нѣкоторое время послѣ него быстрое и энергичное стремленіе въ сторону восходящей зоологической линіи развитія, а затѣмъ наступаетъ періодъ, когда зародышевое или дѣтское развитіе совершается уже не по восходящей линіи, а устроено такъ, что соотвѣтствуетъ особымъ потребностямъ жизни вида; такимъ образомъ, вся жизнь, начиная съ этого періода, протекаетъ главнымъ образомъ путемъ развитія низшаго порядка, представляя постепенное движеніе въ сторону вырожденія и одряхлѣнія, необходимыхъ однако для сохраненія и устойчивости какъ вида, такъ и индивидуума. Можно сказать, пожалуй, что зародышевое развитіе, совершающееся въ защищенныхъ отъ внѣшняго міра условіяхъ, являетъ собой — взятое абстрактно — тенденцію движенія вверхъ, послѣ же рожденія все дальнѣйшее развитіе состоитъ только въ конкретномъ приспособленіи къ окружающей средѣ, лишенномъ какого бы то ни было стремленія къ прогрессивному зоологическому развитію“.

„По нѣкоторымъ своимъ признакамъ взрослый европеецъ, несомнѣнно, всего дальше отошелъ отъ обезьяны и отъ первоначальнаго человѣческаго типа, съ одной стороны, и дѣтскаго типа, съ другой“.

„Что взрослый мужчина представляетъ гораздо большее уклоненіе отъ дѣтскаго типа, чѣмъ взрослая женщина, — въ общемъ вполнѣ вѣрно. Чтобы правильно оцѣнить значеніе близости женской организаціи къ дѣтской, мы должны составить себѣ ясное понятіе о томъ положеніи, которое занимаетъ ребенокъ у человѣка и родственныхъ ему видовъ животныхъ. Мы уже указывали на тотъ поразительный фактъ, что человѣкообразныя обезьяны гораздо ближе стоятъ къ человѣку въ младенческомъ возрастѣ, чѣмъ въ зрѣломъ, т. е. что обезьяна въ грудномъ возрастѣ стоитъ на скалѣ развитія выше, чѣмъ взрослая обезьяна, а самка обезьяны, благодаря своей большей близости къ дѣтскому типу, нѣсколько выше взрослаго самца. Грудной ребенокъ занимаетъ въ своей породѣ то же мѣсто, что грудной дѣтенышъ обезьяны въ своей, — откуда слѣдуетъ, что новорожденный человѣкъ занимаетъ также соотвѣтствующее положеніе и на пути прогрессивнаго развитія своей расы“.

„Если мы обратимся къ разслѣдованію высшаго человѣческаго типа, каковымъ признаются геніальные люди, то мы найдемъ въ немъ поразительное сходство съ дѣтскимъ типомъ.

Геніальные люди бываютъ обыкновенно небольшого роста, обладаютъ умѣреннымъ головнымъ мозгомъ и общимъ выраженіемъ лица, какъ и своимъ темпераментомъ, напоминаютъ ребенка“.

„У человѣка, начиная приблизительно съ третьяго года жизни, дальнѣйшій ростъ означаетъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ переходъ къ вырожденію и одряхлѣнію“.

„Надо замѣтить еще, что, по даннымъ, полученнымъ многими изслѣдователями, ученый, къ типу котораго сильно приближается современный человѣкъ, занимаетъ какъ физически, такъ и психически, среднее мѣсто между типомъ женщины и типомъ средняго мужчины. На всемъ протяженіи культурнаго развитія мы видимъ, что мужчина все больше приближается къ женщинѣ и съ большей энергіей, большей глубиной и часто съ большей эксцентричностью овладѣваетъ сферой ея дѣятельности“.

Г. Эллисъ стоитъ, слѣдовательно, на той точкѣ зрѣнія, что болѣе индифферентное устройство ребенка представляетъ собой наиболѣе чистый человѣческій типъ, — принимая, такимъ образомъ, незаконченное развитіе формы за самый типъ, который будто бы переходитъ въ вырожденіе и дряхлость приблизительно съ третьяго года жизни. Почему именно съ третьяго года, а не со второго или съ четвертаго, пятаго, — этого онъ не говоритъ, хотя любопытство читателя возбуждается именно на этомъ пунктѣ и ждетъ обстоятельнаго объясненія. Вѣдь органическій типъ долженъ характеризоваться ясно выраженными для нашихъ чувствъ признаками, а ихъ-то названный авторъ и не приводитъ. Если стать на анатомическую точку зрѣнія, то типъ всѣхъ живыхъ существъ и, разумѣется, также и человѣка долженъ представляться въ самомъ чистомъ видѣ въ томъ періодѣ, когда организмъ достигаетъ своего расцвѣта, т. е. завершаетъ свой ростъ и достигаетъ половой зрѣлости и той ступени умственнаго развитія, которая дѣлаетъ его способнымъ вести съ успѣхомъ борьбу за существованіе. Въ той формѣ, въ которой тѣло, по Эллису, переходитъ уже въ состояніе вырожденія и одряхлѣнія, оно тѣмъ не менѣе всего лучше отвѣчаетъ главному требованію природы, цѣлью которой является, конечно, прежде всего сохраненіе вида, а не демонстрація незаконченной формы. Передъ приведеннымъ фактомъ отступаютъ, конечно, на задній планъ всѣ остальные виды дѣятельности организмовъ, и, слѣдовательно, мысль Эллиса о томъ, что дѣтство представляетъ чистѣйшій типъ человѣческій, несостоятельна.

По вопросу о вторичныхъ половыхъ признакахъ высказался недавно О. Шульце. Его взглядъ заключается въ томъ, что менструація, вслѣдствіе вызываемаго ею ослабленія, представляетъ существенную причину того факта, что женщина уступаетъ мужчинѣ въ развитіи мускулатуры и что ея органы остаются большею частью ближе къ дѣтскому типу. Млекопитающія, за исключеніемъ обезьяны, не имѣютъ менструаціи, и потому будто бы у нихъ (за исключеніемъ домашнихъ животныхъ) вторичные половые признаки, поскольку рѣчь идетъ о разницѣ мускулатуры и силы, далеко не такъ рѣзко отличны, какъ у человѣка. Но вторичные половые признаки очень явственно выражены и у дикихъ животныхъ, копытныхъ и хищныхъ (оленей, козулей, львовъ), что же ка-

сается самокъ (лишенныхъ менструаціи), то надо замѣтить съ одной стороны, что пора течки далеко не такъ отражается на нихъ физически, какъ на самцахъ, и тѣмъ не менѣе онѣ меньше и слабѣе, — съ другой же стороны, самка часто и превосходитъ самца величиной и силой (насѣкомыя). Это доказываетъ, что величина ихъ не первично одинакова, а представляетъ собой приспособленіе къ тѣмъ или инымъ условіямъ жизни.

Что касается споровъ о большемъ или меньшемъ совершенствѣ того или другого пола — это рѣчи праздныя; съ естественно-научной точки зрѣнія, въ предѣлахъ своего вида и въ отношеніи задачи, поставленной каждому, оба они одинаково совершенны.

Въ предыдущей статьѣ былъ высказанъ взглядъ, къ которому нельзя не присоединиться: половыя различія были представлены по отношенію къ физической дѣеспособности, какъ функціональное приспособленіе къ раздѣленію труда въ интересахъ сохраненія рода. Прибавимъ, что половыя различія были пріобрѣтены не отъ ослабленія, а отъ раздѣленія труда.

Рис. 193. Дары Венеры. По картинѣ А. Кабанаділя.

Глава вторая.

Красота женщины.

(Прив.-доц д-ръ Юлій Вейссъ, Вѣна.)

Съ древнѣйшихъ временъ поэты всѣхъ народовъ воспѣвали женскую красоту. Гомеръ, напримѣръ, всего ярче изображетъ красоту Елены, говоря о томъ могущественномъ вліяніи, какое оказала она на совѣтъ старѣйшинъ. Гете разсказываетъ о томъ „потрясающемъ впечатлѣніи", которое произвела на него, во время путешествія по Швейцаріи, прекрасная, дивно сложенная женщина: „Я говорю тебѣ о моихъ размышленіяхъ, а не о впечатлѣніяхъ, потому что у меня нѣтъ словъ, которыми я могъ бы изобразить тебѣ рядъ восхитительныхъ картинъ, которыя скромно и прилично развернула предо мной красавица".

Я въ этомъ пышномъ бѣломъ тѣлѣ
Всѣ совершенства созерцалъ —

говоритъ Фаустъ Мефистофелю, пораженный видѣніемъ Маргариты, мелькнувшимъ передъ нимъ въ „кухнѣ вѣдьмы", и Мефистофель замѣчаетъ съ снисходительнымъ одобреніемъ:

Что жъ, если Богъ шесть дней трудился
И крикнуть „браво!" самъ рѣшился. —
Тутъ можно толку ожидать.

. . . . . Свои дары, какъ мать,
Предъ ней повергла щедрая природа —

говоритъ Байронъ въ „Донъ-Жуанѣ" о доннѣ Джуліи: —

Въ ея глазахъ и черныхъ, и большихъ
Огонь сверкалъ. Любовь и гордость чаще,

Чѣмъ ненависть и гнѣвъ, читаешь въ нихъ.
(Не знаю я, что глазъ прелестныхъ слаще!)
Порою сквозь рѣсницъ ея густыхъ
Просвѣчивалъ желанья лучъ палящій..
. . . .

Змѣей вилась коса ея густая.
Какъ радуга, ея сгибалась бровь,
Дышала въ ней восторженность живая,
Какъ молнія, въ ней пробѣгала кровь,
Прозрачный блескъ на лобъ ея бросался;
Прильетъ, горя, и вотъ отхлынетъ вновь.

Сложенье, статность, ростъ, — все въ ней плѣняло.
(Сложенныхъ дурно женщинъ чту я мало.)

И въ другомъ мѣстѣ (о султаншѣ, пѣснь V) —

Красы ея не въ силахъ описать я,
И лучше — я стихомъ бы ослѣплялъ:
Словами невозможно дать понятья
О совершенствѣ. Свѣтлый идеалъ
Лишь можетъ рисовать воображенье,
А потому и слово безъ значенья.
Служа красѣ, мы идеалу служимъ.

Часто мы встрѣчаемъ сравненія женской красоты съ прекрасными произведеніями природы:

Ея рука на груди обнаженной
Для стѣнъ слоновой кости — злой таранъ...

Румянецъ твой такъ нѣженъ, что лиліи блѣдны
Отъ зависти — и розы смущены...

(Шекспиръ, „Лукреція“ и „Венера и Адонисъ“.)

Извѣстенъ гимнъ, который поетъ Гейне женской красотѣ въ стихотвореніи „Пѣснь пѣсней“:

Да, тѣло женское есть пѣснь —
Высокая пѣснь пѣсней;
Упругихъ членовъ — пѣсни строфъ —
Что можетъ быть чудеснѣй?
А шея? Сколько мыслей въ ней,
И какъ построенъ ловко
На ней поэмы главный смыслъ —
Кудрявая головка!
Какъ остроумія полны
Бутоны груди чудной!
Какъ много дивной красоты
Въ цезурѣ междугрудной!

Даже великіе художники слова испытываютъ затрудненія передъ задачей описанія тѣлесной красоты. Вотъ почему Лессингъ не безъ основанія считалъ художниковъ лучшими выразителями и пѣвцами женской красоты. Вотъ что онъ говоритъ по этому поводу въ своемъ „Лаокоонѣ“:

„Тѣлесная красота составляется изъ согласнаго впечатлѣнія, производимаго совокупностью многихъ различныхъ частей, когда ихъ можно обнять глазомъ одновременно. Она требуетъ, слѣдовательно, какъ непремѣннаго условія, чтобы эти части расположены были рядомъ; а такъ какъ эта возможность дана только живописи, то и воспроизводить тѣлесную красоту можетъ только живопись, она одна“.

Наряду съ живописью заслуживаетъ быть поставлена скульптура. Она еще правдивѣе и серьезнѣе, потому что она не терпитъ ни шутовства, ни дурачества, ни смѣшного и очень рѣдко допускаетъ комизмъ. Мраморъ не смѣется, говорилъ Дидро.

Оцѣнкой и критикой женской красоты занимались, помимо поэтовъ, и ученые различныхъ спеціальностей. Въ сочиненіяхъ философовъ, въ особенности изучавшихъ теорію красоты (эстетику), въ трудахъ по всеобщей исторіи и особенно по исторіи искусствъ, даже въ сочиненіяхъ по вопросамъ здоровья (гигіены) и, наконецъ, по общественно-политическимъ наукамъ мы находимъ множество наблюденій и соображеній, изъ которыхъ можно вывести законы, могущіе служить масштабомъ красоты формъ женскаго тѣла.

Докторъ Штратцъ впервые примѣнилъ къ оцѣнкѣ женской красоты новый методъ, — методъ исключенія явныхъ недостатковъ тѣлесныхъ формъ. Этимъ методомъ воспользуемся и мы.

Многіе ученые пытались установить типъ такъ называемой нормальной фигуры. Правила извѣстной соразмѣрности фигуры называются канономъ, а мѣра, принятая за основную, называется модулемъ. Египетскій канонъ принимаетъ за модуль длину средняго пальца, длина котораго должна равняться будто бы девятнадцатой части длины всего тѣла. Другія системы принимаютъ извѣстное соотношеніе между длиной всего тѣла и различными другими частями его. Извѣстнѣе другихъ канонъ Поликлета, согласно которому лицо составляетъ десятую часть, а голова восьмую часть общей длины тѣла. Въ послѣднее время пытались найти другой способъ опредѣленія нормальной фигуры, выводя путемъ сравненія наивозможно большаго числа размѣровъ отдѣльныхъ частей тѣла средній нормальный размѣръ для каждаго возраста и пола и каждой народности. Такъ, напримѣръ, американскій ученый Сарджентъ (Sargent) произвелъ измѣренія двухъ тысячъ юношей и дѣвушекъ въ возрастѣ 20 лѣтъ и изготовилъ по среднимъ размѣрамъ двѣ глиняныя модели, бывшія на выставкѣ въ Чикаго.

Наибольшій успѣхъ имѣлъ методъ берлинскаго анатома Г. Фритша, принявшаго за модуль длину линіи между нижнимъ концомъ носа и верхнимъ краемъ лоннаго сращенія при абсолютно прямомъ перпендикулярномъ положеніи тѣла.

Точныя сравнительныя измѣренія хорошо сложенныхъ лицъ даютъ всегда одинаковыя цифры. Чтобы примѣнить эти нормальныя данныя къ другимъ фигурамъ, т. е. провѣрить правильность ихъ сложенія, надо производить измѣренія по установленнымъ опредѣленнымъ линіямъ, проходящимъ между точками, неизмѣнно опредѣляемыми костнымъ скелетомъ и сочлененіями. Такія точки и линіи указаны Фритшемъ въ его системѣ измѣреній.

Формы человѣческаго тѣла скадываются еще въ утробѣ матери. Различныя неправильности развитія, происходящія либо отъ внѣшнихъ вліяній, либо отъ неизвѣстныхъ намъ внутреннихъ причинъ, могутъ нарушить равномѣрное дальнѣйшее развитіе тѣла. И эти разстройства приводятъ или къ частичнымъ уродливостямъ, или къ мертворожденіямъ, или къ смерти младенца тотчасъ послѣ рожденія.

Болѣзни въ младенческомъ возрастѣ и въ первые годы дѣт-

ства вызываютъ всевозможныя неправильности роста формъ различныхъ частей тѣла. Такъ, напримѣръ, англійская болѣзнь является причиной искривленій берцовыхъ костей, которыя бываютъ иногда такъ значительны, что между ногами, плотно придвинутыми одна къ другой колѣнами, и ступнями образуется отверстіе въ формѣ буквы О. Иногда та же болѣзнь причиняетъ искривленія не внутрь, а наружу, въ колѣнномъ сочлененіи, такъ что ноги принимаютъ форму буквы X. Нѣкоторыя искривленія позвоночника, результатъ рахита, являются слѣдствіемъ ненормальной мягкости позвонковъ.

Прослѣдимъ ходъ развитія новорожденнаго. Чѣмъ цѣлесообразнѣе питается младенецъ, чѣмъ здоровѣе получаемый имъ необходимый питательный матеріалъ (бѣлокъ, жиръ, углеводы, соли), наилучше усвояемый его тѣломъ (первое мѣсто здѣсь занимаетъ женское молоко, грудь матери или кормилицы), тѣмъ равномѣрнѣе совершается его тѣлесное развитіе. Кожа пріобрѣтаетъ здоровый цвѣтъ и плотно обтягиваетъ лежащія подъ ней части, жиръ откладывается подъ ней равномѣрнымъ слоемъ, особенно во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, въ которыхъ кожа покрываетъ кости, не имѣя подъ собой соотвѣтственнаго слоя мяса (мышцъ, мускуловъ). Самые мускулы наростаютъ все болѣе толстымъ и упругимъ слоемъ, благодаря чему округляются всѣ выступающія части, заполняются всѣ впадины и сглаживаются складки. Если же питательнаго матеріала доставляется недостаточно или же онъ неудовлетворителенъ качественно, такъ что организмъ не получаетъ какихъ-нибудь питательныхъ составныхъ частей, то тѣло питается плохо, задерживается ростъ, формы становятся некрасивыми и тѣло негармоничнымъ.

Разумѣется, это относится не только къ младенческому и дѣтскому возрасту, но и къ позднѣйшему, такъ какъ всякое разстройство питанія, всякое болѣе или менѣе серьезное заболѣваніе вліяютъ въ большей или меньшей степени на измѣненія полноты тѣла и его формъ.

Нѣкоторыя уродливости, образующіяся въ тѣлѣ въ теченіе періода роста и въ болѣе позднемъ возрастѣ, вызываются особыми условіями образа жизни и профессіи. Неправильное сидѣніе на школьныхъ партахъ производитъ искривленія позвоночнаго столба, продолжительное стояніе вызываетъ плосконогость (плоская стопа) и X-образную форму ногъ такъ же, какъ и рахитъ; такія же послѣдствія влечетъ за собой пребываніе въ спертомъ воздухѣ мастерскихъ, въ плохо провѣтриваемыхъ помѣщеніяхъ, такъ какъ это вызываетъ малокровіе и блѣдную немочь, какъ это наблюдается часто у дѣвушекъ, отправляемыхъ на работу въ томъ возрастѣ, когда организмъ еще не сложился, — у портнихъ, модистокъ, корсетницъ, кухарокъ и т. д. Гибельное вліяніе оказываютъ въ особенности тѣ ядовитыя вещества, которыя проникаютъ въ организмъ работницъ при вдыханіи свинцовой пыли, какъ это бываетъ въ типографіяхъ, на позументныхъ фабрикахъ и т. д. Молодыя, цвѣтущія существа становятся малокровными, десны ихъ окаймляются сѣрой полоской, разстройства пищеваренія въ связи съ сильными болями въ животѣ, коликами, нарушаютъ правильное питаніе, — и бѣдныя созданія худѣютъ, теряя надолго не только здоровье, но и красоту.

Физическій трудъ самъ по себѣ не вреденъ для здоровья и красоты; самыя здоровыя и красивыя дѣвушки встрѣчаются среди несущихъ тяжелый трудъ крестьянскихъ дѣвушекъ и среди городской прислуги. Трудъ оживляетъ кровообращеніе, способствуетъ пищеваренію, укрѣпляетъ мускулы и — какъ гимнастика — благопріятствуетъ здоровью и красотѣ.

Особенно большое значеніе имѣетъ для женщины половая жизнь. Ко времени наступленія половой зрѣлости дѣвушка расцвѣтаетъ, какъ распускается розовый бутонъ. При благопріятныхъ общихъ условіяхъ питанія и здоровья вообще, формы развиваются и находятся въ полномъ расцвѣтѣ приблизительно до тридцатаго года жизни. Около этого времени начинается увяданіе, и оно прогрессируетъ постепенно изъ года въ годъ до критическаго момента, наступающаго, большей частью, между сороковымъ и сорокъ пятымъ годомъ жизни. Съ прекращеніемъ половой дѣятельности, наступаетъ пожилой возрастъ женщины-матроны, продолжающійся приблизительно отъ сорока пяти до шестидесяти лѣтъ, а затѣмъ наступаетъ старость. Таковъ процессъ развитія женской красоты въ нашихъ климатахъ; въ южныхъ странахъ онъ протекаетъ нѣсколько быстрѣе, въ сѣверныхъ — нѣсколько медленнѣе.

Существенное вліяніе оказываетъ на процессъ созрѣванія женской красоты функціи женщины, какъ матери. Каждые роды отнимаютъ у нея часть красоты; чѣмъ чаще и съ меньшими промежутками слѣдуютъ одни роды за другими, чѣмъ труднѣе они протекаютъ и чѣмъ болѣе усложняются болѣзненными процессами, тѣмъ большій ущербъ терпятъ видъ и формы женскаго тѣла. Въ какой мѣрѣ и какъ именно измѣняются и уродуются тѣ или иныя части тѣла, объ этомъ будетъ сказано ниже. Дѣло кормленія также оказываетъ свое вліяніе на красоту женскаго тѣла и прежде всего, что вполнѣ понятно, на груди. На общее же состояніе организма кормленіе дурно не вліяетъ и не только не разслабляетъ его, какъ думали прежде врачи, но, напротивъ, укрѣпляетъ, что слѣдуетъ приписать болѣе энергичному обмѣну веществъ вслѣдствіе лучшаго питанія въ періодъ кормленія.

Если исключить нѣкоторыя измѣненія живота и грудей, то и беременность, какъ ни глубоко ея вліяніе на организмъ женщины, не причиняетъ никакого ущерба красотѣ, если только женщина имѣетъ возможность хорошо поправиться и окрѣпнуть послѣ перенесенныхъ родовъ и если до новой беременности организмъ отдыхаетъ, по меньшей мѣрѣ, въ продолженіе двухъ лѣтъ. Всѣ подтверждаютъ, напротивъ, что радостное чувство обладанія ребенкомъ молодитъ женщину, и молодая мать расцвѣтаетъ очень часто еще пышнѣе.

Слишкомъ частые роды, быстро слѣдующіе одни за другими, въ связи съ выкидышами, сопряженными съ большой потерей крови, ужасающимъ образомъ изнуряютъ не только женщинъ рабочаго класса, вынужденныхъ тотчасъ послѣ родовъ возвращаться къ работѣ, но и женщинъ достаточныхъ классовъ; часто онѣ лѣтъ въ тридцать имѣютъ видъ истощенныхъ, измученныхъ пожилыхъ женщинъ, лишенныхъ какой бы то ни было женской привлекательности. Разумѣется, иногда попадаются исключенія изъ этого правила.

Какъ страшно разрушительно вліяютъ иногда, съ другой стороны, даже одни единственные роды, показываетъ примѣръ одной натурщицы, которая славилась своей красотой среди вѣнскихъ художниковъ и самымъ прискорбнымъ образомъ утратила ее послѣ рожденія одного ребенка. На рис. 194, представляющемъ ея фотографію, мы видимъ вяло повисшія груди, выступающія изъ-подъ кожи ребра, отвислый животъ съ явственными рубцами, слѣдами беременности. И при всемъ этомъ со стороны спины (рис. 195) ясно видны благородныя линіи былой красоты этой женщины. По прекраснымъ формамъ таза и бедеръ, сѣдалища и ляшекъ никакъ нельзя предположить, что это тѣло представляетъ спереди такой некрасивый видъ.

Самыя половыя сношенія, физическое общеніе съ мужчиной, нисколько не вліяетъ дурно на женщину, если оно совершается нормально. Опытные врачи не безъ основанія утверждаютъ, что женщины, чувственныя по темпераменту, утрачиваютъ красоту, если бываютъ вынуждены обходиться безъ половыхъ сношеній, и изумительно расцвѣтаютъ, когда представляется возможность для нихъ. Правда, въ настоящее время врачи уже не смотрятъ на замужество, какъ на лучшее средство отъ блѣдной немочи, но что нѣкоторыя нервныя разстройства улучшаются и исчезаютъ въ бракѣ, это — твердо установленный фактъ.

Рис. 194. Молодая женщина съ вяло повисшими грудями, отвислымъ животомъ и явственными рубцами послѣ первой беременности.

Но если половыя сношенія происходятъ ненормальнымъ порядкомъ, если они сопровождаются такъ называемыми извращеніями, то они оказываютъ безусловно вредное вліяніе не только на здоровье, но и на красоту женщины. Послѣдствіемъ такихъ прегрѣшеній противъ природы являются тяжелыя нервныя разстройства и истерія.

Помимо всякаго рода извращеній, немаловажное вліяніе на здоровье женщины и вмѣстѣ съ тѣмъ на ея красоту оказываетъ и совпаденіе, гармонія полового воспріятія обѣихъ сторонъ. Излишнія пылкость и страстность мужчины, требующія слишкомъ частаго общенія, такъ же гибельны для здоровья и красоты женщины, какъ и половая вялость и недостаточное удовлетвореніе, испытываемое женщиной отъ полового общенія. Здѣсь не мѣсто для болѣе обстоятельнаго разсмотрѣнія этого вопроса; для этого отсылаю читателя къ главѣ „Половая жизнь мужчины“ (въ I части наст. тома) и къ послѣдующей главѣ „Половая жизнь женщины“.

Самое различное вліяніе оказываютъ

на формы тѣла многія болѣзни. Наиболѣе глубокія измѣненія производятъ тѣ болѣзни, процессъ которыхъ совершается преимущественно въ костяхъ. Сущность англійской болѣзни состоитъ, какъ извѣстно, въ томъ, что кости усваиваютъ въ періодъ роста слишкомъ мало известковыхъ солей, становятся мягкими, отчего и происходятъ самые разнообразные выгибы и искривленія. При разумномъ и умѣломъ уходѣ очень многія измѣненія, образующіяся въ раннемъ дѣтствѣ, часто вполнѣ исчезаютъ впослѣдствіи. Остающіяся же уродливости бываютъ, конечно, различной степени: иногда онѣ настолько существенныя, что замѣтны даже неопытному глазу подъ одеждой, иногда же настолько незначительны, что ихъ можетъ замѣтить только зоркій глазъ врача или художника.

Рис. 195. Та же женщина, что на рис. 194; видъ сзади.

Что касается послѣднихъ, нельзя не упомянуть, что даже выдающіеся художники кисти и рѣзца пользуются иногда, какъ это видно изъ ихъ произведеній, натурами, носящими явные слѣды болѣзненныхъ искаженій формъ. Напримѣръ, на рис. 196, изображающемъ прелестно сложенную фигуру вѣнки двадцати одного года, только острый глазъ изслѣдователя-врача различитъ на нижнихъ конечностяхъ явные слѣды перенесеннаго рахита, сказывающагося въ контурахъ утолщеннаго колѣннаго сочлененія и въ совершенномъ исчезновеніи нормальныхъ линій контуровъ между бедрами и голенью. Точно также, если внимательно вглядѣться въ изображенную на рис. 197 фигуру натурщицы-берлинки, можно замѣтить, что она представляетъ въ нижней трети своей легкое искривленіе, характеризующее результатъ рахита — ноги въ формѣ буквы О.

Наряду съ рахитомъ, чаще всего туберкулезъ бываетъ причиной различныхъ неправильностей фигуры. Прежде всего, залѣченный туберкулезъ часто надолго оставляетъ выпуклыя возвышенности позвонковъ. Костоѣда реберъ влечетъ за собой неравномѣрное вдавливаніе и углубленіе ихъ съ болѣе или менѣе замѣтными рубцами на кожѣ. Послѣдствіемъ самаго частаго вида туберкулеза, легочнаго, является мускульное истощеніе и неравномѣрное развитіе всего скелета груди, что особенно

Худож. изд. Рекнагеля въ Мюнхенѣ.

Рис. 196. Прекрасно сложенная фигура вѣнки 21-го года, но со слѣдами рахита въ нижнихъ конечностяхъ.

явственно обнаруживается тогда, когда легочное заболѣваніе сопровождается воспаленіями подреберной плевы (плевры), ведущими къ сращеніямъ между ребрами, подреберной плевой и легкими.

Но къ такимъ уродливостямъ ведутъ не только легочныя заболѣванія, сопровождающіяся явными болѣзненными явленіями: наслѣдственное предрасположеніе къ туберкулезу также способствуетъ образованію некрасивыхъ формъ. Въ медицинѣ существуетъ терминъ „habitus phtisicus“, — имъ характеризуется такое строеніе грудной клѣтки и верхнихъ шейныхъ частей, которое свидѣтельствуетъ о наклонности къ туберкулезу легкихъ. Рис. 198 представляетъ образецъ такого строенія. Грудная клѣтка узка, длинна и плоска. Ключицы сильно выдаются впередъ. Мышечные пучки выдаются изъ-подъ кожи шеи двумя стержнями. Впадины надъ ключицами нѣсколько глубже, чѣмъ слѣдуетъ. Какъ ни некрасива спереди фигура со впалыми глазами, съ выдающимися скулами, — со стороны спины та же фигура при легкомъ поворотѣ лица назадъ и кверху (рис. 199) оказывается очень красивой. Недостатки грудной клѣтки и шеи въ этомъ положеніи не видны, а формы нижнихъ частей тѣла пластично красивы.

Родственнымъ туберкулезу является такъ называемый **скрофулезъ** (золотуха). Типичными для этой болѣзни являются дѣти, плохо растущія, съ красными вѣками, съ припухшимъ носомъ, со вздутыми на подобіе опухоли губами, съ припухлостями на обѣихъ сторонахъ шеи, тамъ, гдѣ лежатъ такъ называемыя лимфатическія железы. Золотуха свойственна преимущественно дѣтскому возрасту, но часто развивается и впослѣдствіи у взрослыхъ, какъ результатъ плохого питанія. Разумѣется, самая болѣзь крайне уродуетъ формы тѣла; но и перенесенная въ дѣтствѣ болѣзнь часто оставляетъ послѣ себя на долгіе годы

некрасивые слѣды въ видѣ рубцовъ вдоль нижняго края челюсти и на обѣихъ сторонахъ шеи.

Замѣтимъ тутъ же, впрочемъ, что такія припухлости шейныхъ железъ часто встрѣчаются у очень молодыхъ дѣвушекъ съ хорошенькими и симпатичными лицами; люди несвѣдующіе ошибочно принимаютъ ихъ за золотушныхъ, тогда какъ, на самомъ дѣлѣ, такія припухлости происходятъ чаще всего отъ неопрятнаго содержанія кожи головы, отъ насѣкомыхъ въ ней.

Огромное вліяніе на общее впечатлѣніе красоты женской наружности имѣетъ цвѣтъ кожи. Красивый и чистый цвѣтъ лица — предметъ самыхъ пламенныхъ желаній многихъ молодыхъ дѣвушекъ.

Человѣческая кожа выдѣляетъ два вещества — сало и потъ. То и другое могутъ выдѣляться въ количествѣ слишкомъ большомъ, что часто случается, или слишкомъ маломъ, что встрѣчается рѣже. Главная причина нечистой кожи лица — слишкомъ обильное выдѣленіе сала. Жирная кожа впитываетъ грязь и оттого принимаетъ сѣрожелтоватый оттѣнокъ. Вслѣдствіе слишкомъ сильнаго выдѣленія жира, отверстія кожныхъ железъ (поры) закупориваются, въ нихъ скопляется грязь, и оттого образуются тѣ черныя точки, которыя извѣстны подъ названіемъ угрей. Часто кожа воспаляется вокругъ этихъ железъ, и тогда образуются красные нарывики, называемые прыщиками.

Когда кожа выдѣляетъ недостаточно кожнаго сала, она лущится и шелушится. Между облущившимися точками скопляется грязь, и тогда кожа также пріобрѣтаетъ некрасивый сѣрый оттѣнокъ.

Обильное выдѣленіе пота сказывается въ сильномъ потѣніи рукъ, ногъ и подмышекъ. Особенно часто и сильно страдаютъ потѣніемъ подмышекъ женщины полныя.

Болѣе или менѣе сильно вліяютъ, разумѣется, на видъ и цвѣтъ кожи различныя внутреннія болѣзни, точно такъ же, какъ и всѣ болѣзни кожи въ болѣе обширномъ смыслѣ этого слова, извѣстныя и въ общежитіи подъ именемъ сыпей, лишаевъ, крапивницъ и т. д.

По фотогр. Риттера въ Берлинѣ.

Рис. 197.
Берлинка съ ногами въ формѣ буквы О, — результатъ рахита.

Подъ кожей отлагается болѣе или менѣе значительный слой жира, состоящій изъ такъ называемой жировой ткани. Онъ округляетъ формы, заполняетъ углубленія, сглаживаетъ складки и играетъ очень замѣтную роль въ дѣлѣ формированія всей фигуры. Всякое чрезмѣрное накопленіе жира влечетъ за собой мѣстное или общее искаженіе формъ. Наиболѣе извѣстное явленіе такого рода представляетъ ожирѣніе живота. Жировая ткань также подвержена заболѣваніямъ; она часто пріобрѣтаетъ слизистый характеръ, какъ слѣдствіе, напримѣръ, неправильной работы щитовидной железы, или же между ея элементами скопляется вода (водянка), какъ это бываетъ при болѣзняхъ сердца и почекъ.

Ориг. сним. Бейта въ Вѣнѣ.

Рис. 198.
Уроженка Силезіи 22-хъ лѣтъ съ удлиненной грудной клѣткой.

Мускулы бываютъ или въ видѣ тяжей, или плоскіе и широкіе и прикрѣпляются къ отросткамъ или бугоркамъ костей. Расположенные между жиромъ и костями, сложно и причудливо наслоенные другъ на друга въ различныхъ положеніяхъ и направленіяхъ, они, въ совокупности своей, представляютъ то, что въ общежитіи называется мясомъ. У женщины они гораздо менѣе плотны и слабѣе развиты, чѣмъ у мужчинъ, въ особенности у женщинъ зажиточныхъ классовъ, занимающихся мало физическимъ трудомъ. При всякихъ общихъ и тяжелыхъ внутреннихъ болѣзняхъ, мускулы худѣютъ, отчего красота тѣла и лица терпитъ болѣе или менѣе сильный ущербъ. Но существуетъ и специальная болѣзнь, поражающая самые мускулы самымъ различнымъ образомъ, — иногда ихъ исхуданіе сопровождается даже безобразнымъ искаженіемъ отдѣльныхъ частей ихъ.

Мы вышли бы далеко за предѣлы нашей темы, если бы занялись разсмотрѣніемъ всѣхъ болѣзней, оказывающихъ разрушительное вліяніе на красоту отдѣльныхъ формъ. Достаточно будетъ сказать, что почти не существуетъ болѣзни, — хотя бы и мѣстнаго характера по природѣ и не поражающей всего организма, но болѣе или менѣе серьезной, — которая не отразилась бы на красотѣ, иногда только косвенно и временно причиняя ей ущербъ, въ большинствѣ же случаевъ даже разрушая ее.

Красота можетъ назваться идеальной тогда, когда всѣ части тѣла одинаково красивы. Въ дѣйствительности, это встрѣчается крайне рѣдко. Красивую голову, красивое тѣло, красивую руку или ногу можно встрѣтить часто и у лицъ, совсѣмъ некрасивыхъ въ общемъ и даже отталкивающихъ. Вотъ почему художникъ часто творитъ свои произведенія по нѣсколькимъ различнымъ моделямъ.

Разсмотримъ по порядку отдѣльныя части тѣла, сообразно требованіямъ идеала красоты.

Форма головы зависитъ главнымъ образомъ отъ своего костнаго остова, отъ черепа. Въ предыдущей главѣ подробно разсмотрѣны своеобразныя особенности женскаго черепа по сравненію его съ мужскимъ; къ ней мы и отсылаемъ читателя. Чисто женское строеніе головы отличается закругленностью всѣхъ возвышеній костей. Лобъ долженъ быть округло-выпуклый, скулы должны быть совершенно скрыты, подбородокъ долженъ имѣть мягкую овальную округлость. Впрочемъ, большая часть черепа закрыта у женщинъ волосами. Длинные и густые волосы составляютъ, какъ извѣстно, одно изъ преимуществъ женской красоты.

Рис. 199. Та же фигура, что на рис. 198, но со стороны спины, при легкомъ поворотѣ лица назадъ и кверху; въ этомъ положеніи скрыты недостатки грудной клѣтки и шеи.

При оцѣнкѣ женской красоты наибольшее значеніе придается красотѣ лица. Не только упомянутая равномѣрная округлость и не только формы отдѣльныхъ частей лица, но и все выраженіе его, весь индивидуальный характеръ, отражающійся въ немъ, составляютъ красоту лица, а часто вмѣстѣ съ тѣмъ и красоту всей наружности, такъ какъ составить безошибочное сужденіе о красотѣ остальныхъ формъ тѣла, прикрытыхъ одеждой, большей частью невозможно.

Прелестнымъ образцомъ прекраснаго лица можетъ служить портретъ Анны Гильмайръ (рис. 200), одной изъ знаменитѣйшихъ мюнхенскихъ красавицъ первой половины прошлаго столѣтія. Она была дочерью мюнхенскаго торговца дичью и была извѣстна подъ именемъ „курятницы“ („Wildbretmädel“).

Значительную роль во впечатлѣніи, производимомъ лицомъ на зрителя, играютъ **глаза**. Даже брови надъ ними должны быть извѣстнаго рисунка, при чемъ красивыми считаются такія, которыя заканчиваются удлиненными и заостренными концами по бокамъ, не слишкомъ рѣдки и не слишкомъ густы и не сра-

Рис. 200. Анна Гильмайръ. По картинѣ Іос. Стилера.

Фотогр. изд. Фр. Ганфштенгля.

стаются между собой. Красивыми считаются также ровныя, длинныя рѣсницы. Долженъ быть красивъ, далѣе, разрѣзъ глазъ, т. е. вѣки должны быть широко раскрыты и имѣть ровные края. Такъ какъ широкія глазныя впадины составляютъ типичный половой признакъ женщины, то большіе глаза должны считаться особенно красивыми.

Фотографія француженки, воспроизведенная на рис. 201, кажется особенно привлекательной, благодаря красивымъ глазамъ. Красивыми глазами славилась извѣстная драматическая артистка наполеоновской эпохи, Маргарита Жозефина Веммеръ (рис. 202).

Цвѣтъ глазъ бываетъ тѣмъ красивѣе, чѣмъ интенсивнѣе выраженъ въ немъ какой-нибудь оттѣнокъ цвѣта; самые красивые цвѣта, слѣдовательно, совершенно черный или небесно-голубой, „лазоревый“. Нѣмецкіе поэты воспѣваютъ большей частью голубые глаза и бѣлокурые волосы. Восточные же и южно-славянскіе поэты вдохновляются, сообразно своему типу женской красоты, только темными глазами.

Красивые глаза могутъ сдѣлать очаровательнымъ даже совершенно некрасивое лицо. Жюли де Леспинась, о которой говорили, что „весь міръ преклоняется передъ безобразной женщиной“ (у нея было изрытое оспой лицо), очаровывала прекрасными глазами, — „таинственными темными звѣздами“, какъ описываетъ ихъ ея біографъ.

Форма носа имѣетъ огромное значеніе въ вопросѣ красоты женскаго лица. Спинка носа должна имѣть узкую и совершенно прямую линію; крылья, ограничивающія ноздри, не должны широко расходиться и не должны быть очень мясисты, чтобы носъ не казался широкимъ. Величина носа по отношенію къ лицу имѣетъ обыкновенно пропорціональный размѣръ, и некрасиво большимъ онъ становится обыкновенно только тогда, когда лицо худѣетъ. Правильный рисунокъ носа обусловливаетъ обыкновенно напра-

вленныя кнаружи ноздри (рис. 203). Но и вздернутый носикъ считается красивымъ у славянокъ.

Размѣръ рта также долженъ быть пропорціональнымъ размѣру лица. Размѣръ его между углами губъ долженъ относиться къ размѣру глазъ между углами вѣкъ, какъ 3:2. Верхняя губа должна быть нѣсколько выше нижней; наибольшую ширину губы должны имѣть посрединѣ и незамѣтно суживаться къ угламъ (рис. 204). Впрочемъ, рисунокъ рта сильно зависитъ отъ формы зубовъ. Если зубы посажены неправильно или спереди недостаетъ зубовъ, губа теряетъ свою опору; точно также сильно выдающіеся зубы выпячиваютъ губы напередъ и портятъ форму рта. Дурные зубы — испорченные ли, или неправильно посаженные, или, наконецъ, утратившіе вслѣдствіе виннаго камня бѣлизну и принявшіе грязно-желтый цвѣтъ — очень часто без-

Рис. 201. Француженка съ красивыми глазами

образятъ самое прелестное личико; и наоборотъ, красивые зубы, чаще всего сравниваемые поэтами съ жемчугомъ, являются истиннымъ украшенiемъ и очень часто заставляютъ забывать о другихъ недостаткахъ, напримѣръ, неправильныхъ чертахъ лица.

Уши должны быть невелики, раковина должна плотно прилегать къ головѣ, и извилины ея не должны замѣтно выдаваться.

Шея относится къ тѣмъ частямъ тѣла женщины, которыя мы, кромѣ лица, чаще видимъ неприкрытыми одеждой. Переднiй контуръ ея долженъ спускаться отъ подбородка изогнутой подъ тупымъ угломъ линiей, а линiя задняго контура должна представлять часть эллипсоидной фигуры. Мускулы не должны замѣтно выдаваться, щитовидная железа не должна имѣть возвышенiя, потому что даже слегка пухлая шея некрасива. Въ общемъ шея должна имѣть видъ короткой округлой колонны, переходящей мягкими линiями съ одной стороны въ головную часть, съ другой въ грудную (рис. 203 и 205).

Формы затылка и плечъ, которыя мы часто видимъ обнаженными на балахъ, сильно зависятъ, во-первыхъ, отъ хорошаго развитiя мускуловъ плечъ и спины, во-вторыхъ, отъ равномѣрнаго жирового слоя подъ ними. Неумѣренное жировое отложенiе въ нѣкоторыхъ точкахъ, въ особенности въ области седьмого шейнаго позвонка, какъ это часто встрѣчается, вызываетъ некрасивую форму затылка. Для этихъ частей тѣла обязательна также ослѣпительная бѣлизна кожи; красоту ихъ могутъ испортить даже волосы, заходящiе иногда съ головы на затылокъ.

Мы дошли теперь до верхней части туловища. Рис. 206 представляетъ намъ благородныя линiи прекрасно сложеннаго женскаго туловища. Грудная клѣтка широка, красиво выпукла и, главное, не сужена въ своей нижней части, какъ это бываетъ у затягивающихся въ корсетъ женщинъ. Слой жира дол-

По фотографическому снимку Браунъ, Клеманъ и Ко. въ Дорнахѣ.

Рис. 202. Портретъ Маргариты Жозефины Веммеръ, прозыв. Мадмуазель Жоржъ.
По картинѣ Фр. Жерара.

женъ быть всюду равномѣренъ и не толстъ. Обращаемъ вниманіе на красивую линію, обозначающую подъ кожей реберную дугу (рис. 205). Талія явственно намѣчена, при чемъ не видно и тѣни борозды отъ шнуровки. Такъ же красива и гармонична, какъ грудная клѣтка, форма живота, выпуклости котораго вполнѣ соотвѣтствуютъ формѣ мускуловъ. Пупочная ямка мала и почти совсѣмъ не выдается, кожа всюду плотно обтягиваетъ упругіе мускулы, и только въ одномъ мѣстѣ — на ширину пальца ниже пупка — есть маленькое жировое утолщеніе, которое можно различить лишь по легкой выпуклости, но которое характерно для нормально красиваго женскаго сложенія.

Рис. 203. Француженка съ правильнымъ посомъ и красивой шеей.

Главную прелесть спеціально женской красоты представляютъ груди. Идеально красивой формой дѣвичьей груди можно назвать изображенныя на рис. 207 груди вполнѣ развитой тринадцатилѣтней дѣвочки и семнадцатилѣтней вѣнской натурщицы (рис. 211). Идеальная красота требуетъ, чтобы женская грудь всегда сохраняла дѣвственныя формы: прилегая въ видѣ полушарій къ грудной клѣткѣ и съ выдающимися впередъ хорошо развитыми въ верхушкѣ сосками, она должна быть упругой и плотной.

Такъ же красивы по формѣ, но слабѣе развиты груди на рис. 208. Такая форма выпадаетъ на долю очень немногихъ любимицъ богини красоты. Чѣмъ старше становится дѣвушка, тѣмъ болѣе вялой становится ея грудь и тѣмъ болѣе оттягивается книзу вслѣдствіе утолщающагося слоя жира; и этотъ моментъ наступаетъ тѣмъ раньше, чѣмъ раньше вступаетъ женщина въ половыя сношенія и чѣмъ большее удовлетвореніе они ей доставляютъ. Такъ складываются формы такъ называемыхъ дьявольскихъ красавицъ (Beauté de diable, рис. 209). Груди полны и все еще красивой формы, но въ нихъ уже намѣчается склонность къ обвисанію, и женщинѣ приходится прибѣгать къ по-

Рис. 204. Француженка съ туповатымъ посомъ и красивымъ ртомъ.

мощи корсета и лифика, чтобы поддержать ихъ искусственно (рис. 209 и 210).

Женщины, рожавшія или кормившія, еще больше утрачиваютъ красоту грудей, — онѣ принимаютъ ту форму, какую мы видимъ на рис. 218, какъ грустные остатки былой красоты. Чрезмѣрный слой жира, часто уродующій съ возрастомъ женское тѣло, обезображиваетъ и груди, превращая ихъ въ огромныя „глыбы жира“, видъ которыхъ скорѣе отталкиваетъ, чѣмъ привлекаетъ. Если въ пожиломъ возрастѣ женщина худѣетъ или тѣло ея изнурено какими-нибудь болѣзнями, то груди превращаются въ два вялыхъ мѣшка съ морщинистой, потемнѣвшей пятнами кожей — печальные остатки былыхъ памятниковъ женской красоты.

Иногда некрасивая форма груди бываетъ врожденной. Это отчетливо видно на рис. 212, изображающемъ шестнадцатилѣтнюю дѣвушку, дочь француза и вѣнки.

Характерной особенностью линіи таліи, границы между грудью и животомъ, является борозда отъ шнуровки, болѣе или менѣе неизбѣжная почти у всѣхъ женщинъ, такъ какъ очень немногія женщины, вопреки модѣ, совершенно отвергли корсетъ (рис. 213).

О красивыхъ контурахъ живота мы говорили при разсмотрѣніи фигуры на рис. 206. На рис. 214 представленъ также типъ красивыхъ формъ и линій живота.

Каждые роды болѣе или менѣе замѣтно разслабляютъ покровы живота: кожа становится вялой, складывается въ складки, мускулы также обвисаютъ книзу, — образуется въ болѣе или менѣе рѣзкой формѣ отвислый животъ. На самой кожѣ образуются бѣлыя полоски и сѣтеобразные рисунки въ области нижнихъ боковыхъ частей живота (рубцы отъ беременностей). Послѣ повторныхъ родовъ образуется даже иногда раздвоеніе

прямыхъ брюшныхъ мускуловъ, плотно сходящихся обыкновенно, въ нормальномъ своемъ состоянiи, въ видѣ двухъ параллельныхъ веретенъ, идущихъ отъ нижняго конца грудной кости къ хрящу лоннаго сращенiя. Тогда выпячивается область пупка, и нерѣдко сквозь отверстiе въ пупочной области выходятъ наружу изъ брюшной полости части кишечника, — происходитъ такъ называемая пупочная грыжа, разумѣется, крайне обезображивающая тѣло.

Половыя части женщины обыкновенно совсѣмъ не видны (рис. 215); небольшое количество густыхъ волосъ скромно закрываетъ это мѣсто на нагомъ женскомъ тѣлѣ. Срамная щель можетъ быть видна только при раздвинутыхъ ногахъ, и тогда она представляется въ видѣ совершенно закрытаго узкаго желобка между обѣими большими срамными губами.

У женщинъ, половыя части которыхъ сильно изнурены непомѣрными половыми сношенiями или частыми родами, срамная щель зiяетъ, и изъ-подъ большихъ срамныхъ губъ выдаются наружу малыя, на которыхъ образуются иногда выступы въ видѣ пѣтушиныхъ гребней. Иногда можно замѣтить выдающiяся впередъ малыя срамныя губы даже у дѣвушекъ и маленькихъ дѣвочекъ, если онѣ чрезмѣрно предаются мастурбацiи.

Красивая и стройная нога должна имѣть округлую форму, начиная съ самаго бедра. На рис. 195 и 199 представлены красивыя нижнiя конечности; обращаемъ вниманiе на очертанiя колѣна и подколѣнной ямки и на округлость икры, которая должна выдаваться явственно, но не слишкомъ толстой выпуклостью и должна постепенно суживаться книзу. О недостаткахъ формъ ноги, производимыхъ англiйской болѣзнью, мы уже говорили. Спускаясь къ лодыжкѣ, нога должна постепенно суживать-

По фотогр. Фейта въ Вѣнѣ.

Рис. 205 Вѣнка съ пластически построенными плечами и шеей.

ся, и самая лодыжка должна выдаваться рѣзко и отчетливо. Ступня ноги должна имѣть небольшой выпуклый подъемъ, — плоскія ноги такъ же некрасивы, какъ и ступни съ чрезмѣрно высокимъ подъемомъ.

Величина ноги должна быть пропорціональна общимъ размѣрамъ тѣла. Слишкомъ маленькая нога можетъ быть красивой въ обуви, когда она выглядываетъ изъ-подъ платья, — или, вѣрнѣе, можетъ считаться красивой съ точки зрѣнія существующей моды, — но обнаженная и при нагомъ тѣлѣ она производитъ отталкивающее впечатлѣніе неестественности. Такъ же безобразны неестественно искривленные пальцы ногъ, происходящіе отъ слишкомъ узкой и короткой обуви. Признаками правильной формы пальцевъ женской ноги Штратцъ считаетъ длинный второй палецъ, короткій первый и очень маленькій мизинецъ.

Ориг. сним. Рекнагеля въ Мюнхенѣ.

Рис. 206. Вѣнка 22-хъ лѣтъ съ идеально красивой верхней частью туловища.

Верхнія конечности также требуютъ извѣстной пропорціональности частей и пропорціональнаго отношенія ко всему остальному тѣлу. Кисть руки при опущенной вдоль тѣла рукѣ должна начинаться, при правильной общей длинѣ ея, на высотѣ лобка, и длина ея должна составлять девятую часть длины всего тѣла.

Наиболѣе часто встрѣчающаяся болѣзнь костей — рахитъ — оказываетъ такое же разрушительное вліяніе на красоту верхнихъ конечностей, какъ и нижнихъ. При этомъ появляются явственныя утолщенія сочлененій, въ особенности въ области локтевого сочлененія и запястья. Вся рука должна имѣть округлыя формы легкихъ частей, но все же безъ усиленнаго жирового отложенія, и выпуклости мускуловъ должны быть всюду видны подъ кожей.

Кисть руки должна быть узка и очерчена мелкими линіями; безобразны слишкомъ короткіе или слишкомъ толстые пальцы, особенно съ утолщеніями на концахъ. Ногти должны

быть выпуклы и въ длину больше, чѣмъ въ ширину, что зависитъ, разумѣется, прежде всего отъ пропорціональности костныхъ фалангъ пальцевъ.

Зачѣмъ намъ знать условія женской красоты, законы красивыхъ формъ? Развѣ не въ тысячу разъ больше зависитъ счастье любви и брака отъ многаго другого, чѣмъ отъ очарованія мужчины красотой женщины? Развѣ въ наше высоко-культурное время не безконечно цѣннѣе сокровища духа, умственныя и душевныя способности и ихъ проявленія, чѣмъ хрупкія сокровища преходящей физической красоты?

Только врачъ можетъ дать правильный отвѣтъ на эти вопросы: здоровье и красота суть понятія, всецѣло совпадающія. Всѣмъ сказаннымъ о женской красотѣ мы показали, что всѣ недостатки женской физической красоты должны быть объяснены болѣзненными разстройствами и имѣть причину и основаніе въ нездоровыхъ, ненормальныхъ условіяхъ развитія и питанія тѣла и ухода за нимъ.

Родителямъ, воспитателямъ, руководителямъ общественно-политическихъ и гигіеническихъ учрежденій необходимо тщательно ознакомиться съ условіями и законами красоты женскаго тѣла, чтобы имѣть возможность примѣнить свои знанія въ полной мѣрѣ къ своимъ дѣтямъ, воспитанникамъ и питомцамъ.

Ориг. сним. Фейта въ Мюнхенѣ.

Рис. 207.
Тринадцатилѣтняя дѣвушка съ идеально красивой формой груди.

Гигіенисты и врачи съ давнихъ поръ настаиваютъ на необходимости планомѣрно знакомить подрастающую молодежь съ строеніемъ человѣческаго тѣла и съ функціями его органовъ. Но было бы желательно, кромѣ того, чтобы молодежи преподаны были также свѣдѣнія о физической красотѣ, о способахъ ея со-

вершенствованія и объ уходѣ за ней. Наилучшими пособіями для нагляднаго преподаванія должны служить образцовыя произведенія художниковъ и скульпторовъ. Посѣщенія подрастающей молодежью картинныхъ галлерей и музеевъ въ большихъ городахъ, особенно подъ руководствомъ эстетически-образованныхъ воспитателей, служатъ превосходнымъ средствомъ для этой цѣли, пробуждающимъ и воспитывающимъ эстетическое чувство и чутье къ красивымъ формамъ.

Худож. изд. Рекнагеля въ Мюнхенѣ.

Рис 208. Тринадцатилѣтняя вѣнка съ упругими грудями.

Всѣми силами, со всей энергіей необходимо бороться противъ ошибочнаго взгляда, будто нагота раздражаетъ половой инстинктъ и безнравственна. Не нагое, а полуприкрытое тѣло раздражаетъ чувственность и пробуждаетъ жажду увидѣть больше, чѣмъ позволяютъ покровы. Взглянемъ внимательно на рядъ рисунковъ (отъ рис. 216 до рис. 219), изъ которыхъ два изображаютъ совершенно нагія дѣвичьи фигуры, а остальные — полуприкрытыя тѣла танцовщицъ одного парижскаго кафешантана. Мы убѣдимся, какъ невинно и чисто впечатлѣніе, производимое этой естественной наготой, и какъ чувственно раздражающе дѣйствуютъ кокетливо полуприкрытыя фигуры (рис. 217). Даже роскошная нагая красота, изображенная, напримѣръ, Гэзомъ въ его картинѣ „Пробужденіе“ (см. прил. на отд. табл.), или Венера на рис. 193 производитъ чистое и цѣломудренное впечатлѣніе рядомъ съ полуголыми дамами изъ парижскаго кафе-шантана.

Женщинѣ необходимо пріобрѣсти свѣдѣнія о красотѣ формъ и объ уходѣ за красотой не только для того, чтобы сохранить собственную красоту, но и для того, чтобы, сдѣлавшись матерью, сумѣть уберечь отъ вредныхъ вліяній хрупкое растеніе, дѣтское тѣльце, и цѣлесообразнымъ уходомъ помочь ему взрасти и развиться до высшаго расцвѣта и совершенства.

Скажемъ еще нѣсколько словъ о сохраненіи и совершенствованіи красоты и объ уходѣ за нею.

Существуетъ цѣлый рядъ врожденныхъ и пріобрѣтенныхъ неправильностей тѣлесныхъ формъ, которыя возможно исправить

Фотогр. Фейта въ Вѣнѣ.
Рис. 209. Типъ „Beauté de diable".

при своевременномъ и цѣлесообразномъ уходѣ за ними. Мы знаемъ, что уродливыя формы ноги образуются отъ нецѣлесообразной обуви, односторонція искривленія позвоночника и несимметричный наклонъ плечъ происходятъ отъ неправильнаго положенія тѣла, въ особенности за письмомъ и чтеніемъ въ школахъ. Мы знаемъ, что стянутость живота и обусловленныя этимъ измѣненія во внутреннихъ органахъ (сдавленная печень) происходятъ отъ нецѣлесообразнаго и неумѣреннаго зашнуровыванія. Мы узнали, что исхуданіе и ослабленіе мускуловъ происходитъ съ одной стороны отъ недостатка упражненія данныхъ частей мускулатуры (недостатокъ физическаго труда), съ другой стороны — отъ всевозможныхъ изнурительныхъ внутреннихъ болѣзней. Слѣдовательно, если мы будемъ стараться избѣгать названныхъ вредныхъ вліяній и затѣмъ будемъ, по возможности, устранять причины неправильностей тѣла, вступивъ въ борьбу съ ними съ самаго же начала, — то мы достигнемъ этимъ сохраненія и совершенствованія красоты.

Хирургія и родственная ей наука ортопедія (отъ orthos — прямо и paideia — воспитаніе, т. е. выпрямленіе) достигли путемъ прогрессивнаго развитія своихъ изслѣдованій и опытовъ того, что теперь возможно не только исправить врожденный вывихъ бедреннаго сочлененія, разслабленность ступни, происшедшую отъ такъ называемаго дѣт-

Фотогр. Фейта въ Вѣнѣ.
Рис. 210. Поясной портретъ той же.

Ориг. снимокъ Рекнагеля въ Мюнхенѣ.

Рис. 211. Семнадцатилѣтняя вѣнская натурщица.

скаго паралича и т. п., но дѣлаются искусственные носы, кривые носы выравниваются, исправляются заячья губа и волчья пасть, заполняются безобразные промежутки между рѣдкими зубами, устраняются коричневыя и огненно-красныя родимыя пятна.

Практикѣ сохраненія физической красоты оказала большую услугу теорія накожныхъ болѣзней, сущность которыхъ была изучена только въ послѣднія десятилѣтія прошлаго столѣтія; эта наука выяснила намъ причины разнаго рода измѣненій, происходящихъ въ кожѣ. Больная кожа не можетъ быть красива, больной покровъ тѣла безобразитъ самыя прекрасныя формы, точно такъ же, какъ, наоборотъ, красивая, нѣжная и гладкая кожа можетъ заставить забыть о нѣкоторыхъ несовершенствахъ формъ.

Существуетъ цѣлый рядъ врожденныхъ измѣненій кожи. Къ нимъ мы относимъ прежде всего родимыя пятна и родинки, тѣ участки на поверхности кожи, окрашенные въ коричневатый цвѣтъ и иногда покрытые волосами, которые способны обезобразить самое прекрасное тѣло. Къ нимъ примыкаютъ родимыя пятна, окрашенныя въ ярко-красный цвѣтъ съ болѣе или менѣе явственнымъ синеватымъ оттѣнкомъ, которыя происходятъ отъ мѣстнаго расширенія и переполненія кровью кровеносныхъ сосудовъ даннаго участка кожи. Участки, захватываемые такими пятнами, бываютъ иногда очень велики, обнимая собой, напримѣръ, цѣлую половину лица. Всѣ подобныя пятна удаляются либо ножомъ хирурга, либо съ помощью электрическаго тока, либо же химическимъ дѣйствіемъ мѣстно примѣненнаго лѣкарственнаго вещества.

Другой своеобразной болѣзнью кожи является такъ называемая рыбья чешуя. Она состоитъ въ томъ, что вся поверхность кожи покрывается какъ бы чешуей, достигающей иногда такой густоты, что становится похожей на настоящую броню, придавая кожѣ рыбообразный или змѣеподобный видъ. Легкія формы этой болѣзни излѣчиваются соотвѣтственными лѣкарствами, тяжелыя же неизлѣчимы.

Нѣкоторыя измѣненія кожи происходятъ отъ слишкомъ слабаго или слишкомъ обильнаго выдѣленія ею жира. Если кожа получаетъ недостаточно жирового вещества, то она становится жесткой и грубой, начинаетъ шелу-

шиться, и на ней появляются легкія трещины, въ которыя могутъ забираться заразныя вещества и вызвать этимъ воспаленія кожи. Лица, вынужденныя часто обращаться съ веществами, растворяющими жиръ, какъ, напримѣръ, прачки, руки которыхъ постоянно мокнутъ въ мыльной водѣ, отличаются кожей, бѣдной жиромъ; и послѣдствіемъ чрезмѣрно частаго мытья дѣйствительно является сухая, жесткая кожа. Лицамъ, страдающимъ этимъ, слѣдуетъ употреблять особое мыло, богатое жиромъ, и послѣ мытья, въ особенности на ночь, втирать въ кожу немного жира, для чего обыкновенно употребляется вазелинъ или кольдъ-кремъ, тогда какъ глицеринъ менѣе полезенъ для кожи. Это наилучшее средство противъ такъ называемой „потрескавшейся" кожи, которой страдаютъ многіе. Если кожа суха и бѣдна жиромъ, пудры необходимо, по возможности, избѣгать или употреблять только жирную пудру.

Въ другихъ случаяхъ, наоборотъ, кожа страдаетъ отъ *излишняго выдѣленія жира*. Такая кожа имѣетъ маслянистый, лоснящійся видъ и бываетъ болѣе или менѣе грязна отъ того, что жиръ смѣшивается съ чешуйками кожи и удерживаетъ грязь. Кожа головы, страдающая этимъ, начинаетъ сильно шелушиться, выдѣляетъ перхоть, и это вызываетъ выпаденіе волосъ. На кожѣ лица это сопровождается часто болѣзненной краснотой, появляющейся послѣ горячей ѣды или напитковъ, въ особенности послѣ алкоголя и кофе, послѣ утомительной физической работы и въ лѣтнюю жару. Послѣдствіемъ шелушенія является закупорка грязью кожныхъ поръ (угри) и воспаленіе ея (прыщи).

Для предохраненія и устраненія чрезмѣрнаго болѣзненнаго выдѣленія жира вмѣстѣ со всѣми упомянутыми послѣдствіями этого явленія, необходимо прежде всего обратить вниманіе на образъ жизни. Надо избѣгать по возможности всѣхъ блюдъ и напитковъ, могущихъ вызвать приливы крови къ лицу (кофе, чай, алкоголь). Для мѣстнаго лѣченія всего лучше дѣлать по два раза въ день утромъ и вечеромъ горячія обмыванія водой, температуры отъ 40 до 50 градусовъ Цельсія въ продолженіе минуты или двухъ минутъ. Вмѣсто горячихъ обмываній можно употреблять также паровые души лица; дѣлается это такъ: нагибаются лицомъ надъ чашкой съ горячей водой и закрываются плотнымъ платкомъ. Удобнѣе употреблять специальные аппараты для паровыхъ душей лица, продающіеся въ большихъ аптекарскихъ или парфюмерныхъ магазинахъ. Для выдавливанія угрей продаются специальныя машинки, и это надо производить по одному разу каждый день, соблюдая однако извѣстную осторожность, чтобы не слишкомъ надавливать на кожу. Вообще же лицамъ, страдающимъ слишкомъ обильнымъ выдѣленіемъ жира, угрями и прыщами, слѣдуетъ обратиться къ врачу, который порекомендуетъ наилучшія врачебныя мѣры для каждаго индивидуальнаго случая. Наряду съ мылами и мазями, часто бываетъ нужно прибѣгнуть и къ хирургическому лѣченію, и къ электризаціи, и къ прижиганіямъ.

Чрезмѣрная испарина ограничивается обыкновенно извѣстными участками тѣла. Самое непріятное проявленіе ея представляетъ потѣніе ногъ. Страдающіе этимъ должны мѣнять чулки зимой ежедневно, а лѣтомъ по

Оригин. снимокъ худож. издательства Рекнагеля въ Мюнхенѣ.

Рис. 212.
Семнадцатилѣтняя дѣвушка дочь француза и вѣнки съ некрасивыми грудями.

два раза въ день. Самая цѣлесообразная обувь при этомъ — низкіе ботинки на шнуровкѣ, такъ какъ она открываетъ большій доступъ воздуха къ ногамъ. На ночь слѣдуетъ дѣлать прохладныя ножныя ванны, прибавляя къ водѣ отваръ дубовой коры. Подошвы ногъ слѣдуетъ попудрить и въ чулки посыпать порошку, имѣющагося въ продажѣ противъ потѣнія ногъ. Всего употребительнѣе для этого порошокъ, составляемый изъ смѣси восьми частей салициловой кислоты и двухсотъ пятидесяти частей венеціанскаго талька. Если эти средства не помогаютъ, слѣдуетъ обратиться къ врачу, который можетъ назначить послѣ изслѣдованія болѣе сильно дѣйствующія вещества.

Тѣ же средства можно рекомендовать и противъ сильнаго потѣнія подмышекъ, часто встрѣчающагося у женщинъ.

Послѣдствіемъ чрезмѣрнаго потѣнія является такъ называемое „прѣніе", т. е. изъязвленіе кожи между бедрами. У женщинъ это бываетъ и подъ грудями, когда онѣ очень велики и отвислы. Какъ только подобное изъязвленіе будетъ замѣчено, слѣдуетъ прежде всего вычистить кожу ваткой, обмакнутой въ масло, затѣмъ попудрить немного цинковой пудрой; это слѣдуетъ дѣлать по нѣсколько разъ въ день. Если изъ простой красноты развивается воспаленіе (экзема кожи), необходимо обратиться къ врачу.

Оригин. снимокъ Рекнагеля въ Мюнхенѣ.

Рис. 213.
Двадцатилѣтняя чешка съ развитыми и слегка свисающими грудями.

Объ измѣненіяхъ кожи, выражающихся въ чрезмѣрной краснотѣ лица, мы уже говорили. Бываютъ, однако, измѣненія кожи, имѣющія другія причины. Ненормальная блѣдность лица, имѣющая интересный видъ, когда она развита до извѣстной степени, становится болѣзненно безобразной, когда переходитъ за этотъ предѣлъ; въ этомъ случаѣ она объясняется блѣдной немочью, малокровіемъ, бѣлокровіемъ, тяжелымъ внутреннимъ недугомъ (туберкулезомъ). Синеватая окраска кожи, которую случается иногда видѣть на губахъ и которая безобразитъ ротъ, имѣетъ свою причину въ разстройствахъ кровообращенія, въ особенности въ болѣзняхъ сердца. Желтизна кожи обусловливается болѣзнью печени, сѣрый цвѣтъ ея — болѣзнью подпочечной железы; мѣстная краснота или синева кожи появляются иногда на рукахъ и на ногахъ, иногда и на кончикѣ носа. Главная причина этого явленія — мѣстное давленіе, нарушающее правильное кровообращеніе. Часто причиной этого оказывается тѣсная обувь, узкія перчатки, плотно прилегающій вуаль. Отъ зябкости рукъ и ногъ необходимо усердно заниматься гимнастикой, носить удобныя, теплыя перчатки и обувь (шерстяные чулки) и часто брать мѣстныя ванны (отъ 35 до 50 градусовъ Ц.)

Что всего чаще портитъ красоту тѣла и особенно лица, это — извѣстныя мѣстныя измѣненія въ окраскѣ кожи, называемыя **веснушками** и **желтыми пятнами**. Веснушки явственнѣе выступаютъ лѣтомъ, но не исче-

хватываетъ неравномѣрно различныя части головы, давая такимъ образомъ непріятный смѣшанный цвѣтъ.

Причиной преждевременной сѣдины является неумѣренный образъ жизни, недостаточный сонъ, а также душевныя волненія — горе, заботы, непріятности. Извѣстенъ фактъ, что бѣлокурая королева Марія Антуанетта посѣдѣла за одну ночь.

Когда сѣдина безповоротно появляется, дамы прибѣгаютъ часто къ средствамъ для окрашиванія волосъ. Въ послѣднія десятилѣтія установилась даже мода окрашивать волосы, сообразно единичному вкусу или вѣянію общей

Ориг. снимокъ Рекнагеля въ Мюнхенѣ.

Рис. 216.

Шестнадцатилѣтняя француженка, изображенная на рис. 212, въ полный ростъ.

моды. Особенно часто брюнетки окрашиваютъ волосы въ бѣлокурый цвѣтъ; это еще сколько-нибудь понятно; но совершенно непростительно перекрашивать по чистому капризу не посѣдѣвшіе волосы въ рыжій цвѣтъ, какъ это одно время дѣлали дамы въ подражаніе актрисамъ и дамамъ полусвѣта, введшимъ эту моду; къ счастью, эта дикая мода уже начинаетъ исчезать. Лучшимъ средствомъ для окраски волосъ въ бѣлокурый цвѣтъ служитъ 10—30-процентный растворъ перекиси водорода; окраска въ темные цвѣта труднѣе, для этого употребляется сѣра, висмутъ и мѣднокислыя соли, въ особенности же пирогалловая кислота и растворы серебра. Очень употребительна также персидская лавзонія, изъ порошка которой готовится паста и ею смазываются волосы. Въ продажѣ существуетъ множество средствъ для окраски волосъ, но отъ нихъ необходимо серьезно предостеречь: очень часто они имѣютъ послѣдствіемъ тяжкія заболѣванія отъ отравленія.

Излишнее обиліе волосъ можетъ портить женскую красоту только въ томъ случаѣ, если они появляются на мѣстахъ, на которыхъ ихъ нормально не должно быть, — главнымъ образомъ, напримѣръ, въ видѣ бо-

Рис. 217. Танцовщица изъ парижскаго кафе-шантана.

роды. Легкій пушокъ усовъ дѣлаетъ иногда молодыхъ женщинъ даже интереснѣе, но порядочный ростъ усовъ и въ довольно зрѣломъ возрастѣ безобразитъ женское лицо. Еще безобразнѣе, если волосами, хотя бы и не очень обильными, покрываются и боковыя части лица въ области подбородка и ушей. Противъ выдергиванія волосъ слѣдуетъ такъ же предостеречь, какъ и противъ усерднаго бритья: раздраженіе, вызываемое этимъ, способствуетъ еще болѣе сильному росту ихъ. Совершеннаго удаленія женской бороды возможно достигнуть только съ помощью химическихъ средствъ или электрическаго тока, — въ крайнемъ случаѣ, съ помощью аппарата, изобрѣтеннаго профессоромъ Кромайромъ въ Берлинѣ. Аппаратъ этотъ состоитъ изъ тончайшихъ цилиндрическихъ ножиковъ, приводимыхъ въ движеніе ротаціоннымъ аппаратомъ, построеннымъ по образцу зубоврачебной боръ-машины; эти ножики срѣзываютъ волосы вмѣстѣ съ корнями. Этотъ пріемъ употребляется, между прочимъ, и для удаленія мелкихъ родинокъ и родимыхъ пятенъ. Рентгеновскими лучами также удается удалить надолго волосы. Цѣлый рядъ затѣянныхъ пострадавшими процессовъ доказалъ и публикѣ, что этотъ способъ, вначалѣ дѣйствительно невинный, порой влечетъ за собой тяжелыя послѣдствія, такъ какъ хотя волосы и удается этимъ путемъ удалить, но въ то же время на кожѣ остаются уродливые рубцы. Вотъ почему примѣненіе этого послѣдняго способа можно довѣрить только спеціалисту врачу. То же надо сказать, впрочемъ, и объ остальныхъ названныхъ способахъ.

По фотогр. Риттера въ Берлинѣ.

Рис. 218. Нѣмецкая дѣвушка съ красивой фигурой и серьезн. выраженіемъ лица.

Преждевременное выпаденіе волосъ является такой же непріятностью, какъ и ненавистные борода и усы. Къ счастью, бѣда облысѣнія постигаетъ женщинъ гораздо рѣже, чѣмъ мужчинъ, но все же очень часто женщины въ сравнительно молодомъ возрастѣ жалуются на сильное выпаденіе волосъ. Причина этого кроется часто въ тяжелыхъ общихъ болѣзняхъ (перенесенный тифъ, сифилисъ), или же въ усиленномъ выдѣленіи кожей жира; въ послѣднемъ случаѣ бороться съ выпаденіемъ волосъ надо путемъ лѣченія этого обильнаго выдѣленія жира, о чемъ мы уже говорили въ своемъ мѣстѣ.

Цѣлесообразный уходъ за волосами требуетъ тщательнаго расчесыванія ихъ послѣ частаго мытья — по крайней мѣрѣ каждыя двѣ-три недѣли. Если кожа головы наклонна къ выдѣленію перхоти, то мыть ее надо не рѣже раза въ недѣлю. Для мытья головы лучше всего употреблять мыльный спиртъ, которымъ слѣдуетъ хорошо натереть волосы и всю кожу и затѣмъ ополоскать горячей водой, которая способствуетъ въ то же время болѣе оживленному кровообращенію.

Ногти также требуютъ надлежащаго ухода. Лица, выну-

жденныя часто пачкать руки и не имѣющія досуга, какъ это большей частью бываетъ, часто чистить ногти, не должны отпускать длинныхъ ногтей, чтобы не скоплять подъ ними грязи. Дамы, имѣющія возможность ухаживать за ногтями, могутъ носить нѣсколько подлиннѣе ногти, но все же не длиннѣе двухъ-трехъ миллиметровъ надъ кожей пальцевъ. Болѣе длинные ногти положительно некрасивы и свидѣтельствуютъ объ испорченномъ вкусѣ. Красивый ноготь долженъ имѣть гладкую, блестящую, слегка выпуклую и розоватую поверхность.

Уходъ за ногтями выражается въ надлежащемъ обрѣзываніи ихъ, въ частомъ мытьѣ съ помощью щеточки и особаго костяного ножичка, наконецъ, въ полировкѣ ихъ съ помощью спеціальной подушечки и палочекъ. Уходъ за руками и ногтями сдѣлался предметомъ особой женской профессіи — manicure, — которая очень распространена въ большихъ городахъ и располагаетъ обширной кліентурой.

Рис. 219 Танцовщица изъ парижскаго кафе-шантана.

Лучшее средство общаго ухода за кожей представляетъ вода. Помимо ежедневныхъ обмываній, необходимо принимать, по крайней мѣрѣ разъ въ недѣлю, теплую ванну. Для обыкновенныхъ же обмываній лучше употреблять, напротивъ, холодную воду и потомъ насухо вытирать кожу.

Для закаливанія кожи врачи рекомендуютъ принимать воздушныя ванны. Ихъ всего лучше устраивать по утрамъ, передъ одѣваньемъ, едва вставъ съ постели. Но онѣ должны длиться не дольше нѣсколькихъ минутъ. Всѣ предметы, употребляемые при обмываніяхъ, должны содержаться въ педантической чистотѣ (полотенца, перчатки для растиранія, губки) и нѣсколько разъ вывариваться въ водѣ. Часто случается слышать ошибочное мнѣніе, будто мыло вредитъ красивому цвѣту лица. Разумѣется, это совершенно невѣрно, — именно мыло необходимо для основательнаго очищенія кожи. Конечно, мыло должно быть доброкачественно; всего цѣлесообразнѣе сорта нейтральныхъ и жирныхъ мылъ.

Еще однимъ изъ главныхъ условій сохраненія красоты и ухода за ней являются систематическія упражненія мускуловъ и гимнастика. Всякій видъ спорта — гимнастика, плаваніе, фехто-

Рис. 220. Старуха. По картинѣ А. Пенца.

ванie, гребля — оказываетъ благопрiятное влiянie на здоровье и красоту. Если занятie этими видами спорта недоступно, необходимо дѣлать по крайней мѣрѣ комнатныя упражненiя, ежедневно утромъ и вечеромъ. Они заключаются въ систематическихъ движенiяхъ всѣхъ членовъ тѣла, включая и туловище. Очень широкимъ распространенiемъ пользуется такъ называемая система Мюллера (соч. „Моя система" и „Научная гигiена"), представляющая систематическое руководство для цѣлесообразныхъ упражненiй всего тѣла.

Систематическая гимнастика дыханiя, упражненiя въ выдыханiи и вдыханiи во время прогулки по утрамъ, вскорѣ послѣ сна, также дѣйствуютъ благопрiятно на ростъ и расширенie объема грудной клѣтки и заключенныхъ въ ней органовъ, — легкихъ и сердца. Особенно у женщинъ, сдавливающихъ нижнюю часть своей грудной клѣтки корсетомъ, дыханie производится преимущественно верхними частями груди, что современемъ оказывается, разумѣется, вреднымъ.

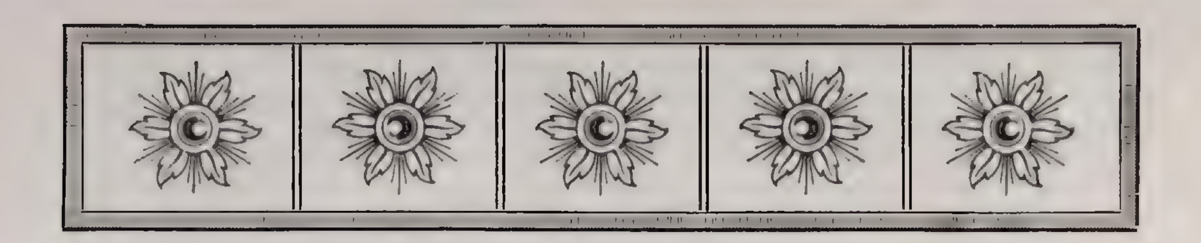
Нѣкоторое вниманie слѣдуетъ удѣлить еще дiэтѣ, такъ какъ очень много питательныхъ веществъ, могущихъ вызвать въ желудочно-кишечномъ каналѣ процессы броженiя, приводятъ часто, какъ извѣстно, ко всевозможнымъ болѣзнямъ кожи, какъ и къ общимъ заболѣванiямъ, которыя причиняютъ ущербъ красотѣ тѣла.

Жители большихъ городовъ употребляютъ большей частью слишкомъ обильную бѣлкомъ пищу, — въ особенности слишкомъ много мяса и яицъ. Разумное ограниченie потребленiя мяса и прибавка зеленыхъ овощей, а также сырыхъ и вареныхъ плодовъ могли бы предохранить отъ многихъ болѣзней и поднять въ то же время дѣятельность кишечника. Въ интересахъ ухода за кишечникомъ, правильнаго его опорожненiя, женщины особенно должны были бы позаботиться объ этомъ, такъ какъ въ этомъ онѣ особенно часто грѣшатъ. Если, несмотря на употребленie фруктовъ, молока, масла и меда, дѣятельность кишечника все же не становится нормальной, тогда слѣдуетъ обратиться къ врачу, который примѣнитъ надлежащiя средства, раньше чѣмъ болѣзнь окажется запущенной. Питанie, слишкомъ обильное, при-

водитъ къ чрезмѣрному отложенію жира, что оказываетъ, разумѣется, неблагопріятное вліяніе на пропорціональность и красоту фигуры.

Помимо гимнастическихъ упражненій и всевозможныхъ видовъ спорта, о которыхъ говорилось выше и которые вліяютъ не только на укрѣпленіе мускуловъ, но и предохраняютъ отъ ожирѣнія и наклонности къ нему, безусловно рекомендуются ежедневныя прогулки на чистомъ и свѣжемъ воздухѣ. Очень печально, что дамы, свободныя отъ необходимости трудиться для заработка, цѣлые дни проводятъ на кушеткѣ и, даже отправляясь куда-нибудь изъ дому, большей частью не ходятъ, а ѣздятъ. Тѣло необходимо систематически пріучать къ прогулкѣ пѣшкомъ; ежедневная двухчасовая прогулка — минимумъ, необходимый для сохраненія физическаго здоровья и красоты.

Женская красота преходяща. Со временемъ формы исчезаютъ, вся фигура пріобрѣтаетъ угловатыя очертанія, руки принимаютъ костлявый видъ, и, по мѣрѣ того какъ утрачиваются признаки женской красоты, женщина пріобрѣтаетъ больше сходства съ мужчиной. Физическія половыя различія стираются въ старости. Исчезаетъ округлость лица, скулы выдаются, и, вмѣсто „прелестнаго овала лица, озареннаго чарующей улыбкой“, мы видимъ очертанія треугольника, вершину котораго образуетъ худой подбородокъ и на которомъ рѣзко выступаетъ заострившійся носъ. Очень удачно рисуетъ намъ эту метаморфозу А. Пенцъ въ своей картинѣ „Старуха“ (рис. 220).

Глава третья.

Половая и производительная дѣятельность женщины.

(Проф. д-ръ Р. Коссманъ. Берлинъ.)

Менструація.

Въ томъ возрастѣ, когда мы замѣчаемъ у дѣвочки тѣ перемѣны, которыя со дня на день дѣлаютъ ее все больше и больше похожей — какъ по формамъ тѣла, такъ и по душевному складу — на взрослую женщину, происходитъ въ одинъ прекрасный день событіе, часто изумляющее и пугающее ее, характеризующее, по мнѣнію всего міра, конецъ дѣтства: кровотеченіе изъ половыхъ частей. Оно длится нѣсколько дней и прекращается, исчезаетъ очень скоро и сопряженное съ нимъ недомоганіе, при чемъ проходитъ нѣсколько недѣль вполнѣ здороваго самочувствія; но по прошествіи мѣсяца явленіе повторяется, правильно возвращаясь въ тотъ же срокъ до половины пятаго десятка лѣтъ или еще позже.

То обстоятельство, что въ огромномъ большинствѣ случаевъ этотъ срокъ равняется 28—29 днямъ, т. е. приблизительно лунному мѣсяцу, послужило поводомъ къ образованію научнаго термина „менструація", который хотя и не встрѣчается въ древнихъ латинскихъ сочиненіяхъ, но филологически произведенъ вполнѣ правильно отъ латинскихъ словъ menstruus — „мѣсячный" и menstruare — „имѣть мѣсячныя очищенія". Регулярная повторяемость этого явленія у здоровой женщины подала также поводъ назвать его „періодомъ", или „регулами". Употребленное нами выраженіе „мѣсячныя очищенія" происходитъ отъ стариннаго медицинскаго взгляда, согласно которому эти кровотеченія предназначены природой главнымъ образомъ для удаленія изъ организма накопляющихся въ его сокахъ вредныхъ для здоровья веществъ.

По вопросу о происхожденіи этой крови научными изслѣдованіями установлено, что она просачивается изъ слизистой оболочки, выстилающей полость матки. Послѣдняя состоитъ — по порядку снаружи внутрь — изъ трехъ слоевъ: тонкой брюшины, толстаго мышечнаго слоя и слизистой оболочки. Слизистая оболочка состоитъ, въ свою очередь, изъ рыхлой сѣти волоконъ, такъ называемой соединительной ткани, обильно пронизанной тончайшими кровеносными сосудами, и

изъ обращеннаго внутрь полости слоя клѣтокъ, расположенныхъ одна около другой въ видѣ короткихъ цилиндровъ или призмъ и несущихъ въ сторону полости тонкія нити — рѣсничкн, находящіяся при жизни въ непрерывномъ движеніи и колебаніи. Этотъ слой называютъ „цилиндрическимъ мерцательнымъ эпителіемъ“.

Незадолго до наступленія менструаціи эта слизистая оболочка слегка набухаетъ, тонкіе кровеносные сосуды въ ней расширяются, и свѣтлая вначалѣ кровяная жидкость выступаетъ сквозь ихъ стѣнки въ петли волокнистой сѣти; затѣмъ въ означенныя петли проникаютъ изъ кровеносныхъ сосудовъ красныя кровяныя клѣтки, которыя скопляются въ соединительной ткани въ большемъ или меньшемъ количествѣ. Преимущественно это происходитъ подъ самымъ мерцательнымъ цилиндрическимъ эпителіемъ, при чемъ скопляющаяся здѣсь кровь раздвигаетъ мало-по-малу окружающую ткань такъ, что въ концѣ концовъ она прокладываетъ себѣ путь наружу въ промежуткахъ между отдѣльными цилиндрическими клѣтками, или же отслаиваетъ мѣстами цилиндрическій эпителій. Такъ проникаетъ кровь сначала въ полость матки, а отсюда вытекаетъ черезъ шейку матки во влагалище и изливается наружу. Разумѣется, при этомъ можетъ случиться, что одновременно отдѣлятся и смѣшаются съ кровью и мелкіе обрывки эпителія. Когда затѣмъ притокъ крови къ маткѣ прекратится, кровеносные сосуды въ соединительной ткани снова суживаются, кровотеченіе прекращается, а чуть приподнявшіеся мѣстами слои эпителія снова плотно прилегаютъ къ своей подкладкѣ и срастаются съ ней, и вскорѣ возстановляется прежнее нормальное состояніе слизистой оболочки.

Но какъ же можетъ совершаться такое болѣзненное, повидимому, измѣненіе тканей матки съ такой правильной періодичностью?

Если мы разсмотримъ всю жизнедѣятельность женщины въ томъ возрастѣ, въ теченіе котораго она менструируетъ, то мы убѣдимся, что отнюдь не одна эта потеря крови повторяется съ правильной двадцативосьмидневной періодичностью, а еще много другихъ жизненныхъ процесовъ совершаютъ то же, какъ говорятъ, „волнообразное движеніе“, въ которомъ каждая волна имѣетъ приблизительно двадцативосьмидневную длительность. Пульсъ, давленіе крови, температура тѣла, степень раздражимости рефлексовъ, мускульная сила, вмѣстимость легкихъ и т. д. — все повышается въ этотъ промежутокъ времени вначалѣ медленно, а потомъ быстро падаетъ, чтобы мало-по-малу снова придти въ норму. Наивысшая точка этой линіи, которой можно изобразить это волнообразное движеніе, приходится, въ среднемъ, дня за два, за три до наступленія менструальнаго кровотеченія; низшая — немного дальше половины промежутка между двумя менструаціями.

Изслѣдованія показали, однако, большую вѣроятность того, что въ такой же двадцативосьмидневный промежутокъ времени лопаются по одному или по нѣсколько Граафовыхъ пузырьковъ въ яичникѣ. Человѣческое яйцо возникаетъ въ шарообразномъ скопленіи клѣтокъ, вначалѣ плотномъ, въ которомъ постепенно

образуется полость, наполненная прозрачной жидкостью. По мѣрѣ того какъ растетъ самое яйцо, эта наполненная жидкостью полость все увеличивается и, наконецъ, достигаетъ поверхности яичника; стѣнка пузырька, въ особенности на мѣстѣ соприкосновенія своего съ поверхностью яичника, постепенно утончается, и, вслѣдствіе возрастающаго давленія, тоненькіе кровеносные сосуды, питающіе стѣнку сильно сдавливаются; здѣсь ткань подвергается омертвѣнію, и пузырекъ, носящій названіе Граафова, въ концѣ концовъ лопается, при чемъ внезапно прорвавшійся потокъ жидкости увлекаетъ съ собой маленькое яйцо.

Едва ли можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что постепенному подъему волнообразной линіи, о которой мы говорили, соотвѣтствуетъ постепенно возрастающее давленіе въ яичникѣ, происходящее отъ увеличенія пузырька, и внезапному уклону волнообразной линіи соотвѣтствуетъ внезапное уменьшеніе давленія въ яичникѣ, происходящее отъ разрыва пузырька. Совершенно естественно также, что повышеніе давленія въ яичникѣ, вслѣдствіе роста пузырька, задерживаетъ въ то же время питаніе остальныхъ пузырьковъ, такъ что новый пузырекъ можетъ начать расти только послѣ того, какъ лопнетъ прежній. А такъ какъ, затѣмъ, самый яичникъ находится при помощи своихъ нервовъ въ тѣсной связи со всей нервной системой тѣла, въ особенности же и больше всего съ тѣмъ пучкомъ нервовъ, который регулируетъ кровоснабженіе органовъ брюшной полости, — то, въ общемъ, по крайней мѣрѣ, можно себѣ представить, что отъ періодическихъ измѣненій давленія въ яичникѣ зависитъ и регулярная періодичность всей остальной жизнедѣятельности женщины.

Наиболѣе замѣтныя измѣненія, совершающіяся у молодой женщины приблизительно одновременно съ наступленіемъ первой менструаціи, состоятъ въ быстромъ и сильномъ ростѣ волосъ въ окружности половой щели и въ подмышечныхъ ямкахъ, въ значительномъ увеличеніи жирового слоя, въ особенности вокругъ грудныхъ железъ, отчего образуется сильная выпуклость груди, и въ увеличеніи самой железы, лежащей подъ этимъ слоемъ. Въ то же время начинаетъ увеличиваться размѣръ костнаго тазоваго кольца и приближаться къ нормальной формѣ, подробно описанной въ главѣ о строеніи женскаго тѣла.

Нерѣдко наблюдаются и довольно значительныя душевныя измѣненія. Непринужденно-рѣзвый ребенокъ почти внезапно превращается въ болѣе мягкое, впечатлительное, застѣнчивое существо, склонное къ нѣжной привязанности къ симпатичнымъ ему роднымъ и знакомымъ. Очень трудно рѣшить, разумѣется, въ какой мѣрѣ при этомъ играетъ роль собственная индивидуальность и въ какой — внушеніе подъ вліяніемъ окружающихъ и сознаніе своей возмужалости.

Возрастъ, въ которомъ совершаются эти перемѣны въ молодой дѣвушкѣ, очень значительно колеблется. Можно сказать, что въ средней Европѣ у огромнаго большинства дѣвушекъ менструація впервые появляется на исходѣ четырнадцатаго или въ началѣ пятнадцатаго года жизни. Тѣмъ не менѣе довольно значительныя уклоненія наблюдаются и здѣсь. И въ этихъ стра-

нахъ встрѣчается немало дѣвушекъ, у которыхъ менструація наступаетъ на тринадцатомъ и даже на двѣнадцатомъ году, — и въ то же время бываютъ случаи (надо полагать, что въ этихъ случаяхъ играютъ роль болѣзненныя состоянія, главнымъ образомъ блѣдная немочь) довольно значительнаго запаздыванія первой менструаціи, даже до двадцатыхъ годовъ жизни.

Нерѣдко случается также, что кровотеченіе появляется у совсѣмъ маленькихъ дѣвочекъ, и его обыкновенно склонны принимать за менструацію. Но основаніе для такого толкованія можетъ быть только въ томъ случаѣ, если такія кровотеченія изъ половыхъ частей повторяются съ четырехнедѣльными промежутками, — а тогда мы находимъ почти безъ исключенія и другіе признаки преждевременнаго физическаго развитія. Въ научной литературѣ мы располагаемъ до сихъ поръ пятьюдесятью съ лишнимъ случаями такой преждевременной менструаціи, и среди нихъ есть нѣсколько такихъ, въ которыхъ менструація появлялась даже въ первые мѣсяцы жизни. Приведемъ нѣсколько характерныхъ случаевъ.

Рис. 221. Анна Штробель, 4-хъ лѣтъ и 9 мѣсяцевъ отъ роду.

Въ случаѣ, описанномъ Дервиромъ (Derweer), менструація появилась на четвертомъ мѣсяцѣ жизни, но дѣвочка вѣсила къ двумъ съ половиной годамъ около пятидесяти фунтовъ и имѣла видъ одиннадцатилѣтней дѣвочки. Въ случаѣ Монгомери менструація наступила въ теченіе перваго года, на десятомъ году жизни дѣвочка родила ребенка. Въ случаѣ Рамонъ де ла Сагра менструація появилась въ концѣ перваго года, дѣвочка имѣла при самомъ рожденіи развитыя груди и волосы на лобкѣ. Такой же случай описываетъ Галлеръ, при чемъ менструація наступила въ два года, а на девятомъ году дѣвочка забеременѣла. Бернэ даетъ фотографію одной дѣвочки (Анны Штробель), у которой появилась менструація въ возрастѣ шестнадцати мѣсяцевъ, а въ четыре года и девять мѣсяцевъ у нея были вполнѣ развитыя груди (рис. 221). Въ случаѣ Кортейанера менструація появилась въ семимѣсячномъ возрастѣ; когда дѣвочкѣ было двадцать восемь мѣсяцевъ, у нея были груди, какъ у семнадцатилѣтней, съ выдающимися сосками, длинные волосы на лобкѣ и вполнѣ развитыя наружныя половыя части, между тѣмъ какъ душевное развитіе соотвѣтствовало ея дѣйствительному возрасту.

Очень часто съ такими уродливостями связаны и другія болѣзненныя явленія, такъ что нерѣдко это имѣетъ послѣдствіемъ преждевременную смерть. Чаще всего въ такихъ случаяхъ встрѣчается рахитъ (англійская болѣзнь), затѣмъ водянка, а въ тѣхъ случаяхъ, когда было произведено вскрытіе ребенка, очень часто

оказывались болѣзни яичниковъ. Но есть нѣсколько и такихъ случаевъ, когда начавшаяся преждевременно менструація продолжалась при хорошемъ состояніи здоровья до обычнаго возраста и даже до пятьдесятъ второго года жизни.

Другой ненормальностью менструаціи, о которой слѣдуетъ упомянуть, является такъ называемая викарирующая менструація; это явленіе заключается въ томъ, что кровотеченіе появляется съ правильной періодичностью, но изъ другихъ частей тѣла.

Рис. 222. Деревянная кукла дѣвочки индѣйскаго племени Нутка (Западный Ванкуверъ) въ одеждѣ, которую надѣваютъ при наступленіи первой менструаціи (одежда изъ кедровой коры и подушки изъ такой же коры вплетены въ волосы).

Разумѣется, не слѣдуетъ смѣшивать съ этимъ явленіемъ случайныя потери крови, вслѣдствіе которыхъ, если онѣ очень значительны, очередная менструація можетъ не появиться. Настоящія викарирующія менструаціи являются преимущественно въ видѣ кровотеченій изъ носа или геморроидальныхъ кровотеченій. Иногда онѣ появляются изъ кожныхъ пораненій, напримѣръ, изъ припухлыхъ венозныхъ узловъ; иногда онѣ наблюдаются также изъ трещинъ на губахъ. Въ послѣднемъ случаѣ слѣдуетъ отмѣтить, что у нѣкоторыхъ женщинъ являются обыкновенно во время менструацій прыщики или сыпь на губахъ, объясняющіеся нервнымъ параличемъ тончайшихъ кровеносныхъ сосудовъ въ этой области. Эти прыщики обыкновенно лопаются, причиняя такимъ образомъ болѣе или менѣе значительную потерю крови изъ этого мѣста.

Въ общемъ можно сказать, что въ климатахъ болѣе холодныхъ менструація наступаетъ большей частью позднѣе, въ болѣе теплыхъ — раннѣе. Такъ, напр., въ Норвегіи первая менструація появляется у большинства дѣвушекъ только на 16-мъ году, въ Лапландіи даже только на 18-мъ, между тѣмъ какъ въ Индіи предѣльнымъ возрастомъ перваго появленія менструаціи считается 12-й годъ, а въ тропической Африкѣ даже 11-й и 10-й. Оказывается, однако, что и раса имѣетъ извѣстное вліяніе въ вопросѣ времени перваго появленія менструаціи; очень вѣроятно даже, что расы, переселившіяся изъ жаркихъ климатовъ, сохраняютъ надолго и въ болѣе холодныхъ поясахъ склонность къ болѣе раннему наступленію менструаціи, какъ и наоборотъ, уроженцы холодныхъ странъ долго обнаруживаютъ склонность къ запоздалому наступленію менструаціи, переселившись въ жаркія страны. Въ Европѣ это наблюдается преимущественно въ еврейской расѣ: еврейскія дѣвушки начинаютъ менструировать въ общемъ раньше своихъ соотечественницъ другихъ расъ. Нѣсколько раньше, чѣмъ у дѣ-

вушекъ Германіи, наступаетъ менструаціи у дѣвушекъ Франціи, населеніе которой сильно смѣшано съ романскими элементами, хотя климатическія условія обѣихъ странъ одинаковы. Впрочемъ, всѣ эти наблюденія очень трудно обосновать научно-неоспоримо съ помощью статистическихъ изслѣдованій, такъ какъ исключенія встрѣчаются чрезвычайно часто.

Происходитъ это не отъ того, что изнурительныя дѣтскія болѣзни и врожденная слабость здоровья приводятъ къ запозданію менструаціи, но еще и оттого, прежде всего, что образъ жизни оказываетъ несомнѣнно огромное вліяніе. Вполнѣ понятно, что болѣе теплый климатъ обусловливаетъ болѣе раннее появленіе менструаціи; но также понятно и то, что такое же вліяніе должно оказывать и продолжительное пребываніе подрастающей дѣвочки въ очень теплыхъ квартирахъ, и привычка къ теплой одеждѣ. Но къ этому надо прибавить и болѣе обильное питаніе, и меньшій физическій трудъ, которыми обусловливается раннее появленіе менструаціи среди зажиточныхъ классовъ и у пользующихся благосостояніемъ народовъ; скудное питаніе и изнурительный трудъ замедляютъ ее. Сообразно этому, наблюденіе въ общемъ показываетъ болѣе раннее наступленіе менструаціи среди дѣвушекъ городского населенія, чѣмъ въ деревняхъ.

Рис. 223—224. Уборъ для волосъ, состоящій изъ кедровой коры, раковинъ и бусъ, который надѣваютъ молодыя дѣвушки индѣйскаго племени Нутка (Западный Ванкуверъ) при наступленіи первой менструаціи и который носятъ въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ.

Большая щепетильность современныхъ культурныхъ народовъ побуждаетъ ихъ скрывать все, сопряженное съ половой жизнью, а потому и наступленіе первой менструаціи, даже отъ ближайшихъ членовъ семьи; первобытные же народы и народы, стоящіе на нѣсколько низшей ступени культуры, совершенно открыто отмѣчаютъ этотъ моментъ, имѣющій такое огромное значеніе въ жизни женщины, всевозможными празднествами въ честь этого событія. Такіе обычаи существуютъ, какъ мы знаемъ, на Явѣ и въ Сіамѣ; въ Сіамѣ чествованіе этого событія принято даже среди высшихъ круговъ, и съ особенной пышностью празднуется наступленіе этого періода у принцессъ, принимая не только семейный, но и всенародный характеръ.

Самые серьезные изслѣдователи, какъ, напр., Виссманъ, Бауманъ и др., свидѣтельствуютъ о подобныхъ празднествахъ

Рис. 225. Волосяной уборъ который надѣваютъ при наступленіи первой менструаціи (то же, что и на рис. 223—224).

въ Африкѣ, да и въ разныхъ другихъ частяхъ свѣта; приняты они и въ германскихъ владѣніяхъ юго-западной Африки. Индѣйцы Сѣверной и Южной Америки, повидимому всѣ безъ исключенія, свято чтутъ этотъ обычай; мы знаемъ, что онъ существуетъ и въ Патагоніи и Перу, и въ Калифорніи и Канадѣ. Въ Мексикѣ можно прослѣдить, какъ эти празднества, носившія первоначально публичный характеръ, приняли подъ вліяніемъ облагородившихся нравовъ исключительно семейный характеръ. Тотъ же взглядъ на это событіе сказывается и въ томъ, что нѣкоторые народы отмѣчаютъ ихъ особо праздничными нарядами и уборами, которыми украшаютъ дѣвушекъ, менструирующихъ въ первый разъ. Еще менѣе культурные народы чествуютъ этотъ моментъ тѣмъ, что дѣвушку впервые татуируютъ въ это время. У многихъ народовъ приняты особые головные уборы и другія части одежды, впервые надѣваемыя по этому случаю, — вродѣ показанныхъ на рис. 222—232, представляющихъ снимки съ предметовъ берлинскаго этнографическаго музея.

Другую сторону того же явленія представляетъ очень нерѣдко встрѣчающійся обычай нанесенія побоевъ дѣвушкѣ, менструирующей въ первый разъ. Съ большимъ вѣроятіемъ, этотъ обычай можно объяснить тѣмъ, что на первую менструацію смотрятъ въ этихъ случаяхъ только какъ на одинъ изъ признаковъ наступленія зрѣлости, и для провѣрки того, дѣйствительно ли молодая дѣвушка вполнѣ созрѣла, ее считаютъ нужнымъ подвергнуть еще особымъ испытаніямъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, особенно африканскихъ, дѣвушку отдаляютъ въ это время отъ родныхъ и отдаютъ на выучку какой-нибудь пожилой женщинѣ, которая наставляетъ ее во всѣхъ обязанностяхъ замужней женщины и хозяйки дома, въ особенности же въ дѣлѣ

Рис. 226. Уборъ для волосъ, который надѣваютъ при первой менструаціи (то же, что и на рис. 223—224).

исполненія самыхъ трудныхъ и физически тяжелыхъ работъ. Ее заставляютъ таскать тяжести до крайняго предѣла ея силъ, брать голыми руками сильно нагрѣтую посуду, чтобы закалить кожу рукъ, и пріучаютъ ее къ перенесенію ударовъ розгами и другихъ побоевъ. У другихъ народностей этотъ обычай пріобрѣлъ характеръ чисто церемоніальной обрядности, такъ что воспитательный элементъ отступилъ на задній планъ.

Рис. 227. Волосяной уборъ, который надѣваютъ при наступленіи первой менструаціи (то же, что и на рис. 222—223).

Нѣсколько иное объясненіе имѣетъ другой обычай. У нѣкоторыхъ народовъ дѣвушка, менструирующая въ первый разъ, изолируется ото всѣхъ. Это происходитъ, вѣроятно, отъ уже упомянутаго представленія нѣкоторыхъ народовъ объ особой нечистотѣ менструальной крови; многія племена практикуютъ такое изолированіе не только во время первой менструаціи, но и каждый разъ при ея появленіи. Очень вѣроятно, что тѣ народности, которыя практикуютъ это только въ первый разъ, просто вынуждены ограничиться однимъ этимъ разомъ, такъ какъ по своимъ условіямъ жизни считаютъ невозможнымъ или по крайней мѣрѣ очень невыгоднымъ соблюденіе этого обычая каждый разъ.

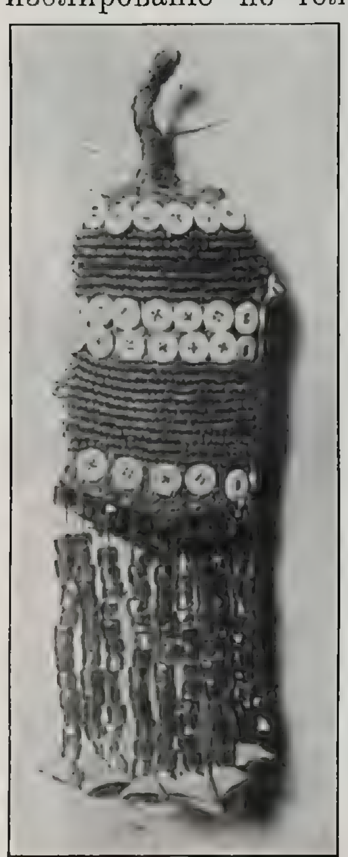

Рис. 228. Волосяной уборъ, который надѣваютъ при наступленіи первой менструаціи (тоже, что и на рис. 223—224).

Представленіе это о нечистотѣ менструальной крови коренится, повидимому, въ эпохахъ еще доисторической жизни Востока. Въ болѣе умѣренномъ видѣ оно перешло оттуда въ греческую медицину Но когда Римская имперія завоевала всемірное владычество, распространивъ его далеко и надъ восточными странами, — самое мрачное суевѣріе проникло оттуда и въ научную медицину; такъ, мы находимъ у естествоиспытателя Плинія, жившаго въ эпоху расцвѣта Римской имперіи, перечень всѣхъ существовавшихъ представленій о страшной ядовитости менструальной крови. Согласно этимъ дикимъ взглядамъ, отъ одного присутствія менструирующей женщины или дыханія

ея тускнѣютъ будто бы зеркала, ржавѣютъ ножи, засыхаютъ безъ всходовъ посѣвы, собаки, лизнувшія эту кровь, впадаютъ въ бѣшенство, и совершаются разныя подобныя диковины. До самаго XVII столѣтія нашей эры эти взгляды встрѣчались въ руководствахъ самыхъ выдающихся ученыхъ Запада, а въ Италіи они встрѣчаются еще и теперь. Но подобныя представленія встрѣчаются и у множества другихъ народовъ, и даже у такихъ, у которыхъ никакъ нельзя предположить вліянія, заимствованныхъ изъ древней классической медицины.

Такъ, напримѣръ, въ Угандѣ существуетъ убѣжденіе, что,

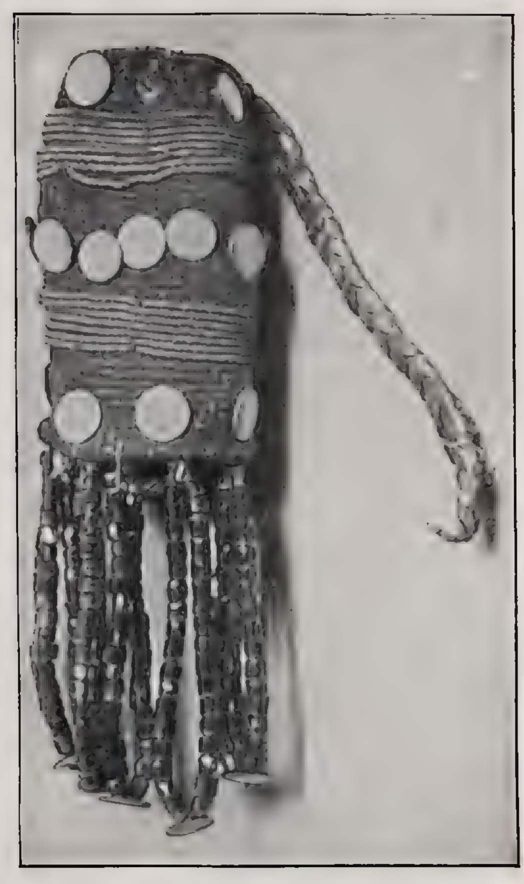

Рис. 229 и 230. Волосяной уборъ, который надѣваютъ при наступленіи первой менструаціи (то же, что и рис. 222—223).

если менструирующая женщина коснется оружія, — мужчина, которому оно принадлежитъ, будетъ въ слѣдующемъ же сраженіи убитъ. Эскимосы Берингова побережья убѣждены, что одна атмосфера менструирующей женщины губитъ удачную охоту для мужчины, попавшаго въ нее. Малайцы ждутъ несчастья на войнѣ для мужчины, случайно ступившаго ногой на менструальную кровь. Такихъ примѣровъ можно было бы привести множество изъ вѣрованій малокультурныхъ народовъ; но пережитки этихъ суевѣрій сохранились еще кое-гдѣ даже въ высококультурной Германіи. Въ прирейнскихъ областяхъ, напримѣръ, и теперь еще строго слѣдятъ за тѣмъ, чтобы ни одна женщина не входила въ погребъ во время броженія вина, потому что процессъ броженія принимаетъ будто бы неблагопріятный оборотъ, если у какой-либо изъ присутствующихъ женщинъ

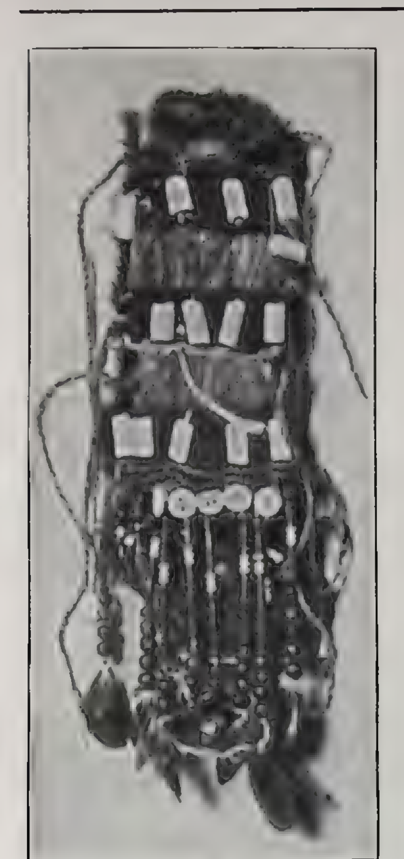

Рис. 231. Уборъ для волосъ, который надѣваютъ при наступленіи первой менструаціи (то же, что и рис. 222—223).

оказывается менструація. Такъ же оберегаютъ отъ этой опасности саксенъ-мейнингенцы свои пивоварни. По той же причинѣ менструирующія женщины избѣгаютъ варить варенье. Въ Силезіи женщины не могутъ въ это время садить растенія и даже касаться ихъ, иначе они засохнутъ [1]. Что менструальная кровь, принятая внутрь, является сильнымъ ядомъ, — это обще-распространенное мнѣніе, и во многихъ мѣстахъ вѣрятъ, что ее нерѣдко употребляютъ въ цѣляхъ мужеубійства. Зато, съ другой стороны, она имѣетъ будто бы и цѣлебное дѣйствіе, будучи принята въ очень маломъ количествѣ, а какъ наружное средство является излюбленнымъ народнымъ лѣкарствомъ — при бородавкахъ, родинкахъ, пятнахъ, чирьяхъ, рожѣ, эпилепсіи и въ случаяхъ задержки менструацій.

Рис. 232. Уборъ для волосъ, который надѣваютъ при наступленіи первой менструаціи (то же, что и рис. 222—223).

Религія тоже способствовала укрѣпленію этихъ воззрѣній. Женщины у хевсуровъ обязаны проводить все время, пока длится менструація, въ особо построенныхъ для этого хижинахъ, вдали отъ жилыхъ мѣстъ (рис. 233). По закону Моисея, менструирующая женщина тоже считается безусловно нечистой и не допускается къ близкому общенію съ семьей, въ особенности къ общимъ семейнымъ трапезамъ, раньше чѣмъ не совершитъ, по окончаніи менструаціи, омовенія, тщательно слѣдя за тѣмъ, чтобы ни одинъ волосъ тѣла не остался невымытымъ. Въ нѣкоторыхъ городахъ средней Германіи, особенно въ Шпейерѣ и Фридбергѣ, до сихъ поръ сохранились со временъ среднихъ вѣковъ еврейскія купальни, спеціально служившія для исполненія этого религіознаго предписанія. Мужчина, погрѣшившій поло-

[1] Въ Малороссіи менструирующія женщины не могутъ участвовать даже пассивно въ приготовленіи „бураковаго кваса"; случайно ступившій ногой на менструальную кровь заболѣваетъ, по мѣстному повѣрью, желтухой или блѣдной немочью. *Перев.*

вымъ общеніемъ съ менструирующей женщиной, предавался, по закону Моисея, смерти вмѣстѣ со своей соучастницей.

Возможно, что и тогда думали, какъ это можно встрѣтить въ нѣкоторыхъ позднѣйшихъ медицинскихъ сочиненіяхъ, что это можетъ имѣть послѣдствіемъ заболѣваніе и распространеніе той болѣзни, которая была страшнымъ бичомъ человѣчества въ древности и въ средніе вѣка, — проказы. У нынѣшнихъ культурныхъ народовъ можно еще иногда встрѣтить мнѣніе, что отъ сношенія съ менструирующей женщиной возникаетъ трипперъ. Но неопрятнымъ и противоестественнымъ это считается и теперь, всюду безъ исключенія. Тѣмъ не менѣе, очень сомнительно,

Рис. 233. По „Радде: Хевсуры и ихъ жизнь". Менструирующія женщины племени хевсуровъ передъ хижиной, предназначенной для менструированія.

правиленъ ли этотъ взглядъ, или вѣрнѣе, быть можетъ, правильно какъ разъ противоположное[1], потому что у тѣхъ животныхъ, у которыхъ существуетъ явленіе, аналогичное менструаціи, половыя сношенія совершаются именно во время этого состоянія, — во всякомъ случаѣ, передъ концомъ его; а что инстинктъ человѣка также, повидимому, обнаруживаетъ такую склонность, — объ этомъ свидѣтельствуетъ тотъ фактъ, что половой инстинктъ женщины несомнѣнно особенно сильно пробуждается къ концу менструаціи.

Старая научная медицина, въ своемъ стремленіи согласовать свои выводы съ непоколебимыми для нея религіозными воззрѣніями, старалась найти доказательства ядовитости менструальной крови въ томъ, что непоявленіе кровотеченія въ надле-

---

[1] Врачи безусловно воспрещаютъ половыя сношенія во время менструаціи, такъ какъ при этомъ усиливается и безъ того значительный приливъ крови къ половымъ частямъ, что можетъ повлечь въ нѣкоторыхъ случаяхъ тяжелы разстройства женской половой сферы. *Ред.*

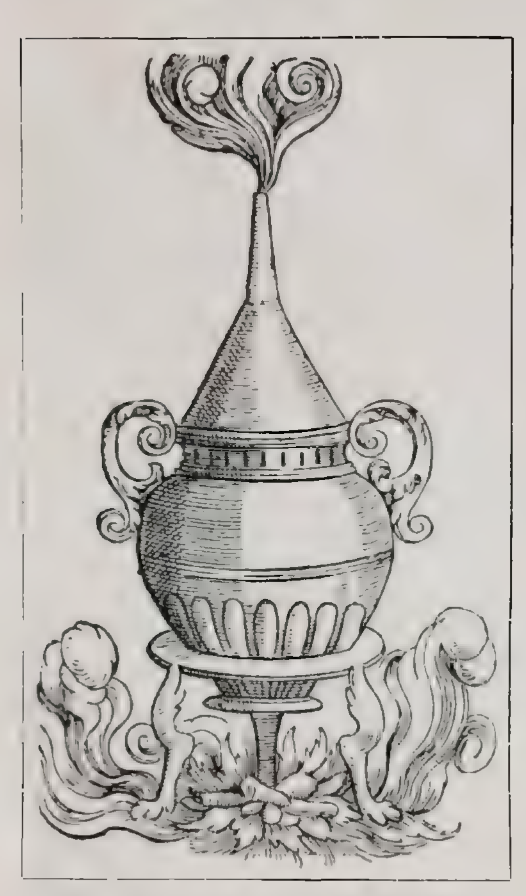
жащій срокъ, если это происходитъ не отъ беременности, обыкновенно сопряжено съ болѣзненными явленіями. Вмѣсто того, чтобы взглянуть на болѣзнь, какъ на причину, и на остановку менструаціи, какъ на слѣдствіе, старая медицина поступала наоборотъ и объясняла болѣзненныя явленія задержкой въ организмѣ ядовитыхъ составныхъ частей менструальной крови. Вслѣдствіе недоступности данныхъ частей организма воздѣйствію медикаментовъ, очень давно уже медицина напала на мысль лѣчить такія задержки крови куреніями различными веществами. Всего нѣсколько столѣтій тому назадъ научная медицина пользовалась для этихъ куреній особыми сосудами. Рис. 234 изображаетъ такой сосудъ для куреній, сдѣланный въ изящномъ стилѣ ренессанса, какой можно видѣть въ сочиненіяхъ великаго французскаго хирурга Амбруаза Парэ.

Помимо этихъ и подобныхъ средствъ, примѣняемыхъ научной медициной, въ народной медицинѣ сохранилось до настоящаго времени безчисленное множество лѣкарственныхъ снадобій и знахарскихъ средствъ противъ задержки менструаціи, противъ такъ называемаго застоя крови; всѣ они должны быть безусловно отвергнуты, потому что направлены они на сравнительно безвредное явленіе, а не на причину болѣзни. Въ случаяхъ болѣе или менѣе серьезной болѣзни такая задержка крови, потеря которой отняла бы еще больше силъ у больной, можетъ быть скорѣе полезна, чѣмъ вредна, и можетъ только обратить вниманіе больной на свое состояніе, заставивъ ее обратиться за совѣтомъ къ врачу. Въ большинствѣ случаевъ задержка менструаціи оказывается, разумѣется, явленіемъ, сопутствующимъ беременности, а въ такомъ случаѣ вызванное кровотеченіе только повлекло бы за собой преждевременное удаленіе плода, — часто случается, кромѣ того, что онъ удаляется не вполнѣ, и это грозитъ тяжелымъ и долгимъ разстройствомъ здоровья. Бываютъ, однако, случаи, хотя и довольно рѣдкіе, что менструація ни разу не появляется за всю жизнь, при чемъ это не сопровождается никакими страданіями и не всегда обусловливается безплодіемъ; бываетъ, что такія женщины забеременѣваютъ и нормально рожаютъ.

Въ нашемъ климатѣ менструація въ возрастѣ между 40 и 50 годами утрачиваетъ вначалѣ свою правильность, а затѣмъ и совсѣмъ прекращается. Изрѣдка случается, что она прекращается внезапно и безъ всякой предварительной неправильности. Такъ какъ у многихъ женщинъ прекращеніе менструаціи сопровождается и замѣтными перемѣнами въ физическомъ состояніи и въ наружности, то этотъ возрастъ отмѣчается какъ особый періодъ женской жизни, который въ наукѣ носитъ названіе „климактерическаго періода", или „менопаузы" — оба слова происходятъ отъ греческихъ корней. Греческая медицина полагала, что жизнь протекаетъ не съ полной равномѣрностью и постепенностью, а какъ бы въ видѣ ступеней съ семилѣтнимъ промежуткомъ между одной и другой ступенью, — такъ что седьмой, четырнадцатый и т. д. годы характеризуются особенно сильными измѣненіями и, сообразно этому, большей опасностью для здоровья человѣка. И самой опасной изъ этихъ ступеней греки считали именно седьмую же („klimax" — значитъ по-

греческп „лѣстница“ или „ступени“), т. е. 49-й годъ жизни. Другое слово, „менопауза“, означаетъ въ буквальномъ переводѣ „прекращеніе мѣсяца“, т. е., въ данномъ случаѣ, мѣсячныхъ кровотеченій.

Мы видимъ, что первое появленіе менструаціи въ большой мѣрѣ зависитъ отъ климата, расы и условій жизни; въ такой же зависимости отъ нихъ находится и ея прекращеніе. Особенно большое вліяніе оказываютъ здѣсь, повидимому, условія жизни. На Балканскомъ полуостровѣ менструація прекращается, согласно имѣющимся даннымъ, часто на 30-мъ или 35-мъ году жизни женщины, между тѣмъ какъ у насъ и въ сѣверно-европейскихъ странахъ климактерическій періодъ наступаетъ обыкновенно только на 45-мъ или 47-мъ году. Въ Италіи менструація прекращается въ южныхъ частяхъ страны позже, чѣмъ въ сѣверныхъ. Но и въ средней Европѣ встрѣчаются довольно значительныя колебанія. И въ Германіи нерѣдко встрѣчаются женщины, у которыхъ менструація прекращается въ половинѣ 30-хъ годовъ жизни безъ всякаго ущерба для нормальнаго состоянія здоровья, — и въ то же время большой процентъ женщинъ продолжаетъ менструировать до начала 50-хъ годовъ; въ Берлинѣ, напр., ежегодно извѣстное число женщинъ рожаетъ въ возрастѣ старше 50 лѣтъ.

Рис. 234. Сосудъ для куреній. По Амбруазу Парэ.

Прекращеніе менструаціи почти всегда сопровождается нѣкоторыми разстройствами здоровья. Чаще всего наблюдаются колебанія въ давленіи крови, вообще нервныя разстройства кровообращенія. Наблюдается непріятное явленіе внезапнаго прилива крови къ лицу безъ всякаго внѣшняго повода, иногда бываютъ легкія головокруженія, сильная испарина выступаетъ на всемъ тѣлѣ. Очень часто наблюдаются въ это время головныя боли и разстройства пищеваренія. Рѣдко всѣ эти разстройства длятся дольше года или двухъ лѣтъ.

Беременность.

Во введеніи къ настоящему сочиненію (ср. стр. 1 и слѣд. I ч. наст. тома), разсматривающемъ вопросъ о различіи половъ, изложено и пояснено рисунками, какимъ образомъ яйцевая клѣтка женщины превращается, благодаря проникновенію въ нее мужской половой клѣтки, въ способное къ дальнѣйшему

развитію яйцо. Тамъ же разсмотрѣно и то, какъ происходитъ у человѣка и у высшихъ животныхъ это сліяніе обѣихъ половыхъ клѣтокъ, такъ называемое оплодотвореніе, внутри женскаго тѣла. Во второй главѣ I части этого тома, разсматривающей половыя и воспроизводительныя функціи мужчины, изложено также все необходимое для уясненія того, какъ совершается перенесеніе мужскихъ половыхъ клѣтокъ въ женское тѣло. Къ тому моменту, когда происходитъ оплодотвореніе, яйцо выдѣляется уже изъ наполненнаго жидкостью мѣшковиднаго образованія яичника, такъ называемаго Граафова пузырька, который лопается, попадаетъ въ брюшную полость и помѣщается обыкновенно на слизистой оболочкѣ у брюшного отверстія яйцепровода, которое напоминаетъ по формѣ раструбъ духового инструмента, съ той только разницей, что края его сильно зазубрены.

Съ извѣстной вѣроятностью можно предположить, что тѣ волнообразныя сокращенія, которыя пробѣгаютъ по маткѣ и яйцепроводу во время и непосредственно послѣ акта совокупленія, проталкиваютъ массу находящихся на слизистой оболочкѣ мужскихъ половыхъ клѣтокъ впередъ, черезъ матку и яйцепроводъ, до указаннаго выше брюшного раструба яйцепровода[1]. Послѣ того, какъ здѣсь одна изъ мужскихъ половыхъ клѣтокъ проникнетъ во встрѣтившееся ему яйцо, оно начинаетъ свое странствованіе черезъ яйцепроводъ внизъ до самой матки[2]. Продолжительность этого странствованія непосредственнымъ наблюденіемъ у человѣка установить невозможно, но различныя обстоятельства позволяютъ заключить, что оно длится, приблизительно, 10 дней.

Состояніе женщины и въ теченіе этого времени можетъ быть названо беременностью, хотя въ этотъ промежутокъ времени нѣтъ никакой непосредственной связи между яйцомъ и матерью. Но послѣ того, какъ оно уже попало въ матку, оно прикрѣпляется тамъ такъ, что для него становится возможнымъ самый живой обмѣнъ съ материнскимъ тѣломъ какъ питательными веществами и продуктами ихъ разложенія, такъ и тѣми газами, которые вбираются и выдѣляются въ теченіе жизненныхъ процессовъ. Можно сказать, что беременность въ настоящемъ смыслѣ этого слова начинается, въ сущности, только съ момента этого прикрѣпленія яйца, превращающаго молодое человѣческое существо, до извѣстной степени, въ паразита на материнскомъ тѣлѣ.

Изслѣдователи не вполнѣ сходятся во взглядѣ на то, какъ совершается это прикрѣпленіе. Многіе представляютъ себѣ это въ такомъ видѣ, что яйцо проникаетъ въ матку черезъ поверхностные слои ея слизистой оболочки и что затѣмъ края отверстія, сквозь которое оно проникло, снова смыкаются надъ нимъ путемъ своего рода процесса зарубцовыванія. Намъ до сихъ поръ не удавалось наблюдать этого на самомъ человѣкѣ, такъ такъ мы

[1] Много заставляетъ думать, что, помимо присасывающаго дѣйствія матки, здѣсь играетъ большую роль и свойственный сѣменнымъ нитямъ реотропизмъ, т. е. стремленіе двигаться на встрѣчу току жидкости, въ данномъ случаѣ, — тѣхъ железистыхъ выдѣленій, которыя поступаютъ изъ матки во влагалище. *Ред.*

[2] Встрѣча сѣменной нити съ яйцевой клѣткой происходитъ вовсе не обязательно у брюшного раструба яйцеводовъ, а можетъ произойти еще и въ брюшной полости, а также въ самыхъ яйцеводахъ и даже въ маткѣ. *Ред.*

можемъ пользоваться для этой цѣли, конечно, только изслѣдованіемъ труповъ. Но у высшихъ животныхъ, у которыхъ строеніе матки похоже на человѣческую и у которыхъ, вдобавокъ, яйцо въ моментъ его прикрѣпленія гораздо крупнѣе, чѣмъ у человѣка, — къ тому же тутъ мы имѣемъ возможность убить животное-мать черезъ столько часовъ послѣ совокупленія, сколько потребуется въ интересахъ нашего изслѣдованія, — у животныхъ этотъ процессъ вполнѣ точно изслѣдованъ.

Тутъ мы видимъ прежде всего, что поверхность оплодотвореннаго яйца сливается со слизистой оболочкой матки, и съ этого момента обѣ поверхности начинаютъ расти, собираясь во множество складокъ, соединяющихся другъ съ другомъ приблизительно такъ, какъ сплетенные пальцы рукъ.

Далѣе, — обмѣну газовъ и питательныхъ веществъ между матерью и ребенкомъ благопріятствуетъ особое развитіе кровеносныхъ сосудовъ у обоихъ существъ. Упомянутыя выше складки яйцевой оболочки, такъ называемаго хоріона, выростаютъ у человѣка въ развѣтвленные древовидно придатки или ворсинки хоріона, и въ нихъ проникаютъ развѣтвленія кровеносныхъ сосудовъ зародыша. Въ складкахъ же материнской слизистой оболочки самыя тонкія развѣтвленія кровеносныхъ сосудовъ расширяются въ болѣе обширныя, наполненныя кровью полости, въ которыя также проникаютъ, повидимому, названныя ворсинки хоріона, такъ что кровь матери и зародыша отдѣляется только тончайшимъ слоемъ ткани. Благодаря этому приспособленію, всѣ тѣ вещества, которыя вообще могутъ растворяться въ плазмѣ крови (кровяной жидкости), получаютъ возможность переходить сквозь необычайно тонкія перегородки изъ материнской крови въ дѣтскую и обратно.

Это относится, слѣдовательно, прежде всего къ кислороду, который получаетъ путемъ дыханія мать и передаетъ его такимъ образомъ зародышу, а также и къ углекислотѣ, которая образуется въ зародышѣ, какъ слѣдствіе его жизненныхъ процессовъ, въ особенности отъ соединенія кислорода съ углеродомъ тканей дѣтскаго тѣла. Вотъ почему содержаніе обоихъ этихъ газовъ въ крови дѣтскаго тѣла должно быть всегда приблизительно такимъ же, какъ и въ материнской крови. Пока мать правильно дышитъ и заботится о томъ, чтобы ея собственная кровь получала достаточно кислорода и выдѣляла скопляющуюся въ ней углекислоту, которая могла бы быть вредна ей, — до тѣхъ поръ и дѣтская кровь имѣетъ надлежащее содержаніе газовъ, хотя плодъ еще и не имѣетъ возможности производить самостоятельно дыхательныхъ движеній. Но какъ только мать перестаетъ дышать, не только въ ея крови уменьшается притокъ кислорода и умножается количество скопившейся углекислоты, но и въ крови плода, — и это можетъ привести къ смерти обоихъ существъ.

Такимъ же образомъ происходитъ и питаніе, равно какъ и выдѣленіе непригодныхъ для организма продуктовъ пищеваренія. Переработку принятой пищи производитъ сама мать въ своихъ пищеварительныхъ органахъ. Но то, что можетъ пройти сквозь стѣнки ея кишечника въ ея собственные кровеносные сосуды и можетъ быть полезно ея собственному тѣлу, то попадаетъ и въ

кровеносные сосуды ея матки и отсюда поступаетъ и въ кровеносные сосуды плода. Точно также тѣ продукты разложенія, которые могутъ быть выведены наружу изъ кровеносныхъ сосудовъ матери черезъ почки, — все это можетъ поступить и изъ крови плода въ кровь матери, такъ что составъ крови и въ смыслѣ питательныхъ веществъ остается приблизительно одинаковый у матери и ребенка, и продукты разложенія, образующіеся вслѣдствіе жизненныхъ процессовъ плода, также могутъ выводиться наружу черезъ почки матери. Только въ самый послѣдній періодъ беременности, когда ребенокъ уже значительно выросъ, въ удаленіи продуктовъ разложенія начинаютъ принимать участіе и почки самого ребенка и даже его кишечникъ, и тогда эти продукты разложенія попадаютъ въ околоплодныя воды, о которыхъ мы будемъ говорить ниже.

Объ измѣненіяхъ, совершающихся въ самомъ плодѣ послѣ прикрѣпленія яйца, мы скажемъ здѣсь только въ самыхъ общихъ чертахъ. Какъ уже было изложено во введеніи, яйцо дѣлится сначала на двѣ клѣтки, которыя остаются поверхностно связанными другъ съ другомъ, затѣмъ каждая изъ этихъ клѣтокъ, соединенныхъ общей поверхностью, продолжаетъ дѣлиться въ свою очередь, и такимъ образомъ возникаетъ многоклѣтное тѣло. Вслѣдствіе этого размноженія клѣтокъ, яйцо, по мѣрѣ своего роста, превращается въ своего рода пузырь, клѣтки котораго все теснѣе прижимаются другъ къ другу (и оттого онѣ теряютъ свою круглую форму, принимая видъ многоугольниковъ) и внутри котораго помѣщается прозрачная жидкость. Позднѣе, клѣтки размножаются и въ толщину, въ направленіи стѣнки пузыря, такъ что она составляется уже изъ трехъ слоевъ, такъ называемыхъ зародышевыхъ листковъ, а вслѣдствіе расщепленія средняго слоя, даже въ концѣ концовъ — изъ четырехъ.

Вскорѣ послѣ этого можно замѣтить, что вдоль идущаго прямолинейно углубленія или борозды, появляющейся на поверхности этого зародышеваго пузыря, клѣтки размножаются особенно сильно, и такимъ образомъ возникаютъ два параллельныхъ валика. Это и есть собственно зачатокъ дѣтскаго организма. Когда затѣмъ яйцо прикрѣпляется къ слизистой оболочкѣ матки, оно прилегаетъ къ ней именно той стороной, въ которой находится упомянутый зачатокъ; но такъ какъ само оно было бы стѣснено въ своемъ ростѣ вслѣдствіе своего прилеганія къ материнской слизистой оболочкѣ, то вполнѣ понятно, что въ томъ мѣстѣ, гдѣ появились два параллельныхъ валика, зародышевый пузырь начинаетъ углубляться, на подобіе того какъ вдавливается обмокшій резиновый мячъ, если нажать на часть его поверхности пальцемъ. Тогда край образовавшагося такимъ образомъ углубленія срастается съ материнской слизистой оболочкой, между тѣмъ какъ тѣло зародыша располагается въ длину въ глубинѣ этой впадины. Мало-по-малу впадина эта углубляется все больше и больше, края ея сдвигаются и смыкаются. Такимъ образомъ, и образовавшееся углубленіе превращается мало-по малу, въ свою очередь, въ приблизительно шарообразный пузырь, наполняющійся водянистой жидкостью, въ зародышевую оболочку или такъ называемый амніонъ (см. рис. 235—238).

Но въ образованіи этой оболочки принимали участіе только два наружныхъ слоя зародышеваго пузыря, потому что только они склеились со слизистой оболочкой матки. Оба внутренніе слоя не участвовали въ прикрѣпленіи къ слизистой оболочкѣ матки и остаются перегородкой для остальной части зародышеваго пузыря. Эта шарообразная часть содержитъ еще остатокъ пер-

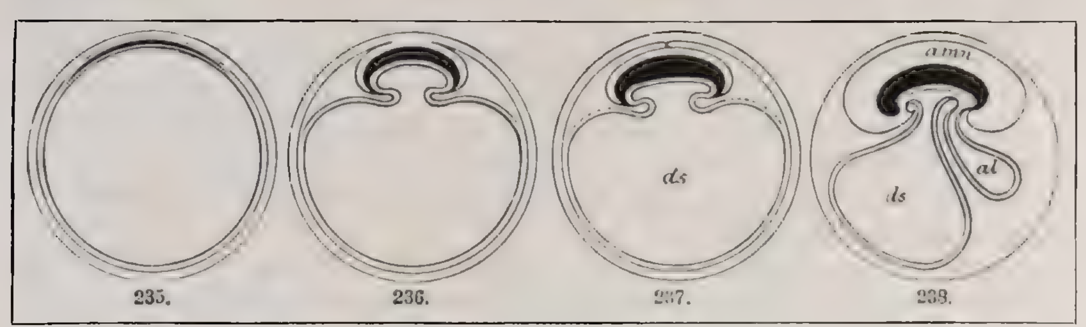

Рис. 235—238. Схематическое изображеніе отношенія яйцевыхъ оболочекъ, зародыша и прикрѣпленія яйца.
ds — желточный мѣшокъ, amn — амніонъ, al — аллантоисъ.

воначальнаго содержимаго зародышеваго пузыря, которое идетъ не прямо на строеніе дѣтскаго тѣла, а служитъ ему косвенно, какъ запасъ пищи для развивающагося плода. Эта часть называется желточнымъ мѣшкомъ или пузыремъ (рис. 237 и 238 ds).

Обѣ параллельныхъ выпуклости, о которыхъ мы выше говорили, все больше и больше утолщаются, и боковые края ихъ заворачиваются внутрь въ направленіи желточнаго мѣшка, такъ что зачатокъ превращается мало-по-малу въ трубку съ продольной щелью, потомъ края этой бороздки срастаются спереди и сзади другъ съ другомъ, такъ что желточный мѣшокъ остается соединеннымъ съ тѣломъ зародыша только посредствомъ тоненькаго, полаго внутри стебелька.

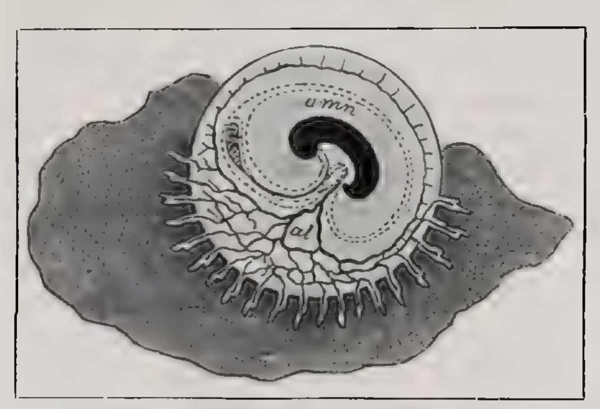

Рис. 239. Схематическое изображеніе отношенія яйцевыхъ оболочекъ, зачатка и прикрѣпленія яйца.
ds—желточный мѣшокъ, amn—амніонъ, al—аллантоисъ.

Тѣло зародыша, имѣющее приблизительно трубкообразную форму, состоитъ попрежнему изъ четырехъ различныхъ слоевъ. Оба наружные слоя, изъ которыхъ съ теченіемъ времени образуются всѣ кожныя, нервныя, костныя и мускульныя части человѣческаго плода, снова смыкаются надъ плодомъ въ томъ мѣстѣ, откуда идетъ желточный стебелекъ, и образуютъ стѣнку амніона, тогда какъ оба внутренніе листка, изъ которыхъ возникаетъ кишечникъ и всѣ относящіеся къ нему органы, переходятъ прямо въ стѣнку желточнаго пузыря. Содержимое желточнаго пузыря остается вначалѣ соединеннымъ съ содержимымъ кишечника посредствомъ полаго желточнаго стебелька и можетъ постепенно перейти цѣликомъ въ кишечникъ.

Но желточный пузырь имѣетъ второстепенное значенiе для питанiя человѣческаго плода; рядомъ же съ его стебелькомъ, изъ еще сохранившагося тамъ остатка бороздки, выпячивается часть стѣнки кишечника, состоящая, разумѣется, также изъ обоихъ внутреннихъ зародышевыхъ листковъ (рис. 238 и 239, al). Она быстро растетъ, достигая стѣнки яйца, а когда у плода развиваются сердце и кровеносные сосуды, эта часть кишечника, такъ называемый аллантоисъ, также снабжается кровью посредствомъ двухъ артерiй, тончайшiя развѣтвленiя которыхъ соединяются въ одну вену, отводящую кровь къ сердцу. Это и есть тотъ аппаратъ, тончайшiе кровеносные сосуды котораго проникаютъ въ названныя ворсинки яйцевой оболочки (точнѣе, только въ дискообразномъ участкѣ ея) и извлекаютъ изъ материнской слизистой оболочки необходимые для дыханiя и питанiя плода газы и жидкости. Стебелекъ этого аллантоиса, постепенно увеличиваясь и достигая нормально длины въ 50—60 сантиметровъ (иногда онъ бываетъ и втрое длиннѣе), превращается такимъ образомъ въ пупочный канатикъ. Онъ представляетъ собой соединенiе самаго плода съ такъ называемымъ дѣтскимъ мѣстомъ; это послѣднее, въ свою очередь, представляетъ собой не что иное, какъ тотъ дискообразный участокъ, который образуется отъ соединенiя слизистой оболочки матки съ возникшими изъ яйцевой оболочки и аллантоиса ворсинками. Вполнѣ развившiйся пупочный канатикъ не имѣетъ полости, а заключаетъ студенистую массу, по которой проходятъ двѣ пупочныя артерiи и пупочная вена. Иногда внутри студенистой массы можно найти еще небольшiе остатки желточнаго пузыря и стебелька. Та часть кишечника, изъ которой образовался аллантоисъ, имѣетъ попрежнему видъ мѣшка и впослѣдствiи совершенно обособляется отъ кишечника, превращаясь въ мочевой пузырь. [1]

Мы видѣли, такимъ образомъ, что утробный плодъ человѣка, соединенный со стѣнкой матки длиннымъ, тонкимъ и гибкимъ стебелькомъ, плаваетъ, если можно такъ выразиться, въ большомъ пузырѣ, наполненномъ водянистой жидкостью. Вся область вокругъ мѣста прикрѣпленiя пупочнаго канатика къ слизистой оболочкѣ матки представляетъ собою очень плотное и обильно снабженное кровью дѣтское мѣсто, вбирающее и выдѣляющее газы и питательныя вещества, поддерживающiя жизнь плода. Стѣнки этого большого, наполненнаго водянистой жидкостью околоплоднаго пузыря всюду плотно прилегаютъ къ внутренней поверхности матки, которая все больше и больше растягивается вслѣдствiе

[1] Процессъ развитiя зародыша и особенно образованiя зародышевыхъ оболочекъ изложенъ авторомъ нѣсколько запутанно и недостаточно популярно, и чтенiе всего этого отрывка можетъ поставить въ затрудненiе неподготовленнаго читателя. Въ сущности говоря, излагаемый здѣсь процессъ сводится къ тому, что оплодотворенная яйцевая клѣтка, путемъ послѣдовательнаго дѣленiя на 2, 4 и т. д. частей, даетъ многоклѣточнаго зародыша, состоящаго изъ трехъ, а вслѣдствiе расщепленiя средняго слоя — и четырехъ слоевъ клѣтокъ. Эти послѣднiе носятъ названiе зародышевыхъ пластовъ, которые путемъ постепеннаго обособленiя даютъ начало всѣмъ тканямъ и органамъ зародыша. Еще на самой ранней стадiи зародышъ прикрѣпляется къ слизистой оболочкѣ стѣнки матки и окружается такъ называемыми зародышевыми оболочками, возникающими первоначально въ видѣ складокъ зародышевыхъ пластовъ и постепенно обрастающими зародыша. Эти оболочки не только защищаютъ развивающагося зародыша, но играютъ важную роль и въ процессѣ его дыханiя и питанiя. *Ред.*

роста плода и увеличивающагося количества жидкости въ пузырѣ. Ростъ плода и околоплоднаго пузыря совершается у человѣка такъ быстро, что матка не выдержала бы такого усиленнаго растяженія, если бы ея собственныя мускульныя волокна не подвергались во время беременности очень значительному росту.

Изложеніе того, какъ образуются мало-по-малу изъ зародышевыхъ листковъ плода различные органы ребенка и какъ тѣло его все больше и больше принимаетъ формы, похожія на тѣло взрослаго человѣка, — не входитъ въ задачу настоящаго сочиненія. Довольно будетъ сказать, что недѣли черезъ 4 или недѣль черезъ 6 послѣ оплодотворенія яйца въ строеніи плода обнаруживаются особенности, позволяющія намъ различить, разовьется ли изъ него мужское или женское существо.

Что касается величины плода, то размѣръ его достигаетъ по истеченіи двухъ недѣль около двухъ миллиметровъ, на четвертомъ мѣсяцѣ — около 8 сантиметровъ, на седьмомъ мѣсяцѣ — около 30 сант., а при рожденіи — около 50 сант. Къ концу перваго мѣсяца беременности весь онъ вмѣстѣ съ околоплоднымъ пузыремъ приблизительно равенъ по величинѣ голубиному яйцу; къ концу третьяго мѣсяца діаметръ его равенъ приблизительно 10 сант.; на пятомъ мѣсяцѣ вся масса околоплодныхъ водъ имѣетъ приблизительно объемъ до одной трети литра; обыкновенно она увеличивается постепенно до объема $1^1/_2$ литровъ, но бываетъ и больше, и меньше, что не лишено извѣстнаго значенія какъ для дальнѣйшаго развитія плода, такъ и для болѣе или менѣе благополучнаго теченія родовъ.

Такой значительный ростъ плода и увеличеніе околоплоднаго пузыря не можетъ совершаться, разумѣется, безъ замѣтныхъ и на видъ измѣненій въ формахъ тѣла матери. На 16-й недѣлѣ беременности верхній конецъ матки уже можно прощупать надъ лоннымъ сращеніемъ тазоваго кольца; на 20-й недѣлѣ онъ доходитъ уже почти до самаго пупка, вполнѣ достигая его высоты на 24-й недѣлѣ беременности; въ это время уже явственно видно на обнаженномъ тѣлѣ увеличеніе объема живота. По истеченіи 28 недѣль, матка поднимается на нѣсколько пальцевъ выше пупка, и выпуклость живота становится настолько значительной, что ее уже очень трудно скрыть и подъ платьемъ. Наибольшаго объема достигаетъ животъ съ наступленіемъ 36-й недѣли беременности. Съ этого момента и до самыхъ родовъ, наступающихъ обыкновенно по истеченіи 40 недѣль беременности, формы тѣла беременной измѣняются только въ томъ смыслѣ, что съ опущеніемъ матки выпуклость живота надъ пупкомъ становится нѣсколько меньшей и зато большей въ области ниже пупка (ср. рис. 240). Тяжесть живота, выпячивающагося все больше кпереди, вынуждаетъ беременную, для сохраненія равновѣсія, подаваться плечами назадъ, при чемъ соотвѣтственно изгибается поясничная область. Отсюда происходитъ та особенность положенія тѣла и походки беременной, которая производитъ впечатлѣніе „надменности“.

Изъ другихъ измѣненій въ наружности беременной больше всего обращаетъ на себѣ вниманіе измѣненіе цвѣта кожи; это явленіе наблюдается у всѣхъ, почти безъ исключенія, но у брюнетокъ оно замѣтно сильнѣе, чѣмъ у блондинокъ. Средняя линія жи-

вота всегда окрашивается книзу отъ пупка въ коричневатый цвѣтъ, часто даже въ темно-коричневый; такъ же окрашивается и кружокъ, окружающій грудной сосокъ. Но у очень многихъ беременныхъ вся кожа окрашивается въ бурый, коричневатый цвѣтъ; если были веснушки или родимыя пятна, онѣ становятся темнѣе и выступаютъ рѣзче; нерѣдко мѣстами появляются неправильныя желтоватыя или буроватыя пятна, которыя довольно сильно безобразятъ беременную, если выступаютъ на лицѣ. У нѣкоторыхъ женщинъ лицо принимаетъ на исходѣ беременности апатичное выраженіе, а кожа становится дряблой, но это бываетъ въ большинствѣ случаевъ тогда, когда при беременности существуютъ какія-нибудь разстройства здоровья.

Подготовка организма къ будущему кормленію сказывается въ сильномъ набуханіи грудей, железы которыхъ съ половины беременности (при нажатіи ихъ, а иногда и сами собой) выдѣляютъ жидкость, называемую колострумомъ, или молозивомъ, которая еще, впрочемъ, нѣсколько отличается отъ молока и по своему составу, и по своему водянистому виду. Въ околососковомъ кружкѣ набухаютъ также находящіяся тамъ сальныя железы и образуютъ зернистыя возвышенія, которыя также могутъ считаться довольно надежнымъ доказательствомъ беременности.

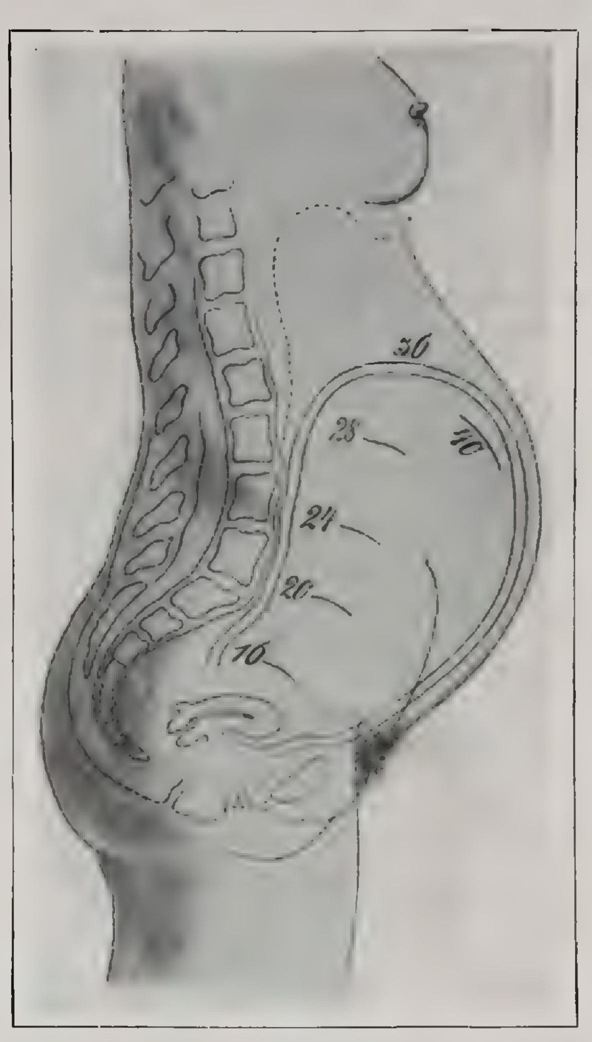

Рис. 240. Схематическое изображеніе увеличенія матки, соотвѣтственно числамъ, указывающимъ недѣли беременности.

Вслѣдствіе усиленнаго прилива крови къ половымъ частямъ, наружные половые органы также довольно значительно набухаютъ, а такъ какъ отливъ крови затрудненъ, то слизистая оболочка влагалища принимаетъ синеватую окраску. Эта затрудненность обратнаго отлива крови, объясняющаяся давленіемъ, производимымъ увеличенной маткой на проходящія въ тазу вены, захватываетъ часто цѣликомъ и нижнія конечности. Въ такихъ случаяхъ вены проступаютъ сквозь кожу на ногахъ въ видѣ толстыхъ синихъ стволовъ. Иногда онѣ такъ сильно выступаютъ подъ кожей, такъ сильно извиваются по всѣмъ направленіямъ, что поверхность ногъ вся испещряется этими толстыми

синими узлами. Такія мѣста очень подвержены пораненіямъ, и при случайныхъ царапинахъ или ушибахъ, возможны тяжелыя потери крови; часто на этихъ мѣстахъ появляются и значительныя опухоли. По окончаніи беременности такія расширенія венъ очень рѣдко проходятъ совсѣмъ и безслѣдно. Чаще эти венозные узлы остаются и послѣ родовъ, а при слѣдующей беременности вновь набухаютъ еще сильнѣе, такъ что превращаются иногда съ взорастомъ женщины — и въ особенности, если она вынуждена, по своимъ условіямъ жизни, долго стоять на мѣстѣ — въ упорный и крайне тягостный недугъ.

Застой крови въ ногахъ сопровождается обыкновенно отекомъ конечностей, при чемъ образуется особаго рода характерная опухоль, на которой отъ нажатія пальцемъ получается углубленіе, очень не скоро исчезающее. Вначалѣ эти отеки появляются обыкновенно вокругъ лодыжекъ, потомъ распространяются и ниже, по подъему и ступнѣ, а затѣмъ и вверхъ по ногѣ, и съ особенной силой въ тѣхъ случаяхъ, когда подвязки, перетягивающія ногу и колѣна, еще усиливаютъ застой крови.

Что касается другихъ перемѣнъ, которыми сопровождается беременность, — среди нихъ первое мѣсто занимаетъ пріостановка менструацій. Для большинства женщинъ, — по крайней мѣрѣ тѣхъ, у которыхъ менструаціи протекаютъ обыкновенно нормально, — пріостановка ихъ является несомнѣннымъ признакомъ наступившей беременности. Бываютъ все же исключенія. Такъ какъ менструація можетъ прекратиться и вслѣдствіе другихъ причинъ — сильныхъ душевныхъ потрясеній, изнурительныхъ болѣзней или какой-нибудь другой случайной потери крови, — то видѣть въ пріостановкѣ ея вполнѣ надежный признакъ беременности возможно только при вполнѣ нормальныхъ условіяхъ. Но бываетъ и такъ, что и послѣ наступленія беременности появляются кровотеченія, похожія на менструаціи; возможно даже, что кровотеченіе, появляющееся иногда послѣ наступившей беременности въ первый разъ, если это случается ровно черезъ четыре недѣли послѣ предыдущей, представляетъ собой дѣйствительно менструацію. Слѣдующія же кровотеченія, въ большинствѣ случаевъ, не имѣютъ ничего общаго съ менструаціей и вызываются болѣзненными причинами.

Самой частой причиной такого рода бываетъ отдѣленіе яйцевой оболочки отъ матки. Если она отдѣляется на значительномъ протяженіи, то плодъ умираетъ, и яйцо выталкивается преждевременно, цѣликомъ или частями; это явленіе называется обыкновенно выкидышемъ. Если это отдѣленіе происходитъ въ теченіе послѣднихъ мѣсяцевъ беременности, то это объясняется большей частью ненормальнымъ, слишкомъ низкимъ положеніемъ дѣтскаго мѣста. Въ этомъ случаѣ кровотеченіе можетъ оказаться настолько сильнымъ, что угрожаетъ не только жизни плода, но и жизни самой матери. Такъ какъ только наискорѣйшее вмѣшательство врача можетъ предотвратить въ этихъ случаяхъ опасность, то всякой беременной рекомендуется, въ случаѣ появленія у нея кровотеченія, немедленно же обратиться къ врачу.

Въ научно-медицинской литературѣ отмѣчено, однако, нѣсколько случаевъ умѣренныхъ кровотеченій, появляющихся съ правильными четырехнедѣльными промежутками въ продолженіе

всей беременности, — такъ что можно допустить въ самомъ дѣлѣ, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ правильно продолжающейся менструаціей. Всего легче объясняется такое явленіе тѣмъ, что матка, образующаяся при развитіи двойного зачатка, такъ и остается двойной на всю жизнь, вслѣдствіе какой-нибудь ненормальности; такимъ образомъ матка сохраняетъ какъ бы двѣ полости, отдѣленныя одна отъ другой болѣе или менѣе цѣльной перегородкой, изъ которыхъ одна забеременѣваетъ, а другая продолжаетъ менструировать. Параллельно этому явленію дѣйствительной менструаціи во время беременности идетъ другое явленіе, тоже довольно рѣдкое, когда женщина совсѣмъ никогда не имѣла менструаціи и, слѣдовательно, ни о какой пріостановкѣ мѣсячныхъ во время беременности не можетъ быть и рѣчи.

У многихъ женщинъ беременность оказываетъ довольно серьезное вліяніе на процессы питанія и пищеваренія. У женщины здоровой во время беременности аппетитъ усиливается, сообразно увеличивающейся потребности организма въ пищѣ для надобностей развивающагося плода; нерѣдко при этомъ улучшается и пищевареніе беременной. Случается даже, что это улучшеніе питанія превосходитъ потребности плода, такъ что беременная полнѣетъ, наращивая больше жира, и даже малокровіе, если оно существовало до беременности, исчезаетъ. Противоположное явленіе наблюдается только тогда, когда беременная страдаетъ значительной нервной слабостью. Тогда появляется отвращеніе къ пищѣ, вмѣсто нормальнаго аппетита является нездоровая склонность къ несъѣдобной или даже къ отвратительной пищѣ; къ этому присоединяются тошнота, рвота, принятая пища не идетъ впрокъ, и беременная худѣетъ. Случайныя рвоты послѣ ѣды, если онѣ не сопровождаются въ то же время отвращеніемъ къ пищѣ, встрѣчаются нерѣдко при болѣе легкой нервности, и тогда онѣ не причиняютъ беременной серьезнаго вреда, — потому что въ такихъ случаяхъ она можетъ поѣсть лишній разъ въ возмѣщеніе недостающаго количества пищи, и питаніе ея не терпитъ ущерба. Бываютъ, однако, случаи, когда рвоты достигаютъ такихъ размѣровъ, что беременная теряетъ всякую возможность питаться и такъ теряетъ силы, что это представляетъ серьезную опасность для жизни ея. Такіе случаи упорной, неукротимой рвоты даютъ право врачу искусственно прервать беременность, такъ какъ смерть матери повлекла бы за собой, разумѣется, и смерть плода, слѣдовательно, сохранить его жизнь было бы, во всякомъ случаѣ, невозможно; въ виду этого единственной задачей врача можетъ быть стараніе сохранить, по крайней мѣрѣ, жизнь матери.

Нерѣдко при беременности наблюдается усиленное выдѣленіе слюны, иногда настолько значительное, что за сутки можно собрать, случается, 800, 1,000, даже 1,600 куб. сантиметровъ слюны.

Въ числѣ разстройствъ, очень часто наблюдаемыхъ во время беременности, слѣдуетъ отмѣтить затрудненное мочеиспусканіе и запоры. Оба эти явленія объясняются давленіемъ, которое производитъ увеличенная матка сзади на прямую кишку, а спереди на мочевой пузырь, въ особенности же на шейку его, прижатую къ лобковой кости.

У лицъ, отличающихся значительной нервозностью, она во время беременности можетъ дойти до настоящихъ душевныхъ разстройствъ. Нерѣдко наблюдаются не только капризные переходы настроенiй или меланхолiя безъ всякой сколько-нибудь основательной причины, но и явно болѣзненныя наклонности. Чаще всего встрѣчается болѣзненная склонность играть и вообще неосторожно обращаться съ огнемъ и еще такъ называемая клептоманiя, побуждающая беременную женщину, безусловно порядочную, присвоивать себѣ тайкомъ чужiя вещи, даже такiя, которыя ей совершенно не нужны или которыя она легко могла бы купить себѣ при своемъ матерiальномъ положенiи. Разумѣется, такiя нервныя разстройства встрѣчаются почти исключительно у лицъ съ наслѣдственно неустойчивой нервной системой.

Въ виду того, что названныя разстройства встрѣчаются почти у каждой беременной, хотя и въ очень различной степени, то, въ общемъ, очень важно позаботиться обо всемъ образѣ жизни женщины во время беременности. Чаще всего врачу приходится сталкиваться съ вопросомъ, надо ли совсѣмъ запретить или ограничить въ теченiе этого времени половыя сношенiя. Полное запрещенiе необходимо, во всякомъ случаѣ, только тогда, если прежнiя беременности имѣли исходомъ выкидышъ, но и въ этомъ случаѣ только въ теченiе тѣхъ мѣсяцевъ беременности, въ которые выкидышъ произошелъ, большей частью — между 3-мъ и 5-мъ мѣсяцами [1].

Разные народы держатся самыхъ различныхъ взглядовъ на этотъ счетъ. Очень многiе считаютъ супружескiя сношенiя съ беременной женщиной вредными для развивающагося въ утробѣ матери младенца. Нѣкоторыя африканскiя племена считаютъ это вреднымъ, начиная съ 7-го мѣсяца беременности, парсы — начиная съ 5-го мѣсяца; талмудъ запрещаетъ, наоборотъ, сношенiя съ беременной женой въ теченiе первыхъ трехъ мѣсяцевъ. Древнiе персы, бактры, мидяне, большинство индiйскихъ племенъ, китайцы, многiя африканскiя племена, сѣверо-американскiе индѣйцы и коренное населенiе Антильскихъ островов прекращаютъ половыя сношенiя на все время беременности и отчасти считаютъ беременную женщину (какъ и менструирующую) не чистой, такъ что она изолируется отъ всякаго вообще общенiя съ мужчиной. Въ нѣкоторыхъ европейскихъ странахъ пережитокъ этого взгляда сохранился въ томъ, что беременная не можетъ крестить ребенка.

Разсмотримъ, однако, гигiеническiя мѣры предосторожности, дѣйствительно рекомендуемыя наукой.

Утомительнаго физическаго труда и сильныхъ душевныхъ волненiй необходимо по возможности избѣгать, уже потому, что къ дѣятельности сердца и безъ того предъявляются усиленныя требованiя въ виду необходимости въ изобилiи снабжать матку кровью, и потому еще, что душевное состоянiе и безъ того подавлено вслѣдствiе всевозможныхъ недомоганiй и страха передъ исходомъ родовъ. Слѣдуетъ избѣгать всякаго переутомленiя, поднимания тяжестей и всякихъ сильныхъ потрясенiй. Изъ различныхъ видовъ спорта особенно вредными надо признать лаунъ-

[1] Большинство гинекологовъ и акушеровъ настаиваютъ на необходимости полнаго воздержанiя отъ половыхъ сношенiй во все время беременности. *Ред.*

теннисъ, восхожденія на горы, греблю и верховую ѣзду. Ѣзда на лошадяхъ и по желѣзной дорогѣ также можетъ быть вредна, если сопровождается сильной тряской; но въ поѣздкѣ для развлеченія или отдыха беременной не слѣдуетъ отказывать, если только она можетъ быть поставлена по пріѣздѣ въ болѣе благопріятныя условія и, если во время самой поѣздки, она можетъ, почувствовавъ замѣтно усталость, прилечь отдохнуть, вытянувшись на спинѣ. Прогулки на воздухѣ очень полезны. Безусловно полезно также купанье, и врачу даже слѣдуетъ настаивать на необходимости его, — но при этомъ надо избѣгать, разумѣется, рѣзкихъ переходовъ температуры, долгаго пребыванія въ водѣ и купанья въ сильный зной.

Груди бываютъ большей частью изнѣжены, особенно у женщинъ болѣе или менѣе зажиточныхъ классовъ; ихъ необходимо систематически закаливать во время беременности съ помощью обмываній спиртомъ или десятипроцентнымъ растворомъ дубильной кислоты и ношенія бѣлья изъ грубаго полотна, — иначе онѣ могутъ подвергаться во время кормленія изъязвленіямъ и воспаленіямъ. Одежда должна быть довольно просторна, — въ особенности надо избѣгать подвергать продолжительному стѣсненію груди и животъ.

Въ виду значительнаго количества пищевого матеріала, въ которомъ нуждается плодъ, **пища** должна быть обильна въ смыслѣ питательности, т. е. содержать много бѣлковъ, сахару, крахмала и жира. Но такъ какъ для совершеннаго питанія къ названнымъ веществамъ необходимо прибавлять еще и целлюлёзу, обильнымъ содержаніемъ которой отличается большинство видовъ зелени и овощей, то столъ беременной долженъ включать и ихъ. Не слѣдуетъ употреблять тѣхъ видовъ пищи, которые обладаютъ способностью пучить животъ или усиливаютъ наклонность къ запорамъ, которая и безъ того очень сильна у всѣхъ беременныхъ. Къ первымъ относятся всевозможные сорта капусты, лукъ, прогоркшіе жиры; ко вторымъ—больше всего мучная пища, приготовляемая изъ муки, очищенной отъ отрубей. Въ крайнемъ случаѣ слѣдуетъ примѣнять легкія слабительныя или клизмы, чтобы добиться стула не менѣе раза ежедневно. Введенія глицерина въ прямую кишку слѣдуетъ избѣгать, такъ какъ онъ можетъ вызвать боли. Всего лучше стараться поддерживать правильный стулъ съ помощью цѣлесообразнаго выбора и разнообразія пищи, прибавленія къ ней сырыхъ или вареныхъ плодовъ, выпиванія стакана воды натощакъ и т. под. домашнихъ средствъ.

Въ случаѣ **душевныхъ страданій** беременной, лучшимъ средствомъ возстановленія или поддержанія душевнаго равновѣсія является интересное, но не волнующее времяпровожденіе, при чемъ слѣдуетъ избѣгать бесѣдъ на темы о беременности и предстоящихъ родахъ. Пребыванія въ многолюдномъ обществѣ, въ помѣщеніяхъ съ испорченнымъ воздухомъ, при условіяхъ возможной давки, слишкомъ обильныхъ трапезъ и употребленія горячительныхъ напитковъ необходимо избѣгать. При посѣщеніи беременной театровъ и концертовъ надо слѣдить за тѣмъ, чтобы она не испытывала слишкомъ сильнаго волненія, не смѣялась бы слишкомъ сильно и долго, чтобы мѣсто было удобно и зрительный залъ имѣлъ хорошую вентиляцію.

Существуетъ очень распространенное мнѣніе, что если беременная увидитъ что-нибудь волнующее, безобразное или испугается чего-нибудь, то на ребенкѣ, котораго она носитъ, это отразится, — какъ-нибудь обезобразитъ или изуродуетъ его. Это вѣрованіе распространено въ самыхъ различныхъ кругахъ у всѣхъ народовъ. Чаще всего багровыя родимыя пятна объясняютъ тѣмъ, что женщина испугалась во время беременности сильнаго пожара или вида крови. Бурыя пятна, покрытыя волосами, объясняютъ испугомъ метери при видѣ какого-нибудь мохнатаго животнаго; если это былъ заяцъ, то ребенокъ родится будто бы съ заячьей губой. Всевозможнымъ картинамъ также приписывается вліяніе въ такомъ смыслѣ, что ребенокъ будетъ имѣть какое-нибудь сходство съ видѣнной матерью картиной. Существуетъ множество суевѣрныхъ мѣръ, предохраняющихъ будто бы отъ этихъ вліяній. Въ виду того, что даже медицинская наука еще до недавняго сравнительно времени вѣрила въ силу этихъ вліяній, — необходимо отмѣтить, что этотъ взглядъ давно уже оказался совершенно неосновательнымъ. Дѣло въ томъ, что почти всѣ подобныя уродливости возникаютъ въ такой ранней стадіи беременности, что женщина большей частью даже сама еще не можетъ быть увѣрена въ своей беременности, между тѣмъ какъ случаи, которымъ приписываются ихъ возникновеніе, происходятъ почти всегда уже въ довольно позднемъ періодѣ беременности. Точно также все изложенное нами объ анатомическомъ соотношеніи между беременной и ея плодомъ никакъ не можетъ объяснить того, какимъ образомъ простое впечатлѣніе, произведенное на чувства беременной, можетъ отразиться сквозь ткань дѣтскаго мѣста и пупочный канатикъ на утробномъ младенцѣ въ смыслѣ грубаго измѣненія формъ его. Но, разумѣется, нельзя отрицать того, что сильное душевное волненіе беременной вліяетъ вредно на питаніе плода и можетъ поэтому привести къ искалѣченію и даже къ смерти его.

Очень часто для семьи является вопросомъ большой важности то обстоятельство, родитъ ли женщина мальчика или дѣвочку. Понятно поэтому, что еще съ древнѣйшихъ временъ дѣлались попытки предугадывать еще до родовъ полъ будущаго ребенка и также, по возможности, вліять на него. Такъ какъ, въ большинствѣ случаевъ, рожденіе мальчика представляется болѣе желательнымъ, чѣмъ рожденіе дѣвочки, то съ незапамятныхъ временъ существовали на этотъ счетъ различныя суевѣрія. Въ Индіи сажаютъ въ этихъ видахъ мальчика на колѣни невѣсты во время свадьбы. У многихъ славянскихъ народовъ, какъ, напримѣръ, болгаръ, сербовъ, русскихъ, галиційскихъ крестьянъ, — невѣстѣ кладутъ въ день свадьбы грудного ребенка-мальчика на колѣни. Въ Босніи къ невѣстѣ, входящей въ первый разъ въ домъ жениха, подводятъ мальчика, котораго она беретъ за руку и трижды обводитъ его вокругъ себя. Въ Герцеговинѣ дѣвушку опоясываютъ во время обрученія мужскимъ поясомъ. Въ Чехіи невѣсту окружаютъ въ день свадьбы мальчики и хлопаютъ ее своими шапками.

Талмудъ предписываетъ помѣщать супружескую постель между сѣверомъ и югомъ, чтобы рождались мальчики. Индійскіе законы предписываютъ въ тѣхъ же видахъ особую діэту и опре-

дѣленные дни по окончаніи менструацій (4-й, 6-й, 8-й и 12-й дни) для выполненія полового акта; при этомъ установлены еще нѣкоторыя діэтетическія предписанія и пріемъ извѣстныхъ лѣкарственныхъ веществъ. Въ Моденскомъ герцогствѣ мужу предписывается кусать ухо жены во время супружескаго общенія для того, чтобы родился мальчикъ. Въ Тиролѣ мужъ, желающій рожденія сына, совершаетъ супружескій актъ въ сапогахъ, въ нижней Баваріи онъ кладетъ для этой цѣли деревянный топоръ въ постель. Въ Греціи беременная должна избѣгать называть какое-нибудь женское имя, иначе ребенокъ родится дѣвочкой.

Рис. 241. Рожденіе Іакова и Исава.
По фрескамъ Беноццо Гоццоли въ Кампо Санто въ Пизѣ.

Въ Венгріи молодая женщина не должна брать съ собой въ домъ мужа свою прялку и швейныя принадлежности, иначе она будетъ рожать однѣхъ дѣвочекъ. У эстонцевъ женщина не должна садиться во все время беременности на ведро для воды, во избѣжаніе рожденія дѣвочки.

Согласно взглядамъ Гиппократа, существуетъ вѣрованіе, что на развитіе того или другого пола вліяетъ то, какой изъ двухъ яичниковъ или какая изъ двухъ мужскихъ половыхъ железъ производятъ плодъ или въ какой сторонѣ матки онъ развивается. Выводъ отсюда дѣлается такой, что мужчина можетъ по своей волѣ вліять на полъ будущаго ребенка, путемъ сдавливанія отводящаго сѣмя протока на той или на другой сторонѣ. Съ тѣхъ поръ и древняя, и средневѣковая медицина создала множество теорій и пріемовъ, имѣющихъ цѣлью найти объясненіе возникновенію того или другого пола и дать практическое его примѣненіе. Но, при современномъ состояніи науки, всѣ

онѣ должны быть отвергнуты, какъ неосновательныя и ошибочныя.

Несомнѣнно ошибочна и надѣлавшая шуму недавно теорія Шенка, согласно которой на полъ ребенка вліяетъ будто бы болѣе обильное или болѣе скудное питаніе, — ошибочна уже просто потому, что полъ можно различить съ помощью микроскопа даже на четырехнедѣльномъ зародышѣ, а до этого возраста развитіе плода такъ мало зависитъ отъ большаго или меньшаго питанія матери и такъ мало требуетъ пищи, что можетъ удовлетвориться въ крайнемъ случаѣ, даже при самомъ скудномъ питаніи матери, одними запасными веществами, которыми располагаетъ организмъ здоровой женщины. Самые широкіе опыты дѣлались, разумѣется, при разведеніи животныхъ, — для хозяина, занимающагося разведеніемъ животныхъ, часто является гораздо болѣе выгоднымъ разведеніе преимущественно самокъ или преимущественно самцовъ. Но и здѣсь безчисленное множество предлагавшихся теорій не оправдывались на практикѣ: никому еще не удавалось найти достаточно надежные пріемы, чтобы получать, напр., при разведеніи собакъ, преимущественно самцовъ.

Фотогр. изд. Фр. Гёфле въ Аугсбургѣ.

Рис. 242. Рожденіе четверни.

Картина стар. нѣм. художника (ок. 1450 г.) въ галлереѣ дворца кн. Лихтенштейна.

Въ огромномъ большинствѣ случаевъ женщина рождаетъ, какъ извѣстно, только одного ребенка. Близнецы, древнѣйшій образецъ которыхъ изображенъ итальянскимъ художникомъ Беноццо Гоццоли въ Пизѣ (рис. 241), на его знаменитыхъ фрескахъ — двойни рождаются крайне рѣдко: одинъ случай на 80 приблизительно случаевъ рожденій, а тройни еще

рѣже: одинъ случай на 10,000 рожденій приблизительно; при этомъ наблюдаются извѣстныя колебанія у различныхъ племенъ, случаи же рожденія четверыхъ младенцевъ заразъ приходятся одинъ на милліонъ рожденій. Интересный случай этого рода можно видѣть въ Лихтенштейнскомъ (въ Вюртембергѣ) дворцѣ на картинѣ стариннаго германскаго художника, воспроизведенной нами на рис. 242. Еще рѣже, разумѣется, случаи рожденія пятерыхъ младенцевъ заразъ. Случай рожденія шестерыхъ заразъ является единичнымъ и произошелъ въ 1888 году въ Ломбардіи. Отецъ, чиновникъ ратуши, присутствовалъ при рожденіи перваго плода, а врачъ — при рожденіи остальныхъ пятерыхъ, но видѣлъ и перваго, родившагося до его прихода. Въ Гамельнѣ существуетъ надгробный памятникъ, на которомъ изображена мать (Анна Рэмеръ, рожд. Брейеръ) и семеро младенцевъ, которыхъ она родила, если вѣрить надписи, живыми, но которые умерли на 11-й (или на 12-й) день (рис. 243). Въ Мадридѣ (по сообщенію „Opinione“ отъ 19 марта 1899 г.) тоже былъ будто бы случай рожденія семерыхъ (мертвыхъ) младенцевъ.

Рис. 243. Надгробный памятникъ надъ могилой семерыхъ младенцевъ семьи Рэмеръ въ Гамельнѣ.

Чѣмъ больше плодовъ, тѣмъ больше они, разумѣется, препятствуютъ развитію другъ друга. Даже двойни рождаются большей частью на нѣсколько недѣль раньше срока, и часто одинъ изъ близнецовъ бываетъ меньше другого; смертность близнецовъ въ первый годъ жизни составляетъ приблизительно 75%. Въ случаяхъ же рожденія больше трехъ младенцевъ заразъ они никогда не выживаютъ.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда одинъ изъ двухъ близнецовъ гораздо меньше другого, или когда между рожденіемъ обоихъ проходитъ нѣсколько дней, нѣкоторые народы усматриваютъ въ этомъ доказательство того, что они родились отъ двухъ различныхъ половыхъ актовъ. Даже научная медицина — встарину единодушно, но въ лицѣ нѣкоторыхъ представителей даже до самаго послѣдняго столѣтія — признавала возможность вторичнаго зачатія беременной женщины отъ новаго полового акта. Ничего нѣтъ невозможнаго въ самомъ дѣлѣ въ томъ, что, напримѣръ, яйцо, происходящее отъ одной менструаціи, оплодотворяется только черезъ нѣкоторое время происшедшимъ совокупленіемъ, и что яйцо, освобождающееся при слѣдующей мен-

струацiи, можетъ быть оплодотворено жизнеспособнымъ сѣменемъ, сохранившимся еще отъ того же совокупленiя, или же новымъ, происшедшимъ позднѣе актомъ. Разумѣется, это никакъ не можетъ относиться къ тѣмъ случаямъ, когда близнецы зародились въ одномъ и томъ же яйцѣ.

Но предполагаемая возможность подобнаго запоздалаго оплодотворенiя привела у многихъ народовъ къ тому странному и неосновательному мнѣнiю, что близнецы могутъ происходить и отъ разныхъ отцовъ. Въ виду этого, рожденiе близнецовъ считается у этихъ народовъ и въ настоящее время чѣмъ-то позорнымъ, и часто убиваются или близнецы вмѣстѣ съ матерью, или по крайней мѣрѣ одни близнецы. Таковы, напримѣръ, племена Гвинеи, Гвiаны и нѣкоторыя индiйскiя племена. У другихъ рожденiе близнецовъ считается во всякомъ случаѣ несчастьемъ, и близнецы убиваются и у нихъ — какъ, напримѣръ, почти у всѣхъ австралiйскихъ племенъ и нѣкоторыхъ негритянскихъ. Индѣйцы Калифорнiи и мексиканцы убиваютъ по крайней мѣрѣ одного изъ двухъ близнецовъ, — обыкновенно родившагося вторымъ. Перуанскiе индѣйцы также убиваютъ второго изъ близнецовъ, котораго считаютъ исчадьемъ дьявола. Существуетъ, разумѣется, и много всевозможныхъ суевѣрныхъ средствъ для предотвращенiя беременности двойнями. Многiе европейцы также вѣрятъ, что беременная женщина должна тщательно остерегаться съѣсть сросшiеся плоды, коренья или орѣхи, такъ какъ отъ этого у нея могутъ родиться двойни.

Существуетъ, однако, много другихъ племенъ, которыя смотрятъ на беременность двойнями, какъ на особое счастье и благословенiе небесъ, и даже родителей близнецовъ считаютъ святыми, — напримѣръ, мадьяры и боснiйцы, а въ герцогствѣ Ольденбургскомъ мать близнецовъ чрезвычайно почитается и ей приписывается власть создать счастливый союзъ.

Какъ ни рѣдко встрѣчаются случаи рожденiй по два и больше младенцевъ заразъ, — повидимому, индивидуальныя особенности такихъ женщинъ предрасполагаютъ ихъ къ повторнымъ случаямъ.

Одинъ изъ самыхъ поразительныхъ случаевъ такого рода разсказываетъ Бурдахъ въ своей „Физiологiи". У одной женщины, рождавшей 27 разъ и произведшей на свѣтъ 69 дѣтей, — 16 разъ родились двойни, 7 разъ тройни, 4 раза четверо и ни разу одного. Гейсслеръ разсказываетъ о д-рѣ Мари Аустинъ, родившей за 33 года замужней жизни 44 дѣтей, изъ нихъ 13 разъ двойни и 6 разъ тройни. Генрихъ Зейдель, (авторъ юношеской повѣсти „Изъ Перлина въ Берлинъ") разсказываетъ объ инспекторѣ лѣсного округа въ Шверинѣ, М., имѣвшемъ отъ одной жены 22 дѣтей.

Случаи, когда близнецы происходятъ отъ одновременнаго оплодотворенiя и развитiя двухъ яицъ, или же когда два плода развиваются изъ одного яйца, рѣзко различны между собою. Въ первомъ случаѣ близнецы могутъ быть и разнаго пола, если же оба происходятъ отъ одного яйца, они всегда бываютъ одного и того же пола. Затѣмъ, въ первомъ случаѣ оба плода развиваются часто очень различно, близнецы же, происшедшiе отъ одного яйца, почти всегда бываютъ развиты приблизительно одинаково хорошо и бываютъ обыкновенно очень похожи другъ

на друга: цвѣтъ волосъ и глазъ у нихъ бываетъ одинаковый и сходство всѣхъ физическихъ и психическихъ свойствъ такъ велико, что даже матери часто трудно бываетъ отличить ихъ другъ отъ друга. Даже ненормальности или уродства, если оказываются у одного, оказываются такія же и у другого.

Въ первомъ періодѣ беременности даже спеціалисту совершенно невозможно опредѣлить у живой женщины, носитъ ли она двойни. Только въ той стадіи беременности, когда изслѣдователю уже слышно біеніе сердца ребенка, беременность двойнями часто можно установить съ увѣренностью, благодаря тому, что слышны одновременные удары сердца различнаго темпа. Когда младенцы подрастаютъ еще больше, можно уже прощупать сквозь животъ беременной различныя части дѣтскаго тѣла, при чемъ по количеству ихъ можно опредѣлить, что онѣ принадлежатъ болѣе чѣмъ одному младенцу.

Нормальная продолжительность беременности равняется 40 недѣлямъ или 280 днямъ, считая со дня наступленія послѣдней менструаціи. Но этотъ подсчетъ не можетъ быть вполнѣ точенъ уже просто потому, что ни моментъ окончанія менструаціи, ни моментъ оплодотворяющаго полового акта не совпадаютъ съ моментомъ проникновенія сѣменной нити въ яйцо. Германское гражданское законодательство (§ 1592) принимаетъ максимальный срокъ въ 302 дня, въ теченіе котораго признается отцовство. Согласно научнымъ изслѣдованіямъ, этотъ срокъ долженъ быть признанъ недостаточнымъ. Отчеты родовспомогательныхъ университетскихъ клиникъ Мюнхена, Лейпцига и Марбурга свидѣтельствуютъ о случаяхъ рожденія младенцевъ, въ особенности мальчиковъ, необыкновенно большого вѣса, о которыхъ съ большой вѣроятностью надо предположить, что они вынашивались гораздо дольше. Приходится считать возможной продолжительность беременности въ 330 дней, считая со дня оплодотворившаго акта.

Съ другой стороны, возможны, разумѣется, роды и ранѣе нормальнаго срока, вслѣдствіе различныхъ вліяній. Въ случаяхъ значительно преждевременныхъ родовъ врачъ можетъ часто установить по нѣкоторымъ признакамъ, что плодъ еще не достигъ надлежащей зрѣлости; но несмотря на это, ребенокъ можетъ выжить при заботливомъ уходѣ. Въ общемъ, можно считать такой случай возможнымъ, если беременность длилась по меньшей мѣрѣ 220 дней. Съ помощью недавно изобрѣтенныхъ аппаратовъ-грѣлокъ, въ которыхъ недоношенный, незрѣлый плодъ получаетъ соотвѣтствующую материнской температуру воздуха и необходимую ему влагу, возможно иногда сохранить жизнь даже еще болѣе недозрѣлому плоду.

Существуетъ во всѣхъ странахъ цѣлый рядъ особыхъ обычаевъ и предписаній для беременныхъ, обезпечивающихъ будто бы благополучное развитіе плода и легкіе роды. Почти всѣ народы совершаютъ извѣстныя религіозныя церемоніи — во время ли установленія факта беременности, или въ болѣе поздніи періодъ ея, произносятся молитвы, приносятся жертвы, иногда устраиваются торжества; римляне чтили даже особыхъ богинь, которымъ возносили молитвы о благополучномъ теченіи беременности и родовъ. И у современныхъ христіанскихъ народовъ суще-

ствуютъ установленныя церковныя молитвы о благополучіи беременныхъ, а у католиковъ возносятся молитвы нѣкоторымъ святымъ или изображеніямъ святыхъ, мощамъ, совершаются паломничества къ святымъ мѣстамъ. Наряду съ надеждами, возлагаемыми на божественную помощь, широко распространенъ также страхъ передъ вліяніями злыхъ духовъ, темныхъ силъ, „дурного глаза“, „паговора“ и подобныхъ сверхъестественныхъ силъ, вліяніе которыхъ стараются обезвредить ношеніемъ амулетовъ и всевозможными другими суевѣрными средствами.

Принятый въ настоящее время у многихъ народовъ поясъ беременныхъ имѣетъ также исключительно значеніе амулета. Первоначально онъ употреблялся, вѣроятно, съ практическими цѣлями: въ первые мѣсяцы беременности онъ могъ быть полезенъ тѣмъ, что, будучи надѣтъ подъ ребрами и оттягивая кзади животъ, дѣлалъ менѣе замѣтнымъ измѣненныя беременностью формы тѣла; въ послѣдующій періодъ, будучи надѣтъ пониже на животъ, онъ можетъ предохранить отъ очень тягостной иногда отвислости живота. Возможно, что этимъ стягиваніемъ живота имѣлось въ виду также воспрепятствовать слишкомъ сильному росту плода и предотвратить могущія возникнуть отъ этого опасности при родахъ. Но какъ это бываетъ со многими средствами, имѣвшими первоначально цѣлесообразное назначеніе, — съ теченіемъ времени поясъ этотъ начали носить, не принимая въ разсчетъ индивидуальныхъ условій отдѣльныхъ случаевъ и не отдавая себѣ отчета въ томъ, какое онъ оказываетъ дѣйствіе; всѣ надежды стали возлагать на суевѣрныя церемоніи, соблюдающіяся при его надѣваніи, или на прикрѣпляемые къ нему амулеты и мистическія заклинанія, надписываемыя или вышиваемыя на немъ. Къ тому же разряду суевѣрныхъ средствъ относится обычай ношенія беременными змѣиной кожи въ видѣ пояса, принятый въ маркграфствѣ Бранденбургскомъ.

Суевѣріе строжайше запрещаетъ многое беременнымъ, какъ могущее принести страшный вредъ. Существуетъ, напримѣръ, убѣжденіе, что роды будутъ необычайно трудными, если беременная будетъ носить какія-нибудь завязки или тесемки, браслеты, цѣпочки и т. п. На томъ же основаніи въ герцогствѣ Пфальцскомъ, напр., беременная не должна проходить подъ протянутой для развѣшиванія бѣлья веревкой, не должна ткать или вязать. Во Франконіи она не должна пролѣзать подъ бревенчатымъ навѣсомъ. Въ Зибенбюргенѣ она не должна носить жемчужнаго ожерелья на шеѣ, иначе во время родовъ пуповина обмотается вокругъ шеи ребенка; не должна ѣхать назадъ въ экипажѣ, иначе ребенокъ появится на свѣтъ въ ненормальномъ положеніи. Тамъ же и въ герцогствѣ Ольденбургскомъ беременной нельзя переступать черезъ дышло. У болгаръ ей нельзя сидѣть, запрокинувъ ногу на ногу. Въ Венгріи беременныя боятся, если подъ ихъ кроватью заведется мышиная нора: это значитъ, что родится калѣка-ребенокъ; боятся увидѣть молнію, такъ какъ отъ этого у ребенка можетъ развиться неодолимая страсть къ бродяжничеству. Въ Шпре-вальде ждутъ, что ребенокъ родится съ рыжими волосами, если беременная полѣзетъ въ печь для сушки льна. Въ Старо-прусскихъ областяхъ беременной нельзя много возиться съ водой, иначе у ребенка будетъ головная водянка, и нельзя смотрѣть сквозь узкую щелку, иначе у ребенка разовьется косоглазіе. Въ Эстляндіи беременная, разрѣзывая хлѣбъ, старается отрѣзать какъ можно меньшій краешекъ, чтобы у ребенка былъ маленькій ротъ. Въ Венгріи, Зибенбюргенѣ и Болгаріи женщины боятся скрывать свою беременность, такъ какъ отъ этого ребенокъ можетъ начать поздно говорить или совсѣмъ остаться нѣмымъ. Кое-гдѣ (въ Европѣ рѣже, больше у мало цивилизованныхъ народовъ) беременность жены налагаетъ, порой очень трудныя, обязанности и на мужа. Почти у всѣхъ южно-американскихъ племенъ мужья обязаны во все время беременности жены воздерживаться отъ охоты и отъ

употребленія въ пищу мяса животныхъ. Такое же вѣрованіе распространено и среди нѣкоторыхъ племенъ индійскаго архипелага. Въ Гренландіи мужъ воздерживается отъ работы, такъ какъ иначе ребенокъ умретъ. У очень многихъ индійскихъ племенъ мужъ не вправѣ оставлять жену одну во все время беременности и даже еще нѣсколько недѣль послѣ родовъ.

Мы уже упоминали о нѣкоторыхъ явленіяхъ, которыми сопровождается беременность почти у всѣхъ женщинъ, но которыя

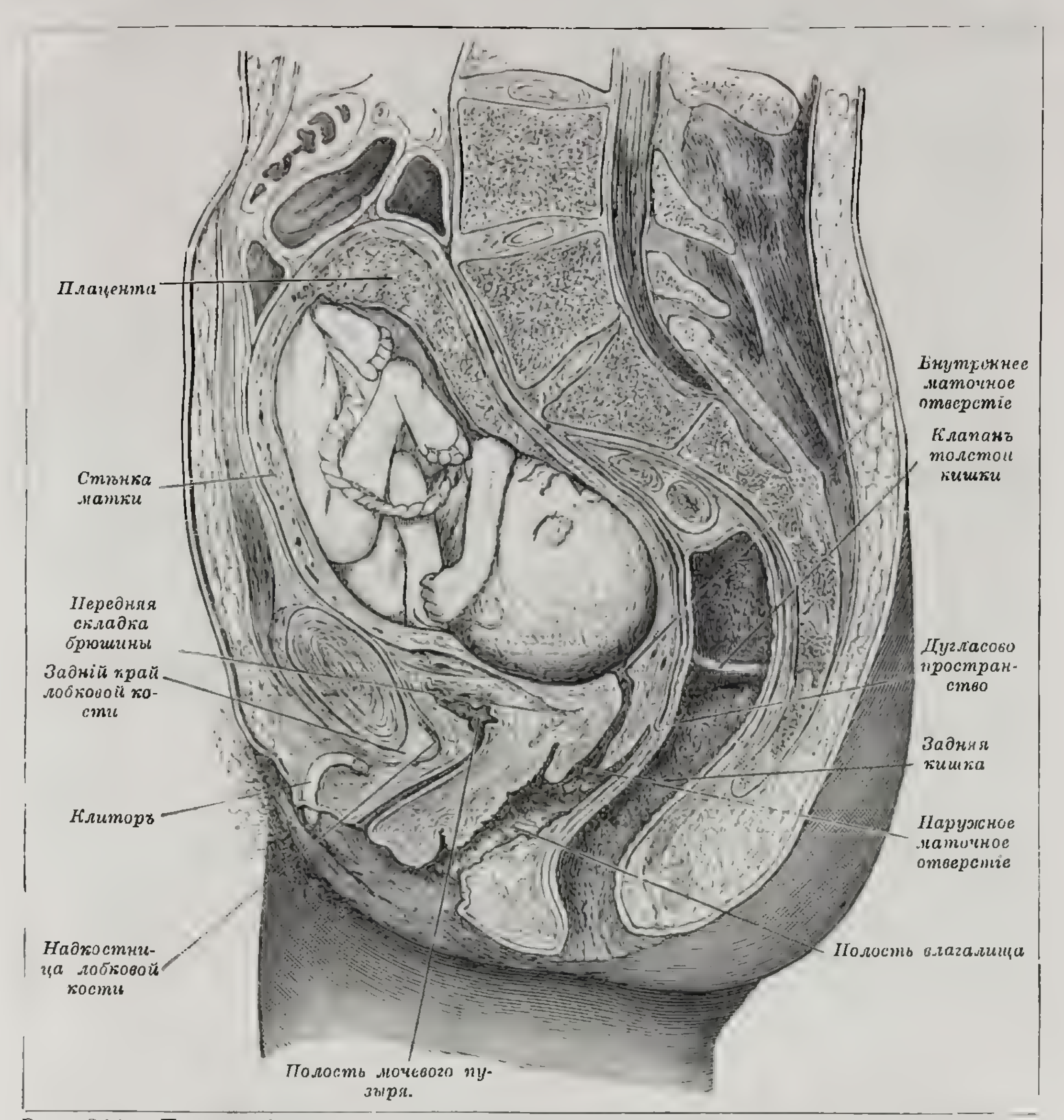

Рис. 244. Положеніе шестимѣсячнаго зародыша. Продольный разрѣзъ тѣла беременной женщины.

иногда болѣзненно усиливаются. Особенно надо отмѣтить явленія тошноты и рвоты, которыя достигаютъ иногда такой степени, что никакая пища не удерживается и грозитъ опасность самой жизни беременной и ея плода. Указывали мы также на первныя разстройства, доходящія иногда до степени настоящей душевной болѣзни. Довольно тяжелымъ осложненіемъ беременности, не наблюдаемымъ въ нормальныхъ условіяхъ, но встрѣчающимся сравнительно часто, слѣдуетъ назвать воспаленіе почекъ у беременныхъ. Даже совершенно здоровыя почки часто подвер-

гаются у беременныхъ заболѣванію по причинамъ, неяснымъ для науки, а у нѣкоторыхъ женщинъ это явленіе повторяется при каждой беременности, — и послѣдствіемъ этого воспаленія бываетъ появленіе въ мочѣ довольно значительнаго количества бѣлка. Иногда количество послѣдняго бываетъ такъ велико, что моча превращается при кипяченіи въ плотную массу, похожую на желе. Эта болѣзнь представляетъ и для матери, и для ребенка довольно серьезныя опасности, нерѣдко она доводитъ мать до полной потери сознанія и вызываетъ у нея судороги — явленія, объясняющіяся задержкой въ крови вредныхъ веществъ или веществъ, вырабатываемыхъ и при нормальныхъ условіяхъ, но выдѣляемыхъ здоровыми почками; если же они накопляются въ крови, то оказываютъ ядовитое дѣйствіе на организмъ, въ особенности же на нервную систему, на головной и спинной мозгъ. Если не обратить вниманія на это явленіе, ребенокъ умираетъ въ утробѣ матери, и мать также тяжело заболѣваетъ вслѣдствіе паралича дыхательныхъ движеній. Вотъ почему въ тѣхъ случаяхъ, когда въ мочѣ обнаруживается болѣе или менѣе значительное количество бѣлка и оно замѣтно увеличивается, — необходимо искусственно прервать беременность. Если представляется какая-нибудь возможность, лучше, разумѣется, нѣсколько подождать съ этимъ, чтобы дать возможность плоду развиться настолько, чтобы возможно было сохранить его жизнь.

Рис. 245. Пузырьки ложнаго плода.

Беременныя подвергаются также другой болѣзни, похожей на названную, такъ какъ она тоже почти всегда сопровождается присутствіемъ бѣлка въ уринѣ, потерей сознанія и судорогами, но проявляется она съ неожиданной силой только передъ самыми родами, во время ихъ или послѣ нихъ; это такъ называемая эклампсія. Незадолго передъ наступленіемъ родовъ, беременная, иногда совершенно внезапно, теряетъ сознаніе, — случается даже среди разговора, — у нея дыханіе останавливается, такъ что все тѣло, въ особенности лицо, сильно синѣетъ, потомъ появляются судороги, и, наконецъ, по прошествіи нѣсколькихъ секундъ, самое большее двухъ, трехъ минутъ, дыханіе и сознаніе возвращаются. Больная совершенно не помнитъ перенесеннаго припадка. Если дыханіе своевременно не возобновляется, даже одинъ единственный подобный припадокъ можетъ повлечь за собой смерть. Бы-

ваетъ, что такіе припадки повторяются, то въ болѣе тяжелой, то въ болѣе легкой формѣ, и иногда проходятъ сами собой, такъ что и мать, и ребенокъ выживаютъ. Но очень часто послѣ большаго или меньшаго числа припадковъ наступаетъ смерть. Для ребенка опасность въ этихъ случаяхъ очень велика, но и жизни беременной грозитъ серьезная опасность. Нѣкоторые врачи держатся въ такихъ случаяхъ системы выжиданія, прибѣгая къ теплымъ и влажнымъ обертываніямъ, къ наркотическимъ средствамъ и т. под. Но большинство спеціалистовъ полагаетъ въ на-

Фотогр. изд. Леви въ Вѣнѣ.

Рис. 246. Діана обнаруживаетъ беременность Нимфы Каллисто.
По картинѣ Тиціана.

стоящее время, что при эклампсіи необходимо поспѣшить съ искусственными родами, въ случаѣ надобности — даже оперативнымъ путемъ. Бываютъ, правда, случаи смертельнаго исхода эклямптическихъ припадковъ даже и послѣ удаленія изъ матки плода и послѣда, но сравнительно рѣдко.

Пока плодъ еще такъ малъ, что можетъ свободно плавать въ пузырѣ, наполненномъ околоплодной жидкостью, онъ часто мѣняетъ положеніе тѣла, располагаясь головой то вверхъ, то внизъ, то въ какую-нибудь сторону тѣла беременной. Въ послѣдніе же мѣсяцы беременности это случается въ видѣ исключенія. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ (93%) плодъ располагается въ этотъ періодъ головой внизъ, при чемъ спиной обращенъ большей ча-

По фотографіи Броджи во Флоренціи

Рис. 247. Діана изъ Урбино.

По картинѣ Тиціана.

стью (56%) по лѣвую сторону тѣла матери, нѣсколько напередъ и гораздо рѣже (27%) по правую сторону (рис. 244). Несравненно рѣже (5%) встрѣчается такое положеніе, при которомъ головка плода помѣщается въ направленіи грудобрюшной преграды, и въ самыхъ исключительныхъ случаяхъ (около 1%) плодъ располагается поперекъ тѣла беременной; какъ мы увидимъ ниже, разрѣшеніе отъ родовъ при такомъ положеніи младенца совершенно невозможно безъ акушерской помощи.

У многорожавшихъ женщинъ, въ особенности, если вслѣдствіе ненадлежащей одежды, чрезмѣрнаго физическаго труда или другихъ какихъ-нибудь причинъ стѣнки живота беременной сильно растянуты, плодъ сильно опускается своимъ верхнимъ краемъ напередъ. Такой отвислый животъ крайне тягостенъ для беременной и, кромѣ того, подаетъ поводъ къ неблагопріятному положенію плода и, слѣдовательно, къ труднымъ родамъ. Въ такихъ случаяхъ женщинѣ слѣдуетъ носить бинтъ на животѣ для сохраненія его нормальной формы.

Въ первые мѣсяцы беременности случается еще одно уклоненіе отъ нормы: ущемленіе беременной матки въ тазу. Если, какъ это изрѣдка случается, матка, вмѣсто нормальнаго положенія съ легкимъ наклономъ напередъ, лежитъ въ тазовомъ кольцѣ, обращенная кзади, и въ этомъ положеніи становится беременной, то она увеличивается преимущественно путемъ выпячиванія своей передней стѣнки, между тѣмъ какъ дно ея остается прижатымъ къ выдающемуся слегка поясничному позвонку. Въ этомъ случаѣ она, при дальнѣйшемъ ростѣ своемъ, не только сдавливаетъ прямую кишку, но и прижимаетъ шейку мочевого пузыря къ переднему краю костнаго тазоваго кольца и сжимаетъ его, по мѣрѣ своего увеличенія, такъ сильно, что моча можетъ выдѣляться только по каплямъ и пузырь чрезмѣрно переполняется мочой. Такъ какъ матка неудержимо продолжаетъ расти, не имѣя возможности распространиться въ свободномъ пространствѣ брюшной полости, то давленіе на органы таза становится съ теченіемъ времени очень значительнымъ, нѣкото-

По фотогр. Броджи во Флоренціи.

Рис. 248. Donna gravida.

По картинѣ Рафаэля.

рыя части дѣлаются омертвѣлыми, и сама матка подвергается серьезнымъ поврежденіямъ.

Къ выкидышу это почти не можетъ привести, потому что и зѣвъ матки также плотно прижатъ спереди и сверху къ тазовому кольцу. Въ виду этого, если беременная жалуется на за-

Рис. 249. Марія и Елисавета.

Снимокъ съ картины, хранящейся въ архіепископскомъ музеѣ въ Утрехтѣ, кельнской школы (около 1450 г.).

держку мочи и выдѣленіе ея каплями, — особенно если это бываетъ на четвертомъ мѣсяцѣ беременности, — врачъ долженъ попытаться вытѣснить матку изъ таза въ свободную брюшную полость. Въ большинствѣ случаевъ это можетъ удасться только подъ наркозомъ беременной. Если же матка окажется такъ плотно ущемленной, что и подъ наркозомъ ее не удается выдвинуть изъ таза, тогда ничего другого не остается, какъ надрѣзать или проколоть ее черезъ влагалище, послѣ чего обыкно-

венно удается придать ей надлежащее положеніе, но, разумѣется, выкидышъ при этомъ неизбѣженъ.

Помимо болѣзней беременной, бываютъ и заболѣванія плода. Оставляя совершенно въ сторонѣ возможныя уродства, напомнимъ только о томъ, что и нѣкоторыя болѣзни матки, — особенно такія, которыя сопряжены съ жаромъ, — сильно отражаются и на ребенкѣ, такъ какъ ему, разумѣется, очень скоро сообщается температура тѣла матери, и къ тому же нѣкоторыя ядовитыя вещества, растворящіяся въ крови, могутъ передаться кровью матери и ребенку. Бываетъ такъ, что плодъ уже умираетъ, а яйцевыя оболочки и, въ особенности, дѣтское мѣсто еще продолжаютъ расти; кончается такой случай рожденіемъ безформеннаго мясного комка, называемаго ложнымъ плодомъ. Бываетъ особый видъ ложнаго плода, когда самый плодъ гибнетъ, а яйцевыя оболочки продолжаютъ развиваться такъ, что ворсинки хоріона принимаютъ видъ пузырьковъ, величиною отъ горошины до орѣха, наполненныхъ бѣлковой жидкостью (рис. 245).

Ложный плодъ такого рода растетъ очень быстро, такъ что одна необычайная величина живота при невысокомъ періодѣ беременности или, при болѣе детальномъ изслѣдованіи, непомѣрная величина беременной матки должны уже навести на подозрѣніе о пузырчатомъ ложномъ плодѣ. Иногда подозрѣніе подкрѣпляется выдѣленіемъ нѣсколькихъ подобныхъ пузырьковъ. Очень часто на четвертомъ и на пятомъ мѣсяцѣ беременности ложный плодъ извергается самъ собою; если же этого не случается, врачъ долженъ позаботиться объ удаленіи его, такъ какъ дальнѣйшее развитіе такого ложнаго плода, называемаго пузырнымъ заносомъ, причиняетъ иногда беременной серьезный вредъ. Очень часто по выходѣ такого плода наблюдаются злокачественныя раковыя заболѣванія матки; изслѣдователи не вполнѣ сходятся до сихъ поръ въ томъ, являются ли эти злокачественныя образованія слѣдствіемъ или причиной образованія ложнаго плода.

Рис. 250. Посѣщеніе Маріей Елисаветы.
По гравюрѣ К. Маратта.

Довольно значительную опасность представляютъ тѣ случаи, когда оплодотворенное яйцо прикрѣпляется не

Т-во „Просвѣщеніе" въ Спб.

Пробужденіе.

(По картинѣ П. Глеза.)

въ маткѣ, а на какомъ-нибудь другомъ мѣстѣ брюшной полости. Яйцо можетъ вначалѣ развиваться и расти совершенно такъ же, какъ въ маткѣ, но очень рѣдко можетъ быть выношено до полной зрѣлости. Въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда такой плодъ донашивается, отдѣленіе дѣтскаго мѣста сопровождается необычайно сильнымъ кровотеченіемъ въ брюшную полость, при чемъ для совершенной остановки его здѣсь нѣтъ надлежащихъ условій, существующихъ въ маткѣ. Въ случаяхъ возникновенія беременности въ яйцеводѣ, она кончается тѣмъ, что яйцеводъ непомѣрно растягивается вслѣдствіе развитія яйца и лопается; при этомъ тоже можетъ произойти сильное кровотеченіе. Вполнѣ понятно, что женщины, которыхъ постигло несчастье внѣматочной беременности, подвергаются все время, пока длится эта беременность, непосредственной опасности истечь кровью. Часто врачебная помощь уже оказывается запоздалой, когда появляются признаки истеченія кровью, — главнымъ образомъ обмороки, одышка и блѣдность лица. Но все же въ настоящее время множество подобныхъ больныхъ удается спасти при содѣйствіи хирургіи, при чемъ въ большинствѣ случаевъ оказывается, разумѣется, неизбѣжнымъ вскрытіе живота.

Рис. 251. Посѣщеніе Маріей Елисаветы. (Деталь.) По картинѣ Рафаэля.

Беременность нерѣдко интересовала и художниковъ. Какъ ни безобразитъ, въ общемъ, это состояніе формы женскаго тѣла, все же художники не находятъ, повидимому, безобразной беременность въ первыхъ, едва замѣтныхъ стадіяхъ. Поэтому насъ не должно удивлять, что существуетъ нѣсколько художественныхъ произведеній, въ которыхъ художникъ изобразилъ нагое тѣло беременной женщины безъ всякой иной и посторонней цѣли. Такова знаменитая картина Тиціана (рис. 247), извѣстная подъ именемъ „Венеры изъ Урбино", но представляющая, какъ есть основанія думать, портретъ герцогини Элеоноры Урбино. Еще поразительнѣе трактована эта тема тѣмъ же знаменитымъ художникомъ въ картинѣ, изображающей моментъ обнаруженія богиней Діаной грѣха своей нимфы, Каллисто, нарушившей долгъ цѣломудрія (рис. 246). Здѣсь, впрочемъ, нимфа полуодѣта.

Та же тема трактована и скульпторомъ Мано въ его мрамор-

номъ рельефѣ. Здѣсь животъ нимфы обнаженъ, и спутница ея указываетъ пальцемъ на его выпуклость.

Что женщины не стѣснялись позволять писать съ себя даже въ позднемъ періодѣ беременности, объ этомъ свидѣтельствуетъ знаменитый портретъ беременной женщины, принадлежащій кисти Рафаэля и извѣстный подъ именемъ „Donna gravida" (рис. 248).

Разумѣется, художники, на обязанности которыхъ лежало украшать церкви изображеніями изъ земной жизни Христа и св. Семейства, не могли не останавливаться на моментѣ посѣщенія Елисаветой беременной Маріи. Образцомъ наивной манеры изображенія стариннаго искусства является старая масляная картина кельнской школы (приблизительно 1450 г.), хранящаяся въ архіепископскомъ музеѣ въ Утрехтѣ (рис. 249). Здѣсь сквозь разрѣзъ платья видна самая внутренность матки обѣихъ женщинъ, и у одной виденъ сидящій младенецъ Христосъ, у другой — Іоаннъ на колѣняхъ и со сложенными руками, вокругъ головы обоихъ — сіяніе.

Въ слѣдующую за этимъ эпоху моментъ этотъ также выбирали для изображенія, но группировали обѣихъ женщинъ такъ, что ихъ состояніе было незамѣтно. Но затѣмъ натуралистическія тенденціи одержали побѣду надъ эстетической щепетильностью, и самые выдающіеся художники самыхъ различныхъ школъ дали намъ картины, на которыхъ явно и неоспоримо изображено это состояніе (рис. 250 и 251).

На одной нидерландской картинѣ XVI столѣтія (въ берлинскомъ королевскомъ музеѣ) обѣ женщины даже касаются рукой выпуклаго живота другъ друга.

Роды.

Обыкновенно по истеченіи 280 дней со времени послѣдней менструаціи, у беременной появляются безъ всякихъ видимыхъ внѣшнихъ вліяній движенія, которыя при нормальныхъ условіяхъ ведутъ, такъ же безъ всякой внѣшней помощи, къ выталкиванію плода. Первоначально эти движенія представляютъ собой перемежающіяся сокращенія и ослабленія гладкихъ мускульныхъ волоконъ, составляющихъ большую часть стѣнки матки. Подобныя легкія сокращенія являются, правда, еще и во время беременности, въ послѣднія недѣли ея; ихъ можетъ почувствовать изслѣдующій врачъ, но и сама беременная чувствуетъ ихъ, такъ какъ они сопровождаются легкими коликообразными болями, къ которымъ присоединяются также легкія боли въ области крестца, похожія на ревматическія. Но ко времени приближенія родовъ эти явленія начинаютъ повторяться чаще, съ меньшими промежутками и съ большей силой, а спустя нѣкоторое время беременная начинаетъ испытывать уже дѣйствительно сильныя боли. Вотъ почему эти сокращенія матки такъ и называются „болями" (или „схватками") и въ народномъ нарѣчіи, и на научномъ языкѣ.

Научному изслѣдованію еще не удалось до сихъ поръ ясно установить, какая именно причина вызываетъ эти сокращенія какъ разъ въ то время, когда плодъ получаетъ способность жить внѣ утробы матери и еще настолько не выросъ, чтобы

стало невозможнымъ его прохожденіе черезъ тазовое кольцо. Въ общемъ, дѣйствіе этихъ маточныхъ сокращеній заключается въ томъ, что мускульныя волокна, идущія кольцеобразно вокругъ продольной оси матки, все больше и больше стягиваются къ верхней части матки, такъ что дно ея все больше утолщается, каналъ же маточной шейки укорачивается и расширяется. Такимъ образомъ, околоплодный пузырь, расположенный у выходного отверстія, все больше и больше оттѣсняется въ нижнюю часть матки и маточной шейки, пассивно расширяющейся отъ этого, — и въ то же время отверстіе матки, ведущее къ влагалищу, становится все шире и шире.

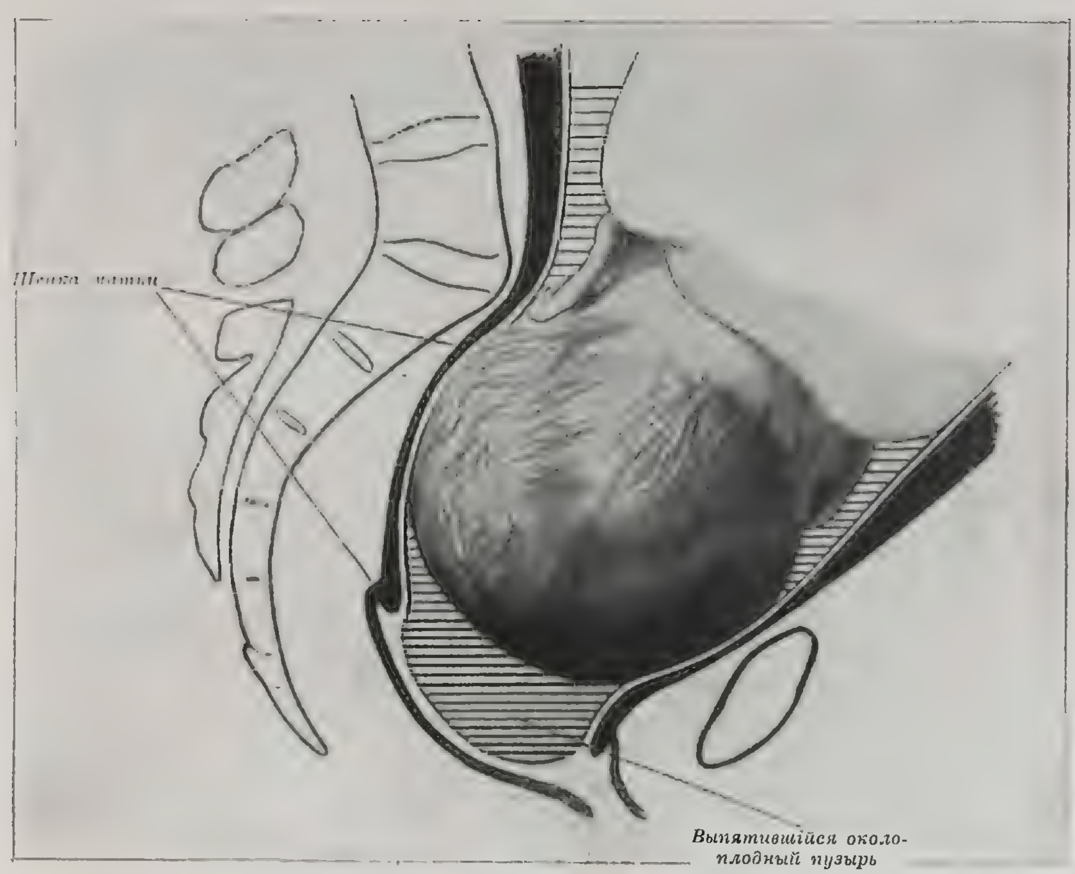

Рис. 252. Проталкиваніе околоплоднаго пузыря въ устье матки.

Въ нормальныхъ условіяхъ, боли эти продолжаются не непрерывно, а появляются вначалѣ съ болѣе или менѣе длительными промежутками, потомъ схватки повторяются черезъ каждыя 3—5 минутъ и съ каждымъ разомъ все быстрѣе достигаютъ своего наивысшаго напряженія и потомъ медленнѣе затихаютъ. Во время схватокъ матка представляется на ощупь сквозь покровы живота твердой, какъ камень, а въ промежуткахъ становится мягкой, и родильница отдыхаетъ.

Когда отверстіе матки, обращенное ко влагалищу, достигло уже извѣстной величины, тогда каждое сокращеніе матки проталкиваетъ впередъ наполненный жидкостью околоплодный пузырь, который мало-по-малу выпячивается; нѣтъ никакого сомнѣнія, что это проталкиваніе пузыря въ устье матки значительно способствуетъ тому, что она все больше растягивается и расширяется.

Если ребенокъ лежитъ, какъ это обыкновенно бываетъ, головой внизъ и именно черепной областью, то сокращенія матки выталкиваютъ весь плодъ также головой впередъ, и когда зѣвъ матки уже настолько расширился, что выпуклость черепа можетъ протиснуться сквозь него, — это способствуетъ, разумѣется, и дальнѣйшему его растяженію.

Подъ дѣйствіемъ маточныхъ сокращеній передняя часть плода неизбѣжно должна проникнуть въ тазовое кольцо и затѣмъ вытолкнуться сквозь него. При нормальномъ теченіи родовъ плодъ помѣщается уже довольно плотно во входномъ отверстіи тазоваго кольца, когда зѣвъ матки уже настолько широко раскрылся, что матка представляетъ вмѣстѣ съ влагалищемъ одинъ сплошной, ничѣмъ не раздѣленный рукавъ. Въ это же время околоплодный пузырь подъ вліяніемъ сильнаго давленія лопается, и часть околоплодныхъ водъ вытекаетъ черезъ влагалище. Вслѣдствіе этого, протолкнувшаяся часть плода еще плотнѣе втискивается въ тазовое кольцо, и это препятствуетъ остальной околоплодной жидкости вылиться наружу.

Эту часть родового процесса — отъ начала схватокъ до расширенія маточнаго зѣва и лопанія пузыря — называютъ обыкновенно „періодомъ раскрытія". За нимъ наступаетъ такъ называемый „періодъ изгнанія". Въ это время, почти безъ всякаго участія воли родильницы, она испытываетъ, при каждой новой схваткѣ, неодолимую потребность помочь дѣйствію маточныхъ сокращеній задерживаніемъ дыханія и сильнымъ напряженіемъ всѣхъ мускуловъ живота. Она дѣлаетъ подобныя же напряженія, которыя, въ болѣе слабой степени, дѣлаютъ при испражненіи для опорожненія прямой кишки. Родильница старается, по мѣрѣ возможности, усилить потуги, опираясь ногами въ переднюю стѣнку кровати и, если ей представляется возможность ухватиться руками за что-нибудь, она и этимъ добавочнымъ напряженіемъ старается ускорить выталкиваніе плода. Схватки большей частью учащаются въ это время, появляясь, приблизительно, съ двухъ трехъ минутными промежутками, и становятся значительно болѣзненнѣе прежняго. Самый плодъ постепенно проскальзываетъ при этомъ своей предлежащей частью сквозь самое узкое мѣсто таза, остальныя части тѣла протискиваются за ней.

При этомъ, въ зависимости отъ формы канала, по которому проталкивается плодъ, происходятъ нѣкоторые повороты ребенка вокругъ его продольной оси, о механической причинѣ которыхъ спеціалисты высказываютъ различныя, часто противорѣчивыя мнѣнія, которыя насъ здѣсь, впрочемъ, особенно интересовать не могутъ. Наконецъ, предлежащая часть ребенка достигаетъ нижней части влагалища, и становится замѣтна сильная выпуклость такъ называемой промежности, т. е. мускульной и кожной части между заднимъ проходомъ и влагалищной щелью. Напрягая промежность и растягивая ее, ребенокъ растягиваетъ въ то же время и оба края половой щели. Еще нѣсколько схватокъ, и широко раскрывается наружное отверстіе влагалища, и въ немъ показывается предлежащая часть тѣла ребенка, большей частью черепа. Вначалѣ отверстіе снова закрывается во время перерывовъ между схватками, но вскорѣ оно настолько

расширяется, что затылокъ продолжаетъ быть виднымъ и во время перерывовъ. Послѣ этого достаточно одной или двухъ-трехъ схватокъ, чтобы голова младенца совсѣмъ расширила влагалищную щель, отличающуюся необычайной эластичностью, и тогда голова прорѣзывается вся, до самой шеи, — большей частью обращенная затылкомъ къ животу родильницы и лицомъ къ заднепроходному отверстію. Слѣдующая схватка выталкиваетъ и плечи младенца, — большей частью такъ, что раньше показывается плечо, обращенное къ животу родильницы. Когда плечи уже протиснулись, остальная, менѣе объемистая часть тѣла ребенка проходитъ быстро и безъ усилій со стороны родильницы.

Ребенокъ появился на свѣтъ; изъ середины его живота идетъ пупочный канатикъ внутрь матки, до дѣтскаго мѣста, которое еще остается тамъ соединеннымъ со стѣнкой матки. Перерывъ между схватками длится на этотъ разъ довольно долго, — большей частью только минутъ черезъ 15, начинаются болѣе слабыя схватки матки, которыя ведутъ къ тому, что дѣтское мѣсто отдѣляется отъ стѣнки матки, ложится вначалѣ въ полости матки, а затѣмъ также выталкивается наружу.

Едва дѣтское мѣсто отдѣлилось отъ матки, плодъ теряетъ, разумѣется, всякую возможность получать изъ крови матери необходимый для его дыханія кислородъ — и очень скоро онъ чувствуетъ недостатокъ кислорода и избытокъ углекислоты въ крови. Но этотъ избытокъ углекислоты вліяетъ у новорожденнаго раздражающе на нѣкоторые пункты центральной нервной системы, и результатомъ этихъ раздраженій является толчекъ къ усиленной дѣятельности мускулатуры дыханія грудной клѣтки. Такимъ образомъ ребенокъ дѣлаетъ первыя въ жизни дыхательныя движенія, благодаря которымъ легкія наполняются атмосфернымъ воздухомъ и раздуваются. Большей частью это тотчасъ же сопровождается сильнымъ крикомъ, который способствуетъ проникновенію еще большаго количества воздуха въ легкія и раздуванію ихъ. Начиная съ этого момента и до самой смерти человѣка, легкія во снѣ и на яву продолжаютъ автоматически дышать мѣрнымъ, почти неизмѣннымъ ритмомъ.

Съ первымъ же вздохомъ, наступаетъ перемѣна въ кровообращеніи по механическимъ законамъ, которыхъ нѣтъ надобности здѣсь излагать. Благодаря измѣненію кровообращенія, въ пупочномъ канатикѣ образуется вскорѣ застой крови, такъ что его можно перерѣзать въ любомъ мѣстѣ, не подвергая этимъ ребенка потерѣ крови. У нѣкоторыхъ дикихъ племенъ мать сама отдѣляетъ ребенка отъ послѣда (дѣтскаго мѣста), перекусывая пуповину или перерѣзывая ее острымъ камнемъ или чѣмъ-нибудь другимъ. Въ цивилизованныхъ странахъ большей частью перерѣзываютъ пуповину еще до рожденія дѣтскаго мѣста ножницами, при чемъ предварительно перевязываютъ ее между ребенкомъ и перерѣзываемымъ мѣстомъ, — что очень благоразумно, такъ какъ кровь могла и не остановиться еще въ это время и ребенокъ могъ бы подвергнуться потерѣ крови. Ради опрятности, перевязываютъ обыкновенно и другой конецъ пуповины, чтобы кровь изъ послѣда не потекла на постель родильницы.

Приблизительно 93% всѣхъ родовъ происходятъ при упо-

мянутыхъ нами условіяхъ: ребенокъ появляется на свѣтъ головой впередъ и при этомъ, почти безъ исключенія, затылкомъ. По причинамъ чисто механическимъ, процессъ изгнанія труднѣе въ тѣхъ случаяхъ, когда предлежащей частью оказывается лицо, и еще неблагопріятнѣе протекаютъ роды, благополучное окончаніе которыхъ возможно почти только съ помощью акушерскаго искусства, когда предлежитъ лобъ. Приблизительно 5% всѣхъ случаевъ составляетъ ягодичное положеніе ребенка, большей частью замедляющее теченіе родовъ. Въ этомъ случаѣ возникаютъ еще нѣкоторыя другія затрудненія, о которыхъ мы будемъ говорить ниже. Приблизительно 1% составляетъ поперечное положеніе ребенка предъ наступленіемъ родовъ; въ этомъ случаѣ ребенокъ можетъ родиться безъ помощи искусственныхъ мѣръ только тогда, если онъ такъ малъ и слабъ, что даже въ согнутомъ положеніи можетъ быть вытолкнутъ однимъ плечомъ впередъ черезъ широкіе родовые пути.

Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что для безпрепятственнаго и легкаго теченія родовъ въ особенности важны четыре условія: во-первыхъ — величина ребенка, во-вторыхъ — наивозможно болѣе благопріятное утробное положеніе его, въ-третьихъ — ширина кольца тазовыхъ костей, и въ-четвертыхъ — сила мускулатуры, сокращеніями которой изгоняется плодъ. Въ меньшей степени играетъ роль эластичность мягкихъ частей, растяженіе которыхъ необходимо для прохожденія ребенка. Если всѣ эти условія благопріятны, роды могутъ, несомнѣнно, произойти и безъ всякой посторонней помощи, и тогда безусловно нельзя опасаться того, чтобы мать такъ обезсилѣла отъ самаго процесса родовъ, чтобы оказалась не въ состояніи сама перерѣзать пуповину и, безъ всякой посторонней помощи, позаботиться о себѣ и о ребенкѣ.

И дѣйствительно, по сообщеніямъ путешественниковъ и лицъ, жившихъ болѣе или менѣе долго среди дикарей, весьма многіе изъ нихъ очень просто разрѣшаются отъ бремени, т. е. беременная исполняетъ свои обычныя работы до самаго наступленія родовъ или не прерываетъ странствованія, предпринятаго вмѣстѣ со своимъ племенемъ, наскоро, въ два-три часа, а иногда и менѣе чѣмъ въ часъ, разрѣшается отъ бремени, перевязываетъ пуповину, убираетъ ребенка и снова возвращается къ прерванной работѣ или продолжаетъ путь. Но и въ Европѣ и даже у народовъ высоко-цивилизованныхъ совсѣмъ не рѣдки случаи подобнаго легкаго теченія родовъ. Я самъ зналъ среди женщинъ, обращавшихся ко мнѣ въ случаяхъ болѣзни, такихъ которыя перенесли роды нѣсколько разъ безъ всякой помощи и исполняли тяжелыя сельскія работы безъ явнаго вреда для здоровья — и до самаго момента родовъ и тотчасъ же послѣ окончанія ихъ.

Что касается величины ребенка, то туловище и конечности играютъ здѣсь не особенно важную роль, такъ какъ объемъ ихъ бываетъ всегда довольно малъ и, кромѣ того, они сравнительно легко приспособляются къ формѣ канала, по которому имъ приходится проходить. Наибольшее значеніе имѣетъ здѣсь объемъ головы; не лишено нѣкотораго значенія и то обстоятельство, что у цивилизованныхъ народовъ, вслѣдствіе важности для нихъ

дѣятельности головного мозга, многотысячелѣтній подборъ привелъ къ увеличенію головного мозга и, соотвѣтственно этому, и къ увеличенію черепа.

У народовъ же менѣе цивилизованныхъ вліяніе естественнаго подбора сказалось въ другомъ приспособленіи: у нихъ кости женскаго таза развились такъ, что ширина его соотвѣтствуетъ надобности родовъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда родовспомогательнаго искусства совсѣмъ не существуетъ или оно сводится къ грубому, неумѣлому, часто крайне нецѣлесообразному вмѣшательству, всякая женщина, у которой тазъ слишкомъ узокъ или, по особенностямъ своего строенія, долженъ затруднять прохожденіе плода при нѣсколько неблагопріятномъ его положеніи, — несомнѣнно подвергается гораздо большей опасности при родахъ или даже совсѣмъ обречена на гибель. Понятно поэтому, что неправильное строеніе таза никакъ не можетъ передаваться наслѣдственно, а можетъ образоваться только отъ неправильнаго индивидуальнаго развитія, отъ болѣзней или механическихъ повреждeній, слѣдовательно, — крайне рѣдко.

Изъ болѣзней, могущихъ имѣть такое послѣдствіе, особенно распространена у нашихъ цивилизованныхъ народовъ, живущихъ въ городахъ очень скученно, такъ называемая англійская болѣзнь, или рахитъ, приводящій къ суженіямъ таза вслѣдствіе мягкости и гибкости костей въ дѣтствѣ. У народовъ первобытныхъ эта болѣзнь, повидимому, совсѣмъ не встрѣчается. Другая подобная болѣзнь, сопряженная съ размягченіемъ костей, это — такъ называемая остеомалація. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Германіи она сильно распространена и въ деревняхъ, но у первобытныхъ народовъ также, повидимому, не встрѣчается. Что же касается положенія плода, — очень вѣроятно, что наблюдающіяся неправильности его почти всегда имѣютъ причиной вредныя привычки въ одеждѣ и, прежде всего, разслабленіе мускуловъ живота; вполнѣ понятно поэтому, что неправильныя утробныя положенія плода крайне рѣдко встрѣчаются не только у первобытныхъ народовъ, но и среди несущихъ суровый физическій трудъ классовъ цивилизованныхъ народовъ, такъ какъ у нихъ не привилась слишкомъ стѣснительная одежда, а самый трудъ достаточно способствуетъ закаливанію и укрѣпленію мускулатуры живота. По тѣмъ же причинамъ женщины съ менѣе ослабленной мускулатурой обладаютъ обыкновенно способностью, тотчасъ же по окончаніи періода раскрытія, такъ интенсивно напрягать брюшной прессъ, что періодъ изгнанія длится совсѣмъ недолго и оканчивается послѣ нѣсколькихъ схватокъ.

Такъ какъ періодъ раскрытія — въ тѣхъ случаяхъ, когда не приходится преодолѣвать ненормальныхъ препятствій — представляетъ наименѣе болѣзненную часть родового процесса и болѣе или менѣе сильныя страданія причиняетъ только періодъ изгнанія, — вполнѣ понятно также и то, что болѣе быстрое теченіе періода изгнанія, какъ это бываетъ у дикарей и среди трудящихся классовъ цивилизованныхъ народовъ, значительно сокращаетъ муки родовъ. И дѣло не только въ томъ, что сокращается періодъ изгнанія плода: надо вспомнить еще и то, что съ каждой новой схваткой во время періода изгнанія осла-

бляется и выносливость женщины къ испытываемымъ страданіямъ и усиливается все больше и больше ея чувствительность къ маленькимъ раненіямъ, случающимся при этомъ. Изъ этого ясно, что страданія родильницы, если они ограничиваются всего нѣсколькими схватками, являются и вполнѣ объективно гораздо болѣе легкими, чѣмъ у женщины, у которой періодъ изгнанія длится, какъ случается, нѣсколько часовъ. Этимъ объясняется, что, по единодушному сообщенію путешественниковъ, дикарки почти не испытываютъ страданій во время родовъ. Было бы, впрочемъ, ошибочно думать, что безболѣзненные роды очень рѣдко встрѣчаются и у женщинъ цивилизованныхъ народовъ и зажиточныхъ классовъ. Есть и среди нихъ множество женщинъ, умѣющихъ переносить роды съ большимъ самообладаніемъ и не позволяющихъ себѣ изъ гордости обнаруживать своихъ страданій иначе, какъ тихимъ стономъ.

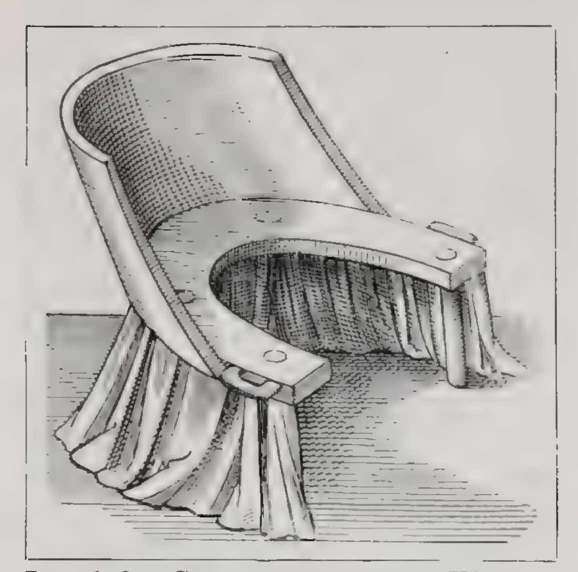

Рис. 253. Стулъ для родовъ (XVI столѣтія). По Як. Руффу.

Положеніе тѣла родильницы во время разрѣшенія отъ бремени въ общемъ, повидимому, безразлично въ смыслѣ облегченія процесса родовъ. Разные народы вырабатывали себѣ въ разное время привычки и обычаи въ этомъ отношеніи, которые можно почти назвать модой. На картинахъ древняго Египта мы находимъ часто женщинъ, рождающихъ въ колѣнопреклоненной позѣ. У древнихъ грековъ и римлянъ и еще гораздо позже, въ средніе вѣка, у народовъ, развивавшихся подъ вліяніемъ римской культуры, примѣнялся особый „стулъ для родовъ" (рис 253) — спеціальное кресло иногда съ локотниками, иногда безъ нихъ, съ глубокимъ полукруглымъ вырѣзомъ въ сидѣніи спереди. На рис. 254 также изображена родильница въ подобномъ креслѣ; на переднемъ планѣ видна акушерка, около нея лежатъ на столѣ двое изувѣченныхъ ею во время родовъ мертвыхъ младенцевъ, — послѣднее относится къ крайне низкому уровню, на которомъ стояло въ то время акушерское искусство. Но на ряду съ этимъ принято было все же, во всѣ времена и у всѣхъ народовъ, лежачее положеніе родильницы на устланныхъ подушками скамьяхъ или кроватяхъ, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ и сохранившіяся старинныя картины и медицинскія сочиненія. Въ Мексикѣ было въ обычаѣ положеніе родильницы на-корточкахъ, какъ свидѣтельствуютъ изображенія художниковъ и скульпторовъ.

Въ общемъ, надо сказать, что при нормальныхъ условіяхъ вопросъ о положеніи тѣла не имѣетъ особеннаго значенія. Надо только имѣть въ виду одно обстоятельство, — что если плодный пузырь лопается раньше, чѣмъ предлежащая часть плода плотно втиснута въ тазовое кольцо, тогда при вертикальномъ положеніи

родильницы — т. е. въ стоячемъ положеніи, на ногахъ, на колѣняхъ, на-корточкахъ или въ сидячемъ положеніи — очень легко можетъ выпасть изъ плоднаго пузыря петля пупочнаго канатика, и тогда, если не будутъ приняты немедленно необходимыя мѣры, послѣдствіемъ можетъ быть почти неизбѣжно смерть ребенка во время родовъ. Но такой преждевременный разрывъ плоднаго пузыря случается даже при сравнительно легкихъ отклоненіяхъ и, слѣдовательно, вовсе не рѣдко. Вотъ почему слѣдуетъ признать преимущество за принятымъ у насъ въ настоящее время горизонтальнымъ положеніемъ родильницы. При этомъ женщина можетъ лежать либо на спинѣ, либо на боку; въ первомъ случаѣ колѣни нѣсколько сгибаются и раздвигаются при выходѣ плода, потому что сдвинутыя голени могутъ оказаться препятствіемъ; при боковомъ же положеніи одна нога вытягивается, а другая сгибается въ колѣнѣ и притягивается къ животу. Послѣднее положеніе всего благопріятнѣе для оказанія акушерской помощи и въ особенности для защиты промежности отъ разрыва.

Рис. 254. Неосторожная роженица.
Титульн. рис. кн. „Unvorsichtige Hebamme" 1715 г.

До сихъ поръ мы разсматривали роды только въ совершенно нормальныхъ условіяхъ и только мелькомъ упоминали о самой простой и легкой акушерской помощи. Теперь намъ придется сдѣлать бѣглый обзоръ всевозможныхъ отклоненій и ненормальностей, случающихся при этомъ и представляющихъ серьезную опасность какъ для жизни матери, такъ и для жизни ребенка. О преждевременномъ разрывѣ околоплоднаго пузыря мы только что упомянули. При истеченіи околоплодныхъ водъ можетъ выпасть, въ особенности при стоячемъ положеніи родильницы, петля пуповины и, если предлежащая часть плода еще не прошла сквозь тазовое кольцо, притиснуть къ нему плодъ, такъ что для ребенка прерывается притокъ кислорода раньше еще, чѣмъ онъ въ состояніи самостоятельно дышать. Но эта нежелательная случайность можетъ оказаться крайне неблагопріятной для родовъ еще и въ другомъ отношеніи. Разъ пузырь не туго натянутъ, то не хватаетъ необходимаго элемента для расширенія маточнаго зѣва, и отъ этого замедляется его полное раскрытіе. Затѣмъ,

въ такомъ случаѣ не имѣетъ мѣста полезное дѣйствіе околоплодныхъ водъ, такъ что маточныя сокращенія и брюшной прессъ не могутъ производить при помощи жидкости равномѣрнаго давленія на все тѣло плода, а давятъ только или преимущественно на предлежащія части его. Отъ этого, часто роковымъ образомъ, замедляются роды и протекаютъ гораздо болѣзненнѣе, чѣмъ при нормальныхъ условіяхъ. Иногда бываетъ, что воды сходятъ совсѣмъ или почти совсѣмъ и безъ разрыва плоднаго пузыря и вызываютъ тѣ же разстройства. Но, съ другой стороны, нерѣдко встрѣчается и избыточное количество околоплодныхъ водъ; это имѣетъ ту вредную сторону, что брюшные покровы чрезмѣрно растягиваются еще во время беременности и потому во время родовъ, въ періодъ изгнанія, не могутъ такъ энергично напрягаться для выталкиванія плода.

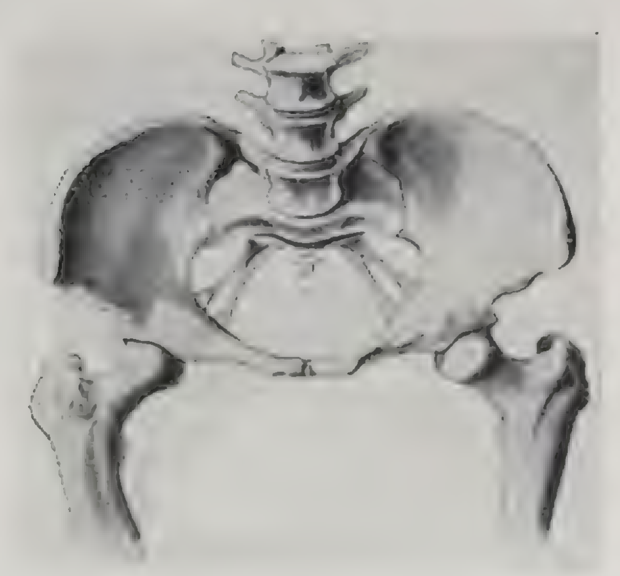
Что ненормальная величина ребенка должна затруднить роды, — это понятно само собой; разумѣется, трудность еще значительно увеличивается въ случаяхъ неправильностей въ развитіи плода, особенно при чрезмѣрномъ накопленіи жидкости въ головномъ мозгу, когда такъ называемая водянка сильно увеличиваетъ объемъ головы, или при образованіи крупныхъ опухолей или наростовъ. Роды двойнями или тройнями неблагопріятны, во-первыхъ, тѣмъ, что сопровождаются чрезмѣрнымъ растяженіемъ брюшныхъ покрововъ во время беременности; во-вторыхъ, зародыши часто мѣшаютъ другъ другу занять наиболѣе выгодное для родовъ положеніе, а иногда они такъ врѣзываются конечностью или возвышеніемъ тѣла одного въ тѣло другого, — въ особенности подбородокъ одного плода часто такъ сильно вдавливается въ какое-нибудь углубленіе или складку тѣла другого, что оба мѣшаютъ другъ другу протолкнуться.

Еще большія разстройства причиняютъ ненормальныя положенія плода. Какъ мы уже мимоходомъ упоминали, роды протекаютъ значительно труднѣе, когда вмѣсто затылка предлежитъ лицо, а когда плодъ проходитъ лбомъ впередъ, разрѣшеніе невозможно безъ акушерской помощи. Если предлежатъ ягодицы ребенка, роды могутъ пройти благополучно и безъ посторонней помощи, если только руки ребенка остаются прижатыми къ груди. Если же онѣ раскидываются по обѣ стороны головы, такъ что головѣ приходится протискиваться черезъ тазовое кольцо одновременно съ обѣими руками, то разрѣшеніе можетъ совершиться безъ труда только при необычайно малой величинѣ плода, — иначе ширина таза недостаточна для безпрепятственнаго прохожденія. Въ такомъ случаѣ ребенокъ либо совсѣмъ застреваетъ, либо же прохожденіе головы такъ замедляется, что кровообщеніе въ пупочномъ канатикѣ, придавленномъ при этомъ головой ребенка къ тазу матери, совершенно пріостанавливается, и ребенокъ, еще неспособный, конечно, пользоваться для дыханія своими легкими, умираетъ отъ удушенія.

Всѣ эти замедленія теченія родовъ, при которыхъ предлежащая часть остается чрезмѣрно долго прижатой въ тазу подъ вліяніемъ маточныхъ сокращеній и брюшного пресса, не проходя сквозь него, — представляютъ серьезную опасность для матери тѣмъ, что въ мягкихъ частяхъ, прижатыхъ къ костямъ, задерживается кровообращеніе, и значительная доля ихъ должна омер-

твѣть вслѣдствіе этого и потомъ вытолкнуться въ видѣ мертвой массы. Чаще всего такой участи подвергаются ткани передней стѣнки влагалища вмѣстѣ съ примыкающей къ ней стѣнкой мочевого пузыря. Если большій или меньшій кусокъ омертвѣетъ здѣсь и выталкивается наружу, то остается, разумѣется, отверстіе, соединяющее мочевой пузырь съ влагалищемъ, такъ называемая фистула, и тогда впослѣдствіи урина женщины безпрепятственно выдѣляется черезъ влагалище. Эта болѣзнь, обрекающая женщину на вѣчную неопрятность и совершенно обособляющая ее отъ общества людей, была въ прежнее время неизлѣчима. Только въ послѣднія десятилѣтія, успѣхи медицинскаго искусства достигли возможности излѣчивать оперативнымъ путемъ такія фистулы. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда излѣченіе невозможно еще и теперь, бѣдѣ все же помогаютъ, до нѣкоторой степени, съ помощью остроумно устроеннаго резиноваго мѣшочка, прикрѣпляемаго къ тѣлу женщины бандажемъ.

Всего болѣе неблагопріятно поперечное положеніе плода, при которомъ ребенокъ выдвигается однимъ плечомъ впередъ. Въ этомъ положеніи ребенокъ также можетъ родиться только въ томъ случаѣ, если онъ очень малъ и незрѣлъ, или же если онъ уже мертвъ и оттого сталъ рыхлымъ и мягкимъ; тогда онъ можетъ быть вытолкнутъ черезъ широкое тазовое кольцо, даже выходя плечомъ впередъ. Въ противномъ же случаѣ онъ только плотнѣе застреваетъ въ родовомъ каналѣ, и маточныя схватки не могутъ протолкнуть его впередъ, а сокращенія приводятъ только къ тому, что стѣнка матки сама стягивается надъ ребенкомъ и часть, окружающая ребенка, становится все тоньше и тоньше, пока не разрывается, и отъ этой тяжелой раны родильница можетъ изойти кровью.

Рис. 255. Суженіе таза, какъ послѣдствіе англійской болѣзни.

Но если даже строеніе и положеніе плода и совершенно нормальны, все же родовой актъ можетъ представлять самыя серьезныя отклоненія въ зависимости отъ того, что строеніе тазовыхъ костей ненормально. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, — особенно у женщинъ чрезвычайно малаго роста, — тазъ можетъ быть сформированъ вполнѣ нормально, но всѣ его размѣры очень малы для прохожденія зрѣлаго и выросшаго плода. Бываютъ также случаи, когда тазъ суженъ въ одномъ какомъ-нибудь направленіи, большей частью спереди назадъ, а иногда и въ своемъ косомъ діаметрѣ, такъ что головѣ ребенка, довольно равномѣрно круглой, также невозможно пройти. Такія суженія (см. рис. 255) особенно часто возникаютъ еще въ раннемъ дѣтствѣ, какъ слѣдствіе англійской болѣзни, которая сопровождается недостаточнымъ

отложеніемъ известковыхъ солей въ костной ткани и потому мягкостью костей. Нѣкоторыхъ очень рѣзкихъ уродливостей таза мы здѣсь касаться не будемъ, — упомянемъ только еще объ одномъ явленіи, когда поясничная часть позвоночника изгибается внутрь, въ направленіи брюшной полости, и это возвышеніе передъ самымъ входнымъ отверстіемъ таза является препятствіемъ для прохожденія плода черезъ тазъ.

Но и помимо костныхъ частей родовыхъ путей, мягкія части также могутъ представить препятствіе для благопріятнаго теченія родовъ. Самая ткань маточной шейки бываетъ иногда такой плотной и нерастяжимой — вслѣдствіе ли какой-нибудь болѣзни, поразившей это мѣсто, или вслѣдствіе твердыхъ рубцовъ, оставшихся отъ предыдущихъ родовъ, или, наконецъ, вслѣдствіе измѣненія ткани, обыкновенно наступающаго у лицъ, забеременѣвшихъ впервые въ очень позднемъ возрастѣ, — что не можетъ достаточно раскрыться естественнымъ путемъ. Затѣмъ, такая же жесткость и плотность ткани можетъ быть также во влагалищномъ каналѣ, а иногда внутри влагалища бываютъ даже поперечныя пленки, мѣшающія прохожденію плода. Наконецъ, подобнымъ же препятствіемъ можетъ оказаться и промежность, если она тверда и недостаточно эластична, какъ это бываетъ также у немолодыхъ первородящихъ, — такъ что роды могутъ быть задержаны въ самой послѣдней своей стадіи.

Особую опасность представляетъ для самой родильницы и для ея ребенка случай неправильнаго положенія дѣтскаго мѣста. Если оно образовалось не на днѣ матки, а вблизи маточной шейки, то первыя схватки обусловливаютъ собой смѣщеніе стѣнки матки по отношенію къ дѣтскому мѣсту и приводятъ къ тому, что оно частью отдѣляется отъ матки. При этомъ отчасти открываются тѣ широкіе кровеносные сосуды, которые проходятъ сквозь дѣтское мѣсто, и случается, что, еще задолго до открытія маточнаго зѣва, происходятъ кровотеченія изъ матки, иногда необычайно сильныя. Бываютъ несчастные случаи, когда такія кровотеченія являются совсѣмъ внезапно, — въ такое время, когда нѣтъ подъ рукой умѣлой помощи, — и беременная истекаетъ кровью. Но даже и съ своевременной врачебной помощью иногда бываетъ невозможно добиться скорой остановки кровотеченія, или же закончить роды искусственно. Оскудѣвшее кровью дѣтское мѣсто не можетъ больше снабжать ребенка кислородомъ черезъ пупочный канатикъ, и ребенокъ умираетъ въ утробѣ матери отъ удушенія. Но и мать также можетъ погибнуть подъ руками врача отъ потери крови.

Но хотя, какъ мы видимъ, роды могутъ пройти при совершенно нормальныхъ условіяхъ и безъ всякой посторонней помощи, все же нѣтъ на свѣтѣ ни одного народа, даже первобытнаго, у котораго не случалось бы часто разстройствъ въ теченіи родовъ. Чѣмъ ниже культурный уровень, на которомъ стоитъ данный народъ, тѣмъ болѣе онъ склоненъ приписывать такія разстройства вліянію сверхъестественныхъ силъ, злыхъ демоновъ. Вотъ почему въ такихъ случаяхъ прибѣгаютъ обычно къ средствамъ и мѣрамъ, имѣющимъ цѣлью не допустить или изгнать злыхъ духовъ. Заклинанія, пѣсни, игра на примитивныхъ инструментахъ, даже просто крики и всевозможный шумъ служатъ

однимъ изъ средствъ прогонять злыхъ духовъ. Вокругъ родильницы обводятъ черту мѣломъ, одѣваютъ ее въ мужское платье, чтобы ввести въ заблужденіе духовъ, ищущихъ ее. Изъ подобныхъ же соображеній русскіе крестьяне строго и тщательно хранятъ въ тайнѣ предполагаемый срокъ разрѣшенія не только отъ чужихъ, но и отъ близкихъ людей. Большую роль играютъ въ этихъ случаяхъ почти у всѣхъ народовъ амулеты.

Къ амулетамъ относятся пучки нѣкоторыхъ растеній — у древнихъ германцевъ особенно подмаренникъ, который еще и теперь извѣстенъ въ народѣ подъ названіемъ „женской постельной соломы", которую кладутъ въ постель родильницы. Такое же дѣйствіе приписывается нѣкоторымъ камнямъ, въ особенности яшмѣ, ониксу, изумруду. Съ древнѣйшихъ временъ и до настоящаго времени особенно чудодѣйственную силу приписываютъ такъ называемому орлиному камню (орликъ, гремучій камень), который находятъ будто бы въ орлиномъ гнѣздѣ; онъ отличается тѣмъ, что онъ полый внутри и содержитъ въ полости меньшій камешекъ, который постукиваетъ, „гремитъ", если потрясти его. Эти камни часто встрѣчаются въ формаціяхъ бураго угля; это шарообразныя массы, расположенныя концентрическими слоями; при отдѣленіи одного слоя отъ другого легко получаются такіе камни съ меньшимъ камешкомъ внутри. Большимъ распространеніемъ пользуются, разумѣется, въ качествѣ амулетовъ всевозможныя надписи на бумагѣ и на пергаментѣ — заклинанія или благочестивыя изреченія, или имена нѣкоторыхъ святыхъ, или изображенія ангеловъ.

Отсюда прямой переходъ къ идеѣ — прибѣгнуть къ помощи добрыхъ духовъ или божествъ противъ злыхъ замысловъ враждебныхъ духовъ, и, дѣйствительно, почти всѣ народы, имѣющіе нѣсколько болѣе высокія религіозныя представленія, имѣютъ и чтутъ такихъ добрыхъ боговъ, которые посылаютъ легкіе роды.

Еще вавилоняне чтили въ образѣ Астарты богиню, покровительствующую родамъ. Греки отожествляли ее съ Афродитой. У древнихъ ассиріянъ ей соотвѣтствовала богиня Белета или Милитта. Представленіе о ней проникаетъ и къ іудеямъ подъ нѣсколько измѣненнымъ именемъ Лилиты, только у нихъ она принимаетъ образъ враждебнаго и страшнаго божества, которое стараются удалять отъ ложа родильницы; для этого начертывали имена трехъ ангеловъ, которые уполномочены будто бы Богомъ утопить это божество, а мужа родильницы усаживали въ сосѣдней комнатѣ, гдѣ онъ долженъ былъ читать молитвы. Этой Лилитѣ тожественна, повидимому, египетская богиня Илитія и арабская Аль-Илаатъ. Эта послѣдняя была, несомнѣнно, въ то же время и богиней луны; персы также имѣли богиню луны, Аквигу, считавшуюся въ то же время покровительницей родильницъ.

У древнихъ грековъ супруга Зевса, Гера, была богиней брака и покровительницей родовъ. Наряду съ Герой была еще Эйлейтія, культъ которой проникъ къ грекамъ отъ египтянъ; она отожествлялась съ Артемидой, богиней луны и охоты.

Римляне чтили Юнону, соотвѣтствующую Герѣ, и Діану, соотвѣтствующую Астартѣ; подъ прозвищемъ Люцины обѣ считались богинями-хранительницами родовъ. Кромѣ того, было еще множество низшихъ божествъ, какъ, напримѣръ, три Dii nixii или богини Проза и Постверта.

Было бы совершенно невозможно перечислить здѣсь всѣ извѣстныя намъ божества, соотвѣтствующія данному представленію у всѣхъ народовъ. Упомянемъ только, что славяне также имѣли главное женское божество — Злата баба, венгры — Наджіасидни, лапландцы — Саракту, латыши — Лайму и наряду съ ними еще множество низшихъ божествъ, соотвѣтствующихъ скандинавскимъ покровительницамъ-норнамъ.

Католическая церковь, всегда и всюду старавшаяся замѣнить соотвѣтственными образами языческія божества, разсматриваетъ Дѣву Марію какъ высшую покровительницу родильницъ, замѣняя ею культъ Юноны, и святую Маргариту какъ образъ, до нѣкоторой степени замѣняющій Діану. Изъ мужскихъ святыхъ взываютъ во время родовъ преимущественно къ св. Христофору, св. Роху и св. Леонарду.

Но, разумѣется, нигдѣ человѣкъ всецѣло не полагается только на эту сверхъестественную помощь, и у всѣхъ народовъ мы видимъ, по крайней мѣрѣ, простѣйшіе зачатки родовспомогательнаго искусства. Одно то, что разрѣшеніе отъ бремени сопровождается страданіями, вызываетъ сочувствіе со стороны окружающихъ и пробуждаетъ въ нихъ потребность и стремленіе облегчить и сократить муки рожающей. Кромѣ того, родильница, если только она не отличается необычайно крѣпкимъ здоровьемъ, всегда оказывается, въ первыя минуты и даже въ первые часы послѣ появленія на свѣтъ ребенка, очень утомленной и слабой, такъ что вполнѣ понятно, что окружающіе ее стараются снять съ нея по крайней мѣрѣ первыя заботы о новорожденномъ. Такъ какъ ближе всѣхъ заинтересованъ въ судьбѣ ребенка, по взглядамъ большинства племенъ, отецъ, то, понятно, что самый распространенный обычай налагаетъ на него обязанность принять ребенка, перерѣзать пуповину и даже обмыть и завернуть ребенка въ первый разъ. Отсюда уже, естественно, развился обычай и дальнѣйшей помощи въ случаѣ необходимости. Если, напримѣръ, роды замедляются и, безъ посторонней помощи окончиться не обѣщаютъ, мужъ — быть можетъ, отъ совершенной безпомощности — рѣшается и непосредственно помочь разрѣшенію: онъ пытается сдавливать или нажимать на животъ родильницы, чтобы усилить натугу, тянуть показавшуюся часть плода, если онъ самъ не можетъ протолкнуться.

Есть, впрочемъ, и такія племена — и даже среди самыхъ дикихъ — у которыхъ считается неприличнымъ или недостойнымъ отводить такую роль мужу, и подобная помощь, если она нужна, предоставляется матери или подругамъ родильницы. Изъ этой-то помощи подругъ (для этого выбирались, разумѣется, предпочтительно пожилыя и опытныя женщины) и развилось, несомнѣнно, профессіональное акушерство, которое встрѣчается, какъ извѣстно, у многихъ племенъ, вообще стоящихъ на довольно низкомъ уровнѣ культурнаго развитія. Разумѣется, это еще не образованныя и дипломированныя женщины, а только такія, которыя имѣли обширный опытъ и которыхъ этотъ опытъ и возрастъ ихъ сдѣлалъ будто бы свѣдущими; свои услуги онѣ оказываютъ за вознагражденіе, большей частью только въ видѣ добровольныхъ подарковъ. Но помощь ихъ немногаго и стоитъ, конечно. Перевязываніе пуповины, обмываніе и спеленываніе новорожденнаго онѣ дѣлаютъ довольно умѣло; зато съ случаями дѣйствительныхъ разстройствъ въ процессѣ родовъ совсѣмъ не умѣютъ справиться, и помощь ихъ въ такихъ случаяхъ, насколько мы можемъ прослѣдить, совершенно нецѣлесообразна, не принося ни облегченія родильницѣ, ни безопасности для жизни матери или ребенка.

Обратившись къ болѣе или менѣе древнимъ періодамъ жизни

культурныхъ народовъ, мы видимъ, что тамъ положеніе было немногимъ благопріятнѣе. Даже въ сочиненіяхъ Гиппократа мы находимъ, въ сущности, только окуриванія, встряхиванія и подобныя манипуляціи, не имѣющія ни серьезнаго значенія, ни серьезной цѣнности, какъ родовспомогательныя средства въ трудныхъ случаяхъ. Въ пору расцвѣта классической греческой медицины былъ открытъ, повидимому, пріемъ поворота. Онъ состоитъ въ томъ, что при неблагопріятномъ утробномъ положеніи плода, при которомъ роды невозможны безъ искусственной помощи, вводятъ руку внутрь матки, берутся тамъ за одну изъ ножекъ плода и за нее поворачиваютъ плодъ такъ, чтобы онъ могъ пройти черезъ родовые пути ягодицами и одной ножкой впередъ. Но позже и этотъ пріемъ былъ, повидимому, забытъ на много столѣтій. Большое значеніе придавала древняя медицина примѣненію такъ называемаго „маточнаго зеркала", прибора, съ помощью котораго конецъ родового канала растягивался посредствомъ винтового стержня (рис. 256); впослѣдствіи этотъ безполезный приборъ былъ совершенно оставленъ.

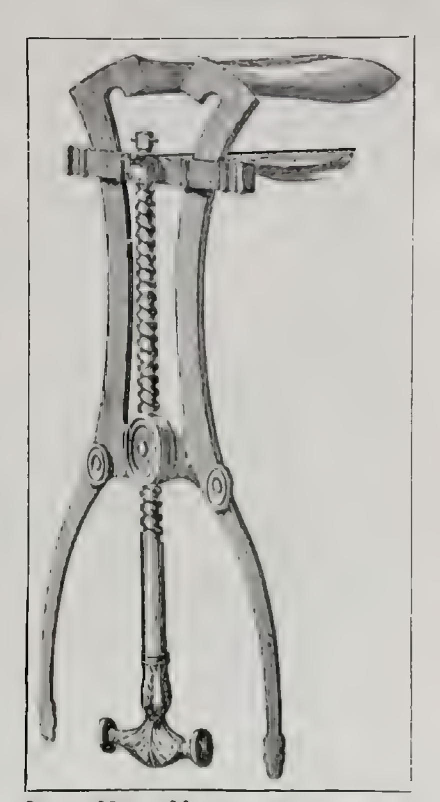

Рис. 256. Маточное зеркало, найденное въ 1819 въ Помпеѣ.

Помимо этого, во всѣхъ серьезныхъ случаяхъ дѣлалось дробленіе ребенка въ утробѣ матери, для чего было изобрѣтено множество ножей и щипцовъ различной формы и разныхъ названій. Эту операцію, несомнѣнно очень опасную и для родильницы, часто производили даже акушерки. Когда, послѣ великаго переселенія народовъ, во время котораго были снова утрачены многія культурныя завоеванія, снова возродилось родовспомогательное искусство на основѣ старыхъ научныхъ руководствъ, преимущественно арабскихъ, — слово „speculum", которымъ раньше обозначали расширительный приборъ, начали толковать буквально въ смыслѣ зеркала и родильницамъ стали подкладывать обыкновенное зеркало, ожидая отъ этого чудодѣйственныхъ результатовъ.

Съ возрожденіемъ наукъ и искусствъ, въ эпоху такъ называемаго Ренессанса, родовспомогательное искусство также начало дѣлать быстрые успѣхи, и причина этого коренилась не только во всеобщемъ стремленіи къ знанію, но еще, несомнѣнно, и въ быстро прогрессировавшихъ знаніяхъ въ области строенія человѣческаго тѣла, развившихся благодаря прежде недоступному изученію человѣческихъ труповъ. Первые крупные успѣхи родовспомогательнаго искусства заключались во вновь открытомъ поворотѣ плода внутри матки и во введеніи кесарева сѣченія на живомъ тѣлѣ. Правда, надъ умершей матерью издавна практиковалось кесарево сѣченіе для спасенія ребенка, — т. е. едва беременная испускала духъ, тотчасъ же взрѣзывались наружные

Рис. 257. Кесарево сѣченіе въ Угандѣ (центральная Африка).

покровы ея живота и стѣнка матки, и такимъ образомъ извлекался ребенокъ. Дѣлалось это не только съ цѣлью спасенія выношеннаго, жизнеспособнаго ребенка, но — при томъ значеніи, какое придавала христіанская церковь крещенію во имя спасенія души человѣка — даже незрѣлаго, но еще живого ребенка необходимо было насильственно извлечь его и изъ соображеній религіозныхъ. Отъ этихъ операцій, очень часто производившихся надъ умершими, было недалеко, разумѣется, до того, чтобы произвести ихъ и надъ умирающей, — во-первыхъ, потому, что это давало больше надеждъ на сохраненіе ребенка, а во-вторыхъ, и потому, что это давало надежду и на спасеніе матери во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда трудности родовъ являлись единственной опасностью, угрожающей ея жизни. Въ такомъ видѣ кесарево сѣченіе проникло даже къ такимъ племенамъ, которыя въ общемъ стоятъ на довольно низкой ступени культурнаго развитія, — какъ, напримѣръ, въ Угандѣ, въ Африкѣ (см. рис. 257). Въ эпоху Возрожденія оно практиковалось вначалѣ довольно часто (въ первый разъ было произведено Траутманомъ въ Виттенбергѣ въ 1610 году, см. рис. 258) и даже съ успѣхомъ, но потомъ было опять надолго оставлено, когда исходъ началъ становиться менѣе благопріятнымъ. Очень вѣроятно, что это явилось послѣдствіемъ множества усовершенствованій и предохранительныхъ мѣръ, которыми начали обставлять эту операцію и которыя только осложнили ея производство и сдѣлали ее опаснѣе.

Вторымъ крупнымъ успѣхомъ, о которомъ необходимо упомянуть, было изобрѣтеніе безопасныхъ головныхъ щипцовъ (рис. 259). Щипцы для захватыванія плода въ утробѣ матери существовали давно, но первоначально эти инструменты были снабжены острыми зубьями или острыми краями и предназначались не для сохраненія ребенка въ живыхъ, а только для удаленія его изъ материнскаго тѣла, хотя бы кусками. Тѣ же щипцы, о которыхъ мы говоримъ и которые въ существеннѣйшихъ формахъ своихъ сохранились въ употребленіи и до сихъ поръ, состоятъ изъ тупыхъ ложекъ, охватывающихъ съ боковъ голову плода

Рис. 258. Кесарево сѣченіе въ серединѣ XVII столѣтія.

и плоско прилегающихъ къ ней, не повреждая ее. Этотъ инструментъ даетъ возможность вытянуть предлежащую головку въ тѣхъ случаяхъ, когда отъ слабаго выталкиванія или отъ препятствій въ мягкихъ частяхъ роды замедляются съ опасностью для матери и ребенка.

Третьимъ крупнымъ успѣхомъ было изобрѣтеніе примѣненія эфира, хлороформа и другихъ наркотизирующихъ средствъ при родахъ. Хотя первоначально средства эти примѣнялись только въ видахъ облегченія страданій родильницы, — вскорѣ, однако, убѣдились, что это открытіе можетъ оказать еще гораздо болѣе важныя услуги. Надлежащимъ образомъ примѣненный наркозъ влечетъ за собой также полное разслабленіе всѣхъ тѣхъ мускуловъ, которые подчинены нашей волѣ, а, при усиленномъ примѣненіи его, парализуетъ и ту неподчиненную нашей волѣ мускулатуру, которая состоитъ изъ гладкихъ волоконъ и изъ которыхъ именно и составлена стѣнка матки. Съ разслабленіемъ подчиненныхъ нашей волѣ мускуловъ, особенно судорожно сокращающихся при возбужденіи отъ страданій, устраняется очень существенное препятствіе какъ для родовъ безъ акушерской помощи, такъ — еще гораздо важнѣе — и для акушерскаго вмѣшательства; операція можетъ быть произведена при этомъ условіи гораздо быстрѣе и бережнѣе, а часто безъ него и совсѣмъ невозможна.

Рис. 259. Безопасные головные щипцы.

Въ самое послѣднее время родовспомогательное искусство обогатилось еще двумя немаловажными пріемами: такъ называемымъ **влагалищнымъ кесаревымъ сѣченіемъ**, которое состоитъ въ томъ, что въ случаѣ крайней необходимости вскрываютъ еще не открывшуюся матку черезъ влагалище, — и **тазорасширительной операціей**, которая состоитъ въ томъ, что если ненормально узкій тазъ не дастъ ребенку возможности пройти, его перепиливаютъ въ какомъ-нибудь мѣстѣ, такъ что онъ раздвигается на нѣсколько сантиметровъ.

Однако, какъ ни остроумны всѣ эти способы и пріемы, — есть въ нихъ одно большое зло, мѣшающее благополучному исходу: очень часто послѣ нихъ наступаютъ тяжелыя лихорадочныя заболѣванія, результатомъ которыхъ является не только разстроенное здоровье, но очень часто и смерть черезъ нѣкоторое время послѣ родовъ, какъ это изобразилъ въ глубоко-волнующей картинѣ веронскій художникъ Чиньяроли (рис. 260).

Родовспомогательныя заведенія прежде давали, дѣйствительно, ужасающій процентъ смертности роженицъ. Огромной заслугой акушера Земмельвейса (работавшаго въ Вѣнѣ и Будапештѣ въ пятидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія), къ сожалѣнію, не-

оцѣненной при жизни его, было его открытіе, что эти болѣзни роженицъ вызываются болѣзнетворными микробами, которые переносятъ врачъ-акушеръ или акушерка на роженицу и съ нея, въ свою очередь, на другихъ еще здоровыхъ. Результатомъ этого явилось педантически-тщательное мытье рукъ и умерщвленіе могущихъ быть на нихъ болѣзнетворныхъ микробовъ, — по цѣлесообразному предложенію Земмельвейса, хлорной водой; впослѣдствіи она была замѣнена другими химическими растворами. Къ этой дезинфекціи (обеззараживаніе) рукъ присоединилась, нѣсколько десятилѣтій спустя, предохранительная мѣра, предложенная выдающимся нѣмецкимъ акушеромъ Кальтенбахомъ и состоящая въ томъ, чтобы всѣ инструменты, примѣняемые при родахъ, были изготовляемы изъ такихъ матеріаловъ, которые давали бы возможность прокипятить ихъ при каждомъ ихъ употребленіи. Благодаря этому также значительно уменьшилась возможность перенесенія болѣзнетворныхъ микробовъ. Позже были придуманы еще особыя приспособленія для чистки и другихъ предметовъ, могущихъ соприкасаться съ родильницей — передниковъ, ваты и т. п., — вначалѣ погруженіемъ ихъ въ химическія жидкости, а потомъ пропусканіемъ черезъ нихъ водяныхъ паровъ, такъ чтобы зараза безусловно не могла быть перенесена и черезъ ихъ посредство.

Съ помощью всѣхъ этихъ мѣръ предосторожности удалось низвести до минимума опасность акушерскихъ операцій; въ настоящее время можно сказать, что роды, протекающіе подъ руководствомъ акушера, стоящаго на высотѣ современныхъ знаній и искусства, не представляютъ, даже при самыхъ ненормальныхъ условіяхъ, сколько-нибудь серьезной опасности для родильницы. Къ сожалѣнію, вопросъ поставленъ не такъ благопріятно въ тѣхъ случаяхъ, когда родами руководитъ одна акушерка или заваленный работой врачъ, чего, конечно, нельзя поставить въ упрекъ этимъ труженикамъ, достойнымъ полнаго уваженія. Матеріальное положеніе нашихъ акушерокъ въ большинствѣ случаевъ такъ неблагопріятно, что онѣ вынуждены не только собственноручно исполнять свои домашнія работы, но часто заниматься еще болѣе грубымъ постороннимъ трудомъ. При такихъ условіяхъ имъ совершенно невозможно сохранить свои руки настолько гладкими, мягкими, гибкими и ловкими, какъ это необходимо для тщательнаго удаленія болѣзнетворныхъ микробовъ, могущихъ гнѣздиться въ шероховатостяхъ кожи. Врачи же не специалисты, а занимающіеся общей практикой, не могутъ избѣгнуть соприкосновенія съ очень многими болѣзнетворными микробами, въ особенности съ микробами гноя, а такъ какъ руки они не могутъ прокипятить, какъ инструменты, то при самой тщательной чисткѣ и мытьѣ на рукахъ у нихъ все же могутъ оставаться иногда живые микробы.

Какъ уже было упомянуто, для полнаго окончанія родовъ необходимо удаленіе дѣтскаго мѣста. Иногда, крайне рѣдко, случается, что дѣтское мѣсто предшествуетъ выходу плода, — и это представляетъ крайне серьезную опасность какъ для родильницы, такъ и для ребенка. Обыкновенно же дѣтское мѣсто выталкивается послѣ выхожденія ребенка, минутъ пятнадцать спустя, а иногда и еще гораздо позже. Вотъ почему

дѣтское мѣсто называется еще также послѣдомъ. Мы уже говорили о томъ, какъ образуется послѣдъ путемъ сращенія ворсинчатыхъ извилинъ яйцевой оболочки съ подобными же извилинами слизистой оболочки матки. Это сращеніе у человѣка и у нѣкоторыхъ млекопитающихъ такъ плотно, что ихъ совершенно

По фотографіи Д. Андерсона въ Римѣ.

Рис. 260. Смерть Рахели. По картинѣ Чиньяроли.

невозможно отдѣлить другъ отъ друга. Зато въ болѣе глубокихъ слояхъ слизистой оболочки матки образуются во время беременности отложенія жира, и, когда послѣ изгнанія ребенка, мускулатура матки продолжаетъ сильно сокращаться, послѣдъ отщепляется въ этомъ жировомъ слоѣ отъ остальной стѣнки матки и ложится свободно въ полости ея. Разумѣется, при этомъ разрываются всѣ тѣ кровеносные сосуды, которые несли кровь въ матку и изъ матки, и происходитъ значительное кровотеченіе въ полость матки и изъ нея наружу. Бываетъ, однако, и такъ, что стѣнка матки, тотчасъ послѣ отдѣленія послѣда, снова начинаетъ сильно сокращаться, и самое это сокращеніе постепенно такъ сжимаетъ разорвавшіеся сосуды, что кровотеченіе само собой останавливается. Когда благодаря этимъ сокращеніямъ (и при содѣйствіи также брюшного пресса) послѣдъ выталкивается, — этимъ уже устраняется препятствіе къ полному уменьшенію матки, и она затѣмъ сокращается, превращаясь въ твердый на-ощупь комокъ, и дальнѣйшее кровотеченіе становится невозможнымъ.

Не всегда, однако, послѣродовой періодъ протекаетъ такъ нормально. Бываютъ случаи, когда либо жировой слой, о кото-

ромъ мы говорили, недостаточно разрыхленъ, либо сокращенія матки недостаточно сильны, вслѣдствіе упадка силъ родильницы или какихъ-нибудь другихъ причинъ. Въ этихъ случаяхъ отдѣленіе послѣда можетъ заставить себя ждать цѣлые часы, дни и даже недѣли. Такое замедленіе не такъ вредно, какъ многіе думаютъ. Но акушерка или врачъ, если и врачъ присутствуетъ, хотятъ, разумѣется, чтобы роды со всѣми ихъ возможными неблагопріятными случайностями поскорѣе окончились и стараются искусственно сократить затянувшійся процессъ. Иногда и даже большей частью это и удается съ помощью умѣлаго нажатія на матку черезъ животъ; но иногда матка такъ плотно прикрѣплена, что такого наружнаго давленія недостаточно для удаленія послѣда. Если же отдѣленіе уже частью произошло и послѣдъ остается только частью прикрѣпленнымъ къ стѣнкѣ матки, то это препятствуетъ сокращеніямъ ея, необходимымъ, какъ мы видѣли, для остановки кровотеченія, — и тогда, изъ опасенія потери родильницей большого количества крови, приходится ввести руку въ матку и отдѣлить отъ нея окончательно послѣдъ. Такое проникновеніе въ матку представляетъ уже извѣстный рискъ для родильницы. Если задержка послѣда произошла вслѣдствіе слабости мускулатуры матки, то можно опасаться, что, и после удаленія послѣда, она недостаточно сократится, а въ такомъ случаѣ кровотеченіе можетъ продолжаться въ очень грозной для родильницы степени. Правда, врачъ располагаетъ нѣкоторыми средствами для возбужденія этихъ сокращеній, и, въ большинствѣ случаевъ, онъ достигаетъ ими успѣха. Особенно неблагопріятно для роженицы, если въ полости матки остается кусочекъ послѣда. Это вліяетъ раздражающе на матку, побуждая ее разслабляться послѣ каждаго сильнаго сокращенія, а въ моментъ разслабленія тотчасъ же возобновляется, разумѣется, кровотеченіе. Нерѣдко случается, что такое прискорбное явленіе кончается смертью роженицы черезъ нѣсколько часовъ или дней послѣ мнимаго окончанія родовъ.

Послѣродовой періодъ.

Мы уже говорили о томъ, что у многихъ дикарей, да и у нашего сельскаго населенія роды часто протекаютъ такъ нормально и родильница такъ мало истощается, что можетъ, тотчасъ же послѣ изгнанія послѣда, отдаться заботамъ о новорожденномъ, а вслѣдъ затѣмъ и своей обычной работѣ, даже полевой. Разумѣется, у этихъ женщинъ о послѣродовомъ періодѣ, въ сущности, не можетъ быть и рѣчи, потому что этотъ періодъ предполагаетъ болѣе или менѣе долгое лежаніе молодой матери въ постели. Постельное лежаніе не безъ основанія считается при многихъ болѣзняхъ важнымъ цѣлительнымъ средствомъ, вполнѣ понятно поэтому, что и изнуренной родовыми муками матери, которой еще грозятъ нѣкоторыя болѣзни, оно рекомендуется, какъ средство предохранительное и возстановляющее силы.

Однако, еще большой вопросъ, дѣйствительно ли полезенъ роженицѣ этотъ обычай. Нѣтъ сомнѣнія, конечно, что физическое состояніе женщины непосредственно послѣ родовъ ненормально. Даже послѣ того, какъ матка вполнѣ сократилась, она

все же еще слишкомъ велика, достигая своимъ верхнимъ краемъ почти до высоты пупка, и долженъ пройти цѣлый рядъ недѣль, большей частью около шести, пока она снова приметъ свой первоначальный (приблизительно) объемъ. Вдобавокъ, внутренняя поверхность матки представляетъ обширную кровоточащую рану, изъ которой еще довольно долго не прекращаются выдѣленія, — вначалѣ чистая кровь, потомъ кровянистая жидкость съ примѣсью все уменьшающагося количества крови. Эти выдѣленія — такъ называемыя послѣродовыя очищенія (вначалѣ кровяныя, потомъ постепенно окрашенныя въ розовый, желтый и бѣлый цвѣтъ) — продолжаются также нѣсколько недѣль, — обыкновенно послѣдніе слѣды ихъ показываются также приблизительно на исходѣ шести недѣль.

Но вѣдь мы знаемъ, что не всякое измѣненіе въ тѣлѣ и, безусловно, не всякая рана заставляетъ человѣка вообще оставаться въ постели и даже часто, наоборотъ, процессъ излѣченія лучше протекаетъ въ условіяхъ продолженія его обычныхъ физическихъ работъ. Мы и видимъ, дѣйствительно, что женщины первобытныхъ народовъ и даже нашихъ трудящихся классовъ отлично переносятъ, безъ всякаго видимаго ущерба для здоровья, немедленное возвращеніе къ усиленной физической дѣятельности послѣ родовъ. Въ числѣ народовъ, которымъ совершенно неизвѣстно послѣродовое лежаніе, надо назвать прежде всего почти всѣ американскія племена, какъ сѣверо- и южно-американскихъ индѣйцевъ, такъ и патагонцевъ, затѣмъ племена, населяющія сѣверную Азію, какъ, напримѣръ, калмыки, далѣе почти всѣ малайскія племена Филиппинскихъ и Индійскихъ острововъ, точно также австралійцевъ и островитянъ Великаго океана. Въ южномъ Китаѣ, по крайней мѣрѣ среди бѣднѣйшихъ слоевъ населенія, также совершенно не признается послѣродового лежанія. Въ Европѣ нѣтъ этого обычая у южныхъ славянъ, въ особенности въ Босніи. Точно также не пользуются роженицы никакимъ уходомъ среди сельскаго нѣмецкаго населенія въ Зибенбюргенѣ; впрочемъ, такъ же относятся къ роженицамъ и среди бѣднаго сельскаго населенія сѣверной Германіи и Баваріи, что объясняется въ этомъ случаѣ печальными условіями экономической жизни, требующими возможно болѣе скораго участія женщины въ полевыхъ работахъ.

Наши крупныя родовспомогательныя заведенія выписываютъ обыкновенно роженицъ черезъ десять дней, при чемъ, большей частью до послѣдняго дня, держатъ ихъ въ постели. Но опытъ бреславльскаго родовспомогательнаго института, повидимому, доказалъ, что тѣ роженицы, которыхъ выписывали на пятый или шестой день послѣ родовъ, чувствовали себя, выходя изъ заведенія, крѣпче и субъективно лучше, чѣмъ тѣ, которыхъ держали до девятаго или десятаго дня въ постели. Мои личныя наблюденія безусловно подтверждаютъ это, и, по-моему, стоило бы сдѣлать опыты для провѣрки того, не дало ли бы еще лучшихъ результатовъ, если бы послѣродовой періодъ былъ еще больше сокращенъ.

Разумѣется, объ этомъ можетъ быть рѣчь только въ томъ случаѣ, когда во время родовъ не произошло значительныхъ поврежденій и не явилось осложненій въ видѣ какой-нибудь бо-

лѣзни. Если произошли разрывы, которые врачу пришлось исправить наложеніемъ швовъ, то часто можетъ оказаться необходимымъ продержать роженицу нѣкоторое время въ постели для болѣе успѣшнаго заживленія зашитыхъ ранъ. Если роды были сопряжены съ ненормально сильной потерей крови, то состояніе роженицы, упадокъ силъ ея можетъ вынудить ее оставаться въ постели, такъ какъ, при попыткѣ подняться, у нея появляется головокруженіе, и она отъ слабости снова падаетъ. Но такая сильная потеря крови имѣетъ еще одну вредную сторону. Сердце, которое также оскудѣло отъ этого кровью, работаетъ уже недостаточно сильно, чтобы оставшаяся въ организмѣ часть крови могла продолжать правильно циркулировать; въ такихъ случаяхъ въ венахъ живота и бедеръ, сильно расширенныхъ большей частью самой беременностью, легко можетъ произойти полная остановка кровообращенія. Но останавливающаяся въ своемъ движеніи кровь человѣка тотчасъ же свертывается, и въ томъ или другомъ мѣстѣ легко образуются въ такихъ случаяхъ сгустки крови, прилегающіе довольно слабо къ стѣнкѣ кровеноснаго сосуда. При усиленномъ напряженіи силъ роженицы, какое ей приходится сдѣлать, поднимаясь съ постели, подобный сгустокъ крови можетъ отдѣлиться отъ стѣнки сосуда, и, когда возобновляется кровообращеніе, жидкая кровь можетъ увлечь съ собой этотъ сгустокъ къ сердцу, а черезъ сердце попасть въ сосуды, снабжающіе легкія кровью. Такъ какъ эти сосуды все больше и больше развѣтвляются и при этомъ, конечно, становятся все уже и уже, то этотъ сгустокъ скоро попадаетъ въ такую точку развѣтвленія, въ которой онъ задерживается и съ этой минуты преграждаетъ, какъ пробка, путь дальнѣйшаго притока жидкой крови къ легкимъ. Если, такимъ образомъ, доступъ крови будетъ прерванъ къ довольно большой части легкихъ, то остальной части можетъ оказаться недостаточно для снабженія организма кислородомъ. Тотчасъ же является одышка, и очень часто удушеніе наступаетъ такъ быстро, что кончается молніеносной смертью, какъ при мозговомъ параличѣ. Поэтому такое явленіе называется параличемъ легкихъ. Не всегда, впрочемъ, строгое выдерживаніе въ постели можетъ предотвратить его, такъ какъ и въ находящемся въ покоѣ организмѣ можетъ образоваться подобный сгустокъ.

Въ подобныхъ же условіяхъ находится, конечно, и общее состояніе здоровья роженицы, которое могло быть еще во время беременности въ такомъ неблагопріятномъ состояніи, что на нее слѣдуетъ смотрѣть и съ ней обращаться и послѣ родовъ, какъ съ больной или выздоравливающей.

Говоря о родахъ, мы уже имѣли случай обратить вниманіе на то, что, вслѣдствіе отдѣленія послѣда, на внутренней стѣнкѣ матки образуется широкая рана и что отъ разрыва кровеносныхъ сосудовъ здѣсь можетъ появляться сильное кровотеченіе, если только мускулатура матки не сократится тотчасъ и этимъ не сожметъ и не закроетъ сосудовъ. Обыкновенно это сокращеніе матки наступаетъ тотчасъ же, какъ скоро она дѣйствительно опорожнится; вотъ почему сильныя кровотеченія случаются въ послѣродовомъ періодѣ довольно рѣдко; все же они, безусловно, очень возможны. Даже при самомъ тщательномъ наблюденіи за

родами въ полости матки могутъ все же остаться мелкіе кусочки послѣда или яйцевыхъ оболочекъ, или хотя бы только сгустки крови, которые производятъ на матку раздраженіе, а за нимъ слѣдуетъ разслабленіе и возобновленіе кровотеченія. Существуютъ еще, однако, повидимому, и другія, неизвѣстныя намъ причины, могущія вызвать ослабленіе матки. Не слѣдуетъ забывать и того, что во время родовъ въ маткѣ могутъ разрываться кровеносные сосуды. Вначалѣ кровотеченіе изъ нихъ не можетъ быть очень значительно, такъ какъ края разорвавшихся сосудовъ имѣютъ склонность заворачиваться внутрь. Но если на ранѣ появляется нагноеніе вслѣдствіе зараженія, то хотя бы оно и не сопровождалось особенно сильнымъ повышеніемъ температуры, разрыхленный край разорвавшагося сосуда иногда разворачивается, и изъ него вытекаетъ кровь. Сильное давленіе, которымъ сердце гонитъ кровь во всѣ сосуды, выталкиваетъ и сгустокъ-пробку, если таковой образовался, и препятствуетъ возникновенію новыхъ сгустковъ; какъ изъ насоса, кровь съ большой быстротой течетъ неудержимой струей изъ этого сосуда. Мнѣ случалось наблюдать такія кровотеченія, длившіяся у рожениць дней по десяти послѣ родовъ, и нѣсколько разъ мнѣ приходилось, примчавшись на извозчикѣ по первому зову, заставать роженицу уже умершей.

Само собой разумѣется, что такія кровотеченія случаются иногда и у первобытныхъ народовъ и были небезызвѣстны и нашимъ предкамъ тѣхъ эпохъ, когда еще не существовало научнаго акушерства. Вполнѣ понятно, что у цивилизованныхъ народовъ, какъ и у многихъ дикихъ, сохранились всевозможныя средства противъ такихъ кровотеченій. Наибольшимъ распространеніемъ пользуются, разумѣется, религіозныя заклинанія. Существуютъ и разныя другія церемоніи, въ родѣ, напримѣръ, помѣщенія топора подъ постелью роженицы. Упомянутый уже орлиный или гремучій камень тоже считается амулетомъ, предотвращающимъ кровотеченія у роженицы. Очень распространенъ въ странахъ Стараго Свѣта обычай перевязывать руки въ локтѣ и ноги въ колѣнѣ. Такъ какъ этотъ послѣдній пріемъ упоминается и въ сочиненіяхъ Гиппократа, то онъ перешелъ на первыхъ порахъ и въ научную медицину и, вѣроятно, этимъ путемъ уже проникъ въ народную медицину странъ Стараго Свѣта. Возможно, что это было суевѣрнымъ народнымъ средствомъ еще до изданія сочиненій Гиппократа, но возможно и то, что оно представляетъ собой только пережитокъ первоначально цѣлесообразнаго средства. При слишкомъ значительной потерѣ крови можно тугимъ перевязываніемъ конечностей, начиная отъ пальцевъ рукъ и ногъ, отвести содержащуюся здѣсь кровь къ туловищу и такимъ образомъ увеличить количество крови въ органахъ, болѣе важныхъ для жизни. Возможно, слѣдовательно, сохранить жизнь лицъ, близкихъ къ смерти, примѣненіемъ этого пріема, — разумѣется, только въ томъ случаѣ, если кровотеченіе тѣмъ временемъ остановилось. Самое же перетягиваніе локтей и колѣнъ не имѣетъ, разумѣется, никакого значенія.

Нерѣдко случается у роженицы выпаденіе или выворотъ матки. Заворотъ заключается въ томъ, что, прежде чѣмъ успѣла сократиться шейка матки, расширившаяся при родахъ, раненная

внутренняя поверхность ея выворачивается черезъ влагалище наружу, какъ быстро стягиваемый чулокъ или перчатка. Это можетъ произойти и по винѣ самой роженицы, если она въ послѣдней стадіи періода изгнанія или отдѣленія послѣда слишкомъ сильно напрягаетъ брюшной прессъ; въ большинствѣ же случаевъ виноваты въ этомъ акушерки или другіе помощники и помощницы при родахъ, если они тянутъ ребенка или пуповину, раньше чѣмъ не вышелъ еще послѣдъ. Такой выворотъ представляетъ опасное явленіе, потому что вывернутая наружу кровоточащая внутренняя поверхность матки продолжаетъ непрерывно кровоточить и чрезвычайно легко подвержена загрязненію. Необходимо, чтобы врачъ какъ можно скорѣе вправилъ ее обратно, потому что позже, когда зѣвъ матки уже снова значительно сократится, вправить ее обратно бываетъ очень трудно, иногда даже совсѣмъ невозможно.

Явленіе выпаденія матки нѣсколько проще. Оно состоитъ въ томъ, что, вслѣдствіе ослабленія связокъ и растянутой стѣнки влагалища, матка сдвигается къ половой щели и выворачивается влагалище. Но все же это довольно непріятное явленіе, такъ какъ вправить выпавшій органъ на свое мѣсто очень трудно и черезъ нѣсколько дней, между тѣмъ длительность этого состоянія приводитъ къ тому, что больная загрязняетъ свисающій изъ половой щели органъ урпной и испражненіями, раздражаетъ его треніемъ между ногъ, и отъ этого дѣлаются болѣзненныя изъязвленія и опасные нарывы. Особенно легко случается это, если во время родовъ сильно надорвалась или совсѣмъ разорвалась промежность; но оно можетъ произойти и просто отъ чрезмѣрнаго растяженія влагалища и наружной половой щели, если ребенокъ слишкомъ великъ и роженица въ послѣдней стадіи родовъ или даже въ послѣродовой періодъ слишкомъ сильно напрягаетъ брюшной прессъ, — напримѣръ, при сильной натугѣ вслѣдствіе твердаго стула. Изъ этого слѣдуетъ, что и у первобытныхъ народовъ выпаденіе представляетъ не особенно рѣдкое явленіе. Обыкновенно роженица старается сама помочь бѣдѣ, пытаясь собственными руками вдвинуть выпавшую матку обратно. Повивальныя бабки засовываютъ обыкновенно платокъ или пучокъ мочалы, чтобы удерживать на мѣстѣ вдвинутую матку. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ сохранился со временъ гиппократовской медицины грубый способъ вправленія выпавшей матки: роженицу привязываютъ къ лѣстницѣ или другому подобному ложу и, уложивъ съ запрокинутой головой и приподнятыми ногами, встряхиваютъ ее. Современная медицина ограничивается тѣмъ, что вдвигаетъ на надлежащее мѣсто матку и накладываетъ швы на разрывы, вызвавшіе ея выпаденіе.

Самое опасное, что̀ можетъ постигнуть роженицу — это появленіе повышенной температуры, такъ называемая родильная горячка.

Повышеніе температуры, если только это не простыя колебанія, происходящія отъ душевныхъ волненій или отъ чрезмѣрно-теплаго укрыванія родильницы, представляетъ грозный признакъ горячки отъ ранъ. Какъ мы уже видѣли, послѣдъ, состоящій изъ дѣтскаго мѣста и яйцевыхъ оболочекъ, отдѣляется не въ томъ слоѣ, который соединяетъ ткани матери

и ребенка, а отщепляется значительный слой стѣнки самой матки и при этомъ разрывается множество кровеносныхъ сосудовъ. Такимъ образомъ, вся внутренняя поверхность матки представляетъ послѣ родовъ одну огромную сплошную рану. Но къ этому надо еще прибавить, что значительное растяженіе шейки матки, влагалища и наружной половой щели неизбѣжно сопровождается разрывами, по крайней мѣрѣ поверхностными, во многихъ мѣстахъ. Довольно значительные разрывы, которые требовали бы немедленнаго наложенія швовъ, что дѣйствительно и дѣлаетъ всякій внимательный врачъ, но которые акушерками обыкновенно оставляются безъ вниманія, встрѣчаются даже при такихъ родахъ, которые на первый взглядъ кажутся вполнѣ нормальными. Если въ эти раны попадетъ сколько-нибудь значительное количество микроорганизмовъ, то они въ самыхъ ранахъ размножаются и ведутъ къ нагноенію ихъ. Эти микроорганизмы тождественны съ тѣми, которые вызываютъ крайне болѣзненные и тоже сопровождающіеся лихорадкой гнойники на другихъ частяхъ тѣла, какъ, напримѣръ, фурункулы или появляющіеся часто на пальцахъ нарывы. Если на ранкахъ только что разрѣшившейся родильницы поселяются эти грибки, то случай является чрезвычайно опаснымъ; множество женщинъ гибнетъ ежегодно отъ возникающей такимъ образомъ такъ называемой родильной горячки.

Бываютъ, правда, и болѣе легкія формы этой болѣзни, — въ тѣхъ случаяхъ, когда микробами загрязняются не очень глубокіе разрывы у входного отверстія влагалища, и, во всякомъ случаѣ, зараженіе ограничивается самимъ влагалищемъ. Тогда здѣсь на ранахъ образуется грязный налетъ, и у роженицы появляется лихорадочный ознобъ, чувство угнетенія, потеря аппетита; но раны постепенно снова очищаются, налетъ исчезаетъ, и онѣ заживаютъ — жаръ начинаетъ спадать, и самочувствіе больной улучшается. Если же гноеродныя бактеріи попадаютъ въ болѣе глубокія раны, въ особенности въ глубокія изъязвленія маточной шейки, то онѣ распространяются, размножаясь, по кровеноснымъ сосудамъ, разрывающимся при родахъ и закупореннымъ довольно мягкими сгустками крови. Размноженіе ихъ въ этихъ кровяныхъ сгусткахъ усиливаетъ и распространяетъ свертываніе крови въ полости сосудовъ; въ то же время они нѣсколько разжижаютъ сгустки и поражаютъ самыя стѣнки сосудовъ. Мы видѣли выше, что подобные сгустки, не зараженные микроорганизмами, могутъ проталкиваться и попадать въ потокъ крови, благодаря просто быстрому движенію роженицы; разумѣется, это происходитъ еще гораздо легче и даже безъ всякаго механическаго воздѣйствія тогда, когда сами микроорганизмы способствуютъ разжиженію сгустковъ. Такимъ образомъ, при подобной родильной горячкѣ особенно часто случается, что отдѣлившіеся комочки свернувшейся крови вмѣстѣ съ приставшими къ нимъ микроорганизмами попадаютъ въ токъ крови и продолжаютъ двигаться по сосудамъ, — пока не застрянутъ гдѣ-нибудь въ развѣтвленіи этихъ сосудовъ и не вызовутъ здѣсь новаго нагноенія. Если они попадаютъ въ сосуды особенно чувствительнаго и важнаго для жизни органа, то могутъ повести къ быстрой смерти. Но немало и такихъ случаевъ, когда роженица болѣетъ цѣлые мѣсяцы, при чемъ то тутъ, то тамъ въ

тѣлѣ появляются все новыя и новыя нагноенія, появляется снова и снова лихорадочный ознобъ, а въ промежуткахъ наступаетъ какъ будто бы улучшеніе. Но натуры крѣпкія могутъ, въ концѣ концовъ, преодолѣть и эту болѣзнь, такъ какъ нашъ организмъ въ своей нормальной дѣятельности самъ вырабатываетъ противоядія, которыя могутъ, въ концѣ концовъ, одолѣть эти микроскопическіе грибки. Но довольно часто роженица гибнетъ и отъ этой формы болѣзни вслѣдствіе потери силъ.

Наихудшая форма инфекціи случается тогда, когда грибки проникаютъ дальше черезъ матку и яйцеводъ и поселяются на самой брюшинѣ. Въ этихъ случаяхъ возникаетъ воспаленіе брюшины, которое ведетъ къ полному параличу всей мускулатуры кишечника. Стѣнки кишечника утрачиваютъ свою способность сокращаться, отъ этого кишки все больше и больше вспучиваются отъ накопляющихся въ нихъ газовъ, животъ сильно вздувается, — если похлопать по немъ, раздается звукъ, какъ отъ туго-натянутой шкуры барабана, — грудобрюшная преграда вдавливается вверхъ въ полость груди и затрудняетъ расширеніе легкихъ, сердце сдвигается съ своего мѣста, пищу становится невозможно принимать, наступаетъ рвота, позже даже рвота каломъ, и яды, образовавшіеся не только отъ самыхъ возбудителей гноя, но еще и отъ разложенія содержимаго кишекъ, вызываютъ все усиливающуюся слабость сердца, а вскорѣ затѣмъ и смерть роженицы.

Какъ мы уже упоминали, давно умершему, къ сожалѣнію не оцѣненному при жизни акушеру Земмельвейсу принадлежитъ заслуга открытія того, что возбудители этой болѣзни (открытіе и описаніе ихъ принадлежитъ не ему) переносятся преимущественно руками тѣхъ лицъ, которыя ходили за роженицей во время родовъ, т. е. врача, акушерки, повивальной бабки. Если эти лица, по условіямъ своей профессіи, запачкаютъ пальцы хотя бы самымъ ничтожнымъ количествомъ микроорганизмовъ, вызывающихъ образованіе гноя, то, какъ доказано опытомъ, руки необычайно трудно совершенно очистить отъ нихъ. Даже послѣ самаго тщательнаго мытья рукъ, въ теченіе 5, даже 10 минутъ, въ теплой водѣ съ мыломъ и совершенно чистой щеткой, — даже если потомъ обмыть руки такими жидкостями, какъ карболовая кислота и большинство ртутныхъ соединеній, которыя являются, какъ доказано опытомъ, сильными ядами для этихъ грибковъ, — все же и потомъ большей частію можно убѣдиться, если провести, напримѣръ, по вымытой рукѣ спичкой, предварительно прокипяченной, что на ней оказывается цѣлая куча жизнеспособныхъ микроорганизмовъ. И чѣмъ жестче и шероховатѣе кожа рукъ, тѣмъ менѣе возможно совершенное вымываніе ихъ.

Вполнѣ понятно, слѣдовательно, что тѣ акушерки, которымъ приходится, помимо своей профессіи, исполнять еще и грубыя работы, если имъ случится придти въ соприкосновеніе съ гноемъ, представляютъ еще цѣлыя недѣли необычайно серьезную опасность для всѣхъ тѣхъ женщинъ, которыя пользуются при родахъ ихъ услугами. Но если онѣ уже заразили одну родильницу, ихъ руки снова соприкасаются съ гнойными выдѣленіями этой больной и накопляютъ на кожѣ свѣжій запасъ заразнаго начала. Тогда слѣдующая роженица снова заражается, и въ прак-

тикѣ этой акушерки развивается цѣлая эпидемія родильной горячки и прекращается она только тогда, если въ практикѣ акушерки наступаетъ болѣе или менѣе продолжительный перерывъ, въ теченіе котораго успѣваютъ вымереть всѣ ядовитые микроорганизмы.

Вполнѣ разумно поэтому, что въ настоящее время акушеркамъ вмѣняется въ обязанность не только строго слѣдить за чистотой рукъ, но и немедленно сообщать полиціи о каждомъ случаѣ родильной горячки у ихъ паціентокъ, послѣ чего акушеркѣ воспрещается практика на нѣсколько недѣль. Но эти смертоносные зародыши могутъ переноситься не только руками акушерки, а еще и инструментами, употребляемыми при родахъ — напр., маточнымъ зеркаломъ, и всевозможными предметами, служащими для поддержанія чистоты или обмываній, какъ, напр., вата, губки и т. под. Послѣдніе можно, правда, обеззараживать посредствомъ кипяченія или промыванія химическими растворами, но все же безопаснѣе тотчасъ сжигать ихъ, при чемъ необходимо относиться къ этимъ предметамъ осторожно и не прикасаться къ нимъ собственными пальцами.

Нѣкоторыя формы родильной горячки сопровождаются потерей сознанія, бредомъ, такъ же какъ и многія другія лихорадочныя заболѣванія. Но у родильницъ наблюдаются нерѣдко и умственныя разстройства, при которыхъ повышеніе температуры тѣла не можетъ быть установлено съ помощью термометра, — иногда она бываетъ даже явно ниже нормальной. Тѣмъ не менѣе нѣкоторые врачи держатся того мнѣнія, что и эти умственныя разстройства родильницъ обусловливаются особаго рода инфекціей. Доказать это, во всякомъ случаѣ, невозможно. Родильницы, подвергающіяся подобнымъ умственнымъ разстройствамъ, большей частью оказываются страдавшими и раньше сильной нервной возбудимостью и часто происходятъ, вдобавокъ, изъ семействъ, въ которыхъ, вообще, часто наблюдались душевныя болѣзни; далѣе, страхъ передъ родами и волненіе и боли во время ихъ сильно раздражаютъ нервную систему. Все это вмѣстѣ заставляетъ думать, что въ допущеніи особаго явленія инфекціи нѣтъ, во всякомъ случаѣ, надобности. Умственныя разстройства роженицъ являются преимущественно въ двухъ формахъ. Менѣе часто встрѣчается форма меланхоліи, обусловливающая глубоко-угнетенное состояніе духа. Эта форма особенно опасна потому, что роженица легко можетъ совершить самоубійство; кромѣ того, совершенное излѣченіе наступаетъ обыкновенно очень не скоро, а иногда она вполнѣ совсѣмъ не излѣчивается. Гораздо чаще встрѣчается состояніе возбужденія, родственное по своему характеру бѣшенству. Въ этомъ состояніи больная обнаруживаетъ вначалѣ большое оживленіе, всѣмъ интересуется, возбужденно разговариваетъ, перескакивая при этомъ съ одной темы на другую, смѣется и плачетъ по всякому ничтожному поводу. Она не засыпаетъ, а неудержимо болтаетъ день и ночь напролетъ, все больше и больше теряетъ силы при этомъ и, наконецъ, начинаетъ нести совершенно безсвязный вздоръ. Если не начать тотчасъ же бороться съ этимъ состояніемъ, — не допуская къ больной никого, оберегая ее отъ всякаго волненія, поддерживая полусвѣтъ въ комнатѣ и т. д., — то это

состоянiе нерѣдко переходитъ въ упомянутое выше меланхолическое, и надежды на выздоровленiе значительно ухудшаются. Зато при правильномъ лѣченiи эта форма умственнаго разстройства даетъ очень благопрiятные результаты и излѣчивается большей частью въ нѣсколько недѣль.

Мы уже говорили выше о мѣрахъ, распространенныхъ у различныхъ народовъ для предотвращенiя или лѣченiя вполнѣ опредѣленныхъ случаевъ, наблюдаемыхъ въ послѣродовомъ перiодѣ. Надо однако упомянуть еще о нѣкоторыхъ обычаяхъ въ уходѣ за родильницей, въ которыхъ въ настоящее время нельзя усмотрѣть ни тѣни разумной цѣли и которые объясняются только традицiей.

Очень распространенъ взглядъ на родильницу, какъ и на женщину менструирующую, что онѣ являются существами нечистыми. Это сближенiе вполнѣ понятно, такъ какъ менструальныя выдѣленiя, вначалѣ кровяныя, а потомъ красноватыя или желтоватыя, дѣйствительно, похожи на очищенiя послѣродового перiода и на выдѣленiя изъ половыхъ органовъ во время заразныхъ болѣзней.

Въ виду этого вполнѣ понятно и то, что женщина считается, по народнымъ понятiямъ, нечистой въ теченiе всего того времени, пока продолжаются эти выдѣленiя. Но такъ какъ этотъ срокъ подверженъ значительнымъ индивидуальнымъ колебанiямъ, то понятно и то, что обычаемъ и даже церковнымъ постановленiемъ установленъ опытнымъ путемъ, извѣстный среднiй срокъ, въ теченiе котораго женщина считается нечистой и который соотвѣтствуетъ продолжительности послѣродовыхъ очищенiй. Характерно однако то, что при этомъ срокъ устанавливается различный, въ зависимости отъ того, какого пола ребенокъ появился на свѣтъ. Такъ, напримѣръ, по законамъ Моисея (3. Моис. 12, ст. 2—5), женщина, родившая мальчика, считается нечистой въ теченiе семи дней и въ теченiе тридцати трехъ дней не допускается къ посѣщенiю храма; для женщины же, родившей дѣвочку, срокъ установленъ двойной (двѣ недѣли и 66 дней).

Сочиненiя Гиппократа также предписываютъ срокъ послѣ рожденiя дѣвочки не болѣе сорока двухъ дней и не менѣе двадцатипяти; послѣ рожденiя мальчика же минимальный срокъ установленъ двадцатидневный и максимальный тридцатидневный. У египтянъ и у нѣкоторыхъ племенъ центральной Африки, развивавшихся, вѣроятно, подъ влiянiемъ египтянъ, а также у нѣкоторыхъ индiйскихъ племенъ, существуетъ такое же различiе; только у нѣкоторыхъ изъ нихъ, напримѣръ, у племени Бого, женщина считается дольше нечистой послѣ рожденiя мальчика, чѣмъ послѣ рожденiя дѣвочки.

Такъ какъ у нѣкоторыхъ племенъ, особенно у тѣхъ, которыя, какъ мы видѣли, совсѣмъ не оберегаютъ женщину въ послѣродовомъ перiодѣ, очищенiе длится очень недолго и на него совсѣмъ не обращается вниманiя, то ими придумываются различные другiе признаки для установленiя извѣстнаго срока, по истеченiи котораго послѣродовой перiодъ долженъ считаться оконченнымъ. Чаще всего этотъ срокъ прiурочивается къ моменту отпаденiя пуповины у младенца, послѣ чего женщинѣ открывается доступъ въ общество.

Вполнѣ понятно, что тамъ, гдѣ существуетъ такая точка зрѣнія, окончаніе установленнаго срока, который мы можемъ назвать послѣродовымъ періодомъ въ обширномъ смыслѣ этого слова, знаменуется извѣстными торжествами, празднествами, а тамъ, гдѣ церковь интересуется этими вопросами, торжество окончанія

По фотографіи братьевъ Алинари во Флоренціи.

Рис. 261. Рождество Маріи. По картинѣ Андреа дель Сарто.

послѣродового періода ознаменовывается, какъ у евреевъ, допущеніемъ женщины къ Торѣ и первымъ выходомъ въ церковь, какъ у христіанъ. Съ этими связано не только приношеніе даровъ священникамъ, но часто и шумныя попойки, которыя принимали въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ безобразные размѣры и причиняли такой серьезный вредъ самимъ родильницамъ, что даже понадобилось издать особые законы для ихъ ограниченія.

Вѣроятно, вслѣдствіе этого же представленія о нечистотѣ роженицы, появился еще въ древнѣйшія времена (насколько мы можемъ прослѣдить — еще въ древнѣйшій періодъ египетской культуры) обычай лѣчить роженицу окуриваніями и водяными парами. Именно, древность этихъ обычаевъ и разнообразіе ихъ внѣшнихъ формъ свидѣтельствуютъ о томъ, что первоначально они имѣли смыслъ чисто религіозныхъ церемоній,— самое большее, къ этому прибавилось еще вѣрованіе въ возмож-

Изданіе придворнаго фотографа Фр. Гёфле.

Рис. 262. „Первая недѣля“.

(По картинѣ неизвѣстнаго тирольскаго художника въ Иннсбрукѣ.

ность изгнать этимъ путемъ злыхъ духовъ. Сочиненія Гиппократа, — вѣроятно, тоже подъ вліяніемъ египтянъ, — также рекомендовали эти окуриванія и пытались придать имъ мнимо-научную подкладку; въ нихъ, напримѣръ, утверждалось, что дурно-пахнущіе пары побуждаютъ матку сокращаться, а благовонный дымъ, вдыхаемый носомъ и ртомъ, подтягиваетъ матку кверху; нисколько не удивительно поэтому, что средневѣковая медицина тоже приняла эти окуриванія и что даже въ Германіи они были въ употребленіи всего еще два-три столѣтія тому назадъ. Большей частью для нихъ пользовались сосудомъ, въ родѣ изображеннаго на рисункѣ 234, но иногда еще усаживали роженицу на стулъ съ отверстіемъ надъ противнемъ съ пылающими углями, которые посыпали самыми разнообразными куреніями, и при этомъ на ро-

женщу надѣвали широкій и длинный плащъ, доходившій отъ шеи до самаго полу, или же закутывали ее большимъ и широ-

По снимку придворнаго фотографа Фр. Куглера въ Сигмарингенѣ.

Рис. 263. Рождество Маріи. По картинѣ Варѳоломея Цейтблома.

кимъ одѣяломъ. Не удивительно, что этотъ обычай существовалъ и у народовъ сѣверной и центральной Африки, находив-

шихся подъ непосредственнымъ влiянiемъ египтянъ, а также въ Абиссинiи, такъ рано принявшей христiанство и первоначальную христiанскую культуру. И у индусовъ сказалось, повидимому, на этомъ пунктѣ влiянiе древне-греческой медицины. Индiя оказала, по всей вѣроятности, влiянiе на населенiе Индостанскаго полуострова и Малайскаго архипелага, — быть можетъ, и на Китай. Но и у индѣйцевъ Сѣверной и Южной Америки мы также находимъ распространенными окуриванiя — или, правильнѣе, въ сущности своего рода паровыя ванны. Родильницу укладываютъ на висячую койку, повѣшенную надъ кучей раскаленныхъ камней, эти послѣднiе поливаютъ водой, которая, конечно, тотчасъ

Рис. 264. „Первая недѣля".
(Раскрашенный рельефъ на деревѣ въ Берлинскомъ музеѣ Импер. Фридриха.)

же испаряется. Едва ли мы ошибемся, если предположимъ, что и здѣсь мы имѣемъ дѣло съ самостоятельно возникшей идеей очищенiя родильницы.

Вообще, эта идея имѣетъ самое широкое распространенiе; едва ли есть хоть одно племя на землѣ, у котораго конецъ послѣродового перiода, если только онъ вообще признается, не ознаменовался бы, по крайней мѣрѣ, купаньемъ для очищенiя. Но у многихъ народовъ купанья или по крайней мѣрѣ основательныя обмыванiя практикуются и въ теченiе послѣродового перiода.

Нѣсколько похожа на обычай паровыхъ ваннъ процедура потѣнiя, которой обязаны подвергнуться родильницы во многихъ мѣстностяхъ. Даже въ Германiи было до самаго недавняго времени въ обычаѣ обкладывать родильницу перинами и поить ее горячими напитками, пока она сильно не пропотѣетъ; когда съ нея уже ручьемъ начиналъ катиться потъ, окружающiе стара-

лись усилить еще больше отдѣленіе пота, въ увѣренности, что это будетъ ей еще полезнѣе. Подтвержденіе полезности потѣнія усматривали, вѣроятно, въ томъ, что при родильной горячкѣ появляется обыкновенно ознобъ, сопровождающійся щелканьемъ зубовъ, и тогда никакими мѣрами не удается вызвать пота, хотя, какъ это можно теперь установить съ помощью термометра, температура тѣла больной при этомъ сильно повышена. Слѣдовательно, если потъ появлялся, то можно было имѣть увѣренность, что настоящей родильной горячки нѣтъ, и есть большія основанія разсчитывать на выздоровленіе родильницы. Во всякомъ случаѣ, это

Рис. 265. „Первая недѣля" въ французской дворянской семьѣ (1650 г.).
По гравюрѣ Авраама Боссе.

соображеніе значительно подкрѣпляло ошибочное мнѣніе о полезности потѣнія. Оно и теперь очень распространено среди нѣмецкаго сельскаго населенія, особенно тамъ, гдѣ еще слабо вліяніе образованныхъ врачей, и въ Россіи, гдѣ крестьяне нѣкоторыхъ мѣстностей сажаютъ родильницу тотчасъ послѣ родовъ, въ хлѣбную печь.

Большимъ распространеніемъ пользуется также обычай бинтовать родильницу, имѣющій цѣлью помочь сокращенію ослабѣвшихъ брюшныхъ покрововъ и предохранить отъ того, чтобы животъ не остался вздутымъ. Еще древняя медицина рекомендовала накладывать на животъ родильницы толсто-сложенныя одѣяла для тяжести. Въ Штиріи это практикуется еще и теперь. Въ Парижѣ, вмѣсто накладыванія тяжести, подъ спину родильницы подкладываютъ развернутое полотенце и концы его на животѣ закрѣпляютъ булавками, сильно стягивая такимъ образомъ животъ.

Почти тотъ же обычай существуетъ и въ Великобританіи, гдѣ для этого употребляются только спеціальные бинты и концы ихъ либо связываются, либо тоже скалываются булавками; къ нимъ пришивается еще большей частью небольшой кусокъ полотна въ видѣ передника, который протягивается между ногъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Германіи также еще принято бинтованіе родильницы, и сторонники его встрѣчаются даже среди представителей научнаго акушерства.

Кромѣ европейскихъ странъ, забинтовываніе живота принято

По фотографіи акціонернаго издательства Ф. Брукмана въ Мюнхенѣ

Рис. 266. „Первая недѣля" По картинѣ Г. ванъ Брекеленкама.

еще у нѣкоторыхъ индійскихъ племенъ, въ Японіи, въ Индостанѣ и на Малайскомъ архипелагѣ. На основаніи нашихъ наблюденій, мы считаемъ этотъ обычай нецѣлесообразнымъ, такъ какъ этимъ исключается нормальное чередованіе сокращеній и разслабленій мышцъ живота, т. е. нарушается естественная дѣятельность ихъ, а опытъ свидѣтельствуетъ, что всякій человѣческій органъ ослабляется отъ неупражненія. Въ виду этого, надо предположить, что бинтуемые брюшные покровы становятся слабѣе небинтуемыхъ и сохраняютъ меньшую сопротивляемость по отношенію къ растяженію.

Въ разное время и въ разныхъ мѣстахъ различно смотрѣли на преимущество сидячаго или лежачаго положенія родильницы. На изображенной на рис. 261 картинѣ Андреа дель Сарто (Флоренція), несомнѣнно соотвѣтствовавшей господство-

Тип. „Просвѣщеніе“ въ Спб.

Въ гостяхъ у родильницы.

Картина датскаго художника В. Марстранда.

вавшимъ тогда во Флоренціи обычаямъ, родильница сидитъ. То же самое мы видимъ и на старинной картинѣ одного сѣверно-тирольскаго художника въ Иннсбрукѣ (рис. 262). На картинѣ ульмскаго художника Цейтблома Марія изображена въ полулежачемъ положеніи (рис. 263). Гораздо чаще встрѣчается лежачее положеніе. Сидячее представляетъ, во всякомъ случаѣ, то преимущество, что выдѣленіямъ удобнѣе и легче стекать. Тѣмъ не менѣе и въ настоящее время почти повсемѣстно принято лежачее положеніе.

Въ отношеніи выбора пищи и питья для родильницъ существовали и существуютъ очень различные взгляды. У очень многихъ племенъ родильницы питаются крайне скупо и вынуждены почти голодать. Въ Германіи родильницѣ часто даютъ только настой нѣкоторыхъ безвредныхъ растеній вмѣсто чаю (ромашки, укропа, бузины), супъ съ крупой, разведенное съ водой молоко и, для увеличенія количества молока, немного пива въ видѣ похлебки. Въ Англіи ей даютъ жидкаго зеленаго чаю съ небольшимъ количествомъ молока или безъ него и съ гренками изъ бѣлаго хлѣба, обмакиваемыми въ чай, — и супъ изъ ячневой крупы. Во Франціи родильницѣ также не рѣшаются давать ничего, кромѣ отваровъ растеній, разведеннаго водой краснаго вина, да еще чашки говяжьяго бульона. Только болѣе благоразумная современная медицина начинаетъ измѣнять этотъ порядокъ, уясняя себѣ, что послѣ крайняго напряженія и потери силъ необходима питательная пища для возстановленія здоровья родильницы. Очень прискорбно, разумѣется, если этотъ здравый взглядъ усваивается неправильно, и родильницу начинаютъ усиленно пичкать трудно перевариваемой пищей и горячительными напитками, какъ это можно довольно часто встрѣтить въ юго-западной Германіи, гдѣ сосѣди носятъ въ домъ родильницы множество пищи подъ видомъ „кумовского супа". Всего полезнѣе для родильницы, при всѣхъ условіяхъ, легко-перевариммая, но богатая питательными веществами пища.

Въ дѣлѣ ухода за родильницей важно также не допускать къ ней волнующихъ ее гостей. На многихъ картинахъ изъ среднихъ вѣковъ и болѣе поздняго времени мы видимъ, что встарину жестоко злоупотребляли посѣщеніями родильницы. Въ ея комнату не только наносили множество пищи въ числѣ другихъ подарковъ (рис. 264), но являлись и сосѣдки цѣлыми толпами (рис. 265 и 266 и отд. табл. „Датчанка-родильница"), а на интересной картинѣ, воспроизведенной нами на рис. 267, мы видимъ даже, что во Флоренціи появленіе знатныхъ гостей возвѣщалось у самой двери родильницы трубными звуками. Мы уже разсмотрѣли въ своемъ мѣстѣ, почему родильницѣ долженъ быть обезпеченъ самый строгій душевный покой, разъ она вообще нуждается въ бережномъ къ себѣ отношеніи.

Намъ остается упомянуть еще въ заключеніе о странномъ обычаѣ, о которомъ уже мелькомъ упоминалось въ первой части настоящаго тома,—о такъ называемомъ мужскомъ родильномъ ложѣ (couvade). Этотъ обычай, существующій еще и теперь во многихъ мѣстностяхъ, состоитъ въ томъ, что сама родильница тотчасъ же послѣ родовъ принимается за работу, а мужъ ея ложится въ постель и ему прислуживаютъ и за нимъ ухаживаютъ

всѣ родные и друзья и больше всего сама родильница, какъ будто бы самъ онъ былъ тяжело боленъ. Особенно широко распространенъ этотъ обычай въ Сѣверной и Южной Америкѣ, но существуетъ онъ также у нѣкоторыхъ племенъ въ Китаѣ, у ногайцевъ на Кавказѣ и на нѣкоторыхъ островахъ Индійскаго архипелага; еще у Геродота упоминается объ этомъ обычаѣ, какъ объ очень распространенномъ въ Африкѣ. Изъ европейскихъ странъ онъ практиковался встарину среди жителей Корсики, а среди коренного населенія Пиренейскаго полуострова онъ пользовался, повидимому, всеобщимъ распространеніемъ. Еще и въ настоящее время онъ сохранился у басковъ въ сѣверной Испаніи и на югѣ Франціи.

Въ объясненіе этого страннаго обычая знаменитый этнологъ Адольфъ Бастіанъ сдѣлалъ слѣдующую остроумную гипотезу. Онъ думаетъ, что у народовъ, практикующихъ этотъ обычай, существовалъ бракъ по покупкѣ, но первоначально право собственности на дѣтей, рожденныхъ этой купленной женой, сохранялось за ея кланомъ. Когда впослѣдствіи это право упразднилось, мужъ обязанъ былъ первоначально завоевывать право на обладаніе своими собственными дѣтьми тѣмъ, что принималъ на себя голоданіе и другія непріятныя стороны положенія родильницы, — и только съ теченіемъ времени этотъ обычай свелся мало-по-малу къ простой церемоніи.

Кормленіе.

Во введеніи къ настоящему сочиненію (т. I, стр. 1 и слѣд.) уже указывалось на то, что у высшихъ животныхъ и у человѣка сложное строеніе тѣла отчасти объясняется тѣмъ, что яйцо во время своего развитія прикрѣпляется, подобно паразиту, къ слизистой оболочкѣ матки и получаетъ отсюда обильное питаніе. Мы видѣли, однако, что у кенгуру и другихъ такъ называемыхъ сумчатыхъ животныхъ это питаніе дѣтенышей внутри матки прекращается, когда они достигнутъ всего лишь нѣсколькихъ сантиметровъ длины и когда, слѣдовательно, еще совершенно не въ состояніи добывать самостоятельно пищи. Мы видѣли, что такой, еще безпомощный дѣтенышъ помѣщается въ кожной сумкѣ матери, гдѣ находитъ своеобразное приспособленіе для своего дальнѣйшаго питанія: именно, особыя возвышенія кожи на подобіе сосковъ, къ которымъ онъ плотно присасывается ртомъ. На концѣ этихъ возвышеній кожи открывается нѣсколько очень тонкихъ канальцевъ, соединенныхъ съ расположенными подъ кожей матери железами, и выдѣленія этихъ железъ, вытекающія при сосаніи дѣтеныша изъ тонкихъ канальцевъ, приспособлены къ тому, чтобы дѣтенышъ получалъ въ нихъ еще долго совершенно достаточное количество пищи; такимъ образомъ онъ можетъ продолжать развиваться въ сумкѣ матери до тѣхъ поръ, пока будетъ въ состояніи покидать сумку добровольно, чтобы отыскивать себѣ въ другомъ мѣстѣ пищу и только въ крайнемъ случаѣ возвращаться обратно въ сумку.

Развитіе этихъ железъ, которое мы можемъ прослѣдить у животныхъ съ помощью микроскопа, имѣетъ большое сходство

съ возникновеніемъ тѣхъ кожныхъ железъ, распространенныхъ также у млекопитающихъ, которыя выдѣляютъ особую кожную смазку, сало, и называются сальными железами. Распространены онѣ по всему тѣлу млекопитающихъ, но собираются въ особенно большомъ количествѣ и достигаютъ особенно крупныхъ размѣровъ только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, — въ особенности тамъ, гдѣ тѣло покрыто волосами. У птицъ подобныя железы распространены не по всему тѣлу, — хотя (или, быть можетъ, именно потому что) перья нуждаются, пожалуй, еще больше, чѣмъ волосы млекопитающихъ, въ смазываніи ихъ саломъ, — а сгруппированы въ видѣ большого клубка въ хвостовой части

Изданіе Фотографическаго общества въ Берлинѣ.
Рис. 267. „Первая недѣля". По картинѣ Masaccio.

на такъ называемой гузкѣ, выводные протоки ихъ собираются въ нѣсколько болѣе крупныхъ каналовъ, открывающихся на особомъ возвышеніи. Такимъ образомъ птица имѣетъ возможность какъ бы „выдаивать" съ помощью своего клюва выдѣленія этихъ железъ и обильно смазывать ими перья по мѣрѣ желанія и надобности.

Такъ какъ мы видимъ, что возникновеніе вышеупомянутыхъ железъ, служащихъ для питанія дѣтенышей сумчатыхъ животныхъ, вполнѣ сходно съ возникновеніемъ такъ называемыхъ молочныхъ железъ, и такъ какъ выдѣленіе молочныхъ железъ въ первые часы или дни послѣ своего появленія также состоитъ преимущественно изъ сала или жира, — то естественно является мысль, что и этотъ органъ, столь важныя для питанія дѣтенышей млекопитающихъ, возникъ первоначально также изъ скопленія простыхъ сальныхъ железъ. Мы и теперь видимъ, что отдѣльныя мелкія молочныя железы, соединяющіяся при посредствѣ своихъ выводныхъ протоковъ въ большія гроздевидныя

образованія, сплошь наполнены клѣтками, въ которыхъ во время выдѣленія собираются капельки жира и, увеличиваясь все больше и больше, приводятъ, въ концѣ концовъ, всю клѣтку къ разрушенію. Такъ какъ такимъ образомъ гибнутъ прежде всего самыя глубокія внутреннія клѣтки пузырька, то въ пузырькѣ образуется полость, которая наполняется жировыми капельками и другими остатками этихъ перерожденныхъ клѣтокъ [1].

Вначалѣ, возникшая такимъ образомъ масса, заполняющая эту полость, состоитъ почти исключительно изъ одного жира. Но мало-по-малу клѣтки начинаютъ гибнуть еще ранѣе, и изъ разрушенныхъ частей ихъ образуются, присоединяясь къ жиру, все въ большемъ и большемъ количествѣ, бѣлковыя составныя части; въ то же время сюда примѣшивается вода и сахаръ, поступающіе изъ крови [2]. И вотъ, образовавшаяся такимъ путемъ смѣсь бѣлковыхъ веществъ (главнымъ образомъ казеина), жира, воды, сахару и солей начинаетъ вытекать изъ отдѣльныхъ железистыхъ пузырьковъ въ выводные протоки, соединяющіеся въ болѣе широкій каналъ. Этотъ каналъ, прободающій сосокъ, образуетъ обыкновенно у основанія его небольшое расширеніе, такъ что въ этомъ мѣстѣ можетъ собираться нѣсколько большее количество выдѣленія [3].

Вырабатываемый молочной железой секретъ, который мы называемъ молокомъ, вполнѣ приспособленъ къ тому, чтобы доставлять ребенку или дѣтенышу животнаго всѣ тѣ вещества, которыя ему необходимы для дальнѣйшаго созиданія и развитія его тѣла.

Какъ мы видѣли, у сумчатыхъ животныхъ железы, секретъ которыхъ служитъ для питанія дѣтенышей, расположены только на животѣ, такъ что сосцы ихъ выдаются въ полость сумки; у другихъ же млекопитающихъ молочныя железы расположены — въ различномъ числѣ, но большей частью симметрично—по всей груди и животу. Нѣкоторые изъ этихъ скопленій железъ не достигаютъ полнаго развитія, такъ что совсѣмъ не функціонируютъ даже при наличности дѣтеныша. Первоначально онѣ имѣются почти всегда у обоихъ половъ, но, при нормальныхъ условіяхъ,

---

[1] Вопросъ о томъ, представляютъ ли собою молочныя железы видоизмѣненіе сальныхъ или потовыхъ железъ, не рѣшонъ еще опредѣленно въ настоящее время, и нѣкоторые новые изслѣдователи склонны считать ихъ скорѣе модификаціей потовыхъ железъ. Невѣрно далѣе утвержденіе автора, будто выдѣленія молочныхъ железъ въ началѣ представляютъ сходство съ кожнымъ саломъ. Накопецъ, развиваемое авторомъ воззрѣніе на секрецію молочной железы въ настоящее время совершенно оставлено. Клѣтки молочной железы, въ противоположность клѣткамъ сальной железы, не погибаютъ при секреціи. *Ред.*

[2] Вопросъ о происхожденіи бѣлковыхъ составныхъ частей молока, какъ и многіе вопросы гистологіи и физіологіи молочной железы, еще не выясненъ окончательно. Но во всякомъ случаѣ онѣ образуются не изъ разрушенныхъ составныхъ частей погибшихъ железистыхъ клѣтокъ, какъ это думаетъ авторъ. *Ред.*

[3] Сосокъ прободается либо однимъ только каналомъ (напримѣръ, у коровы), либо двумя (напримѣръ, у лошади), либо нѣсколькими (напримѣръ, у человѣка). Расширеніе, въ которое открываются выводные протоки и отъ котораго беретъ начало сосковой каналъ — т. наз. молочная цистерна, или лакуна — хорошо выражено далеко не у всѣхъ животныхъ и иногда можетъ быть только едва намѣченнымъ. *Ред.*

не достигають у самца такой степени развитія, чтобы выдѣлять сколько-нибудь молока. У человѣка развиваются только двѣ изъ этихъ железъ на передней сторонѣ груди. Иногда по обѣ стороны главной массы железъ, нѣсколько выше и кнаружи отъ нея, по направленію къ подмышечной ямкѣ, образуется сильная выпуклость — и въ такихъ случаяхъ, какъ утверждаютъ нѣкоторые изслѣдователи, въ связи съ ними появляется сосокъ, помѣщающійся иногда въ подмышечной ямкѣ. Если это вѣрно, то мы имѣемъ дѣло въ этомъ случаѣ съ недоразвившейся второй парой железъ. Но эта выпуклость главной железы существуетъ большей частью и тамъ, гдѣ подмышечнаго соска не оказывается. Какъ очень рѣдкія исключенія, у человѣка встрѣчаются все же и лишнія молочныя железы, расположенныя иногда, какъ мы сказали, въ подмышечной ямкѣ, въ большинствѣ же случаевъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ онѣ расположены и у млекопитающихъ, снабженныхъ нѣсколькими железами, — т. е. попарно по обѣ стороны средней линіи груди и живота. Изрѣдка встрѣчается нѣкоторое количество железъ, расположенныхъ не попарно и симметрично, а по одной — вдоль средней линіи живота, или — еще гораздо рѣже — на бедрѣ или даже на плечѣ.

Подобныя железы никогда не достигаютъ такого развитія, чтобы могли дѣйствительно функціонировать; ихъ правильнѣе разсматривать какъ наслѣдіе такихъ предковъ человѣка, принадлежащихъ къ млекопитающимъ, у которыхъ, при довольно большомъ числѣ одновременно появляющихся на свѣтъ дѣтенышей, существовало и соотвѣтственно бо́льшее число молочныхъ железъ. Повидимому, такіе случаи игры природы были извѣстны еще древнимъ, такъ какъ одна изъ главныхъ мало-азіатскихъ богинь, впослѣдствіи отождествленная греками съ ихъ А р т е м и д о й (рис. 268), и считавшаяся богиней первоначальнаго мрака, рождающей и питающей все живое, изображалась съ большимъ количествомъ молочныхъ железъ.

Артемидѣ былъ воздвигнутъ въ Эфесѣ огромный и великолѣпный храмъ, считавшійся за свою красоту и роскошь однимъ изъ с е м и ч у д е с ъ м і р а; когда его сжегъ безумецъ Геростратъ, желавшій прославить свое имя, его выстроили вновь съ большимъ великолѣпіемъ.

У человѣка нормальная пара железъ, находящаяся на груди, расположена у мужчины точно такъ же, какъ и у женщины. У нѣкоторыхъ дѣтей, безразлично мужского или женскаго пола, скопляется иногда въ первые дни послѣ рожденія въ молочныхъ железахъ извѣстное количество жидкости, очень похожей на жидкость, отдѣляющуюся изъ материнской грудной железы въ первые дни послѣ родовъ — на такъ называемое „молозиво“. Въ Германіи эта жидкость, выдѣляемая молочными железами новорожденныхъ, извѣстна подъ названіемъ „Hexenmilch“ — „молока вѣдьмъ“. Практикуемое иногда выжиманіе этой жидкости совершенно излишне и вредно. Если, какъ это иногда бываетъ, въ молочныхъ железахъ появляется болѣзненное для новорожденнаго напряженіе отъ скопившейся въ нихъ жидкости, то этому лучше помочь согрѣвающими компрессами. Железы новорожденнаго состоятъ обыкновенно изъ 10—20 железистыхъ трубочекъ, представляющихъ вмѣстѣ пучокъ около двухъ сантиметровъ въ ширину и, самое большее, одинъ сантиметръ въ толщину. У

мужчины железа развивается до двадцатилѣтняго возраста, а при нѣкоторыхъ неправильностяхъ развитія, приближающихъ ее къ типу женской железы, иногда даже и позже. Въ научной литературѣ существуетъ довольно значительное число случаевъ, сообщенныхъ заслуживающими довѣрія наблюдателями, лично знавшими мужчинъ, изъ грудей которыхъ отдѣлялось молоко — и довольно обильно — до сорокалѣтняго и даже до пятидесяти-

По фотографіи братьевъ Алинари во Флоренціи.
Рис. 268. Артемида (Діана) Эфесская.

лѣтняго возраста. Такіе случаи наблюдались чаще всего у довольно молодыхъ мужчинъ, которымъ умершая во время родовъ жена оставила грудного младенца и которые, не имѣя возможности доставить ему какую-нибудь пищу, пытались, такъ сказать, съ отчаянія, кормить его собственной грудью. Такой случай разсказывается, напримѣръ, въ Талмудѣ. Но интереснѣе случай, сообщенный Берлинскому антропологическому обществу уважаемымъ изслѣдователемъ, Беригардомъ Орнштейномъ, который самъ видѣлъ нѣсколько разъ въ Греціи въ 1846 году одного отца, кормившаго собственной грудью своего почти уже двухлѣтняго сына

въ такихъ случаяхъ, когда его жена, женщина очень болѣзненная, не могла накормить его до-сыта.

Обыкновенно же у мужчины послѣ двадцати лѣтъ железы начинаютъ подвергаться обратному развитію, какъ у женщины въ пятидесятыхъ годахъ, и сохраняются только остатки выводныхъ протоковъ и сосцы. У женщины при нормальныхъ условіяхъ груди значительно увеличиваются во время беременности вслѣдствіе образованія новыхъ железистыхъ долекъ; изрѣдка это является также результатомъ правильно повторяющихся раздраженій черезъ посредство сосковъ, напримѣръ, вслѣдствіе регулярнаго сосанія ихъ. Въ сущности, вполнѣ ясно, что это должно быть возможно для женщины, даже никогда не знавшей беременности, — разъ это возможно для мужчины, какъ удостовѣряютъ вполнѣ надежные источники. И дѣйствительно, одинъ изслѣдователь удостовѣряетъ, что въ Новой Зеландіи нерѣдко встрѣчаются женщины, берущія на себя кормленіе малютокъ, хотя сами ни-

„По Histoire des accouchements chez tous les peuples" Витковскаго.

Рис. 269. Древне-египетскій мальчикъ, сосущій вмѣстѣ съ теленкомъ вымя.

когда не рожали. Еще допустимѣе, что у женщинъ, давно родившихъ, молочныя железы сохранили способность выдѣленія. При продолжительномъ непрерывномъ кормленіи, выдѣленіе молока возможно сохранить до глубокой старости, а если оно изсякаетъ во время перерыва, его снова возможно вызвать. Ниже, когда будемъ говорить о тѣхъ племенахъ, у которыхъ ребенокъ сосетъ материнскую грудь до пятнадцатилѣтняго возраста, мы приведемъ примѣры того, какъ долго можетъ сохраниться способность выдѣленія молока.

Существуетъ немало достовѣрныхъ данныхъ и о томъ, что у старухъ, давно утратившихъ способность выдѣленія молока, она можетъ снова появляться. Множество подобныхъ случаевъ сообщаютъ объ индійцахъ Сѣверной и Южной Америки, также о многихъ негритянскихъ племенахъ Африки и о нѣкоторыхъ кавказскихъ народностяхъ. Безусловно удостовѣрено, что на Явѣ пользуется всеобщимъ распространеніемъ обычай кормленія дѣтей старухами, имѣющими тамъ спеціальное наименованіе „Mpeng". Чаще всего, разумѣется, беретъ на себя эту обязанность близкая родственница ребенка, — напримѣръ, бабушка, вполнѣ замѣняющая мать въ тѣхъ случаяхъ, когда она умираетъ отъ родовъ или страдаетъ недостаточнымъ количествомъ молока. Даже такой безусловно достовѣрный свидѣтель, какъ знамени-

тый миссiонеръ и изслѣдователь Африки, Ливингстонъ свидѣтельствуетъ, что довольно часто видѣлъ у бечуанъ бабокъ, кормившихъ грудью своихъ внуковъ. Въ одномъ изъ видѣнныхъ имъ случаевъ бабка доставляла внуку довольно много молока, хотя сама кормила въ послѣднiй разъ своего собственнаго ребенка не менѣе, какъ за пятнадцать лѣтъ до того. Извѣстенъ подобный же случай и въ Европѣ — въ Парижѣ въ 1812 году; въ этомъ случаѣ бабка, которой былъ уже 71 годъ, сумѣла такъ образцово выкормить грудью внучку, что у нея даже зубы начали прорѣзываться въ надлежащiй срокъ.

Вначалѣ молочная железа отдѣляетъ желтоватую довольно густую жидкость — молозиво, или колострумъ; настоящее молоко появляется только черезъ нѣсколько дней послѣ разрѣшенiя отъ бремени. Какъ развитiю новыхъ долекъ железъ, такъ и самому процессу отдѣленiя очень благопрiятствуетъ возможно болѣе скорое послѣ родовъ прикладыванiе новорожденнаго къ грудямъ, хотя бы онъ еще и не находилъ въ нихъ пищи. Самымъ цѣлесообразнымъ правиломъ можно считать прикладыванiе ребенка къ груди тотчасъ по пробужденiи родильницы отъ перваго сна, т. е. приблизительно черезъ 12 часовъ послѣ родовъ. Но у большинства народовъ принято не давать ребенку груди въ теченiе первыхъ трехъ дней его жизни. У древнихъ грековъ и римлянъ первое кормленiе отодвигалось, повидимому, на четыре дня. У обитателей индiйскихъ острововъ этотъ срокъ еще значительно продолжительнѣе, а на островахъ Фиджи длится даже до десяти дней. Въ теченiе этихъ дней ребенка кормятъ частью очень нецѣлесообразными суррогатами, а чтобы онъ какъ-нибудь не утратилъ инстинктивнаго влеченiя къ сосанiю, ему даютъ въ ротъ какой-нибудь предметъ, пропитанный той или иной сладкой жидкостью, въ такомъ видѣ, чтобы онъ могъ его сосать. Калмыки даютъ новорожденнымъ сосать даже вареный бараній хвостъ. Кромѣ того, ему даютъ еще какiе-нибудь безвредные отвары растенiй или какую-нибудь подслащенную кашицу съ ложки. У многихъ же народовъ родильницу замѣняетъ въ первые дни какая-нибудь прiятельница или сосѣдка, кормящая въ это время своего собственнаго ребенка; это, несомнѣнно, всего полезнѣе для ребенка и при томъ не приноситъ никакого ущерба и самой замѣстительницѣ, такъ какъ новый питомецъ требуетъ въ первые дни крайне мало пищи. Въ древнемъ Египтѣ существовалъ, повидимому, обычай — какъ это видно изъ рис. 269 — прикладывать ребенка къ сосцамъ животнаго и даже одновременно съ его собственными дѣтенышами.

Вся совокупность долей и долекъ каждой молочной железы обтянута плотной соединительной тканью и расположена между кожей и сильными грудными мускулами, идущими отъ грудной кости къ плечу и служащими для поворачиванiя плеча. Сама железистая масса, при своей незначительной толщинѣ въ нѣсколько сантиметровъ, самое большее, представляла бы здѣсь едва замѣтное возвышенiе, въ особенности до тѣхъ поръ, пока еще нѣтъ выдѣленiя молока. Но железистая масса бываетъ всегда окружена обильнымъ слоемъ жира, и, благодаря ему, грудной сосокъ набухаетъ у женщины въ видѣ возвышенiя, имѣющаго

приблизительно форму полушарія. По нашимъ эстетическимъ понятіямъ, сглаживаніе всѣхъ неровностей и угловатостей тѣла болѣе обильнымъ у женщины жировымъ слоемъ представляетъ существенное условіе женской красоты. Вотъ почему искусство всѣхъ народовъ — во всякомъ случаѣ тѣхъ, подъ вліяніемъ которыхъ сложились наши современныя понятія о красотѣ, — считаетъ вполнѣ равномѣрное округленіе жировымъ слоемъ жен-

По снимку Жиродона въ Парижѣ.

Рис. 270. Венера Арлесская.

скихъ грудныхъ мускуловъ и железъ, сообразно формѣ ихъ, особымъ признакомъ женской красоты. При этомъ не слѣдуетъ, конечно, упускать изъ виду одного обстоятельства: всѣ изображенія, воплощающія идеалъ красоты классическаго греческаго искусства или позднѣйшаго искусства, развившагося подъ его вліяніемъ, имѣютъ только самый умѣренный жировой слой въ этихъ мѣстахъ, грудная же клѣтка, на которой расположены „груди", представляетъ довольно значительную выпуклость. Разумѣется, она обусловливается формой развитія грудной кости и реберъ, т. е. костной основы. Никогда верхняя часть тѣла

женщины не можетъ удовлетворять идеалу классической красоты, если грудная клѣтка ея плоска и на ней посажены сильно развитыя молочныя железы съ слишкомъ толстымъ жировымъ слоемъ. Особенно умѣреннымъ и изящно-слабымъ развитіемъ грудей, т. е. собственно жирового слоя ихъ, отличается „Арлесская Венера“, воспроизведенная нами на рис 270.

Самый процессъ кормленія почти всегда значительно портитъ формы женской груди. Во-первыхъ, очень часто жировая

Фотографическое издательство Франца Ганфштенгеля въ Мюнхенѣ.

Рис. 271. Происхожденіе млечнаго пути.
По картинѣ Якопо Робусти, прозваннаго Тинторетто.

подстилка отчасти исчезаетъ на грудяхъ, какъ и на остальныхъ частяхъ тѣла кормящей женщины, вслѣдствіе затраты всѣхъ запасныхъ матеріаловъ на выработку молока. Во-вторыхъ, самая железа, вслѣдствіе своего роста и накопленія въ ней молока, тяжелѣетъ и обвисаетъ и, вмѣсто упругаго возвышенія въ формѣ полушарія, становится похожей на переполненный, висячій мѣшокъ.

У женщинъ готентотскаго и каффрскаго племени кормящая грудь настолько сильно отвисаетъ, что мать можетъ протягивать ее подмышкой или перекидывать черезъ плечо и кормить ею такимъ образомъ ребенка, котораго носитъ на спинѣ.

Когда съ окончаніемъ періода кормленія наплывъ молока

уменьшается и даже самая железа подвергается обратному развитію, — кожа, обтягивавшая ее, обвисаетъ, иногда даже виситъ на груди, какъ пустой мѣшокъ; бываютъ особенно безобразные случаи, когда она обвисаетъ до самаго бедра. Наконецъ, грудной сосокъ поддерживается частымъ и сильнымъ сосаніемъ въ длительномъ состояніи раздраженія, которое вызываетъ сильный ростъ его; благодаря этому, вмѣсто легкаго возвышенія розоватаго цвѣта, какимъ онъ бываетъ у лицъ некормившихъ, онъ становится большой и толстой, часто шероховатой и окрашенной въ темно-коричневый цвѣтъ шишкой, торчащей на нѣсколько сантиметровъ. Впрочемъ, такое обезображиваніе грудей отъ кормленія можетъ быть предотвращено или, во всякомъ случаѣ, чрезвычайно уменьшено при цѣлесообразномъ уходѣ за ними.

Въ виду того, что, согласно нашимъ понятіямъ о красотѣ, кормленіе значительно обезображиваетъ женскую грудь, — неудивительно, что кокетство удерживаетъ нѣкоторыхъ матерей отъ кормленія своихъ дѣтей грудью. Но даже и помимо этого соображенія, всякая мать сознаетъ, къ какимъ ограниченіямъ свободы обязываетъ ее кормленіе ребенка. Приблизительно въ теченіе восемнадцати часовъ въ сутки, а иногда даже въ остальные ночные часы, если только ребенокъ не былъ строго пріученъ съ первыхъ же дней обходиться ночью безъ пищи, новорожденный требуетъ груди вначалѣ черезъ каждые два часа, а потомъ два съ половиной или три часа. Но если даже жалобный крикъ ребенка и сознаніе его страданія отъ голода и не были бы достаточно могущественнымъ двигателемъ, то все же, разъ она уже начала кормить, напряженіе грудей отъ переполненія ихъ молокомъ причиняетъ такое нестерпимое чувство, что оно одно заставило бы ее дать грудь ребенку по прошествіи нѣсколькихъ часовъ. При внезапномъ отнятіи ребенка отъ груди, сильные приливы молока къ грудямъ продолжаются еще много дней. Античное сказаніе объясняетъ даже происхожденіе всего „млечнаго пути“ застывшими брызгами молока (см. рис. 271 — одна изъ лучшихъ картинъ Тинторетто).

Только въ томъ случаѣ, если женщина тотчасъ же послѣ родовъ рѣшила отказаться отъ кормленія и съ помощью согрѣвательныхъ компрессовъ на груди задержала приливъ крови къ грудямъ (или же если сама железа съ самаго же начала по индивидуальнымъ причинамъ функціонируетъ очень слабо), — она можетъ отдѣлаться только нѣкоторыми легкими недомоганіями; тогда она, правда, вынуждена заботиться о какомъ-нибудь другомъ питаніи для ребенка, но лично сохраняетъ совершенную независимость отъ него и свободу бывать въ обществѣ или заниматься чѣмъ хочетъ. Оба эти соображенія — боязнь утратить физическую красоту и желаніе сохранить свободу — привели къ тому, что среди зажиточныхъ слоевъ почти всѣхъ культурныхъ странъ матери все больше и больше уклоняются отъ кормленія дѣтей собственной грудью. У индійцевъ, повидимому, совсѣмъ вышло изъ обычая кормленіе дѣтей материнской грудью; кое-гдѣ оно еще встрѣчается у китайцевъ и японцевъ. Все больше и больше исчезаетъ этотъ обычай у европейскихъ народовъ, въ особенности у французовъ, но довольно замѣтно и у нѣм-

цевъ. У другихъ народовъ, у которыхъ матери не совсѣмъ отказываются отъ обязанности кормить дѣтей грудью, — онѣ не лишаютъ дѣтей груди съ самаго же начала, а только отнимаютъ ихъ отъ груди какъ можно раньше, пріучая къ другой пищѣ и разсчитывая на то, что молоко само изсякнетъ отъ все болѣе и болѣе рѣдкаго прикладыванія къ груди ребенка. Замѣняется материнское молоко преимущественно нѣкоторыми плодами, всего успѣшнѣе бананами тамъ, гдѣ они растутъ, или же молокомъ не вполнѣ созрѣвшихъ кокосовыхъ орѣховъ.

Но помимо добровольнаго отказа отъ кормленія грудью, бываютъ несомнѣнно довольно часто случаи дѣйствительной неспособности къ выполненію этого материнскаго долга. Въ особенности исчезаетъ, повидимому, эта способность все больше и больше въ странахъ, наиболѣе цивилизованныхъ. Правда, нѣкоторые спеціалисты утверждаютъ, что при дѣйствительно искреннемъ желаніи всякая мать въ состояніи дать своему ребенку достаточно пищи; нельзя все же упускать изъ виду и тотъ фактъ, что во многихъ случаяхъ и наружный видъ ребенка, и данныя точнаго взвѣшиванія доказываютъ, черезъ нѣсколько дней или недѣль кормленія, что ему безусловно недостаточно того количества пищи, какое онъ получаетъ. И такія явленія наблюдаются не только въ тѣхъ случаяхъ, когда мать сама кормитъ, но очень часто и у кормилицъ, серьезно заинтересованныхъ матеріально въ томъ, чтобы выполнять свою задачу какъ можно дольше.

Бываетъ, затѣмъ, множество и другихъ случаевъ, — когда младенецъ получаетъ, правда, достаточно пищи, но кормящая женщина — кормилица или мать — видимо истощается при этомъ со дня на день и теряетъ въ вѣсѣ. Нерѣдко при этомъ наблюдается даже процессъ атрофированія половыхъ органовъ, въ особенности матки, которая становится все меньше и меньше, увядаетъ, при чемъ это сопровождается различными болями въ области живота. Если такіе явные признаки неспособности къ кормленію наблюдаются не только у матерей зажиточныхъ круговъ, но и у кормилицъ, происходящихъ большей частью изъ бѣднѣйшихъ классовъ, то мы должны видѣть въ этомъ доказательство того, что дѣло здѣсь не только въ результатѣ нецѣлесообразнаго образа жизни, а въ вырожденіи въ извѣстной степени даннаго народа или племени.

Найти вполнѣ удовлетворительное объясненіе этого явленія очень трудно. Все же приходится сказать, что эта неспособность къ кормленію, повидимому, такъ же передается по наслѣдству, какъ и множество другихъ недостатковъ и преимуществъ живыхъ существъ. Въ общемъ, индивидуумы, рождающіеся съ подобными наслѣдственными недостатками, большей частью гибнутъ въ борьбѣ за существованіе съ другими, болѣе приспособленными существами, — и у первобытныхъ народовъ дальнѣйшему унаслѣдованію неспособности къ кормленію несомнѣнно препятствуетъ то, что именно дѣти страдающей этимъ недостаткомъ женщины гибнутъ въ первый же годъ жизни отъ недостатка въ пищѣ; у нашихъ же культурныхъ народовъ такіе результаты рѣже, такъ какъ они давно научились доставлять своимъ дѣ-

тямъ пищу, удовлетворительно замѣняющую материнское молоко. Частью это произошло еще тогда, когда человѣкъ началъ заниматься скотоводствомъ и потому имѣлъ возможность вскармливать дѣтей, матери которыхъ неспособны были кормить ихъ, молокомъ кобылъ, ослицъ и нѣкоторыхъ жвачныхъ животныхъ, въ особенности овецъ, козъ и коровъ. Молоко кобылъ и ослицъ, прирученныхъ еще въ то время, когда человѣкъ велъ кочевой образъ жизни, именно всего ближе по своему составу къ женскому молоку и потому могло съ успѣхомъ употребляться взамѣнъ его.

Молоко жвачныхъ животныхъ, прирученныхъ позднѣе, имѣетъ тотъ недостатокъ, что въ цѣльномъ видѣ оно трудно переваримо для новорожденнаго ребенка, а въ разведенномъ видѣ оно содержитъ гораздо менѣе сахару, чѣмъ человѣческое молоко. Тѣмъ не менѣе этими суррогатами издавна вскармливалось, какъ мы видимъ и въ настоящее время, множество дѣтей матери которыхъ не въ состоянiи были сами кормить ихъ грудью, и потому число женщинъ, наслѣдовавшихъ эту неспособность, съ теченiемъ времени все больше возростало. Если принять во вниманiе, далѣе, что такiя молодыя женщины, именно благодаря тому, что новорожденный ихъ не связывалъ надолго, прiобрѣтали извѣстныя преимущества въ борьбѣ за существованiе и могли въ одинъ и тотъ же промежутокъ времени производить на свѣтъ больше дѣтей, чѣмъ кормящiя женщины, — становится понятнымъ, что неспособность кормить все больше и больше распространялась съ теченiемъ времени у культурныхъ народовъ.

Это все же должно быть признано крупнымъ недостаткомъ, такъ какъ молоко животныхъ, не говоря уже о какихъ-нибудь другихъ суррогатахъ, безусловно не можетъ вполнѣ замѣнить ребенку женскаго молока. Достаточно даже несвѣдущему человѣку взглянуть на двухъ дѣтей, которыя родились одинаково здоровыми, но изъ которыхъ одинъ вскармливается женскимъ молокомъ, а другой какимъ-нибудь искусственнымъ продуктомъ, чтобы сразу убѣдиться, насколько первое благопрiятнѣе для питанiя ребенка. Въ виду этого понятно, что у тѣхъ народовъ, у которыхъ сложилось очень неравномѣрное распредѣленiе богатствъ, съ давнихъ поръ еще вошло въ практику передавать кормленiе безпомощныхъ дѣтей, матери которыхъ умерли отъ родовъ или не въ состоянiи были вскармливать своихъ дѣтей собственнымъ молокомъ, — другимъ молодымъ матерямъ за плату. Первоначально для этого выбирали, конечно, такихъ матерей, у которыхъ было достаточно молока, чтобы выкормить, какъ слѣдуетъ, и своего ребенка, и чужого. Больше всего, разумѣется, оказывались пригодными для роли кормилицъ тѣ матери, у которыхъ собственный ребенокъ умиралъ вскорѣ послѣ рожденiя. Но все возрастающiй спросъ привелъ къ тому, что женщины неимущихъ классовъ отказывались, ради соблазнительнаго заработка, отъ вскармливанiя грудью своего собственнаго ребенка, обрекая его на какой-нибудь искусственный способъ кормленiя и продавая свое молоко чужому малюткѣ. Нельзя не признать, что это — самое безобразное явленiе во всей системѣ прибѣганiя къ покупному женскому молоку; при этомъ ребенокъ бѣдныхъ

родителей, только вслѣдствіе ихъ бѣдности, оставляется на произволъ судьбы — для того, чтобы ребенокъ болѣе зажиточныхъ родителей былъ избавленъ отъ всѣхъ сопряженныхъ съ искусственнымъ кормленіемъ опасностей для жизни и здоровья.

Мысль о томъ (вполнѣ вѣрная вначалѣ), что кормилица легче можетъ сохранить достаточное количество и хорошее качество молока, если останется въ привычныхъ, а большей частью и болѣе здоровыхъ условіяхъ деревенской жизни, привела во Франціи къ возникновенію обычая — не брать кормилицу въ домъ, какъ это дѣлаетъ большинство зажиточныхъ матерей другихъ странъ, а отдавать новорожденнаго ребенка кормилицѣ въ деревню. Къ сожалѣнію, это лишаетъ всякой возможности контролировать, дѣйствительно ли кормилица кормитъ грудью довѣреннаго ей ребенка, или — изъ понятнаго материнскаго чувства — предпочитаетъ кормить грудью собственнаго ребенка, а чужого пичкаетъ какими-нибудь суррогатами. Это пріобрѣло, къ сожалѣнію, во Франціи такое широкое распространеніе и употребляются при этомъ для вскармливанія такія неподходящія вещества, что смертность довѣряемыхъ кормилицамъ дѣтей пріобрѣла чудовищные размѣры.

Какъ и во всѣхъ явленіяхъ физической жизни, гдѣ природа создаетъ особые инстинкты въ противовѣсъ возможнымъ злоупотребленіямъ противъ своихъ предначертаній, — такъ позаботилась она объ этомъ и въ дѣлѣ кормленія. Въ противовѣсъ приведеннымъ выше мотивамъ, въ силу которыхъ женщина можетъ не желать кормить грудью собственнаго ребенка и которые могутъ явиться только слѣдствіемъ работы ума, — природа снабдила женщину особенностью, совершенно не зависящей отъ ума или сознанія: а именно, природа устроила такъ, что кормленіе грудью доставляетъ ей непосредственное чувственное наслажденіе. Мы можемъ здѣсь оставить въ сторонѣ то обстоятельство, о которомъ мы упоминали выше, — что боли, вызываемыя набуханіемъ и напряженіемъ грудей отъ прилива молока, тотчасъ проходятъ при отсасываніи послѣдняго. Чувствительные нервы, которыми обильно снабжены грудные соски, стоятъ при посредствѣ головного и спинного мозга въ извѣстной связи съ тѣми нервными стволиками, которые направляются къ половымъ органамъ. Сосаніе вызываетъ рефлекторно сразу же сокращеніе матки, въ чемъ можно убѣдиться даже на ощупь. Этотъ фактъ былъ извѣстенъ еще въ древнѣйшія времена; тогда уже прибѣгали къ высасыванію молока изъ грудей родильницы (а иногда къ оттягиванію ихъ съ помощью инструментовъ въ видѣ банокъ) въ тѣхъ случаяхъ, когда сокращенія матки ослабѣвали и родильницу изнуряли кровотеченія, и этимъ удавалось заставить матку сократиться до своего нормальнаго состоянія. Эти движенія, происходящія при сосаніи въ половомъ аппаратѣ, доставляютъ женщинѣ — сознательно или безсознательно (какъ подтверждаютъ женщины, привыкшія наблюдать за собой и отдавать себѣ отчетъ въ своихъ ощущеніяхъ) — большое чувственное наслажденіе; нѣкоторыя женщины увѣряютъ даже, что это наслажденіе несравненно сильнѣе того, которое онѣ испытываютъ при половомъ общеніи.

Такимъ образомъ, природа не только повелѣваетъ женщинѣ исполнять ея долгъ передъ новорожденнымъ, но и создаетъ очень существенную приманку для того, чтобы этотъ долгъ исполнялся добровольно. У нѣкоторыхъ народовъ, особенно у народовъ съ невысокимъ умственнымъ развитіемъ, надъ которыми инстинкты имѣютъ вообще гораздо болѣе могущественную власть, чѣмъ надъ культурными народами, чувственное наслажденіе, испытываемое при кормленіи грудью, побуждаетъ жен-

Гравюра въ изданіи Фотографическаго общества въ Берлинѣ.
Рис. 272. Портретъ молодой дамы-аристократки.
По картинѣ Жанъ-Баптиста Греза.

щинъ затягивать даже кормленіе грудью какъ можно дольше. Тщательное изслѣдованіе этого вреднаго обычая доказало, что у нѣкоторыхъ народовъ, какъ, напримѣръ, у эскимосовъ, мать часто кормитъ грудью дѣтей даже до 14-ти и 15-тилѣтняго возраста, хотя они, конечно, уже много лѣтъ питаются при этомъ и другой пищей. Очень долго кормятъ своихъ дѣтей также индіанки Сѣверной и Южной Америки, — первыя до 12-го года, вторыя не менѣе 4—5 лѣтъ. Въ Китаѣ и Японіи кормленіе грудью длится часто до 10-тилѣтняго возраста дѣтей; у австралійцевъ, новозеландцевъ, у туземцевъ Сандвичевыхъ острововъ и Самоа—до 5—6-лѣтняго возраста. Что касается Европы, — эстонцы и нѣкоторыя кавказскія племена затягиваютъ кормленіе еще и теперь до двухъ лѣтъ, часто также и турки; шведы, норвежцы

и штирійцы — до трехъ лѣтъ. Въ южной Италіи, особенно въ неаполитанской области, дѣтей кормятъ грудью часто до четырехъ лѣтъ, въ Сербіи и въ Греціи даже дольше, — часто до шестилѣтняго возраста.

Разъ связь между нервами грудныхъ сосковъ и половыхъ органовъ ведетъ къ тому, что женщина испытываетъ при кормленіи грудью чувственное наслажденіе, — то вполнѣ понятно само собой, что и всякое другое раздраженіе грудныхъ сосковъ, — даже простое прикосновеніе къ нимъ, — пробуждаетъ

Фотографическое издательство Франца Ганфштенгля въ Мюнхенѣ.

Рис. 273. Внутренній видъ голландскаго дома.
По картинѣ Герарда Доу.

у очень возбудимыхъ женщинъ половой инстинктъ. Опытъ долженъ былъ, разумѣется, приводить нерѣдко къ злоупотребленіямъ; отсюда понятно, что обнаженіе этого органа также должно было вліять возбуждающимъ образомъ на очень страстныхъ мужчинъ, и оттого многіе народы начали считать это безстыднымъ. У современныхъ цивилизованныхъ народовъ вошло, правда, въ обычай обнажать верхнюю часть женской груди при парадныхъ туалетахъ, но и тутъ считается безусловно непристойнымъ обнажать грудь такъ низко, чтобы видны были и грудные соски. Въ минувшіе вѣка къ этому не такъ строго относились; въ этомъ убѣждаютъ насъ сочиненія XVIII столѣтія и въ особенности нѣкоторые портреты свидѣтельствуютъ о томъ, что тогда даже дѣвушки высшихъ аристократическихъ круговъ нисколько не стѣснялись показываться въ парадномъ

туалетѣ съ совершенно обнаженной — ниже соска грудью (рис. 272).

У народовъ нецивилизованныхъ, которые вообще гораздо свободнѣе обнажаютъ тѣло, женская грудь въ огромномъ большинствѣ случаевъ совсѣмъ не прикрывается; тутъ нѣтъ надобности даже приводить примѣры, до того это явленіе широко распространено. Обнаженіе груди при самомъ кормленіи и у насъ не считается безусловно неприличнымъ (и это надо считать отраднымъ въ виду того, что тутъ дѣло идетъ объ исполненіи прекраснаго материнскаго долга), хотя

Рис. 274. Мадонна.
Картина Маттео Чивитали.

болѣе щепетильныя женщины высшихъ круговъ избѣгаютъ кормить въ присутствіи постороннихъ, не самыхъ близкихъ лицъ (рис. 273). Величайшіе художники, скульпторы и ихъ заказчики — большей частью лица духовныя — не считали непристойнымъ изображать даже Пресвятую Дѣву съ обнаженной грудью и лежащимъ у груди младенцемъ Христомъ (рис. 274).

Такъ какъ кормленіе грудью отнимаетъ у женскаго организма значительное количество питательныхъ веществъ и, вдобавокъ, вызывая сокращенія матки, препятствуетъ приливамъ крови къ этому органу, то вполнѣ понятно, что во время кормленія или по крайней мѣрѣ въ первые мѣсяцы его, менструальныхъ кровотеченій не появляется. Вслѣдствіе этого сложилось мнѣніе, что въ періодъ кормленія не можетъ произойти зачатія. До извѣстной степени, это и вѣрно. Опытъ показываетъ, что женщина, кормящая ребенка грудью много и часто, въ большинствѣ случаевъ, очень долго не забеременѣваетъ вновь. Это

объясняется тѣмъ, что кормленіе препятствуетъ не только приливу крови къ маткѣ, вслѣдствіе постояннаго раздраженія сосковъ, но и къ яичникамъ, и слѣдовательно они не могутъ переполняться кровью настолько, насколько это необходимо, чтобы лопнулъ граафовъ пузырекъ и выдѣлилось яйцо. Во всякомъ случаѣ, это явленіе означаетъ не прекращеніе способности къ зачатію, а только задержку ея.

Въ общемъ, можно сказать, что эта задержка длится около девяти мѣсяцевъ, но и то только въ томъ случаѣ, если выдѣленіе молока очень обильно въ теченіе этого времени; но даже и при этомъ условіи случаются нерѣдко исключенія, вѣроятныя причины которыхъ здѣсь не мѣсто разсматривать.

Выкидышъ и преждевременные роды.

Какъ мы видѣли выше, беременность представляетъ собой, съ самаго же начала ея, своего рода паразитарное состояніе плода, который обезпечиваетъ себѣ возможность обмѣна питательныхъ веществъ и газовъ путемъ прикрѣпленія къ слизистой оболочкѣ матки и сростанія съ ней. Изъ этого ясно само собой, что эти взаимоотношенія между матерью и ребенкомъ могутъ и прерваться во всякое время. Опытъ показалъ, что въ огромномъ большинствѣ случаевъ плодъ освобождается отъ матки послѣ періода беременности, длящагося сорокъ недѣль, и что ребенокъ, являющійся на свѣтъ въ этой стадіи развитія, при надлежащемъ уходѣ и питаніи, въ особенности при вскармливаніи женской грудью, въ состояніи жить самостоятельно, расти и развивать еще не вполнѣ сложившіеся къ моменту его рожденія органы. Случается, однако, нерѣдко, что плодъ покидаетъ материнское тѣло еще ранѣе сороковой недѣли беременности; въ такомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ выкидышемъ, или съ преждевременными родами, т. е. съ недоношеннымъ ребенкомъ. Подъ послѣднимъ мы разумѣемъ тотъ случай, когда ребенокъ хотя и рождается до истеченія сороковой недѣли беременности, но все же представляется настолько развитымъ, что при особо благопріятныхъ условіяхъ ему удается сохранить жизнь.

Если считать періодъ беременности по обычному счету, начиная отъ послѣдней менструаціи, то можно сказать, что сохранить жизнь новорожденному едва ли возможно въ томъ случаѣ, если беременность длилась менѣе двадцати восьми недѣль. Слѣдовательно, преждевременными родами мы называемъ такіе, которые наступаютъ между двадцать восьмой и сороковой недѣлями беременности. При этомъ нельзя упускать изъ виду, что плодъ, явившійся на свѣтъ раньше тридцать четвертой, а тѣмъ болѣе раньше тридцать второй недѣли беременности, въ большинствѣ случаевъ не можетъ выжить, каковъ бы ни былъ уходъ и какія бы усилія ни прилагались. Съ другой стороны, иногда удается сохранить жизнь и такимъ младенцамъ, которые рождаются еще раньше, приблизительно между двадцать четвертой и двадцать восьмой недѣлями беременности. Въ общемъ же, плодъ, рождающійся раньше двадцать восьмой недѣли беременности, бываетъ обыкновенно настолько незрѣлъ, что его можно

считать совершенно нежизнеспособнымъ, и плодъ, выталкиваемый въ такомъ періодѣ изъ утробы матери, называютъ обыкновенно выкидышемъ.

Необходимо, впрочемъ, указать на то, что принятый счетъ періода беременности отъ послѣдней менструаціи безусловно ненадеженъ, въ виду того, что никогда нельзя знать навѣрное, было ли оплодотворено яйцо, выдѣлившееся при послѣдней менструаціи, или то, которое выдѣлилось черезъ четыре недѣли, — и еще потому, что задержка менструаціи возможна и безъ беременности, какъ возможно, съ другой стороны, и появленіе ея уже во время беременности. Вотъ почему научно — вѣрнѣе будетъ судить о жизнеспособности плода по наружнымъ признакамъ зрѣлости его. А при этомъ критеріи по-

По фотографіи Г. Ньюнеса въ Лондонѣ.
Рис 275 Взвѣшиваніе грудного ребенка.

нятно само собой, что вѣроятность на сохраненіе жизни недоношеннаго ребенка тѣмъ меньше, чѣмъ болѣе явныхъ признаковъ незрѣлости можно замѣтить въ немъ. Но разсчитать по этому время беременности все же нельзя, потому что надо считать не только возможнымъ, но и очень вѣроятнымъ, что развитіе плода въ утробѣ матери зависитъ не только отъ срока беременности, но и отъ нѣкоторыхъ другихъ, благопріятныхъ или неблагопріятныхъ, вліяній, — такъ что изъ двухъ младенцевъ, родившихся въ совершенно одинаковомъ періодѣ беременности, одинъ можетъ оказаться гораздо зрѣлѣе и жизнеспособнѣе другого.

Очень удобный способъ опредѣленія степени дѣйствительной зрѣлости плода представляетъ собой взвѣшиваніе новорожденнаго (рис. 275). Въ этомъ отношеніи руководствомъ можетъ служить тотъ фактъ, что до сихъ поръ только одинъ единственный разъ удалось сохранить жизнь новорожденному, вѣсившему 900 граммовъ. Слѣдовательно, на выживаніе ребенка, вѣсящаго еще меньше, разсчитывать нельзя.

Въ виду всего сказаннаго, въ практическихъ цѣляхъ неправильно проводить рѣзкое различіе между выкинутымъ и недоношеннымъ ребенкомъ. Всякіе преждевременные роды очень серьезно угрожаютъ жизни ребенка и, разумѣется, тѣмъ серьезнѣе, чѣмъ раньше они наступили. Въ случаѣ искусственнаго ускоренія родовъ, вопросъ о преступности такого дѣянія сводится къ тому, была ли беременность въ такомъ періодѣ, что лица, повліявшія на ускореніе родовъ, могли разсчитывать на сохраненіе жизни новорожденнаго. Но разумѣется, въ подобныхъ случаяхъ нуженъ еще цѣлый рядъ соображеній и не-медицинскаго характера, которыя помогли бы установить, было ли налицо и намѣреніе сохранить жизнь ребенка.

Такъ какъ наука еще не нашла, какъ мы видѣли, вполнѣ удовлетворительнаго объясненія того, какія именно причины вызываютъ нормально наступленіе родовъ къ концу сороковой недѣли беременности, то она не можетъ, разумѣется, объяснить и того, отчего происходятъ преждевременные роды. И врачу, дѣйствительно, часто приходится наталкиваться на загадочное явленіе, когда какая-нибудь женщина, горячо желающая родить жизнеспособнаго ребэнка и несомнѣнно строго слѣдующая всѣмъ совѣтамъ и указаніямъ врача для предупрежденія преждевременныхъ родовъ, — тѣмъ не менѣе то и дѣло выкидываетъ, большей частью въ одинъ и тотъ же періодъ беременности. Но все же нѣкоторыя причины этого удалось установить, — отчасти теоретически, отчасти же опытнымъ путемъ.

Такъ какъ явленіе родовъ есть слѣдствіе отдѣленія плода отъ стѣнки матки, то оторваться отъ нея преждевременно онъ можетъ, прежде всего, подъ вліяніемъ какихъ-нибудь механическихъ причинъ. Такимъ образомъ, это можетъ быть вызвано ушибомъ живота, — случайно ли, или отъ удара другого лица, — тяжелой работой, обусловленной слишкомъ сильными сокращеніями мускуловъ живота, въ особенности же подниманіемъ и ношеніемъ большихъ тяжестей. Въ нѣкоторыхъ странахъ, въ которыхъ массажъ регулярно практикуется какъ способъ сохраненія здоровья, онъ неблагоразумно производится и на беременныхъ и часто дѣлается такъ неосторожно, что приводитъ къ выкидышамъ. Очень вѣроятно, что отрываніе плода отъ стѣнки матки вызывается иногда и нарушеніемъ кровообращенія матки, особенно переполненіемъ ея кровеносныхъ сосудовъ, застоемъ крови. По крайней мѣрѣ, опытомъ давно установлено, что горячія ванны, а также перегибъ матки назадъ, съ которымъ сопряженъ подобный застой крови, часто приводятъ къ выкидышамъ.

Возможно, впрочемъ, что такой застой крови вліяетъ еще и тѣмъ, что нарушаетъ обмѣнъ веществъ между беременной и плодомъ. Очень вѣроятно, что такое именно вліяніе оказываетъ хроническій катарръ слизистой оболочки матки при которомъ очень часто происходятъ выкидыши. Такой катарръ оказывается большей частью въ тѣхъ случаяхъ, когда вслѣдствіе предыдущихъ родовъ на маткѣ остались разрывы, идущіе отъ зѣва ея. Издавна извѣстно поэтому, что при глубокихъ разры-

вахъ шейки матки выкидыши случаются очень часто. Повидимому, преждевременное отдѣленіе плода легче случается еще тогда, когда яйцо прикрѣпляется не на днѣ матки, а пониже, неподалеку отъ маточной шейки. Въ этомъ случаѣ такое вліяніе оказываетъ совокупность причинъ: механическое воздѣйствіе и недостаточное питаніе яйца.

Вполнѣ понятно, что, когда плодъ умираетъ внутри матки, почти всегда происходятъ выкидыши или преждевременные роды. Когда сердце плода перестаетъ биться, то, разумѣется, прекращается и обмѣнъ крови въ ворсинчатыхъ выступахъ, которыми яйцо врастаетъ въ слизистую оболочку матки. Тогда ворсинки такъ называемаго хоріона подвергаются обратному развитію, прекращается и ростъ плода, а воды, находящіяся въ околоплодномъ пузырѣ, либо постепенно уменьшаются, либо сразу сходятъ, потому что стѣнка околоплоднаго пузыря, притокъ крови къ которой прекратился, мертвѣетъ, становится рыхлой и разрывается или распадается. Такое несоотвѣтствіе между увеличивающейся стѣнкой матки и уменьшающимся плоднымъ пузыремъ можетъ повести къ отдѣленію послѣдняго по чисто механическимъ причинамъ; но возможно, что при этомъ матка всасываетъ также вещества изъ отмирающаго пузыря, которыя оказываютъ ядовитое дѣйствіе и вызываютъ сокращенія, результатомъ которыхъ является выталкиваніе плода. Иногда случается, хотя и очень рѣдко, что умершій плодъ остается еще долго въ полости матки. Тогда онъ подвергается жировому перерожденію, вслѣдствіе чего кажется какъ бы пропитаннымъ парафиномъ, или же въ немъ откладываются известковыя соли, отчего онъ отвердѣваетъ, какъ бы окаменѣваетъ. Въ огромномъ же большинствѣ случаевъ, плодъ выталкивается вскорѣ послѣ того, какъ умираетъ.

Разумѣется, при такихъ условіяхъ всѣ болѣзни плода, ведущія къ смерти его, могутъ также вызывать преждевременные роды. Къ нимъ относятся прежде всего нѣкоторыя уродливости, могущія развиться у плода отъ неизвѣстныхъ причинъ, — при чемъ нѣкоторыя до такой степени измѣняютъ нормальную организацію плода, что онъ утрачиваетъ жизнеспособность даже въ утробѣ матери. Въ общемъ, положеніе плода въ материнской утробѣ хорошо защищаетъ его отъ всевозможныхъ болѣзнетворныхъ причинъ, но все же онъ принимаетъ всегда ту температуру, какую имѣетъ материнское тѣло. Поэтому, если мать страдаетъ въ теченіе болѣе или менѣе долгаго времени сильными лихорадками, то и плодъ можетъ имѣть крайне высокую температуру тѣла, но слабыя силы его не могутъ перенести этого такъ, какъ переноситъ мать, — оттого и случается, что плодъ гибнетъ отъ лихорадки, съ которой организмъ матери можетъ справиться.

Далѣе, — тѣ яды, которые обладаютъ способностью растворяться въ сокахъ тѣла и такимъ образомъ пропитывать собой животныя ткани, также могутъ переходить изъ тѣла матери въ тѣло плода и легко могутъ убить плодъ. Къ нимъ относятся прежде всего тѣ вещества, которыя нормально должны выводиться и изъ тѣла взрослаго человѣка черезъ почки, иначе вызываютъ явленія отравленія. Слѣдовательно, всевозможныя болѣзни

почекъ, которыя могутъ нарушить правильное удаленіе этихъ ядовъ (представляющихъ собой большею частью продукты собственнаго обмѣна веществъ матери), ведутъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ къ смерти плода и къ его преждевременному выталкиванію. То же надо сказать и о тѣхъ ядахъ, которые развиваются въ кишечникѣ матери, заболѣвшей дизентеріей.

Затѣмъ, опытомъ доказано, что на утробный плодъ переходятъ и нѣкоторые болѣзнетворные возбудители, вызывающіе болѣзни матери или, быть можетъ, и отца. Вполнѣ несомнѣненъ фактъ такого перенесенія на плодъ с и ф и л и с а. При вскрытіи мертворожденныхъ младенцевъ очень часто удается установить сифилитическое заболѣваніе, какъ причину его смерти. Впрочемъ, зараженный сифилисомъ плодъ умираетъ очень часто только въ послѣдніе мѣсяцы беременности, такъ что эти случаи можно было бы отнести къ преждевременнымъ родамъ. Но такъ какъ смерть плода почти всегда предшествуетъ его изгнанію, или же по крайней мѣрѣ плодъ настолько боленъ, что выжить безусловно не можетъ, то практически эти случаи слѣдуетъ отнести къ числу выкидышей. Если лѣчить мать противосифилитическими средствами, въ теченіе ея беременности, то иногда удается сохранить жизнь плоду и дать ему возможность родиться жизнеспособнымъ.

Если плодъ умираетъ въ утробѣ матери, беременная обыкновенно вскорѣ замѣчаетъ это. Если въ это время плодъ былъ еще очень малъ, то выкидышъ наступаетъ очень скоро, — при чемъ въ началѣ появляется небольшое кровотеченіе, а потомъ и тянущія боли въ животѣ и особенно въ крестцѣ. Если смерть плода наступила по истеченіи первой половины беременности, то беременная замѣчаетъ это не только по тому, что движенія его внутри ея тѣла совершенно прекращаются, но еще и по сильному ознобу, который она испытываетъ (разъ или нѣсколько разъ), и по тому, что груди, уже успѣвшія нѣсколько набухнуть, снова опадаютъ; иногда она чувствуетъ еще въ животѣ, что при каждомъ движеніи тѣла какъ будто перекатывается какой-то тяжелый клубокъ. Только въ тѣхъ случаяхъ, когда выкидышъ происходитъ въ теченіе первыхъ шестнадцати недѣль беременности, отъ стѣнки матери отдѣляется цѣликомъ все яйцо вмѣстѣ съ своими оболочками, и съ изгнаніемъ его заканчивается выкидышъ. Послѣ же шестнадцатой недѣли выталкивается обыкновенно только самый плодъ вслѣдствіе разрыва яйцевыхъ оболочекъ, иногда за ними слѣдуетъ еще и часть оболочекъ, остальная же часть остается на стѣнкѣ матки, и такъ какъ присутствіе ея въ полости матки препятствуетъ надлежащимъ правильнымъ маточнымъ сокращеніямъ, то послѣдствіемъ этого бываютъ продолжительныя, иногда даже опасныя для жизни кровотеченія.

До сихъ поръ мы разсматривали только случаи н е у м ы ш л е н н ы х ъ преждевременныхъ родовъ. Но, конечно, и преждевременные роды, и выкидыши могутъ быть вызваны и преднамѣренно — и не только врачомъ по серьезнымъ и основательнымъ соображеніямъ, но и посторонними лицами совершенно незаконно.

Уголовные законы почти всѣхъ странъ очень строго караютъ

такія дѣянія, какъ содѣйствіе беременной за вознагражденіе, или доставленіе ей средствъ и оказаніе помощи при изгнаніи или умерщвленіи плода, а также за изгнаніе или умерщвленіе плода безъ вѣдома или противъ воли беременной.

Разумѣется, иногда при этомъ пользуются и совершенно нецѣлесообразными средствами. Изъ средневѣковой медицины, избѣгавшей, по мѣрѣ возможности, всякаго хирургическаго лѣченія, представлявшаго въ то время серьезныя опасности и располагавшаго недостаточно дѣйствительными наркотическими средствами, — въ народную медицину проникло множество такъ называемыхъ абортивныхъ средствъ, примѣняемыхъ отчасти еще и теперь съ преступными цѣлями. Все это сплошь вещества, которыя, будучи приняты въ болѣе или менѣе значительномъ количествѣ, производятъ сильное раздраженіе и воспаленіе слизистой оболочки кишечника. Конечно, сильное воспаленіе кишекъ можетъ распространиться и на покрывающую кишечникъ брюшину и захватить также и матку, тоже отчасти покрытую брюшиной. Возникшее такимъ образомъ воспаленіе матки можетъ повлечь за собой смерть плода, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и изгнаніе его еще раньше его смерти. Но это возможно только при дѣйствительно сильномъ воспаленіи брюшины, — а это такая болѣзнь, которая представляетъ не только непосредственную опасность для жизни, но даже въ тѣхъ случаяхъ, когда благополучно переносится, оставляетъ послѣ себя въ большинствѣ случаевъ болѣзненныя сращенія внутреннихъ органовъ, такъ что, даже спасенная отъ смерти, женщина остается на всю жизнь обреченной на страданія и болѣзни. А такъ какъ, вдобавокъ, менѣе значительные пріемы медикаментовъ этого рода имѣютъ послѣдствіемъ только сильный катарръ кишечника, не вызывая болѣзни матки и выкидыша, то примѣненіе этихъ средствъ во всѣхъ отношеніяхъ и безусловно нецѣлесообразно. Даже лица, профессіонально практикующія плодоизгнаніе, забросили въ настоящее время эти средства и пользуются, почти безъ исключенія, тѣми же средствами, которыя употребляютъ въ необходимыхъ случаяхъ врачи.

Вполнѣ понятно, что отъ безсовѣстныхъ людей, не останавливающихся передъ тяжкимъ наказаніемъ, которому подвергаютъ и самихъ себя, и довѣряющихся имъ лицъ, нельзя ожидать такой чистоты и опрятности, которая единственно могла бы гарантировать беременную отъ зараженія, опаснаго для жизни и иногда смертельнаго. Кромѣ того, имъ приходится дѣлать свое дѣло торопливо и тайкомъ; изъ боязни внезапнаго полицейскаго обыска, въ случаѣ чьей-нибудь жалобы, эти профессіональныя преступницы (большей частью абортами занимаются женщины) прячутъ часто свои инструменты въ самыхъ невѣроятныхъ мѣстахъ; неудивительно, что, при извлеченіи ихъ, они оказываются покрытыми засохшей кровью отъ предыдущей операціи, пылью и всевозможной грязью, иногда совершенно заржавѣвшими. Въ практикѣ каждаго врача по женскимъ болѣзнямъ, особенно въ большихъ городахъ, встрѣчается множество больныхъ, погубленныхъ такими профессіоналами.

Нерѣдко и къ врачамъ обращаются незамужнія женщины,

которымъ беременность угрожаетъ позоромъ и нуждой, или замужнія женщины, боящіяся обнаруженія прелюбодѣянія; часто такія требованія и мольбы о помощи, объ искусственномъ прекращеніи беременности, сопровождаются страшнымъ взрывомъ отчаянія, угрозами самоубійства, иногда и дѣйствительными покушеніями. Разумѣется, врачъ долженъ безусловно отказывать въ такой уголовно-наказуемой помощи.

Встарину полагали, что человѣческій плодъ получаетъ живую душу только въ сороковой или сорокъ пятый день съ начала беременности и потому до этого времени не подлежитъ защитѣ закона. Со временемъ отъ этого ни на чемъ не основаннаго взгляда пришлось отказаться. Даже католическая церковь, поддерживавшая его прежде своимъ авторитетомъ, теперь, повидимому, признаетъ, что живой плодъ представляетъ собой съ перваго же дня существо одушевленное, и потому всякое дѣйствіе, имѣющее неизбѣжнымъ результатомъ его смерть, есть запрещаемое религіей убійство человѣческаго существа. Вотъ почему нѣкоторые врачи, считающіе для себя обязательными законы католической церкви, держатся того взгляда, что искусственное прекращеніе беременности даже тогда, когда плодъ еще не жизнеспособенъ, и умерщвленіе ребенка даже въ томъ случаѣ, если оно является единственнымъ средствомъ спасенія жизни матери, — недопустимо. Очень многіе же врачи стоятъ на той точкѣ зрѣнія, что жизнь беременной, которая можетъ еще вѣдь произвести на свѣтъ жизнеспособныхъ дѣтей и заботы которой, быть можетъ, необходимы для рожденныхъ ею прежде дѣтей, несравненно дороже жизни еще не рожденнаго плода, подверженнаго безконечно многимъ опасностямъ, — и потому считаютъ себя въ правѣ пожертвовать плодомъ, если это можетъ спасти беременную отъ серьезной опасности жизни. Конечно, при этомъ чрезвычайно трудно установить разъ навсегда, какова должна быть степень опасности для жизни беременной, чтобы дать право на умерщвленіе плода.

Такъ, группа врачей, которая не признаетъ, съ одной стороны, подчиненія медицинской науки авторитету католической церкви, а съ другой, отвергаетъ и слишкомъ легкомысленное отношеніе къ цѣнности жизни плода, — держится того взгляда, что искусственное прекращеніе беременности законно только въ томъ случаѣ, если есть большое вѣроятіе опасаться, что, при продолженіи беременности позже двадцать восьмой недѣли, беременная сама можетъ погибнуть, такъ что сохраненіе жизни ребенка до той ступени развитія, на которой онъ можетъ выжить и внѣ организма матери, — все равно невозможно. Въ подобномъ случаѣ цѣнность жизни ребенка, дѣйствительно, сводится къ нулю, и потому обязанность врача сохранить жизнь хотя бы одной матери является нравственнымъ долгомъ.

Одной изъ наболѣе частыхъ причинъ, дающихъ съ этой точки зрѣнія врачу законное право прервать беременность, оказывается туберкулезъ, или чахотка, беременной. Опытъ доказалъ, что во время беременности болѣзнь эта особенно сильно

прогрессируетъ и что прекращеніе беременности очень часто задерживаетъ ея дальнѣйшее развитіе, а нерѣдко даетъ надежду на возможность ея полнаго излѣченія. Кромѣ чахотки, необходимость искусственно произвести выкидышъ очень часто вызывается неукротимой рвотой. Если беременная, несмотря на примѣненіе всѣхъ одобренныхъ медицинской наукой средствъ, продолжаетъ страдать рвотою послѣ каждаго, безъ исключенія, принятія пищи; если вслѣдствіе этого она неизмѣнно и равномѣрно убываетъ въ вѣсѣ, у нея обнаруживается сильное малокровіе и явное разстройство дѣятельности сердца и почекъ, — надежда на сохраненіе жизни какъ матери, такъ и ея ребенка сводится къ минимуму и потому оправдываетъ искусственное прекращеніе беременности. Но и въ такихъ случаяхъ добросовѣстный и осторожный врачъ не рѣшается брать на себя такую огромную отвѣтственность и производитъ абортъ только послѣ предварительнаго совѣщанія съ нѣсколькими другими уважаемыми врачами, изложивъ на бумагѣ результатъ совѣщанія и подписавъ его совмѣстно съ коллегами. Эта предусмотрительность охраняетъ врача отъ несправедливыхъ нареканій.

Разсматривать подробно различные способы, примѣняемые въ этихъ случаяхъ врачомъ, здѣсь едва ли умѣстно. Въ самыхъ раннихъ стадіяхъ беременности плодъ можно извлечь изъ матки просто съ помощью инструментовъ въ видѣ ложекъ или петель. Позднѣе стараются вызвать сокращенія матки, — путемъ ли отщепленія части яйцевой оболочки, или съ помощью впрыскиванія нѣкоторыхъ лѣкарственныхъ веществъ въ матку, или же путемъ расширенія шейки матки или нижней части полости ея, — которыя довершаютъ отдѣленіе плода и выталкиваютъ его. Въ средніе мѣсяцы беременности очень рѣдко выходитъ все яйцо цѣликомъ; чаще куски его остаются приросшими къ стѣнкѣ матки и причиняютъ длительныя, часто очень сильныя кровотеченія. Вотъ почему врачъ обязанъ въ такихъ случахъ удалить остатки плода изъ матки съ помощью ли инструментовъ или хотя бы пальцами. Въ послѣдніе мѣсяцы беременности и выкидыши, и преждевременные роды чрезвычайно похожи на нормальные роды, наступающіе сами собой послѣ 40-й недѣли беременности.

Однимъ изъ самыхъ серьезныхъ препятствій, затрудняющихъ выживаніе преждевременно родившагося ребенка, является его недоразвитость, — то, что онъ или совсѣмъ еще не умѣетъ сосать, или же очень скоро утомляется. Преодолѣть это затрудненіе возможно только при большомъ терпѣніи и заботливомъ уходѣ, пріучая ребенка къ сосанію съ помощью особаго прибора и осторожно давая ему въ промежуткахъ молоко съ ложки. Но у недоношеннаго ребенка слабо работаетъ и мускулатура дыханія, утомляясь чрезвычайно быстро. Поэтому происходящаго въ организмѣ процесса сгоранія (соединенія углеродистыхъ составныхъ частей съ вдыхаемымъ кислородомъ) недостаточно для поддержанія температуры тѣла, необходимой для жизненныхъ процессовъ. Въ утробѣ матери незрѣлый плодъ окруженъ достаточнымъ тепломъ, благодаря температурѣ тѣла матери, передающейся околоплодной жидкости. Поэтому недоношеннаго ребенка необ-

ходимо также держать въ теплѣ. Съ помощью одной одежды и одѣялъ достигнуть этого невозможно, — поэтому очень полезно устраивать постель ребенка въ такихъ случаяхъ въ цинковой ванночкѣ, которую слѣдуетъ поставить въ другую, большую, деревянную, наполненную водой градусовъ въ 40 по Цельсію; разумѣется, для поддержанія одинаковой температуры

По фотографіи Г. Ньюнеса въ Лондонѣ.

Рис. 276. Шкафъ-грѣлка для недоразвитыхъ дѣтей (Couveuse Lion).

необходимо въ воду подливать время отъ времени горячей воды. Существуютъ впрочемъ, также, очень остроумные спеціальные приборы-грѣлки (рис. 267), — особые шкафы, въ которые помѣщаютъ ребенка и которые отапливаются съ помощью автоматическаго регулятора, такъ что воздухъ въ нихъ, хотя и постоянно обновляется, сохраняетъ одну и ту же температуру, и именно такую, какая нужна младенцу. Въ большихъ городахъ такіе аппараты можно доставать даже на-прокатъ.

Поводъ для искусственно вызываемыхъ преждевременныхъ

родовъ, — т. е. такихъ, когда ребенокъ несомнѣнно еще недоразвился, но все же можно еще надѣяться и стремиться сохранить его жизнь, — даютъ почти исключительно нѣкоторыя неправильности въ строеніи костей таза. Если тазъ настолько узокъ или неправильно сформированъ, что можно съ нѣкоторой увѣренностью предвидѣть, что зрѣлый плодъ не будетъ въ состояніи черезъ него протолкнуться, и что это будетъ легче для не совсѣмъ зрѣлаго плода, у котораго головка не только меньше, но и мягче, — то примѣненіемъ искусственно вызванныхъ родовъ раньше срока можно предотвратить серьезныя опасности какъ для матери, такъ и для ребенка. Разумѣется, они не должны быть произведены въ такомъ раннемъ періодѣ, когда шансы на сохраненіе жизни ребенка могутъ быть очень слабы. Впрочемъ, въ подобныхъ случаяхъ очень рѣдко рѣшаются произвести роды раньше срока, потому что опытъ доказываетъ, что при незначительныхъ недостаткахъ въ строеніи таза, оставляющихъ надежду на рожденіе не совсѣмъ зрѣлаго еще, но уже жизнеспособнаго ребенка, не вполнѣ исключается возможность благополучнаго рожденія и совершенно доношеннаго ребенка; къ тому же, въ случаѣ крайней необходимости, врачъ имѣетъ въ своемъ распоряженіи при своевременныхъ родахъ хирургическую помощь, которая въ настоящее время утратила свою прежнюю опасность. Таково, напримѣръ, кесарево сѣченіе, при которомъ ребенокъ обыкновенно рождается въ отличномъ состояніи и опасность котораго для матери въ умѣлыхъ и опытныхъ рукахъ въ настоящее время очень незначительна, — почти нисколько не больше опасности искусственно вызванныхъ преждевременныхъ родовъ. И кромѣ того, въ настоящее время хирургія съ успѣхомъ примѣняетъ перепиливаніе костнаго кольца таза въ одномъ мѣстѣ, такъ что, при небольшомъ суженіи таза, кольцо можетъ расшириться въ перепиленномъ мѣстѣ настолько, чтобы ребенокъ могъ безпрепятственно пройти. Края же перепиленной кости обыкновенно легко и быстро срастаются въ теченіе послѣродового періода, — такъ что непосредственная опасность или возможность вредныхъ послѣдствій этой операціи очень незначительна.

У народовъ, очень дорожащихъ плодовитостью, частые случаи выкидышей считаются равносильными безплодію, и такъ какъ причины этого явленія остаются часто, какъ мы видѣли, непонятными даже для спеціалиста, а непосвященному и совсѣмъ кажутся загадочными, — то у народовъ съ невысокой цивилизаціей и среди необразованныхъ слоевъ культурныхъ народовъ это явленіе встрѣчаетъ суевѣрное отношеніе къ себѣ. Его считаютъ послѣдствіемъ колдовства или козней злыхъ духовъ и борятся съ нимъ съ помощью всевозможныхъ заклинаній, жертвоприношеній и амулетовъ, имѣющихъ будто бы силу предотвращать выкидышъ. Главную роль въ числѣ этихъ амулетовъ играетъ уже упомянутый нами выше орлиный камень и также алмазъ.

Но, какъ мы уже видѣли, медицинѣ все же иногда удается доискаться причинъ повторныхъ выкидышей и, слѣдовательно, оказать необходимую помощь. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда нельзя установить ни одной изъ перечисленныхъ выше при-

чинъ, врачу остается только предписать беременной строгій покой и лежаніе въ постели въ теченіе всего того періода беременности, когда у нея обыкновенно наступалъ выкидышъ. Иногда это помогаетъ даже въ такихъ случаяхъ, когда уже показывалось легкое кровотеченіе. Подспорьемъ при такомъ режимѣ является также назначеніе наркотическихъ средствъ, въ особенности опія, но, разумѣется, въ виду опасности неумѣреннаго ихъ употребленія, за этимъ долженъ слѣдить врачъ.

Плодовитость и безплодіе.

Тамъ, гдѣ условія жизни проще, гдѣ воспитывать дѣтей легко и людямъ недостаточнымъ и дѣти еще въ раннемъ возрастѣ являются помощниками въ хозяйствѣ, а сыновья оказываютъ даже дѣятельную помощь отцу въ его трудѣ для заработка и защиты семьи, — многодѣтность считается счастьемъ и почетомъ, и женщину, рождающую своему мужу много дѣтей, особенно если среди нихъ много мальчиковъ, ставятъ очень высоко, на безплодную же смотрятъ какъ на безполезное и лишнее существо. Это общее правило, и исключенія изъ него представляютъ только, повидимому, гренландскіе эскимосы, нѣкоторыя индійскія племена и многіе изъ малайцевъ, которые видятъ въ непомѣрной плодовитости что-то скотское. У древнихъ германцевъ плодовитость была въ большомъ почетѣ. Теоретически, какъ это ни удивительно, плодовитость очень высоко чтутъ и китайцы, хотя у нихъ широко практикуется даже убійство новорожденныхъ. Глава семьи руководится при этомъ соображеніями о томъ, сколько дѣтей позволяютъ ему прокормить его средства.

Кромѣ вышеупомянутыхъ исключеній, безплодная жена презирается всѣми народами; многіе простираютъ это отношеніе до того, что обычай, религія и законъ позволяютъ мужу выгонять безплодную жену или даже такую, которая рождаетъ однѣхъ дѣвочекъ. Такъ было, напримѣръ, у древнихъ германцевъ, почти у всѣхъ славянскихъ народовъ и у всѣхъ мусульманъ, — семитовъ и турокъ. У восточныхъ евреевъ изгнаніе безплодной жены дозволено и въ настоящее время. У древнихъ евреевъ жена, рождавшая однѣхъ только дѣвочекъ, считалась безплодной; мужъ могъ прогнать ее или распорядиться какъ-нибудь иначе. Если онъ, напримѣръ, предполагалъ, что причиной безплодія являются физическіе недостатки жены, то онъ имѣлъ право взять въ домъ сестру жены или какую-нибудь другую родственницу ея. Въ такомъ случаѣ эта другая женщина считалась второй женой, и дѣти, прижитыя съ нею, считались дѣтьми первой жены, безплодной, при чемъ хозяйкой дома оставалась первая. Если же вина въ безплодіи падала на мужа, было вполнѣ принято, чтобы жена вступала въ супружескія отношенія съ родственникомъ мужа для полученія потомства и все же оставалась законной и полноправной женой.

Тамъ, гдѣ плодовитость имѣетъ такое огромное значеніе, люди стараются, разумѣется, предугадать напередъ, будетъ ли способна женщина производить на свѣтъ дѣтей. Установить это

съ увѣренностью заранѣе не можетъ и современная наука; самое большее, она можетъ предсказать, по строенію скелета и въ особенности тазовыхъ костей, что роды вполнѣ выношеннаго плода будутъ невозможны безъ посторонней помощи. Такимъ образомъ, всѣ предсказанія такого рода строятся на лишенныхъ всякаго основанія, большей частью суевѣрныхъ признакахъ. Сочиненія Гиппократа совѣтуютъ вводить въ половыя части сильно пахнущіе предметы, въ родѣ чеснока, или прокуривать ихъ дымомъ сжигаемыхъ смолистыхъ веществъ и т. под.; если на другой день этотъ запахъ будетъ слышенъ изо рта женщины, это укажетъ на ея плодовитость. Большая тучность издавна считалась признакомъ безплодія; опытъ дѣйствительно доказываетъ, что чрезмѣрно жирныя женщины очень рѣдко бываютъ плодовиты. Но и этотъ признакъ отнюдь не вполнѣ достовѣренъ.

Въ дальнѣйшемъ (въ главѣ VIII — II тома) мы подробнѣе разсмотримъ экономическое значеніе многодѣтности и укажемъ въ особенности на то, какія причины побуждаютъ народы съ болѣе высокой культурой относиться отрицательно къ многодѣтности и приводятъ ихъ, въ результатѣ, къ искусственному ограниченію числа дѣтей. Здѣсь намъ предстоитъ разсмотрѣть только вопросъ объ естественной плодовитости и естественномъ безплодіи человѣка. Признавая при этомъ, что мужчина также можетъ быть безплоднымъ, мы этого здѣсь однако касаться не будемъ, такъ какъ теперь насъ занимаетъ вопросъ о производительной и дѣтородной дѣятельности женщины. Впрочемъ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, супружеское безплодіе зависитъ именно отъ физическаго состоянія женщины прежде всего; вина мужчины, который часто заражаетъ женщину въ первыя недѣли брака и, перенося на нее болѣзнь, является причиной ея безплодія, занимаетъ второстепенное мѣсто.

Плодовитость женщины, т. е. ея способность вынашивать въ своей маткѣ яйцо до зрѣлаго состоянія и затѣмъ производить на свѣтъ жизнеспособный плодъ, наступаетъ въ общемъ одновременно съ появленіемъ первой менструаціи, т. е. приблизительно на пятнадцатомъ году жизни, и прекращается обыкновенно съ прекращеніемъ менструаціи — приблизительно въ пятидесятилѣтнемъ возрастѣ, года за два-три до или послѣ 50 лѣтъ. У нѣкоторыхъ народовъ эти періоды наступаютъ раньше или позже на нѣсколько лѣтъ; извѣстны также случаи особенно ранняго появленія и поздняго прекращенія менструацій. Мы приводили уже подобные случаи въ главѣ о менструаціи, равно какъ и случаи рожденія дѣвочками дѣтей въ раннемъ дѣтствѣ.

Какъ всякій органъ можетъ иногда пріостановиться въ своемъ развитіи и ростѣ и остаться неспособнымъ къ функціонированію, такъ могутъ недоразвиваться до нормы и женскіе половые органы; случается, что матка, яичники или одно только влагалище молодой женщины остаются совершенно неразвитыми въ такомъ возрастѣ, когда уже должны быть способны къ функціонированію. Такъ, напримѣръ, недоразвившіеся яичники либо совсѣмъ не производятъ яйца, либо пузырекъ, въ которомъ

развивается яйцо, не лопается, вслѣдствіе чего яйцо непопадаетъ въ яйцеводъ и не можетъ быть оплодотворено; или же матка недоразвивается до такой степени, что не можетъ доставить яйцу возможность прочно здѣсь прикрѣпиться и получать обильное питаніе; или матка недостаточно быстро увеличивается во время беременности и потому освобождается отъ яйца путемъ выкидыша; или, наконецъ, влагалище развивается такъ слабо, что дѣлаетъ вообще невозможнымъ нормальное совокупленіе.

Бороться съ такимъ недоразвитіемъ половыхъ органовъ наука почти не можетъ. Иногда отставшіе въ развитіи органы сами потомъ достигаютъ нормальнаго развитія, если женщина поставлена въ очень благопріятныя условія питанія, т. е. живетъ въ особо здоровыхъ климатическихъ условіяхъ и пользуется обильной хорошей пищей, при чемъ не несетъ утомительнаго физическаго или умственнаго труда. Въ тѣхъ случаяхъ, когда причина безплодія зависитъ только отъ недостаточнаго развитія влагалища, — если, слѣдовательно, большая или меньшая часть влагалища совсѣмъ лишена полости или вся полость его слишкомъ узка, — въ этихъ случаяхъ иногда можетъ помочь оперативное вмѣшательство.

Бываетъ также, что всѣ половые органы развиты совершенно нормально, но шейка матки такъ необычайно узка, что мужское сѣмя не можетъ проникнуть внутрь. Въ этомъ случаѣ препятствіе также можетъ быть устранено хирургическимъ путемъ, — систематическимъ растягиваніемъ или разрѣзываніемъ шейки.

Бываютъ также препятствія, происходящія отъ слишкомъ сильнаго развитія. Нерѣдко безплодіе женщины происходитъ отъ чрезмѣрнаго разрастанія яичниковъ. Въ подобномъ случаѣ яичники такъ низко опускаются позади матки, что освободившееся яйцо, случается, не можетъ попасть въ раструбъ соотвѣтствующаго яйцевода. Большей частью, при такомъ непомѣрномъ разрастаніи яичниковъ, яйца совсѣмъ не могутъ отдѣляться, и, такимъ образомъ, зачатіе совсѣмъ не можетъ произойти.

Не очень рѣдки также случаи непомѣрнаго разрастанія дѣвственной плевы, т. е. кожной складки, отчасти замыкающей входъ во влагалище у дѣвственницы; эта дѣвственная плева бываетъ иногда такой плотной, что не можетъ разорваться, и, чтобы нормальное совокупленіе стало возможнымъ, необходимо, чтобы врачомъ былъ предварительно сдѣланъ надрѣзъ; иногда ее даже совсѣмъ приходится удалять. Къ сожалѣнію, это препятствіе къ зачатію замѣчается обыкновенно очень не скоро; въ большинствѣ случаевъ безплодныя попытки супружескихъ сношеній длятся такъ долго, что успѣваютъ развить болѣзненную чувствительность женскихъ органовъ, очень сильную нервность и отвращеніе къ половому акту. Вполнѣ понятно, что при наличности такихъ результатовъ операція уже не всегда можетъ увѣнчаться желаннымъ успѣхомъ.

Издавна существуетъ убѣжденіе, что много женщинъ не чувствуютъ и въ лучшіе годы зрѣлости влеченія къ половымъ сношеніямъ и что такъ называемая „холодность“ является

причиной безплодія. По поводу того, вѣренъ ли самый фактъ и много ли встрѣчается такихъ „холодныхъ“ женщинъ, мнѣнія специалистовъ и теперь еще рѣзко расходятся. Да и очень трудно установить это съ полной несомнѣнностью, такъ какъ тутъ всецѣло приходится полагаться на показанія самихъ женщинъ, — а онѣ могутъ быть часто очень недостовѣрны, такъ какъ равнодушіе и отвращеніе къ половымъ сношеніямъ происходятъ очень часто только отъ того, что ихъ внушаетъ данный мужчина, а его физическія особенности, быть можетъ, вполнѣ объясняютъ это явленіе. Не слѣдуетъ забывать и того, что нѣкоторыя болѣзни половой сферы дѣлаютъ для женщины половыя сношенія очень болѣзненными, такъ что въ результатѣ этого является мнимая „холодность“, которая безусловно можетъ быть устранена, если будетъ излѣчена косвенно вызвавшая ее болѣзнь. Вполнѣ понятно, что та же болѣзнь можетъ обусловливать и безплодіе, — и одинъ этотъ фактъ уже, до извѣстной степени, объясняетъ наблюденія тѣхъ, которые приводятъ въ связь „холодность“ съ безплодіемъ. Но очень вѣроятно и то, что проникновеніе мужского сѣмени въ способное къ оплодотворенію яйцо достигается съ помощью присасывающихъ волнообразныхъ движеній мускулатуры матки и яйцеводовъ, подобныхъ движеніямъ мускулатуры кишечника, — и что эти движенія производятся вообще или преимущественно только въ моментъ наивысшаго полового возбужденія. Если это такъ, то полную холодность, конечно, можно разсматривать какъ причину безплодія. Нельзя однако отрицать и того, что случается встрѣчать очень многихъ женщинъ, увѣряющихъ, что онѣ совершенно равнодушны къ половымъ сношеніямъ, и все же неоднократно знавшихъ беременность. Возможно, впрочемъ, что показанія такихъ женщинъ завѣдомо или безсознательно ложны и что онѣ, въ дѣйствительности, не абсолютно „холодны“.

Предположеніе о значеніи этой причины вызвало всевозможныя попытки ея излѣченія, заключающіяся большей частью въ пріемѣ внутрь такихъ питательныхъ или возбуждающихъ средствъ, которымъ приписывается свойство возбужденія половой чувствительности; это такъ называемая aphrodisiaca. Быть можетъ, такой же смыслъ имѣютъ и извѣстныя религіозныя обрядности, представляющіяся на нашъ взглядъ крайне непристойными, дѣйствіе которыхъ сводится — самое большее — къ возбужденію половой страсти.

Еще въ половинѣ прошлаго столѣтія одинъ знаменитый американскій врачъ-гинекологъ, Маріонъ Симсъ, сдѣлалъ опытъ искусственнаго оплодотворенія подъ наркозомъ одной мнимо-холодной женщинѣ, впрыснувъ ей въ полость матки, съ помощью маленькаго шприца, нѣкоторое количество сѣмени ея мужа. Успѣха этотъ опытъ не имѣлъ. Онъ былъ поставленъ теоретически неправильно уже потому, что полость матки вовсе не настоящее мѣсто, въ которомъ происходитъ оплодотвореніе яйца. Слѣдовательно, чтобы опытъ могъ удаться, сѣмя надо было впрыснуть въ полость яйцевода (такъ называемую фаллопіеву трубу) или около него[1]. Въ этихъ же случаяхъ, когда единствен-

[1] Въ медицинской литературѣ имѣются указанія, что опыты искусственнаго оплодотворенія надъ людьми производились неоднократно и давали довольно значительный процентъ зачатій. *Ред.*

Изъ „Оперативной гинекологіи“ Келлея. Фотографія Д. Аппльтона и К° въ Нью-Іоркѣ.
Рис. 277. Продольный разрѣзъ нижней части тѣла взрослой женщины.

ной причиной невозможности оплодотворенія является болѣзненность для женщины полового акта и вслѣдствіе этого не происходятъ вышеупомянутыя всасывающія движенія въ женскомъ половомъ аппаратѣ, — тутъ самъ собою напрашивается опытъ: подвергнуть женщину легкому наркозу и предоставить ея мужу совершить въ это время половой актъ. Этотъ опытъ былъ также произведенъ подъ руководствомъ названнаго американскаго врача и однажды увѣнчался полнымъ успѣхомъ.

Наряду съ упомянутымъ представленіемъ, существуетъ еще другое: нѣкоторые думаютъ, что безплодіе происходитъ часто отъ того, что введенное сѣмя тотчасъ же снова выливается обратно. Во избѣжаніе этого, рекомендовалось возможно болѣе покойное положеніе тѣла послѣ совокупленія, — рекомендовалось лежать навзничь, запрокинувъ голову и плечи, стараться не кашлять и не чихать. Еще и въ настоящее время изобрѣтаются и патентуются всевозможные аппараты для предотвращенія обратнаго вытеканія сѣмени. Едва ли можно допустить, чтобы это явленіе дѣйствительно могло быть причиной женскаго безплодія, такъ какъ задержаніе сѣмени во влагалищѣ никакъ не можетъ привести къ оплодотворенію само по себѣ.

Въ огромномъ большинствѣ случаевъ причина женскаго безплодія коренится въ неправильномъ положеніи или въ ненормальныхъ сращеніяхъ внутреннихъ органовъ брюшной полости.

Однимъ изъ наиболѣе часто встрѣчающихся неправильныхъ положеній является перегибъ матки назадъ. Въ нормаль-

номъ состояніи этотъ органъ имѣетъ видъ груши, нѣсколько сдавленной спереди назадъ; своей продольной осью онъ слегка наклоненъ кпереди, такъ что эта ось, если мысленно продолжить ее, прошла бы къ передней стѣнкѣ живота у самаго пупка (рис. 277); бываетъ же нерѣдко, что тѣло матки какъ бы ущемляется у шейки и перегибается кзади въ направленіи крестца (рис. 278). При такомъ перегибѣ беременность все же иногда наступаетъ, какъ показываетъ опытъ, но случается это рѣдко; въ общемъ же, такой перегибъ являтся препятствіемъ къ беременности, и опытъ убѣждаетъ также, что женщины, долго страдавшія безплодіемъ, тотчасъ становятся способными къ зачатію, едва матка вправлена и приняла нормальное положеніе. Впрочемъ, подобный перегибъ матки безъ измѣненія остальныхъ внутреннихъ половыхъ органовъ случается, повидимому, только тогда, когда стѣнка матки сильно ослабѣла; такъ какъ это явленіе бываетъ обыкновенно только послѣ нѣсколькихъ перенесенныхъ родовъ, то самый перегибъ рѣдко бываетъ причиной безплодія въ полномъ смыслѣ этого слова, большей же частью онъ бываетъ только причиной меньшей плодовитости, заключающейся въ томъ, что женщина, послѣ первыхъ же родовъ, или послѣ двухъ-трехъ родовъ, утрачиваетъ способность рожать.

Очень часто причиной безплодія женщины бываютъ сращенія органовъ въ брюшной и, въ особенности, въ тазовой области. Если такія сращенія возникаютъ раньше первой беременности, то они влекутъ за собой п о л н о е б е з п л о д і е; если же они развиваются послѣ уже перенесенныхъ однихъ или нѣсколькихъ ро-

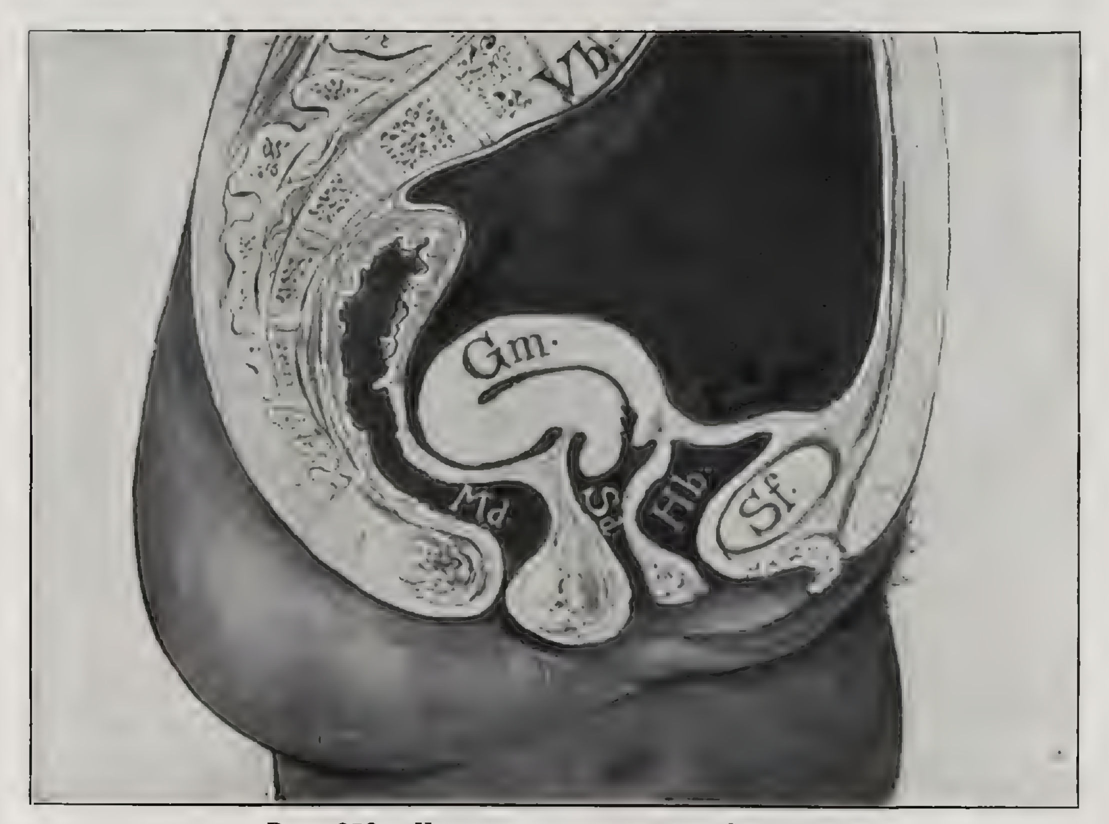

Рис. 278. Неправильное положеніе матки.

довъ, то имѣютъ послѣдствіемъ только то уменьшеніе плодовитости, о которомъ мы говорили. Названныя сращенія происходятъ отъ того, что изъ брюшины при каждомъ воспаленіи выпотѣваетъ особая бѣлковая жидкость, имѣющая молочный цвѣтъ или похожая на гной, которая мало-по-малу послѣ прекращенія воспаленія дѣлается болѣе плотной, становясь при этомъ все болѣе и болѣе клейкой. Вслѣдствіе этого, тѣ или иные внутренніе органы брюшной полости какъ бы склеиваются между собою и промежутки между ними исчезаютъ. Но воспаленіе брюшины имѣетъ ту своеобразную особенность, что въ эти мѣста сращенія задаются тончайшіе кровеносные сосуды брюшины и даютъ здѣсь новыя развѣтвленія; вокругъ этихъ новыхъ кровеносныхъ сосудовъ образуется нѣжная, почти паутинообразная ткань, содержащая еще вначалѣ большіе промежутки, наполненные болѣе или менѣе водянистой жидкостью.

Уже самая эта новообразовавшаяся ткань, прорѣзанная вдоль и поперекъ тонкими кровеносными сосудами, можетъ сдѣлаться при нѣкоторыхъ условіяхъ причиной безплодія женщины. И въ самомъ дѣлѣ, мы видимъ часто, что она затягиваетъ собой всю поверхность яичниковъ, откуда хирургъ при вскрытіи брюшной полости можетъ вытянуть ее въ видѣ тонкой кожицы. Вотъ эта-то тоненькая, но довольно упругая перепонка можетъ, повидимому, воспрепятствовать лопанію уже зрѣлыхъ Граафовыхъ пузырьковъ, а слѣдовательно, и выходу изъ яичника зрѣлаго яйца, долженствующаго оплодотвориться. Мало-помалу, Граафовы пузырьки, не имѣвшіе возможности лопнуть, начинаютъ, повидимому, давить на лежащія между ними составныя части яичника и такимъ образомъ нарушаютъ питаніе и всю жизнедѣятельность яичниковъ. Подобнымъ же образомъ образовавшаяся при воспаленіи перепонка затягиваетъ и тѣ бахромчатыя ворсинки, которыми усаженъ брюшной раструбъ Фаллопіевой трубы, т. е. воронкообразное отверстіе, связывающее яйцеводы съ брюшной полостью. При этомъ бахромки склеиваются между собой — и тѣ, которыя расположены рядомъ, и тѣ, которыя расположены другъ противъ друга, — внѣдряются внутрь, пока наконецъ отверстіе сообщающее яйцеводъ съ брюшной полостью становится совершенно непроходимымъ. Если это случится съ обѣихъ сторонъ, то ни сѣмя не можетъ пробраться къ яйцу, ни яйцо навстрѣчу сѣмени, и тогда оплодотвореніе становится абсолютно невозможнымъ.

Иногда воспаленіе брюшины приводитъ къ еще болѣе сложнымъ измѣненіямъ. Вмѣсто нѣжной кожицы образуются мало-по-малу очень плотныя, нелегко поддающіяся разрыву пленки, и происходящее въ нихъ сморщиваніе волоконъ можетъ произвести значительное измѣненіе положенія внутреннихъ органовъ. Самая матка можетъ быть перемѣщена и укрѣплена въ необычайномъ и крайне для нея неблагопріятномъ положеніи, могутъ и яичники совершенно зарыться въ широкія маточныя связки, или же срастись съ толстой кишкой и укрѣпиться гдѣ-нибудь далеко отъ своего нормальнаго мѣстонахожденія (рис. 279). При этомъ, вдобавокъ, грибки, вызвавшіе первоначальное возникновеніе воспаленія брюшины, являются отчасти возбудителями нагноеній; они могутъ вызвать болѣе или менѣе круп-

ныя скопленія гноя на поверхности или внутри органа и этимъ создать сильныя разстройства его. Неудивительно поэтому, что женщина, которую постигла эта болѣзнь, — помимо многихъ другихъ опасностей и страданій, съ которыми это сопряжено, — почти всегда становится безплодной.

Прежде всего здѣсь надо замѣтить, что подобныя воспаленія брюшины возникаютъ вслѣдствіе зараженія трипперным ядомъ путемъ половыхъ сношеній. Женщины, живущія безпутно въ незамужнемъ состояніи, чрезвычайно часто становятся безплодными вслѣдствіе пріобрѣтеннаго такимъ образомъ зараженія; но, къ сожалѣнію, не только такія женщины, а очень многія, вступившія въ бракъ дѣвственными, очень скоро заражаются отъ

Изъ „Оперативной гинекологіи" Келлея. Фотографія Д. Аппльтона и К° въ Нью-Іоркѣ.

Рис. 279. Матка, обросшая пленками, съ замкнутыми и наполненными жидкостью яичниками.

молодого мужа. Дѣло въ томъ, что трипперъ и у мужчины совсѣмъ не такая невинная болѣзнь, какъ многіе думаютъ. Очень часто, даже послѣ его излѣченія, — настолько, что человѣкъ не испытываетъ никакихъ страданій и даже врачъ съ трудомъ можетъ найти его слѣды, — остается легкій катарръ слизистыхъ оболочекъ мужскихъ половыхъ органовъ, въ выдѣленіяхъ которыхъ еще сохраняются способные произвести заразу микроорганизмы. Этимъ объясняется, что даже молодые люди, убѣжденные, что вылѣчились безслѣдно отъ пріобрѣтенной за нѣсколько лѣтъ до брака болѣзни, все же могутъ заразить ею свою молодую жену. Иногда у женщины появляется еще въ теченіе такъ называемаго медоваго мѣсяца воспаленіе брюшины, которое иногда и не причиняетъ особенно замѣтныхъ страданій. Иногда же беременность успѣваетъ наступить раньше, и только послѣ родовъ заразное начало попадаетъ черезъ матку и яйцеводы въ брюшную полость и тамъ уже производитъ тѣ измѣненія, которыя причиняютъ безплодіе.

Впрочемъ, катарральныя заболѣванія кишечника и мочевого пузыря также могутъ вызвать воспаленіе брюшины. Образъ жизни женщинъ, въ особенности въ городахъ, обусловливаетъ собой то, что онѣ еще съ раннихъ лѣтъ отучаются опораж-

нивать кишечникъ въ тотъ самый моментъ, когда чувствуется потребность. Отчасти въ этомъ виновато еще крайне скверное устройство отхожихъ мѣстъ въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ; часто эти мѣста крайне неопрятно содержатся также и въ мастерскихъ и на фабрикахъ. На улицахъ еще недавно совсѣмъ нельзя было найти, даже въ самыхъ большихъ городахъ, отхожихъ мѣстъ для женщинъ, да и теперь ихъ еще очень мало, а въ маленькихъ городахъ и совсѣмъ нѣтъ и до сихъ поръ. Между тѣмъ для женщинъ они еще нужнѣе, такъ какъ женщины не рѣшатся, подобно мужчинамъ, заходить для отправленія естественныхъ нуждъ въ первый попавшійся клозетъ. Накопецъ, эта привычка создается еще и вслѣдствіе стыдливости, удерживающей женщинъ отъ удаленія для естественной надобности, когда онѣ бываютъ въ обществѣ или въ гостяхъ. Все это вмѣстѣ взятое дѣлаетъ то, что хроническіе запоры стали самымъ обычнымъ и распространеннымъ явленіемъ у нашихъ женщинъ, а это почти неизбѣжно влечетъ за собой то, что очень многія дѣвицы заболѣваютъ болѣе или менѣе серьезнымъ воспаленіемъ кишечника. Это не считается, правда, опаснымъ, и, въ большинствѣ случаевъ, врачъ, дѣйствительно, въ два-три дня избавляетъ отъ болей. Но нерѣдко во время этихъ неопасныхъ заболѣваній уже начинаются тѣ выпотѣванія въ брюшинѣ, которыя вызываютъ вышеописанныя разстройства. Не всегда эти разстройства сразу же сказываются болями или другими непріятными ощущеніями; иногда появляются, правда, разстройства менструаціи и другія болѣзненныя явленія, но на нихъ обращаютъ мало вниманія. А между тѣмъ все это можетъ имѣть въ конечномъ результатѣ безплодіе.

Изъ всего изложеннаго ясно видно, что причины безплодія такъ многообразны и часто такъ трудно распознаваемы, что даже медицинская наука, не говоря уже о профанахъ, бродитъ почти ощупью, впотьмахъ, въ вопросѣ о средствахъ его лѣченія. Естественно, что вслѣдствіе этого здѣсь открывался широкій просторъ суевѣріямъ всякаго рода. Винили въ этомъ отчасти колдовство, отчасти вліяніе злыхъ духовъ и карающихъ божествъ. А это, въ свою очередь, приводило, разумѣется, къ примѣненію всевозможныхъ амулетовъ и заговоровъ къ стремленію обезвредить эти сверхъестественныя вліянія. Искренняя религіозность подсказывала обращеніе къ божеству съ молитвами и приношеніемъ жертвъ, сопровождавшееся порой нѣкоторыми обрядами, представляющимися на нашъ взглядъ непристойными.

Древніе греки ожидали въ такихъ случаяхъ помощи больше всего отъ Гермеса. Первоначально Гермесъ изображался, какъ мы можемъ видѣть на архитектурныхъ памятникахъ, въ довольно примитивномъ видѣ: въ видѣ четырехугольнаго столба, верхній конецъ котораго переходитъ въ человѣческую голову. Но на этихъ изображеніяхъ Гермеса, какъ свидѣтельствуютъ сохранившіяся части, помѣщались приблизительно на серединѣ столба еще изображенія мужскихъ половыхъ органовъ, — и по рельефамъ (рис. 280), сохранившимся до нашего времени отъ древности, можно заключить, повидимому, что при моленіяхъ, возносившихся этому богу, безплодныя женщины дѣлали довольно

непристойное употребленіе изъ этой подробности. Подобную же роль игралъ древне-римскій богъ Мутинусъ. У грековъ богиней женскаго плодородія считалась Деметра, которой у римлянъ соотвѣтствовала Церера; но и тутъ, по крайней мѣрѣ во время цереалій у римлянъ и элевзинскихъ празднествъ у грековъ, устраивавшихся въ честь этихъ богинь, царила большая половая разнузданность.

Соотвѣтственно римской Церерѣ, у католиковъ считается покровительницей плодородія Дѣва Марія. Безплодныя женщины отправляются по обѣту на поклоненіе посвященнымъ ей святымъ мѣстамъ, принося ей въ даръ восковыя фигуры жабъ, считающихся символомъ матки. Исповѣдующіе исламъ считаютъ дѣйствительнымъ средствомъ противъ безплодія частое чтеніе третьяго стиха Корана, потому что въ немъ говорится о Ганнѣ (или Аннѣ), матери Дѣвы Маріи, которая также была милостью Божіей избавлена отъ безплодія.

Трудно точно разграничить религіозные обряды и мнимыя чисто лѣкарственныя средства. У кельтовъ, напримѣръ, женщина, стремящаяся избавиться отъ безплодія, глотаетъ порошокъ, изготовленный изъ бѣлоягодной омелы; но чисто лѣкарственнымъ средствомъ этого нельзя считать потому, что омела вообще считается у кельтовъ священнымъ растеніемъ, дѣйствительнымъ будто бы и противъ многихъ случаевъ колдовства. То же надо сказать и о мандрагорѣ и мужскомъ корнѣ (или адамовой головѣ), которые считались прежде въ Германіи, а въ Персіи и теперь еще считаются средствомъ противъ безплодія и въ то же время играютъ роль и въ другихъ суевѣрныхъ обычаяхъ.

Такимъ образомъ, по народнымъ вѣрованіямъ, существуетъ много средствъ противъ безплодія, обладающихъ будто бы способностью побѣждать половую невоспріимчивость женщины; таковы, напр., имбирь, амбра и др. Едва ли есть хоть одинъ народъ въ мірѣ, который не вѣрилъ бы въ какія-нибудь средства или вещества, возбуждающія половое влеченіе; между ними встрѣчаются иногда и очень противныя, — въ Камчаткѣ, напримѣръ, для возбужденія половой чувственности ѣдятъ пауковъ. У насъ, какъ извѣстно, наряду съ шпанскими мухами, ванилью, корицей и мускусомъ, такимъ возбуждающимъ средствомъ считаются устрицы. Едва ли, однако, во всѣхъ этихъ средствахъ имѣется что-нибудь специфическое, за исключеніемъ развѣ того, что обильное, благодаря пряностямъ, поглощеніе питательныхъ блюдъ усиливаетъ также и половую возбудимость. Вѣроятно, по тѣмъ же соображеніямъ въ Австраліи мясо кенгуру считается средствомъ противъ безплодія.

Прекращеніе менструацій, если онѣ появлялись ранѣе правильно, считается доказательствомъ беременности; если же онѣ прекращаются безъ беременности и на болѣе или менѣе долгое время, то это также считается причиной безплодія; а такъ какъ это явленіе наблюдается обыкновенно при сильномъ малокровіи, то почти всѣ тѣ средства, съ помощью которыхъ борются съ малокровіемъ, можно разсматривать также какъ средства противъ безплодія. Этимъ объясняется то, что многіе желѣзистые источники пользуются репутаціей цѣлительности противъ безплодія, хотя, въ дѣйствительности, имъ слишкомъ довѣряться нельзя.

На дѣлѣ, почти всѣ такія средства, — не только суевѣрныя, но и медикаменты и цѣлебные источники обманываютъ ожиданія. И разумѣется, они безусловно не заслуживаютъ довѣрія въ тѣхъ случаяхъ, когда причиной безплодія является одно изъ тѣхъ механическихъ препятствій, о которыхъ мы говорили.

Особенно въ тѣхъ случаяхъ, — а такіе всего чаще встрѣчаются, — когда женское безплодіе зависитъ отъ происшедшаго сращенія внутренностей, безусловно немыслимо ожидать, чтобы какое-нибудь изъ этихъ средствъ могло разрушить описанныя выше тоненькія кожистыя сращенія. Но вполнѣ вѣроятнымъ пред-

По фотографіи акціонернаго издательства Ф. Брукмана въ Мюнхенѣ.

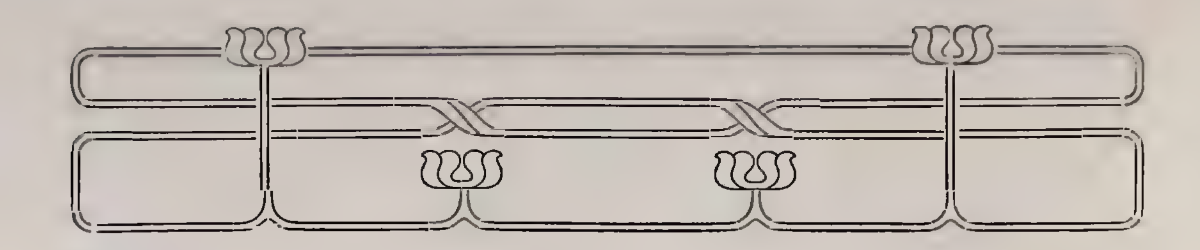
Рис. 280. Гермесъ.

Античный рельефъ въ королевской глиптотекѣ въ Мюнхенѣ.

ставляется, что правильнымъ массированіемъ живота этого возможно достигнуть, — и дѣйствительно, многіе врачи-гинекологи, заслуживающіе полнаго довѣрія, подтверждаютъ, что достигали съ помощью массажа успѣха. Правда, этотъ способъ лѣченія утомителенъ и дорогъ; такой массажъ можно довѣрить только врачу; въ рукахъ другихъ лицъ онъ можетъ грозить серьезнымъ вредомъ и опасностью; кромѣ того, для достиженія успѣха этотъ массажъ надо производить, повидимому, приблизительно недѣль шесть по четверти часа ежедневно, и все же съ твердой увѣренностью предсказать успѣхъ нельзя. Къ тому же, не всякая молодая женщина можетъ согласиться на это, такъ какъ при такомъ массажѣ врачу приходится вводить два пальца одной руки въ половыя части и другой рукой дѣлать движенія, растирая брюшные покровы.

Зато очень легко отдѣлить всѣ такія сращенія, ведущія къ

безплодію, если вскрыть хирургическимъ путемъ брюшную полость больной. Въ прежнія времена, ради одного только излѣченія безплодія, боялись рисковать такой радикальной и тогда еще опасной операціей. Въ настоящее время опасность вскрытія брюшной полости (въ особенности когда дѣло идетъ о простыхъ остаткахъ давно вылѣченной болѣзни) такъ невелика, что очень многія женщины, — особенно изъ тѣхъ круговъ, въ средѣ которыхъ безплодная жена все еще подвергается нѣкоторому презрительному отношенію, — охотно рѣшаются на подобную операцію. И результаты ея, насколько я могу судить по своимъ личнымъ опытамъ, очень удовлетворительны.

Глава четвертая.

Половая жизнь женщины.

(Д-ръ Іоганна Эльберскирхенъ, Альстеръ близъ Бонна.)

Смыслъ и сущность полового инстинкта.

Для полученія правильнаго и яснаго понятія о половой жизни женщины необходимо предварительно попытаться уяснить себѣ, что такое „половой инстинктъ“, такъ какъ этотъ инстинктъ составляетъ причину и главную основу половой жизни и дѣятельности.

Взгляды на смыслъ и сущность полового инстинкта болѣе или менѣе расходятся. Одни характеризуютъ его не очень глубоко, какъ инстинктивное стремленіе организма освободиться отъ лишнихъ веществъ, ставя его, такимъ образомъ, на одинъ уровень съ другими чисто тѣлесными инстинктами — освободиться отъ лишнихъ веществъ, скопляющихся въ мочевомъ пузырѣ или въ кишечникѣ. Другіе усматриваютъ въ немъ стремленіе къ размноженію, или, какъ характеризуетъ его Крафтъ-Эбингъ въ своемъ знаменитомъ сочиненіи о болѣзненныхъ проявленіяхъ полового инстинкта, — какъ „стремленіе къ сохраненію вида“. Другая группа ученыхъ, къ которой принадлежатъ, напримѣръ, Эйленбургъ, Гегаръ, Левенфельдъ и Нэкке, смотрятъ на него нѣсколько глубже и характеризуютъ его какъ „импульсъ (побужденіе) къ размноженію“. Всѣ эти опредѣленія не согласуются съ сдѣланными мною наблюденіями и опытами. Всѣ они говорятъ главнымъ образомъ о дѣйствіи и о результатѣ нормальнаго удовлетворенія полового инстинкта, но ничего не говорятъ о самой сущности и причинѣ его.

Народы древняго міра разсматривали половой инстинктъ и любовь какъ слѣдствіе божественнаго внушенія. Богъ Амуръ направлялъ свои стрѣлы въ сердца людей, и Венера, рожденная изъ пѣны волнъ морскихъ, была покровительницей любящей четы. Амуръ, сынъ Венеры, — часто изображаемый рядомъ съ ней, какъ, напр., на прелестной картинѣ Гвидо Рени (см. рис. на отд. стр.), — вербуетъ съ помощью своихъ могущественныхъ стрѣлъ все новыхъ и новыхъ питомцевъ для своей матери, богини любви.

Чтобы попытаться нарисовать себѣ ясную картину сущности полового инстинкта, необходимо прежде всего уяснить хорошенько самый процессъ размноженія и тѣ состоянія организма, которыя предшествуютъ удовлетворенію полового инстинкта. Размноженіе представляетъ собой результатъ соединенія двухъ клѣтокъ, — мужской и женской половыхъ клѣтокъ. Нѣтъ надобности останавливаться здѣсь подробнѣе на процессѣ

Венера и Амуръ.

Картина Гвидо Рени.

(По фотографіи Фр. Ганфштенгля въ Мюнхенѣ.)

этого соединенія, такъ какъ это уже изложено въ I главѣ I тома этого сочиненія.

Итакъ, необходимымъ условіемъ соединенія двухъ половыхъ клѣтокъ, т. е. условіемъ зачатія и размноженія, является тѣсное соединеніе наружныхъ половыхъ органовъ женщины и мужчины. Это соединеніе мы называемъ половымъ актомъ, или **совокупленіемъ**.

Совокупленіе всецѣло зависитъ отъ извѣстнаго, вполнѣ опредѣленнаго, нервнаго, душевнаго склада индивидуума и отъ опредѣленнаго устройства его половыхъ частей.

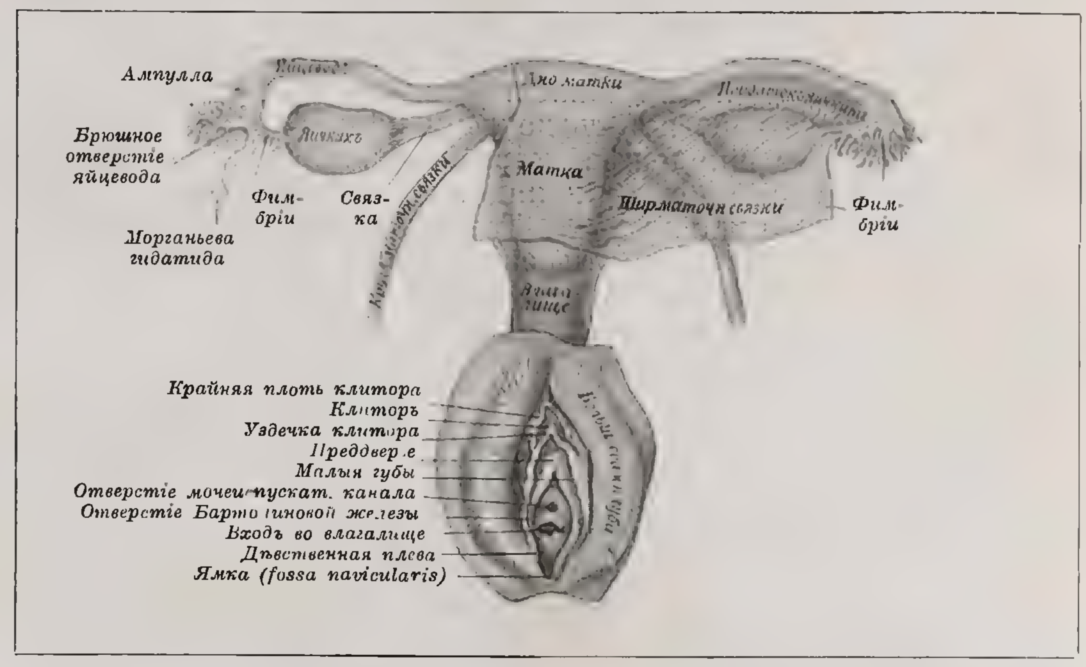
Особый душевный складъ индивидуума характеризуется особымъ возбужденнымъ состояніемъ, овладѣвающимъ всѣмъ существомъ индивидуума, извѣстнымъ напряженіемъ всѣхъ силъ организма. Это возбужденіе и напряженіе стремится разрядиться, разрѣшиться, и входятъ въ сознаніе индивидуума (въ болѣе или менѣе сильной степени, въ зависимости отъ индивидуальности) въ видѣ сильнаго влеченія къ другому индивидууму. Оно выражается въ болѣе или менѣе потребности, смотря по индивидуальности (или же по степени индивидуальнаго развитія), близости къ другому индивидууму. Такимъ образомъ, это влеченіе составляется изъ совокупности силъ двигательной и чувствовательной. У нѣкоторыхъ индивидуумовъ указанное состояніе возбужденія достигаетъ такой силы, что воспринимается какъ могущественная магнетическая сила, влекущая одного индивидуума къ другому. Въ то же время сила воспріятія можетъ обостриться до такой степени, что одинъ звукъ голоса, взглядъ, прикосновеніе другого индивидуума, къ которому испытывается влеченіе, способны потрясти всю нервную систему, весь организмъ, подобно электрическому току. Сказанное относится, согласно моимъ личнымъ наблюденіямъ и опытамъ, къ индивидуумамъ съ высоко развитыми чувствами, душевный міръ которыхъ чутко отзывается на внѣшнія раздраженія. Индивидуумы съ менѣе развитымъ внутреннимъ міромъ менѣе впечатлительны и сила воспріятія у нихъ достигаетъ меньшаго напряженія.

Большей или меньшей степени воздѣйствія одного индивидуума на другого, соотвѣтствуетъ различный предѣлъ индивидуальнаго выбора. Лица съ меньшей душевной впечатлительностью отличаются меньшей разборчивостью, ихъ влеченію удовлетворяетъ любой индивидуумъ того же вида и той же расы, къ которымъ принадлежатъ они сами. Лица же болѣе впечатлительныя бываютъ гораздо строже въ выборѣ, т. е. индивидуальнѣе, имъ недостаточно расовой общности; индивидуумъ, на которомъ можетъ остановиться ихъ выборъ, долженъ обладать опредѣленными физическими и духовными свойствами, вполнѣ гармонирующими съ ихъ собственными свойствами, предѣлъ ихъ выбора такъ тѣсенъ, что нерѣдко сводится къ одному опредѣленному индивидуальному типу.

Особый складъ половыхъ частей, обусловливающій актъ совокупленія, состоитъ въ томъ, что ткани половыхъ органовъ переполняются кровью, и это сопряжено съ извѣстнымъ болѣе или менѣе сильнымъ отдѣленіемъ слизи. У женщинъ ткань наружныхъ половыхъ органовъ становится при набуханіи рыхлой, у мужчины же половой членъ становится твердымъ и

упругимъ. Субъективно это состоянiе сказывается чувствомъ болѣе или менѣе сильнаго давленiя и напряженiя въ наружныхъ половыхъ органахъ, въ извѣстномъ возбужденiи. Напряженiе въ половой сферѣ вызываетъ въ индивидуумѣ вполнѣ опредѣленное стремленiе или влеченiе найти этому чувству исходъ или облегченiе. Это стремленiе сопровождается общимъ ощущенiемъ полового влеченiя и естественно направляется на другого индивидуума.

Вмѣстилищемъ чувства полового возбужденiя служатъ наружные половые органы, вся совокупность ихъ (см. рис. 281 и 282); всего же сильнѣе и опредѣленнѣе сказывается оно въ такъ называемыхъ пещеристыхъ тѣлахъ половыхъ частей. Оба пола обладаютъ такими пещеристыми тѣлами и даже одинаковыми. У женщины расположены два пещеристыхъ тѣла въ передней части влагалища (см. на рис. 281) съ обѣихъ сторонъ того мѣста, гдѣ располагаются малыя срамныя губы (рис. 281) и представляютъ собой толстыя, способныя къ набуханiю, венозныя сплетенiя. Другая пара пещеристыхъ тѣлъ образуетъ женскiй клиторъ (рис. 282).

Изъ „Анатомiи человѣка" Гейцмана.

Рис. 281. Женскiе половые органы.

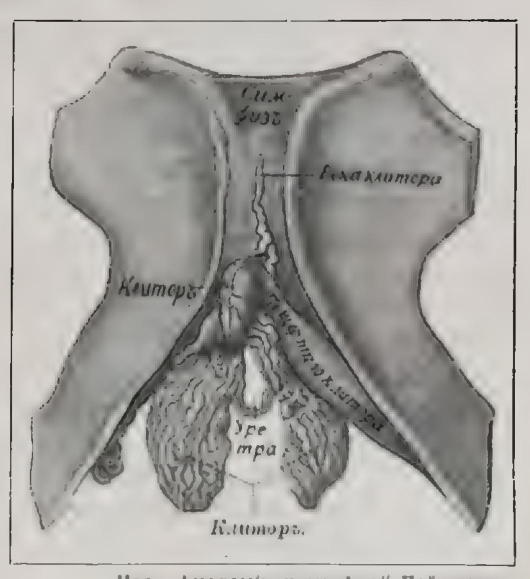
Сила полового влеченiя и сила совокупленiя соподчинены одна другой, т. е. взаимно обусловливаютъ другъ друга.

Путемъ совокупленiя достигается разряженiе накопившагося въ пещеристыхъ тѣлахъ напряженiя, т. е., слѣдовательно, разряжается напряженное состоянiе всей половой сферы и всего организма; это сопровождается чувствомъ удовольствiя, овладѣвающимъ всѣмъ существомъ. Это чувство облегченiя и общаго удовольствiя называется оргазмомъ. Ту разрѣшающую силу, которая порождаетъ означенное чувство, всего правильнѣе назвать силой полового влеченiя.

Состоянiе силы полового влеченiя, въ свою очередь связано съ тѣмъ состоянiемъ организма, которое называется половой зрѣлостью. Половая зрѣлость наступаетъ въ возрастѣ между двѣнадцатымъ и восемнадцатымъ годомъ жизни, смотря по сло-

женію, внѣшнимъ условіямъ и образу жизни; заканчивается развитіе половой зрѣлости приблизительно въ возрастѣ двадцати или двадцати одного года.

Начинающаяся половая зрѣлость характеризуется процессомъ созрѣванія и освобожденія женскихъ (или мужскихъ) половыхъ клѣтокъ и выходомъ ихъ черезъ половые пути наружу, пока не состоялось совокупленіе. Первая созрѣвшая и отдѣлившаяся половая клѣтка является нормальнымъ показателемъ полового развитія и подготовленности половой сферы къ совокупленію. Съ этого момента начинается зрѣлость и дѣятельность половыхъ частей вообще, — однимъ толчкомъ какъ бы приводится въ движеніе весь сложный механизмъ полового аппарата. Половые органы, не принимавшіе до тѣхъ поръ участія въ процессахъ развитія и роста всего организма, начинаютъ теперь расти, и въ то же время постепенно назрѣваетъ въ индивидуумѣ потребность въ любви и половое влеченіе.

Изъ „Анатоміи человѣка“ Гейцмана.

Рис. 282. Женскіе органы сладострастья.

Сила полового влеченія сказывается въ организмѣ раньше, чѣмъ стремленіе къ совокупленію, и сознаніе индивидуума, первоначально совершенно чуждое ясныхъ, непосредственныхъ половыхъ возбужденій, раньше проникается ею. Она выражается исключительно въ бурномъ и страстномъ влеченіи, чисто психическаго характера, къ другому лицу и складывается въ чувство страстнаго увлеченія, поклоненія, привязанности еще неиспорченныхъ наивныхъ юношей и молодыхъ дѣвушекъ другъ къ другу, или къ воспитателямъ и другимъ лицамъ, или же развивается въ горячую любовь къ природѣ, въ страстное увлеченіе религіей (если нѣтъ вокругъ лица, достойнаго возбудить къ себѣ симпатію и привязанность). Но мало-по-малу эта потребность привязанности или дружбы видоизмѣняется, по мѣрѣ того, какъ развивается половая зрѣлость, а съ нею и инстинктъ совокупленія. Этотъ послѣдній, очень смутный вначалѣ, по мѣрѣ зрѣлости все больше и больше переходитъ въ сознаніе, — первоначально въ видѣ общаго тревожнаго состоянія и смутнаго влеченія, пока наконецъ повязка совсѣмъ спадаетъ съ глазъ. Является опредѣленный объектъ, дѣйствующій какъ внѣшній возбудитель и толчекъ, всѣ увлеченія и дружбы переходятъ въ область подсознанія — врывается пылкая страсть, весь организмъ охватываетъ мощное, властное и сознательное стремленіе „къ нему“ или „къ ней“.

Въ этотъ періодъ, благодаря возникающимъ соприкосновеніямъ болѣе или менѣе интимнаго характера, къ инстинкту любви присоединяется мало-по-малу въ сознаніи, — вначалѣ еще, правда, не рѣзко выраженный, — инстинктъ совокупленія, и

только потомъ онъ ясно и опредѣленно связывается въ сознаніи съ самымъ чувствомъ любви. Первое совокупленіе, т. е. вообще самый актъ, наступаетъ, — если только не представляется къ этому внѣшнихъ препятствій, само собой, естественно рождаясь изъ инстинктовъ любви и совокупленія, какъ ихъ завершеніе, въ періодъ полной половой зрѣлости.

Половая зрѣлость, по самому существу своему, идетъ рука объ руку съ физической зрѣлостью всего организма. Когда процессъ роста формъ тѣла близится къ концу, наступаетъ процессъ полового созрѣванія, и завершеніе его совпадаетъ съ окончаніемъ процесса роста тѣла. Иными словами, — когда сила роста тѣла видимо исчерпывается и тѣло перестаетъ расти, только тогда вполнѣ развивается воспроизводительная сила и становится вполнѣ способной къ размноженію. На первый взглядъ можетъ показаться, что воспроизводительная сила вытѣсняетъ собой силу роста, на самомъ же дѣлѣ, она только рождается изъ нея, такъ какъ воспроизводительная сила есть та же сила роста. Надъ всѣмъ организмомъ до послѣдней его клѣтки властно царитъ сила роста; она по существу сила органическая, представляетъ собою свойство живого вещества и дѣйствуетъ всегда въ опредѣленной органической формѣ. Если форма завершена, какъ, напримѣръ, внѣшняя законченность тѣлесныхъ формъ, то сила роста не исчезаетъ, а только переноситъ свое дѣйствіе и творческую дѣятельность, сообразно потребностямъ организма: не имѣя возможности дѣйствовать въ прежнемъ направленіи, она начинаетъ дѣйствовать въ другомъ, начинаетъ создавать копіи съ оригинала, завершившаго свой ростъ, размножаетъ оригиналъ.

Эта истинная сущность воспроизводительной силы, какъ дальнѣйшій ростъ организма въ видѣ копій, какъ органическій процессъ повторенія формъ оригинала, всего яснѣе видна на организмахъ низшихъ, размножающихся еще не половымъ путемъ и, слѣдовательно, еще не очень сложныхъ. При дѣленіи индивидуумъ распадается на двѣ или больше частей, до такой степени похожихъ одна на другую, что материнскій и дочерній индивидуумъ невозможно отличить другъ отъ друга.

У болѣе развитыхъ индивидуумовъ этотъ процессъ, вслѣдствіе болѣе тонкой организаціи, болѣе или менѣе скрытъ. Здѣсь мы не видимъ немедленнаго и совершеннаго развитія копій, а только болѣе или менѣе совершенное предрасположеніе къ ихъ развитію въ видѣ образующихся зародышевыхъ почекъ или половыхъ клѣтокъ, появляющихся на опредѣленныхъ мѣстахъ родительскаго организма, потомъ отдѣляющихся и продолжающихъ развиваться. У индивидуумовъ, размножающихся не половымъ путемъ, зародышевыя почки и элементы размноженія бываютъ совершенно закончены, такъ что послѣ своего отдѣленія отъ родительскаго тѣла они нуждаются только въ полученіи питательныхъ веществъ, чтобы вполнѣ развиться въ организмъ, равный или подобный материнскому. Индивидуумы же, обладающіе половыми различіями, не могутъ достигать совершеннаго развитія въ видѣ половыхъ клѣтокъ, или, иначе говоря, образовать законченные зачатки своего организма въ половыхъ элементахъ. Несовершенство ихъ такъ велико, что они нуждаются еще въ соединеніи съ другой половой клѣткой, чтобы дальнѣйшее развитіе ихъ стало возможнымъ. Безъ соединенія съ другой половой клѣткой, она неспособна развиваться и обречена на смерть. Мало того, — ея несовершенство такого рода, что для дополненія ея недостаточно другой половой клѣтки того же индивидуума, а необходима клѣтка другого индивидуума, съ которой она должна слиться. А та клѣтка, которая способна быть дополненіемъ для первой, также

лишена возможности развиваться самостоятельно и также нуждается въ сліяніи съ другой клѣткой другого индивидуума, — и именно той, которой въ свою очередь не хватаетъ ея помощи, ея дѣятельности, ея энергіи роста. Обѣ эти несовершенныя клѣтки суть половыя клѣтки мужскія и женскія, существующія въ организмѣ мужчины и женщины.

Итакъ, половыя клѣтки отличаются отъ не половыхъ тѣмъ, что онѣ неспособны къ самостоятельному дальнѣйшему развитію и для полнаго роста и развитія нуждаются во взаимной помощи, дополняя одна другую, тогда какъ клѣтки не половыя обладаютъ самостоятельной силой роста и размноженія. Прямымъ результатомъ этого является дальнѣйшее различіе, — что изъ каждой не половой клѣтки развивается новый индивидуумъ, у существъ же, обладающихъ половыми различіями, для образованія новаго индивидуума необходимы двѣ клѣтки. Такимъ образомъ, существа болѣе высоко организованныя растутъ въ своихъ половыхъ клѣткахъ не какъ органическое цѣлое, а только какъ органическія половины, образующія вмѣстѣ новый индивидуумъ.

На основаніи вышеизложеннаго, мы можемъ объяснить половую зрѣлость какъ такое состояніе женскаго и мужского организма, во время котораго организмъ продолжаетъ свой ростъ въ половыхъ клѣткахъ и въ воспроизведеніи себя, — при которомъ энергія роста преобразуется въ энергію размноженія, но въ формѣ несовершенной, обусловливающей необходимость соединенія каждой данной клѣтки съ другой, т. е. женской половой клѣтки съ мужской, — чтобы могла вполнѣ проявиться воспроизводительная энергія.

Свойства организма, т. е. производительность и потребности его органовъ, объединяются въ его нервной системѣ и ею управляются. Производительность, или жизнедѣятельность, обусловливается раздраженіями, исходящими изъ нервной системы, тогда какъ потребности сами вліяютъ на нервную систему какъ раздражители. Потребность питанія, напримѣръ, производитъ раздраженіе въ головномъ мозгу, которое ощущается въ видѣ голода; это раздраженіе вызываетъ, въ свою очередь, во всемъ организмѣ движеніе, направленное на утоленіе голода. Подобное же явленіе наблюдается съ энергіей роста и размноженія въ періодъ половой зрѣлости: возникаетъ также потребность возмѣстить испытываемое лишеніе. И дѣйствительно, половая сфера начинаетъ чувствовать потребность въ питаніи, соотвѣтственно чему въ нервной системѣ появляется раздраженіе, ощущаемое какъ влеченіе одного пола къ другому. Это раздраженіе производитъ, въ свою очередь, во всемъ организмѣ движеніе, направленное на утоленіе этой потребности — пока не получитъ удовлетворенія, т. е. пока не угаснетъ раздраженіе. И совершенно такъ же, какъ желудочно-кишечное раздраженіе или движеніе, вызванное нервной системой, въ связи съ сложными чувственными функціями, безошибочно ведетъ къ удовлетворенію, — такъ же и половое раздраженіе или вызванная имъ работа организма, и также въ связи съ чувственными воспріятіями (зрѣнія, слуха, обонянія и осязанія), безошибочно указываютъ индивидууму путь, на которомъ возможно удовлетвореніе чувства полового влеченія. Этотъ путь ведетъ къ другому индивидууму, къ носителю другой половой клѣтки, могущей удовлетворить потребность роста своей клѣтки.

Возникающее вслѣдствіе этого движеніе въ организмѣ сказывается въ тѣхъ силахъ, которыя, какъ мы видѣли, являются при наступленіи половой зрѣлости, — въ потребности любви и

удовлетвореніи полового влеченія. Въ этихъ состояніяхъ отражаются со всей силой потребности организма и его отвѣтъ на получаемое раздраженіе — стремленіе утолить этотъ голодъ роста

Въ періодъ наивысшаго напряженія чувства полового влеченія всѣ силы организма направлены на другую особь, готовы тотчасъ неудержимо и со всею страстью отвѣтить на раздраженія и удовлетворить потребность, т. е. соединиться съ другимъ, дополняющимъ его индивидуумомъ, едва такой встрѣтится въ жизни, — совершенно такъ же, какъ при желудочномъ голодѣ, едва на-лицо окажется надлежащая пища. И какъ при желудочномъ голодѣ возбужденіе въ кишечномъ каналѣ и во всемъ организмѣ и самая властность потребности тѣмъ сильнѣе возрастаютъ, чѣмъ дольше организмъ не получалъ удовлетворенія, — точно такъ же и при голодѣ въ половой сферѣ. И какъ при желудочномъ голодѣ удовлетвореніе потребности, т. е. полученіе желанной пищи, вызываетъ во всемъ организмѣ чувство глубокаго удовлетворенія, — такъ и конечное удовлетвореніе полового влеченія, т. е. соединеніе обоихъ индивидуумовъ, или — точнѣе — обѣихъ половыхъ клѣтокъ, женской и мужской, — вызываетъ чувство полнаго успокоенія, чувство глубокаго покоя и благополучія во всемъ организмѣ. Этотъ процессъ соединенія и успокоенія выражается въ томъ состояніи, съ которымъ мы познакомились и которое разсматривали какъ результатъ силы любви и совокупленія и какъ моментъ, предшествующій зачатію и размноженію, именно какъ актъ совокупленія, сопряженный съ чувствомъ сладострастія и полового удовлетворенія.

Сила полового влеченія и инстинктъ совокупленія — представляютъ собой, слѣдовательно, составныя части одной и той же силы, стремящейся къ соединенію, и потому взятыя вмѣстѣ могутъ быть названы **соединяющей силой** (**конъюгаціонной энергіей**).

Такимъ образомъ, мы должны видѣть въ органахъ совокупленія и сладострастія не что иное, какъ органы или орудія инстинктовъ совокупленія и удовлетворенія полового влеченія, исходящіе изъ нервныхъ центровъ воспроизводительной силы.

Половыя железы, хотя и имѣющія существенное значеніе, также не слѣдуетъ разсматривать, какъ основные органы воспроизводительной силы, а только какъ переходную станцію отъ роста къ размноженію, подчиненную, однако, въ свою очередь, центральной станціи, т. е. тому мѣсту въ головномъ мозгу, которое завѣдуетъ воспроизводительной силой. Сила полового влеченія и инстинктъ совокупленія всюду встрѣчаются въ связи съ наличностью половыхъ различій, и органы совокупленія никогда не развиваются раньше развитія этихъ силъ. Воспроизводительная же сила существуетъ и безъ названныхъ обѣихъ силъ и безъ развитыхъ органовъ совокупленія, — а въ первоначальной стадіи развитія живыхъ существъ даже и безъ половыхъ железъ или клѣтокъ. Ставъ на эту точку зрѣнія, мы найдемъ вполнѣ понятными и простыми случаи, о которыхъ упоминаетъ Гавелокъ Эллисъ. По его словамъ, инстинктъ совокупленія можетъ сохранить всю свою силу или даже стать еще сильнѣе, даже въ такихъ случаяхъ, когда половыхъ железъ не было отъ рожденія.

Съ удаленіемъ половой железы и органовъ совокупленія, во-первыхъ, не утрачивается сила роста и размноженія, присущая, какъ основное свойство, живому существу, — во-вторыхъ, названная операція не разрушаетъ ни нервнаго центра этихъ функцій ни недостающей силы роста этимъ не замѣняетъ. Уничтожается при этомъ только промежуточная станція воспроизводительной силы и пути для непосредственныхъ половыхъ раздраженій. Но самыя раздраженія сохраняются вмѣстѣ съ центромъ, съ головнымъ мозгомъ, и мо-

гутъ проявиться въ организмѣ даже съ большей силой, такъ какъ естественные пути и естественныя препятствія отпадаютъ; иными словами, — они должны проявиться сильнѣе, когда сила роста, по завершеніи роста организма, не испытываеть совсѣмъ или не испытываетъ нормальнаго перехода въ силу воспроизводительную.

Принимая во вниманіе эти психо-физическія состоянія организма, я изложу свой взглядъ на обсуждаемый вопросъ въ слѣдующемъ объясненіи полового инстинкта. Половой инстинктъ есть въ основѣ своей сила соединяющая, составляющаяся изъ двухъ частей — полового влеченія и инстинкта совокупленія. Происхожденіемъ полового инстинкта или его причиной служитъ сила роста, т. е. воспроизводительная сила, и возникающая изъ нея потребность въ дополненіи этой силы, — удовлетвореніе полового влеченія. Соединеніе женскихъ и мужскихъ индивидуумовъ и порождаемое этимъ полное удовлетвореніе организма есть естественное индивидуальное дѣйствіе, необходимое индивидуальное слѣдствіе соединяющей силы; соединеніе же женскихъ и мужскихъ половыхъ клѣтокъ и взаимное удовлетвореніе, т. е. дополненіе, и возрожденіе его до степени полной воспроизводительной силы, есть естественное дѣйствіе и слѣдствіе соединяющей силы или полового инстинкта.

Половое чувство женщины.

Изъ всего вышесказаннаго видно, что половой инстинктъ (или половое влеченіе) есть психо-физическая дѣятельность, врожденно присущая всѣмъ индивидуумамъ — инстинктъ, потребность, совершенно такая же, какъ и принятіе пищи. Въ виду этого половой инстинктъ долженъ быть естественно присущъ и всѣмъ женскимъ индивидуумамъ, — въ полной мѣрѣ, въ нормальной формѣ и безъ какихъ бы то ни было ненормальныхъ или болѣзненныхъ явленій, такъ какъ ненормальность и болѣзненность суть формы вырожденія и никогда не могутъ быть здоровыми и дѣятельными формами развитія живого существа. Если мы встрѣчаемъ у женщины ненормальный или болѣзненный половой инстинктъ, то мы должны заключить изъ этого, что это явленіе — не свойственный женщинѣ отъ природы половой инстинктъ, не нормальный, а созданное культурой уклоненіе отъ нормы, обусловленное нездоровыми вліяніями культуры и условіями развитія, въ которыя культура поставила организмъ женщины, а при этомъ и ея половой инстинктъ.

Это заключеніе подтверждается не только естественно-научными данными, но и тѣмъ фактомъ, что когда женщина поставлена въ приблизительно естественныя условія, свободныя по возможности отъ культурнаго балласта, половой инстинктъ ея также выражается довольно нормально, безъ всякихъ уклоненій или болѣзненностей. Здѣсь я имѣю въ виду разсмотрѣть нормальную форму женскаго полового инстинкта, — всевозможныя же уклоненія отъ нормы и ихъ причины будутъ мною разсмотрѣны особо.

Прежде всего я нахожу нужнымъ выяснить, что слѣдуетъ разумѣть подъ выраженіемъ нормальная половая потребность. Именно въ этомъ пунктѣ царитъ жестокая путаница

понятій, особенно въ умахъ мужчинъ. Чѣмъ чаще проявляется и удовлетворяется половой инстинктъ, тѣмъ онъ естественнѣе, — таково приблизительно мнѣніе многихъ молодыхъ мужчинъ.

Всякая работа организма должна совершаться безъ всякаго усилія и труда и даже наоборотъ, съ опредѣленнымъ чувствомъ удовольствія и удовлетворенія и должна сопровождаться чувствомъ общей бодрости и силы; равновѣсіе организма не должно быть нарушено, — вотъ что единственно нормально! Если работа производится неохотно, съ чувствомъ неудовольствія, а тѣмъ болѣе отвращенія, если она оставляетъ послѣ себя недомоганія, боли, раздраженіе и уныніе, — то это несомнѣнный признакъ, что она ненормальна или болѣзненна. То же надо сказать и о половомъ инстинктѣ. Если его дѣятельность протекаетъ безъ усилія, съ чувствомъ большого удовольствія, если половой актъ оставляетъ послѣ себя чувство общаго удовлетворенія, подъема силъ въ организмѣ, — тогда и инстинктъ, и его работа здоровы, нормальны.

Когда развитіе половой зрѣлости женщины приближается къ концу, когда съ психическими половыми особенностями соединяются потребность любви, физическія половыя особенности, инстинктъ совокупленія, — вниманіе женщины начинаетъ обращаться на мужчину. Чувства ея, до тѣхъ поръ притупленныя и мертвыя въ половомъ отношеніи, пріобрѣтаютъ половой характеръ, растутъ мало-по-малу навстрѣчу мужчинѣ и женщина отзывается на исходящее отъ мужчины раздраженіе то сильнѣе, то слабѣе, смотря по силѣ этого раздраженія, — при чемъ вначалѣ она не отдаетъ себѣ отчета въ томъ, что это раздраженіе половое, и что это чувство въ ней вызываетъ именно мужчина. Но какъ ни безсознательно совершается вначалѣ этотъ процессъ, — чувства и душа отзываются однако сильно и явственно и дѣлаютъ вполнѣ опредѣленный выборъ, отвѣчая всею силой полового чувства на влеченіе именно къ данному мужскому индивидууму. Безусловно ошибочно думать, что пробудившееся въ женщинѣ половое чувство выражается влеченіемъ къ мужчинѣ, какъ таковому, — нѣтъ, оно выражается только влеченіемъ ея къ такимъ, а не инымъ мужчинамъ. Это обусловливается особенностями женской души. Чѣмъ выше, облагороженнѣе и развитѣе душевный міръ женщины, тѣмъ больше ея возбудимость носитъ характеръ психическаго углубленія, тѣмъ тѣснѣе узкій кругъ выбора для женщины, тѣмъ рѣже могутъ встрѣтиться ей мужчины, способные привлечь ее физически и психически, взволновать чувственность и душу ея. И наоборотъ: чѣмъ грубѣе женская душа, чѣмъ менѣе тонко она развита, тѣмъ легче привлекаетъ ее мужчина, тѣмъ шире кругъ ея выбора и тѣмъ болѣе чувственный, плотскій характеръ носитъ ея возбудимость.

Такимъ образомъ, нѣкоторые мужчины не оказываютъ никакого полового воздѣйствія на нѣкоторыхъ женщинъ. Ихъ прикосновенія, выраженія физической и душевной симпатіи вызываютъ даже вполнѣ опредѣленное чувство антипатіи и отвращенія, — тогда какъ другіе мужчины пробуждаютъ самыя бурныя волненія душевно-полового характера; часто при большой половой возбудимости для этого бываетъ довольно одного взгляда.

одного слова, мимолетнаго прикосновенія. Тогда словно повязка спадаетъ съ глазъ женщины и она вдругъ замѣчаетъ, что человѣкъ, пробудившій въ ней такую сильную симпатію, — мужчина.

Половое возбужденіе, послѣ бурнаго взрыва въ первую пору молодости и любви, имѣетъ свойство повторяться затѣмъ съ извѣстной правильной періодичностью. У здоровой женщины половое возбужденіе появляется вмѣстѣ съ ежемѣсячной менструаціей и бываетъ всего сильнѣе на третій и четвертый день, передъ самымъ окончаніемъ ея или тотчасъ послѣ ея окончанія; въ это время и чувство испытываемаго удовлетворенія бываетъ всего сильнѣе и организмъ не утомляется тогда, а напротивъ, замѣтно освѣжается и укрѣпляется. Въ первую пору бурнаго расцвѣта половой жизни женщины, половое возбужденіе появляется совершенно независимо отъ менструаціи и отъ соотвѣтствующихъ домогательствъ мужчины, исключительно какъ послѣдствіе половой зрѣлости съ одной стороны, и исходящихъ отъ любимаго мужчины психо-половыхъ раздраженій — съ другой. На женщину дѣйствуетъ вся личность мужчины, все его существо, даже его манера одѣваться, но больше всего линіи тѣла и въ особенности лица, особенности его улыбки, взгляда, движеній, — главнымъ образомъ же его душа, сказывающаяся во всемъ этомъ и характеризующая его собственную индивидуальность. Вотъ это-то состояніе порождаетъ ухаживаніе женщины за мужчиной.

Да, ухаживаніе женщины. Ухаживаетъ и домогается вовсе не только мужчина, а и женщина тоже. Только ея ухаживаніе вынуждено часто скрываться, не дерзаетъ проявиться открыто, подъ давленіемъ принятой морали или рѣзкаго осужденія этого какъ „неприличія“. Но это стремленіе существуетъ, и очень властное, и чѣмъ болѣе подавляется его активное проявленіе, тѣмъ съ большей силой оно прорывается у женщины. Такъ называемое кокетство женщины — тоже одна изъ формъ ухаживанія за мужчиной, — правда, уродливая иногда, благодаря лицемѣрному вліянію господствующей въ обществѣ морали, но все же безусловно соотвѣтствующая по существу вполнѣ опредѣленному половому возбужденію женщины.

Всякій видъ ухаживанія представляетъ собой мостъ, по которому устремляется половое чувство женщины къ мужчинѣ и мужчины къ женщинѣ. Ухаживаніе не служитъ никакой цѣли. Гавелокъ Эллисъ совершенно неправъ, утверждая, что ухаживаніе мужчины за женщиной имѣетъ цѣлью возбудить въ женщинѣ половое волненіе. Это состояніе, какъ было мною отмѣчено выше, уже существуетъ, какъ слѣдствіе, какъ вліяніе наступившей половой зрѣлости и половой обаятельности для нея даннаго мужчины; возбуждать его нѣтъ надобности. Ухаживаніе есть только психическое выраженіе этого состоянія, этихъ чувствъ, устремляющихся всей силой къ мужчинѣ (или женщинѣ), глубокой потребности душевнаго и физическаго удовлетворенія организма другимъ индивидуумомъ, выраженіе страстнаго желанія обладать любимымъ человѣкомъ (или любимой женщиной). Усиленіе полового возбужденія, которымъ сопровождается это взаимное ухаживаніе.

безусловно не представляетъ собой цѣли этого ухаживанія, а представляетъ только его необходимое слѣдствіе, результатъ того вліянія, какое оказываютъ другъ на друга мужчина и женщина.

Другимъ результатомъ ухаживанія является большее сближеніе между молодыми людьми, бывшими прежде чужими другъ другу; оно, такъ сказать, устраняетъ препятствія съ ихъ пути, опрокидываетъ преграды, на которыя могла бы наткнуться съ обѣихъ сторонъ взаимная половая обаятельность, — путь становится все

По фотографіи бр. Алинари во Флоренціи.

Рис. 283. Мессалина.

(Античн. скульптура въ муз. Уффици во Флоренціи.)

болѣе и болѣе свободнымъ, доступнымъ для взаимныхъ нервныхъ раздраженій, пока ухаживаніе не преодолѣетъ всѣ естественныя между людьми чужими препятствія, и взаимное вліяніе ихъ проявится во всей своей силѣ. Такимъ образомъ, ухаживаніе ни со стороны мужчины, ни со стороны женщины не имѣетъ цѣли, а производитъ только свое дѣйствіе: то, что половыя раздраженія свободнѣе развертываются съ обѣихъ сторонъ и могутъ обнаруживаться открытѣе и сильнѣе. Если какой-нибудь мужчина собственной личностью не представляетъ для женщины половой привлекательности, то ему не поможетъ никакое ухаживаніе; оно не возбудитъ въ женщинѣ, хотя бы и при наличности половой зрѣлости, полового волненія. Точно также ухаживаніе равнодушнаго мужчины не можетъ обратить на него стремленія

женщины къ совокупленію, хотя бы она и находилась въ состояніи полового возбужденія.

Когда половое возбужденіе достигнетъ извѣстной интенсивности, оно охватываетъ весь организмъ женщины однимъ единственнымъ желаніемъ, однимъ единственнымъ чувствомъ и стремленіемъ, передъ которымъ блѣднѣетъ все остальное: стремленіемъ къ совокупленію.

Непосредственно вслѣдъ за совокупленіемъ не остается никакого сладострастнаго ощущенія, — только нервное возбужденіе, которое быстро стихаетъ. Затѣмъ наступаетъ чувство удовлетворенія и покоя во всемъ организмѣ. При пробужденіи на другой день во всемъ организмѣ чувствуется бодрость и свѣжесть, и никогда не бываетъ слабости или угнетеннаго настроенія, — наоборотъ, весь организмъ испытываетъ самое бодрое настроеніе.

Таково, по моимъ наблюденіямъ, нормальное теченіе полового акта, — какъ у женщины, такъ и у мужчины.

Но совсѣмъ иное дѣло, если не исполнены нормальныя условія совокупленія: тогда оно совсѣмъ иначе протекаетъ и иное состояніе бываетъ послѣдствіемъ его. Если совершающіе его не вполнѣ бодры, или же совокупленіе совершается слишкомъ часто, съ помощью постороннихъ, искусственныхъ возбужденій (напр., подъ вліяніемъ алкоголя, непристойныхъ разговоровъ или чтенія, или съ помощью какихъ-нибудь манипуляцій); если совершающіе его находятся подъ вліяніемъ неблагопріятныхъ душевныхъ волненій (заботъ, горя и т. д.), или они ослаблены болѣзнью или плохимъ питаніемъ; если нѣтъ искренняго чувства между женщиной и мужчиной или его нѣтъ у одной женщины, — словомъ, если совокупленіе является слѣдствіемъ постороннихъ вліяній, а не естественнымъ результатомъ вспыхнувшихъ половыхъ влеченій, то весь половой актъ протекаетъ ненормально. Тогда для полученія извѣстнаго наслажденія, если оно вообще можетъ быть достигнуто, нужно крайнее напряженіе всѣхъ силъ организма. И при такихъ условіяхъ оно, въ дѣйствительности, никогда не достигается, а половой актъ оставляетъ послѣ себя незатихшее возбужденіе и чувство безпокойства, неудовлетворенности. Это состояніе тѣмъ сильнѣе, чѣмъ слабѣе былъ подъемъ силъ, естественное влеченіе, и чѣмъ большее, слѣдовательно, понадобилось напряженіе силъ организма для достиженія полнаго наслажденія.

И чѣмъ сильнѣе это напряженіе, тѣмъ слабѣе бываетъ чувство удовлетворенія. Подобное ненормальное, насильственное удовлетвореніе полового влеченія оказываетъ вредное дѣйствіе на организмъ: появляется неохота къ труду, отвращеніе ко всякой правильной дѣятельности, уныніе, угнетенное настроеніе, доходящее иногда до того, что жизнь становится въ тягость, — и въ то же время не прекращается безпричинная тревога, половое возбужденіе, наполняющее душу чувственными образами, жажда удовлетворенія и невозможность достигнуть его. По-истинѣ, печальное состояніе! Къ нему вполнѣ подходитъ латинская поговорка: „omne animal post coitum triste“ (всякое животное печально послѣ полового акта), — только ее надо закончить иначе: послѣ ненормальнаго полового акта. Слѣдуетъ упомянуть

еще, между прочимъ, о томъ, что это болѣзненное состояніе полового возбужденія, если оно длится болѣе или менѣе долго у женщины, приводитъ къ заболѣваніямъ половыхъ органовъ. Необходимымъ условіемъ нормальнаго, здороваго полового акта для женщины должна быть душевно-физическая готовность женщины къ нему.

Всякая иная половая жизнь нездорова и не даетъ радости.

Болѣзненныя уклоненія и ненормальныя проявленія женскаго полового инстинкта.

Подъ вліяніемъ многихъ культурныхъ условій естественный характеръ женскаго полового инстинкта можетъ исчезнуть и исказиться, а иногда даже болѣзненно видоизмѣняется. Эти болѣзненныя видоизмѣненія имѣютъ два главныхъ теченія: 1) ненормальное усиленіе полового инстинкта, такъ называемая нимфоманія (болѣзненная половая раздражимость), и 2) ненормальное ослабленіе полового инстинкта — слабая половая возбудимость или половая нечувствительность.

Настоящая нимфоманія представляетъ собой, какъ и у мужчины, состояніе болѣзненной половой возбудимости. Лица, одержимыя ею, страдаютъ неутолимой потребностью полового акта: всѣ ихъ желанія и помыслы направлены только въ эту сторону. На всякое самое легкое половое раздраженіе онѣ тотчасъ же реагируютъ взрывомъ полового чувства. Въ сущности, у нихъ никогда не прекращается половая потребность и, несмотря на ненормально частое удовлетвореніе, онѣ дѣйствительнаго удовлетворенія никогда не испытываютъ. Даже наоборотъ: чѣмъ больше и чаще онѣ предаются половому акту, тѣмъ сильнѣе становится ихъ потребность въ немъ, тѣмъ неутомимѣе жажда и тѣмъ ненасытнѣе, „неистовѣе“ становится женщина.

Нимфоманія всегда сопровождается болѣе или менѣе сильной невмѣняемостью. Нимфоманкѣ безразлично, кто бы ни былъ тотъ мужчина, съ которымъ она сближается, какъ для болѣзненно раздражимаго въ половомъ отношеніи мужчины безразлична всякая женщина. Главное для нихъ — возможность совершенія полового акта, на все остальное они не обращаютъ никакого вниманія. Моральнаго чувства такіе больные совершенно лишены, всѣ они — нравственно помѣшанные, особая психическая болѣзнь, извѣстная подъ спеціальнымъ англійскимъ терминомъ „moral insanity“. Душевный элементъ полового чувства, элементъ любви, почти совершенно отсутствуетъ. Но у современнаго мужчины болѣзненная половая раздражимость становится нерѣдко „нормальнымъ“ состояніемъ, тогда какъ у женщины она составляетъ явленіе исключительное. Женщинъ, страдающихъ настоящей нимфоманіей, сравнительно очень мало. Причиной болѣзни бываетъ почти всегда болѣе или менѣе сильное нервное разстройство на почвѣ тяжелой наслѣдственности, неблагопріятныхъ условій развитія и половыхъ излишествъ (въ видѣ ли онанизма и пр.).

Классическими образцами „мужененстовыхъ“ женщинъ — нимфоманокъ — служатъ: императрица Мессалина (38 г. послѣ

Р. Хр., см. рис. 283), славившаяся своей разнузданностью и отдававшаяся въ публичномъ домѣ всякому посѣтителю, никогда не чувствуя удовлетворенія; императрица Агриппина Младшая (рис. 284), дочь Агриппины Старшей и Германика, — она жила въ преступной связи со своимъ братомъ Калигулой и съ другими мужчинами; затѣмъ Поппея Сабина, супруга Нерона.

Изъ эпохи средневѣковья мы знаемъ по преданію Лукрецію Борджіа, какъ нравственное чудовище и неистово-ненасытную въ своихъ половыхъ желаніяхъ женщину.

По соч. Бернули „Römische Ikonographie".

Рис. 284. Статуя Агриппины Младшей.

Она была дочерью папы Александра VI; ее обвиняли въ кровосмѣсительной связи съ своимъ отцомъ. На могильной плитѣ ея поэтъ Саннацаро сдѣлалъ надпись: „Здѣсь покоится Лукреція по имени, но по жизни своей Өаида, дочь, жена и невѣстка Александра". Художникъ Каульбахъ также отмѣтилъ ея связь съ роднымъ отцомъ въ своей чудесной картинѣ, гдѣ она вакханкой пляшетъ передъ нимъ (рис. 285).

Разумѣется, отъ настоящихъ нимфоманокъ надо отличать тѣхъ женщинъ, у которыхъ былъ вначалѣ нормальный инстинктъ, но которыя, при вполнѣ нормальной потребности, были лишены возможности или случая получить нормальное удовлетвореніе ея и потому, вслѣдствіе насильственнаго воздержанія, впали съ теченіемъ времени въ состояніе болѣзненной половой раздражительности.

Такія женщины обнаруживаютъ часто въ отношеніи муж-

чинъ слишкомъ большую предупредительность, которая производитъ очень тяжелое впечатлѣніе. Это не нимфоманки, а голодныя, неудовлетворенныя женщины, лишенныя здороваго и правильнаго физическаго или умственнаго труда и потому лишенныя возможности наполнить чѣмъ-нибудь свою жизнь, обратить свои, бьющія черезъ край, но совершенно здоровыя силы организма на какую-нибудь физическую или умственную работу. Воспитаніе, наоборотъ, сосредоточивало ихъ всецѣло на интересахъ, вращающихся вокругъ мужчины, направляло всѣ силы на половую сферу, превращая ихъ, насколько только возможно, въ половыя силы. Затѣмъ, то же извращенное и неразумное воспитаніе приводитъ еще къ застоямъ и приливамъ крови къ поло-

Рис. 285. Лукреція Борджіа танцуетъ въ присутствіи своего отца.
(По картинѣ Г. Каульбаха).

вымъ органамъ и къ мозгу, которые ненормально повышаютъ половую возбудимость. И въ довершеніе всего, подобныя женщины не могутъ доставить себѣ нормальнаго удовлетворенія и обречены на воздержаніе. При такихъ условіяхъ, въ особенности при наличности дурной наслѣдственности, воздержаніе можетъ причинить различныя заболѣванія, въ родѣ истеріи и душевныхъ болѣзней. При нѣсколько иныхъ же условіяхъ, т. е. если женщина еще не извѣдала любви къ мужчинѣ и, слѣдовательно, недоступна еще вліянію половой привлекательности мужчины, если дѣвушки занимаются какимъ-либо дѣломъ, всецѣло захватывающимъ ихъ, совершаютъ нормальныя движенія и имѣютъ сравнительно здоровыя условія наслѣдственности, исключающія серьезную угрозу общей и половой нейрастеніей, — то онѣ могутъ справиться съ своей половой потребностью и воздержаніемъ (при условіи неупотребленія алкоголя), и воздержаніе не будетъ имѣть вредныхъ послѣдствій.

Другая основная форма болѣзненнаго измѣненія женскаго полового инстинкта — значительное ослабленіе его или слабая

половая чувствительность — заключается въ пониженіи стремленія къ половому акту и чувства сладострастія, до полной неспособности къ нимъ. Обыкновенно бываетъ ослаблено или усилено и то, и другое, но въ исключительныхъ, особо ненормальныхъ случаяхъ бываетъ усилено или ослаблено только одно изъ нихъ. Женщины съ ослабленнымъ чувствомъ сладострастья неспособны испытать полового удовлетворенія между тѣмъ. какъ сила любви у нихъ можетъ оставаться нормальной или даже усиленной. Хотя онѣ остаются совершенно равнодушными къ мужу въ половомъ отношеніи, онѣ все же могутъ окружать мужа самой сильной любовью, но любовь ихъ относится не къ мужчинѣ, а къ человѣку, къ другу, къ товарищу. А такъ какъ это несравненно цѣннѣе, то мужчинамъ положительно не слѣдовало бы дѣлать трагедію изъ того, что жена страдаетъ недостаточной половой воспріимчивостью. Вѣдь, въ концѣ концовъ, въ этомъ виновата не она сама, а особенность ея организаціи; и въ концѣ концовъ, это нисколько не свидѣтельствуетъ о недостаткѣ любви съ ея стороны, какъ склонны думать въ такихъ случаяхъ мужчины. Для нея самой это представляетъ гораздо большія страданія, въ особенности, если мужъ ненормально требователенъ и мучаетъ ее, — потому что для женщины, лишенной половой воспріимчивости (или съ слабой воспріимчивостью), половыя сношенія не только не привлекательны, а, конечно, тягостны и непріятны. При слабой половой воспріимчивости, органы обыкновенно не приспособлены для совокупленія, а это, разумѣется, тоже не можетъ сдѣлать полового акта пріятнѣе: онъ даже причиняетъ ей непріятныя физическія ощущенія, могущія сдѣлаться очень болѣзненными. Потомъ, — къ этому физическому мученію присоединяется обыкновенно еще душевное. Благодаря внушаемому дѣвушкѣ отвращенію къ половой жизни, женщина относится часто къ половымъ сношеніямъ какъ къ чему-то низменному и неприличному; съ особенной силой сохраняется это внушеніе въ душѣ женщины съ пониженной половой воспріимчивостью, такъ какъ въ своихъ половыхъ ощущеніяхъ она не находитъ этому противовѣса. Такимъ образомъ, для такой женщины половой актъ не только непріятенъ и мучителенъ, но вдобавокъ еще и отвратителенъ. Къ такимъ женщинамъ мужья должны были бы относиться во всѣхъ вопросахъ полового общенія крайне деликатно и бережно, если только они хотятъ избѣгнуть возникновенія и развитія опаснаго нервнаго заболѣванія.

Мои личныя наблюденія безусловно не подтверждаютъ взгляда доктора г-жи Фишеръ-Дюккельманъ, согласно которому женщины съ слабой половой воспріимчивостью бываютъ, большей частью, очень женственны по организаціи и часто очень хрупкаго тѣлосложенія. Мой опытъ убѣдилъ меня, что среди нихъ встрѣчаются организаціи самой различной степени женственности и тѣлосложенія.

Настоящая половая нечувствительность коренится, главнымъ образомъ, въ недостаточномъ развитіи женскихъ органовъ. Она неизлѣчима и не поддается никакимъ врачебнымъ усиліямъ. Причина недостаточнаго развитія сложная, — ее надо искать въ нездоровой наслѣдственности и неблагопріятныхъ условіяхъ раз-

витія. Въ виду важности этого вопроса, мнѣ ниже придется подробнѣе остановиться на немъ, въ связи съ тѣмъ фактомъ, что большинство авторовъ смѣшиваютъ половую нечувствительность женщины съ женской половой воспріимчивостью вообще.

Настоящей и неизлѣчимой половой нечувствительности надо противопоставить кажущуюся и пріобрѣтенную, съ которой возможно бороться, а при цѣлесообразномъ лѣченіи ее возможно и побороть. Кажущейся слѣдуетъ назвать такую нечувствительность, при которой нѣтъ на-лицо недостаточнаго развитія относящихся сюда органовъ, и женщина на самомъ дѣлѣ способна къ половому воспріятію — и не испытываетъ его только потому, что между женскими и мужскими органами данныхъ лицъ нѣтъ необходимаго соотвѣтствія: половые органы женщины и мужчины не подходятъ другъ къ другу. Но соотвѣтствіе есть необходимое условіе совершеннаго полового акта: половые органы женщины должны представлять совершеннѣйшій негативъ къ мужскому позитиву — мужскимъ половымъ органамъ, и наоборотъ. Если нѣтъ налицо этого условія, является слабость воспріятія. Соприкосновенія во время полового акта не достигаютъ нормально-необходимой степени и не въ состояніи вызвать соотвѣтственныя нормальныя раздраженія въ нервныхъ органахъ женщины, необходимыя для возникновенія чувства достаточнаго удовлетворенія. Несоотвѣтствіе такого рода можетъ происходить отъ того, что органъ мужчины, въ общемъ нормальнаго строенія, оказывается слишкомъ слабо или слишкомъ сильно развитымъ по отношенію къ влагалищу. Бываетъ также, что причина кроется въ строеніи влагалища или въ положеніи органовъ, — въ особенности, въ положеніи маточнаго зѣва, который бываетъ расположенъ слишкомъ высоко или слишкомъ низко, съ болѣе сильнымъ изгибомъ напередъ или назадъ и т. д. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ слабая воспріимчивость женщины, происходящая отъ особенностей положенія матки, можетъ быть, до извѣстной степени, устранена соотвѣтствующимъ положеніемъ тѣла во время полового акта.

Но кажущаяся слабая воспріимчивость можетъ имѣть и другую причину, чисто психическаго свойства. Если мужчина не умѣетъ подѣйствовать на личныя душевныя свойства женщины, пробудить въ ней любовь и заставить заговорить ея чувства, то и тѣло ея не пробудится и она не откликнется и физически. Когда душа женщины ничего не чувствуетъ и молчитъ, то молчитъ и тѣло, и полъ ея. Иными словами: женщина должна любить всей душой, чтобы быть способной любить тѣломъ, — это основное условіе. Исключенія, какъ и всюду, возможны.

Другой видъ половой нечувствительности, не врожденной, а пріобрѣтенной, которая можетъ появиться послѣ нѣсколькихъ лѣтъ супружества, происходитъ отъ общаго физическаго и полового переутомленія женщины. На женщинѣ лежитъ въ такихъ случаяхъ гораздо больше работы, чѣмъ на мужчинѣ; домашній трудъ по хозяйству требуетъ часто очень значительной затраты силъ, — во-первыхъ, потому, что самый характеръ домашнихъ работъ таковъ, что требуетъ вниманія и дѣятельности женщины

для многихъ разнородныхъ вещей почти одновременно. Во-вторыхъ, при многочисленной семьѣ, большомъ хозяйствѣ и недостаточномъ числѣ прислуги, женщина вынуждена работать съ ранняго утра до поздней ночи, безъ перерыва, безъ отдыха: она первая встаетъ и послѣдняя ложится, прислуживаетъ всѣмъ и самой себѣ, а ей никто не прислуживаетъ, или, во всякомъ случаѣ, это рѣдко бываетъ. Къ этому чрезмѣрному труду, котораго одного довольно, чтобы серьезно разстроить здоровье, — въ особенности если оно и было не вполнѣ въ порядкѣ, какъ это и бываетъ у большинства нашихъ женщинъ, — присоединяется еще половое переутомленіе, которому подвергаетъ женщину мужъ, благодаря своей усиленной (въ особенности, алкоголемъ) половой возбудимости. Нормальнымъ предѣломъ супружескаго общенія можно считать разъ въ недѣлю, — самое большое, два раза въ недѣлю; но есть мужья, которые требуютъ этого по три раза въ однѣ и тѣ же сутки, и это считаютъ еще умѣреннымъ. Бываютъ случаи, — къ счастью, исключительные, — когда мужъ принуждаетъ жену къ супружескому общенію до шести и даже до двѣнадцати разъ въ одну и ту же ночь. Изъ такого полового переутомленія, въ связи съ слишкомъ частыми, непосильными для женщины, родами и часто случающимися зараженіями жены мужемъ (трипперомъ, сифилисомъ), возникаютъ общая и половая нейрастенія, смѣщенія и тяжелыя воспаленія половыхъ органовъ, преждевременные роды, выкидыши, — которые, въ свою очередь, усиливаютъ слабость и ухудшаютъ воспаленія.

Отъ такого переутомленія и такихъ заболѣваній можетъ развиться ослабленная половая воспріимчивость.

Не мало женщинъ такъ прямо и отвѣчали мнѣ на вопросы по этому поводу: прежде, въ первые годы брака, это, дѣйствительно, было иначе, — но когда столько перенесешь и день-деньской безъ отдыха проработаешь, тогда совсѣмъ не до того, — рада бываешь, когда можешь, наконецъ, завалиться спать. И совершенно прямо и ясно заявляли, что теперь это имъ стало непріятно, и онѣ абсолютно ничего при этомъ не испытываютъ. Ничего нѣтъ удивительнаго! Когда весь многообразный и различный чрезмѣрный трудъ заставляетъ женщинъ рано увядать и стариться и часто совершенно разрушаетъ ихъ здоровье, когда переутомленіе истощаетъ и изсушаетъ источникъ ихъ жизненныхъ силъ, — разумѣется, не можетъ не изсякнуть и ихъ половая энергія, и женщина, поставленная въ такія условія, становится неспособной испытывать удовольствіе отъ супружескаго общенія. Такова участь многихъ женщинъ. А иные врачи торопятся говорить о недостаточной половой воспріимчивости женщины, которую они считаютъ явленіемъ „нормальнымъ", физіологическимъ состояніемъ женщины.

Онанизмъ есть половое самоудовлетвореніе при посредствѣ искусственнаго, механическаго раздраженія половыхъ органовъ, и распространенъ онъ среди женскаго, какъ и среди мужского пола, гораздо сильнѣе, чѣмъ обыкновенно думаютъ. Онъ встрѣчается даже въ очень раннемъ дѣтскомъ возрастѣ, но, правда, только какъ слѣдствіе внѣшнихъ вліяній, а не какъ слѣдствіе половыхъ раздраженій, которыя появляются только съ наступленіемъ половой зрѣлости.

Внѣшнія раздраженія производятся глистами и воспалительными процессами вблизи половыхъ частей или въ нихъ самихъ и тогда приводятъ къ удовлетворенію посредствомъ онанизма. Гораздо чаще, однако, чѣмъ обыкновенно думаютъ, толчекъ къ онанистическимъ раздраженіямъ и удовлетвореніямъ даютъ взрослые, которые позволяютъ себѣ легкомысленныя или преступныя прикосновенія къ половымъ частямъ дѣтей. Въ періодъ развитія поло-

вой зрѣлости и по наступленіи ея, въ половой сферѣ чувствуется такое давленіе и напряженіе, что очень часто подростокъ случайно производитъ треніе половыхъ органовъ, но такъ какъ это доставляетъ чувство удовлетворенія и наслажденія, то потомъ онъ уже начинаетъ производитъ это намѣренно и сознательно. Немалымъ распространеніемъ пользуется среди дѣтей-онанистовъ и соблазнъ со стороны товарищей и подругъ.

О чувственномъ удовлетвореніи при онанизмѣ можно сказать — если не вполнѣ, то почти — то же, что и о нормальномъ: если оно не вызывается извнѣ посторонними возбужденіями, — прикосновеніями, алкоголемъ, порнографическими книгами, картинами, зрѣлищами, а вытекаетъ естественно изъ повелительной внутренней потребности, подъ властью накопившейся зрѣлой половой энергіи, — то мы должны смотрѣть на него какъ на физіологическое разряженіе энергіи. Онанистическое удовлетвореніе — если только оно не стало привычнымъ и не практикуется чрезмѣрно, освобождаетъ организмъ отъ тягостнаго чувства давленія и, съ теоретической точки зрѣнія, могло бы производиться изрѣдка, съ большими промежутками, — поверхностное ли или глубокое — безъ прямого вреда для здоровья. Но дѣло то въ томъ, что, въ дѣйствительности, всякое самоудовлетвореніе превращается въ привычку, — а привычное и ведущее къ злоупотребленіямъ самоудовлетвореніе такъ же вредитъ, какъ и привычное и чрезмѣрное нормальное удовлетвореніе. Вотъ почему я высказываюсь за наивозможно большее ограниченіе онанистическаго удовлетворенія, такъ какъ оно таитъ въ себѣ для людей молодыхъ, не состоящихъ въ бракѣ, несравненно большую опасность, чѣмъ нормальное удовлетвореніе, — стать привычнымъ и чрезмѣрнымъ, а слѣдовательно, таитъ въ себѣ огромную опасность для здоровья.

Само собой разумѣется, что ребенка надо всѣми силами оберегать отъ онанизма и энергично бороться съ нимъ, если онъ обнаруживается. Для ребенка онъ крайне опасенъ и физически, и душевно. Послѣдствіемъ дѣтскаго онанизма неизбѣжно является ослабленіе организма, такъ какъ онъ еще не подготовленъ къ половой жизни и еще не располагаетъ совсѣмъ половой энергіей; затрачиваемыя силы отнимаются, слѣдовательно, отъ растущаго организма, отъ его душевнаго, умственнаго и тѣлеснаго роста и развитія — и этимъ создается зародышъ общаго и полового нервнаго разстройства и болѣзненной раздражимости. То же слѣдуетъ сказать и о привычномъ злоупотребленіи онанизмомъ у дѣвушекъ и женщинъ (такъ же какъ и мужчинъ). Злоупотребленіе приводитъ и взрослыхъ къ названнымъ заболѣваніямъ, а нерѣдко и къ воспалительнымъ процессамъ въ половыхъ органахъ, — въ особенности, если онанизмъ производится съ помощью постороннихъ предметовъ. Этотъ способъ онанизма слѣдуетъ безусловно отвергнуть, такъ какъ посторонніе предметы могутъ занести въ половые органы злокачественныхъ болѣзнетворныхъ микробовъ и довести половые органы и весь организмъ до тяжелыхъ воспаленій и заболѣваній.

Далѣе, привычныя злоупотребленія онанизмомъ могутъ вызвать притупленіе воспріимчивости женскихъ половыхъ органовъ къ нормальному половому акту и такимъ образомъ ослабить половую чувствительность въ нормальныхъ половыхъ сношеніяхъ, т. е. породить отвращеніе къ нормальному половому акту.

Слѣдуетъ упомянуть еще о томъ, что склонность къ онанизму, какъ утверждаютъ нѣкоторые авторы, можетъ передаваться наслѣдственно; вѣренъ или нѣтъ этотъ взглядъ, — мы здѣсь обсуждать этого не будемъ. Непомѣрная, непобѣдимая страсть къ онанизму должна быть поставлена на одной ступени съ нимфоманіей и представляетъ собой, какъ и она, не причину, а слѣдствіе какой-нибудь уже существующей нервной болѣзни, которая однако, въ свою очередь, значительно ухудшается отъ онанизма.

Другое ненормальное явленіе женской половой жизни представляетъ собой однополая, или гомосексуальная, любовь, которая означаетъ, какъ видно изъ самаго названія, склонность другъ къ другу лицъ одного и того же пола, т. е. женщины къ женщинѣ и мужчины къ мужчинѣ.

Но она очень рѣдко встрѣчается въ видѣ любви исключительно къ лицамъ своего пола; обыкновенно сохраняется также способность любви и къ другому полу, иногда только преобладаетъ любовь къ своему полу. Въ мою задачу не входитъ болѣе подробное разсмотрѣніе этого своеобразнаго явленія

въ половой жизни; отсылаю читателя къ главѣ XIII тома II настоящаго сочиненія („Болѣзненныя проявленія полового инстинкта“). Замѣчу только кратко, что однополая любовь глубоко коренится въ природѣ индивидуума, и съ ней такъ же безплодно бороться какими бы то ни было вліяніями, какъ и съ нормальной любовью и нормальнымъ половымъ инстинктомъ.

Однополую женскую любовь часто называютъ также „лесбійской“. Слово это произошло отъ названія острова Лесбоса въ Эгейскомъ морѣ, высоко-образованное населеніе котораго предавалось въ древности однополой любви. Однополая женская любовь бываетъ преимущественно (а нерѣдко и у мужчины) чисто душевнаго свойства, грубо-чувственный элементъ играетъ нерѣдко второстепенную роль, а въ иныхъ случаяхъ и вообще очень малую роль. Но, правда, нѣтъ недостатка и въ такихъ случаяхъ, когда грубая чувственность, физическая половая жизнь играютъ главную роль

Однополыя отношенія, практикующіяся въ закрытыхъ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ, женскихъ тюрьмахъ и другихъ мѣстахъ, гдѣ множество женщинъ вынуждено жить вмѣстѣ, лишенныя общества мужчинъ, представляютъ собой обыкновенно явленіе, возможное, по моему, только на почвѣ свойственнаго всѣмъ индивидуумамъ предрасположенія къ однополой любви и проявляющагося здѣсь вслѣдствіе отсутствія общенія съ мужчинами.

Причины слабой половой возбудимости женщины и преграды ея половому инстинкту.

Число женщинъ, отличающихся слабой половой возбудимостью, такъ велико (и по моимъ личнымъ наблюденіямъ также), что сложилось убѣжденіе, даже у людей науки, будто это состояніе естественное и нормальное для женщины. Нѣкоторые врачи доходятъ даже до такого утвержденія, что половое влеченіе — инстинктъ не врожденный у женщины, а пріобрѣтенный, и что природа снабдила его сильными преградами. Нѣкоторые авторы считаютъ естественныя проявленія половой зрѣлости и полового влеченія у женщины до перваго сношенія съ мужчиной ненормальными и болѣзненными.

Такъ, напр., берлинскій врачъ Адлеръ говоритъ въ своей книгѣ „Половое воспріятіе женщины“: „Почти всѣ авторы сходятся въ томъ, что половой инстинктъ (страсть, влеченіе, libido) женщины какъ при первомъ его возникновеніи, такъ и въ дальнѣйшихъ своихъ проявленіяхъ, значительно слабѣе мужского, что libido у женщины приходится надлежащимъ образомъ пробудить, а часто оно такъ и совсѣмъ не является“. — „Любовь мужчины носитъ наступательный, активный характеръ, любовь женщины — выжидательный, пассивный“. — „Искусство устранить эти помѣхи, пробудить половое влеченіе женщины, которое рѣдко бываетъ врожденнымъ, которое слабѣе и потому менѣе возбудимо — вотъ задача мужской индивидуальности“. — „У созрѣвшей дѣвушки полового влеченія нормально вообще не существуетъ“. — „Нормальный недостатокъ явнаго полового влеченія у зрѣлой дѣвушки мы разсматриваемъ, какъ послѣдствіе естественныхъ преградъ, коренящихся въ половыхъ опасностяхъ“. — „Надъ всей любовью женщины стелется, какъ выраженіе первоначальныхъ преградъ, легкій покровъ сдержанности, робости и пугливости“.

Фелингъ, профессоръ гинекологіи въ базельскомъ университетѣ, говоритъ въ одной рѣчи: „Совершенно ошибочна мысль, будто молодая женщина обладаетъ такимъ же сильнымъ влеченіемъ къ другому полу, какъ мужчина... Проявленіе чувственнаго элемента въ любви дѣвушки — явленіе прямо патологическое!“

Профессоръ Виндшейдтъ замѣчаетъ: „У нормальной женщины, въ особенности высшихъ классовъ, чувственный инстинктъ — явленіе пріобрѣтенное, а не врожденное. Въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ оказывается врожденнымъ или пробуждается самъ собой, мы имѣемъ дѣло съ аномаліей“.

Гавелокъ Эллисъ утверждаетъ въ своемъ сочиненіи о половомъ чувствѣ: „Половое влеченіе женщины (вообще, а не нѣкоторыхъ женщинъ. *Прим. авт.)* отличается довольно большой внѣшней пассивностью. Оно сложнѣе, прояв

ляется, менѣе внезапно, чаще нуждается во внѣшнемъ возбужденіи, а оргазмъ появляется медленнѣе чѣмъ у мужчины. Въ полной силѣ оно развертывается только послѣ наступленія правильнаго полового общенія. Предѣлы, за которыми начинаются излишества, достигаются не такъ легко, какъ у мужчины. Половая сфера обширнѣе и распредѣлена равномѣрнѣе, чѣмъ у мужчины", и т. д.

Адлеръ говоритъ еще слѣдующее въ своей книгѣ: „Боль въ половой системѣ есть прискорбная участь женщины и налагаетъ, быть можетъ, особый отпечатокъ на все женское половое влеченіе, отличающій его отъ мужского. Болью часто сопровождается первая же менструація женщины, тогда еще почти ребенка. Боли повторяются періодически при всякомъ новомъ недомоганіи... Съ болями, тошнотами и угнетеннымъ настроеніемъ протекаетъ часто большая часть беременности, болями сказываются первыя родовыя схватки, прогрессивно затѣмъ увеличиваясь... А если, вдобавокъ, такая мученица начинаетъ еще страдать внутренними болѣзнями, то вся жизнь ея можетъ превратиться въ сплошную цѣпь болей и страданій!"... „Въ виду такихъ угрозъ и опасностей, подстерегающихъ и опутывающихъ со всѣхъ сторонъ половую жизнь женщины, словно многоголовое чудовище, природа не могла не противопоставить имъ предохранительныя преграды". — „...И если мы даже предположимъ, что болѣзненная аномалія менструаціи есть только культурное явленіе вырожденія, — и тогда все же остается еще огромный процессъ родовъ со множествомъ грозныхъ и страшныхъ болей и опасностей" и т. д. — „...Женщина же несетъ, помимо описанныхъ мукъ отъ роста и созрѣванія ребенка до его рожденія, еще и душевныя заботы о его будущемъ, — ей приходится взращивать его и изыскивать нужныя средства, — и, въ довершеніе всего, ее подстерегаетъ на каждомъ шагу почти у всѣхъ народовъ существующее — явно или скрыто — презрѣніе къ внѣбрачному материнству. И естественная преграда, которую природа не могла не поставить женщинѣ противъ этихъ опасностей и дѣйствительно поставила..." и т. д. — „Природа хотѣла этимъ (т. е. слабой половой возбудимостью, задержкой полового инстинкта. *Прим. авт.*) сохранить женщинѣ индивидуальность любви и предоставить ей инстинктивное соединеніе съ мужчиной, которое, быть можетъ, и есть наилучшее и позволяетъ ожидать наиболѣе здороваго потомства".

Непредубѣжденному читателю сразу же станетъ ясно, что эти взгляды не могутъ быть результатомъ свободнаго отъ предвзятости научнаго изслѣдованія. Слишкомъ они для этого, прежде всего, построены на основѣ легенды о грѣхопаденіи и слишкомъ пропитаны, хотя и въ замаскированномъ видѣ, „моралиновой кислотой", по выраженію Ницше; потомъ, — они слишкомъ отдаютъ теоріей цѣлесообразности, вмѣсто того, чтобы оставаться на объективной почвѣ научной закономѣрности и законовъ причины и дѣйствія. Я не имѣю возможности входить здѣсь въ подробныя указанія всѣхъ фактическихъ неправильностей и противорѣчій въ вышеприведенныхъ утвержденіяхъ. Мнѣ приходится ограничиться однимъ главнѣйшимъ [2].

Прежде всего, еще нѣсколько вопросовъ: если женщина **нормально** не обладаетъ половымъ инстинктомъ, — какъ же она можетъ любить мужчину до полового соединенія съ нимъ? Какъ возможно самое это соединеніе, для осуществленія котораго необходимы вѣдь извѣстная предварительная подготовка которая въ свою очередь, можетъ создаться вѣдь **только** половымъ инстинктомъ? Что могло бы побудить женщину согласиться на актъ интимнаго сліянія, — принимая во вниманіе довольно сильную природную впечатлительность женщины и то, что воспита-

[1] Напрасно авторъ въ популярной статьѣ вступаетъ въ полемику съ извѣстными врачами. У него нѣтъ, какъ это видно изъ самой статьи, ни достаточно опыта, ни знаній, чтобы вести такую полемику. *Прим. ред.*

тельныя вліянія безусловно отвращаютъ ее отъ половой жизни? Все это вѣдь можетъ сдѣлать одна „любовь". А что же такое здѣсь любовь? Не что иное, какъ стремленіе къ мужчинѣ. Но это стремленіе, влеченіе, находится, какъ и у мужчины, въ тѣснѣйшей причинной связи съ раздѣленіемъ на полы, на женщину и мужчину, т. е. съ образованіемъ женскихъ и мужскихъ половыхъ клѣтокъ и половыхъ органовъ; оно вызывается, „пробуждается" путемъ развитія и созрѣванія ея индивидуальныхъ половыхъ органовъ и представляетъ собой половую любовь, которая никогда не встрѣчается безъ этихъ органовъ и безъ нихъ, по законамъ природы, и невозможна. (Ср. первый отдѣлъ настоящей главы „Сущность и смыслъ полового инстинкта".)

Болѣе или менѣе сильное проявленіе полового элемента въ любви молодой дѣвушки представляетъ собой просто естественно необходимое явленіе и служитъ выраженіемъ нормальной органической функціи. Степень, сила его проявленія — это уже дѣло индивидуальныхъ особенностей. Но само по себѣ оно, во всякомъ случаѣ, явленіе нормальное и представляетъ собою доказательство именно полового здоровья, а никакъ не болѣзни. Напротивъ, отсутствіе полового элемента въ любви женщины должно быть признано болѣзненнымъ или, по крайней мѣрѣ, ненормальнымъ уклоненіемъ, такъ какъ его отсутствіе несоединимо со смысломъ и сущностью половой любви.

Совершенно неумѣстно также, съ точки зрѣнія естественно-научной мысли — ставить нормальное состояніе женщины въ связь съ классовыми различіями. Оно совершенно не зависитъ отъ нихъ. Оно обусловливается чисто научными фактами, — зато именно ненормальное состояніе женщины зависитъ, дѣйствительно, отъ культурныхъ условій. Другими словами: нормальное состояніе женщины высшихъ классовъ абсолютно ничѣмъ не отличается отъ нормальнаго же состоянія женщины низшихъ классовъ, и если они чѣмъ и отличаются другъ отъ друга, то только по степени уклоненія отъ нормы. Но и независимо отъ этого: почему же половой инстинктъ нормальной женщины, „въ особенности" высшихъ классовъ, оказывается пріобрѣтеннымъ, а не врожденнымъ, — и почему же, слѣдовательно, у нормальной женщины другихъ классовъ онъ окажется скорѣе врожденнымъ, чѣмъ пріобрѣтеннымъ? Вѣдь это просто не имѣетъ никакого научнаго основанія, — это должно означать въ такомъ случаѣ, что нормальное состояніе женщины высшихъ классовъ заключается въ ея безполости. Но вѣдь онѣ обладаютъ половыми органами, а если онѣ обладаютъ ими то имѣютъ и половой инстинктъ, если только эти органы способны нормально функціонировать. Впрочемъ, инстинктъ всегда бываетъ врожденъ, а не пріобрѣтенъ, — въ томъ смыслѣ, что индивидуумъ не можетъ быть сегодня лишенъ какого-нибудь инстинкта, и вдругъ обрѣсти его, благодаря какому-нибудь поступку, совершенному имъ или другимъ надъ нимъ. Инстинкты врождены, присущи организму, они — составная часть его природы, и никогда еще какой-нибудь поступокъ не порождалъ инстинкта, а, наоборотъ, инстинктъ самъ порождаетъ поступки. Таковъ же и половой инстинктъ: онъ порождаетъ стремленіе къ общенію съ мужчиной, а не

общенie порождаетъ его. Слѣдовательно, это вовсе не аномалія, — то, что половой инстинктъ врожденъ и пробуждается самъ собой.

Но что вообще значитъ выраженіе „самъ собой“? Само собой ничего не дѣлается. Все имѣетъ свои причины, свои основанія, и пробужденіе полового инстинкта также имѣетъ ихъ. Причина его въ зрѣлости половыхъ органовъ и всего организма, и половой инстинктъ есть лишь необходимое, неминуемое слѣдствіе этой зрѣлости

Впрочемъ, Виндшейдтъ, употребляя выраженіе „пробуждается“, однимъ этимъ соглашается, хотя и безсознательно, что половой инстинктъ у женщины существуетъ, т. е. что онъ ей врожденъ, а не вселяется въ нее внезапно, словно волшебствомъ Ясно, что половой инстинктъ можетъ „пробудиться“ только въ томъ случаѣ, если онъ существуетъ, — гдѣ нѣтъ ничего, ничего и не можетъ пробудиться. Этимъ Виндшейдтъ въ сущности опровергаетъ самъ себя и свой болѣе чѣмъ странный взглядъ на сущность женскаго полового инстинкта.

А въ какой мѣрѣ объясняетъ высказываемый Адлеромъ взглядъ на „преграды полового инстинкта“ „все существо женщины, особый складъ женской души“? Сто восемьдесятъ тысячъ внѣбрачныхъ дѣтей рождается ежегодно въ одной только Германіи, двадцать процентовъ всего числа рожденій составляютъ внѣбрачныя рожденія! А по послѣднимъ вычисленіямъ, на каждую замужнюю мать приходится одна незамужняя! Это свидѣтельствуетъ громко и ясно, что эти преграды — искусственное созданіе, которое, правда, отлично объясняетъ мнимо-нормальную слабую возбудимость женскаго полового инстинкта, но отнюдь не нормальную природу его самого. Въ этихъ числовыхъ данныхъ половой инстинктъ женщины громко вопіетъ противъ всѣхъ преградъ, просто-напросто опрокидываетъ ихъ стихійной силой своего естества и празднуетъ свое страшное, но могучее, полное жизненной силы, нормальное откровеніе. Такой инстинктъ, который всей своей мощной внутренней силой способенъ пробить себѣ дорогу, сокрушая всѣ преграды, вопреки всѣмъ угрожающимъ страданіямъ, вопреки грозящему презрѣнію, — онъ доказываетъ этимъ не только то, что всѣ эти преграды, съ точки зрѣнія „воли природы“ только созданіе воображенія, но доказываетъ этимъ прежде всего свою первобытную силу и здоровость. Какъ ни ужасна эта соціальная половая манифестація, но она представляетъ собой также и блестящее опроверженіе всякихъ увѣреній въ „нормальномъ“, сообразномъ съ намѣреніями природы, отсутствіи женскаго полового инстинкта, его пассивности. И если бы намъ, женщинамъ, нужны были какія-нибудь доказательства силы и здоровой нормальности нашего полового инстинкта, — это могло бы намъ дать ихъ.

Да и какъ могла бы додуматься природа до того, чтобы поставить половому инстинкту женщины такія преграды — и вдобавокъ, для того, чтобы сохранить для женщины индивидуальность любви, предоставить ей возможность инстинктивнаго сліянія съ мужчиной, чтобы дать этимъ женщинѣ естественную защиту противъ опасностей ея половой жизни (боли и муки беременности и родовъ, заботы о ребенкѣ, презрѣніе и позоръ въ глазахъ об-

щества)? Оставимъ пока въ сторонѣ то, что это безусловно противорѣчитъ всякому естественно-научному мышленію, и станемъ на точку зрѣнія Адлера о цѣлесообразности; но и тогда, надо сознаться, хозяйничанье природы никакъ нельзя признать цѣлесообразнымъ, — напротивъ, въ высшей степени нецѣлесообразнымъ и безсмысленнымъ. Прежде всего: какимъ же это образомъ отсутствіе полового чувства или преграды къ нему въ женской природѣ могутъ способствовать сохраненію индивидуальности ея любви и инстинктивному соединенію съ мужчиной? Вѣдь, согласно гипотезѣ Адлера, эти преграды рушатся только послѣ общенія съ мужчиной; — но тогда какая же можетъ быть рѣчь до этого о сохраненіи индивидуальности любви женщины и объ осуществленіи инстинктивнаго соединенія? Чему поставлены преграды, то не можетъ воздѣйствовать ни на какое чувство и ни на какой поступокъ, а то, что станетъ свободнымъ послѣ совершеннаго поступка и вылившагося проявленія чувства, никакъ не можетъ повліять, конечно, на уже совершившееся.

И почему именно „недостатокъ" полового чувства можетъ сохранить любовь и отъ него можетъ зависѣть инстинктивное соединеніе? Недостатокъ могъ бы, пожалуй, сдѣлать любовь и соединеніе очень сомнительными, но никакъ не обезпечить и охранить ихъ. Недостаточное всегда и порождаетъ недостаточное, и либо въ концѣ концовъ гибнетъ отъ своей недостаточности, либо же добивается полной силы функціонированія, — таковъ желѣзный законъ, — и именно въ природѣ!

Далѣе, было бы совершенно лишено всякаго смысла и всякой цѣли — надѣлить женщину стихійнымъ половымъ инстинктомъ, предназначить ее къ дѣлу материнства, а затѣмъ — съ одной стороны — „окружить и опутать" то и другое вышеописанными опасностями и угрозами, а съ другой стороны, снабдить ее „предохранительнымъ запоромъ" противъ этихъ предостерегающихъ ее бѣдъ. Двѣ мѣры, одна другой противорѣчащія и другъ друга уничтожающія. Зачѣмъ же взваливать на половую жизнь женщины бремя страданій и опасностей? Зачѣмъ, съ другой стороны, ставить половой жизни преграды, чтобы уберечь женщину отъ этихъ страданій и опасностей? Вѣдь это значитъ нанести ударъ самой половой жизни и лишить половой инстинктъ возможности проявляться! А разъ половой инстинктъ дѣйствуетъ, и у женщины половая жизнь существуетъ, то и нѣтъ никакихъ преградъ; онѣ теряютъ всякую цѣну, всякій смыслъ, какъ охрана женщины отъ страданій и опасностей, — всѣ страданія и опасности обрушиваются на женщину, вопреки преградамъ, и, слѣдовательно, преграды женщину не защищаютъ, фактически онѣ не становятся охраной противъ опасностей половой жизни. Было бы въ такомъ случаѣ гораздо разумнѣе и цѣлесообразнѣе совсѣмъ не надѣлять женщину половой жизнью или дать ей половую жизнь безъ двойного бремени — преградъ, съ одной стороны, и страданій и опасностей, съ другой. Это ясно.

Но вся мнимая цѣлесообразность этого устройства оказывается несостоятельной и съ другой точки зрѣнія. Какой лиш-

ній окольный путь! Какое расточительное швыряніе силъ! Этого природа совсѣмъ не любитъ. Мы знаемъ навѣрное, несомнѣнно, что природа работаетъ всегда съ наивозможно меньшей затратой силы, необходимой для достиженія задуманнаго ею, и потому выбираетъ также всегда для этого кратчайшій и слѣдовательно самый прямой путь. Преграды, угрозы и опасности, сопряженныя съ половой жизнью современной женщины, очевидно, не имѣютъ сами по себѣ никакого благопріятствующаго, полезнаго значенія ни для самаго полового акта женщины, ни для послѣдствій его — беременности, родовъ, потомства; наоборотъ, они въ высшей степени вредятъ этимъ актамъ, т. е. служатъ признаками серьезнаго вреда. Но что служитъ во вредъ какой-нибудь функціи и ея послѣдствіямъ, то несовмѣстимо съ идеей цѣлесообразности самой по себѣ и не вяжется съ цѣлесообразностью намѣреній природы, которая не станетъ вредить противными мѣропріятіями своимъ собственнымъ трудамъ. Слѣдовательно, исходя изъ точки зрѣнія самого Адлера о цѣлесообразности, мы должны сдѣлать выводъ, что при этихъ опасностяхъ и угрозахъ мы никакъ не можемъ имѣть дѣло съ естественной и цѣлесообразной особенностью женской половой жизни, съ цѣлесообразной мѣрой природы, и названныя преграды никакъ не могутъ быть „естественной защитой, которую природа не могла не дать женщинѣ противъ этихъ опасностей и, дѣйствительно, дала ихъ“. Эти преграды кажутся намъ скорѣе явленіями, безусловно нарушающими смыслъ и цѣль, идущими наперерѣзъ намѣреніямъ и цѣлямъ природы, — такъ сказать, самоубійственной затѣей природы. И въ виду этого мы можемъ разсматривать ихъ именно и только какъ явленія вырожденія.

Простая правильность этого взгляда обнаруживается и при самомъ простомъ наблюденіи половой жизни самокъ животныхъ: ни на одномъ здоровомъ животномъ мы не найдемъ подобныхъ опасностей и угрозъ, — точно также какъ не откроемъ, при всемъ желаніи, „презрѣнія къ незамужней матери, подстерегающаго ее на каждомъ шагу“.

Презрѣніе къ незамужней матери — явленіе, конечно, случайное, зависящее отъ даннаго уровня культуры и разсматривать его какъ естественную опасность женской половой жизни никакъ нельзя; слѣдовательно, съ этой точки зрѣнія и названныя преграды не могутъ быть естественной защитой противъ этого презрѣнія. То же самое надо сказать и о женскихъ болѣзняхъ, которыя вѣдь не являются слѣдствіемъ половой дѣятельности женщины, а часто передаются ей мужемъ, какъ свадебный даръ, въ первое же утро супружеской жизни.

Но самая основная точка зрѣнія, построенная на идеѣ цѣлесообразности, вообще научно несостоятельна. Въ природѣ царитъ закономѣрный результатъ причины и слѣдствія, а не намѣреній и цѣлей. Но именно на этомъ пунктѣ многіе авторы дѣлаютъ серьезную ошибку, особенно когда дѣло идетъ о женщинѣ: все, касающееся женщины, они разсматриваютъ съ точки зрѣнія личныхъ логическихъ соображеній о цѣлесообразности, и собственныя желанія, вкусы и предразсудки приписываютъ природѣ. Въ результатѣ получается, конечно, то, что желѣзная

правда и логика природы совершенно скрываются за непроницаемымъ туманомъ мелкихъ человѣческихъ измышленій, и познаніе не проясняется, а затемняется.

Вникая далѣе въ эти взгляды о половомъ инстинктѣ съ естественно-научной точки зрѣнія, мы должны прежде всего попытаться установить, въ какой мѣрѣ половая жизнь женщины сама по себѣ можетъ быть неизбѣжно сопряжена съ страданіями и опасностями. Всѣ отправленія организма, если они только нормальны, всегда сопровождаются извѣстнымъ пріятнымъ чувствомъ, чувствомъ наслажденія. Но какъ только какая-нибудь функція разстраивается, такъ что не все идетъ ровно и ладно и въ неуклонномъ физическомъ равновѣсіи, — мы испытываемъ вполнѣ опредѣленное непріятное чувство, которое можетъ, въ свою очередь, усилиться до нестерпимой боли, съ усиленіемъ разстройства, — или же, при болѣзненномъ атрофированіи какого-нибудь органа, перейти въ нечувствительность.

Итакъ, чувство боли есть реакція на какое-нибудь разстройство и служитъ показателемъ существованія какого-нибудь ненормальнаго или болѣзненнаго состоянія. Отсюда слѣдуетъ, что боль или нечувствительность есть явленіе, сопутствующее разстройству или заболѣванію, а никакъ не спутникъ здоровья. Точно также поставленъ вопросъ и въ отношеніи опасностей. Отправленія организма никогда не сопровождаются какой-либо опасностью, — наоборотъ, благодаря нормальной работѣ, поддерживаются силы въ организмѣ и въ то же время усиливается его способность сопротивленія опасностямъ, его жизненная энергія, и самъ онъ предохраняется отъ опасностей.

И дѣйствительно, мои личныя наблюденія и опытъ, какъ и многихъ другихъ, подтверждаютъ, что женщинѣ, сколько-нибудь здоровой, совершенно чужды слабая половая воспріимчивость или абсолютная нечувствительность, такъ же какъ и какія-либо боли во время мѣсячныхъ регулъ или недомоганія и подобныя разстройства; выдѣленіе крови очень умѣренно и длится, самое большое, три дня (а не пять, шесть и даже до восьми, какъ бываетъ у нѣкоторыхъ женщинъ); менструація ни въ какомъ отношеніи не разстраиваетъ ни образа жизни ея, ни здоровья и ничѣмъ не мѣшаетъ ни работѣ, ни профессіональнымъ занятіямъ. И наоборотъ, появляется явное пріятное чувство усиленія и напряженія полового инстинкта и общей жизнедѣятельности.

Въ совершенно такихъ же условіяхъ протекаетъ и беременность. У здоровой женщины она сопровождается только пріятными чувствами, — нѣтъ ни тѣни угнетеннаго настроенія, тошноты, а тѣмъ болѣе болей. Здоровая женщина можетъ до послѣдняго часа беременности вполнѣ безпрепятственно отдаваться обычнымъ занятіямъ и обязанностямъ, безъ малѣйшаго ограниченія, и ѣсть и пить все, какъ всегда. Безъ всякаго страха можетъ она ожидать момента родовъ, такъ какъ для нея это нисколько не трудный моментъ, нисколько не грозящій страданіями и опасностями; въ самое короткое время, въ какіе-ни-

будь полъ-часа-часъ, она переноситъ роды при нѣсколькихъ схваткахъ, безъ значительной потери крови, совершенно какъ и здоровая самка животнаго. Родовые пути послѣ полусуточнаго или суточнаго лежанія снова настолько приходятъ въ порядокъ, что женщина можетъ заняться не особенно тяжелой работой. Даже схватки являются не въ видѣ болей, а въ видѣ такъ называемыхъ потугъ.

Напомню о женщинахъ кочующихъ племенъ, которыя тотчасъ же послѣ родовъ подъ открытымъ небомъ снова вскакиваютъ на коня, съ младенцемъ за спиной, и мчатся вдогонку своимъ, какъ будто ничего не случилось.

Интересный историческій образецъ первоначальной женской силы представляетъ также Катерина Сфорца (рис. 287), родившаяся въ 1469 году въ Миланѣ, — внѣбрачная, но впослѣдствіи усыновленная, дочь Галеаццо Марія Сфорца и супруги нѣкоего Пьетро Лаудріани. Передъ самымъ наступленіемъ родовъ она не устрашилась проѣхать верхомъ изъ Имолы въ Форли, — разстояніе около десяти миль, — куда пріѣхала около полуночи, тамъ всю ночь до утра хлопотала по сдачѣ замка и отдавала распоряженія; черезъ три дня проѣхала снова обратный путь изъ Форли въ Имолу и въ самое утро по пріѣздѣ вполнѣ безболѣзненно родила мальчика.

Но чѣмъ больше нарушено біологическое равновѣсіе, чѣмъ ненормальнѣе, болѣзненнѣе вся организація и конституція женщины вслѣдствіе наслѣдственныхъ или пріобрѣтенныхъ недуговъ, тѣмъ большимъ угнетеніемъ, тошнотой, слабостью и болями сопровождаются у нея менструаціи, беременность и роды, тѣмъ значительнѣе у нея потеря крови во время менструацій и родовъ, — тѣмъ больше, разумѣется, она слабѣетъ и, въ связи съ этимъ, страдаетъ здоровье, трудъ, занятія и вся жизнь женщины.

Въ настоящее время у женщины часто отсутствуетъ до и послѣ общенія съ мужчиной половое чувство или же оказывается только въ слабой степени; часто оно, дѣйствительно, имѣетъ только характеръ выжидательный, пассивный и, вмѣсто естественнаго пріятнаго чувства, женщина испытываетъ его въ слабой степени или совсѣмъ не испытываетъ. Но ни въ какомъ случаѣ мы не можемъ заключить изъ этого, что это состояніе естественное и что природа примѣняетъ къ женщинѣ иную закономѣрность, чѣмъ къ мужчинѣ. Это совершенно то же самое, какъ если бы женщина испытывала отъ своей мускульной дѣятельности, отъ созерцанія красотъ природы и искусства, отъ вкусныхъ блюдъ и напитковъ, отъ упоительныхъ ароматовъ и т. д. — не наслажденіе, а боль, или совсѣмъ ничего не испытывала бы. Всякій, конечно, не задумываясь, согласится, что это состояніе не естественное, а противоестественное (уродливое или болѣзненное). Но вѣдь въ системѣ половыхъ органовъ положеніе вещей точно такое же, — почему же и какимъ образомъ здѣсь могло бы быть иначе?

Итакъ, мы должны заключить, какъ на основаніи теоретическихъ данныхъ, такъ и на основаніи данныхъ опыта, что упомянутое состояніе болѣзненно и служитъ подавляющимъ доказательствомъ того, что вся конституція большинства современныхъ женщинъ, въ особенности высшихъ классовъ, включая сюда и половую сферу, кореннымъ образомъ неправильна, недоброкачественна — словомъ, болѣзненно выродилась. Какъ

неизбѣжное слѣдствіе этого вырожденія конституціи и половой сферы въ частности — любовь и половое чувство женщины пріобрѣли выжидательный, пассивный характеръ, словомъ — несовершенны, и ея менструаціи, беременность и роды сопряжены съ страданіями и опасностями, т. е. также несовершенны и недоброкачественны. Вотъ основной принципъ, котораго необходимо держаться, чтобы добиться правильной оцѣнки женской

По фотогр. бр. Алинари во Флоренціи.

Рис. 287. Катерина Сфорца.

(По портрету работы М. Палмеццано.)

половой жизни. Но противъ него-то именно и грѣшатъ неимовѣрно грубо.

Мало того, что отъ небольшого, очень ограниченнаго числа женщинъ, т. е., слѣдовательно, отъ исключенія, умозаключаютъ къ правилу, — къ женщинѣ вообще; позволяютъ себѣ прямое ложное заключеніе: — самочувствіе несомнѣнно больныхъ, недоброкачественныхъ женщинъ обобщаютъ до заключенія о природѣ здоровой женщины, женщины вообще, — и отсюда, не обинуясь, дѣлаютъ выводъ, что слабая половая воспріимчивость, беременность и роды нормальны, а дѣйствительно нормальныя проявленія полового инстинкта у женщины объявляютъ болѣз-

ненными! Даже безболѣзненныя и безопасныя менструаціи, беременность и роды умудряются объявить ненормальностью, болѣзненной половой нечувствительностью!

Такимъ образомъ, мы и тутъ пришли къ тому же выводу, что и прежде, при опроверженіи взгляда на цѣлесообразность преградъ. Вопросъ теперь только въ томъ, чѣмъ объясняется это вырожденіе женщины? Для отвѣта на этотъ вопросъ необходимо усвоить себѣ слѣдующую истину: для полной, всесторонней, совершенной дѣятельности какого-либо органа необходимо полное и совершенное развитіе. А такое развитіе требуетъ совершенныхъ условій для себя.

Неполная и несовершенная половая жизнь женщины является результатомъ неполныхъ и несовершенныхъ условій ея развитія и существованія.

Согласуется ли это съ наблюдаемыми фактами? Безусловно. Культурныя условія жизни и развитія женскаго полового чувства и самой женщины крайне неблагопріятны. Культура ограничила женщину и ея органическія фунціи такими предѣлами, которые отнюдь не совпадаютъ съ естественными предѣлами, поставленными природой. Прежде всего она поставила дѣятельность женскихъ половыхъ органовъ въ зависимость не отъ самой женщины, не отъ присущей ей половой энергіи, а отъ внѣшнихъ условій, которыя или совсѣмъ никакого отношенія не имѣютъ къ половому инстинкту, или связаны съ нимъ крайне поверхностно, безъ причинной внутренней необходимости. Цѣлыя тысячелѣтія наперерывъ обычай, мораль и законъ работаютъ надъ пересозданіемъ и укрощеніемъ полового инстинкта и половой жизни женщины, чтобы приноровить ихъ какъ къ личнымъ интересамъ мужчины, такъ и къ экономическимъ условіямъ, и насильственно заточить женщину въ тюрьму условнаго брака. Цѣлыя тысячелѣтія уже обычай, мораль и законъ отнимали у женщины свободу распоряжаться собой и своей половой жизнью, сдѣлавъ изъ ея пола предметъ торговли и произвола мужчины, и, напрягая всѣ силы, все пустили въ ходъ, чтобы отпугнуть и оттолкнуть женщину отъ половой жизни, внушить ей отвращеніе къ ней.

Попробуемъ оглянуться на длинную лѣстницу культурнаго развитія вверхъ и внизъ ея: какъ прежде, такъ и до сихъ поръ еще женщина, въ той или иной формѣ, продавалась кѣмъ-нибудь мужчинѣ и продается до сихъ поръ; какъ прежде такъ и до сихъ поръ женщина никогда не могла и не можетъ свободно выбирать сама, а ждала и ждетъ, чтобы ее выбрали. Выборъ мужа, товарища половой жизни, опредѣляется и опредѣлялся не половой энергіей ея, не любовью, а обыкновенно тѣми или иными матеріальными цѣнностями. Не личное ея половое влеченіе рѣшаетъ вопросъ о томъ, состоится ли половая жизнь, — а произволъ покупающаго мужчины. А законъ и церковь сходятся въ томъ, что женщина обязана терпѣть общеніе съ мужемъ когда вздумается это послѣднему и порой непомѣрно часто, — не заботясь о томъ, не интересуясь тѣмъ, можетъ ли, хочетъ ли этого женщина, не губитъ ли это ее физически и морально. И горе ей, если она не подчинится!

Со времени возникновенія единобрачія, женщина обязывалась и въ бракѣ, и внѣ брака къ строжайшему цѣломудрію или строжайшей супружеской вѣрности. Ее подвергали самымъ мучительнымъ операціямъ наружныхъ половыхъ органовъ, чтобы только лишить возможности половыхъ сношеній. Либо сквозь обѣ пары срамныхъ губъ продѣвалось кольцо, замыкавшее входъ во влагалище, либо (какъ это еще и теперь практикуется у нѣкоторыхъ восточно-африканскихъ племенъ) для этой цѣли хирургическимъ путемъ добивались сращенія срамныхъ губъ и потомъ передъ свадьбой ихъ снова прорѣзывали. Такимъ образомъ, половые органы буквально сшивались, — „инфибулировались“, по спеціальному латинскому выраженію. Въ эпоху крестовыхъ походовъ и даже еще позднѣе, женщины вынуждены были примиряться съ тѣмъ, что имъ надѣвали для замыканія влагалища такъ называемые пояса цѣломудрія съ замками. За нарушеніе цѣломудрія и супружеской вѣрности налагались — и теперь еще налагаются — очень суровыя наказанія. У нѣкоторыхъ племенъ женщина, нарушившая супружескую вѣрность, казнилась (и теперь еще кое-гдѣ казнится) смертью. Наконецъ, чтобы вѣрнѣе обезпечить вѣрность женщины, она всецѣло и безусловно отдавалась во власть мужчины, — если онъ убивалъ ее, онъ только осуществлялъ этимъ свое право.

И если съ ростомъ культурнаго развитія мало-по-малу и исчезли изъ жизни культурныхъ народовъ эти чудовищныя, варварскія мѣры — все же насиліе надъ половымъ инстинктомъ женщины, порабощеніе ея полового чувства и его проявленій выгодѣ мужчинъ и въ экономическихъ интересахъ — остались тѣ же. И теперь, какъ прежде, современная культура, современные европейскіе и внѣ-европейскіе культурные народы требуютъ отъ женщины строжайшаго, безусловнаго цѣломудрія внѣ брака и строжайшей супружеской вѣрности въ бракѣ. Сущность дѣла не измѣнилась, измѣнились только средства для осуществленія его: физическое сшиваніе замѣнилось психическимъ, моральнымъ „замыканіемъ женщины“. Непосредственное тѣлесное наказаніе смѣнилось моральнымъ: позоромъ въ глазахъ общества; вмѣсто физической смерти казнятъ общественной, гражданской смертью.

Въ то же время общество напрягаетъ всѣ силы и средства — въ семьѣ, школѣ, въ церкви, въ литературѣ и т. д., — чтобы создать въ женщинѣ представленіе, будто все, касающееся половой стороны, такъ отвратительно и низменно, что порядочной женщинѣ не слѣдуетъ даже знать этого. Воспитаніе и нравы превращаютъ женщину въ безполое существо и отнимаютъ у нея всю ея нормальную физическую природу. И вотъ это-то и есть самое больное мѣсто: физическая половая природа — стремленіе къ удовлетворенію полового чувства — женщинѣ воспрещена и изгоняется изъ нея во имя нравственности, во имя высшей женственности, но не психическая половая природа, не стремленіе къ любви. Любовь дозволена женщинѣ. Любовь даже обязательна для женщины. Ее усиленно развиваютъ и разжигаютъ воспитаніемъ. Всѣ желанія, всѣ помыслы жен-

щины направляютъ на мужчину, всю душу ея дрессируютъ сообразно тому, чѣмъ можно понравиться ему, ему повиноваться, ему служить... все сносить! Каррикатура дивной силы любви!

Вотъ этотъ воспитательный методъ, дѣйствительно, создаетъ въ половой жизни женщины очень серьезныя преграды. Все, что я говорю здѣсь, — не голое теоретизированіе, все это результаты личнаго опыта и наблюденій. Женщина, воспитанная по обычному шаблону, ничего не знаетъ въ вопросахъ половыхъ отношеній и враждебно отворачивается отъ нихъ. Ей даже въ голову не приходитъ, что въ ея собственномъ организмѣ могутъ существовать половые органы, — а если бы такая мысль промелькнула, она отгоняетъ ее, считая неприличной, даже съ чувствомъ отвращенія.

Нужны очень хорошее наслѣдственное здоровье и большая сила ума и воли, чтобы организмъ могъ оказать сопротивленіе страшной силѣ этихъ преградъ, сокрушить ихъ и восторжествовать надъ ними.

Довольно часто у женщины находится нужная для этого сила. Плотины, которыя воздвигаетъ культура плотской природѣ женщины, оказываются часто безсильными передъ мощнымъ напоромъ ея полового инстинкта. Какъ стекло, разлетаются онѣ вдребезги подъ его ударами, едва войдетъ мужчина въ ея жизнь, тотъ единственный мужчина, навстрѣчу которому она устремляется всей душой и всѣмъ тѣломъ. Препятствіе сокрушается тѣмъ легче, чѣмъ возможнѣе законность отношеній, т. е. если женщина такъ счастлива, что можетъ соединиться бракомъ съ избранникомъ души и тѣла: тогда все сводится только къ тому, чтобы разрушить бредовую идею, привитую воспитаніемъ, будто все, касающееся пола, отвратительно, неприлично и пошло. Любовь, половое влеченіе преодолѣваютъ все и въ яркомъ, цѣломудренно-чистомъ пламени любви сгораетъ навѣки мрачное исчадіе безумія. Но женщинѣ, которой не дано было такого счастья, которая любитъ „незаконно“, приходится переживать тяжелую, жестокую борьбу, потому что надъ ея любовью тяготѣетъ бремя тяжкаго презрѣнія общества и позора.

И все же, — въ могучей силѣ любви все тонетъ, забывается все презрѣніе, весь позоръ, — половая страсть побѣждаетъ, преодолѣвая своей огромной силой и это страшное бремя. Побѣжденная собственнымъ творческимъ инстинктомъ, женщина прижимаетъ къ сердцу любимаго человѣка, и живая творческая сила природы празднуетъ свое вѣчное таинственное откровеніе.

Но противоестественныя половыя „застежки“, надѣваемыя на женщинъ, все же не могутъ не отражаться на половомъ инстинктѣ. Профессоръ Форель правъ, подчеркивая огромное психическое вліяніе, претерпѣваемое именно въ области половыхъ чувствъ. Нигдѣ, быть можетъ, власть психическаго внушенія не играетъ такой огромной роли, какъ здѣсь. Когда человѣку чуть не съ перваго года его жизни безпрестанно твердятъ: „ахъ, это отвратительно... это неприлично... это „такъ“ пошло“..., то этимъ оказываютъ сильное психическое давленіе, которое можетъ задержать нормальное развитіе половой дѣятельности и даже породить такое нервное сопротивленіе росту и раз-

витію, что приведетъ, въ концѣ концовъ, къ пріостановкѣ, къ несовершенному и слабому развитію половой жизни женщины.

Нельзя еще упускать изъ виду и того, что питаніе и ростъ всѣхъ органовъ находятся въ тѣснѣйшей связи съ нервной системой и болѣе или менѣе подъ ея вліяніемъ. Вліяніе души на половые органы и ихъ развитіе, вызываемая ею задержка роста скажется тѣмъ болѣе властно и упорно, чѣмъ болѣе ослаблена жизненная энергія индивидуума, чѣмъ болѣе, слѣдовательно, подорвана энергія полового развитія. А такое пониженіе жизненныхъ силъ, дѣйствительно, существуетъ въ видѣ тяжелой наслѣдственности. Злоупотребленіе мужчинъ алкоголемъ на протяженіи цѣлаго ряда поколѣній губитъ всѣ органы тѣла, губитъ и клѣтки половыхъ органовъ.

Но половая сфера терпитъ не только косвенный, но и прямой вредъ тоже на протяженіи ряда поколѣній отъ половыхъ злоупотребленій мужчины и отъ ужасной половой эксплоатаціи женщины, которая, въ свою очередь, оказываетъ неблагопріятное вліяніе на весь организмъ. И этотъ вредъ, производимый нездоровой наслѣдственностью, у женщины послѣ ея рожденія продолжаетъ поддерживаться съ помощью неразумнаго, извращеннаго физическаго и духовнаго воспитанія, тогда какъ у мальчика дурнымъ наслѣдственнымъ вліяніямъ все же отчасти противоставляется вліяніе болѣе раціональнаго воспитанія.

Физическое воспитаніе женщины, несмотря на обнаруживающіяся въ послѣднее время стремленія видоизмѣнить его, все же еще очень часто способствуетъ задержкѣ развитія ея половой жизни, — главнымъ образомъ тѣмъ, что въ дѣвочкѣ подавляются болѣе или менѣе всякія нормальныя стремленія къ движенію и не даютъ простора шумнымъ играмъ, всего лучше способствующимъ развитію благородныхъ органовъ — сердца, легкихъ, всѣхъ мускульныхъ группъ. И теперь еще дѣвочку часто заставляютъ сидѣть дома и обрекаютъ ее на неподвижность въ бѣдномъ кислородомъ, испорченномъ воздухѣ; но этого мало: на нее напяливаютъ, вдобавокъ, узкую, тѣсную, невозможную одежду, стѣсняющую свободу движеній, свободное дыханіе и кровообращеніе. Создаются разстройства развитія, разстройства обмѣна веществъ, застой крови въ органахъ, особенно въ половыхъ, затѣмъ вырожденіе и заболѣваніе ихъ, — словомъ, неизбѣжнымъ послѣдствіемъ этого безсмысленнаго, нецѣлесообразнаго воспитанія оказывается полная помѣха здоровому и совершенному развитію отдѣльныхъ органовъ и всего организма.

Какъ физическое воспитаніе крайне мало способствуетъ дѣйствительному развитію женщины, а скорѣе уродуетъ, увѣчитъ его, такъ же мало способствуетъ ея душевному развитію и образованію — воспитаніе умственное и нравственное; и оно ее скорѣе уродуетъ и увѣчитъ. Все образованіе женщины не только до крайности поверхностно, но и крайне ошибочно направлено. Оно не только не обогащаетъ женщину, не только не даетъ ея природнымъ силамъ развернуться здорово и широко, но лишаетъ ее и того, что она имѣла отъ природы: врожденной силы и увѣренности, всякой самостоятельности, устойчивости, всякаго достоинства, всякаго инстинкта дѣятельности.

Такимъ образомъ, всѣ условія жизни и развитія женщины и ея половой сферы стоятъ въ полномъ противорѣчіи со здравымъ

смысломъ и требованіями организма, какъ и требованіями половой жизни женщины, — они не только недостаточны, но часто и безусловно недоброкачественны. Въ результатѣ должно получиться недостаточное и біологически недоброкачественное развитіе и отправленія женскаго организма и его половыхъ органовъ. И потому, слабое развитіе полового инстинкта и страданія и опасности половой жизни женщины не могутъ быть разсматриваемы какъ состояніе нормальное и естественное, а должны быть признаны явленіями безусловно болѣзненными и противоестественными.

О воздержаніи женщинъ и о предохранительныхъ средствахъ.

Зрѣлая въ половомъ отношеніи женщина нормально никогда не живетъ въ воздержаніи добровольно, т. е. изъ внутренней потребности, по внутреннимъ причинамъ; воздержаніе бываетъ всегда вынужденнымъ, вызваннымъ внѣшними причинами. Наибольшую силу имѣютъ тѣ обстоятельства, которыя мы разсмотрѣли въ предыдущемъ отдѣлѣ, затѣмъ очень большую роль здѣсь играетъ проституція, засасывающая множество молодыхъ людей и нерѣдко отнимающая ихъ у молодыхъ созрѣвшихъ женщинъ.

Какъ ни противоестественно воздержаніе, все же само по себѣ оно нисколько не приводитъ къ болѣзненному состоянію, какъ склонны утверждать многіе.

Здоровый и крѣпкій организмъ женщины безусловно не склоненъ заболѣть отъ одного того, что окажется поставленнымъ въ условія воздержанія. То же надо сказать — правда, съ нѣкоторыми ограниченіями — даже объ организмѣ, болѣе или менѣе расшатанномъ дурной наслѣдственностью, нецѣлесообразнымъ воспитаніемъ и нецѣлесообразнымъ образомъ жизни. Ежемѣсячная менструація способствуеть, до извѣстной степени, успокоенію, разряженію половыхъ раздраженій; благодаря этимъ явленіямъ половыя раздраженія не могутъ усилиться до нестерпимости, до болѣзненности.

Но совсѣмъ другое дѣло, если половое равновѣсіе женщины долго нарушается посторонними раздраженіями, если существуетъ наслѣдственная или пріобрѣтенная порочность и длительныя раздраженія фантазіи, — особенно, если къ этому прибавляются еще и раздраженія вслѣдствіе алкоголя, и они не разрѣшаются нормальнымъ насыщеніемъ. При такихъ условіяхъ воздержаніе можетъ быть безусловно вреднымъ и повести къ серьезнымъ разстройствамъ здоровья. Послѣдствіемъ такого насильственнаго воздержанія могутъ быть воспаленія половыхъ органовъ или другія органическія страданія, — въ особенности же болѣзненная половая раздражимость, которая можетъ развиться, при неблагопріятной наслѣдственности, въ полную нимфоманію, эротическое помѣшательство и другія психическія разстройства.

Для предупрежденія этихъ послѣдствій прежде всего необходимо строго удалять всякія постороннія половыя раздраже-

нія, — слѣдовательно, избѣгать такого чтенія и такихъ зрѣлищъ, которыя прямо или косвенно раздражаютъ воображеніе (романы, порнографическая литература и картины, эротическія пьесы и т. п.), а также и употребленія алкоголя. Затѣмъ, живущая въ воздержаніи женщина должна позаботиться о томъ, чтобы въ какой-нибудь иной, не половой дѣятельности, отвлечь и израсходовать скопляющуюся половую энергію. Это чрезвычайно важное условіе, и мнѣ уже случалось и въ прежнихъ своихъ сочиненіяхъ настойчиво указывать на это. Лучшимъ средствомъ для этого служитъ трудъ и именно такой, какой всего лучше соотвѣтствуетъ данной индивидуальности и можетъ захватить всецѣло, сосредоточивая на себѣ всѣ интересы. Хорошимъ отвлеченіемъ служитъ также физическое движеніе на воздухѣ: гребля, плаванье, гимнастика. Далекія и продолжительныя прогулки пѣшкомъ на лонѣ здоровой природы имѣютъ также благопріятное вліяніе, освобождая отъ мучительнаго гнета и даже не давая возбужденію дойти до степени страданія. Кромѣ того, систематическій уходъ за тѣломъ служитъ противодѣйствіемъ такому накопленію полового возбужденія: прохладныя обтиранія на воздухѣ, пребываніе на воздухѣ въ теченіе 10—15 минутъ безъ одежды, дѣлая въ это время гимнастику, или занимаясь физическимъ трудомъ, или шагая взадъ и впередъ (босикомъ!). Рис. 288 изображаетъ подобную воздушную ванну въ прохладной лѣсной тѣни. Одежда вообще должна быть легка и не затруднять доступа воздуха къ тѣлу, чтобы кровообращеніе встрѣчало возможно меньше преградъ. При этой системѣ ни одна женщина, если только она не обременена слишкомъ тяжелой наслѣдственностью, не можетъ страдать отъ неудовлетворенной половой потребности и можетъ, безъ сколько-нибудь замѣтныхъ усилій, жить въ воздержаніи, чувствуя себя здоровой и счастливой.

Гораздо сложнѣе становится этотъ вопросъ тогда, когда въ свои права вступаютъ естественныя половыя раздраженія съ ихъ нормальнымъ вліяніемъ на зрѣлую въ половомъ отношеніи женщину: когда женщина полюбитъ. Справляться тогда съ запросами своей половой природы — дѣло болѣе или менѣе нелегкое. Хотя я совершенно отрицаю и въ этомъ случаѣ возможность заболѣванія отъ воздержанія (если только нѣтъ на-лицо очень тяжелой наслѣдственности), я не могу не признать все же, что при этихъ условіяхъ, намѣченный мною выше образъ жизни можетъ оказаться не вполнѣ дѣйствительнымъ. Природа предъявляетъ свои права, и ее нельзя заставить умолкнуть передъ властью нормальнаго полового возбужденія, исходящаго отъ любимаго человѣка. Если ей отказываютъ въ ея правѣ, она продолжаетъ томить и мучить, пока не восторжествуетъ. Если это невозможно, если женщина не можетъ почему-либо соединиться съ любимымъ человѣкомъ, то она обречена на крайне мучительное состояніе наилучшимъ выходомъ изъ котораго будетъ только, если возможно, разлука. Иногда помогаетъ такая преграда во времени и пространствѣ. Но часто это даже невозможно по практическимъ причинамъ, и обыкновенно власть ея естественной половой энергіи толкаетъ ее въ объятія любимаго человѣка, наперекоръ всѣмъ законамъ общественной морали. Это доказываетъ

ежегодная цифра 180 тысячъ рождающихся внѣбрачныхъ дѣтей, 50% незамужнихъ матерей. Въ этомъ ищутъ себѣ выхода слишкомъ нестерпимыя страданія неудовлетворенной половой по-

Изъ соч. „Nackte Schonheit".

Рис. 288. Воздушная ванна.

требности. А тѣ женщины, которыя не входятъ въ число этихъ 50%, ищутъ себѣ иныхъ исходовъ и находятъ ихъ въ самоудовлетвореніи, въ пессаріяхъ, губкахъ, кондомахъ и т. д.

Кто броситъ въ нихъ упрекъ за это? Не я, во всякомъ случаѣ.

Но, съ гигiенической точки зрѣнія, мнѣ все же хотѣлось бы порекомендовать женщинѣ воздерживаться, насколько только ея силы позволять, отъ всякихъ искусственныхъ способовъ полового удовлетворенія. Предохранительныя средства болѣе или менѣе притупляютъ половую чувствительность и, кромѣ того, вынуждаютъ женщину гораздо больше напрягать силы для полученія полнаго удовлетворенія, потому что нѣтъ необходимаго внутренняго соприкосновенія съ мужскимъ членомъ, и этотъ недостатокъ, равносильный недостатку энергіи, долженъ быть возмѣщенъ усиленнымъ напряженіемъ силъ женщины. Внѣбрачнаго материнства отъ женщины при нашихъ современныхъ нравахъ невозможно требовать ни въ ея собственныхъ интересахъ, ни въ интересахъ ребенка. Разумѣется, кондомъ надо считать наилучшимъ предохранительнымъ средствомъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда женщина вынуждена избѣгать зачатія вслѣдствіе своего нездоровья.

Самымъ рѣшительнымъ образомъ считаю долгомъ предостеречь противъ примѣненія такъ называемаго „прерваннаго совокупленія" (извлеченія мужского члена изъ влагалища женщины передъ истеченіемъ сѣмени). Этотъ способъ, къ прискорбію, очень часто и широко практикуемый въ супружествѣ, необычайно вреденъ для женщины и приводитъ къ общей и половой нейрастеніи или къ еще болѣе серьезнымъ недугамъ. Внезапное удаленіе мужчины незадолго до наступленія момента удовлетворенія полового влеченія причиняетъ женщинѣ шокъ.

Отвлеченіе и израсходованіе половой энергіи въ иномъ направленіи, на другую дѣятельность — наилучшій путь, при нашихъ современныхъ условіяхъ, для каждой женщины, волнуемой половымъ безпокойствомъ и не имѣющей возможности вступить въ бракъ. Какъ разрушительно могутъ вліять эти факторы на душу и тѣло женщины, объ этомъ свидѣтельствуютъ извѣстные случаи помѣшательства женщинъ. Несомнѣнный фактъ, что чувственное возбужденіе и разнузданность душевно-больныхъ женщинъ часто превосходятъ возбужденіе и разнузданность душевно-больныхъ мужчинъ. Разъ освободившись отъ искусственныхъ, противоестественныхъ преградъ культурныхъ „застежекъ", половая природа женщины становится на дыбы, — и тѣмъ неудержимѣе, чѣмъ сильнѣе подавлялась раньше.

Основываясь на этомъ фактѣ, позволяютъ себѣ утверждать, что женщина отъ природы „вся насквозь пропитана непомѣрной чувственностью", и что половой элементъпреобладаетъ въ женской природѣ. И это утвержденіе такъ же безусловно невѣрно, какъ и то, что женщина отличается врожденной слабостью полового чувства. И то и другое — пустыя измышленія, ни на чемъ не основанныя, оба совершенно ненаучны оба противорѣчатъ и другъ другу, и фактическому складу здоровыхъ и нормально воспитанныхъ женщинъ. Если женщина проникнута чувственностью или, наоборотъ, лишена здоровой чувственной воспріимчивости, то это явленія совершенно такія же болѣзненныя и противоестественныя, какъ и у мужчины, когда онъ насквозь пропитанъ чувственностью или, наоборотъ, лишенъ здоровой чувственной воспріимчивости: и то, и другое одинаково навязано

и женщинѣ, и мужчинѣ культурой. Нормальной женщинѣ одинаково чуждо и невѣдомо и то, и другое; половое чувство ея не знаетъ ни чрезмѣрной силы, ни чрезмѣрной слабости, а имѣетъ большую или меньшую среднюю силу и всецѣло подчинено силѣ любви, своему психическомускладу, высшему завѣту жизни — человѣчности.

Вотъ этотъ-то голосъ высшей человѣчности такъ громко звучитъ въ половой природѣ женщины, что онъ и даетъ женщинѣ, главнымъ образомъ, силу отлично справляться съ насильственно навязаннымъ ей воздержанiемъ, несмотря на нормально сильный половой инстинктъ. Женщина часто обращаетъ овладѣвающую ея чувствами половую энергiю въ преданную материнскую любовь къ какому-нибудь живому существу — къ ребенку ли, подругѣ или животному — или же разряжаетъ ее, эту половую энергiю, переработанную въ благороднѣйшую, самоотверженную, матерински-безкорыстную любовь, въ служенiе дѣламъ милосердiя — уходу за больными — благотворительности, общественному благу. Иногда женщина съ горечью и презрѣнiемъ отворачивается отъ людского эгоизма, лицемѣрiя и мелочности и замыкается въ одиночествѣ съ своимъ вынужденнымъ воздержанiемъ, привязавшись нѣжнымъ материнскимъ чувствомъ къ животному, которое лелѣетъ и ласкаетъ. На собакъ и кошекъ старыхъ дѣвъ, привязанныхъ къ собакамъ и кошкамъ, не слѣдовало бы смотрѣть такъ непрiязненно и насмѣшливо-злобно: вѣдь для нихъ животныя — замѣна драгоцѣннаго блага любви, которой культура лишаетъ нѣкоторыхъ женщинъ, и навѣрное облегчаютъ иной бѣдной, одинокой женщинѣ ея пустую, холодную, безрадостную жизнь.

Не всегда, однако, женщина погружается, вслѣдствiе вынужденнаго воздержанiя, въ унылое, мрачное существованiе, не всегда и расплачивается за него болѣзнью и страданiемъ. Если только наслѣдственная и прiобрѣтенная болѣзненность не слишкомъ велики и внѣшнiя условiя не слишкомъ неблагопрiятны, тогда женщины умѣютъ находить прибѣжище отъ всякаго унынiя и горечи, отъ всякихъ угрожающихъ здоровью опасностей — на духовныхъ высотахъ жизни, и тогда воздержанiе становится для нихъ, благодаря присущей женщинѣ силѣ матерински-безкорыстныхъ чувствъ, источникомъ высшей одухотворенности и облагороженности, высшей человѣчности.

* * *

Половая зависимость женщины отъ воли и власти мужчины, или, иными словами, отъ мнимой морали и общественныхъ условностей, — вотъ коренное зло, отравляющее половую жизнь женщины, и по неизбѣжному слѣдствiю — и половую жизнь мужчины, и всю совокупность культурной жизни; благодаря этому создаются такiя условiя, которыя ведутъ къ упадку и гибели людей и ихъ культуры, вмѣсто того, чтобы способствовать ихъ расцвѣту и высшему развитiю.

Ясно, какъ день, изъ самой природы вещей, что мы нисколько не одолѣемъ зла, если будемъ добиваться для мужчины, того же полового воздержанiя, отъ котораго страдаетъ женщина. Зло будетъ, дѣйствительно, уничтожено только тогда, когда

исчезнетъ половая зависимость женщины и ей будетъ возвращена ея половая свобода, — когда, слѣдовательно, рѣшающимъ моментомъ въ вопросѣ полового соединенія будетъ не только воля и готовность мужчины, но и воля и готовность женщины, когда, слѣдовательно, половое соединеніе будетъ результатомъ естественной половой воли и естественной половой готовности женщины и мужчины, — естественной половой энергіи обоихъ. До тѣхъ поръ, пока рѣшающимъ моментомъ не будетъ половая готовность женщины, свойственная ей половая сила — до тѣхъ поръ будетъ разнузданъ половой инстинктъ мужчины, и вся половая жизнь женщины и мужчины будетъ болѣзненно вырождающейся.

Половая свобода женщины — единственное естественное и потому наилучшее средство для обузданія полового инстинкта мужчины, для сохраненія его равновѣсія, для предупрежденія вырожденія и злоупотребленій. Половой инстинктъ женщины обуздывается и упорядочивается въ здоровыхъ условіяхъ не только благодаря свойственной ему періодичности, но еще, и прежде всего, благодаря материнству и свойственному женщинѣ голосу высшей человѣчности. Но половая свобода женщины важна еще и въ интересахъ потомства. Она одна можетъ обезпечить наивозможно лучшее здоровье потомства и чистоту расы, потому что только при условіи половой свободы женщины, единеніе половъ будетъ осуществляться по біологическимъ законамъ, управляющимъ обоими полами. Эти законы соединяютъ другъ съ другомъ такихъ индивидуумовъ, которые біологически наилучше подходятъ другъ къ другу и могутъ дать біологически наилучшее, т. е. совершеннѣйшее, потомство.

Что же, однако, можетъ дать и сдѣлать половая свобода женщины? Чтобы понять это и установить правильную точку зрѣнія, намъ нужно уяснить себѣ, каковы основныя причины половой зависимости женщины въ условіяхъ культурной жизни. Ихъ только двѣ — установленныя природой: половая отвѣтственность женщины, съ одной стороны, и половая безотвѣтственность мужчины, съ другой. Обѣ эти причины неизмѣнны. Вотъ почему, исходя изъ нихъ, считаясь съ ними, культурныя условія должны быть приспособлены къ нимъ. Необходимо, чтобы культура не ставила никакихъ препятствій свободному и добровольному соединенію женщины — ни моральныхъ, ни экономическихъ. Экономическое и нравственное положеніе женщины должно быть всегда и при всякихъ условіяхъ таково, чтобы ея свободное соединеніе никогда не встрѣчало презрѣнія къ себѣ, чтобы оно зависѣло отъ ея собственной душевной и физической воли, отъ ея половой готовности, отъ ея любви, а не отъ воли и произвола мужчины, эксплоатирующаго экономическую нужду женщины.

Мнѣ приходится отказаться, за недостаткомъ мѣста, отъ изложенія здѣсь своихъ взглядовъ на то, какъ можетъ быть раціонально достигнуто уравненіе половой свободы женщины съ мужской; но я намѣреваюсь подробно развить ихъ въ другой работѣ. Ограничусь здѣсь только перечисленіемъ главнѣйшихъ принциповъ: во-первыхъ, экономическая самостоятельность и независимость женщины; во вторыхъ, извѣстнымъ образомъ обусловленное участіе государства въ доставленіи средствъ къ жизни женщины и средствъ для воспитанія дѣтей, — которыя должны покрываться посредствомъ особаго

налога; въ-третьихъ, извѣстнымъ образомъ обусловленный принудительный бракъ мужчины съ забеременѣвшей внѣ брака женщиной.

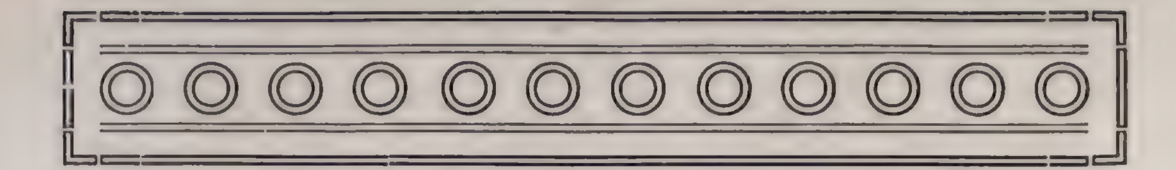
Рука объ руку съ общественной реформой полового вопроса должна идти личная реформа въ отношеніяхъ къ нему мужчины и женщины — разумное, цѣлесообразное воспитаніе обоихъ половъ въ физической, нравственной и умственной области. Женщина и мужчина должны развиваться въ этихъ областяхъ въ такомъ духѣ, чтобы быть достойными самихъ себя, какъ индивидуума и какъ личности, и общества,—но чтобы быть также достойными своей великой нравственной задачи, какъ представителей своего пола, какъ продолжателей рода человѣческаго. Женщина и мужчина должны получать половое воспитаніе, которое сдѣлало бы ихъ людьми мыслящими и знающими въ области половой жизни, но въ то же время и людьми, обладающими истинной нравственной свободой въ отношеніи своихъ инстинктовъ, и въ частности, своего полового инстинкта, — т. е. людьми, нравственное „я“ которыхъ не подчинено этимъ инстинктамъ, а подчиняетъ ихъ себѣ и твердой рукой обуздываетъ ихъ, чтобы они не ускользнули изъ-подъ его власти, — словомъ, людьми, способными къ половому самообладанію. Это самый существенный пунктъ, особенно въ воспитаніи мужчины. Мужчинѣ все разрѣшается еще въ юношескомъ возрастѣ. Онъ можетъ безгранично предаваться половымъ страстямъ, дать имъ самый широкій просторъ и волю, такъ что, въ концѣ концовъ, у него должно сложиться убѣжденіе, что половые интересы составляютъ главную сущность и центръ міра и жизни, — и тогда они пріобрѣтаютъ надъ нимъ зловѣщую власть, такъ что онъ становится рабомъ, безвольной жертвой внѣшнихъ половыхъ раздраженій.

Дѣло воспитанія — строжайшимъ образомъ возвысить противъ этого свой голосъ. Подростающему мужчинѣ должно быть привито убѣжденіе, что безвольное, безудержное служеніе половому инстинкту недостойно, постыдно, противоестественно, и что онъ причинитъ себѣ огромный, неисчислимый вредъ въ своемъ потомствѣ, если будетъ предаваться половымъ излишествамъ. Необходимо также поставить ему на видъ серьезныя опасности полового зараженія въ домахъ терпимости, опасности болѣзней половыхъ органовъ для него самого, для женщины и для потомства. Важно также уяснить ему, что безвольное пристрастіе къ чувственнымъ идеямъ и образамъ — болѣзненно, и что оно (такъ же какъ и употребленіе алкоголя и обильной мясной пищи) вызываетъ противоестественныя чувственныя раздраженія, удовлетвореніе которыхъ безусловно сопровождается (потому что они вызываются не внутренней половой энергіей и, слѣдовательно, имъ не соотвѣтствуетъ сумма накопленной для израсходованія половой энергіи) ослабленіемъ и вредомъ для организма и имѣетъ результатомъ хилое, вырождающееся потомство.

Юноша долженъ знать, что онъ обязанъ всѣми силами бороться съ такими противоестественными раздраженіями, и не долженъ имъ поддаваться, — т. е. долженъ всячески избѣгать ихъ возникновенія. Прежде всего, въ юношѣ должно быть воспитано убѣжденіе, что онъ, какъ культурное существо, отвѣтственъ за каждый половой актъ и не вправѣ уклоняться отъ этой отвѣтственности, иначе онъ совершаетъ преступленіе про-

тивъ общества, противъ культуры и — больше всего — передъ культурной женщиной; что онъ, слѣдовательно, какъ членъ культурнаго общества, не имѣетъ права допускать злоупотребленій въ половой жизни, своей и женщины, и наоборотъ, несетъ культурный долгъ бороться съ этимъ, потому что злоупотребленіе во всякомъ видѣ, а особенно половое злоупотребленіе своимъ собственнымъ тѣломъ и тѣломъ женщины — грѣхъ противъ культуры. Словомъ, подрастающему мужчинѣ должно быть привито воспитаніемъ самообладаніе въ области половой жизни, — оно должно проникнуть въ его плоть и кровь, должно сдѣлаться его естественнымъ, нормальнымъ состояніемъ.

Настойчиво подчеркну въ заключеніе, что здоровое преобразованіе культурной половой жизни есть спеціальная задача женщины, возлагаемая на нее ея природной внутренней организаціей, — и эта задача обусловливаетъ полное освобожденіе женщины отъ всяческой зависимости. Ибо реформа эта требуетъ дѣйственной побѣды женскаго начала, — она требуетъ, чтобы въ женщинѣ развернулись во всей своей силѣ энергія любви, материнскій элементъ, т. е. истинная „вѣчная женственность“, и проявила бы свое вліяніе. Но этотъ расцвѣтъ и это вліяніе возможны только въ условіяхъ полной независимости и полной свободы женщины. Только свободная женщина можетъ направить половую жизнь на здоровый путь и удержать ее на немъ.

Глава пятая.

Духовная жизнь женщины.

(Лили Браунъ, Берлинъ.)

I.

Было время, — и мы еще не очень далеко ушли отъ него, — когда поборницы женскаго движенія провозглашали, какъ одинъ изъ первыхъ своихъ основныхъ принциповъ, полное равенство умственныхъ способностей и чувствъ обоихъ половъ. Всѣ существующія фактическія различія толковались какъ результатъ неодинаковаго воспитанія и различныхъ условій жизни. Такъ какъ двигателемъ женскаго движенія были вначалѣ въ значительной долѣ экономическія условія, вовлекшія женщину въ поиски труда для заработка и, слѣдовательно, какъ конкуррента, въ борьбу съ мужчиной, — то высшей цѣлью для нея представлялось доказать полное равенство отъ природы женскаго ума съ мужскимъ. Только съ теченіемъ времени, когда женщины научились объективнѣе судить о своихъ собственныхъ стремленіяхъ, когда онѣ пріобрѣли больше знаній и свѣдѣній и начали анализировать свой собственный умственный и душевный міръ, — онѣ все больше, и больше начали убѣждаться, что половыя различія не ограничиваются однимъ физическимъ строеніемъ, а глубоко и прочно вліяютъ на душевную жизнь и умственное развитіе.

Каждая страница исторіи развитія женщины подтверждаетъ это положеніе. Не различіе воспитанія, не насильственное подчиненіе ея мужчинѣ сдѣлали женщину первобытныхъ народовъ зависимой отъ него, наложили на ея жизнь печать рабства. Если мы прослѣдимъ жизнь женщины до самой сѣдой древности, — всюду мы увидимъ ее втиснутой въ узкій и ограниченный кругъ своего личнаго существованія. Основы этого были заложены въ самой природѣ ея пола. Материнство ограничивало ея свободу передвиженія и заставляло ее нуждаться въ защитѣ. Въ то время какъ мужчина, не стѣсненный половыми ограниченіями, могъ безпрепятственно слѣдовать своимъ инстинктамъ и посвящать всѣ силы осуществленію своихъ личныхъ желаній, — первымъ проникшимъ въ сознаніе человѣка закономъ природы явился тотъ, который приковываетъ мать къ ребенку и требуетъ подчиненія ея желаній и стремленій желаніямъ и стремленіямъ ребенка.

То, что женщина принуждена была растворяться въ другомъ, болѣе слабомъ существѣ, беречь его, холить и лелѣять, обусловило собой все умственное и душевное развитіе женщины: самопожертвованіе, преданность, состраданіе, любовь стали основными

чертами ея душевнаго склада, на оборотной сторонѣ котораго должны были появиться подчиненность, боязливость, несамостоятельность. И умственное развитіе ея направилось также по пути заботы о дѣтяхъ: она научилась дѣлать для ребенка теплую одежду, навѣсъ, какъ кровлю для защиты отъ непогоды, научилась обрабатывать поле, добывать молоко животныхъ въ замѣну своего. Въ такую эпоху, когда только война и охота считались занятіями, достойными свободнаго мужчины, женщина была, правда, работницей почти на одинаковомъ положеніи съ рабой, но потому-то она и являлась носительницей идеи.

Чѣмъ больше устанавливалось раздѣленіе труда, тѣмъ больше и шире становилось разстояніе между духовнымъ складомъ мужчины и женщины. Дѣти, домашняя жизнь стали ея міромъ, — цѣлымъ міромъ, заполнявшимъ всѣ ея мысли, все ея время, отнимавшимъ всѣ ея силы. Воспитаніе дѣвочекъ еще обостряло необходимую для того времени односторонность женскаго развитія. Раздвинуть эти предѣлы могли бы развѣ самыя необычайныя обстоятельства. Но была еще одна причина, которая не могла не оказать самаго большого вліянія на художественную сторону духовной жизни. По обычаю и праву почти всѣхъ народовъ древности, женщинѣ одной вмѣнялась ва обязанность супружеская вѣрность, только ея прелюбодѣяніе казнилось смертью. Она жила дома въ почти тюремной оторванности отъ всей жизни, а такъ какъ въ бракъ она вступала очень рано, большей частью даже не повидавъ предварительно мужа, выбраннаго для нея родителями, то ей оставался чуждымъ весь міръ любви съ его яркимъ, пышнымъ расцвѣтомъ, на плодородной почвѣ котораго единственно и созрѣваютъ великіе художественные образы. Любовь, дѣлавшая мужчину поэтомъ и героемъ, влившая огонь въ его жилы, была ей знакома въ лучшемъ случаѣ въ видѣ маленькаго огонька домашняго очага, предназначеннаго согрѣвать домъ и семью мира.

Насколько историческіе факты подтверждаютъ правильность этого взгляда, видно уже изъ того, что въ пору высшаго расцвѣта духовной культуры въ Греціи однѣ только гетеры принимали личное участіе въ жизни родины и завоевывали себѣ положеніе и вліяніе не только своей красотой, но и своимъ умомъ. О легендарной С а ф о (рис. 289) намъ, правда, не много извѣстно, — но одно, во всякомъ случаѣ, несомнѣнно: женой и матерью она не была. И всѣ другія историческія женскія фигуры, — напомнимъ хотя бы только С е м и р а м и д у, К л е о п а т р у, — оказавшія свое вліяніе на развитіе человѣчества, относятся по всему своему душевному складу скорѣе къ гетерамъ, чѣмъ къ матерямъ и хозяйкамъ дома древняго типа.

Необходимое условіе духовнаго развитія составляетъ свобода. Изуродованіе обширной сферы чувствъ неизбѣжно должно было повести къ изуродованію духовной производительной энергіи.

Христіанство нанесло въ этомъ отношеніи женщинамъ еще болѣе вреда чѣмъ язычество, когда заклеймило и самый полъ, объявивъ его грѣховнымъ.

Самъ Павелъ не только обращаетъ свою проповѣдь большей святости безбрачной жизни къ обоимъ поламъ, но и ясно оговаривается при этомъ, что все, сказанное имъ, есть его собствен-

ное мнѣніе, а не завѣтъ Господенъ, — а ревностные аскеты ученики выступаютъ съ ученіями въ родѣ: „Хорошо человѣку не прикасаться къ женщинѣ“ или: „Адамъ не поддался соблазну, но поддалась соблазну женщина, и она привела къ грѣхопаденію“, — клеймятъ бракъ, какъ порокъ, и женщину, какъ открывшую дорогу дьяволу. Церковное право подняло толкованіе этихъ ученій отцами церкви на степень закона, объявивъ между прочимъ: „Женщина не создана по образу и подобію Божію. Адамъ былъ соблазненъ Евой, а не Ева Адамомъ. И потому справедливо, чтобы мужчина былъ господиномъ женщины, вовлекшей его въ грѣхъ, дабы онъ снова не впалъ въ него. Законъ повелѣваетъ, чтобы жена была подчинена мужу и была почти слугою его“.

„Умерщвленіе плоти“ стало однозначущимъ съ проклятіемъ женщины. На Маконскомъ соборѣ было постановлено большинствомъ повелѣть духовенству избѣгать женщинъ. Соборъ въ Метцѣ еще строже укрѣпилъ это повелѣніе, запретивъ священникамъ общеніе даже съ матерями и сестрами. Завѣтъ цѣломудрія, распространявшійся въ первую пору христіанства только на монаховъ, сталъ отнынѣ обязательнымъ для всего духовенства. Послѣдствія безбрачія большого числа мужчинъ — большей частью самыхъ выдающихся людей своего времени — были огромны по своему значенію. Правда, церковь создала себѣ изъ нихъ армію преданныхъ борцовъ, которыхъ не отвлекали отъ служенія ей и своему долгу никакіе семейные интересы; но если она полагала, что прославленіемъ цѣломудрія, принудительнымъ умерщвленіемъ половыхъ инстинктовъ она служитъ высшей нравственности, то она вѣдалась съ одпѣми абстрактными теоріями и не приняла въ разсчетъ живой природы. Она не только достигла результатовъ, прямо противоположныхъ тѣмъ, къ которымъ стремилась, — такъ какъ, помимо внѣбрачныхъ половыхъ сношеній и быстраго роста проституціи, народились, особенно въ монастыряхъ, противоестественные пороки, — но и всей нравственной жизни народа принесла вредъ, послѣдствія котораго существуютъ и до сихъ поръ и который всей тяжестью обрушился на женщину. Церковь принизила естественнѣйшія отношенія половъ между собой и старалась скрывать ихъ, какъ что-то дурное, чего человѣкъ долженъ стыдиться; бракъ былъ для нея прежде всего „единеніемъ душъ“, даже половую любовь въ бракѣ она считала грѣховной или, по меньшей мѣрѣ, данью, которую вынужденъ платить человѣкъ своей нравственной немощи, своему удаленію отъ Господа. Внѣшнее освященіе брака путемъ возведенія его въ таинство и объявленіе его нерасторжимымъ не могло охранить его отъ внутренняго распада, на который обрекла церковь интимнѣйшія отношенія людей другъ къ другу. Послѣдствіемъ этого

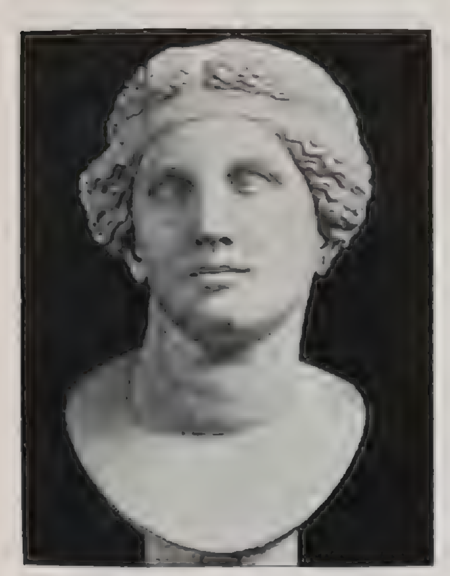

Рис. 289. Сафо.
(Бюстъ въ стар. Берлинск. музеѣ.)

явились лицемѣріе, ложная стыдливость, подавленіе лучшихъ чувствъ во имя ложнаго моральнаго ученія. И большей частью своихъ психологическихъ и нравственныхъ сторонъ женскій вопросъ обязанъ этому взгляду на любовь и бракъ, вкорененному римской церковью въ народное сознаніе.

Даже возведеніе Богоматери на небесный престолъ, которое должно будто бы доказывать, какъ высоко ставитъ церковь женскій полъ вообще, ничего не могло измѣнить въ дѣйствительномъ положеніи женщины. Вѣдь не женщина почиталась въ образѣ мадонны, не воплощеніе любви или материнства, какъ въ нѣкоторыхъ языческихъ культахъ, а непорочная Дѣва, ставшая матерью не силой любви своей, а силой чуда.

Половая любовь была заклеймена печатью грѣха, — какъ привилегія, она была предоставлена презрѣннѣйшимъ изъ женщинъ — вотъ тяжкій, глубокій ущербъ, который нанесла церковь всему умственному и душевному развитію женщины. Онъ послужилъ причиной къ возбужденію внутренняго разлада въ существѣ женщины, а между тѣмъ личность ея могла бы созрѣть и производить духовныя цѣнности только при условіи тѣснѣйшаго сліянія со всей душой ея сферы любви и материнства.

Зато дѣятельность церкви въ другой области — въ области монастырской жизни — повидимому, даже способствовала духовному развитію женщинъ. Въ ту эпоху, когда число одинокихъ женщинъ тѣмъ болѣе росло, чѣмъ больше мужчинъ, отдавшись духовному служенію, отвлекалось отъ семейной жизни, и необезпеченность жизни заставляла искать надежной защиты, — женскіе монастыри являлись убѣжищемъ для тысячъ женщинъ. Массами хлынули женщины за ихъ надежныя стѣны. Монастырь или домашній очагъ — иного выбора онѣ не имѣли; и если многія устремлялись въ монастыри ради крова и пищи, то все же очень велико было и все болѣе и болѣе возростало и число такихъ женщинъ, которыя рвались прочь отъ грубыхъ уродливостей жизни и которыхъ монастырь привлекалъ, какъ убѣжище для мирнаго труда и духовныхъ интересовъ. Въ сравненіи съ обычнымъ образованіемъ, достававшимся въ удѣлъ женщинамъ, въ монастыряхъ имъ становилась доступной высокая ученость. Тамъ онѣ изучали классическіе языки и нѣкоторыя отрасли наукъ, и нерѣдко мудрая монахиня являлась совѣтчицей папъ и королей. Такой женщиной была, напримѣръ, Гильдегарда фонъ Боккельгеймъ, настоятельница Руппрехтсгаузенскаго монастыря, которая написала (въ XI столѣтіи), помимо житій святыхъ, много сочиненій по физикѣ и зоологіи. На такой же ступени образованія стояла знаменитая „сѣверная ясновидица“, Бригитта Шведская и Гротсвитская, латинская поэтесса эпохи Оттона Великаго. Многія ученыя монахини занимались переписываніемъ старинныхъ сочиненій, рисованіемъ иниціаловъ и миніатюръ, были учительницами въ женскихъ школахъ своихъ монастырей, сидѣлками при больныхъ, занимались вышиваньемъ, тканьемъ, стиркой бѣлья. Такъ рѣшили отчасти монастыри женскій вопросъ въ средніе вѣка, не только доставляя убѣжище огромному числу одинокихъ женщинъ, но и дѣлая для нихъ доступными высшія ступени умственнаго развитія и самостоятельныя профессіи.

Но создать что-нибудь великое, оригинальное для женской творческой мысли ученыя монахини среднихъ вѣковъ христіанства были такъ же безсильны, какъ и образованныя гетеры языческой древности: и тѣ, и другія были существа двуполыя, не способныя къ самостоятельному творчеству, — въ лучшемъ случаѣ, подражатели мужскимъ образцамъ.

II.

Когда на классической почвѣ возродились къ новой жизни античныя искусство и наука, женщины (принадлежавшія къ зажиточнымъ кругамъ) приняли участіе въ созданіи духовныхъ сокровищъ, наросташихъ въ неисчерпаемомъ изобиліи, — и тогда это уже не стоило имъ борьбы и усилій. Обширная область домашняго хозяйства не поглощала уже до такой степени, какъ въ прежніе вѣка, все ихъ время и всѣ силы; ремесла и промышленность взяли на себя изготовленіе множества предметовъ обихода, а грубая повседневная работа была цѣликомъ возложена на служанокъ. Такимъ образомъ, естественнымъ слѣдствіемъ освобожденія зажиточной части женщинъ отъ бремени однообразнаго труда явилось то, что онѣ начали живѣе интересоваться искусствомъ, окружавшимъ ихъ, и наукой, о которой вокругъ толковали, а нѣкоторыя, наиболѣе даровитыя женщины начали выбирать ученыя профессіи или посвящать себя искусству. Въ домахъ купцовъ и во дворцахъ вельможъ дѣти обоего пола получали одинаковое образованіе подъ руководствомъ гуманитарно образованныхъ преподавателей. Выдающіеся педагоги посвящали всѣ свои силы образованію своихъ питомицъ, такъ что, напримѣръ, нѣкая Сесилія Гонзага подъ руководствомъ Битторино де Фельтре въ совершенствѣ овладѣла классическими языками въ десятилѣтнемъ возрастѣ, а Олимпія Фульвія Мората (рис. 290) въ шестнадцатилѣтнемъ возрастѣ читала научныя лекціи слушателямъ.

Рис. 290. Олимпія Фульвія Мората.

Но цѣль образованія заключалась не въ односторонней учености, — оно стремилось къ гармоническому развитію всѣхъ способностей, индивидуализаціи всего человѣка. Великимъ завоеваніемъ эпохи Возрожденія для женщинъ было, слѣдовательно, не то, что открылся доступъ въ университеты для женщинъ и слава

нѣкоторыхъ женщинъ-ученыхъ прогремѣла по всему тогдашнему міру, — а въ признаніи женщины самостоятельнымъ человѣкомъ. Высшая форма общенія между полами, о которомъ разсказываютъ итальянскіе новеллисты и біографы, служитъ достаточнымъ доказательствомъ этого. Бесѣды текли не только за столомъ, предметомъ ихъ была не только любовь, женщина была не только экономкой или возлюбленной, она принимала участіе въ научныхъ бесѣдахъ, ей читали свои произведенія Данте, Петрарка, Боккаччіо, и зрѣлое сужденіе женщинъ цѣнилось наравнѣ съ мужскимъ, часто къ нему даже больше прислушивались. Такія женщины, какъ Катерина Корнаро (рис. 291) въ Венеціи, Изотта Малатеста въ Римини, Эмилія Піа въ Урбино, Изабелла да Эсте въ Мантуѣ, Вероника Гамбарра въ Болоньѣ были центромъ кружковъ, жившихъ высшими духовными интересами, отъ мнѣнія которыхъ зависѣла слава не одного поэта и художника.

По фотогр. бр. Алинари во Флоренціи
Рис. 291. Катерина Корнаро.
(По портрету Тиціана.)

Большая относительно свобода, которой пользовались женщины эпохи Возрожденія, самостоятельность, съ которой онѣ слѣдовали своимъ собственнымъ убѣжденіямъ и чувствамъ, дала поводъ фанатикамъ религіи и морали провозгласить ихъ необычайно безнравственными созданіями, — а нѣкоторые еще до сихъ поръ ссылаются на ихъ примѣръ для доказательства того, что женщина развращается, когда хочетъ стать равной мужчинѣ. Но если сопоставить умственно очень неразвитыхъ въ общемъ женщинъ Франціи и Англіи XV и XVI столѣтій съ высоко-образованными и развитыми женщинами Италіи той же эпохи, — результатъ сравненія будетъ безусловно въ пользу послѣднихъ. Онѣ не были тупо покорными мученицами, не были и хитрыми, коварными интриганками, и потому онѣ часто разрывали узы позорнаго и унизительнаго супружества и повиновались голосу сердца.

Но такъ какъ супружеская вѣрность считалась долгія столѣтія спеціально женской добродѣтелью, и мужъ требовалъ ея отъ жены, какъ свое право, по закону, потому что она съ мо-

По фотогр. Броджи во Флоренціи.
Рис. 292. Элеонора Гонзага (La Bella).
(По портрету Тиціана.)

мента вступленія въ бракъ становилась его собственностью, которой онъ одинъ могъ распоряжаться по своему усмотрѣнію, — то стражи добродѣтели древняго и новаго времени смотрѣли и смотрятъ всегда на невѣрность женщины, какъ на преступленіе, тогда какъ къ мужской невѣрности относятся съ снисходительной улыбкой. Что потребность любви у многихъ женщинъ очень часто такъ же измѣнчива, какъ и у мужчинъ, — этого не хотятъ признать, хотя исторія женщины даетъ довольно такихъ примѣровъ: во всякую историческую эпоху и во всѣхъ общественныхъ кругахъ, когда только женщина получала возможность свободнаго развитія, повышался не только ея умственный уровень, но и сердечная жизнь ея становилась разностороннѣе. Объ этомъ свидѣтельствуетъ цѣлый рядъ портретовъ и бюстовъ женщинъ Ренессанса. Стоитъ посмотрѣть на тиціановскую Элеонору Гонзага (La Bella, — рис. 292) съ ея глубокими глазами, на Катерину Корнаро (его же, рис. 291) съ лицомъ, въ которомъ борется энергія и скорбь, на Мону Лизу Леонардо да Винчи (рис. 295) съ ея таинственной улыбкой, таящей въ себѣ такъ много понятаго и невысказаннаго, на бюстъ принцессы Неаполитанской Лаураны (рис. 293), опущенныя вѣки которой скрываютъ горячіе взоры, на бюстъ принцессы Урбино Сеттиньяно (рис. 294) съ ея презрительно сжатыми губами, — всѣ онѣ повѣствуютъ о богатой жизни яркихъ индивидуальностей и представляютъ разительный контрастъ съ условными лицами мадоннъ XIII и XIV столѣтій.

По фотогр. Мартенса въ Берлинѣ.
Рис. 293. Принцесса Неаполитанская.
(Съ портр. работы Фр. Лауранье.)

По фотогр. Мартенса въ Берлинѣ.
Рис. 294. Принцесса Урбино.
(По портр. работы Дезид. Сеттиньяно.)

И все же то, что изображало

искусство, было только слабымъ отблескомъ тогдашней женской жизни. Во всемъ яркомъ блескѣ и величіи, во всемъ пышномъ расцвѣтѣ добродѣтелей и пороковъ нашла она свое совершеннѣйшее отраженіе въ образѣ Лукреціи Борджіа, дочери папы и одной гетеры, женщины, въ двадцатилѣтнее царствованіе которой Феррара стала центромъ художественной культуры и гуманитарной образованности. Кто захочетъ прослѣдить истинные источники этой бурно-стремительной кипучей жизни, одинаково страстной и въ чувствѣ любви, и въ глубокомъ материнскомъ чувствѣ, — тотъ увидитъ, что этотъ потокъ бралъ свое начало въ необычайномъ богатствѣ чувства; женскій умъ только тогда своеобразенъ, когда его оплодотворяетъ чувство.

Эпоха Ренессанса даетъ намъ самое яркое доказательство того, что высокіе подъемы культуры всегда совпадаютъ съ сознательнымъ отбрасываніемъ аскетизма, съ энергичнымъ утвержденіемъ жизни, — и женщины Ренессанса также доказываютъ, что свобода представляетъ и для женщины коренное условіе яркаго расцвѣта индивидуальности. Въ такія историческія эпохи, какъ Возрожденіе, повторяется то, что мы могли наблюдать и въ періодъ расцвѣта Греціи: духовный ростъ гетеры. Имперія, Тулія д'Арагона, Вероника Франко должны быть поставлены рядомъ съ Діотимой и Аспазіей. Насколько личность Лукреціи Борджіа типична для своей эпохи и своего общественнаго круга, настолько же личность Діаны де Пуатье (рис. 296) можетъ считаться воплощеніемъ одухотвореннаго гетеризма той же эпохи. Прелестной возлюбленной двухъ французскихъ королей Франція обязана самыми прекрасными цвѣтами своего художественнаго Ренессанса. Ея образованность, ея умъ, ея вкусъ оказали несомнѣнно болѣе прочное вліяніе на теченія этой эпохи, чѣмъ ученыя сочиненія ея современницъ, добивавшихся только лавровъ личной славы.

По фотогр. А. Жиродона въ Парижѣ.

Рис. 295. Мона Лиза.

(По картинѣ Леонардо да Винчи.)

Тамъ, гдѣ общее образованіе женщины вырождалось въ одностороннюю ученость и гдѣ женщины выступали какъ худож-

ники, поэты и ораторы, — больше всего бросается въ глаза одна характерная черта: и научныя, и художественныя созданія ихъ носятъ чисто мужскую печать, и высшей похвалой, которой ихъ чтили, было признаніе за ними мужского ума. Еще женщина-теологъ Булонна, бывшая въ XIII столѣтіи проповѣдникомъ въ Болоньѣ и ставшая профессоромъ, славилась „мужской си-

По снимку Браунъ и К⁰ въ Дорнахѣ.

Рис. 296. Діана де Пуатье.

(По портрету Франсуа Клуэ.)

лой“ своего ораторскаго таланта. Новелла д'Андреа, очаровательная преподавательница каноническаго права, и Магдалена Буонсиньори, знаменитый авторъ сочиненія „De legibus connubialibus“ были правовѣдами съ „мужской глубиной ума“. Изотта Ногаролла, читавшая доклады передъ папами и королями, Кассандра Феделе, читавшая лекціи въ Падуѣ, Ипполита Сфорца, обратившаяся съ привѣтственной рѣчью

къ папѣ на соборѣ въ Мантуѣ, Изикратеа Монти и Эмилія Брембати, ораторскій талантъ которыхъ привлекалъ сотни слушателей, — всѣ онѣ полагали свое высшее честолюбіе въ томъ, чтобы заставить забыть о своемъ полѣ.

И такимъ всеобщимъ распространеніемъ пользовался этотъ взглядъ, что даже выдающіяся женщины давали иногда самимъ себѣ обѣтъ цѣломудрія, потому что не могли найти гармоническаго слiянія служенія наукѣ или искусству съ физической жизнью женщины и матери. Къ нимъ принадлежала Витторія Колонна (рис. 295), знаменитая поэтесса, безсмертная подруга Микель-Анджело. И она не сумѣла, при всей умственной высотѣ, на которой она стояла, несмотря на крупныя духовныя силы, которыми она обладала, перекинуть мостъ черезъ пропасть, отдѣляющую женщину, какъ половое существо, отъ женщины, какъ художника и ученаго. И на этомъ пунктѣ не сумѣли устоять даже женщины Ренессанса, потому что роль, которую онѣ играли въ духовной жизни, какъ сила творческая, а не только направляющая и критическая, явилась не результатомъ движенія, выросшаго изъ внутренняго развитія всего женскаго существа, а сознаніемъ разомъ освободившихся отъ духовныхъ путъ отдѣльныхъ женщинъ. Оттого-то это явленіе не имѣло глубокихъ послѣдствій; оно не было даже достаточнымъ доказательствомъ духовнаго равенства женщинъ, потому что онѣ слишкомъ робко шли по слѣдамъ мужчины, вмѣсто того чтобы доказать, что онѣ сумѣютъ пойти и своимъ собственнымъ путемъ.

Судя поверхностно, можно было бы заключить, на основаніи безчисленнаго количества трактатовъ того времени о женщинахъ, объ ихъ славѣ и способностяхъ, что женское движеніе пустило глубокіе корни. Но болѣе глубокое и внимательное изслѣдованіе доказываетъ, что многіе писатели, слѣдуя обычаю древнихъ культурныхъ народовъ, исповѣдывали истинный героическій культъ, и всякій мнилъ себя Плутархомъ, если писалъ біографіи знаменитыхъ мужей; нельзя же было не писать біографій и знаменитыхъ женщинъ, такъ какъ онѣ всюду оказывались на переднемъ планѣ духовной жизни. Первый примѣръ подалъ Боккачіо, описавъ въ одномъ написанномъ по-латыни трактатѣ цѣлый рядъ выдающихся женщинъ — отъ грековъ до своего времени. Какъ мало это сдѣлало его борцомъ за женское дѣло, доказываетъ одна рѣзкая сатира на женскій полъ: „Il corbaccio“. За нимъ послѣдовало множество подражателей, старавшихся перещеголять другъ друга не умомъ и остроуміемъ, а количествомъ восхваляемыхъ женщинъ, пока наконецъ всѣхъ ихъ затмилъ Петеръ П. Рибера своимъ сочиненіемъ о безсмертныхъ тріумфахъ и геройскихъ подвигахъ восьмисотъ сорока пяти женщинъ. Отнынѣ стоило сдѣлать еще шагъ впередъ по однажды проторенному пути, чтобы дойти до патетическихъ восхваленій преимущества женскаго пола передъ мужскимъ и чтобы этотъ вопросъ сдѣлался предметомъ нескончаемыхъ толковъ въ обществѣ, на которомъ изощрялось остроуміе и ораторское искусство.

Особенно глубокаго слѣда вся эта литература въ Италіи не оставила, такъ какъ она очень мало отвѣчала всеобщей потребности и могла быть интересна только тѣмъ немногимъ женщи-

намъ, которыя, благодаря своимъ благопріятнымъ внѣшнимъ условіямъ, въ состояніи были помѣряться съ мужчинами равнымъ оружіемъ. А число такихъ женщинъ было незначительно въ сравненіи съ общимъ числомъ женщинъ и съ періодомъ времени, на который надо распредѣлить внушительное число восьмисотъ сорока пяти риберовскихъ женщинъ. Испанія, женщины которой могли тогда больше другихъ похвастать мужскимъ умомъ, также выдвинула очень немного дѣйствительно выдающихся ученыхъ женщинъ; среди нихъ особенно видное мѣсто заняли ученый теологъ Изабелла да Кордова и талантливый ораторъ Юліанна Морелли (Барцелона), одинаково хорошо владѣвшая четырнадцатью языками.

Въ то время, какъ въ Италіи и Испаніи женщины не имѣли надобности бороться за право участія въ духовной жизни своей страны, имѣя право учиться и учить, — положеніе ихъ во Франціи, въ Англіи и, главнымъ образомъ, въ Германіи было совершенно иное. Онѣ жили въ экономическомъ угнетеніи и блага науки и искусства получали только изъ вторыхъ и третьихъ рукъ. Вотъ почему вначалѣ только немногія женщины добивались по примѣру итальянокъ духовнаго развитія и умственнаго равноправія. И, что очень характерно для положенія дѣлъ въ средніе вѣка — это стремленіе проявлялось часто въ связи съ потребностью самостоятельнаго заработка.

По фотогр. бр. Алинари во Флоренціи.
Рис. 297. Витторія Колонна.
(По картинѣ Муціано.)

Классическимъ примѣромъ такихъ пробуждающихся стремленій служитъ французская писательница Кристина де Пизанъ. Рано овдовѣвъ, она оказалась вынужденной сама выкормить и вырастить своихъ дѣтей. Такъ какъ она получила, по понятіямъ того времени (XV в.), хорошее образованіе, то она съ желѣзной энергіей взялась за пополненіе его и добилась возможности прокормить себя и дѣтей своими литературными трудами. Своимъ романомъ о розѣ и своей исторіей Карла V она составила себѣ имя далеко за предѣлами своей родины. Но изъ всѣхъ ея работъ наиболѣе интересно для сужденія о женскомъ вопросѣ въ то время ея полемическое сочиненіе „La cité des dames". Она описывала въ немъ жизнь и дѣятельность итальянской женщины-юриста Новеллы д'Андреа и, воспользовавшись этимъ поводомъ, выступила на защиту научнаго образованія женщины, заявивъ въ заключеніе, что мужчины только потому возстаютъ противъ образованія женщинъ, что боятся ихъ умственнаго превосходства. Кристинѣ де Пизанъ принадлежитъ слава перваго защитника перомъ дѣла женской эмансипаціи; судьба предназначила ее для этого самой жизнью, полной борьбы. Почвой, на которой произросли женскій вопросъ и женское движе-

ніе, явился не югъ, осыпающій дѣтей своихъ такимъ изобиліемъ богатства и красоты, что могъ бы не обдѣлить и женщинъ, а страны центральной и сѣверной Европы, въ которыхъ борьба за существованіе захватываетъ всѣхъ, не исключая и женщины. Разумѣется, женщины, сумѣвшія сознать тяжелое и угнетенное положеніе своего пола и дерзнувшія высказаться о немъ, не могли быть изъ числа самыхъ униженныхъ. Эти должны были стоять на болѣе или менѣе высокой ступени развитія и образованія, потому что глубокое униженіе и рабство притупляетъ, убиваетъ всякую энергію, не оставляя мѣста даже чувству недовольства своимъ положеніемъ.

Вотъ почему первой преемницей Кристины де Пизанъ во Франціи была женщина того же круга: мадмуазель де Гурнэ, пріемная дочь Монтэня. Она провозгласила равноправіе женщины за исключеніемъ воинской повинности. Прямого практическаго результата эти стремленія, разумѣется, не имѣли, но въ связи съ вліяніемъ гуманизма, съ расцвѣтомъ искусства и литературы, съ ростомъ благосостоянія высшихъ классовъ, явившимся слѣдствіемъ усилившейся эксплоатаціи народа, — они повліяли на улучшеніе дѣла женскаго образованія. Въ смыслѣ ума и знаній изъ толпы ученыхъ женщинъ выдѣлилась одна королева, ставшая почти легендарной фигурой: Маргарита Наваррская, сестра Франциска I (рис. 298). Ея разсказы, стихотворенія, въ особенности же ея переписка, даютъ яркую и живую картину умственной жизни XVI столѣтія со всѣмъ его легкомысліемъ и со всей граціозной красотой, — но въ нихъ также всюду можно видѣть слѣды подражанія итальянскимъ образцамъ. Ея тетка, такая же талантливая, но въ противоположность ей безнравственная, — Маргарита Валуа, супруга Генриха IV, писавшая 50 годами позже ея, отличалась болѣе самостоятельнымъ стилемъ и, полная презрѣнія къ окружавшимъ ее безвольнымъ и умственно ничтожнымъ мужчинамъ, злившимся на ея умъ и энергію, написала сочиненіе о превосходствѣ женскаго ума.

Рис. 298. Маргарита Наваррская.
(По гравюрѣ Бутруа.)

Но все же значительными трудами въ области науки французскія женщины похвалиться не могутъ. Изъ толпы посредственностей выдѣляется одна единственная женщина: Анна, дочь ученаго филолога Таннгюи Лефебра и супруга его незначительнаго ученика, Андрэ Дасье. Ей принадлежатъ первые переводы на французскій языкъ Плавта и Аристофана, Теренція и, главнымъ образомъ, Гомера, а полемическое сочиненіе ея „Traité des causes de la corruption du goût“ (о причинахъ испорченности вкуса), въ которомъ она энергично опровергаетъ на

падки Ламотта на Иліаду и Одиссею, надолго сохранило интересъ и значеніе. Неудивительно, что Анна Дасье (рис. 299) такъ и осталась въ одиночествѣ, потому что ученость, которая должна была бы сдѣлаться средствомъ умственнаго освобожденія, сознательной и облагороженной жизни для всѣхъ, сдѣлалась капризомъ моды высшаго круга и выродилась, въ концѣ концовъ, въ карикатурную форму. Какъ и въ Италіи, женщины Франціи не сумѣли найти гармоніи между своей женской природой и своимъ научнымъ образованіемъ. И онѣ, какъ и итальянки, часто отрѣшались отъ любви и материнства, чтобы отдаться безъ помѣхи своимъ занятіямъ. Мы знаемъ, что, напримѣръ, извѣстныя „жеманницы" отеля Рамбуйлье на безъ основанія навлекли на ученыхъ женщинъ насмѣшки, — и Мольеръ, заклеймившій ихъ неестественность убійственной насмѣшкой въ своихъ комедіяхъ „Précieuses ridicules" („Жеманницы") и „Femmes savantes" (Ученыя женщины"), показалъ себя, въ сущности, не врагомъ, а другомъ женщинъ.

Рис. 299. Анна Дасье.
(По портр. работы Фердинанда.)

Гораздо больше, чѣмъ на духовное развитіе Франціи, повліяло возрожденіе классической древности на духовное развитіе Германіи. Но времена были слишкомъ тяжелыя, массы народа были слишкомъ бѣдны и женщины слишкомъ глубоко погрязли въ тѣсномъ кругѣ своихъ домашнихъ заботъ, чтобы могли въ сколько-нибудь значительной степени пріобщиться къ этому движенію. Съ крайне медленной постепенностью проникалъ духъ новаго времени изъ кабинетовъ ученыхъ въ аудиторіи университетовъ, чтобы добраться и до нихъ. Расцвѣтомъ женской учености отмѣчены въ Италіи, въ Испаніи и отчасти и во Франціи XV и XVI вѣка, тогда какъ въ Германіи она зародилась только въ началѣ XVII вѣка. Но гуманисты гораздо раньше все же начали углубляться въ теоретическія обсужденія женскаго вопроса, выдвинутаго Италіей въ эпоху возрожденія, открывшую женщинамъ доступъ къ классическому образованію. То, что совершилось тамъ безъ борьбы, подъ непосредственнымъ вліяніемъ великихъ духовныхъ завоеваній, педантично-аналитическій нѣмецкій умъ могъ усвоить только построивъ предварительно обширныя и сложныя теоріи, — а медлительный, искусственно-задержанный въ своемъ развитіи умъ нѣмецкой женщины могъ переварить чуждую пищу лишь въ гомеопатическихъ дозахъ.

Однако, при всѣхъ теоретическихъ разсужденіяхъ, женское

образованіе продолжало ограничиваться элементарнѣйшими познаніями; какая-нибудь Харита Пиркгеймеръ, знакомившаяся въ домѣ своего брата со свѣтилами нѣмецкаго искусства и науки и, подобно принцессамъ при дворахъ итальянскихъ меценатовъ, жившая среди нихъ, — представляла одно изъ очень рѣдкихъ исключеній. Дворянство того времени отличалось грубостью, буржуазія—ограниченностью и трусостью, дворы владѣтельныхъ князей были малы и бѣдны. Перемѣна наступила только въ XVII столѣтіи. Но именно въ эту пору, когда въ сферѣ знаній появилась усталость, непродуктивность, мертвенность, — пробудившаяся, наконецъ, потребность женщинъ въ высшемъ образованіи не могла найти живого удовлетворенія. Правда, высокопоставленныя женщины, вродѣ Анны Маріи Крамеръ, которая въ 12 лѣтъ отъ роду одерживала побѣды надъ старыми профессорами въ ученыхъ диспутахъ; правда, нѣкоторыя отдѣльныя женщины достигали такой высоты учености, что ихъ труды переживали ихъ; во славу ихъ лились, правда, потоки чернилъ; но среди всѣхъ ихъ нельзя было найти ни одной, дѣйствительно высоко образованной, умственно зрѣлой и въ то же время женственной личности. Ученость ихъ была чисто поверхностной, вся она была не что иное, какъ тотъ фаустовскій „ученый хламъ“, который натуры сильныя сбрасываютъ съ себя, какъ пестрыя тряпки, чтобы, только освободившись отъ него, стать самими собой. Такого рода попытку сдѣлала, пожалуй, Елизавета Пфальцская, дочь несчастнаго короля, достигшая, благодаря трагическимъ переживаніямъ, болѣе или менѣе глубокаго міросозерцанія.

Рис. 300. Анна Марія Шурманнъ.
(По гравюрѣ Лармессина.)

Она была вначалѣ ревностной ученицей Декарта, съ которымъ состояла въ оживленной перепискѣ, и въ концѣ концовъ забросила всѣ ученыя книги, не удовлетворявшія ея душу, когда почувствовала, что вся заученная мудрость не въ состояніи утолить жажды поисковъ смысла жизни. Тогда она обратилась къ мистическимъ сектамъ лабадистовъ и квакеровъ, такъ какъ и онѣ искали и не находили единства между жизнью и знаніемъ. Къ числу ея друзей принадлежала прославленная сверхъ заслугъ

голландка Анна Марія ванъ Шурманъ (рис. 300), провозглашенная чудомъ вѣка, десятой музой. Но и она потерпѣла крушеніе въ своей вѣрѣ въ себя и въ свою мудрость и также послѣдовала въ смиренномъ покаяніи за новымъ пророкомъ Жакомъ Лаборди.

Почти точно такъ же сложилась судьба ученой королевы Христины Шведской; и ея жизнь знаніе не обогатило и не наполнило содержаніемъ, и она въ концѣ концовъ тоже бросилась искать въ религіи, перейдя въ католицизмъ, того, чего не находила до тѣхъ поръ: удовлетворенія своей одинокой душѣ.

III.

Картина духовной жизни женщины до наступленія XIX столѣтія была бы неполна и лишена своего истиннаго характера, если бы мы пропустили въ своемъ обзорѣ властительницу и хозяйку салона XVII и XVIII столѣтій. Марія Терезія (рис. 301) и русская императрица Екатерина II (рис. 286) дали своей жизнью и дѣятельностью интересные матеріалы для освѣщенія духовнаго міра женщины. Обѣ онѣ не только оказались вполнѣ на высотѣ своего положенія правительницъ, но и превзошли умомъ и энергіей десятки вѣнценосцевъ-мужчинъ. Обѣ онѣ отличались пламеннымъ честолюбіемъ, но Марія Терезія безусловно подчинила имъ свои личныя потребности и склонности, тогда какъ для Екатерины честолюбіе не было желѣзнымъ обручомъ, сковывающимъ ея личность, а только одной изъ многихъ страстей, въ которыхъ проявлялась ея мощная натура. Марія Терезія была „прирожденной правительницей“; все личное — человѣческое и женское — она душила въ себѣ во имя единственной задачи, которой она всецѣло отдалась. Екатерина же воспользовалась всей полнотой свободы развитія, доступной женщинѣ только на такой высотѣ жизни, чтобы проявить во всей широтѣ свою индивидуальность. Каковъ же былъ результатъ? Онъ не былъ бы инымъ, если бы она и была мужчиной. Ея любовныя увлеченія, возводившія на высоту ея фаворитовъ и дававшія имъ въ руки вліяніе, ничѣмъ не отличались отъ увлеченій мужчинъ-властителей, давшихъ фавориткамъ ихъ историческое значеніе. Но вотъ что интереснѣе: Екатерина, бывшая по меньшей мѣрѣ такой же выдающейся властительницей, какъ и Марія Терезія, отличалась отъ нея тѣмъ, что сумѣла проявить своей литературной дѣятельностью (изъ произведеній ея, наряду съ пьесами, заслуживаютъ быть отмѣченными прежде всего ея воспоминанія и переписка съ духовными вождями ея эпохи) то богатство духовнаго міра, которое осталось недоступнымъ австрійской императрицѣ. Для доказательства тѣсной связи между удовлетвореніемъ любовныхъ потребностей и индивидуальной энергіи умственнаго развитія и производительности женщины понадобилось бы, правда, привести значительное число убѣдительныхъ примѣровъ, — но въ связи съ остальными данными о душевной жизни женщины, которыми мы располагаемъ, даже единственный примѣръ такой, какой намъ даетъ Екатерина, представляется чрезвычайно вѣскимъ.

Говоря о духовной производительности женщинъ, имѣютъ

обыкновенно въ виду, по аналогіи съ мужской производительностью, только положительную дѣятельность въ области науки и искусства, причисляя къ нимъ, во вниманіе къ выдающимся образамъ правительницъ, еще и государственный умъ и энергію. Но при этомъ упускаютъ изъ виду другую обширную область, немаловажную по числу написанныхъ томовъ и картинъ, — область женскаго вліянія на ихъ эпоху и ея представителей — мужчинъ. А между тѣмъ сказывающаяся въ этихъ документахъ духовная жизнь женщины имѣла нерѣдко гораздо большее значенія для развитія человѣчества, чѣмъ иныя ухищренныя изслѣдованія женщинъ-ученыхъ.

Съ этой точки зрѣнія образъ хозяйки салона XVII и XVIII столѣтій въ общемъ не заслуживаетъ того пренебрежительнаго отношенія, которое ему начали оказывать теперь. Въ сравненіи съ женщиной Возрожденія она, конечно, имѣетъ видъ изящной игрушки рядомъ съ классическимъ художественнымъ произведеніемъ. Подобно тому, какъ власть моды искажала все естественное въ наружности, насильственно перетягивая талію, увеличивая до чудовищныхъ размѣровъ ширину бедеръ фижмами, лишая волосы ихъ естественнаго цвѣта съ помощью пудры, превращая лицо въ маску всякими притираніями и мушками, — такъ нерѣдко убивались и искажались и естественныя чувства. Словно заразительная болѣзнь, распространялся вокругъ упадокъ нравственности, гдѣ любовь служила не высшимъ двигателемъ жизни, а только средствомъ для удовлетворенія жажды наслажденій. И все же женская психика сумѣла и въ это время развернуть свои крылья.

Рис. 301. Марія Терезія, императрица Австрійская.
(По портр. работы М. Мейтенса.)

Такіе женскіе образы, какъ маркиза Помпадуръ, живая индивидуальность которой способствовала изумительному расцвѣту искусства ея времени, плодотворное вліяніе которой можно прослѣдить во многихъ различныхъ областяхъ общественной жизни, или мадемуазель де Леспинассъ, Нинона де л'Анкло (см. томъ II), въ салонахъ которыхъ черпали вдохновеніе величайшіе умы ихъ эпохи, — такіе образы не должны оцѣниваться съ точки зрѣнія суроваго судьи нравственности, потому что ихъ міръ любви нельзя втиснуть въ традиціонныя формы. Мемуары и переписка той эпохи обличаютъ такое богатство духовной жизни и такую теплую искренность чувства, которыя не могли зародиться на болотистой почвѣ порока, а

только доказываютъ, что для женской психики, какъ и для мужской, вольный воздухъ внѣшняго міра является условіемъ жизни и развитія. Насиліе и гнетъ во всѣ времена, если — въ лучшемъ случаѣ — и порождали добродѣтели, то рабскія добродѣтели, но гораздо скорѣе и больше рабскіе пороки и рабскій образъ мыслей. Вотъ почему все то, что до сихъ поръ порицалось и восхвалялось, какъ свойства женскаго сердца и женскаго ума, можетъ быть названо естественными признаками пола только тогда, когда будутъ устранены внѣшній гнетъ и внѣшнія преграды къ развитію.

Если эпоха Возрожденія, слѣды которой можно прослѣдить до Нинона де л'Анкло (женщины, великой заслугой которой надолго останется то, что она воскресила античный восторгъ передъ физической красотой и вновь показала, что красота, какъ и умъ, можетъ подняться на высоту жизненной цѣнности), разбила тѣ оковы, въ тискахъ которыхъ сердце женщинъ не могло естественно биться, то воспитательной миссіей XVIII столѣтія, несомнѣнно, было то, что оно изощрило, хотя бы и за счетъ сердца, умъ женщины. Способность критическаго сужденія ея развилась въ невѣдомой дотолѣ степени. Она стала властелиномъ не только въ области общественныхъ отношеній, моды, изящныхъ искусствъ, но и въ политикѣ. Она руководила королями, министрами и дипломатами въ ихъ рѣшеніяхъ, вліяла на ихъ симпатіи и антипатіи. Въ салонахъ графини Буффлеръ, Эстрадъ, герцогини де Грамонъ, Прэнъ и Ланжакъ сходились нити всей внѣшней и внутренней политики. Царство женщинъ было, какъ говорилъ Монтескье, государствомъ въ государствѣ: „Тотъ, кто видитъ дѣйствія министровъ и не знаетъ женщинъ, властвующихъ надъ ними, — похожъ на человѣка, который видѣлъ бы работу машины, но не зналъ бы той силы, которая ее приводитъ въ движеніе". Эта политика черныхъ лѣстницъ, единственная, какая могла быть доступна женщинамъ, такъ какъ оффиціальныхъ правъ онѣ не имѣли, должна была оказать вредное вліяніе на ихъ характеръ, такъ какъ, чѣмъ больше хитрости и интриганства онѣ проявляли, тѣмъ большаго онѣ добивались. Но, съ другой стороны, это пробуждало ихъ интересъ къ общественной жизни, онѣ научались смотрѣть на нее собственными глазами, и такимъ образомъ хозяйки салоновъ ancien regime содѣйствовали прокладыванію того пути, по которому пошли женщины революціи.

Обозрѣвая, однако, всю эту эпоху и положеніе женщины въ ней, мы не можемъ не отмѣтить одно бросающееся въ глаза явленіе: несмотря на все вліяніе женщинъ, на огромную роль, которую онѣ играли, при всемъ развитіи ихъ критической мысли, — мы совершенно не находимъ у нихъ самостоятельной творческой работы ни въ области науки, ни въ области искусства. То обстоятельство, что нѣкоторыя посредственныя писанія, авторами которыхъ были женщины, могли встрѣтить признаніе и даже восторженную хвалу, служитъ именно самымъ яркимъ доказательствомъ того, что женщины показали себя неспособными къ творческой работѣ. Подъ вліяніемъ Готшеда, въ Германіи были „увѣнчаны" званіемъ поэтессъ женщины, въ родѣ г-жи фонъ Циглеръ или г-жи Цейнеманъ и др., которыя

были, въ сущности, тщеславными риѳмоплетами самаго невысокаго сорта, и произведенія ихъ, какъ, напримѣръ, произведенія г-жи Готшедъ, явно носили всѣ признаки вымученной жажды славы.

Какъ въ извѣстныхъ кругахъ французскаго дворянства молодыя дѣвушки готовились воспитаніемъ къ желанной „карьерѣ“ королевскихъ фавоританокъ, такъ въ Германіи, особенно въ германскомъ ученомъ мірѣ, дѣвушки искусственно дрессировались для роли поэтессъ или ученыхъ. Доротея Эркслебенъ, получившая, съ ясно выраженнаго соизволенія молодого короля прусскаго, степень доктора въ Галле въ 1755 году, была еще, пожалуй, наиболѣе значительной среди нихъ. Даже нѣкогда всемірно-знаменитая Анна Луиза Каршинъ (рис. 302), врожденная талантливость которой не могла не обнаружиться, благодаря дрессировкѣ, которой ее подвергали ея поклонники, въ стихослагательствѣ, критеріемъ цѣнности котораго являлась большая или меньшая быстрота и техническая ловкость, — можетъ произвести на насъ только трагикомическое впечатлѣніе. Единственной женщиной, которую мы можемъ разсматривать какъ крупную фигуру и которой нѣмецкое сценическое искусство обязано своимъ освобожденіемъ отъ шутовства и паясничанья, въ которыхъ прозябала до тѣхъ поръ сцена на низменной ступени простого балагана, была Фридерика Каролина Нейберъ (рис. 303), странствующая комедіантка. Ее воспитала жизнь, а не латинская грамматика.

Рис. 302. Анна Луиза Каршинъ.

Причины поголовнаго духовнаго безплодія женщинъ съ одной стороны и отдѣльныхъ случаевъ проявленія творчества, но крайне несовершеннаго, съ другой — вполнѣ понятны и ясны для того, кто хорошо изучилъ эпоху: умныя и даровитыя хозяйки салоновъ и великія жрицы любви (grandes amoureuses) презирали материнство и отрекались отъ ребенка. Едва родивъ ребенка, мать отсылала его въ деревню къ кормилицѣ; кормить его самой не позволяли соображенія о красотѣ фигуры. Возвращаясь отъ кормилицы, ребенокъ поступалъ на попеченіе гувернера или гувернантки, которые старались наивозможно скорѣе сдѣлать изъ него юнаго барина или юную даму. Мать въ это время усиленно искала удовольствій и развлеченій, сама не подозрѣвая, что она ищетъ, въ сущности, того, что могъ бы дать ей ея покинутый ребенокъ: внутреннее богатое содержаніе жизни. Разъ сама она была человѣкомъ искалѣченнымъ, — какъ могла она создать что-нибудь великое и цѣльное? Если же дѣлались попытки создать изъ дѣвочки, вмѣсто будущей хозяйки салона,

ученаго или поэтессу, то при этомъ ставилась единственная цѣль: добиться того, чтобы ея созданія были совершенно одинаковы съ мужскими. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ, слѣдовательно, искусственно подавлялась специально женская природа.

Руссо первый разглядѣлъ своимъ геніально-зоркимъ взглядомъ ту болѣзнь, которая подтачивала жизненный нервъ женщины, изслѣдовалъ ея причины и безстрашно разоблачилъ ихъ. Пусть онъ своимъ средствомъ спасенія и промахнулся, попавъ мимо цѣли, — выразивъ желаніе, въ противоположность всему, что онъ видѣлъ, чтобы женщина воспитывалась только для дома, — все же та услуга, которую онъ оказалъ женщинамъ, перевѣшиваетъ это преувеличеніе. Онъ отвоевалъ ребенку отнятое у него дѣтство, женщинѣ — женственность, и избавительнымъ словомъ его для зашнурованной, какъ талія, женской души было: будь матерью! Какъ всѣ великіе реформаторы, онъ чутко уловилъ беззвучные вздохи и безмолвную тоску своихъ ближнихъ и первый нашелъ слова для этого. Безчисленное множество людей привѣтствовали его, какъ своего спасителя; вѣдь онъ сказалъ только то, что они сами смутно чувствовали, указалъ имъ только тотъ путь, котораго они сами давно искали ощупью и робко, какъ слѣпые. Прекрасно выразила исходившее отъ него обаяніе мадамъ д'Эпинэ въ своихъ мемуарахъ.

„И если бы я говорилъ языкомъ людей и ангеловъ и не имѣлъ бы любви, слова мои были бы мѣдь звенящая и кимвалъ бряцающій“, — прежде всего это относится къ женщинамъ. Никакія права, никакая свобода не послужатъ имъ ни къ чему и не сдѣлаютъ изъ нихъ одаренныхъ творчествомъ людей, — никакой широкій просторъ половому воспріятію тоже, — если онѣ будутъ лишать себя того блага, которымъ отмѣтила природа ихъ однѣхъ: материнской любви. Только изъ нея рождаются самые глубокіе инстинкты женщины: состраданіе и самопожертвованіе.

IV.

Всѣ великія революціонныя движенія имѣли своихъ женщинъ-борцовъ и мученицъ. Сострадательная, самоотверженная любовь къ человѣку вела женщинъ на крестъ и на эшафотъ, а свобода и справедливость были путеводными звѣздами ихъ товарищей по борьбѣ и страданіямъ, мужчинъ.

Что лучшія женщины понимали духъ XVIII столѣтія, борьбу за свободу, которымъ оно дышало, и пламенно увлекались имъ и участвовали въ борьбѣ, — въ этомъ заслуга той умственной революціи, которая предшествовала ей и главнымъ блестящимъ глашатаемъ которой явился для женщинъ Руссо. Насколько его идеи покорили именно женщинъ, доказательствомъ этого служатъ мемуары и переписка той эпохи.

Девяти лѣтъ отъ роду читала Манонъ Флиппонъ, впослѣдствіи мадамъ Роланъ (рис. 304), Плутарха и увлекалась образами античныхъ героевъ; 14 лѣтъ она, тогда воспитывавшаяся въ монастырѣ, утратила, благодаря сочиненіямъ Дидро и д'Аламбера, свою вѣру и стала пламенной ученицей Руссо. Такъ же приблизительно шло развитіе ея очаровательной соперницы въ дѣлѣ владычества надъ героями первой поры революціи — Софи

де Груши, маркизы де Кондорсэ, которая въ 20 лѣтъ измѣнила благоговѣйное отношеніе къ „Размышленіямъ“ Марка Аврелія и, подчинившись идеямъ Вольтера и Руссо, осталась имъ вѣрна всю жизнь. Но и другія женщины, не призванныя сыграть роль въ революціи, черпали пищу для своего ума изъ тѣхъ же источниковъ и передавали своимъ дѣтямъ, которымъ, подъ вліяніемъ Руссо, снова научились отдавать все лучшее, что сами имѣли. Не случайность это, что время перваго увлеченія „Эмилемъ“ совпадаетъ со временемъ рожденія и дѣтства героевъ революціи — Робеспьера, Дантона, Демулена и многихъ другихъ, потому что матери ихъ держали въ рукахъ „Contrat social“, съ молокомъ матери всасывали они идеалы равенства и свободы. Теоріи мыслителей, мечты философовъ взывали, какъ никогда до тѣхъ поръ, къ чувству и потому обратили женщинъ въ своихъ пламеннѣйшихъ послѣдовательницъ. Въ ихъ салонахъ собирались умственные вожди и руководители и цѣнили ихъ сужденіе безусловно такъ же и столько же, какъ сужденія мужчинъ, — всѣ общественныя отношенія были проникнуты тѣмъ электрическимъ флюидомъ, обаянію котораго не можетъ не поддаться всякій, захваченный его теченіемъ, и который пробуждалъ всѣ дремлющія силы духа къ энергичной дѣятельности. Между тѣмъ какъ часть женщинъ довольствовалась тѣмъ, что увлекалась мечтами о природѣ, свободѣ и равенствѣ, — другая часть дѣлала выводы изъ вновь обрѣтенной истины и начала вмѣшиваться не только критическимъ, но и фактическимъ вліяніемъ на теченіе внутренней политики.

Рис. 303. Фридерика Каролина Нейберъ.

Однако при оцѣнкѣ участія женщинъ Франціи въ политической жизни не слѣдуетъ упускать изъ виду одно обстоятельство: вліяніе Америки. Оно сказалось и въ Національномъ собраніи, и въ деклараціи правъ человѣка; вольный воздухъ, которымъ повѣяло отъ освободительныхъ войнъ, немало содѣйствовалъ и выметенію разнаго средневѣковаго хлама изъ Европы; женское движеніе въ революціонную эпоху также должно быть объяснено во многихъ своихъ чертахъ американскими вѣяніями.

Женщины Америки съ самаго же начала примкнули къ возстанію своей родины противъ англійскаго владычества. Мерси Отисъ Варренъ, сестра пламеннаго борца за свободу Джемса Отисъ, объединила въ своемъ салонѣ вождей движенія. Даже

когда Вашингтонъ еще и не думалъ объ окончательномъ отдѣленіи колоній отъ метрополіи, она требовала независимости Америки. Она состояла въ оживленной перепискѣ съ Джефферсономъ, и провозглашеніе независимости явно носитъ слѣды ея вліянія. Но въ то же время она и ея подруга, Авигаиль Смитъ Адамсъ, супруга перваго президента Соединенныхъ Штатовъ, были первыми передовыми бойцами за дѣло равноправія женскаго пола. Когда въ 1776 году континентальный конгрессъ собрался для обсужденія конституціи, Авигаиль Адамсъ писала своему мужу: „Если будущая конституція не удѣлитъ самаго заботливаго вниманія женщинамъ, то мы рѣшились на возстаніе и не сочтемъ себя обязанными подчиняться законамъ, которые не гарантируютъ намъ ни голоса, ни представительства нашихъ интересовъ“. Въ то же время она требовала допущенія женщинъ во всѣ учебныя заведенія, мотивируя свое требованіе заявленіемъ, что если государство хочетъ рождать героевъ, государственныхъ людей и философовъ, то оно должно имѣть прежде всего истинно-образованныхъ матерей. Вслѣдствіе этого требованія, женщинамъ былъ открытъ доступъ въ учебныя заведенія, но ихъ желаніе политическаго равноправія всѣмъ составомъ конгресса Соединенныхъ Штатовъ не было удовлетворено. Только Нью-Джерси и Виргинія явились первыми государствами въ мірѣ, даровавшими своимъ гражданкамъ избирательное право, — и этотъ законодательный актъ вызвалъ необычайную сенсацію далеко за предѣлами Америки.

Рис. 304. Мадамъ Роланъ.
Изъ соч. Э. Адлеръ „Die berühmten Frauen der französischen Revolution“.

Всѣ эти факты въ своей совокупности раздули яркимъ пламенемъ страстное увлеченіе женскимъ движеніемъ во Франціи. Такъ какъ почва была уже подготовлена, то она не могла остаться безплодной. Прежде всего сказалось стремленіе къ высшему образованію, какъ къ средству для болѣе активнаго и продуктивнаго вмѣшательства въ борьбу за вопросы современности. Собесѣдованія въ салонахъ, частное образованіе съ помощью книгъ перестали удовлетворять, — и вотъ въ 1786 году былъ основанъ, подъ руководствомъ Монтескье, Лагарпа и Кондорсэ, лицей, который вскорѣ сдѣлался сборнымъ пунктомъ самыхъ выдающихся женщинъ, и къ нимъ примкнулъ небольшой

кругъ мужчинъ, въ общемъ около 700 человѣкъ. Тамъ читали послѣдніе изъ энциклопедистовъ и ихъ послѣдователи математику, химію, физику, исторію, литературу и философію, но огневыя вѣянія революціи вскорѣ превратили ихъ ученыя лекціи въ пламенныя агитаціонныя рѣчи. Лагарпъ вышелъ на трибуну во фригійской шапочкѣ, а аудиторія, къ которой принадлежали мадамъ Роланъ, маркиза Кондорсэ и мадамъ Тальенъ, превратилась изъ слушателей въ дѣйствующихъ лицъ драмы, разыгравшейся за стѣнами лицея.

Съ этого момента духовная эмансипація женщинъ, ихъ участіе въ общественной жизни перестали ограничиваться кругомъ образованныхъ и зажиточныхъ лицъ. Не нужно было учености, чтобы понять страданія массъ, – для этого довольно было открытыхъ глазъ и теплаго сердца. Процессія женщинъ изъ народа, направившихся въ Версаль, — эта драматическая прелюдія была подсказана не только личнымъ страданіемъ, — это былъ страстный порывъ женскаго сердца, полнаго у всякой нормальной женщины материнской любовью и заботой ко всѣмъ страдающимъ и порабощеннымъ, — порывъ, который способенъ сдѣлать бѣднѣйшихъ и презрѣннѣйшихъ изъ нихъ подвижницами въ великіе всемірноисторическіе моменты.

Рис. 305. Олимпія де Гужъ.
Изъ соч. Э. Адлеръ „Die berühmten Frauen der französischen Revolution“

Типичными женскими образами въ эту эпоху, столь богатую оригинальными женскими индивидуальностями, можно считать француженку Олимпію де Гужъ (рис. 305) и англичанку Мэри Уольстонъ Крафтъ. Настоящее имя Олимпіи было Мари Гуэ, родители ея были простые мѣщане изъ Монтобана; но есть основаніе думать, что она родилась отъ связи своей матери Олимпіи (именемъ которой она называла себя впослѣдствіи) съ поэтомъ Ле Франъ де Помпиньянъ. Дѣвушка рѣдкой красоты (съ типичными чертами рода Бурбоновъ, что послужило поводомъ для слуховъ, что она дочь Людовика XV), она очень молодой вышла замужъ, но скоро сбросила съ себя оковы своего глубоко-несчастнаго брака. Олимпія отправилась въ Парижъ, гдѣ стала вскорѣ центромъ веселаго общества, сгруппировавшагося вокругъ нея, несмотря на очень несовершенное образованіе, единственно благодаря своему уму и изумительной красотѣ. Ничего нѣтъ удивительнаго въ томъ, что неопытное существо не сумѣло при этомъ уберечь свое сердце отъ бурныхъ страстей. Она познакомилась и съ глубокими пропастями, и съ вершинами жизни во всѣхъ отношеніяхъ, прежде чѣмъ достигла того, что стала передовымъ борцомъ за дѣло своего пола. Богатая фантазія ея искала для себя вначалѣ выхода въ литературномъ творчествѣ: она пробовала писать пьесы, но, разумѣется, несмотря на весь ея умъ и остроумную наблюдательность, онѣ большого успѣха имѣть не могли при ея скупомъ образованіи.

Подъ вліяніемъ все болѣе разгоравшейся революціи, она вскорѣ бросила эту дѣятельность и всю свою прошлую жизнь. „Меня страстно влечетъ, — писала она, — беззавѣтно броситься въ объятья дѣлу служенія народному благу". И она это сдѣлала со всей энергіей своей натуры. Ея геніальность шутя преодолѣла всѣ представившіяся ей затрудненія. Страданія народа и ея пола вдохнули въ нее необычайныя силы. По отзыву современниковъ, она поражала всѣхъ богатствомъ мыслей и могучей силой своего языка. Даже Національное собраніе, затаивъ дыханіе, прислушивалось къ рѣчамъ этого блестящаго оратора и часто слѣдовало ея практическимъ указаніямъ. Но что бы она ни писала или говорила, — все было отмѣчено печатью прекрасной женственности ея натуры. Когда обрушился голодъ, она своимъ публичнымъ воззваніемъ и личнымъ примѣромъ побудила множество женщинъ, соперничавшихъ между собой въ великодушіи, принести въ даръ государству свои драгоцѣнности. Съ потрясающей силой рисовала она ужасы нужды въ домѣ для бѣдныхъ въ Сенъ-Дэни и волновалась жгучимъ вопросомъ все возрастающаго нищенства. Вначалѣ она потребовала учрежденія общественныхъ кассъ для выдачи пособій, но потомъ, сознавъ всю унизительность пріема милостыни, начала агитировать словомъ и перомъ въ пользу учрежденія государственныхъ образцовыхъ мастерскихъ для безработныхъ, и эта идея ея достигла частичнаго осуществленія.

Однако всѣ эти усилія Олимпіи де Гужъ имѣли сравнительно небольшое, преходящее значеніе въ сравненіи съ дѣятельностью ея въ интересахъ женскаго дѣла. То, что она сдѣлала въ области женскаго движенія, имѣетъ огромную, историческую цѣнность. Еще въ своемъ воззваніи къ женщинамъ она восклицала: „Не пора ли, чтобы и среди насъ, женщинъ, началась революція? Неужели же намъ всегда оставаться разрозненными? Неужели мы никогда не примемъ дѣятельнаго участія въ преобразованіи общества?" Когда затѣмъ появилась декларація правъ человѣка и воодушевила всѣхъ, она издала манифестъ, декларацію правъ женщины, представлявшую въ сжатой и энергичной формѣ программу женскаго движенія. Послѣ нѣсколькихъ вступительныхъ словъ, въ которыхъ она указываетъ на то, что непризнаніе, забвеніе или презрѣніе къ правамъ женщинъ являются причиной національнаго несчастья и нравственной испорченности, она продолжаетъ:

„Женщина рождена свободной и по закону равна мужчинѣ. Цѣль всякаго законодательнаго учрежденія — защита неотъемлемыхъ правъ обоихъ половъ: свободы, прогресса, безопасности и противодѣйствія насилію... Но осуществленію правъ, присущихъ женщинѣ отъ природы, ставились до сихъ поръ очень тѣсныя границы. Нація, на которой держится государство, состоитъ изъ совокупности мужчинъ и женщинъ; законодательство должно быть выраженіемъ воли всей этой совокупности. Слѣдовательно, всѣ гражданки должны такъ же, какъ и всѣ граждане, участвовать лично или черезъ своихъ избранныхъ представителей въ законодательной работѣ. Законъ долженъ быть равенъ для всѣхъ. Поэтому всѣ гражданки и всѣ граждане должны имѣть, соотвѣтственно своимъ способностямъ, равный доступъ ко всѣмъ

общественнымъ должностямъ, отличіямъ и профессіямъ; только различія ихъ добродѣтелей и талантовъ должны служить мѣриломъ для ихъ избранія. Женщина имѣетъ право всходить на эшафотъ; такое же право она должна имѣть всходить на трибуну. Но права женщины должны служить благу всѣхъ, а не только выгодѣ ея пола.

„Женщина такъ же, какъ и мужчина, участвуетъ въ созданіи имущества, — она имѣетъ такое же право, какъ и онъ, требовать отчета въ управленіи имъ. Та конституція недѣйствительна, въ созданіи которой не участвовалъ совмѣстный трудъ большинства всѣхъ индивидуумовъ, изъ которыхъ состоитъ нація... Проснитесь же, женщины!.. Факелъ истины разсѣялъ мракъ глупости и тираніи; когда вы станете зрячими? Объединитесь! Противопоставьте власти грубой силы силу разума и справедливости. И вы скоро увидите, что мужчины не будутъ лежать у вашихъ ногъ изнывающими поклонниками, а пойдутъ съ вами рука объ руку, гордые возможностью дѣлить съ вами вѣчныя права человѣчества".

Декларація О. Гужъ не осталась безъ послѣдствій. Появилось множество брошюръ за и противъ требованій женщинъ. Изъ ничтожнаго моднаго журнала „Journal des femmes" возникъ первый журналъ для пропаганды и защиты женскаго движенія: „L'observateur féminin". Національное собраніе было забросано петиціями, требовавшими политическаго и соціальнаго равноправія. „Вы только что уничтожили привилегіи, — гласила одна изъ нихъ, — отмѣните же и привилегію мужского пола". „Народъ вводится во владѣніе своими правами, негры освобождаются, — отчего не освобождаютъ и женщинъ?" — говорилось въ другой.

Олимпія де Гужъ правильно поняла, что наступилъ надлежащій моментъ для объединенія разрозненныхъ борцовъ за женскія права, чтобы придать ихъ шагамъ большую силу и выразительность. Она основала первые политическіе женскіе союзы, въ которыхъ она являлась руководительницей и самымъ блестящимъ агитаторомъ. Къ сожалѣнію, ея дѣятельности уготованъ былъ преждевременный конецъ. Ея чувству была нестерпима всякая жестокость, которая совершалась вокругъ нея во имя свободы, она не была изъ числа тѣхъ, которые умѣютъ заставить умолкнуть голосъ совѣсти ради соображеній благоразумія. „Даже кровь виновнаго, жестоко пролитая, позоритъ революцію!" восклицала она. Она была все же страстной республиканкой; еще въ 1789 году она письмомъ къ Національному собранію потребовала низложенія короля, а во время голода въ адресѣ къ нему восклицала: „Пришла пора, когда вы должны трепетать за себя и за вашъ народъ. Неужели вы хотите царствовать надъ пирамидами труповъ и горами тѣлъ?" Но сострадательное сердце ея возмутилось тѣмъ, какъ былъ поведенъ процессъ противъ короля.

„Если вы грубой рукой подпиливаете столпъ монархіи, — берегитесь, чтобы онъ не похоронилъ васъ подъ собой", писала она. Это выраженіе уже вызвало подозрѣніе. Ее укоряли въ томъ, что она продалась роялистамъ; она пробовала защищаться, ссылаясь на свою бѣдность, — все, что она имѣла, она роздала бѣднымъ. Но никто не хотѣлъ вѣрить безпокойной гражданкѣ, умѣвшей своимъ краснорѣчіемъ увлекать за собой

массы, и въ клубѣ якобинцевъ ее обвинили въ томъ, что она стоитъ во главѣ роялистскаго заговора, къ которому ее будто бы особенно влечетъ потому, что она побочная дочь Людовика XV. И вмѣсто того, чтобы стать осторожнѣе въ своихъ нападкахъ на вождей революціи, она стала обрушиваться на нихъ еще безпощаднѣе, такъ какъ смертный приговоръ, объявленный королю, страшно взволновалъ ее. Она видѣла въ этомъ не только жестокость, а боялась также послѣдствій этого для дальнѣйшаго хода революціи. „Кровь измѣняетъ умы и сердца; можетъ случиться, что одна деспотическая форма правленія смѣнится другой“. Увлекаемая потребностью все испытать, желаніемъ предотвратить роковую опасность, приближеніе которой она ясно видѣла, и въ порывѣ, свойственномъ всѣмъ страстнымъ натурамъ, бороться до послѣдняго за свое убѣжденіе, она предложила Конвенту свои услуги для защиты короля.

Послѣ его казни она писала, несмотря на опасность, которую навлекала этимъ на себя, самые рѣзкіе памфлеты, въ которыхъ особенно безпощадно нападала на Робеспьера, пророчески восклицая: „И твоимъ трономъ тоже когда-нибудь будетъ эшафотъ!“ При этомъ она старалась вліять въ такомъ же смыслѣ и на женскіе союзы и добивалась часто того, что и они настраивались враждебно и публично становились на сторону жертвъ гильотины. Однако Олимпія де Гужъ недолго могла сопротивляться той участи, которую сама навлекла на себя. Лѣтомъ 1793 года (ей было сорокъ пять лѣтъ) она была арестована, и 3 ноября голова ея упала подъ ножемъ гильотины.

Мэри Уольстонкрафтъ (рис. 306) дѣйствовала больше перомъ, чѣмъ рѣчами. Жизнь, полная внутреннихъ и внѣшнихъ лишеній и борьбы, научила ее понимать страданія ея пола. Будучи по профессіи учительницей, она давно живо интересовалась вопросами воспитанія и образованія, и первымъ литературнымъ опытомъ ея была небольшая работа по вопросу о воспитаніи молодыхъ дѣвушекъ. Затѣмъ послѣдовалъ цѣлый рядъ переводовъ съ нѣмецкаго и нѣсколько самостоятельныхъ трудовъ, которые обезпечили ее и благодаря которымъ у нея завязались личныя отношенія съ издателемъ Джонсономъ; черезъ него она попала въ кругъ образованныхъ и интересныхъ людей. Самъ Джонсонъ и его окружающіе слѣдили съ бурнымъ увлеченіемъ за событіями французской революціи; въ салонѣ Джонсона провозглашалъ права человѣка и всему задавалъ тонъ Томасъ Пэнъ, голова котораго была увѣнчана соединеннымъ вѣнкомъ американскихъ освободительныхъ войнъ и парижской осады Бастиліи. Такимъ образомъ Мэри Уольстонкрафтъ очутилась въ водоворотѣ революціоннаго движенія, а нападки, которыми обрушился на нее Эдм. Боркъ, послужили поводомъ къ тому, что эта пылкая женщина выступила открыто съ проповѣдью своихъ идей. „Оправданіе правъ человѣка“ называлась небольшая брошюра, сдѣлавшая имя ея автора извѣстнымъ далеко за предѣлами кружка ея друзей. Но она была только прелюдіей и введеніемъ къ главному сочиненію ея — „Защита правъ женщинъ“, которое она посвятила Талейрану въ надеждѣ, что ей удастся оказать вліяніе на преобразованіе французской школьной системы.

Подъ вліяніемъ страстнаго импульса она написала свое объ-

емистое сочиненіе въ нѣсколько недѣль, не давая себѣ времени спокойно обдумать его. Оно дѣйствительно носитъ слѣды спѣшной работы и состоитъ изъ совершенно несистематизированныхъ, часто противорѣчивыхъ мыслей, которыя однако всѣ безъ исключенія свидѣтельствуютъ объ оригинальности Мэри Уольстонкрафтъ и о силѣ ея наблюдательности. Наибольшее значеніе придаетъ она воспитанію и въ пренебреженіи имъ видитъ причину недостатковъ и слабостей женскаго пола, сравнивая развитіе женщинъ съ растеніемъ, произрастающимъ на слишкомъ обильной почвѣ и рождающимъ прекрасный цвѣтъ, но не дающимъ плодовъ. У насъ воспитываются, говоритъ она, „дамы", но совсѣмъ не воспитываются женщины, имъ прививаютъ нравы, но не прививаютъ нравственности, ихъ стремленія направляются на тщеславные интересы, на пустоту, а не на серьезныя цѣли, ихъ пріучаютъ заниматься играми и развлекаться удовольствіями вмѣсто того, чтобы пріучать ихъ къ труду, а свободное время посвящать наслажденіямъ искусствомъ, природой и наукой. Такъ культивируются тѣ безвольныя, безъидейныя существа, которымъ потомъ ихъ же собственные воспитатели — мужчины бросаютъ горькіе упреки въ недостаткѣ воли и мышленія. Но кто поближе вглядится въ ихъ воспитаніе, того не удивитъ, что онѣ становятся добычей предразсудковъ, судятъ несамостоятельно и склонны къ слѣпой вѣрѣ въ авторитеты. Благодаря окружающимъ ихъ условіямъ, онѣ дѣйствительно дѣлаются несовершенными людьми. Но такъ какъ несовершенство это вызвано искусственно, то несправедливо судить о женщинахъ вообще по современному ихъ уровню. Пусть прежде женщинамъ дадутъ просторъ развиться, развернуть свои силы и тогда только пусть судятъ, какую ступень онѣ достойны занять на умственной и нравственной лѣстницѣ. И тогда, когда онѣ будутъ воспитываться какъ разумныя существа, съ ними нельзя будетъ обращаться какъ съ рабами, и онѣ должны будутъ пользоваться тѣми же правами, что и мужчины.

Фотогр. изд. Фр. Ганфштенгля въ Мюнхенѣ
Рис. 306. Мэри Уольстонкрафтъ.

На этомъ пунктѣ Мэри Уольстонкрафтъ оказывается осторожнѣе и сдержаннѣе своего единомышленника Кондорсэ. На основаніи равенства правъ для всѣхъ людей Кондорсэ требуетъ полити-

ческаго равноправія для женщинъ и находитъ что невѣжество женщинъ не можетъ быть предлогомъ для существованія неравенства, такъ какъ и мужчины не подвергаются испытанію въ умственной зрѣлости прежде чѣмъ ихъ признаютъ полноправными гражданами государства; Уольстонкрафтъ же считаетъ реформу воспитанія необходимымъ предварительнымъ условіемъ реформы законовъ.

Но во всѣхъ остальныхъ частяхъ своего труда она является истинной воспитанницей революціи. И не только тѣмъ, что она рѣзко нападаетъ на неограниченность королевской власти, на регулярныя войска, на аристократію; она обсуждаетъ также проблему бѣдности и считаетъ ее одной изъ существенныхъ причинъ порока и преступленія. Отсюда она дѣлаетъ выводъ о необходимости для женщинъ добиваться экономической независимости отъ мужчинъ. Это радикальное даже для настоящаго времени требованіе она первая выразила, — и это ставитъ ее въ ряды просвѣщеннѣйшихъ и проницательнѣйшихъ борцовъ женскаго движенія. Но она еще и въ другомъ отношеніи опередила свое время: во имя цѣломудрія, которое должно быть равно обязательно для обоихъ половъ, она требовала, чтобы дѣвочки и мальчики учились совмѣстно въ общественныхъ школахъ. Только тогда, — говорила она, — когда установятся съ ранняго дѣтства товарищески-невинныя отношенія и умственное соревнованіе между полами, — только тогда любовь между мужчиной и женщиной станетъ чище и глубже, и браки будутъ счастливѣе. Наряду съ умственнымъ воспитаніемъ должно быть поставлено и физическое, чтобы могли вырастать болѣе сильныя и красивыя поколѣнія, чтобы страна имѣла матерей, способныхъ рождать и воспитывать здоровыхъ дѣтей.

Это составляетъ основную ноту всей ея книги: ради своего святого природнаго назначенія, ради будущихъ поколѣній, которыя народятся изъ чрева ея, которымъ ея тѣло и ея душа доставятъ первую пищу и опредѣлятъ этимъ ихъ дальнѣйшее развитіе, — женщина должна быть поставлена рядомъ съ мужчиной, равная ему, свободнымъ гражданиномъ, какъ и онъ.

Вооруженная для предстоящей борьбы — борьбы за освобожденіе своего пола изъ оковъ экономическаго, умственнаго и нравственнаго рабства — стояла женщина у порога XIX столѣтія. Еще труды ея не могли говорить въ ея пользу; но мраморъ уже ждалъ ея рѣзца, нѣмой языкъ ждалъ, чтобы она вдохнула въ него жизнь, звукъ ждалъ, чтобы она разбудила въ немъ мелодію, и прежде всего человѣчество, безмѣрно изстрадавшееся, ждало своего освобожденія при помощи освобожденной женщины.

V.

Экономическое развитіе оказалось величайшимъ освободителемъ женщины: оно разрушило, съ одной стороны, старый міръ, въ которомъ она жила, который наполнялъ всѣ ея мысли, требовалъ отъ нея всей энергіи, но и строго замыкалъ ея умственный горизонтъ, — разрушило домашній очагъ; съ другой стороны, оно гнало ее бичомъ нужды въ борьбу за существованіе, въ трудъ

для заработка внѣ дома. И прежде женщины всегда работали, но ихъ трудъ, хотя бы и для заработка, протекалъ почти всегда въ четырехъ стѣнахъ домашней обстановки. Дорога на фабрику, въ мастерскую, въ операціонную врача, на кафедру, на судейское кресло, ввела ее въ то же время въ общественную жизнь, въ борьбу классовыхъ и партійныхъ интересовъ. Бывали въ прежнія столѣтія единичныя женщины, которыхъ особенно счастливыя условія жизни или особенно крупный личный талантъ выводили изъ узкой сферы жизни и интересовъ ихъ пола, какъ творцовъ, дѣятелей и учителей; бывали и другія, провидѣвшія грядущее освобожденіе ихъ пола и указывавшія пути къ нему; но женское движеніе могло возникнуть только тогда, когда массы женщинъ очутились передъ необходимостью зарабатывать свой хлѣбъ въ одинаковыхъ областяхъ съ мужчиной.

Для женъ и дочерей трудящагося класса народа широко раскрылись двери фабрикъ и мастерскихъ. Никакія соображенія бережности и деликатности передъ возможнымъ ущербомъ ихъ женственности не помѣшали предпринимателямъ эксплоатировать ихъ дешевую рабочую силу для повышенія своихъ прибылей и для давленія на оплату мужского труда. Женщины же средняго буржуазнаго класса, оказавшіяся предоставленными самимъ себѣ, потому что бракъ все менѣе и менѣе оказывался для нихъ надежнымъ средствомъ обезпеченія, очутились передъ запертыми дверьми. То, что сразу далось женщинамъ изъ пролетаріата доступъ къ мужскимъ профессіямъ, женщинамъ буржуазныхъ классовъ пришлось завоевывать. Вотъ почему женское движеніе было по своему происхожденію движеніемъ чисто буржуазнымъ. Но оно было еще, кромѣ того, движеніемъ преимущественно незамужнихъ женщинъ, — и это обстоятельство надолго наложило на него свою особую печать и часто увлекало его на ложные пути. Одинокія женщины добивались труда для доставленія себѣ средствъ къ жизни и боролись за доступъ къ профессіямъ болѣе или менѣе высшаго порядка, чтобы найти въ нихъ интересъ и содержаніе жизни. Для нихъ была возможна также конкуренція съ мужчиной въ присвоенныхъ имъ себѣ областяхъ, такъ какъ обязанности материнства не отнимали у нихъ ни времени, ни силъ. Вотъ почему онѣ могли выдвинуть и тотъ механическій принципъ равенства между мужчиной и женщиной, въ основѣ котораго лежитъ утвержденіе не только одинаковыхъ способностей обоихъ половъ, но и одинаковой возможности ихъ развитія и примѣненія къ профессіональному труду.

Половыя функціи мужчины ничѣмъ не мѣшаютъ дѣятельности его рабочей энергіи; но виды и способы труда во всѣхъ профессіяхъ скроены по мѣркѣ мужчины; вотъ почему женщина, конкурирующая съ мужчиной, вынуждена либо отказываться отъ исполненія своего полового назначенія, либо причиняетъ себѣ и своимъ дѣтямъ физическій и духовный ущербъ. Въ томъ и въ другомъ случаѣ — если оставить въ сторонѣ рѣдкія исключительныя натуры — она должна остаться въ проигрышѣ: въ первомъ она не достигаетъ совершеннаго развитія своей личности и, слѣдовательно, высшаго предѣла своей производительности, потому что только женщина, завершившая весь кругъ женской жизни, можетъ быть представительницей своего пола во всемъ

его богатствѣ и во всемъ объемѣ; въ другомъ же случаѣ столкновеніе между материнствомъ и профессіей можетъ стать трагедіей ея жизни и безусловно подорвать ея производительность. Вотъ почему пролетарское женское движеніе, представляющее собой не просто борьбу за трудъ, а борьбу за виды труда, составляетъ не только по времени, но и по существу, главное для дальнѣйшей и прочной культуры женскаго движенія. Принципъ приспособленія условій труда къ природѣ женщины, вмѣсто приспособленія женщины къ существующимъ условіямъ труда, одерживаетъ все большую и большую побѣду въ современномъ женскомъ движеніи и налагаетъ на него глубоко революціонную печать, потому что отъ требованія приспособленія условій труда къ природѣ женщины — одинъ только шагъ до приспособленія ихъ къ природѣ человѣка вообще и до осужденія такого экономическаго строя, который имѣетъ своей цѣлью не повышеніе содержанія жизни, а единственно возрастаніе капитала.

Такимъ образомъ, вопросъ теперь въ томъ, какъ повліяло на женщинъ это движеніе, направленіе котораго нами намѣчено въ общихъ чертахъ. — создало ли оно духовныя цѣнности непреходящаго значенія. При этомъ намъ не такъ интересно установить, что столько-то даровитыхъ женщинъ адвокатовъ, врачей, учителей, фабричныхъ инспекторовъ и пр. доказали, что не уступаютъ своимъ товарищамъ по профессіи — мужчинамъ; гораздо важнѣе намъ изслѣдовать вопросъ о томъ, удалось ли потоку женскаго движенія, все болѣе и болѣе крѣпчавшему со времени своего возникновенія въ XIX столѣтіи, замѣтно оплодотворить почву, питающую всѣхъ женщинъ (ощутительно для нихъ или нѣтъ) и содѣйствовать развитію женской личности, которая должна быть поставлена рядомъ съ мужской — не какъ однородная, а какъ равноцѣнная ей.

При взглядѣ на галлерею женскихъ портретовъ за послѣднія сто лѣтъ напрашиваются поразительные выводы. Хотя рѣзкихъ границъ между различными проявленіями женской психики и невозможно установить, такъ какъ одинъ типъ часто переходитъ въ другой, — все же для ясности изслѣдованія необходимо установить извѣстную классификацію. Мы различаемъ, такимъ образомъ, женщину-ученаго, женщину-поэта или художника, женщину-вдохновительницу и женщину-агитатора.

Ученая образованность была, въ сущности, всегда доступна женщинамъ и до XIX столѣтія: и въ средніе вѣка, и въ эпоху Возрожденія, и въ XVII и XVIII столѣтіяхъ — всегда встрѣчались отдѣльныя женщины, добивавшіяся докторской степени и каѳедръ при университетахъ. Правда, за все это время женщины не выдвинули изъ своей среды ни одного Галилея или Ньютона, но — насколько это возможно установить исторически — большей частью обнаруживали въ среднемъ большую даровитость по сравненію съ среднимъ же типомъ мужчинъ. Это тѣмъ болѣе свидѣтельствуетъ о врожденномъ умѣ женщинъ, что обыкновенно онѣ не получаютъ вполнѣ одинаковаго съ мужчиной спеціальнаго образованія. Каролина Гершель пріобрѣла необходимыя познанія только попутно, помогая брату въ его занятіяхъ, — и все же ея научныя работы не особенно уступаютъ, какъ извѣстно, работамъ ея брата. Мэри Зоммервиль достигла почти исклю-

чительно самоучкой тѣхъ высокихъ познаній, которыя заслужили ей со стороны Британскаго астрономическаго общества избраніе въ почетные члены его. Но такъ какъ все это натуры исключительныя, талантливость которыхъ была такъ велика, что онѣ сумѣли проложить себѣ дорогу черезъ всѣ препятствія и, прежде всего, черезъ преграды полового ограниченія, то созданное ими не можетъ быть отнесено на счетъ женскаго пола. Сравненіе между мужской и женской производительностью въ научной области можетъ быть сдѣлано только начиная съ того времени, когда болѣе или менѣе значительное число женщинъ пріобщилось къ ученымъ профессіямъ, — когда не только неодолимое влеченіе внутренняго дарованія, но и профессіональное стремленіе привело въ аудиторіи женщинъ и среднихъ способностей. Это явленіе возникло и росло подъ давленіемъ того же экономическаго развитія, которое погнало женщинъ пролетаріата на фабрики и въ мастерскія. Вотъ почему только въ началѣ XIX столѣтія разгорѣлась, какъ мы видимъ, та борьба за допущеніе женщинъ къ высшимъ профессіямъ, которая ведется во всѣхъ культурныхъ странахъ обоими полами тѣмъ болѣе ожесточенно, чѣмъ болѣе одинъ боится грозной конкуренціи другого и чѣмъ болѣе другой чувствуетъ на своей спинѣ кнутъ нужды.

Правда, шагъ за шагомъ женщины отвоевывали себѣ поле, — въ большинствѣ странъ двери университетовъ открывались для нихъ; но и до сихъ поръ еще — и прежде всего въ Европѣ — для нихъ остается все еще закрытымъ цѣлый рядъ высшихъ профессій. И хотя профессіональное стремленіе на-лицо, но выбирать профессію сообразно своей склонности и своему таланту, какъ это могутъ мужчины, женщины еще до сихъ поръ не могутъ. Такая несправедливость не только задерживаетъ умственное развитіе, но мѣшаетъ еще и возможности точнаго сравненія между собой мужскихъ и женскихъ способностей.

Если мы разсмотримъ область, доступную до настоящаго времени нашимъ изслѣдованіямъ, мы увидимъ слѣдующее. Женщины выбираютъ (поскольку онѣ имѣютъ возможность выбирать) въ общемъ тотъ учебный курсъ, который открываетъ имъ доступъ къ профессіи, могущей дать наибольшій просторъ глубочайшей особенности ихъ природы — материнскому чувству. Безсознательно онѣ поддаются власти своей сострадательности, своего желанія заботиться о другихъ. Учительница и сидѣлка, сестра милосердія издавна олицетворяютъ въ своей профессіи обѣ основныя стороны материнскаго чувства: воспитанія и ухода. Но эти свойства сказываются и въ другихъ современныхъ женскихъ профессіяхъ. Біографіи и личныя показанія многихъ американокъ-адвокатовъ свидѣтельствуютъ намъ о томъ, что ихъ привлекалъ въ юриспруденціи не столько интересъ къ абстрактной юридической наукѣ, сколько желаніе помогать бѣднымъ, бороться противъ несправедливости. И не влеченіе къ теологическимъ тонкостямъ, а глубокое проникновеніе проповѣдью христіанской любви къ ближнему побудило многихъ американокъ избрать духовную карьеру. Точно такъ же мы видимъ, что значительное и все болѣе и болѣе растущее, къ счастью, число женщинъ-врачей дѣлаютъ наилучшимъ образомъ свое дѣло — на практикѣ, а не въ движеніи впередъ науки,

какъ таковой. Но всего неотразимѣе подтверждается этотъ выводъ наблюденіями въ другой области. Наряду съ изученіемъ медицины, женщины больше всего отдаются въ настоящее время изученію политической экономіи и общественныхъ наукъ, — и въ этомъ учебномъ курсѣ наиболѣе живой интересъ къ себѣ возбуждаютъ въ нихъ вопросы соціальной реформы. Прежде соціальное чувство женщины, лишенное воспитанія и культуры, могло находить себѣ исходъ и выраженіе единственно въ благотворительности, — теперь же она все больше и больше начинаетъ отдавать это чувство, управляемое и направляемое развитымъ сознаніемъ, на служеніе соціальной реформѣ. И производительность женщины въ этой области заслуживаетъ быть поставленной, — не только количественно, но и качественно, — наряду съ лучшими плодами работы мужчинъ.

Рис. 307. Софія Ковалевская.

Женщины фабричные инспектора, напримѣръ, обнаруживаютъ въ своихъ отчетахъ и спеціальныхъ изслѣдованіяхъ такое же основательное и спеціальное знаніе дѣла, какъ и самоотверженное служеніе практической сторонѣ его. Женщинъ врачебныхъ инспекторовъ, служащихъ въ санитарныхъ учрежденіяхъ и въ попечительствахъ о бѣдныхъ, большей частью предпочитаютъ ихъ товарищамъ мужчинамъ по ихъ знаніямъ и добросовѣстности. Въ чисто-научной области женщины также обнаруживаютъ продуктивность, связанную съ такой зрѣлостью сужденія, глубиной усвоенія матеріала и новизной идей, которыя позволяютъ питать наилучшія ожиданія въ будущемъ. Флорансъ Келлей, авторитетъ которой въ вопросѣ домашняго производства признанъ безспорнымъ; Дженни Адамсъ, первая, подавшая примѣръ учрежденія женской колоніи среди самаго жалкаго квартала для бѣдноты въ Чикаго; Шарлотта Перкинсъ-Джильманъ, сочиненія которой создали новую эру въ будущей исторіи женскаго движенія, провозгласивъ и обосновавъ съ полной ясностью принципъ экономическаго освобожденія женщины; Елизавета Гнаукъ-Кюнэ и Гертруда Диренфуртъ, научныя изслѣдованія которыхъ освѣтили ихъ послѣдовательницамъ положеніе

женщинъ-рабочихъ въ Германіи, — всѣ онѣ свидѣтельствуютъ о выдающихся способностяхъ женскаго ума въ великой области соціально-политической и политико-экономической науки.

Но выше всѣхъ ихъ должна быть поставлена та женщина, геніальность которой завоевала ей навсегда мѣсто въ ряду классиковъ политической экономіи: Беатриса Сидней-Веббъ (рис. 308). Правда, она работаетъ совмѣстно съ своимъ мужемъ, и сочиненія ихъ подписаны именами обоихъ; но всѣмъ извѣстно, что научное значеніе ея крупнѣе и выше. Объ этомъ свидѣтельствуетъ еще ея дѣвичій трудъ огромнаго научнаго значенія — по исторіи англійскихъ профессіональныхъ союзовъ. Исторія британскаго трэдъюніонизма, теорія и практика англійскихъ ремесленныхъ союзовъ представляютъ собой „standard-woks“ въ высшемъ смыслѣ этого слова. И мы, современники ея твореній, имѣемъ возможность констатировать въ то же время, что она не имѣетъ ничего, абсолютно ничего общаго съ каррикатурой „ученой женщины“ временъ Готшеда: она осталась вполнѣ женщиной и развила свою природную красоту до той степени женской красоты, которая станетъ въ будущемъ типична для женскаго пола. Ибо одно мы можемъ считать несомнѣннымъ, — это и бросается уже въ глаза въ женскихъ портретахъ прежняго и новаго времени: измѣненія наружности женщины идутъ въ ногу съ измѣненіемъ склада ея психической жизни; прелестная дѣтская округлость лица, мягкость линій уступаютъ мѣсто болѣе рѣзкимъ, болѣе характернымъ чертамъ; изумленный взглядъ ясныхъ глазъ мадонны становится глубже и выразительнѣе, возникаютъ большія варіаціи красоты, потому что умъ — величайшій скульпторъ.

Рис. 308. Беатриса Сидней-Веббъ.

Помимо приведенныхъ, есть еще много другихъ доказательствъ, подтверждающихъ высказанный мною взглядъ, что потребность женщины облегчать страданія и заботы человѣчества управляетъ ею и въ научной дѣятельности ея и способна дать результаты огромной важности.

Наименьшую количественную продуктивность обнаружили женщины въ естествознаніи и въ философіи; это не можетъ означать ничего другого, какъ то, что въ общемъ онѣ не чув-

ствуютъ влеченія къ этимъ наукамъ. Если же онѣ, въ видѣ исключенія изъ общаго правила, посвящають себя какой-нибудь абстрактной наукѣ, — напримѣръ, физикѣ, химіи или математикѣ, то созданія ихъ стоять выше средняго мужского уровня, потому что, разъ онѣ отдались этой наукѣ, значить, ихъ съ самаго начала потянулъ къ ней исключительно сильный талантъ. Анну Дасье, Каролину Гершель, Мэри Зоммервиль я уже называла. Но первое мѣсто принадлежитъ математику Софьѣ Ковалевской (рис. 307), работа которой по интегрированію уравненій сдѣлала ее еще въ молодыхъ годахъ европейской знаменитостью, и труды которой, несмотря на ея раннюю смерть, сохранятъ за ней навсегда почетное мѣсто въ исторіи науки. Но если она и доказала, что проявленіе таланта въ области абстрактной науки не составляетъ безусловной привилегіи мужского пола, — вся жизнь ея, которую мы знаемъ по свидѣтельству ея друзей такъ подробно, какъ жизнь немногихъ женщинъ, даетъ намъ еще гораздо болѣе интересный матеріалъ для проникновенія въ женскую психику.

При ея усиленныхъ, поглощавшихъ ее всецѣло, умственныхъ занятіяхъ, половое чувство въ ней очень долго не пробуждалось. Она могла, напримѣръ, прожить десять лѣтъ въ мнимомъ бракѣ, и даже когда онъ сталъ дѣйствительнымъ бракомъ, то это случилось только въ минуту глубокаго душевнаго потрясенія и вслѣдствіе его. Мужъ не былъ равенъ ей по геніальности, и даже рожденіе ребенка не было событіемъ для нея. Очень поздно, уже на вершинѣ ея славы, прорвалась ея сильная, страстная натура. Словно весь огромный запасъ женской потребности любви накоплялся незамѣтно всю жизнь въ ея душѣ, чтобы разомъ разрѣшиться съ силой вулканическаго взрыва. Наука могла наполнять и развивать только интеллектуальную сторону ея существа; пришла пора, когда полъ властно предъявилъ свои права. Но человѣкъ, встрѣтившійся въ эту пору на ея пути, былъ не тѣмъ, который могъ бы удовлетворить женщину, подобную Софьѣ Ковалевской, — слишкомъ далеко уже забралась она на одинокую высоту великихъ умовъ. И она не вынесла этого трагическаго конфликта, погибла отъ неутоленной жажды, несмотря на весь блескъ и славу! Ея жизнь служитъ, мнѣ кажется, поучительнымъ доказательствомъ того, что беззавѣтное увлеченіе абстрактной наукой — явленіе, само по себѣ исключительное для женщины — въ конечномъ итогѣ губитъ женщину, если ея половыя потребности, міръ ея чувствъ не находятъ полнаго удовлетворенія наряду съ интеллектуальной дѣятельностью.

Мадамъ Кюри (рис. 309), знаменитая сотрудница своего мужа въ заслугѣ открытія радія, тоже научный авторитетъ, занимающая теперь, какъ преемница своего мужа, кафедру физики въ Парижѣ, не опровергаетъ собой этой теоріи. Хотя мы очень мало знаемъ о ея интимной жизни, и замкнутое, нѣсколько жесткое выраженіе ея лица ничего не говоритъ объ этой сторонѣ ея души, — все же мы можемъ сказать, что десятилѣтняя совмѣстная работа супруговъ мыслима только въ томъ случаѣ, когда ихъ соединяетъ счастливый бракъ, — а слѣдовательно, и женское ея существо не оставалось въ пренебреженіи.

Педагогика, медицина, соціально-политическія науки, богословіе и даже юриспруденція требуютъ также участія и сферы

чувствъ женской природы; если полъ и вынужденъ оставаться безъ удовлетворенія, то энергія материнскаго чувства можетъ перейти въ заботу о другихъ. Вотъ почему мы можемъ найти среди женщинъ, отдавшихся одной изъ этихъ наукъ, лицъ, хотя и не достигшихъ всей полноты возможнаго для нихъ развитія, но все же сильныхъ и удовлетворенныхъ, даже если имъ не пришлось всю жизнь извѣдать любви и радостей материнства.

Если мы разсмотримъ въ общемъ всю совокупность научной производительности женщины, то намъ придется признать, что она, правда, часто возвышалась надъ среднимъ уровнемъ мужской производительности, что нѣкоторые труды ея заслуживаютъ быть поставленными рядомъ съ лучшими плодами мужского творчества, — но должны признать, что не было ни одной женщины, равной Ньютону или Галилею, Спинозѣ или Канту. Ограниченность внутренней и внѣшней жизни женщины, одностороннее воспитаніе ея, недостаточное образованіе, почти непреодолимые предразсудки, на которые ей всюду приходится наталкиваться, — вотъ, несомнѣнно, главныя причины, задушившія въ зародышѣ не одно дарованіе, не одинъ талантъ. Но что среди нихъ не нашлось ни одного генія, встрѣчающагося среди мужчинъ, который сумѣлъ бы преодолѣть всѣ препятствія, — это остается все же пока необъяснимымъ. Даже среди педагоговъ, наука которыхъ должна была бы быть всего ближе женской натурѣ, — новаторы и передовые вожди (Руссо, Песталоцци, Фребель) всѣ были мужчины. А философія не дала ни одной женщины сколько-нибудь крупнаго значенія. Но несмотря на эти установленные факты, мы должны быть осторожны въ выводахъ изъ нихъ. Только во всеоружіи опыта столѣтій, при совершенно равныхъ условіяхъ воспитанія и образованія и при неограниченной возможности всесторонняго развитія, можно будетъ придти къ безошибочно правильнымъ выводамъ.

Рис. 309. Мадамъ Кюри.
Первая женщина-профессоръ въ Парижской Сорбоннѣ

VI.

Если въ дѣлѣ служенія наукѣ, при условіи достаточной предварительной образовательной подготовки, усидчивость и добро-

совѣстность могутъ еще до извѣстной степени замѣнить природный талантъ (по крайней мѣрѣ для средней доброкачественности работы), — зато въ области искусства, особенно въ области лирической и драматической поэзіи и музыки, талантъ представляетъ единственное и незамѣнимое условіе творчества. Чтобы создать въ этой области что-нибудь дѣйствительно цѣнное, необходимо обладать, мнѣ кажется, талантливой индивидуальностью. Женщинамъ же только въ исключительныхъ случаяхъ было возможно развить свою индивидуальность, — онѣ почти всегда представляли собой стадо, а не личность. Какую-нибудь Витторію Колонна могла родить только эпоха Ренессанса, обезпечивавшая нѣкоторымъ единичнымъ баловнямъ счастья свободу развитія.

Только со времени великаго мірового переворота, начавшагося съ эпохи энциклопедистовъ и принявшаго необъятные размѣры въ пору французской революціи, наступила та эпоха, которая выводила все болѣе и болѣе женщинъ изъ тѣснаго круга, въ которомъ онѣ исключительно вращались, физически и духовно, — и часто насильно вовлекала ихъ въ водоворотъ жизни. Свалились мало-по-малу оковы съ души женщины, она уяснила себѣ свое собственное „я“, какъ уяснила себѣ и окружающій міръ, и прояснившееся сознаніе развязало ей языкъ. Поэтъ изливаетъ въ своемъ произведеніи себя самого, свое внутреннее богатство; какъ могла бы изливать себя женщина, пока она еще себя не нашла? Первая распахнувшая энергичной рукой двери въ новую жизнь была одна изъ самыхъ выдающихся женщинъ всѣхъ временъ, — Луиза Жермена де Сталь (рис. 310). Какъ и всякій геній, она не можетъ быть подведена подъ опредѣленную рубрику: она была въ одно и то же время и поэтомъ, и политикомъ, и агитаторомъ. Въ ней жилъ духъ ея времени со всѣмъ своимъ огнемъ, съ революціоннымъ характеромъ, со всѣмъ обиліемъ зародышей будущаго. Она была не только первой, завоевавшей для своихъ соотечественниковъ симпатію умственнаго круга Германіи, признавшей ея произведенія предтечей соціальнаго романа; она была, кромѣ того, первой женщиной, выступившей съ увлекательной силой поэтическаго вдохновенія на борьбу за соціальное освобожденіе своего пола. То, что Наполеонъ оказался не въ силахъ покорить ее себѣ, что она осталась единственнымъ врагомъ, котораго ему такъ и не удалось побѣдить, — также говоритъ о силѣ необычайнаго характера этой женщины; но то, что ея „Коринна“ и „Дельфина“ сохранили еще и для насъ все значеніе духовнаго руководительства, — это поднимаетъ ихъ автора въ ряды передовыхъ борцовъ человѣчества. Крохотной, чуть видной звѣздочкой рядомъ съ яркой луной кажется рядомъ съ ней первая нѣмецкая романистка Софи ла Рошъ. И все же ея „Исторія фрейлейнъ фонъ Штернгеймъ“ имѣетъ свое значеніе для характеристики женскаго литературнаго творчества. Въ этомъ романѣ впервые выведены личныя переживанія неудовлетворенной дѣвушки высшаго круга. Она нашла множество подражательницъ; женщины романистки въ то время перестали быть рѣдкостью, особенно въ Германіи; но ихъ спокойно можно предать забвенію.

Новую личность, завоевавшую міръ, выдвинула снова родина мадамъ Сталь: Жоржъ Зандъ (рис. 311). Ея „Индіана“, вы-

звавшая при своемъ появленіи необычайную сенсацію, изображаетъ въ совершеннѣйшей формѣ всѣ тяжелыя стороны, всю внутреннюю борьбу ея эпохи и всѣ глубочайшія страданія женскаго сердца. Въ послѣдующихъ сочиненіяхъ ея сохранился тотъ же основной звукъ: рѣзкая критика общественныхъ золъ, безпощадное обнаженіе всѣхъ пропастей жизни; измѣнились въ нихъ только ожиданія и взгляды на будущее. Первоначальная борьба за права женскаго сердца противъ цѣпей условнаго брака, за правдивость и нравственность противъ власти лживой традиціонно-принятой морали, первоначальный идеалъ освобожденія женщины развился до высоты освобожденія всѣхъ порабощенныхъ вообще. Она стала величайшей представительницей революціонныхъ идей сорокъ восьмого года. Ее преслѣдовала злоба, клевета неслась по пятамъ за ней; но какъ нѣкогда она сумѣла не сломиться подъ тяжестью мучительныхъ житейскихъ заботъ и почерпнула въ нихъ только новую струю творческой силы, создавъ такое произведеніе, какъ „Индіана", — такъ же безсильны были злоба и клевета заставить ее уклониться отъ ея пути и сломить ея волю. Но какъ и у мадамъ Сталь, значеніе Жоржъ Зандъ для характеристики женской природы превосходитъ еще значеніе ея сочиненій. Какъ ни различны душевный складъ и характеръ дѣятельности обѣихъ, одно общее было у нихъ: онѣ жили. Бури страсти бушевали въ ихъ сердцахъ, потрясали ихъ существованіе; энергія любви казалась у нихъ неисчерпаемой; но надо всѣмъ царила и все переживала трогательная материнская любовь. Одна отличалась большей устойчивостью, большей послѣдовательностью характера, другая большей стремительностью, большимъ непостоянствомъ въ своихъ любовныхъ отношеніяхъ, — но обѣ одинаково разорвали цѣпи условности, обѣ до дна осушили кубокъ жизни. Поставимъ съ ними рядомъ ихъ знамени-

Рис. 310. Луиза де Сталь.
(По портр. работы Фр. Жерардена.)

таго собрата по перу, англійскую писательницу Джорджъ Эліотъ; это была также необыкновенная жизнь. На своей чопорной родинѣ она осмѣлилась жить въ свободномъ бракѣ и уже въ немолодомъ возрастѣ своимъ вѣчно юнымъ сердцемъ пережить новую любовь, заключить новый союзъ. Что можно возразить противъ утвержденія, что и у женщины, какъ у мужчины, богатство и многообразіе личной жизни глубоко внутренно связаны съ богатствомъ и полнотой умственной жизни? Или — скажемъ другими словами — что природѣ женщины-художника такъ же необходимо яркое многообразіе жизни, какъ и художнику-мужчинѣ!

Пусть не указываютъ намъ на примѣръ безчисленнаго множества „художницъ"-романистокъ на всѣхъ языкахъ, засыпавшихъ насъ за сто лѣтъ дѣтищами своихъ музъ, жизнь которыхъ шла по ровнымъ, спокойнымъ тропинкамъ. Ихъ творенія стоятъ большей частью на одномъ уровнѣ съ злополучнымъ вязаньемъ чулокъ, съ которымъ всегда наилучшимъ образомъ справлялись добрыя старыя тетушки за печкой. Типичной представительницей подобныхъ романистокъ является Луиза Мюльбахъ; немало ихъ и въ настоящее время. Тутъ дѣло просто въ томъ, что женская болтливость, усиленная скукой и необходимостью заработка, овладѣла чернилами и перомъ и охотно пошла навстрѣчу вкусамъ публики, ищущей семейнаго чтенія, знающей одинъ критерій художественной цѣнности романа: подходящаго чтенія для тепличто-воспитанныхъ дѣвицъ старшаго возраста.

Рис. 311. Жоржъ Зандъ.

То, что восхищаетъ насъ въ мадамъ Сталь и въ Жоржъ Зандъ — печать ярко выраженной индивидуальности, — мы встрѣчаемъ у болѣе значительнаго и все растущаго числа писательницъ только въ самое послѣднее время. Это вполнѣ понятно: тѣ обѣ дѣйствительно великія женщины могли быть только предшественницами, единичными явленіями; только дальнѣйшіе успѣхи эмансипаціи женщины отъ цѣпей, сковывавшихъ ея внутреннюю и внѣшнюю жизнь, могли породить индивидуальности. Теперь уже имъ завоевываетъ признаніе не то, что ихъ творенія носятъ „мужской" характеръ, а то, что это ихъ творенія.

Въ мою настоящую задачу не входитъ опредѣленіе характерныхъ особенностей мужчины и женщины въ области литературнаго творчества. Но кто знакомъ, напримѣръ (назовемъ всего два-три образца изъ всего, что мы знаемъ лучшаго), съ романомъ Маріи фонъ Эбнеръ-Эшенбахъ „Gemeindekind" („Мірское дитя"), Сельмы Лагерлефъ — „Іерусалимъ", Клары Фибихъ — „Хлѣбъ насущный", Рикарды Гухъ (рис. 312) — „Aus der Triumphgasse", тотъ не могъ не почувствовать, какимъ

характерно-женскимъ началомъ дышутъ эти произведенія, не могъ не отмѣтить глубину и теплоту чувства состраданія, — словомъ, всего того, что мы разумѣемъ подъ словомъ материнское чувство. Наряду съ этимъ, произведенія женщинъ-писательницъ отмѣчены еще одной особенностью: не только темой ихъ часто бываютъ великія проблемы женскаго вопроса — свободная любовь, бракъ, материнство, — они носятъ еще часто характеръ личныхъ признаній. Словно въ книгахъ этихъ женщинъ весь полъ ихъ, обреченный въ теченіе столѣтій на молчаніе и терпѣніе, порывается излить всю свою муку, все отчаяніе, всѣ страданія борьбы. Отъ романа Габріэли Рейтеръ — „Aus guter Familie“, представляющаго мучительный крикъ одинокаго сердца дѣвушки, до романа Гедвиги Домъ — „Сивилла Дальмаръ“, графини Левентловъ — „Элленъ Олестьерне“, Елены Белау — „Halbthier“, Клары Мюллеръ-Янки — „Jch bekenne“ и до „Дневника падшей“ — все это одно сплошное неудержимое самообличеніе, саморастерзываніе. Мы то-и-дѣло встрѣчаемъ подобныя книги, написанныя женской рукой. На нихъ часто чуть наброшенъ слегка покровъ художественнаго вымысла. Очень часто и самымъ перомъ водитъ только страстная жажда высказаться, чтобы сбросить этимъ путемъ тяжелое бремя съ души. Доказательствомъ этого нерѣдко служатъ послѣдующія сочиненія: вся энергія истощилась въ одной первой книгѣ, все „я“ улеглось въ немъ, — и все послѣдующее оказывается только слабыми, вымученными повтореніями. Нѣтъ того поэтическаго дарованія, которое способно создавать все новые и новые образы.

Рис. 312. Рикарда Гухъ.

Это преобладаніе чисто личнаго элемента у очень многихъ писательницъ подходитъ для лирическаго творчества. Глубина и искренность непосредственнаго чувства, любовь и привязанность къ своей роднѣ — эти чувства такъ сильны, что сообщали вдохновенію драматическую силу, сдѣлали поэтомъ Аннетту фонъ Дростэ-Гюльсгофъ. Но при всемъ ея большомъ талантѣ, всѣ ея стихотворенія настроены на одинъ и тотъ же однообразный ладъ, потому что, вслѣдствіе замкнутой жизни, ничто не задѣвало другихъ струнъ ея души. Вотъ почему Елизавету Барретъ-Броунингъ (рис. 314) слѣдуетъ признать не равной ей, какъ отозвался однажды Георгъ Брандесъ, а выше ея цѣлой головой. Если бы она даже не написала ничего другого, кромѣ своихъ сорока четырехъ сонетовъ, въ которыхъ звучатъ рыданія и ликованія скорби и тоски, счастья и любви, — и тогда она заслуживала бы быть поставленной наряду съ величайшими поэтами. Ни одна женщина не сумѣла такъ соединить въ эротической лирикѣ глубину чувства съ та-

кой красотой выраженія и такимъ совершенствомъ формы. Правда, ни одной женщинѣ и не выпадала на долю такая личная судьба: дѣтство, полное ласки и холи, юность, отравленная мучительными физическими и душевными страданіями, полное, безмятежное счастье любви, при безпредѣльномъ душевномъ единеніи и дружбѣ супруговъ, рѣдкое материнское счастье обладанія необыкновенно здоровымъ и необычайно одареннымъ отъ природы ребенкомъ, полная безпрепятственная свобода развитія и дѣятельности творческаго ума, — это ли не богатая женская жизнь? Въ ея поэмѣ „Аврора Лейгъ“ прекрасно отражаются богатство ея мысли и чувствъ, ея разносторонность, энергія и мужество. Но она объединяетъ въ ней и то, что она считаетъ первой задачей женщины—индивидуальное освобожденіе и высшимъ даромъ ея—творческую силу чувства. А сужденія геніальныхъ женщинъ, къ которымъ онѣ приходятъ въ своей личной жизни, богатой опытомъ и вдохновеніемъ, стоятъ, несомнѣнно, выше принципіальной борьбы спекулятивныхъ умовъ, — тѣмъ болѣе, когда величайшія женщины своего времени, какъ мадамъ Сталь, какъ Жоржъ Зандъ и Елизавета Барретъ-Броунингъ, сходятся въ своихъ воззрѣніяхъ между собой, несмотря на все различіе ихъ личныхъ переживаній и дѣятельности.

Рис. 313. Гедвига Домъ.

Словно луговые цвѣты, распустившіеся многоцвѣтнымъ ковромъ послѣ весенняго грозового ливня, расцвѣтаютъ женщины-лирики по мѣрѣ того, какъ мы приближаемся къ настоящему, и таютъ ледяные оковы зимы въ сердцѣ женщинъ, побѣжденные пробивающейся новой жизнью. Многое изъ написаннаго ими, независимо отъ своей литературной цѣнности, имѣетъ цѣнность саморазоблаченій. Жестоко скованную тысячью цѣпями женщину ничто не могло бы заставить разсказать, сколько она настрадалась, потому что для этого нужно мужество, а мужество — добродѣтель свободнаго человѣка. Пока чопорность и условность замыкали ротъ женщинѣ, „женская любовь и жизнь“ Шамиссо

могли быть типичнымъ видомъ любви, какъ ее наружно проявляла женщина и какой ее видѣли люди. Въ послѣднее же время женщину охватила лихорадочная жажда исповѣди въ сферѣ эротики, давшей очень характерные результаты какъ въ области лирики, такъ и въ области романа. Ярко сказалось также и тщеславное отношенiе къ внѣшнимъ преимуществамъ, сильно раздутое въ женщинѣ тѣмъ, что степень ея привлекательности для мужчины была почти единственнымъ мѣриломъ ея цѣнности и единственной гарантiей будущаго: во многихъ любовныхъ стихотворенiяхъ и романахъ, въ которыхъ она сама являлась героиней, описывалась ея собственная красота и неотразимость, разсказывалось, какъ изнываетъ отъ любви къ ней толпа любовниковъ, какъ жестока она къ нимъ. Съ другой стороны мы встрѣчаемъ ту лирику „свободной женщины“, которая смѣшиваетъ разнузданность страстей со свободой, сладострастiе, доходящее до извращенности, со здоровымъ чувственнымъ наслажденiемъ, и которая насчитываетъ множество представительницъ, такъ какъ многимъ гораздо легче развязать языкъ, чѣмъ раскрыть душу, и многiя современныя дѣвушки жаждутъ славы въ „яркой полнотѣ жизни“. Типичными образцами такого настроенiя души являются Марiя Магдалина, воспѣвающая пороки любви во всѣхъ уродливостяхъ ихъ, и Долороза, въ сочиненiяхъ которой сливаются воедино сладострастiе и ханжество, которая упивается кадильнымъ дымомъ и покаянiями въ грѣхахъ и истерическая фантазiя которой доходитъ до упоенiя кровью и страданiемъ.

Рис 314. Елизавета Барретъ-Броунингъ.

Подобныя ненормальности представляютъ собой естественныя послѣдствiя освобожденiя отъ многовѣковой скованности, ростки свободы, въ родѣ слабыхъ побѣговъ, пробившихся на старомъ, за-

сохшемъ стволѣ дѣвичьяго воспитанія и потому обреченныхъ на вырожденіе. Женщинѣ не хватаетъ не только умственной дисциплины, но и прочной основы нравственной самостоятельности, которая одна только и можетъ сдѣлать ее способной къ свободѣ. Но эта лирика выясняетъ намъ еще и другую сторону: она разрушаетъ распространенное мнѣніе о врожденномъ недостаткѣ чувственности у женщины и показываетъ, наоборотъ, къ какимъ уклоненіямъ съ нормальнаго пути должна приводить и всегда приводила угнетенная женская чувственность, которой не даютъ здороваго исхода; это было всегда, не было только до сихъ поръ мужества говорить объ этомъ. Нѣчто подобное мы наблюдаемъ и въ другомъ отношеніи. Существуетъ распространенное мнѣніе, что у мужчинъ возникаютъ съ наступленіемъ физической зрѣлости половыя потребности, которыя, по мнѣнію многихъ, такъ сильны, что неудовлетвореніе ихъ грозитъ будто бы опасностью для физическаго и душевнаго здоровья, но что женщинѣ это безусловно чуждо. И если это все-таки обнаруживается, то люди снисходительные называютъ это болѣзненностью, а строгіе моралисты — порочностью; о необходимости удовлетворенія этихъ потребностей и для женщины никто не осмѣливается заикнуться, хотя каждый могъ бы назвать изъ числа своихъ знакомыхъ немало женщинъ, здоровье которыхъ возстановилось только со дня замужества. Наши поэтессы разоблачаютъ эту тайну женской любовной страсти, которая до сихъ поръ всего глубже скрывалась, потому что была всего запретнѣе.

Но признаніе и подчеркиваніе чувственнаго элемента въ женской любви, которыя мы то-и-дѣло встрѣчаемъ въ женской лирикѣ нашихъ дней, представляютъ собой не только реакцію прежнему нравственному осужденію, а еще и вѣрнѣйшее доказательство освобожденія женскаго пола отъ умственно-душевнаго рабства. Женщина хочетъ не только казаться, но и быть, не только быть любимой, но и любить; отдаваясь, она приноситъ уже не жертву, а свободный даръ.

До какой степени связанной была прежде женщина, до какой степени тѣсно примыкали ея поэтическія созданія къ мужскимъ, — объ этомъ свидѣтельствуетъ не только еще и теперь встрѣчающееся иногда явленіе, что, воспѣвая любовь, женщина всецѣло перевоплощается фантазіей въ мужчину, но еще больше тотъ крайне интересный фактъ, что интимнѣйшая и своеобразнѣйшая сфера ея чувствъ, въ центрѣ которой стоитъ материнство, несмотря на всю ея обширность и глубину, не находила себѣ художественнаго выраженія. Я думаю, нѣтъ болѣе яркаго доказательства того, до какой степени внутренно связанной была женщина цѣлые вѣка, какъ она была выдрессирована для замаскированія собственной сущности, какъ обречена была замалчивать самое высокое и глубокое, что ее волновало. Только теперь женская психика начинаетъ пробуждаться и въ этой области. Пѣсни о материнствѣ Міи Гольмъ, стихотворенія Анны Риттеръ, говорящія о счастьѣ материнства, пѣсни Агнесы Мичель, въ которыхъ страстная жажда материнства выражена съ высокимъ лиризмомъ, и, прежде всего, великолѣпныя стихотворенія Ады Негри, въ которыхъ слышится живое біеніе сердца матери, съ его заботой и горемъ, блаженствомъ радости и

счастья, — всѣ они раскрываютъ передъ нами міръ женскихъ чувствъ, какъ не сумѣлъ бы и величайшій поэтъ-мужчина, одаренный зоркимъ глазомъ генія.

Съ Адой Негри (рис. 315) мы вступаемъ еще и въ другую область женской лирики, — въ соціальную. Еще Елизавета Барретъ-Броунингъ страстно обрушивалась въ своемъ „Cry of the children“ на существующій общественный строй, превращающій даже дѣтей въ машины на службѣ капиталу; но только Ада Негри явилась первымъ пѣвцомъ соціальной борьбы. Выросшая въ глубокой бѣдности у матери — фабричной работницы, надорвавшейся въ непосильномъ трудѣ, вынужденная съ ранней юности зарабатывать собственнымъ трудомъ хлѣбъ и долго обучавшая скудной школьной премудрости дѣтей деревенской бѣдноты, извѣдавшая собственнымъ горбомъ ужасы жизни рабочихъ, — она больше, чѣмъ кто бы то ни было другой, была призвана стать пѣвцомъ бѣдноты, духовнымъ борцомъ рабочаго движенія. Она указываетъ, мнѣ кажется, пути для будущаго женской лирики, которая будетъ полна не только мотивовъ радости и скорби любви, а найдетъ и глубоко потрясающіе звуки для великаго человѣческаго горя.

Рис. 315. Ада Негри.

Этимъ мы исчерпали духовный міръ женщины въ поэзіи, какъ онъ сказался до сихъ поръ. Въ драмѣ женскій талантъ натолкнулся на предѣлы, которыхъ пока еще не сумѣлъ перейти. Всѣ попытки, сколько ихъ ни было сдѣлано до сихъ поръ, не возвышаются надъ посредственностью. Нѣкоторыя единичныя произведенія, въ родѣ драмы Эльзы Бернштейнъ — „Königskinder“, если и выдѣляются изъ безцвѣтной массы, то не драматической силой своей, а своимъ глубокимъ лирическимъ содержаніемъ. Ярко-выраженной субъективности женскаго творчества не по силамъ, повидимому, создавать жизненные образы для сцены. Здѣсь индивидуальность творца должна скрываться за индивидуальностью созданій его фантазіи, — а между тѣмъ особенность женскаго художественнаго творчества въ общемъ такова, что оно тѣмъ выше, чѣмъ сильнѣе въ немъ выражается личность творца. Вотъ почему она способна на крупныя созданія въ области повѣствовательной поэзіи и лирики, вполнѣ равноцѣнныя мужскимъ созданіямъ, тогда какъ лавровый вѣнокъ дра-

матурга-поэта если и достижимъ для нея, то все же только какъ исключительный случай.

VII.

То же, что о драматической поэзіи, надо сказать и о пластикѣ: и здѣсь, какъ тамъ, надо создавать образы, вдохнуть собственную жизнь въ мертвый матеріалъ. И энергія женскаго творчества безсильна и здѣсь. Нѣтъ ни одного геніальнаго скульптора-женщины, но зато цѣлый рядъ изящныхъ талантовъ и хорошихъ работниковъ въ области мелкой скульптуры, выдвинутой на передній планъ успѣхами современной художественной промышленности. Даже въ такой непосредственно близкой женщинѣ области, какъ искусство домашней обстановки, новое создавалось мужчинами и только мужчинами. Женщины оказываются искусными подражателями ихъ, но новыхъ жизнеспособныхъ формъ еще не удавалось создать ни одной изъ нихъ. Но съ готовымъ полученнымъ матеріаломъ умѣетъ вполнѣ распорядиться только женщина: невыразимую прелесть домашняго уюта создаетъ она одна, истинный характеръ комнаты или квартиры создается ею, а не тѣмъ или инымъ стилемъ мебели. Какая огромная разница между комнатой студента и дѣвичьей комнаткой равной ему по возрасту и образованію женщины, — или между типичной квартирой холостяка и квартирой, въ которой хозяйничаетъ настоящая женщина. Изъ этого напрашивается слѣдующій выводъ: въ построеніи какого-нибудь стула или стола дѣйствуетъ больше взвѣшивающій разсудокъ, т. е. мужчина; и только въ томъ, какъ имъ слѣдуетъ воспользоваться, какъ приспособить его къ гармоніи съ окружающимъ, сказывается женственный элементъ, чувство гармоніи и красоты, — а это по своей цѣнности часто несравненно значительнѣе многихъ новѣйшихъ женскихъ рукодѣлій, которыя носятъ названіе художественной промышленности.

Въ живописи и графическихъ искусствахъ женщины одарены, повидимому, несомнѣннымъ талантомъ. Исторія искусствъ свидѣтельствуетъ о томъ, что еще въ средніе вѣка монахини создавали крупныя по своей художественной цѣнности произведенія въ области миніатюрной живописи. Въ эпоху Ренессанса, въ XVII и XVIII столѣтіяхъ выступилъ цѣлый рядъ художницъ, сдѣлавшихся знаменитостями своего времени. Только всѣ онѣ отличаются двумя общими чертами: во-первыхъ, онѣ были дочерьми художниковъ, такъ что имѣли возможность съ самаго дѣтства, почти играючи, освоиться съ техникой искусства; во-вторыхъ, всѣ онѣ почти исключительно ограничивались портретной живописью, миніатюрой и рисованіемъ цвѣтовъ. Это относится и къ двумъ крупнѣйшимъ ихъ представительницамъ: мадамъ Виже-Лебрэнъ и Анжеликѣ Кауфманъ. Обѣ онѣ принадлежатъ къ той революціонной эпохѣ исторіи, которой обязаны такъ много выдающіяся женщины своимъ духовнымъ существованіемъ, своей индивидуальностью. Но при всемъ своемъ безспорномъ художественномъ значеніи, онѣ не могутъ быть поставлены рядомъ съ крупнѣйшими изъ своихъ собратьевъ-мужчинъ. Людямъ, изображаемымъ ими, не хватаетъ силы, харак-

тера. То обстоятельство, что имъ всего лучше удавались ихъ собственные портреты, кажется мнѣ также характернымъ. Красавица мадамъ Виже-Лебрэнъ написала однихъ своихъ портретовъ 16, — и изъ нихъ тотъ, на которомъ она изображена въ нѣжномъ объятіи съ своимъ ребенкомъ занимаетъ по своей художественной цѣнности первое мѣсто. Мнѣніе, высказанное Гете объ одномъ изъ этихъ портретовъ, — что онъ написанъ „съ явнымъ намѣреніемъ нравиться", правильно и относительно всѣхъ остальныхъ, но также и относительно портретовъ Анжелики Кауфманъ, о художественной манерѣ которой Гете высказалъ, что „веселость, легкость, привлекательность составляютъ единственно господствующій характеръ многочисленныхъ произведеній нашей художницы".

Только въ XIX столѣтіи мы увидѣли художницъ, сумѣвшихъ преодолѣть элементъ традиціонной женственности въ своихъ произведеніяхъ и дать зато все большій и большій художественный просторъ естественной женственности. Классическими образцами такого творчества могутъ служить, напримѣръ, Роза Бокэръ, сумѣвшая углубиться въ жизнь и характеръ животныхъ съ любовью, не достигнутой ни однимъ мужчиной, или Марія Башкирцева, одна работа которой — группа парижскихъ уличныхъ мальчишекъ, называющаяся „Митингъ" — должна быть признана однимъ изъ геніальнѣйшихъ созданій женскаго творчества вообще. Ея дневники дали намъ возможность глубоко вглядѣться въ душевную жизнь этой художницы. Она была необычайно талантлива отъ природы, но неудовлетворенность женщины грозила погубить всѣ ея великіе зародыши; только ея послѣдняя и единственно истинная, страдальчески-страстная любовь къ Бастьенъ-Лапажу подѣйствовала на нее какъ горячій оранжерейный воздухъ и дала созрѣть плодамъ ея таланта. Технически она пользовалась въ своихъ созданіяхъ его средствами, но силой любви къ нему она, какъ художникъ, переросла его.

Въ настоящее время художницы встрѣчаются въ такомъ же множествѣ, какъ поставщицы романовъ для семейнаго чтенія. Въ смыслѣ художественной цѣнности онѣ стоятъ часто очень невысоко, но зато обнаруживаютъ въ большинствѣ случаевъ болѣе индивидуальный характеръ; нѣкоторыя изъ нихъ превосходятъ массу мужчинъ, особенно въ женскихъ и дѣтскихъ портретахъ, а отдѣльныя единицы, въ родѣ Сабины Лепсіусъ, Доры Гитцъ, Юліи Вольфторнъ (всѣ онѣ совершенно непохожи одна на другую, но каждая въ своемъ родѣ чрезвычайно интересна) должны быть поставлены, какъ совершенно равныя, рядомъ съ лучшими мужскими силами своего времени. Характерна только и у нихъ ограниченность матеріала: едва онѣ выходятъ изъ области портрета, т. е. за предѣлы углубленія въ другихъ людей и способности пониманія ихъ, ихъ произведенія утрачиваютъ обыкновенно свой индивидуальный характеръ. Только одна единственная художница современности даетъ намъ доказательство того, что односторонность женскаго творчества не неизбѣжно связана съ природой женщины вообще. Это — Кэтэ Кольвитцъ (рис. 316). Сфера ея творчества — народные мотивы, но не идиллія: она ведетъ насъ въ бездны народнаго горя и нужды, на высоты его вдохновенныхъ порывовъ и его фана-

тизма. Для усиленія впечатлѣнія она не нуждается даже въ краскахъ, — до того, что въ послѣднее время совсѣмъ забросила кисть, смѣнивъ ее на карандашъ, и именно этимъ путемъ достигаетъ величайшихъ художественныхъ эффектовъ. Кто разъ видѣлъ кровавое упоеніе пляски вокругъ гильотины, ужасы голоднаго оцѣпенѣнія ткачей, безумный взрывъ фанатизма возмутившихся крестьянъ на ея картинахъ крестьянскаго бунта, — тотъ никогда ихъ не забудетъ. А ея бѣдная, изможденная женщина-пролетарій съ младенцемъ у изсохшей груди производитъ болѣе потрясающее впечатлѣніе и будитъ болѣе страстный гнѣвъ, чѣмъ всякія рѣчи народныхъ ораторовъ и чѣмъ всѣ пространныя описанія народной нужды и горя.

Рис. 316. Кэтэ Кольвитцъ.

Въ пластическихъ искусствахъ мы прослѣживаемъ тотъ же путь, которымъ идетъ женщина въ наукѣ и въ литературѣ: отъ подражанія мужчинѣ до обрѣтенія и утвержденія собственной индивидуальности, отъ выраженія чисто индивидуальныхъ переживаній къ постиженію окружающаго міра, отъ матери, для которой ребенокъ, ею вскармливаемый, составлялъ весь ея міръ, — до женщины, чувствующей себя матерью всѣхъ нуждающихся въ любви и заботѣ, всеобъемлющее материнское чувство которой является двигателемъ ея поведенія, вдохновителемъ ея художественнаго генія.

Но если глубина чувства руководитъ женщиной, если субъективизмъ ея сила, — то какъ же это случилось, что субъективнѣйшее изъ всѣхъ искусствъ — музыка осталась недоступной ея творческой энергіи? Въ занятіи музыкой она никогда не встрѣчала преградъ; наоборотъ, музыка съ давнихъ поръ составляла существенную часть женскаго воспитанія; и какъ художественныя исполнительницы, женщины во всѣхъ областяхъ достигли высокаго совершенства. И все же сколько-нибудь замѣтнаго женщины-композитора исторія музыки не знаетъ ни одной! Не опрокидываетъ ли это безповоротно все наше построеніе о томъ, что чувство — могущественнѣйшій элементъ женскаго творчества?

Но, прежде всего, мы не знаемъ, какую долю творческаго участія внесли женщины въ первобытнѣйшую музыку — въ народную пѣснь. Мало ли старыхъ колыбельныхъ и дѣтскихъ пѣсенъ могли быть сложены матерью! Кромѣ того, мнѣ кажется, что музыка, именно потому, что она самое субъективное изъ

искусствъ, оставалась до сихъ поръ просто недоступной женщинѣ. Вѣдь развитіе музыки до той степени, какую она имѣетъ теперь, началось сравнительно недавно и для мужчинъ. Чтобы чувствовать въ звукахъ, создавать міры изъ звуковъ, — для этого нужны глубина внутренней, душевной жизни, утонченность чувства, сила и законченность личности, которыхъ женщина можетъ достигнуть только путемъ долгаго постепеннаго развитія человѣка въ ней. Она стоитъ еще въ музыкѣ на той ступени, которая въ другихъ областяхъ духовной жизни уже пройдена ею: она воспроизводитъ, исполняетъ, перевоплощается въ мышленіе и чувствованіе мужчины, — она струна, на которой онъ играетъ.

Рис. 317. Корона Шретеръ.
(По портр. работы А. Граффа.)

Ея безспорное почти полуторавѣковое совершенство въ области сценическаго искусства подтверждаетъ этотъ взглядъ. Но и здѣсь необходимо отмѣтить тотъ интересный фактъ, что господствовавшіе нравы и обычаи не только очень долго закрывали женщинѣ доступъ на сцену, но что и свое художественное значеніе она пріобрѣтаетъ только съ той поры, когда возникла и укрѣпилась эмансипація женщины, какъ индивидуальности. Такія фигуры, какъ Рашель или Корона Шретеръ (рис. 317), до-революціонная эпоха создать не могла, и подняться на такую высоту драматическаго искусства, которой сумѣли достигнуть Агнеса Сорма или Элеонора Дузэ (рис. 318), не могла бы и геніальная артистка безъ прямыхъ и косвенныхъ вліяній освободительной борьбы женщины. Но если, даже оставляя въ сторонѣ такіе крупные и исключительные образы, женщины-артистки въ общемъ не только не уступаютъ мужчинамъ-артистамъ по таланту и творческой силѣ, а очень часто превосходятъ ихъ, —

то для этого придется поискать еще и другихъ объясненій, помимо того, что воспроизводительное искусство должно даваться легче тѣмъ, кому труднѣе дается созидательное. Я склонна думать, что главная причина поразительныхъ успѣховъ женщинъ въ этой области кроется въ большей личной свободѣ артистокъ по сравненію съ женщинами, работающими въ другихъ областяхъ. Дѣло не только въ томъ, что внѣшняя жизнь артистки богаче и протекаетъ не въ такой оторванности отъ всего міра, какъ жизнь большинства женщинъ, а еще и въ томъ, что и внутренняя жизнь ея не втиснута ложной стыдливостью и властью общественныхъ нравовъ въ такія узкія рамки. То, что ихъ въ былое время причисляли къ бродягамъ и ставили ихъ внѣ законовъ обязательной для всѣхъ членовъ общества морали, послужило имъ въ процессѣ дальнѣйшаго развитія на пользу. Онѣ повинуются скорѣе вліянію своего сердца, ихъ половая жизнь не засыхаетъ, не распустившись; у пламени любви, вдохновляющаго и окрыляющаго мужчину — особенно художника — на все великое и прекрасное, онѣ также могутъ зажигать свѣточъ своего ума и таланта. Любовь не превратилась для нихъ, какъ для большинства женщинъ, въ тлѣющій огонекъ очага, у котораго только и можно согрѣть окоченѣвшіе пальцы.

Могли ли бы мы представить себѣ какую-нибудь Дузэ, женскіе образы которой представляютъ не репродукціи, а творческія созданія богатаго внутренняго міра, — если бы собственное сердце ея не было потрясено всѣми муками и всѣмъ упоеніемъ любви?

Но это условіе художественной силы кажется мнѣ условіемъ всякой творческой силы вообще. И это еще болѣе важно для женщины, которая очень рѣдко обладаетъ имъ, чѣмъ для мужчины, который всегда имъ обладалъ. Природу нельзя заподозрить въ такой безсмысленности, чтобы половая жизнь со всѣми ея послѣдствіями, играющая у женщины несравненно бо̀льшую роль, чѣмъ у мужчины, могла не вліять еще глубже и рѣшительнѣе на весь духовный складъ женщины, чѣмъ мужчины, и чтобы исключеніе ея не совпало съ гибелью крупныхъ духовныхъ цѣнностей.

Если бы спеціальная наука захотѣла основательно заняться вопросомъ о соотношеніи между половой жизнью и духовной творческой энергіей, она сдѣлала бы несомнѣнно гораздо большее для рѣшенія глубочайшей загадки женскаго вопроса, чѣмъ всѣ тѣ изслѣдованія о различіяхъ мужского и женскаго головного мозга, которыми иные ученые стараются вызвать шумъ.

VIII.

Обзоромъ научной и художественной производительности еще не исчерпывается обзоръ духовной жизни женщины; быть можетъ даже, это составляетъ часть ея, наименѣе свойственную женской природѣ. Держась того мнѣнія, что степень цѣнности и высоты духовной производительности женщины зависитъ не только отъ степени свободнаго индивидуальнаго развитія, т. е. равноправія ея въ области образованія и общественной жизни, но еще больше отъ полноты ея жизни, какъ полового суще-

Мадамъ Рекамье.

По картинѣ Фр. Жерара.

(По снимку Браунъ, Клеманъ и К° въ Дорнахѣ.)

Т-во „Просвѣщеніе" въ Спб.

ства, — я думаю, съ другой стороны, что великая учительница — природа указываетъ намъ еще и на другіе виды связи между духомъ и поломъ.

Два неизмѣнныхъ факта мы видимъ въ основныхъ истинахъ, покоющихся на многовѣковомъ опытѣ: что выдающіеся люди всегда имѣли **недюжинныхъ матерей** (недюжинныхъ больше самой личностью своей, чѣмъ самостоятельными духовными созданіями) и — что въ жизни почти каждаго великаго человѣка женщина играла роль Эгеріи. „Das ewig Weibliche zieht uns hinan". Быть вдохновительницей Данте, родить Гете — это такое дѣло жизни, которое обезпечитъ женщинѣ, совершившей его, болѣе высокое мѣсто въ памяти человѣчества, чѣмъ иное созданіе ума его творцу-женщинѣ.

Рис. 318. Элеонора Дузэ

То и другое характеризуетъ значеніе женщины, какъ **вдохновительницы**. Не только то, что могла дать природа матери ребенку въ видѣ зародышей будущаго величія, сдѣлало безсмертной такую женщину, какъ **Ратъ Гете** (рис. 319), но еще больше умѣнье взлелѣять эти зародыши, инстинктъ материнскаго чувства, на которомъ покоится пониманіе и чутье душевныхъ потребностей ребенка. Вотъ почему и связь между матерью и сыномъ бываетъ большею частью гораздо тѣснѣе и глубже, чѣмъ между отцомъ и сыномъ.

И тотъ же материнскій инстинктъ, который можно назвать также способностью и потребностью отдаваться душой дѣтямъ, обладающій силой извлекать лучшія сокровища изъ своего внутренняго міра, чтобы только отдать ихъ другому, — тотъ же инстинктъ отражается и въ тѣхъ женщинахъ, которыя наполняли счастьемъ жизнь вождей человѣчества, сообщали высокое пареніе ихъ творческому генію. Часто такими женщинами являлись презираемыя „высоко-нравственнымъ" обществомъ гетеры, — особенно въ тѣ эпохи, когда онѣ однѣ имѣли свободу жизни и доступъ къ образованію; но и тѣхъ, которыя не были гетерами, буржуазная мораль преслѣдовала нападками. Только потомство воздвигло имъ алтари. Къ нимъ относится **Юлія Рекамье** (см. рис. на отд. табл.), домъ которой сдѣлался въ началѣ XVIII столѣтія средоточіемъ лучшихъ умовъ Парижа. **Шарлотту фонъ Штейнъ** (рис. 320) мы также должны назвать въ ихъ

числѣ. Письма Гете къ ней — это листья самаго прекраснаго вѣнка безсмертія, какой когда-либо вѣнчалъ голову женщины, и тотъ фактъ, что самыми дивными дарами его генія мы обязаны интимной близости его съ ней въ ту пору, служитъ самымъ блестящимъ доказательствомъ могущественнаго вліянія женщины.

Эта могучая сила исходитъ отъ матери, отъ возлюбленной и обращается на одного человѣка. Но материнскій инстинктъ можетъ распространяться и на кругъ друзей и изливать на нихъ свою живительную, поощряющую и вдохновляющую силу. Представительницами этого типа являются двѣ женщины XIX столѣтія: Рашель Варнгагенъ (рис. 322) и Мальвида фонъ Мейзенбургъ. Отъ первой для насъ сохранились письма и дневники, вторая оставила свои мемуары. Хотя личность ихъ и сохранилась въ этихъ памятникахъ и продлила ими свое вліяніе, но сущность самой жизни ихъ, которую невозможно ни взвѣсить, ни измѣрить до конца, безконечно выше ихъ литературнаго наслѣдія. Величайшіе умы ихъ времени сближались съ этими женщинами, привлекаемые словно магнетической силой, и черезъ нихъ сближались и между собой. Въ тишинѣ ихъ дома они находили сочувствіе и дружбу, и помошь, и жизненную энергію; здѣсь сердца ихъ наполнялись великими чувствами, здѣсь подавлялись низменныя душевныя движенія, пробуждались и окрылялись идеи человѣчности и справедливости, истины и мира. Такія женщины, какъ онѣ (часто даже имя ихъ остается, быть можетъ, неизвѣстнымъ) — словно живые ключи души, онѣ обладаютъ волшебнымъ жезломъ Моисея, способнымъ выбить живыя струи изъ мертвыхъ скалъ. И изъ такихъ вдохновительницъ нарождаются женщины агитаторы за торжество великихъ идеаловъ человѣчества, — женщины, материнская любовь которыхъ разрастается въ любовь къ человѣчеству, женщины, черпающія изъ себя энергію и силу служить какому-нибудь дѣлу, отдать за него жизнь.

Рис. 319. Ратъ Гете (мать поэта).

Къ такимъ женщинамъ-агитаторамъ принадлежитъ Беттина фонъ Арнимъ (рис. 321), написавшая книгу „Dies Buch gehört dem König!“, въ которой вылилось все беззавѣтное, страстное соціальное чувство женщины; еще больше это можно сказать о Гарріэтъ Бичеръ-Стоу (рис. 323), книга которой, безподобная по своей художественной цѣнности — „Хижина дяди Тома“, — такъ бьетъ и брызжетъ вся чувствомъ справедливости, что ее можно было бы нести, какъ священное знамя, впереди борцовъ за освобожденіе рабовъ. Необходимо отмѣтить при этомъ, какъ особенно характерную для женщинъ черту, что онѣ почти всюду отдавали свою агитаціонную силу прежде всего на служеніе угнетеннымъ слоямъ народа: такъ, онѣ служили въ Сѣверной Америкѣ дѣлу освобожденія рабовъ, во Франціи въ 1789—1793 и въ 1848 годахъ — дѣлу безправныхъ и обездоленныхъ классовъ и въ особенности рабочихъ; даже въ Германіи, гдѣ офиціальному выступленію женщинъ ставились такія тяжелыя преграды, вождь женскаго движенія, Луиза Отто-Петерсъ (рис. 324), боролась первоначально подъ знаменемъ революціи. А отважныя американки, съ Лукреціей Моттъ и Елизаветой Кади Стонтонъ во главѣ, полныя убѣжденія въ правотѣ дѣла, за которое боролись, требовали прежде всего политическаго равноправія женщинъ, потому что, ставъ близко къ дѣлу освобожденія рабовъ, признали политическія права для себя необходимымъ условіемъ успѣха.

Рис. 320 Шарлотта фонъ-Штейнъ.

Подобнымъ же образомъ развивалось женское движеніе и въ Англіи: первыми выступили на борьбу съ нуждой и безпризорностью женщины, въ родѣ Елизаветы Фрей и Флорансъ Найтингэль (рис. 326), посвятившія свои силы организаціи попечительствъ о бѣдныхъ и больныхъ женщинахъ и добившіяся потомъ ихъ преобразованія въ общественныя или государственныя учрежденія. Не выражается ли и здѣсь то же спеціально женское чувство, ставящее впереди своихъ личныхъ интересовъ заботу о другихъ. И какъ всѣ душевныя силы женщины развертываются вполнѣ только въ заботѣ о своемъ ребенкѣ, когда она становится матерью, такъ развернулись въ женщинѣ, служившей дѣлу помощи бѣднымъ и обездоленнымъ, тѣ таланты, которые завоевали ей руководящую роль въ великой соціальной культурной борьбѣ, волнующей міръ и составляющейся изъ двухъ параллельныхъ движеній — женскаго и рабочаго.

И хотя научныя теоріи женскаго движенія были первоначально созданы почти исключительно мужчинами, — Кондорсэ, Гиппелемъ, Томсономъ, Миллемъ, Бебелемъ, — все же практическіе выводы изъ этихъ теорій были сдѣланы, прежде всего, жен-

Рис. 321. Беттина фонъ-Арнимъ.
(По гравюрѣ Л. Гримма.)

Рис. 322. Рашель Варнгагенъ.
(По гравюрѣ К. Вебера.)

щинами, съ помощью ихъ огромнаго агитаторскаго таланта, и ими же были перенесены въ массы. „Равноправіе“ было прежде ихъ единственнымъ боевымъ кличемъ, — и это нерѣдко приводило къ насильственному подавленію половыхъ различій, вызывая тѣ каррикатурныя явленія, которыя были совершенно правильно характеризованы выраженіемъ „третій полъ“. Здоровая женская природа скоро преодолѣла эти ненормальныя уклоненія. Характеръ теперешняго женскаго движенія всего лучше, быть можетъ, выраженъ современнымъ лозунгомъ: „ребенка и работы“, потому что онъ объединяетъ собой его цѣль: женщина добивается профессіи и материнства, полнаго развитія, какъ человѣкъ и какъ половое существо. Для достиженія этой цѣли оказались необходимыми всѣ тѣ виды борьбы, которую ведутъ теперь женщины: за образованіе, за политическія права, за соціальную реформу, за экономическую самостоятельность. Во всѣхъ культурныхъ странахъ этой борьбой охвачены толпы женщинъ всѣхъ классовъ народа; очень трудно выдѣлить изъ нихъ особо типичныхъ представительницъ. Сусанна Б. Антони, недавно умершая предводительница американскаго движенія въ пользу избирательныхъ правъ, умѣвшая захватывать огнемъ своего краснорѣчія даже въ восьмидесятилѣтнемъ возрастѣ; Жозефина Бутлеръ (рис. 327), предпринявшая съ безпримѣрнымъ героизмомъ крестовый

Рис. 323. Гарріэтъ Бичеръ-Стоу.

походъ въ защиту несчастнѣйшихъ изъ несчастныхъ своего пола— проститутокъ; Луиза Отто-Петерсъ,(рис.324), посвятившая всю жизнь тому дѣлу, о которомъ она говорила: „Для царства свободы я вербую гражданокъ“; Элленъ Кей (рис. 329), піонеръ современнаго женскаго движенія, возносящая мать и ребенка на престолъ земли и разсматривающая равенство образованія и правъ только какъ фундаментъ, на которомъ можетъ свободно развиваться свободная личность женщины, — всѣ онѣ вносили въ дѣло всю побѣдоносную силу своего женскаго таланта вдохновительницъ, вызывали жизнь, тепло, прогрессъ, и въ то же время доказывали, что истинная женственность — не препятствіе, а условіе успѣха. И какъ нужда, страданія и безправіе сдѣлали женщинъ борцами за освобожденіе рабовъ и за права и изъ чувства ихъ выросло сознаніе, — такъ и муки страдающаго человѣчества тоже толкнули ихъ на другія поля битвы. Движеніе противъ употребленія спиртныхъ напитковъ, располагающее теперь всемірной организаціей изъ милліоновъ женщинъ, превратившееся мало-по-малу изъ смѣшного похода во имя морали въ реформаціонное движеніе противъ соціальныхъ и экономическихъ условій, вызывающихъ алкоголизмъ, — задумано и осуществлено женщиной, Фрэнсисъ Вильяръ (рис. 328), крупная личность которой была настолько оцѣнена Америкой, что она ей воздвигла памятникъ.

Рис 324. Луиза Отто-Петерсъ.

Рис. 325. Анни Безантъ.

Движеніе въ пользу идеи мира, которое (какъ бы скептически ни относиться къ его практическому значенію для настоящаго

Рис. 326. Флорансъ Найтингэль.

момента) несомнѣнно прояснило сердца и умъ, заставивъ ихъ понять безуміе войны, — обязано своимъ существованіемъ энтузіазму Берты фонъ Зуттнеръ. Безспорной вдохновенной руководительницей теософическаго движенія является Анни Безантъ (рис. 325), могучій ораторскій талантъ которой привлекалъ все больше и больше приверженцевъ этого ученія.

Но этимъ еще не исчерпываются результаты вліянія, исходящаго отъ всеобъемлющаго материнскаго чувства женщины: страданіе, сочувствіе, помощь въ борьбѣ — были всюду этапами на ея пути, но сфера приложенія ея чувства, ея познанія и, наконецъ, ея энергіи можетъ быть и меньше, и больше.

Для самыхъ передовыхъ женщинъ сфера эта настолько расширилась, что въ ней помѣстились всѣ страданія человѣчества. Къ чему намъ, — говорятъ онѣ, — наше право на трудъ, если оно сводится не къ чему иному, какъ къ праву на эксплоатацію рабочей силы многихъ бѣдняковъ немногими привилегированными? Къ чему намъ право на любовь, если мы не можемъ исполнять нашихъ материнскихъ обязанностей, если плоды нашей любви обречены на тѣ же страданія, какъ и мы? что намъ борьба женщинъ только за женщинъ, когда мы съ нашими мужьями прикованы къ одной и той же цѣпи заработной платы?

Вотъ тотъ путь, который приводитъ женщинъ, — при видѣ ли чужихъ страданій, или подъ вліяніемъ собственныхъ, — къ вступленію въ ряды рабочаго движенія и дѣлаетъ ихъ соціалистками. Къ нимъ принадлежатъ женщины русской революціи, которыя умѣли не только умирать за дѣло народа, — больше: умѣли жить для него, жить даже тогда, когда за ними захлопывались ворота самыхъ ужасныхъ тюремъ. И въ заключеніи онѣ умѣли окружать забо-

Рис. 327. Жозефина Бутлеръ.

той своихъ товарищей-мужчинъ, утѣшать ихъ, добровольно слѣдуя за ними въ ссылку, чтобы помочь имъ переносить страданія.

Выдающимся образцомъ такихъ революціонерокъ - женщинъ, женщинъ глубокаго чувства, которыхъ сердце, чѣмъ болѣе оно полно любви къ угнетеннымъ, тѣмъ большей ненавистью проникается къ угнетателямъ, толкаетъ ихъ на борьбу, — служитъ Луиза Мишель (рис. 330), героиня французской коммуны.

Вся ея жизнь, и на волѣ, и въ заключеніи, была сплошная безпредѣльная самоотверженная любовь. Она была бѣдна — и все же всегда находила чѣмъ подѣлиться съ другими; она терпѣла преслѣдованія, жила въ изгнаніи — и все же умѣла оказать поддержку и убѣжище преслѣдуемымъ. Въ падавшихъ духомъ она всегда умѣла вдохнуть новую бодрость и силу.

Рис. 328. Фрэнсисъ Вильяръ.

По фотогр. О. Беккеръ и Маасъ въ Берлинѣ.
Рис. 329. Элленъ Кей.

Эта женщина, не сотворившая себѣ безсмертнаго памятника никакимъ произведеніемъ, сдѣлала все же для дѣла человѣчества — что равносильно торжеству человѣчности — несомнѣнно больше, чѣмъ многія ученыя женщины и писательницы: она посѣяла въ сердцахъ сѣмена силы, самоотверженія, любви къ людямъ, которыя не могутъ заглохнуть.

Великая наставница природа указываетъ намъ, какъ я уже сказала въ началѣ этой главы, еще и другіе виды связи, существующей

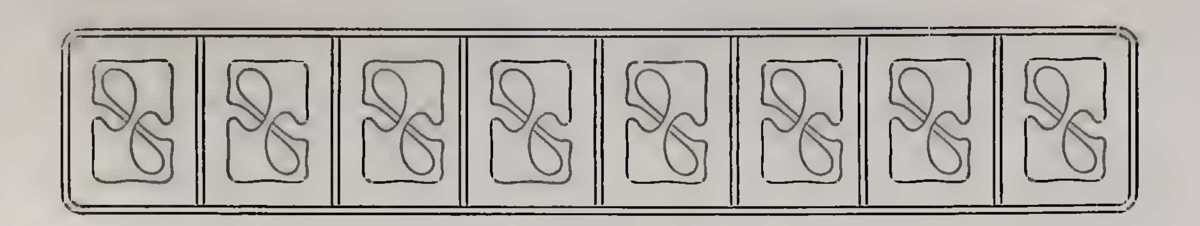
между духомъ и поломъ. Намъ становится это яснымъ, когда мы вникаемъ въ значеніе женщины, какъ вдохновительницы и агитатора, гдѣ всего сильнѣе сказывается ихъ умъ и ихъ сердце, движенія, исходящія изъ внутренней глубины самаго женскаго естества, а не искусственно привитыя.

Отчего не допустить обратнаго вліянія пола въ психической области? Дѣтей во плоти женщина производитъ на свѣтъ изъ сѣмени мужчины. Такъ заботится она, воспринимая, оплодотворенная мужчиной, о размноженіи человѣчества. Не существуетъ ли духовнаго оплодотворенія мужчины душою женщины? И не помогаетъ ли она созиданію тѣмъ болѣе богатой жизни, чѣмъ совершеннѣе и выше развивается ея личность?

Рис 330. Луиза Мишель.

Если это такъ, то подавленіе возможностей развитія женскаго пола — не только несправедливость въ отношеніи его, но и преступленіе въ отношеніи человѣчества. Если это такъ, то мы обязаны открыть свободный путь въ этой области геніальности, т. е. высшей творческой силѣ женщины. Если это такъ, то мы должны предоставить женщинѣ безпрепятственно развивать силу внутренняго влеченія, одушевляющаго ее.

Противники конечно возражаютъ, что съ увеличеніемъ женскаго вліянія культура приметъ „женственный" характеръ. Если это значитъ, что народамъ будетъ больше обезпеченъ миръ, что постепенно будетъ осуществлена соціальная справедливость и осуществится провозглашенный тысячелѣтія назадъ, но все еще не исполненный завѣтъ любви къ ближнему, — то это приведетъ только къ тому, что культура, бывшая до сихъ поръ чисто мужской, проникнется материнскимъ духомъ, — наступитъ, слѣдовательно, сліяніе въ одно двухъ началъ, которое одно только и можетъ рождать истинно жизненное и въ мірѣ природы, и въ мірѣ духа.

Глава шестая.

Міръ чувствъ женщины.

(Прив.-доц. д-ръ Юлій Вейссъ, Вѣна.)

Такъ какъ въ нѣкоторыхъ главахъ настоящаго сочиненія слово было предоставлено выдающимся представительницамъ женскаго движенія для характеристики женщины въ различныхъ ея возрастахъ и положеніяхъ жены, матери и хозяйки дома, — пусть же будетъ позволено высказаться по вопросу міра чувствъ женщины и мужчинѣ, тѣмъ болѣе врачу, — человѣку, имѣвшему возможность, благодаря своей профессіи, уяснить себѣ душевный міръ женщины и далекому отъ боевыхъ стремленій ея къ равенству съ мужчиной; пусть будетъ позволено и ему обрисовать характеръ типичной женщины, какая встрѣчается въ нашемъ современномъ обществѣ различнаго круга и различнаго положенія.

Знаменитый англійскій ученый Карлейль утверждалъ, что всемірная исторія есть исторія того, что совершилъ человѣкъ въ этомъ мірѣ, — слѣдовательно, въ сущности, исторія великихъ людей, потрудившихся въ немъ... „Всѣ вещи, которыя мы находимъ готовыми въ мірѣ, — говоритъ Карлейль, — представляютъ, въ сущности, внѣшніе вещественные результаты, практическое осуществленіе и воплощеніе идей, жившихъ въ умахъ посланныхъ въ нашъ міръ великихъ людей“.

Съ этой точки зрѣнія, Лили Браунъ провела передъ нами въ предыдущей главѣ („Духовный міръ женщины“) образы самыхъ выдающихся женщинъ всѣхъ временъ и изложеніемъ біографій и значенія этихъ женщинъ развернула передъ нами широкую картину исторіи женщины. Но для ознакомленія съ міромъ чувствъ женщины необходимо разсмотрѣть гораздо большій кругъ женщинъ, — по мѣрѣ возможности, всѣхъ женщинъ, независимо отъ того, представляютъ ли онѣ собой умственно выдающіяся личности или посредственности, княгинь или работницъ, занимаются ли онѣ самостоятельной профессіей или вращаются въ томъ ограниченномъ кругу, который былъ до сихъ поръ отведенъ женщинѣ. Нашу задачу облегчитъ то обстоятельство, что женщины различныхъ общественныхъ круговъ и положеній гораздо болѣе сходны между собой, чѣмъ мужчины одного круга. Міръ чувствъ принцессы въ общемъ немногимъ отличается отъ міра чувствъ ея горничной, происходящей изъ народа.

Характеръ каждаго и проявленія его чувствъ представляютъ

собой, прежде всего, результатъ того или иного воспитанія. Значительное число добрыхъ и дурныхъ свойствъ являются слѣдствіемъ извѣстныхъ воспитательныхъ и общественныхъ установленій. То, что относится къ цѣлымъ народамъ, относится и къ отдѣльнымъ лицамъ и въ особенности къ женщинамъ.

Вплоть до настоящаго времени женщина оставалась въ постоянной зависимости отъ мужчины; отъ его выбора возлюбленной и жены зависитъ все существованіе женщины. Врожденное чувство благодарности и законъ возвели это, разумѣется, на степень обязательнаго повиновенія. У народовъ древняго міра, а на Востокѣ еще и теперь, женщина считается товаромъ, вывозимымъ на рынокъ. Такимъ образомъ, въ каждой женщинѣ заложено чувство нѣкоторой рабской подчиненности, съ которымъ она смотритъ на своего повелителя мужчину. Женщина отвыкла отъ самостоятельныхъ рѣшеній, отъ заботы о пропитаніи и средствахъ къ жизни, отъ борьбы съ неріятностями и враждебными сторонами жизни. Все это она предоставляла мужчинѣ, такъ какъ законъ и обычай даже лишили ее права касаться этого. Когда въ былыя времена женщинѣ случалось занять положеніе борца или руководителя, ее чтили либо какъ героиню, либо какъ мученицу. Такими были Жанна д'Аркъ, орлеанская дѣва, или Екатерина Сфорца, упомянутыя въ III главѣ настоящаго тома.

По фотогр. бр. Алинари во Флоренціи.

Рис. 331. Тщеславіе.
(По картинѣ Паоло Веронезе.)

Угнетенное положеніе женщины явилось причиной того, что въ ней развились пронырство, лукавство и хитрость, служившія ей часто оружіемъ для побѣды надъ мужчиной, такъ какъ открытая борьба равнымъ оружіемъ была невозможна. Такимъ же образомъ въ женщинѣ развились льстивость и лицемѣріе, которыми она заманивала въ сѣти мужчину и трепетно удерживала въ нихъ.

Чтобы избавиться отъ насильно навязаннаго, нелюбимаго мужа, женщина

становится часто жестокой, какъ Юдиѳь (рис. 332), — демономъ, способнымъ стать убійцей и отравительницей.

Женщина можетъ наряжаться и прихорашиваться передъ зеркаломъ цѣлыми часами. Многіе старые и новые художники увѣковѣчили въ картинахъ такіе моменты, — какъ, напримѣръ, Шалькенъ въ картинѣ „Молодая женщина съ сережками“ (рис. 333). Изъ естественной задачи женщины — завоевать мужчину, который содержалъ бы ее, развились ея свойства привлеченія и ухаживанія. Она должна наряжаться и украшать себя какъ полученными отъ природы данными, такъ и всѣми культурными средствами (нарядъ, украшенія). Это сдѣлало женщину тщеславной и привило ей страсть къ нарядамъ и кокетство. Паоло Веронезе воплотилъ въ своей извѣстной картинѣ тщеславіе въ образѣ женщины (рис. 331).

Фотогр. изд. Фр. Ганфштенгля въ Мюнхенѣ.
Рис. 332. Юдиѳь съ головой Олоферна.
(По картинѣ Кр. Аллори.)

Женщина умѣетъ очень искусно показать съ самой выгодной стороны свои физическія прелести и скрыть свои физическіе недостатки. Въ этомъ помогаютъ ей наряды и мода. Очень рѣдко встрѣчается совершенная красота, лишенная всякихъ тайныхъ физическихъ недостатковъ и имѣющая возможность показаться во всей дивной наготѣ даже передъ своими завистливыми подругами. Одна Венера дерзаетъ отправиться купаться въ райскомъ костюмѣ въ сопровожденіи своихъ нимфъ (рис. 334).

Съ давнихъ поръ женщина была заточена въ тѣсный кругъ дома и домашняго очага. Женщинѣ считалось неприличнымъ участвовать въ совѣщаніяхъ мужчинъ, нести повседневныя заботы, связанныя съ какой-нибудь профессіей. Нѣкоторыя рѣдкія исключенія встрѣчаются у некультурныхъ народовъ. А такъ какъ обычныя занятія ея по домашнему хозяйству и по уходу за дѣтьми поглощали не все ея время, то у нея оставался нѣ-

который досугъ, чтобы сходиться съ сосѣдками, вести съ ними разговоры о тысячахъ мелочей, составлявшихъ тѣсный кругъ ея интересовъ. Это объясняетъ намъ то, почему женщины и въ наше время, сходясь между собой, говорятъ большей частью только о трехъ вопросахъ: о хозяйствѣ, о нарядахъ и о прислугѣ. А такъ какъ у женщины обыкновенно больше свободнаго времени, чѣмъ у мужчины, то она любитъ говорить много и многословно; она стала болтливой кумушкой и сплетницей (рис. 335).

Цѣпи, державшія женщину въ сторонѣ отъ жизненной борьбы, не дали ей возможности познакомиться съ серьезными вопросами жизни. Вотъ почему женщина въ своихъ поступкахъ нерѣшительна, порой даже неуклюже-безпомощна. Не безъ основанія нѣкоторые утверждаютъ, что женщина остается всю жизнь взрослымъ ребенкомъ. Молодая дѣвушка любитъ игры и всякій вздоръ и тряпье,— это черты, врожденныя ей, а быть можетъ, и привоспитанныя. Даже къ своимъ собственнымъ хозяйственнымъ дѣламъ онѣ относятся безъ особенной серьезности и вѣчно думаютъ прежде и больше всего о своемъ главномъ назначеніи — о привлеченіи мужчины, а слѣдовательно, и обо всѣхъ тѣхъ маленькихъ ухищреніяхъ, которыми онѣ для этого пользуются. Но не только молодыя дѣвушки, а и замужнія женщины, обладающія хорошимъ достаткомъ, вынуждены вѣчно заботиться о привлеченіи мужчины, такъ какъ вѣчно должны стараться удержать мужчину, не дать ему ускользнуть изъ своихъ сѣтей. Въ этомъ лежитъ объясненіе того, что мужчины питаютъ другъ къ другу ненависть и вражду только въ томъ случаѣ, если одинъ оспариваетъ у другого занятое имъ въ борьбѣ жизни мѣсто — по службѣ ли, или въ дѣлахъ — и враждебныя отношенія встрѣчаются поэтому большей частью только между мужчинами одной профессіи, тогда какъ среди

Фотогр. изд. Фр. Ганфштенгля въ Мюнхенѣ.

Рис. 333. Молодая женщина съ сережками.
(По картинѣ Г. Шалькена.)

женщинъ вражда, какъ не безъ основанія отмѣчаетъ угрюмый женоненавистникъ Шопенгауэръ, охватываетъ часто весь ихъ полъ, такъ какъ у всѣхъ ихъ одна единственная профессія. Женщина ненавидитъ гораздо сильнѣе и упорнѣе, чѣмъ мужчина, и способна иногда преслѣдовать свою дѣйствительную или только воображаемую соперницу до гроба.

Женщина предназначена природой къ взращиванію потомства, ей отведено божественное назначеніе материнства. На этой основѣ развился цѣлый рядъ свойствъ, дающихъ дальнѣйшій матеріалъ для сужденія о характерѣ женщины. Материнская любовь — чувство совершенно иное, чѣмъ любовь отца къ своимъ дѣтямъ. „Мать находитъ у колыбели ребенка весь міръ для себя,— говоритъ Мишле, — весь остальной міръ для нея исчезаетъ; такъ это должно быть, и для ребенка хорошо, что это такъ. Безпомощное существо погибло бы, если бы мать всецѣло не растворялась въ немъ... Когда она стоитъ, склонившись надъ своимъ сыномъ съ молитвой на губахъ и отражаетъ небесную улыбку въ его еще безсмысленныхъ глазахъ, — все вокругъ преображается, освѣщенное яркимъ свѣтомъ, изливающимся на него изъ ея глазъ. Ни одно сердце не можетъ устоять передъ нимъ, онъ повлечетъ за собой всѣ сердца... Любовь опережаетъ любовь".

Ребенокъ мало-по-малу

Съ разрѣш. Fred. Hollyer'a въ Лондонѣ

Рис. 334. Венера, отправляющаяся купаться. (По картинѣ Б. Джонса.)

подрастаетъ, и мать проходитъ вмѣстѣ съ нимъ весь кругъ его развитія. Она лепечетъ безсвязные слоги, которые слышала впервые отъ ребенка, и снова становится, такимъ образомъ, ребенкомъ. Изъ всего этого дѣла и бездѣлья развились у нея нѣжность, самоотверженіе и терпѣніе. И чѣмъ больше у нея рождается дѣтей, тѣмъ крѣпче она оказывается привязанной къ дому; отсюда у нея развивается любовь къ своему дому, который она тщательно старается обставить получше, сдѣлать его уютнѣе для своихъ дѣтей и своего

Фотогр. изд. Альберта и К° въ Мюнхенѣ.

Рис. 335. Сплетницы.
(По картинѣ Г. Борхардта.)

мужа. Мужу часто бываетъ непонятно то ребяческое удовольствіе, которое доставляютъ женщинѣ какія-нибудь занавѣски или ковры, салфеточки, бездѣлушки, но это чувство имѣетъ свое ясное основаніе и оно въ свою очередь развиваетъ въ женщинѣ чувство красоты и изящества, любовь къ цвѣтамъ и плодамъ — живымъ ли или хотя бы только затканнымъ въ матеріяхъ.

Умственная жизнь женщины тѣснѣйшимъ образомъ связана, спаяна съ міромъ ея чувствъ. Кругозоръ женщины узокъ, но то, что входитъ въ его предѣлы, она охватываетъ зорко и съ тонкой наблюдательностью. Шопенгауэръ называетъ женщинъ умственно близорукими. Она быстро замѣчаетъ предметы, едва они показываются въ кругу ея зрѣнія, у мужчинъ же взглядъ устремленъ вдаль, въ будущее, въ грядущее, такъ какъ всѣ его

Мужчина и женщина. I. Т-во „Просвѣщеніе“ въ Спб.

Психея получаетъ первый поцѣлуй отъ Амура.

По картинѣ Фр. Жерара.

(По снимку Браунъ, Клеманъ и К° въ Дорнахѣ.)

планы и стремленія имѣютъ всегда въ виду будущее. Поэтому же чувства женщины всегда направлены на лицъ и предметы въ настоящемъ, мужчина же обладаетъ, вдобавокъ, чутьемъ прошлаго. Для него исторія всегда является наставницей и въ душѣ его надолго сохраняется впечатлѣніе и воспоминаніе о лицахъ, игравшихъ роль въ его собственномъ прошломъ. Этими характерными различіями между мужчиной и женщиной объясняется и то, что женщина обладаетъ гораздо большимъ чутьемъ практической жизни и часто лучше соображаетъ сразу, какъ надо поступать въ томъ или другомъ случаѣ.

Настоящій мужчина, являющійся истиннымъ борцомъ въ жизни, большей частью способенъ гораздо болѣе увлечься какой-нибудь идеей, чѣмъ женщина, которая является трезвой зрительницей борьбы. Вотъ почему большинство мужчинъ оптимистичны, когда дѣло идетъ объ осуществленіи какого-нибудь поступка, — т. е. предпринимаемое ими дѣло представляется имъ въ самомъ розовомъ свѣтѣ; женщины же, уже въ силу врожденной имъ и привитой воспитаніемъ пугливости и боязливости, являются большей частью пессимистками, т. е. онѣ всегда склонны предвидѣть дурной исходъ задуманнаго дѣла или поступка и во снѣ и на яву имъ чудится возможная бѣда. Оттого, что женщины менѣе страстны, чѣмъ мужчины, онѣ не такъ легко увлекаются какими-нибудь чрезмѣрными страстями, напримѣръ, склонностью къ спиртнымъ напиткамъ, страстью къ деньгамъ, жаждой наживы, или мщеніемъ врагу. Онѣ также ставятъ часто благодѣтельныя преграды проявленіемъ необузданныхъ страстей мужчины.

Женщина живетъ большей частью всецѣло во власти своихъ чувствъ, и съ этимъ сопряжена извѣстная склонность къ мечтательности, какъ это символизировано въ картинѣ Ник. Мэса (рис. 336); страданія она умѣетъ затаивать глубоко въ душѣ, пассивно, какъ это вообще свойственно природѣ женщины. Женщина любитъ и ненавидитъ, часто не признавая ни мышленія, ни сужденія. „Женщина не признаетъ логики, ея единственные доводы — слезы и поцѣлуи“. А такъ какъ всякое проявленіе чувства связывается всегда съ какимъ-нибудь лицомъ, а женщины неспособны исключить чувство, то онѣ большей частью неспособны вести споръ по существу и всякія теоретическія разногласія у нихъ часто переходятъ въ личные перекоры. И такъ какъ женщины недоступны доводамъ разума, то онѣ никогда не признаютъ себя побѣжденными и всегда найдутъ отвѣтъ, когда мужчина уже давно умолкаетъ. Мужчиной овладѣваетъ страсть дѣла, женщиной страсть собственнаго чувства.

Міръ женскихъ чувствъ въ огромной степени зависитъ отъ половой жизни ея.

Женщина, жившая въ дѣвичествѣ своей собственной душевной жизнью, просыпается изъ дремоты невѣдѣнія подъ вліяніемъ перваго поцѣлуя Амура (см. рис. на отд. табл.). „Психея“ значитъ въ переводѣ „душа“. Душа женщины освобождается силой любви мужчины.

Физическія условія женской половой жизни подробно изложены въ III и IV главахъ настоящаго тома (II части). Здѣсь

мы снова укажемъ на то, что сильныя потрясенія, которымъ всегда подверженъ женскій организмъ и въ особенности въ періоды материнства, не могутъ не оказывать значительнаго вліянія на міръ женскихъ чувствъ. Если принять затѣмъ во вниманіе, что въ связи съ физическими процессами женщина, съ одной стороны, гораздо раньше достигаетъ расцвѣта, а съ другой, гораздо быстрѣе и раньше старится, — то намъ станутъ вполнѣ ясными значительныя различія между женщиной и мужчиной, гораздо менѣе ея зависящимъ отъ физическихъ процессовъ, медленнѣе созрѣвающимъ, дольше сохраняющимъ періодъ зрѣлости и гораздо позднѣе старѣющимся.

Фотогр. изд. Фр. Ганфштенгля въ Мюнхенѣ.

Рис. 336. Мечтательница.

(По картинѣ Ник. Мэса.)

Въ связи съ упомянутыми физическими процессами находится періодическая капризность и раздражительность женщины. У очень нервныхъ индивидуумовъ эти состоянія доходятъ даже до періодическихъ умственныхъ разстройствъ; это вліяетъ не только на душевную, но и на умственную жизнь женщины. Женщины, отличающіяся обыкновенно веселымъ характеромъ, терпѣливыя, трудолюбивыя и довольныя, становятся въ извѣстные моменты (мѣсячныя очищенія, беременность, послѣродовой періодъ) мечтательны, унылы, угрюмы, чувствуютъ усталость и вялость, легко волнуются и требуютъ къ себѣ поэтому осторожнаго и бережнаго отношенія, чтобы еще больше не усилилось возбужденное состояніе.

Физическія потрясенія женщины оказываютъ сильное вліяніе на ея нервы, — оттого-то женщины несравненно чаще мужчинъ подвержены нервнымъ заболѣваніямъ. Головныя боли — одна изъ самыхъ частыхъ женскихъ болѣзней, особенно въ формѣ болей въ одной части головы, сопровождающихся рвотами, которую принято называть мигренью.

Такъ называемую истерію еще недавно считали исключительно женской болѣзнью, предполагая, что она гнѣздится въ разстройствѣ матки. Профессоръ Шарко, знаменитый французскій невропатологъ, первый указалъ на то, что бываютъ и мужчины истеричные. Но все же среди женщинъ эта болѣзнь имѣетъ большее распространеніе. Всѣ истеричныя болѣзненныя явленія объясняются повышенной раздражительностью центральныхъ нервныхъ аппаратовъ въ головномъ и спинномъ мозгу. Самыя ничтожныя раздраженія производятъ въ этихъ центральныхъ пунктахъ болѣзненныя возбужденія или задержки, отличающіяся необычайной силой, длительностью и протяженіемъ. Это явленіе объясняется, повидимому, извѣстнымъ душевнымъ предрасположеніемъ. Истерія не сопровождается никакими мѣстными очагами болѣзни въ области нервной системы: головной и спинной мозгъ и нервная система совершенно здоровы, только функціонируютъ ненормально. Представимъ себѣ, напримѣръ, звонокъ, проведенный изъ одного конца дома въ другой, въ которомъ всѣ составныя части совершенно исправны, и тѣмъ не менѣе самый колокольчикъ звонитъ самымъ непонятнымъ образомъ, черезъ правильные промежутки времени, то слишкомъ громко, то слишкомъ тихо: онъ дѣйствуетъ не подъ вліяніемъ нормальнаго нажима, а подъ другими внѣшними вліяніями.

Кромѣ того болѣзнь эта выражается еще паралическими явленіями, частичной утратой чувствительности различныхъ частей тѣла, такъ что сильнѣйшіе уколы булавки не чувствуются, припадками одышки, сопровождающимися ощущеніемъ подступающаго къ горлу шарика и т. д. Если лицо, страдающее такими тяжелыми болѣзненными явленіями, умираетъ случайно отъ какой-нибудь другой болѣзни — предположимъ, напримѣръ, отъ воспаленія легкихъ, и трупъ его подвергается вскрытію, то въ нервной системѣ не оказывается никакихъ измѣненій ни при разсмотрѣніи простымъ глазомъ, ни при микроскопическомъ изслѣдованіи. Это значитъ, что разстроены были только функціи, а нервныя части оставались исправными.

Особенно непріятна истерія тогда, когда душевное состояніе приходитъ въ разстройство. Такіе больные необычайно чувствительны ко всякимъ внѣшнимъ раздраженіямъ, несдержанны и необдуманны въ выраженіяхъ и преувеличенно сильно отзываются на все. Къ этому присоединяется чувство страха, потеря сознанія, припадки судорогъ, похожіе на эпилептическіе (подробнѣе объ этой болѣзни см. во II т.). Упомянемъ здѣсь только о томъ, что часто необычайно сильно колеблются границы между нормальнымъ и истерическимъ состояніемъ. Бываютъ женщины, истеричныя отъ природы и остающіяся истеричными всю жизнь, и бываютъ врачи, приписывающіе каждой женщинѣ истерію въ большей или меньшей степени. Предрасположеніе къ этой болѣзни существуетъ за немногими исключеніями въ каждой женщинѣ, и часто только отъ тѣхъ или другихъ условій зависитъ, разовьется ли это предрасположеніе въ настоящую болѣзнь.

Несмотря на всѣ основныя свойства женской природы, на протяженіи историческаго развитія и подъ вліяніемъ измѣненій культуры характеръ женщины претерпѣвалъ также различныя измѣненія. Въ тѣ времена, когда народы Германіи выступили

на арену исторіи и римляне старались подчинить своему владычеству германскую область, женщина не была рабой, а товарищемъ мужчины, имѣвшимъ свою собственную и самостоятельную сферу дѣятельности. Въ женщинахъ того времени нельзя было замѣтить ничего рабскаго, подчиненнаго,—онѣ имѣли величаво-гордый характеръ. Пугливость и робость были имъ чужды, такъ какъ онѣ привыкли слѣдовать за мужьями на войну и словами ободренія поощряли и вдохновляли бойцовъ. Женщины того времени обладали, повидимому, мужской разсудительностью, иначе римскій историкъ Тацитъ не могъ бы разсказывать намъ, что древніе германцы съ уваженіемъ относились къ мнѣнію женщинъ и слушались ихъ совѣтовъ, такъ какъ вѣрили, что женщины одарены чѣмъ-то священнымъ и пророческимъ. Въ средніе вѣка женщины были долго носительницами высшей нравственности и утонченнаго образованія; то былъ X и XI вѣка, — эпоха, въ которую жила ученая монахиня Росвита и монахъ Эккегардъ объяснялъ Гадвигѣ, вдовѣ швабскаго герцога Бурхарда, римскихъ поэтовъ Овидія и Виргилія. Затѣмъ наступила эпоха миннезенгеровъ и рыцарскаго служенія женщинѣ. Во Франціи и Испаніи поклоненіе женщинѣ пріобрѣло вскорѣ чувственный характеръ. Этимъ объясняется суровый приговоръ, который произнесъ женщинамъ старинный французскій поэтъ Гюйо де Провэнсъ въ своей книгѣ, написанной въ 1206 году. Въ ней онъ укоряетъ женщинъ во всевозможныхъ дурныхъ чертахъ. „Женщину никогда не побѣдить до конца; никогда она не открываетъ всю свою душу, и когда глаза ея плачутъ, ея сердце смѣется; она не умѣетъ долго горевать, никогда не говоритъ того, что думаетъ, и очень бѣдны ея мысли. Что любила цѣлыхъ семь лѣтъ, то ей нипочемъ забыть въ одинъ день. Женщина лжива и измѣнчивѣй вѣтра, непостоянно ея сердце, и умнѣйшаго изъ мужчинъ она сумѣетъ провести“.

Германское рыцарство было деликатнѣе и нѣжнѣе романскаго. Женщину оно признавало повелительницей и вѣнцомъ творенія. Знатныя дѣвушки получали необычайно тщательное воспитаніе, молодыя барышни обучались не только такъ называемымъ духовнымъ искусствамъ, т. е. чтенію и письму, но и пѣнію и игрѣ на скрипкѣ и арфѣ. Вдобавокъ, ихъ учили манерамъ, правиламъ приличій, обнимавшимъ собой до послѣднихъ мелочей законы поведенія дома и на улицѣ, въ обществѣ и на празднествахъ, въ высшемъ и въ низшемъ кругу.

Вполнѣ понятно, что у барышень этого круга развивались страсть къ нарядамъ, жеманство, кокетство, а капризы принимали просто чудовищные размѣры. Иная красавица превращала своего поклонника буквально въ мученика. Рыцарь Ульрихъ фонъ Михтенштейнъ пьетъ воду, которой умывалась его повелительница, соглашается срѣзать свою нижнюю губу, которую повелительница находитъ нерасполагающей къ поцѣлуямъ. Онъ велитъ отрубить себѣ палецъ и посылаетъ его своей повелительницѣ въ доказательство того, что онъ все готовъ перенести ради нея. Онъ доходитъ до того, что, по ея приказанію, общится съ прокаженными и ѣстъ съ ними изъ одной посуды. Понятно, что такое фанатическое поклоненіе женщинѣ должно было выродиться, въ концѣ концовъ, въ без-

нравственность. Женщины становились легкомысленны и распущенны, и въ XIII, XIV и XV вѣкахъ искусство любви практикуется, по словамъ историка Іоганна Шерра, „безудержно и беззастѣнчиво“. Такъ было и во Франціи, и въ Германіи, и въ Италіи. Женщины средняго круга и крестьянки не многимъ отличались отъ дамъ высшаго круга, которымъ онѣ, особенно первыя, старались подражать. Половая распущенность особенно сильно обнаружилась къ концу среднихъ вѣковъ. Холодная сѣверная Германія соперничала на этомъ пунктѣ съ южно-германскими странами. Въ Любекѣ въ концѣ XV столѣтія дамы надѣвали густыя вуали, чтобы имѣть возможность неузнанными посѣщать по вечерамъ кабаки и предаваться тамъ оргіямъ въ обществѣ грубыхъ матросовъ. Эней Сильвій Пикколомини рисуетъ мрачную картину нравовъ и взглядовъ, царившихъ въ Вѣнѣ приблизительно въ половинѣ XV столѣтія:

„Народъ всецѣло предается чревоугодію и прокучиваетъ по воскресеньямъ все, что заработалъ за недѣлю. Публичныхъ женщинъ очень много, но и среди замужнихъ женщинъ только очень немногія довольствуются однимъ мужчиной. Поэтому дворяне очень часто посѣщаютъ дома простыхъ горожанъ, гдѣ хозяинъ дома подаетъ гостю вино и удаляется, чтобы оставить его наединѣ съ хозяйкой дома. Многіе дѣвушки берутъ себѣ мужей безъ вѣдома своихъ отцовъ, и вдовы не дожидаются истеченія срока траура, чтобы снова выйти замужъ. Богатые купцы, состарившись, берутъ себѣ въ жены молодыхъ дѣвушекъ, а эти, вскорѣ овдовѣвъ, выходятъ замужъ за своихъ слугъ, молодыхъ парней, съ которыми онѣ до того совершали прелюбодѣяніе. Говорятъ еще, что многія женщины, которымъ надоѣли ихъ мужья, избавляются отъ нихъ съ помощью яда“.

Нравственныя вѣянія, внесенныя Реформаціей, мало-по-малу подняли снова престижъ брака. Женщина, возведенная въ эпоху рыцарства на высоту божества, снова стала честной подругой жизни, толковой хозяйкой, нянькой и воспитательницей дѣтей. Даже въ женской одеждѣ сказывается рѣшительный поворотъ къ лучшему: исчезли мало-по-малу безстыдныя обнаженія тѣла, которыя были приняты въ XV столѣтіи, и въ моду вошли закрытыя, глухія женскія платья.

С к л о н н о с т ь ж е н щ и н ы к ъ б л а г о ч е с т і ю, съ одной стороны (трогательное и возвышенное впечатлѣніе производитъ молодая дѣвушка въ безмолвной благоговѣйной молитвѣ, какъ изображаетъ намъ, напримѣръ, Ж. Б. Грёзъ въ своей прекрасной картинѣ — рис. 337), и къ распространенію новаго религіознаго ученія, съ другой — такъ же ярко сказалась въ эпоху Реформаціи, какъ и въ то время, когда христіанство начинало проникать въ страны Запада.

Нѣкоторые историки XVI столѣтія приводятъ судебные отчеты въ доказательство того, что, при всѣхъ моральныхъ вліяніяхъ этой эпохи, она достаточно богата всевозможными преступленіями полового характера (похищенія, прелюбодѣянія, сводничество, дѣтоубійство и т. д.). Но это вовсе не можетъ служить доказательствомъ безнравственности людей и характера эпохи. Единичныя преступленія такого рода совершались, конечно, во

всѣ эпохи, и судебные отчеты новѣйшаго времени и нашего служатъ достаточнымъ подтвержденіемъ этого факта.

Когда затѣмъ, въ концѣ XVI и началѣ XVII столѣтій во Франціи укрѣпилось владычество фаворитокъ и въ царствованіе французскихъ королей Франца I, Генриха III и Генриха IV развилась такъ называемая „galanterie“ — попросту говоря, порочныя любовныя развлеченія со всѣми ихъ излишествами и противоестественностями, и въ то же время тридцатилѣтняя война повлекла за собой всеобщую разнузданность нравовъ, — вполнѣ естественно, что нравственное возрожденіе семейной жизни и болѣе высокая оцѣнка женщинъ, которыя внесла было Реформація, не могли устоять передъ безнравственными дѣяніями упомянутыхъ вліяній

Фотогр. изд. Фр. Ганфштенгля въ Мюнхенѣ.
Рис. 337. На молитвѣ.
(По картинѣ Ж. Б. Грёза.)

Одно изъ самыхъ основныхъ свойствъ женской природы — **стыдливость** была почти совершенно утрачена въ эти эпохи. Почти невозможно повторить всѣ тѣ непристойности, которыя позволяли преподносить себѣ дамы высшаго круга въ видѣ любовныхъ признаній.

Іоганнъ Шерръ разсказываетъ въ своей „Исторіи германской женщины“, что когда нѣкій фонъ Бессеръ написалъ крайне непристойное стихотвореніе „Нѣдра возлюбленной“, оно такъ понравилось ученому и философу Лейбницу, что онъ поспѣшилъ переписать эту непристойность, занимавшую цѣлыхъ шесть страницъ, и доставилъ ее курфюрстшѣ Софи Ганноверской, — и та такъ восхищалась имъ, что позаботилась распространить его въ кругу знатныхъ дамъ и горячо благодарила автора. Такъ абсолютно притупилась тогда всякая стыдливость, что пресловутое стихотвореніе превозносили за то, что въ немъ называлось и описывалось больше двадцати разъ кое-что такое, что само по себѣ „неприлично, но сдѣлано это такъ, что можно не опасаться вогнать въ краску стыда самаго благопристойнаго читателя...“ „Это, конечно, возможно, — прибавляетъ Шерръ, — такъ какъ общество того времени, повидимому, вообще утратило способность краснѣть отъ стыда. Иначе женщины должны были бы отворачиваться съ краской стыда и негодованія отъ тѣхъ достойныхъ Фавна подробныхъ описаній ихъ физическихъ прелестей, которыя то-и-дѣло преподносились имъ“.

Хотя страсть къ нарядамъ, тщеславіе и жажда нравиться издавна составляли характерныя свойства женской природы, все же онѣ ни въ одну эпоху не достигали такой высокой степени, какъ въ началѣ XVIII столѣтія, когда такъ называемая мода рококо заканчивала свое побѣдное шествіе изъ Франціи черезъ всю Европу. Мода эта имѣла цѣлью, съ одной стороны, выставить какъ можно больше на видъ наличныя прелести, съ другой стороны — возможно лучше скрыть недостатки фигуры, цвѣтъ лица и волосъ (рис. 338). Тщеславіе матерей заставляло ихъ

Фотогр. Фр. Ганштенгля въ Мюнхенѣ.

Рис. 338. Визитъ фокусника. (Костюмы рококо.)
(По картинѣ В. Гогарта.)

прямо требовать отъ дочерей возможно большей выставки напоказъ ихъ прелестей.

Цоккельтсъ разсказываетъ въ своемъ „Опытѣ характеристики женскаго пола“ объ одной знатной дамѣ, которая сказала своей дочери, въ большомъ обществѣ женщинъ и мужчинъ: „... Вишь, глупая дѣвченка, почти совершенно скрыла грудь! Терпѣть не могу этой глупой стыдливости, — дѣвченка не имѣетъ надобности закрываться, да и шея у нея красивѣе всѣхъ, у кого ни посмотри“.

Когда въ эпоху французской революціи фижмы и парики вышли изъ моды, ихъ смѣнило такъ называемое греческое женское одѣяніе, которое носили съ кокетливымъ безстыдствомъ. Оно состояло, въ сущности, изъ одной только рубашки, свободно перетянутой выше таліи подъ самыми грудями и укрѣпленной двумя узкими лентами на голыхъ плечахъ, такъ что вся половина верхней части тѣла оставалась обнаженной (рис. 339).

Имперія Наполеона I оказала облагораживающее вліяніе на женщинъ во Франціи.

Такое же вліяніе оказали въ Германіи освободительныя войны. Въ эту эпоху женщины и дѣвушки снова взяли на себя ту благородную роль, которую несли древнія германки: онѣ поощряли своихъ мужей, братьевъ и сыновей отправляться на священную войну. Увлеченіе высокой цѣлью и способность къ самоотверженнымъ чувствамъ обнаружились не только въ томъ, что богатыя дамы жертвовали на усиленіе военныхъ средствъ свои драгоцѣнности и серебро, но и въ томъ, что сами онѣ шли въ лазареты сестрами милосердія.

Рис. 339. Игра въ жмурки. (Платье à la grecque, французская мода временъ первой Имперіи.)

(Гравюра по рисунку Боско.)

Начало эпохи классиковъ внесло перемѣну во взгляды на отношенія между мужчиной и женщиной. Любимая женщина снова стала высшимъ существомъ, которому слѣдуетъ поклоняться, но уже въ гораздо болѣе чистомъ и благородномъ смыслѣ. „Онъ“ былъ для „нея“ божествомъ; цвѣтокъ, записка отъ „него“ были для „нея“ высшимъ счастьемъ (рис. 340). Такъ охватило мало-по-малу юношей и дѣвушекъ восторженное настроеніе, нашедшее себѣ художественно-правдивое выраженіе въ гетевскомъ Вертерѣ. Нѣкоторое отрезвленіе принесло съ собой только революціонное движеніе въ половинѣ XIX столѣтія. Къ этому же времени относится и начало все болѣе и болѣе разроставшагося женскаго освободительнаго движенія, пріобрѣтающаго въ настоящее время все большее распространеніе. Проникновеніе женщинъ въ область мужскихъ профессій имѣло неизбѣжнымъ послѣдствіемъ то, что женщины, по крайней мѣрѣ отчасти,

утратили свои женскія свойства и усвоили мужскія. Это относя особенно къ руководительницамъ женскаго движенія.

Рис. 340. Отъ „него“.
(По картинѣ К. Кнёхля.)

Если мы хотимъ охарактеризовать душевный міръ современной женщины и міръ ея чувствъ и хотимъ постараться понять ихъ многообразныя проявленія, то мы должны помнить о томъ, что характерныя особенности женщины сложились подъ вліяніемъ нѣсколькихъ существенныхъ условій: того положенія, которое природа съ древнѣйшихъ временъ отвела женщинѣ, какъ существу, предназначенному привлекать мужчинъ и растить дѣтей; какъ существу, жизнь котораго протекаетъ гораздо быстрѣе, чѣмъ у мужчины, т. е. существу которое раньше достигаетъ физической и психической зрѣлости, но и скорѣе и раньше отцвѣтаетъ; какъ индивидууму, душевная жизнь котораго зависитъ отъ глубокаго вліянія физическихъ процессовъ; и наконецъ, какъ личности, которая должна была претерпѣвать разнообразныя вліянія и послѣдствія историческихъ и культурно-историческихъ фактовъ, пока стала тѣмъ, чѣмъ является въ настоящее время. Тогда будетъ возможно уяснить себѣ цѣлый рядъ добрыхъ и дурныхъ свойствъ женщины и то, какіе нужныпути для сохраненія добрыхъ свойствъ и преобразованія дурныхъ въ хорошія.

Рис. 341. Школа.
(По картинѣ М. Либермана.)

Глава седьмая.

Женщина въ дѣтскомъ возрастѣ.

(Д-ръ фил. Теодоръ Геллеръ.)

Въ первые годы жизни развитіе дѣвочки и мальчика идетъ почти совершенно одинаково. Въ наружности также замѣчается мало разницы, помимо различнаго развитія половыхъ частей. Разсматривая, напримѣръ, картины, воспроизведенныя на нашихъ рисункахъ („Школа“, рис. 341 и „Кормленіе дѣтей“, рис. 342), мы напрасно старались бы разгадать, кто изъ нихъ мальчики и кто дѣвочки. Если иногда и отмѣчались кой-какія мелкія различія, — въ томъ, когда начинается прорѣзываніе зубовъ, когда ребенокъ того или другого пола начинаетъ говорить и ходить, — то при ближайшемъ изслѣдованіи они оказывались случайными. Характерныя различія обнаруживаются болѣе или менѣе замѣтно только въ томъ возрастѣ, когда дѣти начинаютъ играть. Мальчики предпочитаютъ большей частью такія игры, въ которыхъ проявляется сила, дѣвочки охотнѣе всего играютъ въ такія игры, въ которыхъ могутъ проявить заботливость. Любимая игрушка дѣвочки — кукла. Было бы очень любопытно написать исторію куколъ, — мы убѣдились бы, что куклы пользовались симпатіей во всѣ времена и во всѣхъ странахъ. Съ точки зрѣнія исторіи культуры и исторіи искусствъ такое изслѣ-

Мужчина и женщина. I. Т-во „Просвѣщеніе“ въ Спб.

Аделаида и Габріеля фонъ-Гумбольдтъ.

По картинѣ Готлиба Шика.

(По фотогр. Ф. Брукманна въ Мюнхенѣ.)

дованіе также представило бы большой интересъ. Какъ созданія взрослыхъ, куклы всегда представляютъ собой идеалъ красоты каждаго даннаго мѣста; въ нарядѣ и въ украшеніяхъ куколъ отражается вкусъ данной эпохи страны. Въ былое время и взрослые не были свободны отъ пристрастія къ кукламъ; въ эпоху Рококо, какъ извѣстно, знатныя дамы пріобрѣтали дорогія куклы и украшали ими свои будуары.

Для маленькой дѣвочки кукла — не только игрушка, она для нея предметъ любви и попеченій, на который направляется присущая ей нѣжность (очень удачно выражено это чувство въ картинѣ Пильца „Любимая кукла", рис. 343). Въ этомъ смыслѣ почти безразлично, какой бы видъ ни имѣла кукла. Кучка пестрыхъ тряпочекъ часто милѣе ребенку, чѣмъ шедевръ игрушечной промышленности. Дѣвочка собственной фантазіей оживляетъ невзрачную игрушку; въ игру съ куклой вплетается все, что дѣвочка переживала сама или узнала отъ другихъ дѣтей.

Очень характерна для душевнаго развитія дѣвочки эта игра, — потребность переносить на кого-нибудь любовь и ласку. Необузданная, брызжущая силой рѣзвость мальчика ей чужда; даже буйная веселость дѣвочки все же на нѣсколько градусовъ ниже веселости расходившагося мальчика. Это сказывается даже въ выраженіи лица дѣвочки. Лицу мальчика очень идетъ выраженіе упрямства, отважной рѣшительности, тогда какъ дѣвочка бываетъ всего прелестнѣе, когда лицо ея выражаетъ ласковость и мягкость. Для сравненія интересно разсмотрѣть воспроизведенную на рис. 93 (въ I части наст. тома) картину Макса Фроменталя „Юный защитникъ" и дѣтскіе портреты, воспроизведенные въ дальнѣйшемъ текстѣ (рис. отъ 344 до 350) съ картинъ выдающихся мастеровъ, а также художественное приложеніе (на отд. табл.) „Адельгейда и Габріэль фонъ-Гумбольдтъ".

Къ играмъ такого рода слѣдуетъ причислить также тѣ забавы, въ которыхъ дѣвочки подражаютъ домашнимъ занятіямъ взрослыхъ женщинъ. Сюда относятся стряпня, стирка и шитье; вѣдь все это, въ особенности шитье, тѣсно связано съ игрой въ куклы, на которой сосредоточиваются всѣ игры дѣвочекъ.

Въ играхъ дѣвочекъ уже ясно сказываются свойства женской природы. Является вопросъ, привиты ли эти свойства воспитаніемъ или врождены, обусловлены природными задатками. Мы не можемъ заняться здѣсь подробнымъ разсмотрѣніемъ вопроса, существуютъ ли вообще врожденныя свойства. Наука воспитанія считается съ извѣстными задатками и слѣдовательно стоитъ на такой точкѣ зрѣнія, что всякій индивидуумъ обладаетъ врожденными свойствами. Обнаруживающіяся въ играхъ женскія свойства, несомнѣнно, представляютъ собой не только результаты воспитанія и привычекъ. Инстинкты игры, какъ доказываетъ множество примѣровъ, находятъ себѣ часто своеобразный выходъ. Проявленіе мальчишескихъ свойствъ у дѣвочки и наоборотъ, обнаруживающіяся у мальчиковъ склонности, характерныя для дѣвочекъ, слѣдуетъ признать во всякомъ случаѣ противоестественностью, — и это, повидимому, тѣсно связано съ извѣстными ненормальностями полового инстинкта.

Дѣвочки играютъ большей частью въ одиночку, ихъ игры гораздо разнообразнѣе мальчишескихъ. Дѣвочки обыкновенно

мало общительны, большей частью онѣ вполнѣ довольствуются одной подругой. Да игры и потеряли бы свою интимную задушевность отъ слишкомъ большого числа участницъ. Въ общемъ дѣвочки не любятъ, когда взрослые смотрятъ на ихъ игры. Застѣнчивость, сдержанность и стыдливость свойственны многимъ дѣвочкамъ съ ранняго дѣтства.

Игры, дающія исходъ потребности дѣвочекъ заботиться о комъ-нибудь, часто переходятъ позднѣе въ явственную потреб-

Рис. 342. Кормленіе дѣтей.
(По картинѣ Г. Линде-Вальтеръ.)

ность дѣятельно помогать старшимъ въ уходѣ за младшими, слабыми дѣтьми или быть полезными въ хозяйствѣ. Въ бѣдныхъ семьяхъ вполнѣ обыкновенное дѣло передавать самыхъ младшихъ дѣтей на попеченіе старшей сестры, которая порой сама еще нуждается въ нянькѣ. И опытъ доказываетъ, что эти юныя няньки обыкновенно съ строгой добросовѣстностью относятся къ своимъ обязанностямъ. Чѣмъ можно было бы объяснить эту толковость пониманія нуждъ малютокъ, это иногда поразительное угадываніе намѣреній матери, если не допустить врожденный инстинктъ заботливости, — „материнскій инстинктъ“, какъ выражается одинъ современный педагогъ? Мы видимъ, что женщина съ ранняго дѣтства готовится къ своимъ будущимъ материнскимъ обязанностямъ.

Въ послѣднее время неоднократно указывалось на то, что только часть дѣвушекъ достигаетъ предуказанной имъ природой цѣли — сдѣлаться женами и матерями; многимъ же приходится всю жизнь зарабатывать себѣ средства къ жизни какимъ-нибудь профессіональнымъ дѣломъ. При этомъ женщинѣ часто приходится конкуррировать съ мужчиной. Чтобы она могла выйти побѣдительницей изъ этой конкуренціи, наилучшей мѣрой признается совмѣстное воспитаніе обоихъ половъ съ ранняго дѣтства: этимъ путемъ дѣвушки могутъ пріобрѣсти тѣ свойства, которыя будутъ имъ полезны и необходимы въ борьбѣ за существованіе.

Въ большинствѣ европейскихъ странъ система совмѣстнаго образованія еще такъ мало распространена, что трудно судить о ея результатахъ; зато въ Англіи и въ особенности въ Америкѣ совмѣстное воспитаніе обоихъ половъ сдѣлалось обыкновеннѣйшей педагогической системой, давно вошедшей въ практику. Какъ надо понимать эту систему (что тутъ и рѣчи быть не можетъ и не должно о подавленіи своеобразной природы обоихъ половъ) — объ этомъ уже неоднократно было говорено. Именно, примѣръ Англіи и Америки доказалъ, что совмѣстное воспитаніе обоихъ половъ можетъ сочетаться съ самой широкой свободой индивидуальнаго развитія. Съ этой же точки зрѣнія желательно, чтобы учебныя заведенія были доступны обоимъ поламъ одновременно. Здѣсь насъ занимаютъ только начальныя школы, предназначенныя для дѣтей въ собственно школьномъ возрастѣ, т. е. въ возрастѣ отъ шести до четырнадцати лѣтъ. Разобщеніе дѣтей, обучающихся въ начальныхъ школахъ, является уже потому ненужнымъ, что образовательная программа приблизительно одинакова въ школахъ для дѣвочекъ и для мальчиковъ. Въ сельскихъ школахъ дѣвочки и мальчики большей частью обучаются вмѣстѣ и ни тѣ, ни другіе не терпятъ отъ этого ущерба.

Различія учебныхъ программъ мужскихъ и женскихъ школъ, существовавшія прежде, все больше и больше исчезаютъ подъ вліяніемъ результатовъ современныхъ педагогическихъ изслѣдованій. Прежде всего, реформа коснулась г и м н а с т и к и. Въ настоящее время пришли къ тому сознанію, что систематическое преподаваніе гимнастики необходимо для дѣвочекъ по меньшей мѣрѣ столько же, сколько для мальчиковъ. Въ общемъ, дѣвочки больше мальчиковъ склонны къ неправильному развитію тѣла, что зависитъ, во-первыхъ, отъ недостатка надлежащаго и обильнаго движенія, во-вторыхъ, отъ слишкомъ раннихъ и усиленныхъ занятій рукодѣліями. Эта односторонность занятій приводитъ часто къ искривленіямъ позвоночника, которыя могутъ грозить впослѣдствіи изуродованіемъ тѣла. Участіе дѣвочекъ въ играхъ на воздухѣ, во всѣхъ видахъ спорта, доступнаго молодежи, и въ прогулкахъ и экскурсіяхъ, о которыхъ упоминалось въ главѣ „Мужчина въ дѣтскомъ возрастѣ“ (въ I ч. наст. тома), не только желательно, но даже крайне необходимо.

Въ послѣдніе годы школьно-врачебныя изслѣдованія показали, что дѣтей съ неправильной постановкой фигуры и недостатками роста значительно больше, чѣмъ предполагали прежде на основаніи поверхностнаго осмотра учащихся. Часто встрѣ-

чающіяся искривленія, сгорбленность и другіе подобные тѣлесные недостатки подсказали необходимость введенія для подобныхъ дѣтей лѣчебно-гимнастическихъ упражненій. Въ Швеціи и Норвегіи, а недавно и въ Германіи, учреждены для такихъ дѣтей особые курсы ортопедической гимнастики подъ непосредственнымъ руководствомъ учителей или учительницъ, получившихъ спеціальную подготовку, а во многихъ учебныхъ заведеніяхъ и подъ надзоромъ училищнаго врача.

Фотогр. изд. „Уніонъ" въ Мюнхенѣ.
Рис. 343. Любимая кукла.
(По картинѣ О. Пильцъ.)

Забота о физическомъ здоровьѣ учащихся дѣвочекъ необходима не только въ интересахъ отдѣльныхъ индивидуумовъ, но и въ интересахъ общества. Школьницы станутъ женщинами и матерями, въ здоровьѣ ихъ таится здоровье будущихъ поколѣній. Въ семьяхъ, живущихъ въ менѣе благопріятныхъ условіяхъ городской жизни, дѣвочки пользуются несравненно менѣе здоровыми условіями, чѣмъ мальчики. Мальчики сами себѣ устраиваютъ обильное движеніе на воздухѣ, убѣгая для игръ на свободныя площади или, за недосткомъ ихъ, на улицу. Дѣвочкамъ, по понятнымъ соображеніямъ, это запрещается. Съ другой стороны, въ бѣдныхъ семьяхъ дѣвочекъ засаживаютъ съ очень ранняго возраста за разныя домашнія работы, тогда какъ мальчики обыкновенно не несутъ никакихъ обязанностей помимо школьныхъ и пользуются свободнымъ временемъ сполна. Поэтому малокровныхъ и худосочныхъ необычайно много среди дѣвушекъ; изъ ихъ рядовъ вербуютъ своихъ жертвъ всевозможныя болѣзни, вродѣ золотухи и чахотки. Изъ этого слѣдуетъ, что необходимо своевременно принять предохранительныя мѣры для предотвращенія этого. Руководителямъ лѣсныхъ школъ и

лѣсныхъ дачныхъ пріютовъ, число которыхъ, къ счастью, возрастаетъ, слѣдовало бы имѣть въ виду при выборѣ питомцевъ, что дѣвочки нуждаются въ пребываніи на свѣжемъ воздухѣ столько же, а часто даже гораздо больше, чѣмъ мальчики.

Кромѣ этихъ вредныхъ сторонъ, которымъ подвержены главнымъ образомъ бѣдные классы, существуютъ еще и другія вредныя для здоровья стороны, постигающія одинаково всѣ слои населенія. Онѣ вызываются существующей женской одеждой. Верхнія и нижнія юбки дѣвушекъ завязываются обыкновенно шнурками, приходящимися вокругъ бедеръ. Вслѣдствіе этого на бедра налагается чрезмѣрная ноша, а вслѣдствіе перетягиванія таліи нарушается, кромѣ того, кровообращеніе. Но самый серьезный вредъ причиняетъ тугой корсетъ, который дѣвочкамъ надѣваютъ часто даже раньше наступленія зрѣлости, полагая, что этимъ можно достигнуть красивыхъ формъ и изящной постановки тѣла. Но преждевременное надѣваніе корсета вызываетъ въ еще не сложившемся организмѣ неправильное развитіе внутреннихъ органовъ и скелета, которое можетъ грозить здоровью дѣвушки серьезной опасностью. Въ виду этого во многихъ школахъ въ Германіи запрещено носить корсетъ, — и это заслуживаетъ безусловнаго одобренія и всеобщаго подражанія. Платье „реформъ", надъ которымъ столько подшучиваютъ и которое совершенно несправедливо осмѣивается, имѣетъ серьезное гигіеническое значеніе, особенно для подрастающихъ дѣвушекъ, такъ какъ область бедеръ при немъ совершенно не обременяется. Вотъ почему фасонъ „реформъ" можетъ быть признанъ идеальной одеждой для дѣвушекъ. Подробнѣе объ этомъ будетъ сказано въ слѣдующей главѣ.

Если при занятіяхъ дѣвочекъ будетъ сохранена та же одежда, то нѣкоторыя упражненія, сами по себѣ очень полезныя для развитія тѣла, могутъ вызвать прямо противоположные результаты. Вотъ почему требованіе особаго гимнастическаго костюма для дѣвочекъ вполнѣ резонно. Вообще, мы еще недостаточно оцѣниваемъ всю важность вопроса объ одеждѣ дѣвочекъ. Здѣсь нельзя руководиться одной модой, а должны быть приняты въ соображеніе условія здоровья дѣтей. Красота и цѣлесообразность и въ этой области нисколько не противорѣчатъ другъ другу, ихъ можно и надо умѣть совмѣстить въ полной гармоніи.

Часто выдвигается вопросъ о сравнительныхъ успѣхахъ мальчиковъ и дѣвочекъ въ начальныхъ школахъ. Но результаты этихъ изслѣдованій не дали до сихъ поръ рѣшительнаго отвѣта на вопросъ о томъ, кто изъ нихъ въ общемъ способнѣе. Въ дѣйствительности нѣтъ существенной разницы между успѣхами мальчиковъ и дѣвочекъ. При изслѣдованіяхъ, какія предпринимались до сихъ поръ, большей частью обращалось очень мало вниманія на домашнія условія, на то или иное состояніе здоровья дѣтей и многія другія важныя условія. Одинъ выдающійся австрійскій ученый недавно поднялъ вопросъ объ этомъ, причемъ самымъ энергичнымъ образомъ настаивалъ на необходимости созданія особой отрасли — школовѣдѣнія.

Въ отношеніи физическаго развитія дѣвочки уступаютъ мальчикамъ. Мальчики и растутъ въ общемъ быстрѣе, и физи-

ческой силой, въ среднемъ, превосходятъ дѣвочекъ; послѣднее, впрочемъ, объясняется — по крайней мѣрѣ отчасти — недостатками воспитанія дѣвочекъ, при которомъ онѣ мало имѣютъ возможность упражнять мускулатуру. Увеличеніе вѣса тѣла сильно колеблется у обоихъ половъ.

Половая зрѣлость (возмужалость) наступаетъ, въ среднемъ, у дѣвочекъ раньше, чѣмъ у мальчиковъ. Какъ мы уже упоминали въ главѣ о дѣтскомъ возрастѣ мужчины (въ I ч. наст. тома), предварительные признаки полового развитія появляются еще задолго до появленія характерныхъ наружныхъ половыхъ признаковъ. Тутъ больше всего обращаетъ на себя вниманіе лицо, его черты и выраженіе. Мягкія, нѣжныя линіи дѣтскаго лица уступаютъ мѣсто болѣе рѣзкимъ и опредѣленнымъ очертаніямъ, и лицо пріобрѣтаетъ большую печать индивидуальности. Эта перемѣна очень часто наблюдается уже въ возрастѣ между десятью и одиннадцатью годами, особенно у дѣвочекъ. Въ этотъ же періодъ нерѣдко появляются даже у дѣтей нравственно-чистыхъ и здоровыхъ первыя чувственныя побужденія. Ребенокъ еще не сознаетъ ихъ, но они оказываютъ своеобразное вліяніе на все его чувствованіе и мышленіе. Исчезаетъ непринужденность въ отношеніяхъ и въ обращеніи съ другимъ поломъ. Въ эту пору уже сказывается характеръ дѣвочекъ. Однѣ становятся замкнутѣе, застѣнчивѣе и сдержаннѣе въ обращеніи, другія же, напротивъ, стараются обратить на себя вниманіе, становятся рѣзвѣе, свободнѣе въ обращеніи, болѣе склонны къ шалостямъ и продѣлкамъ; въ этотъ періодъ наблюдается поразительное сходство съ психологіей мальчиковъ-подростковъ. Если принять во вниманіе, что тѣло дѣвочки измѣняется въ періодъ зрѣлости гораздо значительнѣе, чѣмъ тѣло мальчика, что появленіе первой менструаціи является событіемъ, отражающимся на всемъ строѣ мыслей и чувствъ дѣвочки, то должно показаться просто

Фотогр. изд. Фр. Ганфштенгля въ Мюнхенѣ.

Рис. 344. Невинность.
(По картинѣ Д. Рейнольдса.)

необъяснимымъ, какъ находятъ возможнымъ держать втайнѣ эти процессы и считаютъ неприличнымъ говорить о нихъ съ подросткомъ, формирующимся въ женщину. Въ результатѣ получается то, что подростка просвѣщаютъ самыя неподходящія лица: товарки, внутренно испорченныя и охотно пользующіяся предлогомъ поговорить на эти темы, прислуга, грубо раскрывающая правду ребенку, не щадя самыхъ священныхъ его чувствъ. Своевременное просвѣщеніе дѣвочки о предстоящихъ въ періодъ зрѣлости измѣненіяхъ — это обязанность, которую могутъ и должны исполнить только люди свѣдущіе въ психологіи ребенка. Много толкуютъ и спорятъ о томъ, кто долженъ взять на себя эту обязанность въ отношеніи мальчика — отецъ, учитель или врачъ. Но если въ отношеніи мальчика еще можетъ существовать этотъ вопросъ, то въ отношеніи дѣвочки, большая впечатлительность и стыдливость которой требуютъ бережнаго къ себѣ отношенія, этотъ долгъ матери не слѣдовало бы уступать никому. Общаго правила о томъ, какъ это должно быть сдѣлано, здѣсь невозможно установить. Образованная мать всегда найдетъ возможность почерпнуть изъ окружающей природы, въ особенности изъ растительнаго царства, матеріалъ и способъ для объясненія и истолкованія. Необразованная мать объяснитъ, быть можетъ, напрямки и по простотѣ самую суть, но все же сумѣетъ направить безошибочное чутье дѣвочки. Подготовленная надлежащимъ образомъ, дѣвочка усмотритъ въ явленіяхъ наступающей зрѣлости мудрое предначертаніе природы, не испугается и не обезпокоится и окажется защищенной противъ грубаго и неосторожнаго просвѣтительства со стороны окружающихъ.

Рис. 345 Послѣ пробужденія.
(По картинѣ М. Карпентье.)

Приложеніе.

Ненормальное духовное развитіе дѣтей.

И въ главѣ о дѣтскомъ возрастѣ мужчины, и въ настоящей главѣ мы имѣли дѣло съ правильнымъ, нормальнымъ развитіемъ.

Но оно не всегда бываетъ такимъ. Есть много дѣтей — мальчиковъ и дѣвочекъ, — духовное развитіе которыхъ уклоняется отъ нормы и носитъ болѣе или менѣе болѣзненный характеръ. Уклоненія эти не всегда одинаковы, они во многихъ отношеніяхъ отличаются одно отъ другого. Тупость, слабоуміе, какъ препятствіе къ духовному развитію, проявляется въ различныхъ формахъ, но кромѣ этого существуетъ еще много другихъ ненормальностей въ области дѣятельности ума, чувствъ и воли. Если онѣ только намѣчены, мы говоримъ о болѣзненномъ (психопатическомъ) недоразвитіи, если же онѣ явственно проявляются, глубоко проникая собой духовную жизнь ребенка, то мы имѣемъ дѣло съ душевными заболѣваніями (психопатіями), которыя мы разсмотримъ позднѣе въ ихъ различныхъ формахъ и подъ различными ихъ названіями.

Слабоуміе встрѣчается въ различной степени — отъ полнаго отсутствія умственной жизни и дѣятельности до незначительнаго ослабленія духовныхъ функцій. Тяжелые случаи объединяются подъ общимъ названіемъ идіотизма, болѣе легкіе называются обыкновенно тупостью. Послѣдняя форма болѣе или менѣе поддается педагогическому воздѣйствію, — въ такой степени, по крайней мѣрѣ, что страдающіе ею индивидуумы могутъ пріобрѣсть самые необходимые для жизни познанія и навыки и могутъ оказаться способными къ какому-нибудь нетрудному дѣлу или занятію въ жизни. Первая же форма заставляетъ обыкновенно ограничиться однимъ физическимъ воспитаніемъ и борьбой съ животными привычками, пріобрѣтающими иногда ужасающіе размѣры и силу.

Полную картину идіотизма представляютъ собой тѣ своеобразныя существа, которыя часто встрѣчаются въ альпійскихъ странахъ и извѣстны подъ названіемъ кретиновъ. Наука открыла, что эта болѣзнь происходитъ отъ отсутствія одного органа — железы, значеніе которой долго оставалось непонятнымъ. Этотъ органъ — щитовидная железа — находится по обѣ стороны шеи и иногда вырождается до огромныхъ размѣровъ такъ называемаго зоба. Путемъ прививки щитовидной железы животныхъ или изготовленнаго изъ нея препарата удавалось побѣждать эту распространенную болѣзнь, такъ что теперь уже кретинизмъ можетъ считаться до извѣстной степени излѣчимымъ. Бываютъ, однако, единичные случаи необъяснимаго появленія этого вырожденія даже въ странахъ, свободныхъ отъ кретинизма, такъ что, напримѣръ, въ какой-нибудь семьѣ, въ которой всѣ дѣти вполнѣ здоровы, рождается вдругъ безъ всякой видимой внѣшней причины кретинъ. Лѣчатся, впрочемъ, такіе разрозненные случаи кретинизма такъ же, какъ и массовые. Вслѣдствіе своеобразныхъ особенностей развитія ихъ лица, одна группа идіотовъ носитъ названіе монголоидовъ, а самая болѣзнь ихъ называется монголизмомъ.

Не будемъ останавливаться надолго на этихъ явленіяхъ вырожденія, видимыхъ и несвѣдущимъ людямъ, а перейдемъ къ тѣмъ интереснымъ и съ педагогической точки зрѣнія крайне важнымъ уклоненіямъ отъ нормальнаго развитія, которыя группируются подъ общимъ названіемъ психопатическихъ (душевно-болѣзненныхъ) явленій. Людямъ несвѣдущимъ ихъ часто

бываетъ нелегко распознать, потому что они имѣютъ большей частью внѣшнее сходство съ недостатками, проявляющимися и у нормальныхъ дѣтей. Отличаются же они отъ этихъ послѣднихъ своей упорностью, невозможностью воздѣйствовать на нихъ обычными, испытанными способами общей педагогики и, кромѣ того, особымъ характеромъ, который они придаютъ всей духовной сферѣ. Разъяснимъ это примѣромъ.

Извѣстно, что дѣти часто лгутъ или, вѣрнѣе, „сочиняютъ“. Они часто разсказываютъ пространныя исторіи, которыхъ не было, повѣствуютъ о небывалыхъ происшествіяхъ, при чемъ въ эти росказни причудливымъ образомъ вплетаются мотивы изъ слышанныхъ ими и видоизмѣненныхъ сказокъ.

Здѣсь мы имѣемъ дѣло не съ чѣмъ инымъ, какъ съ проявленіемъ дѣятельности фантазіи, играющей въ первые годы жизни преобладающую роль. По мѣрѣ прогрессированія умственнаго развитія, дѣйствительность все больше овладѣваетъ умомъ дѣтей, и фантастическая ложь все больше и больше отступаетъ на задній планъ. Но бываютъ дѣти съ болѣзненно-сильно развитой фантазіей, у которыхъ лганье не только не проходитъ со временемъ, а продолжаетъ, такъ сказать, систематически развиваться и въ концѣ концовъ подавляетъ собой всѣ остальныя умственныя способности. Рука объ руку съ такой явно болѣзненной лживостью идутъ большей частью и болѣзненныя нравственныя явленія. Я зналъ одну дѣвочку, у которой была страсть при всевозможныхъ случайныхъ встрѣчахъ — на дѣтскихъ гуляньяхъ, въ вагонѣ городской желѣзной дороги и т. п. — давать невѣрныя показанія о своей фамиліи, о званіи и профессіи своихъ родителей и т. д. Неоднократно эта ложь имѣла очень непріятныя послѣдствія для дѣвочки, но ее никакъ нельзя было отучить отъ этого.

Другое очень часто встрѣчающееся явленіе представляетъ гнѣвная вспыльчивость маленькихъ дѣтей. У маленькихъ, дурно воспитанныхъ дѣтей, такія вспышки — не рѣдкость. Но совсѣмъ иного рода бываютъ тѣ припадки гнѣва, при которыхъ ребенокъ теряетъ всякое самообладаніе и неистовствуетъ до тѣхъ поръ, пока не скажется сильная усталость и затѣмъ наступитъ покой. Въ высшей степени характерно для этихъ припадковъ, что они прорываются внезапно и сразу, „какъ съ безоблачнаго неба громъ“. Часто бываетъ, что ребенокъ самъ сознаетъ неумѣстность своего поведенія, но не въ силахъ противиться охватывающей его болѣзненной страстности. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, на которые слѣдуетъ смотрѣть какъ на психопатическое состояніе, умственныя способности остаются нормальными, зато нравственное развитіе оказывается всегда болѣе или менѣе отсталымъ, а затѣмъ, въ случаяхъ особенно тяжелыхъ, развертывается картина „моральнаго слабоумія“ или „нравственнаго идіотизма“ — такъ называемой moral insanity. Ниже мы подробнѣе разсмотримъ это состояніе.

Психопатическія явленія развитія почти всегда бываютъ слѣдствіемъ слабости нервной системы. Очень часто наблюдаются у такихъ дѣтей и нѣкоторыя нервныя явленія, и нерѣдко такія явленія, сопровождающіяся психопатическими ненормальностями, группируютъ подъ общимъ названіемъ дѣтской

нервности, а въ болѣе сильной степени — дѣтской нейрастеніи. Если врачу удается направить на нормальный путь нервную дѣятельность ребенка, то возстановляется и нарушен-

Рис. 346. Головка.
(По рис. съ натуры Г. Мейна.)

ное душевное равновѣсіе. Главная же задача приходится здѣсь на долю воспитанія. Домашнее воспитаніе, обычныя воспитательныя вліянія безсильны при подобныхъ явленіяхъ. Въ по-

слѣднія десятилѣтія развилась особая отрасль педагогики — лѣчебная педагогика, главныя стремленія которой заключаются въ томъ, чтобы путемъ надлежащихъ, приспособленныхъ къ картинѣ болѣзни педагогическихъ воздѣйствій возстановить, съ помощью индивидуальнаго лѣченія, нормальное душевное равновѣсіе. Это педагогическое искусство практикуется въ особыхъ, спеціально для этой цѣли устраиваемыхъ лѣчебно-воспитательныхъ заведеніяхъ. Прежде эти стремленія не встрѣчали достаточнаго вниманія и оцѣнки, теперь же лѣчебная педагогика пользуется всеобщимъ признаніемъ и какъ наука, и какъ искусство, и можно считать очень отраднымъ признакомъ, что въ широкой публикѣ сказывается все большій и большій интересъ къ ней, какъ это обнаруживалось съ несомнѣнностью во время конгрессовъ.

Между тѣмъ какъ при психопатическихъ недостаткахъ дѣло почти всегда идетъ о разстройствѣ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ функцій (изъ которыхъ, однако, при продолжительномъ разстройствѣ, можетъ развиться общее духовное вырожденіе), — при умственныхъ разстройствахъ мы встрѣчаемся съ полнымъ измѣненіемъ всей душевной жизни, съ искаженіями и аномаліями во всѣхъ областяхъ. Можетъ даже случиться, что и физическое состояніе окажется при этомъ нарушеннымъ и представятся такія болѣзненныя явленія, которыя могутъ жестоко встревожить окружающихъ своей силой и внезапностью. Классическимъ примѣромъ этого служитъ истерія, эта, по мѣткому выраженію знаменитаго французскаго невропатолога, „великая обманщица". Истеричныя дѣти всѣмъ своимъ складомъ и всѣмъ поведеніемъ отличаются отъ нормы. Они не по возрасту развиты, не проявляютъ никакого интереса къ играмъ ровесниковъ-дѣтей, стараются во всемъ отъ крупнаго до мелкаго подражать взрослымъ. Все ихъ поведеніе неестественно, неискренно, во всемъ чувствуется актерство. Истеричныя дѣти почти всегда обнаруживаютъ нравственные недочеты. Любовь къ родителямъ и братьямъ и сестрамъ чужда имъ, они безмѣрно эгоистичны и потому крайне неразборчивы въ средствахъ, которыми пользуются для достиженія цѣли. Нерѣдко они обнаруживаютъ открыто враждебное отношеніе къ родителямъ, учителямъ и другимъ лицамъ, руководящимъ ихъ воспитаніемъ. Въ школѣ они, несмотря на хорошія, часто даже блестящія способности, не оказываютъ успѣховъ, не подчиняются школьной дисциплинѣ, противятся всякой нормѣ и порядку.

Въ области физическаго здоровья являются очень странныя разстройства; всего чаще обнаруживаются спазмы, — иногда необычайной силы, но ихъ психическое происхожденіе выдаетъ то, что они обыкновенно являются только въ присутствіи свидѣтелей и въ связи съ какимъ-нибудь душевнымъ переживаніемъ. Появленіе этихъ истерическихъ припадковъ, несомнѣнно, зависитъ отъ воли ребенка, прекращаются же они безъ прямого воздѣйствія воли. Эта связь еще недостаточно ясна, да и вообще въ истеріи у дѣтей и у взрослыхъ есть еще кое-что таинственное, что еще предстоитъ раскрыть научному изслѣдованію.

Нѣтъ, впрочемъ, ни одной физической болѣзни, которой не могла бы обманчиво создать истерія: слѣпота и глухота, потеря

рѣчи и голоса, параличи и сокращенія конечностей, — все это необычайно часто наблюдается у подобныхъ дѣтей. И какъ изумительны бываютъ возникновенія этихъ болѣзней, такъ же изумительно онѣ часто излѣчиваются, при чемъ это зависитъ не столько отъ способа лѣченія, сколько отъ лица, практикующаго его, отъ авторитета личности врача или педагога. Въ этой области нерѣдко могутъ похвалиться несомнѣнными успѣхами даже шарлатаны - цѣлители и знахари. Внезапный, неожиданный окрикъ лица, сумѣвшаго взять властный тонъ, или умышленное пренебрежительное невниманіе къ такому „мнимо-больному", жаждущему возни и хлопотъ съ собой, выраженій состраданія и признанія ихъ тяжкой болѣзни, имѣютъ часто результатомъ чудесное исцѣленіе.

Фот. изд. Фр. Брукмана въ Мюнхенѣ.

Рис. 347. Портретъ дѣвочки.
(По картинѣ Юл. Гюбнера.)

Истерія у дѣтей возникаетъ почти всегда подъ вліяніемъ окружающихъ; здѣсь можно съ полнымъ основаніемъ говорить о психической инфекціи (заразѣ). Иногда бываетъ, что истеричная мать заражаетъ дѣтей, — непосредственно ли своимъ примѣромъ, или неправильнымъ воспитаніемъ; иногда неудачно выбранная истеричная бонна бываетъ виновницей душевнаго заболѣванія ввѣреннаго ея уходу ребенка.

Очень часто наблюдается психическое зараженіе одного ребенка другимъ. При извѣстныхъ условіяхъ въ такихъ случаяхъ

истерія можетъ оказаться эпидемически-массовой психической болѣзнью. Назовемъ, какъ примѣръ такого явленія, дѣтскій крестовый походъ. Побуждаемые вліяніемъ одного французскаго мальчика-пастуха, вокругъ него сгруппировались тысячи дѣтей (въ 1212 году), рѣшившихся освободить святую землю. Крестовый походъ потерпѣлъ неудачу, большинство дѣтей погибло отъ непосильныхъ трудностей похода или же попали въ руки жадныхъ и корыстныхъ купцовъ или морскихъ разбойниковъ. Въ послѣднее время очень часто приходится встрѣчать сообщенія о школьныхъ эпидеміяхъ, заключающихся въ томъ, что нѣкоторыя болѣзненныя явленія — кашель, отхаркиваніе, дрожаніе, — переносятся съ одного ребенка на другого и иногда охватываютъ, въ концѣ концовъ, за немногими исключеніями, все школьное населеніе. Бывали даже случаи, когда такія истерическія эпидеміи перекочевывали изъ одной школы въ другую и заражали цѣлыя мѣстности.

Дѣтская истерія излѣчима, если только своевременно начато лѣченіе и приняты всѣ необходимыя мѣры. Для этого необходимо совершенно изолировать такого больного ребенка отъ окружавшей его до тѣхъ поръ обстановки и отъ вліявшихъ на него лицъ, оберегать его отъ всякаго дальнѣйшаго общенія съ ними, направить его дальнѣйшее воспитаніе въ условіяхъ строго-правильнаго режима (въ заведеніи), отвлекать его всѣми мѣрами, главнымъ образомъ, физическимъ трудомъ, позаботиться о правильномъ питаніи его и о здоровомъ снѣ. Таковы главнѣйшія лѣчебно-воспитательныя мѣры. Очень важно еще, кромѣ того, чтобы его воспитаніемъ руководило компетентное лицо, которое сумѣло бы, въ виду намѣченной цѣли, не слишкомъ считаться съ чувствами ребенка, подавлять его болѣзненныя наклонности въ самомъ зародышѣ и заставлять его строго подчиняться установленнымъ нормамъ.

Нельзя удивляться тому, что психопатическія явленія не сразу распознаются по своей настоящей сущности, потому что они имѣютъ большое внѣшнее сходство съ нѣкоторыми недостатками и дурными привычками, часто свойственными дѣтскому возрасту, которые сами по себѣ еще не могутъ считаться болѣзненными. Гораздо удивительнѣе то, что истерическія заболѣванія часто долго не распознаются въ своемъ истинномъ значеніи, что очень часто родители и даже врачи останавливаются въ безпомощномъ недоумѣніи передъ многими явленіями въ психической и особенно въ физической области, цѣлые годы иногда безуспѣшно пробуютъ ощупью всевозможные способы и мѣры, принимаютъ за чистую монету все, что наблюдается въ ребенкѣ, и достигаютъ этимъ только того, что состояніе ребенка все больше и больше ухудшается. Истерія у взрослыхъ имѣетъ часто свое начало въ дѣтскомъ возрастѣ. Въ своей первоначальной стадіи, при самомъ возникновеніи зло, несомнѣнно, можно было бы успѣшно побороть; истерію же у взрослыхъ приходится считать, какъ все несомнѣннѣе доказываетъ опытъ, — неизлѣчимой.

Мы уже упоминали о томъ, что нравственное развитіе истеричныхъ дѣтей идетъ часто ненормально. Бываетъ и такъ, что нравственные пороки проявляются явственнѣе всего, а сопутствующіе симптомы играютъ только второстепенную роль. Въ

такихъ случаяхъ явленіе опредѣляется часто какъ нравственное помѣшательство или moral insanity. Точно опредѣлить это понятіе очень трудно. Нравственное вырожденіе мы встрѣчаемъ не только въ такихъ случаяхъ, но и у большинства помѣшанныхъ, а также въ очень ярко выраженной формѣ при нетяжелыхъ случаяхъ врожденнаго слабоумія. Бываетъ ли такая форма болѣзни, при которой вырождается одна только нравственная сфера, а умственная остается нетронутой и нормальной, — этотъ вопросъ служитъ еще и теперь предметомъ научнаго обсужденія и изслѣдованія.

Фот. изд. Фр. Брукмана въ Мюнхенѣ.

Рис. 348. Портретъ дѣвочки.

(По картинѣ Людв. Кнауса.)

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что если нервно и душевно-больныя дѣти растутъ безъ надлежащаго воспитанія, то они съ ужасающей быстротой идутъ къ паденію, становясь добычей порока и преступленія. Многія явленія, разсматривавшіяся до сихъ поръ какъ „moral insanity", могутъ быть объяснены гораздо проще, какъ результаты запущеннаго въ дѣтствѣ воспитанія малоспособныхъ, которые нуждаются въ правильномъ воспитаніи и планомѣрномъ руководствѣ еще гораздо больше, чѣмъ нормальныя дѣти.

Многіе ученые подвергли изслѣдованію воспитанниковъ исправительныхъ заведеній, бродягъ и публичныхъ женщинъ съ точки зрѣнія ихъ психическаго состоянія и убѣдились въ томъ, что большинство изъ нихъ умственно нездоровы. Наибольшее число ихъ оказывалось слабоумными, многія же душевно больными въ самыхъ различныхъ формахъ. Воспитательныя попечительства, получившія въ Германіи съ 1905 года законную силу, располагаютъ правомъ принудительнаго помѣщенія ненормальныхъ малолѣтнихъ въ надлежащія заведенія или въ чужія семьи, берущія на себя

уходъ за ними, но передъ одной изъ главныхъ причинъ, умственной малоспособностью, они безсильны. Если, наконецъ, наступитъ когда-нибудь пора, когда надлежащее воспитаніе и лѣченіе малоспособныхъ дѣтей будетъ обезпечено закономъ и мы будемъ располагать для этого достаточнымъ числомъ воспитательныхъ заведеній, — преступность малолѣтнихъ, ростъ которой теперь ужасающе быстръ, сильно понизится. Примѣръ Англіи убѣдительно доказываетъ это.

Существуетъ болѣзнь, сопровождающаяся часто прогрессивной потерей разсудка и моральной способности сужденія; это — эпилепсія. Всѣмъ извѣстны прискорбныя проявленія этой болѣзни. Они заключаются то въ тяжелыхъ припадкахъ, то въ легкихъ тошнотныхъ состояніяхъ, сопряженныхъ съ мгновенной потерей сознанія. Надлежащее лѣченіе и уходъ за подобными дѣтьми возможны только въ спеціальныхъ заведеніяхъ. Обученіе такихъ дѣтей въ общественныхъ школахъ въ большинствѣ случаевъ недопустимо, но въ спеціальныхъ заведеніяхъ, куда они помѣщаются для лѣченія, имъ могутъ преподаваться не только учебные предметы, но они могутъ готовиться и къ какой-нибудь подходящей для нихъ профессіи. Кромѣ того, здѣсь можетъ быть примѣнено къ больнымъ дѣтямъ то воспитаніе, въ которомъ они особенно сильно нуждаются въ виду неустойчи-

Фот. изд. Фр. Брукмана въ Мюнхенѣ.

Рис. 349. Эд. Як. фонъ-Штейнле, портретъ его дочери Каролины.

вости своего душевнаго равновѣсія и грозящей имъ опасности свихнуться съ нормальнаго пути.

Такіе случаи, когда эпилепсія связана съ тяжелой формой идіотизма, приходится признать безнадежными, въ нихъ единственное избавленіе — смерть. Но въ случаяхъ не особенно тяжелыхъ цѣлесообразная комбинація врачебно-педагогическаго ухода даетъ все же хорошіе результаты, — можно, во всякомъ случаѣ, настолько понизить частоту и силу припадковъ, чтобы сдѣлать существованіе такихъ больныхъ сноснымъ.

Рис. 350. Дѣти.
(По картинѣ Ф. Каульбаха.)

Есть еще одно явленіе, къ которому относятся недостаточно серьезно, но которое требуетъ необычайно серьезнаго вниманія къ себѣ; это — преждевременное проявленіе полового инстинкта. Въ связи съ этимъ находится очень распространенное зло, представляющее для дѣтей обоего пола тяжкій вредъ: онанизмъ или рукоблудіе (также мастурбація; см. соотвѣтств. главы въ I и во II ч. наст. тома).

Половой инстинктъ проявляется иногда даже въ первые годы жизни. Въ подобныхъ случаяхъ мы почти всегда имѣемъ дѣло съ явленіемъ нервнаго характера, съ которымъ необходимо бороться въ корнѣ, т. е. прослѣдить и изслѣдовать причины нервности и устранить ихъ. Бываютъ еще случаи, въ которыхъ преждевременная чувственность пробуждается, благодаря злоупотребленіямъ со стороны безсовѣстныхъ нянекъ или боннъ или же подъ вліяніемъ прямого соблазна со стороны лицъ, извращенныхъ въ половомъ отношеніи. У дѣтей постарше, особенно у истеричныхъ, наблюдается иногда сильное половое чувство, которое приводитъ къ самоудовлетворенію, къ безудержно

сильному и непомѣрно частому онанизму. У такихъ дѣтей половое чувство возникаетъ не чисто инстинктивнымъ путемъ, а вслѣдствіе сладострастныхъ представленій направленной въ эту сторону фантазіи; бываютъ дѣти съ совершенно испорченнымъ воображеніемъ, дѣятельность котораго вращается, главнымъ образомъ, вокругъ чувственныхъ интересовъ. Лживость истеричныхъ дѣтей часто направлена на такія темы. То и дѣло встрѣчаются такіе, напримѣръ, случаи, когда истеричныя дѣти ложно обвиняютъ своихъ учителей въ безнравственныхъ покушеніяхъ, или ложно доносятъ на врача, что онъ позволилъ себѣ при изслѣдованіи грубое неприличіе. Случалось даже, что дѣти, вернувшись изъ школы или съ прогулки, съ видомъ неподдѣльнаго ужаса разсказывали въ мельчайшихъ подробностяхъ о томъ, какое половое насиліе совершилъ надъ ними какой-то прохожій, а при ближайшемъ разслѣдованіи все оказывалось съ начала до конца ложью. Слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что именно въ преступленіяхъ противъ нравственности дѣти являются чрезвычайно ненадежными свидѣтелями.

Проявленіе полового чувства у дѣтей, если только оно замѣчается не раньше 10—11-лѣтняго возраста, само по себѣ не представляетъ ничего противоестественнаго, — о чемъ мы уже упоминали. Да и особенно сильной степени развитія оно и не достигаетъ у нравственно-чистыхъ, неиспорченныхъ дѣтей. Собственнымъ нравственнымъ чувствомъ, чутьемъ порядочности и приличія такія дѣти вырабатываютъ въ самихъ себѣ достаточныя преграды. Очень часто это чуждое, непонятное чувство вызываетъ въ ребенкѣ внутренно тревожное настроеніе, вліяетъ на перемѣну въ его поведеніи. Въ виду этого представляется необходимымъ не откладывать разъясненіе дѣтямъ полового вопроса до наступленія зрѣлости, а пріурочить его къ тому моменту, когда будетъ замѣчена подобная перемѣна въ настроеніи и въ поведеніи.

Онанизмъ представляетъ собой губительное явленіе не только своимъ непосредственнымъ разрушительнымъ вліяніемъ на физическое и умственное здоровье: въ огромномъ большинствѣ случаевъ онъ причиняетъ тяжелый вредъ и нравственному развитію. Вотъ почему борьба съ онанизмомъ составляетъ чрезвычайно важную врачебную и педагогическую задачу. Здѣсь не мѣсто подробно разсматривать вопросъ, какъ именно слѣдуетъ бороться съ этимъ зломъ. Мы удовольствуемся здѣсь указаніемъ на то, что всѣ усилія, какія могутъ быть сдѣланы для нормальнаго воспитанія дѣтей, для гармоническаго развитія ихъ тѣла и духа, служатъ въ то же время и наилучшими средствами и мѣрами борьбы съ онанизмомъ.

Рис. 351. Томленіе.
(По картинѣ А. Ромэса.)

Глава восьмая.

Дѣвушка-подростокъ.

(Тони Швабэ, Іена.)

Жизнь не знаетъ остановки; вся жизнь — непрерывное движеніе. Но особенно интенсивно жизнь дрожитъ и переливается въ ту пору, когда человѣкъ пробуждается къ молодости.

У „взрослыхъ“ сложилось странное убѣжденіе, что юноша, только что вышедшій изъ отроческаго возраста, и дѣвушка-подростокъ представляютъ собой особыя любопытныя существа, къ которымъ невозможно относиться вполнѣ серьезно. (Только искусство съ большимъ или меньшимъ вкусомъ отмѣчало неоднократно сантиментальную сторону этого возраста, въ родѣ того какъ изобразилъ А. Ромэсъ моментъ „Томленія“, рис. 351.) Если дѣвушка вздумаетъ принять участіе въ разговорѣ взрослыхъ, касающемся какого-нибудь теоретическаго вопроса, ей замѣтятъ: „Не вмѣшивайся въ разговоръ о такихъ вещахъ, которыхъ ты не понимаешь!“ — „Почему же я этого не могу понять?“ — „Потому что ты совершенно неопытна“.

Опытъ иногда вещь, дѣйствительно, отличная, пожалуй, — увѣряютъ даже, что онъ умудряетъ иныхъ людей. Но все же мы поразительно часто видимъ, что сужденіе не вполнѣ зрѣлаго ребенка бываетъ несравненно безпристрастнѣе и правильнѣе, чѣмъ омраченный опытомъ взглядъ взрослаго. Бываютъ люди,

которые пріобрѣтаютъ по мѣрѣ наступленія зрѣлаго возраста и старости какую-то особую дѣтскую непосредственность и чистоту взглядовъ. Если это сочетается съ природнымъ умомъ, укрѣпляющимся и формулирующимся подъ вліяніемъ опыта, — тогда мы видимъ предъ собой рѣдкое и прекрасное явленіе: мудреца. Такимъ образомъ, для мудрости нужны, какъ мы видимъ, не только образованіе и опытъ, а въ меньшей степени еще и то безпристрастное и чистое инстинктивное сужденіе, какое свойственно природѣ пробуждающагося человѣка; а въ такомъ случаѣ, по какому же праву мы такъ высокомѣрно преувеличиваемъ цѣну пріобрѣтеннаго по сравненію съ чистымъ природнымъ дарованіемъ молодого существа? Но естественныя проявленія молодого сужденія встрѣчаютъ къ себѣ насмѣшливое и пренебрежительное отношеніе до тѣхъ поръ, пока оно, въ концѣ концовъ, не приспособится къ принятымъ шаблоннымъ взглядамъ взрослыхъ и, выйдя изъ этого возраста, юноша и самъ начинаетъ высокомѣрно-снисходительно оглядываться на пройденный моментъ.

Но снисходительно-насмѣшливое отношеніе къ себѣ встрѣчаютъ не только взгляды и сужденія этого возраста, а — что еще знаменательнѣе — и чувства его.

Чувства дѣвушки-подростка отличаются отъ чувствъ зрѣлой женщины также, прежде всего, своей безусловной искренностью. Эти чувства, быть можетъ, бурны, неумѣренны, стремительны и оттого неуклюжи, но они искренни, — до того искренни, что сами жаждутъ мученичества, это — восторженная экспансивность, которой, большей частью, лишены чувства болѣе поздняго возраста. Подростки „влюбчивы“. Онѣ влюбляются въ учителя, въ учительницу, въ рыцаря—товарища, брата, въ симпатичную молодую женщину, въ подругу рѣдкой красоты, въ видѣнную когда-то актрису, игравшую благородную и трогательную роль страдалицы. Совершенно безразлично, каковъ предметъ этого восторженнаго увлеченія; важно то, что онѣ испытываютъ самое глубокое душевное волненіе — такое, которое любовь впослѣдствіи, пожалуй, превзойдетъ долговѣчностью и цѣнностью, но никакъ не превзойдетъ силой и интенсивностью.

И все же надъ любовью подростка подшучиваютъ. Всѣ знаютъ, что эти вспышки чувства связаны съ періодомъ наступленія женской зрѣлости, съ чисто физіологическимъ процессомъ, а ужъ таковъ обычай высокомѣрнаго филистерства — считать себя въ правѣ вышучивать все то, въ корень чего оно сумѣло проникнуть или только воображаетъ, что проникло. Тѣмъ не менѣе, мы знаемъ, что — до извѣстной степени — всякое чувство имѣетъ свои физическія причины. Да и нѣтъ такого акта чувства, — эротической ли любви, или любви къ человѣчеству, преданности искусству или наукѣ, — къ которому не подошелъ бы съ улыбкой филистеръ.

Несомнѣнно, мы можемъ привести въ связь этотъ необычайно возбужденный и — въ нѣкоторыхъ его проявленіяхъ — приподнятый и облагороженный строй души подростка съ явленіями физическаго развитія. Но отъ того, что между тѣломъ и душой существуетъ связь, ни то, ни другая ровно ничего не теряютъ, — наоборотъ, то и другая только выигрываютъ отъ этого, ибо душа есть высшая цѣнность тѣла, а тѣло — первоисточникъ души.

Ни въ чемъ и никогда мы не должны отвергать, а тѣмъ болѣе осмѣивать — связь души съ тѣломъ. И такое созрѣваніе, которое имѣло бы цѣлью отрицать элементъ тѣла во имя души, было бы безсмысленно и противоестественно, какъ и уничтоженіе души ради удовлетворенія потребностей тѣла.

Вотъ почему первой и благороднѣйшей задачей воспитанія должно быть стремленіе сохранить здоровое равновѣсіе между тѣломъ и душой. И ни въ одномъ возрастѣ воспитаніе не можетъ развиться въ такую огромную силу, какъ въ томъ, когда ребенокъ становится юношей. Это пора интенсивнѣйшей дѣятельности жизни, наибольшей воспріимчивости. Ни въ одномъ другомъ возрастѣ не такъ впечатлительна молодая натура и никогда зато она такъ сильно не склонна замкнуться передъ впечатлѣніями, инстинктивно ее отталкивающими, потому что въ молодой душѣ заложено необычайно тонкое инстинктивное чутье къ тому, что благопріятно для ея развитія. Нужно безчисленное множество внѣшнихъ впечатлѣній, оставляющихъ болѣзненный слѣдъ, или же прямое болѣзненное предрасположеніе (что, къ счастью, сравнительно рѣдко встрѣчается), чтобы убить или даже только ослабить этотъ здоровый инстинктъ, реагирующій на каждое впечатлѣніе.

Но мы отнюдь не хотимъ сказать все же, что молодая душа совсѣмъ невоспріимчива къ дурнымъ вліяніямъ. Дурного и хорошаго въ моральномъ смыслѣ этихъ словъ, какъ міровыхъ понятій, абсолютно не существуетъ въ еще не сформировавшейся душѣ; есть только извѣстный инстинктъ сохраненія физическаго и душевнаго здоровья. Дѣло воспитанія — сумѣть, опираясь на него и не оскорбляя его, разумно и тактично привить ему идеалы добра, знанія и красоты — такъ, чтобы эти идеалы шли къ этой цѣли р я д о м ъ с ъ н и м ъ, а не п р о т и в ъ н е г о.

Красота, добро и знаніе по самому существу своему могутъ слиться съ естественнымъ инстинктомъ, съ неиспорченнымъ инстинктомъ сохраненія здоровья. Даже больше: мы не можемъ и представить себѣ совершенной красоты, совершеннаго добра или знанія, истинной мудрости безъ сильно развитаго сознанія личности. Ибо человѣкъ съ нарушеннымъ я, который только и способенъ, что слѣпо и неразборчиво подчиняться, представляетъ собой, пожалуй, удобное существо для своихъ ближнихъ, но добра мы не видимъ въ его безсиліи.

Такимъ образомъ, здоровая молодая душа способна проникнуться въ этомъ впечатлительнѣйшемъ возрастѣ — больше, чѣмъ когда-либо раньше или позже — потребностью красоты, добра и знанія, — все зависитъ при этомъ только отъ того, въ какой формѣ и въ какомъ видѣ все это будетъ ей преподнесено. И если знаніе будетъ давать человѣкъ скучный и съ узкимъ умомъ, если къ добрымъ поступкамъ будутъ побуждать строгостью и наказаніями, если красоту будутъ внушать съ помощью циркуля и аршина, — то передъ этими искаженными понятіями замкнется молодая душа. Она не хотѣла замыкаться передъ красотой, добромъ и знаніемъ, но не могла не замкнуться передъ узостью, строгостью и мертвой, пустой ограниченностью. А тогда можетъ случиться, что для нея навсегда останется связаннымъ съ са-

мымъ драгоцѣннѣйшимъ въ жизни отвращеніе къ тѣмъ, кто насильно оттолкнулъ ее отъ этого.

Кажется, такъ просто и такъ ясно само собой, что и говорить тутъ не о чемъ: добру учи добромъ! И все же есть еще, повидимому, люди, которые этого не знаютъ и — что всего хуже — есть такіе и среди тѣхъ, которые берутся воспитывать. Добру учи добромъ, красотѣ учи въ красотѣ, знанію пусть учитъ тотъ, у кого широкій и богатый умъ, правдѣ — примѣромъ правдивости.

Молодая душа, если руководить ея воспитаніемъ такъ разумно и тактично, изумительно мало нуждается тогда въ помощи для своего дальнѣйшаго роста. Зато очень сомнительны тѣ дѣти, которыя слывутъ образцовыми въ школахъ: тѣ натуры, которыя охотно подчиняются всякому вліянію (а вліянія еще очень рѣдко, къ прискорбію, ведутъ къ названнымъ идеаламъ), таятъ въ себѣ такое нарушеніе или такой коренной недостатокъ личности, что единственнымъ благодѣяніемъ для нихъ было бы дать имъ воспитателя на всю ихъ дальнѣйшую жизнь.

Приблизительно таковъ и былъ нашъ прежній идеалъ женщины, которому поклонялись, конечно, только теоретически. Своеобразное отношеніе встрѣчаетъ къ себѣ преданная, служащая мужчинѣ женщина. Имѣть всю жизнь около себѣ такую вѣрную слугу — это, пожалуй, представляетъ своего рода удобство, хотя должно же это и раздражать немножко. Но любить и цѣнить человѣка, вѣчно безсмысленно и безусловно подчиненнаго, — невозможно. Въ дѣйствительности безусловная покорность женщины никогда еще не привлекала настоящаго мужчину. Покорность только тогда цѣнна, когда она рѣдкое и съ трудомъ завоеванное благо.

Наше время имѣетъ, можно сказать, нѣкоторыя преимущества передъ другими эпохами: не такъ много, какъ мы, дѣти своего времени, думаемъ, но кое-что все таки есть, что можетъ насъ подвинуть впередъ. И въ числѣ этихъ кой-какихъ несомнѣнныхъ преимуществъ первое мѣсто занимаютъ открытые глаза.

Мы начинаемъ смотрѣть открытыми глазами, мы прислушиваемся къ дѣйствительности: мы проснулись и стали бдительнѣе тѣхъ, кто жилъ до насъ.

И мы уясняемъ себѣ, прежде всего, что глупо ставить себѣ такіе идеалы, которые насъ вовсе не привлекаютъ. Женщина во всѣ времена вовсе не стремилась занять положеніе слуги; она только немножко морочила и себя самое, и мужчинъ. Дѣйствительной же цѣлью ея было отъ вѣка одно: стать красивой и сильной, сохранить чистыми тѣло и душу и не дарить ничего, что не стоило бы дара.

Подрастающая дѣвушка не знаетъ еще того желанія, которое овладѣваетъ впослѣдствіи взрослой дѣвушкой, — отдавать въ даръ созрѣвшее, осознанное, прочувствованное. Подрастающая дѣвушка — еще не королева; она пока еще юный принцъ, упорно протягивающій руку за короной, чтобы возложить ее на свою собственную голову. Подрастающая дѣвушка, если только она здорова и развивается въ нормальныхъ условіяхъ и подъ нормальными вліяніями, еще не сознаетъ себя женщиной, суще-

ствомъ, дарящимъ, отдающимъ себя. Въ ней сидитъ порядочная доля юноши, не сложившагося мужчины. Она любитъ смѣлыя игры, ей пріятно проявлять физическую силу, отвагу, она пользуется уваженіемъ въ своемъ кругу, если обнаруживаетъ какъ можно меньше „женственности“, какъ можно больше великодушія, ловкости, дерзости (ср. рис. 352). Совсѣмъ какъ мальчикъ.

И склонности подрастающей дѣвушки носятъ часто характеръ, родственный мужской природѣ. Она легче влюбляется въ женщину, чѣмъ въ мужчину, — и преимущественно въ такую женщину, въ которой какъ можно больше женственнаго обаянія. Удѣляя въ живомъ общеніи и въ играхъ уваженіе только смѣлому и храброму товарищу, она въ то же время „обожаетъ“ какую-нибудь мадонну-учительницу, украдкой кладетъ на пультъ своего божества цвѣты, краснѣетъ, когда та заговариваетъ съ ней, упивается ароматомъ платьевъ богини, готова мечтать, какъ о счастьѣ, о томъ, чобы пожаръ охватилъ зданіе школы, чтобы можно было совершить геройскій подвигъ, спасти обожаемое существо отъ страшной опасности. Все это проявленія чисто мужскихъ чувствъ: ухаживаніе, чувственный восторгъ, рыцарская жажда подвига въ имя любви.

Рис. 352. На конькахъ.
(По рис. съ натуры Фидуса.)

И даже когда любовь подрастающей дѣвушки направляется на самаго мужественнаго мужчину, — и тогда еще она насквозь проникнута своеобразнѣйшими характерно-мужскими чувствами.

Одинъ изъ лучшихъ образовъ типичнаго подростка-дѣвушки представляетъ романъ Лу Андреа Саломэ — „Ruth“. Въ немъ есть одна изящная и психологически характерная сцена, — діалогъ между Руѳью и женой любимаго ею человѣка. Клара-Бэль, жена его, разсказываетъ о подвигахъ своего мужа. Руѳь восклицаетъ:

— какъ бы я хотѣла это испытать! Какъ это дивно должно быть!
— Да, это было дивно, — потдвердила удовлетворенно Клара-Бэль, ко-

торой это прежде и не казалось такимъ прекраснымъ, какъ показалось теперь въ своемъ собственномъ разсказѣ. О себѣ самой она совсѣмъ не говорила до сихъ поръ, только объ Эрикѣ, — по послѣ восклицанія Руѳи она проговорила съ гордостью женщины, заслужившей любовью свое счастье. „Дивно, но и тяжело, Руѳь. Да, тяжело это — дѣлить его со множествомъ другихъ, жаждущихъ его совѣта, помощи, участія, нуждающихся въ немъ и отнимающихъ его у меня. Всѣмъ онъ нуженъ. Нелегко это, приходится стать скромной. И тебѣ этому предстоитъ научиться“.

„—Этому?—смущенно проговорила Руѳь,—нѣтъ, этого мнѣ бы не хотѣлось. Этого я для себя и не выбрала бы А вотъ занимать такое мѣсто среди людей, имѣть такую власть, словно волшебникъ — это должно быть восхитительно. Словно въ одномъ себѣ заключаешь много людей и значишь еще больше, чѣмъ всѣ они.

Клара-Бэль растерянно промолчала. Она явственно чувствовала восторженный тонъ поклоненія, звучавшій въ словахъ Руѳи, но совершенно понять не могла того, что этотъ энтузіазмъ былъ такъ далекъ отъ потребности служить ему, тому, кто его вызывалъ, а эгоистично представлялъ себя самъ на его мѣстѣ“.

Какъ прекрасенъ этотъ яркій контрастъ зрѣлой, спокойной женской души и страстной жажды молодыхъ желаній! Конечно, здѣсь передъ нами совершенно различныя натуры, но въ то же время Руѳь представляетъ собой типичный образъ подрастающей дѣвушки. Это, вдобавокъ, одинъ изъ рѣзкихъ случаевъ обрисовки „типа“, свободнаго отъ всякой банальности, — дивнаго переплетенія личнаго съ типичнымъ.

Въ каждомъ словѣ Руѳи звучитъ активное стремленіе проявить собственную личность, тогда какъ женщина понимаетъ и желаетъ только пассивнаго счастья.

Повидимому, въ этомъ молодомъ возрастѣ женская природа содержитъ извѣстный элементъ мужественности въ проявленіи своего ума и своей личности, потому что всякое энергичное стремленіе впередъ и процессъ созрѣванія требуютъ извѣстной самостоятельности и инціативы, нормально свойственныхъ больше мужской, чѣмъ женской природѣ.

Сама природа заботится большей частью о томъ, чтобы по достиженіи половой зрѣлости любовное воспріятіе женщины переродилось въ большую пассивность — женственность.

Поэты и художники прежнихъ временъ любили выбирать для изображенія молодой женской души именно этотъ моментъ. Всего богаче варьировалъ его почти во всѣхъ своихъ созданіяхъ Грёзъ (ср. рис. 353). Гете первый изобразилъ въ своей Миньонѣ женщину-ребенка до наступленія этого поворотнаго пункта въ развитіи.

Но иногда этотъ переходъ въ дѣятельности чувствъ знаменуетъ собой въ то же время критическій моментъ, на которомъ пріостанавливается дальнѣйшее развитіе женскаго ума или же ограничивается едва замѣтнымъ движеніемъ впередъ, чтобы вскорѣ совсѣмъ уснуть. Въ этомъ фактѣ ничего не могутъ измѣнить никакія права и вольности, уже предоставленныя женщинѣ или еще завоевываемыя ею. Въ этомъ таится опасность для женщины: опасность чрезмѣрнаго развитія пассивности, которая въ самой основѣ своей сильнѣе заложена въ женскую душу, чѣмъ въ мужскую, и съ того момента, когда она начинаетъ распространяться и на умственную сферу, она препятствуетъ всякому дальнѣйшему развитію. Очевидно, мы имѣемъ тутъ дѣло съ врожденной особенностью, которую не могутъ вполнѣ побѣ-

дить ни личное воспитаніе, ни соціальныя условія, — по абсолютно благопріятствовать этому не должно бы ни личное воспитаніе, ни соціальныя условія, такъ какъ здѣсь дѣло идетъ о присущей всякому существу склонности къ атавизму, къ возвращенію на уже пережитый путь развитія, имѣющему надъ организмомъ женщины еще большую власть, чѣмъ надъ организмомъ мужчины.

Изъ этого ясно, какую огромную важность имѣетъ для женщины тотъ періодъ, въ который совершается ея развитіе. Она еще не уясняетъ себѣ въ эти годы своей склонности къ атавизму, она стремится впередъ, а такъ какъ атавизмъ представляетъ собою только грозную опасность, а не непремѣнное условіе, то въ эти годы всего важнѣе поддержать и укрѣпить стремленіе женщины впередъ, насколько это только доступно той или иной натурѣ, и такимъ образомъ предотвратить развитіе атавистическихъ наклонностей.

Фотогр. изд. Фр. Ганфштенгля въ Мюнхенѣ.
Рис. 353. Печаль.
(По картинѣ Ж. Б. Грёза.)

Дѣвушка начинаетъ присматриваться, къ чему она могла бы приложить свои силы и способности и добиться успѣха. Мать не согласна съ желаніями дочери, она заявляетъ: „Постарайся лучше помочь въ хозяйствѣ!“ или: — „Учи-ка хорошенько то, что требуется въ школѣ!“ Но это совсѣмъ не то, чего хочется дочери. Она отлично знаетъ, что въ хозяйствѣ обойдутся и безъ нея, а мать придумываетъ всевозможныя маленькія работы, отнимающія какъ можно больше времени и какъ можно болѣе скучныя — въ родѣ стиранія пыли и тому под., — въ исполненіи которыхъ нѣтъ никакой заслуги и которыя способны сдѣлать то, что опостылѣетъ всякій трудъ. Что же касается ученія... но если нельзя учиться съ какой-нибудь опредѣленной цѣлью, съ надеждой сдѣлаться тѣмъ, чѣмъ хотѣлось бы, то къ чему же тогда и все ученіе!

Совсѣмъ иное дѣло, если на дѣвушку возлагаются какія-нибудь серьезныя и отвѣтственныя хозяйственныя обязанности, которыя она сама признаетъ таковыми, которыхъ при существующемъ положеніи дѣлъ никто другой выполнить не можетъ, и которыя и всѣ другія признаютъ таковыми. Тогда та самая дѣвушка, которая такъ постыдно уклонялась отъ вытиранія пыли,

вдругъ превращается въ заботливую „хозяюшку“, вызывающую восторгъ со всѣхъ сторонъ. Потому что тутъ она сама чувствуетъ цѣль и результаты своей работы, а чтобы дѣлать что-нибудь съ любовью, всякому человѣку необходимо сознаніе цѣли и результатовъ своего труда, хотя бы и отдаленныхъ. Неспособность работать безъ сознанія цѣли и ощутительныхъ плодовъ ни въ какомъ случаѣ не должна быть истолкована какъ недостатокъ идеальности и т. п., потому что потребность въ цѣли и плодахъ работы — это инстинктъ, глубоко заложенный во всякое живое существо. Безцѣльный трудъ почти равносиленъ безцѣльному существованію; онъ задерживаетъ и подрываетъ жизнедѣятельность, какъ и все вообще, что мы дѣлаемъ вопреки волѣ природы.

Вотъ почему чрезвычайно важно для развитія молодого существа, чтобы его потребность въ отвѣчающемъ цѣли трудѣ встрѣтила къ себѣ уваженіе и нашла себѣ удовлетвореніе. Нельзя же положить камень въ протянутую за хлѣбомъ руку! Неблагоразумно стараться давать молодому существу ложную иллюзію важности какихъ-нибудь поручаемыхъ ему безцѣльныхъ работъ: пойметъ же дѣвушка въ одинъ прекрасный день, что на ея искреннее желаніе отвѣтили глупымъ мелкимъ обманомъ. Въ молодой душѣ, которая увидитъ такое пренебреженіе къ своимъ лучшимъ чувствамъ, зародится апатія и ожесточеніе.

При всякихъ условіяхъ всегда найдется возможность доставить молодой дѣвушкѣ дѣйствительно полезную работу, въ которой она можетъ испытать и укрѣпить свои силы, которая охранитъ ее отъ праздности, очень рѣдко способствующей добрымъ мыслямъ, и дастъ ей то удовлетвореніе, которое составляетъ необходимое условіе здоровья и бодрости.

Поразительно, до чего здоровое физическое самочувствіе зависитъ отъ дѣятельности, доставляющей удовлетвореніе. Всякому случалось видѣть человѣка, привыкшаго много работать, иногда даже непомѣрно много, и въ одинъ прекрасный день очутившагося на покоѣ. Въ душѣ его совершается своеобразная перемѣна, на которую смотрѣть грустно: онъ тоскуетъ, хандритъ и, наконецъ, заболѣваетъ. Говорятъ, что это реакція, результатъ прежняго переутомленія, но это невѣрно: ему просто недостаетъ живительнаго, бодрящаго весь организмъ чувства удовлетворенія, которое ему доставляла его дѣятельность.

Что молодому организму не слѣдуетъ отводить дѣятельность исключительно умственную, объ этомъ такъ много писалось и говорилось, что здѣсь не за чѣмъ повторять это предостереженіе. При всякихъ условіяхъ возможно придумать какія-нибудь физическія занятія, — однѣ игры не могутъ замѣнить мускульной работы. Садовыя работы, уходъ за животными, занятія какимъ-нибудь нетруднымъ ремесломъ, требующимъ движеній и ловкости, напримѣръ легкая столярная работа, — все это гораздо здоровѣе и, если хорошенько вникнуть, никакъ не менѣе интересно, чѣмъ неподвижное корпѣніе надъ рукодѣліями, которыми такъ много занимаются дѣвушки именно въ годы развитія — и только потому, что это является большей частью единственно возможной для нихъ работой, сколько-нибудь самостоятельной, не безцѣльной и въ то же время механической, къ чему онѣ чувствуютъ естественную потребность.

Вполнѣ естественно возникаетъ, при болѣе свободныхъ и подвижныхъ занятіяхъ, надобность въ здоровой, нестѣсняющей свободныхъ движеній одеждѣ. Въ области реформированія одежды дѣлается очень много неудачныхъ попытокъ, не удовлетворяющихъ ни эстетическаго чувства, ни дѣйствительныхъ требованій здоровья. Прежде всего, основной принципъ платья „реформъ" годится далеко не всякому организму, — я разумѣю принципъ обремененія всей тяжестью одежды однихъ только плечъ. Образцомъ свободной и гигіеничной одежды могутъ служить принципы моды въ эпоху Имперіи. Извѣстные портреты графини Реньо показываютъ намъ всю грацію, какую придаютъ эти туалеты женскому тѣлу (ср. рис. 354). (Прелестная голова графини Потоцкой — см. рис. на отд. табл. — показываетъ намъ изящную прическу того времени.) Все платье сдѣлано изъ одного цѣльнаго куска, — во всякомъ случаѣ, можетъ быть сдѣлано такъ, — и не ложится всей тяжестью только на плечи, а поддерживается и тамъ, гдѣ узкій поясъ перехватываетъ платье, подъ самыми грудями, а не на такъ называемой таліи. Все платье сдѣлано на подкладкѣ изъ легкой матеріи, такъ что нѣтъ надобности въ нижнихъ юбкахъ. Ноги не испытываютъ стѣсненія, благодаря свободному клинообразному покрою одежды, тяжесть которой распредѣляется главнымъ образомъ на бедренныя кости, едва прилегая къ „таліи".

По фотогр. А. Жиродона въ Парижѣ.

Рис. 354. Портретъ графини Реньо.

(По картинѣ Фр. П. Жерара.)

Что касается обуви, главными качествами которой должно быть отсутствіе, по возможности, каблуковъ и форма, соотвѣтствующая формѣ естественной, неизуродованной ноги, — тутъ мы можемъ считать положительно образцовымъ то, что даетъ профессоръ Пауль Шульце (Наумбургъ) въ своей книгѣ „Уходъ за женскимъ тѣломъ". „Если мы разсмотримъ, — говоритъ профессоръ, — самую красивую — въ среднемъ — ногу, какую мы можемъ встрѣтить у современнаго человѣчества (приблизительно такую, какая изображена на рис. 355), то мы замѣтимъ слѣдующія неправильности:

Графиня Потоцкая.

(По фотографіи Фотогр. Общества въ Берлинѣ.)

Т-во „Просвѣщеніе“ въ Спб.

„Большой палецъ значительно уклоняется отъ прямой линіи, которая нормально должна идти черезъ середину его и черезъ его суставъ вверхъ по ступнѣ. Онъ слишкомъ сильно прижатъ къ серединѣ ступни, и продольная ось его идетъ подъ угломъ къ средней кости ступни. Вслѣдствіе этого исчезаетъ промежутокъ между большимъ и вторымъ пальцемъ и они плотно сжаты вмѣстѣ. Всѣ пять пальцевъ безусловно не имѣютъ нормальной формы вѣера, а идутъ параллельными другъ другу продольными осями. Каждый палецъ въ отдѣльности совершенно утратилъ свою прямую и закругленную форму; они стали изогнуты, какъ когти, и оттого, что тѣсно сдавлены другъ съ другомъ, потеряли округлость и пріобрѣли четыреугольную форму“.

Въ противоположность этому, рис. 356 изображаетъ нормальную ногу совершенной формы, не искаженной обувью. На рис. 357 и 358 изображены неправильный покрой обуви и форма подошвы, соотвѣтствующая нормальной ступнѣ.

Если позаботиться, вдобавокъ, о томъ, чтобы обувь была не слишкомъ тяжела и одежда носилась бы не тяжелая (для сохраненія теплоты тѣла при нормальномъ, ненарушенномъ одеждой кровообращеніи довольно самаго ничтожнаго количества одежды), то мы можемъ добиться прекрасныхъ, граціозныхъ и эластичныхъ движеній у молодой дѣвушки, а многое, что мы считаемъ принадлежностью переходнаго возраста — типичная вялая неуклюжесть, — даже не будетъ имѣть возможности развиться. Рисунки 359 и 360 показываютъ намъ, каково должно быть правильно сформированное тѣло дѣвушки-подростка (см. также дѣвушку, черпающую воду, рис. 361). Отсылаемъ по этому вопросу ко II главѣ наст. тома — „Женская красота“.

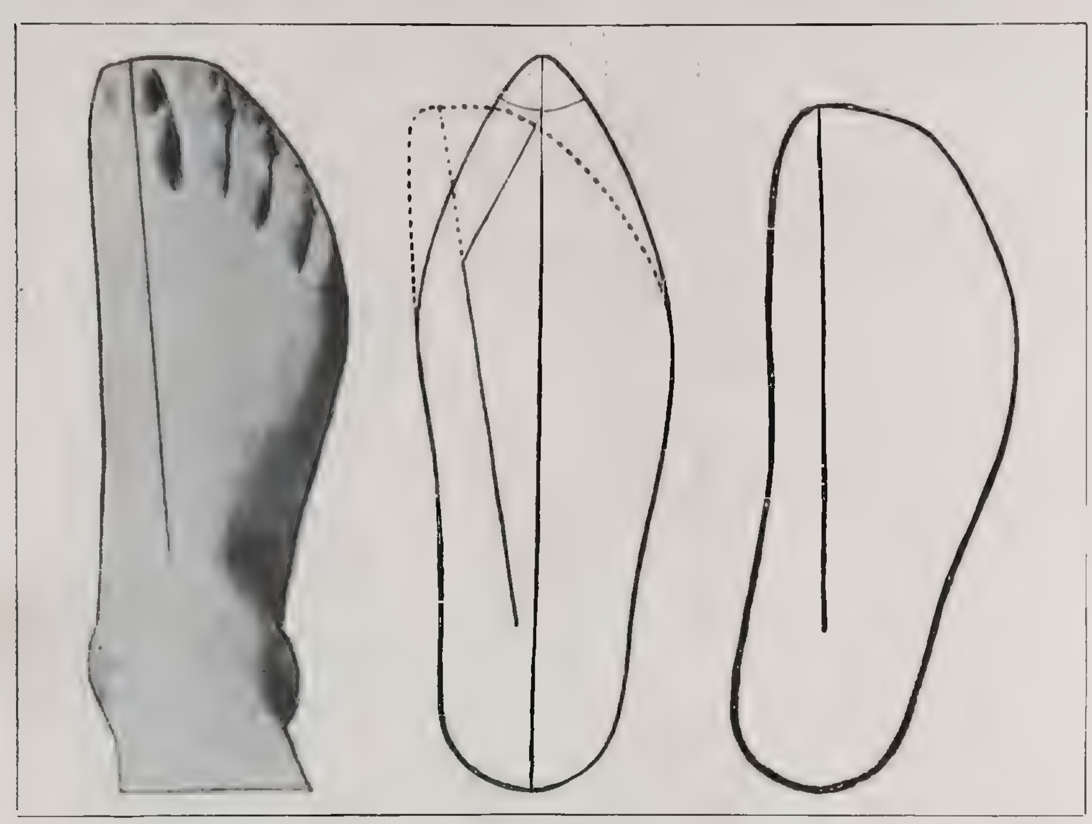
По соч. П. Шульце-Раумбурга, „Die Kultur des weiblichen Körpers“.

Рис. 355. Нога средней правильности.

Вопросъ о томъ, какое вліяніе оказываетъ на здоровье человѣка цѣлесообразный уходъ за тѣломъ, относится, конечно, къ компетенціи врача. Но именно въ вопросѣ ухода за тѣломъ есть еще и другая, не менѣе важная точка зрѣнія, — эстетическая. Дѣвушка можетъ имѣть внѣшнія данныя здоровья — хорошо развитыя формы и красивыя краски, — и все же можетъ портить все впечатлѣніе красоты, если по запаху можно будетъ узнать, что она не ежедневно купается или обмываетъ тѣло. Нечистоплотность относится къ такимъ вещамъ, которыхъ можно долго не замѣчать глазомъ, между тѣмъ какъ давно уже о ней засви-

дѣтельствовало обоняніе. Какого бы возраста, пола и общественнаго положенія ни былъ человѣкъ (даже въ высшихъ, такъ называемыхъ „образованныхъ“ кругахъ, можно встрѣтить самыя скудныя понятія объ опрятности), и если онъ даже и безъ ежедневнаго купанья или обмыванія всего тѣла чувствуетъ себя здоровымъ и счастливымъ, все же онъ несетъ первѣйшій долгъ передъ окружающими его — строгую физическую опрятность.

Половая чистота дѣвушки касается только ее одной и ея

По соч. П. Шульце-Раумбурга, „Die Kultur des weiblichen Körpers“.

Рис. 356. Нормальная нога.

Рис. 357. Неправильный покрой обуви.

Рис. 358. Форма подошвы нормальной ноги.

Пунктирной линіей въ рис. 357 обозначена нормальная форма подошвы.

будущаго мужа, тѣлесная же чистота ея касается всѣхъ и каждаго изъ окружающихъ ее.

Существуютъ такія вещи, которыя прямо не относятся къ порокамъ или къ нравственнымъ недостаткамъ, но все же въ общежитіи и въ человѣческихъ взаимоотношеніяхъ могутъ сдѣлать человѣка, одержимаго ими, несимпатичнымъ и тягостнымъ. Часто причинами этого бываютъ какія-нибудь мелкія, совершенно неважныя сами по себѣ привычки, которыя только, какъ говорится, „дѣйствуютъ на нервы“ окружающихъ. Врожденную привлекательность привить воспитаніемъ нельзя, но все же каждый человѣкъ боится казаться смѣшнымъ, больше же всего боится этого подростокъ.

Подрастающая дѣвушка очень боится сама показаться смѣшной и очень чутко и безпощадно умѣетъ подмѣчать смѣшное въ другихъ. Когда дѣвушка дѣлится своимъ наблюденіемъ надъ чѣмъ-нибудь смѣшнымъ въ манерахъ г-жи А., на это не

слѣдуетъ отвѣчать такъ, какъ обыкновенно принято отвѣчать: „Не надо обращать вниманія на это, такъ какъ во всемъ прочемъ г-жа А. превосходная женщина“. Потому что это вѣдь неправда, что г-жѣ А. нисколько не вредятъ въ глазахъ другихъ ея непріятныя привычки, — напротивъ, она всѣмъ несимпатична, благодаря имъ. Гораздо тактичнѣе отвѣтить такъ: „Да, очень жаль г-жу А., потому что хотя она во всемъ остальномъ и превосходная женщина, но изъ-за этихъ привычекъ она становится въ тягость окружающимъ“.

Когда зоркая молодая наблюдательность вѣрно подмѣтитъ что-нибудь,—крайне непедагогично стараться оспаривать и затушовывать это въ интересахъ взрослыхъ „почтенныхъ лицъ“. Вся наша жизнь такъ построена на взаимности и признаніи, что всякій обманъ такого рода неизбѣжно приноситъ вредъ.

Всѣ человѣческія отношенія держатся на взаимности. И развивающійся человѣкъ,

По соч. П. Шульце-Раумбурга. „Die Kultur des weiblichen Korpers“

Рис. 359. Правильно сформированное тѣло дѣвушки-подростка.

подрастающая дѣвушка также должна знать и чувствовать, что ея собственная жизнь становится шире по мѣрѣ того, какъ она вводитъ въ сферу свей жизни, своего сочувствія и содѣйствія другихъ.

Родители должны быть „не даромъ“ даны. Человѣкъ съ самаго начала умѣетъ цѣнить только то, что онъ для себя завоевываетъ, а не то, что ему дается безъ всякаго труда. Но и дитя даромъ ничего не даетъ и, прежде всего, „благодарность“ ему чужда. Только въ томъ случаѣ, когда даръ сохраняетъ свою цѣнность, благодарность является естественнымъ результатомъ. Но даръ не отъ того пріобрѣтаетъ свою цѣну, что сопровождается моральнымъ поученіемъ по поводу жертвы, которую онъ имѣетъ въ своей основѣ. Въ такомъ способѣ дара дѣтская душа усматриваетъ только грубость дарящаго, потому что душа ребенка сама по себѣ стыдливѣе и чутче души взрослаго. Кто умѣетъ наблюдать отношенія старшихъ дѣтей или подростковъ между собой, тотъ всюду подмѣтитъ стыдливость и умолчаніе. Прежде всего, тутъ бросается въ глаза стыдливость въ выраженіи чувствъ. Легче сто разъ доказать на дѣлѣ любовь, чѣмъ разъ выразить ее лаской, легче сто разъ проявить ласку, чѣмъ разъ выразить ее словами.

По соч. П. Шульце-Раумбурга, „Die Kultur des weiblichen Körpers“.
Рис. 360. Правильно сформированное тѣло дѣвушки-подростка.

Такова душа дѣвушки-подростка. И въ эту и нѣжную, и суровую психику врывается заявленіе матери: „Мы приносимъ тебѣ жертву и разрѣшаемъ тебѣ то-то и то-то“. Только выдрессированный звѣрекъ отвѣчаетъ на это: „Благодарю васъ, дорогіе родители, что вы такъ любезны“. Ребенокъ же, выросшій

при нормальныхъ условіяхъ,станетъ „отвѣчать“ на это и „дерзить“ — и, конечно, „проворонитъ“ этимъ ту самую предложенную жертву: родители усмотрятъ въ этомъ необходимую дрессуру для воспитанія благодарности.

Даже дѣйствительная жертва должна быть приносима всегда тактично и деликатно. Если она не будетъ понята, то въ другой разъ въ ней должно быть отказано: тогда она самымъ неожиданнымъ образомъ будетъ понята и оцѣнена.

Но часто дочь отвѣчаетъ на безмолвно принесенную матерью жертву такимъ же безмолвнымъ актомъ любви, и тогда устанавливаются такія прекрасныя отношенія между родителями и дѣтьми, которыя воспріимчивая молодая душа сохранитъ на всю жизнь.

По фот. В. Титценталера въ Берлинѣ.
Рис. 361. Дѣвушка, черпающая воду.

Еще одну ошибку дѣлаютъ часто родители, которая очень дурно отражается на отношеніяхъ между родителями и дѣтьми: они допускаютъ дѣтей принимать участіе въ мелкихъ непріятностяхъ повседневной жизни и въ то же время устраняютъ ихъ отъ участія въ серьезныхъ ударахъ судьбы, въ тяжелыхъ и глубокихъ страданіяхъ, которыя имъ приходится переживать. Отъ этого будто бы дѣтскую душу надо заботливо „щадить“ и оберегать! А между тѣмъ именно общія страданія связываютъ людей, дѣлаютъ ихъ отношенія нѣжнѣе, крѣпче и деликатнѣе, — не слезы и бурныя проявленія горя, а общія душевныя переживанія; мелкія же непріятности и дрязги повседневной жизни показываютъ человѣка съ худшей его стороны и отталкиваютъ отъ него окружающихъ.

Родители, посвящающіе дѣтей только въ дрязги жизни, могутъ вызвать, въ лучшемъ случаѣ, поверхностное сочувствіе. Но подростокъ, приближающійся къ зрѣлому возрасту, чувствуетъ потребность нести свою долю серьезнаго бремени жизни и гораздо искреннѣе и глубже будетъ чувствоватьсвою близость къ родителямъ, которые привлекутъ его къ участію въ своей жизни.

Въ подросткѣ-дѣвушкѣ за внѣшней мальчишеской грубоватостью таится часто нѣжное материнское чувство, женственная участливость; эгоистическая требовательность ребенка успѣла превратиться въ ту прелестную, мягкую готовность женщины отдаваться душой, которая несетъ съ собой пониманіе и утѣшеніе во всѣхъ страданіяхъ. Родителямъ не слѣдовало бы стѣсняться воспользоваться и для себя этой мягкостью, этимъ чуткимъ пониманіемъ и участливостью ребенка: никогда и ни въ какомъ случаѣ отношенія между родителями и дѣтьми не должны умышленно отличаться отъ общечеловѣческихъ отношеній, — отъ тѣхъ отношеній, которыя никогда не ждутъ благодарности и не испытываютъ разочарованія, не встрѣчая ея, которыя отъ сердца дарятъ и принимаютъ даръ, безъ корыстнаго разсчета, но и безъ нелѣпой исключительности, обусловливающей пренебреженіе къ дару другихъ.

Мы то и дѣло встрѣчаемъ въ жизни странное явленіе односторонняго дара, который никогда не оплачивается благодарностью. Односторонній даръ — это жестокость, и за него никто благодарить не будетъ. Кто хочетъ дарить такъ, чтобы принимающій даръ сохранилъ къ нему добрыя чувства, тотъ долженъ имѣть достаточно доброты, чтобы не презирать и не отталкивать отвѣтный даръ, хотя бы и бѣдный. Ибо только приносящій даръ чувствуетъ любовь къ принимающему, — и слѣдовательно, если онъ хочетъ и отвѣтной любви, то ему не остается иного пути, какъ принимать, въ свою очередь, дары. Только натуры низменныя и рабскія любятъ дарящаго за самые дары и довольствуются приниманіемъ ихъ. Воспитывать такихъ дѣтей — значитъ дѣлать зло и себѣ самимъ, и ближнимъ.

Человѣкъ, лишенный сознанія взаимности человѣческихъ отношеній, неизбѣжно страдаетъ и недостаткомъ такта, потому что тактъ — вовсе не пустая учтивость, не принятая внѣшность, которую можно привить воспитаніемъ, если она не имѣетъ глубокихъ внутреннихъ корней. Тактъ есть именно необходимое ясное сознаніе взаимности всякихъ человѣческихъ отношеній.

Послѣдствіемъ этого недостатка взаимности въ отношеніяхъ между родителями и дѣтьми, встрѣчающагося очень часто, бываетъ грубая безтактность отношеній. Все сказанное нами прежде освѣщаетъ этотъ фактъ, но область такта еще шире: она обнимаетъ собой не только характеръ отношеній и ихъ проявленія, но и безусловную сдержанность въ нихъ.

Много толкуютъ о томъ, какъ родители, и въ особенности мать, должны держаться съ подрастающими дѣтьми въ отношеніи полового вопроса. Но всякій нормально-чувствующій ребенокъ, если только онъ имѣетъ нѣкоторое представленіе о половыхъ процессахъ, постѣсняется говорить о нихъ съ родителями или выслушивать отъ нихъ объясненія по этому поводу. Какихъ бы ни держаться взглядовъ на этотъ счетъ, но если уяснить себѣ, что обсужденіе грубо-чувственныхъ половыхъ отношеній неумѣстно между родителями и дѣтьми, то надо тщательно избѣгать того, чтобы такая бесѣда, если она уже происходитъ, не вызвала въ ребенкѣ тягостнаго чувства или даже разочарованія въ родителяхъ.

Но подрастающая дѣвушка можетъ явиться къ матери съ

самымъ наивнымъ вопросомъ: „Мама, откуда берутся дѣти?“ Несомнѣнно, можетъ — но именно только при полномъ наивномъ невѣдѣніи, позже она съ этимъ вопросомъ не придетъ. И матери слѣдуетъ отвѣтить на это только косвенно: съ помощью ссылки на явленія, наблюдаемыя въ природѣ, при чемъ соединительный мостъ между человѣческой и животной природой долженъ быть перекинутъ съ самой спокойной естественностью. Ребенокъ станетъ наблюдать и сдѣлаетъ свои выводы. Если ребенокъ не сразу охватитъ и матери покажется нужнымъ нѣсколько ускорить его сообразительность, она всегда найдетъ возможность подтолкнуть его пониманіе; ребенку можетъ какъ будто „сама собой“ попасться подъ руку подходящая естественно-научная книга, трактующая этотъ вопросъ по возможности просто и удобопонятно. Молодая душа съ благодарнымъ чувствомъ отзовется на то, что никто не присутствовалъ при томъ, какъ у него спала повязка съ глазъ, хотя бы это и было встрѣчено самыми бережными словами.

Если же ребенокъ, уже выведенный изъ невѣдѣнія, все же обратится къ матери съ вопросомъ, то отвѣтъ долженъ быть короткій и дѣловой, по существу, — потому что культивировать ложное чувство стыда никогда не желательно; надо только дать возможность молодому существу остаться въ моментъ откровенія наединѣ съ неизбѣжнымъ чувствомъ стыда Адама. Какъ бы ни было чисто наше „объясненіе“ тайны любви, — все же у впервые узнавшаго ее неизбѣжно зародится стыдъ Адама. Вполнѣ чистой предстанетъ передъ молодымъ существомъ тайна любви только тогда, когда онъ самъ ее извѣдаетъ, полюбивъ. А быть свидѣтелемъ чужого стыда — ничего нѣтъ постыднѣе этого.

На это могутъ возразить вопросомъ: неужели же матери слѣдуетъ обходить молчаніемъ эти вопросы и тогда, когда у ея дочери появятся признаки наступившей женской половой зрѣлости? На это можно отвѣтить, какъ уже было указано въ своемъ мѣстѣ (стр. 583), что физическіе процессы, такъ же какъ и необходимыя при этомъ правила поведенія, всегда можно объяснить коротко и объективно, безъ всякихъ сантиментально-чувственныхъ прикрасъ. „Это явленіе нормальное, ежемѣсячно повторяющееся у дѣвушекъ и у женщинъ, — поступать при этомъ надо такъ и такъ“ — и только; коротко и просто. Здоровой и нормальной дѣвушкѣ будетъ противно, если ей при этомъ станутъ говорить елейно-чувственныя наставительныя рѣчи о томъ, что она отнынѣ „становится женщиной“.

Вообще слѣдуетъ остерегаться, чтобы благонамѣренными благочестивыми фразами не слишкомъ укрѣпить въ дѣвушкѣ ея половое сознаніе: это очень опасный путь, которымъ можно внушить дѣвушкѣ представленіе, будто любовь — единственно важное событіе въ жизни женщины. Но это безусловно нежелательно уже потому, что неосуществившіяся эротическія желанія могутъ сдѣлаться бичомъ и мукой всей жизни человѣка. Мы съ отвращеніемъ отворачиваемся отъ тѣхъ женщинъ, для которыхъ интересы половового общенія съ мужчиной составляютъ центръ всѣхъ думъ и чувствъ, — но вѣдь мы же сами воспитываемъ такія созданія съ ихъ лживымъ цѣломудріемъ и необузданнымъ желаніемъ, когда рисуемъ подрастающей дѣвушкѣ

ея „женственность“ — вѣрнѣе, ея природу самки чѣмъ-то такимъ безмѣрно важнымъ и священнымъ, за чѣмъ мужчина гонится, какъ лютый звѣрь, и только и помышляетъ о томъ, какъ бы это сгубить.

Дѣйствительно священнымъ и важнымъ становится женское начало женщины только въ любви, — и тогда сознаніе этой святости само собой пробуждается въ дѣвичьей душѣ. Вести же дѣвушку къ половому сознанію въ періодъ роста, формированія, работы и стремленія впередъ — не только лишнее, но и вредное дѣло. Это можетъ быть умѣстно единственно и исключительно въ томъ случаѣ, если въ дѣвушкѣ развиваются эротическія наклонности при неосторожности и легкомысліи. Но и въ этомъ случаѣ это можетъ оказаться полезнымъ только на данный моментъ, не больше.

Что вліяніе книгъ бываетъ очень часто виной совращенія съ здороваго пути молодого эротическаго чувства, — объ этомъ очень много говорятъ, но недостаточно обращаютъ на это вниманія на дѣлѣ. И такое вліяніе оказываетъ вовсе не только „литература задворковъ“, а именно самая обыкновенная, на видъ какъ будто вполнѣ невинная литература, предлагаемая обычнымъ читателямъ журналовъ. Безчисленныя разновидности изломанностей чувства, мимо которыхъ равнодушно проходитъ взрослый и зрѣлый читатель, увлекаютъ читателя, переживающаго первую пору развитія, и часто надолго оставляютъ въ немъ ложное, искаженное представленіе о дѣйствительности, извращая здоровую душевную зоркость лживо-измышленными картинами чувствъ.

О чемъ прежде всего должно позаботиться воспитаніе, — это о томъ, чтобы стремленія подрастающей дѣвушки, такъ же какъ и мальчика, были направлены на обрѣтеніе цѣли въ жизни, способной дать удовлетвореніе. Наше время добилось того, что цѣли жизни дѣвушка можетъ искать не въ одной только сферѣ хозяйства и домашняго очага; подрастающей женщинѣ теперь открыты разнообразныя возможности дѣятельности въ сферѣ практической, научной и художественной. Теперь уже, повидимому, недалеко и то время, когда потребности женщины въ знаніи откроютъ и послѣднія двери и ей можно будетъ бросить эффектную позу борца, которая ей такъ мало къ лицу, но къ которой ее вынуждали неумолимыя соціальныя условія.

А вѣдь именно эта боевая поза, нерѣдко переходящая въ театральность, и устрашаетъ мужчину, производя на него впечатлѣніе неженственности. Но — „герою всего труднѣе соблюсти красоту“, какъ говоритъ Ницше. Мы, женщины — и въ особенности подрастающее теперь поколѣніе женщинъ, — нашедшія всѣ пути проторенными, — мы слишкомъ многимъ обязаны тѣмъ женщинамъ-борцамъ, которыя шли впереди по бездорожью, быть можетъ, слишкомъ рѣзкимъ, какъ намъ иногда кажется, шагомъ, — неприлично намъ критиковать ихъ.

Это подрастающее теперь поколѣніе снова пойметъ, какъ понимали это наши матери, что мужчина — вовсе не естественный врагъ и противникъ женщины, и что намъ достаточно только поискать въ немъ добраго товарища, чтобы и найти его.

Это поколѣніе пойдетъ спокойно, просто и естественно — и во всеоружіи ненарушенной „женственности“ по вновь

проложеннымъ путямъ, рядомъ съ добрымъ товарищемъ мужчиной, — и дѣтямъ ихъ будетъ казаться сказкой, что было время, когда мужчина и женщина считали себя такъ недосягаемо-далекими другъ отъ друга, что и между отдѣльными лицами всегда оставался осадокъ недовѣрія. Скульптура Зиндинга „Ночь" (рис. 362) даетъ намъ символъ этого будущаго единенія.

Тогда лучше поймутъ нынѣшнее женское движеніе, примутъ его за то, что оно есть въ дѣйствительности: за соціальное

Рис. 362. Ночь
Скульпт. С. Зиндинга.

явленіе съ своими соціальными причинами и соціальными цѣлями, и не будутъ ложно истолковывать его, какъ еще порой истолковываютъ теперь то мужчины, то женщины: какъ индивидуально-душевное обособленіе и удаленіе женщины отъ мужчины, — что дѣйствительно могло бы оскорбить мужчину и ожесточить его противъ женщины.

Это поколѣніе теперь подрастающихъ дѣвушекъ сумѣетъ быть другомъ мужчинѣ и найти въ немъ друга себѣ, а борьба съ нимъ сведется къ тому, чѣмъ была въ незапамятныя времена сѣдой древности — къ здоровой и блаженно-радостной борьбѣ любви.

Фотогр. изд. Ф. Брукмана въ Мюнхенѣ.

Рис. 363. Дремлющая Венера.

По картинѣ Джорджіо Барбарелли (Джорджоне).

Глава девятая.

Взрослая дѣвушка.

(Тони Швабэ, Іена.)

Быть можетъ, ничто такъ ярко не характеризуетъ ту или иную эпоху, какъ отношеніе ея къ женщинѣ. Мы, современные люди, живемъ въ эпоху глубокихъ соціальныхъ движеній, выражающихся въ послѣднія столѣтія все громче и рѣзче въ словахъ и поступкахъ отдѣльныхъ лицъ, прорывающихся въ борьбѣ и возстаніи цѣлыхъ слоевъ народныхъ и — какъ естественное слѣдствіе этихъ взрывовъ — проникающихъ и обусловливающихъ собой всю жизнь и міросозерцаніе цѣлыхъ народовъ.

Всякая идея, способная создать новую эру для человѣчества, идетъ своимъ опредѣленнымъ путемъ. Но этотъ путь начинается духовнымъ мятежомъ отдѣльныхъ лицъ, затѣмъ вызываетъ политическую борьбу классовъ и кончается переворотомъ въ массѣ — тяжелой, тупой, неподвижной.

Мы живемъ въ такую эпоху, когда идея соціальнаго освобожденія личности охватила собой самые широкіе народные слои, когда борьба проникла въ умы массы, когда какъ будто всѣ научились „мыслить“, потому что понятія отдѣльныхъ лицъ такъ внѣдрились въ умы массы, что даже самый инертный умъ вынужденъ былъ подвинуться немного вправо или влѣво, чтобы не оказаться совсѣмъ раздавленнымъ, и такъ или иначе опредѣлить свое отношеніе къ женщинѣ своей эпохи.

Всегда и всюду пассивная мыслительная дѣятельность женщины была по самой своей природѣ менѣе подвижна, чѣмъ

мысль мужчины. Женщина любитъ почить на пріобрѣтеніяхъ своей эпохи, тогда какъ мужчину влечетъ къ творческой работѣ въ ней. Только тогда, когда уже рѣдкое движеніе массъ оказывается въ полномъ ходу, женщина, мыслительная способность которой безусловно не ниже мужской, просыпается отъ своей врожденной пассивности, отъ мыслительной косности своей, чтобы примкнуть, какъ это стало уже, повидимому, дѣломъ обычнымъ въ наше время, къ дѣйствующимъ и созидающимъ.

Такимъ образомъ, слѣдствіемъ врожденнаго умственнаго равнодушія и медлительности женщины явилось то, что борьба за освобожденіе своего пола возникаетъ у нея большей частью въ болѣе позднюю эпоху, чѣмъ у мужчины. Вотъ почему стремленія молодой женщины, идейно увлеченной, нигдѣ не встрѣчаютъ такого неподвижно упорнаго сопротивленія, какъ въ иномыслящихъ головахъ представительницъ своего же пола. Наше время, такое богатое преобразованіями, захватывающими массы, само по себѣ уже болѣе склонно, чѣмъ всякое другое, становиться между міросозерцаніемъ молодежи и стариковъ.

Подрастающая теперь женщина стала гораздо подвижнѣе, отдается несущемуся потоку идей и чувствуетъ себя поэтому съ особенной силой индивидуальностью въ отношеніи идущаго впереди нея мужчины.

Но мы знаемъ тотъ поразительный фактъ, что человѣкъ мало-по-малу дѣйствительно становится тѣмъ, чѣмъ онъ себя чувствуетъ и за что выдаетъ себя. Такимъ образомъ, средняя женщина, которая въ настоящее время еще только выдаетъ себя за индивидуальность, несомнѣнно когда-нибудь дѣйствительно станетъ индивидуальностью въ самостоятельномъ смыслѣ.

Слѣдствіемъ этой достигнутой подвижности является, конечно, прежде всего жажда дѣятельности и стремленіе къ профессіи, которая нынѣшней молодой дѣвушкѣ уже стала вполнѣ доступной. Во всѣ классы общества уже проникло теперь это стремленіе женщины къ самостоятельной дѣятельности.

Молодая дѣвушка нашего времени очень энергично отказывается сидѣть, подобно женщинамъ прошлыхъ поколѣній, и ждать, пока явится кто-нибудь со стороны, — мужчина, къ жизни котораго она приладится. Она не хочетъ больше старѣться оставленной за штатомъ въ любовномъ выборѣ. Она возстаетъ противъ грубаго и въ то же время жалкаго понятія „старой дѣвы“, — женщины, которая всю жизнь ни на что лучше не годилась, какъ сидѣть и ждать и съ тупымъ терпѣніемъ выглядывать въ окошко, не видно ли жениха. И съ каждымъ годомъ слабѣли надежды на появленіе того, кто взялъ бы ее къ себѣ и великодушно раздѣлилъ бы свою судьбу съ ней, неспособной самостоятельно найти свою судьбу; и все безнадежнѣе и унылѣе выглядывала она въ окошко и, наконецъ, готова была бы пойти за кѣмъ угодно, только бы не носить всю жизнь печать отвергнутой, оказавшейся никому не нужной.

Это безобразное и жалкое понятіе „старой дѣвы“, которое, въ конечномъ итогѣ, принесло, быть можетъ, не меньше вреда мужчинѣ, чѣмъ женщинѣ, — въ наше время все болѣе стирается и исчезаетъ. Женщина, которая поднимается и начинаетъ сама

о себѣ заботиться и сама дѣйствовать, которая не хочетъ дольше сидѣть и ждать, которая не смотритъ больше на мужчину, какъ на единственную силу, способную дать ей или отнять у нея честь и достоинство — такая женщина несравненно лучше и серьезнѣе служитъ знамени любви между полами, чѣмъ та, которая съ женственнымъ самоотреченіемъ дожидается перваго встрѣчнаго и достается ему.

Правда, различныя эпохи предоставляли женщинѣ возможность занять и помимо присоединенія къ мужчинѣ положеніе, не лишавшее ее достоинства и съ наступленіемъ старости. Но это все же давалось только цѣною строго-исключительнаго служенія религіозному культу.

Фотогр. изд. Фр. Ганфштенгля въ Мюнхенѣ.
Рис. 364. Жрица богини Весты.
(По картинѣ Ангелики Кауфманъ.)

Такими были, напримѣръ, въ классическія эпохи жрицы богини Весты (рис. 364), религіознымъ долгомъ которыхъ была вѣчная дѣвственность и которымъ нарушеніе ея грозило самыми жестокими карами, — зарываніемъ живой въ землю. Мы знаемъ, затѣмъ, католическіе женскіе монастыри, а въ протестантскихъ странахъ общины діакониссъ, принадлежность къ которымъ обезпечиваетъ незамужней женщинѣ почетъ и уваженіе и въ старости, — цѣною исполненія отчасти религіозныхъ обязанностей, отчасти профессіональныхъ обязанностей человѣческаго самопожертвованія. Здѣсь онѣ являются не безплодно ждущими и отвергнутыми, а хранящими добровольно цѣломудріе. А вѣдь въ томъ, кто не сумѣлъ создать себѣ самъ судьбу, мы презираемъ только подневольность.

Но наше время есть прежде всего время широкаго развитія личности. Эти старыя формы, которыя и прежде даже очень скудно удовлетворяли запросы жизни, которыя были построены исключительно на самоотреченіи, — эти формы совсѣмъ уже не могутъ удовлетворять женщину нашихъ дней, ту женщину, которая, правда, хочетъ бороться, но для того, чтобы жить, а не для того, чтобы отдать на это всю жизнь.

Такъ возникла необходимость для женщины нашего времени — для созрѣвающей женщины — начать завоевывать себѣ профессію. Это двойная соціальная необходимость: первая, ясная и на первый взглядъ, заключается въ томъ, что незамужняя женщина добивается дѣятельности ради денежнаго

заработка, и вторая, болѣе интимная, но не менѣе сильная, — что женщина старается улучшить свои отношенія съ мужчиной, свое единеніе съ нимъ. Права на свободный выборъ и соединеніе съ мужчиной ищетъ та самая современная женщина, которая какъ будто отворачивается отъ мужчины и идетъ своей особой дорогой. И это хорошо, это необходимо, чтобы создалась болѣе здоровая и жизненно прочная основа для брака.

Во многомъ эта женщина, созданная нашей эпохой, представляетъ какъ будто противоположность женщинѣ прежнихъ временъ. Она, напримѣръ, рѣшительно не склонна отдаваться неяснымъ чувствамъ. Она — человѣкъ, зачастую расположенный распорядиться своей жизнью самостоятельно, по собственному вкусу, человѣкъ съ большей волей и энергіей, чѣмъ это было свойственно средней женщинѣ прежняго времени. Незамѣтно, однако, чтобы эта перемѣна чувствъ измѣняла къ ея невыгодѣ міръ ея чувствованій. Напротивъ, эта новая женщина, въ общемъ поставленная въ меньшую зависимость отъ мужчины, стала, повидимому, разборчивѣе, чутче и потому, быть можетъ, сильнѣе въ любви.

Никогда половая любовь не перестанетъ играть властную роль въ жизни женщины, но все же знаменіе нашего времени въ томъ, что созрѣвающая теперь женщина требуетъ отъ мужчины большаго и болѣе разнообразныхъ сторонъ, — ей мало реализатора эротическихъ грезъ, какимъ онъ рисовался воображенію женщины прежнихъ временъ, совокупно съ образомъ покровителя и защитника. Эротическій элементъ остается въ своей силѣ, но онъ перестаетъ имѣть болѣзненную верховную власть надъ средней женщиной, съ тѣхъ поръ какъ новая женщина ищетъ въ мужчинѣ, кромѣ возлюбленнаго, еще и друга, товарища, — кромѣ „мужчины", еще и „человѣка".

Совсѣмъ недавно еще „интереснымъ мужчиной" былъ для женщины человѣкъ, отмѣченный печатью обильныхъ безпорядочныхъ любовныхъ переживаній. Наша молодежь теперь крайне энергично возстала противъ этого идола. Женщина, когда-то пылко увлекавшаяся „интересной блѣдностью" меланхолическаго лица такого героя, теперь довольно холодно относится къ нему. Появились десятки книгъ, въ которыхъ съ большимъ или меньшимъ художественнымъ вкусомъ мужчинѣ предъявляется очень явственно и нѣсколько внезапно-неожиданно требованіе абсолютнаго цѣломудрія. Эти спорныя внезапныя вспышки представляютъ во всякомъ случаѣ отрадный признакъ естественнаго протеста молодой души противъ прежнихъ безудержныхъ и нездоровыхъ блужданій фантазіи по нечистой области таинственностей, облеченныхъ чувственнымъ покровомъ. Дѣвушка нашего времени обладаетъ, въ общемъ, довольно здоровымъ чутьемъ дѣйствительности. Она уразумѣла, какимъ ненастоящимъ обаяніемъ окруженъ прикрашенный образъ „интереснаго" мужчины.

Кумиръ мужчины-жуира смѣнился идеаломъ безусловно цѣломудреннаго мужчины. Никогда еще ни одно стремленіе не заслуживало осужденія только потому, что оно имѣетъ въ виду очень высокія, хотя бы прямо недостижимыя цѣли. Такимъ образомъ, идеалъ цѣломудрія вполнѣ достоинъ любви, — но нельзя того же сказать о требованіи цѣломудрія. Отъ этого

абсолютнаго требованія нынѣшней женщинѣ придется отступиться. Идеалы не для того существуютъ, чтобы можно было педантически требовать ихъ осуществленія, — они только вѣнчаютъ собой цѣль и направленіе какого-нибудь жизненнаго стремленія, и ни одинъ человѣкъ не можетъ вполнѣ обойтись безъ доброты и пониманія со стороны другого ни въ одномъ положеніи, — меньше же всего въ любви.

Но совсѣмъ иное дѣло то другое требованіе, которое предъявляетъ женщина нашего времени мужчинѣ: ни одинъ мужчина не имѣетъ права вступить въ бракъ, не обязавшись принести женщинѣ возможно полнаго здоровья физическаго и душевнаго и — прежде всего — безусловнаго полового здоровья. Слишкомъ ужасны послѣдствія легкомысленнаго пренебреженія этой обязанностью, только теперь, въ сущности, понятыя во всемъ ихъ объемѣ; уяснить себѣ ихъ и все же не считаться съ ними можетъ только самый безсовѣстный, низкій человѣкъ.

Скрывать и утаивать это явленіе отъ дѣвушекъ, какъ это и теперь еще дѣлаютъ безразсудочныя матери, воображая, что оберегаютъ невинность своихъ дочерей — это такія враждебныя жизни моральныя понятія, съ безсмысленностью и опасностью которыхъ надо бороться неустанно всѣми мѣрами. Это одно изъ тѣхъ злокачественныхъ явленій, при которыхъ мораль мало-по-малу вторгается въ жизнь путемъ совершающихся дѣйствій и можетъ этимъ причинить неисчислимый вредъ жизни.

Въ такой же мѣрѣ важно, какъ и это требованіе, которое каждой дѣвушкѣ слѣдуетъ предъявлять своему избраннику-мужу, — другое, которое каждый мужчина также вправѣ предъявить будущей матери своихъ дѣтей; и здѣсь также первое мѣсто занимаютъ здоровье и нормальное развитіе женскаго тѣла.

Наше время провозгласило принципъ: нѣтъ красоты безъ здоровья. То, что мы разумѣемъ подъ красотой женскихъ формъ должно безусловно совпадать съ здоровьемъ, т. е. правильнымъ и цѣлесообразнымъ развитіемъ.

Профессоръ Пауль Шульцъ занялся этимъ вопросомъ въ своемъ превосходномъ и обстоятельномъ трудѣ объ уходѣ за женскимъ тѣломъ, какъ основѣ женской одежды. Онъ возстаетъ прежде всего противъ заботы о женской „таліи". Упоминая о томъ идеалѣ женской красоты, воплощеніе котораго мы видимъ, напримѣръ, въ картинахъ Бернъ Джонса (рис. 365), онъ говоритъ: „Идеалъ красоты въ равномѣрной стройности, безъ перетягиванія посрединѣ и выпячиванія кверху и книзу отъ нея. Говорятъ, узкая грудь и узкія бедра свидѣтельствуютъ о туберкулезномъ сложеніи и неприспособлены для материнства и потому „неблагопріятны жизни". Здѣсь подъ маской научности, „здороваго естественно-научнаго міросозерцанія" скрывается полное недомысліе и безмѣрная поверхностность. Въ томъ мѣстѣ, въ которомъ будто бы слѣдуетъ, по народному вѣрованію, усматривать ширину груди, т. е. между первымъ и четвертымъ ребромъ, грудная клѣтка такъ узка, что верхнее ребро доходитъ до самой шеи, поверхъ ключицы... Истинная же ширина грудной клѣтки — а также легочныхъ мѣшковъ, принимающихъ вполнѣ соотвѣтственную ей форму — приходится именно тамъ, гдѣ тѣло стягивается корсетомъ. А то, что мы съ большимъ или мень-

шимъ паѳосомъ воспѣваемъ, какъ прекрасное условіе материнства, и навязываемъ нашему нездоровому вкусу, какъ высшій образецъ „здоровья“, — пресловутыя широкія и сильно развитыя бедра — это представляетъ собой вовсе не слѣдствіе широкихъ костей таза (что имѣетъ въ этомъ случаѣ единственную важность), а только берцовой кости“...

Помѣщаемъ для большей ясности два рисунка. Первый (рис. 366 А) показываетъ положеніе костей между берцовой костью и бедренной при широкихъ бедрахъ, второй (рис. 366 В) — при узкихъ бедрахъ. Широкія или узкія бедра у женщины — это зависитъ отъ того, подъ какимъ угломъ головка берцовой кости соединяется съ бедромъ и отъ того, подъ болѣе или менѣе косымъ наклономъ идетъ его шейка.

Рис. 365. Зеркало Венеры.
(По картинѣ Б. Джонса.)

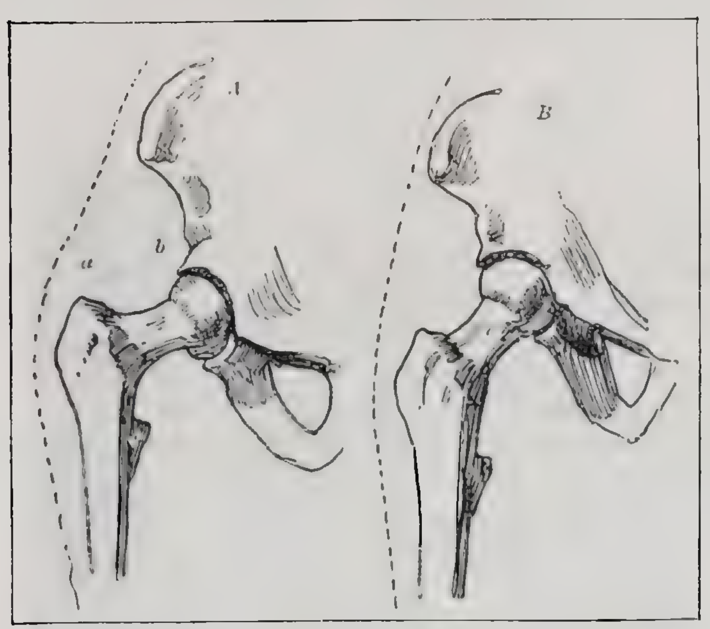
Затѣмъ авторъ разъясняетъ, что эта мнимо-нормальная, здоровая ширина бедеръ имѣетъ въ своей основѣ большей частью рахитическую податливость костей, и приходитъ къ такому заключенію:

„Не въ томъ дѣло, чтобы человѣчество поняло, что женщина перетягиваетъ свое тѣло, а въ томъ, что вся существующая одежда женщины влечетъ за собой сильное искаженіе тѣла. Не противъ единичныхъ крайностей долженъ быть предпринятъ походъ, а противъ безсмысленнаго принципа, на которомъ построена вся наша женская одежда...

„Старая одежда имѣла въ своей основѣ ту главную идею, что тонкая талія красива. Новая же одежда, которая должна быть выраженіемъ болѣе высокихъ идеаловъ человѣчности, должна заявить, что узкая талія безобразна, такъ какъ она прерываетъ гармонію тѣла. Стройность красива, но равномѣрная стройность всего тѣла, а не та ничѣмъ не оправдываемая тонкая стройность въ одномъ единственномъ мѣстѣ, не обусловлен-

ная ни анатомическими, ни эстетическими требованіями, вызванная только заблужденіями и извращеннымъ вкусомъ эпохи, которую мы должны оставить позади себя".

Нѣсколько рисунковъ наглядно пояснятъ намъ это. Въ знаменитой Венерѣ Джорджіо Барбарелли (рис. 363) мы видимъ неизуродованное женское тѣло во всей его пропорціональности, а рис. 369 показываетъ намъ граціозный изгибъ туловища дѣвушки, никогда не носившей корсета. Тѣло здѣсь не съеживается, а сохраняетъ всю естественную красоту линій туловища, не испорченную даже складкой на животѣ. Какой рѣзкій контрастъ при сравненіи съ такъ называемой „красивой фигурой" (рис. 367 и 368)! Рис. 370 изображаетъ идеальную женскую фигуру, поставленную въ полу-профиль, воплощающую ту пропорціональную стройность, о которой говоритъ упомянутый авторъ.

По соч. П. Шульце-Раумбурга, „Die Kultur des weiblichen Korpers".

Рис. 366. Положеніе костей между берцовой костью и бедренной при широкихъ и узкихъ бедрахъ.

Въ предыдущей главѣ мнѣ уже случилось упомянуть о томъ, что идеальная одежда, о которой говоритъ Шульце, вовсе не ждетъ изобрѣтенія отъ нашей эпохи, — что мы уже имѣемъ образецъ, созданный на вполнѣ безупречной гигіенической основѣ и на вполнѣ изящномъ эстетическомъ принципѣ, въ модахъ эпохи Имперіи, развившихся въ свою очередь изъ прообраза классической одежды.

Наблюдатель, умѣющій видѣть не только созданную портнымъ поверхность человѣческаго тѣла, но и пріучившійся вдумчиво прослѣдить мысленно формы и линіи (для этого не нужно какихъ-нибудь особенныхъ художественныхъ способностей), безъ труда убѣдится, что перетянутыя женскія тѣла нынѣшней моды совершенно чужды красотѣ. Онъ научится находить красоту тамъ, гдѣ можно предположить подъ платьемъ пропорціональныя, прямыя линія тѣла какой-нибудь Фрины, Венеры, Психеи, — а не въ обманчивой соразмѣрности и красотѣ „фигуры" какой-нибудь модной дамы, частью изувѣченной, сдавленной и частью искусственно выпяченной, искривленной.

Если бы женщина не отрѣшалась отъ заботы о своемъ тѣлѣ, хорошо сформированномъ и хорошо содержимомъ, у насъ народились бы болѣе высокая стыдливость, болѣе чистое цѣломудріе и болѣе благородная свобода. Не слѣдуетъ забывать, что тѣло есть вмѣстилище души, любви, ума, — всего возвышеннаго, —

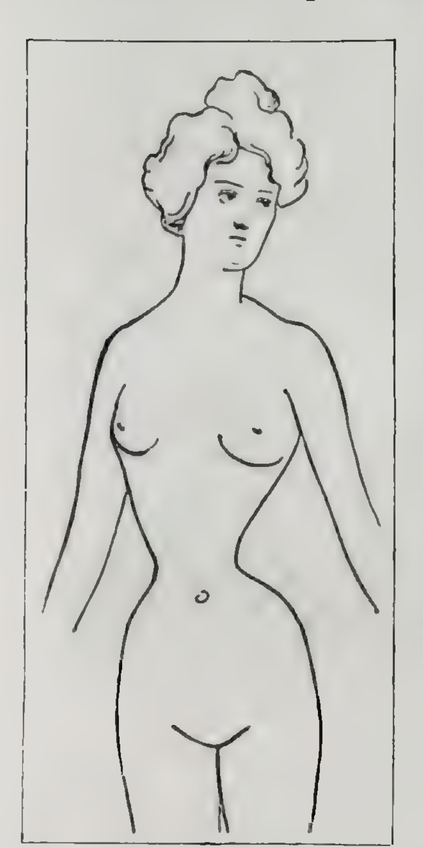
а сосудъ, вмѣщающій святыню, самъ долженъ быть чистъ и прекрасенъ. Непріятно представлять себѣ, что скрываемое подъ покровами безобразно. Человѣку свойственна отъ природы чуткая совѣстливость въ этомъ отношеніи, — онъ можетъ быть способенъ и увѣренъ въ себѣ только тогда, когда у него есть сознаніе, что все самое сокровенное въ немъ красиво.

Среди безчисленнаго множества идей, рожденныхъ нашей эпохой, изъ которыхъ многія глубоко разумны, но неосуществимы въ жизни, въ дѣйствительности, была провозглашена также идея о томъ, что люди должны предстать другъ передъ другомъ нагими, не стыдясь своей наготы, что жизнь станетъ отъ этого чище и прекраснѣе и будетъ снова обрѣтена новая невинность. Это несомнѣнно идеальное теченіе, явившееся какъ реакція противъ морали ложнаго, не соотвѣтствующаго нашимъ чувствамъ „цѣломудрія". Необходимо же не это; нужно не показывать красоту и чистую наготу человѣка, а сохранять и сокровенное чистымъ и прекраснымъ и воспитывать во всемъ чистоту и красоту.

По соч. П. Шульце-Раумбурга, „Die Kultur des weiblichen Körpers".

Рис. 367. Такъ называемая „красивая фигура".

По соч. П. Шульце-Раумберга, „Die Kultur des weiblichen Körpers".

Рис. 368. Очертанія той же фигуры.

Тѣло человѣка отъ природы не менѣе способно выражать умъ и характеръ, чѣмъ лицо или руки. Какъ и лицо и руки, тѣло можетъ быть энергичнымъ, мягкимъ, интеллигентнымъ, подвижнымъ или же лишеннымъ выразительности. Ни одинъ человѣкъ въ мірѣ — развѣ только изуродованный неисправимымъ недостаткомъ — не долженъ простить себѣ, если оставитъ свое тѣло мало красивымъ и неинтеллигентнымъ.

Бываютъ тѣла — такъ же какъ и лица — отмѣченныя печатью любовной страсти, и это можетъ составить красоту человѣка. Но бываютъ и такія тѣла — въ особенности женскія, которыя просто за недостаткомъ всякаго другого выраженія носятъ единственную

печать тупого полового призванія. И у женщинъ не такъ рѣдко встрѣчаются подобныя тѣла, лишенныя всякой одухотворенности, какого бы то ни было замѣтнаго слѣда культурности, — главнымъ образомъ, вслѣдствіе небрежнаго къ нему отношенія изъ ложно направленнаго чувства стыда.

По соч. П. Шульце-Раумбурга, „Die Kultur des weiblichen Körpers".
Рис. 369. Туловище дѣвушки, не носившей корсета.

Но отвѣтственность ума за то или иное состояніе тѣла достижима только въ томъ случаѣ, если тѣлу будетъ дана возможность пріобрѣсть подвижность, красоту и выразительность въ нагомъ состояніи. Дѣвушка, играющая на флейтѣ, изображенная на рис. 372, обладаетъ такимъ прекраснымъ и выразительнымъ тѣломъ, какое можетъ создать почти только привычная

нагота; тѣло на рис. 373 также свободно отъ какихъ бы то ни было недостатковъ, которые могутъ быть причинены одеждой.

Вплоть до XVI столѣтія не существовало обычая ночной одежды; люди спали — и мужчины, и женщины — совершенно нагими, такъ что тѣло пользовалось неограниченной свободой по крайней мѣрѣ въ теченіе часовъ, посвященныхъ сну. Какъ много врожденной красоты потеряло человѣчество по винѣ культуры, основанной на ложномъ стыдѣ, изгнавшей эту привычку!

По соч. П. Шульце-Раумбурга, „Die Kultur des weiblichen Körpers"

Рис. 370. Идеальная женская фигура.

Тѣло, всегда одѣтое, а большую часть времени даже стѣсненное одеждой, не можетъ не обезобразиться, не потерять въ силѣ, здоровьѣ, красотѣ и подвижности. Всякая способность, всякая энергія, оставленная безъ упражненія, слабѣетъ, утрачивается и непоправимо уродуется.

Вглядимся только въ положеніе тѣла молодой дѣвушки при быстромъ бѣгѣ, если она одѣта въ обычное затянутое модное платье: прямая и плоская, какъ доска, спина (негнущаяся по возможности!). Талія объемомъ отъ 50 до 60 сантиметровъ, втянутый внутрь и кзади животъ, лишающій устойчивости нижнюю поясничную часть, и, вдобавокъ, узкая, остроконечная обувь на высокихъ каблукахъ.

И вотъ, дѣвушка стремится впередъ, сѣменя нетвердымъ „женскимъ" мелкимъ шагомъ, неувѣренно балансируя на своихъ китайскихъ колодкахъ. Въ движеніи участвуютъ только ступни, туловище остается неподвижнымъ, какъ будто бы его совершенно не касалось случайное сосѣдство конечностей. Хрипя и задыхаясь, добѣгаетъ она до намѣченной цѣли, и должно пройти порядочно времени, прежде чѣмъ возобновится нормальная дѣятельность различныхъ частей и органовъ тѣла, доведенныхъ

буквально до послѣдняго предѣла напряженія: вѣдь дыханіе ограничено почти только той небольшой частью легкихъ, которая остается свободной выше корсета, а мускулы живота и совсѣмъ остаются безъ дѣла для надобностей дыханія. Сердце бьется до того, что готово разорваться, и гонитъ въ лицо нездоровый густой румянецъ, потому что она едва въ силахъ справиться и снова привести въ равновѣсіе переутомленное тѣло.

Совсѣмъ иначе бѣжитъ дѣвушка въ цѣлесообразной одеждѣ, оставляющей просторъ и свободу всѣмъ движеніямъ: въ обуви, припоровленной къ естественной формѣ ступни и безъ нелѣпо приподнятой пятки, при которой можно только искусственно сохранять равновѣсіе, и въ платьѣ, свободно облегающемъ формы тѣла, не перетягивая таліи, оставляя шею открытой и не нарушая естественнаго положенія живота, даже скорѣе выпячивая, чѣмъ втягивая его.

Въ такой цѣлесообразной одеждѣ дѣвушка бѣжитъ безъ всякаго замѣтнаго напряженія. Ноги ступаютъ легко (что, однако, вовсе не значитъ „безшумно“, а только упруго) и твердо. Движенія производятся ритмически всѣмъ тѣломъ, и развивающаяся отъ быстраго движенія энергія распредѣляется такъ равномѣрно, что переутомленіе отдѣльныхъ органовъ становится невозможнымъ. Рис. 371 даетъ намъ пластическое изображеніе этого идеала.

Рис. 371. Афродита Книдская.
(Туловище въ Римѣ, голова въ Берлинѣ.)

Наблюденіе безъ труда подтверждаетъ намъ тотъ фактъ, что человѣкъ, не вполнѣ владѣющій своимъ тѣломъ, страдаетъ также недостаточной увѣренностью въ себѣ, — совершенно такъ же, какъ человѣкъ, сознающій свое духовное несовершенство въ какой-нибудь области. Возможно полное и свободное обладаніе той изумительной совокупностью органовъ и функцій, которая составляетъ физическое и духовное явленіе „человѣка“, равносильно прочному личному положенію въ жизни.

Умѣть владѣть собой — значитъ не только умѣть обуздывать свой темпераментъ и свои желанія. Это значитъ развить въ себѣ способность обдуманно и умѣло управлять своей личностью — физической, умственной и душевной. Это значитъ еще также умѣть избѣгать тѣхъ путей, на которыхъ мы, съ помощью разума или инстинкта, не чувствуемъ себя „дома“, т. е. которые

не соотвѣтствуютъ нашей природѣ. Правда, человѣку, отыскивающему свой путь, приходится больше блуждать, чѣмъ тому, кто не ищетъ, а отдается на волю инстинкта. Но чувствовать себя „дома" на невѣрномъ пути можетъ только тотъ, у кого та-

По соч. П. Шульце-Раумбурга, „Die Kultur des weiblichen Korpers".
Рис. 372. Дѣвушка, играющая на флейтѣ.

кое тупое и неразвитое чутье, что онъ способенъ то и дѣло слѣпо и безразсудно бросаться въ такія положенія, въ которыхъ теряетъ власть надъ собой и роняетъ свое достоинство.

Изъ недостатка власти надъ собой рождаются противоестественности, — а все противоестественное по самой природѣ своей недостойно.

Даже когда женщина отдается съ полнымъ, крайнимъ самозабвенiемъ, — она въ сознанiи любви можетъ сохранить все свое достоинство, но одна только улыбка, если она легкомысленно брошена въ пространство, уже роняетъ ея достоинство.

Все, что мы вполнѣ усвоили, все, чѣмъ вполнѣ овладѣли, прiобрѣтаетъ гармонiю между собой. Вотъ почему человѣкъ гармоничный всегда превосходно управляетъ собой, — безразлично, достигъ ли онъ этого инстинктивно или сознательно. Люди, достигшiе такого гармоническаго созвучiя всего своего существа, могутъ быть и людьми, умственно выдающимися и совершенно незначительными, могутъ быть натурами флегматичными или полными яркаго темперамента, — личность ихъ такъ гармонично сложена, что проявляется во всемъ, что бы они ни

По соч. Шульце-Раумбурга, „Die Kultur des weiblichen Körpers".

Рис. 373. Тѣло дѣвушки, свободное отъ недостатковъ, причиняемыхъ одеждой.

дѣлали. Точно такiя же способности мы встрѣчаемъ и у натуръ, плохо управляющихъ, не владѣющихъ собой, только эти проявленiя, которыя не опираются на силу личности и производятъ впечатлѣнiе мгновенныхъ проявленiй недисциплинированной воли, исчезаютъ безслѣдно въ личномъ безсилiи.

Когда мы видимъ, напримѣръ, человѣка, сумѣвшаго подчинить свою природу той власти, которая производитъ на насъ впечатлѣнiе л и ч н о с т и, охваченнаго страстнымъ волненiемъ, — мы чувствуемъ въ немъ такую силу, что его гнѣвъ, кажется намъ, способенъ былъ бы сокрушить горы. Сильное же возбужденiе воли человѣка, не овладѣвшаго своей природой, представляетъ для насъ комичное зрѣлище безсильно-одинокаго порыва разрозненнаго тѣла, которому окружающiй мiръ не даетъ поддержки, а презрительно покидаетъ его, отказываясь отъ участiя въ его несогласованности, неспособной на единство.

Есть женщины, ищущiя облегченiя своей безсильной неумѣлости въ томъ, что пользуются иногда самымъ незначительнымъ поводомъ, чтобы затѣять жалкiя и безсильныя пререканiя. И есть женщины, въ молчанiи которыхъ чувствуется такая сила, что передъ ней склоняется все окружающее.

Конечно, въ ранней молодости эти два противоположныхъ

женскихъ типа встрѣчаются еще не вполнѣ сложившимися; формируются они только подъ вліяніемъ послѣдующей жизни, посвященной самовоспитанію.

Дѣвушка, юная женщина еще порой колеблется между рѣчью и молчаніемъ, между попыткой окрѣпнуть, выступивъ въ жизнь, и нерѣшительностью проявить свою личность. Подрастающая дѣвушка стремится всюду направиться, все испытать; взрослая дѣвушка начинаетъ съ того, чтобы собрать, объединить все пріобрѣтенное, даже свое обрѣтенное „я“, чтобы сформировать изъ этого свою личность. Большей частью ей еще незнакомы разрушительныя вліянія многосложной жизни, и себя самое она еще чистой принимаетъ изъ рукъ ея, — вотъ почему эта пора первой зрѣлости самая подходящая для начала формированія личности.

Рис. 374. Статуя античной дѣвушки. (Бронза.)

Но и вліянія многосложной жизни — судьба человѣка, которую въ большинствѣ случаевъ нельзя объяснить стихійными причинами, какъ болѣзнь и смерть, никогда не бываетъ простой случайностью. Ни у одного человѣка судьба не складывается совершенно помимо его воли. Во всемъ, что съ нами случается и изъ чего потомъ складывается наша судьба, бываетъ такой моментъ, когда мы свободно можемъ рѣшать, принять ли случившееся, какъ необходимое и неизбѣжное, или отбросить его безъ послѣдствій, какъ нѣчто постороннее, не имѣющее связи съ нашей жизнью. Жизнь станетъ для насъ полнѣе и богаче, если мы будемъ чувствовать и сознавать себя способными своими собственными руками распорядиться всѣмъ этимъ и вылѣпить свою жизнь.

Но дѣло-то въ томъ, что женщинѣ, больше чѣмъ мужчинѣ, свойственна злополучная склонность терпѣть и страдать. Она легче можетъ согласиться принять свою судьбу изъ чужихъ рукъ или отъ случая. Часто она оказывается не въ состояніи сдѣлать надлежащій для себя выборъ изъ всего того, что ей представляется. Колеблющаяся и нерѣшительная, она останавливается и ждетъ, что само попадетъ ей въ руки, или протягиваетъ въ случайный моментъ руку за тѣмъ, что случайно оказалось всего ближе. Оттого-то она способна иногда взять свою судьбу не только изъ чужихъ, но порой изъ недостойныхъ рукъ. И оттого женщины влачатъ порой свою судьбу всю жизнь тихо, безшумно, — словно огромный горбъ, чуждый живымъ органамъ и все же сросшійся съ организмомъ, безмѣрно страдая отъ него, но все же не имѣя силъ сбросить его съ себя, потому что онъ связанъ съ плотью и кровью.

Но эта пассивность у женщины — только склонность, только опасность, но не необходимость. Что она не необходимость, мы видимъ изъ того, какъ современная молодая женщина съ успѣхомъ старается освободиться отъ нея. Съ желаніемъ личной дѣятельности соединяется углубленное личное самосознаніе. Въ женщинѣ нашего времени зрѣетъ и крѣпнетъ огромной важности инстинктъ свободнаго выбора того, что она чувствуетъ подходящимъ для своей личности.

И въ безчисленномъ множествѣ единичныхъ случаевъ мы можемъ наблюдать, какъ она все больше и больше удаляется отъ типа одалиски.

Опасеніе, очень часто высказываемое въ наше время, о томъ, что женщина идетъ къ „омужествленію", въ дѣйствительности едва ли имѣетъ какое-нибудь серьезное основаніе — культурное или стихійное. Вѣдь эта столь превозносимая „истинно-женственная" изнѣженность и слабость женщины, доходящая порой до полной безпомощности, безусловно была невѣдома предкамъ нашихъ нынѣшнихъ смѣшанныхъ народностей, населяющихъ западныя страны, — какъ, напримѣръ, германцы, кельты и т. д. Изнѣженность женщины, принизившая ее до положенія безличной собственности мужчины, была абсолютно чужда представителямъ этихъ племенъ. Это явленіе представляетъ собой въ огромной долѣ только слѣдствіе проникновенія восточныхъ расовыхъ особенностей и потому ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть культурной необходимостью для нашихъ европейскихъ расъ. Даже пріобщившіеся культурѣ евреи давно уже такъ акклиматизировались въ европейскихъ странахъ, такъ приспособились всѣми своими воззрѣніями, обычаями и, наконецъ, самымъ духовнымъ складомъ къ культурнымъ условіямъ этихъ странъ, что давно переросли старыя условія своихъ племенныхъ особенностей. И даже именно интеллигентныхъ евреекъ мы особенно часто видимъ во главѣ женскаго движенія во всѣхъ его видахъ и убѣждаемся, что онѣ абсолютно далеки отъ всякаго слѣда типа одалиски.

Въ настоящее время женщина, поднявшаяся, чтобы найти себѣ дѣятельность и самостоятельность, всюду встрѣчаетъ готовность оказать помощь и поддержку со стороны другихъ женщинъ. Молодая дѣвушка, отправляющаяся въ чужой большой городъ, гдѣ у нея нѣтъ ни родныхъ, ни друзей, для полученія профессіональнаго образованія или для занятія своей профессіей, всегда найдетъ единомышленницъ, къ которымъ можетъ примкнуть, — стоитъ ей только обратиться въ одинъ изъ многихъ женскихъ союзовъ. Миновало время, когда женщина могла видѣть въ другой женщинѣ только соперницу. Женщина начинаетъ чувствовать къ женщинѣ человѣческій, а въ связи съ этимъ часто и личный интересъ и участіе. И произошло это отъ того, что женщина оказалась вынужденной бороться съ женщиной, чтобы пробиться.

Правда, по-внѣшнему эта борьба велась противъ мужчины. Но самый инертный мужчина не такъ неподвиженъ, какъ отсталая женщина. И все, что нынѣшней женщинѣ удалось завоевать въ области знанія, мышленія, самостоятельности — все ей пришлось отвоевывать прежде всего у женщинъ противнаго ла-

геря, а затѣмъ и у собственной склонности къ умственной косности. Такъ борется женщина за женщину — противъ женщины. И какъ во всякой борьбѣ пробуждается интересъ къ противнику, — женщина съ тѣхъ поръ стала интересоваться женщиной, и съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе живымъ личнымъ чувствомъ. Отсюда въ свою очередь возникаетъ новая возможность для нея — чувства, къ которому она прежде едва ли вполнѣ была способна: возможность дружбы.

Нѣтъ другого чувства среди всѣхъ свойственныхъ человѣку чувствъ симпатіи, которое таило бы въ себѣ такъ много прекрасныхъ возможностей развитія. Любовь и даже материнская любовь слишкомъ сильно подчинена законамъ полового инстинкта, слишкомъ отливается въ своихъ основныхъ чертахъ въ общія формы, чтобы подняться надъ поставленными ей границами и стать полнымъ выраженіемъ индивидуальности. Только одна дружба совершенно свободна отъ земныхъ цѣпей инстинктовъ. Это самое рѣдкое и самое драгоцѣнное единеніе, какое только возможно для двухъ человѣкъ, это единственное изъ всѣхъ человѣческихъ отношеній, въ которыхъ человѣкъ можетъ познать человѣка и одна душа можетъ коснуться другой души, затронуть тѣ струны, которыя звучатъ всего богаче и всего глубже.

Такую дружбу мы находимъ въ настоящее время всего чаще между женщиной и женщиной, изрѣдка между родителями и дѣтьми, — и всего рѣже тамъ, гдѣ она должна бы быть первой жизненной необходимостью: между мужемъ и женой.

Мнѣ случалось, правда, видѣть матерей, лелѣявшихъ прекрасный идеалъ — быть другомъ своей дочери. Но среди людей болѣе или менѣе зрѣлаго возраста мало такихъ, которые сумѣли бы сохранить столько душевнаго цѣломудрія, чтобы сумѣть обращаться съ подросткомъ. Только та мать, которая сумѣетъ забыть, что ея мнѣніе должно быть для дочери непогрѣшимо правильнымъ и что воспитывать человѣка не значитъ порабощать его, — быть можетъ сумѣетъ найти тотъ цѣломудренный путь дружбы, который ведетъ отъ души къ душѣ. Овладѣть довѣріемъ человѣка — это еще далеко не дружба. Матери добиваются иногда довѣрія дочерей очень неблагороднымъ насильственнымъ путемъ, вырывая у нихъ признанія еще не созрѣвшихъ и не отстоявшихся чувствъ, которыя еще должны были быть доношены въ тиши, прежде чѣмъ выльются въ слова.

Каждый человѣкъ испытываетъ потребность остаться наединѣ съ самимъ собой и своими желаніями и мечтами, — особенно же сильна эта потребность въ пору наступающей юности. Дорого не то довѣріе, которое путемъ хитрости вырываютъ изъ души, а то, которое, вполнѣ осознанное и созрѣвшее, дарится любовно и добровольно.

Такимъ же любовнымъ и добровольнымъ даромъ должно было бы быть и то слово, которымъ соединяются люди для брака. Но устарѣлые обычаи преграждаютъ свободу для довѣрчиваго сближенія между мужчиной и женщиной. Причина того, что въ настоящее время такъ рѣдко завязывается дружба между мужчиной и женщиной, которая могла бы пережить даже самую любовь, лежитъ вовсе не въ какой-то фатальной „непри-

мипримой розни“ между мужчиной и женщиной, а въ нашихъ нравахъ и обычаяхъ, благодаря которымъ любовь соединяетъ людей, не знающихъ другъ друга. Въ силу до сихъ поръ еще узаконенныхъ у насъ общественныхъ условностей, мужчина и дѣвушка не имѣютъ возможности ближе узнать другъ друга, помимо обычныхъ поверхностныхъ встрѣчъ и общенія на вечерахъ да, пожалуй, еще при занятіяхъ спортомъ.

Такъ ясно, казалось бы, что двое молодыхъ людей имѣютъ полное право серьезно и безъ помѣхи знакомиться другъ съ другомъ и сойтись — прежде чѣмъ рѣшатся соединиться на всю невѣдомую будущую жизнь. А между тѣмъ имъ не даютъ иной возможности, кромѣ общенія въ офиціальной обстановкѣ, при которой обыкновенно торжествуетъ разряженная неестественность.

Я отнюдь не имѣю въ виду возставать противъ яркаго и красиваго удовольствія танцевъ, — нѣтъ игры для молодежи, которая могла бы сравниться съ танцами. Но ихъ значеніе давно перешло всякіе предѣлы невинно-радостнаго развлеченія, къ нимъ единственно свелась возможность санкціонированнаго обычаемъ сближенія между полами. Эти праздники молодежи рѣдко бываютъ теперь простымъ выраженіемъ радостнаго молодого настроенія, они становятся часто беззастѣнчивой погоней за любовью, за призракомъ любви, а иногда и совсѣмъ вырождаются въ грубое пользованіе мгновеніемъ, превращающее товарища юности въ противника, котораго надо перехитрить, обойти. — Рис. 375 изображаетъ первобытнѣйшую форму танца — „Хороводъ“.

И вотъ, самое прекрасное, задушевное выраженіе молодого веселья превратилось въ обдуманную выставку, въ рынокъ, на которомъ совершается купля и продажа большей частью неизвѣстныхъ товаровъ.

Но намъ нужна живая радость, чистое веселье, безъ цѣли, безъ затаенныхъ намѣреній, — потому что это лучшая, благороднѣйшая красота молодости. Танцы и игры должны имѣть самодовлѣющую цѣнность, безсознательную и неразсчетливую, какъ всякая прекрасная и здоровая радость, а не играть служебную роль для любви.

Всѣ возможности жизни должны служить любви, — только тогда наступитъ тотъ миръ, въ которомъ такъ нуждаются люди, который создастъ и облегчитъ возможность глубокаго взаимнаго пониманія и душевнаго сближенія — этого необходимѣйшаго условія всякой настоящей любви. Чтобы отношенія могли здорово расти и процвѣтать, — каковы бы они ни были, — мы должны предварительно подготовить почву для нихъ. Только страсть имѣетъ такую независимую силу, такую самодержавную власть, какую имѣютъ стихіи, — чтобы мощно пробиться, несмотря на все и что бы ни пришлось преодолѣть. Для всѣхъ остальныхъ возможностей жизни нужно поле, на которомъ онѣ могли бы произрастать, почва, которая могла бы питать ихъ.

Но наша культура приготовила для брака самую худшую почву. И если болѣе серьезная часть нашей современной литературы занимается преимущественно вопросами фатально-неизбѣжныхъ разочарованій въ бракѣ во всевозможныхъ видахъ, —

то въ этомъ слѣдуетъ видѣть мятежный протестъ не противъ брака, какъ таковаго, а противъ условій, въ которыхъ въ наше время заключается бракъ.

Именно подгнившія общественныя условія превратили бракъ въ одну голую видимость, лишенную внутренней устойчивости. Какъ реакція противъ такого брака, явилось одно изъ главнѣйшихъ идеальныхъ теченій нашего времени, — идея „свободной любви". Она раздѣляетъ типичную участь всякаго идеала: почерпнувъ свою силу въ слабостяхъ и промахахъ своей противоположности, она стрѣляетъ черезъ свою цѣль, дальше ея.

Рис. 375. Хороводъ.
(По картинѣ Ф. А. ф.-Каулъбаха).

Вотъ почему идею свободной любви надо оцѣнивать не по ея собственной нравственной цѣнности, — значеніе и важность ея скорѣе въ томъ, что ея появленіе и распространеніе доказываютъ нравственную неустойчивость и негодность существующихъ до сихъ поръ условій любви.

Картина Тиціана „Земная и небесная любовь" (рис. 376) рисуетъ намъ свободную любовь — „земную", какъ братски-родственную „небесной". Сама природа не хотѣла отдѣлять чувственнаго отъ духовнаго. И если бракъ сдѣлался манифестомъ такого разрѣшенія, то это имѣетъ свою причину въ совершенно иныхъ условіяхъ, чѣмъ это обычно толкуютъ.

Шаткость брака не въ томъ, что онъ долженъ быть союзомъ навѣки, а въ томъ, что люди нашего времени не такъ соединяются, чтобы могли стремиться къ вѣчности. Людямъ, которые внутренно нашли другъ друга и чувствуютъ себя слившимися во-едино, нечего бояться того, что союзъ ихъ „вѣченъ". И они дѣйствительно этого не боятся. Сомнѣнія сильнѣе вѣры одолѣваютъ обыкновенно только тѣхъ, кто бродитъ въ полумракѣ.

Не свободная любовь намъ нужна, — намъ нужна свобода выбора. Полная, ничѣмъ не стѣсненная возможность свободнаго выбора. Возможность сближенія безъ смѣшныхъ стѣснительныхъ условностей, возможность узнать другъ друга, условія, въ которыхъ могла бы зародиться безкорыстная дружба, — вотъ что должно быть предоставлено молодымъ людямъ въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Изъ этого будетъ имѣть возможность развиться свободная и искренняя, здоровая и сильная — освобожденная любовь; освобожденная отъ принужденія и вины и гнетущей связанности, — любовь, которая должна привести единственно къ рѣшимости соединиться въ бракѣ, съ полнымъ сознаніемъ его отвѣтственности, на всю жизнь.

Будутъ, конечно, отдѣльные случаи, въ которыхъ бракъ, при всѣхъ наилучшихъ условіяхъ его заключенія, окажется все же неустойчивымъ. Но люди средніе, — масса, о которой только и можетъ быть рѣчь здѣсь, отнюдь не склонна къ страстямъ Тристана. Слѣдовательно, такіе случаи останутся, несомнѣнно, исключеніями, если только бракъ будетъ покоиться на здоровой основѣ, — а законы создаются, считаясь не съ исключеніями.

Ничего другого намъ не нужно, кромѣ свободы выбора, чтобы придать браку новую жизненную силу. Человѣкъ, который можетъ свободно и сознательно выбрать спутника жизни, будетъ носить въ душѣ и совсѣмъ иное чувство отвѣтственности передъ тѣмъ, что онъ избралъ для себя изъ многаго, — глубокую, любовную, полную доброты отвѣтственность, которой не можетъ замѣнить никакое моральное чувство, никакое сознаніе долга.

Какъ мотивъ въ пользу свободной любви то и дѣло приводятъ соображеніе о томъ, что мужчина, прежде всего — а какъ полагаютъ другіе, и женщина — склонны къ многоженству или многомужеству. Допустимъ даже, что это вѣрно. Но если два человѣка выберутъ другъ друга свободно и съ чувствомъ глубокаго взаимнаго единенія и сліянія, то не такъ уже важно, получитъ ли большее или меньшее удовлетвореніе ихъ эротическая — половая — склонность къ разнообразію. Всякая склонность имѣетъ извѣстную степень, на которой воля человѣка еще можетъ преодолѣть ее во имя и ради болѣе глубокаго и болѣе дорогого ему чувства. Такимъ образомъ, свободно созданный бракъ можетъ уцѣлѣть и при такихъ условіяхъ, при которыхъ его не спасло бы никакое принудительное чувство долга.

Вотъ почему необходимо прежде всего открыть для молодежи свободный путь во всѣхъ направленіяхъ, на которомъ она могла бы знакомиться и сближаться.

Однимъ изъ препятствій къ этому является также обычный въ нашемъ обществѣ взглядъ, что мужчина долженъ предложить дѣвушкѣ, которую хочетъ имѣть своей женой, „обезпеченное будущее". Но пусть только отбросятъ то единственное условіе, что мужчина одинъ обязанъ создавать „будущее" супруговъ, или даже долженъ создать его еще до вступленія въ бракъ, — тогда нетрудно будетъ убѣдиться въ томъ, что счастливая совмѣстная жизнь людей, нашедшихъ и выбравшихъ другъ друга согласно запросамъ своей натуры, возможна и въ томъ случаѣ,

если оба возьмутъ на себя заботу о будущемъ и будутъ совмѣстно создавать его.

Всѣ мы носимъ въ душѣ потребность имѣть родину, родной домъ, собственность. Это естественная потребность, извѣчно присущая человѣку. Но любовь и ея велѣнія не менѣе сильны и не менѣе естественны. Въ наше время является сплошнымъ предразсудкомъ, пережиткомъ прежняго порядка вещей, что для созданія супружеской жизни необходимо имущество и готовый очагъ. Наши условія общежитія даютъ полную возможность молодымъ людямъ, для которыхъ совмѣстная жизнь — вопросъ величайшаго значенія, прожить и безъ этого злополучнаго „будущаго“, которое мужчина обязанъ доставить, — часто цѣной безрадостной одинокой молодости, загубленной продажной любовью.

По фотогр. бр. Алинари во Флоренціи.

Рис. 376. Земная и небесная любовь.

(По картинѣ Тиціана.)

Въ наше время женщина имѣетъ почти неограниченную возможность выбрать для себя профессію. Нѣтъ уже больше вопроса о томъ, „можетъ“ или „не можетъ“ незамужняя женщина заниматься какой-нибудь спеціальностью. Необходимость всегда прокладываетъ себѣ дорогу помимо всякихъ моральныхъ сужденій.

Но развитіе нашихъ соціальныхъ условій выдвигаетъ, повидимому, еще одинъ результатъ: что и замужняя женщина начинаетъ добиваться профессіи, связанной съ заработкомъ. Мужчина, не располагающій наслѣдственнымъ состояніемъ — особенно въ кругу такъ называемой „высшей буржуазіи“ — имѣетъ возможность вступить въ бракъ, матеріальную заботу о которомъ онъ одинъ долженъ нести, только тогда, когда уже молодость близится къ концу. Но союзъ двухъ человѣкъ, изъ которыхъ одинъ уже кончаетъ счеты съ жизнью, а другой только начинаетъ жить — противенъ законамъ природы. Такой союзъ — преступленіе противъ природы, за которое очень часто такъ или иначе несетъ возмездіе потомство.

По всѣмъ признакамъ настоящаго времени видно, что людямъ пора выработать новыя формы общежитія, которыя лучше соотвѣтствовали бы ихъ соціальному укладу, чѣмъ существовав-

шія до сихъ поръ. Бракъ не можетъ дольше сохранять свою неподвижную форму „тихой пристани“, „пріюта отдохновенія“, „готоваго очага“, „обезпеченной будущности“, такъ какъ каждая эпоха создаетъ свои формы — и нашей эпохѣ не годятся формы покоя и созерцательности.

Если прежде воспитаніе подрастающей женщины могло ограничиться такой подготовкой ея, чтобы ко времени вступленія въ бракъ она была способна управлять имуществомъ, домашнимъ порядкомъ, — то соціальный укладъ нашего времени выдвигаетъ требованіе, чтобы женщина умѣла не только распоряжаться имуществомъ, но научилась участвовать и въ его пріобрѣтеніи.

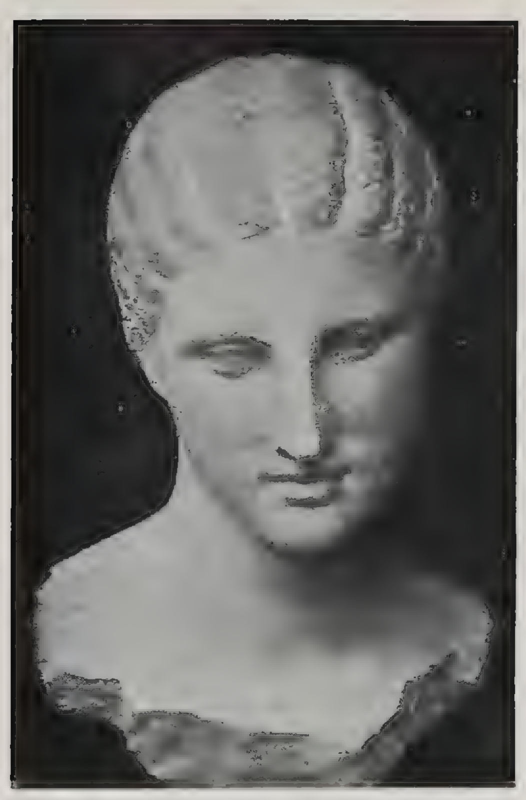

Рис. 377. Головка дѣвушки Праксителя.
(Оригиналъ находится въ королевск. глиптотекѣ въ Мюнхенѣ.)

И жизнь со всѣхъ сторонъ толкаетъ женщину и вынуждаетъ ее замѣнить свои прежнія „мечтанія“ и бездѣятельную „распорядительность“ — мышленіемъ и дѣятельностью.

Лучшая изъ Ифигеній Фейербаха (см. рис. на отд. табл.) представляетъ намъ такую „мечтательную“ женщину. Раздумчиво смотритъ она съ морского берега въ безконечную даль „Страны будущаго“, которую не могутъ охватить ея глаза. Рис. 377, изображающій очаровательную головку дѣвушки Праксителя, символизируетъ идеальный типъ дѣвушки, какой она была въ современную ему эпоху.

Мы давно уже встрѣчаемъ только улыбкой старыя опасенія, какъ бы женщина не утратила свою „женственность“ съ развитіемъ нѣкоторыхъ самостоятельныхъ способностей.

Женственность — а не добродѣтели одалиски! — слишкомъ глубоко присуща женщинѣ, чтобы могла исчезнуть подъ вліяніемъ какихъ-нибудь занятій, разъ она была налицо. Потому что эта „женственность“ — не что иное, какъ результатъ вполнѣ опредѣленнаго душевнаго склада; это не слабость, порождаемая неприкосновенной некультурностью ума, а сила, — сила доброты и гармоніи.

Такою станетъ въ будущемъ женщина рядомъ съ мужчиной, и плечомъ къ плечу въ совмѣстной жизни и сотрудничествѣ они будутъ создавать свой домъ. Но эта женщина, бывшая около него въ его юности, вмѣстѣ съ нимъ создававшая домъ, будетъ связана съ нимъ большей глубиной чувства и большимъ пониманіемъ, чѣмъ та, которую онъ ввелъ бы въ свою жизнь послѣ долгихъ лѣтъ одино-

Мужчина и женщина. I.

Т-во „Просвѣщеніе" въ Спб.

Ифигенія.

(По картинѣ Ансельма Фейербаха.)

чества и которая всегда оставалась бы чужой его жизни и всему имъ добытому, — чужой, лишенной общихъ съ нимъ воспоминаній.

Всѣ мы любимъ больше всего то, что сами себѣ создали. И только тотъ намъ незабвенно дорогъ, — дороже всего въ мірѣ, — съ которымъ мы сообща трудились надъ созданіемъ, — надъ созданіемъ ли родного угла или цѣлой жизни.

Рис. 378. Ева.
(По гравюрѣ Макса Клингера.)

Глава десятая.

Женщина какъ супруга.

(Мари Штриттъ, Дрезденъ.)

Среди колоссальныхъ переворотовъ, пережитыхъ человѣчествомъ въ исторіи его развитія — отъ первобытнаго его состоянія черезъ періодъ варварства и черезъ всѣ стадіи цивилизаціи до нынѣшняго его состоянія — непрерывныя внутреннія и внѣшнія измѣненія претерпѣвали, разумѣется, и отношенія между обоими полами. Въ числѣ различныхъ формъ общественности не могла не видоизмѣняться и самая древняя, самая тѣсная и интимная форма человѣческой общности — связь между мужчиной и женщиной. Согласно общему характеру развитія, развитіе этой формы шло несомнѣнно такъ же въ духѣ прогресса, т. е. отъ низшихъ формъ къ высшимъ, но — какъ и все — такъ же не по прямой линіи. Можно сказать даже, что, примѣнительно къ этой области, больше, чѣмъ къ какой-либо другой, вѣрно то опредѣленіе, которое даетъ Гете общему движенію прогресса: что онъ подобенъ извивамъ спирали. И при всемъ кажущемся вѣчномъ возвращеніи къ отправному пункту, — именно на поворотахъ, если оглянуться на пройденное, особенно замѣтенъ неизмѣнный подъемъ на высшую ступень. Обстоятельному изложенію этой

исторіи развитія посвящены нѣкоторыя главы (особенно глава о культурной исторіи брака) во II томѣ настоящаго сочиненія. Здѣсь мы считаемъ нужнымъ сдѣлать краткій обзоръ главнѣйшихъ причинъ этого развитія, поскольку оно оказывало вліяніе и обусловливало собой особое положеніе и задачи женщины, какъ супруги, во всѣ эпохи, въ экономическомъ, соціальномъ, правовомъ и моральномъ отношеніи.

Бракъ, какъ установленіе, возникъ первоначально изъ чисто экономическихъ потребностей и долженъ былъ служить — особенно вначалѣ, въ своей простѣйшей формѣ — исключительно экономическимъ цѣлямъ. Это институтъ такой же древній, какъ и частная собственность; въ большинствѣ случаевъ, повидимому, сама женщина даже явилась первымъ предметомъ собственности, владѣнія, — такъ какъ мужчина, въ своихъ поискахъ добычи, вторгался въ область другихъ племенъ тогда, когда собственной земли для охоты и пастбищъ уже не хватало для размножившагося населенія. Чтобы обезпечить себѣ полную возможность располагать женщиной, какъ орудіемъ наслажденія, не имѣя необходимости отвоевывать ее у соперника, какъ сотрудницей, вѣдающей хозяйство и пріумножающей его, а главное, какъ существомъ, которое должно рожать, взращивать и воспитывать законныхъ наслѣдниковъ этой вновь пріобрѣтенной частной собственности, — мужчина придумалъ превратить ее, прежде свободную, въ свою крѣпостную, въ свою вещь.

Что этотъ переворотъ совершился не внезапно, а съ большой постепенностью, на протяженіи столѣтій, быть можетъ даже тысячелѣтій, — это такъ же несомнѣнно, повидимому, какъ и то, что онъ происходилъ одинаково на всей населенной землѣ, т. е. всюду съ возникновеніемъ частной собственности вмѣсто прежней общности имущества исчезалъ и матріархатъ (материнское право), — первая явная форма организованнаго семейнаго уклада, еще сохранившаяся въ настоящее время у нѣкоторыхъ дикихъ племенъ, — и мѣсто его занялъ патріархатъ (отцовское право). (Подробнѣе объ этомъ см. въ указанной главѣ II т.) Съ этихъ поръ мужчина становится главой семьи — создавшейся ли на принципѣ многоженства или единобрачія — и, прежде всего, неограниченнымъ властелиномъ надъ личностью жены и общихъ, ея и своихъ, дѣтей.

Какъ ни сильно измѣнились съ тѣхъ поръ экономическія, соціальныя и правовыя условія и формы семейнаго уклада, какъ ни рѣзко отличенъ нынѣшній бракъ, построенный на свободномъ рѣшеніи двухъ свободныхъ, приблизительно равноправныхъ индивидуумовъ, отъ прежняго союза, возникшаго на правѣ простого умыканія или покупки, — все же патріархальный общественный строй остался и до настоящаго времени фундаментомъ, на которомъ строятся семья и государство; и главное, въ теченіе всего этого періода, при самыхъ разнообразныхъ формахъ брака и его заключенія, въ отношеніяхъ между полами сохранился основной признакъ этого общественнаго строя — экономическая зависимость жены отъ мужа.

Это объединеніе экономическихъ интересовъ мужчины и женщины съ половыми отношеніями, свойственное во всемъ животномъ мірѣ одному только человѣку, было несомнѣнно необхо-

димостью (хотя бы только какъ переходная стадія), какъ факторъ цивилизаціи, и явленіемъ необычайно прогрессивнымъ. Ясно вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, что — наряду съ сознаніемъ верховной власти надъ семьей — только отвѣтственное положеніе кормильца и работника на семью могли пробудить и развить въ мужчинѣ тѣ высшіе и благороднѣйшіе инстинкты и способности, которые сдѣлали изъ грубаго дикаря и варвара отвѣтственнаго насадителя культуры. Но такъ же ясно само собой, что именно благодаря этому особому условію женщина должна была оказаться безусловно подвластной мужчинѣ и что это должно было сдѣлаться для нея источникомъ самыхъ тяжелыхъ страданій и самаго глубокаго униженія, — такъ какъ отсюда же беретъ свое начало и неразлучная спутница единобрачія — проституція.

Завѣтъ: „Въ мукахъ будешь ты рождать дѣтей своихъ“, заключающій въ себѣ въ то же время и высшее обѣтованіе, полноту всего человѣческаго существованія, — этотъ завѣтъ сталъ проклятіемъ, благодаря ложно истолкованной слѣдующей фразѣ: „И будетъ онъ господиномъ твоимъ“, — благодаря рабскому положенію, въ которое попала женщина съ своей экономической зависимостью еще раньше, чѣмъ появилось въ мірѣ другое рабство. Поэты и художники всѣхъ временъ вполнѣ правильно понимали и изображали это извѣчное проклятіе, только дѣлали при этомъ одну логическую ошибку, принимая эту крѣпостную зависимость женщины въ бракѣ за нѣчто навѣки неизмѣнное, обусловленное самой женственностью и материнствомъ, какъ таковыми. Но въ устремленномъ внутрь и все же въ необозримыя, безбрежныя дали взглядѣ цвѣтущей молодой Евы (рис. 378), стоящей на берегу журчащаго ручья среди райскихъ цвѣтовъ, — въ этомъ загадочномъ взглядѣ пробуждающейся женщины, какъ будто уже прозрѣвающей это будущее проклятіе, уже сквозитъ (быть можетъ, помимо воли и сознанія художника) смутное, счастливое, довѣрчивое ожиданіе того, что должно наступить и наступитъ послѣ долгаго періода страданій: свободная участь женщины-человѣка.

* * *

Вопросы о томъ, означало ли дѣйствительно — и въ какой мѣрѣ — материнское право особое право женщины, т. е. правовое преимущество ея передъ мужчиной и истинное господство женщины (гинекократію); существовало ли оно на извѣстной ступени человѣческаго развитія всюду, или только кое-гдѣ, какъ явленіе единичное; совершалось ли его вытѣсненіе отцовскимъ правомъ мирнымъ путемъ или путемъ болѣе или менѣе жестокой борьбы; — все это спорные вопросы, волнующіе ученыхъ со времени появленія книги нѣмецкаго изслѣдователя Бахофена о матріархатѣ (Штуттгартъ, 1861) и изслѣдованія англійскаго ученаго Моргана (Лондонъ, 1877). Едва ли однако они когда-либо могутъ быть рѣшены окончательно, такъ какъ отъ той до-исторической эпохи не осталось ни писаныхъ законовъ, ни достовѣрныхъ преданій. Но все же нѣкоторые существенно важные нравы и обычаи, сохранившіеся до нашего времени и, въ особенности, миѳы и сказанія всевозможныхъ народовъ позволяютъ

съ нѣкоторой увѣренностью заключить, что матріархальный общественный строй существовалъ и у нынѣшнихъ культурныхъ народовъ, что онъ дѣйствительно знаменовалъ собой преимущественное положеніе женщины, а также и то, что вытѣсненію его патріархатомъ предшествовала борьба. Объ этомъ свидѣтельствуютъ миѳы объ амазонкахъ и валькиріяхъ, талмудическая легенда о Лилитъ [1], нѣкоторые характерные эпизоды изъ грекоримской миѳологіи. Народная фантазія создавала Олимпъ на основаніи такихъ представленій, которыя давно успѣли исчезнуть изъ яснаго сознанія, но когда-то должны были возникнуть изъ дѣйствительнаго положенія дѣлъ. Веселое мѣстопребываніе боговъ фантазія населила образами женщинъ свободныхъ, гордыхъ, мудрыхъ — и въ образѣ сестры-супруги верховнаго божества, равновеликой Зевесу-Юпитеру Геры-Юноны (рис. 379) поклонялась владычицѣ и могущественной покровительницѣ брака еще въ ту эпоху, когда законная супруга мужчины жила въ глухой изолированности на своей женской половинѣ дома, жизнью совершенно чуждой закону и общественности, ограниченной узкимъ кругомъ своего полового назначенія.

По фотогр. бр. Алинари во Флоренціи.
Рис. 379. Юнона.

То же огромное противорѣчіе, которое мы видимъ въ этомъ фактѣ, лежитъ и въ основѣ внутренняго разлада, который съ самаго начала замѣчался въ брачныхъ отношеніяхъ и сохранился и послѣ того, какъ многотысячелѣтнее существованіе патріархальнаго общественнаго строя безслѣдно изгладило всякое представленіе и смутное воспоминаніе о прежнихъ отношеніяхъ, подобныхъ отношеніямъ боговъ на Олимпѣ. Когда представленія и понятія человѣчества приспособились къ новымъ формамъ, добытымъ въ процессѣ естественнаго, закономѣрнаго развитія, — это противорѣчіе между личными чувствами, личными способностями и дарованіями (а иногда и дѣйствительно свободнымъ

[1] По раввинистской легендѣ, первая жена Адама, созданная одновременно съ нимъ, — образъ соблазнительницы мужчинъ и губительницы дѣтей, претворившійся впослѣдствіи въ образъ колдуній въ сѣверныхъ сказаніяхъ.
Прим. перев.

почетнымъ положеніемъ отдѣльныхъ женщинъ въ бракѣ, обусловленнымъ индивидуальной цѣнностью ихъ) и общей цѣнностью ихъ исключительно съ точки зрѣнія ихъ полового назначенія и какъ предметъ пользованія мужчины,—это противорѣчіе становилось по мѣрѣ роста культуры все большей и большей безсмыслицей, все болѣе глубокой причиной помѣхъ и преградъ высшему развитію брачныхъ отношеній, соотвѣтствующему этому росту культуры.

Это подтверждаетъ намъ безчисленное множество примѣровъ изъ исторіи культуры и литературы всѣхъ народовъ. Восхваленіе добродѣтельной женщины въ Соломоновыхъ притчахъ рисуетъ намъ не только идеалъ домовитости, царившій въ тѣ давно минувшія времена и гораздо позже, вплоть до нашихъ дней; энергичный и привѣтливый обликъ женщины, всю жизнь дарившей своему мужу „одну любовь и ласку и никакого горя", женщины, уста которой изрекали „одну мудрость и привѣтно-доброе поученіе", — этотъ обликъ говоритъ намъ также о всесторонне развитой, увѣренной въ себѣ, самостоятельной индивидуальности, которая, очевидно, и пользовалась признаніемъ какъ таковая и несомнѣнно бывала нерѣдко центромъ дома, опорой и поддержкой своего мужа и своихъ дѣтей. И несмотря на все это, даже такая женщина была — какъ и донынѣ еще — по закону Моисея не болѣе какъ движимымъ имуществомъ своего мужа, цѣнилась не выше чѣмъ „домъ его и скотъ его, и все, что принадлежитъ ему". Быть можетъ, еще болѣе поразительный примѣръ этого безсмысленнаго противорѣчія представляетъ болѣе поздняя эпоха, которая, съ одной стороны, возвысила бракъ на степень таинства (приводимъ одно изъ такихъ художественныхъ изображеній — въ фрескахъ Сандро Боттичелли, рис. 380) и, съ другой стороны, воспретила бракъ для духовенства. Въ обычаѣ, сохранившемся до нашего времени и упраздненномъ только съ утвержденіемъ англійскаго владычества — въ ужасномъ индійскомъ обычаѣ сжиганія вдовъ мы видимъ самое грубое выраженіе этого взгляда на женщину жену, какъ на созданіе и вещь мужчины, даже право на существованіе которой прекращается съ жизнью мужа. Но слабые отзвуки или отголоски того же взгляда мы можемъ прослѣдить даже въ смягченномъ культѣ и обычаяхъ и правовыхъ нормахъ народовъ съ самой высокой цивилизаціей.

Варварскій обычай сжиганія вдовъ можно прослѣдить и въ германской древности. Мы имѣемъ литературныя свидѣтельства того, что жену клали на костеръ вмѣстѣ съ трупомъ мужа. Въ Старшей Эддѣ эта церемонія разсказана даже такъ, что заставляетъ предположить, что она была актомъ **вынужденнымъ**, подъ давленіемъ народнаго требованія. Этотъ обычай, сравнительно не очень древній, такъ какъ встрѣчается болѣе или менѣе часто только со временъ викинговъ, пользовался во всякомъ случаѣ распространеніемъ на всемъ Скандинавскомъ полуостровѣ.

Къ этимъ общимъ фактамъ, коренящимся въ самой сущности вещей, у женщинъ съ болѣе возвышеннымъ и богатымъ внутреннимъ міромъ должны были прибавиться еще и другія причины душевнаго разлада. Не только въ самой основѣ брака, какъ таковаго, но и въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ при заключеніи брака рѣшающимъ моментомъ были первоначально и оставались и до послѣдняго времени преимущественно экономическія соображенія. Вотъ почему крайне ошибочны всѣ толки о со-

вершенномъ упадкѣ семейной жизни, какъ экономическаго брака; наоборотъ, правиломъ, явленіемъ вполнѣ обычнымъ онъ былъ именно въ прежнее время и теперь все больше и больше становится исключеніемъ.

Въ прежнее время было общераспространеннымъ обычаемъ (сохранившимся у нѣкоторыхъ народовъ, напримѣръ, у евреевъ, еще и до настоящаго времени), что родители выбирали для своей дочери мужа, — главнымъ образомъ, разумѣется, отецъ, изъ-подъ власти котораго дѣвушка переходила во власть мужа.

По фотогр. А. Жиродона въ Парижѣ.

Рис. 380. Таинство брака.

(По фрескѣ Сандро Боттичелли).

„Ближайшіе сосѣди по помѣстьямъ“ — такой доводъ влагаетъ Шиллеръ въ уста старика Тибо д'Арка, подкрѣпляющаго имъ свое домогательство руки дочери сосѣда. Разъ подходятъ другъ другу общественное положеніе, состояніе, взгляды обѣихъ сторонъ, — слѣдовательно, и люди, которымъ принадлежатъ это положеніе, состояніе и взгляды, должны подходить другъ другу. Выводъ въ общемъ даже довольно правильный.

И хотя въ первоначальной исторіи брака мы почти не знаемъ случаевъ личной душевной связи между супругами, гармоніи двухъ одинаково настроенныхъ душъ или хотя бы сильной страсти, которыя бы побудили мужчину и женщину соединиться на всю жизнь, — все же бывали, несомнѣнно, и тогда случаи, когда брачный союзъ развивался при благопріятныхъ условіяхъ, заложенныхъ въ самой индивидуальности супруговъ, въ настоящій союзъ любви. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда такихъ благопріятныхъ условій не было на-лицо и супругѣ слишкомъ поздно представлялся случай встрѣтить родственную душу, — въ то безпо-

щадное время не могли не возникать семейныя трагедіи въ родѣ тѣхъ, художественное изображеніе которыхъ даетъ намъ литература въ извѣстныхъ образахъ Изольды, Франчески дэ Римини и друг.

Но еще гораздо большее значеніе имѣла въ вопросѣ брака (хотя въ отдѣльныхъ случаяхъ это и менѣе непосредственно зависимо отъ крупной личности) та пропасть, которая развертывалась съ ростомъ культуры между духовнымъ уровнемъ мужа и жены. Образованіе мужа и его профессія, общественный и гражданскій родъ занятій его все болѣе и болѣе пріучили его къ жизни внѣ дома и научили его осваиваться въ этой широкой сферѣ, — тогда какъ для жены весь міръ попрежнему ограничивался ея домомъ. „Въ узкомъ кругу суживается и кругозоръ“, — отъ этого проклятія страдали всю жизнь — сознательно или безсознательно — милліоны женъ и милліоны мужей съ ними. Но они не понимали истинной причины прискорбнаго отчужденія между полами даже въ бракѣ и принимали большей частью за причину то, что было только неизбѣжнымъ слѣдствіемъ и естественнымъ спутникомъ патріархальнаго строя жизни.

Фотогр. изд. Фр. Ганфштенгля въ Мюнхенѣ.

Рис. 381. Женскій портретъ.

(По картинѣ Пальма Веккіо).

Такимъ образомъ, исторія человѣческаго брака представляетъ въ то же время исторію непрерывной, хотя первоначально и безсознательной, борьбы двухъ противоположныхъ теченій во взглядахъ, — можно сказать даже, двухъ міросозерцаній: одного, которое видитъ въ женщинѣ, какъ женѣ, просто необходимое дополнительное существо для поддержанія рода, представляемаго мужчиной, мужемъ,— и другого, которое разсматриваетъ и ее, какъ представительницу этого рода. Съ духовнымъ прогрессомъ человѣчества эта борьба должна была выходить все больше и больше изъ сферы безсознательнаго, съ ростомъ образованія эти конфликты, прежде грубые, должны были принять болѣе облагороженныя формы, но зато и больше обостряться и, въ концѣ концовъ, все болѣе и болѣе настойчиво потребовать разрѣшенія въ духѣ новаго міросозерцанія. Бывали моменты и въ прежнія культурныя эпохи, когда, казалось, это міросозерцаніе готово было восторжествовать. Въ эпоху итальянскаго Ренессанса, гуманистическое и художественное направленіе котораго снова от-

вело почетное мѣсто личности, это новое индивидуальное самосознаніе отнюдь не ограничивалось однимъ мужчиной; жизнерадостныя, сознающія себя личностью женщины, принимавшія полное участіе въ духовной жизни своей эпохи, несомнѣнно умѣли придавать и своей супружеской жизни новыя, болѣе свободныя формы. Въ своихъ взаимныхъ отношеніяхъ оба пола, — какъ это видно изъ сокровищъ поэзіи и искусства того времени, — стояли, какъ равные, на одинаковыхъ высотахъ жизни; но равенство такъ и ограничилось этими высотами — немногими избранными индивидуальностями, возвышавшимися по своему образованію надъ повседневнымъ прозябаніемъ массы; женскіе портреты Ренессанса (см. рис. 381 и ранѣе, въ соотвѣтств. главѣ) свидѣтельствуютъ намъ о высокой культурѣ ихъ ума и тѣла. Достиженіе отдѣльными женщинами полной высоты человѣческаго развитія осталось безъ вліянія на развитіе женщины вообще и потому это осталось преходящимъ явленіемъ. Только ростъ экономическаго развитія подготовилъ собой общій переворотъ и въ этомъ направленіи, и экономической революціей, вызванной вѣкомъ машинъ, придалъ ему небывалые до тѣхъ поръ размѣры. Такимъ образомъ, экономическій моментъ оказался рѣшающимъ и въ новой фазѣ развитія отношеній между полами, которую мы теперь переживаемъ.

Въ дальнѣйшемъ (во II главѣ III тома) мы подробнѣе остановимся на преобразованіяхъ, происшедшихъ въ связи съ экономической продуктивностью жены, какъ хозяйки дома. Здѣсь мы займемся этимъ вопросомъ лишь постолько, посколько это затрагиваетъ соціальное и правовое положеніе жены и ея отношенія къ мужу. И тутъ мы не должны упускать изъ виду того, что развитіе крупной промышленности, снявшее съ жены часть ея домашнихъ работъ, скорѣе повредило ея внутренней свободѣ и самостоятельности въ отношеніи мужа, чѣмъ укрѣпило ихъ. Разнообразные виды работъ, которыя ей до тѣхъ поръ приходилось исполнять для него и для семьи, дѣлали ее все же (хотя она и продолжала составлять только часть его имущества) „самымъ цѣннымъ имуществомъ“ мужа; когда же домашній трудъ ея обезцѣнился, это обезцѣнило ея собственное значеніе въ домѣ. Будучи въ первоначальныхъ стадіяхъ цивилизаціи единственной производительницей, въ рукахъ которой сосредоточивалась вся промышленность, — она и позже, въ условіяхъ усиливавшагося разрѣшенія труда и при всемъ высокомъ развитіи и широкой спеціализаціи ремеслъ, все же продолжала нести заботы объ удовлетвореніи нуждъ семьи въ пищѣ и въ одеждѣ, объ украшеніи дома и т. д. Какой это иногда требовало затраты труда, силъ, энергіи, осмотрительной сообразительности, даже при достаточной помощи въ лицѣ прислуги и даже въ условіяхъ городского хозяйства (не говоря уже о жизни въ деревнѣ, гдѣ ко всему этому прибавляются садовыя и полевыя работы и уходъ за скотомъ), — объ этомъ мы въ настоящее время даже надлежащаго представленія составить себѣ не можемъ. А что женщина, способная удовлетворительно справиться съ такими крупными, отвѣтственными задачами, при всей своей офиціальной зависимости, экономической и правовой, должна была умѣть какъ-ни-какъ стоять на собственныхъ ногахъ, внутренно и

внѣшне, и въ мѣру своей дѣятельности, безусловно соотвѣтствующей ея экономической производительности, могла съ полнымъ правомъ и съ честью занимать положеніе, товарищески-равная своему кормильцу и законному опекуну, — это такъ ясно и несомнѣнно, что мы можемъ съ увѣренностью предположить, что и въ старину навѣрное не рѣдкимъ исключеніемъ изъ правила бывали такіе браки, построенные на гармоническомъ равенствѣ двухъ дѣйствительно полноцѣнныхъ индивидуальностей.

Женщины же болѣе позднихъ эпохъ, „освобожденныя“ отъ бремени многихъ хозяйственныхъ работъ, — при всей ихъ несравненно большей соціальной и правовой самостоятельности и нѣкоторыхъ внѣшнихъ вольностяхъ, — но уже ничего сами не создававшія, оттого что измѣнившіеся способы производства вырывали у нихъ изъ рукъ одну отрасль домашняго хозяйства за другой, и это все больше и больше низводило ихъ на степень простыхъ потребительницъ, — эти женщины многое потеряли въ своемъ положеніи жены и стали внутренно менѣе свободны. Женщины состоятельныхъ классовъ становились просто представительницами общественнаго положенія своихъ мужей (и тѣмъ больше, чѣмъ это положеніе было выше) и драгоцѣнными предметами роскоши; женщина же низшаго и средняго класса, если только она не имѣла собственнаго состоянія или собственнаго заработка (или не участвовала въ заработкѣ мужа), — просто ѣла даромъ хлѣбъ. Всего осязательнѣе это обнаруживается въ томъ возрастѣ женщины, когда материнство уже перестаетъ предъявлять свои требованія къ ней и съ исчезновеніемъ молодости она утрачиваетъ интересъ и къ себѣ самой, главнымъ образомъ, къ своей наружности и когда, вслѣдствіе всего этого, у нея остается все меньше и меньше возможности создавать себѣ иллюзію своей полезности въ домѣ. И если при этомъ, — какъ это въ большинствѣ случаевъ и бываетъ, — у нея нѣтъ также никакихъ умственныхъ или общественныхъ интересовъ, то иная образцовая жена и мать оказывается обреченной не безполезное существованіе, на „безвременную смерть“ въ такомъ возрастѣ, въ которомъ занятый своимъ дѣломъ мужчина еще остается на высотѣ трудоспособности и производительности. Едва ли есть въ мірѣ что-нибудь печальнѣе и безотраднѣе „тихаго покоя“ (рис. 382) обезпеченныхъ женщинъ зажиточнаго средняго круга, которыя „слава Богу не нуждаются“ въ зарабатываніи своимъ трудомъ средствъ къ существованію и ограниченный кругозоръ которыхъ не позволяетъ имъ создать себѣ удовлетворяющую сферу дѣятельности въ какихъ-нибудь общеполезныхъ интересахъ.

Ничего нѣтъ удивительнаго поэтому, что женщины, у которыхъ быстрый переворотъ въ производствѣ благъ вырвалъ, такъ сказать, почву изъ-подъ ногъ и подорвалъ прежнюю законность ихъ экономическаго существованія, упорно отстаиваютъ, по крайней мѣрѣ въ воображеніи, былое высокое экономическое, соціальное и этическое значеніе домашняго женскаго труда, несмотря на то, что онъ свелся мало-по-малу до крайняго минимума, — и что мужчины всѣхъ круговъ поддерживаютъ ихъ въ этомъ. Это — простое слѣдствіе совершенно естестественнаго, хотя и ложно-понятнаго, инстинкта самосохраненія, слѣдствіе безсознательнаго опасенія женщинъ — потерять единственное, что

придавало до сихъ поръ ихъ существованію, наряду съ материнствомъ (но тѣснѣйшимъ образомъ съ нимъ связанное), смыслъ и значеніе. У мужчинъ же это происходитъ отъ опасенія, что съ упраздненіемъ домашнихъ работъ придется отказаться и отъ части домашнихъ удобствъ и старыхъ излюбленныхъ привычекъ, или по крайней мѣрѣ отъ привычнаго и пріятнаго сознанія себя предметомъ и центромъ неустанныхъ заботъ и вниманія. Оттого-

Рис. 382. Тихій покой.
(По картинѣ В. Гаммерсгой.)

то до сихъ поръ женскія домашнія работы и обязанности продолжаютъ пользоваться уваженіемъ и даже развиваются до степени важности, которой онѣ давно уже не имѣютъ. Очень характерно явленіе — явное противорѣчіе фактамъ современности, — что даже соціально-педагогическія стремленія широкихъ круговъ именно теперь такъ настойчиво направлены на основательную хозяйственную подготовку подрастающей женской молодежи, — именно теперь, когда, по сравненію съ прежнимъ временемъ, такъ мало осталось къ чему готовить и когда и это немногое медленно, но вѣрно, грозитъ исчезнуть изъ сферы домашняго труда.

Но домовитость и хозяйственность была прежде не только необходимымъ качествомъ жены, — она считалась также высо-

кой добродѣтелью. И это имѣло свое безусловное логическое оправданіе — постолько, поскольку здоровый расовый инстинктъ создаетъ всегда моральныя понятія и нравственныя идеалы сообразно соціальнымъ потребностямъ, выдвигаемымъ даннымъ моментомъ, — или, иными словами: признаетъ всегда соціальную необходимость нравственнымъ требованіемъ. Такова именно и была хозяйственная добродѣтель, т. е. сосредоточеніе всѣхъ интересовъ, желаній, помысловъ и чувствъ жены на болѣе или менѣе узкой сферѣ ея собственной хозяйственной дѣятельности, — хотя при созданіи этого, какъ и другихъ, идеала женской добродѣтели, конечно, очень видную роль играли еще личное желаніе и личныя удобства мужа. Правда, и теперь еще время отъ времени толкуютъ о „хозяйственныхъ добродѣтеляхъ“, — только подъ ними разумѣютъ теперь больше извѣстныя практическія способности, содѣйствующія семейному уюту и комфорту, но не необходимыя, и не разсматриваютъ ихъ какъ добродѣтель въ томъ смыслѣ, чтобы руководиться ею при оцѣнкѣ нравственной человѣческой личности жены. Наоборотъ даже, — современный мужчина различныхъ общественныхъ классовъ смотритъ уже теперь какъ на недостатокъ и на доказательство прискорбнаго духовнаго убожества, если жена его всецѣло уходитъ въ домашніе интересы и ничѣмъ больше не интересуется и ничего другого не понимаетъ.

Многія другія основныя женскія добродѣтели, коренящіяся въ потребности расы и въ естественной привилегированности мужа, считавшіяся прежде неприкосновенными и обязательными для жены, — также утратили съ теченіемъ времени свое значеніе и цѣну, или по крайней мѣрѣ пріобрѣли теперь новое освѣщеніе и новый, болѣе глубокій смыслъ. Для иллюстраціи этого выберемъ изъ цѣлаго ряда спеціально женскихъ добродѣтелей — вѣрности, цѣломудренности, скромности, покорности, послушанія, самоотверженія, самопожертвованія и т. д. — только три, такъ сильно обусловливающія собой дальнѣйшее высшее развитіе и процвѣтаніе расы, что могутъ претендовать на болѣе или менѣе длительную цѣнность и потому никогда не потеряютъ свое значеніе и для супружескихъ отношеній.

Извѣстный классическій идеалъ супружеской вѣрности — Пенелопа (рис. 383) — можетъ служить также и классическимъ примѣромъ, на которомъ больше, чѣмъ на какомъ-либо иномъ, виденъ переворотъ во взглядахъ на этотъ вопросъ. Съ неизмѣнной любовью ждетъ она двадцать лѣтъ мужа, — слабая женщина, она оказываетъ упорное сопротивленіе цѣлой арміи жениховъ, противопоставляя ихъ грубой настойчивости женскую хитрость, и проводитъ свои молодые годы въ страданіяхъ и одиночествѣ, между тѣмъ какъ супругъ наслаждается божественными восторгами съ прекрасной богиней. И когда она, наконецъ, встрѣчаетъ вернувшагося домой мужа со всей силой былой любви, ни ей не приходитъ въ голову освѣдомиться, ни онъ не считаетъ нужнымъ сознаться безъ ея вопроса въ томъ, что онъ и не подумалъ хранить такую же вѣрность ей. Поведеніе хитроумнаго Одиссея и благоразумной Пенелопы можетъ считаться вполнѣ типичнымъ для безконечнаго ряда знаменитыхъ и безвѣстныхъ супружествъ древности, среднихъ вѣковъ и

новаго времени. Оно покоится на томъ непоколебимомъ убѣжденіи, что супружеская вѣрность всегда и при всякихъ условіяхъ

Рис. 383. Пенелопа.
(Античная скульптура.)

яхъ обязательна, конечно, для жены, но не для мужа. Правда, законъ наказывалъ и соблазнителя, — въ варварскія эпохи даже смертью; но наказаніе означало не возмездіе за оскорбленіе, причиненное этимъ собственной женѣ или за проступокъ противъ

нравственности, а скорѣе наказанiе за легкомысленное нарушенiе правъ другого мужа, законнаго собственника его соучастницы. Этотъ взглядъ сохранился и до настоящаго времени и сказывается даже въ высшихъ общественныхъ слояхъ большинства культурныхъ странъ — въ той изумительной логикѣ, по которой воръ, совершившiй преступленiе противъ собственности, оскорбляетъ этимъ не свою собственную честь, а честь обокраденнаго, которую тотъ можетъ возстановить только цѣной пролитiя крови — вора или своей собственной. Все та же старая борьба за самку, только въ измѣнившейся формѣ, на болѣе высокомъ извивѣ спирали!

Съ другой стороны, мы видѣли, все еще царитъ самая широкая терпимость тамъ, гдѣ дѣло идетъ о нарушенiи супружеской вѣрности мужчиной въ отношенiи жены. Довольно яркую картину моральной путаницы понятiй среднихъ женщинъ и мужчинъ по этому вопросу даютъ намъ результаты анкеты, произведенной нѣсколько лѣтъ тому назадъ одной вѣнской газетой: „Какъ поступить женщинѣ, если она узнаетъ, что мужъ обманываетъ ее?“ Большинство приславшихъ отвѣтъ рекомендуетъ: сдѣлать видъ, что ничего не замѣчаетъ, и готовить мужу его любимыя блюда, чтобы снова вернуть себѣ его любовь; незначительное меньшинство совѣтуетъ отплачивать тѣмъ же. Какъ ни ребячливо и предосудительно это средство само по себѣ, — все же оно свидѣтельствуетъ о нѣкоторомъ чувствѣ справедливости, о смутномъ предчувствiи будущаго супружескаго союза между двумя индивидуумами, экономически и нравственно равноправными и равно отвѣтственными. Во всякомъ случаѣ перемѣна готовится и здѣсь, — современный взглядъ на супружескую вѣрность все больше и безповоротнѣе склоняется къ тому, что нравственную цѣну она можетъ имѣть только тогда, когда она покоится на взаимности и одинаковой личной свободѣ, — и что пренебреженiе ею только тогда оскорбляетъ нравственность, когда это сопровождается оскорбленiемъ довѣрiя и искренности другого супруга.

Требованiе цѣломудрiя отъ жены предполагаетъ, какъ необходимое условiе ея, супружескую вѣрность, но идетъ еще дальше этого, двоякимъ путемъ. Во-первыхъ, по времени — предъявляя свои права къ прошлому жены. У всѣхъ культурныхъ народовъ мужчина требовалъ и требуетъ безусловной физической невинности отъ дѣвушки, которую собирается сдѣлать матерью своихъ законныхъ дѣтей. Въ низшихъ слояхъ — среди рабовъ и крѣпостныхъ, въ крестьянствѣ и среди пролетарiата — царила и царитъ на этомъ пунктѣ очень широкая снисходительность: дѣвушка, состоявшая въ связи до брака или даже уже бывшая матерью, можетъ разсчитывать на замужество не меньше, чѣмъ совершенно невинная; но причина этого кроется не въ болѣе высоко развитомъ чувствѣ справедливости (вѣдь къ мужчинѣ никогда не предъявляется такое требованiе), а въ меньшей впечатлительности и въ суровой необходимости. Совсѣмъ иныхъ взглядовъ на этотъ вопросъ держатся остальные общественные классы, — буржуазiя и аристократiя. Во всякомъ случаѣ, физическая дѣвственность избранницы считалась до сихъ поръ въ глазахъ культурнаго мужчины ея высшимъ достоянiемъ, утрата

котораго составляетъ порокъ и позоръ, съ которымъ „не можетъ примириться ни одинъ мужчина“, и одно легкое сомнѣніе въ этомъ составляетъ уже тяжкое оскорбленіе. Вполнѣ ясно, что и этотъ взглядъ, — какъ и вся сложная система двойственной морали, — имѣетъ въ своей глубочайшей основѣ только желаніе мужчины гарантировать себя наивозможно прочнѣе въ отношеніи своего законнаго потомства, — т. е., слѣдовательно, экономическія причины.

Но это требованіе безусловнаго полового воздержанія женщины до брака породило также, несомнѣнно, распространенныя заблужденія о половой жизни женщины, — то изумительное представленіе, что нормальной женщинѣ почти совершенно чужды половыя потребности, которое такъ долго разсматривалось какъ ея высокое нравственное преимущество и потому было принято безъ возраженія даже самими женщинами. Женщины подтверждали — и очень часто вопреки прямой дѣйствительности! — заявленія въ родѣ слѣдующихъ: „женщина, даже когда любитъ, уступаетъ желаніямъ мужчины, только какъ жертвенное животное (Ломброзо)“; „отъ природы хорошія хозяйки и матери, женщины обладаютъ очень слабымъ влеченіемъ къ мужчинѣ и, исполняя супружескія обязанности, приносятъ этимъ жертву даже тому мужчинѣ, котораго любятъ (Іентшъ)“; „женщина не можетъ поддаться половому инстинкту, не утративъ при этомъ своего достоинства (Фихте)“ — и тому под.

Роза Майредеръ, авторъ серьезнаго труда „Zur Kritik der Weiblichkeit“ (критика женственности), цитирующая въ своей книгѣ названныхъ психологовъ и философовъ, полагаетъ, что эта странная идея создана мужчинами съ „могучимъ кулакомъ“, „властными эротиками“, которые „усматриваютъ въ томъ, что женщина отдается, не добровольный даръ, а скорѣе извѣстную дань, которую покоритель заставляетъ себѣ приносить въ силу превосходства своей воли“. На самомъ же дѣлѣ мы встрѣчаемъ часто тотъ же взглядъ и у мужчинъ, обладающихъ самыми рыцарскими, деликатными чувствами. Надо думать поэтому, что въ основѣ его лежитъ часто извѣстное чувство справедливости, безсознательная потребность оправдать введенный мужчиной (въ силу его экономическаго превосходства) двойной критерій (обязывающій женщину къ абсолютному воздержанію и допускающій полную необузданность для мужчины) тѣмъ, что половая природа женщины совершенно другая.

Что половое воспріятіе женщины, въ общемъ, благороднѣе и индивидуальнѣе, чѣмъ у мужчины, — это обусловлено самой ея природой; что оно, благодаря воспитанію и приспособленію къ женскому идеалу цѣломудрія, можетъ значительно ослабѣть у натуръ болѣе холодныхъ или у женщинъ съ высокимъ умственнымъ развитіемъ, а въ бракѣ, не представляющемъ въ то же время союза любви, и совсѣмъ исчезнуть или даже перейти въ отвращеніе, — все это, пожалуй, очень часто случается. Въ общемъ же, не будетъ ошибкой, если мы отнесемъ эту половую нечувствительность женщины, которая такъ часто вѣско констатируется или бережно отмѣчается, на счетъ благовоспитаннаго лицемѣрія и притворства во имя этого самаго идеала цѣломуд-

рія. Что женское достоинство, которое должно быть сохранено во что бы то ни стало, дѣйствительно терпитъ отъ этого ущербъ и сама женщина принижается до степени объекта наслажденія, — этотъ взглядъ, явившійся слѣдствіемъ болѣе свободнаго положенія женщины въ бракѣ и внѣ брака и выраженіемъ болѣе нормальнаго, болѣе здороваго воспріятія, пріобрѣтаетъ все большее и большее распространеніе. Это должно было повести къ тому, что существовавшая до сихъ поръ односторонняя и преувеличенная оцѣнка физической невинности женщины должна была уступить мѣсто болѣе облагороженному и глубокому понятію цѣломудрія и приблизительно одинаковому отношенію къ нему у обоихъ половъ, при чемъ физическій моментъ уступилъ первое мѣсто умственно-нравственному. Какъ намъ теперь уже не совсѣмъ понятно самоубійство прекрасной Лукреціи (рис. 384), принявшей гнусное насиліе негодяя, какъ такой неизгладимый позоръ, который можетъ быть искупленъ только смертью, — такъ слѣдующее поколѣніе усмотритъ въ убѣжденіи нынѣшнихъ философовъ, — что только у женщины есть половая честь, а у мужчины ея совсѣмъ нѣтъ, — только осадокъ еще не покореннаго грубаго варварства.

Хотя женщинѣ до сихъ поръ никогда не приписывали героизма борца и, наоборотъ, всюду, гдѣ только замѣчались отвага и упоеніе борьбы, это разсматривалось какъ ошибка природы, — зато тѣмъ съ большей готовностью за женщиной — особенно, женой — признавался пассивный героизмъ самоотверженія и самоотреченія, какъ женская добродѣтель. И нѣкоторымъ женщинамъ, доводившимъ эту добродѣтель до крайняго, непомѣрнаго самопожертвованія, усиленно расточали хвалу и славу и современники, и потомство. Это тоже вполнѣ понятно и послѣдовательно. Вѣдь эта женская добродѣтель тоже прямо и непосредственно выросла изъ патріархальнаго общественнаго строя и вѣдь для мужа она была всего удобнѣе.

„Настоящая женщина велика въ своемъ терпѣніи и отреченіи“, „настоящая женщина должна безмолвно приносить жертвы“, — только нынѣшнее поколѣніе начинаетъ сознавать всю наивную жестокость подобныхъ теорій, а во всемъ объемѣ ихъ пойметъ и охватитъ только будущее поколѣніе, которое выростетъ на почвѣ измѣнившихся экономическихъ и соціальныхъ условій. Но вполнѣ понятно, что въ такомъ общественномъ строѣ, который не признавалъ самостоятельной личности въ женѣ ни въ экономическомъ, ни въ соціальномъ, ни въ правовомъ отношеніи, — добровольное отреченіе отъ собственнаго мнѣнія, отъ личныхъ желаній и надеждъ, отъ собственнаго человѣческаго и даже женскаго достоинства должно было считаться въ высокой степени похвальнымъ, а самопожертвованіе, доведенное до самоуничтоженія — вершиной благороднѣйшей женственности. Безчисленное множество разъ мученичество этой женственности прославлялось и искусствомъ; иной трогательный образъ, благодаря совершенному воспроизведенію его поэтомъ или художникомъ, надолго еще сохранится въ памяти потомства, какъ воплощеніе исчезнувшаго женскаго идеала. Но если мы никогда не будемъ въ силахъ устоять передъ обаяніемъ нравственнаго паѳоса добродѣтельной жертвы, въ родѣ той, которую приноситъ

своей чистой кровью жена „Бѣднаго Генриха“ (рис. 385), если даже рабская преданность Кэтхенъ ф. Гейльбронъ, благодаря ея юному фанатизму и романтичности, всегда останется до извѣст-

Фотогр. изд. Фр. Ганфштенгля въ Мюнхенѣ.

Рис. 384. Лукреція, готовящаяся убить себя кинжаломъ.
(По картинѣ Пальма Веккіо.)

ной степени понятной — по крайней мѣрѣ нѣмецкой душѣ, — зато типичный образецъ этихъ женъ-мученицъ, въ родѣ воспѣтой на всѣхъ языкахъ многотерпѣливой Гризельды, уже въ наше время выводитъ изъ всякаго терпѣнія и теряетъ къ себѣ всякую симпатію.

Эпоха, которая властно требуетъ не только отъ мужчины, но и отъ женщины, выдвинутой такъ же, какъ и онъ, на борьбу за

существованіе, индивидуальнаго самоутвержденія, не можетъ смотрѣть иначе, какъ на безхарактерность и отсутствіе достоинства, на такое безусловное подчиненіе и униженіе жены, готовой стать игрушкой въ рукахъ высокомѣрія и хвастовства. Правда, болѣе высоко развившаяся общественность вмѣняетъ часто въ долгъ личности самоотверженіе, отреченіе отъ личной выгоды въ пользу общества, и — въ общемъ — объявляетъ войну эгоизму, — но этимъ самымъ объявлена война и эгоизму того супруга, который до сихъ поръ невозмутимо и просто, какъ должное, принималъ самыя тяжелыя жертвы жены.

Переворотъ во взглядахъ на желательныя качества женщины, какъ жены, обусловливаемый матеріальнымъ и духовнымъ прогрессомъ и, въ свою очередь, обусловливающій его, не можетъ, разумѣется, не коснуться и брака. Но только тогда, когда совершится переворотъ и въ экономическихъ, и въ моральныхъ основахъ брака, наступитъ законодательное признаніе и прочное укрѣпленіе измѣнившихся условій. Что развитіе еще не достигло такой степени, — объ этомъ свидѣтельствуетъ современное положеніе жены и матери въ семейномъ правѣ почти всѣхъ культурныхъ государствъ, представляющее уже и теперь отчасти рѣзкое противорѣчіе фактическимъ условіямъ. Правда, на нѣкоторыхъ пунктахъ законодатели уже сдѣлали кой-какія уступки, хотя и не безъ сопротивленія и по мелочи — и большей частью только подъ давленіемъ энергичнаго требованія самихъ женщинъ.

Въ гражданскомъ правѣ женщина, давно освобожденная отъ опеки, уравненная съ братомъ въ правѣ наслѣдства, могущая располагать собой и своимъ состояніемъ, уже вполнѣ равноправна мужчинѣ. Только въ бракѣ она все еще остается обдѣленной по сравненію съ мужчиной. Правда, пересмотрѣнные въ новѣйшее время законы упразднили кое-гдѣ статью о повиновеніи, во многихъ мѣстахъ практика давно опередила офиціальную отмѣну, но всюду еще сохранился пережитокъ старыхъ установленій, — право рѣшающаго голоса принадлежитъ мужу, т. е. осталась та же сущность, только формулированная культурнѣе. Во всѣхъ дѣлахъ, касающихся совмѣстной супружеской жизни, мужу одному законъ предоставляетъ право распоряжаться, и даже въ своей хозяйственной сферѣ дѣятельности жена можетъ выступать только какъ его уполномоченная, а не какъ отдѣльная самостоятельная признанная закономъ личность. Тотъ отрадный фактъ, что въ большинствѣ браковъ этотъ пунктъ сохраняется только на бумагѣ, всего явственнѣе свидѣтельствуетъ о томъ, что онъ устарѣлъ и въ немъ нѣтъ надобности.

Гораздо большее значеніе имѣетъ въ практической жизни другое правовое ограниченіе жены, принимающее часто серьезные и ужасные размѣры. По германскимъ гражданскимъ законамъ (правда, отстающимъ на этомъ пунктѣ отъ большинства другихъ культурныхъ странъ), мужу принадлежитъ исключительное право пользованія и управленія всѣмъ имуществомъ жены, пріобрѣтеннымъ до брака и въ бракѣ (послѣднее, впрочемъ, только въ томъ случаѣ, если это имущество пріобрѣтено не собственнымъ самостоятельнымъ трудомъ). А это значитъ, слѣдовательно, что жена остается въ экономической зависимости

отъ мужа, и онъ остается ея „кормильцемъ“ даже въ томъ случаѣ, если она живетъ на свой собственный доходъ, — положеніе логически и практически невозможное, это ясно. Сознаваемая все больше и больше необходимость обезпечить женѣ возможность свободно располагать своимъ состояніемъ путемъ спеціально заключаемыхъ договоровъ позволяетъ ожидать и законодательной реформы имущественнаго права въ этомъ смыслѣ

По соч. Э. Либерманна „Der Arme Heinrich“.
Рис. 385. Жертвующая собой жена Бѣднаго Генриха.

въ недалекомъ будущемъ, — при первомъ же пересмотрѣ гражданскаго законодательства.

Но въ этомъ, однако, была бы достигнута экономическая независимость только небольшого числа женщинъ. Есть другое требованіе, выдвигаемое въ наше время, отвѣчающее и справедливости и, въ то же время, современному взгляду на супружескія отношенія: чтобы жена, участвующая трудомъ въ дѣлѣ мужа, пользовалась по закону соотвѣтствующей долей въ дѣлѣ и чтобы за трудъ въ домашнемъ хозяйствѣ женѣ всегда былъ обезпеченъ закономъ опредѣленный процентъ съ доходовъ мужа. Эта домашняя дѣятельность женщины до сихъ поръ, правда, немало воспѣвалась, но никогда не оплачивалась, даже при наибольшей

продуктивности ея и какую бы она цѣнность ни представляла. „Кормилецъ“ съ своей точки зрѣнія долженъ смотрѣть, разумѣется, какъ на дѣло самое простое и естественное, что и рабочая сила жены, какъ и вся она сама, должна быть затрачена безъ остатка на домъ, безъ ограниченія рабочаго времени и безъ пощады силъ, до крайняго ихъ напряженія; оттого-то главнымъ образомъ этотъ трудъ такъ плохо оцѣнивается оффиціально и въ большинствѣ случаевъ считается ни во что. Когда же закономъ будетъ признано право женщины на оплату ея труда, тогда только исчезнетъ вполнѣ ея крѣпостное состояніе въ бракѣ, — состояніе, котораго современное культурное человѣчество не знаетъ ни въ какихъ больше другихъ отношеніяхъ.

Самымъ прочнымъ устоемъ патріархальнаго строя остается попрежнему ревностно охраняемая всѣми законодательствами исключительная отцовская власть надъ рожденными въ бракѣ дѣтьми. Такъ какъ ею главнымъ образомъ характеризуется правовое положеніе женщины, какъ матери, то этотъ вопросъ будетъ подробнѣе разсмотрѣнъ въ слѣдующей главѣ. Здѣсь мы ограничимся только указаніемъ на то, что даже въ той сферѣ, въ которой, по общепринятымъ понятіямъ, женщина исполняетъ свое прямое назначеніе, цѣль своей жизни, законъ все еще всюду отказываетъ ей въ признаніи ее самостоятельной личностью.

Прежнее англійское гражданское законодательство открыто устанавливало это положеніе жены, заявляя что она съ выходомъ замужъ утрачиваетъ собственную индивидуальность и растворяется въ индивидуальности мужа. Другія законодательства не сочли нужнымъ проводить эту идею такъ опредѣленно, — на самомъ же дѣлѣ она лежитъ въ основѣ всѣхъ законодательствъ и, пожалуй, всего явственнѣе сказывается въ повсемѣстно принятомъ обычаѣ (а иногда и законѣ, какъ, напримѣръ, въ Германіи), согласно которому женщина, вступивъ въ бракъ, теряетъ свою фамилію и принимаетъ фамилію мужа. И если здѣсь мы все же имѣемъ дѣло съ актомъ, представляющимъ, въ общемъ, больше символическое, чѣмъ практическое значеніе, — зато дальнѣйшіе выводы, дѣлаемые изъ этого закономъ, могутъ имѣть для женщины очень серьезныя и тяжелыя практическія послѣдствія; мы говоримъ о законѣ, согласно которому женщина теряетъ въ бракѣ и свою національность и подданство, и вступивъ, напримѣръ, въ бракъ съ иностранцемъ, сама становится иностранкой, даже продолжая жить на родинѣ.

Насколько и въ этой области обычай проявляетъ еще большее усердіе, чѣмъ законъ, — это видно, между прочимъ, изъ общераспространенной въ „высшемъ обществѣ“ формулы извѣщенія о помолвкѣ, въ которомъ г-нъ и г-жа X съ одной стороны и г-нъ У съ другой сообщаютъ міру радостную вѣсть о томъ, что дочь ихъ помолвлена съ г-номъ У и — отъ имени самого У, — что онъ помолвленъ съ дочерью г-на X, — сама же дѣвица ни звукомъ не высказывается по этому поводу, хотя это событіе по существовавшимъ до сихъ поръ взглядамъ, считалось самымъ важнымъ шагомъ въ ея жизни. Еще характернѣе другой обычай, существующій преимущественно въ Германіи: женѣ присваивается не только фамилія, но и профессіональное званіе или ученый и служебный

титулъ мужа (иногда и собственное имя [1], — что звучитъ почти насмѣшкой надъ прекрасной половиной, которая, какъ извѣстно, недостаточно правомочна, чтобы пріобрѣсть самостоятельно такіе званія, титулы и ученыя степени. Тѣмъ не менѣе этотъ обычай, какъ и многіе другіе въ этомъ родѣ, будетъ существовать въ широкой массѣ до тѣхъ поръ, пока будутъ существовать лежащія въ основѣ его супружескія отношенія, т. е. до тѣхъ поръ, пока соціальное положеніе жены будетъ зависѣть не отъ ея личныхъ качествъ и дѣятельности, а отъ соціальнаго положенія ея мужа, — пока его достоинства и уваженіе, которымъ онъ пользуется, обезпечиваютъ въ глазахъ общества самой пустой дурочкѣ достойное и почетное положеніе (рис. 386). Съ измѣненіемъ экономической и этической основы брака исчезнутъ безъ слѣда и эти устарѣлыя, утвержденныя закономъ или освященныя обычаемъ формы.

Фотогравюра изд. Фотографич. общества въ Берлинѣ.
Рис. 386. Портретъ Джованни Арнольфини и его супруги.
(По картинѣ ванъ-Дейка.)

Что мы идемъ гигантскими шагами къ этому новому порядку и что экономическая, соціальная и умственно-нравственная эмансипація женщины отзовется благопріятно и на женѣ — и даже прежде всего на ней, — это не подлежитъ никакому сомнѣнію. Сможетъ ли въ отдаленномъ будущемъ супружескій союзъ сбросить съ себя узы закона, или свободное соединеніе половъ для прочнаго и

[1] Говорятъ, напр., „Frau Professor", „Frau Geheimrat", соотвѣтственно „Herr Prof.", „Herr Geh.", а не „Professorin", „Geheimrätin", что соотвѣтствовало бы русскимъ обозначеніямъ „профессорша", „тайная совѣтница". Говорятъ также „Frau Karl Müller".

долговѣчнаго союза останется все же желательнымъ и возможнымъ только для людей, стоящихъ въ умственномъ отношеніи особенно высоко, — рѣшать этотъ вопросъ было бы пока преждевременно. Нельзя не согласиться, вникнувъ логически послѣдовательно въ проблему брака, что совершавшаяся до сихъ поръ эволюція должна имѣть результатомъ абсолютно свободный бракъ, не стѣсненный ни принудительнымъ вліяніемъ закона, ни экономическими условіями — по крайней мѣрѣ въ теоріи. Во всякомъ случаѣ, запальчивые споры на эту тему уже потому преждевременны, что для широкой массы женщинъ (о потомствѣ и совсѣмъ говорить нечего) свободный бракъ былъ бы теперь не только не выгоднымъ, а убыточнымъ, потому что широкая масса мужчинъ еще не достигла необходимой для этого нравственной зрѣлости, еще не обладаетъ надлежащимъ чувствомъ отвѣтственности. Какъ результатъ выкристаллизовавшагося народнаго сознанія, созрѣвшаго и освободившагося отъ всѣхъ религіозныхъ и половыхъ предразсудковъ, — юридическая нормировка супружескихъ отношеній можетъ совершаться въ будущемъ только въ направленіи большей личной свободы и отвѣтственности жены.

* * *

Неизбѣжнымъ слѣдствіемъ культурнаго прогресса вообще и женскаго движенія въ частности будетъ то, что положеніе женщины въ отношеніи ея мужа, въ отношеніи общества и своей собственной индивидуальности станетъ совершенно инымъ, чѣмъ было до сихъ поръ, и несомнѣнно должна будетъ измѣниться не только внѣшняя форма брака, но и сущность его.

Часто высказывается мнѣніе, — особенно благожелательными друзьями женскаго движенія, — что повышеніе матеріальнаго и духовнаго уровня и освобожденіе женскаго пола несомнѣнно, конечно, облагородятъ и углубятъ отношенія женщины къ мужу и дѣтямъ, но въ общемъ они навѣки останутся построенными на прежнихъ условіяхъ. Этотъ взглядъ не менѣе ошибоченъ, чѣмъ другой, высказываемый нѣкоторыми идеологами, чуждыми практики жизни: о желательности или даже только возможности возвращенія къ материнскому праву на болѣе или менѣе высокой ступени культуры. Ставшая матеріально и духовно независимой, жена не только изгонитъ отжившія, старомодныя представленія о „плющѣ“, обвивающемся вокругъ „дуба“, о „tabula rasa“ и имъ подобныя, — но и очень много другихъ представленій и понятій, которыя мы еще связываемъ съ брачнымъ союзомъ, должны будутъ мало-по-малу попасть въ архивъ. Прежде всего исчезнетъ тотъ взглядъ, что женщина исполняетъ въ качествѣ жены свое призваніе, дѣло, даже единственное, прирожденно ей свойственное дѣло, — потому что она и въ замужествѣ будетъ исполнять особое дѣло, отвѣчающее ея личнымъ способностямъ, и только тогда она дѣйствительно окажется призванной быть своему мужу спутницей жизни въ лучшемъ, высшемъ смыслѣ этого слова. Теперь она, въ общемъ, еще не достигла этой высоты, — быть можетъ даже, еще меньше на высотѣ, чѣмъ была въ прежнія времена, — потому что умственный уровень муж-

чины необычайно повысился съ тѣхъ поръ, а ея уровень задерживался по возможности, его соціальное чувство развилось, а ея интересы остались ограниченными рамками дома и семьи; этого нельзя отрицать, несмотря на всѣ завоеванія, цѣнныя и для жизни женщины.

Воспитывать женщину для брака, — о чемъ теперь такъ много толкуютъ, — было несравненно легче прежде, при болѣе простомъ укладѣ семейной жизни, при обусловленномъ естественнымъ раздѣленіемъ труда способѣ производства, при обычныхъ тогда формахъ труда, протекавшаго въ предѣлахъ дома, — чѣмъ те-

Рис. 387. Супруги Кюри, открывшіе радій, за совмѣстной работой.

перь, при усложнившихся условіяхъ и увеличившейся разносторонности людей, хотя на долю жены теперь приходится гораздо менѣе опредѣленной работы. И это воспитаніе — дома ли или въ спеціальныхъ школахъ для подготовки къ веденію хозяйства и къ материнству — дастъ тѣмъ болѣе несовершенные результаты, чѣмъ болѣе оно будетъ считаться съ существовавшими до сихъ поръ, внутренно уже отжившими формами отношеній и кроиться по мѣркѣ ихъ, уже не соотвѣтствующей ихъ внутреннему содержанію. Можно даже сказать, какъ ни странно это покажется, что самая худшая ошибка такого воспитанія именно въ томъ, что оно ставитъ себѣ цѣлью подготовку къ браку единственно съ разсчетомъ на возможность (о вѣроятности уже почти говорить не приходится) найти мужа и кормильца, къ которому можно было бы примѣнить пріобрѣтенное искусство стряпни и хозяйничанья. Для мужа, зарабатывающаго своимъ трудомъ хлѣбъ насущный, будетъ гораздо болѣе желательной

спутницей жизни такая жена, которая сама можетъ участвовать въ заработкѣ, для живущаго умственнымъ трудомъ — сотрудница, способная понимать его, стремящаяся къ тому же, что и онъ, — чѣмъ „супруга по призванію", домашняя дѣятельность которой стала уже почти совершенно излишней, благодаря успѣхамъ современной техники и промышленности, и которая, слѣдовательно, не можетъ ничего вносить своего, ни матеріально, ни духовно, можетъ только принимать, а не давать, — какъ бы усердно она ни поддерживала хлопотливый аппаратъ дорогого домашняго мелкаго производства.

Вотъ почему наилучшей подготовкой къ браку въ современномъ смыслѣ этого слова будетъ такое воспитаніе, при которомъ женщина научится опираться на собственныя силы, а не на силы мужа, стоять на собственныхъ ногахъ, воспитаніе, которое сдѣлаетъ изъ нея дѣльнаго, независимаго человѣка. Только въ такомъ случаѣ она сможетъ удовлетворять тѣмъ новымъ требованіямъ, которыя предъявляетъ новая эпоха къ отвѣтственной личности жены и матери, только тогда она научится понимать ясно и сознательно то вѣчное и неизмѣнное, что глубоко коренится въ самой сущности брака, какъ силы, двигающей развитіе человѣчества все выше и впередъ, и научится пользоваться ею.

Всемогущій творческій инстинктъ, влекущій мужчину къ женщинѣ и женщину къ мужчинѣ, чтобы отъ нихъ произошло новое существо и въ немъ продолжалась ихъ жизнь, — этотъ инстинктъ будетъ все больше и больше индивидуализироваться по мѣрѣ роста индивидуальнаго сознанія женщины — и не только въ ней самой, но и въ мужчинѣ, сынѣ ея. Одаренныя болѣе тонкими и чуткими фибрами, тѣ двѣ половины, которыя, по Платону, только соединившись составляютъ цѣльнаго человѣка и которыя до сихъ поръ большей частью тщетно искали другъ друга въ лабиринтѣ жизни, въ будущемъ могутъ гораздо чаще находить другъ друга и, разъ найдя другъ друга, онѣ останутся соединенными воедино по глубокой личной душевной потребности, — не потому, что обязаны, а потому, что захотятъ этого, — соединенными не только для радостей и наслажденія (какъ это изображаетъ воспроизводимый нами на отд. табл. портретъ Рембрандта съ женой), для краткой поры мимолетнаго счастья любви, но слитыми воедино и душой во всемъ томъ, что даетъ жизни человѣка настоящую цѣль и содержаніе, — въ трудѣ (рис. 387).

Несомнѣнно, и въ будущемъ власть мгновенья будетъ привлекать молодыя сердца другъ къ другу, какъ привлекала отвѣка, но прочный союзъ будутъ со временемъ все больше и больше заключать только тѣ, кого связываютъ одинаковые интересы, одинаковыя стремленія, одинаковое міросозерцаніе. Истинная моногамія, навѣки нерасторжимый союзъ одного мужчины съ одной женщиной зиждется не на болѣе слабомъ, а только на болѣе облагороженномъ чувствѣ любви; но такой союзъ станетъ возможнымъ какъ правило, а не какъ исключеніе (какъ теперь) только на такой ступени развитія, когда мужчина и женщина смогутъ идти рядомъ, какъ личности вполнѣ равноцѣнныя и равноправныя.

Послѣ инстинкта размноженія, первымъ инстинктомъ, на ко-

Художникъ и его жена.

Картина Рембрандта.

(По фотогр. Ф. Брукмана въ Мюнхенѣ.)

Т-во „Просвѣщенiе“ въ Спб.

торомъ основанъ, по своей глубочайшей сущности, брачный союзъ, является потребность защищать, охранять, окружать любовью и заботой свои созданія и другъ друга. Этотъ инстинктъ, первоначально свойственный только женщинѣ, былъ переданъ ею и мужчинѣ, — и „рыцарственность“ его заслуживаетъ быть поставленной рядомъ съ материнскимъ инстинктомъ женщины, полнымъ потребности помочь и защитить. „Она меня за муки полюбила, а я ее за состраданье къ нимъ“, — такъ характеризуетъ великій психологъ Шекспиръ устами своего Отелло то прекрасное человѣчное чувство, которое лежитъ въ основѣ отношеній между мужчиной и женщиной, наряду съ непосредственнымъ половымъ влеченіемъ и даже впереди его. Но если у мужчины эта потребность охранять и поддерживать ограничивается, въ общемъ, молодостью и зрѣлымъ возрастомъ, періодомъ наивысшаго сознанія своей силы, характеризующимся также и большей энергіей и дѣйственностью, — въ женщинѣ онъ сохраняется, большей частью, до послѣдняго вздоха, и въ томъ возрастѣ, когда умолкаютъ другіе голоса, когда рѣдѣетъ болѣе или менѣе широкій кругъ тѣхъ, о комъ она заботилась, кого охраняла, — эта потребность находитъ себѣ выходъ въ истинно-материнскомъ чувствѣ къ мужу. И тѣмъ глубже и чище зазвучитъ въ брачномъ союзѣ и эта нота, самая женственная и нѣжная, и тѣмъ болѣе искреннія и глубокія чувства вызоветъ собой, чѣмъ меньше будутъ врываться въ этотъ звукъ посторонніе, несущественныя или даже диссонирующія экономическія побужденія и соображенія, чѣмъ меньше въ немъ будутъ участвовать личная зависимость и подневольность жены.

Какъ естественный противовѣсъ неудержимо разгорающемуся по всей линіи женскому движенію, мы часто встрѣчаемъ въ последнее время увѣренія, что женщина сама по себѣ — ничто, что свое значеніе и цѣнность она пріобрѣтаетъ только благодаря мужчинѣ и что онъ одинъ можетъ пробудить кой-какія дремлющія въ ней силы и способности. Опровергать это воззрѣніе, не признающее за женщиной права человѣческой личности, усматривающее всю ея сущность, все ея право на существованіе исключительно въ ложно-понятыхъ процессахъ размноженія — излишне, въ виду полезной и цѣнной дѣятельности женщины во всѣхъ областяхъ современной жизни, уже потому, что если взглянуть съ той же точки зрѣнія на мужчину, то это обяжетъ къ логическому заключенію, что цѣль его жизни также состоитъ исключительно въ пробужденіи женскихъ силъ; явная безсмыслица такого взгляда не требуетъ доказательствъ.

Однако съ нѣкоторыми ограниченіями за этой мыслью приходится признать разумное основаніе и глубокую истину, — но разумѣется, примѣнительно къ обоимъ поламъ: только въ бракѣ, только подъ вліяніемъ длительнаго тѣснѣйшаго единенія съ мужчиной женщина можетъ развернуть всю свою человѣческую цѣнность, нормально развить в с ѣ стороны своего существа и достигнуть правильнаго пониманія своей природы.

Путемъ постояннаго, ежедневнаго сравненія своего женскаго образа мыслей съ его мужскими взглядами на всѣ явленія жизни, она пріобрѣтаетъ устойчивое сужденіе о нихъ, свободное отъ всякой односторонности, — тѣмъ болѣе свободное и устойчивое,

чѣмъ меньше ей грозитъ опасность, благодаря экономической и духовной зависимости отъ мужа, составить свое сужденіе исключительно по его образцу (какъ это часто еще встрѣчается въ

Фотогр. изд. Келлеръ и Рейнеръ въ Берлинѣ.

Рис. 388. Деталь памятника „Aux Morts“ на кладбищѣ Père-Lachaise въ Парижѣ.
А. Бартоломэ.

наше время). И только въ мгновенія наивысшаго напряженія жизни, когда она чувствуетъ свое абсолютное сліяніе воедино съ мужемъ, — только тогда ей во всей полнотѣ открывается вся глубокая внутренняя связь между индивидуумомъ и вселен-

ной. Только въ мужчинѣ находитъ женщина, — какъ только въ женщинѣ мужчина, — свое полное совершенство, свою человѣческую цѣльность и законченность.

Вотъ почему мужчина и женщина нуждаются другъ въ другѣ — не только во имя цѣли продолженія рода, но и ради совершеннаго развитія отдѣльнаго индивидуума. Дополняющіе другъ друга спутники въ многообразной творческой жизни, спутники и передъ лицомъ загадочной силы, неминуемой и для мужчины, и для женщины (на воспроизводимомъ нами — рис. 388) — знаменитомъ надгробномъ памятникѣ Бартоломэ показываетъ намъ, какъ и передъ лицомъ смерти женщина ищетъ поддержки, опираясь на сильныя плечи мужчины), — они тѣмъ легче и бодрѣе будутъ переносить все, жизнь и смерть, чѣмъ больше будутъ равны другъ другу въ общей борьбѣ.

Рис. 389. За уроками.
(По картинѣ Г. Жаме.)

Глава одинадцатая.

Женщина мать.

(Маріи Штриттъ, Дрезденъ).

Человѣкъ, отличающійся наивысшимъ развитіемъ среди всѣхъ живыхъ существъ, является при своемъ рожденіи самымъ безпомощнымъ существомъ; онъ очень долго нуждается въ защитѣ и уходѣ со стороны матери и, если бы былъ предоставленъ самому себѣ, онъ неминуемо погибъ бы не только въ младенческомъ возрастѣ, когда онъ всецѣло зависитъ отъ материнской груди, но и въ теченіе всего періода перваго дѣтства, по крайней мѣрѣ до 5—6-лѣтняго возраста. Такимъ образомъ женщина самой природой гораздо больше обременена и связана материнствомъ, чѣмъ всякое другое животное женскаго пола. Но въ этой-то именно особенности таится главная причина и первѣйшая побудительная сила, движущая цивилизацію какъ въ технически-промышленномъ, такъ и въ соціально-нравственномъ отношеніи. „Материнскій инстинктъ (говоритъ Шарлотта Перкинъ-Стетсонъ въ своемъ сочиненіи „Women and Economics"). есть та сила, которая обусловливаетъ собой не только любовь, но и всю человѣческую дѣятельность въ мірѣ. Неутомимое удовлетвореніе этого инстинкта, материнской потребности заботиться о потомствѣ, было первымъ двигателемъ развитія тѣхъ пріемовъ и способовъ труда, на которыхъ зиждется наша культурная жизнь. Въ то время, когда мужчина-дикарь упражнялъ свои разрушительныя силы и инстинкты нападенія въ качествѣ простого охотника и рыбака самымъ первобытнымъ, примитивнымъ образомъ, — женщина-дикарка такъ же естественно и примитивно развивала

свои созидательные и охранительные инстинкты. Она накопляла и сохраняла пищу для своего ребенка такъ же, какъ даже зародышевая клѣтка притягиваетъ къ себѣ, какъ извѣстно, пищу и, повинуясь темному природному инстинкту, накопляетъ и сохраняетъ ее. И какъ въ безсознательномъ исполненіи заложеннаго въ ней природой материнскаго долга, она прятала, кутала и холила нерожденный еще плодъ въ нѣдрахъ своихъ, такъ же кутаетъ она впослѣдствіи въ одежды родившагося ребенка и создаетъ для него охраняющій кровъ, безсознательно упражняя тотъ же природный инстинктъ. Материнскій инстинктъ представляетъ собой истинный источникъ всякой производительной силы, могущественнѣйшій двигатель нашего соціальнаго развитія". Точно также въ отношеніяхъ между матерью и ребенкомъ мы должны видѣть первоначальную форму всякаго чувства личной симпатіи, влекущей людей другъ къ другу и сближающей ихъ, и корень болѣе широкаго сознанія человѣческой общности, любви къ ближнему и дальнему, — неизсякаемую энергію и благословенный живой источникъ какъ для отдѣльнаго индивидуума, такъ и для всего міра (рис. 390).

Когда при измѣнившихся экономическихъ условіяхъ патріархальнаго общественнаго строя мужчина сталъ истиннымъ носителемъ цивилизаціи, руководителемъ и въ тѣхъ областяхъ труда, которыя до тѣхъ поръ принадлежали женщинѣ; когда онъ, сообразно своей болѣе активной, энергичной и подвижной природѣ, все болѣе и болѣе специализировался и въ этомъ трудѣ и развилъ до небывалаго дотолѣ совершенства и тѣ роды дѣятельности, которые были первоначально женскими, — это все больше и больше оттѣсняло свободное и непосредственное приложеніе материнскихъ силъ на благо міра и ограничивало ихъ примѣненіе тѣснымъ кругомъ семьи и дома. Но все косвенное вліяніе ихъ на развитіе и судьбы человѣчества отъ этого не прекращалось, — всегда и при всякихъ условіяхъ оно оставалось вполнѣ несомнѣннымъ и опредѣленнымъ. И это вліяніе женщины, какъ матери, неисчислимое значеніе материнства для личности и для человѣчества, — несмотря на всю подчиненность положенія матерей въ человѣческомъ обществѣ, — признавалось всѣми и во всѣ времена какъ сила, которой никто и ничто не можетъ не подчиниться. Правда, въ это признаніе привходятъ отчасти представленія о таинственной власти творческихъ силъ, связываемыя еще и теперь съ материнствомъ, какъ вѣчнымъ источникомъ жизни, — пережитки того простого культа предковъ, изъ котораго первоначально развились всѣ религіозныя представленія. Но и для той части человѣчества, въ которой проснулось полное и ясное сознаніе, для независимыхъ умовъ, освободившихся отъ всѣхъ таинственныхъ представленій, — благоговѣніе передъ материнствомъ, неисчерпаемость и святость материнской любви составляютъ одинъ изъ тѣхъ прочныхъ, непоколебимыхъ устоевъ, на которыхъ держится и современное нравственное міросозерцаніе.

Въ виду этого, противорѣчія и трагическій разладъ въ жизни женщины (о которыхъ мы уже частью упоминали въ предыдущей главѣ), неразлучно связанные съ патріархальными семейными отношеніями, представляются несущественными и второстепенными въ сравненіи съ тѣмъ глубокимъ противорѣчіемъ,

какое существуетъ между всеобщимъ прославленіемъ материнства и его ничтожнымъ соціальнымъ и правовымъ значеніемъ, между тысячекратно превознесеннымъ и воспѣтымъ идеальнымъ образомъ матери и несвободнымъ безправнымъ существомъ, служащимъ только для размноженія рода, какимъ она является по законамъ и обычаямъ человѣческаго общества. Всего явственнѣе обнаруживается это противорѣчіе въ христіанскомъ культѣ Дѣвы Маріи, съ одной стороны окружающемъ материнство наивысшимъ ореоломъ царицы небесной (рис. 391) и съ другой стороны выражающемъ въ идеѣ дѣвственнаго зачатія презрѣніе къ человѣчески-естественнымъ процессамъ и условіямъ этого материнства. Вполнѣ понятно поэтому, что сообразно различному толкованію этого символа, такъ рѣзко различны и даже прямо противоположны другъ другу мнѣнія о томъ, какъ относится христіанство къ женщинѣ, какъ матери, по сравненію съ язычествомъ. Одни ссылаются на прославленіе материнства, другіе на презрѣніе къ нему, — и обѣ стороны правы. Но точно такъ же, какъ непримиримыя противорѣчія толкованій символа могутъ быть разрѣшены только тогда, когда на мѣсто Богоматери будетъ поставленъ простой образъ страдалицы матери человѣческой, — такъ же и тысячи противорѣчій, съ которыми было связано до сихъ поръ и связано еще и теперь материнство, исчезнутъ только тогда, когда женщина будетъ признана въ предѣлахъ своего материнства и за предѣлами его полноправной, вполнѣ самостоятельной человѣческой личностью.

По фотогр. худож. издат. Келлеръ и Рейнеръ въ Берлинѣ.

Рис. 390. Материнство.

Константина Менье.

Повидимому, недалеко уже то время, когда совершится этотъ грандіозный общественный переворотъ. Но съ нимъ наступитъ не только новая эпоха для матерей въ мірѣ, — онъ откроетъ также совершенно новыя возможности развитія и для дѣтей этихъ матерей, для человѣческой расы. Въ противоположность прогрессивному культурному вліянію, какое имѣло первобытное обремененіе материнствомъ свободной женщины-матери, положеніе женщины и матери въ условіяхъ цивилизаціи оказывало скорѣе вредное чѣмъ полезное вліяніе на материнство и вслѣдствіе этого и на физическое и духовное развитіе расы. Всѣ лишенія и страданія должны были даже усилиться съ ростомъ культуры, такъ что въ настоящее время дѣйствительно не безъ нѣкотораго основанія толкуютъ о вырожденіи материнства. Это явленіе обусловленное самымъ процессомъ развитія; оно очень ярко подтверждаетъ истинность словъ Гете: „Разумъ сталъ безсмыслицей, благодѣяніе мукой.. горе тебѣ, родившемуся внукомъ!“

Вслѣдствіе раздѣленія труда между полами, которое было необходимо вначалѣ для привлеченія мужчины къ работѣ на дѣло культуры, вслѣдствіе долгаго и все болѣе и болѣе исключительнаго ограниченія женщины сферой супружескихъ и материнскихъ обязанностей, т. е. сферой ея половыхъ задачъ,—культурная женщина и сама чрезмѣрно развилась въ половое существо, и передала, разумѣется, и потомству это чрезмѣрное половое развитіе. Поставленныя внѣ дѣла борьбы за существованіе, всѣ остальныя общечеловѣческія сферы дѣятельности женщины физической, какъ и духовной, вынуждены были уступить свое мѣсто половымъ задачамъ или интересамъ, такъ или иначе связаннымъ съ ея половой задачей; а такъ какъ органы, остающіеся безъ упражненія, съ теченіемъ времени атрофируются, то и физическое и духовное развитіе женщины должно было приспособиться къ этому одностороннему приложенію ея способностей. Вотъ почему говорить о мнимой неспособности женщины къ общечеловѣческой культурной работѣ, ссылаясь на задачи материнства, — это значитъ смѣшивать причину со слѣдствіемъ. Не потому, что материнство поглощаетъ всѣ физическія и духовныя силы женщины, она неспособна къ другимъ видамъ дѣятельности, — наоборотъ: потому что патріархальный общественный строй запретилъ ей всѣ другіе виды дѣятельности, она вынуждена была сосредоточить всѣ свои физическія и духовныя силы на материнствѣ и сопряженныхъ съ нимъ задачахъ.

Эта односторонность развитія достигла въ наши дни своего высшаго предѣла и даже уже перешагнула его. До какой степени изуродовалось положеніе, имѣющее своими необходимымъ условіемъ здоровье, избытокъ силъ, высшую полноту жизни, къ какимъ нелѣпостямъ могутъ приводить теоріи, которыя остроумные французы объединяютъ въ извѣстномъ афоризмѣ: „La femme c'est le sexe“ (женщина — это полъ), — это мы видимъ изъ столь же извѣстнаго изреченія одного знаменитаго нѣмецкаго врача-гинеколога (профессора Рунге), который совершенно серьезно отстаиваетъ въ своемъ нашумѣвшемъ популярно-научномъ сочиненіи тотъ взглядъ, что жизнь „женщины это — беременность и послѣродовой періодъ“. Вотъ почему не только въ

интересахъ матерей, но и въ интересахъ расы было неотложно необходимо, чтобы успѣхи экономическаго и духовнаго развитія положили конецъ этому ненормальному положенію, выдвинувъ женщину, благодаря измѣнившимся способамъ производства, въ центръ борьбы за существованіе и научивъ ее снова примѣнять свои индивидуальныя силы. И вопреки всѣмъ опасеніямъ и про-

Фотогр. изд. Фр. Ганфштенгля въ Мюнхенѣ.

Рис. 391. Madonna della Seggiola.

(По картинѣ Рафаэля).

рочествамъ, объясняющимся только новизной и непривычностью явленія, это не только не принесетъ ущерба ея материнскимъ задачамъ и душевному складу, а, наоборотъ, больше чѣмъ когда-либо разовьетъ ея способности и силы для нихъ.

Возьмемъ прежде всего ея физическія силы и способности. Всѣмъ извѣстенъ фактъ и не мало о немъ сокрушаются, — что физіологическія явленія, предшествующія рожденію новаго гражданина вселенной, сопровождающія его и слѣдующія за нимъ, представляютъ собой у культурной женщины все больше и больше болѣзненныя разстройства, и тѣмъ сильнѣе, чѣмъ больше экономическое и соціальное положеніе мужа поз-

воляетъ ей развиваться въ единственномъ направленіи ея материнскаго назначенія; между тѣмъ крестьянская женщина, проводящая жизнь въ суровомъ трудѣ, и даже фабричная работница, живущая въ неблагопріятныхъ гигіеническихъ условіяхъ несутъ сравнительно легче тяготы беременности и первой поры материнства, а у женщинъ дикихъ племенъ эти самые процессы протекаютъ почти совершенно незамѣтно, не причиняя никакихъ, серьезныхъ страданій; о разстройствахъ же и совсѣмъ говорить нечего. По свидѣтельству путешественниковъ, среди дикарей отнюдь не рѣдкое явленіе, что женщина, внезапно почувствовавъ за работой схватки, тутъ же среди поля производитъ на свѣтъ ребенка и затѣмъ сама, совершенно здоровая, несетъ его домой.

Все возрастающая неспособность культурной женщины исполнять простѣйшую изъ материнскихъ обязанностей — вскармливать своихъ дѣтей собственной грудью, лучше всего доказываетъ, какъ мало полезно и выгодно оказалось ограниченіе женщины сферой ея полового назначенія въ интересахъ самаго этого назначенія. Лишенная въ дѣтствѣ всякаго здороваго физическаго упражненія, недопускаемая къ участію въ шумныхъ играхъ братьевъ, въ ихъ веселомъ бѣганіи, лазаніи на вольномъ воздухѣ — оттого что это „неженственно“ и оттого, что будущая хозяйка и мать должна прежде всего „пріучаться къ дому“; въ возрастѣ подростка стѣсняемая самой нездоровой, разсчитанной на половое привлеченіе мужчины въ будущемъ, одеждой; обреченная взрослымъ человѣкомъ на бездѣлье и праздность благовоспитанной барышни, развивающей въ себѣ общественные „таланты“ и диллетантски играющей искусствомъ, а въ годы самаго пышнаго расцвѣта силъ, когда всѣ инстинкты тѣла и души жадно ищутъ упражненія и удовлетворенія, когда молодой мужчина можетъ дать исходъ своимъ стремленіямъ, готовиться къ самостоятельно избранной карьерѣ, соотвѣтственно своимъ индивидуальнымъ способностямъ, обреченная въ эту пору на пассивное, разслабляющее нервы „ожиданіе мужа“, отъ усмотрѣнія котораго зависитъ самая возможность осуществленія ея „природнаго назначенія“ — единственно отводимаго на ея долю, но для достиженія котораго она сама не смѣетъ сдѣлать ни одного шага и даже должна тщательно скрывать самую потребность въ немъ, — вотъ какъ развивается наша женщина, вотъ какъ готовились къ материнству безчисленное множество поколѣній дѣвушекъ изъ „порядочныхъ“ семей.

Дѣвушки трудящихся классовъ народа могли, конечно, во многихъ отношеніяхъ развиваться свободнѣе, въ общемъ, и половая жизнь ихъ протекала нормальнѣе, тѣло ихъ также больше закалялось и крѣпло въ условіяхъ болѣе или менѣе тяжелаго домашняго или фабричнаго труда; но условія ихъ жизни были (и отчасти остаются до сихъ поръ) всегда до послѣдней степени неблагопріятными. А если принять во вниманіе, вдобавокъ, что дѣвушкамъ и женщинамъ всѣхъ классовъ не даютъ никакихъ свѣденій, ни общегигіеническихъ, ни половыхъ, о важнѣйшихъ нормальныхъ явленіяхъ и процессахъ, отъ которыхъ зависитъ жизнь и процвѣтаніе расы, что онѣ приступаютъ къ исполненію своихъ спеціальныхъ женскихъ и материнскихъ

задачъ въ полномъ невѣдѣніи и безъ всякой подготовки, — то ничего удивительнаго не окажется въ томъ, что физическая способность женщины къ материнству не только не можетъ идти въ ногу съ остальными культурными завоеваніями, но даже прискорбно уступаетъ физической способности дикарей, матерей варварскихъ племенъ, — даже понизилась въ сравненіи съ ней.

На этихъ раннихъ ступеняхъ развитія человѣчества матери не уступали отцамъ ни въ размѣрахъ тѣла, ни въ физической силѣ. Онѣ добывали пищу для себя и для своихъ дѣтей и выходили для нихъ на охоту; онѣ защищали ихъ и ихъ пещеру или хижины отъ нападенія дикихъ звѣрей и непріятельскихъ племенъ; онѣ участвовали и въ походахъ своего племени, въ войнахъ и грабежахъ (рис. 392). Эта „потребность женщины въ защитѣ“, ставящая ее на одинъ уровень съ ребенкомъ, котораго она отъ природы призвана была защищать, — это безусловно продуктъ цивилизаціи и патріархальнаго общественнаго строя. Конечно, на болѣе низкихъ ступеняхъ развитія задачи материнства были значительно проще, но въ силу инстинкта онѣ были вполнѣ по плечу матерямъ, — а по мѣрѣ ослабленія инстинкта подъ вліяніемъ культуры онѣ оказываются имъ все меньше и меньше по силамъ. Познаніе же, которое во всѣхъ другихъ областяхъ заняло мѣсто инстинкта, въ этой области не могло не оказаться безсильнымъ у экономически-зависимыхъ и духовно несовершеннолѣтнихъ матерей.

По фотогр. изд. Келлеръ и Рейнеръ въ Берлинѣ.
Рис. 392. Мать (у варварскихъ племенъ).
Ст. Зиндинга.

Недостаточный уровень материнства обнаруживается еще замѣтнѣе тамъ, гдѣ инстинкту нѣтъ мѣста и все зависитъ единственно и исключительно отъ знаній: въ материнскомъ воспитаніи. До какой степени средней матери, т. е. такой, которая не можетъ возмѣстить необыкновеннымъ умомъ и характеромъ того, чего ей самой не дано было воспитаніемъ, трудно, почти невозможно справиться съ воспитаніемъ своихъ дѣтей, особенно сыновей, съ ролью руководительницы въ многообразной и сложной современной жизни со всѣми ея заблужденіями, борьбой и опасностями. — это такъ безспорно признано всѣми за послѣдніе десятилѣтія, такъ единодушно высказывается со всѣхъ сторонъ, что нѣтъ надобности иллюстрировать этотъ

фактъ примѣрами, извѣстными всѣмъ изъ повседневной жизни. Тѣмъ болѣе нѣтъ надобности, что это и было вполнѣ понятно въ условіяхъ, существовавшихъ до сихъ поръ. Ничего другого и нельзя было ожидать отъ женщины, которой вмѣнялось въ обязанность „сидѣть дома", которую воспитаніе и нравы держали въ возможно большемъ удаленіи отъ жизненной дѣйствительности за предѣлами дома. Тамъ, за этими предѣлами жизнь неудержимо мчалась впередъ, но ея жизнь, ея міръ, домъ и семью едва задѣвало это прогрессивное движеніе впередъ. И все больше и шире разверзалась та пропасть, которая отдѣляла ее отъ духовной жизни ея современниковъ-мужчинъ, включая и ея собственныхъ сыновей. Дочерямъ она еще могла передать, въ лучшемъ случаѣ, ту несовершенную подготовку къ дальнѣйшей жизни, которую сама получила; сыновья же въ очень раннемъ возрастѣ достигаютъ такого уровня, на которомъ имъ приходится относиться къ своимъ невѣжественнымъ матерямъ, не понимающимъ ихъ процесса образованія, съ роковой снисходительностью, которая больше всего — и гораздо чаще, чѣмъ это обыкновенно думаютъ — создаетъ впослѣдствіи презрительное отношеніе мужчинъ къ женскому полу вообще. Въ наивно-жестокомъ заявленіи юнаго гимназиста: „мама, ты этого не понимаешь", таятся корни самыхъ тяжкихъ противорѣчій бережно охраняемаго буржуазнаго материнства, — противорѣчій, которыя принимаютъ въ низшихъ слояхъ болѣе грубыя формы, но едвали воспринимаются болѣзненнѣе. Мужчина изъ народа также привыкаетъ съ ранней юности видѣть въ женщинѣ, включая и мать, низшее, подчиненное существо, домашнюю рабыню; но между умственнымъ уровнемъ мужчины и женщины здѣсь нѣтъ такой глубокой пропасти, какъ въ кругу такъ называемой интеллигенціи. А какія противорѣчія мы видимъ и здѣсь между теоріей и практикой. Дѣвушка интеллигентнаго круга научилась еще въ дѣтствѣ чтить въ лицѣ Корнеліи, матери Гракховъ, высшій образецъ благородной материнской души; но та же школа, которая научила ее этому, сдѣлала все, въ согласіи съ остальнымъ дѣвичьимъ воспитаніемъ, чтобы изъ нея вышло существо возможно менѣе похожее на эту энергичную, самостоятельную, гордую мать!

Наше время произвело переворотъ и въ области, враждебной всякому здоровому прогрессу, уяснивъ прежде всего, что старая мудрость: „кому Господь далъ дѣло, тому дастъ и разумѣніе", едва ли гдѣ-либо такъ мало примѣнима и врядъ ли гдѣ-либо можетъ создать такія роковыя послѣдствія, какъ здѣсь. Съ одной стороны, — естественно-научное міросозерцаніе съ тѣми выводами, какіе оно дѣлаетъ изъ теорій происхожденія и наслѣдственности въ вопросѣ расовой гигіены, съ другой стороны, — современное женское движеніе съ своимъ ученіемъ о свободной личности женщины и съ требованіемъ одинаковаго образованія для женщинъ— внушили сначала все болѣе и болѣе широкимъ общественнымъ кругамъ, а потомъ, наконецъ, и государственной власти сознаніе необходимости физическаго и духовнаго возрожденія женщины-матери. Реформы въ области женскаго воспитанія, соціальнаго законодательства, общественной и частной гигіены, которыя еще лѣтъ тридцать тому назадъ были, самое большое, благими желаніями,

стали уже частью совершившимися фактами, и болѣе широкія требованія могутъ разсчитывать съ увѣренностью на поддержку и осуществленіе. Стремленія къ распространенію гигіеническихъ знаній, къ реформѣ женской одежды, къ всеобщему участію женщинъ во всѣхъ видахъ спорта, возросшая, благодаря этому, потребность въ самостоятельности у нашихъ дѣвушекъ, больше же всего необычайно быстро возрастающее непосредственное участіе женщинъ въ профессіональной и общественной жизни, въ духовныхъ интересахъ и работѣ ихъ народа въ области наукъ и искусства, — все это позволяетъ ожидать, что слѣдующія же поколѣнія женщины будутъ во всѣхъ отношеніяхъ болѣе достойны своихъ материнскихъ задачъ и обязанностей, чѣмъ прежнія женщины.

При этомъ ходѣ развитія можно опасаться одного: что этимъ лучше понимаемымъ и лучше исполняемымъ материнскимъ обязанностямъ (въ противоположность наивной довѣрчивости, съ которой эта область предоставлялась прежде самой себѣ) будетъ удѣлено въ воспитаніи и въ жизни слишкомъ много мѣста и вниманія въ сравненіи съ остальными общечеловѣческими задачами. Въ предыдущей главѣ мы указывали на то, что единичное хозяйство уже утратило свое значеніе для производства и семейной жизни, и дальнѣйшія побѣды соціально-гигіеническихъ стремленій обѣщаютъ еще большую свободу женщинѣ въ этой области. Но въ вопросѣ материнства этого ожидать нельзя, — съ повышеніемъ уровня развитія матерей ихъ задачи, обязанности и труды должны также сдѣлаться выше, шире, совершеннѣе. Характерно во всякомъ случаѣ то реакціонное въ извѣстномъ смыслѣ явленіе, что именно въ наше время, когда для общечеловѣческой дѣятельности женщины открывается, сообразно ея индивидуальнымъ способностямъ, одна за другой двери во всѣ области техническаго и умственнаго труда, — именно теперь выплываетъ излюбленный лозунгъ „подготовки къ материнству" и рядъ болѣе или менѣе фантастическихъ проектовъ и плановъ „школъ для матерей". Дѣломъ женскаго движенія будетъ позаботиться о томъ, чтобъ эти — въ основѣ — добрыя намѣренія и — въ извѣстныхъ предѣлахъ — даже желательныя стремленія не привели къ видоизмѣнившейся глухой стѣнѣ уже пережитаго взгляда на женщину, какъ на половое существо безъ самоцѣли, какъ на мать — только въ ущербъ женщинѣ и въ ущербъ самому материнству; потому что лучшей и единственно правильной воспитательной подготовкой къ материнству въ современномъ смыслѣ можетъ быть только такая, которая сдѣлаетъ женщину физически и умственно дѣльнымъ и независимымъ человѣкомъ, и лучшая школа для матерей — сама жизнь, въ которой она должна теперь, совершенно такъ же какъ мужчина, сама завоевать себѣ мѣсто на землѣ.

И это относится, прежде всего, къ матеріальной основѣ нашей жизни, къ экономической самостоятельности женщины и въ бракѣ. Возможность совмѣщенія профессіональнаго занятія съ материнствомъ представляетъ собой самый спорный, — хотя въ безчисленномъ множествѣ единичныхъ случаевъ и счастливо разрѣшенный, — вопросъ женскаго движенія, передъ которымъ останавливаются часто самые послѣдовательные умы, погрѣшая

злополучнѣйшей непослѣдовательностью; но это объясняется только тѣмъ, что на существовавшіе до сихъ поръ методы материнства смотрятъ какъ на незыблемые и навѣки неизмѣнные, обусловленные будто бы самымъ материнствомъ. Эти прежніе методы взвалили бы, разумѣется, на женщину — при условіи совмѣщенія профессіи съ материнствомъ — двойное бремя, которое оказалось бы по-плечу только женщинамъ съ исключительными силами въ томъ возрастѣ, когда материнство требуетъ наибольшей затраты силъ. Но въ томъ-то и дѣло — и это самый существенный пунктъ во всемъ вопросѣ, — что эти старые методы вовсе не примѣнимы къ материнству въ будущемъ, а частью уже и въ настоящемъ.

Та сторона материнскихъ обязанностей, которая касается домашняго хозяйства, исчезнетъ отъ постоянной, но безостановочной замѣны мелкаго домашняго производства крупнымъ промышленнымъ производствомъ, и всѣ усилія удержать міръ на старыхъ формахъ производства, во славу стараго идеала матери, согласно которому материнство поглощало безъ остатка всю личность женщины, все равно разбились бы объ успѣхи техники и завоеванія эпохи машинъ. А то, что останется послѣ исчезновенія большей части практически-механическаго труда матери, должно оцѣниваться не по количеству, а по качеству. На оба главные фактора формированія человѣческой личности — врожденныя способности и воспитаніе — оказываетъ гораздо большее вліяніе то, что представляетъ собой мать, какъ личность, чѣмъ то, что она дѣлаетъ. Вотъ почему не только въ отношеніи воспитанія, но и въ отношеніи природныхъ данныхъ вполнѣ права Роза Майредеръ, восклицая въ своей книгѣ („Критика женственности"): „Живите своей собственной жизнью, матери!" Таковъ дѣйствительно первый завѣтъ здороваго материнства и въ интересахъ расы.

Но самое существенное и практически важное соображеніе, большей частью упускаемое изъ виду при обсужденіяхъ вопроса материнства, заключается въ томъ, что съ ростомъ экономической и духовной самостоятельности женщины, ей одной, самой матери будетъ принадлежать право опредѣлять размѣръ своихъ обязанностей и трудовъ, т. е. по собственному усмотрѣнію рѣшать, скольким дѣтямъ она пожелаетъ дать жизнь. И можно быть увѣреннымъ, что тогда, при всей нормальной, здоровой жаждѣ материнства, желанія большинства женщинъ ограничатся минимумомъ числа, соотвѣтствующаго и доступнаго силамъ каждой. Изъ гуманныхъ и моральныхъ соображеній очень многіе уже и теперь находятъ предосудительной половую эксплоатацію женщины, обусловленную ея экономической зависимостью, но изъ соображеній политическихъ (государству нужны солдаты!) обыкновенно осуждаютъ это вполнѣ естественное и понятное слѣдствіе женскаго и культурнаго развитія; и все же намѣренное ограниченіе числа дѣтей путемъ примѣненія противозачаточныхъ средствъ давно пустило корни въ высшемъ и среднемъ кругу и пріобрѣтаетъ все большее и большее распространеніе. Но придетъ, въ концѣ концовъ, пора, когда будетъ признано также непреложнымъ нравственнымъ требованіемъ, чтобы нежеланныя, ожидаемыя со страхомъ и заботой дѣти не

рождались, а это нравственное требованіе откроетъ и материнству совершенно новыя перспективы.

Въ области материнства еще больше, чѣмъ въ другихъ областяхъ культурной жизни, трудно отдѣлить экономическіе вопросы отъ моральныхъ и разсматривать ихъ отдѣльно. Мы не можемъ заняться здѣсь изслѣдованіемъ того, въ какой мѣрѣ участвовали въ соціальной оцѣнкѣ и признаніи материнства оба эти фактора, т. е. положеніе мужчины, какъ кормильца, или, иными словами, экономическая зависимость женщины, и въ какой — религіозно-нравственныя представленія. Несомнѣнно только одно (и, какъ логическое слѣдствіе патріархальнаго обще-

Фотогр. изд. Ф. Брукмана въ Мюнхенѣ.

Рис. 393. Семейный портретъ.
(По картинѣ Корнелія де Восъ.)

ственнаго строя, вполнѣ естественно), — что оба фактора участвовали въ созданіи несостоятельныхъ съ нормально-человѣческой точки зрѣнія различій между брачнымъ и внѣбрачнымъ, почтеннымъ и позорнымъ материнствомъ, — различій и противоположеній, которыя и теперь еще царятъ въ нашемъ соціальномъ мышленіи и чувствованіи и выражаются въ нашихъ соціальныхъ и правовыхъ установленіяхъ. Во всѣ эпохи мы видимъ, что женщина (особенно правящихъ и привилегированныхъ классовъ, которымъ многочисленное потомство обезпечиваетъ имущество для будущихъ поколѣній и, путемъ вліятельныхъ связей, общественное положеніе и почетъ — рис. 393) пріобрѣтаетъ, благодаря брачному материнству, даже самому несовершенному, высоко-почтенное положеніе въ семьѣ и въ обществѣ, и этому почету вполнѣ соотвѣтствуетъ презрѣніе, которое выпадаетъ на долю безплодной женщины, не исполнившей единственной цѣли своего существованія, которую на болѣе низкой ступени куль-

турнаго развитія мужъ даже въ правѣ былъ прогнать. И мы видимъ съ другой стороны, что внѣбрачное материнство, хотя бы и самое совершенное физически и духовно, обрекаетъ женщину на позоръ и всеобщее поношеніе, при чемъ этотъ позоръ, неизгладимое „пятно рожденія", переносится и на ребенка, хотя бы нѣжно-любимаго и удачнаго (рис. 394). Но изъ этого неоспоримо вытекаетъ, что не материнство, какъ таковое, и не затрата труда и силъ каждой отдѣльной женщины-матери опредѣляетъ собой соціальную цѣнность материнства, а единственно усмотрѣніе и соціальное положеніе мужа; и что, слѣдовательно, женщина даже въ этой основной, присущей ей области, обусловленной самымъ поломъ ея, въ этой единственной области, отмежеванной ей закономъ и правами, которой ограничены всѣ ея человѣческія и индивидуальныя силы и способности, — даже въ ней она считалась и считается не отдѣльной полноправной личностью, а только придаточнымъ существомъ, частью мужчины.

Всеобщее презрѣніе къ женщинѣ, дерзнувшей осуществить единственную цѣль своего существованія безъ законной санкціи мужчины и мужского государства, это безспорно самая несостоятельная моральная несообразность, поношеніе внѣбрачной матери и ея ребенка — самая жестокая изъ всѣхъ несправедливостей, въ которыхъ повиненъ патріархальный общественный строй, и — наряду съ проституціей — самое безобразное позорное пятно нашей цивилизаціи. Въ милліонахъ случаевъ оно превратило счастье материнства въ страшную трагедію, въ проклятіе, осыпало человѣчество цѣлыми горами экономическаго и душевнаго горя, страданій, отчаянія и преступленій. И этотъ неисчерпаемый источникъ человѣческихъ страданій — неисчерпаемый потому, что его питаетъ всемогущій природный инстинктъ и человѣческому произволу его не преодолѣть — можетъ изсякнуть только вмѣстѣ съ исчезновеніемъ патріархальнаго строя и даже превратиться въ источникъ счастья.

Знаменательные шаги къ реформѣ положенія, сдѣлавшагося совершенно несостоятельнымъ, обнаруживаются уже и теперь. Когда экономическія условія затруднили возможность брака для все большихъ и большихъ круговъ, отодвинули все больше возрастъ вступленія въ бракъ и толкнули все большія и большія толпы женщинъ на борьбу во имя насущнаго хлѣба для себя и своихъ дѣтей, — вопросъ внѣбрачнаго материнства сталъ также все болѣе и болѣе жгучимъ соціальнымъ вопросомъ, и великое горе не могло не разбудить, наконецъ, и соціальную совѣсть.

Вотъ почему усилія и старанія всевозможныхъ обществъ „защиты матерей" направлены съ тѣхъ поръ не на „спасеніе падшихъ", а на подъемъ экономическаго, правового и соціальнаго положенія внѣбрачной матери и ея ребенка и на постепенное устраненіе въ общественномъ мнѣніи пятна внѣбрачнаго рожденія. И если этотъ послѣдній выводъ, сдѣланный пока только въ теоріи, соціальное признаніе и равноправіе свободнаго брака и материнства въ буржуазномъ обществѣ исповѣдуется пока немногими, — все же можно съ увѣренностью предсказать, что будущее развитіе пойдетъ именно въ этомъ направленіи; и съ такой же увѣренностью, конечно, можно предсказать, что

теорія найдетъ свое практическое примѣненіе только при условіи полной экономической эмансипаціи женщины.

Но каковы бы ни были обстоятельства, — всегда будетъ принципіально и практически непріемлемъ тотъ взглядъ на свободное материнство, который совсѣмъ не принимаетъ въ разсчетъ отца въ будущей семьѣ, имѣющей состоять изъ матери и ребенка, какъ мечтаютъ иные неумѣренно радикальные преобразователи, готовые выплеснуть воду изъ ванны, забывъ о ребенкѣ, оставшемся въ ней.

Фотогр. изд Ф. Брукмана въ Мюнхенѣ.

Рис. 394. Изгнаніе Агари.

(По картинѣ Адр. ванъ деръ Верфъ).

Наоборотъ, можно допустить, что при условіи экономической и моральной независимости матери не только станетъ все больше и больше правиломъ длительная и прочная совмѣстная жизнь между мужчиной и женщиной, но и будетъ лучше, чѣмъ теперь, охранено право ребенка на настоящаго отца, т. е. наиболѣе подходящаго духовно и физически. И женщина, болѣе свободная экономически и морально, долгъ которой дать своему ребенку такого настоящаго отца, гораздо лучше сумѣетъ управлять при выборѣ мужа своими, часто обманчивыми „влеченіями сердца", благоразумно осмотрительная въ интересахъ потомства, — чѣмъ женщина, нуждающаяся въ покровителѣ и кормильцѣ. Когда будетъ исключенъ экономическій вопросъ изъ отношеній между полами, только тогда женщина снова получитъ возможность свободнаго выбора вообще и этимъ будутъ снова возстановлены первоначальныя естественныя отношенія, въ которыхъ и человѣческій подборъ отвелъ рѣшающую роль женщинѣ. Вернуть снова почетное мѣсто этому естественному подбору и въ человѣческой расѣ, подбору, основанному на познаніи и сознаніи отвѣтственности, послѣ утраты инстинкта подъ

вліяніемъ цивилизаціи, — это будетъ даже благороднѣйшей задачей будущаго освобожденнаго материнства и пріобрѣтеніемъ, все значеніе котораго въ дѣлѣ развитія и облагороженія расы и учесть невозможно.

И юридическое признаніе материнства остается еще въ полномъ согласіи съ его соціальной оцѣнкой. Въ предыдущей главѣ указывалось уже на то, что въ большинствѣ культурныхъ странъ (по крайней мѣрѣ въ тѣхъ, которыя еще исключаютъ женщинъ изъ законодательства) замужняя мать не имѣетъ при жизни мужа безповоротнаго законнаго вліянія на своего ребенка. Хотя въ германскомъ гражданскомъ законодательствѣ семейное право и представляется формально нѣсколько болѣе прогрессивнымъ, такъ какъ говоритъ не объ одной только отцовской, но о родительской власти, — все же фактически дѣло сводится только къ другому слову, а сущность остается та же, потому что осуществить эту родительскую власть имѣетъ право только отецъ. Правда, наряду съ нимъ мать также имѣетъ право и обязанность заботиться о личности ребенка, но юридическаго представительства она не имѣетъ, и въ случаяхъ разногласія по вопросамъ воспитанія, выбора карьеры и т. под. рѣшающій голосъ принадлежитъ при всякихъ условіяхъ отцу. Послѣ его смерти (и это уже дѣйствительно крупный прогрессъ), а также въ случаяхъ бездѣйствія отцовской власти изъ-за временнаго отсутствія его, родительская власть безпрекословно и безъ всякихъ ограниченій переходитъ къ матери, — но тоже не въ силу юридическаго признанія материнской власти: мать является при этомъ до извѣстной степени замѣстительницей отца. Что законодатель стоялъ именно на этой точкѣ зрѣнія, это видно, между прочимъ, уже изъ того, что даже послѣ расторженія брака, при которомъ отецъ былъ признанъ виновной стороной и дѣти были присуждены матери, — отецъ все же сохраняетъ въ полномъ объемѣ свою власть надъ ними; затѣмъ, если онъ изъ-за преступныхъ дѣяній, вслѣдствіе которыхъ былъ расторгнутъ бракъ, лишился своей родительской власти, — то эта власть переходитъ не къ матери, а къ третьему лицу, къ опекуну, особо назначаемому для такого спеціальнаго случая. Такимъ образомъ, несмотря на нѣкоторыя практическія уступки, которыхъ невозможно было не сдѣлать, прилагается все же тревожное стараніе — сохранить во что бы то ни стало патріархальный принципъ. Это сказывается еще ярче въ правовомъ положеніи незамужней матери по отношенію къ ребенку.

Даже здѣсь совсѣмъ нѣтъ рѣчи о какой-либо „материнской власти“, хотя ребенокъ (независимо отъ обязанности внѣбрачнаго отца содержать или поддерживать его до 16-лѣтняго возраста) въ этомъ случаѣ предоставленъ исключительно матери и ея родственникамъ. При всевозможныхъ условіяхъ внѣбрачному ребенку назначается законный опекунъ, и только въ особо исключительныхъ случаяхъ этимъ опекуномъ можетъ быть назначена сама мать. Правда, при существующемъ положеніи вещей подобная мѣра можетъ быть довольно часто признана разумной въ интересахъ дѣтей и общества, вслѣдствіе умственно-нравственнаго уровня и экономическаго положенія большинства незамужнихъ матерей; и современныя учрежденія общинно-организован-

ныхъ коллективныхъ или профессіональныхъ опекунствъ, пріобрѣтающія, повидимому, все больше и больше правъ гражданства въ Германіи, вполнѣ отвѣчаютъ современнымъ общественнымъ понятіямъ и общественной потребности,—поскольку это касается дѣтей, лишенныхъ настоящаго материнскаго попеченія и нуждающихся въ дѣйствительномъ законномъ покровительствѣ со стороны чужихъ лицъ, прежде всего для защиты отъ собственнаго отца. Но когда эта мѣра примѣняется ко всякому внѣ-

Фотогр. изд. Фр. Ганфштенгля въ Мюнхенѣ.

Рис. 395. Материнскія обязанности.

(По картинѣ Питера де Гоха.)

брачному ребенку безъ различія, направленная противъ внѣбрачной матери, какъ таковой, лишая ее даже тѣхъ скудныхъ правъ, которыми пользуется брачное материнство, исключительно изъ-за отсутствія брачнаго свидѣтельства,—тогда въ ней можно видѣть только соціально вредное явленіе и узаконенное безправіе внѣбрачнаго материнства, что представляетъ рѣзкое противорѣчіе упомянутымъ современнымъ стремленіямъ къ защитѣ матерей.

Зато тѣмъ больше слѣдуетъ привѣтствовать всѣ тѣ стремленія и юридическія реформы, которыя имѣютъ цѣлью усилить обязанности и отвѣтственность внѣбрачнаго отца не только въ пользу ребенка, но и въ пользу матери — и установить равноправное положеніе внѣбрачнаго ребенка съ брачными дѣтьми также и по отношенію къ отцу.

Такимъ образомъ, мы и въ этой области встрѣчаемъ неустанныя исканія и борьбу за новыя, лучшія формы, послѣ того какъ старыя оказались непригодными и несостоятельными, несовмѣстимыми съ измѣнившимися условіями жизни, съ новымъ общественно-нравственнымъ духомъ. И если при этомъ нерѣдко новымъ виномъ наполняются старые мѣхи, если, съ другой стороны, кое-гдѣ выстрѣлъ попадаетъ мимо цѣли, по крайней мѣрѣ ближайшей, и иной разъ указываются непроходимые пути,—все это отнюдь не должно тревожить.

Всѣ эти явленія доказываютъ только то, что нигдѣ проволочка не имѣетъ такой силы, нигдѣ не такъ труденъ переворотъ въ мышленіи, какъ именно въ этой области, — но что все же всѣми признана необходимость создать другія, новыя основы для материнства, соотвѣтствующія измѣнившимся матеріальнымъ и духовнымъ основамъ общества, — чтобы оно могло надлежащимъ образомъ выполнить свои задачи и въ отношеніи поднявшагося выше человѣчества, оказаться достойнымъ той высшей культурной миссіи, которая передана въ руки матерей.

Самаго ядра, истинной сущности материнства, никогда не задѣнутъ эти необходимыя экономическія, соціальныя и правовыя реформы, ничего не въ силахъ будутъ измѣнить эти измѣнившіеся внѣшнія формы и методы въ глубочайшей сущности женщины, какъ матери. Это такъ же непреложно и неизмѣнно, какъ законъ природы — это и есть законъ природы. Страхъ смерти, сознательно или безсознательно владѣющій человѣческой жизнью, тотъ страхъ, который ищетъ для себя опоры и утѣшенія въ идеѣ безсмертія души, жизни за гробомъ, то чувство, которое должно представляться болѣе или менѣе зрѣлому сознанію чѣмъ-то большимъ, чѣмъ соломинка, за которую хватается утопающій,—этотъ страхъ смерти, царящій надъ нашимъ мышленіемъ, лежащій въ основѣ всѣхъ нашихъ религіозныхъ представленій, находитъ себѣ единственный естественный противовѣсъ въ неисчерпаемомъ источникѣ жизни и любви, какимъ является материнство. Въ лицѣ ребенка, происшедшаго отъ нея, какъ часть ея самой, въ цвѣтущемъ продолженіи ея собственнаго существа матери дано истинное воскресеніе плоти, безконечный рядъ новыхъ и новыхъ поколѣній ея крови обезпечиваетъ ей вѣчную жизнь. Какъ мать, женщина остается побѣдительницей даже надъ смертью.

Такъ было всегда и такъ будетъ всегда. Въ материнствѣ сливаются воедино оба могущественнѣйшихъ инстинкта — самосохраненія и сохраненія вида. Все, что дѣлаетъ мать для ребенка, она дѣлаетъ для себя самой, его страданія и радости она воспринимаетъ какъ свои, въ его жизни она снова переживаетъ свою собственную жизнь. Всѣми дѣлами своими — и самыми простыми, и самыми сложными и трудными, — въ наивысшемъ счастьѣ и въ глубочайшемъ горѣ материнство обнимаетъ границы человѣчества. Если взглянуть съ этой точки зрѣнія,—нѣтъ такой обязанности и такого дѣла, которыя были бы для женщины, какъ матери, слишкомъ велики и возвышенны или слишкомъ мелки и низменны. Отвѣтственность матери за физическое и духовное благо и процвѣтаніе ребенка возвышаетъ и преображаетъ даже обыкновеннѣйшія движенія, дѣлаетъ даже противное и отталкивающее

естественнымъ и даже милымъ. Пусть эта добросовѣстная мать на картинѣ голландскаго художника, написанной съ восхитительнымъ реализмомъ (рис. 395), удаляющая насѣкомыхъ изъ волосъ ребенка, вызоветъ улыбку у современнаго зрителя, выросшаго въ понятіяхъ гигіенической опрятности, — какъ мать, она заслуживаетъ къ себѣ не менѣе серьезнаго отношенія и не меньшаго уваженія, чѣмъ представительница высшей культуры, современная молодая женщина и мать съ одухотвореннымъ выраженіемъ лица (рис. 389), которая личнымъ надзоромъ за учащимися дѣтьми можетъ принимать непосредственное живое участіе и въ духовномъ развитіи и ростѣ своихъ дѣтей.

Рис. 396. Ніобея.

Вѣдь и та, и другая исполняютъ, сообразно потребностямъ и культурному уровню своего времени, непреложную, вѣчную материнскую обязанность передъ своимъ ребенкомъ, которому она служитъ прибѣжищемъ и высшей инстанціей во всѣхъ опасностяхъ, во всѣхъ крупныхъ и мелкихъ горестяхъ, и при нормальныхъ условіяхъ продолжаетъ служить и тогда, когда ребенокъ уже давно выросъ изъ ея заботъ и попеченій и перерос ъ ее самое.

Чтобы это такъ сложилось, чтобы созданное ею стало во всѣхъ отношеніяхъ „больше, чѣмъ создавшіе его“ — въ этомъ заключается пламенное желаніе и тайная страстная жажда каждой матери, и если это осуществляется, это можетъ вознаградить за всѣ собственныя тяжкія разочарованія, даже за испорченную личную жизнь. Но если это осуществленіе является не только утѣшеніемъ въ собственномъ отреченіи, не поздней наградой за тяжелыя материнскія жертвы, а дается, какъ свободный даръ боговъ, свободной личности матери, — тогда это для женщины высшая вершина материнскаго, человѣческаго счастья. Въ этомъ смыслѣ надо понимать и всю стихійную, чисто инстинктивную психологію молодого материнства. „Любить и быть счастливой умѣетъ только мать“, — потому что въ лицѣ маленькаго, безпомощнаго человѣческаго существа она безсознательно прижимаетъ

къ груди облекшіяся плотью и кровью собственныя свои надежды на будущее, потому что одновременно съ нимъ она питаетъ своей кровью всѣ безпредѣльныя возможности развитія человѣчества.

По снимку Браунъ, Клементъ и К°, Дорнахъ.

Рис. 397. Портретъ художницы и ея дочери.
(По картинѣ Э. Виже-Лебрэнъ.)

Этой вершинѣ человѣческаго счастья, которую судьба даетъ достигнуть женщинѣ-матери, соотвѣтствуетъ и глубочайшее человѣческое горе, которое также составляетъ ея привилегію: когда ея страстное желаніе не осуществляется и лучшія ея надежды на будущее становятся мукой или позоромъ, причиненнымъ любимымъ ребенкомъ. Народная поэзія и миѳологія полны скорб-

ныхъ образовъ вѣковѣчнаго материнскаго горя, соединяя съ гибелью ребенка ужасныя представленія о неискупимой винѣ, о гнѣвѣ, проклятіи и мести боговъ. Трагическій образъ Ніобеи (рис. 396), которой суждено было видѣть своими глазами убійство своихъ цвѣтущихъ дѣтей, скорбная страдалица Марія остались навсегда типичными примѣрами безмѣрнаго, безпредѣльнаго материнскаго горя, и судьба ихъ будетъ вѣчно потрясать сердце и простой женщины изъ народа, и женщины, стоящей на высшихъ ступеняхъ жизни и развитія, наполняя ужасомъ и тревогой передъ такой судьбой душу самой счастливой матери.

Рис. 398. Надзирательницы сиротскаго дома въ Гаарлемѣ.
(По картинѣ К. Э. Фершпронка.)

По этимъ простымъ, намѣченнымъ самой природой, основнымъ линіямъ всегда будетъ создаваться сущность материнской души, и жизнь матери будетъ протекать въ радости и горѣ. Но помимо уже упомянутыхъ видоизмѣнившихся и все болѣе и болѣе видоизмѣняющихся внѣшнихъ формъ и условій, — въ сложной совокупности материнскихъ переживаній звучатъ уже теперь новыя струны, обѣщающія въ будущемъ еще болѣе богатые и прекрасные звуки и знаменующія обогащеніе материнства и избавленіе отъ того мученичества, корни котораго таятся не въ ея внутренней сущности, а именно въ этихъ внѣшнихъ формахъ и условіяхъ. Наша эпоха, требующая права личности для всѣхъ, включая и женщинъ, не могла не провозгласить и требованіе „ребенка и труда“, потребовавъ этимъ и для матери права на развитіе и приложеніе ея индивидуальнѣйшихъ личныхъ способностей, наряду съ ея материнскими задачами, — права стать отдѣльнымъ, цѣльнымъ человѣкомъ, оставаясь въ

то же время и матерью, что было доступно до сихъ поръ только немногимъ избраннымъ. Понадобятся еще крупные экономическіе и соціальные перевороты, прежде чѣмъ для массы женщинъ осуществится не только это требованіе, но даже его идеалъ; но что развитіе идетъ въ этомъ направленіи, — это не подлежитъ никакому сомнѣнію. Можно сказать даже, что успѣшно пробивающееся впередъ по всей линіи женское движеніе представляетъ собой побѣдоносную борьбу за эту новую материнскую личность женщины. Теперь мы еще и учесть не можемъ всѣхъ новыхъ счастливыхъ возможностей, которыя откроются тогда для матери и ребенка, когда материнство не потребуетъ больше отреченія отъ какихъ-нибудь индивидуальныхъ человѣческихъ правъ, когда всестороннее развитіе человѣческой личности матери, вѣчно отдающейся, откроетъ, наоборотъ, новые источники силы и богатства для ея ребенка. Чарующимъ обѣтованіемъ этого новаго высшаго материнства и въ то же время его живымъ воплощеніемъ встаетъ передъ нами портретъ художницы Виже-Лебрэнъ и ея ребенка (рис. 397). Полное, богатое, безмятежное счастье сквозитъ въ прекрасномъ лицѣ этой молодой матери и въ то же время талантливой художницы, — блаженное чувство любовной защищенности читается въ глазахъ дѣвочки, обнимающей своими маленькими ручками цѣлый богатый міръ.

Новая эра материнства, которую одна извѣстная англійская дѣятельница справедливо назвала „организованнымъ материнствомъ“ (organized motherhood), еще и въ другомъ смыслѣ занимаетъ современное женское движеніе. Она заключается въ томъ, чтобы сдѣлать материнскія чувства женщины, ограниченныя до сихъ поръ крохотнымъ кругомъ собственныхъ дѣтей, достояніемъ общества, человѣчества; чтобы пролить силу материнскаго вліянія женщины, сказывавшагося и до сихъ поръ въ извѣстныхъ предѣлахъ чрезъ ея вліяніе въ семьѣ, но только косвенно и крайне недостаточно, — во всемъ его объемѣ и непосредственно и во всѣхъ областяхъ, какъ въ рамкахъ семьи, такъ и внѣ ихъ, въ общественной жизни, въ государствѣ и въ обществѣ; и — прежде всего — употребить съ пользой своеобразный женственно-материнскій душевный складъ тѣхъ женщинъ, которыя лишены личнаго материнства (незамужнихъ, число которыхъ все больше и больше возрастаетъ, особенно въ высшихъ кругахъ, и бездѣтныхъ), на дѣло материнскаго попеченія о тѣхъ народныхъ слояхъ, которые всего больше въ немъ нуждаются въ своей тяжелой борьбѣ за существованіе.

Правда, это материнское чувство, жизнеохраняющая сила женщины могла находить для себя исходъ во всѣ времена съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ организованная человѣческая общественная жизнь, но, сообразно взглядамъ и общественному укладу минувшихъ временъ, она могла выражаться только въ дѣлахъ благотворительности и милосердія (рис. 398). Спеціальной задачей женщинъ признавалось даже издавна — залѣчивать ласковой рукой раны, полученныя внѣ дома въ суровой борьбѣ за существованіе, утѣшать несчастныхъ и одинокихъ, ходить за больными, кормить голодныхъ. Всего лучше умѣла всегда организовать и образцово употребить въ дѣло эти материнскія способности одинокихъ женщинъ на общее благо — церковь. Нельзя

и оцѣнить въ достаточной мѣрѣ все значеніе культурной работы, которая производилась въ женскихъ монастыряхъ въ области, напр., воспитанія, попеченія о больныхъ, бѣдныхъ и сиротахъ. Но тѣ, кто производили эту работу, дѣлали это, — сообразно пассивному положенію женщины и какъ матери семейства, — большей частью не по собственной свободной волѣ, а только какъ орудіе въ рукахъ высшей власти, по велѣнію церкви, обѣщавшей имъ за это небесную награду. Современная же женщина, добивающаяся права создать свое личное материнство по собственному усмотрѣнію и по личному желанію, хочетъ, чтобы и материнскія дѣла ея на пользу общества также отправлялись подъ условіемъ самоопредѣленія и свободнаго опредѣленія со стороны этого общества. И отдаетъ она свои материнскія силы на служеніе обществу не какъ „добрыя дѣла“, которыя обезпечили бы ей въ будущемъ почетное мѣсто на томъ свѣтѣ, а какъ непреложный соціальный долгъ, вытекающій изъ новаго сознанія соціальной отвѣтственности. Самая же существенная разница между тѣмъ, что было нѣкогда, и тѣмъ, что теперь, заключается въ томъ, что она видитъ свою главную задачу (и въ личномъ, и въ этомъ общественномъ материнствѣ) не въ облегченіи физическихъ и душевныхъ страданій тѣхъ, которые довѣрены ея материнскому попеченію, и не въ исцѣленіи ихъ по возможности, — а въ стремленіи и усиліяхъ устранить **причины** этихъ страданій. По понятіямъ новаго общественнаго материнства женщины, это значитъ, что она стремится создать такія экономическія и соціальныя условія и такія правовыя нормы, которыя дали бы каждому отдѣльному индивидууму возможность здороваго раз-

По фотогр. Дж. Смита въ Лондонѣ.

Рис. 399. Caritas.
(По картинѣ Г. Уатта.)

Т-во „Просвѣщеніе“ въ Спб.

Милосердіе.

(По фотографіи Нов. Фотогр. Общества въ Берлинѣ.)

витія, соотвѣтствующаго его природнымъ свойствамъ, и достойнаго человѣка существованія.

Вполнѣ естественно, что эта болѣе широкая материнская дѣятельность современной женщины распространяется прежде всего и преимущественно на ея собственный полъ: вѣдь въ нынѣшнихъ общественныхъ установленіяхъ онъ почти во всѣхъ областяхъ оказывается обдѣленнымъ по сравненію съ мужскимъ поломъ, — независимо даже отъ того спеціальнаго конфликта, который создается именно въ наше переходное время, подъ новыми формами производства, между естественными материнскими обязанностями и новыми культурными обязанностями женщины. Но если на первыхъ порахъ задача помощи товарищу-женщинѣ и сводится еще часто къ защитѣ ея, какъ болѣе слабой и менѣе способной къ сопротивленію, то все же всякая соціальная работа женщины на пользу женщины стремится къ тому, чтобы воспитать ее въ духѣ самопомощи и помочь ей достигнуть экономической и духовной возможности защитить себя самое и взять свою дальнѣйшую судьбу въ свои собственныя руки, — и это также въ духѣ современнаго взгляда на материнскія воспитательныя обязанности женщины въ отношеніи ея собственныхъ кровнородныхъ дѣтей.

По фотогр. А. Жиродонъ въ Парижѣ.

Рис. 400. Св. Женевьева.

(По фрескѣ Пуви де-Шаванна въ Пантеонѣ въ Парижѣ.)

Во всевозможныхъ соціальныхъ стремленіяхъ, преслѣдующихъ общее благо, въ тысячахъ организацій — областныхъ, національныхъ и международныхъ, сплетающихся между собой и протянувшихся частой сѣтью по всему культурному міру, уже и теперь сказывается это духовное материнство современной женщины, этотъ образъ „Caritas“ двадцатаго столѣтія (см. рис. 399 и скульптуру на отд. табл.). Даже правящая государственная власть все больше и больше склоняется уже къ тому взгляду, что безъ материнскаго вліянія не можетъ больше обойтись и общественная жизнь. Привлеченіе женщинъ на государственную и общественную службу, къ участью въ воспитательномъ и школьномъ дѣлѣ, въ попечительствахъ о бѣдныхъ и сиротахъ, въ народномъ представительствѣ и законодательствѣ — означаетъ не что иное, какъ побѣдоносное вступленіе духа и сущности материнства въ жизнь общества и человѣчества, — того духа, который угадала

безсознательнымъ, ясповидящимъ инстинктомъ народная душа, когда чтила во всѣ времена ангела-хранителя общественности, воплощеннаго въ строгомъ женскомъ образѣ, отъ Аѳины Паллады до св. Женевьевы, покровительницы города Парижа (рис. 400).

Въ странахъ съ старой культурой этотъ переворотъ совершается медленнѣе, въ культурахъ болѣе молодыхъ и свободныхъ отъ традиціонныхъ цѣпей, разумѣется, быстрѣе, — но совершается онъ всюду безповоротно и неудержимо.

Эта побѣда материнскаго духа въ жизни общества не только приведетъ къ нормальному, здоровому равновѣсію весь міръ, бывшій такъ долго исключительно міромъ мужчины, — она освободитъ также материнство каждой отдѣльной женщины отъ ея экономическихъ и духовныхъ оковъ, вознесетъ ее на болѣе высокую ступень и обезпечитъ ей и въ дѣйствительной жизни то достоинство и то уваженіе, которымъ ее окружали до сихъ поръ только въ поэзіи, въ мірѣ идеала. И для общества, и для самихъ матерей, и для каждаго отдѣльнаго индивидуума осуществятся съ возвысившимся материнствомъ будущаго пророческія слова Шарлотты Перкинъ-Стетстонъ: „Когда матери человѣчества станутъ свободными людьми, — мы будемъ жить въ лучшемъ мірѣ!“

Глава двѣнадцатая.

Женщина вдова.

(Прив.-доц. д-ръ Юлій Вейссъ, Вѣна.)

Если для мужчины вдовство сопряжено съ тяжелыми заботами о хозяйствѣ и уходомъ за дѣтьми, зато на женщину вдовство налагаетъ еще болѣе тяжелыя заботы о средствахъ къ жизни. Лишившись со смертью мужа кормильца, она, привыкшая къ опорѣ и помощи, оказывается вдругъ одинокой, покинутой и безпомощной. Скульптура Вандшнейдера (рис. 401) краснорѣчивѣе всякихъ словъ говоритъ намъ о томъ, какъ скорбь охватываетъ все существо вдовы. Даже въ наше время, когда множество женщинъ имѣетъ свой самостоятельный заработокъ, очень рѣдки все же случаи, когда женщина оказывается въ состояніи содержать послѣ смерти мужа себя и своихъ дѣтей съ помощью самостоятельнаго дѣла или продолжая прежнія занятія. Когда прежній заработокъ получался отъ какого-нибудь торговаго предпріятія, это устраивается сравнительно легко: большей частью въ подобномъ случаѣ женщина еще при жизни мужа болѣе или менѣе ознакомилась съ дѣломъ, въ большинствѣ случаевъ даже помогала вести его, такъ что и оставшись вдовой она имѣетъ возможность продолжать вести его съ помощью служащихъ (управляющаго, приказчиковъ и пр.). И дѣйствительно, часто встрѣчаются женщины, оказывающіяся способными вести съ рѣдкой энергіей даже крупныя фабричныя предпріятія. Печальное положеніе бываетъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда женщина при жизни мужа никогда не интересовалась дѣломъ, а была поглощена только своими обязанностями хозяйки и матери или же вела свѣтскій образъ жизни. Тогда, если на помощь ей не явится какой-нибудь родственникъ мужчина, ей остается отдаться на произволъ сотрудничества чужихъ людей, которымъ ей приходится платить и довѣряться и которые, конечно, больше заботятся о своей собственной выгодѣ.

Вдовъ чиновниковъ спасаетъ отъ самой острой нужды пенсія; правда, эта пенсія, особенно та, на которую могутъ разсчитывать мелкіе чиновники, — довольно скудныхъ размѣровъ и обыкновенно ея едва хватаетъ на удовлетвореніе необходимѣйшихъ и неотложнѣйшихъ нуждъ. Обыкновенно такія вдовы, если мужъ умеръ молодымъ, не имѣютъ возможности дать своимъ малолѣтнимъ дѣтямъ дорого стоющаго образованія, а вынуждены позаботиться о томъ, чтобы дѣти возможно раньше и скорѣе начали сами зарабатывать. Каждый день случается, что такія вдовы вынуждены

прервать пачатое дѣтьми среднее или даже высшее образованіе и приспособить ихъ къ заработку, хоть скудному, но достаточному для удовлетворенія необходимѣйшихъ нуждъ.

Въ самомъ печальномъ положеніи оказываются тѣ вдовы, умершіе мужья которыхъ добывали средства къ жизни семьи своимъ личнымъ трудомъ, — умственнымъ ли или физическимъ. Не шевелятся больше отработавшія руки, не работаетъ больше неустанно творившій мозгъ — и изсякъ безвозвратно денежный источникъ, поддерживавшій жизнь жены и дѣтей. Задумчиво смотритъ молодая вдова, поникнувъ головой, въ темное, невѣдомое будущее, и на губахъ ея можно прочесть, какъ на картинѣ Бюхтгера (рис. 402), нѣмой вопросъ: что будетъ теперь?

Рис. 401. Печаль.
Скульптура В. Вандшнейдера.

Маленькія сбереженія, если они и бываютъ, поглощаются очень быстро, а иногда ихъ едва хватаетъ на покрытіе расходовъ по погребенію. Такимъ бѣднымъ женщинамъ остается большей частью разсчитывать на помощь сострадательныхъ людей или же собрать всю энергію и броситься на поиски заработка, какъ ни трудно его найти и какъ ни скудно онъ можетъ прокормить. Нужда и горе постигаютъ вдову рабочаго, мелкаго ремесленника, частнаго служащаго, но порой также и вдову врача, адвоката, художника и подобныхъ тружениковъ.

Долгъ каждаго мужчины, вступающаго въ бракъ, предотвратить возможность такого положенія. Устраивать семью, не имѣя необходимыхъ средствъ къ существованію, и не только средствъ на удовлетвореніе непосредственныхъ нуждъ, но и для предотвращенія возможности черныхъ дней — это, прежде всего, преступное легкомысліе. Даже человѣкъ молодой, жизнерадостный, брызжущій здоровьемъ и энергіей обязанъ помнить о возможности смертельной болѣзни или непредвидѣннаго несчастнаго случая. Къ сожалѣнію, очень часто мужчины, пользующіеся крупными доходами, ведутъ комфортабельную, даже роскошную жизнь, проживаютъ все, что зарабатываютъ, и никогда не задумываются о возможности того, что сами они, работники и кормильцы семьи, могутъ быть внезапно застигнуты смертью.

Всевозможные виды страхованія жизни даютъ возможность даже человѣку съ самымъ скромнымъ заработкомъ обезпечить

своей женѣ и дѣтямъ по крайней мѣрѣ средства для пропитанія на случай неожиданной смерти. Напримѣръ, прусскій союзъ чиновниковъ обезпечиваетъ вдовѣ пожизненную сумму въ 6,000 марокъ въ годъ, при условіи взноса страховой преміи, сообразно возрасту, въ размѣрѣ 73 $^1/_2$ марокъ, 85 $^1/_2$, 99, 117, 139 $^1/_2$ и 171 м. за три мѣсяца.

Рис. 402. Вдова.
(По картинѣ Роб. Бюхгера.)

Существуетъ много различныхъ видовъ сраховація жизни. Бываетъ страхованіе просто на случай смерти, т. е. застрахованная сумма уплачивается только послѣ смерти застрахованнаго лица, или же смѣшанное страхованіе жизни, т. е. такая форма, при которой застрахованная сумма уплачивается либо по достиженіи извѣстнаго возраста, либо въ случаѣ смерти ранѣе этого возраста. Взносы, которые дѣлаетъ страхующееся лицо страховому обществу, называются преміей.

Премія можетъ быть единовременной, пожизненной или ограниченной извѣстнымъ числомъ лѣтъ. Если страхующійся пережилъ это установленное число лѣтъ, онъ прекращаетъ дальнѣйшую уплату преміи. Всякому желающему застраховаться слѣдуетъ предварительно подробно ознакомиться съ условіями страхованія. Существуютъ страховыя общества, ставящія уплату застрахованной суммы въ зависимость отъ извѣстныхъ условій. Такъ, напримѣръ, страхующееся лицо не въ правѣ сокращать свою жизнь ни умышленно, ни по легкомыслію (пьянство, отчаянный рискъ жизнью, самоубійство, дуэль и т. п.), при заявленіи о своемъ желаніи застраховаться не въ правѣ также скрыть случай перенесенной прежде болѣзни. Большинство страховыхъ обществъ отбрасываютъ обыкновенно, по истеченіи извѣстнаго срока страхованія, всѣ эти ограничительныя условія, — такъ что уплачиваютъ, напримѣръ, застрахованную сумму даже въ случаѣ самоубійства.

Для менѣе состоятельныхъ классовъ, которымъ не по силамъ болѣе или менѣе крупныя преміи, вносимыя по четвертямъ года и полугодіямъ, существуютъ особые союзы и кассы, въ которые можно вносить еженедѣльно незначительными суммами и застраховаться на случай смерти въ извѣстной суммѣ, которая выдается затѣмъ наслѣдникамъ.

Въ противоположность образу бѣдной вдовы, влачащей жизнь въ горѣ и нуждѣ, картина Н. Дорфа (см. рис. на отд. табл.) рисуетъ намъ вдову зажиточнаго круга, жизнь которой облегчаютъ посѣщенія дѣтей и внуковъ, забытыя игрушки которыхъ виднѣются на убитой щебнемъ дорожкѣ сада.

Богатая вдова, располагающая состояніемъ, пользуется виднымъ положеніемъ и уваженіемъ въ обществѣ. Если она еще молода, ее большей частью окружаетъ толпа мужчинъ, и руки ея добиваются часто усерднѣе, чѣмъ руки молодыхъ дѣвушекъ. Очень удачно уловлено лукаво-чувственное выраженіе въ лицѣ красивой молодой вдовы на знаменитой картинѣ Лесли (рис. 403). Какое-то своеобразное обаяніе влечетъ мужчинъ къ ухаживанію за красивыми вдовами, хотя нѣкоторую роль въ этомъ играетъ, быть можетъ, и ожидаемое приданое.

Въ исторіи извѣстенъ цѣлый рядъ знаменитыхъ вдовъ. Изъ „Пѣсни Нибелунговъ“ мы знаемъ вдову Кримгильду, которая прожила послѣ смерти своего злодѣйски убитаго мужа тринадцать лѣтъ въ глубочайшемъ траурѣ и затѣмъ, послѣ долгаго вдовства, отдала свою руку венгерскому королю Этцелю (Аттилѣ) только для того, чтобы добиться, благодаря этому, возможности отомстить убійцамъ своего перваго мужа Зигфрида. И ей дѣйствительно удается удовлетворить этимъ путемъ свою жажду мести.

Въ римской исторіи больше всего обращаетъ на себя вниманіе вдова Корнелія, образецъ благородной римлянки. Послѣ смерти своего мужа, которому она родила двѣнадцать человѣкъ дѣтей, она всецѣло посвятила себя ихъ воспитанію и даже отвергла египетскаго царя Птоломея, домогавшагося ея руки, чтобы жить только ради дѣтей. Когда ее однажды спросили о ея драгоцѣнностяхъ, она отвѣтила, указывая на своихъ дѣтей: „Вотъ мои драгоцѣнности“. Стойко и мужественно сумѣла она

Мужчина и женщина. I. Т-во „Просвѣщеніе" въ Спб.

Женщина въ траурѣ.

(По картинѣ Н. Дорфа.)

перенести смерть своихъ двухъ знаменитыхъ сыновей, народныхъ трибуновъ Тиверія и Гайя.

Примѣръ исключительнаго душевнаго величія представляетъ намъ римлянка Арія, которая, чтобы не остаться вдовой, сдѣлала своего мужа вдовцомъ. Обращаясь къ осужденному на смерть мужу, она воскликнула: „Non dolet!“ (это не больно), и сама вонзила себѣ въ грудь мечъ.

Фотогр. изд. Фр. Ганфштенгля въ Мюнхенѣ.

Рис. 403. Дядя Томъ и вдова Вадманъ въ караульнѣ. (По картинѣ Лесли.)

Въ эпоху римской имперіи видную роль играла вдова Ливія, дочь Юлія Цезаря, напрягшая всѣ силы, чтобы сдѣлать императоромъ своего сына Тиберія, — того самаго императора Тиберія, о которомъ римскій историкъ Грегоровіусъ говоритъ: „Это былъ страшный судъ всемірной исторіи. Самъ предназначенный къ злу, онъ какъ дьяволъ погибъ вмѣстѣ съ своимъ міромъ и по винѣ его“.

Противницей Ливіи была другая замѣчательная вдова Агриппина, сынъ которой, Калигула, сдѣлался впослѣдствіи преемникомъ Тиберія. Видную роль въ исторіи играла еще вдова Юлія Мэза, которая сначала возвела на римскій императорскій престолъ своего четырнадцатилѣтняго внука Геліогабала (218 г. по Р. Хр.), но когда онъ не захотѣлъ подчиниться правленію своей бабки, она приказала его убить и возвела на престолъ своего другого внука, Александра Севера.

Въ Византіи правила Θеодора, вдова восточно-римскаго императора Теофилія, бывшая регентшей въ царствованіе своего несовершеннолѣтняго сына Михаила III. Она вновь возстановила почитаніе иконъ, упраздненное въ царствованіе ея супруга, и учредила праздникъ православія, празднуемый еще и теперь

Фотогр. изд. Фр. Ганфштенгля въ Мюнхенѣ.
Рис. 404. Марія Медичи.
(По картинѣ А. ванъ-Дейка.)

19 февраля греко-католической церковью. Еще одна вдова Өеодора была возведена на императорскій престолъ около 1042 г. и правила до 1056 г. Съ ея смертью угасла македонская династія.

Не слѣдуетъ смѣшивать этихъ двухъ названныхъ женщинъ съ супругой восточно-римскаго императора Юстиніана I, которая также носила имя Өеодоры. Она была дочерью управляющаго циркомъ, актрисой, танцовщицей и гетерой, потомъ стала возлюбленной и, наконецъ, супругой Юстиніана. Она такъ сумѣла овладѣть имъ, что онъ сдѣлалъ и ее императрицей и правилъ вмѣстѣ съ ней; но она прожила недолго и умерла сравнительно молодой, на сороковомъ году жизни.

Очень вліятельную роль играла во Франціи около 575 года Брунгильда, воцарившаяся послѣ смерти своего супруга и правившая вначалѣ именемъ своего сына, послѣ смерти его именемъ внуковъ и, наконецъ, именемъ правнуковъ, вплоть до 613 года, все время ведя борьбу съ противниками своей власти. Наконецъ, всѣ предводители аристократіи объединились между собой и выступили войной противъ Брунгильды, которая на этотъ разъ потерпѣла пораженіе и умерла ужасной смертью: ее, шестидесятилѣтнюю, привязали къ дикой лошади, которая и расшибла ее на-смерть.

Во французской исторіи слѣдуетъ отмѣтить еще въ эпоху Людовиковъ регентство вдовы Бланки Кастильской, матери Людовика IX. Ея правленіе отличалось цѣлымъ рядомъ благодѣтельныхъ мѣропріятій. Когда сынъ ея взошелъ на престолъ, она также осталась его мудрой совѣтчицей, и ей Людовикъ обязанъ тѣмъ, что его называли „виднѣйшимъ основателемъ наслѣдственной французской монархіи“.

Судьба вдовы Карла VIII французскаго, Анны Бретонской, на которой онъ женился только ради закрѣпленія ея страны за Франціей, служитъ характернымъ примѣромъ того, что браки царствующихъ лицъ часто заключаются только изъ политическихъ соображеній. Когда умеръ Карлъ VIII, вдова его перешла, какъ принадлежность инвентаря, къ его преемнику Людовику VII, чтобы снова упрочить за Франціей владѣніе Бретанью.

Рис. 405. Анна Австрійская.
(По картинѣ П. Миньяра.)

Историческую извѣстность пріобрѣла вдова Іоанна Неаполитанская, внучка Роберта Анжуйскаго. Изъ политическихъ соображеній ее выдали замужъ за Андреа Венгерскаго,

ради соединенія Венгріи съ Неаполемъ, но она вскорѣ приказала задушить Андреа, чтобы остаться самостоятельной правительницей. Въ продолженіе своего регентства она еще три раза вступала въ бракъ, но затѣмъ была свергнута своимъ двоюроднымъ братомъ Карломъ Дураццо, была заключена имъ въ тюрьму и потомъ въ 1362 году, по его приказанію, задушена.

Лукреція Борджіа, дочь папы Александра VI, состояла, по настоянію своего отца, три раза въ бракѣ.

Двѣ женщины изъ знаменитаго рода Медичи сыграли крупную роль въ исторіи Франціи. Катерина Медичи (см. рис. 203 во II томѣ) была вдовою Генриха II французскаго. По смерти своего супруга (въ 1559 г.) и своего старшаго сына Франца II (1560 г.) она сама вступила на престолъ. Необычайно честолюбивая отъ природы, она умѣла приспособиться къ обстоятельствамъ и обезпечить свое владычество хитрой и коварной политикой. Настроенная вначалѣ сочувственно къ гугенотамъ, она потомъ отвернулась отъ нихъ, такъ какъ угадывала, что огромное большинство французскаго народа останется вѣрнымъ католицизму. Съ ея именемъ связаны въ исторіи потоки крови, пролитой въ Варѳоломеевскую ночь. Внѣ политики, Катерина Медичи усердно покровительствовала наукамъ и искусствамъ. Ею былъ заложенъ, между прочимъ, фундаментъ парижскаго королевскаго дворца Тюльери; въ провинціи она также воздвигла много дворцовъ.

Рис. 406. Анна II, королева Англіи.
(По картинѣ Кнеллера.)

Марія Медичи (рис. 404) сдѣлалась французской королевой, благодаря своему браку съ Генрихомъ IV. Когда Генрихъ былъ убитъ въ 1610 году, вдова его сдѣлалась регентшей. Она всецѣло подпала подъ вліяніе клерикальной партіи. Ближайшимъ совѣтникомъ ея сталъ итальянецъ Кончини, мужъ ея камерфрау. Несмотря на то, что сынъ ея былъ объявленъ совершеннолѣтнимъ, она продолжала управлять государственными дѣлами. Только тогда, когда Кончини былъ разстрѣлянъ, она бѣжала, чтобы избѣгнуть той же участи. Спустя два года, она вернулась въ Парижъ и снова стала во главѣ государственнаго совѣта. Она же впослѣдствіи открыла знаменитому Ришелье дорогу къ министерскому посту, но вскорѣ была имъ отстранена отъ управленія государствомъ. Тогда она начала пытаться всѣми мѣрами свергнуть ненавистнаго противника, но всѣ ея планы потерпѣли неудачу, и она въ концѣ концовъ вынуждена была бѣжать изъ Франціи, гдѣ и кончила жизнь въ бѣдности. Какъ и Катерина, она оставила по себѣ добрую память, какъ покровительница наукъ и искусствъ.

Царствованіе Людовика XIV также отмѣчено регентствомъ его матери Анны Австрійской (рис. 405). Вдовствующая коро-

лева избрала министромъ своего фаворита итальянца Мазарини (или Мазарэнъ, какъ называли его на свой ладъ французы). Онъ былъ достойнымъ преемникомъ Ришелье, — какъ и онъ, человѣкомъ выдающихся государственныхъ способностей. Своимъ политическимъ тактомъ онъ сумѣлъ всецѣло овладѣть вдовствующей королевой, такъ что настоящимъ регентомъ былъ, въ сущности, онъ. Когда Мазарини умеръ (въ 1661 г.), Анна удалилась въ монастырь, и тогда государственная власть перешла къ Людовику XIV.

Марія-Терезія Австрійская (рис. 299) царствовала еще пятнадцать лѣтъ вдовой послѣ смерти своего супруга (въ 1765 г.); но онъ и при жизни не имѣлъ права вмѣшиваться въ государственныя дѣла и пользовался только почетнымъ положеніемъ короля-супруга.

Рис. 407. Англійская королева Викторія.

Ея великая современница, русская императрица Екатерина II, вступила на престолъ, благодаря революціонному акту; супругъ ея, Петръ III, вынужденъ былъ отречься и въ томъ же году былъ убитъ. Тридцати трехъ лѣтъ отъ роду, въ расцвѣтѣ красоты, вдовствующая императрица достигла владычества надъ необъятнымъ россійскимъ государствомъ. Всѣми культурными установленіями, какими обладаетъ въ настоящее время Россія, она обязана Екатеринѣ. Она основала убѣжища для бѣдныхъ, воспитательные дома, больницы, она ввела прививку оспы и ревностно покровительствовала наукамъ и искусствамъ. Въ царствованіе ея произошли присоединеніе и раздѣлъ Польши и были покорены обширныя владѣнія.

Безславную роль сыграла въ новой исторіи Англіи Анна II (1702—1714 г. — рис. 406). Супругъ ея, принцъ Георгъ Датскій, умеръ молодымъ, и она осталась на престолѣ вдовой. Историки характеризуютъ ее какъ женщину неспособную, ограниченную, податливую на мелочныя вліянія. Счастьемъ для страны было то, что она нашла въ лицѣ Мальборо выдающагося министра. Но она не остановилась передъ отставкой его, когда его жена какимъ-то пустякомъ прогнѣвала ее.

Новѣйшее время отмѣчено образами двухъ исторически знаменитыхъ вдовъ, — счастливой королевы Англіи, недавно умер-

шей Викторіи (рис. 407), и несчастной, тяжко преслѣдуемой судьбой императрицы Евгеніи (рис. 408), еще живущей вдовы Наполеона III. Викторія дожила до величайшей славы соединеннаго Великобританскаго королевства, ставшаго въ царствованіе ея міровой державой; больше шести десятилѣтій длилось ея царствованіе. Въ качествѣ вдовы, она принимала живое участіе во всѣхъ государственныхъ дѣлахъ и предоставляла своему сыну только обязанности внѣшняго представительства.

Евгенія, дочь испанскаго гранда, сдѣлалась невѣстой и супругой Наполеона III въ то время, когда всѣ его домогательства передъ европейскими дворами потерпѣли крушеніе. Ея красота и обаятельность, проницательный умъ и пламенное честолюбіе дѣлали ее достойной той цѣли, къ которой она стремилась — сдѣлаться французской императрицей. Дѣйствительно, послѣ своей свадьбы Евгенія стала регентшей и всецѣло овладѣла императоромъ; она же вовлекла его въ войну съ Пруссіей. Послѣ катастрофы при Метцѣ она вынуждена была бѣжать изъ Франціи. Во время своего вдовства она принимала участіе во всѣхъ важныхъ событіяхъ, пережитыхъ Франціей. Она стала во главѣ бонапартистской партіи и только тогда совершенно отказалась отъ общественной жизни, когда, со смертью сына, вынуждена была похоронить всѣ свои надежды.

Рис. 408. Императрица Евгенія.

Глава тринадцатая.

Старая дѣва.

(Прив.-доц. д-ръ Юлій Вейсъ, Вѣна).

Старая дѣва представляетъ собой излюбленный комическій образъ юмористическихъ листковъ, старинныхъ комедій, водевилей, сатирическихъ стихотвореній, карикатуръ (ср. рис. 409), — и одно это уже доказываетъ, что въ этой фигурѣ есть что-то смѣшное. Въ чемъ же оно заключается?

Молодая дѣвушка старѣетъ все больше и больше, желанный избавитель отъ дѣвическаго состоянія не является. Пропадаетъ молодая свѣжесть, розовыя щеки блѣднѣютъ, на кожѣ образуются складки и морщинки, густые и пышные волосы, обрамлявшіе прежде прелестное личико, рѣдѣютъ, становятся похожими на парикъ (а иногда къ нему и дѣйствительно прибѣгаютъ), лицо пріобрѣтаетъ угловатыя формы, носъ заостряется, кожа лица пріобрѣтаетъ желтоватый цвѣтъ, губы увядаютъ, шея становится длинной и худой или толстой, какъ будто зобастой. Такимъ образомъ, самая наружность старой дѣвы производитъ часто комическое впечатлѣніе, въ особенности, если она не хочетъ сознаться себѣ самой, что старѣетъ и судорожно старается молодиться, носитъ кокетливыя шляпки, свѣтлыя платьица, ленточки въ волосахъ и тому подобное, подходящее развѣ для подростка, наряжается и прихорашивается, какъ молоденькая дѣвушка 16—17 лѣтъ. А если она при этомъ и держится, какъ наивная дѣвочка, краснѣетъ и стыдливо опускаетъ глаза, когда съ ней заговариваетъ молодой человѣкъ, или когда въ обществѣ заходитъ разговоръ на какую-нибудь болѣе или менѣе естественную тему; если она старается имѣть такой видъ, словно вѣритъ

Изъ кн. „Tobias Knopp“ Вильг. Буша.

Рис. 409. „Аделя“.

еще въ сказку объ аистѣ, громко смѣется не къ мѣсту, ребячится, шалитъ, какъ юная гимназистка, воображаетъ, что всѣ мужчины увиваются за ней, — фигура получается дѣйствительно неимовѣрно комичная, и бѣдную дурочку вышучиваютъ со всѣхъ сторонъ.

Фотогр изд. Новаго Фотогр. общества въ Берлинѣ-Штеглицѣ.
Рис. 410. Весталка.
(Статуя въ Римѣ.)

Однако, не всѣ старыя дѣвы таковы, — бываютъ и такія, которыя покоряются своей судьбѣ; обыкновенно онѣ имѣютъ покорное выраженіе, иногда и печальное; эти тоже жалки, но онѣ никогда не бываютъ смѣшны. Весталки, изображенія которыхъ мы находимъ въ римскихъ музеяхъ, производятъ на зрителя положительно потрясающее впечатлѣніе: выраженіе серьезности, печали и суровости въ ихъ лицахъ производитъ такое изумительное впечатлѣніе, что волнуютъ душу, какъ глубокая, неразрѣшимая загадка (рис. 410).

Нельзя отрицать тотъ фактъ, что незамужняя дѣвушка, не извѣдавшая всю жизнь половыхъ отношеній, старѣетъ раньше, чѣмъ женщина, бывшая замужемъ даже два-три раза, родившая и возростившая много дѣтей и перенесшая много труда и муки, какъ мать и какъ жена. Въ извѣстномъ отношеніи половая жизнь, если она только не предъявляетъ изнуряющихъ требованій, оказываетъ на женщину благотворное вліяніе, молодитъ ее.

Въ низшихъ кругахъ старыя дѣвы встрѣчаются очень рѣдко. Тамъ легче возможность половыхъ отношеній, любовныя связи завязываются и развязываются быстрѣе, дѣвушку гораздо менѣе нравственно опорочиваютъ половыя связи и материнство. Очень часто случается, что служанка или крестьянская дѣвушка имѣли 2—3 дѣтей отъ разныхъ любовниковъ и все же, въ концѣ концовъ, находятъ мужа и оказываются вѣрными и добрыми женами.

Гораздо выше ставится дѣвственность въ высшихъ и сред-

нихъ кругахъ, — среди интеллигенціи, аристократіи и буржуазіи. Какимъ-то особымъ обаяніемъ вѣетъ отъ цѣломудренной дѣвушки, чѣмъ-то неуловимымъ, что удерживаетъ мужчинъ на приличномъ разстояніи; классическая статуя въ ватиканскомъ музеѣ въ Римѣ „La pudicizia" (рис. 411) превосходно передаетъ эту дѣвственную чистоту.

Фотогр. изд. Нов. Фотогр. общества въ Берлинѣ-Штеглицѣ.

Рис. 411. La pudicizia.

(Статуя въ ватиканскомъ музеѣ въ Римѣ).

Правда, Зола показалъ намъ съ большой жизненной правдой, что нравственность часто бываетъ только наружной маской и что „вокругъ домашняго очага" собираются порой поразительно диковинныя фигуры. Марсель Прево показалъ намъ „полудѣвъ", жизнь которыхъ часто немногимъ отличается отъ жизни продажныхъ женщинъ. Дѣвственница, жадно стремящаяся навстрѣчу мужчинѣ, ожидающая съ чувственнымъ восторгомъ мужского прикосновенія, выступаетъ — можно сказать, безсознательно — и въ тѣхъ прекрасныхъ произведеніяхъ искусства, въ которыхъ совсѣмъ не имѣлось въ виду изобразить человѣчески-плотскій элементъ, какъ, напримѣръ, въ картинѣ, изображающей встрѣчу Леды съ лебедемъ (рис. 412). Тѣмъ не менѣе существуютъ тысячи дѣйствительно дѣвушекъ, всю жизнь не поддающихся вѣковѣчному соблазну половыхъ сношеній и становящихся дѣйствительно старыми дѣвами.

Какъ доходятъ они до этого, — подъ этимъ скрывается часто глубоко-затаенная драма. Въ восемнадцать лѣтъ сердце вспыхнуло горячей любовью къ молодому человѣку... Недолго длится чарующій сонъ, любимый человѣкъ умираетъ... цѣлые годы длится порой союзъ сердецъ, а брачный союзъ все не можетъ состояться изъ-за множества препятствій; тѣмъ временемъ роза успѣла отцвѣсть, и никто другой ея не срываетъ. Или любимый человѣкъ измѣняетъ, предпочитаетъ безприданницѣ богатую невѣсту, оказывается проходимцемъ и въ одинъ прекрасный день безслѣдно исчезаетъ. Все это типичныя явленія жизни, отраженія которыхъ мы находимъ и въ нашихъ романахъ.

Изрѣдка встрѣчаются также женщины съ врожденнымъ отвращеніемъ къ мужчинамъ; физическое влеченіе остается у нихъ

непонятнымъ образомъ неразвитымъ. Иногда причина этого кроется въ болѣзненной недоразвитости женскихъ половыхъ органовъ. У такихъ дѣвушекъ не бываетъ менструацій, и онѣ поэтому неспособны и къ дѣторожденію.

Иногда это отвращеніе обусловливается психическими причинами. Умная и мыслящая дѣвушка видитъ среди окружающихъ ее знакомыхъ или родныхъ несчастные браки, покинутыхъ невѣстъ, заболѣвшихъ женъ, — и въ молодой душѣ поселяется родъ ненависти и злобы къ мужчинамъ, которыхъ невозможно побѣдить.

Фотогр. изд. I. Леви въ Вѣнѣ.

Рис. 412. Леда съ лебедемъ

(По картинѣ I. Шротцберга.)

Въ качествѣ врача (а врачу приходится очень глубоко заглянуть въ интимнѣйшіе уголки семейной жизни) мнѣ неоднократно случалось разслѣдовать вопросъ о томъ, почему барышня отвергаетъ всѣхъ жениховъ, хотя очень многіе домогаются ея руки, привлекательной для претендентовъ по многимъ причинамъ.

Иная молодая дѣвушка не можетъ согласиться, чтобы ее „засватали“, какъ это обычно практикуется въ нѣкоторыхъ кругахъ. Она хочетъ, чтобы настоящій избранникъ самъ явился, она ждетъ, что придетъ истинная, великая, единственная любовь, — и порой тщетно ждетъ цѣлые годы, ждетъ до тѣхъ поръ, пока оказывается старой дѣвой.

Оригиналенъ мотивъ душевной драмы у Вѣры, героини повѣсти въ письмахъ („Одна за многихъ“), сильно нашумѣвшей нѣсколько лѣтъ тому назадъ, разошедшейся въ огромномъ количествѣ экземпляровъ и вызвавшей цѣлый потокъ отвѣтныхъ сочиненій. Вѣра добровольно умираетъ, когда узнаетъ о прошломъ своего жениха... „И потому, что я не могу жить съ нимъ и не могу жить безъ него, — я выбираю послѣдній путь“.

Что же побудило молодую, жизнерадостную героиню уйти изъ жизни дѣвственницей?... „Я считала его богомъ, а онъ

оказался только человѣкомъ, какъ всѣ... Онъ жилъ свѣтской жизнью, обычной для большинства мужчинъ. Легко порываемыя связи безъ сердечныхъ узъ, покупная любовь изъ неразборчивой чувственной потребности, жизнь, въ которой проматывается самое благородное, которому цѣны не знаютъ... Онъ бросилъ свою чистоту, какъ грязный клочекъ бумаги... Да у него даже не было никогда сознанія этой чистоты"... „Мужчина требуетъ отъ дѣвушки, которую выбираетъ (говорится въ другомъ мѣстѣ), не только цѣломудрія, но и незапятнанной репутаціи. Онъ правъ! А женщинѣ дѣлить своего мужа съ уличными дѣвками? Нести всѣ муки материнства съ ужаснымъ сознаніемъ, что отецъ ея дѣтей растратилъ свои молодыя силы въ продажныхъ объятіяхъ?"

При всей популярности этой книги, едва ли многія изъ дѣвушекъ, которымъ попалъ въ руки дневникъ Вѣры, извлекли изъ него примѣръ для себя: вѣдь въ сущности (какъ показываютъ послѣднія приведенныя слова) она порываетъ съ любимымъ человѣкомъ больше всего изъ боязни, что мужъ сохранитъ для брака слишкомъ мало производительной силы и что ожидаемое ею чувственное наслажденіе выпадетъ на ея долю недостаточно часто и недостаточно интенсивно — и охваченная навязчивой идеей, добровольно умираетъ. Но разумѣется, время отъ времени дѣйствительно случается, что дѣвушка порываетъ съ своимъ женихомъ, узнавъ о немъ дурное, — и она вполнѣ права въ томъ случаѣ, если это половое прошлое его заключается въ печальномъ образѣ брошенной бѣдной дѣвушки, или въ нажитой серьезной половой болѣзни, или вообще въ чемъ-нибудь такомъ, что проливаетъ дурной свѣтъ на его характеръ. Съ человѣкомъ безхарактернымъ молодой дѣвушкѣ никогда не слѣдуетъ связывать свою жизнь: вѣдь она и сама рискуетъ быть несчастной въ бракѣ.

С т а р а я д ѣ в а — это понятіе, которое требуетъ болѣе точнаго опредѣленія. Старость у дѣвушки не значитъ старческій возрастъ; дѣвушка старѣетъ тогда, когда вступаетъ въ тридцатилѣтній возрастъ, и имѣетъ право называться „старой дѣвой" до тѣхъ поръ, пока продолжается ея половая зрѣлость, пока изъ ея яичниковъ освобождаются ежемѣсячно зрѣлыя яички и поступаютъ въ матку, т. е. пока она менструируетъ. Когда эти процессы прекращаются, тогда старая дѣвушка ничѣмъ не отличается отъ всякой половой женщины, отъ „матроны", — тогда ея половая дѣятельность угасаетъ, и пробудить ее уже и мужчина не можетъ.

Тѣмъ рѣзче контрастъ между старой дѣвой въ возрастѣ между 30 и 40—45 годами и мужчиной въ томъ же возрастѣ. Для мужчины это возрастъ высшаго расцвѣта половой зрѣлости, онъ можетъ безпрепятственно слѣдовать своимъ инстинктамъ. За исключеніемъ оригинальныхъ сторонниковъ абсолютнаго и постояннаго воздержанія, какъ, напримѣръ, Толстой, Вейнингеръ, Курнигъ и др., — въ настоящее время самый строгій моралистъ, требующій отъ мужчины воздержанія д о д в а д ц а т и ч е т ы р е х л ѣ т н я г о в о з р а с т а, не предъявитъ требованія полнаго, абсолютнаго полового воздержанія отъ здороваго мужчины въ его тридцатые, сороковые и даже въ пятидесятые годы жизни. А

къ незамужней женщинѣ это требованіе предъявляется во всякомъ возрастѣ. Въ этомъ кроется противорѣчіе, ставшее особенно рѣзкимъ съ тѣхъ поръ, какъ всѣмъ извѣстно, что мнимое половое безчувствіе женщины — вздорныя расказни, что власть инстинкта надъ женщиной такъ же сильна, какъ и надъ мужчиной, и только испытываетъ она ее, быть можетъ, нѣсколько рѣже и періодичнѣе. Причина неизбѣжнаго возникновенія этого противорѣчія кроется въ неодинаковости по существу мужского и женскаго полового акта. У мужчины это отдѣльный актъ, у женщины онъ ведетъ нормально къ материнству и влечетъ за собой важныя послѣдствія. И надъ этими послѣдствіями необходимо задуматься культурному существу, называющемуся человѣкомъ, — надо понять, что свободное, необузданное слѣдованіе половому соблазну со стороны незамужней женщины привело бы къ безграничному дѣторожденію, а это было бы серьезной угрозой нашему соціальному состоянію и нашей культурѣ.

Но, разумѣется, уменьшить по возможности число старыхъ дѣвъ — все же остается дѣломъ нужнымъ и благодарнымъ. Долгъ всякой разумной соціальной политики — облегчить возможность вступленія въ бракъ, указать пути и средства къ тому, чтобы и люди несостоятельные могли основать свою семью. Въ чемъ, въ самомъ дѣлѣ, причина того, что многія молодыя дѣвушки становятся старыми дѣвами? Въ матеріальной несостоятельности, въ недостаткѣ средствъ къ существованію, необходимыхъ для обезпеченія будущей семьи. Освободительныя стремленія женщины, овладѣніе ею мужскими профессіями незамѣтно увеличили возможность вступленія въ бракъ. Когда зарабатываютъ оба — и мужъ, и жена, — то соединеннаго заработка можетъ хватить на содержаніе дома и семьи. Дѣвушки, имѣющія какой-нибудь заработокъ — какъ, напримѣръ, учительницы, художницы, чиновники — находятъ большей частью претендентовъ на свою руку легче, чѣмъ тѣ, которыя умѣютъ только бренчать на рояли, болтать по-французски, блистать рукодѣліями и стряпать. Профессіональный заработокъ женщины — такой же капиталъ какъ и приданое и цѣнится почти одинаково.

Но для старѣющейся дѣвушки профессія представляетъ еще и другую цѣнность, предохраняя ее отъ озлобленности, унынія, нервныхъ болѣзней. Умъ ея занятъ, и не остается мѣста для праздной мечтательности всякаго рода, дѣлающей старыхъ дѣвъ больными, истеричными. Ее не мучитъ страхъ передъ будущимъ, она чувствуетъ себя обезпеченной, сознаетъ высокую цѣну своей личности, и это даетъ ей силу и энергію.

Старая дѣва очень рѣдко болѣетъ отъ послѣдствій полового воздержанія. Тысячелѣтней наслѣдственностью въ ней сложился иной чувственный складъ, чѣмъ въ мужчинѣ, къ тому же ежемѣсячныя кровотеченія нѣсколько облегчаютъ настойчивость потребности, ей легче оставаться долго цѣломудренной, чѣмъ мужчинѣ. Тѣмъ не менѣе исключенія, несомнѣнно, существуютъ. Бываютъ женщины очень чувственныя, для которыхъ цѣломудріе становится мукой, — и онѣ большей частью и сбрасываютъ ее съ себя при первой возможности, какъ стѣснительное платье. Но, какъ свидѣтельствуетъ опытъ врачей, большинство, несомнѣнно, не таково.

Средства для преодолѣнія чувственныхъ влеченій тѣ же, какія дѣйствительны для мужчины: физическое закаливаніе, холодныя обмыванія тѣла и ванны, занятія какимъ-нибудь физическимъ спортомъ, продолжительныя прогулки до утомленія и — прежде всего — умственныя отвлеченія: трудъ и занятія.

* *
*

При теперешнемъ состояніи нашего общества женщина стремится главнымъ образомъ къ одной цѣли: найти для себя подходящаго мужа. На достиженіе этой конечной цѣли направлены всѣ ея силы, на этомъ она сосредоточиваетъ всѣ свои физическія чары и всѣ умственныя способности. Въ полномъ вооруженіи, съ отточеннымъ оружіемъ дѣвушка готовится къ боевой атакѣ для завоеванія мужчины. Старая дѣва убѣждается мало-по-малу, что ей не удастся достигнуть своей цѣли жизни, — она увядаетъ, становится вялой, умственныя способности ея слабѣютъ такъ же, какъ и ея физическое обаяніе. Иногда она направляетъ свои стремленія на другія цѣли (профессіональныя занятія, дѣла благотворительности), — это еще сохраняетъ на нѣкоторое время ея молодость. Втайнѣ она еще лелѣетъ надежду, что „онъ“ все же явится и введетъ ее, какъ хозяйку, въ собственный домъ, — но тщетны ожиданія. Годы проходятъ, половая дѣятельность прекращается, пріостанавливаются менструаціи. Съ „охлажденіемъ“ половыхъ органовъ медленно, но безостановочно начинаетъ ослабѣвать также дѣятельность остальныхъ ея органовъ. Связь между половыми органами и мозгомъ несомнѣнна; когда дѣятельность половыхъ органовъ прекращается, слабѣютъ также умственныя способности и производительность. Бываютъ исключенія, но они, какъ и вездѣ, только подтверждаютъ правило. Старая дѣва вступаетъ въ возрастъ пожилой матроны, и всѣ обычныя дурныя свойства старческаго возраста у женщины еще удесятеряются, когда старая дѣва достигаетъ преклонныхъ лѣтъ. Нѣтъ необходимости разсматривать подробно эти явленія, мы встрѣтимся съ ними въ слѣдующей главѣ.

Что же обязано сдѣлать общество для старыхъ дѣвъ? Прежде всего позаботиться, чтобы ихъ не стало слишкомъ много, — поощрять по возможности браки, облегчать вступленіе въ бракъ. Поразительное недомысліе обнаруживаетъ Мебіусъ, обращаясь къ старымъ дѣвамъ съ восклицаніемъ: „Ступай въ монастырь!“ и находя, что необходимо поощрять учрежденіе монастырей, какъ убѣжищъ для женщинъ, гдѣ онѣ могли бы „организоваться въ сообщества безъ заботы о собственномъ существованіи“. Для этихъ новыхъ учрежденій могли бы быть введены уставы женскихъ монастырей и монашескіе обѣты, такъ какъ эти сообщества сами собой обусловливаютъ необходимость принудительнаго послушанія, цѣломудрія и бѣдности. Каковъ же, однако, долженъ быть предѣльный возрастъ для вступленія? Пока еще существуетъ возможность замужества, вступленіе въ эти свѣтскія монастыри также нельзя рекомендовать, какъ и въ духовные, — развѣ только къ этому побуждаютъ религіозные мотивы. Не всегда же явится Филиппо Липпи, чтобы увезти свою невѣсту, какъ увозитъ онъ монахиню Бути (рис. 413). Обще-

житія и убѣжища для старыхъ дѣвъ необходимы только въ тѣхъ случаяхъ, когда старая дѣва — круглая сирота, не имѣющая ни родителей, ни родныхъ, ни друзей, ни подругъ-ровесницъ. Вообще же наилучшимъ убѣжищемъ для старой дѣвы является,

По фотогр. Джак. Броджи во Флоренціи.

Рис. 413. Филиппо Липпи и монахиня Бути.

(По картинѣ Габр. Кастаньола.)

при малѣйшей къ тому возможности, жизнь въ семьѣ; тамъ, гдѣ такой возможности нѣтъ, мы встрѣчаемъ часто странную отшельническую жизнь, которую наполняютъ кошки и собаки, — своеобразная порода человѣческихъ существъ, проводящихъ жизнь въ одиночествѣ.

Эта любовь старыхъ дѣвъ къ животнымъ вытекаетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ (но отнюдь не всегда) изъ полового инстинкта. У французовъ мы встрѣчаемъ образы такихъ женщинъ, чувствующихъ „страсть“ къ животнымъ. Такъ, напримѣръ, братья Эдмонъ и Жюль Гонкуры разсказываютъ въ своемъ „Дневникѣ“: „Каждый разъ, когда я бывалъ въ Зоологическомъ саду, меня поражаетъ, какое множество здѣсь встрѣчается женщинъ странныхъ, необыкновенныхъ, эксцентричныхъ, экзотическихъ, непонятныхъ, которыя находятъ здѣсь, повидимому, въ соприкосновенiи съ животными исходъ своей потребности физической любви“. Въ древности змѣи были любимцами женщинъ, а теперь, повидимому, ту же роль играютъ кошки и болонки.

Глава четырнадцатая.

Женщина въ пожиломъ возрастѣ.

(Прив.-доц. д-ръ Юлій Вейссъ, Вѣна).

Женщина старѣетъ гораздо раньше мужчины. Съ того момента, когда прекращается регулярная дѣятельность дѣтородныхъ органовъ, женщина вступаетъ въ пожилой возрастъ. Физическая красота блекнетъ большей частью еще раньше, начинается постепенное увяданіе, протекающее въ различной степени у разныхъ лицъ и въ различныхъ классахъ общества. Женщины народныхъ классовъ, несущія тяжелый трудъ, крайне мало заботящіяся о своемъ тѣлѣ всю жизнь, да и не имѣющія возможности холить или беречь его, замѣтно старѣютъ обыкновенно уже въ тридцатыхъ годахъ. Такъ же рано старѣютъ тоже жены ремесленниковъ, мелкихъ чиновниковъ и мѣщанъ, если судьба благословила ихъ многодѣтностью и онѣ затратили свои лучшія силы въ изнурительномъ трудѣ ухода и воспитанія дѣтей. Изящныя дамы высшихъ круговъ, проводящія по много часовъ въ день въ пріятномъ бездѣльи или запятыя только отдачей распоряженій и приказаній, проводящія зиму на Ривьерѣ, а знойные лѣтніе мѣсяцы на водахъ и въ курортахъ, сохраняютъ большей частью свою физическую красоту гораздо дольше и имѣютъ иногда совсѣмъ свѣжій и бодрый видъ даже въ пятьдесятъ лѣтъ. Преждевременно старѣютъ только тѣ изъ нихъ, которыя слишкомъ жадно гоняются за удовольствіями всякаго рода, охотно превращаютъ ночь въ день и предаются безудержно чревоугодію. Человѣческій организмъ подобенъ машинѣ: если его вынуждаютъ слишкомъ много работать, то въ немъ портятся мало-помалу отдѣльныя части механизма и, наконецъ, гибнетъ весь аппаратъ. Но и недостаточное количество работы губитъ машину, — когда она слишкомъ мало работаетъ, она ржавѣетъ и портится. Каждому организму безусловно необходимо извѣстное количество физической работы; она сохраняетъ его молодость и свѣжесть.

Сравнивая статистическія данныя смертности въ старческомъ возрастѣ, мы видимъ, что преклонныхъ лѣтъ достигаетъ больше женщинъ, чѣмъ мужчинъ. Напримѣръ, изъ числа 744 лицъ 254 женщины достигли свыше восьмидесятилѣтняго возраста. Въ числѣ ихъ было:

27 незамужнихъ,	изъ	которыхъ	9	высшаго	сословія
29 замужнихъ	„	„	6	„	„
198 вдовъ	„	„	41	„	„

Въ одномъ большомъ городѣ умерло въ теченіе года изъ общаго числа приблизительно 200,000 человѣкъ:

Въ возрастѣ	80 лѣтъ	5 мужчинъ	22 женщины
„ „	81 года	8 „	8 „
„ „	82 лѣтъ	11 „	11 „
„ „	83 „	7 „	11 „
„ „	84 „	4 „	11 „
„ „	85 „	3 „	6 „
„ „	86 „	6 „	8 „
„ „	87 „	6 „	5 „
„ „	88 „	2 „	5 „
„ „	89 „	2 „	3 „
„ „	90 „	3 „	7 „
„ „	91 года	— „	1 „
„ „	92 лѣтъ	— „	5 „
„ „	93 „	— „	1 „
„ „	96 „	1 „	— „
„ „	97 „	— „	1 „
„ „	99 „	— „	1 „
„ „	100 „	— „	2 „
		58 мужчинъ	108 женщинъ.

Эти цифры очень явственно показываютъ перевѣсъ численности женщинъ въ преклонномъ возрастѣ.

Изъ древнихъ временъ намъ извѣстно нѣсколько случаевъ достиженія женщинами глубокой старости. Теренція, жена Цицерона, прожила 103 года. О нѣкоей Люцеѣ увѣряютъ, что она выступала еще въ качествѣ актрисы на 112 году отъ роду. Что касается возраста Сарры, жены праотца Авраама, прожившей будто бы 127 лѣтъ, — объ этомъ надо сказать то же, что нами уже было сказано по поводу такого же возраста мужчинъ въ главѣ о старческомъ возрастѣ мужчины: что въ то время годъ состоялъ не изъ 12, а изъ 8 или даже изъ трехъ мѣсяцевъ. Жена Георга Вундера (о которой мы упоминали уже въ соотвѣтственной главѣ I ч. настоящаго тома) достигла, какъ увѣряютъ, 110 лѣтъ. Гуфеландъ сообщаетъ объ одной русской крестьянкѣ, прожившей 115 лѣтъ, 9 мѣсяцевъ и 4 дня, слѣдуюшія интересныя біографическія данныя:

„Въ финской деревнѣ Токатилле, Красносельскаго уѣзда, у подошвы Дудергофскихъ горъ (на разстояніи нѣсколькихъ миль отъ Петербурга) умерла въ 1807 году старая крестьянка, Марія Вилламо. Она родилась въ Ропшѣ въ 1692 году и помнила еще вступленіе русскихъ въ Ингерманландію (въ Ижорскую землю, нынѣшнюю Петербургскую губернію). На тридцатомъ году она была выдана замужъ за крестьянина Вилламо и черезъ семь лѣтъ родила перваго сына, два года спустя — второго, а на 47 году родила дочь. Всю свою жизнь она питалась хлѣбомъ и квасомъ и считала этотъ напитокъ очень полезнымъ для желудка; крѣпкихъ напитковъ она никогда не употребляла, но курила табакъ. Въ столѣтнемъ возрастѣ она потеряла первый зубъ, но на его мѣстѣ вскорѣ выросъ другой. На 103 году у нея выпалъ второй зубъ, который также вскорѣ замѣнился новымъ, такъ что она до самой смерти сохранила превосходные бѣлые зубы. У нея были большіе, ясные глаза, и острое зрѣніе у нея сохранилось до самой глубокой старости, такъ же какъ и ясныя умственныя способности и хорошая память. Всего за три года до смерти она, въ сопровожденіи своихъ дѣтей, внуковъ и правнуковъ, которыхъ у нея было до семидесяти, всходила на Дудергофскую гору, чтобы помолиться въ расположенной тамъ церкви; но послѣ этого уже начала подаваться. Умерла она 10 сентября 1807 года, безъ всякой предшествовавшей болѣзни, тихо и спокойно“.

Въ Торнѣ умерла 7 августа 1823 года извѣстная Гейда Іозефъ на 120 году жизни.

Я самъ лѣчилъ одну женщину, которая умерла на 105 году жизни отъ воспаленія легкихъ. До этой болѣзни она была вполнѣ здорова и съ изумительнымъ проворствомъ бѣгала вверхъ и внизъ по своимъ тремъ лѣстницамъ, — въ 4-мъ этажѣ была расположена ея квартира.

За послѣднее время умерло нѣсколько женщинъ въ столѣтнемъ возрастѣ. Спачала умерла въ Опорто 113-лѣтняя Марія Магалеусъ, потомъ на сотомъ году отъ роду Элиза Авердикъ (рис. 414) 9 ноября 1907 года въ Гамбургѣ, — наконецъ, столѣтняя Софи Бетманъ (рис. 415) 11 декабря 1907 года въ Геттингенѣ.

„Элиза Авердикъ родилась 26 февраля 1808 года въ зажиточной купеческой семьѣ въ Гамбургѣ и была второй дочерью изъ числа двѣнадцати человѣкъ дѣтей. Ей очень рано пришлось начать заботиться о заработкѣ, такъ какъ вторженіе французовъ стоило ея родителямъ потери состоянія. Вначалѣ она была компаньонкой, потомъ надзирательницей въ одномъ ортопедическомъ институтѣ въ ея родномъ городѣ и сумѣла найти плодотворное приложеніе своему врожденному педагогическому таланту, основавъ школу для мальчиковъ, въ которой работала отъ 1837 до 1856 года съ самоотверженной преданностью и съ глубокимъ пониманіемъ дѣтской души. Эта дѣятельность впервые побудила ее начать издавать свои сочиненія, посвященныя почти исключительно юношеству. Послѣ почти двадцатилѣтней успѣшной дѣятельности въ качествѣ учительницы, сорокавосьмилѣтняя Элиза Авердикъ снова направила свои любовныя заботы на больныхъ, которымъ посвящена была ея первоначальная дѣятельность. Съ двумя помощницами она основала въ 1856 году больницу, которую, не щадя трудовъ и заботъ, расширяла, создала общину сестеръ-дьякониссъ и больницу „Vethesda“ въ Гамбургѣ, къ которой въ настоящее время примыкаютъ дѣтская лѣчебница, дѣтскій пріютъ, школа и больница для неизлѣчимыхъ, съ семью отдѣленіями. На 73 году Элиза Авердикъ сложила съ себя послѣ 25-лѣтней дѣятельности начальствованіе заведеніемъ, но и до конца жизни не переставала заботиться о своемъ любимомъ дѣтищѣ“.

Рис. 414. Элиза Авердикъ.

„Софи Бетманъ была дочерью Христіана Фогта, содержателя ресторана „Бѣлаго Коня“ въ Эрфуртѣ, превосходнаго и глубоко-уважаемаго человѣка, съ которымъ охотно встрѣчались Карлъ-Августъ и Гете. Такимъ образомъ, Софи Фогтъ удалось познакомиться съ обоими великими людьми, и она очень любила разсказывать о нихъ. Гете остался у нея въ памяти образомъ, полнымъ достоинства и сдержаннымъ, а другъ его — какъ типичный веселый и симпатичный уроженецъ Тюрингіи. Позднѣе Софи Фогтъ вышла замужъ за геттингенца Бетмана, и домъ ея оставался до самыхъ послѣднихъ лѣтъ центромъ живого и въ высшей степени интереснаго кружка“.

Интересно сравнить причины смерти мужчинъ и женщинъ. Въ слѣдующей таблицѣ собрано по 100 смертныхъ случаевъ среди мужчинъ и женщинъ по разнымъ родамъ болѣзней, послужившихъ причиной смерти:

Инфекціонныя болѣзни	17,8	мужч.	13,8	женщ.
Конституціональныя болѣзни	23,1	„	25,1	„
Нервныя болѣзни	14,5	„	9,0	„
Болѣзни сердца и кровеносн. сосудовъ .	5,6	„	4,6	„
Легочныя болѣзни	13,4	„	13,3	„
Болѣзни пищеварительныхъ органовъ .	9,5	„	12,5	„
Роды и послѣродовыя болѣзни . . .	—	„	9,1	„

Болѣзни грудныхъ железъ и женскихъ органовъ	— мужч.	5,0 женщ.
Другія болѣзни	16,1 „	7,6 „

Особенно поразительна разница въ группѣ нервныхъ болѣзней, къ которымъ причислены въ настоящей таблицѣ и параличъ мозга и размягченіе мозга, — между тѣмъ женщины считаются обыкновенно болѣе предрасположенными къ нервнымъ заболѣваніямъ, чѣмъ мужчины. Въ инфекціонныхъ болѣзняхъ вполнѣ понятенъ процентный перевѣсъ мужской смертности, потому что, вслѣдствіе своей профессіональной дѣятельности, мужчины подвергаются инфекціоннымъ вліяніямъ больше, чѣмъ женщины. Почти десять процентовъ всѣхъ смертныхъ случаевъ среди женщинъ приходится на счетъ ихъ спеціально женской природы, т. е. на счетъ болѣзней, такъ или иначе связанныхъ съ материнствомъ, — число довольно внушительное. Не безъ основанія утверждаютъ, что опасности военной службы у мужчинъ соотвѣтствуютъ опасностямъ дѣтородной дѣятельности у женщинъ. Поражаетъ процентный перевѣсъ смертныхъ случаевъ у женщинъ отъ болѣзней пищеварительныхъ органовъ; съ данными опыта практикующихъ врачей эти цифры не вполнѣ совпадаютъ. Это обстоятельство объясняется, вѣроятно, тѣмъ, что воспаленія брюшины, включенныя въ настоящей таблицѣ въ группу болѣзней пищеварительныхъ органовъ, встрѣчаются у женщинъ чаще, чѣмъ у мужчинъ, хотя источники и причины воспаленій брюшины у женщинъ происходятъ отъ заболѣваній женскихъ органовъ. Приведенныя цифры относятся къ смертности во всѣхъ возрастахъ.

Рис. 415. Софи Бетманъ.

Сопоставленіе цифровыхъ данныхъ обширнаго статистическаго матеріала, обнимающаго 10,000 человѣкъ больныхъ мужчинъ и женщинъ, свидѣтельствуетъ, что среди мужчинъ разнаго возраста встрѣчается больше больныхъ и болѣзней, чѣмъ

среди женщинъ, но что зато средняя продолжительность болѣзни у женщинъ больше, чѣмъ у мужчинъ.

Очень интересны цифры сравнительнаго процента смертности въ различныхъ странахъ. На 100 смертныхъ случаевъ среди женщинъ приходятся слѣдующія цифры смертности среди мужчинъ:

Въ Италіи	106	Въ Голландіи	104
Во Франціи	107	Въ Швеціи, Норвегіи, Даніи	104
Въ Англіи	107	Въ Россіи	104
Въ Германск. имперіи	109	Въ Испаніи	106
Въ Австріи	108	Въ Греціи	110
Въ Венгріи	108	Въ Румыніи	117
Въ Бельгіи	107	Въ Сербіи	116

Слѣдовательно, мужская смертность во всѣхъ странахъ безусловно больше женской.

Въ числѣ смертныхъ случаевъ, вызванныхъ не болѣзнями, самоубійство, убійство, несчастные случаи и врожденная хилость даютъ, согласно статистическимъ даннымъ всѣхъ странъ, большій процентъ среди мужчинъ, а старческая слабость — большій среди женщинъ. Затѣмъ, мужчины больше предрасположены къ острымъ болѣзнямъ, у женщинъ, наоборотъ, преобладаютъ затяжныя, хроническія болѣзни больше, чѣмъ у мужчинъ. Мужчины даютъ большій процентъ смертныхъ случаевъ отъ туберкулеза, чѣмъ женщины, зато женщины несравненно больше предрасположены къ заболѣваніямъ ракомъ.

Особенности характера измѣняются у женщинъ въ старческомъ возрастѣ въ томъ смыслѣ, что утрачиваются нѣкоторыя свойства, сопряженныя съ ихъ физической красотой. Тщеславіе, страсть къ нарядамъ, жажда нравиться, кокетство исчезаютъ въ большинствѣ случаевъ въ тотъ моментъ, когда исчезаетъ физическая прелесть. Но если эти свойства переживаютъ физическую обаятельность, какъ это иногда случается, то всѣ манеры, весь видъ женщинъ пріобрѣтаетъ комичный и жалкій отпечатокъ. Такое явленіе встрѣчается рѣже у замужнихъ женщинъ и у матерей, чѣмъ у старыхъ дѣвъ (ср. предыдущую главу). Такое же смѣшное впечатлѣніе производятъ часто дамы высшаго круга, привыкшія всю жизнь встрѣчать болѣе или менѣе законное ухаживаніе со стороны мужчинъ и не умѣющія отрѣшиться отъ этого, постарѣвъ.

Иногда является запоздалая сердечная весна, „вторая молодость"; очень часто случается наблюдать тотъ поразительный фактъ, что старѣющіяся женщины стараются увлекать молодыхъ мужчинъ, добиваясь болѣе или менѣе интимной связи съ ними, И, какъ это ни изумительно, это явленіе встрѣчается не только въ высшихъ кругахъ, но и въ самыхъ низшихъ народныхъ слояхъ: пятидесятилѣтнія женщины обзаводятся двадцати и тридцатилѣтними любовниками. Для мужчины въ подобныхъ случаяхъ играетъ роль, разумѣется, не половая привлекательность, а матеріальное содержаніе или обезпеченіе, — одно изъ отвратительнѣйшихъ явленій мужского вырожденія, которое съ полнымъ правомъ можетъ быть названо проституціей. Если денежныя соображенія играютъ особенно видную роль и если обладаніе ими достижимо только путемъ брака, — подобные мужчины обыкновенно не останавливаются и передъ этимъ.

Есть еще одно явленіе (подробное разсмотрѣніе его составитъ предметъ другой главы): женщины, стоящія умственно очень высоко и отличающіяся мужскимъ душевнымъ складомъ, даже достигнувъ пожилого возраста, приближаютъ къ себѣ болѣе молодыхъ, слабовольныхъ и умственно незначительныхъ мужчинъ, водятъ ихъ на помочахъ и подчиняютъ ихъ своему игу. Это явленіе встрѣчается въ особенности въ тѣхъ случаяхъ, когда женщины ведутъ самостоятельно какое-нибудь дѣло, въ которомъ мужъ является только помощникомъ. Въ такихъ случаяхъ между мужемъ и женой устанавливаются своеобразно обратныя отношенія: жена лелѣетъ и балуетъ мужа и смотритъ на него какъ на своего рода игрушку.

Фотогр изд. Фр. Ганфштенгля въ Мюнхенѣ.

Рис. 416. Портретъ старой женщины.

(По картинѣ Джуз. ди Рибера.)

Женщина въ пожиломъ возрастѣ становится большей частью домосѣдкой, пристращивается къ цвѣтамъ, къ разведенію куръ (рис. 416), охотно обзаводится собаками, еще охотнѣе кошками (ср. предыдущую главу о старыхъ дѣвахъ). По воскресеньямъ и праздникамъ ходитъ въ церковь и дома также часто и истово молится. Картины Мэса (рис. 417) и Лефца (рис. 418) изображаютъ моменты страстной молитвы и благоговѣйнаго углубленія въ молитвенникъ двухъ старухъ. Художники вообще часто изображаютъ старухъ съ молитвенникомъ въ рукахъ (см. рис. на отд. табл.).

Болтливость, вообще свойственная женщинѣ („Болтовня доставляетъ женщинѣ, — говоритъ Мебіусъ, — безконечное наслажденіе, это истинный женскій спортъ"), обыкновенно еще до крайности усиливается въ пожиломъ возрастѣ; но въ молодости она имѣетъ сравнительно безобидный характеръ, къ старости же становится ядовитой и злобной, можно даже сказать, положительно опасной. Къ этимъ свойствамъ присоединяются злоба и

Портретъ старухи.

По картинѣ Г. А. Мансфельда.

(Фотогр. изд. Ф. Брукманна въ Мюнхенѣ.)

Т-ва „Просвѣщеніе“ въ Спб.

зависть; всякая женщина, не только болѣе молодая и физически привлекательная, но даже только матеріально лучше обставленная, разсматривается съ враждебнымъ чувствомъ, какъ соперница, и тайно и явно осыпается ядовитыми стрѣлами на словахъ и на дѣлѣ. Пожилая женщина находитъ удовольствіе

Фотогр. изд. Фр. Ганфштенгля въ Мюнхенѣ.
Рис. 417. Старая молящаяся женщина.
(По картинѣ Ник. Мэса.)

въ томъ, чтобы ссорить людей, сѣять раздоръ между супругами, доносить и ябедничать, и тонко и хитро интриговать. „Очень возможно, — говоритъ Мебіусъ, — что старухамъ ихъ злобность вмѣняется такъ сильно въ вину потому, что онѣ становятся безобразны, — а народъ ненавидитъ безобразіе. Злыя старухи были, вѣроятно, и въ молодости злыми, — или только легче прощалась эта злость, пока онѣ были физически привлекательны“.

Скупость и жадность, которыя составляютъ, какъ мы уже видѣли, свойства мужчинъ въ старости, развиваются съ такой же силой и у старухъ, — тѣмъ болѣе, чѣмъ больше утрачивается возможность вновь пріобрѣсть состояніе.

Наклонность къ вѣрѣ въ сверхъестественное и таинственно-чудесное, свойственная каждой женщинѣ, еще усиливается въ старости и принимаетъ своеобразныя, необычайныя формы. Эта то черта порождаетъ фигуры гадальщицъ на картахъ, предсказательницъ, истолковательницъ сновъ, старающихся опутать своей вѣрой и суевѣріемъ и молодежь.

По фотогр. о-ва „Унiонъ" въ Мюнхенѣ.

Рис. 418. Старая женщина.

(По картинѣ Л. Лефца.)

Всякая женщина — прирожденная актриса, ей врожденъ изумительный даръ притворства. Молодой и красивой женщинѣ не вмѣняется въ серьезную вину лживость, если она касается половыхъ интересовъ, но она становится нестерпимой и ужасной, когда примѣняется и пожилой женщиной и безъ особенной надобности.

Умственныя способности женщины мало-по-малу все больше и больше слабѣютъ въ пожиломъ и старческомъ возрастѣ. Съ прекращеніемъ менструацій появляются прежде всего нѣкоторыя болѣзненныя разстройства, которыя выражаются въ состояніяхъ возбужденія, въ приливахъ крови, сердцебіеніяхъ и временныхъ психическихъ разстройствахъ. Такое состояніе длится часто года, два три затѣмъ буря стихаетъ, — половая жизнь прекратилась; а такъ какъ между половыми органами и мозгомъ существуетъ очень тѣсная связь, то вполнѣ понятно, что и умственная дѣятельность слабѣетъ. „Въ обыкновенныхъ условіяхъ жизни, — замѣчаетъ Мебіусъ, — это не особенно мѣ-

шаетъ, такъ какъ никакихъ особенныхъ требованій къ уму женщины и не предъявляется". Впрочемъ, и тутъ не можетъ не быть исключеній, и Мебіусъ самъ говоритъ, что „иныя старухи сохраняютъ изумительную умственную бодрость даже въ глубокой старости".

Слабость критической способности, умственная неподвижность, непомѣрное упрямство, склонность придавать мелочамъ крупную важность все рѣзче и явственнѣе выступаютъ у женщинъ въ старости. Это сказывается не только въ спорахъ между мужчиной и женщиной, но и въ собесѣдованіяхъ женщинъ между собой. „Кто не имѣлъ счастья послушать разговоръ между пожилыми дамами, — говоритъ все тотъ же врачъ и философъ-женоненавистникъ Мебіусъ, — тотъ едва ли и представить себѣ можетъ, до какой степени онъ многословенъ и пустъ. Самая убогая тема разрабатывается въ безчисленномъ множествѣ варіацій и преимущественно въ быстромъ темпѣ. Потокъ рѣчей претерпѣваетъ разнообразныя превращенія: онъ звучитъ то струями ливня по крышѣ, то всплесками волнъ и т. п., но всего вѣрнѣе, пожалуй, сравненіе съ мельницей, шумящей пустыми жерновами".

Рис. 419. Ну же, бабушка.
(По картинѣ Ж. Букэ.)

Изъ лучшихъ свойствъ женщины до старости сохраняются всѣ тѣ, которыя связаны съ материнствомъ. Любовь къ дѣтямъ и заботливость о нихъ даже усиливаются по мѣрѣ того, какъ исчезаютъ половые соблазны, женщина перестаетъ быть женщиной и остается только матерью. Пожилая женщина слѣдитъ тревожнымъ взглядомъ за сыномъ, судьба котораго увлекаетъ его въ далекія страны и на невѣдомыя опасности, дѣлитъ съ дочерью все, что та переживаетъ въ качествѣ невѣсты, жены, роженицы, удѣляетъ и распространяетъ свою заботливую любовь и на толпу внуковъ. Даже въ самой глубокой старости она ле-

лѣетъ молодежь, хотя порой трудъ ухода за дѣтьми ей уже и не по силамъ. На картинѣ Ж. Букэ (рис. 419) бабушка, обезсилѣвъ, задремала во время кормленія внуковъ супомъ; онъ трясетъ ее за руку рученкой, чтобы разбудить ее.

Дурной репутаціей пользуется женщина въ качествѣ тещи, потому что, въ своей жаждѣ охранять и лелѣять любимую дочку, она слѣпа къ ея недостаткамъ и порокамъ и склонна приписывать вину за тѣ или иныя бѣды зятю. Она видитъ въ немъ разбойника, отнявшаго у нея самое дорогое. Но въ жизни не всегда образъ тещи отличается тѣми чертами, которыя сдѣлали ее неисчерпаемымъ предметомъ насмѣшекъ въ водевиляхъ и фарсахъ; часто можно встрѣтить даже трогательную гармонію отношеній между этими „дорогими родственниками“. Часто, впрочемъ, причина раздоровъ лежитъ въ томъ, что въ одномъ хозяйствѣ не можетъ быть мѣста двумъ женщинамъ, — а главное, для молодыхъ супруговъ даже мать является непрошенной и досадной помѣхой. Въ особенности это вѣрно относительно свекрови, которая не всегда находитъ въ невѣсткѣ всѣ тѣ добрыя качества, которыми, по ея мнѣнію, обладаетъ сама. Немаловажную роль въ этихъ несогласіяхъ играетъ также разница въ старозавѣтныхъ и современныхъ взглядахъ на жизнь, на порядокъ и образъ жизни, въ привычкахъ сельской и городской жизни и т. п.

Рис. 420. Воспоминаніе о быломъ. (Б. Бутэ.)

Супружеская любовь въ бракѣ также становится въ старости сильнѣе и глубже. Всѣ остальные мужчины утрачиваютъ интересъ для женщины, потому что и для нихъ она интереса не представляетъ. Старость объединяетъ крѣпче, общія воспоминанія о счастливой порѣ молодой любви, о всевозможныхъ превратностяхъ совмѣстно прожитой жизни, о счастьѣ и горѣ — проносятся вереницей картинъ, то веселыхъ, то серьезныхъ, передъ мысленнымъ взоромъ обоихъ стариковъ, отдыхающихъ отъ

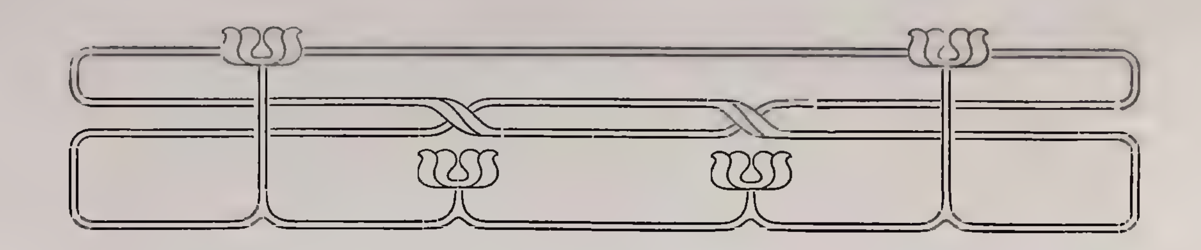
утомительнаго дневного и жизненнаго труда; такой моментъ изображаетъ намъ скульптура Б. Бутэ „Воспоминаніе о быломъ“ (рис. 420).

Печальную картину представляетъ бракъ тогда, когда въ супругѣ не остается отвѣтной любви, когда его любовь угасаетъ съ исчезновеніемъ ея физической привлекательности. Чаще всего это случается тогда, когда мужъ моложе жены и, повинуясь власти внутреннихъ инстинктовъ, ищетъ половыхъ увлеченій, большей частью находя ихъ у другихъ женщинъ. Такой прискорбный конецъ можно всегда предсказать бракамъ между немолодыми женщинами и молодыми мужчинами и даже въ большинствѣ случаевъ такимъ бракамъ, въ которыхъ жена и мужъ ровесники. Мужчина — въ среднемъ — на десять лѣтъ моложе женщины однихъ лѣтъ съ нимъ, — это законъ природы, а законамъ природы нельзя противиться и нельзя безнаказанно нарушать ихъ.

Если мужъ свернулъ съ надлежащаго пути супружеской вѣрности, и жена замѣтила его пренебреженіе ею и догадывается о существованіи соперницы, не видавъ ея, — тогда большей частью конецъ супружескому миру и согласію. Только немногія женщины способны на супружеское самоотреченіе, очень немногія способны уступить любимаго человѣка другой. „Женщина никогда не прощаетъ невѣрности, — говоритъ чешскій народный поэтъ, Ярославъ Врхлицкій, — даже женщина съ самымъ мягкимъ сердцемъ. Она можетъ простить, если ты растратилъ ея состояніе, она проститъ, если ты забылъ, оскорбилъ, даже ударилъ ее, но если ты избралъ себѣ другую — этого она никогда не проститъ“.

Въ противоположность болтливымъ и сварливымъ старухамъ, существуютъ, впрочемъ, старухи въ стилѣ древне-римскихъ матронъ. Матрона была почтенная замужняя женщина, которой всѣ обязаны были величайшимъ уваженіемъ и одно прикосновеніе къ которой считалось преступленіемъ. Этимъ почетомъ пользуется женщина, олицетворяющая супружескую вѣрность и материнскую любовь, приносящая утѣшеніе скорбящимъ, осушающая слезы бѣдныхъ. Словно добрыя феи, шествуютъ эти женщины по землѣ, разсыпая благодѣянія въ качествѣ сестеръ милосердія, въ качествѣ членовъ благотворительныхъ обществъ, безшумно творящихъ добро, въ качествѣ матерей для сиротъ, — служа своимъ трудомъ дѣлу народныхъ столовыхъ, дѣтскихъ пріютовъ, яслей, попечительствъ о больныхъ туберкулезомъ и т. п. Это — матери народа, на нихъ оправдывается выраженіе философа Сэнтъ-Фуа: „Женское сердце — это бездонныя глубины любви“.

Женщина живетъ — и говоритъ, и мыслитъ — сердцемъ; если она больше не можетъ любить, какъ женщина, если она не могла изведать любви къ дѣтямъ, или дѣти, ставъ взрослыми, перестали нуждаться въ ея любви, — сердце ея ищетъ новаго поля дѣятельности. Мавръ Іокай называетъ женское сердце безбрежнымъ моремъ: „Знаешь ли ты, что гонитъ его волны? Знаешь ли, что таитъ въ себѣ темно-зеленая глубь? Знаешь ли, что нашептываютъ падающія звѣзды безкрайнему простору водъ? Знаешь ли, что несется горячимъ потокомъ изъ одного края міра въ другой? Знаешь ли, что ярко свѣтитъ тамъ, въ темной ночи? Если ты знаешь все это, — и тогда ты все же не знаешь всего, что живетъ въ сердцѣ женщины“ ...

Очеркъ женскаго движенія въ Россіи.

Д-ра А. Н. Шабановой.

Женское движеніе въ Россіи можетъ считать свое начало со второй половины XIX вѣка, — съ этой поры оно вступило на твердую почву, но для своей полной характеристики оно требуетъ историческихъ данныхъ о положеніи женщины въ Россіи въ болѣе ранніе періоды, которыя я постараюсь изложить вкратцѣ.

До Петра I русская женщина, лишенная просвѣщенія и самостоятельности, мирно спала въ запертомъ отъ всякаго общеніятеремѣ, представляя изъ себя безличную рабу, всецѣло подчиненную своему владыкѣ-мужчинѣ.

Но если углубиться въ сѣдую старину, то, по свидѣтельству историковъ, женщина въ древней Руси пользовалась (какъ и у первобытныхъ славянъ) большой свободой и самостоятельностью. Она располагала своимъ имуществомъ, выступала лично на судѣ, честь ея оберегалась строго, и обида, нанесенная ей, каралась болѣе высокой пеней, чѣмъ оскорбленіе мужчины. Въ случаѣ вдовства она дѣлалась главой семьи и воспитывала своихъ дѣтей; женщины ходили на войну, пользовались уваженіемъ и считались вѣщею силою. Эта докультурная эпоха была эпохой господства матріархата, предоставлявшаго женщинѣ выдающуюся соціальную роль, когда женщина стояла высоко и обладала самостоятельностью. Такъ говорятъ историки.

Въ нашей древней исторіи извѣстны даже такія женщины, которыя прославились какъ умныя правительницы. Типичной представительницей подобныхъ женщинъ является Ольга (945—957 г. г.), обладавшая государственнымъ умомъ и бывшая, по выраженію Шашкова, „великимъ мужемъ своего вѣка“. Ольга правила государствомъ, распространяла христіанство на Руси, и вела войны, самостоятельно участвуя въ нихъ и пользовалась въ народѣ извѣстностью, какъ „мудрѣйшая изъ людей“.

Но какъ только измѣнились соціальныя условія жизни, какъ только возникли общественныя учрежденія — семья и собственность, — такъ постепенно изъ госпожи и хозяйки женщина стала превращаться въ рабу.

И въ слѣдующую за первобытной эпоху, съ развитіемъ и наступленіемъ патріархальнаго родового начала, русская женщина, по достовѣрнымъ историческимъ даннымъ, постепенно теряетъ свою самостоятельность, превращаясь въ исключительно рабочую силу и собственность главы рода — мужчины. Онъ взялъ на себя обязанности защищать и пріобрѣтать (война), ей предоставилъ производить дѣтей и вести хозяйство, что и по-

служило основаніемъ къ водворенію принципа: міръ — домъ мужчинѣ, домъ — міръ женщинѣ!

При господствѣ дикихъ и варварскихъ нравовъ и обычаевъ того времени, когда право сильнаго замѣняло законъ, женщина эстественно должна была стать рабой, которая цѣнилась постольку, поскольку она была нужна для удовлетворенія чувственности мужчины, для его удовольствія, для дѣторожденія, для продолженія рода и для домашней работы.

Вліяніе византійской культуры, принесенной намъ христіанствомъ, вмѣсто возвышенія женщины, еще болѣе усилило ея подчиненное положеніе. Подъ этимъ вліяніемъ утвердилось понятіе о женщинѣ, какъ о существѣ грѣховномъ, нечистомъ и презираемомъ, котораго нужно избѣгать, чтобы не впасть въ искушеніе, держать въ строгости и не давать воли.

Христіанское ученіе, безконечно расширивъ человѣку горизонтъ свободы, нанесло ударъ рабству, но не содѣйствовало поднятію женщины на уровень развитія мужчины, оставляя ей подчиненное мѣсто.

Апостолъ Павелъ говоритъ: „не мужъ созданъ для жены, а жена для мужа". „Жена да не учитъ". И до сихъ поръ архаическое „жена да боится мужа" — проповѣдуется при исполненіи таинства брака...

Водвореніе татарскаго ига, затормозившаго надолго развитіе общественной и политической жизни въ Россіи, отразилось самымъ неблагопріятнымъ образомъ и на положеніи русской женщины. Мусульманскія воззрѣнія на женщинъ, какъ на низшія, пассивно подчиненныя существа, мало отличающіяся отъ животныхъ, не могли не проникнуть въ строй русской жизни и не привести къ признанію въ женщинѣ исключительно физической стороны. По господствовавшимъ азіатскимъ понятіямъ женщину откармливали и покоили для сохраненія въ ней красоты тѣла, для чувственнаго наслажденія, требуя отъ нея рожденія сыновей; дочери же цѣнились мало, число ихъ должно было быть умѣренное, — лишь для продолженія потомства.

Результаты этихъ совокупныхъ вліяній: съ одной стороны взглядъ на женщину, какъ на грѣховное существо, съ другой стороны — какъ на существо, служащее лишь для наслажденія мужчины, естественно должны были повести къ удаленію женщины изъ общества и къ возбужденію презрѣнія къ ней. Всякій протестъ со стороны ея считался проявленіемъ дьявольской силы, находящейся въ каждой женщинѣ и присущей ея индивидуальности.

Реальными формами, въ которыя вылились эти воззрѣнія на женщину, обрекшія ее на нравственное и духовное порабощеніе, явились теремъ и плетка Домостроя, которая учила повиноваться. Болѣе ста лѣтъ держали русскую женщину въ состояніи нравственнаго и умственнаго отупѣнія, подъ замкомъ, пока Петръ Великій не положилъ конца затворничеству женщинъ, установивъ въ 1718 г. ассамблеи и призвавъ женщинъ къ участію въ общественной жизни.

Но отворивъ терема, Петръ не могъ однимъ мановеніемъ руки уничтожить духа самодурства и деспотической тираніи власти отцовъ и мужей надъ дочерьми и женами, не могъ уничтожить

общей невѣжественности, достигавшей изумительныхъ размѣровъ, не могъ измѣнить грубости и дикой развращенности нравовъ.

Въ допетровское время громадное большинство женщинъ были безграмотны, только нѣкоторыя избранныя единицы знакомы были со священнымъ писаніемъ и читали душеспасительныя книги. Но изрѣдка появлялись и среди нихъ сильныя и образованныя по тому времени женщины, какъ, напр., жена Бориса Годунова, Ксенія, и его сестра Ирина, оказывавшія большое вліяніе на государственныя дѣла.

Благодаря своей консервативности и стойкости убѣжденій, русскія женщины XVII вѣка играли немалую роль въ исторіи раскола, проявляя поразительную энергію; такъ, пріятельница Аввакума, богатая, знатная боярыня Морозова посвятила всю себя борьбѣ съ Никоновскимъ ученіемъ. Ее гнали, лишили имущества, заключили въ тюрьму, подвергли пыткамъ, били плетьми, — она и умерла въ заточеніи, оставаясь фанатично вѣрной своимъ убѣжденіямъ. Такой же фанатичкой была и ея сестра. И такихъ сильныхъ духомъ женщинъ было не мало на Руси.

Еще болѣе яркимъ примѣромъ энергіи и самостоятельности является Софья, представляющая характерный историческій образъ. Будучи образованной по тому времени (Софья училась у Симеона Полоцкаго, знала иностранные языки), обладая краснорѣчіемъ, она свободно окружила себя мужчинами, властно подчинила себѣ стрѣльцовъ, поддерживая ихъ традиціи, и, овладѣвъ государственной властью, являлась какъ царь на судъ и расправу называя себя „самодержицей“. Подъ ея главнымъ вліяніемъ вспыхнулъ стрѣлецкій бунтъ, чуть не отодвинувшій надолго реформы Петра I. Софья—правительница представляется одной изъ выдающихся женщинъ, сбросившей съ себя цѣпи и оковы окружающей жизни, но, къ сожалѣнію, всѣ ея властныя стремленія были направлены только для достиженія честолюбивыхъ цѣлей въ борьбѣ съ наступавшими реформами, на зарѣ новой жизни для женщины. Эти реформы ввелъ Петръ, — онѣ подорвали родовое начало и патріархальную тиранію, — онъ вывелъ женщину изъ терема и ввелъ ее въ общественную жизнь. Дѣвушка получила право выходить замужъ по любви, по свободному выбору, а не по принужденію родителей, — это имѣло громадное значеніе; беременныя женщины были освобождены отъ пытокъ, общее положеніе женщинъ улучшилось, ихъ стали обучать грамотѣ и иностраннымъ языкамъ (вмѣстѣ съ братьями), но умственное развитіе ихъ все еще оставалось въ полномъ пренебреженіи. Да и не могло быть иначе: вѣковое вліяніе темноты не могло сразу разсѣяться, — внутренній строй, окружающія невѣжественность и грубость нравовъ оставались тѣ же.

Во время царствованія Елизаветы Петровны и Екатерины II, когда гуманныя идеи европейской культуры стали проникать въ наше общество, взгляды на женщину стали мягче, ея имущественное положеніе было улучшено, но проникшая вмѣстѣ съ культурой легкость нравовъ стала доходить до самаго утонченнаго разврата. Русская женщина того времени, безъ развитія, безъ образованія, почувствовавъ нѣкоторую свободу, могла проявить ее только въ отношеніяхъ къ мужчинѣ, подчиняясь примѣру французскихъ нравовъ съ той только разницей, что распу-

щенность нравовъ у французовъ облекалась въ утонченную форму, а у насъ она проявлялась въ безобразномъ, грубомъ видѣ. Въ первую половину царствованія Екатерины II существовало всего только одно женское учебное заведеніе — Воспитательное Общество благородныхъ дѣвицъ, основанное ею какъ строгій интернатъ для обученія изящнымъ искусствамъ, иностраннымъ языкамъ и благороднымъ манерамъ, съ цѣлью изолировать дѣтей отъ вліянія грубой семьи и некультурнаго общества.

Въ это заведеніе попадали, конечно, немногія, да и просвѣщенія получали мало.

Императрица Екатерина II.

Императрица Екатерина II-ая, выдающаяся женщина, обладавшая государственнымъ умомъ, находившаяся подъ вліяніемъ философскихъ идей Вольтера и Дидро, одушевленная просвѣщенными стремленіями, нападала на невѣжество современницъ, осмѣивая его въ своихъ сатирахъ, но фактически для образованія женщинъ ею сдѣлано было мало; страстная въ своихъ чувствахъ, увлекаясь государственными реформами, она предпочитала все мужское, и русскія женщины мало пріобрѣли во время царствованія великой женщины.

Я не буду распространяться объ Екатеринѣ Великой, исторической личности, имѣвшей выдающійся умъ и силу воли, совмѣщавшей въ себѣ великія достоинства и всѣ слабости нравовъ XVIII вѣка, и представлявшей исключительное явленіе въ исторіи не только Россіи, но и Европы.

Ярой защитницей равноправія женщинъ въ эпоху Екатерины II являлась ея сподвижница, княгиня Екатерина Романовна Дашкова, прозванная Россійской Минервой. Эта женщина представляется настолько замѣчательной, занимая выдающееся мѣсто среди русскихъ дѣятельницъ, что ея біографіи слѣдуетъ удѣлить особое вниманіе. Она достигла въ прошломъ столѣтіи [1]

[1] Въ 1910 г. исполнилось сто лѣтъ со времени ея смерти (1743—1810 г.).

такого высокаго положенія, о которомъ сто лѣтъ позднѣе не могутъ и думать современныя женщины.

Воспитанная на чтеніи Вольтера, Монтескье и др. философовъ, она не подчинилась вліянію пошлой французской литературы того времени и, не отличаясь красивой наружностью, всѣ стремленія сосредоточила на пріобрѣтеніи знаній и на достиженіи славы. Честолюбивая и сильная, обладая обширнымъ природнымъ умомъ и солиднымъ образованіемъ, Дашкова заняла выдающееся мѣсто на политической аренѣ, въ атмосферѣ которой она съ увлеченіемъ вращалась. Страстно преданная Екатеринѣ II, она энергично помогала ей достигнуть престола, принимая значительное участіе въ заговорѣ, который обошелся безъ кровавыхъ жертвъ, и заняла блестящее положеніе при дворѣ новой императрицы. Назначеніе Дашковой президентомъ академій наукъ и художествъ было исключительнымъ событіемъ не только для Россіи, но и для Европы. Какъ же воспользовалась своимъ высокимъ положеніемъ Дашкова? Она сумѣла объедидинить вокругъ себя лучшія литературныя силы, издавала журналъ „Собесѣдникъ" (въ числѣ сотрудниковъ котораго была и сама императрица), въ которомъ, рядомъ съ нападками на взяточничество, невѣжественность и съ сатирами на многихъ вельможъ, воскуривался фиміамъ самой „Фелицѣ", издала сочиненія Ломоносова и во многомъ преобразовала академію наукъ, которая при ней достигла блестящаго расцвѣта. Дашкова открыто выступала въ защиту правъ женщинъ, но въ то время восхваленіе способностей женщинъ было въ модѣ, въ виду царствованія женщины, и не встрѣчало оппозиціи, какъ сто лѣтъ спустя.

Но это блестящее положеніе Дашковой продолжалось не особенно долго: съ одной стороны властный характеръ и безтактность самой Дашковой относительно нѣкоторыхъ царедворцевъ, возбудившіе мелочные дрязги и наговоры, съ другой—ревнивое чувство Екатерины къ равной ей по уму женщинѣ, которая вмѣшивалась въ государственныя дѣла и приписывала удачу заговора себѣ, повели къ охлажденію, къ распрямъ, и въ концѣ концовъ навлекли на „президента Россійской Академіи и кавалера" немилость „Фелицы", которая выбросила своего бывшаго друга за бортъ. Оскорбленное самолюбіе гордой женщины не позволило ей оставаться при дворѣ, она удалилась съ надеждой на возвращеніе; но съ воцареніемъ императора Павла подверглась сильной непріязни, приведшей къ полному отреченію ея отъ всѣхъ должностей и изгнанію въ деревню.

Хотя въ наступившее затѣмъ царствованіе Александра I Дашкова и была опять призвана ко двору, но она уже была „стариной" и къ новымъ вѣяніямъ не подошла. Послѣдніе годы Дашкова провела въ полномъ одиночествѣ въ деревнѣ (она была въ разладѣ со своей семьей), гдѣ она написала свои интересные мемуары.

На этой женщинѣ можно видѣть отраженіе всей современной ей эпохи, съ ея противорѣчіями и смѣшеніемъ понятій — крѣпостное право и проповѣдь гуманныхъ философскихъ идей, мудрый Наказъ, составленный Екатериной, и ссылка Радищева въ Сибирь, игра въ любовь, фаворитизмъ, куртизанство и разумное правленіе. Она явилась одинокимъ свѣточемъ, вспыхнула и погасла, и

не нашла себѣ послѣдовательницъ, не послужила примѣромъ для другихъ, — потому ли, что наступившая реакція при Павлѣ оказала неблагопріятное вліяніе на всякую инициативу, или потому, что Дашкова была исключительной личностью, быстро поднявшеюся на недосягаемую высоту и доказавшею, на что можетъ быть способна высоко одаренная женщина. Самый фактъ, что государствомъ и просвѣщеніемъ руководили женщины, составилъ въ исторіи женскаго движенія одно изъ блестящихъ доказательствъ справедливости требованія равноправія. При такихъ условіяхъ говорить о подчиненности женщинъ считалось немыслимымъ.

Со временъ Екатерины II было предоставлено право женщинамъ занимать мѣста воспитательницъ и учительницъ въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Но контингентъ ихъ былъ ограниченъ вслѣдствіе отсутствія подготовки. Гдѣ можно было тогда учиться?

Императрица Марія Θеодоровна явилась основательницей женскихъ институтовъ въ Россіи. Обладая твердымъ характеромъ, сильной волей и талантомъ, императрица Марія, ненавидя развратъ предыдущей эпохи, направила всѣ силы, чтобы создать изъ институтовъ разсадники добродѣтельныхъ, чистыхъ нравовъ патріотокъ, для подготовленія образованныхъ матерей и гувернантокъ. Но вступленіе въ жизнь, въ семьи невѣжественныхъ, жестокихъ рабовладѣльцевъ сотенъ дѣвушекъ, воспитанныхъ съ идеалистическими стремленіями, въ строгихъ институтскихъ стѣнахъ, сопровождалось мучительными разочарованіями, создавшими типъ институтки-„жертвы“, по выраженію Гоголя — „голубки въ черной стаѣ вороновъ“.

Институтское воспитаніе готовило чуждыхъ дѣйствительной жизни барышень-невѣстъ; чувствительно-сантиментальныя, начитавшіяся потихоньку Марлинскаго и французскихъ романовъ, онѣ, подъ вліяніемъ окружающей обстановки, поневолѣ превращались въ помѣщицъ-деспотокъ, чиновницъ-взяточницъ или оставались непонятыми натурами, блуждавшими въ заоблачныхъ сферахъ.

Пушкинъ такъ характеризуетъ женщинъ своего времени:

По-русски плохо знала,
Журналовъ нашихъ не читала
И выражалася съ трудомъ
На языкѣ своемъ родномъ.

Тѣмъ не менѣе интересъ къ чтенію постепенно возросталъ, сначала въ высшихъ, а затѣмъ и въ среднихъ кругахъ, и вліяніе школы Карамзина и поэзіи Жуковскаго вмѣстѣ съ институтскимъ воспитаніемъ вносили поэзію и романтизмъ, смягчавшіе отношенія половъ. Громадное вліяніе на развитіе и сознаніе свободы чувства оказала Жоржъ-Зандъ. Подъ ея вліяніемъ пробудилось сознаніе о правѣ женщинъ свободно любить, свободно распоряжаться своей личностью, стремленіе приносить въ жертву матеріальныя блага высшимъ идеаламъ.

Въ началѣ XIX столѣтія женщины стали болѣе интересоваться литературой, какъ отечественной, такъ и иностранной, и даже писать, несмотря на клички философокъ, педантокъ и синихъ чулковъ, семинаристовъ въ шали, которыми ихъ награждали.

Что русская женщина жила въ то время больше сердцемъ и чувствомъ самопожертвованія, доказываетъ лучше всего историческій фактъ, когда жены декабристовъ, избалованныя, богатыя

аристократки, пошли за мужьями въ далекую Сибирь, перенесли всѣ лишенія: каторгу, поселеніе, униженія, поддерживая и спасая мужей отъ безумія или самоубійства... Въ общемъ женщина всюду играла роль безмолвной тѣни мужчины, считая своимъ долгомъ растворять свое „я“ въ личности любимаго мужчины и жертвовать ему всѣмъ. Таковы героини: Татьяна Пушкина, Лиза Тургенева, Елена въ „Накапунѣ“, долго служившія идеалами, плѣнявшими воображеніе цѣлыхъ поколѣній.

Въ 40—50-хъ годахъ, послѣ темноты и придушенности мысли, когда прошли времена Аракчеева и Шишкова, наступило пробужденіе общественнаго духа, которое не могло не отразиться и на русской женщинѣ.

Идея освобожденія крестьянъ, сознаніе позора рабовладѣнія, постоянно захватывавшія лучшіе умы, вносили освобожденіе и въ жизнь женщины. Шагъ за шагомъ отходили въ вѣчность тиранія надъ женами, розги и побои, прекращалась торговля людьми, право первой ночи и другіе ужасы крѣпостного права. Громадное вліяніе оказала литература. Подъ вліяніемъ Искандера, Дружинина и въ особенности Бѣлинскаго въ жизни русской женщины наступилъ умственный расцвѣтъ, смѣнившій жизнь исключительно сердцемъ. Бѣлинскій нанесъ страшный ударъ романтизму и былъ однимъ изъ первыхъ учителей русскихъ женщинъ, призывавшій ихъ къ умственному развитію, къ участію въ сферѣ общественной дѣятельности и семейной жизни при равенствѣ правъ и обязанностей съ мужьями. Герценъ пошелъ еще далѣе, явившись яркимъ партизаномъ равноправія женщинъ.

Эти писатели подготовили почву для 60-хъ годовъ, когда подъ вліяніемъ свѣтлыхъ и смѣлыхъ идей передовыхъ учителей женщинъ — Добролюбова, Писарева, Михайлова и въ особенности Чернышевскаго — русская женщина вступила на путь эмансипаціи. Вліяніе освободительной эпохи, наплывъ новыхъ идей, призывъ къ новой жизни, паденіе крѣпостного права, измѣнившаго экономическія условія жизни, подняли духъ женщины и повели ее къ самостоятельному заработку и къ исканію свободы. Но какія профессіи были доступны въ то время для женщины въ Россіи? Тяжелая, зависимая профессія гувернантки и узкая спеціальность акушерки... Переворотъ въ экономическихъ условіяхъ заставилъ женщину искать профессію, которая бы обезпечивала ея независимое существованіе, и для этого необходимы были знанія и подготовка къ труду.

Началась борьба съ родителями и мужьями, ставившими препятствія на пути стремленія женщинъ учиться, считавшими это стремленіе гибельнымъ, вступленіемъ въ нигилистки и ступенью къ разврату; но героинь, преодолѣвавшихъ эти препятствія, становилось все больше и больше. Русскія дѣвушки вмѣсто романовъ зачитывались Д. Стюартомъ Миллемъ, вмѣсто заучиванія стиховъ для писанія въ альбомы засѣли за математику и естественныя науки.

Десятки молодыхъ дѣвушекъ того времени, чтобы вырваться изъ-подъ опеки семейнаго гнета, прибѣгали къ компромиссу въ формѣ фиктивнаго брака, получая отъ мужа тотчасъ послѣ вѣнчанія отдѣльный видъ на жительство, чтобы ѣхать учиться въ заграничные университеты, за невозможностью доступа въ оте-

чественные. Но этотъ выходъ покупался иногда слишкомъ дорогой цѣной и приводилъ къ печальнымъ послѣдствіямъ при неудачномъ выборѣ фиктивнаго мужа.

Во всякомъ движеніи бываютъ и отрицательныя стороны, — такъ и въ женскомъ движеніи 60-хъ годовъ, вмѣстѣ съ серьезнымъ направленіемъ, жаждой самообразованія, передовыя женщины выражали протестъ старому строю тѣмъ, что усваивали мужскія манеры, мужской костюмъ, что и навлекло названіе нигилистокъ, которымъ безъ разбора крестили всѣхъ женщинъ стремившихся къ образованію. Но это была мода, нѣкоторый протестъ, внѣшнее наслоеніе изъ чувства подражанія болѣе развитому типу, которое скоро исчезло и сдано было въ архивъ.

Открытіе женскихъ гимназій (1-я Маріинская была основана въ Петербургѣ въ 1858 г.), какъ всесословныхъ учрежденій, привлекло массу ученицъ (хотя вначалѣ „привилегированные“ родители сильно побаивались вліянія „толпы“), которыя, по окончаніи курса, стремились идти дальше. Но высшаго образованія не было для женщинъ. А жажда просвѣщенія была такъ сильна, такъ охватила женскую молодежь, что никакія силы не могли ее уничтожить.

Е. И. Конради.

Образовывались кружки, группировавшіе женщинъ, желающихъ учиться, собирались по всей Россіи подписи для петицій о допущеніи женщинъ въ университеты. Въ 1861—1862 г., подъ давленіемъ этого движенія, петербургскій университетъ открылъ свои двери для женщинъ, и даже предполагалось возбудить вопросъ о допущеніи женщинъ во всѣ университеты, но вопросъ этотъ обобщили съ наступившими студенческими безпорядками, и онъ погибъ надолго, — двери петербургскаго университета скоро закрылись и стоятъ закрытыми для женщинъ и до сихъ поръ. Первая женщина, явившаяся въ Петербургскій университетъ, была К. І. Корсини, за ней послѣдовали М. А. Богданова, А. Н. Блюммеръ и Н. П. Суслова.

Одна изъ передовыхъ женщинъ того времени Е. И. Конради, литераторъ-публицистъ, въ 1867 г. внесла на 1-й съѣздъ естествоиспытателей въ Петербургѣ предложеніе о необходимости основанія высшихъ курсовъ для женщинъ. Съѣздъ выразилъ сочувствіе, но ходатайствовать передъ правительствомъ отказался.

Оставался одинъ исходъ — частная иниціатива. Объединенными усиліями выдающихся по энергіи и преданности къ дѣлу

М. В. Трубникова.

просвѣщенныхъ женщинъ, М. В. Трубниковой, А. П. Философовой, Н. В. Стасовой, неустанныхъ борцовъ за женское образованіе, и нѣкоторыхъ профессоровъ университета, были учреждены общеобразовательные курсы (Владимірскіе, Аларчинскіе и др.), которые привлекали массу слушательницъ и послужили преддверіемъ къ открытію въ 1878 г. Высшихъ женскихъ курсовъ въ Петербургѣ, какъ оффиціальнаго правительственнаго учрежденія, въ которомъ приняли участіе всѣ выдающіяся силы университета, и куда сразу записалось 800 слушательницъ.

Петербургскіе Высшіе женскіе курсы, носившіе названіе Бестужевскихъ, по имени перваго директора профессора К. Н. Бестужева-Рюмина, не давали никакихъ правъ, но удовлетворяли потребность въ высшемъ образованіи, чѣмъ и объясняется все увеличивавшійся контингентъ слушательницъ. Многія изъ окончившихъ курсы посвятили себя научному труду и дали рядъ серьезныхъ изслѣдованій, большинство вступило на педагогическое поприще, многія отдались безкорыстной и тяжелой работѣ въ званіи сельскихъ учительницъ. Въ исторіи и дѣятельности этого перваго женскаго университета принимали энергичное участіе Н. В. Стасова, А. П. Философова, В. П. Тарновская и О. К. Нечаева[1]. Но удовлетворить всѣхъ эти курсы не могли, несмотря на ихъ научное значеніе, тѣмъ болѣе что они не давали медицинскихъ знаній, къ изученію которыхъ обнаружилось особенное тяготѣніе у женской молодежи. Походъ въ акушерки — единственной въ то время доступной профессіи

Н. В. Стасова.

[1] Желающіе подробно ознакомиться съ исторіей возникновенія Высшихъ женскихъ курсовъ въ Петербургѣ могутъ прочесть очеркъ „Празднованіе двадцатипятилѣтія С.-Петербургскихъ Высшихъ курсовъ“ изданіе комитета курсовъ, 1904 г.

Л. А. Шанявская-Родственная.

для женщинъ — скоро прекратился, вслѣдствіе отсутствія требуемыхъ для этой спеціальности серьезныхъ и общихъ знаній; двери медико-хирургической академіи и университетовъ были закрыты; единственнымъ выходомъ являлось ученіе за границей, гдѣ нѣкоторые университеты Швейцаріи (первый Цюрихскій) предоставили не только свободный доступъ для женщинъ, но и ученыя степени. Первыя русскія, воспользовавшіяся этимъ правомъ, были Н. П. Суслова и М. А. Бокова, окончившія курсъ Цюрихскаго университета въ 1867 году.

Примѣръ этихъ піонерокъ вызвалъ сильное движеніе за границу для изученія медицины, русскія проникли и въ другіе университеты (Бернъ, Кенигсбергъ, Гельсингфорсъ), но это были счастливыя единицы, матеріально обезпеченныя, для большинства же заграничные университеты представлялись мечтой, а отечественные подъ замкомъ. Единственное исключеніе было сдѣлано для В. А. Кашеваровой (впослѣдствіи Рудневой), которой по ходатайству ген.-губернатора Оренбургскаго края, стипендіаткой котораго состояла В. А., разрѣшено было пройти курсъ медицинскихъ наукъ въ медико-хирургической академіи. В. А. Кашеварова окончила курсъ въ 1868 г. и въ 1876 г. защитила диссертацію на доктора медицины. Это осталось исключеніемъ, и всѣмъ другимъ, желавшимъ воспользоваться этимъ примѣромъ, было отказано.

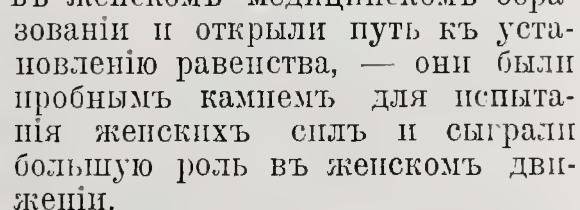

О. К. Нечаева.

А. П. Философова.

Между тѣмъ борьба за образованіе шла усиленнымъ темпомъ, нѣкоторыя дѣвушки сдавали экзамены на полный курсъ мужскихъ гимназій, но никакіе дипломы не двигали впередъ вопроса. Однако усиленная эмиграція женской молодежи за границу, петиціи женщинъ объ открытіи доступа въ отечественные храмы науки, сочувствіе профессоровъ образованію женщинъ обратили, наконецъ, вниманіе правительства и высшаго медицинскаго міра. Въ 1872 г. были открыты при медико-хирургической академіи въ Петербургѣ, въ видѣ опыта, „женскіе врачебные курсы" (сначала подъ названіемъ „курсовъ ученыхъ акушерокъ"), благодаря сочувствію бывшаго военнаго министра Д. А. Милютина и начальника академіи Н. И. Козлова. Средства для оборудованія врачебныхъ курсовъ — 50,000 р. — пожертвовала ревнительница женскаго медицинскаго образованія Л. А. Шанявская-Родственная.

Эти курсы составили эру въ женскомъ медицинскомъ образованіи и открыли путь къ установленію равенства, — они были пробнымъ камнемъ для испытанія женскихъ силъ и сыграли большую роль въ женскомъ движеніи.

П. Н. Тарновская.

Много лишеній, стѣсненій, ненужныхъ строгостей выпало на долю первыхъ слушательницъ врачебныхъ курсовъ, но желаніе учиться и получить права преодолѣвали всѣ тренія на этомъ пути.

Въ 1877 г. въ Россіи появились первыя женщины-врачи de facto, но не de jure, потому что онѣ не имѣли еще никакихъ правъ; но несмотря на безправіе, онѣ тотчасъ начали свою дѣятельность въ городскихъ больницахъ, въ земствахъ, въ клиникахъ и въ ученыхъ лабораторіяхъ. Къ числу врачей перваго выпуска

принадлежать П. Н. Тарновская, А. Н. Шабанова, Р. А. Павловская, Ю. И. Заволжская и др. Д-ръ П. Н. Тарновская не только принимала дѣятельное участіе въ открытіи женскихъ врачебныхъ курсовъ, но и своими многочисленными трудами по антропологіи пріобрѣла извѣстность въ области научнаго міра. Половина выпускныхъ слушательницъ еще до окончанія курса, по объявленіи войны съ Турціей, отправились на театръ военныхъ дѣйствій (В. Некрасова, Н. И. Драгневичъ, М. М. Мельникова и др.), гдѣ ихъ самоотверженная дѣятельность и научная подготовка снискали себѣ должную оцѣнку начальствующихъ лицъ; другая половина выпускного курса осталась сдавать окончательные экзамены, которые были обставлены всевозможными затрудненіями.

А. Н. Шабанова.

Женскіе врачебные курсы, состоявшіе при военномъ министерствѣ, жили 10 лѣтъ, давая Россіи ежегодно подготовленныхъ врачей, но въ 1881 г. были закрыты по распоряженію военнаго министра П. С. Ванновскаго. Министерство народнаго просвѣщенія также отказало принять ихъ въ свое вѣдѣніе, какъ и Министерство внутреннихъ дѣлъ.

Опять началось движеніе, агитація, собираніе средствъ, борьба съ препятствіями за возобновленіе женскаго медицинскаго образованія въ Россіи. Въ этой работѣ главное участіе принимали женщины-врачи и бывшіе профессора курсовъ. Вновь пришла на помощь дѣлу семья Шанявскихъ и много другихъ сочувствующихъ лицъ. На дѣло возобновленія курсовъ откликнулась вся Россія, и за короткій періодъ времени было собрано 700,000 руб. на эту цѣль.

Такое сочувствіе русскаго общества дѣлу женскаго врачебнаго образованія, несмотря на противодѣйствіе сверху, находитъ свое объясненіе

Р. А. Павловская.

въ дѣятельности первыхъ женщинъ-врачей. Піонеркамъ этого дѣла пришлось пробить твердую броню невѣжественности, предразсудковъ и недоброжелательности, чтобы доказать свою правоспособность. На войнѣ, въ земствахъ, въ городахъ и въ глухихъ деревняхъ женщина-врачъ работала наравнѣ съ мужчиной; она работала и на поприщѣ науки, представивъ научные труды (Шабанова, Тарновская и др.), и на педагогическомъ поприщѣ, какъ преподавательница гигіены, и въ качествѣ ассистентки при клиникахъ, и работала безъ правъ и часто безъ всякаго вознагражденія. Заслуги женщинъ-врачей были сознаны и правительствомъ, признаны обществомъ, и земствомъ, и народомъ, что и выразилось въ единодушномъ протестѣ противъ рѣшенія военнаго министра закрыть женскіе врачебные курсы, состоявшіе при военномъ министерствѣ. Опубликованное постановленіе было поколеблено, офиціальныхъ поводовъ къ отказу о возрожденіи курсовъ не находилось: съ одной стороны женщины-врачи доказали свою подготовку и заслужили общественное признаніе, съ другой стороны представлялось матеріальное обезпеченіе на устройство курсовъ. И послѣ разныхъ странствованій „дѣла“ по комиссіямъ, послѣ кипы исписанныхъ отношеній, въ 1897 г. былъ открытъ Женскій медицинскій институтъ въ Петербургѣ, какъ государственное учрежденіе. И женщинамъ-врачамъ присуждены права равныя съ мужчинами на врачебную дѣятельность и на государственную службу (кромѣ правъ по чинопроизводству). Эта побѣда праздновалась всей культурной частью Россіи, такъ горячо отозвавшейся на возрожденіе женскаго врачебнаго образованія.

В. Некрасова. (Умерла на войнѣ).

Я не буду перечислять всѣхъ существующихъ въ настоящее время въ Россіи женскихъ курсовъ, какъ медицинскихъ, такъ и высшихъ, — почти во всѣхъ большихъ центрахъ организованы или организуются эти разсадники образованія для женщинъ, обязанные своимъ возникновеніемъ главнымъ образомъ частной и общественной иниціативѣ и вліянію женщинъ. Но заканчивая очеркъ прошлаго, не могу пропустить упоминанія о нашей знаменитой ученой-математикѣ Софьѣ Ковалевской, имя которой извѣстно въ Европѣ, которая, не признанная въ Россіи, была избрана профессоромъ Стокгольмскаго университета и прославила себя многими цѣнными научны трудами.

Въ послѣдніе годы въ Россіи начало развиваться профессіональное техническое образованіе женщинъ, появились сельско-

хозяйственные, политехническіе, архитектурные женскіе курсы, и въ настоящее время у насъ насчитывается извѣстное количество женщинъ агрономовъ, архитекторовъ, инженеровъ, и многія изъ нихъ уже на практикѣ примѣняютъ съ успѣхомъ свои знанія.

Однимъ изъ назрѣвшихъ вопросовъ является вопросъ о допущеніи женщинъ къ адвокатурѣ; женщины, добившіяся съ большимъ трудомъ юридическаго образованія, выдержавшія экзаменъ на доктора правъ, какъ г-жи Подгурская, Баумштейнъ, Бубнова, Флейшицъ и др., не допускаются къ адвокатурѣ. Почему? Только потому, что женщина не мужчина...

М. М. Мельникова.

Первая въ Россіи женщина-юристъ, окончившая курсъ въ Лейпцигскомъ университетѣ въ 1873 г. была А. М. Еврейнова, посвятившая себя потомъ разработкѣ научныхъ вопросовъ.

Борьба русскихъ женщинъ за образованіе, за знанія, стремленіе къ самосовершенствованію отняла много силъ и времени и принесла результаты. Нѣкоторые пути открыты, женщина можетъ учиться и въ нѣкоторыхъ областяхъ прилагать къ жизни свои знанія. Поле ея дѣятельности и область приложенія труда расширились. Но, достигнувъ частичной самостоятельности, добившись права учиться, русская женщина столкнулась съ дѣйствительностью, поставившей ей преграды, скованныя нашимъ законодательствомъ, лишающимъ ее самыхъ примитивныхъ правъ человѣка. Гражданскія права женщины ограничены, политическихъ правъ она не имѣетъ вовсе.

Выступивъ на арену общественной жизни, убѣдившись фактически въ своемъ безправіи, въ пониженной оцѣнкѣ своего труда, выросшая за послѣдніе годы, русская женщина не могла не направить своихъ силъ на борьбу съ этими условіями и на отстаиваніе человѣческихъ правъ.

Такъ возникло такъ называемое политическое движеніе русскихъ женщинъ, особенно ярко выразившееся въ послѣдніе годы, которые принесли съ собой сильный подъемъ общественнаго самосознанія. Борьба за образованіе смѣнилась борьбой за права.

Шедшія рядомъ съ мужчиной въ революціонномъ движеніи женщины, какъ Перовская, Армфельдъ, Фигнеръ и мн. другія, боролись за свободу; нелегальныя, какъ и ихъ товарищи мужчины, онѣ сознавали себя равными съ ними, равными въ без-

правіи, равными въ совершеніи одной работы и равными при осужденіи на каторгу или эшафотъ.

Въ соціалистическихъ партіяхъ, гдѣ требованія ставились широко и требовались коренныя соціальныя реформы, равноправіе женщинъ признавалось само собой, какъ одна изъ необходимостей.

Но большая часть женщинъ, работавшая въ легальныхъ сферахъ жизни, постоянно, на каждомъ шагу, наталкивалась на загражденія, основанныя на привилегіи мужской личности надъ женской.

При подобныхъ условіяхъ естественно должна была возникнуть борьба за равноправіе, борьба женщинъ за свои человѣческія права, — такъ называемое женское освободительное движеніе.

Это движеніе тѣсно связано съ прогрессивными соціальными вопросами нашего времени, и хотя результатовъ борьбы еще немного, но нельзя не признать, что въ этомъ направленіи русская женщина шагнула довольно далеко, пріобщилась къ общей культурной жизни и проявила свои силы въ ней.

Сознаніе своего безправія, изолированности отъ общеполитической жизни страны, необходимости общими усиліями работать для достиженія равноправія, побудило женщинъ сплотиться и организоваться для общей дѣятельности. Такими организаціями явились женскія общества, союзы и женскіе клубы, которые были разрѣшены только въ послѣдніе годы.

Первымъ и старѣйшимъ союзомъ женщинъ въ Россіи, сплотившимъ интеллигентныхъ женщинъ, было „русское женское взаимно-благотворительное общество", разрѣшенное съ большими затрудненіями въ 1895 г. Первые годы дѣятельности этого общества были посвящены объединенію женщинъ, поддержкѣ трудящихся, улучшенію положенія неимущихъ, самообразованію и культурнымъ вопросамъ. По условіямъ того времени общество имѣло замкнутый характеръ и въ свой клубъ допускало только женщинъ. Но незамѣтно жизнь выдвинула и натолкнула общество на правовые, общіе и политическіе вопросы, которые заняли скоро доминирующее мѣсто въ его сферѣ дѣятельности.

Въ первую очередь были поставлены обществомъ требованія освобожденія женщинъ отъ паспортныхъ стѣсненій, уравненія правъ наслѣдства, участія женщинъ въ земскомъ и городскомъ самоуправленіи, допущенія въ университеты и расширенія области труда. Общество обращалось и въ административныя учрежденія и въ городскія и земскія самоуправленія, и къ ректорамъ университетовъ, и собрало со всей Россіи статистическія свѣдѣнія о службѣ и вольнонаемномъ трудѣ женщинъ. Бюро по изслѣдованію женскаго труда въ Россіи работало подъ предсѣдательствомъ члена совѣта общества Е. В. Авиловой и собрало значительный матеріалъ по этому вопросу. Затѣмъ, выдвинутъ былъ и вопросъ объ участіи женщины въ политической жизни страны.

Въ 1905 г., когда всю Россію охватило ожиданіе свободы, когда духъ надежды окрылилъ всѣ слои общества, предсѣдательница и одна изъ учредительницъ русскаго женскаго взаимно-благотворительнаго общества, д-ръ А. Н. Шабанова внесла въ

общее собраніе предложеніе, принятое единогласно, — возбудить ходатайство о привлеченіи женщинъ къ участію въ предстоящемъ „собраніи уполномоченныхъ“ (земскомъ соборѣ), по рескрипту отъ 18 февраля, въ которомъ возвѣщалось „о привлеченіи достойнѣйшихъ, довѣріемъ народа облеченныхъ, избранныхъ отъ населенія людей“.

Это первое въ Россіи требованіе для женщинъ равныхъ политическихъ правъ съ мужчинами было направлено совѣтомъ общества въ комитетъ министровъ. Отвѣта не послѣдовало, но его прочла вся Россія въ опубликованномъ законѣ отъ 6 августа 1905 г., по смыслу котораго женщины приравнивались къ лицамъ несовершеннолѣтнимъ, слабоумнымъ и состоящимъ подъ судомъ. Это было coup de fouet для всѣхъ сознательныхъ женщинъ.

Совѣтъ женскаго общества, по предложенію А. Н. Шабановой, рѣшилъ сдѣлать попытку объединить женщинъ Россіи въ петиціи о дарованіи избирательныхъ правъ женщинамъ и петицію направить въ созываемую первую Государственную Думу. Съ этой цѣлью были разосланы воззванія, призывавшія русскихъ женщинъ къ объединенію и къ отстаиванію своихъ правъ.

Появился Высочайшій манифестъ 17 октября 1905 г., распространявшій права избранія въ Государственную Думу на тѣ классы, которые были лишены этихъ правъ. Въ виду этого совѣтъ женскаго общества обратился къ графу Витте съ запросомъ: причисляются ли и женщины къ избирательнымъ классамъ, или половина населенія Россіи лишена права голоса? Графъ Витте отвѣчалъ, что при изданіи манифеста 17 октября вопросъ о предоставленіи женщинамъ избирательныхъ правъ не обсуждался. Тогда совѣтъ женскаго общества направилъ въ совѣтъ министровъ мотивированное ходатайство о необходимости распространить законъ 17 октября и на женщинъ, но это обращеніе осталось безъ отвѣта.

Итакъ, въ силу законовъ 6 августа и 17 октября женщины были исключены изъ числа правоспособныхъ гражданъ Россіи, и всѣ попытки оффиціальныхъ ходатайствъ остались безъ результата. Оставался одинъ путь, обращеніе отъ имени русскихъ женщинъ прямо въ Государственную Думу. Этотъ путь былъ принятъ русскимъ женскимъ обществомъ, собравшимъ въ три мѣсяца болѣе 5,000 подписей подъ петиціей слѣдующаго содержанія.

РУССКОЕ ЖЕНСКОЕ
ВЗАИМНО-БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОЕ
ОБЩЕСТВО.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Спасская, 18.
3 мая 1906 г.

Въ Государственную Думу.

Въ великій день открытія Государственной Думы, день, котораго вся Россія ожидала съ напряженнымъ нетерпѣніемъ, когда собрались первые избранники русскаго народа, среди нихъ нѣтъ ни одной женщины и ни одного представителя, избраннаго непосредственно женщинами.

Правительственными актами отъ 6 августа, 17 октября и 11 декабря половина населенія Россіи лишена права голоса въ общемъ для всѣхъ гражданъ дѣлѣ, признана неправоспособной и отнесена къ категоріи несовершеннолѣтнихъ и безправныхъ существъ.

Русское женское взаимно-благотворительное общество, неустанно служившее въ теченіе 10 лѣтъ своего существованія интересамъ женщинъ и поддержанное сочувствіемъ нижеподписавшихся лицъ, считаетъ своей нравственной обязанностью во имя справедливости, во имя защиты человѣческаго достоинства женщины, поставить на рѣшеніе Государственной Думы вопросъ о политическомъ равноправіи женщинъ въ Россіи.

Русская женщина во всѣхъ областяхъ труда и заботъ въ дѣлѣ развитія и роста родины участвуетъ наравнѣ съ мужчиной: въ трудѣ крестьянскомъ, земледѣльческомъ, въ работѣ фабричной, промышленной, на поприщѣ науки, литературы и искусства, на службѣ въ правительственныхъ, общественныхъ и частныхъ учрежденіяхъ, въ высокомъ служеніи врача и учительницы, въ несеніи великихъ обязанностей воспитанія будущихъ гражданъ. Она платитъ налоги и подати наравнѣ съ мужчиной и одинаково отвѣтствуетъ передъ обязательнымъ для всѣхъ гражданъ закономъ.

Являясь одинаковой плательщицей налоговъ, труженницей наравнѣ съ мужчиной, отвѣтственной въ одинаковой мѣрѣ передъ закономъ, женщина, по справедливости, должна имѣть право на защиту своихъ интересовъ путемъ участія въ законодательномъ собраніи, рѣшенія котораго такъ же близко касаются ея судьбы, какъ и мужчины.

Къ такому справедливому заключенію пришли почти всѣ возникшія за послѣднее время русскія политическія партіи, внесшія въ свои программы требованія объ избирательныхъ правахъ „безъ различія пола“.

Къ депутатамъ этихъ партій и ко всѣмъ представителямъ Россіи въ Государственной Думѣ обращаемся мы, русскія женщины:

Избранники земли русской, вы призваны къ великой созидательной работѣ на пользу нашей родины, отнеситесь справедливо и безпристрастно къ заявленію женщинъ, требующихъ уравненія правъ, отзовитесь согласіемъ на многочисленные голоса тѣхъ, кто твердо убѣжденъ въ правотѣ своихъ требованій, и, въ числѣ реформъ, обновляющихъ Россію, внесите обновленіе въ жизнь женщинъ, признавъ за ними равныя права для участія въ служеніи родинѣ.

Предсѣдательница совѣта ***А. Шабанова.***

Секретарь ***Е. Чебышева-Дмитріева.***

Этотъ историческій документъ — обращеніе женщинъ къ представителямъ народа — былъ врученъ предсѣдательницей совѣта женскаго общества А. Н. Шабановой и членами совѣта 3 мая 1906 г. въ Государственной Думѣ депутатамъ Е. И.

Кедрину и профессору Л. І. Петражицкому. Петиція эта послужила поводомъ къ извѣстной рѣчи проф. Петражицкаго 6 іюня въ Государственной Думѣ „обоснованія женскаго равноправія", въ которой онъ настаивалъ, что интересы государства, общества и культуры требуютъ признанія за женщиной избирательныхъ правъ. Много другихъ рѣчей было произнесено въ этотъ день въ Государственной Думѣ за и противъ предоставленія женщинамъ избирательныхъ правъ, въ числѣ защитниковъ выступилъ даже представитель мусульманъ; въ результатѣ, законопроектъ объ уравненіи правъ женщинъ сданъ былъ въ комиссію и не увидѣлъ свѣта, такъ какъ первая Дума скоро была распущена.

Но движеніе женщинъ въ этомъ направленіи не остановилось.

Русское женское общество обратилось ко всѣмъ существующимъ въ Россіи женскимъ организаціямъ и обществамъ и отъ имени этихъ объединенныхъ корпорацій, съ присоединеніемъ 7,000 подписей, обратилось во вторую Государственную Думу съ коллективнымъ заявленіемъ о необходимости поставить вопросъ объ избирательныхъ правахъ женщинъ на разсмотрѣніе законодательнаго собранія.

Но и вторая Дума была распущена ранѣе, чѣмъ приступила къ обсужденію этого вопроса...

Одновременно съ дѣловой, хотя и горячей работой женскаго взаимно-благотворительнаго общества кипѣла работа и въ только что народившемся юномъ союзѣ равноправія женщинъ, возникшемъ въ 1905 г., который велъ также широкую агитацію, собиралъ съѣзды делегатокъ, издавалъ брошюры и всѣми способами распространялъ идею равноправія. Но увлеченіе общей политической платформой того времени, смѣлыя требованія государственныхъ реформъ, все захватывавшая программа союза, отсутствіе планомѣрности въ организаціи, вмѣстѣ съ неблагопріятными внѣшними условіями, были причинами недолгаго существованія этого союза. Онъ распался, оставивъ по себѣ память увлекательнаго, горячаго проблеска жизни, въ которомъ женщины проявили массу энергіи въ защиту своихъ правъ.

Оглядываясь назадъ, на такъ называемый революціонный періодъ времени, нельзя не признать, что русская женщина обнаружила много энтузіазма въ освободительномъ движеніи, какъ въ активной, такъ и вспомогательной (партійной) дѣятельности. Она пошла и въ ряды революціонеровъ, участвовала въ пропагандѣ, работала усердно въ различныхъ демократическихъ партіяхъ, посѣщала всѣ митинги, предсѣдательствовала на нихъ, участвовала въ борьбѣ, жертвовала своей жизнью и шла въ тюрьму, въ ссылку и на эшафотъ наравнѣ съ мужчиной, горько сознавая, что только въ минуты осужденія ей не отказывали въ признаніи ея равноправія.

Общій подъемъ силъ, страстное увлеченіе политическимъ движеніемъ не могли, понятно, не увлечь и не заразить женщину, но когда прошло лихорадочное возбужденіе и наступилъ подсчетъ, она должна была убѣдиться, что ея правовое положеніе ни на іоту не измѣнилось: гражданкой ее не признали и человѣческихъ правъ ей не присудили, — она осталась попрежнему у стараго корыта, и рыбка золотая скрылась въ глуби синяго моря.

И въ сознаніе русской женщины проникло настоятельное стремленіе добиваться своихъ правъ, добиваться самостоятельно, путемъ единенія и организованной работы, какъ это давно уже сознано женщинами Запада.

Нѣкоторыя представительницы женскаго движенія въ Россіи, побывавъ на международныхъ женскихъ конгрессахъ, ознакомились съ серьезными и настойчивыми стремленіями своихъ заграничныхъ сестеръ, вошли въ сношенія съ ними и научились многому полезному.

Наступившая въ Россіи реакція послѣ освободительнаго періода уничтожила массовое оживленіе, стерла съ лица нѣкоторыя организаціи, охладила порывы и энтузіазмъ, но не уничтожила идеи. Отдѣльные женскіе кружки продолжали свою работу, открылось нѣсколько новыхъ женскихъ обществъ и клубовъ (въ Кіевѣ, Саратовѣ, Москвѣ, Петербургѣ, Ростовѣ на Дону, Тифлисѣ и др.), которые преслѣдуютъ задачи равноправія.

Въ недавнее время образовалось въ Петербургѣ общество подъ названіемъ „Всероссійская Лига равноправія" и „общество защиты правъ женщинъ".

Уже въ 1906 г. при Русскомъ женскомъ взаимно-благотворительномъ обществѣ въ Петербургѣ образовался спеціальный отдѣлъ, — отдѣлъ избирательныхъ правъ женщинъ, поставившій себѣ цѣлью объединять женщинъ въ завоеваніи правъ. Кромѣ собраній отдѣла, на которыхъ разбираются вопросы, относящіеся къ жизни женщинъ, дѣлаются сообщенія о заграничныхъ конгрессахъ и т. п., отдѣломъ, при содѣйствіи приглашенныхъ членовъ третьей Государственной Думы, возбуждены для проведенія въ этомъ законодательномъ собраніи заявленія объ уравненіи наслѣдственныхъ правъ, о раздѣльномъ жительствѣ супруговъ (оба вопроса возбуждаются вторично), объ участіи женщинъ въ земскомъ и городскомъ самоуправленіи и др. Заявленія эти переданы въ Государственную Думу. Обсуждался также вопросъ, возникшій по инціативѣ заслуженной ветеранки женскаго вопроса А. П. Философовой, объ учрежденіи женскаго національнаго совѣта, который долженъ объединить всѣ женскія общества для участія въ международномъ союзѣ женщинъ.

Но главной заслугой отдѣла избирательныхъ правъ является созывъ 1-го Всероссійскаго женскаго съѣзда, который состоялся 10 декабря 1908 г. въ Петербургѣ.

Мысль о созывѣ съѣзда дѣятельницъ въ Россіи возникла еще въ 1902 г. и принадлежитъ предсѣдательницѣ русскаго женскаго взаимно-благотворительнаго общества д-ру А. Н. Шабановой. Въ личной аудіенціи у б. министра внутреннихъ дѣлъ В. К. Плеве она получила его принципіальное согласіе на созывъ женскаго съѣзда, который, послѣ длительныхъ и неустанныхъ хлопотъ, былъ разрѣшенъ на 1 іюня 1905 г., но передъ самымъ съѣздомъ петербургскимъ генералъ-губернаторомъ Треповымъ были поставлены организаціонной комиссіи съѣзда такія стѣснительныя требованія, которыя заставили отложить это знаменательное событіе въ жизни русской женщины на неопредѣленное время. Послѣдовавшія затѣмъ событія поставили передъ женщинами новыя задачи, изъ нихъ выдвинули главную — объ избирательныхъ правахъ, вслѣдствіе чего, когда отдѣлъ изби-

рательныхъ правъ при женскомъ обществѣ поднялъ вновь вопросъ о созывѣ съѣзда, то были увеличены и расширены какъ программа его, такъ и доступъ желающихъ принять въ немъ участіе.

1-ый женскій съѣздъ въ Россіи поставилъ себѣ 2 главныя задачи: содѣйствовать объединенію женщинъ въ одномъ стремленіи — завоеванія правъ и представить картину ея дѣятелности въ сферѣ общественной, просвѣтительно-научной и экономической.

Здѣсь не мѣсто касаться въ подробностяхъ картины и содержанія съѣзда, они представлены въ Трудахъ 1-го Всероссійскаго женскаго съѣзда, но нельзя не отмѣтить, что этотъ первый опытъ объединенія женщинъ, привлекшій съ разныхъ концовъ Россіи болѣе 1,000 женщинъ, всколыхнулъ умы, внесъ возбужденіе и привлекъ на себя вниманіе не только русскаго общества, но и заграничныхъ культурныхъ центровъ.

О. А. Шапиръ.

Русская женщина впервые получила возможность высказать все наболѣвшее, связанное съ женской долей, и свободно обсудить въ своей средѣ, что нужно сдѣлать, чтобы снять съ своихъ плечъ вѣковое иго безправія. Политическія и гражданскія права были главнымъ лозунгомъ, подъ знаменемъ котораго шли всѣ доклады и пренія на съѣздѣ. Большинство докладовъ (ихъ было 150), затрагивавшихъ самые разнообразные вопросы и больныя мѣста нашей общественной жизни, отличались серьезной подготовкой, идейнымъ содержаніемъ и большой жизненностью.

Но не только внутренняя сторона, но и внѣшняя картина этого кратковременнаго женскаго парламента, выразившаяся въ отсутствіи личныхъ столкновеній, въ подчиненіи президіуму, въ умѣніи кратко высказываться, доказали на съѣздѣ полную подготовленность русской женщины къ участію въ представительныхъ собраніяхъ. Это впечатлѣніе вынесла не только публика, присутствовавшая на съѣздѣ, но подтвердила вся пресса. Дѣятельное участіе въ организаціи и веденіи съѣзда принимали: извѣстная писательница О. А. Шапиръ, завѣдывавшая редакціоннымъ бюро, и А. В. Тыркова во время съѣзда.

Что касается резолюцій съѣзда, то ихъ было много, — мы приведемъ только общеполитическую, соотвѣтствовавшую же-

ланіямъ и стремленіямъ большинства членовъ съѣзда. Эта резолюція слѣдующаго содержанія:

„Работа 1-го русскаго женскаго съѣзда, посильно освѣтившая какъ политическіе и гражданскіе запросы, такъ и экономическія нужды современной русской женщины, привела съѣздъ къ глубокому убѣжденію, что удовлетвореніе этихъ запросовъ возможно лишь при равноправномъ съ остальными гражданами участіи женщины не только въ культурной работѣ, но и въ политическомъ строительствѣ страны, доступъ къ которому окончательно откроется для женщины лишь при водвореніи демократическаго строя на основаніи всеобщаго избирательнаго права безъ различія пола, вѣроисповѣданія и національности.

„Съѣздъ ставитъ женщинамъ великою цѣлью добываніе этихъ правъ, какъ главнаго орудія для полнаго раскрѣпощенія и освобожденія женской личности.

„Для практическаго осуществленія поставленныхъ передъ нею задачъ женщина должна отдавать свою энергію какъ существующимъ уже общимъ организаціямъ, такъ и созданію отдѣльныхъ женскихъ союзовъ, которые объединятъ и вовлекутъ широкіе круги женщинъ въ сознательную политику и общественную жизнь".

Съѣздъ закончился провозглашеніемъ пожеланія одной изъ участницъ съѣзда объ отмѣнѣ смертной казни, пожеланіемъ, которое было горячо привѣтствуемо присутствовавшими на послѣднемъ общемъ собраніи съѣзда.

1-й Всероссійскій женскій съѣздъ явился показателемъ настроенія и подготовленности русской женщины къ политической жизни. Она вошла въ семью культурныхъ женщинъ міра не въ качествѣ отдѣльной личности, а въ качествѣ общественной коллективной силы.

Ее привѣтствовали какъ таковую всѣ представительницы культурныхъ странъ Европы и Америки, и вся иностранная пресса слѣдила съ интересомъ за ходомъ этого новаго для Россіи выступленія женщинъ на общественной аренѣ.

Однимъ изъ больныхъ вопросовъ, ставящихъ клеймо позора на все человѣчество, является проституція, жертвами которой являются женщины. Борьба съ этимъ зломъ, причины котораго такъ сложны и разнообразны, не могла не войти въ задачи женскаго движенія.

Передовыя представительницы этого движенія горячо откликнулись на призывъ „общества защиты женщинъ" — участвовать въ организованномъ ими 1-мъ Всероссійскомъ съѣздѣ по борьбѣ съ торгомъ женщинъ и его причинами, состоявшагося въ Петербургѣ 21 апрѣля 1910 г. Общество защиты женщинъ, существующее 10 лѣтъ, имѣющее отдѣлы во многихъ городахъ Россіи, дѣятельно борется, подъ предсѣдательствомъ Е. В. принцессы Е. Г. Саксенъ-Альтенбургской, за улучшеніе положенія одинокихъ женщинъ, могущихъ впасть въ развратъ, путемъ устройства общежитій, пріисканіемъ работы, разслѣдованіемъ и прочими благотворительными способами. Въ числѣ пожеланій и резолюцій съѣзда по борьбѣ съ торгомъ женщинъ достойна особаго вниманія резолюція, предложенная д-ромъ М. И. Покров-

ской и принятая большинствомъ, — о необходимости отмѣны позорящаго женское достоинство врачебно-полицейскаго надзора за проституціей, какъ не достигающаго цѣли, а также резолюція, предложенная М. М. Боровитиновымъ, — о закрытіи публичныхъ домовъ.

Главными и радикальными мѣрами борьбы съ проституціей, причинами которой, кромѣ физіологическихъ и психологическихъ, служатъ экономическія и соціальныя условія, могутъ служить: поднятіе экономическаго положенія и культурнаго уровня трудящихся женщинъ, охрана материнства, уравненіе заработка работницъ съ рабочими и устройство кассъ, обществъ взаимопомощи и т. п. И пока не измѣнятся общія условія женскаго труда, пока заработокъ рабочей женщины будетъ стоять такъ же низко, проституція не перестанетъ привлекать своихъ жертвъ, предлагая заманчивое избавленіе отъ тяжелой жизни. Средствомъ же добиться этого уравненія можетъ служить только достиженіе женщинами права голоса въ выработкѣ законовъ, права говорить о своихъ нуждахъ и возможность отстаивать справедливость своихъ требованій. Такъ думаютъ женщины, серьезно относящіяся къ борьбѣ съ проституціей, борьбѣ съ соціальнымъ и экономическимъ зломъ, и въ этомъ смыслѣ онѣ высказывались на съѣздѣ.

Е. А. Чебышева-Дмитріева.

Въ послѣднее время русскія женщины приняли активное участіе въ борьбѣ и съ другимъ общественнымъ зломъ, не менѣе грознымъ по своимъ послѣдствіямъ, — съ алкоголизмомъ. Кромѣ участія въ смѣшанныхъ обществахъ, борящихся съ этимъ пагубнымъ эксцессомъ, кружокъ женщинъ, во главѣ съ Е. А. Чебышевой-Дмитріевой, образовалъ спеціальное общество для борьбы съ алкоголизмомъ женщинъ и дѣтей. Общество только начинаетъ свою дѣятельность, результаты которой выяснятся въ будущемъ.

. . . .

Мой очеркъ не былъ бы законченъ, если бы я не упомянула о работѣ женщинъ, какъ благотворительницъ.

Но эта единственная сфера, въ которой женщинѣ открыты всѣ пути и въ которой она гостепріимно принята, такъ широка,

и русская женщина проявила въ ней такое дѣятельное участіе, что для этого потребовалась бы отдѣльная и обширная статья. Благотворительность составляетъ для женщины и потребность, и возможность отдать свои незанятыя силы и взамѣнъ получить извѣстное нравственное удовлетвореніе.

Рядомъ съ беззавѣтнымъ и самоотверженнымъ служеніемъ этому дѣлу, въ видѣ частной благотворительности, въ формѣ заботъ и о женщинахъ, и о дѣтяхъ, и о больныхъ и увѣчныхъ, и о всѣхъ нуждающихся въ помощи, женщина русская откликалась и на всѣ общественныя бѣдствія: шла кормить голодныхъ во время бѣдствія голода, вступала въ ряды сестеръ милосердія во время войны, работала въ качествѣ врача и фельдшерицы въ борьбѣ съ эпидеміями, и горячо отдавала свои силы, гдѣ могла, на просвѣщеніе темнаго народа. Наши сельскія учительницы, въ ряды которыхъ шли и идутъ по призванію женщины даже съ высшимъ образованіемъ, научили читать русскій народъ и заслужили столь почетную репутацію, работая въ стѣснительныхъ и тяжелыхъ условіяхъ, получая грошевое вознагражденіе, что ихъ можно и слѣдуетъ признать идейными и самоотверженными просвѣтительницами народа.

Княжна М. М. Дондукова-Корсакова.

Городскія первоначальныя школы находятся почти исключительно въ вѣдѣніи женщинъ, которыя, посвящая себя этой профессіи, должны отказаться отъ радостей семейной жизни. По постановленію Петербургской городской думы городскія учительницы не имѣютъ права выходить замужъ. Противъ этого жестокаго и неосновательнаго постановленія поднимали голосъ многія женскія организаціи, но эти протесты остались безъ результата, и учительницы городскихъ школъ попрежнему осуждены на безбрачіе.

Много на Руси труженицъ, которыя незамѣтно содѣйствуютъ женскому движенію, работая на различныхъ поприщахъ и прокладывая дорогу другимъ, но есть и громкія имена, особенно

выдѣлившіяся своей дѣятельностью на томъ или другомъ поприщѣ. Нельзя не упомянуть о недавно умершей княжнѣ Маріи Михайловнѣ Дондуковой-Корсаковой, которая всю свою жизнь посвятила облегченію нравственныхъ страданій узниковъ, страждущихъ въ тюрьмахъ. Желаніе княжны проникнуть для этой цѣли въ Шлиссельбургскую крѣпость встрѣтило со стороны властей отказъ, и лишь послѣ ея усиленной просьбы — заключить ее въ крѣпость, ей разрѣшили навѣщать во всякое время заключенныхъ, которымъ она доставляла радостныя минуты своимъ чистымъ, истинно-религіознымъ духомъ и полнымъ самоотреченіемъ. Ею же была основана въ Псковской губерніи община сестеръ милосердія изъ крестьянскихъ женщинъ для облегченія борьбы съ сифилитическими заболѣваніями среди сельскаго населенія.

Въ рядахъ замѣчательныхъ русскихъ женщинъ послѣдняго времени, въ теченіе 40 лѣтъ посвятившей себя изученію русской исторіи и напечатавшей много цѣнныхъ трудовъ по изслѣдованію общины, обычнаго права и положенія женщины въ крестьянской средѣ, стоитъ преподавательница высшихъ женскихъ курсовъ въ Петербургѣ А. Я. Ефименко, первая женщина въ Россіи, удостоенная званія доктора исторіи honoris causa. Это событіе праздновалось торжественно 28 октября 1910 г. какъ слушательницами А. Я. Ефименко, такъ и всѣми сочувствующими культурному и научному движенію женщинъ.

Однимъ изъ вопросовъ, особенно горячо затронувшихъ вниманіе и возбудившихъ сильное сочувствіе русскихъ женщинъ всѣхъ сословій, былъ вопросъ о разоруженіи, о водвореніи международнаго мира. Когда въ 1899 г., по иниціативѣ Его И. В. Государя Императора Николая II, приступлено было къ созыву 1-ой Гаагской мирной конференціи, кружокъ женщинъ въ Петербургѣ образовалъ подъ предсѣдательствомъ А. Н. Шабановой, комитетъ лиги мира, который собралъ подъ выработанной имъ резолюціей около 50,000 сочувствующихъ подписей, обмѣнялся привѣтствіями съ представительницами всѣхъ заграничныхъ лигъ мира и устроилъ 18 мая (въ день открытія Гаагской конференціи) грандіозную манифестацію въ пользу мира въ залѣ Петербургской городской думы. Резолюція русскихъ женщинъ была отправлена комитетомъ въ Гаагу.

Это было первое объединеніе русскихъ женщинъ съ женщинами всѣхъ странъ и первая попытка объединить женщинъ всѣхъ классовъ Россіи однимъ общимъ лозунгомъ: „долой оружіе“. Въ числѣ подписей подъ резолюціей было очень много, принадлежавшихъ крестьянкамъ.

Женская Русская лига мира выступала еще разъ съ обращеніемъ къ королевѣ Викторіи, во время войны съ бурами, но затѣмъ была закрыта по офиціальнымъ причинамъ.

Единодушное сочувствіе, проявленное женщинами идеѣ водворенія мира, наводитъ на мысль, что когда женщины добьются права голоса въ законодательномъ собраніи, однимъ изъ дѣйствительныхъ требованій, однимъ изъ настоятельныхъ вопросовъ, который онѣ поставятъ на очередь, будетъ вопросъ о прекращеніи ужасовъ войны, о замѣнѣ ея мирнымъ арбитражемъ.

Заканчивая краткій обзоръ дѣятельности русскихъ женщинъ и женскаго движенія, нельзя не признать, что количество выдающихся женщинъ увеличивается съ каждымъ годомъ, но большинство женщинъ въ массѣ относится еще довольно равнодушно къ требованіямъ идущихъ впереди, къ требованіямъ торжества справедливости.

Какія же главныя препятствія предстоитъ преодолѣть и какими путями слѣдуетъ идти, чтобы достигнуть идеала стремленій женщинъ — полноправія?

Въ числѣ препятствій однимъ изъ главныхъ являются сами женщины, изъ которыхъ однѣ, счастливыя и благополучныя, глухи къ интересамъ ихъ обездоленныхъ сестеръ; запертыя въ клѣткѣ эгоистическихъ интересовъ, онѣ довольствуются этимъ положеніемъ и съ насмѣшкой относятся къ такъ называемой политикѣ женскаго вопроса; другія — не сознательныя, несущія молча и терпѣливо ярмо своего подчиненія и не думающія о протестѣ и освобожденіи; третьи — вполнѣ индифферентныя ко всѣмъ общественнымъ вопросамъ, и, наконецъ, существуютъ и убѣжденныя противницы женскаго равноправія.

Пробудить самосознаніе у такихъ женщинъ, привить имъ интересъ къ общей великой цѣли и пріобщить ихъ къ женскому движенію составляетъ одну изъ задачъ идейныхъ женскихъ организацій.

Вторымъ препятствіемъ, тормозящимъ женское движеніе, составляетъ такъ называемый сильный полъ. Не тѣ просвѣщенные мужчины, друзья женщинъ, которые, вѣря въ ихъ силы и способности, идутъ съ ними рядомъ въ борьбѣ противъ ограниченія правъ одного пола передъ другимъ и ратуютъ открыто за женщинъ, но то громадное большинство, которое признаетъ женщину за низшее существо, не способное подняться до высоты служенія общечеловѣческимъ интересамъ.

Для того, чтобы признать въ женщинѣ человѣка равнаго себѣ, одни мужчины требуютъ отъ нея героическихъ подвиговъ, другіе — исполненія воинской повинности, третьи прикрываютъ свое отрицательное отношеніе галантными фразами, что женщины и безъ правъ управляютъ мужчинами, четвертые относятся къ этому вопросу съ ироніей и даже цинизмомъ.

Въ основѣ всѣхъ этихъ взглядовъ лежитъ предубѣжденіе, ложное „мужское" самолюбіе и предвзятое игнорированіе фактовъ.

Среди женщинъ не мало было и есть борцовъ за общечеловѣческіе идеалы, женщина несетъ повинность дѣторожденія, болѣе тяжелую, чѣмъ воинская, а свой героизмъ русская женщина доказала, жертвуя своей жизнью за идею и самоотверженно отдавая свои силы общественнымъ бѣдствіямъ, какъ война, голодъ, эпидеміи...

Средствомъ для борьбы съ воззрѣніями мужчинъ можетъ служить подготовленіе юношества, путемъ воспитанія въ подрастающихъ поколѣніяхъ сознанія равенства всѣхъ людей, въ реформѣ семьи, а также въ неустанной борьбѣ съ укоренившимися предвзятыми „мужскими" взглядами организованной серьезной работой.

На одномъ изъ международныхъ женскихъ конгрессовъ я была свидѣтельницей, какъ почтенные нѣмцы, читая въ газетахъ

рѣчи своихъ женъ, выражали сильное изумленіе, что они и не подозрѣвали, что ихъ жены такія умныя.

Въ связи съ отношеніемъ мужчинъ къ такъ называемому женскому вопросу стоитъ наше законодательство, созданное ими. Наши русскіе законы лишаютъ женщину даже въ отводимой ей спеціальной области — семьѣ, самыхъ примитивныхъ правъ человѣка: права на свободное передвиженіе, права на трудъ, подчиняя ее всецѣло волѣ мужа.

Такое же отношеніе нашего устарѣвшаго законодательства является и въ наслѣдственномъ правѣ, всѣ преимущества котораго предоставлены мужчинѣ; вопросы брачнаго сожительства, о правѣ на разводъ, о принадлежности дѣтей всей тяжестью обрушиваются на женщину. Въ правахъ гражданскихъ она ограничена, политическихъ она не имѣетъ вовсе. Но, говорятъ женщины, требующія справедливости: если женщина русская не имѣетъ голоса ни въ мѣстномъ самоуправленіи, ни въ политической жизни страны, если она не можетъ избирать сама лицъ, которымъ довѣряетъ, лишена права обсужденія вопроса о войнѣ, на которую она отдаетъ своихъ дѣтей, если заработокъ ея цѣнится ниже, чѣмъ мужчины, почему же ее обязываютъ платить тѣ же налоги и подати, которыя платитъ онъ, почему она подвергается тѣмъ же наказаніямъ, взысканіямъ и карамъ, какъ обладающій правами гражданинъ?.. Равныя обязанности должны сопровождаться равными правами, но этотъ нравственный принципъ не примѣняется къ женщинѣ, на ней лежатъ только обязанности.

Основной принципъ общаго ученія о соціальной справедливости состоитъ въ томъ, что нормы права должны быть одинаковы для всѣхъ людей; отступленія отъ этого принципа допускаются лишь тогда, когда это требуется во имя общаго блага. Возможно ли допустить, что безправное положеніе женщинъ вызываетъ нарушеніе этого принципа въ интересахъ всего соціальнаго организма?

Женщины, добившіяся съ большимъ трудомъ высшаго образованія, выдержавшія экзаменъ на доктора правъ, получившія званіе приватъ-доцента, къ практической дѣятельности по ихъ спеціальности не допускаются, какъ это доказываютъ недавніе случаи съ г-жами Данчаковой и Флейшицъ.

Единственнымъ средствомъ для того, чтобы женщина сдѣлалась реальной силой въ общественной и государственной жизни, можетъ служить организованное женское движеніе, объединеніе въ стремленіи къ полученію избирательныхъ правъ. Концентрація силъ на одномъ стремленіи является важнымъ факторомъ каждаго идейнаго и практическаго движенія.

Только неумолкаемымъ, настойчивымъ напоминаніемъ, постояннымъ требованіемъ самаго главнаго, а именно избирательныхъ правъ, можно добиться частичныхъ уступокъ, на которыхъ нельзя успокаиваться, а продолжать работу дальше. Этотъ принципъ долженъ быть въ основѣ цѣли. Средствомъ же для ея достиженія можетъ служить объединеніе силъ, въ формѣ организаціи женскихъ обществъ, клубовъ, союзовъ, отдѣловъ, имѣющихъ сношенія между собой, на обязанности которыхъ должно лежать — слѣдить за успѣхами женскаго движенія

какъ за границей, такъ и въ Россіи, и пользоваться удобными моментами для возвышенія голоса въ административныхъ и общественныхъ сферахъ. Связующимъ цементомъ всѣхъ однородныхъ организацій въ борьбѣ за права могутъ быть съѣзды, устраиваемые по мѣрѣ возможности для этой цѣли.

Одни прекрасныя слова не подвинутъ дѣла впередъ, это можетъ сдѣлать только послѣдовательная, основанная на ясномъ сознаніи работа, одухотворенная чистыми цѣлями достиженія справедливости, если не въ настоящемъ, то въ будущемъ.

Но не слѣдуетъ закрывать глаза на величайшую трудность всякой работы, если она осложняется партійными разногласіями, которыя разъединяютъ силы. но но объединяютъ ихъ.

Принесенныя намъ съ запада раздѣленія на „феминистокъ“, „буржуазныхъ женщинъ“ и „пролетарокъ“ уже оказали свое вредное вліяніе на единство женскаго движенія въ Россіи, обнаружившееся отчасти и на 1-мъ Всероссійскомъ женскомъ съѣздѣ.

Какъ ни различны по своему положенію представительницы этихъ наименованій, но цѣли равноправія должны бы быть общи для всѣхъ женщинъ, какихъ бы убѣжденій онѣ ни держались, къ какимъ бы классамъ ни принадлежали: по идеѣ женское движеніе не можетъ быть ни буржуазнымъ, ни пролетарскимъ, — оно какъ свобода — необходимо для всѣхъ порабощенныхъ, — и вокругъ этой идеи должны были бы сгруппироваться всѣ жаждущія освобожденія. Женщины не должны повторять ошибокъ мужчинъ, но, наученныя опытомъ „старшихъ“, проводить реформы не въ исключительно партійномъ духѣ, а путемъ общепартійнаго соглашенія. Борьба за право голоса, какъ орудіе защиты правъ женщины, не должна разсматриваться съ точки зрѣнія классоваго или партійнаго интереса, но какъ средство освобожденія половины человѣчества.

Несправедливъ упрекъ, часто раздающійся по адресу женщинъ, борящихся за равноправіе, что ихъ объединеніе ведетъ къ обособленности отъ мужчинъ, и что избирательныя права составляютъ конечную цѣль ихъ стремленій...

Обособленность женщинъ есть явленіе вынужденное, временное, вызванное условіями того особаго положенія, въ которое поставлены женщины ихъ безправіемъ; полученіе избирательныхъ правъ не составляетъ конечной цѣли, а послужитъ средствомъ для участія на равныхъ правахъ въ общей культурной работѣ страны на пользу человѣчества.

Для того, чтобы русскія женщины пользовались одинаковыми условіями для участія въ общественной жизни, всѣ ограниченія въ гражданскихъ и политическихъ правахъ должны быть уничтожены, женщинѣ долженъ быть открытъ свободный доступъ ко всѣмъ профессіямъ, къ высшему образованію. и трудъ ея долженъ цѣниться по одной нормѣ съ мужскимъ.

На это отвѣчаютъ: женщины не подготовлены къ участію въ политической жизни страны. Но кто же производилъ экзаменъ на ихъ подготовленность? И развѣ всѣ мужчины подготовлены?

Тѣмъ не менѣе въ сосѣдней намъ Финляндіи, гдѣ каждая женщина обладаетъ избирательнымъ правомъ и гдѣ дана возможность проявить самодѣятельность женщинѣ, число избираемыхъ въ сеймъ депутатокъ увеличивается съ каждой сессіей, и

жалобъ на ихъ неподготовленность къ политической дѣятельности не слышно.

Въ Россіи вопросъ о правахъ женщинъ представляется однимъ изъ печальныхъ вопросовъ. Даже въ минуты сильнѣйшаго подъема духа, когда возбуждались самые живые и смѣлые вопросы, вопросъ о правахъ женщинъ откладывался, — его считали осложненіемъ и несвоевременнымъ. „Несвоевременность“ осталась и можетъ быть вѣчной, если сами женщины не вступятъ на путь широкой, организованной и солидарной работы, которая заключаетъ въ самой себѣ залогъ своего успѣха.

Попытки въ этомъ направленіи уже сдѣланы, и первымъ шагомъ на этомъ сознательномъ пути явился 1-й Всероссійскій женскій съѣздъ, девизомъ котораго служило: „равныя обязанности и равныя права“, и который далъ могучій толчокъ женскому движенію въ Россіи.

Съѣздъ оставилъ наслѣдіе — выполненіе тѣхъ начертаній, которыя онъ вынесъ въ видѣ резолюцій, какъ результатъ совмѣстной работы. И эти постановленія служатъ въ настоящее время канвой для разработки вопросовъ, самыхъ насущныхъ въ жизни женщины. Къ нимъ относятся въ первую очередь: уравненіе въ правахъ наслѣдства женщинъ съ мужчинами, право раздѣльнаго жительства супруговъ, допущеніе женщинъ въ университеты на равныхъ правахъ съ мужчинами, участіе женщинъ въ городскомъ и земскомъ самоуправленіи.

Отдѣлъ избирательныхъ правъ при русскомъ женскомъ взаимно-благотворительномъ обществѣ въ Петербургѣ выработалъ законопроекты по двумъ первымъ вопросамъ, которые передалъ въ Государственную Думу; общество кавказскихъ женщинъ возбудило назрѣвшій вопросъ объ участіи женщинъ въ мѣстномъ самоуправленіи; женская прогрессивная партія присоединила свое ходатайство о допущеніи женщинъ во всѣ университеты.

Какъ рѣшатся эти вопросы въ законодательномъ собраніи, при настоящемъ его составѣ и въ наше неблагопріятное для всякой иниціативы время — трудно предугадать, но женщина русская преодолѣла уже столько препятствій въ своей борьбѣ за право учиться, за право жить человѣческой жизнью, что разъ начатое дѣло не можетъ остановиться и разгорѣвшееся пламя трудно потушить.

Тяжкими, героическими усиліями отвоевала себѣ русская женщина нѣкоторыя права на самостоятельный трудъ и на право образованія, и она не можетъ остановиться на полпути и будетъ отвоевывать все то, что ей принадлежитъ, какъ человѣку.

Идея женскаго освобожденія пустила уже глубокіе корни въ нашу почву, и хотя предстоитъ преодолѣть еще громадныя затрудненія, но вѣра въ грядущую побѣду придаетъ борящимся такъ много крѣпости духа, которую не могутъ сломить никакія внѣшнія неудачи.

На мѣсто однихъ, выбывающихъ съ позиціи, явятся другія, которыя съ тѣмъ же энтузіазмомъ будутъ продолжать дѣло своихъ предшественницъ, начертавъ на своемъ знамени: „достиженіе или вѣчная борьба“.

